This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

AF345
.S5

PROPERTY OF
University of Michigan Libraries
1817
ARTES SCIENTIA VERITAS

СОЧИНЕНІЯ

НИКОЛАЯ САВВИЧА

ТИХОНРАВОВА

Tikhonravov, Nikolai Savvich. 1832-1893.

СОЧИНЕНІЯ

Н. С. ТИХОНРАВОВА

ТОМЪ ТРЕТІЙ, ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XVIII и XIX ВВ.

МОСКВА
ИЗДАНІЕ М. И С. САВАШНИКОВЫХЪ
1898

891.79
T568
1898
v.3, pt.1

ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА
ЛЕОНТЬЕВСКІЙ ПЕРЕУЛОКЪ, Д. МАМОНТОВА

61-107978

Въ третьемъ томѣ сочиненій Тихонравова, согласно съ планомъ всего изданія, помѣщены изслѣдованія и статьи по исторіи русской литературы XVIII и XIX вв., какъ напечатанныя самимъ Тихонравовымъ при жизни, такъ и найденныя въ подлинникахъ въ собраніи его рукописей. Пользованіе рукописями не только доставило возможность сдѣлать нѣкоторыя исправленія и дополненія въ печатныхъ статьяхъ Тихонравова, но и дало доселѣ ненапечатанныя статьи. Здѣсь прежде всего надо назвать статью о Жуковскомъ, которая представляетъ много новаго, какъ въ общей оцѣнкѣ поэта, такъ и въ отдѣльныхъ подробностяхъ; она тѣмъ интереснѣе, что о Жуковскомъ Тихонравовъ самъ не напечаталъ ни одной статьи. Изъ рукописей также извлечены біографія Кострова и (во 2-й части III тома) статья „Гоголь и Пушкинъ", двѣ статьи о Гнѣдичѣ, а также студенческія работы Тихонравова—„Обзоръ переводовъ Гомера на русскій языкъ" и „О заимствованіяхъ русскихъ писателей". Кромѣ названныхъ статей, третій томъ впервые, можно сказать, знакомитъ читателей съ написанною Тихонравовымъ біографіей Новикова: интересная работа эта была отпечатана въ 1855 г. для книги „Біографическая лѣтопись питомцевъ Московскаго университета", которая не была окончена и въ свѣтъ не выходила, а сохранилась въ очень немногихъ экземплярахъ, такъ что статья о Новиковѣ оставалась даже въ ученомъ мірѣ почти совсѣмъ неизвѣстною.

По плану, составленному для третьяго тома, основной текстъ его состоитъ изъ наиболѣе крупныхъ и цѣльныхъ статей Тихонравова, имѣющихъ самостоятельное значеніе; работы болѣе мелкія, библіографическіе отзывы, статьи, найденныя въ рукописи въ неотдѣланномъ видѣ или въ небольшихъ отрывкахъ, наконецъ, нѣкоторыя его студенческія работы рѣшено было отнести въ приложеніе. Такъ, напр., статья (рѣчь)

„О литературной дѣятельности Ломоносова“ открываетъ собою текстъ третьяго тома, а три другія статьи о Ломоносовѣ—„О Смирдинскомъ изданіи сочиненій Ломоносова“ („Московскія Вѣдомости“, 1853 г.), „Для біографіи Ломоносова“ („Москвитянинъ“, 1853 г.) и „Возраженія на замѣчанія г. Галахова“ („Отечественныя Записки“, 1854 г.) отнесены въ приложенія. Въ виду значительнаго объема третьяго тома, приложенія и дополненія для удобства печатаются отдѣльно и составляютъ 2-ю часть этого тома.

Въ эту вторую часть войдутъ слѣдующія статьи: три названныя статьи о Ломоносовѣ, предисловія къ напечатаннымъ матеріаламъ о Кантемирѣ, Сумароковѣ и пр., рецензія на Смирдинское изданіе соч. Фонъ-Визина, на „Матеріалы для исторіи русской литературы“ П. А Ефремова, замѣтки о рѣдкой книгѣ, замѣтки по поводу изданій Пушкина, Дельвига, статья о біографіи Гоголя, рецензія на книгу Сушкова о благородномъ пансіонѣ, статьи о Шевыревѣ, Григоровичѣ, Пироговѣ; изъ рукописей будутъ напечатаны: двѣ статьи о Гнѣдичѣ, рѣчь 1887 г. „Пушкинъ и Гоголь“ и нѣкоторыя другія. Тутъ же будутъ помѣщены первая печатная статья Тихонравова „Кай Валерій Катуллъ и его произведенія“ и выше уже названныя двѣ студенческія его диссертаціи „О заимствованіяхъ русскихъ писателей“ и „Обзоръ переводовъ Гомера“.

Во 2-й части третьяго тома будутъ также напечатаны статьи Тихонравова о Шекспирѣ и о Данте.

Подстрочныя примѣчанія статей Тихонравова перенесены въ конецъ книги, съ общею нумераціею для всѣхъ ссылокъ всякой статьи. Въ тѣхъ случаяхъ, когда къ примѣчаніямъ Тихонравова приходилось прибавлять еще дополнительныя и пояснительныя примѣчанія,—главнымъ образомъ объ изданіяхъ, вышедшихъ въ свѣтъ послѣ написанія той или другой статьи Тихонравова,—эти добавленія помѣщены подъ тою же общею нумераціею ссылокъ, но они всегда заключены въ прямыя скобки—[ ]. Въ началѣ примѣчаній къ каждой статьѣ даны краткія библіографическія указанія.

В. Якушкинъ.

10 декабря 1897 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЕРВОЙ ЧАСТИ ТРЕТЬЯГО ТОМА.

	Текстъ	*Прим.*
О литературной дѣятельности Ломоносова.	1	*1*
Къ исторіи Московскаго университета:		
I. Профессоръ Ѳ. Г. Баузе.	11	*2*
II. Профессоръ І. Ѳ. Буле.	29	*4*
III. Профессоръ І. М. Шаденъ.	44	*5*
IV. Профессоръ И. Г. Шварцъ	60	*7*
Исторія изданія „Опыта о человѣкѣ“ въ переводѣ Поповскаго.	82	*10*
Д. И. Фонъ-Визинъ.	90	*13*
Н. И. Новиковъ	130	*20*
В. Г. Рубанъ.	163	*24*
Е. И. Костровъ	182	*26*
Литературныя мелочи неурожайнаго года	195	*28*
Былины по рукописямъ XVIII вѣка	216	*33*
„Мелочи изъ запаса моей памяти“ Мих. Дмитріева	234	*39*
Четыре года изъ жизни Карамзина	258	*44*
Кіевскій митрополитъ Евгеній Болховитиновъ	276	*45*
Графъ Ѳ. В. Растопчинъ и литература въ 1812-мъ году . .	305	*51*
В. А. Жуковскій.	380	*58*
А. С. Пушкинъ	504	*84*
М. С. Щепкинъ и Н. В. Гоголь.	530	*86*
Первое представленіе „Ревизора“ на Московской сценѣ . .	560	*90*
И. С. Тургеневъ въ Московскомъ университетѣ	585	*94*

О ЛИТЕРАТУРНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ЛОМОНОСОВА.

Съ именемъ Ломоносова приговоръ нашихъ предковъ, голосъ исторіи, соединилъ названіе „отца“ нашей новой литературы,

Что̀ чистый слогъ стиховъ и прозы ввелъ въ Россію.

До-петровская литература, замкнутая въ сферѣ религіозной и сжатая господствомъ церковнаго авторитета, признавала своимъ языкомъ церковно-славянскій, а не русскій. Россіи новой, сбросившей съ себя иго средневѣковаго авторитета и смѣло вступившей въ общеніе съ общечеловѣческими началами европейской образованности, нуженъ былъ иной литературный языкъ,— языкъ, выработанный изъ богатыхъ и обильныхъ стихій роднаго слова. Освобожденіе русскаго народа къ новой, независимой духовной жизни вызывало созданіе русскаго литературнаго языка Эту великую историческую задачу исполнилъ Ломоносовъ.

Русская литература въ первой четверти XVIII вѣка представляла оригинальную смѣсь средневѣковыхъ началъ съ новыми. Западно-русскіе и южно-русскіе ученые принесли ко двору московскихъ государей образцы придворной лирики, господствовавшей въ польской литературѣ, которая измельчала въ XVII вѣкѣ подъ перомъ послѣдователей Кохановскаго. Изъ Польши же перешли къ московскому двору средневѣковыя мистеріи и рыцарскіе романы, на европейскомъ Западѣ давно уже вымершіе или спустившіеся въ кругъ простонароднаго

чтенія. Время Петра Великаго не внесло много новаго въ русскую литературу; латино-польское направленіе XVII столѣтія продолжалось въ ней. Интересы изящной литературы, интересы поэзіи оттѣснены были въ эпоху Петра Великаго на задній планъ; первое мѣсто отдано литературѣ учебной, педагогической, въ обширномъ смыслѣ этого слова. Петръ—средоточіе и глава ученой и учебной литературы: всѣ книги, изданныя при немъ, переведены или сочинены „по царскаго Величества указу". Въ этой литературѣ господствуетъ полный эклектизмъ: Петръ приказывалъ переводить книги съ голландскаго, съ итальянскаго, нѣмецкаго и латинскаго. Бироновщина и все тяжелое десятилѣтіе, послѣдовавшее за смертію Екатерины I, такъ мало связанное съ истинными интересами русскаго народа и государства, подавили собою развитіе русской литературы: для придворнаго развлеченія призвана была итальянская опера, произведенія которой перелагались часто въ неуклюжую русскую прозу. Лучшимъ представителемъ этого антилитературнаго и антинаціональнаго времени былъ Тредьяковскій, который боялся даже писать похвальныя оды съ миѳологическими именами и долженъ былъ доказывать читателю, „что христіанамъ нѣтъ въ нихъ никакого повода къ соблазну", и увѣрять, что слово *Купидонъ*, употребленное имъ въ одной элегіи, „не долженствуетъ къ соблазну дать причины жестокія добродѣтели христіанину: понеже оно тутъ не за поганскаго Венерина выдуманнаго сына пріемлется, но за пристрастіе сердечное, которое въ законной любви и за великую свою горячесть хулимо быть никогда нигдѣ еще не заслужило".

Разрозненные элементы различныхъ литературъ и различныхъ эпохъ носили на себѣ печать своего неодинаковаго и несроднаго русскому обществу происхожденія. Чуждое стихосложеніе силлабическое, роднившее схоластическія вирши Симеона Полоцкаго и его послѣдователей съ сатирами Кантемира и похвальною одой Тредьяковскаго, дико звучало для русскаго уха. Въ похвальныхъ одахъ Полоцкаго стихъ церковно-славянскій чередовался съ стихомъ польскимъ, и языкъ православнаго богослуженія вступалъ въ насильственный союзъ съ языкомъ католической страны. Въ русской литературѣ перваго со-

рокалѣтія XVIII вѣка господствовали всевозможные варваризмы, „дикія нелѣпости слóва“, по выраженію Ломоносова; русская литература этого времени не говорила еще русскимъ языкомъ. Эта литературная разноголосица наконецъ улеглась; новое направленіе въ русской словесности получило единство, крѣпость и ввело Россію въ ближайшія сознательныя отношенія къ просвѣщенію и жизни Европы, благодаря дѣятельноети Ломоносова; онъ далъ нашей литературѣ ту централизацію, которую государство получило отъ Петра Великаго.

Новая русская литература, какъ и новая западно-европейская, началась теоріей, правилами. „Понеже наше стихотворство (говорилъ Ломоносовъ) только лишь начинается, того ради, чтобъ ничего неугоднаго не ввести, а хорошаго не оставить, надобно смотрѣть, кому и въ чемъ лучше послѣдовать“. Основныя черты литературной теоріи Ломоносова не принадлежатъ Россіи: вступая въ періодъ новаго литературнаго развитія, послѣдняя порывала свои связи съ средними вѣками тѣмъ же путемъ, какъ и литературы западно-европейскія,—путемъ подражанія классической древности. Въ то время, какъ Ломоносовъ слушалъ у Вольфа математику и физику, въ Германіи безусловно господствовала теорія Готтшеда, противъ которой еще не начинали полемики швейцарцы—Бодмеръ и Брейтингеръ. Подобно Ломоносову, воспитанный философіею Вольфа съ ея строго-послѣдовательною математическою методой, Готтшедъ рано сроднился съ стихотворствомъ Каница и Бессера, которые осуществили въ своихъ произведеніяхъ ложноклассическую теорію Буало, и одинъ изъ первыхъ заговорилъ въ Германіи о необходимости теоріи поэзіи и краснорѣчія. Чтобы указать способъ „очистить и *создать языкъ для прозы и особенно поэзіи*“, Готтшедъ издалъ „Подробную риторику“ (Ausführliche Redekunst). Въ ней онъ формулировалъ въ систему главныя положенія ложноклассической піитики въ томъ видѣ, какъ вырабатывалась она съ эпохи возрожденія. Провозвѣстникъ ложнаго классицизма Дю-Белле, выступивъ на „защиту французскаго языка“, доказывалъ, что этотъ языкъ пользуется незаслуженнымъ презрѣніемъ, сравнительно съ языками классическими: „онъ нуждается только въ обработкѣ и украшеніи“; путь къ тому—подражаніе древнимъ

греческимъ и римскимъ образцамъ: „заимствованіе есть источникъ краснорѣчія“. Готтшедъ ставитъ нѣмецкой литературѣ для подражанія тѣ же образцы, прибавляя къ нимъ и произведенія французскаго псевдоклассицизма. Нѣмецкіе поэты, подражавшіе этимъ произведеніямъ, являются идеалами Готтшеда. „Золотаго вѣка нашей поэзіи,—говоритъ онъ,—мы должны искать въ тѣхъ временахъ, когда жили и писали Бессеръ, Каницъ, Нейкирхъ и Гюнтеръ“.

Вотъ въ какую сторону обращалъ силы Ломоносова, воспитаннаго схоластическою риторикою Спасскихъ школъ, глава господствовавшей въ Германіи теоріи искусства. Ломоносовъ принялся за изученіе Гюнтера, и нѣкоторыя строфы и пріемы послѣдняго повторились въ первой торжественной одѣ Ломоносова, написанной за границею. Первая часть Ломоносовской риторики, „показующая общія правила *обоего краснорѣчія*, то есть, ораторіи и поэзіи“, перенесла теорію Готтшеда на русскую почву; не только существенныя положенія Готтшеда строго удержаны Ломоносовымъ, въ ней переведены буквально цѣлые отрывки изъ теоріи краснорѣчія Готтшеда. „Къ пріобрѣтенію краснорѣчія, говорилъ Ломоносовъ, требуется изученіе правилъ и подражаніе знатныхъ авторовъ“. Этихъ знатныхъ авторовъ давала Ломоносову

Древность, славная пречудными дѣлами.

Онъ въ „Петріадѣ“ „шелъ во слѣдъ Виргилію и Гомеру“. „Правила поэзіи (училъ Готтшедъ) извлекаются изъ разума и природы. Образцы и правила древнихъ обязательны не потому, что они коренятся въ древности, но потому, что они имѣютъ прочную и необходимую основу въ природѣ вещей“. Ломоносовъ, какъ и Готтшедъ, такъ же признаетъ въ древности эту вѣрность истинѣ и природѣ.

Открой мнѣ бытія, о древность, времена;
Ты разностью вещей и чудныхъ дѣлъ полна.
Съ натурой сродна ты, а мнѣ натура—мать;
Въ тебѣ я знанія и въ оной тщусь искать.

Но древность представлялась и Готтшеду, и Ломоносову въ томъ же видѣ, какъ и французскому псевдоклассицизму.

Послѣдній былъ идеаломъ Ломоносова, который жалѣлъ, что дѣло Петра Великаго не продолжалось при его преемникахъ до императрицы Елизаветы; иначе

Давно бъ Семвана постыдилась
Съ своимъ искусствомъ предъ Невой!

Въ Гомерѣ и Овидіи Ломоносовъ видѣлъ „высокопарныя мысли, похвальныя во всѣ вѣка и отъ всѣхъ народовъ почитаемыя“ [1]. Пиндаръ и Малербъ служили литературными образцами торжественной одѣ Ломоносова, условливая собою ея внѣшность, ея форму. „Поэзія, по теоріи Готтшеда, должна имѣть цѣлью нравоученіе: она обогащаетъ насъ знаніями и нравственными сентенціями“. Объ одной вещи (утверждаетъ Ломоносовъ) можно писать и прозой, и стихами. „Ежели кто имѣетъ большее познаніе настоящихъ и предшедшихъ вещей, то есть, чѣмъ искуснѣе въ наукахъ, у того большее есть изобиліе матеріи къ краснорѣчію“. Поэзія Ломоносова и въ содержаніи, и въ формѣ носитъ ученый характеръ. Онъ „сходилъ съ Парнасскихъ горъ“ и на-время „прилагалъ весь свой трудъ“ къ стеклу,

которое о истинѣ увѣритъ насъ,
Ужасный будетъ ли безбѣденъ грома гласъ.

Результаты своихъ химическихъ и физическихъ опытовъ онъ въ свою очередь возносилъ на Парнасскія горы, воспѣвая свойства стекла или явленія электричества. Парнассъ отождествлялся для Ломоносова съ университетомъ, поэзія съ наукой.

О коль красно цвѣтетъ Парнассъ въ твоей тѣни,

писалъ онъ И. И. Шувалову.

Для Ломоносова не было болѣе благодарнаго поэтическаго содержанія, чѣмъ эти медленные успѣхи просвѣщенія въ Россіи, къ которымъ онъ такъ страстно и напряженно приглядывался. Его ода всегда настроена на важный, торжественный ладъ:

Мнѣ струны по неволѣ
Звучатъ геройскій шумъ...
Хоть нѣжности сердечной
Въ любви я не лишенъ,
Героевъ славой вѣчной
Я больше восхищенъ.

Легкія стихотворенія, идилліи, элегіи и эротическія эклоги Сумарокова, быть можетъ, заслоняли иногда въ современной ему читающей публикѣ важное, ученое стихотворство Ломоносова. Сумароковъ съ своими послѣдователями укорялъ его въ высокопарности; но Ломоносовъ вѣренъ былъ и своей литературной теоріи, и своимъ жизненнымъ идеаламъ; наука стояла для него выше беллетристики. Героями, восхищавшими Ломоносова, были не бурные дѣятели войны и разрушенія, но тихіе проводники зиждительныхъ началъ мира и просвѣщенія. Герои войны сами

Не радостію чтутъ кровопролитны бои,
И славныхъ надъ врагомъ прибыточныхъ побѣдъ
Покрытый трупами всегда прискорбенъ слѣдъ.

Войну Ломоносовъ признаетъ законною потому только, что она

Науки съ вольностью отъ звѣрства защищаетъ.

„Миръ—питатель наукъ“. Задушевное желаніе ученаго поэта:

Да всѣхъ глубокій миръ питаетъ,
Желѣзо браней да не знаетъ,
Служа въ трудѣ безмолвныхъ селъ.

Картины мирнаго народнаго труда, довольства и просвѣщенія часто проходятъ въ одахъ Ломоносова, окрашенныя теплымъ колоритомъ искренняго чувства. „Кроткій миръ одинъ даетъ богатства свѣту“.

Царей и царствъ земныхъ отрада,
Возлюбленная тишина!
Блаженство селъ, градовъ ограда,
Коль ты полезна и красна!

Герои просвѣщенія и дѣла мира сильны „не случайною удачей“, какъ воины, но „мудростію и образованіемъ“:

Хотя счастливыя военныя дѣла—
Монархамъ громкая на свѣтѣ похвала;
Но въ ясной тишинѣ возлюбленнаго мира
Прекраснѣе ко всѣмъ сіяетъ ихъ порфира.

Мирными героями Ломоносова были Петръ и Елизавета, „давшая счастливый вѣкъ русскимъ музамъ“. Одѣтая въ чуж-

дыя и условныя формы ложноклассической лирики, похвала Ломоносова Петру и Елизаветѣ была искренняя и неподкупна. По его собственнымъ словамъ, „слогъ его сложенъ изъ похвалъ правдивыхъ“. Съ полнымъ убѣжденіемъ могъ онъ вложить въ уста чуждымъ поэтамъ такія слова:

На что бы вымышлять намъ ложно
Безъ вещи имена однѣ,
Когда бы было намъ возможно
Рожденнымъ въ росской быть странѣ
Въ сіе благословенно время?

Идеалы жизни и поэзіи Ломоносова сосредоточивались въ русской землѣ, на русскомъ народѣ. Отдаваясь подражательному направленію, Ломоносовъ всегда помнилъ Россію, „свою возлюбленную мать“. Онъ указывалъ искусству родное, русское содержаніе. Обращаясь къ живописцу-художнику, онъ говорилъ:

Изобрази Россію мнѣ!
Изобрази ей возрастъ зрѣлой
И видъ въ довольствіи веселой,
Отрады ясность по челу
И вознесенную главу!

Этотъ изящно-величавый образъ русской земли, которая „съ вознесенною главою“ даетъ законы міру, образъ, сдѣлавшійся художественнымъ идеаломъ Ломоносова, осуществится въ тѣ „благословенные дни“, когда общечеловѣческое просвѣщеніе проникнетъ въ нѣдра русскаго народа.

О вы, которыхъ ожидаетъ
Отечество отъ нѣдръ своихъ
И видѣть таковыхъ желаетъ,
Какихъ зоветъ отъ странъ чужихъ!...
О ваши дни благословенны!

Ода Ломоносова привѣтствовала и выражала собою время, когда новая русская литература вступала въ періодъ свободнаго развитія общечеловѣческихъ началъ просвѣщенія, не стѣсняясь средневѣковыми авторитетами. „Декарту, говоритъ Ломоносовъ, мы особливо за то благодарны, что онъ ученыхъ людей ободрилъ противъ Аристотеля, противъ себя самого и противъ прочихъ философовъ въ *правдѣ* спорить, и тѣмъ самымъ открылъ до-

рогу къ вольному философствованію". „Грубая ревность, скрываясь подъ покровомъ святости, не мало погубила знанія". Но „образованность и свободный опытъ" уже гонятъ

глубокую невѣдѣнія тьму.
Въ благословенный нашъ и просвѣщенный вѣкъ
Чего не могъ дойти по онымъ человѣкъ?

Это гордое сознаніе, наполняющее душу новаго русскаго человѣка, не могло выражаться въ тѣхъ узкихъ и нерусскихъ формахъ, которыми довольствовался въ Россіи XVII вѣкъ. Литературная реформа Ломоносова, въ существѣ своемъ глубоко проникнутая національными началами и вѣрная историческимъ преданіямъ русскаго народа, отбросила узкую для насъ форму силлабическаго стихосложенія и ввела въ литературныя права размѣръ, обусловленный элементами и исторіею русскаго языка и искони господствовавшій въ народныхъ русскихъ пѣсняхъ. Основными положеніями литературной теоріи Ломоносова были слѣдующія. „*Главнѣйшее* (говорилъ онъ) мнѣ кажется быть сіе: россійскіе стихи надлежитъ сочинять по природному нашего языка свойству; а того, что ему *весьма несвойственно*, изъ другихъ языковъ не вносить... *Второе.* Чѣмъ россійскій языкъ изобиленъ и что въ немъ къ версификаціи угодно и способно, того не отнимать, но, какъ *собственное и природное*, употреблять надлежитъ". Вѣрный „собственному и природному", Ломоносовъ искалъ стихій литературнаго слога въ исторіи и въ жизни русскаго языка, а не въ мертвой полунепонятной смѣси церковно-славянскаго съ „дикими нелѣпостями" иностранныхъ словъ. Онъ установилъ твердою рукою отношеніе русскаго языка къ церковно-славянскому въ литературной сферѣ, глубоко сознавая, что историческая жизнь и религіозныя начала неразрывно связали эти два нарѣчія великой славянской семьи. Полонизмамъ отрѣзанъ былъ доступъ въ русскую литературу, когда Ломоносовъ сказалъ слѣдующія поразительно вѣрныя слова: „Славяне, живущіе за Дунаемъ, хотя раздѣлены отъ насъ иноплеменными языками, однако, *для употребленія славянскихъ книгъ церковныхъ*, говорятъ языкомъ, россіянамъ довольно вразумительнымъ, который много съ нашимъ нарѣчіемъ сходнѣе, нежели польскій, не взирая на безразрывную нашу съ Польшею

пограничность". Этими словами произнесенъ былъ смертный приговоръ литературному языку и направленію XVII вѣка.

Не отрываясь въ созданіи теоріи литературнаго языка отъ историческихъ преданій православнаго русскаго народа, Ломоносовъ вѣренъ былъ русскому языку своего времени столько же, сколько и его исторіи. Въ русскомъ языкѣ онъ призналъ три главные діалекта — московскій, сѣверный и украинскій. „Московское нарѣчіе (сказалъ Ломоносовъ) не токмо для важности столичнаго города, но и *для своей отмѣнной красоты*, прочимъ справедливо предпочитается". Нарѣчіе центра народной русской жизни, подкрѣпленное элементами литературнаго языка древней Россіи, стало со временъ Ломоносова литературнымъ русскимъ языкомъ. Такимъ образомъ, Ломоносовъ, вводя въ русскую литературу широкія общечеловѣческія начала европейской образованности, оставался вѣренъ историческимъ преданіямъ русскаго языка.

Литературная школа Ломоносова поддерживала главныя его положенія. Средоточіемъ ея была Москва и особенно Московскій университетъ. „Писатели стиховъ русскихъ, говорилъ Сумароковъ въ 1758 году, привязаны или къ академіи, или къ университету" [2]. Николай Поповскій, профессоръ Московскаго университета и ученикъ Ломоносова, написалъ извѣстную похвальную надпись своему учителю:

Московскій здѣсь Парнассъ изобразилъ витію

и т. д.

Сумароковъ вздумалъ опровергать ее и при этомъ, по его словамъ, „не опасался отвѣта и отплаты отъ Поповскаго и отъ всѣхъ въ Московскомъ университетѣ труждающихся въ словесныхъ наукахъ" [3]. Не одинъ Сумароковъ замѣчалъ литературное родство Ломоносова съ Московскимъ университетомъ; эту традицію призналъ самъ Ломоносовъ, ввѣрившій Москвѣ и ея университету свою теорію литературнаго русскаго языка. Въ томъ самомъ сочиненіи, гдѣ указаны отношенія церковно-славянскаго и русскаго языка въ литературной сферѣ, Ломоносовъ говорилъ: „Словесныя науки въ Россіи не дадутъ никогда прійти въ упадокъ россійскому слову. Какъ не быть нынѣ Виргиліямъ

и Горацiямъ? Великая Москва, ободренная пѣнiемъ новаго Парнасса, веселится своимъ симъ украшенiемъ и показываетъ оное всѣмъ городамъ россiйскимъ, какъ вѣчный залогъ усердiя къ отечеству своего основателя, на котораго бодрое попеченiе и усердное предстательство твердую надежду полагаютъ россiйскiя музы о высочайшемъ покровительствѣ". Московскiй университетъ связанъ съ Ломоносовымъ не потому только, что Ломоносовъ „подалъ первую причину къ его основанiю", университетъ связанъ съ Ломоносовымъ неразрывными историческими узами литературнаго преемства. Наши надежды тамъ же, гдѣ полагалъ ихъ Ломоносовъ. Онъ призывалъ на поддержанiе русскаго слова и русскаго университета Высочайшее покровительство. Благоговѣйно вспоминая въ настоящiй день дѣло Ломоносова, мы призываемъ на помощь свободному и широкому развитiю русской литературы и русскихъ университетовъ и тѣ великiя народныя силы, которыми созданъ былъ Ломоносовъ.

КЪ ИСТОРІИ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

I. Профессоръ Ѳ. Г. Баузе.

Баузе, Ѳедоръ Григорьевичъ, ординарный профессоръ римскаго права, ученой исторіи и педагогіи, статскій совѣтникъ, бывшій ректоромъ Моск. унив., св. Анны 2-го класса кавалеръ, родился въ 1752 году въ Триптисѣ, городкѣ Саксоніи. Здѣсь протекли годы его дѣтства, и началось первое его образованіе. На одиннадцатомъ году [1] онъ былъ отправленъ въ лейпцигскую Ѳомину школу (Thomas-Schule); въ ней пробылъ онъ семь лѣтъ, а окончательное образованіе получилъ въ Лейпцигскомъ университетѣ. Къ счастію, Баузе съ юныхъ лѣтъ окруженъ былъ людьми, о которыхъ впослѣдствіи не могъ вспоминать безъ особеннаго теплаго чувства. „Благодарю Тебя, Боже,—говоритъ онъ, — за то, что Ты далъ мнѣ не только душу, жаждущую истины, справедливости, добра, но и родителей, наставниковъ, покровителей и друзей такихъ, которые могли и желали удовлетворить этой жаждѣ, если не вполнѣ утолить ее“ [2]. Въ дѣтствѣ воспитывался онъ наставленіями отца своего, который былъ пасторомъ въ Триптисѣ; въ университетѣ товарищемъ его былъ знаменитый Эрнестій. Въ сентябрѣ 1773 года Баузе выѣхалъ въ Россію. Кажется, желаніе поискать счастья на чужбинѣ привело его въ наше отечество [3]. Въ Петербургѣ сначала занимался частными уроками и жилъ нѣсколько времени домашнимъ наставникомъ въ семействѣ купца Круга, пока не получилъ (въ

1775 году) мѣста учителя, а впослѣдствіи и инспектора въ Петровскомъ училищѣ. При церкви св. Петра въ С.-Петербургѣ, всегда находились учители, которые должны были обучать младшихъ членовъ лютеранской церкви чтенію, письму, ариѳметикѣ, правиламъ вѣры; но устройство этой школы не удовлетворяло желаніямъ церковнаго совѣта (конвента) и евангелической общины. Долго испытывала школа различныя преобразованія, которыя большею частію оказывались несостоятельными. Въ 1760 году пасторъ Цуккмантель (Zuckmantel) представилъ проектъ новаго устройства школы, о которомъ долго и напрасно хлопотали его предшественники. Ограниченность матеріальныхъ средствъ немало мѣшала распространенію круга дѣйствій училища. По плану Цуккмантеля въ немъ было только четыре учителя, изъ которыхъ каждый занималъ по нѣскольку должностей. Въ школѣ обучали только чтенію, письму, ариѳметикѣ, христіанскому закону, первымъ основаніямъ географіи, исторіи, языкамъ латинскому и нѣмецкому. Два учителя назывались старшими; одинъ изъ нихъ былъ конректоромъ, другой ректоромъ училища. Въ то же время положено было основать при училищѣ пансіонъ и для этого построить каменное зданіе. Цѣль, къ которой стремилось училище, были успѣхи въ познаніи спасенія, благихъ нравовъ и наукъ (Beförderung der Erkenntniss des Heils, guter Sitten und Wissenschaften). Впрочемъ и этотъ планъ недолго продержался безъ измѣненій. Въ томъ же (1760) году Цуккмантель умеръ, и Бюшингъ, призванный на его мѣсто, смѣло расширилъ кругъ дѣйствій училища, поставивъ цѣлью ихъ —приготовлять людей, годныхъ для всѣхъ сословій и для всякаго рода жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ и планъ Цуккмантеля былъ совершенно измѣненъ: отъ скромныхъ, непритязательныхъ предположеній своего предшественника Бюшингъ шагнулъ къ блестящему, обольстительному энциклопедическому образованію. Кромѣ изученія языковъ нѣмецкаго, латинскаго, французскаго, *русскаго*, ариѳметики, христіанскаго ученія, географіи и исторіи, ученики должны были слушать естественную исторію, математическія науки, физику, общія правила домоводства, правила для образованія сердца и нравственности; наконецъ, обучались рисованію, приготовленію моделей, пѣнію, игрѣ на

фортепіано, умѣнью держать себя. Желавшіе посвятить себя хирургіи или аптекарскому искусству, также приготовлявшіеся въ университетъ—обучались латинскому языку и получали общее понятіе о началѣ всѣхъ наукъ; желавшіе изучать богословіе могли слушать языки восточные и греческій. Подобная же сложность образованія была предположена и для ученицъ Петровской школы [4]. Недолго оставался въ училищѣ Бюшингъ. Съ удаленіемъ его и устройство, данное имъ училищу, подверглось въ нѣкоторыхъ частяхъ перемѣнамъ—именно касательно пансіона. Языки нѣмецкій и французскій сдѣлались главными предметами изученія въ пансіонѣ; плата съ пансіонеровъ была понижена; принимались только дѣти благороднаго происхожденія. Видно, что планъ школы не вполнѣ еще сложился и не получилъ ни единства, ни рѣзко опредѣленныхъ границъ. Училище прямо объявляло, что если молодымъ людямъ потребуется знаніе предмета, не входящаго въ кругъ преподаваемыхъ въ училищѣ, то для удовлетворенія сей потребности установлены будутъ при училищѣ частные уроки [5].

Въ это-то время, когда училище не сложилось еще въ прочный организмъ, когда цѣль его сознавалась смутно, и одинъ планъ смѣнялся другимъ, — въ это время Баузе принялъ въ немъ должность учителя и инспектора. Послѣдній долженъ былъ наблюдать за ходомъ преподаванія и стараться о его улучшеніи. 1-го сентября 1777 года Баузе былъ опредѣленъ ординарнымъ учителемъ (ordentlicher Lehrer) географіи, исторіи и латинскаго языка съ 350 руб. годоваго жалованья и казенною квартирою. Баузе долженъ былъ имѣть 24 учебныхъ часа въ недѣлю. За то онъ получилъ обѣщаніе, что по отставкѣ тогдашняго инспектора училища должность эта будетъ поочередно передаваема на одинъ годъ ему и учителямъ Бёби и Шмидту; вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ увеличиваться и его жалованье [6]. При самомъ началѣ своего педагогическаго поприща въ училищѣ Баузе прямо объявилъ, что удѣлялъ не много времени богословію, посвятивъ себя преимущественно изученію правовѣдѣнія и древней литературы. Въ апологіи, представленной совѣту училища 4-го апрѣля 1782 года, Баузе говоритъ о своей методѣ преподаванія географіи слѣдующее: „Мой обвинитель, конечно,

требуетъ, чтобъ я передавалъ ученикамъ множество пустыхъ словъ и сухихъ фактовъ вмѣсто дѣла и связной, исполненной силы, исторіи, чтобъ я только скользилъ по поверхности вещей. Онъ, конечно, удивляется, что я долѣе останавливаюсь на Европѣ, нежели на прочихъ частяхъ свѣта, на отечествѣ и странахъ, тѣсно съ нимъ соединенныхъ, нежели на чемъ-либо другомъ; что важнѣйшія страны Европы я описываю ученикамъ не только въ географическомъ, но и въ статистическомъ отношеніи, сколько то нужно для нихъ". Съ 1777 г. Петровское училище „начало быть училищемъ для всѣхъ чиновъ, особливо въ разсужденіи отечества". „Принято тогда за начальнѣйшее правило: привесть обученіе нужнѣйшихъ въ государствѣ языковъ и общеполезнѣйшихъ наукъ въ таковую между собою связь, чтобъ упражненіе въ первыхъ не было предосудительнымъ изученію послѣднихъ; также заведенные тогда классы въ содержаніи одного къ другому такъ учредить, чтобъ каждый взятый порознь изъ предыдущихъ классовъ могъ почитаться извѣстнымъ цѣлымъ и предъуготовленіемъ къ послѣдующимъ классамъ, и напослѣдокъ всѣмъ безъ разбору ученикамъ преподавать по степенямъ все то, что необходимо потребно знать каждому юношѣ, хотящему впредь полезнымъ быть въ обществѣ" [7]. Съ одобренія совѣта училища Баузе, въ апрѣлѣ 1780 года, предпринялъ на собственный счетъ путешествіе въ Германію, частію для того, чтобы привести въ порядокъ нѣкоторыя семейныя дѣла, преимущественно же для того, чтобъ обозрѣть важнѣйшія учебныя заведенія Германіи и расширить свои педагогическія свѣдѣнія. Послѣдняя цѣль путешествія была вполнѣ достигнута. Въ іюлѣ того же года Баузе прибылъ въ Гамбургъ и отсюда черезъ Любекъ думалъ отправиться моремъ въ Петербургъ. Но въ Гамбургѣ его внезапно схватила жестокая лихорадка, продержавшая его тамъ до начала зимы. Въ этомъ печальномъ положеніи онъ увѣдомилъ о своей болѣзни пастора Герольда (Herold), прося его вмѣстѣ съ тѣмъ объявить церковному конвенту, что онъ останется доволенъ всѣми распоряженіями, которыя будутъ сдѣланы относительно его мѣста въ училищѣ. Совѣтъ не рѣшился потерять Баузе и оставилъ за нимъ прежнюю его должность. Получивъ о томъ извѣстіе, Баузе въ январѣ

слѣдующаго года оставилъ Гамбургъ и въ февралѣ прибылъ въ Петербургъ, гдѣ всѣми былъ принятъ самымъ дружескимъ образомъ. 1-го апрѣля 1781 года Императорская Академія наукъ избрала его своимъ корреспондентомъ. Въ томъ же году Вольное Экономическое Общество приняло его въ число своихъ членовъ[8].

Въ 1782 году Петровское училище состояло „изъ двухъ отдѣленій, изъ коихъ одно содержало 5 классовъ для юношей, а другое 3 класса для дѣвицъ". Въ классахъ юношей находилось „три старшихъ учителя для преподаванія наукъ, два учителя россійскаго, три французскаго языка и два, которые учатъ писать и ариѳметикѣ. Въ квинтѣ (пятомъ, низшемъ юношескомъ классѣ) показывались начала въ нѣмецкомъ, французскомъ и россійскомъ чтеніи, также въ писаніи и въ ариѳметикѣ. Временемъ объясняются ученикамъ, сообразуясь ихъ понятію, гравированныя картины Г. Базедова, и дѣлается первый опытъ въ связываньи словъ съ познаніемъ вещей. Въ квартѣ при продолжаемыхъ въ чтеніи упражненіяхъ задаются легкія штучки для перевода съ одного на другой языкъ и показываются ученикамъ склоненія и спряженія. Для изощренія памяти выучиваютъ они отъ времени до времени малые французскіе разговоры, при сказываніи которыхъ предлагаются и изъясняются имъ разные образцы въ составленіи отборныхъ рѣчей или фразъ. Кромѣ сего читаются имъ изъ Библіи мѣста, всеобщія вѣры правила и нравоученіе содержащія, и преподаются первыя основанія христіанскаго закона, какъ къ управленію ихъ воли, такъ и къ утвержденію ихъ разума въ познаніи истины. Наконецъ, продолжается съ ними упражненіе въ писаніи и ариѳметикѣ". Въ терціи „ученіе вѣры, чтеніе священнаго писанія, также теорія и практика въ языкахъ бываетъ обширнѣе... Ариѳметику здѣсь въ первый разъ въ полугодовомъ курсѣ практически проходятъ, но съ внятными объясненіями основаній, какъ поступать при разныхъ родахъ счета. Въ исторіи и географіи дѣлается начало по плану, нарочито облегчающему сіи знанія". Въ третьемъ классѣ ученикъ долженъ былъ объявить, какому званію онъ намѣренъ посвятить себя, чтобы, судя по этому, инспекторъ могъ для него „назначить приватное ученіе". Оба высшіе класса „въ нѣкоторыхъ частяхъ наукъ были соеди-

нены, потому что училище нашло, что изъ знатнаго числа отдаваемыхъ въ училище учениковъ наименьшая часть можетъ употребить надлежащіе къ совершенному обученію годы, и что высшаго класса, который бы дѣйствительно каждаго удовольствовалъ, еслибъ только къ тому хотѣніе было, весьма мало учениковъ остается". Оба класса вмѣстѣ читаютъ новый завѣтъ, вмѣстѣ учатся исторіи, и „хотя берется по порядку одинъ народъ послѣ другаго, однако при томъ внушаются и современныя происшествія". Вмѣстѣ преподавались географія и другія общеполезныя знанія, какъ-то: естественная исторія о человѣкѣ, геральдика, употребленіе глобуса, первыя начертанія миѳологіи и т. п. „Ариѳметика въ секундѣ преподается по порядку, и ученики могутъ въ ней такъ успѣть, что кромѣ извѣстныхъ родовъ счета въ цѣлыхъ числахъ и доляхъ выучатъ также пропорціи, складное правило, извлеченіе радиксовъ и первыя основанія алгебры. Въ примѣ преподается сія наука еще обширнѣе, такъ что ученики счетъ ея децимальными (десятинными) радиксовыми величинами и рѣшенія простыхъ и квадратныхъ равностей, слѣд. и принадлежности счисленій въ нашихъ ариѳметическихъ книгахъ, подъ различными именованіями случающіяся, могутъ понимать" [9]. Такой объемъ и такое расположеніе дано было преподаванію въ Петровскомъ училищѣ въ бытность Баузе инспекторомъ его. Но должность учителя и инспектора Петровской школы не удовлетворяла Баузе. Къ чему могъ приложить онъ результаты своихъ спеціальныхъ занятій юриспруденціею? кому могъ онъ передать ихъ? Вотъ въ чемъ состояла обязанность инспектора училища: „Онъ имѣетъ смотрѣніе надъ всѣмъ училищемъ: старается, чтобъ не только лекціи надлежаще занимаемы и всѣ планы съ точностію исполняемы были, но и чтобъ ученики благопристойно себя вели и наблюдали бы предписанные уставы. Онъ принимаетъ новоотдаваемыхъ въ училище дѣтей, вводитъ ихъ въ классъ, въ которой они, по мѣрѣ ихъ способности, могутъ быть приняты, получаетъ деньги за ученіе, сочиняетъ общіе каталоги изъ подаваемыхъ ему ежемѣсячно отъ каждаго учителя записокъ о прилежаніи и поведеніи учениковъ, опредѣляетъ наказанія обличившимся въ проступкахъ и водитъ по классамъ желающихъ оные видѣть" [10].

Такая должность мѣшала Баузе изучать постоянно предметъ, которому онъ посвятилъ себя. Напрасно нѣкоторые хотѣли вывести Баузе на болѣе видное поприще дѣятельности; онъ отклонилъ подобныя предложенія, съ одной стороны потому, что чувствовалъ себя не совсѣмъ способнымъ къ болѣе тяжелымъ занятіямъ, съ другой—ему не хотѣлось отрываться отъ ученой дѣятельности, которой онъ издавна посвятилъ себя [11]. 6-го апрѣля 1782 года онъ получилъ отъ Московскаго университета приглашеніе занять каѳедру правъ, упраздненную смертью профессора Дилтея. Съ особенною радостію принялъ Баузе это предложеніе: наконецъ открывалась ему возможность вполнѣ посвятить себя юриспруденціи и передавать другимъ результаты своего изученія. „Хотя у меня не было недостатка въ людяхъ, которымъ бы я могъ передать какія бы то ни было крупицы моего знанія,—говоритъ Баузе,—но, не знаю почему, мнѣ рѣдко попадались люди, которые бы могли и желали изъ преддверія храма истинной науки познанія и мудрости проникнуть (такъ сказать) въ самое его святилище; у однихъ недоставало для того силъ и способностей, другіе не имѣли намѣренія посвятить себя ученой дѣятельности“ [12]. Послѣднее время пребыванія Баузе въ Петербургѣ было для него тяжело и печально. Возникло несогласіе между нимъ и учителями Петровскаго училища, даже церковнымъ совѣтомъ. На него взводили разныя обвиненія по дѣламъ служебнымъ: Баузе не могъ болѣе оставаться на прежнемъ своемъ мѣстѣ. Трудно сказать, насколько виновенъ былъ онъ въ упущеніяхъ, которыя ставились ему въ упрекъ, и насколько справедливы его обвинители. Большею частію обвиненія, которымъ подвергся Баузе, слишкомъ мелочны: его, напр., упрекали за то, что иногда онъ прибѣгалъ къ тѣлеснымъ наказаніямъ для исправленія учениковъ, что однажды въ танцовальномъ классѣ произошелъ за его отсутствіемъ безпорядокъ и т. п. Однимъ изъ важнѣйшихъ обвинительныхъ пунктовъ было то, что публика была недовольна успѣхами учениковъ во французскомъ языкѣ. Но, судя по апологіи Баузе, училище поступило при этомъ не совсѣмъ осмотрительно. Вмѣсто того, чтобъ изслѣдовать причины этого обстоятельства, сдѣлали совершенно новый планъ преподаванія, который и былъ пере-

данъ Баузе и тремъ другимъ ординарнымъ учителямъ для обсужденія. Этотъ планъ имѣлъ совершенно другія основанія, нежели прежній, печатно обнародованный, и потому Баузе написалъ замѣчанія на него; но они были уничтожены и оставлены безъ всякаго вниманія на томъ основаніи, что планъ былъ одобренъ совѣтомъ. Покидая училище, Баузе представилъ церковному конвенту апологію, которая заключаетъ въ себѣ опроверженіе всѣхъ павшихъ на него обвиненій. Вѣроятно, на эти недоразумѣнія намекаетъ Баузе въ своей прощальной рѣчи, говоря: „Судьба сдѣлала меня недовольнымъ людьми и міромъ, нарушила спокойствіе и ясность души моей: съ сокрушеннымъ сердцемъ спрашивалъ я себя передъ лицемъ Всемогущаго, дѣйствительно ли во время своего семилѣтняго служенія въ училищѣ исполнилъ все то, что по своимъ небольшимъ способностямъ, опытности, по крайнему своему разумѣнію могъ я сдѣлать для блага заведенія. И Провидѣніе помиловало меня: недовольство міромъ и людьми исчезло, спокойствіе и ясность снова возвратились въ мою душу“ [13]. 11-го апрѣля того же года, въ полномъ собраніи церковнаго совѣта, учителей и учениковъ, Баузе сложилъ съ себя должности учителя и инспектора и произнесъ прощальную рѣчь. Въ ней онъ указывалъ питомцамъ училища, какое зло, какія бѣдствія ожидаютъ ихъ въ жизни; онъ совѣтовалъ имъ запасаться чужимъ горемъ, чужими напастями и поучительнымъ ихъ примѣромъ приготовлять себя къ перенесенію собственныхъ несчастій. „Старайтесь,—говорилъ онъ,—быть господами самихъ себя и страстей своихъ и всегда сохранять добрую совѣсть передъ Богомъ и людьми. При такомъ настроеніи духа вы не скоро падете подъ бременемъ бѣдствій“. Покидая и товарищей, и учениковъ своихъ, Баузе уносилъ съ собою увѣренность, что жилъ въ дружбѣ съ первыми и былъ любимъ другими [14].

Вскорѣ по выходѣ изъ Петровскаго училища Баузе оплакалъ дѣвицу Марію Елену Прейссеръ, свою ученицу, къ которой онъ былъ очень привязанъ. Въ намять ея онъ написалъ на нѣмецкомъ языкѣ небольшое стихотвореніе [15].

Между тѣмъ новая должность призывала его въ Москву. 25-го ноября 1782 года, когда университетъ, по обычаю того

времени, торжественнымъ собраніемъ праздновалъ день тезоименитства императрицы, Баузе говорилъ вступительную рѣчь передъ занятіемъ каѳедры законовѣдѣнія [16]. Въ ней изложилъ онъ свой взглядъ на юриспруденцію, какъ науку, и способъ ея изученія. Рѣчь эта весьма важна, какъ единственное сочиненіе, изъ котораго можно познакомиться со взглядомъ Баузе на предметъ, читанный имъ въ продолженіе 25-ти лѣтъ въ Московскомъ университетѣ. „Подъ именемъ юриспруденціи, — говоритъ Баузе,—не разумѣю я сухаго и тщедушнаго знанія тѣхъ законниковъ, которые считаютъ себя и достаточно учеными, и достаточно опытными, если держатъ въ памяти слова законовъ, не понимая смысла и значенія ихъ, если въ судѣ могутъ на нихъ *сослаться* (по прекрасному ихъ выраженію). Пусть эти господа наслаждаются своими познаніями — Богъ съ ними — вѣдь и дѣти радуются, если, какъ попугаи, могутъ пробормотать слова, для нихъ непонятныя. Но пусть не стараются они убѣдить меня, что своей убогой наукой они въ самомъ дѣлѣ могутъ принести хотя какую-нибудь пользу государству. Подъ именемъ юриспруденціи я не разумѣю также того увертливаго, непостояннаго, коварнаго и обманчиваго искусства крючкотворцевъ, которые стараются только склонять законы то въ ту, то въ другую сторону, смотря по желанію, которые пышными словами и другими уловками стараются проводить и глумиться надъ судьями и самымъ правосудіемъ. Пусть и эти люди довольствуются своимъ честнымъ искусствомъ, пусть величаютъ себя (говоря ихъ словами) непобѣдимыми защитниками правды— оставимъ ихъ, — есть вѣдь воры и разбойники, которые состязаются другъ съ другомъ въ коварствѣ, хитрости и ими величаются. Но пусть они не называютъ себя защитою и опорою справедливости, безопасности и общественнаго благосостоянія. Наконецъ, подъ именемъ юриспруденціи я не разумѣю тѣхъ ходячихъ, непрочныхъ подъяческихъ свѣдѣній, которыя, не скажу—почерпнуты, но повыдерганы изъ лексиконовъ, сокращеній, руководствъ и т. п. книгъ. Пусть и эти люди торжествуютъ, опираясь на свою грубую и безпорядочную груду опредѣленій, различеній, правилъ и формулъ, пусть заставляютъ грубую чернь дивиться грубому ихъ знанію. Но они не ослѣ-

пять людей ученыхъ и знающихъ это дѣло... Что же признаю я (спрашиваетъ наконецъ Баузе) достойнымъ имени юриспруденціи?—То, что древніе римляне, создатели всякаго права и законовъ, называли познаніемъ вещей божественныхъ и человѣческихъ, справедливаго и несправедливаго, честнаго и безчестнаго. Юриспруденція такъ обширна, что ея нельзя ограничить тѣснымъ кругомъ дѣлъ судебныхъ; она стоитъ такъ высоко, что недоступна для людей легкомысленныхъ и безчестныхъ. Какъ дѣло врача—заботиться о здоровомъ состояніи тѣла человѣческаго и всѣхъ его частей: такъ дѣло законовѣдца заботиться о здоровьѣ тѣла общественнаго и всѣхъ его частей, т. е. государства и его гражданъ. Потому юриспруденція изслѣдуетъ и исполняетъ самыя важныя, самыя полезныя и самыя прекрасныя дѣла. Она бываетъ теоретическая и практическая. Право теоретическое есть философское, или историческое, то есть—говоря языкомъ юристовъ,—или естественное, или положительное. Первое обнимаетъ права естественное и народное, право государственное, иѳику и политику; второе, кромѣ гражданскаго права въ собственномъ смыслѣ, заключаетъ въ себѣ всѣ отдѣлы и виды права положительнаго, истекающіе изъ него какъ изъ источника. Практика права преимущественно состоитъ въ приложеніи общихъ началъ къ отдѣльнымъ случаямъ и тяжбамъ". Оставляя въ сторонѣ такъ называемые методы аналитическій, синтетическій и табелларный, Баузе хочетъ только показать въ своей рѣчи, какъ долженъ быть подготовляемъ, наставляемъ и упражняемъ изучающій право. Большею частію люди, посвящающіе себя законовѣдѣнію, потому мало приносятъ пользы, что приступаютъ къ изученію его не приготовленные, не зная языковъ и другихъ наукъ. По мнѣнію Баузе, будущій юристъ долженъ прежде всего пройти школу грамматики, риторики и критики, основательно узнать языкъ отечественный и нѣкоторые иностранные, научиться понимать другихъ, вѣрно объяснять дѣло, а вмѣстѣ и самому писать правильно и изящно, привыкнуть отличать подобное отъ несходнаго, подложное отъ подлиннаго. Потомъ юристъ долженъ перейти къ изученію исторіи и географіи, философіи и математики и тѣмъ заключить свое приготовительное образованіе.

Двѣ послѣднія науки должны развить въ немъ тотъ смыслъ, который нѣкоторые называютъ практическимъ. Таково уже свойство математическихъ и философскихъ наукъ, что онѣ преслѣдуютъ матерію (дѣло) отъ самаго начала, тѣсно связываютъ одно съ другимъ, выводятъ заключенія только изъ доказаннаго и такимъ образомъ удивительно изощряютъ разсудокъ къ постиженію природы и сродства вещей, главнаго и существеннаго, причины и слѣдствій. Самое изученіе юриспруденціи не должно ограничиваться одною теоріею или одною практикою; онѣ должны идти рука объ руку. Въ теоріи началомъ должна быть энциклопедія законовѣдѣнія, которая даетъ вѣрное понятіе о юриспруденціи вообще и вмѣстѣ указываетъ учащемуся путь, по которому онъ долженъ слѣдовать, изучая ее въ большемъ объемѣ. Съ энциклопедіею законовѣдѣнія должна быть соединена исторія права, если не вообще, то хотя римскаго. Потомъ слѣдуетъ перейти къ отдѣльнымъ частямъ права, и прежде всего къ праву естественному и народному, праву государственному, иѳикѣ и политикѣ: тѣмъ прилежнѣе и основательнѣе они должны быть изучаемы, что всѣ прочія права изъ нихъ истекаютъ и къ нимъ возвращаются; притомъ безъ нихъ можно помнить отдѣльные законы и обычаи, но смыслъ ихъ и, слѣд., самое право останутся неизвѣстными. Послѣ всего этого становится легкимъ изученіе права положительнаго съ его видами: правомъ гражданскимъ, каноническимъ, уголовнымъ, коммерческимъ, морскимъ, военнымъ, монетнымъ и горнымъ (jus metallicum) и т. п. При изученіи положительнаго права должно начинать съ гражданскаго, и притомъ съ римскаго, какъ наиболѣе совершеннаго. Практикою юриспруденція получаетъ крѣпость и жизнь; ею заключается полное образованіе юриста.

Съ такими мыслями приступилъ къ своей каѳедрѣ Баузе. Сначала онъ пробылъ въ университетѣ только годъ; но уже и въ это время, по отзыву университета, „показалъ учащимся тонкость, изобиліе и красоту своего ученія“. Въ 1783 году [17] онъ былъ уволенъ въ свое отечество, гдѣ съ 3-го мая 1784 года былъ корреспондентомъ Московскаго университета. Возвратясь къ своей должности въ 1786 году, онъ уже болѣе не покидалъ Москвы. 29-го сентября 1792 года онъ женился на вдовѣ апте-

каря Калькау, урожденной Рихтеръ [18], и сдѣлался такимъ образомъ главою довольно значительнаго семейства. Робкій отъ природы [19], онъ въ семейной жизни былъ добръ къ своимъ падчерицамъ. Недолго Баузе наслаждался этою жизнію. Калькау умерла, и онъ снова женился на одной изъ дочерей профессора Ф. Ф. Керстури; но съ нею онъ не жилъ въ согласіи и скоро развелся. Баузе былъ большой любитель и знатокъ музыки: будучи уже профессоромъ, онъ хаживалъ въ церковь играть на органѣ во время богослуженія. Пріѣзжавшіе артисты обыкновенно играли прежде у него въ домѣ, чтобы упрочить успѣхъ будущихъ концертовъ: его похвала служила ручательствомъ за успѣхъ.

Поселившись въ Москвѣ, Баузе нашелъ для себя новый родъ занятій: онъ началъ ревностно собирать русскія древности: рукописи, старопечатныя книги, монеты. Онъ самъ ходилъ для этого по Толкучему рынку и послѣ 30-лѣтнихъ стараній, дополнивъ свои сокровища покупкою старинныхъ книгъ и рукописей у извѣстнаго въ то время собирателя древностей Игнатія Ѳерапонтова, успѣлъ составить такое собраніе русскихъ древностей, которое, по отзыву К. Ѳ. Калайдовича, было едва ли не единственнымъ въ своемъ родѣ [20]. По смерти Баузе Московское Общество исторіи и древностей россійскихъ желало купить собраніе его, которое было оцѣнено въ 10,000 р. Къ сожалѣнію, покупка не состоялась, и оно погибло при нашествіи французовъ, а отчасти разошлось по разнымъ рукамъ; остались только каталогъ этого собранія и небольшія замѣтки о достопримѣчательностяхъ его, написанныя Калайдовичемъ [21]. По словамъ его, древнѣйшая книга изъ всѣхъ хранившихся у Баузе былъ „Прологъ“, писанный уставнымъ письмомъ въ листъ, на пергаментѣ, въ 1229 году, въ Новѣгородѣ. Но въ рукописномъ каталогѣ библіотеки Баузе (нынѣ принадлежащемъ А. Д. Черткову) указано, подъ № 116, „Евангеліе, писанное въ малый форматъ на пергаминѣ съ изъясненными миніатюрными изображеніями“. Составитель каталога прибавляетъ, что „судя по образу, цвѣту пергамина и литеръ, которыя въ послѣдующія времена измѣнились, и наконецъ по приложенному мѣсяцеслову, въ коемъ недостаетъ многихъ въ послѣдующія времена помѣщенныхъ

святыхъ, можно заключить, что сіе Евангеліе писано, положимъ, въ XI вѣкѣ, что оно есть самая старѣйшая рукопись изъ всѣхъ существующихъ въ Россіи". Важнѣйшія изъ рукописей Баузе, по словамъ Калайдовича, суть: 1) другой „Прологъ", писанный на пергаментѣ, безъ означенія времени, не менѣе древній перваго; 2) книга „Степенная", писанная скорописью съ удивительнымъ искусствомъ, 1551 года (экземпляръ полный); 3) весьма любопытный и пространный „Лѣчебникъ", переведенный съ польскаго, принадлежащій къ 1588 году; и 4) неизвѣстными письменами начертанная книга, думать надобно математическая, — это не что иное какъ логариѳмы [22]. Изъ другихъ замѣчательныхъ рукописей укажемъ на (№ 125) Псалтирь, къ которой пріобщены нѣкоторыя библейскія исторіи, молитвы и, наконецъ, мѣсяцесловъ, на пергаментѣ, со множествомъ миніатюрныхъ картинокъ, „Драгоцѣнная рукопись не позже XIII-го вѣка (замѣчаетъ составитель каталога) и, безъ сомнѣнія, одна изъ древнѣйшихъ, какія только у насъ остались. Достойно примѣчанія, что въ мѣсяцесловѣ годъ начатъ по-еврейски, съ марта мѣсяца вмѣсто сентября, какъ оный во всѣхъ греко-россійскихъ прочихъ мѣсяцесловахъ начинается" [23]. Страсть, которую Баузе получилъ къ русскимъ древностямъ, скоро оказала вліяніе и на самыя его лекціи. „Для роздыха и освѣженія, какъ былъ словоохотенъ (разсказываетъ Тимковскій), онъ не скупился разсказами изъ великихъ судныхъ процессовъ и контроверсій, или о знатнѣйшихъ германскихъ ученыхъ; *и какъ былъ вмѣстѣ страстный антикварій* въ книгахъ, рукописяхъ и вещахъ, для чего шатался по Толкучему рынку, то часто хвалился пріобрѣтенными рѣдкостями, приводя и другіе разсказы въ томъ же родѣ" [24]. Можетъ быть, этой же страсти къ древностямъ русскимъ обязаны мы тѣмъ, что предметомъ замѣчательнѣйшей изъ своихъ рѣчей Баузе выбралъ вопросъ о состояніи просвѣщенія въ Россіи до Петра Великаго [25]. Цѣль этого разсужденія троякая: авторъ хотѣлъ „избавить Россію отъ долговременной ненависти и нареканій иноземцевъ, воздать каждому вѣку должное по заслугамъ, наконецъ ознакомить съ началами русскаго просвѣщенія его времени". Эта рѣчь Баузе была протестомъ противъ тѣхъ превратныхъ заключеній о состояніи русскаго просвѣще-

нія, которыя были разсѣяны иностранцами; Баузе старается указать причину этихъ ложныхъ свѣдѣній о Россіи и, оставляя извѣстія подобныхъ писателей, беретъ въ руководство единственно исторію. Объ этой рѣчи авторъ писалъ впослѣдствіи къ попечителю Московскаго учебнаго округа Михаилу Никитичу Муравьеву: „Конечно, она только очеркъ картины русскаго просвѣщенія, но инымъ она и быть не могла, какъ первое сочиненіе объ этомъ предметѣ. Однако я писалъ, не полагаясь довѣрчиво ни на кого: всѣ сочиненія, которыми я пользовался и которыя цитовалъ, лежали у меня тогда передъ глазами“ [26]. Какъ сочиненіе, имѣвшее цѣлію освободить Россію отъ незаконныхъ нареканій со стороны иностранцевъ, рѣчь не чужда полемическаго характера. Такъ, напр., въ самомъ началѣ Баузе опредѣляетъ значеніе просвѣщенія, замѣчая, что многіе даже изъ среды ученыхъ единственно полагаютъ его въ бородѣ, волосахъ и тому подобномъ. При настоящемъ состояніи исторіи русской словесности и исторіи русской вообще, когда обнародовано такъ много матеріаловъ, которые не могли быть извѣстны Баузе,—теперь очеркъ его, разумѣется, потерялъ свое прежнее значеніе. Но каждый ученый трудъ долженъ быть оцѣниваемъ въ силу потребностей и средствъ того времени, къ которому онъ относится, и съ этой точки зрѣнія рѣчь Баузе останется навсегда достойною уваженія, какъ первый опытъ научнаго взгляда на исторію русскаго просвѣщенія. Сколько новаго для того времени было въ этихъ страницахъ, нынѣ понизившихся до общихъ мѣстъ, видно изъ того, что рѣчь подала поводъ къ литературной мистификаціи: Шрёдеръ въ журналѣ своемъ „St.-Petersburgische Monatsschrift zur Unterhaltung und Belehrung“ (für das Jahr 1805, Monat Januar, p. 3 — 35) напечаталъ подъ своимъ именемъ статью: „Was thaten die Regenten Russlands für die Cultur und Aufklärung ihrer Nation bis auf Peter den Grossen?“ Это переводъ рѣчи Баузе съ незначительными измѣненіями. Такимъ же образомъ составилась и статья „Вѣстника Европы“ (1807 г. № 1, стр. 3 — 20, № 2, стр. 81 — 96): „Что сдѣлано въ Россіи для просвѣщенія народа и для славы отечества отъ временъ Рюрика до Петра Великаго?“ Въ исторіи русскаго просвѣщенія Баузе отличаетъ слѣдующіе періоды: все время отъ Рюрика до

Петра I-го распадается на три періода: первый отъ Рюрика до Владиміра I-го (862—1015); второй отъ Владиміра I-го до Іоанна Васильевича I-го (1015—1477); третій отъ Іоанна Васильевича I-го до Петра Великаго (1477—1682) [27]. „Въ первомъ періодѣ положено истинное основаніе прекраснѣйшаго зданія; во второмъ продолжалось его строеніе, но основаніе его еще не окрѣпло и угрожало паденіемъ; наконецъ въ третьемъ періодѣ основаніе зданія было возстановлено и укрѣплено, оно быстро возвысилось". Въ призваніи Рюрика Баузе видитъ уже желаніе племенъ просвѣтиться; Владиміра онъ называетъ litterarum artiumque studiosus. Періодъ второй представляетъ менѣе утѣшительное зрѣлище. Виною удѣльныхъ междоусобій—Владиміръ, раздробившій Русь и такимъ образомъ пожертвовавшій личному интересу государственнымъ. Во вліяніи татаръ Баузе различаетъ двѣ стороны, вредную и полезную: „черезъ татаръ получили мы многія новыя орудія, одежды, травы, узнали Китай, Бухарію; отъ нихъ вошли въ языкъ нашъ многія слова". Весьма замѣчательно мнѣніе Баузе объ Іоаннѣ IV Васильевичѣ. Онъ указалъ на односторонніе упреки иностранцевъ и соотечественниковъ, постигшіе память этого государя, и на удивленіе, которое питалъ къ нему Петръ Великій, уже оправдывающее Іоанна въ глазахъ потомства [28].

Таковы важнѣйшія изъ напечатанныхъ сочиненій Баузе. Достойный членъ Московскаго университета, онъ высказалъ мысль, что стремленія профессоровъ не должны ограничиваться кругомъ университета, но простираться на все государство вообще [29]. Къ сожалѣнію, рѣдко осуществлялъ онъ эту мысль на дѣлѣ. Кромѣ указанныхъ сочиненій, онъ произнесъ въ торжественныхъ собраніяхъ университета слѣдующія рѣчи: 1) „Oratio in auspiciis imperii suscepti a Catharina II totius Russiae Autocratore sapientissima, justissima, felicissima ab Universitate Mosquensi rite ac pie celebrandis D. XXX. Jun. A.C.M.D.CC.LXXXIX. dicta a Theodoro Bause"; 2) „Oratio in sacris solemnibus asupicatissimae et faustissimae coronationis Pauli Primi, ab Universitate Mosquensi rite ac devote celebratis habita a Theodoro Bause. Mosquae" (Слово на всевожделѣннѣйшее и всерадостнѣйшее коронованіе Государя Императора и Самодержца Всероссійскаго Павла Перваго, на рос-

сійскій языкъ переведенное Сохацкимъ, 1797). По поводу французской революціи Баузе издалъ сочиненіе „О горячкѣ вольности“ (1793 г. М., въ листъ, 2 с.).

Печатныя произведенія Баузе не могутъ дать понятія о разнообразіи его занятій и обширности его свѣдѣній. „Много собралъ и пріуготовилъ онъ матеріаловъ для большихъ и важнѣйшихъ сочиненій (говорилъ о немъ въ 1805 г. митр. Евгеній). Особенные труды его обращены были на политическую экономію, на исторію литературы, нумизматику, дипломатику и римское законовѣдѣніе. Всѣ его записки однакожь въ такомъ порядкѣ, что въ случаѣ, когда не успѣетъ онъ самъ привести ихъ въ составъ, то всякимъ свѣдущимъ въ сихъ предметахъ могутъ быть употреблены въ пользу и изданы“ [30]. Баузе весь посвятилъ себя университетскому преподаванію. Съ 1791 г. онъ преподавалъ послѣ профессора Пургольда, уволеннаго по болѣзни, римское право по Гейнекцію и Гёпферу (а съ 1806 г. по Шмальцу), исторію римскаго права по Баху. По юридическому направленію своему Баузе принадлежалъ къ германской школѣ, господствовавшей въ XVIII вѣкѣ, и былъ, по тогдашнему времени, достойнымъ ея представителемъ въ университетѣ. Толкованіе *Гейнекція* на институціи Юстиніановы и *Гельфельда* на пандекты—служили тогда руководствомъ при преподаваніи римскаго права во всѣхъ германскихъ университетахъ, и для Баузе они были тѣмъ же руководствомъ. На чистомъ латинскомъ языкѣ излагалъ онъ догматическій курсъ римскаго права, по четыре раза въ недѣлю, начиная съ краткаго очерка исторіи и древностей римскихъ. Естественно, по краткости самаго времени и по методическому направленію, курсъ ограничивался общими логическими понятіями, безъ историческаго и аналитическаго ихъ развитія. Школа глазговская, въ которой воспитались Десницкій и Третьяковъ, безспорно стояла тогда гораздо выше германской — по своему историческому и практическому направленію. Но, несмотря на это, лекціи профессора Баузе охотно были посѣщаемы слушателями. Въ то же самое время, какъ директоръ Педагогическаго института, Баузе въ $180\frac{8}{9}$ преподавалъ слушателямъ сего института педагогическія и дидактическія правила. Въ октябрѣ 1809 года Баузе уволенъ отъ должности директора Педагоги-

ческаго института, которую онъ занималъ съ мая 1804 г., и мѣсто его занялъ профессоръ Буле. Въ надворные совѣтники пожалованъ мая 4-го 1797 г., въ коллежскіе же мая 18-го 1812 года[31]. Въ іюнѣ 1805 года онъ былъ избранъ деканомъ отдѣленія нравственныхъ и политическихъ наукъ[32]. Августа 31-го 1805 года, во изъявленіе Высочайшаго благоволенія къ трудамъ въ образованіи юношества, Всемилостивѣйше пожалованъ кавалеромъ ордена св. Анны 2-го класса[33]; 13-го іюля 1807 года утвержденъ ректоромъ университета[34] и исполнялъ эту должность законный срокъ. Въ 1809 году пожалованъ въ статскіе совѣтники. Въ декабрѣ 1809 года принятъ въ почетные члены Харьковскаго университета. (Пер. соч. № V, стр. 55).

Съ 1805 года Баузе обратилъ, по совѣту М. Н. Муравьева, дѣятельность свою на исторію русской словесности. Планъ этого труда принадлежитъ Муравьеву, и, считая драгоцѣнностью письмо Баузе, относящееся къ этому предмету, мы приводимъ его почти все. Въ какомъ прекрасномъ свѣтѣ являются въ немъ и попечитель, и профессоръ! „На послѣднее милостивое письмо Вашего Превосходительства имѣю честь предложить пока слѣдующее. Комитетъ, учрежденный въ прошломъ году[35] Вашимъ Превосходительствомъ для составленія плана исторіи русской литературы, состоящій изъ профессоровъ Страхова, Антонскаго и Баузе, имѣлъ счастіе не только получить одобреніе своему коротенькому плану, но и приказаніе обработать для пробы отдѣльный періодъ по этому плану и представить вамъ. Съ этою цѣлью я предложилъ товарищамъ моимъ періодъ отъ Петра I до Екатерины I, какъ наиболѣе богатый и занимательный, и притомъ такъ, что для этой цѣли я читаю и дѣлаю извлеченія изъ иностранныхъ писателей; они читаютъ отечественныхъ писателей и изъ нихъ дѣлаютъ извлеченія. Когда такимъ образомъ собраны матеріалы, то обработку ихъ принимаетъ на себя или одинъ изъ насъ, или каждый дѣлаетъ свою работу и представляетъ другимъ. Что касается до меня, то я уже собралъ небольшой запасъ матеріаловъ для этой работы: не сомнѣваюсь, что и товарищи мои сдѣлали то же. Впрочемъ съ большимъ трудомъ приходится вычитывать матеріалы изъ множества небольшихъ и объемистыхъ сочиненій, и часто тамъ, гдѣ вовсе

не предполагаешь, находишь важныя, единственныя извѣстія для своего дѣла. Каталоги, которыхъ требовали отъ нашихъ профессоровъ, не получены, кромѣ математическаго отъ г. профессора Аршеневскаго. О каталогахъ нашихъ книгопродавцевъ мы сами позаботимся и надѣемся получить ихъ. Не такъ легко достать каталоги и другія, необходимыя для нашей работы печатныя и рукописныя сочиненія изъ Святѣйшаго Синода, Государственнаго архива и другихъ мѣстъ, если не возвысятъ насъ до формальнаго общества на тѣхъ же правахъ и съ тѣмъ же значеніемъ, какъ и другія общества, состоящія при нашемъ университетѣ. Тогда нашъ небольшой кружокъ (Häuflein) можетъ не только расшириться по необходимости, но и работать съ бо̀льшимъ значеніемъ, авторитетомъ, рвеніемъ и успѣхомъ". Чѣмъ кончилось это предпріятіе, неизвѣстно. 18-го марта 1802 г. Высочайше утверждена записка объ учрежденіи комитета для разсмотрѣнія уставовъ Академіи наукъ, Академіи россійской и Московскаго университета. Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ тайнымъ совѣтникамъ и сенаторамъ Муравьеву и графу Потоцкому и статскому совѣтнику академику Фусу, составивъ особый комитетъ, разсмотрѣть въ оном̀ представленные Его Величеству новые уставы С.-Петербургской Императорской Академіи наукъ, Академіи россійской и Московскаго университета и, сообразовавъ ихъ съ намѣреніемъ сихъ учрежденій и съ истиннымъ средствомъ расширенія пользы ихъ и дѣйствія на народное просвѣщеніе, сравнить съ лучшими въ семъ родѣ иностранными заведеніями и по сему сравненію, сдѣлавъ надлежащія перемѣны или дополненія, представить Его Величеству положенія ихъ на утвержденіе [36]. Какъ старшій профессоръ, Баузе сдѣлался однимъ изъ членовъ комитета и отправился въ С.-Петербургъ; съ закрытіемъ коммиссіи Баузе опредѣленъ членомъ главнаго правленія училищъ [37].

21-го января 1811 года Баузе получилъ отставку съ полнымъ пенсіономъ (2000 рублей); продолжать при университетѣ службу онъ не могъ „по разнымъ болѣзненнымъ припадкамъ" [38]. Болѣзненное состояніе его происходило отъ невоздержной жизни, которой поддался онъ подъ старость. Баузе скончался въ Москвѣ 25-го мая 1812 года.

II. Профессоръ І. Ѳ. Буле.

Буле, Іоганнъ Ѳеофилъ, докторъ и ординарный профессоръ права естественнаго и теоріи изящныхъ художествъ, родился въ Брауншвейгѣ 29-го сентября 1763 г. Отецъ его былъ придворнымъ хирургомъ и оставилъ нѣсколько сочиненій, относящихся къ хирургіи [1]. Онъ далъ сыну прекрасное воспитаніе. Молодой Буле сначала учился въ брауншвейгской гимназіи Св. Екатерины, потомъ въ Каролингскомъ коллегіумѣ. Будучи 16 лѣтъ, онъ уже писалъ стихи, которые отличались легкостью, хотя и не выказывали въ авторѣ поэта. Прилежаніе Буле въ самые ранніе годы школьной ег жизни было изумительно: разсказываютъ, что онъ занимался часто по 15-ти часовъ въ сутки. Неудивительно, что еще до поступленія въ университетъ онъ уже является съ учеными статьями по философіи и исторіи. Въ 1782 году напечатано было первое его произведеніе: „Abhandlung über die Heiterkeit der Seele, und die Mittel sie zu erhalten und zu befördern“ [2]. Буле съ перваго раза попалъ на ту дорогу, по которой впослѣдствіи шелъ съ такою честью. Впрочемъ онъ не вдавался въ слишкомъ одностороннюю спеціальность, которая могла стѣснить его способности въ молодые годы. Въ томъ же брауншвейгскомъ журналѣ напечатано было въ 1785 г. сочиненіе его „Leben der Anne Boleyn, Gemahlin König Heinrich des VIII. von England“. Въ 1783 году Буле продолжалъ ученое свое образованіе въ Гёттингенскомъ университетѣ, гдѣ преимущественно предался изученію богословія и философіи. Его дарованія и познанія обратили на себя вниманіе профессоровъ,

и въ томъ же году онъ былъ принятъ въ находившуюся при университетѣ филологическую семинарію вмѣстѣ съ Геереномъ, Гроддекомъ и двумя другими слушателями университета. Съ этого времени онъ занимался языками еврейскимъ, греческимъ, латинскимъ и главнѣйшими европейскими. Вліяніе гёттингенской филологической семинаріи на слушателей университета было очень важно. Основанная сначала (1737 г.) съ цѣлью приготовлять домашнихъ и школьныхъ наставниковъ, филологическая семинарія скоро отъ нея уклонилась и сдѣлалась разсадникомъ гуманистовъ. Изученіе классической древности обратилось въ главную задачу семинаріи, и стоитъ только просмотрѣть списокъ воспитанниковъ ея, чтобы видѣть, сколько знаменитыхъ гуманистовъ обязано ей своимъ образованіемъ[3]. Въ то время, когда Буле принятъ былъ въ число ея членовъ, инспекторомъ семинаріи былъ Гейне, который занимаетъ такое почетное мѣсто въ исторіи изученія классической древности. Подъ его благодѣтельнымъ руководствомъ, въ продолженіе трехъ лѣтъ, проходили семинаристы весь кругъ гуманическаго образованія. Изъ этой-то школы вынесъ Буле то знаніе древнихъ языковъ, которое было ему необходимо при дальнѣйшихъ ученыхъ трудахъ, обращенныхъ на литературу и исторію философіи древнихъ. Въ іюнѣ 1785 года Буле получилъ золотую медаль за лучшее философское сочиненіе на заданную тему. Для соисканія награды философскій факультетъ избралъ темою экономическій календарь Палестины, который могъ бы содѣйствовать ближайшему пониманію священнаго писанія. Изъ разныхъ путешествій въ Палестину требовалось выбрать извѣстія о климатѣ, произведеніяхъ и вообще физическихъ свойствахъ страны и расположить указанія по мѣсяцамъ. По желанію факультета, диссертація должна была ограничиться простымъ извлеченіемъ изъ путешествій въ Палестину, избѣгая всякаго сравненія съ ветхимъ завѣтомъ, Талмудомъ и другими еврейскими книгами[4]. Сочиненіе, представленное факультету Буле, удостоено было награды и напечатано въ томъ же году подъ заглавіемъ: „J. G. Buhle Brunswicensis Seminarii philologici Sodalis Calendarium Palaestinae oeconomicum, commentatio in concertatione civium Academiae Georgiae Augustae IV Junii MDCCLXXXV ab ordine phi-

losophorum praemio ornata. Gottingae" (въ 4-ку, стр. 56—VIII). Въ томъ же году онъ сдѣлался наставникомъ принца Карла фонъ-Фирстенберга, а съ іюля 1786 года ганноверскимъ правленіемъ опредѣленъ въ учители трехъ англійскихъ принцевъ: герцоговъ Кумберландскаго, Суссекскаго и Кембриджскаго, которымъ преподавалъ въ теченіе пяти лѣтъ языки греческій и латинскій. За ревностное исполненіе послѣдней должности не разъ былъ награждаемъ отъ англійскаго правительства.

Въ 1786 году, апрѣля 21-го, Буле публично защищалъ диссертацію, написанную имъ для полученія степени магистра: „De distributione librorum Aristotelis in exotericos et acroamaticos ejusque rationibus et causis" (Gottingae, стр. 97). Можно сказать, что изученіе Аристотеля Буле началъ еще въ школѣ и не покидалъ этого предмета до самаго переѣзда своего въ Москву. Любопытно прослѣдить тѣ небольшія статьи Буле, которыя имѣли предметомъ сочиненія Аристотеля и были только пріуготовительными работами къ предпринятому имъ впослѣдствіи изданію оныхъ. Цѣль диссертаціи Буле—показать, къ какому изъ двухъ разрядовъ (акроаматическому или экзотерическому) относится каждое сочиненіе Аристотеля, и какое вліяніе оказывалъ тотъ или другой методъ изложенія на самыя сочиненія. За эту диссертацію Буле получилъ степень магистра философіи и въ томъ же году избранъ былъ членомъ гёттингенскаго общества наукъ [5]. Около Пасхи 1787 года онъ получилъ мѣсто экстраординарнаго профессора философіи въ Гёттингенскомъ университетѣ и разсужденіемъ „О сатирической драмѣ грековъ" приглашалъ къ слушанію вступительной рѣчи „О пользѣ изученія исторіи древней философіи для вѣрнѣйшей оцѣнки трудовъ новыхъ философовъ" [6]. Въ то же время и Грельманъ получилъ каѳедру въ Гёттингенскомъ университетѣ; съ этихъ поръ началась дружба его съ Буле. Въ первый годъ профессорства своего Буле преподавалъ логику и метафизику, исторію древней философіи и исторію классической литературы новѣйшихъ народовъ [7]. Въ слѣдующемъ году публично Буле читалъ три раза въ недѣлю исторію англійской поэзіи, приватно психологію и исторію философіи [8].

Въ указанныхъ сочиненіяхъ Буле, относящихся къ класси-

ческой древности, есть одна очень важная сторона; въ этихъ мелкихъ, повидимому, незначительныхъ статьяхъ авторъ смѣло касается самыхъ трудныхъ, запутанныхъ вопросовъ науки; на нихъ хочетъ онъ остановить вниманіе ученыхъ и способствовать рѣшенію ихъ по крайнему своему разумѣнію. Значеніе сатирической драмы грековъ, вопросъ объ акроаматическихъ и экзотерическихъ сочиненіяхъ Аристотеля въ то время не были оцѣнены и достаточно изслѣдованы. И эти трудные вопросы поднимаетъ Буле въ то время, когда въ Германіи замѣчалось какое-то охлажденіе къ классической древности. „Изученіе классическихъ литературъ (замѣчаетъ Видебургъ въ предувѣдомленіи къ журналу своему „Humanistisches Magazin“) ослабѣваетъ отъ излишняго пристрастія къ новому, отъ господства легкаго чтенія. Пристрастіе къ легкому чтенію замѣтно и въ школахъ. Такъ называемые педагоги-филантропы своими планами и сочиненіями содѣйствовали раздробленію академическаго преподаванія и упадку древней литературы въ школахъ“. Съ цѣлью связать тѣснѣе древнюю литературу съ новою и привлечь болѣе сочувствія къ первой Видебургъ предпринялъ въ 1787 году изданіе журнала „Humanistisches Magazin“ [9]. Какъ одинъ изъ самыхъ жаркихъ сторонниковъ гуманическаго образованія, Буле принимаетъ участіе въ журналѣ Видебурга. Онъ помѣстилъ въ немъ статью „Ueber Minos des Jüngern Gesetzgebung in Kreta“, въ которой разсматриваетъ происхожденіе, свойства и цѣль Миносова законодательства [10]. „Магазинъ“ Видебурга имѣлъ въ виду популярное изложеніе различныхъ вопросовъ археологіи, и потому статьи, въ немъ помѣщенныя, имѣютъ не столько ученое, сколько педагогическое значеніе. Въ то же время и съ тѣмъ же популярнымъ направленіемъ издавался журналъ Морица и Поккеля „Magazin zur Erfahrungsseelenkunde“. Въ этомъ журналѣ находимъ также сочиненіе Буле „Ueber den Zustand der Seele nach dem Tode“ [11]. Авторъ въ формѣ разговора передаетъ свои мнѣнія о состояніи души послѣ смерти. Очевидно, давая сочиненію своему діалогическую форму, Буле думалъ упростить содержаніе, передать его понятнѣе большинству; но онъ не вполнѣ достигъ своей цѣли. Такимъ образомъ, уже при самомъ началѣ ученаго поприща Буле, обозначались тѣ двѣ области, которымъ онъ

посвятилъ преимущественно свою дѣятельность—классическая литература и философія. По желанію цвейбриккенскаго общества (Societas Bipontina), онъ принялъ на себя изданіе всѣхъ сочиненій Аристотеля, съ латинскимъ переводомъ, критическими и объяснительными примѣчаніями и т. п. Предпріятіе было трудное, но оно начато было въ самое благопріятное время. Изданія Аристотеля, появившіяся прежде, были большею частію неудовлетворительны, а по рѣдкости и цѣнности доступны немногимъ. Новый издатель сочиненій Аристотеля владѣлъ, между тѣмъ, драгоцѣнными пособіями для этого обширнаго труда, которыя предлагала богатая гёттингенская библіотека. Буле прилежно занялся изученіемъ Аристотеля, и почти всѣ статьи, напечатанныя имъ въ 1788—1790 годахъ, могутъ быть названы пріуготовительными трудами къ изданію сочиненій стагирскаго философа. „Для того, чтобы пользоваться сочиненіями Аристотеля,—говоритъ Буле,—нужно прежде всего изслѣдовать, какія дѣйствительно принадлежатъ ему и какія только приписываются ему“ [12]. Съ этой стороны Буле разсматриваетъ прежде всего метафизику Аристотеля и старается отдѣлить въ ней принадлежащее Аристотелю отъ подложнаго. Затѣмъ издателю представляется другой, не менѣе важный вопросъ—о порядкѣ расположенія сочиненій Аристотеля. Ближайшій путь къ его рѣшенію—собственныя сужденія Аристотеля о связи отдѣльныхъ предметовъ и отчасти способъ изложенія. По мнѣнію Буле, первое мѣсто должны занимать сочиненія, относящіяся къ философіи (какъ теоретической, такъ и практической); за ними слѣдуютъ сочиненія математическія, по части естествовѣдѣнія и наконецъ гипомнематическія [13]. Даже въ тѣхъ статьяхъ, которыя повидимому не имѣютъ прямаго отношенія къ Аристотелю, Буле преслѣдуетъ строго ту же цѣль—всесторонне изучить издаваемаго писателя, какъ, напр., въ сочиненіи „Commentatio de studii Graecarum litterarum inter Arabes initiis et rationibus“. На первый планъ онъ выставляетъ вопросъ о томъ, прямо ли черезъ грековъ или черезъ переводчиковъ познакомились арабы съ греческою литературою. Рѣшеніе этого вопроса, по мнѣнію Буле, важно въ двухъ отношеніяхъ: 1) Отсюда объяснится, почему арабы исключительно предались изученію меди-

цины, естественной исторіи, философіи, математики, астрономіи; почему эти науки исказились у нихъ заблужденіями, баснями. 2) Такое изслѣдованіе покажетъ достоинства арабскихъ переводовъ съ греческаго языка и степень значенія ихъ для возстановленія испорченнаго чтенія греческихъ рукописей, какъ и объясненія классиковъ. „Признаюсь,—говоритъ Буле,—что послѣдняя причина заставила меня разсмотрѣть этотъ вопросъ, чтобъ изслѣдовать происхожденіе и судьбу арабскихъ переводовъ Аристотеля и оцѣнить арабскіе комментаріи на Аристотеля“ [14].

Однимъ словомъ, Буле добросовѣстно и всесторонне изучалъ Аристотеля[15], прежде чѣмъ приступилъ къ изданію его сочиненій. Первый томъ его явился въ 1791 году; за нимъ вскорѣ послѣдовали и другіе („Aristotelis opera omnia graece etc“. Biponti, 5 томовъ, 1791, 1792, 1793 и 1798). Только пятый томъ былъ задержанъ военными обстоятельствами и семь лѣтъ оставался недопечатаннымъ. При оцѣнкѣ этого изданія Аристотеля нужно постоянно имѣть въ виду цѣль и планъ издателя, а также и тѣ трудности, которыя встрѣтили его при исполненіи предпріятія. Буле, печатая новое изданіе сочиненій Аристотеля, думалъ только удовлетворить настоятельнымъ потребностямъ людей, занимавшихся классическою литературою: ибо прежнія изданія Аристотеля, какъ уже было замѣчено, не для многихъ были доступны. Съ другой стороны издателю нужно было изучать самыя разнородныя произведенія Аристотеля, побѣждать трудности языка и манеры философа греческаго. Прибавимъ къ этому испорченность текста сочиненій Аристотеля, его мало объясненную въ то время исторію, и мы поймемъ, почему Буле долженъ былъ обойти многія объяснительныя статьи, которыя были бы не лишними при изученіи Аристотеля. При всемъ томъ Буле оказалъ ему большую услугу, которой отрицать нельзя. Изданіе, латинскій переводъ, объясненія, изслѣдованія, предпосланныя тексту, самое жизнеописаніе Аристотеля, написанное Буле, были для того времени и отчасти теперь остались прекраснымъ пособіемъ для изученія его сочиненій.—Вскорѣ послѣ появленія первыхъ четырехъ томовъ Буле издалъ „Arati Solensis Phaenomena et Diosemea, graece et latine“ (vol. primum, Lipsiae, 1793;

vol. secundum, 1801). Онъ задумалъ это изданіе еще въ 1786 году и получилъ драгоцѣнные для того матеріалы; но онъ оставилъ его, узнавъ, что тѣмъ же трудомъ занимался Миллеръ. Послѣдній умеръ, не окончивъ своего труда. Черезъ наставника своего, Гейне, Буле получилъ бумаги Миллера, въ которыхъ нашелъ драгоцѣнное собраніе разнорѣчащихъ чтеній (varietates lectionum), потому снова принялся за покинутое предпріятіе и напечаталъ Арата, присоединивъ къ нему латинскій переводъ. Особенно важны въ этомъ изданіи подлинныя схоліи Теона, напечатанныя по московской рукописи, которая была доставлена Буле профессоромъ Геймомъ, его дядею: въ ней есть значительныя отмѣны отъ обыкновенныхъ схолій.

Философія составляла другой главный предметъ занятій Буле. Кромѣ мелкихъ статей, онъ издалъ слѣдующія философскія сочиненія: 1) „Einleitung in die allgemeine Logik und die Kritik der reinen Vernunft“ (Göttingen, 1795); 2) „Sextus Empiricus oder der Scepticismus der Griechen“ (Lemgo, 1799); 3) „Geschichte des philosophirenden menschlichen Verstandes“ (Lemgo, 1791); 4) „Lehrbuch der Geschichte der Philosophie und einer kritischen Litteratur derselben“ (Göttingen, 1796, 8 Th.); 5) „Entwurf der Transcendentalphilosophie“ (Göttingen, 1798); 6) „Geschichte der neuern Philosophie seit der Epoche der Wiederherstellung der Wissenschaften“ (Göttingen, 1800—1804, 6 Th.).

Въ продолженіе многихъ лѣтъ Буле оставался профессоромъ философіи въ Гёттингенскомъ университетѣ. Политическія обстоятельства, коснувшіяся заведенія, въ которомъ онъ былъ профессоромъ, принудили его оставить каѳедру философіи и возвратиться на родину. Здѣсь жилъ онъ нѣсколько времени въ бездѣйствіи, женился, но скоро развелся съ супругою. Въ 1794 году онъ уже назначенъ былъ ординарнымъ профессоромъ философіи въ Гёттингенскомъ университетѣ. Буле хорошо понималъ, какое значеніе имѣлъ этотъ университетъ въ ученой жизни Германіи того времени; онъ точно также сознавалъ ясно и свои заслуги: потому онъ не могъ перенести равнодушно того, что̀ могло подорвать значеніе университета или ослабить изученіе науки, имъ преподаваемой. Когда профессоръ положительнаго права Гуго объявилъ въ 1798 году, что намѣренъ читать

юристамъ въ видѣ юридической пропедевтики логику, физику, психологію и мораль, Буле частнымъ письмомъ увѣщевалъ профессора отказаться отъ такого смѣлаго предпріятія. Совѣтъ Буле не поколебалъ намѣренія Гуго, и онъ рѣшился передать дѣло на судъ публики въ небольшой полемической брошюрѣ [16], показавъ, какой вредъ принесутъ изученію философіи лекціи человѣка, мало знакомаго съ ней. Этотъ открытый протестъ Буле противъ поверхностнаго преподаванія и изученія науки весьма замѣчателенъ, свидѣтельствуя объ его благородномъ образѣ мыслей.

17-го марта 1803 года утвержденъ и подписанъ былъ штатъ Императорскихъ россійскихъ университетовъ. Въ томъ же мѣсяцѣ попечитель Московскаго университета М. Н. Муравьевъ письменно просилъ гёттингенскаго профессора Мейнерса пригласить въ Московскій университетъ профессоровъ: Буле, Гофмана, Митчерлиха и Арнемана [17], сдѣлавши то же предложеніе и другимъ ученымъ [18]. По этому вызову отправился въ Москву одинъ изъ самыхъ близкихъ друзей Буле—профессоръ Грельманъ. Многіе не совѣтовали Грельману принимать предложеніе Муравьева; но онъ не обращалъ вниманія ни на какіе невыгодные для Россіи толки и уговаривалъ Буле перемѣнить гёттингенскую каѳедру на московскую. Его убѣжденія имѣли большое вліяніе на Буле и Гофмана, и самъ онъ отправлялся въ Москву съ самыми блестящими, многообразными надеждами [19]. 8-го апрѣля 1804 года Буле писалъ М. Н. Муравьеву: „Какъ ни тяжела для меня разлука съ здѣшнимъ университетомъ, съ друзьями и отечествомъ, но я съ удовольствіемъ готовъ принять предложеніе, которымъ Ваше Превосходительство меня почтили. На это новое поприще выхожу я тѣмъ съ большею радостію, что меня, надѣюсь, будетъ сопровождать, какъ добрый дружественный геній, благосклонность одного изъ просвѣщеннѣйшихъ и благороднѣйшихъ государственныхъ мужей Россіи. Мѣсто ординарнаго профессора изящной литературы и изложенія древнихъ историковъ было бы для меня желательнѣе, нежели должность преподавателя спекулативной философіи, курсъ которой для того, чтобъ быть привлекательнымъ и полезнымъ русскому юношеству, представилъ бы большія затрудненія; преподавая же

тѣ предметы, я скорѣе могу надѣяться заинтересовать слушателей и принесть имъ пользу“ [20]. Кромѣ жалованья ординарнаго профессора, Буле желалъ пользоваться въ Москвѣ казенною квартирою и получить 2000 руб. на проѣздъ. „На путевыя издержки (пишетъ Буле къ Муравьеву отъ 23-го апрѣля того же года) мнѣ нужна такая значительная сумма потому, что, какъ думаю, того требуютъ честь и выгоды моего будущаго званія въ Москвѣ. Хотя я уже кончилъ прочіе литературные труды свои, но въ отношеніи къ новому изданію сочиненій Аристотеля я еще только въ срединѣ дѣла. Явилось шесть томовъ Аристотеля, почти столько же остается еще издать. Не хотѣлось бы мнѣ, переселившись въ Москву, покинуть этотъ плодъ многолѣтнихъ занятій, которымъ думалъ я оставить по себѣ небольшую память въ ученомъ мірѣ. Издатель (der Verleger) профессоръ Экстеръ, въ Стразбургѣ, прекрасный человѣкъ, уже истратилъ на изданіе болѣе 8000 рейхсталеровъ; капиталъ этотъ долженъ большею частію погибнуть, если я откажусь отъ этого дѣла. Такъ какъ это обстоятельство препятствовало удаленію моему изъ Гёттингена, то я рѣшился пріобрѣсть необходимыя для меня рѣдчайшія древнія изданія и пособія, взять ихъ въ Москву и тамъ трудиться надъ окончаніемъ изданія. Съ этою цѣлью думалъ я истратить отъ пяти до шести сотъ рублей изъ путевыхъ денегъ“.—Наконецъ, 2-го ноября 1804 года, Буле выѣхалъ въ Россію. Вскорѣ по прибытіи въ Москву онъ оплакалъ друга и товарища своего по университету, Грельмана. По порученію Муравьева онъ написалъ рѣчь въ его память („Elogium Grellmani“. Переведена на нѣмецкій языкъ К. Грельманомъ. М. 1805). Въ Московскомъ университетѣ Буле преподавалъ въ 1805 году по четыре часа въ недѣлю: критическую метафизику, право естественное, публичное и народное; кромѣ того, читалъ приватныя лекціи о философіи, литературѣ греческой и римской, теоріи и исторіи изящныхъ искусствъ. Въ слѣдующемъ академическомъ году онъ началъ изъяснять и разбирать системы философскія Канта, Фихте, Шеллинга. Въ $180^{7}/_{8}$ академическомъ году Буле читалъ опытную психологію и логику и исторію философіи на латинскомъ языкѣ, и кромѣ того на французскомъ языкѣ читалъ исторію изящныхъ искусствъ въ Россіи. Въ $180^{8}/_{9}$ г.

на публичныхъ лекціяхъ онъ „предлагалъ литературу россійскихъ древностей и исторіи на французскомъ языкѣ“. Въ $18^{09}/_{10}$ г. предметомъ лекцій Буле была миѳологія и археологія въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. исторія живописи, скульптуры и архитектуры у египтянъ, грековъ, этрусковъ и римлянъ. У себя на дому Буле въ то же время давалъ частныя лекціи (lectiones privatissimae); въ числѣ слушателей такихъ лекцій былъ и А. С. Грибоѣдовъ. По увольненіи Баузе отъ должности директора Педагогическаго института мѣсто это занялъ Буле 30-го октября 1808 года[21]. Новыя обязанности присоединились къ его разнообразнымъ педагогическимъ занятіямъ. Воспитанниковъ этого института онъ занималъ объясненіемъ сатиръ и эпистолъ Горація, разсужденіями о предметахъ педагогическихъ. 9-го іюня 1809 года Буле утвержденъ былъ отъ попечителя Московскаго университета членомъ училищнаго комитета[22]. Исполняя трудныя и разнообразныя обязанности службы, Буле находилъ время и для ученыхъ трудовъ. При каталогахъ лекцій часто печатались небольшія разсужденія его касательно русскихъ древностей, археологіи и т. п. Такъ, при каталогѣ лекцій 1807 года напечатано его „Prolusio de antiquissima pictura Russica, inprimis de tabulis pictis Capponianis, hodie Romae in bibliotheca Vaticana asservatis etc.“ (въ томъ же году это разсужденіе переведено на русскій языкъ); при каталогѣ лекцій 1810 года помѣщено его: „Prolusio de antiquissimis delineationibus geographicis adhuc notis terrarum Russicarum“[23]. Если ученая дѣятельность Буле въ Германіи отличалась самостоятельностью и свободою отъ внѣшнихъ вліяній, то въ Москвѣ она отчасти подчинилась планамъ М. Н. Муравьева, который видѣлъ въ немъ человѣка, вполнѣ способнаго осуществить его благія начинанія на пользу русскаго просвѣщенія. Буле съ готовностію исполнялъ порученія Муравьева и принималъ на себя обязанность осуществлять его мысли. Въ этомъ служеніи дѣйствовало въ немъ благородное, сознательное уваженіе къ просвѣщеннымъ стремленіямъ попечителя, и самъ Муравьевъ являлся здѣсь не начальникомъ, а вѣрнымъ, умнымъ, добросовѣстнымъ помощникомъ. Письма Буле къ Муравьеву обнаруживаютъ интересныя подробности относительно ученой его дѣятельности и даютъ ясно видѣть, что попечитель былъ въ

ней невидимымъ для публики, но тѣмъ не менѣе мощнымъ дѣятелемъ. Статьи „Московскихъ Ученыхъ Вѣдомостей“, „Журнала Изящныхъ Искусствъ“ большею частію просматривались самимъ Муравьевымъ; онъ же доставлялъ и рисунки для послѣдняго изданія и неусыпно слѣдилъ за его ходомъ. Самый планъ „Московскихъ Ученыхъ Вѣдомостей“ и „Журнала Изящныхъ Искусствъ“ принадлежитъ Муравьеву. Увѣдомляя его, что по необходимости въ „Ученыхъ Вѣдомостяхъ“ будутъ разобраны нѣкоторыя, не новыя уже книги, Буле продолжаетъ: *„Я впрочемъ съ своей стороны съ большимъ удовольствіемъ* буду слѣдовать инструкціи, которую сообщили мнѣ Ваше Превосходительство, на сколько то позволятъ тѣсные предѣлы листа“ [24]. Въ посвященіи первой книжки „Журнала Изящныхъ Искусствъ“ Муравьеву Буле говоритъ: „Вашему Превосходительству осмѣливаюсь посвятить первую книжку „Журнала Изящныхъ Искусствъ“. Она есть опытъ ученаго изданія, *коего планъ обязанъ бытіемъ своимъ Вашему лестному ободренію, коего успѣхъ будущій* должно почесть плодомъ особеннаго Вашего покровительства. Весьма счастливымъ почту себя, если сей первый опытъ хотя нѣсколько оправдаетъ надежду, возложенную Вашимъ Превосходительствомъ на мои способности распространять художественныя знанія и содѣйствовать сколько ни есть возвышенію вкуса въ обширнѣйшей Россіи“.

„Журналъ Изящныхъ Искусствъ“, начатый Буле, не имѣлъ успѣха и прекратился послѣ третьей книжки. Статьи большею частію писаны самимъ издателемъ и переведены на русскій языкъ Кошанскимъ. Изданіе должно было содержать теорію и исторію изящныхъ искусствъ. Буле говоритъ, что „оно, сколько можно, будетъ ближе къ генію и характеру россійскаго народа, ко всѣмъ отношеніямъ внутреннимъ и внѣшнимъ, къ мѣстному положенію и къ нынѣшнему состоянію изящныхъ искусствъ въ Россіи“ [25]. „Московскія Ученыя Вѣдомости“ продолжались три года (1805—1807), несмотря на то, что въ первый годъ существованія рецензіи почти исключительно были писаны Буле, который жаловался Муравьеву, что въ профессорахъ мало находитъ содѣйствія своему изданію. Главною цѣлью изданія было „сообщать россійской публикѣ историческое извѣстіе о вышедшихъ вновь

важнѣйшихъ и занимательнѣйшихъ сочиненіяхъ, какъ соотечественныхъ, такъ и иностранныхъ писателей, и показывать правильно, опредѣленно, ясно и притомъ сколько можно сокращеннѣе, что есть въ сихъ сочиненіяхъ лучшее и сколько чрезъ оныя дѣйствительно способствовано было къ усовершенствованію наукъ и искусствъ, изящнаго вкуса, метода ученія и воспитанія: однимъ словомъ, общественной жизни“ [26]. Кромѣ рецензій, въ „Ученыхъ Вѣдомостяхъ“ находимъ извѣстія о Московскомъ университетѣ. Мысль издавать на русскомъ языкѣ журналъ, посвященный исключительно ученой критикѣ, была уже не новою у насъ, хотя Буле и называетъ свои „Вѣдомости“ первымъ опытомъ въ этомъ дѣлѣ. Подобное изданіе начато было дальновиднымъ Новиковымъ еще въ 1777 году въ С.-Петербургѣ и выходило подъ названіемъ „С.-Петербургскія Ученыя Вѣдомости“. Но общество, трудившееся надъ этимъ журналомъ, состояло изъ людей, которые не получили такого обширнаго образованія, какимъ отличался Буле. Критика „С.-Петербургскихъ Ученыхъ Вѣдомостей“ никогда не идетъ далѣе библіографическаго извѣстія о книгѣ и краткаго изложенія ея содержанія. У Буле можно найти почти всегда дѣльную оцѣнку разбираемаго сочиненія, хотя съ другой стороны языкъ рецензій часто обезображенъ барбаризмами, неловкими оборотами, которые вносились переводчиками статей.

Въ Москвѣ литературная дѣятельность Буле повидимому ослабѣла. Кромѣ небольшихъ программъ, уже указанныхъ прежде, и составленія двухъ ученыхъ журналовъ, онъ издалъ только „Prospectus sur l'Archéologie“ (M. 1805); „De optima ratione, qua Historia populorum, qui ante saeculum novum terras nunc imperio Russico subjectas, praesertim meridionales, inhabitasse aut pertransisse feruntur, condi posse videatur. Oratio in anniversariis solemnibus Inaugurationis Universitatis Caesareae Mosquensis D. XXX Junii. A. MDCCCVI habita a J. T. Buhle“; „Versuch einer kritischen Literatur der Russischen Geschichte“ (M. 1810). Буле замѣчаетъ въ предисловіи къ послѣдней книгѣ, что для успѣховъ русской исторіи нужно прежде всего точно и полно обозначить всѣ существующіе источники и памятники ея, присоединивъ къ подобнымъ указаніямъ критическую оцѣнку (стр.

XII—XIII). Эту мысль думалъ исполнить Буле, издавая свой „Опытъ критической литературы русской исторіи“. Первый томъ содержитъ въ себѣ литературу древнѣйшей сѣверной исторіи, во второмъ томѣ издатель думалъ разсмотрѣть литературу русской исторіи до начала XVII вѣка, въ третьемъ до мира Абовскаго; но изданіе ограничилось однимъ первымъ томомъ.

Мы должны сказать нѣсколько словъ въ объясненіе этой скудной литературной дѣятельности Буле въ Москвѣ, сравнительно съ богатствомъ и разнообразіемъ его начинаній въ Гёттингенѣ: потому что нѣкоторые иностранные ученые хотятъ сложить всю вину этого явленія на положеніе Буле въ Москвѣ, будто бы убивавшее въ немъ всякіе порывы къ ученой дѣятельности. Этотъ фактъ объясняется, напротивъ, тѣмъ обиліемъ лекцій, которыя онъ большею частію самъ добровольно на себя налагалъ, съ другой стороны изданіемъ такихъ ученыхъ журналовъ, каковы „Ученыя Вѣдомости“ и „Журналъ Изящныхъ Искусствъ“. „Съ начала новаго курса (пишетъ Буле къ Муравьеву отъ 30-го октября 1805 года) я долженъ каждый день читать четыре приватныя лекціи, кромѣ публичныхъ въ университетѣ; этимъ мой досугъ слишкомъ ограниченъ“. Не забудемъ также трудовъ Буле, имѣвшихъ цѣлію исполнить планы Муравьева. Сюда относится составленная по порученію попечителя брошюра о состояніи Московскаго университета и отношеніи къ нему публики (на французскомъ языкѣ, вышла безъ имени автора); сюда относятся извѣстія о Московскомъ университетѣ, помѣщенныя Буле въ Гамбургскихъ и Гёттингенскихъ Вѣдомостяхъ. Сюда относится наконецъ небольшое, но плодотворное его сочиненіе: „Bescheidene Vorschläge zu einer Instruction für die künftige Organisation und Administration der Universitäts-bibliothek in Moskwa“. Оно было представлено Муравьеву, но не издано. Проектъ новаго устройства важенъ былъ въ то время для университетской библіотеки, которая находилась тогда въ безпорядкѣ и даже не имѣла каталога. Нынѣшнее прекрасное и удобное для читателей устройство университетской библіотеки основано на проектѣ, написанномъ Буле, который указалъ на необходимость имѣть двоякій каталогъ—алфавитный и система-

тическій. Эти труды и занятія Буле могутъ объяснить, почему литературная его дѣятельность въ Москвѣ получила болѣе тѣсные предѣлы, нежели она имѣла въ Гёттингенѣ. Нельзя, кромѣ того, не упомянуть, что Буле доставлялъ различныя статьи о Россіи для извѣстной „Энциклопедіи“ Эрша и Грубера. Въ 1807 году М. Н. Муравьевъ опасно заболѣлъ. „Молю Провидѣніе,—писалъ къ нему въ то время Буле,—чтобы оно возстановило здоровье Вашего Превосходительства и надолго сохраняло Русскому государству одного изъ благороднѣйшихъ и умнѣйшихъ людей, нашему университету и наукѣ въ особенности всѣми почитаемаго и любимаго покровителя; всѣмъ сердцемъ вѣрю, что въ этомъ лежитъ залогъ всего прекраснаго для будущаго времени“. Но въ іюлѣ того же года не стало Муравьева; эта потеря скорбно отозвалась въ сердцѣ Буле. Недолго послѣ того оставался онъ въ Московскомъ университетѣ Въ 1811 г. онъ былъ опредѣленъ библіотекаремъ ея высочества великой княгини Екатерины Павловны, у которой еще прежде Буле имѣлъ счастіе бывать во время пребыванія ея высочества въ Твери и разсуждать о философіи, искусствѣ и исторіи. Лестные отзывы великой княгини о талантахъ и познаніяхъ Буле обратили на него вниманіе императора Александра. Его величеству угодно было пригласить профессора въ Тверь для совѣщанія съ нимъ о нѣкоторыхъ финансовыхъ мѣрахъ. Вслѣдствіе этого Буле присоединенъ былъ къ штату принца Ольденбургскаго съ 7000 р. жалованья. Во время нашествія Наполеона на Россію Буле оставался постоянно при великой княгинѣ, сопровождалъ ее въ Тверь и Ярославль. Къ этому времени относится неизданное сочиненіе Буле, въ которомъ онъ сравниваетъ нашествіе французовъ на Россію съ походомъ галловъ на Римъ. По смерти принца Ольденбургскаго Буле сопровождалъ супругу его въ Петербургъ, а въ 1814 году отправился съ великою княгинею въ Любекъ. Получивъ отставку, онъ возвратился въ августѣ того же года на родину и съ помощію Эшенбурга получилъ каѳедру въ Каролингскомъ коллегіумѣ въ Брауншвейгѣ. Здѣсь онъ снова думалъ приняться за окончаніе изданія Аристотеля и описаніе путешествія своего въ Россію. При учрежденіи цензуры Буле назначенъ былъ отъ правительства цензоромъ. Новая должность навлекла на него непріятности,

поссоривъ его съ однимъ профессоромъ того же коллегіума. Смерть сестры, которую Буле нѣжно любилъ и съ которою не могъ разлучиться даже отправляясь въ Россію, ввергла его въ глубокую печаль. Онъ заболѣлъ и скончался 11-го августа 1821 года. Послѣднимъ произведеніемъ его было „Ueber den Ursprung und Leben des Menschengeschlechts und das künftige Loos nach dem Tode“ (Braunschweig, 1821).

III. Профессоръ I. М. Шаденъ.

Шаденъ, Іоганнъ Маттіасъ (Ioannes Matthias Schaden), докторъ философіи, публичный ординарный профессоръ нравственной философіи, права естественнаго и народнаго и политики, ректоръ обѣихъ университетскихъ гимназій,—родился въ Венгріи, въ городѣ Пресбургѣ. Въ гимназіи этого города получилъ онъ первоначальное образованіе, а въ 1752 году отправился въ Тюбингенскій университетъ [1]. Не будетъ излишнимъ упомянуть имена нѣкоторыхъ профессоровъ, которыхъ слушалъ здѣсь Шаденъ. Іог. Фр. Котта былъ ординарнымъ профессоромъ богословія. Онъ отличался обширною ученостію и, какъ догматикъ, былъ строгій защитникъ православнаго догмата. Церковная исторія въ объясненіи частностей многимъ ему обязана. Слѣды его преподаванія очевидны въ рѣчахъ Шадена, который съ уваженіемъ отзывался о тюбингенскомъ своемъ наставникѣ: „praeceptor quondam meus mihi ad cineres usque venerandus“, говоритъ онъ [2]. Котта отличался и нравственными достоинствами; будучи самъ бездѣтенъ, помогалъ бѣднымъ студентамъ. Фаберъ, членъ богословской семинаріи въ Тюбингенѣ, преподавалъ мораль (съ 1750 г.) и богословіе (съ 1752 г.). Въ своихъ проповѣдяхъ, диссертаціяхъ и программахъ онъ постоянно и неуклонно учитъ нравственному усовершенствованію. Особенно извѣстно неоконченное сочиненіе его „Theologiae dogmaticae loci V priores“. Фаберъ былъ послѣдователемъ Лейбницевой философіи, съ которою познакомилъ его Канцъ, также профессоръ Тюбингенскаго университета, не разъ упоминаемый въ рѣчахъ

Шадена. Физику и математику читалъ Кизъ (Kies), пользовавшійся благосклонностію Вольфа и въ Берлинѣ слушавшій лекціи знаменитаго Бернулли. Ординарнымъ профессоромъ правъ былъ Логеншёльдъ. Но особеннымъ уваженіемъ пользовался профессоръ логики и метафизики Плуккѐ (Ploucquet), занявшій эту каѳедру послѣ Канца въ 1750 г.; онъ читалъ также математическія и экономическія лекціи. Шаденъ признается, что многимъ ему обязанъ. Шнурреръ обучалъ языкамъ восточнымъ, греческому и еврейскому. Знаменитый Бильфингеръ, впослѣдствіи вызванный въ Петербургскую Академію наукъ, впервые занесъ въ Тюбингенскій университетъ философію Лейбница и Вольфа. На ней воспитанъ и Шаденъ, ея началами объясняются многія основныя положенія его педагогической теоріи. Стоитъ только прослѣдить, на какихъ писателей ссылается Шаденъ въ рѣчахъ своихъ, чтобы видѣть, какъ сильно было на него вліяніе преподавателей Тюбингенскаго университета; преимущественно онъ занимался въ немъ изученіемъ филологіи и философіи. Въ немъ получилъ Шаденъ степень доктора философіи и въ 1756 г. призванъ въ Московскій университетъ для правленія ректорской должности надъ гимназіями. Вмѣстѣ съ нимъ прибылъ въ Москву Фромманъ: философскій факультетъ Тюбингенскаго университета „засвидѣтельствовалъ о ихъ добропорядочномъ житіи и превосходномъ знаніи“.

Шаденъ пріѣхалъ въ Москву 11-го іюня 1756 г. [3]; 26-го іюня, при вступленіи въ ректорскую должность, онъ произнесъ рѣчь на латинскомъ языкѣ „De gymnasiis in Moscovia rite aperiundis“; она не была напечатана. Съ этихъ поръ начинается многолѣтняя служба Шадена въ гимназіи и въ университетѣ. Къ сожалѣнію, мы почти не имѣемъ біографическихъ данныхъ объ этомъ знаменитомъ наставникѣ Фонъ-Визина и Карамзина; намъ остается привести скудныя воспоминанія о немъ учениковъ его, прослѣдить его преподаваніе и изложить содержаніе рѣчей, произнесенныхъ имъ на разные случаи въ торжественныхъ собраніяхъ университета.

Въ засѣданіи университетской конференціи 6-го ноября 1756 г. рѣшено было, чтобы ректоръ гимназій представилъ планъ обученія въ нихъ (institutionem gymnasticam). Шаденъ, 9-го

числа того же мѣсяца, прочелъ въ совѣтѣ планъ ученія для низшихъ французскихъ классовъ. Въ началѣ слѣдующаго года „для всякихъ справокъ по гимназическимъ дѣламъ учреждено быть въ конференціи за особливымъ столомъ ректору". Такимъ образомъ первоначальный видъ гимназіямъ Московскаго университета далъ Шаденъ; онъ измѣненъ былъ, по случаю многихъ злоупотребленій, вкравшихся въ устройство гимназій, профессоромъ Шварцомъ. 16-го декабря 1756 г. происходилъ въ гимназіи актъ, на которомъ ректоръ говорилъ рѣчь „О средствѣ, какимъ образомъ наукамъ обучать и обучаться". Въ іюлѣ слѣдующаго года, при производствѣ учениковъ гимназіи въ студенты и награжденіи ихъ медалями, Шаденъ говорилъ на латинскомъ языкѣ рѣчь „О обыкновеніи древнихъ въ раздаваніи награжденій" [4]. Изъ каталога лекцій на зимній семестръ 1757 г. узнаемъ, что ректоръ Шаденъ „въ дворянской гимназіи риторику, также піитику, миѳологію, руководство къ чтенію писателей классическихъ, состояніе военное, политическое и житіе академическое [5], весь курсъ философіи кратко прочтетъ. При томъ и тѣхъ по возможности удовольствуетъ, которые высшихъ и лучшихъ желаютъ наукъ, какъ-то греческаго языка, древностей римскихъ и греческихъ. А есть ли найдутся, которые восточнымъ языкамъ еврейскому и халдейскому учиться, и оныхъ древности разсмотрѣть пожелаютъ, то онъ имъ не только въ филологію руководство тѣхъ восточныхъ языковъ, но и особенное наставленіе въ языкахъ еврейскомъ и халдейскомъ преподастъ". Шадену же принадлежалъ и высшій латинскій классъ гимназіи. О преподаваніи можно получить понятіе изъ слѣдующаго перечня руководствъ, которыя употреблялъ Шаденъ при обученіи латинскому языку: 1) Цицероновы письма, 2) его же избранныя рѣчи, 3) его же „De officiis", 4) Овидіевы „Превращенія", 5) „Gradus ad Parnassum Latinum", 6) Основанія Гейнекціевы о стилѣ [6]. Курсъ философіи преподавался по логикѣ и метафизикѣ Баумейстера (переведеннымъ на русскій языкъ и изданнымъ на счетъ университета), его же „Новѣйшей философіи" и „Опредѣленіямъ философическимъ" и Гейнекція „Разумной и нравоучительной философіи". Воспитанникъ Тюбингенскаго университета, Шаденъ перенесъ къ намъ господствующую въ

немъ философію Вольфа: Баумейстеръ былъ толкователемъ ея. По словамъ М. Н. Муравьева, Шаденъ слушалъ Баумейстера [7]; но мы не нашли подтвержденія этому свидѣтельству. Несомнѣнно впрочемъ, что, воспитавшись на философіи Вольфа, Шаденъ не остановился на ней и слѣдилъ за ея развитіемъ до Канта.

Подробнѣе можемъ говорить о преподаваніи Шаденомъ риторики: случай сохранилъ учебникъ этой науки, составленный имъ для гимназіи [8]. Въ сущности онъ немногимъ отличается отъ общепринятыхъ въ то время руководствъ къ изученію риторики. Въ введеніи Шаденъ разсуждаетъ о сущности и свойствахъ риторики. „Она указываетъ намъ путь къ истинному краснорѣчію". Вмѣстѣ съ Фоссіемъ [9], у котораго заимствуетъ онъ дословно цѣлыя мѣста, профессоръ тѣмъ отличаетъ ритора отъ оратора, что первый преподаетъ правила краснорѣчія, второй примѣняетъ ихъ къ дѣлу: потому риторика есть теорія, оторія—практика. Но въ раздѣленіи риторики Шаденъ во многомъ отступаетъ отъ Фоссія. Изъ самаго происхожденія риторики онъ выводитъ, что „всякая риторика безъ чтенія лучшихъ писателей и частыхъ упражненій въ сочиненіи безплодна, — что наставникъ долженъ болѣе удѣлять времени на чтеніе и объясненіе писателей, на упражненіе въ сочиненіяхъ, нежели на теоретическія правила". Въ гимназіи Шаденъ преподавалъ только риторику, „oratoriae studium Universitati relinquimus" (замѣчалъ онъ). Самую риторику онъ раздѣлялъ на двѣ части: 1) теоретическую и 2) практическую. „Цѣль первой научить человѣка излагать свои мысли ясно и изящно. Средства, ведущія къ ней, двухъ родовъ: необходимо не только владѣть изобиліемъ словъ и понимать значеніе каждаго изъ нихъ, но и умѣть прилично связать ихъ между собою. Потому практическая риторика разсуждаетъ: 1) о изобиліи словъ (copia verborum); 2) о соединеніи словъ въ періоды; 3) о соединеніи періода посредствомъ силлогизма, письма, въ особенности же посредствомъ хріи; 4) о соединеніи хріи, которое встрѣчается въ цѣлыхъ рѣчахъ". Таковы четыре части, на которыя Шаденъ дѣлитъ теоретическую риторику. Въ главѣ объ изобиліи словъ Шаденъ указываетъ на Эразма и Шеффера, какъ лучшихъ теоретиковъ по этой части; какъ по

собія предлагаетъ Фабера „Thesaurus linguae latinae“ и Геснера „Nova linguae et eruditionis Romanae thesaurus“, также замѣчанія Гохленія, кардинала Бембо, Альда, Павла Мануція. Въ этой же главѣ излагается ученіе о фигурахъ (т. е. риторической „варіаціи словъ“), которыя Шаденъ называетъ украшеніемъ риторики. Вся эта бо̀льшая половина первой главы заимствована цѣликомъ изъ книги Фоссія; даже примѣры оставлены тѣ же самые (см. „Vossii Partitionum oratoriarum“, libri IV, cap. IV—X). Во второй главѣ излагается подробное ученіе о сочетаніи словъ въ періоды. Опредѣливъ періодъ, Шаденъ (по Фоссію) говоритъ о частяхъ его и подробно объясняетъ виды періодовъ,—обычай, надъ которымъ смѣется Готтшедъ въ своемъ „Ausführliche Redekunst“, говоря, что такія Gängelwagen нужны развѣ для дѣтей и невѣждъ. Впрочемъ Шаденъ, имѣя въ виду связать риторику съ изученіемъ латинскаго слога, долженъ былъ войти въ такія подробности о періодахъ, которыхъ не было у Фоссія и Готтшеда; въ его курсѣ риторики разборъ грамматическихъ основаній слога (по выраженію того времени) былъ необходимъ. Глава Шаденовой риторики о періодахъ имѣетъ много общаго съ изложеніемъ того же предмета въ „Начертаніи первыхъ основаній нѣмецкаго слога“ Шварца. Отъ видовъ періода Шаденъ переходитъ къ построенію періодовъ простыхъ и сложныхъ, къ употребленію знаковъ препинанія въ періодахъ и наконецъ къ соединенію членовъ періода и размѣру ораторскому (numerus oratorius). Въ главѣ о сочетаніи періодовъ Шаденъ излагаетъ общепринятыя понятія о хріи порядочной [10] (ordinata) и непорядочной (inversa), о силлогизмѣ ораторскомъ и письмахъ. Только въ послѣдней главѣ говоритъ онъ о рѣчи вообще, изобрѣтеніи и его источникахъ, расположеніи и выраженіи. Таково содержаніе курса риторики, читаннаго Шаденомъ въ 1769 году. Болѣе обширный объемъ имѣли у него практическая риторика, письменныя упражненія слушателей въ латинскомъ слогѣ. По образцу школьныхъ риторикъ XVII и XVII столѣтій профессоръ давалъ слушателямъ примѣръ для обработки его по правиламъ риторическимъ. Въ этомъ трудѣ находили себѣ примѣненіе всѣ правила теоретической риторики отъ сочетанія словъ до сочетанія хрій или полной рѣчи. Такъ какъ Шаденъ имѣлъ въ виду связать

наставленія риторическія съ изученіемъ латинскаго слога, то подобныя практическія упражненія были полезны учащимся, знакомя ихъ съ различными оборотами латинскаго языка. Профессоръ тщательно слѣдилъ за чистотою стиля учащихся. „Въ изобиліи словъ (copia) должно сохранять чистоту (говоритъ онъ въ § 13-мъ своей риторики), должно заботиться, чтобъ рѣчь была правильна, изящна, чиста. Такъ, напр., не должно говорить piissimus, слово, которое Цицеронъ называетъ чуждымъ римскому уху; не должно говорить: dedit mihi licentiam, profecit mihi potestatem, dare injuriam, вмѣсто facere injuriam. Потому сильно ошибаются тѣ, которые думаютъ, что не слѣдуетъ заботиться о выборѣ выраженій, только бы было понятно: потому что смѣшно выдумывать фразы и слова, которыя не согласны съ свойствомъ и идіотизмами языка". Прикладная риторика Шадена (если такъ можно выразиться) приносила большую пользу въ высшемъ латинскомъ классѣ гимназіи. Логику и метафизику, какъ и остальные предметы преподаванія своего, Шаденъ читалъ также по-латыни. „Сей ученый мужъ (говоритъ о немъ Фонъ-Визинъ) имѣетъ отмѣнное дарованіе преподавать лекціи и изъяснять такъ внятно, что успѣхи наши были очевидны". Въ „Посланіи къ И. П. Тургеневу" Муравьева, есть также стихъ о нашемъ профессорѣ:

И Шаденъ истину являетъ безъ покрова.

Эти признательные отзывы двухъ знаменитыхъ учениковъ Шадена подтверждаются воспоминаніями другихъ его питомцевъ. Авторъ „Памятника достопочтенному профессору Шадену" спрашиваетъ:

Гдѣ тѣ сладчайшіе глаголы устъ твоихъ,
Которые ты лилъ обильными рѣками?—
Какъ Риторъ ты владѣлъ учащихся сердцами.
Какъ Философъ—любить ты истину училъ,
И въ томъ примѣромъ самъ отличнѣйшимъ служилъ.
Ты былъ учености и мудрости ревнитель,
Ты вѣры былъ святой всю жизнь свою хранитель.
И друга, и отца учащимся являлъ,
Ихъ пользу, счастье ихъ ты собственнымъ считалъ [11].

Изъ словъ Тимковскаго можно видѣть, что лекціи Шадена отличались изложеніемъ живымъ, чуждымъ педантическаго однообразія и крайне-строгаго догматизма: „Записки его были на латинскомъ языкѣ, тоже и лекціи, съ громкою декламаціею и съ полными жестами, actio, которыми онъ оживлялъ самый догматизмъ. А для прикрасы вмѣшивались порою и русскія выраженія, обращаемыя къ лицу: „Хочешь, батюшка, имѣть жену, выбирай годъ, выбирай два“.

Съ благодарностью вспоминаетъ о Шаденѣ Карамзинъ. Въ первой юности онъ былъ помѣщенъ въ пансіонъ, который содержалъ Шаденъ на 8 человѣкъ; кромѣ самого профессора, въ немъ преподавали другіе—приходившіе учители. Пансіонъ этотъ существовалъ недолго, въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Находясь въ немъ, Карамзинъ посѣщалъ въ то же время и нѣкоторыя университетскія лекціи. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ ни объема, ни направленія преподаванія въ пансіонѣ Шадена, ни того, какія лекціи университетскихъ профессоровъ посѣщалъ Карамзинъ. Если можно говорить о прямомъ непосредственномъ вліяніи политической доктрины Шадена на Карамзина, если Шаденовъ идеалъ монархіи отзывается въ произведеніяхъ нашего исторіографа, — то мы непремѣнно должны предположить, что послѣдній былъ знакомъ съ университетскими лекціями Шадена, рѣчами его и выслушалъ у него не одно нравоученіе Геллерта, о чемъ самъ говоритъ въ „Письмахъ русскаго путешественника“. Вотъ это мѣсто: „Въ Вендлеровомъ саду видѣлъ я Геллертовъ монументъ, сдѣланный изъ бѣлаго мрамора профессоромъ Эзеромъ. Тутъ, смотря на сей памятникъ добродѣтельнаго мужа, дружбою сооруженный, вспомнилъ я то счастливое время моего ребячества, когда Геллертовы басни составляли почти всю мою библіотеку; когда, читая его Инкле и Ярико, обливался я горькими слезами, или, читая „Зеленаго Осла“, смѣялся отъ всего сердца; когда профессоръ Шаденъ, преподавая намъ, маленькимъ ученикамъ, мораль по Геллертовымъ лекціямъ (Moralische Vorlesungen) [12], съ жаромъ говаривалъ: „Друзья мои! будьте таковы, какими учитъ васъ быть Геллертъ, и вы будете счастливы“ [13]. Обширно и благодѣтельно было вліяніе Геллерта на нѣмцевъ, особенно

на средній классъ народа. Сочиненія его Гёте называетъ „основаніемъ нравственной культуры Германіи“. Это вліяніе объясняютъ тѣмъ, что онъ умѣлъ соединить образованіе съ глубокимъ религіознымъ направленіемъ и чистою нравственною жизнью. Въ своихъ лекціяхъ нравоученія онъ думалъ живо представить только „главнѣйшія части нравоученія не только доказательствами разума, но и побужденіями сердца, голосомъ внутренняго чувства и совѣсти, примѣрами и картинами“. „Задача морали,—говоритъ онъ,—познать наше назначеніе и средства его исполнить“. Въ основныхъ мысляхъ рѣчей Шадена мы найдемъ во многихъ случаяхъ поразительное сходство со многими положеніями Геллертовыхъ нравоучительныхъ лекцій. Но у Шадена онѣ составляютъ только часть полнаго ученія о политикѣ; онѣ тѣсно связаны съ его воззрѣніемъ на государственное устройство, право, воспитаніе и такъ дал. Геллертъ, напротивъ, самъ отказывается отъ полной системы нравоученія. У Шадена же всѣ части преподаванія были тѣсно связаны. „Нравственной философіи предшествовала исторія философіи; въ правахъ заключались право естественное, общее, публичное и гражданское, народное, общее и положительное; къ политикѣ относились законодательство, правленіе и экономія политическая. Такая объятность предметовъ, данныхъ одному, очевидно совокупляетъ по крайней мѣрѣ три раздѣльныхъ каѳедры. Какъ она ни была бы выгодна для послѣдовательной системы преподавателя, но въ трехлѣтнемъ его курсѣ тягостна для слушателей тѣмъ, что послѣ общихъ наукъ немногимъ доставалось выслушать его вполнѣ, и какъ слушатели ежегодно приходили новые, то иные поступали на середину, иные на конецъ курса и третьи только на его начало“ [14]. Лекціямъ морали Шаденъ, благодаря своей обширной учености, давалъ характеръ строго-научный, и потому въ лекціяхъ Шадена о нравоученіи не было, конечно, того недостатка, котораго замѣтилъ Гёте въ Геллертовыхъ, говоря: „Въ такія минуты философская аудиторія была полна, и прекрасная душа, чистая воля, участіе благороднаго человѣка (Геллерта) въ нашемъ благѣ, его убѣжденія, предостереженія и просьбы, произносившіяся нѣсколько печальнымъ голосомъ, производили только минутное впечатлѣніе; оно не оставалось надолго, тѣмъ

болѣе, что находились пересмѣшники, которые умѣли эту мягкую и (какъ говорили они) разслабляющую методу сдѣлать подозрительною въ нашихъ глазахъ“ [15]. Впрочемъ, не имѣя другихъ данныхъ о Шаденовыхъ лекціяхъ нравоученія, мы должны ограничиться только этими замѣчаніями.

Въ университетѣ въ зимній семестръ 1757 года Шаденъ училъ „греческому языку; показывалъ также греческія и римскія древности и введеніе въ свободныя науки, и охотникамъ нумизматику и геральдику и другія къ тому принадлежности“. Потомъ объ университетскомъ преподаваніи Шадена не находимъ извѣстій въ объявленіяхъ и лекціяхъ. „Въ $176^4/_5$ г. преподавалъ логику и метафизику, слѣдуя Винклеровымъ наставленіямъ всея философіи, отъ 4 до 6 часовъ по полудни, къ чему также пріобщитъ и краткое введеніе въ эстетику“ [16]. 2-го августа 1772 г. Шаденъ сложилъ съ себя званіе ректора обѣихъ гимназій и сдалъ его новоприбывшему изъ Германіи лейпцигскому магистру Маттеи, а самъ принялъ каѳедру практической философіи въ университетѣ и по этому случаю произнесъ рѣчь „De haeresibus Criticorum“. Отъ 1771 до 1796 г. онъ читалъ практическую философію и этику по Винклеру, Эрнести, Федеру и Якобу; объяснялъ Пуффендорфово сочиненіе „De officiis hominis et civis“; излагалъ народное право по Ваттелю, политику по Бильфельду и „правила приватнаго благоразумія, или экономіи“; далѣе сокращенную общую исторію всѣхъ нравственныхъ наукъ, право естественное, всеобщее государственное право по Ахенвалю и нѣсколько разъ читалъ политику или науку государственнаго правленія. Съ $177^8/_9$ года Шаденъ перенесъ тѣ же свои лекціи изъ философскаго факультета въ юридическій, связавъ науку общаго права съ правомъ россійскимъ. Въ преподаваніи философіи, судя по ссылкамъ, какія онъ дѣлаетъ въ рѣчахъ своихъ, можно замѣтить, что онъ слѣдилъ движеніе наукъ въ Германіи и былъ знакомъ уже съ философіею Канта.

Профессоръ не оставилъ намъ другихъ сочиненій, кромѣ рѣчей своихъ; но въ нихъ вполнѣ выражается взглядъ Шадена на науку, на государство, на воспитаніе. Вникая въ содержаніе ихъ, можно вполнѣ сочувствовать куратору В. Е. Ададурову, который выражалъ радость свою Миллеру, что могъ удержать

Шадена на мѣстѣ ректора гимназіи, и ученику его М. Н. Муравьеву, который называлъ ихъ „настоящими трактатами философіи и градоправительственной науки".

Рѣчи всѣ писаны на латинскомъ языкѣ, но тогда же онѣ переводимы были на русскій языкъ учениками Шадена и печатаемы въ русскомъ переводѣ вмѣстѣ съ латинскимъ подлинникомъ. Сначала поименуемъ ихъ, а потомъ познакомимся съ ихъ содержаніемъ.

1) 1767 г. 23-го апрѣля: „De anima legum. О душѣ законовъ".— 2) 1770 г. 30-го іюня: „Oratio solemnis de eo, quod justum est in jure Principis, circa educationem civium, scientiarum artiumque studia. О правѣ обладателя въ разсужденіи воспитанія и просвѣщенія науками и художествами подданныхъ". — 3) 1773 г. апрѣля 22-го: „De eo, quod naturaliter justum est, in jure parentum, circa educationem liberorum. О правѣ родителей въ воспитаніи дѣтей".—4) 1775 г. іюня 30-го: „Oratio de Monarchiis amori Patriae excitando et fovendo maxime aptis ac eodem praecipua in iis legum anima. О Монархіяхъ, способныхъ возбуждать и питать любовь къ отечеству, и о томъ, что любовь сія есть главная душа законовъ въ Монархіяхъ".—5) 1779 г. апрѣля 22-го: „Panegyricus de Catharina Magna Legislatorum prima omnium, Legislationem suam, sapienti ac divino prorsus consilio, conscientiae, foro ei peculiari consecrato, directe inaedificanti. Похвальное слово о Екатеринѣ Великой, первой изъ законодателей, премудро основавшей законодавчество свое на Совѣстномъ Судѣ, Ею учрежденномъ".—6) 1781 г. сентября 23-го: „Oratio solemnis de ingenuae juventutis educatione, gloriae nationum duraturae fundamento praecipuo et fulcro, in Monarchiis maxime. О воспитаніи благороднаго юношества, яко основаніи продолжительной народной славы въ монархическомъ наипаче правленіи".—7) 1793 г. іюня 30-го: „Quaeritur: quid statuaendum de luxu, est ne is hominibus, civitatibus, Monarchiis maxime proficiens, vel et si hoc, vel noxius quatenus sit, quomodo vis ejus noxia debilitanda ac frangenda. Спрашивается: вредна ли, или полезна роскошь частнымъ людямъ, городамъ, а паче Монархіямъ, и ежели вредна, то до какой степени, и какъ прекратить и ослабить вредное ея дѣйствіе".

Обратимъ теперь вниманіе на главное содержаніе рѣчей Шадена.

Вотъ основныя мысли его перваго слова „О душѣ законовъ". „Есть Богъ,—вотъ главная и первая истина, составляющая душу всѣхъ истинъ; какъ Богъ есть начало и конецъ всего, такъ существенная и притомъ чистѣйшая любовь къ Богу есть душа всѣхъ законовъ. Истинны слова Фабра: „всякой законъ, который напослѣдокъ и въ самыхъ малѣйшихъ вещахъ во всякомъ обществѣ, большемъ ли, или меньшемъ, не можетъ разрѣшиться на любовь Божію, достоинъ названъ быть именемъ глупости, мучительства, бредни, и проч., а не закономъ". Божество и величество ограничиваютъ себя законами. Съ отвращеніемъ минуя Гоббесово мнѣніе, что сила есть душа гражданскихъ законовъ, профессоръ полагаетъ душу ихъ въ общемъ благѣ. Переходя отъ главнаго вопроса къ значенію университетовъ въ государствѣ, профессоръ утверждаетъ, что они упрочиваютъ единство его, водворяя единообразный способъ въ ученіи и воспитаніи, и указываетъ на ихъ спеціальное назначеніе образовывать учителей и знающихъ законы чиновниковъ.

Второе слово Шадена еще замѣчательнѣе—„О правѣ обладателя въ разсужденіи воспитанія и просвѣщенія науками и художествами подданныхъ". Слѣдя мысли, изложенныя въ этомъ словѣ, нельзя не изумиться тому, какъ профессоръ - иноземецъ съумѣлъ тотчасъ поставить науку въ Россіи на томъ основаніи, на которомъ она должна стоять, и какъ правильно уразумѣлъ ея отношенія. Въ приступѣ ораторъ хвалитъ обычай русскихъ предковъ, начинавшихъ всякое дѣло молитвою, и отъ сего обычая переходитъ логически къ философской мысли: законъ всѣхъ вещей есть тотъ, что всему своя причина; нелѣпы философы, признающіе случай. Разсматривая происхожденіе обществъ изъ первоначальнаго побужденія человѣка обезопасить свое существованіе и проистекшіе отсюда разные образы правленія, ученый отдаетъ преимущество монархическому и указываетъ на несчастія республикъ... Самое высшее право самодержца заключается, по его слову, въ распространеніи между подданными наукъ и художествъ... Одно изъ сильнѣйшихъ средствъ въ рукахъ самодержавія есть чувство чести, устремляющее насъ

къ познанію. Законъ монархіи есть благоденствіе обладателя, а въ немъ цѣлость и счастіе подданныхъ... О высшихъ и среднихъ училищахъ въ государствѣ такъ говоритъ ораторъ: „Училища оныя университетами и гимназіями называются, попеченію которыхъ ввѣряется научить всему тому, что̀ споспѣшествуетъ къ сопряженію всего и соединенію въ цѣлость. И такъ неотмѣнно должны быть они свѣтилами государствамъ; и дѣйствительно будутъ свѣтилами, когда учащихъ содержать, и по достоинству содержать будутъ, честностію и добронравіемъ одаренныхъ; любовію къ истинѣ и отечеству, любовію къ государю пылающихъ; отъ немаловременнаго упражненія искусныхъ, опытами просвѣщенныхъ, существенность и свойство монархіи свѣдущихъ, и наконецъ истинную честь хранящихъ; притомъ когда учащіеся, послѣ довольнаго по правиламъ нравственной семіотики испытанія, токмо достойные вводимы будутъ въ святилище тѣхъ наукъ, которыя мыслей требуютъ непорочныхъ, душевныхъ силъ непосредственныхъ и способныхъ ко вмѣщенію верховныхъ добродѣтелей и мудрости превосходнѣйшей!“

Касаясь эпизодомъ вопроса о связи души съ тѣломъ, какъ высшаго вопроса философскаго, и подчиняя остроту разума могуществу вѣры, Шаденъ призываетъ вѣру на помощь для рѣшенія сего вопроса: „Православная вѣра да отверзетъ вамъ завѣсу, скрывшую эту тайну: власть ея всемогуща, премудра и недостатки всѣ отъять готова“.

Говоря о воспитаніи чувствъ, педагогъ утверждаетъ, что въ Россіи особенно должно дѣйствовать на нихъ воспитаніемъ, потому что у народовъ Сѣвера груба чувствительность.

Духъ училищъ долженъ быть, по его мнѣнію, согласованъ съ государственными потребностями.

Разбирая оба способа изслѣдованія, аналитическій и синтетическій, философъ утверждаетъ, что одинъ безъ другаго недостаточенъ, и совѣтуетъ начинать съ анализа и переходить къ синтезу.

Сильно говоритъ онъ противъ односторонности умозрѣнія въ наукѣ: „Повѣрьте, и доднесь бы человѣческій родъ стенялъ подъ симъ толь мучительнымъ суетнаго умозрѣнія бременемъ, если бы въ изслѣдованіе вещей и природы вникнувъ, испытаніе

не воздвигло Баконовъ, Картезіевъ, Невтоновъ, Лейбниціевъ, Вольфіевъ; если бы не возстали меценаты; если бы народовъ правители, вознегодовавъ на праздное умозрѣніе, и его свергнувъ иго, не благоволили вспомоществовать мужамъ симъ щедротою и предположеніемъ случаевъ, отверзающихъ поле прекрасное ради плодоноснаго испытанія". — „Препираются философы, законоучители препираются, прѣнія врачи творятъ... единственно математики въ необуреваемомъ и тихомъ пристанищѣ наслаждаются покоемъ".—„Ученость уподобляться должна солнцу. Какъ оно все озаряетъ, все творитъ плодоноснымъ, оживляетъ, по свойству каждаго тѣла, природою дарованнаго, и ободряетъ: равномѣрно такъ просвѣщеніе и науки должны своими лучами всѣхъ проницать, всѣхъ возбуждать сердца въ высоту, и прохлаждать всѣхъ увеселеніемъ, по мѣрѣ званія каждаго, въ какое предназначилъ кого Зиждитель, а отъ праздnаго умозрѣнія возможно ли сего уповать? не ожидайте. Оно поелику возгордѣвшись въ еѳирной своей крѣпости засѣдаетъ, и не радѣя, или еще презирая вещей естества, сотворенныя премудрымъ Создателемъ природы, новыя соплетаетъ съ помощію своего вѣрнаго приспѣшника, воображенія роскошнаго; и намъ хваля ихъ представляетъ, какъ откровенія: то отъ общей чувствительности и отъ любви къ благу народному толико неотмѣнно удаляется, что никто почти его правилъ и наставленій постигнуть не можетъ; и то не чудесно, когда уже само себя не разумѣетъ. Какъ же просвѣтитъ, какимъ образомъ исправитъ другихъ?"

Признавая необходимымъ дѣленіе наукъ, философъ въ то же время вооружается противъ ихъ раздѣленія и желаетъ, чтобы онѣ соединялись; возстаетъ на цеховое значеніе наукъ въ нѣмецкихъ университетахъ, на излишество книгъ; указываетъ на возможность сократить число ихъ; признаетъ необходимымъ учрежденіе воспитательной, центральной академіи, которая была бы душою всѣхъ университетовъ и хранительницею нравственнаго въ нихъ свѣта. Исполненный надеждъ на страну, которую онъ избралъ себѣ отечествомъ и которой духъ такъ ясно созналъ свѣтлымъ умомъ своимъ, Шаденъ, въ заключеніи рѣчи, такъ говоритъ о ней: „Россія есть истинно такая страна, ко-

торую никакія сѣмена предразсужденій, художествамъ и наукамъ враждебныхъ, ядомъ еще своимъ не заразили и не повредили: въ ней ни единаго нѣтъ закона, который бы запиналъ распространеніе мудрости и добродѣтели, отъ неискуснаго происшедъ законоположенія, съ каковыми другія страны еще борются: въ ней потребенъ единственно вертоградарь, доброту сѣмянъ и земли свѣдущій!"

Въ третьей рѣчи—„О правѣ родителей въ воспитаніи дѣтей"—Шаденъ указываетъ на значеніе семейства въ обществѣ и на задачу въ немъ родителей—на воспитаніе дѣтей; сознаетъ необходимость для каждаго государства имѣть свою систему воспитанія, тѣсно связанную съ его общественными потребностями; проходитъ всѣ періоды воспитанія по возрастамъ, побуждаетъ матерей къ кормленію младенцевъ; нападаетъ на Руссо, отдаляющаго своего Эмиля отъ общества; превосходно излагаетъ обязанности наставника и учителя; грозно преслѣдуетъ предразсудки русскихъ дворянъ, ищущихъ воспитателей для дѣтей своихъ по рынкамъ, между портными и парикмахерами; выставляетъ необходимость школъ; призываетъ родителей содѣйствовать ихъ совершенствованію и наконецъ все заключаетъ обращеніемъ къ религіи, безъ которой нѣтъ успѣха въ воспитаніи. Авторъ этой рѣчи вполнѣ обнаружилъ свое право на то, чтобы сдѣлаться достойнымъ воспитателемъ Карамзина, равно какъ и въ четвертой, гдѣ превосходно сознано значеніе монархическаго правленія и въ немъ, какъ особенно въ Россіи, нераздѣльной идеи государя и отечества.—Въ пятомъ похвальномъ словѣ Екатеринѣ Шаденъ славилъ государыню, какъ первую законодательницу, за учрежденіе совѣстнаго суда. Здѣсь, въ первой части рѣчи, раскрывъ глубоко значеніе въ душевныхъ силахъ человѣка здраваго смысла, какъ нѣкоего сѣмени, заключающаго въ себѣ начала, основанія и зародыши всякаго истиннаго нашего вѣдѣнія, профессоръ опредѣлилъ три вида онаго въ истинномъ, благомъ и прекрасномъ. Здравый смыслъ въ благомъ или нравственный смыслъ есть наша совѣсть, въ видѣ которой Богъ Самъ воздвигъ въ душѣ человѣка какъ бы Свое зерцало или судилище. Отсюда, изъ этихъ чистыхъ нравственно-философскихъ началъ, выводитъ Шаденъ высокое значеніе со-

вѣстнаго суда. — Въ шестомъ словѣ глубоко сознаны основы воспитанія дворянскаго, особенно въ монархіяхъ. Въ то самое время, какъ Шаденъ произносилъ эту рѣчь, онъ доканчивалъ воспитаніе шестнадцатилѣтняго Карамзина. Мы видимъ, какъ профессоръ Московскаго университета развивалъ наукою въ юношѣ тотъ здравый смыслъ началъ монархическихъ, которыхъ первое сѣмя Карамзинъ принялъ въ себя, какъ русскій, изъ жизни своего народа, и которыми проникнуты были жизнь и великій трудъ нашего исторіографа.—Наконецъ въ седьмомъ словѣ, роскоши, Шаденъ, какъ разумный противникъ ея распространенія, выдвигаетъ на нее въ монархіи нравственную силу, какъ противодѣйствіе и охрану.

Въ $179^{6}/_{7}$ г. Шаденъ, какъ старшій профессоръ юридическаго факультета, объявилъ, что будетъ продолжать „начатую имъ въ прошломъ году нравственную философію или науку образованія нравственности и совѣсти, яко основаніе всѣхъ узаконеній и наблюденія оныхъ, сообразуясь въ томъ началамъ критической философіи и примѣняясь индѣ Г. Якобу“. Кантъ, какъ видно, уже былъ принятъ въ руководство профессоромъ. Но смерть, 28-го августа 1797 года, прекратила полезную дѣятельность Шадена, который началъ ее 26-го іюня 1756 года и продолжалъ слишкомъ сорокъ одинъ годъ. Мы имѣемъ свидѣтельства современниковъ и очевидцевъ о томъ, какія чувства обнаружилъ университетъ при погребеніи Шадена, 31-го августа. М. Н Муравьевъ въ біографической о немъ запискѣ говоритъ, что Шаденъ „препровожденъ въ гробъ благоговѣніемъ и плачемъ слушателей своихъ“. Студентъ Цвѣтаевъ, послѣ профессоръ, выразилъ тогда въ „Пріятномъ и полезномъ препровожденіи времени“ чувствованія свои, излитыя имъ на бумагу въ самый день погребенія. „Какое зрѣлище! какое торжество для добродѣтелей твоихъ!—говоритъ благодарный ученикъ, обращаясь къ покойному. — Кто былъ при погребеніи твоемъ, смотрѣлъ на множество стекшихся на сію печальную церемонію, не изъ корысти, но изъ нелестнаго почтенія, кто видѣлъ блестящія у всѣхъ на глазахъ слезы, слышалъ повторяемыя воздыханія о лишеніи тебя—и не трогался?... Кто былъ свидѣтелемъ усердія цѣлаго почтеннаго корпуса отдать послѣдній долгъ праху твоему—и не

удивлялся столь всеобщей любви, заслуженной тобою?... Кто слышалъ простыя, но краснорѣчивѣйшія всѣхъ выраженій слова самыхъ слугъ твоихъ: *„это не господинъ былъ, а отецъ намъ!“*— и не плакалъ вмѣстѣ съ ними?

„Кто хочетъ научиться добродѣтели, пусть придетъ на погребеніе того, кто любилъ ее. Онъ научится болѣе нежели отъ всѣхъ проповѣдниковъ, болѣе нежели изъ всѣхъ написанныхъ доселѣ книгъ о нравственности!“

Стихи П. Запольскаго приведены выше. Другой Запольской, Иванъ, сравнивая Шадена съ Кантомъ, какъ-будто отъ лица учениковъ любимаго профессора, такъ выражалъ грусть ихъ объ усопшемъ. „Будетъ ли время, когда я услышу гдѣ-нибудь втораго Шадена?“

IV. Профессоръ И. Г. Шварцъ.

Шварцъ, Иванъ Григорьевичъ (Iohann Georg Schwarz), публичный ординарный профессоръ философіи, инспекторъ Педагогической семинаріи, почетный членъ іенскаго Латинскаго общества и членъ Вольнаго Россійскаго собранія при Московскомъ университетѣ, пріѣхалъ въ Россію въ іюнѣ 1776 года[1]. Неизвѣстно, что̀ вызвало его въ наше отечество. Рѣшившись посвятить себя педагогической дѣятельности, Шварцъ тотчасъ по пріѣздѣ въ Россію приступилъ къ изученію русскаго языка и литературы. Мысль его, стремившаяся всегда къ насажденію и распространенію образованія, остановилась съ особенною любовью на изданіяхъ Н. И. Новикова: въ немъ видѣлъ Шварцъ „особенную ревность къ просвѣщенію и горячую любовь къ отечеству“. Безпристрастный иноземецъ созналъ въ литературной дѣятельности Новикова живую сторону, благородную, рѣзко опредѣлившуюся цѣль,—качества, такъ выгодно отличающія ее отъ другихъ произведеній того времени. Молва о „Древней россійской вивліоѳикѣ“ проникла въ Германію, Францію, и Шварцъ „пламенно“ желалъ познакомиться съ Новиковымъ; но случай къ тому не представлялся. Наконецъ 26-го августа 1779 г. Шварцъ назначенъ былъ экстраординарнымъ профессоромъ нѣмецкаго языка при Московскомъ университетѣ, и тогда только началось личное знакомство его съ Новиковымъ, который около того же времени взялъ на откупъ университетскую типографію. Эта связь превратилась скоро въ самую искреннюю дружбу, основанную на безкорыстномъ служеніи одной цѣли. Шварца

изумила эта желѣзная энергія, съ которою Новиковъ выступалъ на поприще, „гдѣ слѣдовало рисковать всѣмъ, надѣяться немногаго“. Онъ „расточалъ свой достатокъ ради предпріятія, гдѣ было 100 противъ 1, которое могло ввергнуть его въ крайнюю бѣдность, и при всемъ томъ онъ подвергался самымъ чернымъ нареканіямъ, потому что многихъ воронъ (Krähen) лишилъ пропитанія“. Вотъ почему сблизился Шварцъ съ Новиковымъ, хотя характеры ихъ были во всемъ остальномъ совершенно „различны“. Новый профессоръ очень хорошо понялъ, что для громаднаго предпріятія Новикова недостаточны были силы нѣсколькихъ человѣкъ, а между тѣмъ „оно было необыкновенно важно для русскаго просвѣщенія“. Онъ призвалъ всѣ свои силы на помощь усиліямъ Новикова, самъ работалъ день и ночь. Цѣлью всѣхъ стремленій Новикова было—распространить образованіе въ Россіи во всѣхъ сословіяхъ. Изданіе журналовъ, переводы полезныхъ иностранныхъ книгъ самаго разнообразнаго содержанія незамѣтно вели Новикова къ цѣли. У Шварца былъ довольно многочисленный классъ слушателей; онъ старался воспламенить ихъ къ работѣ, образовать изъ нихъ переводчиковъ. „Онъ началъ съ того, что раздѣлилъ между ними свою библіотеку, чтобы сообщить имъ вкусъ къ такому занятію: онъ зналъ изъ собственнаго опыта, какъ сильно дѣйствуетъ на юную душу подарокъ новой хорошей книги. Ему удалось. Молодые люди полюбили его, отцы являлись къ нему съ благодарностію, почти каждый день былъ онъ вводимъ въ новое семейство и осыпаемъ похвалами и благодарностію. Съ нимъ совѣтовались даже домà, въ которыхъ были свои учители, о методѣ занятій“. Шварцъ съ радостію вспоминаетъ въ своей запискѣ, главномъ матеріалѣ для этой біографіи, объ этомъ глубокомъ сочувствіи московскаго общества къ его педагогическимъ правиламъ. „Все это,—говоритъ онъ,—исполнило меня райскими ощущеніями; я сгоралъ желаніемъ выразить благодарность свою народу, столь благородному, столь жаждущему науки. Я приходилъ въ негодованіе, видя, что недостойные, своекорыстные иностранцы обманываютъ многихъ благородныхъ отцевъ и матерей, которые горячо желаютъ дѣтямъ добра, но не имѣютъ настолько образованія, чтобы знать, какъ слѣдуетъ приняться за дѣло. Потому

я рѣшился устроить общество, которое устранило бы это зло, т. е. 1) по возможности распространяло бы въ публикѣ правила воспитанія; 2) поддержало бы типографское предпріятіе Новикова переводомъ и изданіемъ полезныхъ книгъ и 3) старалось бы или привлекать въ Россію иностранцевъ, которые были бы способны давать воспитаніе, или,—что̀ еще лучше,—воспитывать на свой счетъ учителей изъ русскихъ". Званіе профессора привело Шварца въ связь со многими семействами, такъ что онъ имѣлъ случай ежедневно проповѣдывать о пользѣ своихъ проектовъ. При всемъ томъ долго старанія его оставались безуспѣшными. „Планы его хвалили, но относили къ идеальному царству Платона. Впрочемъ онъ успѣлъ въ томъ отношеніи, что начали болѣе заниматься нѣмецкимъ языкомъ, а въ домашніе учители выписаны были многіе дѣйствительно ученые иностранцы". Но никто не хотѣлъ доставить капиталъ для осуществленія плановъ Шварца. Онъ прибѣгалъ ко всякаго рода средствамъ, но большею частью неудачно; не имѣли успѣха также французскія и нѣмецкія вѣдомости, которыя Шварцъ издавалъ въ 1781 г. съ единственною цѣлью распространить вкусъ въ публикѣ.

13-го сентября 1779 года, при вступленіи въ профессоры нѣмецкаго языка, Шварцъ говорилъ въ университетѣ рѣчь „О способахъ ученія языкамъ" [2]. По мнѣнію Шварца, „нужда, побуждая всегда человѣка, чувствительнѣйшее изъ всѣхъ твореній, къ размышленію о средствахъ себѣ противоборствовать и исканію для него взаимной помощи во время глада, стужи и всѣхъ другихъ непріятныхъ чувствованій, возбудила его, безъ сомнѣнія, во-первыхъ къ выраженію и означенію чувствованій". Съ постояннымъ расширеніемъ человѣческихъ познаній обогащался и языкъ; „возрасли знанія и науки, и кругъ оныхъ толико увеличился и разпростерся, что для духа единаго человѣка сдѣлался необъемлемымъ и хотя хранился въ цѣломъ человѣческомъ родѣ, однако раздѣленнымъ". Учители языковъ должны непремѣнно проникнуть въ науки, которыя неразрывною съ языкомъ связаны цѣпью. Такую обширность познаній Шварцъ признаетъ за древними грамматиками, но онъ не находитъ ея въ новыхъ ученыхъ. Причину этого явленія профес-

соръ видитъ въ способѣ новѣйшаго ученія. Онъ возстаетъ противъ тѣхъ, которые стараются отвлеченныя, непонятныя безъ логики и метафизики, правила языка „впечатлѣть насиліемъ въ память съ тѣмъ же неразумѣніемъ, каковы они были, а послѣ опытами и многократнымъ чтеніемъ содѣлать оныя понятными". Изъ этого не слѣдуетъ впрочемъ, чтобы Шварцъ былъ поклонникомъ чисто-практическаго метода изученія языковъ; по его мнѣнію истинный къ тому путь состоитъ въ примиреніи этихъ крайностей. „Первымъ основаніемъ,—говоритъ онъ,—полагаю предположенныя мною мнѣнія о происхожденіи языковъ и оныя стараюся соединить съ умословіемъ и душесловіемъ. Части оныхъ, располагаемыя по сему плану, суть: 1) искусство говорить, имѣющее предметомъ опредѣленіе и раздробленіе словъ (analysis) и первые слоги (elementa linguae); 2) искусство писать, состоящее въ штилѣ, согласованіи и гармоніи цѣлаго". Анализъ Шварцъ называетъ самою важною частію въ обученіи языковъ, объясняющею всѣ другія. Осуждая общепринятые въ то время пріемы изученія ея, онъ предлагаетъ болѣе разумный способъ. „Не можно ли (говоритъ онъ) тогда понятнымъ сдѣлать дѣтямъ различіе словъ, означающихъ либо существо и свойство, либо отношенія, либо дѣйствіе обоихъ, когда имъ показываютъ сначала происхожденіе и пребываніе въ ихъ душѣ тѣхъ мыслей и понятій, которыя только оными словами означаются? Для этого не нужно вступать въ невѣрныя догадки метафизиковъ, достаточно показать въ самыхъ простыхъ выраженіяхъ различіе недѣлимыхъ, ихъ необходимыя или случайныя качества и т. п." — Эту основную идею своего метода изученія языковъ Шварцъ заимствовалъ изъ сочиненія Плюша „La mécanique des langues, et l'art de les enseigner" [3], котораго наставленія въ другой рѣчи своей Шварцъ рекомендуетъ преподавателямъ языковъ [4]. Эту методу предложилъ профессоръ воспитателямъ, извѣдавши собственнымъ опытомъ ея пользу.

При этомъ Шварцъ совѣтуетъ преподавателямъ стараться показать питомцамъ отличіе истиннаго смысла реченій отъ аллегорическаго; ибо здѣсь источникъ нашихъ заблужденій, сектъ и разныхъ толковъ и мнѣній. Профессоръ прибавляетъ, что пред-

лагаемая имъ метода первоначальнаго изученія языка приготовитъ юношей „слѣдовать быстрому паренію учителей краснорѣчія“. Такимъ образомъ гимназическое преподаваніе Шварца всегда имѣло въ виду университетское. Въ гимназіи Шварцъ обучалъ (съ 17-го августа 1780 по 26-е іюня 1781 г.) „правильности нѣмецкаго языка и письму на немъ“. Обратимся къ университетскому его курсу.

Въ гимназіи ученикъ практически знакомился съ нѣмецкимъ языкомъ и проходилъ грамматику; въ университетѣ Шварцъ (въ томъ же $178^0/_1$ акад. году) сперва повторялъ грамматику, потомъ предлагалъ правила изящнаго нѣмецкаго слога, слѣдуя книгѣ своей „Entwurf der Grundsaetze des deutschen Stils“ и Рамлерову „Введенію въ изящныя науки“, основаніемъ которому служили „Principes de la littérature“ Баттё. Весь курсъ изящнаго нѣмецкаго слога Шварцъ раздѣлялъ на три части. Въ первой излагались теоретическія основанія слога; во второй — практическія; въ третьей—разсуждалось „о нужныхъ къ образованію вкуса книгахъ“. Только первая часть этого курса была напечатана [5] для поднесенія императору Іосифу II, въ іюнѣ 1780 г. посѣтившему Московскій университетъ; ему она и посвящена, какъ „охранителю нѣмецкаго языка и покровителю Вѣнскаго театра,—этого источника господствующаго нѣмецкаго вкуса“. Въ „Начертаніи“ находимъ, впрочемъ, конспектъ второй части курса. Въ теоретическихъ основаніяхъ слога Шварцъ разсуждаетъ: a) объ основаніяхъ вообще и о словахъ особливо, b) о реченіяхъ, c) о періодахъ, или реторическихъ предложеніяхъ, d) о тропахъ и фигурахъ и e) о нѣмецкомъ слогѣ. По опредѣленію Шварца, слогъ вообще есть не что иное, какъ выраженіе многихъ, связь между собою имѣющихъ мыслей [6]. „Основанія нѣмецкаго слога, равно какъ и во всѣхъ другихъ языкахъ, суть троякія. Мы почерпаемъ оныя изъ грамматики, риторики и философіи. Грамматика учитъ насъ, какъ слова соразмѣрно употребленію языка надлежащимъ образомъ ставить и оныя между собою сопрягать. Риторика показываетъ способъ слогъ располагать такъ, чтобъ онъ былъ красивъ, согласенъ съ предметами и удобенъ къ убѣжденію. Философія наконецъ подаетъ намъ средства, какъ порядкомъ, такъ и точно опредѣленными

и истинными мыслями, слогу придать силу и убѣдительную основательность. Ибо логика (умословіе) учитъ насъ мыслить, изслѣдывать, заключать и убѣждать. Психологія (душесловіе) показываетъ намъ свойство человѣческихъ чувствованій, а нравоученіе доставляетъ намъ свѣдѣніе о различныхъ человѣка отношеніяхъ“ [7]. Шварцъ вооружается противъ старой риторики. „Прежде употребительныя фигуры реченій (говоритъ онъ), которыя изъ одинаковаго произношенія словъ составляются, въ нынѣшнія времена совсѣмъ презрительны: ибо когда онѣ никакова выраженія страстей не изображаютъ, но по большей части суть одни только пустословія безъ выраженія; то отъ нихъ должно удерживаться въ хорошемъ и чистомъ слогѣ, почему не полагаю здѣсь я никакого примѣра, ибо лучше совсѣмъ не знать имени сихъ фигуръ, нежели изъяснять такія бездѣлки“ [8]. „Природа — лучшая учительница фигуръ“, замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ [9]. Несмотря на то, въ курсѣ Шварца много еще остается мелочныхъ педантическихъ подробностей. Вина падаетъ, конечно, не на него, а на самую риторику, значеніе и границы которой до сихъ поръ остаются почти неопредѣленными. Шварцъ слѣдовалъ общепризнаннымъ авторитетамъ своего времени. „Сочинитель (говоритъ онъ въ предувѣдомленіи къ своему „Начертанію“) въ своихъ лекціяхъ основаніемъ имѣлъ Готтшеда, Гейнаца и Рамлера, стараясь легчайшимъ и кратчайшимъ способомъ о сокращеніи сихъ писателей для употребленія юношеству“. Первая часть курса составлена преимущественно по Готтшеду [10]; вторая, судя по краткому конспекту, напечатанному въ „Начертаніи“, заимствована преимущественно изъ сочиненія Гейнаца „Handbuch zu richtiger Verfertigung und Beurtheilung aller Arten von schriftlichen Aufsätzen des gemeinen Lebens überhaupt, und der Briefe insbesondre“ (Dritte Auflage, Berlin, 1779).

Во второй части, или практическихъ основаніяхъ слога, Шварцъ разсуждаетъ объ упражненіяхъ въ нѣмецкомъ слогѣ. „Правилъ безъ упражненій не довольно“, говоритъ онъ и приготовляетъ слушателей къ этимъ упражненіямъ посредствомъ переводовъ, потомъ переходитъ къ ученію о басняхъ и повѣстяхъ, хріи, нѣмецкихъ комедіяхъ и трагедіяхъ. Особенно подробно излагаетъ Шварцъ ученіе о письмахъ нѣмецкихъ и раз-

говорахъ. Педантизмъ, мелочныя правила очень рѣзко выдаются въ главѣ о письмахъ, основанной на вышеупомянутомъ сочиненіи Гейнаца. Въ главѣ о разговорахъ нельзя не обратить вниманія на генетическое изложеніе Шварца[11]. Въ послѣдней части своего курса онъ разсуждалъ *о нужныхъ къ образованію вкуса книгахъ*. Изъ объявленія о лекціяхъ въ Московскомъ университетѣ въ 1782—83 году узнаемъ, что Шварцъ читалъ эстетико-критическія лекціи о знаменитѣйшихъ нѣмецкихъ поэтахъ и прозаикахъ. Опять нельзя не замѣтить при этомъ историко-сравнительнаго метода, которому слѣдовалъ Шварцъ въ этомъ случаѣ, потому что „лекціи (по словамъ объявленія) опредѣлены будутъ не на однихъ только нѣмецкихъ писателей, но часто въ оныхъ разсужденіе будетъ о древнихъ писателяхъ, греческихъ и латинскихъ, такъ какъ и о сочиненіяхъ новѣйшихъ италіянскихъ, англійскихъ, французскихъ и россійскихъ писателей. Сравниваны будутъ художническія произведенія и работы, какъ-то статуи, живопись и древнія зданія съ произведеніями ума, съ показаніемъ ихъ взаимной между собою связи. Въ предложеніи же правилъ обо всемъ семъ кромѣ древнихъ, Аристотеля, Діонисія Галикарнасскаго, Дмитрія Фалерея, Цицерона, Горація, Квинтиліана, изъ новѣйшихъ послѣдовано будетъ Баттё, Рамлеру, Гому, Боало, Баумгартену и другимъ“. Въ книгѣ Гейнаца находимъ довольно обширный отдѣлъ „Von dem zum Unterrichte und zur Bildung des Geschmacks nöthigen Bücherlesen“. Мы не ошибемся, сказавши, что послѣдняя часть курса была читана Шварцемъ по этому отдѣлу. Гейнацъ рекомендуетъ въ этой главѣ тѣхъ же писателей, имена которыхъ выставилъ и Шварцъ въ приведенномъ объявленіи.

Тѣ же мысли о преподаваніи нѣмецкаго слога, которыя осуществлены въ „Начертаніи первыхъ основаній“ его, высказалъ Шварцъ и въ рѣчи своей „De virtutibus et vitiis stili Germanici, ejusque exercitiis recte instituendis“, говоренной 24-го апрѣля 1780 г., въ день празднованія двадцатипятилѣтняго юбилея Московскаго университета. Рѣчь распадается на двѣ главныя части: въ первой Шварцъ, на основаніи Готтшедовой риторики, разсуждаетъ о совершенствахъ и недостаткахъ нѣмецкаго слога во второй излагаетъ уже извѣстный намъ ходъ практическаго

изученія его, начиная съ перевода до разговоровъ включительно. Такимъ образомъ въ рѣчи подробнѣе изложены послѣднія главы теоретической части курса и объясненъ способъ практическаго изученія слога. Исчисляя недостатки нѣмецкаго слога, Шварцъ нападаетъ на педантизмъ его, который происходитъ отъ желанія блеснуть безполезною эрудиціею. Въ примѣры такого слога онъ указываетъ на Вейзе и Логенштейна, „развратившихъ истинное краснорѣчіе“: они примѣромъ своимъ научили нѣмцевъ украшать сочиненія отовсюду собранными древностями, мѣстами изъ греческихъ или латинскихъ поэтовъ, риторовъ, философовъ [12]. Косвенно этотъ упрекъ Шварца падалъ на рѣчи Шадена, который любилъ приводить цѣлыя мѣста изъ древнихъ писателей. Осуждая педантизмъ, Шварцъ учитъ непринужденности: „не должно принуждать себя къ рабскому подражанію великимъ сочинителямъ, но писать по собственному своему природному сложенію и способности для избѣжанія аффектаціи въ слогѣ“ [13]. Непринужденность даетъ слогу вкусъ, по которому хорошія и избранныя мысли выражаются чистыми, изрядными и учтивыми словами; но сей вкусъ не состоитъ въ глубокомысленномъ и продолжительномъ чтеніи, въ разсказываніи невѣроятныхъ вещей и вмѣшиваніи иностранныхъ словъ, но въ разумной и острой живости въ мысляхъ, изреченіяхъ и слогѣ, сходствующей во всѣхъ частяхъ съ благопристойностію [14]. Какъ на образцы вкуса въ слогѣ Шварцъ указываетъ [15] на сочиненія Фонтенеля, письма и комедіи Геллерта, *различныя ежемѣсячныя и еженедѣльныя нѣмецкія изданія* (die Belustigungen des Verstandes und Witzes, die Bremischen Beyträge zum Vergnügen des Verstandes und Witzes, der Einsidler, der Mann, der Denker, der Deutsche Merkur, Deutsches Museum). Это стремленіе къ простотѣ и непринужденности языка, кажется, вызвано было въ Шварцѣ практическимъ взглядомъ на литературу: для него дорога была мысль, знаніе, которыя черезъ литературу должны были проникнуть въ массу, а они доступнѣе большинству и скорѣе распространяются, когда одѣты въ легкую, непринужденную, всѣмъ понятную форму. Въ этомъ убѣжденіи Шварцъ встрѣтился съ Новиковымъ, сатирическія изданія котораго задолго до знакомства съ Шварцемъ осуществили на практикѣ то, чего онъ требовалъ въ теоріи. Живость

и непринужденность языка въ нашихъ сатирическихъ изданіяхъ прошедшаго столѣтія, такъ рѣзко отличавшая ихъ отъ остальной литературы, немало содѣйствовала успѣху и вліянію ихъ на читателей; почти въ этихъ только журналахъ сохранился разговорный русскій языкъ послѣдней половины XVIII вѣка.

Вступивши въ должность профессора нѣмецкаго языка, Шварцъ тотчасъ получилъ отъ конференціи университета порученіе озаботиться доставленіемъ нужныхъ учебниковъ и указать недостатки, которые онъ замѣтитъ въ методѣ преподаванія. Шварцъ съ жаромъ взялся за это дѣло и представлялъ конференціи различные проекты, которые касались частью хода преподаванія, частью указывали на недостатокъ въ преподавателяхъ и предлагали средства къ отклоненію неудобствъ. Проекты осыпаны были одобреніями; не знали только, кому поручить исполненіе ихъ, потому что чувствовали недостатокъ въ деньгахъ для прикрытія издержекъ. Шварцъ не только вызвался принять на себя все дѣло, но, при помощи нѣкоторыхъ друзей своихъ, рѣшился доставить и средства для нужныхъ расходовъ. Такимъ образомъ 13-го ноября 1779 г. основана была Педагогическая семинарія, и Шварцъ назначенъ былъ инспекторомъ ея. Еще въ январѣ и іюлѣ того же года Прокофій Акинфіевичъ Демидовъ пожертвовалъ университету 20,000 рублей; на проценты съ этой суммы положено было приготовлять въ университетѣ, подъ руководствомъ Шварца, шестерыхъ студентовъ къ учительскому и профессорскому званію. Самъ Шварцъ пожертвовалъ для нея капиталъ (въ 5000 р.) и нѣкоторыя вещи. Инспекторъ повторялъ съ семинаристами публичныя лекціи и показывалъ методы учить и учиться.

Труды Шварца обратили на себя вниманіе: 5-го февраля 1780 г. онъ былъ возведенъ конференціею университета въ ординарные профессоры философіи при изъявленіяхъ особенной благодарности. „Въ гимназіи царствовали еще безпорядки, которые трудно было отвратить: они вкрались отъ того, что заведеніе постепенно расширялось и слѣд. не соотвѣтствовало уже первоначальному своему плану“. Шварцу предложили искоренить эти безпорядки. Послѣдній какъ бы не предугадывалъ, „какія преслѣдованія, обвиненія и ненависть падутъ на него, если онъ

захочетъ вырвать съ корнемъ застарѣлыя злоупотребленія, порожденныя лѣностью и своекорыстіемъ; горя любовію къ общему благу, онъ принялъ на себя безъ всякаго вознагражденія и эту обязанность, соединенную съ геркуланскою работою". Онъ не щадилъ трудовъ и въ началѣ февраля 1781 г. представилъ совершенно новый планъ ученія. Онъ нѣсколько разъ былъ прочитанъ въ трехъ засѣданіяхъ конференціи, одно за другимъ слѣдовавшихъ, и одобренъ. Несмотря на трудности, съ которыми сопряжено было осуществленіе плана, Шварцъ въ короткое время исполнилъ всѣ предложенныя имъ измѣненія. При этомъ ему суждено было подвергаться разнымъ огорченіямъ. Въ продолженіе года Шварцъ цѣлые дни проводилъ въ гимназіи, для другихъ трудовъ ему оставались только ночи. Хотя онъ былъ еще молодъ и крѣпкаго сложенія, но къ концу учебнаго года чувствовалъ истощеніе силъ. Чтобы поправить здоровье и вмѣстѣ личнымъ обозрѣніемъ другихъ учебныхъ заведеній убѣдиться въ пользѣ предпринятыхъ въ гимназіи перемѣнъ, Шварцъ вознамѣрился совершить путешествіе по тѣмъ нѣмецкимъ землямъ, гдѣ процвѣтала наука. И. И. Шуваловъ не только изъявилъ на то согласіе, но и далъ Шварцу особенныя порученія. Проѣздомъ черезъ Петербургъ профессоръ представился основателю университета и получилъ отъ него порученіе составить записку о состояніи университета и необходимыхъ въ немъ преобразованіяхъ. Еще до отъѣзда за границу Шварцъ представилъ куратору записку, и Шуваловъ такъ былъ доволенъ ею, что исходатайствовалъ автору чинъ коллежскаго ассессора. Во время путешествія Шварцъ не упускалъ изъ виду ничего, что могло служить ко благу университета, заводилъ литературную корреспонденцію, собиралъ книги и методы. Въ Берлинѣ онъ бесѣдовалъ съ принцемъ Фридрихомъ Брауншвейгскимъ, графомъ Саккеномъ, юстицъ-президентомъ Гиреномъ (Hugen), знаменитымъ педагогомъ Бюшингомъ и др. Впрочемъ Шварцъ не слишкомъ дорожилъ знакомствомъ съ французскими писателями, которымъ рекомендовалъ его князь Долгорукій, потому что предпринялъ путешествіе, чтобы познакомиться съ преподаваніемъ и обученіемъ въ нѣмецкихъ школахъ, а не съ французскою беллетристикою. Въ Берлинѣ Шварцъ познакомился съ знаменитымъ

Бернулли; съ нимъ не прерывалъ онъ сношеній и по пріѣздѣ въ Россію. Въ герцогствѣ Брауншвейгскомъ онъ посѣтилъ и вступилъ въ сношенія не только съ кураторами консисторіи и вице-президентомъ ея Іерузалемомъ, „славою нѣмецкой учености“, но и съ самимъ герцогомъ; въ Саксоніи—съ графомъ Ангальтомъ и многими знаменитыми учеными. Шварцъ старался познакомить Германію съ русскою литературою и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ успѣлъ ввести изученіе русскаго языка, какъ весьма важнаго для исторіи.

Мы видѣли, какъ пламенно желалъ Шварцъ основать въ Москвѣ общество, которое бы поддержало предпріятіе Новикова, приготовляло русскихъ наставниковъ и распространяло въ публикѣ педагогическія свѣдѣнія. Мы видѣли, что эту любимую мысль его называли неисполнимою мечтою. Шварцъ не думалъ однако отказаться отъ нея. Ему удалось наконецъ воспламенить нѣсколько лицъ своимъ планомъ; онъ убѣдилъ ихъ пожертвовать частью своего достоянія для осуществленія этой мечты и такимъ образомъ положить основаніе „Дружескому ученому обществу“. Первые члены его были люди не слишкомъ достаточные и потому сначала имѣли въ виду только сообразные съ цѣлью переводы полезныхъ книгъ. Связь съ Петромъ Алексѣевичемъ Татищевымъ дала обществу средства расширить кругъ своихъ дѣйствій. Это былъ богачъ, искавшій всюду удовольствій и нигдѣ ихъ не находившій: „онъ не зналъ, что истинное удовольствіе его должно состоять въ благотворительности. Не разъ обманутый толпою льстецовъ, которые всегда тѣснятся около богачей, Татищевъ сдѣлался крайне недовѣрчивъ; многіе потому ославили его человѣкомъ скупымъ. Сблизившись съ Шварцемъ, онъ убѣдился, что профессоръ заботится не о своихъ, но объ общихъ выгодахъ“. Онъ поручилъ ему воспитаніе единственнаго своего сына, привязывался все болѣе и болѣе къ литературѣ и рѣшился для блага ея пожертвовать частью своего имущества. Подобное же намѣреніе приняли и другіе богатые люди: князь Александръ Алексѣевичъ Черкасскій, князь Николай Никитичъ Трубецкой, полковникъ Василій Васильевичъ Чулковъ и др. „Колумбъ, впервые увидавши землю,—говоритъ Шварцъ,—не могъ радоваться болѣе меня, когда въ рукахъ моихъ

оказался значительный капиталъ для осуществленія моей Платоновой идеи. Теперь мнѣ недоставало только опытныхъ и ученыхъ сотрудниковъ и литературныхъ связей. Чтобы достигнуть этихъ средствъ, я предложилъ Татищеву совершить съ сыномъ его путешествіе по Германіи, по окончаніи котораго думали мы приступить къ окончательному исполненію нашего плана".

Съ самыми блестящими надеждами возвращался Шварцъ въ Москву: ему оставалось только приводить въ исполненіе давно задуманное предпріятіе; средства къ тому были готовы. Съ другой стороны, онъ такъ много оказалъ услугъ университету, что имѣлъ право разсчитывать на его благодарность. Шварцъ прибылъ въ Москву въ началѣ 1782 года. Въ іюнѣ извѣщено было въ „Вѣдомостяхъ" объ открытіи при Московскомъ университетѣ филологической семинаріи. Въ объявленіи сказано между прочимъ: „нѣкто письменно объявилъ университетскимъ г. кураторамъ свое намѣреніе учредить переводческую семинарію для преложенія лучшихъ авторовъ и нравоучительныхъ сочиненій на россійскій языкъ; и на сей конецъ не только взялъ онъ на себя содержать при Императорскомъ Московскомъ университетѣ на своемъ иждивеніи шестерыхъ студентовъ, но такожъ находящимся уже при семъ же университетѣ семинаристамъ способствовать въ ученыхъ ихъ упражненіяхъ всевозможнымъ образомъ.—Сей, любовь ко благу общему доказывающій примѣръ, и заслуживающій неоспоримо должную похвалу, почти въ тожъ самое время произвелъ вожделѣнное и достохвальное подражаніе въ его друзьяхъ, которые, споспѣшествуя сему благонамѣренному предпріятію, обѣщали въ томъ же видѣ на своемъ иждивеніи содержать еще десятерыхъ студентовъ" [16]. Вскорѣ университетъ публично изъявилъ признательность свою „его высокородію, г. лейбъ-гвардіи майору Петру Алексѣевичу Татищеву, за желаніе содержать на своемъ иждивеніи шестерыхъ студентовъ для приращенія переводческой семинаріи". Въ объявленіи прибавлено, что объ этомъ отъ Дружескаго того общества [17] представлено письменно, куда надлежало, съ объясненіемъ, что оно, желая быть полезнымъ и духовнымъ училищамъ, означенныхъ шесть студентовъ намѣрено принять изъ учрежденныхъ въ различныхъ епархіяхъ семинарій [18].

Учредивъ переводческую семинарію, Шварцъ твердою рукою поддержалъ дѣло Новикова; отчасти онъ далъ новое направленіе его изданіямъ. Самъ преданный ученію Бёма, онъ скоро увлекъ имъ Новикова и другихъ своихъ пріятелей. Вселяя въ слушателей своихъ сочувствіе къ переводамъ, онъ доставлялъ Новикову усердныхъ сотрудниковъ, въ то же время вполнѣ проникнутыхъ его ученіемъ. 13-го марта 1781 г.[19] Шварцъ учредилъ собраніе университетскихъ питомцевъ; здѣсь воспитанники читали и обсуживали свои литературные опыты. Цѣль собранія такъ опредѣлилъ одинъ изъ членовъ его: „Шварцъ вперилъ все свое вниманіе на доставленіе въ университетѣ обучающемуся юношеству такихъ средствъ, по которымъ бы оно не только могло успѣвать въ наукахъ, но и жить по правиламъ благонравія. Почему, привязавъ къ себѣ оное своею любовію и безпримѣрнымъ снисхожденіемъ, завелъ и сіе нынѣ цвѣтущее и никогда неувядаемое общество, предписавъ ему два главнѣйшіе закона и двѣ спасительнѣйшія цѣли: первую, до просвѣщенія разума относящуюся, чтобы упражняться въ сочиненіяхъ разнаго рода и переводахъ наилучшихъ мѣстъ изъ древнихъ и новѣйшихъ писателей, и издавать въ свѣтъ годичный журналъ въ пользу бѣдныхъ; а вторую, непосредственно исправляющую наши испорченныя склонности, чтобы при начатіи каждаго собранія поочереди говорить членамъ о какой-либо нравственности рѣчь; и тѣмъ бы самимъ, соединяяся между собою тѣснѣйшимъ узломъ любви и желанія къ достиженію столь величественной для юношества цѣли, могли мы сдѣлаться современемъ какъ для себя самихъ, такъ и для цѣлаго нашего любезнѣйшаго отечества полезными“ [20]. Изъ трудовъ университетскихъ питомцевъ составлялись большею частью изданные Новиковымъ журналы: „Московское ежемѣсячное изданіе“ (1781), „Вечерняя Заря“ (1782), „Покоящійся Трудолюбецъ“ (1784). Всѣ они тѣсно связаны между собою и составляютъ одну библіотеку нравоучительныхъ статей. Глубоко-религіозный характеръ господствуетъ въ этихъ изданіяхъ,—несомнѣнный слѣдъ вліянія Шварца: прежніе журналы Новикова отличались сатирическимъ направленіемъ. Шварцъ всячески старался о распространеніи собранія: пожертвовалъ для него деньгами и многими необходимыми ве-

щами; членамъ собранія, посредствомъ своихъ связей, доставлялъ видныя служебныя мѣста, тогда какъ „прежде сіе собраніе не только находилось подъ спудомъ неизвѣстности и въ ущелинахъ безъ покрову отправляло свои работы, но еще лишалось даже самыхъ нужныхъ и самомалѣйшихъ вещей".

Съ возвращеніемъ Шварца изъ-за границы для него началась какъ бы пора новой дѣятельности. Въ первые годы пребыванія своего въ университетѣ онъ исключительно посвящалъ свои занятія преподаванію нѣмецкаго языка и устройству гимназіи; отсюда начинается стремленіе распространить религіозныя свои идеи. Его педагогическій талантъ далъ изученію нѣмецкаго языка въ Москвѣ болѣе обширный объемъ и прочное основаніе. Почти въ одно время съ нимъ на томъ же поприщѣ дѣйствовалъ въ Петербургѣ знаменитый нѣмецкій педагогъ Вольке [21]. Метода того и другаго преподавателя въ дѣлѣ первоначальнаго изученія языка была одинакова; но Вольке своимъ преподаваніемъ не оставилъ у насъ почти никакихъ слѣдовъ, Шварцу же обязаны мы преимущественно сближеніемъ нашей литературы съ нѣмецкою. Связавши дѣятельность свою съ предпріятіемъ Новикова, стоя во главѣ переводческой семинаріи, передавая многочисленнымъ слушателямъ идеи свои въ университетѣ и въ приватныхъ лекціяхъ, Шварцъ могъ распространить у насъ знакомство съ нѣмецкой литературой, въ противодѣйствіе французской, которой онъ не любилъ отчасти за беллетристическій характеръ, отчасти за ея философію, чуждавшуюся религіознаго направленія. Вліяніе Шварца въ этомъ случаѣ было тѣмъ сильнѣе на русскую литературу, что въ числѣ слушателей его было много людей, впослѣдствіи занявшихъ важныя мѣста въ литературѣ и наукѣ. Въ первое время жизни своей въ Россіи Шварцъ заботился о распространеніи въ публикѣ началъ педагогическихъ, съ возвращенія изъ-за границы—о распространеніи религіознаго направленія. И оно не только отразилось въ журналахъ Новикова, во многихъ книгахъ, напечатанныхъ въ то время при университетѣ, но и передавалось многимъ слушателямъ. Молодежь, такъ или иначе примыкавшая къ Новикову, была въ восторгѣ отъ лекцій Шварца. Къ ней принадлежалъ и Карамзинъ, который слушалъ лекціи его о богопозна-

ніи и высокихъ предназначеніяхъ человѣка [22]. Эти лекціи подали поводъ къ преслѣдованію Шварца.

Вскорѣ по пріѣздѣ его изъ-за границы возвратился въ Москву кураторъ Мелиссино и вступилъ въ управленіе университетомъ. Сначала онъ остался вполнѣ доволенъ перемѣнами, предложенными Шварцемъ, увѣрялъ, что онѣ совершенно согласны съ его прежними планами, которые не были приведены въ исполненіе только за недостаткомъ способныхъ людей. Не разъ Мелиссино посѣщалъ профессора, и Шварцъ довѣрчиво разсказывалъ ему объ отношеніяхъ своихъ къ другимъ профессорамъ, объясняя причины вражды съ нѣкоторыми изъ нихъ. Скоро отношенія его къ куратору перемѣнились. За нездоровьемъ Шварцъ откладывалъ составленіе отчета; и 18-го мая 1782 года получилъ изъ конференціи предписаніе — представить отчетъ черезъ недѣлю. Въ слѣдующее засѣданіе Шварцъ передалъ конференціи вмѣстѣ съ отчетомъ 13 сочиненій о воспитаніи и 8 рѣдкихъ книгъ въ даръ университетской библіотекѣ. Въ отчетѣ онъ говорилъ между прочимъ, что въ университетъ съ большою пользою можетъ быть введена при преподаваніи учебная книга, изданная извѣстнымъ галльскимъ богословомъ Землеромъ и ученикомъ его Шюцемъ [23]. Мелиссино самъ присутствовалъ въ конференціи; на отчетъ Шварца не обратили никакого вниманія; онъ даже не былъ прочитанъ. Профессоръ на другой день подалъ прошеніе объ отставкѣ, ссылаясь на разстроенное здоровье. Мелиссино не хотѣлъ однако разстаться съ Шварцемъ; онъ призвалъ его къ себѣ, увѣрилъ его въ своемъ дружескомъ расположеніи, предложилъ ему пользоваться полнымъ жалованьемъ во все время, нужное для поправленія здоровья, съ увольненіемъ отъ всѣхъ должностей; однимъ словомъ, заставилъ его взять назадъ просьбу объ отставкѣ. Но здоровье не позволяло Шварцу служить попрежнему; брать жалованье даромъ онъ также не хотѣлъ. Потому въ іюнѣ 1782 г. онъ подалъ другое прошеніе, въ которомъ объявлялъ, что желаетъ впредь служить безъ жалованья и притомъ столько, сколько позволятъ ему силы и здоровье [24]. Конференція одобрила это предложеніе, и Шварцъ сдѣланъ былъ почетнымъ профессоромъ (Professor honorarius). Но отношенія

его къ Мелиссино не измѣнились. Профессоры Барсовъ и Шаденъ подозрительно смотрѣли на Шварца и на Дружеское ученое общество, въ которомъ самъ Мелиссино былъ сначала ревностнѣйшимъ членомъ. Для семинаристовъ Шварцъ читалъ у себя на дому приватныя лекціи философской исторіи (по Бруккеру, какъ говоритъ онъ въ запискѣ). Случилось такъ, что нѣкоторые друзья застали одну изъ такихъ лекцій и захотѣли слушать ихъ; мало-по-малу число слушателей увеличивалось. Недоброжелатели Шварца увѣрили куратора, что на этихъ бесѣдахъ проповѣдывалось масонство, и лекціи были прекращены. Въ самомъ же дѣлѣ въ чтеніяхъ Шварца не было ничего подобнаго, и быть не могло, потому что масонство всегда составляло тайну. Слушатели его съ благодарностью вспоминали объ этихъ лекціяхъ, которыя, во время владычества французской философіи, успѣли предохранить многихъ молодыхъ людей отъ невѣрія. Лабзинъ говоритъ, что Шварцъ „въ самое то время, когда модные писатели поглощались съ жадностью незрѣлыми умами, принялъ на себя благородный трудъ разсѣять сіи возстающіе мраки, и безъ всякаго инаго призыва, по сему единственно побужденію, въ партикулярномъ домѣ, открылъ лекціи новаго рода для всѣхъ желающихъ. Съ ними разбиралъ онъ Гельвеція, Руссо, Спинозу, Ла-Метри и пр., сличалъ ихъ съ противными имъ философами и, показывая разность между ними, училъ находить и достоинство каждаго. Какъ будто новый свѣтъ просіялъ тогда слушателямъ! Какое направленіе и умамъ и сердцамъ далъ сей благодѣтельный мужъ! Издатель (говоритъ о себѣ Лабзинъ) съ благодарными чувствованіями воспоминаетъ сію счастливую эпоху, составляющую и по нынѣ первое благо въ его жизни. Главное, и для тогдашняго времени поразительное, явленіе было то, съ какою силою простое слово его исторгло изъ рукъ многихъ соблазнительныя и безбожныя книги, въ которыхъ, казалось, тогда весь умъ заключался, и помѣстило на мѣсто ихъ святую Библію“. Другой слушатель Шварца, Левъ Максимовичъ, говоритъ: „Онъ одинъ могъ совратившееся съ пути истиннаго юношество наставить и убѣдить—исповѣсть свою слабость и признать свою зависимость отъ Премудрѣйшаго Строителя Вселенной. Все же сіе онъ учинилъ преподаваніями своихъ лекцій у себя на дому,

допущеніемъ къ слушанію оныхъ всякаго рода и званія людей и изъясненіемъ отборнѣйшихъ мѣстъ какъ древнихъ, такъ и новѣйшихъ писателей, уразумительнѣйшимъ образомъ доказывающихъ истину Творца и словъ Священнаго Писанія, въ рукахъ его, въ душѣ и при дверяхъ смерти имъ читаемаго и обожаемаго“ [25].

Эти-то лекціи были поражены клеветою. Ученое Дружеское общество было открыто торжественно въ присутствіи графа Чернышева и митрополита Платона, подъ ихъ покровительствомъ. Тогда только открылась цѣль Мелиссино: онъ самъ хотѣлъ быть предсѣдателемъ такого Дружескаго общества. За нѣсколько дней до открытія его онъ призвалъ къ себѣ Шварца и спросилъ, нельзя ли соединить Дружеское общество съ Вольнымъ Россійскимъ собраніемъ, которое находилось при университетѣ. Шварцъ отвѣчалъ, что такое соединеніе невозможно, потому что цѣли того и другаго общества совершенно различны: одно имѣло въ виду только обработываніе языка; другое—воспитаніе, переводъ полезныхъ книгъ, приглашеніе ученыхъ иностранцевъ. Отсюда начались непріязненныя отношенія Мелиссино къ профессору. Отъ него потребовали, чтобы онъ читалъ семинаристамъ еще одну прибавочную лекцію. Шварцъ не видѣлъ въ томъ никакой нужды; однако представилъ университету для этой цѣли профессора Шалля, который готовъ былъ читать лекціи безъ всякаго вознагражденія. Самъ же Шварцъ просилъ куратора не принуждать его къ трудамъ, потому что онъ дѣлалъ все, что позволяли его силы. Мелиссино не успокоился, онъ грозилъ отказать Шварцу отъ мѣста и, получивъ его просьбу объ отставкѣ, не отвѣчалъ на нее. Профессоръ слышалъ отъ него только упреки въ томъ, что онъ давно уже не читалъ лекцій, хотя директоръ и члены конференціи свидѣтельствовали, что онъ дѣйствительно былъ боленъ. Всѣ эти огорченія заставили Шварца изложить дѣло въ особенной запискѣ, которую онъ думалъ черезъ Хераскова представить И. И. Шувалову, и были причиною того, что онъ оставилъ университетъ.

Кромѣ курса философской исторіи, Шварцъ читалъ въ университетѣ эстетико-критическія лекціи. Мы знаемъ о нихъ изъ

слѣдующаго воспоминанія ученика его: „Сей возвышенный и рѣдкій чувствъ и онымъ подлежащаго испытатель, ощутительнѣйшимъ образомъ примѣтивъ, что люди, проснувшись въ позднія уже времена отъ своего ничтожества, и едва только еще разодравъ завѣсу, покрывающую ихъ зрѣніе, узрѣли сіе существами населяемое огромнѣйшее и прекраснѣйшее зданіе,—не скрылъ отъ насъ того рѣдкаго своего дарованія, которымъ цѣлая природа ему жертвовала, чтобы не показать намъ, хотя бы было то съ урономъ своего здравія, величество, стройность, порядокъ и совершенство цѣлыя природы. Не скрылъ, говорю, подъ спудомъ того своего неоцѣненнаго таланта, когда единственно на сей конецъ имѣлъ онъ при университетѣ торжественную эстетико-критическую лекцію, лекцію, возвышающую наши необдѣланныя и грубыя чувства къ тонкости живописи, къ стройности скульптуры, къ совершенству архитектуры, къ несомнительнѣйшимъ доказательнѣйшимъ доказательствамъ геометріи, къ пріятности стихотворства, къ безпредѣльному порядку астрономіи, къ неудобопонятности анатоміи и физіологіи, къ справедливости физіогноміи и хиромантіи, къ чудесному открытію магіи и каббалы, къ превращенію естественнаго въ сверхъестественное химіи и другихъ премногихъ наукъ, руководствующихъ насъ къ познанію безпредѣльныя гармоніи, сокрытыхъ въ нѣдрахъ таинственныя природы. Показалъ намъ отношенія чудесъ одной науки къ другой; вперилъ въ насъ, то подъ гіероглифами, то на яснѣйшихъ своихъ опытахъ, сколь удивительна связь матеріи и духовности, какой нерѣшимый узелъ между Богомъ и человѣкомъ, и какіе мы и вся природа имѣемъ предѣлы и ограниченія“ [26].

Наконецъ, съ 3-го сентября по 31-е декабря 1782 г. Шварцъ читалъ у себя по воскресеньямъ лекціи *о трехъ познаніяхъ,—любопытномъ, пріятномъ и полезномъ*, дошедшія до насъ въ рукописи [27]. „Познаніе любопытное,—говоритъ онъ въ самомъ началѣ своего курса,—разумѣется здѣсь не такое, которое было бы безполезно и удовлетворяло бы только, такъ называемое въ общемъ смыслѣ любопытство. Нѣтъ, здѣсь любопытнымъ познаніемъ названо такое, которое питаетъ нашъ разумъ, но не есть необходимо для пользы вѣчной, будущей жизни или спокой-

ствія духа. Любопытное познаніе заставляетъ насъ познавать, напр., отчего громъ? что̀ такое воздухъ? какимъ образомъ земля производитъ растенія? и пр. сему подобное. Сіе познаніе удовлетворяетъ нашъ разумъ, увеличиваетъ силу духа; оно приноситъ пользу въ жизни, но не есть необходимо для будущаго блаженства жизни вѣчной. 2) Познаніе пріятное есть живопись, стихотвореˊство, музыка и тому подобное. Оно удовлетворяетъ нашъ слухъ, наше зрѣніе и воображеніемъ питаетъ нашъ разумъ. 3) Познаніе полезное есть необходимое для человѣка. Оно научаетъ насъ истинной любви, молитвѣ и стремленію духа къ вышнимъ понятіямъ". „Къ симъ-то послѣднимъ познаніямъ,— замѣчаетъ Шварцъ въ концѣ лекціи,—человѣкъ стремиться долженъ для своего блага: ибо онъ въ сей жизни только путешественникъ, а въ будущей гражданинъ". Изъ этихъ словъ уже видно, какое высокое преимущество даетъ Шварцъ религіи передъ наукою. Въ продолженіе всего курса учитъ онъ стремиться къ свѣту, къ добру, къ внутреннему человѣку, къ Божеству и отрекаться отъ тьмы, зла, внѣшности, діавола, однимъ словомъ—искать небеснаго и покидать земное. Шварцъ не отрицаетъ значенія науки. „Размышленіе и исполненіе по слову Божію или совершенное Ему себя преданіе (говоритъ онъ) есть человѣческое успокоеніе. Никакое умствованіе человѣческое и никакая мудрость вѣка сего неудобны, безъ истиннаго упованія на Бога и преданія Ему себя совершенно, довести насъ до истинныхъ познаній, но слѣпоту и единственныя сомнѣнія вкореняютъ въ сердца наши: ибо, не бывъ отъ Бога, а отъ человѣковъ, они суть ложь. Однако я не отвергаю совершенно наукъ преподаваемыхъ человѣками, хотя онѣ и не служатъ къ сооруженію блаженства нашего: онѣ суть также дары, происходящіе отъ Бога, и человѣкъ, преданный Богу и для ближняго стремящійся къ наукамъ симъ, учиняется способнѣйшимъ орудіемъ, черезъ которое Богъ помощію самыхъ сихъ наукъ падшихъ человѣковъ къ Себѣ привлекаетъ. Но я отвергаю только совершеннѣйшую на нихъ надежду и забвеніе чрезъ то, что человѣкъ умствованіемъ и надеждою на свои силы отвращается отъ Бога и подвергаетъ себя проклятію: ибо самое паденіе не иначе что̀ есть, какъ отвращеніе себя отъ содѣйствія Бога и учиненіе

самого себя средоточіемъ своихъ дѣйствій, чрезъ воззрѣніе на свои собственныя силы и надежду на оныя". „Проходя исторію жизни человѣческой (говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ), можно примѣтить, что преподаваемыя науки безъ христіанства во зло и смертный ядъ обращаются". Человѣкъ, живущій въ уединеніи или между дикими непросвѣщенными, ежели имѣетъ пороки, то они открыты; ложныя же науки открываютъ людямъ хитрости, чрезъ которыя они тайно злодѣйствуютъ. Для спасенія нашего мы не должны знать, но должны дѣлать, сказано въ 8-й лекціи. Это убѣжденіе одушевляло многихъ религіозныхъ ревнителей того времени, между прочимъ и Землера. Одна Библія „истинный источникъ всѣхъ человѣческихъ познаній въ себѣ заключаетъ; въ оной сокрыто великое таинство творенія, дѣйствія праотцевъ нашихъ, паденіе, проклятіе, искупленіе, спасеніе и будущее состояніе человѣческаго существа" (лекція 7-я). „Человѣкъ во временной своей жизни долженъ устроивать для себя къ будущей жизни на твердомъ и незыблемомъ основаніи домъ или вѣчную обитель; но какъ мы будущаго не знаемъ и не можемъ начертать порядочнаго плана для вѣчнаго жилища, то Богъ по милосердію Своему показываетъ человѣку въ Библіи самое покойное и вѣрное расположеніе вѣчнаго дома: въ ней начертанъ весь планъ къ устроенію будущей жизни. Читая ее, получаемъ вкусъ и неизреченную чувствуемъ сладость, которая обратится послѣ въ нашу пользу и вѣчную пищу. Не камни тлѣнные потребны человѣку для вѣчнаго жилища, но вѣра и любовь къ Богу, любовь къ ближнему и умерщвленіе плоти" (л. 12-я). Въ 13-й и 14-й лекціяхъ Шварцъ касается значенія воспитанія: „Истинная пружина человѣческихъ дѣйствій есть стремленіе къ расширенію совершенствъ своихъ; философъ исполняетъ вѣдая то, а невѣжда исполняетъ не вѣдая того, яко слѣпецъ. Суть такіе, которые остаются при исправленіи одной только организаціи, а далѣе способности свои не расширяютъ; сему злу причиною бываетъ худое воспитаніе. Младенецъ, хотя и имѣетъ уже въ себѣ сѣмена совершенства, но ежели поведенъ будетъ ложнымъ путемъ, ежели память его отягчатъ ненужными и безполезными знаніями, ежели воображеніе его пріучатъ къ однѣмъ бездѣлкамъ и ко внѣшнимъ

украшеніямъ тѣла, то сѣмена совершенства будутъ подавлены терніемъ и никогда не произведутъ желаемаго плода". Отсюда выводитъ Шварцъ необходимость рачительнаго воспитанія женщинъ, которыя бываютъ душою цѣлаго государства. Такъ какъ мысли (по словамъ Шварца) „суть источникъ всѣхъ совершенствъ и несовершенствъ нашихъ, то для приведенія ихъ помощію воображенія въ порядокъ и гармонію нужно, кажется, молодыхъ людей упражнять въ словесныхъ наукахъ, въ музыкѣ, въ живописи и занимать ихъ гармоніею природы, которая, красотами своими привлекая чувства человѣческія, дѣлаетъ ихъ нѣжнѣйшими и удобнѣйшими къ чистой любви, и приводя въ пріятное восхищеніе, заставляетъ примѣчать дѣйствія природы, приводитъ ихъ въ удивленіе порядку оной, возвышаетъ ихъ мысли до источника природы и наконецъ воспламеняетъ въ нихъ чистую любовь къ Богу". — Таковы основныя положенія лекцій Шварца о трехъ познаніяхъ. Несмотря на мистическій характеръ, проникающій лекціи, Шварцъ очень осторожно отклоняетъ отъ себя вопросъ о розенкрейцерахъ. Видно впрочемъ, что онъ былъ усердный поклонникъ Іакова Бёма и вѣрилъ его разсказамъ о чудныхъ откровеніяхъ ему" [28].

Заключая обзоръ университетской дѣятельности Шварца, не можемъ не обратить вниманія на цѣлость и полноту его преподаванія въ отношеніи къ религіозной идеѣ, имъ руководившей. Начиная седьмую лекцію ученіемъ о тройственности познаній, онъ говоритъ: „Къ наученію человѣка суть тройственныя познанія: историческія, техническія или художническія и живыя. *Историческія* познанія суть нравственныя, физическія и метафизическія. Нравственныя суть познанія дѣяній человѣческихъ, характеровъ, возвышенія и паденія царствъ и пр. Физическія показываютъ намъ причину растеній, тяжесть тѣлъ, силу элементовъ и пр. Метафизическія суть познанія религіи, закона и пр. И такъ познанія историческія обогащаютъ нашъ разумъ. *Техническія*, или художническія, научаютъ искусствамъ, какъ-то: стихотворству, краснорѣчію, музыкѣ, живописи, скульптурѣ и пластикѣ. *Живыя* познанія находимъ мы и ощущаемъ въ сердцѣ. Они ничѣмъ и никогда не истребляются, никогда забвенны быть не могутъ и заключатся съ нами въ вѣчность.

Чрезъ нихъ получаемъ мы откровенія или познаемъ все то, что касается до Бога, однимъ словомъ: живое познаніе научаетъ человѣка разбирать самого себя и подавать средства къ возвышенію себя, къ умноженію бытія своего и къ стремленію къ тому источнику, отъ коего онъ имѣетъ свое начало. Живыя познанія суть дары, дарованные Богомъ въ свое время роду человѣческому, или какъ въ Св. Писаніи сказано: таланты, данные господиномъ рабамъ своимъ. Отъ употребленія человѣковъ зависитъ съ лихвою умножить полученный талантъ или зарыть его въ землю, т. е. погрузить его и себя во мракъ и нерадивостью своею затмить въ себѣ сіяніе свѣта и заглушить гласъ, непрестанно ихъ наставляющій". Въ той же бесѣдѣ Шварцъ говоритъ, что историческія познанія „суть цѣлію" его лекцій; историческія познанія излагалъ онъ также и въ курсѣ исторіи философіи. „Торжественная эстетико-критическая лекція" (т. е. курсъ, а не одно чтеніе) посвящена была познаніямъ техническимъ; наконецъ самъ онъ своею жизнію былъ лучшимъ примѣромъ живыхъ познаній.

Шварцъ скончался 17-го февраля 1784 г. въ деревнѣ, недалеко отъ Москвы [29]. Мысль о начатомъ имъ предпріятіи не покидала его до самой смерти: „забылъ о любезнѣйшихъ ему смертныхъ, супругѣ и дѣтяхъ, при послѣднемъ дыханіи еще благодѣтельствовалъ тѣмъ имуществомъ наукамъ, которымъ онъ долженъ былъ облегчить нужды вдовы и сиротъ своихъ" [30]. Черезъ нѣсколько лѣтъ по смерти Шварца вдова его потерпѣла совершенное разореніе и не имѣла никакого состоянія для содержанія себя [31]. Благодарные питомцы университета сдѣлали собраніе по смерти Шварца, въ которомъ почтили усопшаго похвальными рѣчами и стихами. Въ этомъ собраніи участвовали А. Лабзинъ, В. Подшиваловъ, И. Тимковскій, М. Доброгорскій, Псіолъ, Л. Максимовичъ и др. Горесть уступаетъ мѣсто мысли о благочестивой жизни умершаго, и не могли они иначе воспоминать смертолюбивѣйшаго своего наставника, какъ выразился о Шварцѣ одинъ изъ членовъ собранія. На смерть Шварца написана была также ода [32], по свидѣтельству которой онъ благословлялъ наступленіе смертнаго часа, говоря: „Скоро узрю я Бога, освобожусь отъ страданій, скоро увижу я полный свѣтъ".

ИСТОРІЯ ИЗДАНІЯ «ОПЫТА О ЧЕЛОВѢКѢ» ВЪ ПЕРЕВОДѢ ПОПОВСКАГО.

Первое письмо „Опыта о человѣкѣ“ Попе было переведено студентомъ Академіи наукъ Николаемъ Поповскимъ въ 1753 году. 23 августа того же года Ломоносовъ сообщилъ этотъ переводъ И. И. Шувалову съ увѣреніемъ, что „въ немъ нѣтъ не единаго стиха, который былъ бы имъ поправленъ“. 28 марта 1754 года Ломоносовъ увѣдомлялъ Шувалова, что „Поповскій свой переводъ всѣхъ стиховъ Попіевыхъ, нѣсколько еще исправленныхъ, сегодня въ канцелярію для посылки его сіятельству отдалъ“ [1]. Поповскій не зналъ по-англійски и переводилъ „Опытъ о человѣкѣ“ съ прозаическаго французскаго перевода, сдѣланнаго Силуэттомъ [2]. Поповскій признавался, что нѣкоторыя мѣста французскаго перевода были ему „не весьма вразумительны“; „сіе происходило отъ моего ли слабаго разсужденія или *отъ темности переводу французскаго*, не знаю“, прибавляетъ онъ. Гравюры, приложенныя къ переводу Поповскаго, взяты съ тѣхъ, которыя были приложены къ нѣкоторымъ изданіямъ перевода Силуэтта и были выгравированы J. Punt'омъ съ картинъ, написанныхъ Блекеемъ (Blakey) [3]. Печатаніе перевода Поповскаго встрѣтило препятствія со стороны духовной цензуры, которая нашла, что издатель оныя книги ни изъ Св. Писанія, ни изъ содержимыхъ въ православной нашей церкви узаконеній ничего не заимствуя единственно всѣ свои мнѣнія на естественныхъ и натуральныхъ понятіяхъ полагаетъ, присовокупляя къ тому и

Коперникову систему, такожъ и мнѣнія о множествѣ міровъ, Св. Писанію совсѣмъ несогласныя [4]. „Сумнительными“ цензура признала въ первомъ письмѣ стихи 36, 50, 75, 461, 465, 468, 475 и 540; во второмъ: 5, 196 и 285—315; въ третьемъ: 45, 76, 265—300, 400 — 475, 510 и 545; въ четвертомъ: 26 — 46, 135, 575 и 576 [5]. На этихъ основаніяхъ духовная цензура отказала Шувалову въ позволеніи напечатать „Опытъ о человѣкѣ“. Шуваловъ, признавая книгу Поповскаго „весьма небезполезною учащемуся юношеству“, передалъ ее для разсмотрѣнія архіепископу Амвросію, человѣку, „разумъ котораго (по отзыву Новиковскаго „Словаря о россійскихъ писателяхъ“) былъ просвѣщенный, чуждъ суевѣрія и лицемѣрія“. Архіепископъ озаботился, чтобы въ переводѣ Поповскаго не осталось ничего о „множествѣ міровъ Коперниканской системы и натурализму склоннаго“. Съ этою цѣлью на 17-й страницѣ (по первому изданію „Опыта“) Амвросій выкинулъ слѣдующіе шестнадцать стиховъ [6] изъ перваго письма „Опыта“ (стихъ 461 и слѣд.)

Міръ каждый въ степеняхъ порядокъ наблюдаетъ
И чинъ въ теченіяхъ всечасно наглядаетъ;
Но чинъ сей надлежитъ не только для него,
Какъ и до зданія вселенныя въ него.
Въ единомъ изъ міровъ малѣйшій непорядокъ
Не одного его приводитъ лишь въ упадокъ,
Но всѣхъ другихъ міровъ и весь вселенной кругъ
Къ паденью страшному влечетъ съ собою вдругъ:
Оставитъ тутъ земля свой путь въ минуту кратку,
Хотя то тамъ, то тутъ, безъ чину и порядку,
И солнце, и луна, и весь строй свѣтлыхъ звѣздъ
Подвигнутся съ своихъ въ нестройномъ бѣгѣ мѣстъ,
И ангели съ круговъ, которыми владѣютъ,
Въ семъ замѣшательствѣ стремглавъ сниспасть имѣютъ;
Тогда бы тварь на тварь, и міръ на міръ упалъ,
Вся твердь бы потряслась, весь свѣтъ бы возстоналъ,

Вмѣсто этихъ стиховъ, выброшенныхъ „за несходство ихъ съ авторомъ“ (по словамъ Амвросія), архіепископъ положилъ „другіе стихи противъ точнаго французскаго перевода“ [7]. Амвросій, какъ видно, имѣлъ подъ руками не тотъ близкій къ оригиналу прозаическій переводъ „Опыта о человѣкѣ“ Силуэтта которымъ пользовался въ своемъ трудѣ Поповскій, но стихо-

творный переводъ аббата Дю-Ренеля. По крайней мѣрѣ стихи, вставленные Амвросіемъ взамѣнъ вышеприведенныхъ, оказываются довольно близкимъ переложеніемъ стиховъ Дю-Ренеля [8].

Кромѣ того пр. Амвросій отмѣтилъ въ переводѣ Поповскаго „противное Св. Писанію и политическому узаконенію и вмѣсто того, безъ дальной перемѣны, въ однихъ токмо терминахъ исправилъ“. При этомъ исправленіи онъ обратилъ вниманіе на тѣ мѣста, которыя были признаны за „сумнительныя“ духовною цензурою, разсматривавшею переводъ Поповскаго до Амвросія: бо̀льшую часть указанныхъ ею „сумнительныхъ“ мѣстъ книги онъ замѣнилъ своими стихами и кромѣ того призналъ необходимымъ передѣлать нѣсколько стиховъ, ускользнувшихъ отъ вниманія прежняго цензора [9].

Такимъ образомъ духовною цензурою исключены были изъ рукописи Поповскаго слѣдующіе стихи:

Въ первомъ письмѣ:

Ст. 37: Хотя тѣмъ мірамъ нѣтъ предѣловъ, ни числа,
Въ которыхъ Богъ свои являетъ намъ дѣла.
Ст. 49: Коль многія живутъ и разны существа
На каждой изъ планетъ для славы божества.
Ст. 93: Но напротивъ того всесильный нашъ Творецъ
Съ намѣреніемъ вдругъ имѣетъ и конецъ.
Ст. 125: Онъ столько смертному далъ совершеннымъ быть,
Сколь много совершенствъ онъ могъ въ себя вмѣстить.
Ст. 225: Вопи, что ежели несчастны человѣки,
Коль не дано однимъ жить въ безконечны вѣки,
Когда не объ однихъ печется божество,
Всѣхъ совершенствъ въ одно не влило существо.
Ст. 242: И ангелъ бы хотѣлъ за Бога почитаться.
Ст. 298: Всѣмъ смертнымъ мудро жить, безстрастно и исправно.
Ст. 498: А Богъ душа, что̀ все сіе устроилъ дѣло,
Хоть примѣняется во всякомъ существѣ,
Но во своемъ одинъ и тотъ же естествѣ.
Ст. 504: Въ зефирахъ холодитъ, цвѣтетъ на деревахъ.
Ст. 507: Не раздѣляется, но всѣмъ себя дѣлитъ.
Ст. 535: Хотя бы въ мірѣ семъ, хотя-бъ въ другомъ ты былъ.
Ст. 554: Невѣдомое въ немъ все строитъ мастерство.

Во второмъ письмѣ измѣнены слѣдующіе стихи:

Ст. 195: Возможно-ль страсти намъ почесть вредомъ какимъ.
Ст. 284: Иль внутренность, или подагру вводитъ вновь.

Ст. 289: Не долженъ истреблять онъ въ насъ страстей конечно,
Но токмо управлять волненіе сердечно;
Плѣнившую насъ страсть не долженъ выгонять
И съ нею такъ какъ другъ, не недругъ поступать.
Ст. 295: Различными страстьми туда мы и сюда,
Какъ сильнымъ вѣтромъ трость, колеблемся всегда.

Въ третьемъ письмѣ передѣланы:

Ст. 45: *Превѣчной* цѣпи сей, что утвердилъ Творецъ
Скажи, о смертной! мнѣ, нашелъ ли ты конецъ.
Ст. 75: Которой кожей волкъ [10] отъ мраза прежде грѣлся,
Въ ту нынѣ ужь герой или монархъ одѣлся.
Ст. 545: Пусть спорятъ глупые ревнители чрезъ мѣру,
Которую почесть всѣхъ должно лучше вѣру;
Котора главному насъ всѣхъ концу вредитъ,
Та вѣра на себѣ имѣетъ ложный видъ.

Въ четвертомъ письмѣ измѣнены:

Ст. 65: Ни звѣрской лютостью наполненный,
Ни крови жаждущій разбойникъ сограждан... [11]
Ст. 239: Но кто, кромѣ Творца, другой тебя увѣритъ,
Кто правдою живетъ, кто льститъ и лицемѣритъ?
Святаго духа полнъ тѣмъ кажется Кальвинъ,
Другимъ онъ адскій сынъ, наперсникъ сатанинъ.
Ст. 271: Бездѣльникъ достаетъ чрезъ земледѣльство хлѣбы
И мореплаваньемъ находитъ всѣ потребы.
Ст. 316: Хранящаго покой всеобщій гражданина
Почти величествомъ монаршескаго чина.

Наконецъ Амвросій оставилъ безъ измѣненія слѣдующіе стихи, показавшіеся духовной цензурѣ сомнительными: въ первомъ письмѣ—75 и 475; во второмъ—ст. 5 и стихи 296—315; въ третьемъ письмѣ—ст. 265—300, 400—475, 510 и въ четвертомъ—стихи 26—46, 135, 575 и 576. Послѣ такихъ передѣлокъ русскій переводъ „Опыта о человѣкѣ“ разрѣшенъ былъ къ печатанію.

Шуваловъ, принимавшій живое участіе въ изданіи труда Поповскаго, который былъ уже въ то время профессоромъ Московскаго университета, требовалъ, чтобы переводчикъ исправилъ стихи, вставленные Амвросіемъ и не имѣвшіе размѣра, согласивъ ихъ смыслъ съ измѣненіями цензуры [12]. Но Поповскій отказался исполнить желаніе куратора и навязать англій-

скому поэту мысли, которыхъ не было въ его знаменитомъ „Опытѣ“. Ссылаясь на трудность подобной работы, Поповскій, напротивъ, въ первомъ изданіи своего перевода выдѣлилъ стихи, измѣненные духовною цензурою, изъ своихъ собственныхъ, напечатавши первые болѣе крупнымъ шрифтомъ противъ того, какимъ набранъ былъ его переводъ „Опыта“. Въ предисловіи Поповскій, сверхъ того, предполагалъ, повидимому, объяснить происхожденіе стиховъ, напечатанныхъ крупнымъ шрифтомъ, но кураторъ удержалъ его отъ этого поступка. Въ октябрѣ 1757 г. Шуваловъ писалъ директору Московскаго университета И. И. Мелиссино: „Высокородный господинъ, Императорскаго Московскаго университета директоръ! Предисловіе, сочиненное господиномъ Поповскимъ въ книгѣ Попія, печатать съ отмѣною, чтобъ подлинныхъ стиховъ господина Поповскаго, переправленныхъ Синодомъ, не печатать и въ предисловіи оное перемѣнить въ концѣ, гдѣ о оныхъ стихахъ упоминается. И какъ сей переводъ господину Поповскому много чести принесетъ, то я уповаю, что скоро первое изданіе раскупятъ, а второе напечатаетъ, можетъ быть, какъ отъ него переведено безъ поправленія было. Кураторъ Иванъ Шуваловъ“ [13]. Приказаніе это было исполнено, но въ концѣ предисловія переводчикъ не преминулъ дать отвѣтъ и духовной цензурѣ, и самому куратору въ слѣдующихъ словахъ: „Какъ матерія сія важная, то можетъ найтись *кому нибудь* нѣчто и сомнительное въ разсужденіи нашей религіи, въ чемъ однако *справедливый* читатель меня извинитъ для двухъ причинъ: первая, что я не богословъ, и потому простительно мнѣ будетъ, естьли гдѣ не могъ усмотрѣть несходства съ нашею религіею; второе, что я не критикомъ былъ, но переводчикомъ; слѣдовательно, хотя бы и усмотрѣлъ нѣчто противное, однако *поправлять не имѣлъ никакого права*. Я только старался какъ можно ближе подходить къ французскому переводу; и такъ *сумнительныя* [14] мѣста могутъ больше причтены быть французскому переводчику, которому я слѣдовалъ, нежели мнѣ“.

Предисловіе Поповскаго набиралось въ то время, когда текстъ перевода „Опыта о человѣкѣ“ былъ уже отпечатанъ. 14 августа 1757 года Мелиссино далъ канцеляріи Московскаго университета слѣдующее „извѣстіе“: „Его высокопревосходительство (т. е.

Шуваловъ) изволилъ мнѣ именно приказать послать въ канцелярію извѣстіе, чтобъ, не дожидаясь апробаціи его высокопревосходительства, печатать сочиненія господина Ломоносова, также и переводъ господина Попія. Того ради канцеляріи университета приказать безъ всякаго отлагательства оныя печатать и чтобъ было каждаго выхода по тысячѣ двѣсти экземпляровъ“. Шуваловъ заботился не только о безотлагательномъ напечатаніи труда Поповскаго, но и объ изящномъ его изданіи: онъ выбиралъ гравюры, приложенныя къ русскому переводу „Опыта“ [15]. Въ началѣ октября Шуваловъ писалъ директору университета: „Посланной отъ меня манускриптъ перевода господина Поповскаго сочиненія Попія прислать ко мнѣ возвратно“. Въ томъ же мѣсяцѣ печатаніе книги было кончено, и 3 ноября Шуваловъ въ ордерѣ на имя Мелиссино сдѣлалъ слѣдующее распоряженіе: „Цѣна на книгу „Опытъ о человѣкѣ“ довольная, по доношенію господина Хераскова, положена, которую (ежели она приведена совсѣмъ въ совершенство) извольте приказать продавать по шестидесяти копѣекъ“. Наконецъ Шуваловъ принялъ участіе и въ распространеніи книги Поповскаго, какъ видно изъ слѣдующаго его ордера: „Напечатанной „Опытъ о человѣкѣ“ прислать сюда въ Санктпетербургъ, не медля, 400 экземпляровъ, за которые отсюда деньги перешлются. По полученіи же сего ордера, въ будущую почту, прислать экземпляровъ 15, буде больше не возможно, въ счетъ означеннаго числа“.

Такимъ образомъ, студенческій трудъ Поповскаго вышелъ въ свѣтъ только черезъ три года по доставленіи его въ полномъ видѣ Шувалову. За нѣсколько мѣсяцевъ до полученія отъ Поповскаго перевода перваго письма „Опыта о человѣкѣ“ Ломоносовъ доносилъ въ канцелярію Академіи наукъ: „Николай Поповскій *задаваемыя ему отъ меня* разныя матеріи стихами сочинялъ и *переводилъ* весьма изрядно и нынѣ имѣетъ опытъ своего искусства въ переводѣ стихами, который уже, по соизволенію Канцеляріи Академіи Наукъ, къ печатанію отданъ“ [16]. Не принадлежалъ ли и переводъ „Опыта о человѣкѣ“ къ числу работъ, заданныхъ Поповскому Ломоносовымъ? Это весьма вѣроятно. Повидимому „Опытъ“ Попе пользовался въ то время уваженіемъ и въ средѣ ученыхъ спеціалистовъ. Извѣстный фи-

зикъ Рихманъ, который палъ жертвою своихъ наблюденій надъ электричествомъ, и котораго Ломоносовъ въ своемъ знаменитомъ письмѣ назвалъ „лучшимъ профессоромъ“ тогдашней Академіи наукъ, удѣлилъ часть досуга отъ своихъ ученыхъ занятій на переводъ перваго письма „Опыта о человѣкѣ“ на нѣмецкій языкъ [17]. Рекомендованный въ члены Петербургской Академіи наукъ сильнымъ А. И. Остерманомъ, Рихманъ изъ домашнихъ учителей графа перешелъ въ 1736 г. въ студенты по физическому классу и 20 февраля 1741 г. признанъ достойнымъ профессорскаго званія [18]. Это было уже послѣ паденія его знаменитаго покровителя, который въ январѣ того же 1741 года сосланъ былъ въ Сибирь. Ученикъ Рихмана Ѳедоръ Остерманъ былъ не „въ авантажѣ“ въ это время: его лишили ленты ордена Александра Невскаго и перевели изъ гвардіи въ армію. Именно въ эту тяжелую для Ѳедора Остермана эпоху, черезъ нѣсколько дней послѣ публичнаго приговора его отцу (18 января), напомнилъ о себѣ Рихманъ своему молодому ученику, доставивши ему свой переводъ перваго письма „Опыта о человѣкѣ“, которое носило заглавіе „Von der Natur und dem Zustande des Menschen in Absicht auf die Welt“. Не безъ намѣренія, можетъ быть, а не ради одного размѣра замѣнилъ Рихманъ обращеніе Попе къ графу Болингброку: „Awake, *my John!*“ словами „Mein Graf“ [19]. Начало „Опыта о человѣкѣ“ имѣло, въ устахъ Рихмана, примѣненіе къ тогдашнимъ обстоятельствамъ Ѳедора Остермана. Вотъ это начало по переводу Рихмана:

Weil sichs, mein Graf, nur for den Stoltz und Ehrgeitz grosser Fürsten schickt,
So wollen wir ihrer schlechten Wahl die Kleinigkeiten alle gönnen,
Wir, weil wir sterben, da wir kaum, was um uns ist, vorm Tod erblickt,
Wir müssen diese kurtze Zeit so gut gebrauchen, wie wir können,
Drum hurtig, lasst uns doch noch vor des Menschen Spiel- und Schau-Gerüst
Und drauf desselben kurtzen Tandl mit frayem Geist beshauen
Hier ist ein weiter Labyrinth, der doch nicht ohne Regeln ist,
Hier ist ein oedes Distel-Feld geziert mit bunten Blühmen-Auen,
Hier ist ein Garten so uns reitzt und locket mit verbothner Frucht.
Wohlan getrost! Wir wollen frish daszelbe weite Feld durchstreichen,
Das wahren Grund von allem dem, was man theils im Verborgnen sucht,

Theils was uns vor den Augen liegt, wo möglich suchen zu erreichen
Die tiefsten Oerter, alles das, was in verborg'nen Höhlen kreucht
Das alles wollen wir uns unterstehen auszuspühren.
Auf Höhen, wo man schwindlich wird, wo alles unserm Aug' entweicht,
Auf alles das soll unsere Geist sein fortgesetztes Dencken führen.

Рихманъ переслалъ Остерману свой переводъ съ слѣдующимъ письмомъ, помѣщеннымъ въ концѣ рукописи:

„Mit diesem schlechten Versuch einer Uebersetzung eines Englischen Briefes des Herrn Alexander Pope Esqr. nimmt die Freyheit sich in Ew. Hochgeb. beständiges hochgeneigtes Andencken zu empfehlen

Ew. Hochgeboren
meines werthesten Herrn Grafen
gehorsammster Diener
Richmann.

S.-Pet., den 4 Febr. 1742“.

Прибавимъ, что графъ Ѳедоръ Остерманъ „любилъ науки и латинскій языкъ“ и переписывался на этомъ языкѣ съ митрополитомъ Платономъ, „у котораго онъ въ старости учился богословію“ [20].

Д. И. ФОНЪ-ВИЗИНЪ.

Фонъ-Визинъ, Денисъ Ивановичъ, родился въ 1744 году[1]. Отецъ его, Иванъ Андреевичъ, хотя и не отличался блестящимъ образованіемъ, но былъ человѣкъ „большаго здраваго разсудка“ и понималъ необходимость просвѣщенія. Свободный отъ вліянія иностранцевъ, онъ сохранилъ въ себѣ лучшія стороны стараго русскаго воспитанія и прежнихъ нравовъ, не становясь противникомъ европейскаго просвѣщенія. Напротивъ, желаніе познакомиться съ произведеніями иностранной литературы было въ немъ довольно сильно, и наша богатая въ прошломъ столѣтіи переводная литература предлагала къ тому важныя пособія. Правда, немногіе русскіе переводы того времени могли похвалиться изяществомъ языка, красотою формы; но они были разнообразны и передавали русскимъ читателямъ почти всѣ лучшія произведенія иностранныхъ литературъ. Черезъ нихъ незамѣтно распространялись у насъ идеи гуманизма въ кругу людей, не получившихъ прочнаго, правильнаго образованія; черезъ нихъ вліяніе литературы французской на нашу парализировалось знакомствомъ съ литературою древнихъ и нѣкоторыми произведеніями словесности нѣмецкой, испанской, италіанской.

Уже въ дѣтствѣ будущій авторъ „Недоросля“ обнаружилъ особенную чувствительность, пылкость характера, хитрость, — свойства, которыми можно объяснить нѣкоторыя явленія въ его разнообразной литературной дѣятельности. Въ семействѣ, сохранившемъ привязанность къ старому образу жизни, совершилось первоначальное воспитаніе Фонъ-Визина безъ всякаго вліі-

нія иностранныхъ гувернеровъ, и этимъ онъ обязанъ, конечно, не своему времени, когда будто бы ребенокъ далѣе былъ окруженъ русскою атмосферою, чѣмъ теперь [2], но тому, что родители его были люди стараго времени, старыхъ обычаевъ и притомъ небольшаго достатка. Въ отцѣ своемъ Фонъ-Визинъ видѣлъ примѣры многихъ добрыхъ чертъ старой Руси. Онъ самъ характеризуетъ отца своего человѣкомъ стараго времени и его достоинства приписываетъ иногда старинѣ [3]. Въ немъ самомъ любовь къ добрымъ сторонамъ старой русской жизни такъ сильна, что онъ постоянно противополагаетъ ее своему времени [4], „нынѣшнему обращенію свѣта“, какъ онъ выражается: здѣсь объясненіе роли Стародума, образъ мыслей котораго былъ девизомъ Фонъ-Визина; поэтому предполагаемый журналъ свой онъ назвалъ „Другомъ честныхъ людей или *Стародумомъ*“ [5].

Благодаря издавна вкоренившимся пріемамъ русскаго воспитанія Иванъ Андреевичъ владѣлъ практическимъ знаніемъ славяно-церковнаго языка. Въ четыре года началъ онъ учить сына грамотѣ, и какъ скоро онъ научился читать, отецъ заставлялъ его читать у крестовъ. „Сему обязанъ я“,—говоритъ Денисъ Ивановичъ, — „если имѣю въ россійскомъ языкѣ нѣкоторое знаніе: ибо, читая церковныя книги, ознакомился и съ славянскимъ языкомъ, безъ чего россійскаго языка и знать не возможно“.—Иностраннымъ языкамъ не могъ научить сына Иванъ Андреевичъ, потому что самъ ихъ не зналъ, а нанимать для того учителей былъ не въ состояніи. Открытіе Московскаго университета доставило ему возможность дать дѣтямъ болѣе полное образованіе, и, „не мѣшкая ни сутокъ“, онъ отдалъ двухъ сыновей своихъ, Дениса и Павла, въ гимназію Московскаго университета (въ 1755 году).

Уже въ послѣдней четверти прошедшаго столѣтія университетъ далеко не былъ въ томъ не очень утѣшительномъ состояніи, въ какомъ зналъ его одиннадцатилѣтній Фонъ-Визинъ. То было лишь время его зарожденія, время первыхъ усилій его на пользу русскаго образованія; мы можемъ только замѣчать съ полнымъ любопытствомъ первые нетвердые шаги его, слѣдовать съ любовію за его дальнѣйшимъ ходомъ, но не упрекать и не глумиться надъ его первоначальнымъ состояніемъ. И при всемъ

томъ, даже въ это время онъ оказалъ на Фонъ-Визина благотворное вліяніе. Здѣсь Денисъ Ивановичъ узналъ основательно нѣмецкій языкъ, благодаря особенно профессору Рейхелю; здѣсь выучился онъ латинскому языку, который процвѣталъ, благодаря образцовымъ лекціямъ Шадена въ гимназіи. Но не этимъ, такъ сказать, формальнымъ знаніемъ ограничилось образованіе Фонъ-Визина въ университетѣ: оно развило въ немъ „вкусъ къ словеснымъ наукамъ“ [6]. Фонъ-Визины считались лучшими учениками дворянской гимназіи университета. 26 апрѣля 1756 года Д. Фонъ-Визинъ въ публичномъ собраніи университета получилъ медаль за прилежаніе [7]. Какъ одинъ изъ лучшихъ учениковъ гимназіи, Фонъ-Визинъ, по обычаю того времени, принималъ участіе въ рѣчахъ и диспутахъ, происходившихъ во время университетскихъ актовъ. Въ одномъ объявленіи читаемъ: „Денисъ Фонъ-Визинъ стараться будетъ показать щедрость и прозорливость Ея Императорскаго Величества, всещедрой музъ Основательницы и Покровительницы“. Также 12-го іюня 1757 г., „въ заключеніе ученій передъ лѣтнею вакаціею, въ публичномъ собраніи университета, между прочимъ, ученики гимназіи Иванъ Шмаевскій, Яковъ Дашковъ, Денисъ Фонъ-Визинъ и Николай Ефимовъ имѣли рѣчи на нѣмецкомъ языкѣ: первый — о томъ, что науки полезны всему государству и народу, а прочіе трое— о наилучшемъ способѣ къ обученію языковъ“ [8]. Такіе диспуты въ первые годы существованія университета происходили довольно часто и повидимому пользовались большимъ уваженіемъ, хотя теперь странно было бы слышать, какъ четырнадцатилѣтній ребенокъ разсуждаетъ о лучшемъ способѣ изученія языковъ. Въ іюлѣ того же года директоръ Московскаго университета отправился съ лучшими изъ воспитанниковъ университета и его гимназіи въ Петербургъ, но въ числѣ ихъ не было Фонъ-Визина [9]. 27-го апрѣля 1758 года, въ публичномъ же собраніи университета, Д. Фонъ-Визинъ показанъ достойнымъ награжденія въ классѣ историческомъ и географическомъ, у магистра Оттенталя [10], и ближайшимъ къ награжденію въ классѣ военной архитектуры и фортификаціи, у І. І. Роста. „И въ другихъ классахъ (замѣчено о Д. Фонъ-Визинѣ и двухъ другихъ ученикахъ) такъ обучались, что за достойныхъ могутъ почитаться награжденія“.

Въ декабрѣ (17-го дня) того же года Д. Фонъ-Визинъ произведенъ въ высшіе классы изъ классовъ: Нича, Оттенталя, Михельсона [11]. Въ томъ же 1758 году директоръ университета снова повезъ въ Петербургъ нѣсколько учениковъ „для показанія основателю университета плодовъ сего училища“: Фонъ-Визины находились въ числѣ избранныхъ учениковъ. У Шувалова встрѣтилъ Фонъ-Визинъ Ломоносова, который началъ при немъ говорить о пользѣ латинскаго языка „съ великимъ краснорѣчіемъ“. Блескъ двора поразилъ ребенка, который до тѣхъ поръ почти ничего не видалъ; театръ произвелъ на него особенно сильное впечатлѣніе; здѣсь узналъ онъ и И. А. Дмитревскаго. И въ то время, когда награждали такимъ образомъ будущаго автора „Недоросля“ и „Бригадира“,—въ Казанской гимназіи, также находившейся подъ вѣдѣніемъ Московскаго университета, также отъ Шувалова получалъ награжденіе другой представитель литературы временъ Екатерины—Державинъ [12]. Въ апрѣлѣ 1760 года Фонъ-Визины удостоены снова золотыхъ медалей, но „получили другое лучшее вознагражденіе, а именно произвожденіе въ воинскихъ чинахъ“. Особенные успѣхи оказали они въ вышнемъ нѣмецкомъ классѣ магистра Рейхеля и въ классѣ маіора Михельсона [13]. Въ 1761 году снова получилъ золотую медаль Фонъ-Визинъ, „предъ которымъ хотя въ нѣмецкомъ высшемъ классѣ имѣетъ преимущество Ростиславъ Татищевъ, однакожь какъ оный въ томъ классѣ получалъ таковыя медали прежде, то нынѣ оную уступилъ помянутому второму по немъ ученику Фонъ-Визину“. Наконецъ, Д. Фонъ-Визинъ съ братомъ произведены были въ студенты [14]. Къ 1761 году относятся первые его переводы. Университетскій книгопродавецъ поручилъ ему перевести съ нѣмецкаго басни барона Гольберга, обѣщая за труды—книгъ на пятьдесятъ рублей. Фонъ-Визинъ принялся за работу, и въ 1761 году появилась книжка: „Басни нравоучительныя съ изъясненіями господина барона Голберга, перевелъ Денисъ Фонъ-Визинъ“ (при Императорскомъ Московскомъ университетѣ, 1761). Выборъ былъ довольно счастливъ и не остался безъ вліянія на переводчика: Фонъ-Визинъ познакомился съ комедіями Гольберга. Въ исторіи датской литературы Гольбергъ занимаетъ довольно важное мѣсто. Онъ почитается отцомъ датской прозы и основателемъ

датскаго театра, для котораго написалъ первыя народныя піесы. Комедіи и сатиры дали ему почетное мѣсто въ исторіи датской литературы. „Подземное путешествіе Клима“, въ которомъ подъ аллегорическимъ описаніемъ разныхъ вымышленныхъ странъ Гольбергъ клеймитъ мѣткою сатирою свое время,—доставило автору огромную извѣстность и явилось также въ русскомъ переводѣ. Впрочемъ Гольбергу не удалось поддержать датскій театръ въ томъ видѣ, какой онъ на-время далъ ему: публика увлеклась французскимъ вліяніемъ. Гольбергъ жалуется не разъ на модное пристрастіе къ французской литературѣ [15]; въ одной изъ своихъ комедій („Іоганнъ изъ Франціи“) [16] онъ выводитъ молодаго человѣка, который побывалъ въ Парижѣ и потому съ презрѣніемъ смотритъ на языкъ и обычаи своихъ соотечественниковъ. Не то же ли видимъ въ Иванушкѣ Фонъ-Визинскаго „Бригадира“? Вліяніе Гольберговыхъ комедій несомнѣнно въ произведеніяхъ Фонъ-Визина, который читаетъ нѣкоторыя изъ нихъ [17]. „Басни нравоучительныя“ принадлежатъ къ слабѣйшимъ произведеніямъ Гольберга, хотя нѣкоторымъ нельзя отказать въ эпиграмматической остротѣ [18]. Онѣ писаны прозою, потому что стихи казались автору формою неестественною для басни. Хотя Гольбергъ высказалъ мысль, что изъ всѣхъ родовъ нравственныхъ сочиненій басня—самый „сильный и невинный“, но нравоученія, которыя онъ выводитъ изъ своихъ басенъ, часто отзываются крайнею изысканностію и совершеннымъ разъединеніемъ съ самою баснею. Сатира Гольберга поражала преимущественно педантизмъ, ложную набожность, схоластическую метафизику, богословскія словопренія. Таковъ былъ первый литературный авторитетъ Фонъ-Визина [19]. Въ характерѣ произведеній ихъ много общаго, и Гольберговы комедіи и басни развивали врожденную наклонность къ сатирѣ въ Фонъ-Визинѣ, который уже въ университетѣ прослылъ „великимъ критикомъ“.— Въ томъ же 1761 году въ „Полезномъ Увеселеніи“, журналѣ, который издавался при университетѣ и состоялъ большею частію изъ трудовъ студентовъ, напечатана переведенная Фонъ-Визиномъ статья „Правосудный Юпитеръ“ [20]. Она принадлежитъ къ тѣмъ нравоучительно-сатирическимъ сочиненіямъ, которыя очень нравились въ прошедшемъ столѣтіи и своею манерою

оставили болѣе или менѣе замѣтные слѣды въ комедіяхъ того времени. Лицо Стародума, цѣлые журналы и піесы отчасти обязаны своимъ происхожденіемъ этой страсти къ резонерству, къ дидактической морали: тирады Стародума, бо́льшая часть которыхъ кажется теперь довольно скучными, очень нравились публикѣ того времени [21]. Въ „Правосудномъ Юпитерѣ“ въ формѣ разсказа развивается истина, что ропотъ человѣка на божество происходитъ единственно отъ недальновидности, и что исполненіе многихъ человѣческихъ желаній только доводитъ людей до несчастія. Въ такомъ духѣ написаны всѣ статьи „Полезнаго Увеселенія“, направленіе которому давалъ Херасковъ: имъ оно было начато, его взглядъ на цѣль журнала руководилъ молодыхъ сотрудниковъ. Въ „Письмѣ“, напечатанномъ въ первой книжкѣ 1761 года [22], Херасковъ замѣчаетъ, что едва ли прошлогодній ихъ журналъ принесъ пользу: „порокъ обличенъ мало“. Но *„въ ободреніе“* сотрудникамъ онъ прибавляетъ, что „утѣсненная добродѣтель въ сердцахъ любителей ея покоится, похвалами и оправданіями питается; чѣмъ больше она провѣщателей ея славы, пріятностей и красоты слышитъ, тѣмъ надъ страстьми выше возвышается“; слѣдовательно, и ихъ журналъ принесетъ свою пользу.

Таково было направленіе первыхъ литературныхъ произведеній Фонъ-Визина: нравоученіе составляетъ главную ихъ цѣль. Но самому переводчику „Нравоучительныя басни“ неожиданно нанесли вредъ въ нравственномъ отношеніи. Книгопродавецъ, заказавшій Фонъ-Визину переводъ ихъ, заплатилъ ему за труды книгами соблазнительными, съ скверными эстампами, которые „развратили его воображеніе и возмутили его душу“. Фонъ-Визинъ началъ искать случая теоретическія свои знанія привести въ практику и такимъ образомъ попалъ въ общество, изъ котораго, какъ лучшее пріобрѣтеніе, вынесъ только роль Бригадирши. Такая жизнь усилила его головныя боли, которыя и прежде заставляли его пропускать многія важныя лекціи.

Фонъ-Визинъ былъ еще въ университетѣ, еще переводы его носили на себѣ слѣды вліянія университета и по выбору, и по языку. Первое несомнѣнно; не безъ основанія можно думать, что и языкъ его переводовъ исправлялся кѣмъ-нибудь изъ универ-

ситетскихъ его наставниковъ: онъ гораздо чище и правильнѣе, нежели его жепереводный слогъ въ „Каритѣ“, которая явилась уже въ Петербургѣ. Изъ всѣхъ преподавателей университета ближе всѣхъ былъ къ Фонъ-Визину Рейхель: подъ его непосредственнымъ руководствомъ началось литературное поприще Фонъ-Визина, и онъ первый привѣтствовалъ его труды словами ободренія съ своемъ журналѣ. Съ своей стороны Фонъ-Визинъ работалъ для его журнала и перевелъ его „Слово о томъ, что науки и художества процвѣтаютъ защищеніемъ и покровительствомъ владѣющихъ особъ и великихъ людей въ государствѣ“ (печ. при Имп. Московскомъ университетѣ, 1762, въ 4-ю д. л.). Замѣчательно, что Рейхель смотритъ на исторію съ точки зрѣнія практической и ставитъ задачею ея—нравоученіе. По его словамъ, такъ „какъ она представляетъ намъ дражайшее сокровище примѣровъ, наполненныхъ *ученія*, когда сохраняетъ важнѣйшія приключенія славныхъ государей для возбужденія и подражанія, когда предлагаетъ дѣла великихъ людей по различнымъ ихъ слѣдствіямъ для благополучія цѣлыхъ частей свѣта, то потребность ея и польза возвышается отъ разумныхъ людей по справедливости“. Въ другомъ мѣстѣ Рейхель замѣчаетъ, что „наука сія при всѣхъ затрудненіяхъ, которыми она окружена, почитаема была зерцаломъ божескаго провидѣнія и сокровищемъ потребнѣйшихъ и полезнѣйшихъ политическихъ правилъ. Она не только цѣлымъ народамъ показала въ чужихъ примѣрахъ путь къ общему благополучію, но и оставила намъ правила опредѣлять и различать точнѣе достоинство великихъ правителей“.—Такое воззрѣніе на исторію передавалъ Рейхель ученикамъ своимъ; оно господствовало въ XVIII вѣкѣ, когда нравоучительныя сочиненія пользовались особеннымъ уваженіемъ. Въ Фонъ-Визинѣ они нашли дѣятельнаго поклонника, и весь рядъ переводовъ съ 1761 по 1769 годъ относится къ разряду чистонравоучительныхъ сочиненій, иногда въ сатирическомъ духѣ. Въ 1762 году Рейхель задумалъ издавать журналъ (по третямъ года): „Собраніе лучшихъ сочиненій къ распространенію знанія и къ произведенію удовольствія“. Издатель обѣщалъ сообщать въ своемъ журналѣ „лучшія чужестранныхъ писателей сочиненія“. Здравый практическій взглядъ на значеніе журнала,

стремленіе дать статьямъ популярность и полезность видны во всемъ „Собраніи“ Рейхеля. „Мы будемъ (говоритъ онъ въ предисловіи къ изданію) собирать для всякихъ читателей, а особливо для тѣхъ, которые не имѣютъ склонности къ глубокомысленнымъ разсужденіямъ“. Составъ журнала простъ. Физика занимаетъ въ программѣ первое мѣсто, ибо „по истинѣ стыдно въ собственномъ своемъ жилищѣ быть невѣдущимъ странникомъ“. За нею слѣдуетъ „экономія, или домостроительство,... которая многія выгодности къ человѣческому блаженству подать можетъ“. Практическую пользу можетъ имѣть въ журналѣ и нравоученіе; по словамъ Рейхеля, оно „было самое плодоноснѣйшее поле, отъ котораго періодическія сочиненія обогащались“. Впрочемъ издатель намѣренъ былъ помѣщать въ своемъ журналѣ только такія, которыя „*подлинное* участіе въ человѣческихъ дѣйствіяхъ имѣютъ и взяты изъ природнаго свойства оныхъ дѣйствій“; онъ исключаетъ также изъ своихъ листковъ сочиненія, въ которыхъ острота *безъ наставленія* находится. Наконецъ издатель обѣщалъ помѣщать въ каждомъ листкѣ что-нибудь изъ ученой исторіи, прибавляя, что „политическая исторія собственно не принадлежитъ къ содержанію нашихъ листковъ“.

Мы распространились о программѣ Рейхелева журнала, чтобъ показать, подъ какимъ сильнымъ вліяніемъ этого профессора находились первые литературные опыты Фонъ-Визина. Въ выборѣ статей для „Собранія лучшихъ сочиненій“ Фонъ-Визинъ былъ не властенъ; онъ опредѣлялся программою. Мало того: по своей тогдашней неопытности въ дѣлахъ литературныхъ переводчикъ не могъ отыскать въ иностранныхъ сочиненіяхъ и журналахъ статей, которыя бы вполнѣ удовлетворяли цѣли журнала; для этого нужны были начитанность, болѣе или менѣе ученое образованіе, наконецъ тактъ своего рода. Очевидно, что статьи выбиралъ для перевода самъ Рейхель, Фонъ-Визинъ былъ только исполнителемъ его мыслей и плановъ. Въ „Собраніи лучшихъ сочиненій“ находимъ слѣдующіе переводы Фонъ-Визина: 1) „Господина Менарда изысканіе о зеркалахъ древнихъ“, изъ 23-me tome „Histoire de l'Académie des inscriptions et belles-lettres“ [23]; 2) „Торгъ семи музъ“, изъ Кригеровыхъ Сновъ, 13 [24]; 3) „Разсужденіе господина Рейтштейна о приращеніи рисовальнаго ху-

дожества, съ наставленіемъ въ начальныхъ основаніяхъ онаго“ [25]; 4) „Господина Ярта разсужденіе о дѣйствіи и существѣ стихотворства“ [26]. Всѣ эти статьи содержанія ученаго, кромѣ „Торга семи музъ“ [27], въ которомъ разсказывается, что Аполлонъ послалъ людямъ семь музъ; у каждой изъ нихъ былъ коробъ, въ которомъ находились средства къ человѣческому благополучію; первая несла разумъ, другая — добродѣтель, третья — здоровье, четвертая—долгую жизнь, пятая — мысленныя увеселенія, шестая—честь, а послѣдняя—золото. Только первыя двѣ музы возвращаются къ Аполлону, обруганныя и униженныя, не продавши своего товара... Сатира въ иныхъ мѣстахъ написана довольно бойко и живо. Этотъ разсказъ повторилъ въ своемъ „Живописцѣ“ [28] Новиковъ: здѣсь сатира получила форму *письма любопытнаго зрителя* въ нее вставлены уже черты русскія, намеки на русское общество, которые такъ любилъ Новиковъ, смотря на литературу какъ на единственное средство къ уничтоженію въ народѣ мрака умственнаго и нравственнаго. Не знаемъ, кто былъ этотъ *любопытный зритель*, придавшій русскій колоритъ разсказу Крюгера; но, судя по примѣчанію издателя [29], это былъ писатель, пользовавшійся большимъ уваженіемъ, можетъ быть даже самъ Фонъ-Визинъ; во всякомъ случаѣ, для насъ очень важна эта встрѣча съ Новиковымъ Фонъ-Визина въ одномъ изъ первыхъ его переводныхъ произведеній. Ниже мы скажемъ нѣсколько словъ объ отношеніи Фонъ-Визина къ сатирическимъ журналамъ прошлаго столѣтія.

Въ послѣдніе годы своего пребыванія въ университетѣ Фонъ-Визинъ началъ учиться французскому языку, который мало былъ ему извѣстенъ. Въ 1761 году онъ перевелъ стихами „Альзиру“ Вольтера, но въ этомъ переводѣ еще обличилось нетвердое знаніе языка подлинника: еще „sable“ переведено словомъ „песокъ“. Тогда же онъ перевелъ книгу аббата Террасона „Геройская добродѣтель, или жизнь Сифа, царя Египетскаго, изъ таинственныхъ свидѣтельствъ древняго Египта взятая“ (печ. при Московскомъ университетѣ: ч. 1-я въ 1762, 2-я въ 1763, 3-я въ 1764 и 4-я въ 1768). Къ той же цѣли — нравоученію — стремится Фонъ-Визинъ и въ этомъ переводѣ. О подлинникѣ онъ говоритъ въ предисловіи: „Сіе сочиненіе, раздѣленное на

десять книгъ, *въ разсужденіи исправленія нравовъ есть весьма полезно*. Египетской Сифъ представленъ здѣсь героемъ, почерпшимъ премудрость *отъ нравоученія*, „черезъ которое онъ, будучи еще въ цвѣтущей юности, въ состояніи уже былъ дѣлать другимъ наставленія". „Впрочемъ авторъ (заключаетъ Фонъ-Визинъ), представляя Сифа не иначе, какъ идолопоклонника, содержитъ первѣе о исправленіи однихъ только нравовъ къ пользѣ человѣческаго рода. Потомъ старается наполнить книгу свою учеными примѣчаніями, надлежащими до египетскаго народа. Сверхъ того, собираетъ здѣсь извѣстія древней географіи, доказывая справедливость оныхъ книгами славныхъ историковъ". Сочиняя свой романъ, Террасонъ научнымъ свѣдѣніямъ о Египтѣ думалъ дать легкую, привлекательную форму, и дѣйствительно, онъ нравился читателямъ своего времени, хотя теперь показался бы крайне скучнымъ. Никто, конечно, не станетъ искать въ его романѣ понятій и духа древности; герои его служатъ только выраженіемъ идей и плановъ автора о государственномъ устройствѣ и т. п. Фонъ-Визина, какъ видно изъ предисловія, соблазнила нравоучительная сторона романа и полезность его для распространенія свѣдѣній о Египтѣ: этими достоинствами обольщался XVIII вѣкъ. Рейхель смотрѣлъ на подобныя произведенія съ той же точки зрѣнія. „Великой благодарности (говоритъ онъ въ своемъ журналѣ объ этомъ трудѣ Фонъ-Визина) достойны переводчики, когда употребляютъ они время свое на такія книги, кои служатъ *къ распространенію ученія* и которыя вообще полезны для свободныхъ наукъ". Свой переводъ Фонъ-Визинъ самъ назвалъ „не совсѣмъ удачнымъ", и его добросовѣстная оцѣнка справедлива.

Въ 1762 году Фонъ-Визинъ былъ уже сержантомъ гвардіи; но онъ больше сочувствовалъ наукѣ, нежели военной службѣ, и потому пренебрегалъ послѣднею. Въ концѣ того же года [30] Фонъ-Визинъ пожелалъ оставить университетъ и поступить въ иностранную коллегію, какъ показываетъ слѣдующая „изъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ въ Императорскій Московскій университетъ промеморія":

„Лейбъ-гвардіи Семеновскаго полку сержантъ и онаго университета студентъ Денисъ Фонъ-Визинъ поданнымъ въ колле-

гію иностранныхъ дѣлъ прошеніемъ представилъ, что онъ въ Императорскомъ Московскомъ университетѣ обучался латинскому, французскому и нѣмецкому языкамъ и желаетъ нынѣ при дѣлахъ оной коллегіи служить, почему оной Фонъ-Визинъ въ тѣхъ языкахъ свидѣтельствованъ и найденъ въ знаніи оныхъ достаточнымъ и къ дѣламъ оной коллегіи способнымъ, и потому коллегія иностранныхъ дѣлъ отъ Императорскаго Московскаго университета требуетъ, чтобъ оной благоволилъ помянутаго сержанта Фонъ-Визина, выключа изъ числа университетскихъ студентовъ, прислать въ оную коллегію для опредѣленія по желанію и способности его, о чемъ равномѣрно писано и лейбъ-гвардіи Семеновскаго полку въ полковую канцелярію".

Подписали: Г. Михайла Воронцовъ.
К. Александръ Голицынъ[31].

Октября 24 дня,
1762 г.

Въ томъ же году онъ былъ опредѣленъ въ иностранную коллегію переводчикомъ капитанъ-поручичья чина съ латинскаго, французскаго и нѣмецкаго языковъ, съ жалованьемъ по 800 рублей, и хорошимъ переводомъ бумагъ успѣлъ обратить на себя вниманіе канцлера. Вскорѣ онъ посланъ былъ съ Екатерининскою лентою къ герцогинѣ Мекленбургъ-Шверинской. „Тогда я былъ еще сущій ребенокъ",—говоритъ онъ,—„и почти не имѣлъ понятія о свѣтскомъ обращеніи; но какъ я читалъ уже довольно и имѣлъ природную остроту, то у Шверинскаго двора не показался я невѣждою".

Въ 1763 году Фонъ-Визинъ отправился въ Петербургъ. Въ то время извѣстный сочинитель „Опыта повѣствованія о Россіи", Иванъ Перфильевичъ Елагинъ, тогда кабинетъ-министръ, имѣлъ нужду взять кого-нибудь изъ коллегіи. Фонъ-Визинъ былъ уже нѣсколько извѣстенъ, какъ писатель, своимъ переводомъ „Альзиры"; и потому именнымъ указомъ 7-го октября 1763 года повелѣно ему „быть для нѣкоторыхъ дѣлъ" при Елагинѣ. Новый начальникъ его любилъ покровительствовать молодыхъ писателей, любилъ литературу и, конечно, оставитъ по себѣ память въ исторіи словесности болѣе ободреніемъ нѣкоторыхъ писателей, нежели своимъ витійствомъ и своими смѣш-

ными догадками историческими. Фонъ-Визину хорошо было бы жить въ домѣ Елагина, но онъ не поладилъ съ секретаремъ его Лукинымъ, также писателемъ, оставившимъ нѣсколько комедій. Кажется, сначала Фонъ-Визинъ жилъ въ согласіи съ Лукинымъ; по крайней мѣрѣ, Лукинъ, человѣкъ мелочнаго характера, не любившій хорошо отзываться о своихъ недругахъ, говорилъ о Фонъ-Визинѣ и Ельчаниновѣ[32] въ 1765 году: „Оба, имѣя *больше меня способности и знанія*, сами всѣхъ неосновательныхъ осуждателей, которые на нихъ нападали, если захотятъ, безъ труда усмирить могутъ: ибо на правду словъ мало надобно“[33]. Неизвѣстно, что̀ было причиною размолвки Фонъ-Визина съ Лукинымъ. „Физіономія ли моя (пишетъ Фонъ-Визинъ въ „Признаніи“) или не весьма скромный мой отзывъ о его перѣ, причиною стали его ко мнѣ ненависти“. Но, зная самолюбивый, раздражительный характеръ Лукина и страсть Фонъ-Визина къ остротамъ, который для краснаго словца не спускалъ никому,—мы поймемъ причину вражды между ними. Фонъ-Визинъ самъ говоритъ, что его соперникъ былъ „безпримѣрнаго высокомѣрія и нравомъ тяжелъ пренесносно“. Какъ видно, Лукинъ употреблялъ не совсѣмъ благородныя средства, чтобы повредить Фонъ-Визину. Послѣдній писалъ Елагину изъ Москвы[34]: „Я съ прискорбіемъ вижу, что, пріѣхавъ въ Петербургъ, не буду имѣть ни малѣйшаго случая заслужить сколько-нибудь тѣ деньги, которыя я изъ казны брать буду. Дѣла производитъ г. *секретарь*, а я развѣ для риѳмы буду только *тварь*. Я знаю, что все, кромѣ Создателя, тварь есть; но представьте, милостивый государь, кому хочется быть такою тварью, которая создана для того только, чтобъ служить риѳмою другой? Ваше превосходительство изволите впрочемъ сами знать, что я для милліону резоновъ съ г. Лукинымъ быть вмѣстѣ не могу; ибо кто не желаетъ остатки дней своихъ провести спокойно?“[35] „Клянусь вамъ Богомъ (пишетъ Фонъ-Визинъ къ родителямъ), что не возможно представить себѣ на мысль всѣ тѣ злости, всѣ тѣ бездѣльническія хитрости, которыя употреблялъ онъ (Лукинъ) къ поврежденію меня въ мысляхъ Ивана Перфильевича и всей его фамиліи. И дѣйствительно, онъ сдѣлалъ было то, что я, не смотря ни на бѣдность свою, ни на то, что дол-

женъ службою искать своего счастья, принужденъ былъ оставить службу“ [36]. Въ томъ же письмѣ, отъ 26-го іюня 1766 года, Фонъ-Визинъ извѣщаетъ родителей, что Елагинъ понялъ наконецъ характеръ Лукина и раскаялся „въ прежнемъ своемъ поступкѣ“ съ нимъ. „Состояніе мое теперь таково (пишетъ Фонъ-Визинъ), что я лучшаго не желаю, если только оно продолжится“.

Исправляя свои должности у Елагина, Фонъ-Визинъ не оставлялъ и литературныхъ занятій. Въ 1763 году издалъ онъ переводъ повѣсти Бартелеми „Любовь Кариты и Полидора“ (С.-Пб.). Какъ переводомъ „Сифа“ думалъ онъ познакомить читателей съ Египтомъ, такъ переводъ „Кариты“ долженъ былъ перенести ихъ въ Грецію. На сказаніи, что аѳиняне должны были ежегодно давать семерыхъ юношей и дѣвицъ на съѣденіе Минотавру, основалъ Бартелеми судьбу двухъ любовниковъ—Кариты и Полидора; за естественностью дѣйствія онъ не гонялся, жертвуя ею интересу разсказа; оттого „Карита“ читается легче „Сифа“. Но языкъ Фонъ-Визинскаго перевода „Кариты“ крайне неправиленъ и испещренъ варваризмами.—Въ 1764 году Фонъ-Визинъ выступилъ наконецъ на то поприще, которое должно было прославить его имя: тогда представлена была его комедія „Коріонъ“, передѣлка Грессетова „Сиднея“ [37]. Она понравилась публикѣ и двору, хотя въ другихъ манера передѣлывать иностранныя комедіи на русскіе нравы возбудила неудовольствіе и осужденіе, сколько можемъ догадаться изъ словъ Лукина, который говоритъ въ предисловіи къ своему „Награжденному постоянству“: „Три въ прошломъ годѣ (1764) представленныя комедіи: „Французъ Русской“ [38], „Коріонъ“ и „Награжденная добродѣтель“, вытерпѣли жестокое нападеніе, и хотя оное совсѣмъ неосновательно было, однако многихъ поборниковъ по себѣ имѣло. Словомъ, ничто не могло удержать ядовитой зависти, на нихъ вооружавшейся: не только удовольствіе многихъ зрителей, ниже благоволеніе, отъ двора оказанное“ [39]. Если причиною гоненія на „Коріона“ было невыгодное понятіе о передѣлкахъ иностранныхъ комедій на русскіе нравы, то Фонъ-Визинъ былъ совершенно правъ. Примѣненіе иностранныхъ комедій къ нашимъ нравамъ было уже шагомъ впередъ отъ простыхъ

переводовъ къ произведеніямъ болѣе оригинальнымъ. Лукинъ, смотрѣвшій на дѣло съ практической точки зрѣнія, прямо говоритъ: „Нынѣ такой вѣкъ, что и во всемъ свѣтѣ тѣ лишь знатными писателями и называются, которые лучше прочихъ выкрадутъ и, искусненько прикрывши, выдадутъ за свое сочиненіе“. Тѣмъ значительнѣе для насъ эти слова Лукина, что онъ же самъ проповѣдывалъ необходимость чисто русской комедіи, народнаго театра и съ жаромъ стремился къ нимъ. Онъ не побоялся возстать противъ литературнаго авторитета своего времени—Сумарокова и очень вѣрно указалъ анахронизмы въ его комедіяхъ. У Сумарокова есть, конечно, нападки на пороки и предразсудки чисто русскіе, но эти нападки не выдвигаются на первый планъ, а остаются какимъ-то эпизодомъ; съ другой стороны, онѣ затрогиваютъ немногія стороны русскаго общества и часто отзываются личностями, которыя прямо вылились изъ горячаго, задорнаго характера Сумарокова. Онъ давалъ дѣйствующимъ лицамъ своихъ комедій иностранныя имена, которыя непріятно должны были поражать русское ухо, и эта чуждая внѣшность соотвѣтствовала вполнѣ и образу дѣйствія, и характеру лицъ, которыя расплывались въ общіе, неясные образы, потому что были сколками съ французскихъ комедій. Лукинъ силится уже отказаться отъ простыхъ заимствованій, отъ безусловнаго пристрастія къ французскимъ образцамъ. „Я буду“,—говоритъ онъ,—„всѣ шуточныя театральныя сочиненія всевозможно склонять на наши обычаи, потому что многіе зрители отъ комедіи въ чужихъ нравахъ не получаютъ никакого исправленія. Они мыслятъ, что не ихъ, а чужестранцевъ осмѣиваютъ. Тому причиною, что они слышатъ *Парижъ, Версалію, Тюльеріи* и прочія для многихъ изъ нихъ незнакомыя рѣченія, да и то имъ примѣтно, что осмѣиваемые образцы не только несвойственно нашимъ нравамъ изъясняются, но что они и одѣты въ незнакомыя имъ одежды“ [40]. Въ исторіи нашей комедіи Лукинъ теоретически дѣлаетъ шагъ впередъ; но эта первая попытка еще очень слаба. Изъ его же собственныхъ словъ видно, что ему бросалась больше въ глаза внѣшность комедіи (одежды, рѣченія), не гармонировавшая съ русскою жизнью; потому и реформа начиналась въ то время только съ

этой внѣшней стороны. Самъ Лукинъ, проповѣдникъ необходимаго согласія комедіи съ общественною жизнью народа, во всѣхъ почти комедіяхъ своихъ (кромѣ „Мота“) является подражателемъ французовъ. Лукинъ не понялъ, что содержаніе комедіи дается жизнью общества, и что переложеніе чужихъ комедій на русскіе нравы есть ложь: по его мнѣнію, „ступивши къ такому преложенію, можно украсить цѣлое сочиненіе и другимъ пользу сдѣлать“. Этотъ же взглядъ на русскую комедію раздѣлялъ тогда и Фонъ-Визинъ: его „Коріонъ“ относится къ одной категоріи съ комедіями Лукина; въ немъ также русскаго одна только внѣшность, и то не вполнѣ. Но какъ комедіи Лукина составляютъ въ исторіи нашей литературы переходъ отъ простыхъ заимствованій къ комедіямъ оригинальнымъ, такъ и „Коріонъ“ Фонъ-Визина есть какъ бы переходъ отъ его переводовъ къ „Бригадиру“ и „Недорослю“. Вѣроятно къ этому же времени относится и начало Фонъ-Визинскаго перевода комедіи Буасси (Boissy): „Обманчивая наружность или человѣкъ нынѣшняго свѣта“ [41]. Сохранился переводъ перваго и отчасти шестаго явленія перваго акта. Въ этой комедіи графиня проповѣдуетъ тѣ же житейскія правила, за которыя такъ преслѣдовалъ Новиковъ русскихъ щеголихъ въ своихъ журналахъ. „Бракъ совсѣмъ не твое дѣло (говоритъ она барону), и всѣ твои друзья не должны къ тому допускать тебя. Таковыя узы сдѣлаютъ въ тебѣ великую перемѣну; свѣтъ чрезъ то много потеряетъ, да и ты самъ теряешь чрезъ то половину цѣны своей. Всѣхъ привлекать, вездѣ торжествовать, быть любезну, забавну и ни о чемъ больше не думать, какъ только о томъ, чтобъ нравиться другимъ, вотъ прямое твое состояніе, вотъ истинное твое упражненіе. Человѣкъ нынѣшняго свѣта родился съ тѣмъ, чтобъ ни отъ кого не зависѣть, чтобъ имѣть веселіе своимъ закономъ и узами свои забавы. Союзъ его долженъ состояти изъ легчайшихъ оковъ, которыхъ минута составляетъ, а другая разрушаетъ. Онъ долженъ бѣгать и отъ узъ глупаго дружества; словомъ, ему надлежитъ привязывать къ себѣ всѣхъ и ни къ кому не быть привязану“. То же самое ученіе проповѣдывали и русскія *щеголихи* прошлаго столѣтія; стоитъ прочесть только нѣкоторыя мѣста „Живописца“ [42], чтобы убѣдиться, что мѣсто, выписанное

изъ французской комедіи, очень хорошо примѣнялось къ офранцуженной части нашего общества.

Въ 1768 году Фонъ-Визинъ ѣздилъ въ Москву и пробылъ тамъ довольно долго. Тамъ познакомился онъ съ однимъ полковникомъ, въ домѣ котораго встрѣтилъ „женщину плѣняющаго разума, которая достоинствами своими тронула его сердце и вселила въ него совершенное къ себѣ почтеніе“. Познакомившись съ нею, Фонъ-Визинъ скоро узналъ, что его „почтеніе превратилось въ нелицемѣрную къ ней привязанность“. Къ этому-то времени относится его переводъ сентиментальной повѣсти „Сидней и Силли или благодѣяніе и благодарность“. Здѣсь не было уже нравоучительной стороны, ни ученой, которыя заставляли Фонъ-Визина браться за перо; повѣсть отличается только крайнею сентиментальностію и стремленіемъ къ эффектамъ. Въ героѣ, Сиднеѣ, выставленъ какой-то идеально-добродѣтельный человѣкъ, а въ Силли, другомъ дѣйствующемъ лицѣ повѣсти, юноша, котораго несчастія ожесточили противъ людей, заставили бросить любимую имъ дѣвушку и бѣжать изъ Европы въ Америку. Здѣсь встрѣчаетъ его Сидней, возвращаетъ ему отца, котораго онъ считаетъ погибшимъ, отправляется вмѣстѣ съ ними въ Парижъ, соединяетъ Силли съ любимою имъ Юліею и окружаетъ счастіемъ и довольствомъ семью ихъ. Впрочемъ сентиментальность въ „Сиднеѣ“ Фонъ-Визина объяснить нетрудно: онъ былъ тогда въ томъ возрастѣ, который по самому характеру своему наклоненъ къ ней; онъ былъ, съ другой стороны, въ такомъ же положеніи, въ какомъ Силли къ своей Юліи; мало того, выборъ повѣсти для перевода принадлежитъ не ему, а женщинѣ, которая внушила ему страсть. На это ясно указываетъ посвященіе перевода „Госпожѣ...“. „Слѣдуя волѣ твоей (говоритъ Фонъ-Визинъ), перевелъ я „Сиднея“ и тебѣ приношу переводъ мой. Что̀ мнѣ нужды, будутъ ли хвалить его другіе? лишь бы онъ понравился тебѣ. Ты одна всю вселенную для меня составляешь“. Неудивительно, что въ этомъ состояніи Фонъ-Визинъ могъ сочувствовать картинамъ, которыя представляетъ переведенная имъ повѣсть.

Нѣсколько рѣзокъ переходъ отъ сентиментальной повѣсти къ политико-экономическому трактату. Но въ Фонъ-Визинѣ всегда

преобладало стремленіе къ сочиненіямъ практически-полезнымъ, выразившееся рѣзко во всей его литературной дѣятельности и, можетъ быть, всего ярче высказавшееся въ его знаменитыхъ „Вопросахъ сочинителю Былей и Небылицъ“. Писатель былъ для него столь же мощнымъ дѣятелемъ въ системѣ государственнаго управленія, какъ и высшія лица власти законодательной. Въ числѣ нѣкоторыхъ бумагъ Фонъ-Визина, хранящихся въ Императорской Публичной библіотекѣ, находится отрывокъ плана почтоваго устройства. „Государственныя почты суть такія установленія (говоритъ авторъ), въ коихъ публика обрѣтаетъ свои выгоды, а казна свой доходъ. До сего времени не пользовалася публика относительно до почты ни возможными удобностями, ни довольною безопасностію, а казенный съ нихъ доходъ есть гораздо менѣе, нежели оный быть можетъ безъ всякаго однакожь отягощенія публики. Къ распространенію сей обоюдной пользы полагаются здѣсь нѣкоторыя основанія, извлеченныя изъ опытовъ многихъ лѣтъ, соображенныя съ нашимъ положеніемъ и обычаями, и удобство (sic!) произвести [43] въ дѣйство при всеобщемъ благоустройствѣ, составляющемъ блаженство Россіи и безсмертную славу ея законодательницы.— Существо почтовыхъ дѣлъ требуетъ, чтобъ вниманіе обращено было на три главные предмета, кои суть: 1) безопасность почты, 2) скорое ея хожденіе, 3) сборъ, сохраненіе и возможное приращеніе ея доходовъ. Каждый изъ сихъ пунктовъ будетъ опредѣленъ и установленъ здѣсь въ особливомъ отдѣленіи“. Фонъ-Визинъ думалъ, что писатель долженъ подавать свой голосъ въ дѣлахъ, касающихся государственнаго управленія, указывать на не замѣченныя въ нихъ стороны и способствовать къ рѣшенію возникающихъ вопросовъ. Въ 1766 году онъ напечаталъ переведенную имъ книгу „Торгующее дворянство противуположенное дворянству военному, или два разсужденія о томъ, служитъ ли то къ благополучію государства, чтобы дворянство вступало въ купечество? Съ присовокупленіемъ особливаго о томъ же разсужденія г. Юстія“ (С.-Пб.). Судьба французскаго подлинника не лишена интереса. Въ декабрьской книжкѣ „Французскаго Меркурія“ 1754 года напечатаны были размышленія о торговлѣ маркиза Лассе (Lassay), который между прочимъ вы-

сказалъ мысль, что французское правительство не должно позволять дворянству заниматься торговлей. Кажется, этотъ вопросъ въ то время занималъ многихъ. Противъ мнѣнія Лассе возсталъ аббатъ Куайе (abbé Coyer), воспитатель герцога Бульонскаго, человѣкъ, не отличавшійся глубокою ученостію, но умѣвшій часто мастерски схватить и передать смѣшную сторону дѣла. Куайе напечаталъ въ Парижѣ (въ 1756 году) анонимную брошюру „La Noblesse commerçante“; она была замѣчена, возбудила большое вниманіе живымъ и остроумнымъ изложеніемъ дѣла, хотя многимъ не понравилась и вызвала возраженія. Противъ нея направлена книга „La Noblesse militaire, ou le patriote François“. Въ системѣ Куайе авторъ послѣдняго сочиненія видитъ „стремленіе къ разрушенію монархіи“. Если о степени сочувствія публики къ сочиненію судить по количеству изданій, то послѣдняя брошюра имѣла болѣе доброжелателей, нежели книга Куайе: въ 1758 году уже вышло четвертое изданіе „Военнаго дворянства“, и только второе—„Торгующаго“. Юсти перевелъ обѣ брошюры на нѣмецкій языкъ и издалъ ихъ съ своимъ предисловіемъ. Нѣмецкій юристъ не сочувствуетъ доводамъ Куайе: „Для благополучія всей Европы желать надобно того (говоритъ онъ), чтобъ оныя никакого не имѣли дѣйствія. Французская коммерція въ семъ вѣкѣ распространилась въ тридцать лѣтъ столь далеко, что есть ли прпращеніе ея слѣдовать будетъ по сему содержанію, то вольность Европы великой будетъ опасности подвержена“. Юсти смотритъ на дѣло съ исключительной точки зрѣнія; онъ потому только не желаетъ распространенія плановъ Куайе, что Франція по своей торговлѣ можетъ сдѣлаться еще опаснѣе для Европы; но онъ признается, что перевелъ оба сочиненія для того, „чтобъ оспариваемое здѣсь предразсужденіе и въ Германіи силу свою потеряло“. „Предразсужденіе (продолжаетъ онъ) причинило превеликой вредъ нашему отечеству; и есть ли бъ мы за 300 лѣтъ предъ симъ оное истребили, то бы Германія была нынѣ богатѣйшее, сильнѣйшее и благополучнѣйшее государство въ Европѣ“. Юсти жалѣетъ о паденіи Ганзейскаго союза и о томъ, что дворяне не приняли тогда участія въ торговлѣ. Чтобы разъяснить нѣкоторыя стороны вопроса, Юсти къ нѣмецкому переводу брошюръ присое-

динилъ и свое разсужденіе о томъ же предметѣ. Фонъ-Визинъ перевелъ (съ нѣмецкаго) только одно сочиненіе Куайе, хотя по заглавію его книжки можно было бы думать, что онъ перевелъ обѣ упомянутыя брошюры вмѣстѣ съ разсужденіемъ Юсти. Цѣль Куайе— доказать, что дворянство (особенно низшее) должно заняться торговлею. Слѣдствіемъ обращенія ихъ къ торговлѣ будетъ: 1) распространеніе земледѣлія, 2) умноженіе народа, 3) увеличеніе доходовъ, 4) усиленіе флота. Замѣчательно, что авторъ, съ своей экономической точки зрѣнія, очень низко ставитъ сочинителей романовъ; одну только пользу видитъ онъ въ романахъ: они препятствуютъ своимъ сочинителямъ впасть въ праздность и черезъ это, можетъ быть, сдѣлаться разбойниками! Впрочемъ въ первой и отчасти во второй половинѣ прошлаго столѣтія писатели вообще довольно неблагосклонно отзывались о романахъ. Языкъ Фонъ-Визинскаго перевода въ этомъ трактатѣ еще довольно блѣденъ и неправиленъ отъ множества варваризмовъ.

Въ Москвѣ Фонъ-Визинъ перевелъ поэму Битобе „Іосифъ“. Она принадлежитъ къ тому ложному роду эпопеи, который такъ уважался въ прошломъ столѣтіи, благодаря французской піитикѣ и любви къ нравоучительнымъ сочиненіямъ. Тогда какъ-будто не понимали нравоученія, которое не было высказано въ дидактической формѣ. Эпопея, этотъ плодъ юности народа, его непосредственное созданіе,—становилась романическою исторіею, въ которой взглядъ творца почти всегда извращалъ истину и даже правдоподобіе. Такова „Генріада“, такова „Россіада“, такова поэма Битобе. На поэму смотрѣли тогда какъ на самый возвышенный родъ поэзіи. Еще Ломоносовъ говорилъ, что „высокимъ штилемъ, то-есть, словено-россійскимъ, составляться должны греческія поэмы“. Фонъ-Визинъ является вѣрнымъ послѣдователемъ Ломоносовскаго ученія въ переводѣ „Іосифа“. „Всѣ наши книги (говоритъ онъ въ предисловіи) писаны или славенскимъ, или нынѣшнимъ языкомъ. Можетъ быть, я ошибаюсь; но мнѣ кажется, что въ переводѣ такихъ книгъ, каковъ „Телемакъ“, „Аргенида“, „Іосифъ“ и прочія сего рода, потребно держаться токмо важности славенскаго языка, но при томъ наблюдать и ясность нашего; ибо хотя славенской языкъ и самъ собою ясенъ,

но не для тѣхъ, кои въ немъ не упражняются. Слѣдовательно, слогъ долженъ быть такой, каковаго мы еще не имѣемъ; „Телемакъ“ переведенъ славенскимъ; а въ „Аргенидѣ“ нашелъ я много нашихъ нынѣшнихъ выраженій, не весьма, кажется, сходственныхъ съ важностію сея книги. Итакъ, главное затрудненіе состояло въ избраніи слога. Множество приходило мнѣ на мысль славенскихъ словъ и реченій, которыя, не имѣя себѣ примѣра, принужденъ я былъ оставить, бояся или возмутить ясность, или тронуть нѣжность слуха. Приходили мнѣ на мысль наши нынѣшнія слова и реченія, *весьма употребительныя* въ сообществѣ, но, не имѣя примѣру, оставлялъ я оныя, опасаясь того, что недовольно изобразятъ они важность авторской мысли“. Такъ, натянутое содержаніе, теоріею узаконенное, вызывало у насъ неестественную форму; такъ появлялся странный, искусственный языкъ въ книгѣ намѣренно, на основаніи a priori составленнаго взгляда, отторгаясь отъ языка разговорнаго. Фонъ-Визинъ думалъ внести въ литературный языкъ нашъ не только отдѣльныя славянскія слова, но многіе синтаксическіе обороты, исчезнувшіе въ теченіе исторической жизни языка. Вышла какая-то странная смѣсь, — тотъ вялый, неорганическій, — такъ сказать,—слогъ, который такъ отталкиваетъ многихъ отъ знакомства съ нашими старыми писателями. Мы уже видѣли, какимъ способомъ знакомился Фонъ-Визинъ съ славянскимъ языкомъ въ домѣ отца, который владѣлъ практическимъ знаніемъ славяно-церковнаго языка и старался передать его сыну. Фонъ-Визинъ говоритъ, что чтенію у крестовъ и толкованіямъ отца обязанъ онъ, если имѣетъ въ россійскомъ языкѣ нѣкоторое понятіе: „ибо, читая церковныя книги, ознакомился я съ славянскимъ языкомъ, безъ чего россійскаго языка и знать не возможно“. Это *практическое* знакомство съ славянскимъ языкомъ было, конечно, полезно Фонъ-Визину для болѣе вѣрнаго пониманія реченій русскихъ, что̀ и оказалось въ „Опытѣ россійскаго сословника“; но оно же, при модномъ стремленіи нашихъ писателей прошлаго столѣтія изгонять барбаризмы словами и оборотами языка славяно-церковнаго и при господствѣ вышеизложенной теоріи, оставило въ нѣкоторыхъ (особенно первыхъ) произведеніяхъ Фонъ-Визина всѣ вредныя слѣдствія чисто

нагляднаго знакомства съ языкомъ. Многіе слова и обороты славяно-церковнаго языка употребляются Фонъ-Визиномъ совершенно невпопадъ, потому что истинное значеніе ихъ часто не было ему извѣстно [44]. Выборъ перевода объясняется нравоучительною стороною поэмы: она всегда привлекала нашего автора.

Между тѣмъ писатель, преслѣдовавшій въ переводахъ своихъ нравственную цѣль, попалъ въ Петербургѣ въ общество людей, любившихъ пощеголять безвѣріемъ и богохульствомъ. По характеру своего воспитанія Фонъ-Визинъ не могъ сдружиться съ подобными убѣжденіями, но, увлекаясь своимъ остроуміемъ, онъ принесъ дань этому кружку „Посланіемъ къ слугамъ моимъ Шумилову, Ванькѣ и Петрушкѣ“. О времени появленія въ печати этого „посланія“ митрополитъ Евгеній передаетъ слѣдующее извѣстіе: „Оно сочинено и въ первый разъ появилось на свѣтъ 1763 года въ Москвѣ во время даннаго отъ двора народу публичнаго на сырной недѣлѣ маскарада, когда на три дня во всѣхъ московскихъ типографіяхъ позволена была свобода печатанія“ [45]. Есть причины сомнѣваться въ вѣрности этого преданія. „Посланіе къ слугамъ“ напечатано было въ ежемѣсячномъ изданіи „Пустомеля“ [46] въ первый разъ, судя по слѣдующему любопытному замѣчанію о немъ издателя „Пустомели“: „Кажется, что нѣтъ нужды читателя моего увѣдомлять о имени автора сего посланія; перо, писавшее сіе, россійскому ученому свѣту и всѣмъ любящимъ словесныя науки довольно извѣстно. Многія письменныя сего автора сочиненіи носятся по многимъ рукамъ, читаются съ превеликимъ удовольствіемъ и похваляются, сколько за ясность и чистоту слога, столько за остроту и живость мыслей, легкость и пріятность изображенія; словомъ, есть ли обстоятельствы автору сему позволятъ упражняться въ словесныхъ наукахъ, то не безосновательно и справедливо многія ожидаютъ увидѣть въ немъ россійскаго Боало. Его комедія *** столько по справедливости разумными и знающими людьми была похваляема, что лутчаго и Моліеръ во Франціи своимъ комедіямъ не видалъ принятія и не желалъ; но я умолчу, *дабы завистниковъ не возбудить отъ сна, послѣднимъ благоразуміемъ на нихъ наложеннаго* [47]. Книжка „Пустомели“, въ которой на-

печатано „Посланіе къ слугамъ“, была послѣднимъ мѣсяцемъ этого журнала; почему-то онъ прекратился на двухъ мѣсяцахъ. Прибавимъ, что „Пустомеля“ составляетъ величайшую библіографическую рѣдкость....

Современное извѣстіе о судьбѣ произведеній Фонъ-Визина въ публикѣ само по себѣ не лишено интереса. Уже „Бригадиръ“, котораго разумѣетъ „Пустомеля“ подъ ***, поднялъ, какъ видно, гоненіе завистниковъ на нашего автора, а между тѣмъ дворъ и высшія государственныя лица осыпали автора самыми лестными знаками благосклонности. Комедію свою Фонъ-Визинъ читалъ въ присутствіи самой императрицы, читалъ ее и великому князю, и Панину, и Чернышеву, и Строганову и графинямъ Румянцевой, Бутурлиной, Воронцовой. Мы видѣли уже, что и „Коріонъ“ „подвергся гоненію, хотя удостоился благосклонности двора“. Кто были эти завистники, эти темные гонители писателя, преслѣдовавшаго невѣжество, ханжество, подражательность, однимъ словомъ, неразумную сторону русскаго общества? Что возмущало этихъ людей въ комедіяхъ Фонъ-Визина? Неужели осмѣяніе понятій, которыя въ глазахъ многихъ имѣли неприкосновенную власть? Во всякомъ случаѣ, не простая зависть могла систематически преслѣдовать комедію Фонъ-Визина отъ „Коріона“ до „Недоросля“; во всякомъ случаѣ, нельзя съ благодарностью не замѣтить, что императрица и высшія государственныя лица являлись заступниками комедіи и давали ей средства со сцены поражать испорченныя части русскаго общества. Двору, конечно, не чужда была сфера, которую обрисовывалъ Фонъ-Визинъ своимъ комическимъ перомъ. Говорятъ, что „онъ жилъ въ столицѣ, а описывалъ провинцію“; что „изображенныя имъ лица вѣрны и подсмотрѣны съ природы, но сходство ихъ было почти отвлеченное, безъ живаго примѣненія къ лицамъ, предъ коими они были выведены“. Едва ли можно ограничить комедію Фонъ-Визина чисто провинціальнымъ кругомъ общества и провести между провинціальною и столичною жизнью нашею въ прошломъ столѣтіи такую рѣзкую грань, что только изрѣдка и какъ бы ненарокомъ попадали лица одной въ другую. Не говоря уже о томъ, что между тою и другою сферою существуетъ постоянное живое общеніе, мы можемъ современными Фонъ-Визину

свидѣтельствами подтвердить, что въ комедіяхъ его картинъ столичной жизни болѣе, чѣмъ провинціальной. Начнемъ съ „Бригадира“. Сынъ, побывавшій въ Парижѣ и потому превратившійся въ моднаго петиметра, — живое лицо столичнаго общества, большаго моднаго свѣта, въ которомъ такъ много ему подобныхъ и такой широкій разгулъ его моднымъ французскимъ достоинствамъ. Какъ и образоваться такому лицу въ провинціи? Онъ знаетъ, „что̀ это такое, que de vivre dans le grand monde“. Стоитъ пересмотрѣть наши журналы того времени, чтобы видѣть, какъ сильно преслѣдовали они петиметровъ и русскихъ парижанъ, какъ вездѣ являются они принадлежностью столичной жизни. „Трутень“ объявлялъ въ своихъ рѣзкихъ сатирическихъ „вѣдомостяхъ“: „Молодаго россійскаго поросенка, которой ѣздилъ по чужимъ землямъ для просвѣщенія своего разума, и которой, объѣздивъ съ пользою, возвратился уже совершенною свиньею, желающіе смотрѣть, могутъ его видѣть безъ денежно по многимъ улицамъ сего города“ [48]. Извѣстіе „изъ Твери“ показываетъ, что на такихъ людей смотрѣли какъ на исключительную принадлежность столицы [49]. А Совѣтница, эта необходимая принадлежность тогдашняго большаго свѣта, которую журналы называютъ общимъ терминомъ *щеголихи*, неужели болѣе относится къ провинціальной, чѣмъ къ столичной жизни? Прислушаемся къ ея разговору: „Ахъ, сколь счастлива дочь наша! Она идетъ за того, которой былъ въ Парижѣ. Ахъ, *радость моя!* я довольно знаю, каково жить съ тѣмъ мужемъ, которой въ Парижѣ не былъ“. „*Боже тебя сохрани отъ того, чтобъ голова твоя наполнена была инымъ чѣмъ, кромѣ любезныхъ романовъ!* Кинь, душа моя, всѣ на свѣтѣ науки. Не повѣришь, какъ такія книги просвѣщаютъ. Я, не читавъ ихъ, рисковала бы остаться на вѣки дурою“. „Не ужели ты меня мотовкой называешь, батюшка? Опомнись. Полно *скиляжничать*. Я *капабельна съ тобою развестись*, ежели ты еще меня такъ *шпетить* станешь“. „Оставьте такіе разговоры. Развѣ не льзя о другомъ *дискютировать? Выбрали такую серіозную матерію, которой я не понимаю*“. „Чортъ меня возми, ежели грамматика къ чему-нибудь нужна, а особливо въ деревнѣ. *Въ городѣ* по крайней мѣрѣ *изорвала я одну на папильоты*“ [50]. Вотъ понятія

щеголихи и языкъ, которымъ она выражается. Если захотите прослѣдить этотъ типъ въ журналахъ, начиная съ „Трутня“ до „Собесѣдника“ (1769—1783), вы не найдете особенныхъ измѣненій. Типъ этотъ столичный, столица доступнѣе чужому вліянію, чѣмъ провинціальная глушь: туда онъ переходилъ уже изъ столицъ. Во времена Фонъ-Визина этотъ типъ въ столицахъ не былъ еще отжившимъ, напротивъ былъ въ полной силѣ. Дружное нападеніе журналовъ на личность щеголихи прекрасно объясняетъ роль Совѣтницы. „Необходимо также“,—говоритъ щеголь,—„долженъ я умѣть портить руской языкъ и *говорить нынѣшнимъ щегольскимъ женскимъ нарѣчіемъ* [51]. „Живописецъ“ извѣщаетъ, что „наилучшихъ“ книгъ „и въ десятую долю противъ романовъ не покупаютъ“ [52]. Въ pendant къ объясненіямъ Совѣтницы можно привести слѣдующее письмо Щеголихи къ издателю „Живописца“: „Ты, радость, *безпримѣрной* авторъ.—*По чести* говорю, *ужесть какъ ты славенъ;* читая твои листы, *я безподобно утѣшаюсь;* какъ все у тебя *славно:* слогъ *разстеганъ*, мысли *прыгающи.*—*По чести* скажу, что твои листы *вѣчно меня прельщаютъ; клянусь,* что я всегда *фельетирую* ихъ безъ всякой *дистракціи.* Да и нельзя не такъ; ты *не грустенъ, шутишь славно,* и твое перо *по бумагѣ бѣгаетъ безподобно. Ужесть, ужесть,* какъ прекрасны твои листы! Но, сказать *вокругъ наеъ,* ты много долженъ мнѣ: — *уморить ли, радость?* Вѣть мнѣніе-то *Щеголихино* [53] ты у меня подтяпалъ: — ха! ха! ха! — *Клянусь,* спроси у всѣхъ моихъ знакомыхъ, они тебѣ скажутъ, что я всегда ето говоривала; но ето ничево не означитъ. Признаюсь, что я и сама много заняла изъ твоихъ листовъ. Пуще всего ты *ластишь* меня тѣмъ, что *никакъ со мною не споришь,* а особливо, когда говорилъ о наукахъ, ты это такъ *славно прокричалъ* — чортъ меня возьми! — какъ книга. А при томъ ты всегда стараешся оказывать намъ учтивости; не такъ какъ нѣкоторый грубіянъ, сочиня комедію, одну изъ подругъ моихъ *вытащилъ* на театръ. Куда какъ онъ много выигралъ? Я чаю, онъ надѣялся, что всѣ расхохочутся до смерти; анъ право никто изъ нашихъ сестеръ и учтивыхъ мущинъ и не улыбнулся, а смѣялись только... Онъ хотѣлъ насъ одурачить, да не удалось. *Ужесть какъ славно* онъ забавлялся надъ бѣд-

нымъ мальчикомъ Фирлифюшковымъ: совсѣмъ тѣмъ, подобные ему люди останутся всегда у насъ въ почтеніи, а его Дремовъ никогда не выдетъ изъ дураковъ. Еслибъ узнала я етого автора, то *оттънила* бы сама его *безподобно*. Я *никакъ* на него не сердита: онъ меня *никакъ* не тронулъ; однакожъ я и сама не знаю, за что я ево *никакъ* не могу терпѣть. Въ первой ево комедіи[54] я и сама до смерти захохоталась: *ужесть;* какъ славно *шпетилъ* онъ нашихъ бабушекъ; а ета комедія такую сдѣлала *дистракцію* и такую *грусть*, что я поклялась *никакъ* на именины не ѣздить. Правда, ты и самъ *зацепился*, но это шуткою; а за шутки мы никакъ не сердимся: напротивъ того, ты бранишъ однихъ только *деревенскихъ* дураковъ“[55]. Не двойникъ ли это Совѣтницы? А между тѣмъ кто же признаетъ ее принадлежностью провинціальнаго общества? И сама она прямо отличаетъ себя отъ „деревенскихъ дураковъ“. — Родина Бригадирши—Москва, это засвидѣтельствовано самимъ авторомъ. Н. И. Панинъ сказалъ Фонъ-Визину: „Бригадирша ваша всѣмъ родня; никто сказать не можетъ, что такую же Акулину Тимоѳеевну не имѣетъ или бабушку, или тетушку, или какую-нибудь свойственницу“. Совѣтникъ тоже служилъ въ коллегіи, въ Москвѣ[56], и очень напоминаетъ собою стараго лицемѣра, описаннаго въ „Трутнѣ“[57]. Остается роль Бригадира; но и она принадлежитъ столько же провинціальной, сколько и столичной жизни. Дѣйствіе въ провинціи не даетъ еще права называть и лица комедіи исключительною принадлежностью провинціальной жизни. Свидѣтельства современниковъ всегда важнѣе догадокъ и предположеній позднѣйшаго біографа, а мы видѣли, что личности Фонъ-Визиновскихъ комедій подъ другими именами встрѣчаются постоянно въ сатирической журнальной литературѣ, какъ необходимая принадлежность столицы. Живое сочувствіе, съ какимъ встрѣченъ былъ „Бригадиръ“ образованною частью общества, было слѣдствіемъ сознанія, что лица комедіи вѣрны дѣйствительности, и не провинціальной, а столичной сферѣ. Мы предположили бы слишкомъ мало практическаго смысла и въ авторѣ комедіи, и въ тѣхъ, которые съ восторгомъ встрѣтили его произведенія, еслибъ сказали, что „авторъ и публика его не были въ борьбѣ лицомъ къ лицу и

рука съ рукою". Эта борьба была, и гоненія на комедію Фонъ-Визина—лучшій тому свидѣтель. Эта борьба была, и потому съ восторгомъ встрѣтили „Бригадира" тѣ, которые отъ литературы ожидали прямаго и самаго благотворнаго дѣйствія на общественную жизнь. Въ „Трутнѣ" напечатана была слѣдующая вѣдомость „съ Парнасса": „Здѣсь все въ великомъ замѣшательствѣ: славныя стихотворцы, обезображенныя худыми переводами, чрезвычайно огорчились и просили Аполлона о заступленіи. Всѣ музы, прославленныя въ Россіи г. С., приходили къ своему отцу и со слезами жаловались на дерзновеніе молодыхъ писателей: Мельпомена и Талія проливали слезы и казались неутѣшными. Великій Аполлонъ увѣрялъ ихъ, что сіе здѣлалось безъ его позволенія, и что онъ для разсмотрѣнія сего дѣла повелитъ собрать чрезвычайной совѣтъ; а между тѣмъ показалъ Таліи новую русскую комедію ****, сочиненную однимъ молодымъ писателемъ. Талія, прочитавъ оную, приняла на себя обыкновенной свой веселой видъ и сказала Аполлону, что она сего автора со удовольствіемъ признаетъ своимъ законнымъ сыномъ. Она и записала его имя въ памятную книжку въ число своихъ любимцевъ" [58]. „Трутень", видѣвшій въ комедіи только средство къ исправленію нравовъ, не отозвался бы такъ благосклонно о піесѣ, въ которой не было „живаго примѣненія къ лицамъ, предъ коими онѣ были выведены". Напротивъ, за это „живое примѣненіе" и хвалили комедію Фонъ-Визина [59].

Мы видѣли, какъ недовольны были комедіею императрицы Екатерины II („Имянины Госпожи Ворчалкиной") щеголихи, которыя узнали себя въ одномъ изъ дѣйствующихъ лицъ ея. Сличеніе комедій Фонъ-Визина съ комедіями императрицы можетъ подтвердить ту мысль, что авторъ „Недоросля" не ограничивалъ своей сатиры списываніемъ провинціальной жизни. Фирлифюшковъ и Олимпіада — тѣ же лица, что Совѣтница и сынъ Бригадира, а Дремовъ—тотъ же Правдинъ „Недоросля". Комедія „О время!" въ лицѣ Ханжахиной вывела тотъ же порокъ, который осмѣянъ въ „Бригадирѣ". Безсмысленная вѣра въ букву, видимая преданность религіи, въ сущности же совершенное равнодушіе къ ней и непониманіе ея—вотъ черты общія Совѣтнику и Ханжахиной. Это—выродки старой Руси, не затро-

нутые Петровскимъ преобразованіемъ. Они были равно возможны въ столицѣ и въ провинціи. О своей комедіи императрица сама сказала печатно: „При сочиненіи оной не бралъ я находящихся въ ней *умоначертаній ни откуда, кромѣ собственной моей семьи:* слѣдовательно, *не выходя изъ дому своего, нашолъ въ немъ одномъ къ составленію забавнаго позорища довольно обширное поле* для искуснѣйшаго пера, а не для такова, каковымъ я свое почитаю“ [60]. Эта семья, этотъ домъ автора комедіи была столица, въ самомъ дѣлѣ представлявшая обширное поле къ составленію забавнаго позорища. Здѣсь были не только Бригадиры, Совѣтники, Стародумы, Правдины, но и Простаковы, Вральманы, Кутейкины, Цыфиркины, хотя, разумѣется, въ столицѣ они принадлежали къ болѣе низкимъ слоямъ общества, нежели въ провинціи. Записки Данилова, его разсказъ объ учителѣ московской артиллерійской школы Алабушевѣ показываютъ, что не въ одной провинціи были такіе учителя, какъ Кутейкинъ и Цыфиркинъ; Вральманы нестоличные дожили до нашего вѣка... Только личности Скотинина и Простаковой болѣе, чѣмъ другія, носятъ на себѣ провинціальныхъ чертъ. Но самодовольное невѣжество Простаковой, но воспитаніе, которое даетъ она сыну, и этотъ Митрофанушка, выросшій въ душной атмосферѣ невѣжества и безнравственности, развѣ не были язвою, столь же общею столицамъ, какъ и провинціямъ? Конечно, столичный Митрофанушка не полѣзъ бы на голубятню, а сдѣлался бы петиметромъ или игрокомъ, но насмѣшка комика надъ недорослями не теряетъ отъ того своей силы. Трудно допустить, что Фонъ-Визинъ не призывалъ оригиналовъ своихъ на очную ставку съ уличительными портретами: нѣкоторыя мелкія особенности провинціальной жизни въ его комедіяхъ отпадали, и въ глазахъ зрителя оставались личности, хорошо ему знакомыя, повседневно ему встрѣчавшіяся. Правда, что настоящіе Простаковы въ глуши губерній и деревень могли не знать, что дворъ надъ ними смѣется; но это не вина комическаго автора: столичные же Простаковы, конечно, узнавали себя легко въ комедіи Фонъ-Визина. Наши журналы прошедшаго столѣтія, рисуя сатирическія картины современнаго общества, невольно сталкивались по своему содержанію съ комедіей. За-

дача ихъ была одна и та же; потому они взаимно дополняютъ и объясняютъ другъ друга [61]. Фонъ-Визинъ вполнѣ сочувствовалъ сатирическому направленію нашей журналистики, самъ по возвращеніи изъ-за границы въ 1788 году думалъ издавать журналъ, и потому весьма вѣроятно, что онъ принималъ участіе въ „Трутнѣ“, „Живописцѣ“ и др. [62]. Въ послѣднемъ еженедѣльникѣ, по крайней мѣрѣ, перепечатано было написанное Фонъ-Визиномъ „Слово на выздоровленіе Его Императорскаго Высочества, государя цесаревича великаго князя Павла Петровича“ [63]. Къ сожалѣнію, сотрудники нашихъ сатирическихъ журналовъ, двигатели лучшей, благороднѣйшей части старой литературы, почти совершенно намъ неизвѣстны; многія подписи подъ статьями рѣшительно необъяснимы, другія разоблачаются только послѣ усильныхъ трудовъ. Въ настоящее время рѣшить вопросъ объ участіи Фонъ-Визина въ старыхъ журналахъ невозможно. Но, при своемъ живомъ взглядѣ на общественное значеніе литературы, едва ли авторъ „Недоросля“ могъ не принимать никакого участія въ журналахъ, которые были прямыми памфлетами на дурныя стороны русской жизни. Только въ молодости, когда еще не сложился у него сознательный взглядъ на литературу, только въ молодости перевелъ Фонъ-Визинъ трагедію Вольтера; потомъ онъ уже оставилъ этотъ родъ въ сторонѣ. Къ автору лучшихъ трагедій своего времени, Княжнину, онъ не чувствовалъ никакого уваженія, судя по слѣдующему „Дружескому увѣщанію Княжнину“:

Когда не можешь ты Пегаса осѣдлать,
Почто тебѣ на немъ охота разъѣзжать?
На не осѣдланномъ конѣ скакать опасно:
Паденіе съ него случается несчастно;
Пегасу надобно покрѣпче сѣдока,
Онъ на себѣ терпѣть не можетъ дурака.
И какъ тебя на немъ мнѣ видѣть ни случалось,
Мнѣ страшно съ стороны то зрѣніе казалось.
А паче всево (?), какъ въ послѣдній разъ скакалъ,
Ты самъ себѣ, дуракъ, погибели искалъ.
Вдругъ кажешься ты намъ уже подъ небесами,
Вдругъ чортъ тебя несетъ на землю вверхъ ногами,
И самого тебя всего объемлетъ страхъ.
Не самъ ли ты сказалъ, что разобьешься въ прахъ?
Когда же и во адъ оттолѣ ты сойдешь,

То мѣсто и въ аду, проклятый, не найдешь.
Не погуби себя, послушай ты меня:
Пожалуй, поскоряй слѣзай долой съ коня,
И видя, что твои желанья неудачны,
Сокройся ты опять во рвы забвенья мрачны [64].

Фонъ-Визинъ избралъ себѣ нравоучительный родъ произведеній и остался вѣренъ ему съ перваго перевода до послѣдняго произведенія своего, если исключить отсюда „Посланіе къ слугамъ“ и „Матюшку яблочника“.

Въ одинъ годъ съ появленіемъ комедіи „О время!“ и „Живописца“ поставленъ былъ на сцену „Недоросль“. Современное извѣстіе говоритъ объ этой комедіи: „Представлена въ первой разъ въ Санкпетербургѣ, Сентября 24 дня 1782 года, на щотъ перваго придворнаго актера г. Дмитревскаго, въ которое время несравнено театръ былъ наполненъ и публика апплодировала піесу метаніемъ кошельковъ. Характеръ Мамы игралъ бывшей придворной актеръ г. Шумской къ несравненному удовольствію зрителей, а на Московскомъ театрѣ роль сія представлена вольнымъ Московскаго театра актеромъ г. Ожогинымъ также къ совершенной забавѣ публики. Сія комедія, наполненная замысловатыми израженіями, множествомъ дѣйствующихъ лицъ, гдѣ каждой въ своемъ характерѣ изреченіями различается, заслужила вниманіе отъ публики“ [65]. Извѣстно, что Потемкинъ послѣ перваго представленія „Недоросля“ сказалъ автору: „Умри, Денисъ, или больше ничего не пиши!“ Нашлись однако недовольные и „Недорослемъ“ и подняли на него сильное гоненіе, такъ что актеры не хотѣли играть комедіи по злобѣ нѣкоторыхъ лицъ [66]. При постановкѣ „Недоросля“ на Московской сценѣ встрѣтились также большія препятствія. Авторъ писалъ по этому случаю къ содержателю Московскаго театра Медоксу: „Mon frère vous a remis, j'éspère, le papier en question et vous a expliqué, mon cher Medox, la résolution, que j'ai pris pour faire taire tous les propos, occasionnés par l'opiniatreté de votre censeur. Votre longue silence ne m'a prouvé que trop le mauvais succès de vos demarches pour obtenir la permission. J'ai mis fin à la chicane, et il me semble que par là je vous ai prouvé la permission la plus authentique de jouer ma pièce, puisque les comédiens de la cour

de Sa Majesté Impériale sur le théâtre publique, avec la permission par écrit de la part du gouvernement, l'ont représanté le 24 de ce mois. Vous pouvez assurer mr. le censeur, que dans toute ma pièce, par conséquent dans les passages, qui l'ont fort effrayé, on n'a pas changé une syllabe. Le succès était complet. Comme je vous souhaite infiniment du bien, je vous laisse ma pièce, mais je vous demande votre parole d'honneur d'observer le plus inviolablement mon ancienne condition, c'est de ne prêter à personne ma comédie et de ne jamais la faire sortir de vos mains, car je ne veux pas encore la rendre publique.

Tout à vous".

„Бригадиромъ" упрочена была литературная извѣстность Фонъ-Визина. Въ шестидесятыхъ годахъ онъ являлся уже почетнымъ гостемъ на литературныхъ собраніяхъ Мятлевой; въ нихъ принимала участіе и А. И. Приклонская, къ которой Фонъ-Визинъ привязался почти до страсти. Въ 1773 году Панинъ, окончивъ воспитаніе великаго князя Павла Петровича, получилъ отъ императрицы 9000 душъ; четыре тысячи изъ нихъ раздѣлилъ онъ между тремя изъ своихъ подчиненныхъ, „сотрудниками своими въ отправленіи дѣлъ политическихъ"; въ числѣ награжденныхъ былъ Фонъ-Визинъ. Подарокъ этотъ былъ ему очень кстати, потому что около того же времени онъ женился на молодой вдовѣ изъ рода купцовъ Роговиковыхъ.

Нездоровье жены заставило Фонъ-Визина въ 1777 году предпринять путешествіе во Францію. Монпелье былъ главною цѣлью поѣздки. Подробности пребыванія нашего автора за границею въ это время извѣстны изъ писемъ его къ графу П. И. Панину и къ сестрѣ. Разбирая эту переписку, какъ произведеніе литературное, въ ней видѣли какой-то узкій взглядъ на заграничную жизнь, ожесточеніе противъ нея, даже вражду къ просвѣщенію. Не всегда можно обвинять Фонъ-Визина за то, что въ письмахъ, назначенныхъ не для публики, онъ рисуетъ европейскую жизнь черными красками; въ этомъ случаѣ онъ не исключеніе изъ современныхъ ему иностранныхъ туристовъ, порожденное слѣпою, неограниченною привязанностью къ своему; напротивъ, онъ принадлежитъ къ цѣлому разряду туристовъ,

подобнымъ же образомъ описывавшихъ европейскія страны. Авторъ книги „Италіанцы или нравы и обычаи Италіи“ начинаетъ ее такимъ образомъ: „Немногія сочиненія принимаются публикою такъ благосклонно, какъ тѣ, въ которыхъ господствуетъ сатира. Отсюда этотъ успѣхъ, который имѣли всѣ описанія путешествій, появляющіяся съ нѣкотораго времени: ихъ ищутъ, читаютъ съ живѣйшимъ интересомъ, потому что они представляютъ болѣе оцѣнку (censure), нежели исторію народовъ, съ которыми берутся познакомить. — Авторъ, бросивши поверхностный взглядъ на посѣщенныя страны, возвращается въ отечество, беретъ перо, чтобы обнародовать свои великія открытія, и наполняетъ книгу обидными разсказами, крайними нелѣпостями, перемѣшивая ихъ съ возмутительными сказками о мнимыхъ преступленіяхъ. Онъ силится убѣдить читателя, что эти преступленія и нелѣпости не суть частныя дѣйствія того или другаго лица, но грустный результатъ порочныхъ наклонностей народа, которыя онъ изучалъ взоромъ мелочнаго наблюдателя. Неопытный читатель смѣется глупымъ крайностямъ, которыя приписываются народу, и благословляетъ Небо за то, что не рожденъ въ этихъ преступныхъ странахъ“ [67]. Такими чертами изображаетъ туристовъ-порицателей приверженецъ другаго метода описанія странъ. Фонъ-Визинъ велъ за границею не такую жизнь, чтобъ изучить народъ и страну, въ которой жилъ. Для описанія ихъ онъ обращался къ книгамъ. „Парижа описывать вамъ не хочу“,—пишетъ онъ къ роднымъ,—„потому что вы изъ книгъ также узнаете, какъ я“ [68]. Какому же роду „путешествій“ отдаетъ преимущество Фонъ-Визинъ? Конечно, сатирическому. Самъ онъ, по природной склонности къ насмѣшливости, смотрѣлъ на заграничную жизнь глазами сатирика и описанія путешествій выбиралъ также написанныя въ сатирическомъ духѣ. „Я лучше хочу не быть читанъ, нежели быть скученъ“, говоритъ Фонъ-Визинъ въ письмѣ къ Козодавлеву. Сатирическое изображеніе народа и страны давало ему средство избѣжать скучнаго изложенія. Часто, знакомясь съ описываемою страною изъ книгъ, Фонъ-Визинъ оттуда же извлекалъ и свои обвиненія. Такъ, напр., въ письмахъ его къ сестрѣ изъ втораго путешествія есть заимствованія изъ журнала того времени

(1783 г.) „Litteratur und Völkerkunde“. Отсюда переведенъ почти весь разсказъ о Пизѣ [69]. Можетъ быть, причиною ожесточенія Фонъ-Визина на французскихъ философовъ было то общество, въ которое попалъ онъ въ Петербургѣ, и въ которомъ не могъ онъ не видѣть вліянія французской философіи, хотя и извращенной. Во всякомъ случаѣ обвиненія, на которыя такъ щедръ онъ въ своей заграничной перепискѣ, были очень распространены въ то время въ сочиненіяхъ европейскихъ путешественниковъ.

Въ 1784 году Фонъ-Визинъ во второй разъ отправился за границу, съ цѣлью посѣтить особенно Италію; въ 1785 году онъ возвратился въ Россію. Въ слѣдующемъ году онъ снова предпринялъ путешествіе для поправленія разстроеннаго своего здоровья, жилъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Вѣнѣ, потомъ пользовался цѣлительными водами въ Карлсбадѣ, Тренчинѣ. Письма изъ этого путешествія и журналъ его—грустная historia morbi Фонъ-Визина. Въ послѣднихъ числахъ августа [70] 1785 года ударъ паралича лишилъ его употребленія руки, ноги и языка—„безъ чего истинно жизнь моя мнѣ въ тягость“,—замѣчаетъ онъ.

Къ сожалѣнію, мы не много знаемъ о частной жизни Фонъ-Визина, особенно въ послѣдніе годы. Въ 1768 году Елагина, его начальника, смѣнилъ Стрекаловъ. Кромѣ Н. И. и П. И. Паниныхъ, нашъ авторъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ со многими знаменитыми личностями своего времени. Къ Н. И. Панину онъ былъ очень привязанъ и пользовался благодѣяніями его до самой смерти вельможи. Съ П. И. Панинымъ онъ велъ безпрерывную переписку, сообщалъ ему важнѣйшія депеши и бумаги, спрашивалъ его мнѣнія о нихъ. Расположеніе Панина доставляло Фонъ-Визину случай ходатайствовать за своихъ друзей и товарищей, къ которымъ онъ сохранялъ постоянную привязанность. „Ежели отпустятъ меня паче чаянія“,—писалъ къ нему А. Ил. Бибиковъ, — „то буду я самолично тебя благодарить за всѣ твои дружескія мнѣ въ бытность здѣсь (въ Варшавѣ) одолженія“. „Будьте увѣрены (писалъ къ Фонъ-Визину Я. И. Булгаковъ, университетскій его товарищъ), что все мое стараніе обращу заслужить вашу довѣренность и вселить въ васъ мнѣніе, что и въ глуши есть люди, кои умѣютъ отдавать

справедливость имѣющимъ достоинства". Въ другомъ письмѣ къ нему Булгаковъ говоритъ: „Еслибъ въ первомъ случаѣ, который далъ мнѣ познать доброе ваше сердце и почувствовать плоды вашего обо мнѣ попеченія, отказали вы мнѣ помощь вашу, я бы меньше, признаюсь, васъ любилъ, но оставилъ бы въ покоѣ и тишинѣ пользоваться всѣмъ хорошимъ въ вашемъ мѣстѣ, не требуя, чтобы вы удѣлили и на насъ, бѣдныхъ, свѣта лучей, изливаемыхъ на васъ отъ солнца", и т. д. Другой товарищъ Фонъ-Визина по университету, Морковъ, находясь въ Варшавѣ подъ начальствомъ нашего министра при польскомъ дворѣ Сальдерна, потерпѣлъ отъ послѣдняго несправедливое заключеніе и обиды. Морковъ письмомъ просилъ Фонъ-Визина о ходатайствѣ передъ Панинымъ и былъ въ самомъ дѣлѣ оправданъ. Фонъ-Визинъ не задумался обвинить такого сильнаго человѣка, каковъ былъ Сальдернъ, чтобы выпутать изъ бѣды Моркова. По этому случаю онъ писалъ къ одному изъ своихъ друзей (кажется, Булгакову): „Повѣрите ли вы, м. г., что здѣсь въ городѣ потерялъ Сальдернъ всю эстиму по нашей коллегіи, кромѣ Крока, который его меньше любитъ, нежели боится. Всѣ его терпѣть не могутъ; всѣ знаютъ, что онъ не созданъ быть посломъ и сѣлъ не въ свои сани. Что же надлежитъ до меня, то я разорвалъ съ нимъ всякое сношеніе, пріемля на собственный мой счетъ всѣ обиды, Моркову сдѣланныя. Мало ему нужды до моего объ немъ мнѣнія; но я по чести скажу, что я его эстимою хвалиться не намѣренъ, всегда уповалъ въ томъ на милосердіе Божіе, что, дѣлая фортуну, Сальдерну фортуною моею никогда долженъ не буду" [71].

Финансовыя обстоятельства Фонъ-Визина никогда не были въ блестящемъ положеніи. Процессъ и отдача денегъ въ заемъ разстроивали его небогатое состояніе. Въ 1778 году онъ писалъ изъ-за границы: „Дорога, трактиръ и аптека стоятъ мнѣ гораздо больше, нежели я воображалъ. Кредитива моего только что стало сюда (до Парижа) доѣхать, а здѣсь нашелъ дороговизну несказанную въ вещахъ необходимыхъ, а въ излишнихъ дешевизну безпримѣрную. Квартира, столъ, карета стоятъ вдвое противъ петербургскаго; галантерейныя вещи, платье, книги, эстампы и пр. то же или и дешевле. Платье нашелъ здѣсь излишнимъ для

того, что здѣсь и безъ него обойтиться можно. Мы ходимъ благополучно въ траурѣ, и тотъ почитается уже хорошо одѣтымъ, кто одѣтъ чисто; но такъ какъ здѣсь обычай носить трауръ для экономіи, то великая была бъ для насъ экономія, еслибъ могли мы сдѣлать здѣсь по нѣскольку платьевъ на чистыя деньги, ибо въ долгъ если бъ—пришлось бы не дешевле петербургскаго. По расположенію, которое сдѣлалъ въ моихъ доходахъ, я, конечно, могу съ сими доходами пріѣхать въ Петербургъ, но уже не воспользуюся ни въ чемъ здѣшнею дешевизною и не могу купить ничего ни для себя, ни для пріятелей. Тысячи рублевъ было бы предовольно на покупки. Итакъ, если весь мой доходъ собранъ былъ исправно, то нижайше васъ прошу перевесть еще тысячу на покупки изъ денегъ, занятыхъ у меня княземъ Гагаринымъ", и т. д. Изъ Москвы Фонъ-Визинъ писалъ къ Пассеку отъ 4-го февраля 1784 года: „За милостивое покровительство ваше по дѣлу моему съ графинею Гендриковою, какъ и за почтеннѣйшее письмо ваше отъ 20 прошедшаго мѣсяца, приношу вашему высокопревосходительству покорнѣйшее благодареніе. Я отдаю на собственный вашъ судъ, не прискорбно-ль бъ мнѣ было за то, что̀ у меня похищено наглымъ образомъ, взять половину той цѣны, за которую бы я ей не продалъ добровольно, а сверхъ того, и съ издержекъ моихъ также принять на мой счетъ половину. Я, конечно, имѣю все почтеніе къ ея полу и къ ея лѣтамъ; но знаю то, что для нея, по ея богатству, 2500 р. ничего не значатъ, и что несогласіе ея происходитъ, откровенно сказать, отъ одной скупости. Ваше высокопревосходительство знаете мою къ вамъ совершенную преданность, за которую подали мнѣ новый знакъ вашего ко мнѣ благодѣянія. Я имѣю къ вашему правосудію такую полную довѣренность, что за счастіе почту, если вы, милостивый государь, возьмете трудъ на себя рѣшить дѣло совѣстнымъ образомъ. Я напередъ даю вамъ честное слово повиноваться всему тому, что̀ вы присудите; пусть то же сдѣлаетъ графиня Гендрикова. Ваше рѣшеніе пусть будетъ для обѣихъ насъ безъ апелляціи. Я, съ одной стороны, увѣренъ, что вы ни мнѣ для графини, ни ей для меня никакого предпочтенія не сдѣлаете, а съ другой, могу васъ увѣрить, что у меня въ головѣ нѣтъ взять съ

нея больше, нежели что слѣдуетъ мнѣ по правосудію. Ожидая отъ васъ, какъ отъ моего благодѣтеля, сего новаго опыта вашей ко мнѣ милости, пребываю и пр.“ [72]. Въ письмѣ къ роднымъ отъ 7-го августа 1785 года Фонъ-Визинъ также жалуется на разстройство своихъ дѣлъ; однакоже онъ умеръ, не оставивши никакихъ послѣ себя долговъ.

Но возвратимся къ его литературной дѣятельности.

Въ 1783 году началось изданіе „Собесѣдника любителей россійскаго слова“. Фонъ-Визинъ принималъ въ немъ дѣятельное участіе. Уже въ первой части этого журнала находимъ „Опытъ россійскаго сословника“ (стр. 126—134), который продолжался въ нѣсколькихъ книжкахъ „Собесѣдника“ [73]. Бо̀льшею частію опредѣленія значенія синонимическихъ словъ заимствованы изъ „Synonymes Françoіs“ аббата Жирара; рѣдко извлекаются они изъ употребленія словъ въ языкѣ славянскомъ и русскомъ. Но, заимствуя у Жирара опредѣленія синонимовъ и примѣры, Фонъ-Визинъ старается примѣнить послѣдніе къ русской жизни или къ объясненіямъ французскаго аббата подставляетъ русскіе примѣры [74]. Нѣкто Любословъ, въ посланіи къ издателямъ „Собесѣдника“ [75], напалъ на нѣкоторыя мѣста „Сословника“, и Фонъ-Визинъ написалъ ему колкій и остроумный отвѣтъ въ томъ же „Собесѣдникѣ“. Въ четвертой части „Собесѣдника“ находимъ статью „Повѣствованіе мнимаго Глухаго и Нѣмаго“, писанную, какъ увѣряетъ С. Н. Глинка [76], Фонъ-Визиномъ. Здѣсь очень рѣзко и смѣло очерчены нѣкоторые провинціальные типы того времени; жаль, что эта любопытная, повидимому, не лишенная намековъ на нѣкоторыя живыя личности статья не имѣла продолженія. Одно изъ описываемыхъ лицъ напоминаетъ живо Скотинина: „Съ правой стороны (говоритъ авторъ) главный нашъ сосѣдъ былъ отставной маіоръ изъ солдатскихъ дѣтей, по женѣ разбогатѣвшій, и назывался, какъ теперь помню, Пименъ Прохоровъ сынъ Щелчковъ. Онъ былъ мужикъ пресильный, и человѣкъ преглупый, превеликаго росту, и пренизкаго духу, по вся дни пилъ, весь день былъ пьянъ, а ночи сыпалъ багатырскимъ сномъ. Пьяный былъ неугомоненъ. Лучшая его въ деревнѣ забава состояла въ томъ, чтобъ выбравъ сильныхъ мужиковъ ставить ихъ на колѣни и щелкать по лбу. Онъ въ

семъ искусствѣ такъ отмѣнно былъ силенъ, что во всемъ его селѣ не было лба, у котораго бы онъ однимъ щелчкомъ не отшибалъ памяти". Интересны подробности о воеводѣ Язвинѣ: „Въ первое еще лѣто благополучнаго его воеводствованія уже во всемъ уѣздѣ богати обнищаша и взалкаша. Въ два года опустошеніе сдѣлалось въ томъ краю всеобщее, наконецъ услышано стало моленіе убогихъ и на смѣну Язвина присланъ былъ изъ Петербурга воеводою коллежскій ассессоръ Исай Глупцовъ. Между тѣмъ Язвинъ купилъ деревню въ нашемъ сосѣдствѣ и въ нее переселился. Словъ нѣтъ пересказать всѣхъ его бездѣльствъ и грабежей. Должно признаться однакожь, что мрачная душа его обремененная грѣхами непрестанно трепетала. Онъ былъ въ равной степени бездушникъ и ханжа. Однажды укралъ онъ изъ нашего табуна двѣнадцать лучшихъ лошадей, и на другой день со всею своею окаянною семьею на тѣхъ же краденныхъ лошадяхъ отправился въ Ростовъ Богу молиться" [77]. Такова была сатира въ журналѣ, въ которомъ императрица принимала живое участіе, печатая въ немъ произведенія своего пера. Съ своимъ яснымъ взглядомъ на писателя Фонъ-Визинъ не разъ касался въ своихъ мелкихъ статьяхъ важныхъ вопросовъ общественныхъ и государственныхъ. Въ „Челобитной Россійской Минервѣ отъ россійскихъ писателей" онъ выставляетъ шаткое, неопредѣленное мѣсто русскаго писателя въ обществѣ, презрѣніе, съ которымъ смотрѣли на литераторовъ люди должностные. Послѣдніе составили опредѣленіе: „1) всѣхъ упражняющихся въ словесныхъ наукахъ къ дѣламъ не употреблять; 2) всѣхъ таковыхъ при дѣлахъ уже находящихся отъ дѣлъ отрѣшать". Писатели, въ лицѣ Фонъ-Визина, просятъ императрицу: „дабы Вашего божественнаго Величества указомъ повелѣно было сіе наше прошеніе принять, и таковое беззаконное и вѣкъ нашъ ругающее опредѣленіе отмѣнить; насъ же, яко грамотныхъ людей, повелѣть по способностямъ къ дѣламъ употреблять, дабы мы именованные, служа россійскимъ музамъ на досугѣ, могли главное жизни нашей время посвятить на дѣло для службы Вашего Величества" [78]. Біографіи нашихъ писателей прошлаго столѣтія свидѣтельствуютъ, что взглядъ на писателя какъ на человѣка, неспособнаго къ серьезной работѣ,

служебному поприщу,—былъ очень распространенъ въ то время. Державинъ, испытавшій на себѣ всѣ непріятности подобнаго взгляда со стороны своего начальника, энергически вооружился противъ подобной нелѣпости; протесту противъ него Фонъ-Визинъ придалъ еще большее значеніе. Нигдѣ впрочемъ съ такою силою и смѣлостью Фонъ-Визинъ не высказалъ роли писателя, какъ въ „Вопросахъ сочинителю Былей и Небылицъ“ [79]. Здѣсь хотѣлъ онъ коснуться вопросовъ, „могущихъ возбудить въ умныхъ и честныхъ людяхъ особливое вниманіе“. Однимъ изъ главныхъ и, кажется, постоянно занимавшихъ автора былъ вопросъ: отчего у насъ тяжущіеся не печатаютъ тяжбъ своихъ и рѣшеній правительства? Фонъ-Визинъ вообще желалъ придать бо́льшую гласность дѣламъ административнымъ и государственнымъ. Причину негласности въ дѣлахъ судебныхъ императрица указала въ отсутствіи вольныхъ типографій. Фонъ-Визинъ въ одной изъ статей, назначенныхъ для журнала „Стародумъ“, такъ прославляетъ Екатерину: „Она, отверзая пути къ просвѣщенію, сняла съ рукъ писателей оковы и позволила вездѣ охотникамъ заводить вольныя типографіи, дабы умы имѣли повсюду способы выдавать свои творенія“ [80]. Тотъ же „Стародумъ“ высказываетъ желаніе, чтобы мы имѣли, гдѣ „разсуждать о законѣ и податяхъ и гдѣ судить поведенія министровъ, государственнымъ рулемъ управляющихъ“ [81]. Фонъ-Визинъ хвалитъ Н. И. Панина за то, что „по внутреннимъ дѣламъ гнушался онъ въ душѣ тѣхъ кои по своимъ видамъ, невѣжеству и рабству, составляютъ государственный секретъ изъ того, что въ націи благоустроенной должно быть извѣстно всѣмъ и каждому, какъ-то: количество доходовъ, причины налоговъ“ [82]. Но вопросы предложены были императрицѣ слишкомъ „прямодушно“; слишкомъ живо задѣвалъ авторъ нѣкоторыя струны нашего общественнаго устройства; императрицѣ не понравилось это какъ бы фамиліарное обращеніе къ ней, и продолженія „Вопросовъ“, вопреки обѣщанію автора, не было. Екатерина противоставила имъ ловкіе отвѣты, но она была недовольна „свободоязычіемъ“ Фонъ-Визина и дала ему это замѣтить. Въ статьѣ „Былей и Небылицъ“, напечатанной въ слѣдующей книжкѣ „Собесѣдника“, очень ясно высказала императрица свое мнѣніе

о „Вопросахъ“. Вотъ какой отзывъ произноситъ дѣдушка, герой „Былей и Небылицъ“: „Молокососы! не знаете вы, что я знаю; въ наши времена никто не любилъ вопросовъ, ибо съ оными и мысленно соединены были непріятныя обстоятельства; намъ подобные обороты кажутся не умѣстны; шуточные отвѣты на подобные вопросы не суть нашего вѣка; тогда каждый, поджавъ хвостъ, отъ оныхъ бѣгалъ“. Другой герой „Былей“, прочитавъ первый вопросъ, „нахмурился и сталъ такъ пасмуренъ, какъ будто между солнцемъ и имъ проходящее тѣло покрыло его мракомъ, свободоязычіе отпряглось изъ одноколки, на которой скакало на двадцативопросной станціи, видя пыль, вертящуюся около роспусокъ съ отвѣтами“. По словамъ дѣдушки, „въ прежнія времена врать не смѣли, а паче письменно, безъ опасенія“. Фонъ-Визинъ не оставилъ безъ оправданія обвинительныхъ пунктовъ. Въ „Письмѣ къ сочинителю Былей и Небылицъ“ онъ сознается, что не могъ дать вопросамъ своимъ приличнаго оборота, и объявляетъ, что намѣренъ отмѣнить заготовленные уже вопросы „не столько для того, чтобъ невиннымъ образомъ не быть обвиняему въ свободоязычіи (ибо у меня совѣсть спокойна), сколько для того, чтобъ не подать повода другимъ къ дерзкому свободоязычію, котораго всей душею ненавижу“. Для „Собесѣдника“ была приготовлена „Всеобщая придворная грамматика“; но ея не напечатали. На придворную жизнь нападаетъ Фонъ-Визинъ въ „Греческой повѣсти: Каллисѳенъ“ [83]. Хотя дѣйствіе происходитъ во времена Александра Македонскаго, но Скотазъ, на вопросъ Каллисѳена объ его усердіи къ Леонаду, отвѣчаетъ: „да для Его Высокопревосходительства я самъ бы радъ припречься“: понятно, какихъ придворныхъ представляютъ спутники Александра [84].

30-го сентября 1783 года послѣдовалъ высочайшій указъ объ учрежденіи Россійской Академіи. 21-го октября того же года происходило открытіе и вмѣстѣ первое ея засѣданіе; въ числѣ членовъ, присутствовавшихъ при открытіи Академіи, находился и Фонъ-Визинъ. Цѣлью главныхъ занятій новаго учрежденія поставлено было составленіе словаря и грамматики. Для начертанія правилъ и порядка въ сочиненіи словаря составленъ былъ особый отдѣлъ изъ пяти членовъ Академіи: Гавріила, митро-

полита Новгородскаго и С.-Петербургскаго, Фонъ-Визина, Н. В. Леонтьева, Ст. Як. Румовскаго и И. И. Лепехина. „Начертаніе“ было написано и читано въ засѣданіи 11-го ноября. Оно раздѣлено было на четыре части: въ 1-й разсматривался выборъ словъ и реченій, во 2-й грамматическое оныхъ употребленіе, въ 3-й объясненіе ихъ знаменованія, въ 4-й порядокъ алфавитный [85]. Однако въ слѣдующемъ году это „Начертаніе“ подверглось значительнымъ измѣненіямъ. Иванъ Никитичъ Болтинъ представилъ свои примѣчанія на „Начертаніе“, и Академія по большинству голосовъ согласилась принять нѣкоторыя изъ предложенныхъ имъ перемѣнъ. Главнѣйшая состояла въ томъ, что при изданіи словаря принятъ былъ порядокъ словопроизводный, а не алфавитный. Фонъ-Визинъ въ письмѣ къ О. П. Козодавлеву, члену издательнаго отдѣла, остроумно показалъ нелѣпость многихъ примѣчаній И. Н. Болтина. Собраніе и обработка словъ по буквамъ раздѣлены были между членами Академіи; Фонъ-Визинъ представилъ слова на букву *л*, изъ „Архангелогородскаго лѣтописца“ слова на букву *е* и вмѣстѣ съ преосвященнымъ Гавріиломъ трудился надъ словами на букву *к* [86]. Время показало справедливость Фонъ-Визинскаго „Начертанія для составленія словаря“ и опроверженій на планъ Болтина: при второмъ изданіи словаря Академія приняла тѣ правила, которыя предлагалъ Фонъ-Визинъ, начиная съ алфавитнаго порядка и до поставленія глаголовъ въ неопредѣленномъ наклоненіи.

Этимъ заключаемъ обзоръ литературной дѣятельности Фонъ-Визина. Не останавливаемся на прочихъ мелкихъ статьяхъ, которыя такъ хорошо извѣстны каждому образованному человѣку, что нѣтъ нужды исчислять ихъ. Въ 1788 году авторъ „Недоросля“ думалъ издавать журналъ „Другъ честныхъ людей или Стародумъ“; но памятникомъ этого предпріятія осталось одно только объявленіе и нѣсколько мелкихъ статей, приготовленныхъ для журнала. Фонъ-Визинъ хотѣлъ снова воззвать къ жизни „Трутень“, „Живописецъ“; въ своемъ „Стародумѣ“ онъ хотѣлъ удержать не только направленіе ихъ, но даже и эпистолярную форму, которая такъ срослась съ нашими сатирическими журналами прошлаго столѣтія. Болѣзнь отвлекла Фонъ-Визина отъ журнала; онъ снова предпринялъ путешествіе съ

медицинскою цѣлью въ Ригу, Бальдонъ и Митаву (въ 1789 г.). Напрасно хлопоталъ онъ о возстановленіи утраченнаго здоровья; 1-го декабря 1792 года кончилась печальная, страдальческая жизнь нашего даровитаго сатирика.

Къ мѣсту своего воспитанія, Московскому университету, Фонъ-Визинъ до конца жизни сохранилъ самыя благодарныя чувства, самую теплую привязанность. Въ 1787 году напечатанъ былъ „Распускающійся цвѣтокъ или собраніе разныхъ сочиненій и переводовъ, издаваемыхъ питомцами учрежденнаго при Императорскомъ Московскомъ университетѣ Вольнаго Благороднаго пансіона“. Здѣсь, среди юношескихъ произведеній питомцевъ пансіона, встрѣчаемъ басню Фонъ-Визина „Лисица Кознодѣй“. Въ примѣчаніи издатели „Распускающагося цвѣтка“ изъявляютъ признательность свою къ славному стихотворцу, извѣстному свѣту многими своими громкими сочиненіями, *„который доставилъ имъ сію басню для поощренія ихъ къ дальнѣйшему полученію вкуса въ свободныхъ наукахъ“*. Сидя однажды въ университетской церкви, Фонъ-Визинъ обратился съ наставленіемъ къ студентамъ. „Дѣти (говорилъ онъ) „возьмите меня въ примѣръ“. Подавленный тѣлесными недугами, онъ въ послѣдніе годы жизни любилъ предаваться религіознымъ размышленіямъ и проповѣдывать спасительную силу живой вѣры въ Бога.

Н. И. НОВИКОВЪ.

Новиковъ, Николай Ивановичъ, родился въ 1743 г. [1], въ селѣ Тихвинскомъ (Авдотьиномъ тожъ), Бронницкаго уѣзда, Московской губерніи. Отецъ его, небогатый дворянинъ, не могъ дать ему хорошаго воспитанія, потому что для этого нужны были въ то время немаловажныя средства. Есть извѣстіе, что Новиковъ учился нѣкоторое время въ С.-Петербургской Академіи наукъ, при которой тогда находились гимназія и университетъ [2]. Въ 1758 г. мы уже встрѣчаемъ Новикова въ Московскомъ университетѣ. Вѣроятно онъ поступилъ въ дворянскую гимназію университета въ 1757 г.; въ маѣ 1758 г. Новиковъ былъ указанъ въ числѣ отличившихся учениковъ французскаго класса [3]. Но въ 1759 г. онъ былъ исключенъ изъ университета за нехожденіе во французскіе классы [4]. Молодой Новиковъ уѣхалъ въ Петербургъ на дѣйствительную службу и поступилъ гвардіи въ Измайловскій полкъ; въ 1770 г. онъ вышелъ въ отставку съ чиномъ поручика отъ арміи. Нѣсколько ранѣе началось его литературное поприще.

Если справедливо извѣстіе, что Новиковъ воспитывался сначала въ академической гимназіи, то и тогда нельзя сказать, что онъ получилъ хорошее образованіе. Этого не могла ему дать академическая гимназія съ своими нѣмецкими наставниками, которые слишкомъ мало занимались съ слушателями „изъ славянскаго народа“. Московскій университетъ только-что былъ основанъ; онъ самъ еще не вполнѣ сложился, самъ нуждался въ людяхъ, которые бы могли упрочить его вліяніе на молодое

поколѣніе. Къ тому же Новиковъ пробылъ въ университетѣ недолго; курсъ его былъ прерванъ; онъ долженъ былъ начать свою дѣятельность, не получивъ серьезнаго образованія.

Благодаря своему уму, чистотѣ намѣреній, а можетъ быть какимъ-нибудь случайнымъ, неизвѣстнымъ намъ обстоятельствамъ, Новиковъ глубоко понялъ важность образованія и успѣлъ самъ себя воспитать; при скудости біографическихъ данныхъ трудно сказать, какими вліяніями опредѣлилось образованіе Новикова. Исключеніе изъ университета не убило въ Новиковѣ высшихъ стремленій, не положило конца его развитію; оно только дало ему другое направленіе. Изъ университета онъ исключенъ былъ за нехожденіе во французскіе классы: была ли тому случайная какая-нибудь причина, или просто Новиковъ не чувствовалъ склонности къ французскому языку, но антипатію къ французамъ Новиковъ сохранилъ до конца своей жизни. Въ его литературной дѣятельности она сказывается и отрицательно, и положительно: и въ борьбѣ противъ французскаго воспитанія, и въ постоянномъ служеніи русской исторіи, — этой наукѣ народнаго самопознанія.

Говорятъ, Новиковъ не зналъ иностранныхъ языковъ, или по крайней мѣрѣ знакомъ былъ съ ними не настолько, чтобы чрезъ нихъ познакомиться съ иностранною литературою [5]. Такимъ образомъ онъ попалъ въ многочисленный разрядъ такого рода людей, которымъ обстоятельства, матеріальныя средства, общественное положеніе заграждали путь къ образованію. Какую пищу могла найти любознательность небогатаго человѣка, разъ пробужденная? Не пришлось ли бы ему подавить въ себѣ эти благородные порывы къ знанію? Наконецъ, легко ли было обнаружиться такому стремленію въ людяхъ образованія скуднаго, не говоря уже о необразованномъ большинствѣ? Вотъ тѣ вопросы, которые занимали Новикова, когда онъ выступилъ на поприще журналиста. Онъ взялъ на себя трудную задачу распространить чтеніе, а слѣд. и образованіе въ среднемъ классѣ, пробудить вездѣ живое сознаніе необходимости просвѣщенія, какъ источника твердыхъ нравственныхъ началъ. Этотъ широкій планъ пришелся ко времени: лучшіе люди Екатерининской эпохи сходились въ той мысли, что просвѣщеніе должно создать въ

Россіи „новую породу людей“, которая была бы свободна отъ испорченности и заблужденій отцовъ. Съ рѣдкою энергіею приступилъ Новиковъ къ осуществленію этой идеи; средствами къ тому считалъ онъ литературу и школу.

1769 годъ всегда будетъ памятенъ въ исторіи русской журналистики: здѣсь начало тѣхъ сатирическихъ журналовъ, которые всѣ связаны единствомъ общей мысли и цѣли и имѣютъ прямое отношеніе къ современности. „Всякая Всячина“ Козицкаго начинаетъ собою это „журнальное племя“. Вскорѣ за нею сталъ появляться и „Трутень“, еженедѣльное изданіе Новикова (съ мая 1769 г.). Наши сатирическіе журналы прошедшаго столѣтія имѣли особенный кругъ читателей: большею частію это были люди средняго сословія. Говоря съ ними, нужно было избѣгать условнаго литературнаго языка того времени; онъ могъ быть для нихъ непонятенъ. Миѳологическія имена торжественныхъ одъ были бы неумѣстны на языкѣ человѣка, который обращалъ свою рѣчь къ людямъ полуобразованнымъ; искусственные пріемы современной литературной школы не могли привлечь къ себѣ такого рода читателей; чѣмъ проще, чѣмъ понятнѣе была для нихъ рѣчь писателя, тѣмъ вѣрнѣе достигала она своей цѣли. Языкъ нашихъ сатирическихъ журналовъ такъ же отличается отъ языка торжественныхъ одъ и другихъ произведеній современной литературы, какъ разговоръ отличается отъ книги. Въ „Трутнѣ“, „Всякой Всячинѣ“ и т. п. сохранился нашъ чистый разговорный языкъ XVIII столѣтія, не втиснутый въ тѣсныя рамы чужой конструкціи, не обезображенный вліяніемъ французскаго.

„Благоразумные Государи,—пишетъ „Трутень“, — благоденствіе и добрые обычаи въ подданныхъ своихъ вводили посредствомъ людей науки просвѣщенныхъ“ [6]. Эти „добрые обычаи“ постоянно имѣетъ въ виду „Трутень“, осмѣивая и выставляя на позоръ испорченныя стороны современнаго общества. Журналистика сатирическая дѣятельно распространяла идеи Петровой реформы въ низшей сферѣ народа, — тамъ, куда онѣ еще мало успѣли проникнуть,—старалась уничтожать то, что̀ не было еще низложено преобразовательною десницею Петра. Съ особенною неотвязчивостью преслѣдуетъ „Трутень“ лихоимство, отсутствіе право-

судія и наряда, о которыхъ такъ дѣятельно заботился державный авторъ „Наказа“. Это вопіющее зло тогдашняго общества обрисовываетъ „Трутень“ живыми красками: судьи и приказные сами высказываютъ намъ свою грубую и безнравственную логику. По словамъ „Трутня“, судьи заражены болѣзнію, извѣстною подъ именемъ акциденціи [7]; не брать взятокъ судьи считаютъ за гордость [8], и такіе гордые служители Ѳемиды недолго остаются на мѣстахъ; вотъ почему журналъ вызываетъ желающихъ поставить „въ нѣкоторое присутственное мѣсто до десяти пудъ правосудія“ [9]. Такъ гонитъ Новиковъ лихоимство. На то же направлены были желанія и воля императрицы; издатель „Трутня“ не проходитъ мимо ея мѣръ для прекращенія лихоимства. Судьи „Трутня“ не разъ жалуются на „нынѣшніе указы, которые много у нихъ отняли хлѣба“ [10]. „Сіяющая во всю пространную Россію на престолѣ истина свергаетъ бездѣльниковъ съ мѣста, опредѣленнаго правосудію“ [11]. „Трутень“ указываетъ и корень злой неправды—невѣжество судей, ихъ коснѣніе въ старыхъ понятіяхъ, не озаряемыхъ свѣтомъ образованія: передъ нами встаетъ, кажется, до-петровская Русь, и „Трутень“ мастерски показываетъ намъ, какъ безнравственность сочеталась въ ней съ извращенными понятіями религіозными и въ нихъ искала себѣ оправданія. Отъ образованія ожидаетъ Новиковъ искорененія лихоимства; онъ говоритъ судьѣ: „Старайся знать потребныя для твоего званія науки, безъ нихъ ты никогда не будешь умѣть правильныхъ дѣлать заключеній и догадокъ. Человѣколюбіе и безкорыстіе должны первыми быть путеводителями твоего сердца“ и т. д. [12]. „Трутень“—проповѣдникъ свѣта и гонитель всякой тьмы; онъ честный и вѣрный слуга Петровой реформы. Содержаніе „Трутня“ большею частію одинаково съ содержаніемъ сатиръ Кантемира, воспитаннаго въ идеяхъ преобразованія и впервые давшаго имъ выраженіе въ сатирѣ. Подобно Кантемиру онъ рисуетъ портретъ ханжи [13]; подобно ему смѣется надъ тѣми русскими „щеголями“, которые увлекаются внѣшностью французскаго образованія [14]; которые изъ чужихъ земель привозятъ только извѣстіе, какъ тамъ одѣваются [15], или возвращаются оттуда „учеными дураками“ [16]. Объемъ біографіи не позволяетъ намъ провести подробную параллель между Канте-

миромъ и „Трутнемъ“ Новикова, но сходство поразительно и знаменательно! Сатирикъ временъ Анны Іоанновны и журналистъ вѣка Екатерины II могли сойтись такъ близко только служа одной цѣли. Кантемиръ дѣйствительно былъ литературнымъ наставникомъ Новикова; „Трутень“ продолжаетъ направленіе Кантемира; сознательное уваженіе ученика къ наставнику слышится въ слѣдующемъ отвѣтѣ Новикова одной „щеголихѣ“, которая предпочитала „Трутень“ сочиненіямъ Ѳеофана и Кантемира: „Вы предпочитаете моего „Трутня“ такимъ славнымъ сочинителямъ, *у которыхъ недостоинъ я отрѣшить ремень сапогъ ихъ*“ [17].

Отъ воспитанія ожидалъ Кантемиръ новаго порядка вещей, очищенія грѣховъ и недостатковъ своего времени: съ полнымъ убѣжденіемъ указываетъ Новиковъ на то же живоносное начало. Кантемиръ говоритъ о себѣ:

Сатиру лишь писать намъ сродно,
Въ другомъ неудачливы [18].

Въ „Трутнѣ“ преобладаетъ сатира; его „составляютъ сочиненія сатирическія, критическія и прочія ко исправленію нравовъ служащія“ [19]. „Трутень“ серьезно понимаетъ смѣшное; сатира его отличается юношескою горячностью и благороднымъ увлеченіемъ; это—сатира карающая. Въ ней есть намеки на живыя лица современности; по мнѣнію „Трутня“ они и должны быть, эти намеки [20]; не слѣдуетъ только всего относить къ лицамъ [21]. „Трутню“ нуженъ смѣхъ обличительный [22], глубокій, — значительный, по выраженію Гоголя; онъ „не хочетъ писать сказочки, или что нибудь по смѣшнѣе, такъ какъ другіе писатели журналовъ дѣлаютъ“ [23]; а хочетъ описывать „всѣ старинныя приключенія всего города“ [24]. Къ пороку „Трутень“ не знаетъ пощады и всегда преслѣдуетъ его злобнымъ смѣхомъ. „Всякая Всячина“ (стр. 340) не одобряла за это „Трутня“, говоря, что „похвальнѣе снисходить порокамъ, нежели исправлять оныя“. „Трутень“ допускаетъ такое поведеніе только въ людяхъ „слабой совѣсти, которые порокамъ сшили изъ человѣколюбія кафтанъ“ [25]. „Больше человѣколюбивъ тотъ, кто исправляетъ пороки, нежели тотъ, кто онымъ потакаетъ“ [26].

„Трутень“ издавался съ мая 1769 г. и прекратился въ 1770 году, на 18 листѣ, потому, кажется, что публика не поддержала этого изданія. Въ „Трутнѣ“ 1770 г. сатирическій элементъ ослабѣлъ; этимъ были недовольны читатели; „Трутень“ наскучилъ [27]. Сначала журналъ имѣлъ успѣхъ: первые листы нужно было перепечатывать черезъ три мѣсяца послѣ ихъ выхода [28]; листовъ 1770 г. не покупали „и въ десятую долю противъ прежняго“ [29]. Новиковъ написалъ забавное прощаніе съ читателями, которымъ и кончился „Трутень“. Въ 1772 году онъ приступилъ къ изданію новаго журнала: это былъ знаменитый „Живописецъ“. Онъ зарождался въ то самое время, когда появилась въ свѣтъ комедія императрицы Екатерины: „О время!“. Впечатлѣніе, произведенное комедіею, было сильно; ему поддался Новиковъ, потому что видѣлъ въ ней высокую нравственную цѣль. Здѣсь выводилась на-показъ испорченная часть старой Руси съ ея зловредными соками; въ героинѣ комедіи, Ханжахиной, олицетворяется гнусное ханжество, въ другихъ лицахъ комедіи—суевѣріе и безсмысленная вѣра въ букву, вѣра въ дѣйствіе мертваго обряда. Подъ вліяніемъ этой піесы принялся Новиковъ за „Живописца“, который и былъ посвященъ неизвѣстному сочинителю комедіи „О время!“. Новиковъ самъ говоритъ въ посвященіи своего изданія императрицѣ Екатеринѣ: „Вы открыли мнѣ дорогу, которой я всегда страшился: возбудили во мнѣ желаніе подражать вамъ въ похвальномъ подвигѣ, исправлять нравы своихъ единоземцевъ; вы поощрили меня испытать въ томъ свои силы; и дай Боже, чтобы читатели въ листахъ моихъ находили хотя нѣкоторое подобіе той соли и остроты, которыя оживляютъ ваше сочиненіе“. „Живописецъ“ совершенно сошелся съ комедіею императрицы въ изображеніи своего времени: въ послѣдней есть мѣста и выраженія, которыя были бы для насъ непонятны, если бы мы не имѣли „Живописца“: между журналомъ Новикова и комедіею Екатерины „О время!“ — тѣсная, живая связь. Отношеніе императрицы къ литературѣ и писателямъ во многомъ опредѣлило характеръ и форму ихъ произведеній. Своими трудами не подкрѣпляла ли императрица того направленія и тѣхъ стремленій, которыя такъ ясно выразились въ „Трутнѣ“? „О время!“ не было ли оправданіемъ ему? Вотъ

почему лучшія статьи „Трутня“ цѣликомъ перешли въ новый журналъ Новикова; вотъ почему въ „Живописцѣ“ нападки его на общество сдѣлались смѣлѣе и энергичнѣе; вотъ почему въ „Живописцѣ“ болѣе единства, чѣмъ въ „Трутнѣ“. Среда, на которую падали удары, не измѣнилась; богатые матеріалы представляла она наблюдательному уму сатирика.

„Живописецъ“ изображаетъ такія стороны современнаго общества, которыя или слегка, или даже совершенно не были затронуты „Трутнемъ“. Образъ жизни французскаго общества легко прививался къ нашему высшему кругу, который въ совершенствѣ усвоилъ себѣ французскую manière de vivre. „Живописецъ“ прекрасно знакомитъ насъ съ этими поклонниками и поклонницами французской моды, которыхъ онъ называетъ щеголями и щеголихами; это любимыя личности его писемъ. У нихъ свой взглядъ на значеніе жизни, свои обычаи, свой языкъ. Науки они, конечно, не знаютъ и боятся; образъ жизни ихъ наиболѣе удаленъ отъ русскаго, стариннаго; языкъ ихъ — смѣсь русскихъ выраженій, которымъ они придали условное значеніе, съ галлицизмами. Этимъ модникамъ непремѣнно хочется отдѣлиться отъ толпы, ихъ окружающей, и внутренними, и внѣшними достоинствами. Ихъ обычаи давно занесены на Русь, давно слышится въ обществѣ ихъ модное щегольское нарѣчіе. Сумароковъ въ комедіяхъ своихъ копируетъ ихъ языкъ и манеру; ко временамъ Екатерины II образъ ихъ сложился вполнѣ, опредѣлился яснѣе: виднѣе стали его главныя особенности. Съ двухъ сторонъ разсматриваетъ ихъ „Живописецъ“. Онъ беретъ сначала ихъ пустую, не наполненную никакимъ благороднымъ, серьезнымъ содержаніемъ жизнь, которая ставитъ ихъ въ рѣзкое противорѣчіе, мало того, во враждебное отношеніе къ нашей старинѣ; а эта старина дорога Новикову своею нравственною стороною. Не то чтобы онъ хотѣлъ возвращенія къ ней или безусловнаго благоговѣнія; онъ хотѣлъ удержать ея свѣтлыя стороны, патріархальную простоту ея быта, которую щеголихи мѣняли на ту вольную жизнь французскаго общества, въ которой гибло семейное начало. Вотъ какой статьи желаетъ одинъ изъ корреспондентовъ „Живописца“: „Напишите что ни на есть такое, что бы заранѣе дочерей моихъ устрашить могло отъ того, если

бы они, вышедъ замужъ, похотѣли мужнинъ домъ оставить, или, смотря на другихъ, по модѣ съ ними развестися. Представьте имъ въ забавномъ слогѣ, сколь соблазнительны таковые разводы для общества... Но чтобы дерево съ корня срубить разомъ, то пожалуйте введите въ сіи новаго рода проповѣди и то, что молодымъ, отъ одного слова любви, пригожѣе краснѣть, нежели имѣть его въ безпрестанномъ употребленіи“ [30]. Образъ жизни щеголей и щеголихъ служитъ уже намъ порукою, что ихъ не коснулось истинное просвѣщеніе, что они прямые его враги. Щеголиха говоритъ: „Какъ глупы тѣ люди, которыя въ наукахъ самыя прекрасныя лѣта погубляютъ. Ужесть, какъ смѣшны ученыя мущины; а наши сестры ученыя — О! они то совершенныя дуры. Безпримѣрно, какъ они смѣшны!“ [31] Наконецъ, въ одномъ изъ листковъ „Живописца“ напечатанъ былъ и „Опытъ моднаго щегольскаго нарѣчія“ [32], представлены даже образчики разговоровъ щеголихи. Рядомъ съ этими забавными страницами „Живописца“ мы находимъ въ немъ картины мрачныхъ сторонъ современнаго Новикову общества, картины того варварства, которое съ такою истиною выразилось въ типической фигурѣ Простаковой. „Живописецъ“ въ этомъ случаѣ дополняетъ и объясняетъ „Трутня“. Нельзя не обратить особеннаго вниманія на „Отрывокъ путешествія въ *** И ***“ Т ***“ [33], гдѣ густота красокъ и смѣлость нападенія такъ поразительны, что самъ издатель счелъ нужнымъ прибавить въ видѣ оговорки: „Сіе сатирическое сочиненіе подъ названіемъ путешествія въ *** получилъ я отъ г. И. Т., съ прошеніемъ, чтобы оно помѣщено было въ моихъ листахъ. Естьли бы это было въ то время, когда умы наши и сердца заражены были Французскою націею, то не осмѣлился бы я читателя моего поподчивать съ этого блюда; потому что оно приготовлено очень солоно, и для нѣжныхъ вкусовъ благородныхъ невѣждъ горьковато. Но нынѣ премудрость, сидящая на престолѣ, истинну покровительствуетъ во всѣхъ дѣяніяхъ“. Въ такомъ духѣ писаны были статьи въ журналахъ Новикова. „Живописецъ“ имѣлъ большой успѣхъ и перепечатанъ былъ нѣсколько разъ [34]. Гораздо однообразнѣе и безцвѣтнѣе „Кошелекъ“ Новикова, — журналъ, выходившій въ 1774 году. Посвящая это сочиненіе отечеству, издатель исклю-

чительною его цѣлью поставилъ противодѣйствіе французскому вліянію; но это противодѣйствіе не успѣло выразиться въ полной силѣ, потому что „Кошелекъ“ прекратился на девятомъ листѣ: характеръ неоконченнаго, недосказаннаго лежитъ на всемъ изданіи [35]. Не говоря о другихъ журналахъ, приписываемыхъ Новикову [36], перейдемъ къ другой сторонѣ его дѣятельности.

Новиковъ такъ ясно видѣлъ высокую нравственную силу литературы, какъ немногіе изъ его современниковъ. Съ уваженіемъ и любовію смотрѣлъ онъ на честныхъ и безкорыстныхъ ея дѣятелей; память о нихъ дорога была для Новикова. Въ 1772 г. онъ издалъ „Опытъ историческаго словаря о Россійскихъ писателяхъ“, желая „спасти отъ забвенія людей, прославившихся въ Россіи“. Книга эта собрана Новиковымъ „изъ разныхъ печатныхъ и рукописныхъ книгъ, сообщенныхъ извѣстій и словесныхъ преданій“. Однимъ изъ важныхъ печатныхъ источниковъ „Словаря о Россійскихъ писателяхъ“ была статья, напечатанная въ „Neue Bibliothek der schönen Wissenschaften“ (B. VII, St. I u. II). На нее ссылается Новиковъ (не совсѣмъ вѣрно указывая время и мѣсто ея появленія) въ предисловіи къ „Словарю“ и указываетъ на нѣкоторые ея недостатки; та же статья „Русскаго путешественника“ явилась потомъ съ нѣкоторыми измѣненіями на французскомъ языкѣ въ Ливорно въ 1771 году. „Словарь“ Новикова, можно сказать, легъ въ основу труда митрополита Евгенія, который часто дословно повторяетъ статьи Новиковскаго „Словаря“. Пользуясь разными источниками, Новиковъ успѣлъ однако сохранить свой самостоятельный взглядъ на дѣятельность русскихъ писателей. Заимствуя, напр., нѣкоторыя свѣдѣнія изъ статьи „Русскаго путешественника“, онъ совершенно расходится съ нимъ во мнѣніи о прозаическихъ переводахъ Фонъ-Визина [37]. Иногда судъ его надъ писателемъ оказывается въ противорѣчіи съ мнѣніемъ большинства. Новиковъ, напр., не увлекается одами Петрова и очень справедливо замѣчаетъ: „Онъ напрягается итти по слѣдамъ Россійскаго Лирика; и хотя нѣкоторые и называютъ уже его вторымъ Ломоносовымъ; но для сего сравненія надлежитъ ожидать важнаго какого нибудь сочиненія, и послѣ того заклю-

чительно сказать, будетъ ли онъ вторый Ломоносовъ, или останется только Петровымъ и будетъ имѣть честь слыть подражателемъ Ломоносова“ [38]. Этотъ отзывъ оскорбилъ Петрова, который въ современной ему литературѣ не встрѣчалъ такой неблагосклонной оцѣнки. Петровъ могъ увидать въ ней пристрастіе и чистосердечно жаловаться на несправедливость къ нему „Словаря“. Въ одномъ изъ своихъ посланій онъ говоритъ о Новиковѣ:

„Словарникъ знаетъ все, въ комъ умъ глубокъ, въ комъ мелокъ;
Разсудковъ и добротъ онъ вѣрный есть оселокъ,
Кто съ нимъ ватажился, былъ другъ ему и братъ,
Во святцахъ тотъ его не меньше, какъ Сократъ“ [39].

И не одинъ Петровъ не могъ примириться съ собирателемъ „Словаря“; многихъ писакъ и писателей оскорбляла его легкая критика. Наивныя жалобы и неприличныя сатиры приходилось выслушивать Новикову. Люди, которые и не предчувствовали истинной цѣли критики, которые видѣли въ ней только изліяніе личной непріязни, старались отплатить „Словарю“ критикою въ томъ смыслѣ, въ какомъ сами ее понимали. Одинъ изъ плохихъ піитовъ того времени, Ѳедоръ Козельскій [40], написалъ „Размышленіе о зависти“, въ которомъ не только заподозриваетъ безпристрастіе Новикова, но смѣется и надъ наружностью его.

Любопытны эти изліянія оскорбленнаго самолюбія не только для характеристики нашихъ старыхъ литературныхъ нравовъ, но и для объясненія той роли, которую тогда играла критика въ литературѣ. Новиковскій „Трутень“ не разъ осмѣивалъ комедіи Лукина, не забывая и самого комика надѣлять рѣзкими эпитетами; форма, которую Козельскій далъ своимъ нападкамъ на „Словарь“, для того времени была очень обыкновенная. Но критики не знала и не хотѣла признавать русская литература XVIII ст.,—критики даже въ томъ смыслѣ, въ какомъ разумѣлъ ее Новиковъ. Борьба противоположныхъ литературныхъ направленій, а слѣдовательно взаимная оцѣнка одного другимъ, конечно, была; но торжественная ода, епистола и т. п. пользовались правомъ гражданства въ литературѣ, и невыгодное мнѣ-

ніе о нихъ, печатно высказанное, считалось бранью. У Новикова не было тѣхъ условій, которыя необходимы для того, чтобы дать критикѣ ея настоящее значеніе; но онъ горячо сочувствовалъ всякому чистому стремленію къ добру и просвѣщенію, въ какой бы формѣ оно ни выражалось; онъ умѣлъ оцѣнить это стремленіе въ писателѣ и открыто выразить свое уваженіе къ людямъ, имя которыхъ вызывало часто насмѣшки въ большинствѣ. Извѣстно, что произведенія Тредьяковскаго не пользовались уваженіемъ [41] и въ прошломъ столѣтіи; однако Новиковъ не задумался назвать его „вѣчной похвалы достойнымъ мужемъ", потому „что онъ первый открылъ въ Россіи путь къ словеснымъ наукамъ, а паче къ стихотворству: причемъ былъ первый стихотворецъ и первый, положившій толико труда и прилѣжанія въ переводѣ на Россійскій языкъ преполезныхъ книгъ" [42]. Такъ постоянно вѣренъ Новиковъ мысли, что литература должна быть распространительницею просвѣщенія; эта мысль служитъ ему мѣриломъ при оцѣнкѣ писателя. Необходимость критики глубоко сознавалъ Новиковъ, хотя, можетъ быть, и не въ состояніи былъ выяснить себѣ ея требованія, а еще менѣе удовлетворить имъ. Онъ задумалъ даже издавать „періодическіе листки", для критической оцѣнки разныхъ сочиненій, выходившихъ на русскомъ языкѣ, и въ видѣ дополненія къ „Словарю о писателяхъ". Составилось общество для изданія такихъ листковъ [43], и въ 1777 г. появились „Санктпетербургскія Ученыя Вѣдомости" съ начала марта; предполагали издать 52 нумера, но журналъ не былъ доведенъ до конца, вѣроятно потому, что мало нашелъ читателей. И въ самомъ дѣлѣ, многіе ли могли оцѣнить важность такого предпріятія и найти интересъ въ „Ученыхъ Вѣдомостяхъ"? Издатели сами чувствовали шаткое положеніе „Вѣдомостей" въ литературѣ и при самомъ началѣ испрашивали правъ на „благородную критику". „Критическое разсмотрѣніе издаваемыхъ книгъ и прочаго (говорятъ они) есть одно изъ главнѣйшихъ намѣреній при изданіи сего рода листовъ, и по истиннѣ можетъ почитаться душею сего тѣла, то и спрашиваемъ мы у просвѣщенныя нашея Публики, да позволится намъ вольность благородныя критики. Не желаніе осуждать дѣянія другихъ насъ къ сему побуждаетъ, но польза общественная; по-

сему и не уповаемъ мы сею поступкою нашею огорчить благоразумныхъ писателей, издателей и переводчиковъ; тѣмъ паче что во критикѣ нашей будетъ наблюдаема крайняя умѣренность, и что она съ великою строгостью будетъ хранима во всѣхъ предѣлахъ благопристойности и благонравія". Образцомъ для „Ученыхъ Вѣдомостей" должны были служить подобныя же изданія въ Европѣ. „Сочиненія сего рода обыкновенно почти вмѣщаютъ въ себѣ увѣдомленіе о напечатанныхъ книгахъ во всей Европѣ, съ присовокупленіемъ критическихъ онымъ разсмотрѣній; вносятся также въ оныя земные и морскіе чертежи, эстампы и проч.; извѣстія о дѣлахъ ученыхъ и объ успѣхахъ ихъ въ наукахъ также занимаютъ здѣсь мѣсто; короче сказать, все, что ни происходитъ въ *Ученомъ Свѣтѣ*, то все обрѣтаетъ мѣсто въ сихъ сочиненіяхъ". Но россійскій ученый свѣтъ" не много доставлялъ матеріаловъ для изданія ученыхъ вѣдомостей; Новикову часто приходилось говорить только о своей „Древней Вивліоѳикѣ"; на 22-мъ нумерѣ „Вѣдомости" прекратились. Въ „Вѣдомостяхъ" помѣщены были похвальныя надписи Кантемиру [44], Ѳеофану Прокоповичу и др.

Новиковъ желалъ привлечь сочувствіе русскихъ къ родной старинѣ, научить ихъ уважать свою народность и любить отечественную исторію. Въ вѣкъ Екатерины II къ русской исторіи обращаются съ тѣмъ, чтобы показать, что до-петровская Россія имѣла много добрыхъ и свѣтлыхъ сторонъ; стараются защитить ее отъ нареканій иноземцевъ и своихъ и этимъ обращеніемъ къ своей народности дать противодѣйствіе французскому вліянію. В. Н. Татищевъ хорошо понялъ, съ чего должна быть начата обработка русской исторіи въ залогъ ея будущаго успѣха. Онъ высказалъ желаніе, чтобы святѣйшій синодъ повелѣлъ „во всѣхъ монастырѣхъ, всякія древнія письменныя книги, тетради, грамоты и прочія обстоятельно описать и подъ именемъ *Русской библіотеки* напечатать" [45]. Новиковъ является исполнителемъ мысли Татищева, но въ болѣе обширныхъ размѣрахъ. Съ 1773 г. началъ онъ издавать помѣсячно „Древнюю Россійскую Вивліоѳику, или собраніе древностей Россійскихъ, до Россійскія исторіи, географіи и генеалогіи касающихся". Не одну разработку русской исторіи имѣлъ въ виду Новиковъ, печатая

здѣсь разнообразные памятники нашей старины. „Вивліоѳика“ отчасти имѣла ту же цѣль, къ которой стремился и „Трутень“; потому, можетъ быть, Новиковъ иногда позволялъ себѣ подновлять языкъ издаваемыхъ имъ памятниковъ [46]. Ему хотѣлось познакомить съ нашею стариною возможно бо̀льшій кругъ читателей; отъ нея ожидалъ онъ исцѣленія своимъ соотечественникамъ отъ пристрастія къ иноземному. „Не всѣ у насъ еще, слава Богу! заражены Франціею; но есть много и такихъ, которые съ великимъ любопытствомъ читать будутъ описанія нѣкоторыхъ обрядовъ, въ сожитіи предковъ нашихъ употреблявшихся; съ неменьшимъ удовольствіемъ увидятъ нѣкое начертаніе нравовъ ихъ и обычаевъ, и съ восхищеніемъ познаютъ великость духа ихъ, украшеннаго простотою. Полезно знать правы, обычаи и обряды древнихъ чужеземскихъ народовъ; но гораздо полезнѣе имѣть свѣдѣніе о своихъ прародителяхъ; похвально любить и отдавать справедливость достоинствамъ иностранныхъ; но стыдно презирать своихъ соотечественниковъ, а еще паче и гнушаться оными. Наполненные Сенскимъ воздухомъ, сограждане наши станутъ, можетъ быть, пересмѣхать суевѣріе и простоту, или по ихъ глупость, нашихъ праотцевъ; но одни ли Россіяне подвержены были сему пороку? Пусть припомнятъ господа наши полуфранцузы день Святаго Варѳоломея: тогда не должно будетъ удивляться, что у насъ нѣкоторые частные люди отъ суевѣрія пострадали“ [47]. Нашихъ полуфранцузовъ Новиковъ называетъ „кощунами, ненавидящими свое отечество“. Императрица Екатерина поощряла и поддерживала изданіе „Древней Россійской Вивліоѳики“ въ самомъ его началѣ. Узнавши о предпріятіи Новикова, она прислала къ нему черезъ Козицкаго много разныхъ рукописей изъ комнатной своей библіотеки; вслѣдъ затѣмъ именнымъ указомъ предписано было Миллеру сообщать Новикову для напечатанія рукописи изъ архива иностранныхъ дѣлъ; кромѣ того пожаловано издателю 2000 рублей [48]. Въ первые два года издано 6 частей (по 4 мѣсяца въ каждой); съ 1775 г. „Вивліоѳика“ издавалась по частямъ, а не помѣсячно; такимъ образомъ издано было 10 частей. Впослѣдствіи Новиковъ сдѣлалъ второе изданіе ея, „вновь исправленное, умноженное и въ порядокъ хронологическій по возможности приведенное“ (20 ча-

стей. М., 1788—1791); Академія издала „Продолженіе Древней Россійской Вивліоѳики“ (11 частей, 1786—1801, Спб.). Въ 1775 г. Новиковъ объявилъ подписку на новое періодическое изданіе въ Москвѣ—„Сокровище Россійскихъ Древностей“. О немъ М. Н. Муравьевъ писалъ къ одному изъ своихъ пріятелей, Карманову: „Извѣстный вамъ издатель „Россійской Древней Вивліоѳики“ пригласилъ меня къ изданію одного ежемѣсячнаго сочиненія, которое будетъ состоять по большей части изъ переводовъ, касающихся вообще до нравоученія и исторіи и котораго первый мѣсяцъ будетъ печататься въ сентябрѣ. Вы можете себѣ представить, что я говорилъ съ нимъ и объ васъ. Онъ просилъ у меня рукописи вашей Тверской исторіи и она теперь у него. Мы съ нимъ разсуждали о необходимости имѣть людей способныхъ замѣчать всѣ примѣчанія достойныя вещи и приключенія въ городахъ. Родъ новаго сочиненія, которое его теперь занимаетъ, очевиднымъ тому доказательствомъ. Заглавіе онаго есть: „Сокровище Россійскихъ Древностей“. Первая часть, которая почти вся отпечатана, заключаетъ въ себѣ описаніе трехъ первѣйшихъ Московскихъ соборовъ, зачиная съ Архангельскаго“ [49]. Но это предпріятіе не осуществилось, и уже въ ноябрѣ 1775 г. университетскій коммиссіонеръ и переплетчикъ Кристіанъ Ридигеръ объявляетъ, чтобы „подписавшіеся на книгу „Сокровище Россійскихъ Древностей“ изволили прислать для полученія обратно своихъ денегъ: ибо издатель онаго издавать не намѣренъ“ [50]. Но въ слѣдующемъ году неутомимый Новиковъ напечаталъ первую часть вновь задуманнаго изданія—„Повѣствователь Древностей Россійскихъ, или Собраніе разныхъ достопамятныхъ записокъ, служащихъ къ пользѣ Исторіи и Географіи Россійской“ (часть I, № 1, Спб.). Оно можетъ назваться и по духу, и по содержанію продолженіемъ „Древней Россійской Вивліоѳики“; въ предисловіи тѣ же упреки „молодымъ нашимъ господамъ, которые заражены французскими натуральной системы книгами, пудрою, помадою, картами, праздностію и всякими наружными украшеніями и безполезными увеселеніями“. Изданіе не имѣло продолженія; публика еще не была пріучена находить интересъ и поучительность въ памятникахъ прошедшей жизни русскаго народа, и напрасно указывалъ Новиковъ на живыя ихъ стороны; боль-

шинство холодно и равнодушно слушало эту проповѣдь, а издатель „Трутня“ желалъ въ сферу литературы ввести массу; медленный успѣхъ изданія въ избранныхъ кружкахъ не удовлетворялъ его любимымъ мечтамъ, его лучшимъ упованіямъ. Періодическихъ изданій, спеціально посвященныхъ обнародованію источниковъ по русской исторіи, Новиковъ болѣе не предпринималъ; но русская исторія всегда привлекала его особенное сочувствіе, памятниками котораго остались: „Древняя Россійская Идрографія“, „Скиѳская Исторія“, „Исторія о невинномъ заточеніи боярина Матвѣева“ и многія другія изданія, которыхъ не можемъ исчислить по самому объему біографіи. Успѣхъ „Живописца“ навелъ Новикова на новую мысль. Тщеславія приписывать его своимъ личнымъ способностямъ у Новикова не было. „Будучи о дарованіяхъ своихъ весьма умѣреннаго мнѣнія (писалъ онъ впослѣдствіи), лучше соглашаюсь вѣрить тому, что сіе сочиненіе попало на вкусъ мѣщанъ нашихъ; ибо у насъ тѣ только книги третьими, четвертыми и пятыми изданіями печатаются, которыя симъ простосердечнымъ людямъ, по незнанію ихъ иностранныхъ языковъ, нравятся; люди же, разумы свои знаніемъ Французскаго языка просвѣтившіе, полагая книги въ число головныхъ украшеній, довольствуются всѣми головными уборами, привозимыми изъ Франціи; какъ-то: пудрою, помадою, книгами и проч. Въ подтвержденіе сего моего мнѣнія служатъ тѣ книги, кои отъ просвѣщенныхъ людей никакого уваженія не заслуживаютъ и читаются одними только мѣщанами; сіи книги суть: „Троянская исторія“, „Синопсисъ“, „Юности честное зерцало“, „Совершенное воспитаніе дѣтей“, „Азовская исторія“, и другія нѣкоторыя. Напротивъ того, книги, на вкусъ нашихъ мѣщанъ не попавшія, весьма спокойно лежатъ въ хранилищахъ, почти вѣчною для нихъ темницею назначенныхъ“ [51]. Вотъ къ какому выводу привелъ Новикова „Живописецъ“: онъ видѣлъ готовую и воспріимчивую для образованія почву не въ высшемъ сословіи, которое, „полагая книги въ число головныхъ украшеній, довольствуется всѣми головными уборами, привозимыми изъ Франціи“; эту нетронутую почву, нуждавшуюся въ плодотворныхъ сѣменахъ и въ терпѣливомъ трудѣ разумнаго сѣятеля, представляли мѣщане, средній классъ, люди „простосердечные“, которые по-

стороннему вліянію не противопоставили бы никакихъ заднихъ идей, никакихъ предубѣжденій, пристрастій и привычекъ. Этимъ-то людямъ и посвятилъ Новиковъ свою дѣятельность; и школу, и литературу пустилъ онъ въ ходъ, чтобы по возможности вести средній классъ къ просвѣщенію. Новиковъ можетъ быть вполнѣ названъ создателемъ мѣщанской литературы; она, правда, существовала и до него, но въ зародышѣ, въ отдѣльныхъ, не частыхъ проявленіяхъ, благодаря скромному самопожертвованію и непритязательной дѣятельности Кургановыхъ, Чулковыхъ, Лукиныхъ и другихъ, имена которыхъ не дошли до насъ... Но то были попытки разрозненныя, временныя; тамъ и сямъ выбивался ключъ изъ земли: Новиковъ сознательно, обдуманно *всей* литературѣ стремился дать это направленіе. Самъ онъ сталъ въ центрѣ этого новаго движенія нашей литературы; около него собирался кружокъ, исполнявшій его мысль и волю въ обширныхъ размѣрахъ. Началось это дѣло въ Петербургѣ, лучшаго (къ сожалѣнію, нельзя сказать: полнаго) развитія достигло въ Москвѣ, которая давала болѣе простора дѣятельности Новикова. Переломъ совершился въ судьбѣ и дѣятельности Новикова, когда онъ переселился въ Москву. Кругъ дѣйствій его расширился; много помощниковъ нашелъ онъ своему литературному дѣлу; мало-по-малу около него начала собираться университетская молодежь; около него, можно сказать, возникала и крѣпла *его* литературная школа. Но уже другой оттѣнокъ приняли изданія Новикова; на него самого вліяли новые люди и новое ученіе. Въ 1779 г. онъ познакомился съ Шварцемъ, главою московскихъ мистиковъ, и съ этихъ поръ жизнь и общественная дѣятельность Новикова связывается съ судьбою того кружка, во главѣ котораго стоялъ профессоръ Шварцъ [52].

Новиковъ увлеченъ былъ мистическимъ ученіемъ его и сдѣлался однимъ изъ самыхъ жаркихъ поклонниковъ масонства: сближенію его съ Шварцемъ содѣйствовало тождество ихъ стремленій. Могучая сила создавалась изъ союза этихъ людей, взаимно подкрѣплявшихъ и дополнявшихъ другъ друга. Восторженный мистикъ, принимавшій къ сердцу интересы просвѣщенія, рѣшился учредить общество, которое „поддержало бы типограф-

ское предпріятіе Новикова переводомъ и изданіемъ полезныхъ книгъ". При содѣйствіи нѣкоторыхъ богатыхъ дворянъ Шварцъ успѣлъ открыть въ 1782 г. при Московскомъ университетѣ филологическую семинарію и составить *„Дружеское Ученое общество"*, котораго главными заботами было воспитаніе и переводъ полезныхъ книгъ. Оно было торжественно открыто 6-го ноября 1782 года и находилось подъ покровительствомъ московскаго главнокомандующаго графа З. Г. Чернышева и митрополита Платона. Ученое Дружеское общество содержало на своемъ иждивеніи до 30-ти студентовъ въ Московскомъ университетѣ, составлявшихъ филологическую семинарію. Въ число студентовъ-переводчиковъ принимались особенно воспитанники семинарій; общество содержало ихъ въ своемъ домѣ, въ Армянскомъ переулкѣ, гдѣ теперь находится Лазаревскій институтъ; Шварцъ имѣлъ за ними особенный надзоръ [53]. Можно сказать, что руками этой молодежи, хотя мыслію и волею Дружескаго общества, перенесены были въ русскую литературу многія произведенія литературъ иностранныхъ и цѣлая отрасль литературы религіозно-нравственной. Еще въ 1781 году Шварцъ учредилъ собраніе университетскихъ питомцевъ, которые должны были изъ своихъ сочиненій и переводовъ составлять журналъ въ пользу бѣдныхъ. Такъ произошли „Московское Изданіе", „Вечерняя Заря" и „Покоящійся Трудолюбецъ".

Съ 1-го мая 1779 г. Новиковъ по контракту взялъ въ содержаніе университетскую типографію, на десять лѣтъ, съ платежомъ университету ежегодно по 4500 р., производя сверхъ того всѣмъ типографскимъ служителямъ жалованье и заработныя деньги отъ себя [54],—съ тѣмъ, чтобы печатать въ ней книги различнаго содержанія. Отсюда начинается блестящая пора книгопродавческой и литературной дѣятельности Новикова. Конечно, не надежда на барыши заставила его взять на свои руки университетскую типографію и начать торговлю книгами: такого рода занятіе въ то время не могло обѣщать у насъ ничего, кромѣ потерь и пожертвованій. Въ 1753 г. въ Москвѣ не было ни одной книжной лавки [55]: вѣрно, невелика была потребность въ книгахъ. Желавшіе нажить деньги такимъ товаромъ не считались и торговцами. „Естьли книгами и перебивали нѣкоторые част-

ные люди, то безъ всякой коммерческой дальновидности; и гдѣ же?—Стыдно сказать, въ Толкучемъ, вмѣстѣ съ желѣзными обломками, на ряду съ подовыми, на рогожкахъ, или на тѣхъ самыхъ ларяхъ, въ кои на день цѣпныхъ собакъ запирали; такъ что и подойти бывало страшно“ [56]. Въ такомъ состояніи находилась у насъ книжная торговля, когда Новиковъ приступилъ, наконецъ, къ исполненію давнишняго своего желанія—вывести ее изъ жалкаго положенія и по возможности облегчить распространеніе книгъ въ публикѣ. Еще въ „Живописцѣ“ говорилъ онъ: „Торговля книгами по существу своему весьма достойна того, чтобы о ней лучшее имѣли понятіе, и большее бы прилагалось стараніе о распространеніи оныя въ нашемъ отечествѣ, нежели какъ было до нынѣ.—Но недовольно сего, чтобы только печатать книги, а надобно имѣть попеченіе о продажѣ напечатанныхъ книгъ“ [57]. Еще въ „Живописцѣ“ Новиковъ показывалъ, какъ трудно жителямъ провинціи покупать книги, и съ какимъ повышеніемъ цѣны сопряжена бываетъ такая покупка. Впрочемъ въ 1772 г. Новиковъ не распространялся объ этомъ предметѣ въ своемъ журналѣ, говоря: *„не убо пріиде часъ“*. Теперь этотъ часъ пришелъ, и издатель „Живописца“ приступилъ къ дѣлу съ своею обычною дѣятельностью, энергіею и вѣрнымъ практическимъ взглядомъ на средства и желанія своихъ покупателей. Въ два года онъ успѣлъ привести университетскую типографію въ такое состояніе, что, по свидѣтельству Шварца, немного подобныхъ можно было указать въ Европѣ. По словамъ Карамзина, онъ торговалъ книгами, какъ богатый „Голландскій или Англійскій купецъ торгуетъ произведеніями всѣхъ земель; т. е. съ умомъ, съ догадкою, съ дальновиднымъ соображеніемъ“ [58]. Распространивши книжную торговлю въ Москвѣ, Новиковъ старался учредить ее и въ другихъ городахъ, употреблялъ для того всѣ зависящія отъ него средства и дошелъ наконецъ до того, что книги, означенныя въ издававшихся имъ росписяхъ, можно было получать въ Ярославлѣ, Смоленскѣ, Вологдѣ, Твери, Казани, Тулѣ, Богородицкѣ, Глуховѣ, Кіевѣ. Онъ объявлялъ не разъ: „Естьли кому угодно будетъ продажу сихъ книгъ учредить и въ другихъ городахъ Россійской Имперіи: таковые могутъ адресоваться письменно или самолично въ книжную

лавку, гдѣ всевозможное къ тому вспомоществованіе оказано будетъ; ибо въ оной принято намѣреніе доставить почтеннымъ любителямъ Россійской Литературы всевозможную способность въ сообщеніи и всевозможныя выгоды въ цѣнахъ книгъ“ [59]. Какъ торговалъ Новиковъ въ Москвѣ, лучше всего показываетъ одинъ случай, разсказанный Лабзинымъ. Однажды при немъ вошелъ въ книжную лавку какой-то любитель чтенія и, не получивши романовъ („Маркизъ Глаголь“, „Клевеландъ“, „Желѣзная маска“), которыхъ требовалъ, отправился съ выговоромъ къ содержателю типографіи. Новиковъ извинился тѣмъ, что печатаютъ только то, что̀ принесутъ переводчики; „но (прибавилъ онъ) за неимѣніемъ такихъ, какихъ вы желаете, прошу принять отъ меня, какія есть“, и отпустилъ его съ связкою духовныхъ книгъ. „И такъ (заключаетъ Лабзинъ) кромѣ издержекъ на плату переводчикамъ и на напечатаніе книгъ, надлежало еще дарить книгами и богатыхъ людей, чтобы пріучить ихъ къ чтенію оныхъ“ [60]. Разумѣется, убѣжденія, выражавшіяся въ такихъ блестящихъ формахъ, должны были вселять горячую симпатію въ людяхъ, окружавшихъ Новикова; примѣръ его скоро нашелъ подражателей, особенно благодаря содѣйствію профессора Шварца.

Указомъ 15-го января 1783 г. повелѣно не отличать типографій для печатанія книгъ отъ прочихъ фабрикъ и рукодѣлій; поэтому каждому позволено было по собственной волѣ заводить типографіи, не требуя ни отъ кого дозволенія, а только давая знать о заведеніи типографіи Управѣ благочинія [61]. Дружеское общество скоро воспользовалось этимъ благодѣтельнымъ позволеніемъ и въ томъ же году открыло въ Москвѣ три новыя типографіи. Въ этихъ-то вольныхъ типографіяхъ и печатались книги мистическаго и религіознаго содержанія.

Въ Петербургѣ, въ 1777 г., началъ Новиковъ изданіе журнала „Утренній Свѣтъ“ и привелъ его къ окончанію въ Москвѣ, въ 1780 г. [62]. Едва успѣлъ онъ переселиться въ древнюю столицу, какъ уже нашелъ для своего изданія новыхъ и полезныхъ сотрудниковъ въ студентахъ Московскаго университета, состоявшихъ на иждивеніи Прокофія Акинѳіевича Демидова. Уже на „Утреннемъ Свѣтѣ“ можемъ мы замѣтить слѣды совершенно новаго вліянія. Сатира отодвинулась здѣсь на задній

планъ, уступивши мѣсто чисто дидактической морали. Здѣсь Новиковъ уже прямо высказываетъ мысль, что „все пространное поле наукъ и художествъ преобратилось бы въ пустое и безплодное мечтаніе, ежели бы оныя не стремились къ исправленію человѣческаго сердца, къ споспѣшествованію человѣческому благополучію и къ разширенію души и силъ ея“. Такъ, непризнанная и непонятая мысль Кантемира, что просвѣщеніе есть источникъ нравственнаго перерожденія и совершенства, вошла въ убѣжденіе писателей Екатерининскаго вѣка и сдѣлалась двигателемъ русской литературы. Отъ отрицательнаго способа дѣйствій Новиковъ перешелъ къ положительному, къ нравоученію догматическому, въ которое внесъ и религіозный элементъ. „Теперь (говоритъ онъ) все пространное поле высокаго, средняго и общаго нравоученія открыто нашему труду“. Онъ, правда, не отказывался отъ сатиры, отъ этого оружія, которымъ онъ привыкъ владѣть такъ легко и свободно [63]; но во всѣхъ трехъ годахъ новаго журнала найдемъ не болѣе трехъ сатирическихъ статей: все прочее составляютъ статьи нравоучительныя. „Нравоученіе есть наука настоящаго и будущаго блаженства, для временной и вѣчной жизни; слѣд. оно есть изо всѣхъ наукъ самое полезнѣйшее, нужнѣйшее и необходимое“ [64]. Издатель глубоко вѣритъ въ силу и дѣйствіе нравоученія: „Самый непорядочный человѣкъ не долго будетъ противиться, естьли о его заблужденіяхъ станутъ ему доказывать кроткимъ образомъ“. Какъ видно, сближеніе съ Шварцемъ укротило горячія вспышки гражданскаго негодованія Новикова; смѣлыя обличенія „Живописца“ смѣнились смиренною проповѣдью, нравоучительными лекціями въ духѣ Геллерта, переводами нравственныхъ сочиненій изъ древнихъ и новыхъ писателей. Даже скучная, устарѣлая для большинства форма нравоучительнаго сочиненія не смущала Новикова и его товарищей по изданію; они смѣло взялись за него въ полномъ убѣжденіи, что „весьма униженную на свѣтѣ добродѣтель возвести паки на ея величественный престолъ, а порокъ представить свѣту во всей его наготѣ, — таковыхъ трудовъ и одно намѣреніе уже достойно похвалы, хотя бъ душевныя силы и не въ состояніи оныхъ поддерживать“. Нравоучительный элементъ дѣйствительно прони-

каетъ всѣ статьи „Утренняго Свѣта“; изъ нихъ особенно замѣчательны переводы „Федона“, Сенекиныхъ разсужденій „О безсмертіи души“ и „О счастливой жизни“, „Мыслей“ Паскаля, жизнеописаній древнихъ философовъ. Дальнѣйшее развитіе началъ, высказанныхъ въ предувѣдомленіи къ „Утреннему Свѣту“, находимъ въ послѣдующихъ періодическихъ изданіяхъ Новикова: „Московскомъ Изданіи“ (1781 г.), „Вечерней Зарѣ“ (1782 г.), „Покоящемся Трудолюбцѣ“ (1784 и 1785 г.).

Всѣ эти журналы представляютъ, можно сказать, одно изданіе, съ годами мѣнявшее заглавіе, но всегда сохранявшее свое направленіе, свою основную мысль; замѣтны лишь немногія измѣненія въ изложеніи и тонѣ статей. „Московское Изданіе“ представляетъ точно также статьи по части „нравоученія и высокомыслія“; здѣсь находимъ переводы изъ „Англійскаго Зрителя“, Сенеки, Эпиктета, Іерузалема, Геллерта, Гервея. Объяснивъ аллегорическое названіе „Вечерней Зари“, издатели говорятъ, что „на первомъ мѣстѣ будутъ помѣщаемы открытія, касающіяся до познаній и просвѣщенія разума; на второмъ, для исправленія испорченныя нашея воли поставляемы будутъ нравоученія; для сильнѣйшаго ихъ впечатлѣнія, на третьемъ мѣстѣ будутъ примѣры или исторіи; наконецъ любопытныя матеріи и съ забавными ученые анекдоты и другія сочиненія въ стихахъ и прозѣ, дабы всякъ могъ сыскать что нибудь по своему вкусу“. Тонъ многихъ статей „Вечерней Зари“ обличаетъ ученіе мистицизма. Въ „Покоящемся Трудолюбцѣ“ среди нравоучительныхъ статей и стихотвореній силою горькаго сарказма останавливаетъ насъ „Новая логика“ [65], авторъ которой показываетъ, какого рода средства убѣждать введены новымъ христіанскимъ временемъ.... Твердя докторальнымъ тономъ о нравственныхъ обязанностяхъ человѣка, о высокой важности религіозныхъ истинъ, „Московское Изданіе“, „Вечерняя Заря“ и „Покоящійся Трудолюбецъ“ никогда не поднимали руку на просвѣщеніе и свободное развитіе человѣческой мысли. Девизомъ ихъ было изреченіе Эпиктета, на которомъ съ такою любовію останавливался Кантемиръ: только знаніе есть добро, только невѣжество есть зло. Когда ученіе энциклопедистовъ быстро разносилось по Европѣ, когда начало оно распространяться и у насъ,

порождая иногда тѣ безмысленно-уродливые кружки, о которыхъ разсказываетъ Фонъ-Визинъ, — компанія Новикова старалась удержать общество отъ излишнихъ увлеченій, противопоставить невѣрію истины евангельскія. Противодѣйствіе проповѣдникамъ невѣрія нашло себѣ выраженіе съ одной стороны въ лекціяхъ Шварца, съ другой въ упомянутыхъ журналахъ. По словамъ одного изъ слушателей Шварца, „въ самое то время, когда модные писатели поглощались съ жадностію незрѣлыми умами, онъ принялъ на себя благородный трудъ разсѣять сіи возстающіе мраки, и безъ всякаго инаго призыва, по сему единственно побужденію, въ партикулярномъ домѣ открылъ лекціи новаго рода для всѣхъ желающихъ. Съ ними разбиралъ онъ Гельвеція, Руссо, Спинозу, Ла-Метри и пр., сличалъ ихъ съ противными имъ философами и, показывая разность между ними, училъ находить и достоинство каждаго. Какъ будто новый свѣтъ просіялъ тогда слушателямъ! Какое направленіе и умамъ и сердцамъ далъ сей благодѣтельный мужъ! Главное, и для тогдашняго времени поразительное, явленіе было то, съ какою силою простое слово его исторгло изъ рукъ многихъ соблазнительныя и безбожныя книги, въ которыхъ, казалось тогда, весь умъ заключался, и помѣстило на мѣсто ихъ святую Библію“ [66]. Предисловіе къ „Московскому Изданію“ прямо говоритъ, что „причиною предпріятія было состраданіе, которое всякій мыслящій чувствуетъ, слыша, что люди умные, просвѣщенные и почтенные говорятъ надменно и вооружась остроуміемъ о законѣ, ко спасенію рода человѣческаго первыми людьми полученномъ, и взирая на простодушныхъ людей, прилежно внимающихъ умствованію вольномысленныхъ мудрецовъ“. Но издатели понимаютъ, что „причина всѣхъ заблужденій человѣчества есть невѣжество, а совершенства — знаніе. Если скажутъ, что невѣріе, или безбожіе суть плоды учености, то мы скажемъ: сіе не отъ наукъ происходитъ, но отъ невѣжества въ наукахъ“. Осуждая нѣкоторыя стороны философіи энциклопедистовъ, Шварцъ училъ находить и достоинство каждаго; „Московское Изданіе“, „Заря“ и „Трудолюбецъ“ точно также вооружаются не на философію, не науку, а на невѣжество въ наукахъ; въ нихъ нѣтъ духа нетерпимости и фанатическаго озлобленія противъ

французской философіи. „Уголовные суды (говоритъ одна переводная статья „Трудолюбца“) должны употребить всю свою строгость противъ книгъ, писанныхъ о суетныхъ и вредныхъ наукахъ; ибо такія книги ни къ чему не служатъ другому, какъ только къ наполненію головы вздоромъ, или къ отвлеченію отъ труда и чтенія полезныхъ книгъ, или къ вреднымъ опытамъ и изысканіямъ. Всѣ книги, которыя содержатъ въ себѣ хулы на Бога, поносныя примѣчанія противъ величества Божія, ученія и мнѣнія, нарушающія благоустройство въ обществѣ, ненавистныя разсужденія о правительствѣ, поносительныя и ругательныя сочиненія и другія тому подобныя достойны того, чтобы ихъ сжечь. Есть въ свѣтѣ нѣкоторыя полезныя и почтенія достойныя *предразсужденія,* которыхъ честный человѣкъ и добродѣтельный гражданинъ никогда публично осуждать не долженъ. Дерзновенный онаго преступникъ заслуживаетъ строжайшее наказаніе. Но чтобъ такое правительство съ бѣднымъ философомъ, который въ изысканіи истинны заблуждаетъ, захотѣло столь же строго поступить, какъ прежде поступало съ бѣдными колдунами и какъ съ Галилеемъ поступить оно хотѣло; сіе было бы не токмо величайшее, но и смѣшное неправосудіе... Чрезмѣрная строгость къ философическимъ погрѣшностямъ приращенію человѣческаго ума приноситъ больше вреда, нежели о томъ думаютъ: ибо она скорѣе всего истребляетъ его вольность“ [67]. Однимъ словомъ, Дружеское общество старалось основательно, не урывками и не поверхностно (какъ это бывало часто въ то время) знакомить русскую публику съ современною французскою философіею, умѣряя ученіе ея истинами откровенной религіи.

„Вечерняя Заря“ и „Покоящійся Трудолюбецъ“ издавались членами студентскаго собранія, которое образовано было Шварцемъ при Московскомъ университетѣ; мысль и матеріальное содѣйствіе Новикова дали однако жизнь этимъ книгамъ. Членами собранія были: Антоновскій, Максимовичъ, Давыдовскій, Могилевскій, Лабзинъ, Пельскій, Подшиваловъ, Сохацкій, Сафоновичъ, Петровскій. Эти молодые издатели получали направленіе отъ Шварца и Новикова, которые руководили ихъ въ выборѣ статей для перевода. Не одного изъ нихъ встрѣтимъ

еще мы на литературномъ поприщѣ, и притомъ съ тѣмъ характеромъ, который вынесли они изъ школы Новикова.

Кромѣ членовъ студентскаго собранія, подъ покровительствомъ и непосредственнымъ вліяніемъ Новикова находились и другіе молодые люди, уже не принадлежавшіе къ университету, напр., М. Н. Муравьевъ, Карамзинъ, А. А. Петровъ. Могущественно было дѣйствіе Новикова на окружавшихъ: они какъ бы невольно поддавались обаятельной его власти, и всегда съ сердечнымъ чувствомъ вспоминали годы, проведенные въ обществѣ Новикова. „Когда низкія побужденія и подлыя мысли (говоритъ Муравьевъ въ своихъ запискахъ) нарушатъ спокойствіе твоего разума, то вспомни тогда, что ты имѣешь счастіе d'approcher l'auteur de la Russiade, que Novikoff s'est plu à former ton coeur. Боже дай, чтобъ всегда я памятовалъ все сіе, какъ Ты меня ущедрилъ“ [68]. Это голосъ цѣлой массы людей, знавшихъ Новикова. Петровъ и Карамзинъ жили долгое время въ домѣ, принадлежавшемъ Дружескому обществу, „Скромное жилище молодыхъ словесниковъ раздѣлено было тремя перегородками; въ одномъ стоялъ на столѣ, покрытомъ зеленымъ сукномъ, гипсовый бюстъ мистика Шварца, а другая освящалась Іисусомъ на крестѣ, подъ покрываломъ чернаго крепа“ [69]. Это общество словесниковъ дало Новикову возможность обогатить русскую литературу тѣми многочисленными и разнообразными изданіями, рядъ которыхъ тянется съ 1779 по 1792 годъ.

Взявши на откупъ университетскую типографію, Новиковъ приступилъ къ изданію „Московскихъ Вѣдомостей“ и придалъ имъ такую занимательность и значеніе, какихъ онѣ прежде не имѣли; число подписчиковъ отъ 600 возросло до 4000. Съ 1780 г. Новиковъ въ видѣ прибавленій къ „Вѣдомостямъ“ издавалъ „Экономическій Магазинъ“, поручивъ составленіе его А. Т. Болотову. Чѣмъ болѣе увеличивались средства Новикова, тѣмъ болѣе расширялъ онъ объемъ „Московскихъ Вѣдомостей“; онѣ мало-по-малу дѣлались тѣмъ, чѣмъ дѣйствительно можетъ и должна быть газета въ рукахъ даровитаго издателя,—органомъ распространенія разнообразнѣйшихъ свѣдѣній научныхъ и практическихъ въ обширномъ кругу читателей всякаго образованія. Въ объявленіи объ изданіи „Вѣдомостей“ въ 1783 г. Новиковъ

говорилъ: „Ничего упущено не будетъ къ приведенію въ совершенство сихъ листовъ, такъ чтобы они не только соравнялись по содержанію своему съ лучшими иностранными публичными листами сего рода, но и превзошли и замѣнили бы совершенно недостатокъ оныхъ для тѣхъ, кои не имѣютъ ни способности, ни случая читать первыхъ.—Приложено будетъ стараніе и о томъ, дабы съ начала будущаго года сообщаемо было Прибавленіями къ Вѣдомостямъ нашимъ *топографическое описаніе знатнѣйшихъ Россійскихъ и чужестранныхъ городовъ, острововъ* и проч. славныхъ своими зданіями, торговлею, науками и тому подобнымъ, и содержащихся въ нихъ примѣчанія достойныхъ вещей, продуктовъ, товаровъ и проч. Иногда въ сіи Прибавленія помѣщаемы будутъ статьи изъ лучшихъ иностранныхъ *коммерческихъ* книгъ, иногда же *предметы,* касающіеся до *домашняго воспитанія,* и *показаніе лучшихъ книгъ* въ семъ родѣ: иногда показываемо будетъ *главнѣйшее содержаніе книгъ, вышедшихъ прежде въ Москвѣ.* Всѣмъ симъ надѣемся мы сдѣлать отмѣнную угодность читателямъ нашимъ; ибо посредствомъ одного чтенія нашихъ Вѣдомостей, не только юношество, но и всѣ тѣ, кои не имѣли случая учиться или по крайней мѣрѣ читать подобныя книги, могутъ получить достаточное и подробное свѣдѣніе почти о всемъ земномъ шарѣ и, такъ сказать, не учась научиться географіи, исторіи и топографіи. Купечество россійское отмѣнную отъ сихъ Прибавленій получить можетъ пользу: ибо оно отъ сего чтенія пріобрѣтетъ достаточное свѣдѣніе о всѣхъ продуктахъ и товарахъ, въ какихъ мѣстахъ можно получить ихъ въ большемъ количествѣ и съ большими выгодами передъ другими городами. Польза, проистекающая отъ показанія основательнаго воспитанія и точнаго знанія лучшихъ книгъ во всякомъ родѣ учености, довольно ощутительна, чтобы не содѣйствовала она усовершенствованію нашихъ листовъ. Впрочемъ мы не обязываемся опредѣлить точную мѣру сихъ Прибавленій, тѣмъ паче, что мы не полагаемъ за нихъ никакой излишней платы; а увѣряемъ почтенныхъ читателей, что съ нашей стороны изъ единаго усердія ко благу отечества приложено будетъ всевозможное стараніе о распространеніи полезныхъ свѣдѣній въ разныхъ частяхъ человѣческой учености“ [70]. Обѣщанія эти

исполнились съ точностью. Съ 1785 г. по 1789 г. включительно при „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ въ видѣ прибавленія издавалось „Дѣтское Чтеніе для сердца и разума“. Замѣтивши совершенный недостатокъ русскихъ книгъ для дѣтей, Новиковъ рѣшился „молодымъ охотникамъ до чтенія доставить упражненіе на природномъ языкѣ, подражая въ томъ лучшимъ нѣмецкимъ сочиненіямъ“. Удовлетворяя потребностямъ ума и сердца, „Дѣтское Чтеніе“ должно было заключать въ себѣ „піэсы нравоучительныя“ и статьи изъ физики, натуральной исторіи, географіи и другихъ наукъ. Бо́льшая часть статей „Дѣтскаго Чтенія“ — переводы или передѣлки. Источниками его были: „Les veillées du château“ Жанлисъ (переведенныя Карамзинымъ), „L'ami de l'adolescence“ Беркеня, Рохова „Kinderfreund“ (1776), Вейссе еженедѣльное изданіе подъ тѣмъ же заглавіемъ, Зальцманна „Livre élémentaire de morale“; журналы: „Нѣмецкій Меркурій“, „Всеобщій Магазинъ“, „Новый Лондонскій Магазинъ“, „Ганноверскій Магазинъ“, „Бродяга“ и пр. Главными сотрудниками „Дѣтскаго Чтенія“ были: А. А. Прокоповичъ-Антонскій, Бобровъ, Подшиваловъ, Карамзинъ и другъ его А. А. Петровъ. „Дѣтское Чтеніе“ не осталось безъ вліянія на Карамзина: въ позднѣйшихъ сочиненіяхъ его мы не разъ встрѣтимъ отголоски тѣхъ же убѣжденій, которыя распространяетъ „Дѣтское Чтеніе“, и ту сантиментальность, которою проникнуты его статьи, и которая составляетъ, можетъ быть, лучшую сторону изданія. Надъ переводомъ статей „Дѣтскаго Чтенія“ вырабатывался слогъ Карамзина. До сближенія съ Новиковымъ онъ напечаталъ только переводъ идилліи Геснера „Деревянная Нога“ (Спб., 1783 г.), въ которомъ встрѣчаются мѣста такого рода: „Потеряніе нѣкоторыхъ изъ васъ своихъ отцевъ, коихъ память должна пребыть незабвенна въ вашихъ сердцахъ, сдѣлало, что вы вмѣсто чтобъ ходили повѣся голову, страдая подъ игомъ рабства, взираете нынѣ съ радостію на восходящее солнце, и утѣшительныя пѣніи распространяются повсюду“ (стр. 6—7). Таковъ петербургскій языкъ Карамзина. Другая рѣчь слышится въ тѣхъ переводахъ историографа, которые изданы имъ, когда онъ жилъ въ обществѣ словесниковъ Новикова. Къ этому времени относятся: его переводъ поэмы Галлера „О происхожденіи зла“ (М., 1786), начатый, конечно,

по порученію Новикова, его переводныя статьи въ „Дѣтскомъ Чтеніи“ (съ 1787 г.), въ „Бесѣдахъ съ Богомъ, или размышленіяхъ на каждый день года“ (1787), наконецъ переводы „Юлія Цезаря“ и „Эмиліи Галотти“ (1788). Въ 1789 г. уже писались „Письма русскаго путешественника“, языкомъ, который выработался въ школѣ Новикова. Здѣсь начался новый литературный языкъ, созданіе котораго относятъ обыкновенно къ одному Карамзину, тогда какъ самъ онъ воспитывался въ обществѣ переводчиковъ Новикова. Прямое и, по нашему убѣжденію, вполнѣ справедливое свидѣтельство современника такъ важно въ дѣлѣ вопроса о преобразованіи русскаго литературнаго языка Карамзинымъ, что мы приводимъ его вполнѣ: „Стоитъ составить по годамъ раціональный каталогъ всѣхъ изданныхъ Компаніею трудовъ, сочиненій, переводовъ, эфемеридъ, чтобъ увидѣть, какое обдуманное движеніе дано литературѣ, слогу и слову.—Это настоящая, съ тѣмъ именемъ, эпоха преобразованія языка, невѣдущими относимая на одно лице Карамзина, который былъ тамъ молодымъ сотрудникомъ“ [71].

Съ 1784 года непріятности и первыя столкновенія съ правительствомъ начали омрачать горизонтъ литературной жизни Новикова. Сначала онъ навлекъ на себя неудовольствія тѣмъ, что перепечаталъ въ своей типографіи двѣ книги, изданныя коммиссіею народныхъ училищъ, и тѣмъ нарушилъ данное коммиссіею петербургскому типографщику Брейткопфу право, чтобы учебныя книги, издаваемыя коммиссіею, печатались только въ его типографіи. Правда, Новиковъ при содѣйствіи друзей своихъ И. П. Тургенева и С. И. Гамалѣи успѣлъ доказать, что эта перепечатка сдѣлана была по приказанію умершаго графа Чернышева; но правительствующій сенатъ рѣшилъ дѣло въ пользу коммиссіи народныхъ училищъ: Новиковъ долженъ былъ поплатиться за перепечатку, и на будущее время права коммиссіи были ограждены указомъ 1-го ноября 1784 года [72]. — Въ томъ же году Новиковъ въ „Прибавленіяхъ“ къ „Московскимъ Вѣдомостямъ“ (№№ 69, 70 и 71) напечаталъ „Исторію Іезуитскаго Ордена“. То было время гоненій на орденъ; кружки масонскіе въ Германіи являлись какъ противодѣйствіе іезуитамъ; въ московское общество Новикова должна была проникнуть такая

же непріязнь къ іезуитамъ изъ германскихъ каменщическихъ ложъ, и потому неудивительно, что въ этой статьѣ нашлись довольно неблагопріятные отзывы объ іезуитизмѣ. Но императрица Екатерина II уже приняла орденъ іезуитовъ подъ свое покровительство, и потому рескриптомъ къ московскому оберъ-полицеймейстеру Архарову она повелѣла отобрать экземпляры этой исторіи [78]. Съ этихъ поръ начинаются тревоги въ жизни Новикова; подозрѣніе вторгается въ мирную сферу его литературной дѣятельности, замедляя ея естественный ходъ. Распространеніе масонскихъ ложъ по губерніямъ, собранія масоновъ давно уже возбуждали неудовольствіе императрицы. Сначала она думала остановить ихъ вліяніе силою литературной насмѣшки. Въ комедіяхъ „Обманщикъ“, „Мнимый мудрецъ“, „Обольщенный“ она осмѣиваетъ Каліостро и его послѣдователей, вѣру въ духовъ, въ изысканіе философскаго камня; на сценѣ читаются отрывки изъ книги Сенъ-Мартеня „О заблужденіяхъ и истинѣ“ въ образецъ безсмыслія и обмана, прикрытаго темнотою выраженія. Но могло ли общество Новикова принять на себя эти обвиненія и узнать себя въ лицѣ гнусныхъ обманщиковъ, мошенниковъ, фокусниковъ и грабителей, выведенныхъ на сцену? Комедія, какъ видно, знала кружокъ московскихъ мартинистовъ только изъ книгъ, изъ какихъ-нибудь „Масонъ безъ маски“ и „Мопсъ безъ ошейника“, и нелѣпыя увертки дѣйствительныхъ фигляровъ и надувателей перенесла на общество, главный „предметъ котораго (по словамъ одного изъ членовъ) былъ добродѣтель и стараніе исправлять себя, достигать ея совершенства при сердечномъ убѣжденіи о совершенномъ ея въ насъ недостаткѣ“. Масонство не любило и не могло являться непосвященнымъ во всей своей наготѣ; обязательства ордена не позволяли ничего высказывать прямо о его тайнахъ, а иносказательный языкъ мистицизма не только не давалъ къ нимъ ключа, но даже лишалъ читателя надежды разгадать загадку. Мистицизмъ прямо говорилъ: „Мудрецы должны всегда употреблять болѣе труда и старанія скрыть мудрость въ своихъ сочиненіяхъ, нежели обнаружить ее. Ибо если бъ они могли сдѣлать послѣднее, то одного маленькаго листочка довольно бы было на изъявленіе божественнаго искусства; но по повелѣнію Высочайшаго Учителя

не иначе надлежитъ имъ писать, какъ только иносказательно, дабы не многіе токмо избранные Господомъ къ тому, чтобъ видѣть таинственныя чудеса Его, могли черпать оттуда себѣ наставленіе“ [74]. Общество Шварца и Новикова немного выпустило въ свѣтъ книгъ, въ которыхъ бы единственно излагалось ученіе мистицизма или сущность и значеніе ихъ ордена. Сюда прежде всего относятся: „Божественная Метафизика“, „Духъ масонства“, „Магазинъ свободно-каменьщическій“, „Братскія увѣщанія“ [75] и т. п. Но эти книги печатались, кажется, только для членовъ ложи, для посвященныхъ, и не получали хода въ публикѣ. Общество не ставило своею обязанностью знакомить черезъ литературу людей, ему непричастныхъ, съ масонствомъ; у него былъ въ отношеніи къ нимъ другой планъ. „Цѣль нашего общества (говоритъ Лопухинъ) была: издавать книги духовныя и наставляющія въ нравственности истинно Евангельской, переводя глубочайшихъ о семъ писателей на иностранныхъ языкахъ, и содѣйствовать хорошему воспитанію, помогая особливо готовящимся на проповѣдь слова Божія, чрезъ удобнѣйшія средства пріобрѣтать знанія и качества нужныя къ оному званію, для чего и воспитывались у насъ болѣе 50 семинаристовъ, которые отданы были отъ самихъ епархіальныхъ архіереевъ, съ великою признательностію“. Были у московскихъ мистиковъ свои формальности, внѣшности, болѣе или менѣе странныя и, можетъ быть, изукрашенныя услужливою фантазіею людской болтовни; но эти пустые обряды масонской *ложи* не составляли того существеннаго начала, которое двигало Дружескимъ *обществомъ*, а этимъ началомъ было—распространеніе просвѣщенія. Такимъ образомъ, комедіи Екатерины, осмѣивая случайную, смѣшную внѣшность и нѣкоторыя дѣйствительно нелѣпыя положенія масонскихъ *ложъ* Москвы, черезъ это мало вредили Ученому Дружескому *обществу;* между тѣмъ какъ въ понятіи большинства масонская ложа и Ученое общество сдѣлались синонимами, слились въ одно нераздѣльное цѣлое, потому что главные члены общества были и членами ложи. Невыгодные толки давно уже начали ходить объ обществѣ Новикова. Конечно, не оставили безъ вниманія и того могущественнаго средства къ распространенію убѣжденій, которое доставляла Новикову типо-

графія. Въ декабрѣ 1785 г. императрица „въ разсужденіи, что въ типографіи Новикова выходятъ многія странныя книги“, повелѣла московскому главнокомандующему доставить роспись онымъ, вмѣстѣ съ самыми книгами, митрополиту Платону, который долженъ былъ призвать Новикова, испытать его въ законѣ, а также и освидѣтельствовать самыя книги: „не скрывается ли въ нихъ умствованій несходныхъ съ простыми и чистыми правилами вѣры нашей православной и гражданской должности“ [76]. Продажа книгъ въ лавкѣ Новикова до окончанія дѣла была остановлена. Избраны были слѣдователи съ духовной и свѣтской стороны для ревизіи книгъ; Новикова испытывалъ въ законѣ митрополитъ Платонъ. Вслѣдствіе донесенія коммиссіи указомъ 27 марта 1786 г. повелѣвалось „запечатать и запретить въ продажѣ шесть книгъ, а прочія книги распечатать и продажу ихъ дозволить“ [77]. О самомъ Новиковѣ митрополитъ Платонъ доносилъ императрицѣ слѣдующимъ образомъ: „Какъ предъ Престоломъ Божіимъ, такъ и предъ Престоломъ Твоимъ, Всемилостивѣйшая Государыня Императрица, я одолжаюсь по совѣсти и сану моему донести, что молю Всещедраго Бога, чтобы не только въ словесной паствѣ, Богомъ и Тобою, Всемилостивѣйшая Государыня, мнѣ ввѣренной, но и во всемъ мірѣ были Христіане таковые, какъ Новиковъ“ [78]. Новикова на-время оставили въ покоѣ. Въ маѣ 1789 г. кончился контрактъ Новикова съ университетской типографіей; она перешла къ Свѣтушкину; „Вѣдомости“ издавались уже не Новиковымъ; изданіе „Дѣтскаго Чтенія“ прекратилось; Карамзинъ уѣхалъ за границу. Новиковъ въ № 34 „Московскихъ Вѣдомостей“ „приносилъ публикѣ чувствительнѣйшую свою признательность за одобреніе, какого были удостоиваемы всѣ предпріятія его въ теченіи десятилѣтняго содержанія типографіи“. Дѣятельность Новикова въ литературѣ съ этихъ поръ мало замѣтна. Можетъ быть, опытъ научилъ его, что время не благопріятствовало его трудамъ. На Западѣ уже разыгрывалась великая драма французской революціи. Въ апрѣлѣ 1792 г. типографію и книжные магазины Новикова запечатали; самъ онъ взятъ былъ изъ подмосковной своей деревни и отвезенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, гдѣ и оставался 5 лѣтъ [79]. Нѣкоторые члены общества Новикова

сосланы на житье въ дальнія деревни. Магазины съ книгами разбирались въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ; многое было сожжено, почти все погибло; многіе участники Типографической компаніи понесли большіе убытки. Бывшее въ управленіи Новикова имѣніе Типографической компаніи, при учрежденіи которой употребленъ былъ имъ собственный немалый капиталъ, взято было въ вѣдомство московскаго приказа общественнаго призрѣнія; на родовую деревню его наложено запрещеніе. Тогда же потерпѣла разореніе и супруга умершаго профессора Шварца, заступавшая мѣсто матери осиротѣлымъ дѣтямъ Новикова.—Эти происшествія скорбно поразили всѣхъ знавшихъ и цѣнившихъ Новикова. Карамзинъ написалъ тогда и напечаталъ въ маѣ 1792 г. въ своемъ „Московскомъ Журналѣ“ стихотвореніе „Къ милости“, которымъ старался обратить снисходительное великодушное вниманіе монархини на своего стараго учителя и покровителя; онъ говорилъ:

Какая ночь не озарится
Отъ солнечныхъ Твоихъ очей?
Какой мятежъ не укротится
Одной улыбкою Твоей?
Речешь, и громы онѣмѣютъ;
Гдѣ ступишь, тамъ цвѣты алѣютъ.
И съ неба льется благодать...

Императоръ Павелъ I, вскорѣ по вступленіи на престолъ, освободилъ Новикова (5-го декабря 1796 г.), призвалъ его къ себѣ и обѣщалъ вознаградить всѣ его потери. Новиковъ не хотѣлъ никакого вознагражденія и возвратился въ свое Тихвинское. Все отобранное имѣніе было ему возвращено; но онъ отдалъ его главному кредитору своему Походяшину для удовлетворенія прочихъ кредиторовъ. У Новикова осталась только небольшая подмосковная деревня; съ нея получались слишкомъ незначительные доходы. Новиковъ увидѣлъ себя лишеннымъ почти всѣхъ способовъ къ содержанію себя съ семействомъ; а между тѣмъ болѣзнь посѣтила дѣтей его, хозяйственныя дѣла были разстроены. Онъ принужденъ былъ заложить свою деревню въ опекунскій совѣтъ за 10,000 рублей сер. Часть этой суммы употреблена была на поправленіе домашней экономіи, а остальныя деньги издержаны на покупку хлѣба для прокормленія лю-

дей, по случаю наступившаго хлѣбнаго неурожая. Между тѣмъ возвысившаяся цѣна на серебро принудила его дѣлать новые займы для уплаты въ опекунскій совѣтъ [80]. Дѣла Новикова совершенно разстроились...

Онъ жилъ вмѣстѣ съ С. И. Гамалѣею, который, по его внушенію, занимался переводомъ мистическихъ книгъ [81]. Поселившись на житье въ деревнѣ, Новиковъ до самой кончины сидѣлъ съ своимъ товарищемъ надъ трудомъ, который носитъ названіе: „Библіотека, содержащая въ себѣ нѣкоторыя герметическія, каббалистическія, магическія и иныя книги; также писанія высокохвальныхъ Брр. З. Р. К. истинныхъ свбднх. кмнщкв. древнія системы. На Россійск. яз. составл. и собр. изъ раз. переводовъ, для пользы тѣхъ, кои пожелаютъ упражняться въ познаніи Бога, натуры и себя, и для показанія имъ, между многими ложными, одного истиннаго къ тому путя". За недостаткомъ типографіи эта многотомная библіотека переписывалась и украшалась рисунками; нѣкоторыя статьи и даже томы переписаны собственною рукою Новикова. Такъ вѣренъ былъ онъ своимъ убѣжденіямъ, такъ крѣпко хранилъ свои вѣрованія! Недаромъ изъ Тихвинскаго писалъ онъ къ одному изъ своихъ друзей: „Станемъ общими силами стараться изслѣдовать, не раздѣлились ли мы въ томъ духѣ, въ которомъ обѣщались жить и умереть; сей ли духъ и понынѣ насъ одушевляетъ? И ежели это такъ, то я вѣрю отъ всего сердца моего, что молитва наша вѣрно будетъ услышана, и скоро, скоро, и весьма скоро воспослѣдуетъ помилованіе".—„Какъ можемъ достигнуть къ истинному разуму (спрашиваетъ онъ въ томъ же письмѣ), ежели не чрезъ самопознаніе, котораго не иначе можемъ достигать, какъ чрезъ одно только строгое и безпристрастное сужденіе своихъ поступковъ, съ того времени, какъ мы удостоились познать истину и ея ученіе, и когда рѣшились мы во всю жизнь нашу непрестанно слѣдовать сему ученію? Сіе изслѣдованіе непремѣнно приведетъ насъ къ познанію цѣли всѣхъ крестовъ, на насъ ниспосылаемыхъ, т. е. къ истинному раскаянію и самому покаянію и болѣзнованію о поступкахъ и грѣхахъ нашихъ".

1812-й годъ вывелъ Новикова на поприще другой, не обширной, скромной, но благотворной дѣятельности. Онъ одинъ не

оставлялъ своего дома и былъ блюстителемъ спокойствія окрестныхъ жителей. Въ то время, когда въ виду московскаго пожара загоралась народная война со всѣми фанатическими ея ужасами,—Новиковъ былъ „защитникомъ человѣчества; ибо онъ платилъ крестьянамъ по рублю за каждаго живаго плѣннаго; содержалъ приводимыхъ къ нему; пользовалъ больныхъ и раненыхъ, а по изгнаніи непріятеля всѣхъ ихъ препроводилъ къ показывавшимся обратно полиціямъ и московскому коменданту, не ища никакой награды“ [82]. Такъ дѣйствовалъ Новиковъ въ ту пору, когда финансовыя его средства едва были достаточны для того, чтобы содержать свое семейство. Неурожаи 1815 и 1816 гг. окончательно разстроили его состояніе. 31 іюля 1818 г. кончилась тревожная, исполненная необыкновенной дѣятельности жизнь Новикова. Семейство его осталось въ нищетѣ, больное, беззащитное; за долги оно должно было лишиться послѣдняго достоянія. Карамзинъ составилъ записку о Новиковѣ, чтобы обратить Всемилостивѣйшее вниманіе на его семейство. Онъ заключилъ ее слѣдующими словами: „Новиковъ, какъ гражданинъ, полезный своею дѣятельностію, заслуживалъ общественную признательность; Новиковъ, какъ теософическій мечтатель, по крайней мѣрѣ не заслужилъ темницы; онъ былъ жертвою подозрѣнія извинительнаго, но несправедливаго. Бѣдность и несчастіе его дѣтей подаютъ случай Государю Милосердому вознаградить въ нихъ усопшаго страдальца, который уже не можетъ принести ему благодарности въ здѣшнемъ свѣтѣ, но можетъ принести ее Всевышнему“.

В. Г. РУБАНЪ.

Рубанъ, Василій Григорьевичъ, родился въ Бѣлгородѣ [1] въ 1739 году. Наука рано увлекла его въ Кіевъ. Въ знаменитой Кіевской академіи, которая до основанія Московскаго университета была главнымъ разсадникомъ образованныхъ людей въ Россіи, началъ Рубанъ свое образованіе. Кажется, недолго пробылъ онъ въ Кіевѣ и перешелъ въ Московскую Славяно-латинскую академію [2]. При самомъ основаніи университетской гимназіи онъ поступилъ въ нее и въ 1759 г. произведенъ былъ въ студенты. Въ университетѣ началась его литературная дѣятельность. Въ „Полезномъ Увеселеніи“ 1761 г. напечатана была переводная статья его „Папирія Римскаго отрока остроумные вымыслы и молчаніе“ [3]; въ этой статьѣ есть уже и два стиха; она отличается нравоучительнымъ направленіемъ, которое Херасковъ старался поддерживать въ журналѣ. Въ „Добромъ Намѣреніи“ [4] находимъ также три переводныя статьи его: 1) „О свадебныхъ пирахъ древнихъ язычниковъ“; 2) „Приключенія нѣкотораго чужестранца въ Парижѣ“ (съ франц.); 3) „Лекарство хромымъ, слѣпымъ и колченогимъ“ (съ нѣмецк.). Выборъ статей здѣсь свободнѣе, чѣмъ въ нравственномъ журналѣ Хераскова. Въ это время Рубанъ былъ коллежскимъ регистраторомъ. Въ 60-хъ годахъ онъ переѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ и въ 1768 служилъ переводчикомъ при правительствующемъ сенатѣ, въ 1772 г. при коллегіи иностранныхъ дѣлъ.

Въ Петербургѣ собственно началась обширная, разнообразная литературная дѣятельность Рубана. Ода, этотъ модный, наибо-

лѣе уважавшійся въ прошломъ столѣтіи родъ поэзіи, особенно привлекла его. Трудно исчислить всѣ похвальные гимны, которые слагалъ Рубанъ на разные случаи; до сихъ поръ не собраны они вмѣстѣ, хотя и составляютъ любопытный въ историческомъ отношеніи литературный памятникъ своего времени. Намъ извѣстны слѣдующія, отдѣльно напечатанныя оды Рубана: 1) Ода на день всерадостнѣйшаго торжества за предпріятый и благополучно совершившійся, къ неописанному счастію всея Россіи, Ея Императорскаго Величества и Его Императорскаго Высочества, въ привитіи оспы, подвигъ, 22-го ноября 1768 года (Спб., 1768, въ л.); 2) Ода на день рожденія Императрицы Екатерины II, Спб., 1768 (О. Р. Б., № 7211); 3) Стихи на великолѣпное зданіе соборной Исакіевской церкви съ придѣломъ храма святыхъ Кира и Іоанна, сооружаемое въ Санктпетербургѣ (s. l. 1770, въ 4 д. л.); 4) Къ портрету А. В. Енгельгардовой (s. l. et a, въ 4 д. л.); 5) Ода Григорію Александровичу Потемкину (1779, въ 8 д. л., 5 с.); 6) Ода на день рожденія Императрицы Екатерины II (№ 11522); 7) Его Высокопревосходительству Г. А. Потемкину и т. д. (въ 8 д. л., s. l. et a, 4 стихотворенія); 8) Ода Его Свѣтлости Князю Г. А. Потемкину, въ которой приносится благодареніе за оказанные благодѣянія сочинителю сего, въ окончаніи 1777 года (въ 8 д. л., Спб., 1778); 9) Стихи на кончину Евдокіи Борисовны, Герцогини Курляндской (№ 11456); 10) Стихи на день тезоименитства Его Свѣтлости Князя Г. А. Потемкина, 30-го Сентября 1781 г. (Спб., 1781, въ 4 д. л.); 11) Надпись на новостроющійся Ея Императорскаго Величества дворецъ, при мызѣ Пеллѣ, 1785 года (въ 4 д. л., s. l.); 12) Пеанъ, или пѣснь на побѣды, одержанныя Суворовымъ; Спб., 1794 (№ 8059); 13) Диѳирамбъ Пану Ѳаддею Костюшкѣ, разбитому и взятому въ плѣнъ съ предводимыми имъ Польскими мятежниками, и т. д. (Спб., 1794, въ 4 д. л.); 14) Стихи на кончину Ѳ. Г. Орлова (№ 11385); 15) Эпикидіонъ, или неумирающая память Потемкина (№ 12739—40); 16) Россійской Музы, объ учрежденіи и открытіи Вознесенской губерніи, въ Южной полосѣ Россійской Имперіи, посланія къ Овидію, и т. д. (Спб., 1795, въ 8 д. л.); 17) Пукъ цвѣтовъ Парнасскихъ, принесенный въ даръ Его Высокопревосходительству Ивану Ивановичу Бецкому, въ Спб. (s. a, въ 8

д. л., 4 с., с. з. л.). Рубанъ не былъ поэтомъ, какъ и бо́льшая часть русскихъ писателей, наводнявшихъ литературу прошлаго столѣтія одами, эпистолами, пѣснями, въ риѳмѣ видѣвшихъ поэзію. И какъ просты, немногосложны пріемы оды Рубана! Риторическое сравненіе почти всегда составляетъ ея основу и содержаніе. Въ одѣ на привитіе оспы императрицѣ онъ сравниваетъ Екатерину съ зміемъ, котораго Моисей вознесъ на древо для спасенія народа. Содержаніе одъ Рубана вообще довольно бѣдно; искренняго чувства, не подавленнаго риторикою, почти не замѣтишь даже въ такомъ произведеніи, гдѣ приносится благодарность Потемкину за оказанныя автору благодѣянія. Вѣрный подражатель одѣ Ломоносова, Рубанъ часто доходитъ до крайности, вдохновляясь чужимъ восторгомъ. Кому не напомнятъ слѣдующіе стихи его—второй строфы оды „На взятіе Хотина“?

Не сонъ ли сладкій умъ прельщаетъ?
Или верхи я Пинда зрю?
Ликъ чистыхъ сестръ мя окружаетъ,
Я жаромъ радости горю—и т. д. [5]

Впрочемъ въ одѣ нашей прошлаго столѣтія были свои хорошія стороны. Не всегда лесть и покупной восторгъ переносили на верхи Пинда стихотворцевъ, лишенныхъ поэтическаго таланта, къ числу которыхъ относится Рубанъ; жаль только, что искреннее чувство почти всегда выражалось у нихъ въ такихъ неестественныхъ формахъ, что само принимало видъ неестественнаго, поддѣльнаго. Въ нѣсколькихъ одахъ воспѣваетъ Рубанъ Потемкина, который покровительствовалъ ему постоянно. Мы увидимъ, что, оставаясь посредственнымъ стихотворцемъ, Рубанъ былъ горячимъ приверженцемъ науки, любилъ русскую старину и литературу, а также и классическую древность. Въ Потемкинѣ онъ прославляетъ покровительство наукѣ, любовь къ древности, меценатство.

Не тщетну славу браней вредныхъ,
Что трескъ паденія градовъ,
Что вопль и стонъ плачевныхъ бѣдныхъ
И звукъ отъ плѣнничьихъ оковъ
Соединясь иль заглушаютъ,
Или звучнѣй гремѣть мѣшаютъ,

Но мирныхъ ликъ доброть воспѣть,
Которыми Всевышня сила
Тебя Потемкинъ украсила:
Охота мысль мою влечетъ [6].

Въ „приношеніи Овидіевыхъ ироидъ“ Рубанъ предрекаетъ славу Потемкину за то, что онъ

Честныхъ людей въ своемъ храня покровѣ
На степень счастія предстательствомъ возвеяъ [7].

Отказавшись отъ изданія журнала, Рубанъ принялъ дѣятельное участіе въ составленіи „Парнасскаго Щепетильника“. Этотъ ежемѣсячникъ издавался Чулковымъ, который такъ же любилъ русскую народность и исторію, какъ и Рубанъ.

Послѣдній напечаталъ въ журналѣ своего университетскаго товарища нѣсколько стихотвореній, надписей, отрывокъ изъ путешествія Григорія Барскаго. Эти произведенія отчасти отмѣчены полнымъ именемъ автора, частію заглавными буквами его имени и фамиліи, нѣкоторыя явились безъ подписи. Такова „Надгробная надпись Россійской исторіи писателю Никитѣ Иванову“ [8]. Уважая чувство, водившее перомъ автора, мы не можемъ однако отыскать въ ней какихъ-нибудь достоинствъ.

Особенную извѣстность пріобрѣлъ себѣ Рубанъ похвальными надписями въ стихахъ. Нѣкоторыя изъ нихъ были изданы въ одной книжкѣ подъ заглавіемъ: „Сочиненныя и переведенныя надписи, на побѣды Россіянъ надъ Турками, одержанныя въ 1769 и 1770 году, и на другіе достопамятности, изданные Васильемъ Рубаномъ, въ Спб. 1771“ (въ 8 д. л.). Къ этому собранію слѣдуетъ прибавить, кромѣ упоминаемыхъ ниже, отдѣльно изданныя „Надписи, изъявляющіе достопамятности, заключеннаго въ Кучукъ-Кайнарджи, въ окружностяхъ Силистрійскихъ, по ту сторону Дуная, у Россіи съ Портою мира 10 іюля 1774 года“ (въ 8 д. л., безъ н. з. л.); здѣсь три надписи: 1) на заключеніе мира [9], 2) побѣдителю и миротворцу, графу П. А. Румянцеву, 3) къ мѣсту, гдѣ заключенъ миръ. Кромѣ того, въ „Заволжскомъ Муравьѣ“ (1831, ч. 1, № 3, стр. 177—179) напечатана была латинская надпись къ Волгѣ съ его же русскимъ переводомъ (ср. „Старина и Новизна“, 11, 204). Все сказанное

объ одахъ Рубана вполнѣ примѣняется къ его надписямъ. Въ нихъ такъ же мало оригинальности, какъ и въ одахъ. Возьмемъ самую знаменитую изъ нихъ, и теперь еще помѣщаемую въ нашихъ хрестоматіяхъ:

Колоссъ Родосскій свой смири кичливый видъ—и т. д.

Въ ней хотятъ видѣть подражаніе одной надписи Сумарокова [10], хотя библіографически не доказано, чтобы надпись послѣдняго была напечатана ранѣе Рубановской [11]. Кажется, и тотъ и другой заимствовали ее изъ надписи Карла Лудовика Бауера, помѣщенной въ собраніи Рубана. Между тѣмъ это небольшое произведеніе доставило автору извѣстность, „особливо заслужило отъ всѣхъ знающихъ людей похвалу“, какъ говоритъ Новиковъ въ словарѣ своемъ. Рубанъ дорожилъ этимъ даромъ своей музы; ту же надпись онъ переложилъ въ стихи другаго размѣра и наконецъ перифразировалъ въ похвальной одѣ Бецкому. Въ надписяхъ Рубана, какъ и въ одахъ, историческое сравненіе играетъ большую роль: въ одной изъ нихъ онъ сравниваетъ Румянцева съ Попиліемъ, отдавая пальму первенства русскому полководцу, потому что онъ

Не одного въ кругу остановилъ царя;
Но грады, воинство, пашей и визиря,
Въ ихъ собственной землѣ отвсюда окружаетъ,
И миръ съ Россіею творить повелѣваетъ.

Рубанъ пользовался меценатскими милостями многихъ знатныхъ лицъ своего времени и съ усердіемъ воспѣвалъ ихъ благодѣянія. Въ одной надписи онъ такъ изображаетъ князя Александра Алексѣевича Вяземскаго:

Ты кротокъ, милостивъ, драгихъ наукъ любитель,
И ревностный въ судахъ ты правды защититель;
И царскій свято чтишь и божескій законъ,
Въ Россіи былъ таковъ, какъ въ Римѣ былъ Катонъ [12].

Графа Григорія Григорьевича Орлова называетъ Рубанъ „первымъ представителемъ музъ у трона“:

Подъ кровомъ крылъ его селенія цвѣтутъ,
И добродѣтель въ немъ и мудрость обитаетъ.

Румянцевъ также поддерживалъ нашего стихотворца: за похвальную пѣснь своимъ подвигамъ онъ прислалъ Рубану подарокъ и письмо... Нашъ авторъ благодарилъ его такими стихами:

Изъ рукъ любезныя Сестры твоей, герой!
Безцѣнное письмо и даръ я принялъ твой,
Которымъ малый трудъ ты щедро награждаешь
И къ благодарности мой духъ воспламеняешь.

Далѣе онъ сравниваетъ Румянцева съ Помпеемъ, который навѣстилъ въ Родосѣ мудреца Посейдона, „не дѣлавъ у его вратъ ликторскаго звона“. Рубанъ говоритъ, что Румянцевъ превзошелъ Помпея, потому что

Къ любителямъ свободнаго ученья
Ты болѣе его являешь снисхожденья.
Не тщетно во Твоемъ Гербу слова стоятъ:
Что *не Оружія дни* провозгласятъ
Твои великіе къ Отечеству заслуги;
Но и любовь Твою къ Наукамъ Свѣта круги
Узнаютъ черезъ сей усердной Лиры гласъ
И съ Меценатами сравнитъ Тебя Парнассъ! [13]

Посвящая переводъ „Отроческаго Наставленія“ Мурета молодому А. В. Орлову, Рубанъ проситъ его о покровительствѣ поэтамъ:

Тобою жители Парнасса ободрятся
И пѣсни въ похвалу твою воспѣть потщатся,
Ты только ихъ люби, являй защиту имъ,
Подобенъ въ томъ Отцу и Дядьямъ будь твоимъ,

Отправляясь въ 1774 г. въ Москву, Рубанъ писалъ своему меценату, а нѣкогда университетскому товарищу Потемкину:

Прощаюся съ тобой, Потемкинъ,
Въ Москвѣ тя зрѣть желая здрава,
Россійскій любяща языкъ,
Словесны чтущаго науки,
Подобно какъ дѣла воински,
Въ которыхъ твой великъ успѣхъ [14],

Потемкину, „яко Россійскому Меценату“, посвятилъ Рубанъ изданный имъ переводъ Виргиліевыхъ „Георгикъ“. Посвящая П. И. Панину „Походъ Шеина“, Рубанъ говоритъ:

И съ именемъ твоимъ труды Азова громки,
Которы днесь тебѣ усердно посвятилъ,
Чѣмъ благодарность я предъ свѣтомъ изъявилъ
За одолжающи твоихъ щедротъ залоги,
Свидѣтельствуютъ ихъ твои писанья многи,
Отправленны ко мнѣ въ различны времена.

П. Д. Еропкинъ, знаменитый московскій градоначальникъ во время чумы, былъ также покровителемъ Рубана. Посвящая ему книгу „Китайскій мудрецъ“, послѣдній пишетъ: „Приписаніемъ сея, Вашему Высокопревосходительству, вторично мною изданной книги, изъявляю нынѣ, какъ и прежде возвѣщалъ всему свѣту, чувствуемую мною благодарность за величайшее Ваше ко мнѣ снисхожденіе и милость, изъявляемую въ писанныхъ, съ несказанною благосклонностію, Вашимъ Высокопревосходительствомъ ко мнѣ письмахъ, провождающихъ особые, Меценатскихъ благотворностей знаки, которые на вѣчную потомства память, съ подобными знаменитыхъ Россійскихъ Ироевъ письмами, коими угодно было имъ меня удостоить, соблюдаемы будутъ въ хранилищахъ Парнасскихъ, до позднѣйшихъ и никогда неконча емыхъ времянъ, въ незагладимое свидѣтельство о ревностныхъ поборникахъ отечества и усердныхъ покровителяхъ Наукъ, нашего вѣка“ [15]. При необыкновенной скудости біографическихъ данныхъ о Рубанѣ отрывочныя, не всегда ясныя мѣста его произведеній могутъ дать нѣкоторое понятіе объ отношеніи его къ извѣстнымъ лицамъ времени и отчасти о его характерѣ.

Въ 1769 году, въ лучшую пору дѣятельности нашихъ сатирическихъ журналовъ, Рубанъ, замѣчая успѣхъ „Всякой Всячины“, „И того и сего“, рѣшился испытать свои силы на журнальномъ поприщѣ. Съ 21-го февраля онъ началъ издавать „Ни то ни сіо“ въ прозѣ и стихахъ, ежесубботнее изданіе (съ эпиграфомъ изъ Проперція: „Maxima de *Nihilo* nascitur historia“). Цѣну изданія узнаемъ изъ двустишія, напечатаннаго на заглавномъ листѣ перваго изданія:

Всякъ, кто пожалуетъ безъ денежки алтынъ,
Тому ни То ни Сіо дадутъ листокъ одинъ.

Немногія произведенія прошлаго столѣтія могутъ похвалиться такимъ успѣхомъ, такимъ обширнымъ кругомъ читателей, какъ сатирическіе журналы. Выдаваясь рельефно на блѣдномъ грунтѣ торжественныхъ одъ и гимновъ, они привлекали къ себѣ сочувствіе не однихъ образованныхъ людей своею цѣлью, но и любопытство средняго, даже нижняго круга. Даровитѣйшій двигатель нашей сатирической журналистики замѣтилъ вѣрно, что она „попала на вкусъ мѣщанъ, простыхъ людей, которые не знаютъ иностранныхъ языковъ". Этимъ распространеніемъ, а слѣд. и нравственнымъ вліяніемъ, наши сатирическіе журналы обязаны тому, что издатели ихъ имѣли передъ глазами цѣль ясную, положительную, шли къ ней твердымъ шагомъ, не уклоняясь въ сторону; что на литературу смотрѣли они какъ на могущественное и вѣрное оружіе къ народному просвѣщенію, въ обширномъ смыслѣ этого слова. Искренность, простота, особенная задушевность (такъ сказать) характеризуютъ тонъ и содержаніе этихъ статей; сатира въ нихъ рѣзка, мѣтка, а потому и дѣйствительна. У Рубана именно не было этихъ прекрасныхъ качествъ, которыя дали жизнь и смыслъ сатирической журналистикѣ. Цѣль журнала сознаетъ онъ смутно, поставляя ее въ *пользѣ*. Самолюбіе (говоритъ онъ), „будучи сопровождаемо еще охотою показаться грамотными, и желаніемъ *услужить* публикѣ, сдѣлало изданіе сихъ листковъ необходимымъ" [16]. Но какого рода услугу хотѣлъ оказать публикѣ издатель, этого мы не знаемъ: едва ли и самъ онъ ясно то сознавалъ. На значеніе журнала Рубанъ смотритъ слишкомъ легко. Если онъ не будетъ для публики ни полезенъ, ни безполезенъ, „то мы уже будемъ не первые (говоритъ онъ) отягощать свѣтъ безполезными сочиненіями; между множествомъословъ и мы вислоухими быть не покраснѣемъ" (л. 4, стр. 1). Прекращая изданіе „Ни того ни сего", Рубанъ говоритъ, что нашелъ лѣкарство отъ прилипчивой болѣзни—марать бумагу прозою; это лѣкарство — *многодѣліе;* какъ-будто изданіе журнала не требуетъ того же. Для сатиры не созданъ былъ Рубанъ; природа дала ему любовь къ наукѣ, трудолюбіе: однимъ словомъ, онъ могъ быть хорошимъ ученымъ, но не поэтомъ, не сатирикомъ. Въ чемъ поставлялъ онъ задачу писателя, видно отчасти изъ слѣдующихъ словъ его:

Предшественныхъ писцовъ послѣдуя примѣру
Опишутъ, какъ въ нашъ вѣкъ за Отчество и Вѣру,
Сражаясь воины въ моряхъ и на земли,
Торжественны похвалъ вѣнцы пріобрѣли,
Какъ правоту судьи въ рѣшеньяхъ наблюдали,
И Меценаты какъ науки ободряли,
Чѣмъ добрый награжденъ, чѣмъ укрощенъ злодѣй,
И все, что памяти достойно нашихъ дней,
Перо писателей тѣмъ должно заниматься,
Чтобъ онымъ могъ по насъ текущій родъ питаться
И наши уравнивъ съ своими временами,
Узналъ бы, съ коихъ лѣтъ Россійская страна
Очистила свои и разумы и нравы
И на степень взошла величества и славы [17].

Рубанъ, очевидно, требуетъ прославленія современнаго ему порядка вещей. Каковы были сатирическіе стихи его, можетъ показать начало его „Диѳирамба Пану Костюшкѣ“:

Въ Петрополь вѣсть привезъ отъ Репнина Тучковъ,
Что Ферзенъ поразилъ мятежныхъ поляковъ
Двѣнадцать тысячь, иль немного и побольше,
И задалъ страсть Ляхамъ, въ неугомонной Польшѣ.
Съ Литовскаго бо къ нимъ дошелъ ужъ Бреста слухъ,
Что графъ Суворовъ тамъ разбилъ ихъ силу въ пухъ,
И всѣ ихъ головы и гладки и шаршавы
Взъерошились внутри окопанной Варшавы—и пр.

Потому въ „Ни то ни сіо“ почти нѣтъ статей сатирическаго содержанія или онѣ слишкомъ безцвѣтны. Можно указать только на письмо г-жи Бѣдняжкиной (л. 11-й, стр. 85—88) и отвѣтъ на него (л. 12-й, стр. 89—95), переведенные съ нѣмецкаго студентомъ Хорошкевичемъ. Цѣли своему журналу Рубанъ не далъ ясной, опредѣленной, и потому выборъ статей у него случайный, не объединенный извѣстнымъ направленіемъ и мыслію. Помѣщая переводъ письма Сенеки о суетахъ міра, онъ замѣчаетъ: „Въ прочемъ естьли сего роду переводы читателямъ не понравятся, то мы впредь ими утруждать ихъ не будемъ“ (л. 3-й, стр. 17). Средствъ къ изданію у него также не было достаточныхъ. „У голоднаго хлѣбъ на умѣ (говоритъ Рубанъ, помѣщая стихотвореніе „Деньги“): а мы недавно вышли изъ безсребреннаго Минервиныхъ питомцевъ жилища, гдѣ и слово *деньги* только въ лексиконахъ видали. Сіяжъ самая причина воспре-

пятствовала намъ подареніемъ перваго листа публикѣ, сдѣлать подражаніе „Всякой Всячинѣ“, хотя мы къ ней и всякое почтеніе имѣемъ. „Всякая Всячина“ изобилуетъ всѣмъ; слѣд. и деньгами: а наше „Ни То ни Сіо“ не имѣетъ у себя *ни того ни сего*, слѣдовательно ни денегъ. Вотъ причина, для которой первая толь мало заботится о *деньгахъ;* а послѣднее столь пристально на нихъ заглядѣлось. *При всемъ томъ мы не обинуясь можемъ сказать, что они насъ взманили писать сіи листки; но дѣло въ томъ только состоитъ, что недостатокъ въ оныхъ не дозволяетъ намъ быть щедрыми*“ (л. 2-й, стр. 13). Наконецъ Рубанъ довольно небрежно исполнялъ трудныя обязанности издателя журнала. Однажды онъ вдругъ выдалъ четыре листа „Ни того ни сего“ за весь іюнь мѣсяцъ; въ нихъ напечатано сочиненіе Сенеки о Провидѣніи; переводъ подписанъ буквами С. Б. (т. е. Семенъ Башиловъ). Этотъ случай издатель „Ни того ни сего“ объясняетъ такимъ образомъ: „Сочинители его (журнала), желая доставить себѣ возможность попользоваться пріятностьми исходящей весны и начинающагося лѣта, заблагоразсудили симъ способомъ избавить себя на цѣлой мѣсяцъ отъ еженедѣльнаго издаванія сихъ листочковъ. Сама Минерва, какъ кажется, дозволила своимъ питомцамъ сіе отдохновеніе, когда всѣ Россійскіе Парнассы онымъ пользуются“ (л. 14-й, стр. 112). Рубанъ самъ признается, что пустился на журнальное поприще, *очертя голову* (л. 10-й, стр. 76). Сотрудниками его по изданію были: Семенъ Башиловъ (также воспитанникъ Московскаго университета), напечатавшій въ „Ни то ни сіо“ переводъ статьи о Провидѣніи и нѣкоторыя сатирическія письма [18]; Михайла Поповъ, который помѣстилъ въ немъ эпиграммы (л. 6, стр. 42); Ѳ. Лазинскій, переводившій съ нѣмецкаго (л. 13, стр. 97; л. 14, стр. 180); И. Пырской, Дебольцевъ, извѣстный лирикъ Василій Петровъ, помѣстившій въ журналѣ Рубана „Должности общежитія“, оду Томаса [19], съ подписью В. П. (л. 8, стр. 57). Бо̀льшая часть стихотворныхъ произведеній журнала принадлежитъ самому Рубану; таковы переводы легкихъ стихотвореній изъ Овена, Мурета, „Амстердамскаго Гонца“, „Голландской Пчелы“, также изъ Овидіевыхъ „Печалей“ и „Превращеній“. Приступивши къ изданію „Ни того ни сего“ въ подражаніе сатирическимъ журна-

ламъ, Рубанъ однако не далъ ему сатирическаго направленія, а упрочилъ за нимъ безцвѣтный характеръ своихъ произведеній. Неловко было его журналу среди живыхъ статей „Трутня“, „Всякой Всячины“, „И того и сего“, „Смѣси“, въ которыхъ встрѣчаемъ иногда насмѣшки надъ „Ни то ни сіо“ и надъ музою Рубана. Правда, имя его не называлось, но кому изъ современниковъ нужны были объясненія такихъ намековъ, которые легко понять даже позднѣйшимъ изслѣдователямъ? Таково, напр., „Разсужденіе“, напечатанное въ „Смѣси“ (л. 13, стр. 96):

Не будетъ тотъ столяръ, кто *рубитъ* лишь дрова;
Не будетъ тотъ піитъ, кто Русскіе слова
Разрубитъ на стихи и риѳмами окончитъ.
Кто *рубитъ*, кто клеитъ, кто стружетъ и кто точитъ,
То всякому изъ нихъ различны имена,
Такъ для чегожъ у насъ та вольность всѣмъ дана,
Что можетъ и *Рубачь* піитомъ называться?
За имя же сіе *Рубачь* готовъ хоть драться,
И *нарубивъ* стиховъ, онъ мнитъ, что славенъ въ вѣкъ,
Такъ славенъ по сему и всякій дровосѣкъ?

Этимъ стихотвореніемъ объясняется другой намекъ „Смѣси“ на Рубана: „Сей Стихотворецъ могъ бы всполсти на Парнассъ, но онъ не пишетъ стихи, а рубитъ ихъ какъ дрова“ (л. 12, стр. 91). „Всякая Всячина“ также привѣтствовала насмѣшками появленіе Рубановскаго журнала (стр. 73, 77—79). Рубанъ отвѣчалъ на нихъ въ своемъ журналѣ.—„Ни то ни сіо“ осталось вѣрно своему названію, т. е. журналомъ совершенно безхарактернымъ. 11-го іюля Рубанъ выдалъ послѣдній его листъ и отказался отъ продолженія, ссылаясь на свое многодѣліе, „которое составляется изъ дѣлъ, налагаемыхъ должностію и нетерпящихъ отлагательства, или добровольныхъ, но приносящихъ существеннѣйшую пользу“. Въ 1771 году журналъ былъ перепечатанъ съ незначительнымъ „исправленіемъ противъ прежняго“. Первою попыткою Рубана не кончились труды его на журнальномъ поприщѣ. Въ 1771 г., когда не выходило ни одного еженедѣльника и ежемѣсячника, онъ принялся снова за изданіе журнала, которому далъ названіе „Трудолюбиваго Муравья“. Въ объявленіи издатель говоритъ, что печатается „Муравей“

желая выходомъ своимъ оживотворить и кости усопшихъ „своихъ собратій, и произвесть вновь съ собою бумажныхъ современниковъ, по примѣру зерна горчишнаго, сторичной плодъ приносящаго, и увеселити публику, въ скукѣ доселѣ безъ еженедѣльныхъ новостей сидящую, а тѣмъ для себя и читателей доставить сугубое удовольствіе". Вмѣстѣ съ тѣмъ издатель „къ споспѣшествованію трудовъ своихъ" приглашалъ „каждаго и всѣхъ къ періодическимъ сочиненіямъ охотниковъ и обнадеживалъ ихъ въ изданіе свое „вмѣщать всѣ присылаемыя къ нему сочиненныя или переведенныя въ прозѣ и стихахъ піэсы, которыя здравому разсудку и благопристойности противны не будутъ".—Новый журналъ Рубана отличается всѣми недостатками прежняго. Сатирическаго элемента въ немъ совершенно нѣтъ; торжественныя оды, эпиграммы, надписи, элегіи, басни наполняютъ его вмѣстѣ съ переводами изъ Вольтера, Фонтенеля (Похвальное слово Петру I), Сенстона и другихъ иностранныхъ писателей. Изъ извѣстныхъ писателей встрѣчаемъ здѣсь Майкова, которому принадлежатъ: „Мадригалъ на прибытіе графа Алексѣя Григорьевича Орлова изъ Архипелага въ С.-Петербургъ въ 1771 г." (№ 1, стр. 8); „Письмо Е. С. Графу Г. Г. Орлову на отбытіе его изъ Санктпетербурга въ Москву во время заразительной въ ней болѣзни для истребленія оныя" (№ 14, стр. 106). Здѣсь же напечатанъ переводъ латинской элегіи Стефана Яворскаго къ своей библіотекѣ (№ 7, стр. 54). Прочіе сотрудники Рубана, кромѣ студента Михайловскаго и архимандрита Д. Грозинскаго, скрылись подъ различными таинственными буквами. Самому издателю принадлежитъ „Надпись на возвращеніе Графа Г. Г. Орлова изъ Москвы въ С.-Петербургъ"; въ ней онъ сравнивается съ Тезеемъ, который

Безъ страха въ лавиринѳъ ко Минотавру вшелъ,
И умертвя его, самъ вышелъ здравъ и цѣлъ (№ 20, стр. 160).

Рубану же принадлежатъ: 1) „Надписи на покореніе Крыма и другихъ Татарскихъ ордъ II арміи главнымъ предводителемъ, Генераломъ и Кавалеромъ Княземъ Васильемъ Михайловичемъ Долгорукимъ Россійской державѣ" (№ 25, стр. 200) и 2) нѣкоторые переводы изъ древнихъ.

Въ 1772 г. Рубанъ предпринимаетъ новое изданіе: является „Старина и Новизна, состоящая изъ сочиненій и переводовъ прозаическихъ и стихотворныхъ, издаваемая почастно. Часть I. Въ Санктпетербургѣ 1772 г.“; вторая часть вышла въ 1773 г. Изданіе посвящено генералъ-прокурору кн. Александру Вяземскому, подъ начальствомъ котораго служилъ тогда Рубанъ, и который оказывалъ ему „великія благодѣянія“. „Имѣя нарочитое число у себя сочиненныхъ и переведенныхъ, прозаическихъ и стихотворныхъ, разнаго содержанія, небезполезныхъ рукописей, и желая оными услужить публикѣ, къ чтенію книгъ охоту имѣющей (говоритъ издатель въ предувѣдомленіи), за пристойно почелъ оные издавать въ свѣтъ почастно. Мое стараніе будетъ, о наполненіи сея книги различіемъ вещей, не меньше пріятныхъ, какъ и полезныхъ, дабы тѣмъ лучше на вкусъ каждаго угодить было можно“. Имена сотрудниковъ „Старины и Новизны“ [20] познакомятъ насъ съ литературными и общественными связями Рубана. М. Спиридовъ (каммергеръ) помѣстилъ здѣсь переводы: О древнихъ и новыхъ титулахъ Европейскихъ (I, стр. 5—16), Награжденное достоинство, повѣсть (I, стр. 21—48). Контръ-адмиралу А. Спиридову принадлежатъ: Исторія путешествій Скарментадовыхъ, писанная имъ самимъ, изъ Вольтера (II, стр. 86—99); Преданіе объ Индѣйскомъ Браминѣ, оттуда же (I, стр. 71—85); Разговоръ Ариста и Акротеля, оттуда же (I, стр. 85—91), и Выпись изъ дневныхъ записокъ, одного Россійскаго путешественника изъ Балтійскаго въ Средиземное море въ 1769 и 1770 году (I, стр. 18—31). И. Вейдемейеръ—статью: О воспитаніи, изъ Словаря тайныхъ повѣстей (I, стр. 105—107); Александръ Протасовъ—О церемоніяхъ или обрядахъ, изъ Вольтера (II, стр. 127—130); Г. Ѳедоровъ—Пустынникъ, разумѣющій языкъ животныхъ, Азіатское преданіе (пер. съ франц. II, стр. 170—173); Херасковъ—Стихи Катеринѣ Сергѣевнѣ Урусовой [21]; тутъ же помѣщенъ и отвѣтъ ея (II, стр. 199—206). Въ первой части „Старины“ помѣщено „Торжество дурачества надъ любовію, или разговоръ Купидона съ глупостію“ (стр. 104—105); оно переведено изъ Вольтера генералъ-поручикомъ Иваномъ Андреевичемъ Вяземскимъ, „переложено на стихи Рубаномъ“. Передѣлкѣ подверглась также „Ода въ похвалу любви“ Баркова. „испра-

вленная и дополненная позволительнѣйшими выраженіями В. Рубаномъ“ [22] (II, стр. 191—192). Въ „Старинѣ и Новизнѣ“ напечатано довольно много любопытныхъ историческихъ документовъ; таковы: 1) Письмо поздравительное со взятіемъ Турецкаго города Бендеръ къ Е. С. Графу П. И. Панину, отъ нѣкотораго духовнаго лица изъ Бѣлагорода (Самуила, впослѣдствіи митрополита кіевскаго; I, стр. 75—78); Слово въ похвалу Санктпетербурга (I, стр. 49 — 75); Историческія извѣстія о первыхъ Словено-Греко-Латинскихъ въ Россіи, Кіевскомъ и Московскомъ училищахъ (II, стр. 107—117; сообщ. митр. Самуиломъ); Точная копія сочиненной въ 1726 году отъ справщика Ѳедора Поликарпова вѣдомости о начатіи Греко-Латинской Академіи въ Москвѣ (II, стр. 117); Чинъ облаченій и прочихъ принадлежностей по сану Патріарховъ, Архіереевъ и др. духовныхъ лицъ (II, стр. 173) [23]; Рѣчь Ѳеофана Прокоповича (дост. Тепловымъ; II, стр. 130); Списокъ грамоты къ Цареградскому Патріарху о смерти Царя Алексѣя Михайловича (дост. Хлѣбниковымъ; II, стр. 180); Рѣчь Георгія Конисскаго Станиславу Августу (дост. авторомъ; II, стр. 185). Въ „Старинѣ и Новизнѣ“ находимъ и первое изъ напечатанныхъ произведеній Державина: „Ироида или письмо Вивлиды къ Кавну“ (II, стр. 31—50), переведенная съ нѣмецкаго; впрочемъ, оно попало въ журналъ этотъ безъ вѣдома переводчика [24]. Наконецъ самому Рубану принадлежатъ въ „Старинѣ и Новизнѣ“ слѣдующіе сочиненія и переводы: Гимны изъ Омира (I, стр. 16 — 18); Тропари изъ утреннихъ молитвъ, преложенные въ стихи (I, стр. 79); Надгробная надпись Преосвященному Амвросію (I, стр. 80); Удачная отвага, турецкая сказка (пер. съ нѣмецк. въ прозѣ; I, стр. 91); Эпиграмма (I, стр. 109); Повѣсть о Восточномъ мудрецѣ Шецѣ Хадбединѣ, турецкая сказка (пер. съ нѣмецк., II, стр. 1); Стихи Щербинину (II, стр. 171); Надписи (числомъ 16; II, стр. 193); Стихи на смерть іеромонаха Кирилла; На смерть славнаго закройщика Брокара; Загадка; На обрученіе В. К. Павла Петровича и В. К. Наталіи Алексѣевны; На день рожденія Павла Петровича; На день коронованія Екатерины II; Надписи (II, стр. 207—214). Такимъ образомъ въ „Старинѣ и Новизнѣ“ продолжалось риторическое стихотворство Рубана,—то стихотворство, которому обильную дань

принесъ Херасковъ. Однако творецъ „Россіады“ и „Владиміра“ не совсѣмъ благосклонно смотрѣлъ на Рубана и его піитическое поприще. Онъ говорилъ, что „Рубанъ завелъ особую шайку въ Русской литературѣ, которой онъ капитаномъ, и подобралъ себѣ Фрязиновскихъ, Лазаревичевъ и пр.“ [25]. Вообще между литераторами піитическія произведенія Рубана мало находили сочувствія. „Зачѣмъ начинающіе писатели стиховъ (говоритъ въ своихъ запискахъ М. Н. Муравьевъ) медлятъ заблаговременно питать свои дарованія прочными трудами? Зачѣмъ Муравьевъ не переводитъ Андромахи? Ханыковъ отъ омерзѣнія Рубана перешелъ къ омерзѣнію стихотворства, какой paralogisme! Зачѣмъ Рубанъ достоинъ презрѣнія? C'est pour avoir voulu se nommer poète, en se relâchant dans une mollesse infame“.

Но, несмотря на безцвѣтное содержаніе стихотворныхъ піесъ, „Старина и Новизна“ выгодно отличается отъ прежнихъ журналовъ Рубана матеріалами для русской исторіи, въ ней помѣщенными. Несмотря на насмѣшки, которыми встрѣчали стихи его, Рубанъ не могъ покинуть стихотворства и до конца своей жизни усердно служилъ своей музѣ. Прекративши изданіе „Старины и Новизны“, онъ продолжалъ печатать свои оды въ журналахъ, особенно въ „Собраніи разныхъ сочиненій и новостей“ (1776). Здѣсь находимъ его: 1) Элегію на смерть А. И. Бибикова (февраль, стр. 8—9) [26]; 2) Стихи на заложеніе Его Императорскимъ Высочествомъ Благовѣрнымъ Государемъ Цесаревичемъ и Великимъ Княземъ Павломъ Петровичемъ Петро-Павловской каменной церкви при домѣ, построенномъ для морскихъ инвалидовъ (май, стр. 8—9); 3) Стихи, сочиненные на обрученіе Ихъ Императорскихъ Высочествъ Благовѣрнаго Государя Цесаревича и Великаго Князя Павла Петровича съ благовѣрною Государынею, прежде бывшею Великою Княжною, Маріею Ѳеодоровною (октябрь, стр. 6) [27]. „Пукъ Парнасскихъ цвѣтовъ, принесенный въ даръ Бецкому“, былъ послѣднимъ стихотворнымъ произведеніемъ Рубана; онъ напечатанъ незадолго до его смерти [28]. Между тѣмъ осмѣянный стихотворецъ успѣлъ напасть на ту дорогу, которая должна была привести его къ прочнымъ заслугамъ литературѣ: Рубанъ занялся изданіемъ матеріаловъ для русской исторіи. Это было еще въ 1772 г. Тому

содѣйствовало, кажется, сближеніе съ Хлѣбниковымъ. Какъ бы то ни было, мысль о собираніи и обнародованіи историческихъ памятниковъ, столь глубоко сознанная Новиковымъ и Татищевымъ, нашла себѣ въ Рубанѣ усерднаго приверженца и исполнителя. Большею частію документы, изданные Рубаномъ, относятся къ XVII и началу XVIII вѣка. Исчисленіе ихъ покажетъ достаточно важность ихъ для русской исторіи: 1) „Походъ боярина и большаго полку воеводы Алексѣя Семеновича Шеина къ Азову, взятіе сего и Лютика городка и торжественное оттуды съ побѣдоноснымъ воинствомъ возвращеніе въ Москву, съ подробнымъ описаніемъ всѣхъ военныхъ и торжественныхъ произшествій и съ имяннымъ спискомъ бывшихъ при томъ: сухопутныхъ и морскихъ, Великороссійскихъ и Малороссійскихъ, вышнихъ и нижнихъ военачальниковъ, числѣ всѣхъ войскъ и учиненныхъ онымъ наградъ“ (Спб., 1773). 2) „Уставъ ратныхъ, пушечныхъ и другихъ дѣлъ, касающихся до воинской науки, состоящій въ 663 указахъ или статьяхъ, въ государствованіе Царей и Великихъ Князей Василія Іоанновича Шуйскаго и Михаила Ѳеодоровича, всея Русіи Самодержцевъ, въ 1607 и 1621 годѣхъ выбранъ изъ иностранныхъ военныхъ книгъ Онисимомъ Михайловымъ“ (Спб., часть 1, 1777; часть II, 1781). Изъ предисловія узнаемъ, что Потемкинъ, „чиня разборъ вещей въ мастерской оружейной палатѣ, въ его вѣдѣніи состоящей, усмотря между прочими хранящимися тамо драгоцѣнностями древнюю рукопись сего военнаго устава, приказалъ ее при военной Типографіи напечатать подъ смотрѣніемъ Рубана“. Издатель замѣчаетъ, что „ничего въ подлинникѣ находящагося при семъ тисненіи не упущено, исключая явныхъ нѣкоторыхъ погрѣшностей писцовыхъ, наипаче въ собственныхъ именахъ иностранныхъ городовъ и другихъ нарѣчій, которыя, гдѣ было возможно, по силѣ доразумѣнія исправлены“. Поправки Рубана не вездѣ могли быть удачны; кромѣ того онъ не придерживался подлинника со всею строгостію [29]. Но такой методъ изданія историческихъ памятниковъ господствовалъ у насъ въ прошломъ и даже въ началѣ настоящаго столѣтія. Издатели часто поступали такъ потому, что думали тѣмъ облегчить пониманіе памятника для читателя. Какъ смотрѣлъ Рубанъ на обнародованіе историческихъ

документовъ, видно изъ слѣдующихъ словъ того же предисловія: „Чтеніе древнихъ преданій наилучше изъясняетъ дѣянія тогдашнихъ временъ, представляетъ образъ мыслей и жизни предшественниковъ нашихъ. Со времени славнаго и благоуспѣшнаго царствованія Екатерины II, нынѣ благополучно владѣющей, Всемилостивѣйшей Государыни нашей, изданіе старинныхъ россійскихъ лѣтописей, изъ челюстей ѣдкія древности исхищаемыхъ, нарочито умножило знаніе отечественной исторіи и обогатило природный языкъ, отъ многаго чужеземныхъ нарѣчій введенія оскудѣвать начинавшій". 3) „Пѣшеходца Василія Григоровича Барскаго Плаки Албова, уроженца Кіевскаго, монаха Антіохійскаго, путешествіе къ святымъ мѣстамъ, въ Европѣ, Азіи и Африкѣ находящимся, предпріятое въ 1723 и оконченное въ 1747 году, имъ самимъ писанное; издано на иждивеніи Князя Г. А. Потемкина" (Спб., 1778, въ 4 д. л.; 2-ое изд. въ 1785 г., 2 ч.). 4) „Краткія Географическія, Политическія и Историческія извѣстія о Малой Россіи, съ пріобщеніемъ Украинскихъ трактовъ и извѣстій о почтахъ, такожъ списка духовныхъ и свѣтскихъ, тамо находящихся нынѣ чиновъ, числѣ народа" и проч. (Спб., 1773; 2-е изданіе 1777 г.). 5) „Землеописаніе Малыя Россіи, изъявляющее города, мѣстечки, рѣки, число монастырей и церквей, и сколько гдѣ выборныхъ казаковъ, Подпомощниковъ и Посполитыхъ, по ревизіи 1764 г., находилось, такожъ дополненіе о Полтавскомъ полку, извѣстіе о почтахъ и трактахъ, и алфавитная всѣмъ званіямъ роспись, какъ и дополнительная вѣдомость о церквахъ всѣхъ тамошнихъ епархій" (Спб., 1777 г.). 6) „Краткая лѣтопись Малыя Россіи съ 1506 по 1776 годъ, съ изъясненіемъ настоящаго образа тамошняго правленія, и съ пріобщеніемъ списка прежде бывшихъ Гетмановъ, Генеральныхъ Старшинъ, Полковниковъ и Іерарховъ; такожъ землеописанія съ показаніемъ городовъ, рѣкъ, монастырей, церквей, числа людей, извѣстій о почтахъ и другихъ нужныхъ свѣдѣній." (Спб., 1777). Лѣтопись эта ведена была генеральными малороссійскими писарями, бывшими при гетманахъ, начиная отъ Богдана Хмѣльницкаго до смерти Даніила Апостола. Рукопись доставлена была Рубану Георгіемъ Конисскимъ, архіепископомъ бѣлорусскимъ. Она дополнена съ 1734 по 1776 г. Александромъ Андреевичемъ

Безбородкомъ, „мужемъ, въ знаніи отечественной исторіи извѣданнымъ и способностію къ дѣписанію одареннымъ достаточно“; имъ же составлено приложенное къ лѣтописи „Изъявленіе настоящаго образа правленія Малыя Россіи“ (съ особою нумераціею римскими цифрами). 7) „Начертаніе, подающее понятіе о достохвальномъ царствованіи Петра Великаго, съ пріобщеніемъ хронологической росписи главнѣйшихъ дѣлъ и приключеній жизни сего великаго Государя“ (Спб., 1778). Писано современникомъ и распространено до сихъ поръ во многихъ рукописяхъ; имя автора неизвѣстно. 8) „Историческое, географическое и топографическое описаніе Санктпетербурга, отъ начала заведенія его съ 1703 по 1751 годъ, сочиненное Г. Богдановымъ, со многими изображеніями первыхъ зданій, а нынѣ дополненное и изданное Надворнымъ Совѣтникомъ, Правящимъ должность Директора надъ Новороссійскими училищами, Вас. Рубаномъ“ (Спб., 1779 г.). Книга посвящена императрицѣ Екатеринѣ II, потому что ей „сей градъ всѣмъ своимъ великолѣпіемъ и славою одолженъ наиболѣе“. Издавая памятники прошедшей жизни Россіи, Рубанъ старался собирать свѣдѣнія и о топографіи современной. „Пренебреженіе достопамятностей настоящаго времени (говоритъ онъ) обыкновенно возбуждаетъ негодованіе въ жителяхъ послѣдующихъ вѣковъ, и чтобы удовлетворить ихъ любопытству, многіе писатели оставили обстоятельныя городовъ своего отечества описанія“. Печатая описаніе Петербурга, составленное Богдановымъ, Рубанъ самъ исполняетъ ту же задачу въ отношеніи къ Москвѣ. 9) „Описаніе Императорскаго столичнаго города Москвы, содержащее въ себѣ: званіе городскихъ воротъ, каменныхъ и деревянныхъ мостовъ, большихъ улицъ и переулковъ, монастырей, церквей, дворцовъ, присутственныхъ и другихъ казенныхъ мѣстъ, числа обывательскихъ дворовъ и покоевъ, рядовъ, рынковъ, фабрикъ, заводовъ, кладбищъ, дорогъ, заставъ, число извощиковъ и пр. собранное въ 1775 г. и изданное въ свѣтъ для удовольствія общества“ (Спб., 1782). 10) „Изъявленіе по полосамъ губерній, намѣстничествъ и областей всей Россійской Имперіи, съ означеніемъ времени ихъ открытія, званія ихъ городовъ, положенныхъ по штатамъ, имѣющихъ округи или уѣзды, такъ же и описанія тамошнихъ мундировъ, съ присоеди-

неніемъ званія жилищъ Донскихъ и Уральскихъ казаковъ, и съ пріобщеніемъ алфавитной росписи Россійскимъ городамъ, изъявляющей коихъ они губерній и областей, и подъ которымъ они градусомъ и минутой Сѣверной широты и долготы на новосочиненной генеральной Россійской картѣ положены. Издано для пользы общества подъ смотрѣніемъ г. Н. С. В. Г. Р." (Спб., 1785). 11) „Московскій любопытный мѣсяцесловъ" (Спб., 1775). Книга эта имѣла такой успѣхъ, что еще до окончанія года разошлись всѣ ея экземпляры. Это побудило Рубана издать такой же и на высокосныя лѣта; въ слѣдующемъ году напечатанъ былъ: 12) „Московскій любопытный мѣсяцесловъ на 1776 годъ и на всѣ високосныя лѣта" (Печ. при Импер. Моск. унив.). Въ этихъ мѣсяцесловахъ помѣщены между прочимъ историческія извѣстія о нѣкоторыхъ епархіяхъ, о Московской Славяно-греколатинской академіи, Александровской семинаріи, роспись ректоровъ Кіевской академіи и т. д. 13) „Любопытный мѣсяцесловъ на 1778 г. съ показаніемъ Россійскихъ, Григоріанскихъ, Жидовскихъ и Турецкихъ числъ, и съ толкованіемъ собственныхъ именъ, въ Россійскомъ мѣсяцесловѣ находящихся" (Спб., 1778). 14) Тожъ на 1779 г. (Спб., м. 8 д. л.). Здѣсь напечатано извѣстіе о епархіи Ростовской и бывшихъ въ ней архіереяхъ. 15) „Любопытный мѣсяцесловъ на 1780 годъ. Изданъ въ свѣтъ отъ издателя прежнихъ таковыхъ мѣсяцесословъ" (Спб., м. 8 д. л.)— съ извѣстіемъ о епархіи Вятской и о бывшихъ въ ней архіереяхъ. Кромѣ этихъ изданій, слѣдуетъ упомянуть о слѣдующихъ сочиненіяхъ Рубана по русской исторіи: 1) „Россійскій царскій памятникъ, содержащій по порядку алфавита краткое описаніе жизни Россійскихъ Государей, ихъ супругъ и чадъ, коихъ имена внесены въ реестръ царскихъ паннихидъ, съ показаніемъ времени и мѣста рожденія, кончины и погребенія оныхъ" (Спб., 1783; изд. 5-е въ 1785 г.); 2) „Краткій степенникъ владѣтельныхъ Великихъ Князей, Императоровъ и Императрицъ Всероссійскихъ, изд. В. Р." (Спб., 1786 г.).

Рубанъ оставилъ послѣ себя нѣкоторыя подражанія и переводы съ древнихъ и новыхъ языковъ. Онъ любилъ древность и старался знакомить съ нею русскихъ читателей [30]...

Е. И. КОСТРОВЪ.

Костровъ, Ермилъ Ивановичъ, родился въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Онъ былъ сынъ вобловицкаго экономическаго крестьянина (Вятской губерніи)[1]. Какъ началось воспитаніе Кострова, и какими судьбами въ крестьянскомъ мальчикѣ появилась жажда образованія, какими средствами удовлетворялась она, не знаемъ. Говорятъ, Костровъ называлъ себя сыномъ дьячка[2]; можетъ быть, это самозванство такъ же было ему нужно, какъ и другому крестьянину, который изъ Холмогоръ пришелъ въ Москву и рѣшился назваться сыномъ священника, чтобы только отворились для него ворота Заиконоспасскаго училища. Какъ бы то ни было, Кострова въ 1773 г. встрѣчаемъ мы въ Вятской семинаріи. Къ этому времени относится первое напечатанное произведеніе его—„Стихи святѣйшаго Правительствующаго синода конторы члену, Новоспасскаго ставропигіальнаго монастыря Высокопреподобнѣйшему отцу архимандриту Іоанну". Стихи эти Костровъ „дерзнулъ" принести „въ чаяніи милостиваго благопризрѣнія и отеческаго милосердія къ несчастнымъ любителямъ наукъ". Начиная свое литературное поприще просьбою въ стихахъ, Костровъ уже прямо указываетъ, къ какому литературному направленію примкнетъ онъ впослѣдствіи. Въ этомъ первомъ произведеніи Кострова есть мѣста, полныя искренняго и глубокаго чувства. Могло ли быть иначе, когда для крестьянина, для несчастнаго любителя наукъ рѣшался, можетъ быть, вопросъ всей жизни, быть или не быть?

Хотя Небесный Обладатель,
Натурѣ Кой законы далъ,
Какъ щедрый всякихъ благъ Податель,
Способность ту въ мой духъ вліялъ,
Чтобъ свѣтъ наукъ свободныхъ зрѣти,
И въ нихъ убѣжище имѣти,
Минервѣ посвятивъ себя;
Ея храмъ домомъ почитая,
Какъ храмъ премудрости любя,
Доброту нравовъ получая:
Но что судьба мнѣ учинила?
Она лишаетъ сихъ трудовъ.
О если бы ты не вкусила
Моя душа такихъ плодовъ!
Что отъ ученій происходятъ,
Съ собою счастіе приводятъ;
То-бъ сносно было ихъ не знать.
Но нынѣ, сколь ударъ несносный!
Познавши сладость ихъ, терять.
Чувствительный ударъ и злостный!

Комментарій къ этимъ стихамъ составилъ бы лучшій эпизодъ біографіи Кострова. Къ сожалѣнію, неизвѣстно, какія нужды и напасти гнали ученика Вятской семинаріи; самое стихотвореніе даетъ только легкій намекъ на „руку злобной зависти“; виденъ только разладъ между стремленіями Кострова къ образованію и поэзіи и между житейскою обстановкою, среди которой ему суждено было дѣйствовать. Этотъ разладъ съ дѣйствительностію, это постоянное уничтоженіе идеаловъ силою ея составляютъ отличительную черту біографіи Кострова, сопровождая нашего поэта отъ дверей отцовской избы до могилы. Въ литературныхъ произведеніяхъ Кострова онъ не отражается: торжественная ода слишкомъ далека своимъ содержаніемъ отъ той низменной сферы, въ которой прозябалъ Костровъ; но немногіе намеки біографовъ, житейскія обстоятельства самого переводчика „Иліады“ даютъ ясно видѣть, что судьба не баловала его, по крайней мѣрѣ была глуха и безотвѣтна къ его лучшимъ надеждамъ. Въ упомянутой одѣ архимандриту Іоанну, который для многихъ былъ меценатомъ, Костровъ сожалѣетъ, что ему нѣтъ возможности взойти на „отверстый прочимъ Геликонъ“. Забывая разстояніе, отдѣляющее его отъ мецената, Костровъ проситъ покровительства во имя человѣческихъ своихъ правъ:

Натура склонность въ насъ вліяла,
Чтобы другъ друга сохранять:
Мы всѣ отъ одного начала
И всѣ имѣемъ жизнь кончать...

Какъ видно, страсть къ стихотворству и любовь къ образованію уже сильно были развиты въ Костровѣ; можетъ быть, онѣ только и могли открыть ему жизненную дорогу. Онъ обращается къ Іоанну со словами:

Отверзи мнѣ, о Покровитель!
Желанный Аполлоновъ храмъ,
Гдѣ онъ начальникъ и правитель
Съ соборомъ Нимфъ ликуетъ самъ.

Вѣроятно, Кострову хотѣлось продолжать свои занятія въ высшемъ учебномъ заведеніи. Въ 1775 г. Костровъ уже былъ студентомъ богословія въ Московской Славяно-греко-латинской академіи. Здѣсь продолжалъ онъ заниматься стихотворствомъ; въ 1775 г. „въ знакъ своего высокопочитанія“ Костровъ поднесъ „Епистолу“ Платону „во время полученія Его Преосвященствомъ драгоцѣннѣйшія митры и панагіи предстательствомъ Г. А. Потемкина“.

Въ Славяно-греко-латинской академіи Костровъ изучилъ *піитическія правила* ректора Аполлоса. Они говорили, что „поэзія или стихотворство есть наука всякую вещь или данную матерію метрически или по мѣрѣ стопъ описывать съ нѣкоторымъ подражательнымъ вымысломъ къ пользѣ и увеселенію слушающихъ или читающихъ“ [3]. Костровъ вѣренъ былъ этимъ піитическимъ правиламъ, которыя указывали ему на Ломоносова, Сумарокова, Хераскова какъ на образцовыхъ поэтовъ и которыя всю лирическую поэзію низводили до ремесла писать похвальные стихи на всякіе случаи. Вотъ это опредѣленіе лирической поэзіи, обусловленное отчасти состояніемъ русской литературы въ то время и ея предшествующимъ развитіемъ: „Поэзія лирическая есть искусство писать похвальные стихи, особливо оды; изобрѣтена въ честь и прославленіе верховнаго Существа. Описываются симъ родомъ поэзіи торжества, радости, похвалы мужей и другихъ вещей, временъ, праздниковъ, публичныхъ мѣстъ и пр.“ [4].

Съ такими понятіями поступилъ Костровъ въ Московскій университетъ, гдѣ и произведенъ былъ въ баккалавры въ 1779 г. Въ 1782 г. Костровъ произведенъ во второй офицерскій чинъ—провинціальные секретари; далѣе не шло его повышеніе по чинопроизводству. Онъ велъ безпечную жизнь и, кажется, не состоялъ въ службѣ, занимаясь только литературою,—явленіе рѣдкое на Руси въ прошедшемъ столѣтіи. На такое самопожертвованіе отваживались немногіе, потому что литература не обезпечивала въ то время существованія своихъ жрецовъ. Ѳ. Г. Каринъ помогалъ Кострову, и переводчикъ „Иліады“ даже жилъ у него нѣкоторое время [5], потомъ у Ив. Ив. Шувалова, гдѣ домашніе „обращались съ нимъ, почти не замѣчая его, какъ домашнюю кошку, къ которой привыкли“ [6]; а потомъ деньги, полученныя за какую-нибудь похвальную оду, поддерживали темное существованіе Кострова. Есть преданіе, что Кострову хотѣлось учить поэзіи съ каѳедры, и когда не сбылась эта пламенная мечта его, когда не удалось ему занять извѣстное мѣсто въ общественной іерархіи, онъ съ горя прибѣгнулъ къ утѣшительному дѣйствію даровъ Бахуса [7]. Въ этомъ преданіи, можетъ быть, много правды. По крайней мѣрѣ страсть Кострова не подлежитъ сомнѣнію; она дала поводъ біографамъ его сдѣлать Кострова героемъ множества забавныхъ анекдотовъ, за достовѣрность которыхъ не всегда можно поручиться. Всѣ они впрочемъ согласны въ томъ, что „несчастный любитель наукъ“, доведенный безпорядочною жизнію до полнаго цинизма, въ обществѣ гулякъ и постоянныхъ посѣтителей трактировъ и кабаковъ—сохранилъ силу и благородство чувства, теплое сочувствіе къ человѣку. Вотъ какъ описываютъ наружность Кострова: „Небольшаго роста, головка маленькая, нѣсколько курносъ, волосы приглажены, тогда какъ всѣ носили букли и пудрились; колѣнки согнуты, на ногахъ стоялъ не твердо, и былъ вообще, что называется, рохля“ [8]. Но эта забавная фигурка отличалась особеннымъ добродушіемъ, простотою, безобидчивостью и безотвѣтностью. Его вывели въ какой-то комедіи, и Костровъ съ удовольствіемъ слушалъ тѣ явленія, въ которыхъ онъ былъ выведенъ въ смѣшномъ видѣ. „Ахъ онъ пострѣлъ,—говаривалъ онъ объ авторѣ,—да я въ немъ и не подозрѣвалъ такого ума. Какъ онъ славно потрафилъ меня!“ [9]

Костровъ посвятилъ себя музамъ и Бахусу и палъ жертвою послѣдняго. Тяжелы были послѣдніе годы его жизни. Сильная болѣзнь овладѣла нашимъ стихотворцемъ; какія-то странныя видѣнія мучили его, какъ бы укоряя за прежнюю жизнь [10]. Раскаяніе и тяжелое сознаніе безпорядочно прожитой жизни терзали Кострова. Бѣдный стихотворецъ умеръ (9 декабря 1796 г.) на какомъ-то заброшенномъ чердакѣ, позабытый всѣми; сострадательные люди погребли его на свой счетъ [11]. Веселость не покидала Кострова до могилы. Карамзинъ встрѣтился съ нимъ, незадолго до его кончины, въ книжной лавкѣ. Костровъ измученъ былъ лихорадкою. „Что это съ вами сдѣлалось?“—спросилъ его Карамзинъ.—„Да вотъ какая бѣда“,—отвѣчалъ онъ,—„всегда употреблялъ горячее, а умираю отъ холоднаго“ [12].

Литературная извѣстность Кострова основывается болѣе на переводахъ его, нежели на оригинальныхъ сочиненіяхъ. Какъ Ломоносовъ обязанъ былъ писать на разные случаи похвальныя оды, которыя издавались отъ лица Академіи наукъ, такъ и Костровъ былъ оффиціальнымъ поэтомъ Московскаго университета: на торжественныхъ собраніяхъ профессора не разъ читали стихи Кострова, какъ выраженіе чувствъ и мыслей университета. Торжественная ода Кострова часто была оффиціальнымъ голосомъ цѣлой корпораціи, своего рода дѣловою бумагою, къ которой привыкъ, которую любилъ XVIII вѣкъ. Еще на школьной скамьѣ Костровъ пріучился вѣрить, что торжественными одами описываются „торжества, радости, похвалы мужей и другихъ вещей, временъ, праздниковъ, публичныхъ мѣстъ и проч.“. Современная литература русская въ лицѣ авторитетовъ своихъ могла только укрѣпить въ немъ наставленія, вынесенныя изъ школы, и, приступивши на дѣлѣ къ практическому осуществленію твердо выученныхъ піитическихъ правилъ, Костровъ, естественно, легко приведенъ былъ къ тѣмъ пріемамъ, которые съ Ломоносова какъ бы по наслѣдству переходили къ нашимъ одописцамъ; ода Кострова вылилась въ ту же форму, которая была приготовлена Ломоносовымъ и его послѣдователями. Бѣдно было содержаніе торжественной оды; не было въ немъ живаго начала, которое бы вдохновительно обняло душу поэта и затронуло самыя нѣжныя ея струны. Авторъ не сочувствовалъ

искренно тому, что̀ воспѣвалъ на своей небывалой лирѣ; бѣдность, пустоту содержанія приходилось ему прикрывать внѣшнимъ аппаратомъ, искусственными украшеніями и наборомъ неестественныхъ, дѣтски наивныхъ, до цинизма и безсмыслія льстивыхъ гиперболъ. Въ одахъ Кострова встрѣчаются мѣста такого рода:

Раждаемой Екатеринѣ
Я лучъ премудрый излію,
Разсыплю Ею гордыхъ царства,
Расторгну зависти коварства,
Въ путѣхъ строптиваго препну,
Трофеи *самъ* предъ Ней воздвигну... [18]

Это говоритъ самъ „Адонаи Господь“. Называть людей полубогами, земными богами, приписывать имъ божественныя совершенства торжественной одѣ не казалось неумѣстнымъ. Нельзя сказать, чтобы такая откровенная и нехитрая лесть имѣла источникомъ легкую нравственность писателя; но онъ не имѣлъ права дѣлать литературу органомъ легкомысленныхъ похвалъ. Едва ли Костровъ добивался своими одами денегъ и отличій; не черезъ оду могъ онъ получить ихъ, потому что въ прошедшемъ столѣтіи писатель на Руси считался пустымъ фантазеромъ, неспособнымъ къ серьезной работѣ и служебной дѣятельности. Суворовъ называлъ Кострова своимъ пріятелемъ; послѣдній посвятилъ ему свой переводъ Оссіана. Суворова не разъ прославлялъ Костровъ:

Мнѣ Геній лиру далъ съ улыбкой нѣжныхъ взоровъ,
И лира пѣть велитъ:
Великъ, великъ Суворовъ.

Но нашъ поэтъ имѣлъ очень непритязательныя желанія; объ одномъ просилъ онъ покорителя Измаила:

Прочти мои стихи, побѣдами рожденны,
Всеобщею къ тебѣ любовью воскриленны;
Въ нихъ чувствія мои, въ нихъ чувства гражданъ всѣхъ
Къ тебѣ, защитнику спокойства и утѣхъ.
Умѣешь побѣждать, люби побѣдъ награду,
Прочти съ улыбкою миролюбиво взгляду,
Я удостоюся такихъ тогда похвалъ,
Какъ будто бы и я Турецку крѣпость взялъ.

Знакомъ особеннаго расположенія Суворова къ Кострову было то, что онъ называлъ своего пѣвца по имени и отчеству,— честь, которой удостоивались немногіе. Источникъ преувеличенныхъ похвалъ, которыя такъ щедро расточались торжественною одою Кострова, не лесть, а неестественное положеніе писателя, обязаннаго восторгаться въ извѣстные дни и случаи. Принявши отъ французовъ внѣшнія свойства оды, Ломоносовская школа не нашла въ дѣйствительности содержанія для своихъ пѣсенъ, остановилась на внѣшности, и торжественная ода превратилась въ полный формализмъ. Никто, конечно, не будетъ искать поэзіи въ этихъ произведеніяхъ Кострова; природа не создала его поэтомъ. Если можно признавать въ одахъ Кострова какое-нибудь достоинство, то развѣ одинъ стихъ, для своего времени довольно легкій. Немногосложны пріемы оды Кострова, наслѣдованные отъ Ломоносова; всѣ они сводятся къ немногимъ мыслямъ, фигурамъ и оборотамъ; во многихъ одахъ повторяется одна и та же фигура, видоизмѣняется одинъ и тотъ же приступъ: такъ скудно было содержаніе оды! Въ сатирическихъ журналахъ нашихъ (1769 г.) мелькомъ прорывалась горькая правда относительно торжественной оды. Представители демократическаго начала, они осуждали обычай подносить похвальныя оды знатнымъ лицамъ въ извѣстные случаи. „Смѣсь“ 1769 г. разсуждаетъ такимъ образомъ: „Имѣетъ ли простой народъ добродѣтели? и того не знаю. Затѣмъ, что стихотворцы прославляютъ добродѣтели лирическимъ гласомъ, однако я никогда не читалъ похвальной оды крестьянину, также какъ и клячѣ, на которой онъ пашетъ. Но простой народъ терпѣливъ: онъ сноситъ голодъ, жаръ, стужу, презрѣніе отъ богатыхъ, гордость знатныхъ, нападки отъ управителей, разореніе отъ помѣщиковъ, однимъ словомъ, отъ всѣхъ, кои его сильнѣе. Можно признаться, что онъ терпѣливъ: однако не смѣю еще вмѣнить сіе въ добродѣтель, затѣмъ что добродѣтели присвояются однимъ благороднымъ“ (листъ 25, стр. 195). Въ томъ же журналѣ высказано, что Пегасъ сшибъ съ себя Хераскова (стр. 163—164).

Въ одахъ Костровъ принялъ за образецъ Ломоносова. Признавая слабость своего „лирнаго гласа“, онъ говоритъ:

О, еслибъ Пиндаръ быстрый съ нами
Еще на свѣтѣ пребывалъ,—
Онъ въ пѣсняхъ бы своихъ хвалами
Твои [14] побѣды увѣнчалъ;
При первомъ онъ Твоемъ восходѣ
Послѣдній отдалъ долгъ природѣ,
Сокрылся Росскихъ Музъ орелъ.
Мы хощемъ тщетно такъ стремиться,
Птенецъ не можетъ соравниться,
Хотя-бъ желаніемъ горѣлъ.

Подобно Ломоносову Костровъ употребляетъ славянскіе обороты, подобно ему вноситъ въ оду библейскій элементъ. Лира Державина потрясла литературныя убѣжденія Кострова. Дѣйствительность, голосъ которой почти не слышенъ въ одахъ Ломоносова и Кострова, получила въ поэзіи Державина болѣе правъ. Намековъ на живыя лица не найдемъ въ торжественной одѣ Ломоносова, которая отвлекала отъ событія только немногія общія, легко стирающіяся черты и переносила его въ область миѳологическихъ божествъ; поэзія Державина безъ историческаго комментарія для насъ почти непонятна. Въ одахъ Кострова также мало чувствуется присутствіе жизни и дѣйствительности. „Фелица“ Державина, встрѣченная съ восторгомъ въ литературѣ, заставила Кострова убѣдиться, что лучше держаться простоты, что

Нашъ слухъ почти оглохъ отъ громкихъ лирныхъ тоновъ,
И полно, кажется, за облаки летать;
Чтобъ, равновѣсія не соблюдя законовъ,
Летя съ высотъ и рукъ и ногъ не изломать.

Въ самомъ дѣлѣ, оды Державина нанесли рѣшительный ударъ торжественной одѣ Ломоносовской школы, и Костровъ умѣлъ оцѣнить эту перемѣну въ русской піитикѣ:

Признаться, видно, что изъ моды
Ужъ вывелись *парящи* оды.
Ты простотой умѣлъ себя средь насъ вознесть!

Впрочемъ въ одѣ Кострова нельзя не замѣтить нѣжнаго элемента, почти не выступающаго у другихъ стихотворцевъ. Задолго до Карамзина онъ вносилъ въ литературу сантиментальное на-

чало какъ нѣкоторыми мелкими стихотвореніями, такъ и своими переводами. Сюда относится: Поэма Эльвирь, сочиненіе старшаго Арнода, и Зенотемисъ, приключеніе Марсельское, сочиненіе младшаго Арнода (въ Москвѣ, 1779 г.).

По приглашенію Новикова, Костровъ перевелъ „Золотаго Осла“ Апулея, который въ литературѣ мистиковъ имѣлъ также свою роль. Этимъ переводомъ Костровъ занимался въ деревнѣ Хераскова; въ одной комнатѣ съ нимъ жилъ тамъ и П. Страховъ, переводившій тогда книгу Сенъ-Мартена „О заблужденіяхъ и истинѣ“. Въ то время, какъ Страховъ ломалъ голову надъ непонятными страницами французскаго философа, Костровъ не могъ удержаться отъ смѣха, передавая русскимъ языкомъ забавное повѣствованіе Апулея. Переводъ этотъ напечатанъ подъ заглавіемъ: „Луція Апулея Платонической секты философа Превращеніе, или Золотой Оселъ. Перевелъ съ Латинскаго Императорскаго Московскаго Университета баккалавръ Ермилъ Костровъ“ (двѣ части. М. 1780).

Съ именемъ Кострова долго соединялся почетный титулъ переводчика „Иліады“. Въ 1787 г. явился этотъ въ свое время знаменитый переводъ подъ заглавіемъ: „Гомерова Иліада, переведенная Ермиломъ Костровымъ во градѣ Св. Петра“ (въ 4-ю д. л.). По словамъ нѣкоторыхъ старожиловъ нашей литературы, Костровъ перевелъ вполнѣ первыя двѣнадцать пѣсенъ „Иліады“; но книгопродавецъ за вторую половину перевода не давалъ болѣе 150 рублей, и раздосадованный переводчикъ бросилъ ее въ огонь [15]. Въ 1811 г. отыскались седьмая, восьмая и половина девятой пѣсни „Иліады“ въ переводѣ Кострова; онѣ тогда же были напечатаны въ „Вѣстникѣ Европы“ (№№ 14 и 15).

Гомеръ былъ, кажется, любимымъ чтеніемъ Кострова. И въ одахъ, и въ примѣчаніяхъ къ Апулею видно близкое знакомство съ Гомеромъ. Разумѣется, Костровъ смотритъ на него съ точки зрѣнія французской теоріи эпоса. Въ одѣ на рожденіе Александра Павловича (1778 г.) онъ спрашиваетъ:

Но кто витійствомъ слова силенъ
Россійску радость изъяснить?
Какой страны языкъ обиленъ
Гомеровы струи излить?

Для Кострова въ Гомерѣ слились всѣ тѣ достоинства, которыми должна отличаться торжественная ода. Костровъ смотритъ на „Иліаду“ чрезъ очки піитика Буало. Для него эпопея была самымъ возвышеннымъ родомъ поэзіи; эпическій поэтъ, по словамъ Буало,

S'égaie en mille inventions,
Orne, élève, embellit, agrandit toutes choses,
Et trouve sous sa main des fleurs toujours écloses.

Въ эпопеѣ дѣйствуютъ герои, въ которыхъ все, даже самые недостатки, должно казаться героическимъ; этимъ героемъ не можетъ быть какой-нибудь conquérant vulgaire: герой эпоса долженъ быть

En valeur éclatant, en vertus magnifique.

Костровъ воспитался на схоластическихъ формальностяхъ піитическихъ правилъ Аполлоса, на условныхъ понятіяхъ французскаго классицизма. Онъ удивляется въ Гомерѣ „витійственному искусству“ [16]; онъ не видитъ никакого кореннаго различія между „Иліадою“ и „Россіадою“. Въ одѣ „На день рожденія Его Превосходительства М. М. Хераскова“ онъ говоритъ:

Се тако, Меценатъ! на лонѣ Музъ прекрасномъ
Воспитанъ ты для насъ Костальскихъ дѣвъ млекомъ;
Цвѣтъ юности твоей созрѣлъ при Фебѣ ясномъ
И полдень лѣтъ твоихъ обогащенъ плодомъ:
Поя героевъ нашихъ славу
И Росска божества державу,
Тѣмъ сей текущій вѣкъ и самъ себя вознесъ;
Вѣнецъ *гремящей* поэзіи
Тобой имѣемъ мы въ Россіи
И незавиденъ намъ Эней и Ахиллесъ.

Если и можно заподозрить нѣсколько искренность послѣдняго стиха, обращеннаго къ меценату, то съ другой стороны все это мѣсто показываетъ, какое содержаніе (слава героевъ) долженъ былъ имѣть эпосъ по мнѣнію Кострова, въ чемъ состояло его совершенство (гремящая поэзія). Взглядъ французской теоріи на эпосъ не могъ не отразиться въ переводѣ Кострова. Посланный Зевсомъ Сонъ, принявши видъ Нестора, говоритъ Ахиллесу:

Ты спишь, ты спишь всю ночь, *внчанный сынъ героевъ* [17].
(*Ἀτρέος υἱὲ δαΐφρονος ἱπποδάμοιο*).

Отсюда объясняются выраженія: „течетъ въ собраніе геройскою ногой", „ликъ героевъ" (стр. 303), „изящный Протезилай" (стр. 327); „потомъ (Агамемнонъ) себя *во блескъ* порфиры облекаетъ" (стр. 301; *μαλακὸν δ' ἔνδυνε χιτῶνα*). Сантиментальность также проглядываетъ въ переводѣ „Иліады": мать врабьихъ осьми птенцовъ кричала съ томностью (*ὀδρομένη*, II, 315). Вслѣдъ затѣмъ читаемъ, что

Змій ея крыло
Схватя, *пустилъ ее въ несытое жерло.*

Послѣднее выраженіе вызываетъ невольную улыбку своею противоположностію съ романтическою *томностью*. Менелай говоритъ у Кострова:

Внушите вси мой гласъ (?); я грустью отягченъ
Я горестьми ношу духъ томный утоенъ.

Эта метафора вмѣстѣ съ *томнымъ крикомъ* воробья принадлежитъ нашему переводчику. „Послушайте меня",—говоритъ Менелай въ „Иліадѣ", — „ибо въ мою душу особенно печаль эта входитъ; меня особенно это заботитъ,—mich geht die Sache vorzüglich an", какъ переводитъ Кёппенъ въ своей „Vorschule zum Homer". У Кострова, кромѣ чуждаго оттѣнка, выраженіе получило другой смыслъ. Ирида говоритъ Еленѣ, что Парисъ и Менелай готовятся къ битвѣ, и замѣчаетъ, что Елена будетъ женою побѣдителя.

Рекла, и нѣжна страсть,—о чудныя премѣны!—
Къ супругу первому вліялась въ грудь Елены (стр. 342).

Переводу Кострова нельзя отказать во вліяніи на Гнѣдича, какъ можно видѣть изъ сравненія слѣдующихъ мѣстъ:

Ликъ юношей младыхъ вблизи его (Хриза) стоялъ
И пятизубные рожны въ рукахъ держалъ:
Когда же пламенемъ всѣ лядвіи истлились
И Греки, *отъ утробъ вкусивши*, усладились,
Останки прочихъ мясъ на части *раздробивъ*,

На острые *рожны* ихъ тщательно вонзивъ,
Готовятъ въ снѣдь огнемъ, рачительно имъ внемлютъ
И, зря въ готовности, съ рожновъ искусно снемлютъ (стр. 292).

У Гнѣдича:

Юноши окрестъ его *въ рукахъ пятизубцы держали.*
Бедра сожегши, они и *вкусивши утробъ отъ закланныхъ,*
Все остальное дробятъ на куски, прободаютъ *рожнами,*
Жарятъ на нихъ осторожно и, все уготовя, снимаютъ (I, 460—466).

Переводъ Кострова:

Согнили корабли, канаты всѣ истлѣли (стр. 304).
Искусно бо ткала покровъ блистающъ, чудный,
Изобразующе на немъ сраженья трудны (стр. 341).

Въ переводѣ Гнѣдича:

Древо у насъ въ корабляхъ изгниваетъ, канаты истлѣли (II, 135).
Ткань великую ткала,
Свѣтлый, двускладный покровъ, образуя на ономъ сраженья
(III, 125 –126).

Строгій послѣдователь Ломоносовской школы, Костровъ не отступилъ отъ требованій своего учителя, по которымъ высокій штиль, т. е. подъ преобладаніемъ церковно-славянскаго языка, составлялъ необходимую форму эпопеи [18]. Не забытъ и дательный самостоятельный, неудачно возобновленный „Одиссеею“ Жуковскаго. Напримѣръ:

Готовымъ сущимъ въ брань полкамъ племенъ различныхъ
и т. д. (стр. 336).

Костровъ переводилъ „Иліаду“ риѳмованными александринами, а не гекзаметромъ; думаютъ—потому, что послѣдній размѣръ опозоренъ былъ „Телемахидою“ Тредьяковскаго. Но творецъ „Телемахиды“, въ теоріи высказывавшій много правды, справедливо замѣтилъ: „Комужъ изъ читателей, свѣдущихъ въ семъ дѣлѣ силу, нечувствительно, что стихи, оканчивающіеся *риѳмами*, отнюдь не способны къ произведенію такого, какое теперь описано (т. е. ровнаго, спокойнаго), теченія въ словѣ? Риѳмическіе стихи, состоящіе впрочемъ и стопами дву-

сложными, отнюдь не могутъ продолжать непрерывнаго такого шествія, каковаго требуетъ героическая піима, кольмижъ паче стихи, не имѣющіе стопъ, кромѣ риѳмы, какъ-то итальянскіе, аглинскіе, ишпанскіе, французскіе и польскіе. Ибо каждый стихъ сего состава, не терпя переносовъ изъ предыдущаго стиха въ послѣдующій, на концѣ своемъ вдругъ переламывается, и чрезъ то останавливается вдругъ же. Такіе стихи суть не рѣка, текущая сверху внизъ, непрестанно и безпреломно къ удаленному своему предѣлу: они—студенецъ нѣкій, бьющій снизу вверхъ, и дошедши до своея близкія высоты, пресѣкается и обращается стремглавъ внизъ паки, такъ что всякій стихъ свой порогъ собственный имѣетъ и шумитъ на ономъ... Вымыслъ сей оледенѣлый (риѳма) есть Гоѳическій, а не Еллинское и Латинское, благорастворенным жаромъ блистающее и согрѣвающее окончательство“ [19].

ЛИТЕРАТУРНЫЯ МЕЛОЧИ НЕУРОЖАЙНАГО ГОДА (1786).

Въ началѣ 1782 года московскій губернаторъ Архаровъ издалъ „таксу, по какимъ цѣнамъ въ Москвѣ печеные хлѣбы, решетные, мельничные, ситные, крупичатые и простые, крупичатые крендели, сайки, булки, французскіе хлѣбы, сего 1782 г. января съ 10-го, впредъ до будущей расцѣнки продавать“ Распоряженіе это заканчивалось слѣдующимъ предостереженіемъ: „Если кто изъ хлѣбныхъ промышленниковъ найдется, что продавать будетъ хлѣбъ и прочее меньше вѣсомъ, или сырые, или дороже цѣною, оные, въ силу указа 1725 года января 14 дня, имѣютъ быть наказаны кошками въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они торгуютъ, и тотъ сырой или маловѣсный хлѣбъ взятъ будетъ на гошпиталь“. Такса постановляла, между прочимъ, отпускать рѣшетнаго изъ ржаной муки хлѣба „на одну копѣйку—2 фунта $55^1/_4$ золотниковъ, на 2 копѣйки—5 фун. $14^1/_2$ золотниковъ“ и т. д. „Пудъ имѣетъ быть $15^1/_2$ копѣекъ“ [1]. Въ 1782 году средняя цѣна ржи, въ продажѣ изъ московскихъ лавокъ, была: 1 р. 30 к. за четверть, 17 коп. за пудъ ржаной муки [2].

Въ 1784 году хлѣбъ уже вздорожалъ въ Петербургской губерніи. 14 марта императрица писала шведскому королю Густаву III: „Еслибъ ваше величество пожелали узнать, что дѣлается въ нашихъ краяхъ, то вы услышали бы, что здѣсь очень жалуются на скудость хлѣба, на рѣдкость денегъ, на трудности въ настоящемъ; старые люди хвалятъ прошлое, а молодые прыгаютъ и пляшутъ“ [3]. Въ октябрѣ того же года послѣдовало

слѣдующее Высочайшее повелѣніе на имя Архарова, правившаго въ то время должность генералъ-губернатора Новгородскаго и Тверскаго намѣстничествъ: „По надобности здѣсь въ хлѣбѣ не только для столицы и разныхъ мѣстъ Санктпетербургской губерніи, но и для снабдѣнія онымъ въ Выборскомъ намѣстничествѣ селеній, нужду въ томъ имѣющихъ, желаемъ, чтобъ вы, не упуская еще нынѣшняго къ водоходству способнаго времени, приказали суда, съ хлѣбомъ пловущія, выслать скорѣе въ Ладожской каналъ, дабы они во время сюда поспѣть могли... Да и вовсе неполезно, чтобъ хлѣбъ и товары зимовали по водянымъ комуникаціямъ, понеже къ перекупамъ и вреднымъ монополіямъ подаютъ поводъ“ [4].

Въ 1785 году урожай хлѣба въ Россіи былъ вообще „худой“ [5]; во всей Пермской губерніи былъ неурожай [6]. Въ Петербургѣ, въ концѣ этого года, четверть ржи продавалась по 4 р. 50 к. [7].

Въ слѣдующемъ году неурожай охватилъ внутреннія губерніи Россіи. Въ Москвѣ цѣна на хлѣбъ быстро поднималась: въ январѣ 1786 года четверть ржи стоила 2 р. 20 к., пудъ ржаной муки—34 коп.; въ іюнѣ четверть ржи продавалась уже по 3 р. 40 к., пудъ ржаной муки—по 47 к.; въ декабрѣ четверть ржи стоила 4 руб., пудъ ржаной муки—56 коп. [8]. 27 марта Высочайше повелѣно было тому же Архарову, согласно представленію его: 1) Изъ числа хлѣба, въ ономъ представленіи означеннаго, оставить въ сельскихъ магазинахъ, въ удобнѣйшихъ мѣстахъ, третью часть для ссуды хозяйственнымъ образомъ, въ потребныхъ случаяхъ, неимущимъ и прямую нужду въ семъ имѣющимъ; 2) изъ остальнаго хлѣба учредить запасные магазины въ городахъ Твери, Вышнемъ Волочкѣ и въ Новѣгородѣ, стараясь, чтобъ таковое заведеніе служило пособіемъ въ нуждѣ, средствомъ противъ возвышенія цѣнъ, со временемъ же и облегченіемъ для продовольствія войскъ [9]. 24 августа 1786 г. англійскій посланникъ при русскомъ дворѣ Фицъ-Гербертъ доносилъ маркизу Кармартену: „Здѣсь очень озабочены извѣстіями, полученными изъ внутреннихъ областей государства (aus dem Innern des Reichs), что жатва этого года, *какъ и послѣдняго*, окажется въ высшей степени неблагопріятною,—обстоятельство тѣмъ болѣе тревожное, что цѣна хлѣба *съ каждымъ днемъ* поднимается, хотя

вывозъ его на нѣкоторое время запрещенъ“ [10]. Въ Петербургѣ изысканіемъ мѣръ противъ дороговизны (въ Петербургѣ) хлѣба занималась особая „Хлѣбная коммиссія“ [11], состоявшая изъ графа Шувалова, графа Воронцова, генералъ-провіантмейстера Маврина и А. В. Храповицкаго. На основаніи доклада этой коммиссіи императрица 22 іюня повелѣла петербургскому губернатору Коновницыну, „въ отвращеніе на нынѣшнее время недостатка въ хлѣбѣ и дороговизны для здѣшней Нашей столицы, 1) запасный здѣшній магазинъ тотчасъ открыть на продажу людямъ, въ хлѣбѣ нужду имѣющимъ, съ точнымъ наблюденіемъ правилъ, тамъ установленныхъ относительно мелкой продажи, въ пресѣченіе способа перекупщикамъ доставать продаваемый хлѣбъ въ свои руки для возвышенія цѣны въ собственный ихъ прибытокъ; 2) отпускъ ржи и муки ржаной за границу отъ Санктпетербургскаго порта остановить впредь до указа, не распространяя однакожъ сего запрещенія до другаго рода хлѣба, законтрактованную же для сего отпуска рожь обратить на подкрѣпленіе запаснаго магазина, заплатя не только цѣну, за которую она законтрактована, но и сверхъ сего 10 процентовъ законтрактовавшимъ покупщикамъ на ту цѣну, по коей поставлены ими условія“. Тѣмъ же указомъ повелѣно изъ петербургскаго запаснаго магазина продавать (впредь до дальнѣйшаго распоряженія) „муки ржаной по 45 копѣекъ за пудъ, или по 4 р. и по 5 коп. девятипудоваго вѣсу куль“ [12]. 28 іюня послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи „Государственнаго заемнаго банка“: этимъ учрежденіемъ имѣлось въ виду дать дворянству помощь для ободренія и умноженія земледѣлія. „Вѣдома истина (говорилось въ этомъ повелѣніи), что земледѣліе есть первый источникъ богатства, и аки сосцы, питающіе все государство, много подаетъ изобилія симъ прилежаніе къ оному; но еще больше пользуютъ большіе же самой землѣ задатки“ [13]. Открытіе дешевой продажи хлѣба бѣднымъ, изъ петербургскаго запаснаго магазина, не облегчило голодавшій петербургскій людъ: хлѣбныхъ запасовъ оказалось такъ мало, что они были распроданы *въ два дня*. Фицъ-Гербертъ доносилъ маркизу Кармартену: „Ваше лордство можете составить себѣ понятіе о безстыдныхъ злоупотребленіяхъ, которыя здѣсь

практикуются, если я вамъ сообщу, что при началѣ нынѣшней дороговизны императрица издала повелѣніе, чтобы открыты были запасные магазины и хлѣбъ изъ нихъ ежедневно отпускался бѣднымъ по опредѣленной таксѣ; вмѣсто же того оказалось, что вслѣдствіе растраты, сдѣланной офицеромъ, которому порученъ былъ надзоръ за этими припасами и который клалъ себѣ въ карманъ деньги, данныя ему на покупку хлѣба, количество послѣдняго въ запасномъ магазинѣ было такъ незначительно, что было исчерпано вполнѣ *въ теченіи двухъ дней*“ [14]. Этимъ офицеромъ былъ генералъ-провіантмейстеръ Мавринъ. Дѣло происходило впрочемъ не совсѣмъ такъ, какъ разсказываетъ Фицъ-Гербертъ. Мавринъ дѣйствительно „*сдѣлалъ упущеніе* по петербургскому запасному магазейну, и тѣмъ потерялъ себя у Ея Величества“ [15]: изъ запаснаго магазина онъ продавалъ хлѣбъ поставщикамъ подъ Невскимъ [16]. Въ виду „сдѣланнаго упущенія“, 23 октября послѣдовало Высочайшее повелѣніе: „Запасному здѣшнему городовому магазину быть, на нынѣшнемъ основаніи, *подъ собственнымъ Нашимъ вѣдѣніемъ*, на случай же отсутствія Нашего, подъ вѣдѣніемъ Главнокомандующаго въ столицѣ“. Тѣмъ же указомъ управленіе магазиномъ поручено было вице-губернатору Новосильцову, а Мавринъ уволенъ отъ управленія имъ (по прошенію), съ оставленіемъ впрочемъ генералъ-провіантмейстеромъ арміи [17]. Другимъ указомъ, отъ того же 23 октября, запрещенъ былъ отпускъ ржи и ржаной муки за границу отъ портовъ Петербургскаго, Онежскаго и Архангельскаго „по причинѣ неурожая хлѣба *во многихъ губерніяхъ*“ [18]. Того же числа послѣдовало Высочайшее повелѣніе „о безостановочномъ пропускѣ судовъ, нагруженныхъ хлѣбомъ для доставленія въ Петербургъ и о дачѣ имъ пособій въ скорѣйшемъ проходѣ, не чиня нигдѣ осмотровъ и описи грузу“ [19]. Наконецъ, того же 23 октября Высочайше повелѣно московскому главнокомандующему Еропкину учредить запасный хлѣбный магазинъ въ Москвѣ [20]. 9 ноября новому управляющему петербургскимъ запаснымъ магазиномъ Новосильцову Высочайше повелѣно допускать продажу изъ магазина хлѣба только неимущимъ (по установленной цѣнѣ) и совсѣмъ не отпускать хлѣба по требованіямъ отъ находящихся въ Петербургѣ разныхъ домовъ и командъ“ [21].

Заботы объ отвращеніи дороговизны хлѣба въ Петербургѣ прервали надолго литературные труды Екатерины II, начатые еще въ 1785 году и направленные противъ такихъ враговъ внутренняго спокойствія, которые казались ей, повидимому, опаснѣе Маврина и подобныхъ ему „обманщиковъ“ (выраженіе Фицъ-Герберта). Этими врагами были масоны и преимущественно московскіе розенкрейцеры, приверженцы Новикова и ближайшіе сотрудники въ его литературной и общественной дѣятельности.

4-го января 1786 года представлена была комедія „Обманщикъ“ [22], написанная императрицею въ прошломъ, 1785 году. Она направлена противъ Каліостро и русскихъ мартинистовъ, которыхъ Екатерина считала послѣдователями этого шарлатана. Какое серьезное значеніе придавала она масонамъ, видно изъ слѣдующихъ строкъ ея письма къ барону Гримму о Каліостро (отъ 2 марта 1786 года): „C'est un franc charlatan... C'est un vilain coquin, *qu'il faudrait pendre:* cela arrêterait *la frénésie nouvelle* de croire aux sciences occultes dont on est si fort engoué à present en Allemagne, en Suède, et qui commençait à prendre ici, mais nous y mettons bon ordre“ [23]. 11-го января печатный экземпляръ этой комедіи, поднесенный Дашковою, посланъ по приказанію императрицы орловскому вице-губернатору З. Я. Карнѣеву [24], который былъ главнымъ надзирателемъ масонскихъ ложъ въ Орлѣ [25]. Публика догадывалась, кто былъ авторомъ „Обманщика“ [26]. 2-го февраля того же года представлена была новая комедія Екатерины — „Обольщенный“; она также была отправлена З. Я. Карнѣеву [27]. Если русскіе масоны не могли узнать себя въ лицѣ „Обманщика“ Калифалкжерстона, то во второй комедіи они не могли не замѣтить очень прозрачныхъ намековъ на Новикова. Бритягинъ говоритъ „Обольщенному“— Радотову: „Вспомни самъ; нѣсколько лѣтъ тому назадъ колико ты смѣялся много сестрѣ нашей двоюродной, госпожѣ Чудихиной, теперь уподобляяся предубѣжденіями точно ей... Она имѣла свой образъ мысли, отборныя израженія... Подобно тебѣ мало кто ее понималъ!.. *Радотова мать (къ сыну):* Пишись, буде хочешь, ея именемъ и прозваніемъ, только меня не увидишь болѣе въ своемъ домѣ, покамѣстъ шалить не перестанешь“ [28]. Чудихина—одно изъ

дѣйствующихъ лицъ извѣстной комедіи „О время!“, написанной императрицею въ 1772 году. Чудихина—представительница стараго русскаго суевѣрія. Она увѣрена, что ее злые люди испортили смолоду, — всего боится; носитъ съ собою отъ уроковъ „узелки“ — одинъ съ четверговою солью, другой съ роснымъ ладономъ, для привороту — нашептанные корешки, крестъ-накрестъ волосами перевязанные.—„У меня, свѣтъ мой *(разсказываетъ Чудихина)*, въ животѣ щука; смолоду впустила ее мнѣ, сонной, мачиха моя. Она была колдунья, и меня не любила. А въ спину засадила мнѣ собаку, и когда онѣ тамо ссорятся, такъ я чувствую... таки точнешенько слышу, какъ щука хвостомъ хлеснетъ по собакѣ, а собака отгрызается и ворчитъ...“ [29] Приступая къ изданію „Живописца“, Новиковъ приписалъ этотъ сатирическій журналъ „Неизвѣстному Сочинителю“ комедіи „О время!“. Въ посвященіи Новиковъ горячо убѣждалъ императрицу „взглянуть безпристрастнымъ окомъ на пороки наши, закоренѣлые худые обычаи, злоупотребленія и на всѣ наши развратные поступки“. Въ вышеприведенномъ мѣстѣ комедіи „Обольщенный“ Екатерина намекаетъ Новикову на это посвященіе и ставитъ главу московскихъ масоновъ на одну доску съ суевѣрными кликушами стараго времени. Мать Радотова говоритъ: „Вѣкъ чего мы боялись, *предковъ нашихъ* (что) въ ужасъ приводило, *отъ чего отплевывались*, чего слышать не хотѣли и отъ чего уши затыкали—съ тѣмъ нынѣ самовольно окружаются! И щенки уже возятся! Развращеніе вѣдь это сущее!“ [30] На Новикова мѣтятъ и слова Вокитова: „Таиса имѣетъ понятіе толь сильное, что вдалась она нынѣ въ чтеніе *тѣхъ книгъ*, кои покупаютъ многіе по одной модѣ, *въ коихъ по истинѣ я не нахожу ни смысла точнаго*, ни разсудка здраваго... Она же ихъ толкуетъ такъ, что удивительно!“ [31] Вѣрный другъ Новикова, С. И. Гамалѣя, также попалъ въ эту комедію [32]. Наконецъ, въ Радотовѣ отмѣчена еще черта, которая, по мнѣнію Екатерины, характеризовала русскихъ мартинистовъ — „печальный видъ“ [33]. Радотовъ уклоняется отъ того, что его роднымъ кажется „хорошо, весело, пріятно, равномѣрно, и отъ людей и дѣлъ“ [34]; „весь домъ свой онъ приводитъ въ печаль, въ уныніе“ [35]. Эти черты могли быть нанесены на Радотова съ другаго знаменитаго ма-

сона—Н. В. Репнина. Подъ 11 ч. января 1787 года Храповицкій записалъ въ своемъ „Дневникѣ“: „Въ Великихъ Лукахъ разсматривали рапорты и вѣдомости Репнина по Псковской губерніи и были разныя объясненія. Сказано, что Репнинъ не такъ уже *задумчивъ*, прокатившись по станціямъ... Отношеніе къ мартинистамъ“ [36]. Въ Петербургѣ обращали вниманіе на то, что Репнинъ принадлежалъ къ числу мартинистовъ. 31 марта 1786 г. (вскорѣ послѣ перваго представленія комедіи „Обольщенный“) саксонскій министръ Сакенъ доносилъ: „Императрица въ эту зиму работала и для русскаго театра и изготовила двѣ комедіи: первая имѣетъ заглавіе „Обманщикъ“, вторая „Обольщенный“. Первая написана на авантюриста Каліостро, вторая на братства (Brüderschaften) мартинистовъ, которыя въ Москвѣ многочисленны. Такъ какъ къ этому обществу принадлежатъ многія знатныя лица, между которыми находится и князь Репнинъ, то князь Потемкинъ донесъ императрицѣ, что эти такъ называемыя братства мартинистовъ питаютъ опасныя политическія намѣренія, которыя впослѣдствіи могутъ быть вредны“ [37]. Въ комедіи „Обольщенный“, благодаря намекамъ на извѣстныя личности и указанію нѣкоторыхъ сторонъ дѣятельности московскихъ мартинистовъ, было болѣе реальнаго содержанія, чѣмъ въ „Обманщикѣ“, въ которомъ видѣли, по справедливому замѣчанію Сакена, только осмѣяніе Каліостро. Конечно, на этомъ основаніи въ „Дневникѣ“ Храповицкаго отмѣчено, подъ 4 февраля 1786 года: „Обольщенный“ лучше „Обманщика“ [38]. 17 февраля славолюбивая императрица писала барону Гримму: „La comédie du „Betrüger“ a été suivie de celle „Betrogene“; l'une et l'autre *ont eu un succès prodigieux et ont fait l'excellent effet de retenir et d'arrêter la fougue der Betrüger und Betrogene.* Il y a encore sur le métier Fevey, opéra comique et le Chaman de Sibérie, comédie. Tout cela sera gai au possible“ [39]. „Шаманъ Сибирскій“ представленъ былъ въ первый разъ въ Эрмитажѣ 24 сентября. Въ изображеніи Амбанъ-Лая, сибирскаго шамана, не видно чертъ, снятыхъ съ русскихъ мартинистовъ. Въ томъ же письмѣ къ Гримму Екатерина указываетъ источникъ, изъ котораго почерпались ею свѣдѣнія о мартинистахъ: „Le chaman est un théosophe qui fait toutes les charlataneries des confrères de Pa-

racélse. Voyez l'article *Théosophe* de l'Encyclopédie et vous aurez le secret de nos comédies, de la masonnérie et des sectes à la mode“ [40]. Это признаніе императрицы драгоцѣнно для историка русской литературы во многихъ отношеніяхъ. Въ 1786 г. Екатерина, очевидно, не знала ни сущности ученія московскихъ масоновъ, ни цѣлей и характера ихъ литературной и общественной дѣятельности; поэтому принятыя ею мѣры — противодѣйствованія имъ посредствомъ комедій и администраціи—вытекали не изъ яснаго пониманія ученія масоновъ и твердаго сознанія опасности мартинизма, а вызывались внушеніями людей, пользовавшихся ея довѣренностію, и во главѣ ихъ—Потемкина [41]. Комедіи, направленныя на русскихъ мартинистовъ, она писала частію по доходившимъ до нея смутнымъ и невѣрнымъ придворнымъ слухамъ, частью на основаніи „Энциклопедіи“. Ни тотъ, ни другой источникъ не могъ дать достовѣрныхъ и безпристрастныхъ данныхъ. Журналъ Новикова „Мо́сковское Изданіе“ (1781 г.) объявилъ, въ предисловіи, своею цѣлью борьбу съ энциклопедистами и матеріалистами, — „философами, отъ природы великими способностями одаренными, въ воспитаніи ученостью украшенными и между людьми почтенными“; людьми „умными, просвѣщенными и почтенными“, которые однако „говорятъ надменно и вооружась остроуміемъ о законѣ, ко спасенію рода человѣческаго первыми людьми полученномъ, и взирая на простодушныхъ людей, прилежно внимающихъ умствованію вольносмысленныхъ мудрецовъ“. Изъ „Энциклопедіи“ этихъ-то „вольносмысленныхъ мудрецовъ“ императрица почерпала свои свѣдѣнія о теософахъ и съ высоты этого философскаго воззрѣнія на мистицизмъ осмѣивала и преслѣдовала московскихъ масоновъ. Послѣдніе представлялись ей „чистыми шарлатанами“, послѣдователями „достойнаго висѣлицы“ Каліостро, практиковавшими, изъ корыстныхъ видовъ, такія же мошенничества, которыми онъ извѣстенъ былъ въ то время. Каліостро въ это время сидѣлъ въ Бастиліи по дѣлу кардинала Рогана, взявшаго у ювелировъ Бёмера и Боссанжа брилліантовое ожерелье для поднесенія королевѣ черезъ графиню Ламонтъ, но не заплатившаго ювелирамъ условленной цѣны (1.600.000 франковъ) и не доставившаго ожерелья по назначенію. Въ комедіи „Обманщикъ“

Калифалкжерстонъ выманиваетъ у добродушнаго Самблина драгоцѣнный алмазный складень, чтобы, выломавши изъ него алмазы, положить въ котелъ, въ которомъ онъ „варилъ богатства много“. У другаго дѣйствующаго лица комедіи, Додина, Калифалкжерстонъ выпросилъ перстень: извѣстно было, что Каліостро выманилъ въ Митавѣ (въ 1779 г.) у Фонъ-дер-Ховена 800 червонцевъ и драгоцѣнный брилліантовый перстень [42].

Въ разговорѣ съ Храповицкимъ императрица „поздравляла себя, что никогда не вдавалась ни въ балоны, ни въ шарлатановъ, разумѣя Сенъ-Жермена и Каліостро... „Les savants aiment les ignorants“ [43]. Приговоръ парижскаго парламента, оправдавшій Каліостро по дѣлу объ ожерельѣ королевы (въ концѣ мая 1786 г.), привелъ Екатерину въ негодованіе. 14 іюня она говорила Храповицкому: „Кардиналъ Роганъ оправданъ, но будетъ сосланъ въ ссылку. Противоположеніе съ архіереемъ Казанскимъ, который сдѣланъ митрополитомъ; данъ указъ и крестъ нашитъ изъ собственнаго складня“ [44]. Черезъ нѣсколько дней императрица писала Гримму: „Par la feuille apostillée de votre main et que j'ai reçue à Pella, j'ai vu que le cardinal et Cagliostro, déclarés innocents par le parlement et auxquels, comme innocents détenus depuis dix mois en prison, je croyais qu'on donnerait une satisfaction éclatante, que de ces deux innocents, dis-je, l'un a été exilé et degradé et l'autre banni; à présent je vous prie de me dire s'ils sont innocents ou coupables, car je n'en sais plus rien“ [45].

Въ комедіяхъ „Обманщикъ“ и „Шаманъ Сибирскій“ не видно русскихъ мартинистовъ. Въ нихъ на первомъ планѣ Каліостро, не имѣвшій почти ничего общаго съ московскими масонами и презиравшійся ими. Что же заставляло императрицу браться за перо для обличенія „новаго раскола“? Гдѣ главные обвинительные пункты ея комедій, предъявленные прямо русскимъ масонамъ? Такихъ пунктовъ два: масонскія школы, больницы и— благотворительность во время голода. Мартинисты „шаманскую школу заводятъ“ [46], а ученіе ихъ „не сходствуетъ съ общимъ установленіемъ“ [47]. „Они въ намѣреніи имѣютъ потаенно заводить благотворительныя разныя заведенія, какъ-то: школы, больницы и тому подобное, и для того стараются привлекать къ

себѣ людей богатыхъ“ [48]. У Радотова въ ящикѣ „были не только деньги и его векселя, но еще складчина на многія заведенія“ [49].

Комедіи Екатерины II, направленныя противъ мартинистовъ, были литературнымъ объясненіемъ тѣхъ административныхъ мѣръ, которыя приняты были императрицею противъ масоновъ. Рядъ этихъ мѣръ открывается указомъ императрицы объ осмотрѣ въ Москвѣ частныхъ школъ и училищъ (7 октября) и съ небольшими перерывами продолжается въ теченіе первыхъ трехъ мѣсяцевъ голоднаго 1786 года. Запрещалась продажа книгъ, „наполненныхъ извѣстнымъ расколомъ“, осматривались больницы и школы, заведенныя масонами въ Москвѣ [50].

Въ февралѣ 1786 года ярославскій генералъ-губернаторъ Мельгуновъ (масонъ) доносилъ императрицѣ, что „нѣкоторые частные люди положили сдѣлать благотворительное установленіе въ помощь неимущихъ людей, на которое дали капитала 30.000 рублей и построили каменный домъ въ 18.000 рублей. Разрѣшивши построеніе въ Ярославлѣ „дома для призрѣнія и воспитанія сиротъ и неимущихъ дѣтей“, Екатерина вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣла Мельгунову „наблюдать, чтобъ воспитаніе тутъ юношества происходило по правиламъ *общимъ*, съ божіими и государственными законами согласнымъ, отдаляя все колобродное, обманомъ или невѣжествомъ выдуманное“ [51]. Различные виды частной благотворительности возбуждали въ это тяжелое время подозрѣнія императрицы и встрѣчались неблагосклонно.

Въ іюнѣ 1786 г. кончена была Екатериною послѣдняя изъ комедій, направленныхъ на мартинистовъ, „Шаманъ Сибирскій“ [52]. 7 іюля императрица писала Гримму: „Bei uns ist das Brod theuer, das Geld sehr rar, die Zeiten schwer, die Treppen zum Himmel eng und die zur Comedie dunkel“ [53]. Въ первую половину 1786 года Екатериною написано было *девять* театральныхъ піесъ; теперь приходилось оставить на-время литературныя занятія и отдаться борьбѣ съ голодомъ. Въ какомъ отношеніи стояла литература 1786 года къ этимъ двумъ явленіямъ,—масонству и голоду,—занимавшимъ мысль Екатерины II?

Извѣстія о неурожаѣ 1786 года рѣдко проникали въ литературу. Въ этотъ бѣдственный годъ Державинъ не касался своей лиры. Тамбовскій губернаторъ, онъ заботился о заведеніи

въ Тамбовѣ типографіи, „учреждалъ и губернскія газеты для извѣстія о проѣзжихъ черезъ губернію именитыхъ людей и командахъ и о цѣнахъ товаровъ, а особливо базарныхъ хлѣба, гдѣ, когда и по какой цѣнѣ продавался". „Сіе (замѣчаетъ Державинъ) особливо полезно было для казны при случаѣ заготовленія большаго количества провіанта; ибо провіантскимъ коммиссіонерамъ не можно было возвысить чрезвычайнымъ образомъ цѣнъ противъ тѣхъ, которыя объявлены были въ губернскихъ печатныхъ вѣдомостяхъ, сочиняемыхъ дворянскими предводителями каждаго уѣзда подъ смотрѣніемъ одного надежнаго чиновника, живущаго въ губернскомъ городѣ при губернаторѣ, который и изъ другихъ рукъ получалъ *тайныя для повѣрки свѣдѣнія*" [54]. Державину было не до поэзіи.

Стихотворцы Державинской школы продолжали воспѣвать „безсмертную славу героевъ" [55], „Цвѣтущее состояніе Россіи" [56]; но въ похвальныхъ стихахъ молодаго поколѣнія повидимому прорывались уже новые мотивы. Оффиціальное ежемѣсячное изданіе главнаго народнаго училища въ Петербургѣ „Растущій Виноградъ" было, можно сказать, тѣмъ литературнымъ органомъ, который объяснялъ, въ стихахъ и въ прозѣ, значеніе мѣръ, предпринятыхъ императрицею для борьбы съ дороговизною хлѣба и—съ московскими масонами. Въ январьской книжкѣ „Растущаго Винограда" помѣщено стихотвореніе студента Фіалковскаго „Роптаніе земледѣльца на неурожай хлѣба отъ качества земли съ отвѣтомъ" (стр. 22—31). Земледѣлецъ ропщетъ на нынѣшнія времена:

нынѣ колосокъ по колоску сбирай
И только вижу тамъ на гумнахъ нынѣ рай,
Гдѣ черноземомъ всѣ покрыты десятины,
На коихъ нѣтъ песку, ни извести, ни глины.

Земледѣлецъ жалуется, что вмѣсто плодородной земли больше находитъ „негодной":

Тамъ глина лишь одна въ обиліи своемъ,
Иль камни, известный съ опокой, покрываютъ
Обширныя поля и соху препинаютъ.

Ропотъ земледѣльца завершается такъ:

Конечно, небеса грѣхомъ мы прогнѣвили,
Что вмѣсто старыхъ дней такой намъ вѣкъ явили,
Въ которомъ только тотъ на свѣтѣ и блаженъ,
Кто деньгами карманъ имѣетъ нагруженъ
И можетъ всѣ снести легко тѣ перемѣны,
Которыя полей является въ изцѣны:
А бѣдный человѣкъ всегда почти дрожи,
Дабы въ неурожай не умереть безъ ржи.

Сочинитель совѣтуетъ „земледѣлу“ „обратить взоръ вниманія къ тронутой сѣверной богини“, которая „съ Палладой царствуетъ *не въ Марсовой бронѣ*“. Въ неурожаѣ виноватъ не Творецъ, виновато невѣжество земледѣла, который не знаетъ до сихъ поръ, какъ удобрять землю и возстановлять ея ослабшія силы.—Учрежденіе народныхъ училищъ клонится къ тому, чтобъ земледѣлецъ „узналъ свойство всѣхъ земель и зналъ, чѣмъ поправить глинистую землю“. Стихотвореніе оканчивается наставленіемъ, какъ удобрять глинистую почву, и объясненіемъ, что̀ такое мергель, опока, вапъ.—Мысль о пользѣ, какую народныя училища могутъ принести земледѣлію, повторяется и въ стихотвореніи „Разговоръ Музы съ Россійскимъ земледѣльцемъ о заведеніи народныхъ училищъ“:

Узнаешь, какъ съ землей, съ лѣсами обходиться,
Гдѣ лучше можетъ хлѣбъ посѣянный родиться... [87]

Въ августовской книжкѣ „Растущаго Винограда“ напечатаны были: 1) „Ода Екатеринѣ Великой на учрежденіе государственнаго заемнаго банка“ и 2) „Ода на случай заведенія государственнаго хозяйства“. Въ первой одѣ, сочиненной студентомъ Виноградовымъ, колѣнопреклоненная Россія „передъ Богинею вѣщаетъ“:

Кто подъ названіемъ закона
Благополучіе излилъ?
Кто, бѣдность избавляя стона,
Призрѣнье оной учредилъ?

Авторъ второй оды, студентъ Фіалковскій, прославляетъ императрицу за то, что она

Подвластну землю разбираетъ,
Какой гдѣ производитъ плодъ;
На качество полей взираетъ,
Обиленъ ли во хлѣбѣ родъ;
Поля ослабшія, негодны,
Чтобъ превратить ихъ въ плодородны,
Свои щедроты средствомъ чтитъ,
И *частный* въ хлѣбѣ недостатокъ
Сколь можно превратить въ остатокъ
Все нужнымъ учрежденьемъ мнитъ.

Слова манифеста о цѣли учрежденія государственнаго заемнаго банка въ одѣ Фіалковскаго переданы въ слѣдующихъ стихахъ, вложенныхъ въ уста Екатерины:

Россію домомъ представляю.
Семьею подданныхъ моихъ,
Въ дѣла хозяйства я вникаю
И, недостатки видя въ нихъ,
Чтобъ были много всѣ довольны,
Моихъ доходовъ милліоны
Въ заимъ дворянству и градамъ
Я щедрою даю рукою:
Тѣмъ больше силъ среди покою
Торговлѣ, ремеслу придамъ.
Дворянъ и гражданъ почитаю
Я за орудіе мое,
Чрезъ кое всѣмъ сынамъ вручаю
Въ заимъ имѣніе свое;
Дворянство, оное пріемля
И моему желанью внемля,
Въ добро его употребитъ:
Поля безплодныя исправитъ,
Крестьянъ изъ бѣдности возставитъ
И къ общей пользѣ обратитъ.

На такія темы писались оды питомцами петербургскаго главнаго народнаго училища.

Наконецъ въ сентябрьской книжкѣ „Растущаго Винограда“ напечатана небольшая замѣтка (стр. 59 — 61) подъ заглавіемъ „Физическая причина чувствованія голода“.

Въ литературныхъ журналахъ, не имѣвшихъ оффиціознаго характера, не было помѣщено статей, которыя бы касались прямо тогдашней дороговизны хлѣба; размѣры голода, силы народной нужды не оглашались въ печати. Въ 1785—1787 годахъ

появилось впрочемъ нѣсколько теоретическихъ сочиненій о домоводствѣ, объ улучшеніи почвы, поднятіи земледѣлія. Важнѣйшими были: 1) „Наставленіе къ умозрительному и дѣлопроизводному земледѣлію“ (Спб., 1786 г.) [58]; 2) „О земледѣльныхъ орудіяхъ, писано Иваномъ Комовымъ, съ приложеніемъ двухъ чертежныхъ листовъ“ (Спб., 1785 г.) [59] и т. п. Замѣчательно, что „Труды Вольнаго Экономическаго Общества“ не выходили въ 1786 и въ 1788 гг. Кромѣ нѣсколькихъ мелкихъ замѣтокъ о земледѣліи, напечатанныхъ въ „Зеркалѣ Свѣта“, въ этомъ журналѣ обращено вниманіе на пользу *кукурузы* (пшенички), которая разводилась въ то время въ Малороссіи „больше для увеселенія, нежели для пользы“, считалась травою огородною, такъ что „у самаго трудолюбиваго хозяина находилось двѣ или три гряды съ плодами оной“. Указывая способы ея употребленія въ пищу, Туманскій заключаетъ: „Нельзя не желать, чтобы хозяева къ собственной пользѣ ихъ и *отечества были принуждены* къ разведенію сего нужнаго и полезнаго плода, тѣмъ болѣе, что отъ онаго кромѣ прибытка и *польза во время неурожая великая*“ (ноябрь, 1786 г., стр. 284—286). Наконецъ, въ „Зеркалѣ Свѣта“ сообщено было содержаніе объявленія, появившагося въ нѣкоторыхъ иностранныхъ вѣдомостяхъ (въ іюнѣ 1787 г.), что Дезомонъ „изобрѣлъ весьма важное средство поправлять худыя земли“. Извѣщая россійскую публику, что Дезомонъ продаетъ это, ему одному извѣстное, средство, издатель „Зеркала Свѣта“ высказывалъ надежду, „что между благодѣтельствующими человѣчеству несомнѣнно найдутся охотники, которые устремятся извѣдать о семъ и, узнавъ истину и пользу предлагаемаго, не упустятъ пріобрѣсти тайну средства сего для пользы отечества“ [60].

Въ приведенныхъ одахъ и въ указанныхъ сочиненіяхъ о земледѣліи причиною голода 1786 года выставляется преимущественно, если не исключительно, невѣжество и лѣность крестьянъ [61]; указываются на будущее время способы удобренія почвы, рекомендуются улучшенныя земледѣльческія орудія; но нигдѣ не предлагается мѣръ для борьбы съ бѣдствіемъ, охватывавшимъ въ то время значительную часть Россіи: эти мѣры считались привилегіею правительства...

Смѣлѣе можно было, въ этотъ годъ, писать противъ дру-

гаго зла современности,—зла, которое держало въ напряженіи мысль и волю Екатерины въ первую половину 1786 года,—противъ масонства. Но и въ этомъ дѣлѣ распоряженіямъ и комедіямъ императрицы вторилъ *только* оффиціозный журналъ. Отзывы современной литературы о комедіяхъ „Обманщикъ", „Обольщенный", „Шаманъ Сибирскій" отличались сдержанностью и оффиціальною сухостію похвалы. Одинъ только „Растущій Виноградъ" проявилъ такое усердіе къ прославленію и, главное, *къ разъясненію* первыхъ двухъ комедій, какъ-будто ихъ успѣхъ былъ его личнымъ дѣломъ. Въ „Растущемъ Виноградѣ" напечатаны были двѣ статьи о происхожденіи масонства и мартинизма: 1) „Краткое описаніе жизни первѣйшаго основателя секты мартинистовъ Постелла" [62] и 2) „Разсужденія о началѣ вольныхъ каменьщиковъ или фармазоновъ" [63]. Въ близкой связи съ этими статьями стоитъ разсужденіе „Древнія заблужденія, или записки касательно исторіи ума человѣческаго" [64].

Спустя мѣсяцъ послѣ представленія комедіи „Обманщикъ" въ „Растущемъ Виноградѣ" появились: 1) „Письмо къ сочинителю комедіи „Обманщикъ" (въ прозѣ) и 2) три стихотворенія подъ однимъ и тѣмъ же заглавіемъ—„Къ сочинителю комедіи „Обманщикъ" [65]. Четыре панегирическія произведенія, напечатанныя въ одной книжкѣ „Растущаго Винограда", выражаютъ тотъ же своеобразный и невѣрный взглядъ на русскихъ мартинистовъ, который имѣла императрица: очевидно, всѣ они написаны по внушенію свыше. Прозаическое „Письмо къ сочинителю комедіи „Обманщикъ" начинается такъ: „Ничто не можетъ быть лучше выдумано той комедіи, которою вы насъ забавить изволили. Въ старину Мартышки были подвержены различнымъ опасностямъ и, мнѣ помнится, я гдѣ-то читалъ, что одна изъ нихъ была высѣчена кнутомъ за то, что, вырвавшись изъ дому посла Аглинскаго, вбѣжала въ церковь и на престолъ вскочила; стрѣльцы за нею по всей Москвѣ съ бердышами гонялись, и патріархъ анаѳемѣ предалъ ее немедленно. Но тогда не знали, что̀ есть Мартышка, и кнутомъ отдирали нерѣдко; а теперь найдены средства не столь жестокія, но въ дѣйствіи равныя; заблужденію предпоставляется [66] просвѣщеніе, безумію—поруганіе. Въ вашей комедіи находятся *предупредительные* [67] отъ сихъ

двухъ припадковъ составы; слѣдственно не надобно будетъ гоняться за Мартышками нашихъ временъ съ штыками, а еще менѣе предавать ихъ анаѳемѣ". Въ концѣ статьи повторяется та же мысль въ такихъ выраженіяхъ: „Комедія ваша не останется безъ замѣчанія и въ самой исторіи. Она подастъ настоящее понятіе о образѣ мыслить нашихъ временъ, и если будутъ видѣть по ней наши дурачества, то и узнаютъ тутъ же, что въ кроткое и премудрое царствованіе Екатерины театръ для исправленія предпочитался лобному мѣсту" [68]. Прославляя кроткія мѣры императрицы по отношенію къ мартинистамъ, „Письмо" намекаетъ на то, что кардиналъ де-Роганъ, вслѣдствіе сношеній своихъ съ Каліостро, попалъ въ Бастилію [69]. Статья толкуетъ одно выраженіе въ комедіи „Обольщенный": „я облачился латами",—выраженіе, которое, конечно, не совсѣмъ было понятно зрителямъ. „Письмо" старается заподозрить благотворительныя дѣла мартинистовъ, очевидно получившія огласку въ неурожайный годъ. Авторъ „Письма" говоритъ: „Когда послѣдователи сего ученія слышатъ таковыя хулы, то спрашиваютъ: давно ли осуждаются ими дѣлаемыя благодѣянія. Но скажите мнѣ: гдѣ они взяли, что нравоученіе закона нашего или общежитія воспрещаетъ дѣлать *различныя бѣднымъ вспомоществованія?* Если нѣтъ, такъ какая-жъ нужда искать къ тому новыхъ побужденій? Да сверхъ того, кто собираяся говоритъ: „станемъ дѣлать добро", тотъ или привязываетъ къ тому тщеславіе осудительное, или, что и того хуже, а часто бываетъ, свое токмо *добро* тогда разумѣетъ". Въ этихъ строкахъ заключается едва ли не единственное въ литературѣ 1786 г. свидѣтельство о частныхъ пожертвованіяхъ, сдѣланныхъ (и кѣмъ же? мартинистами!) въ неурожайный годъ.

Стихотворныя посланія „Къ сочинителю комедіи „Обманщикъ" представляютъ варіаціи прозаическаго письма, служившаго имъ какъ бы программою. Неизвѣстный авторъ перваго стихотворенія говоритъ о мартинистахъ:

Ихъ все стремленье въ томъ, чтобъ загулять въ карманъ...

Они „берутъ почти однихъ богатыхъ". Стихотвореніе студента Виноградова оканчивается слѣдующимъ обращеніемъ къ автору „Обманщика":

Тебѣ единому принадлежитъ въ томъ слава,
Что низпровергнута обманщиковъ держава,
Которы завсегда золъ частныхъ суть виной
И рушатъ иногда общественный покой,
Къ прибытку съ жадными которые руками
Назваться иногда готовы и богами:
Навязанъ имъ звонокъ комедіей Твоей,
Кой объявляетъ такъ: *брегись, обманщикъ—сей* [70],

Авторъ касается и благотворительности мартинистовъ въ слѣдующемъ обращеніи къ автору комедіи:

Увѣренъ въ ономъ Ты и то Тебѣ извѣстно,
Не все, что честную имѣетъ маску, честно,
Кто увѣрительно умѣетъ обмануть,
Тотъ—вредъ людей и тотъ уже конечно плутъ [71].

Въ стихотворномъ посланіи студента Фіалковскаго масоны выставляются мошенниками, которые хитрѣе даже—цыганъ, которые

Проворны въ деревняхъ лошадками мѣнять,
За дряхлаго коня здороваго принять;
Искусны поглядѣть за денежку на ручку
И счастья насказать, по деньгамъ смотря, кучку,
Умѣютъ за холсты нулемъ *лѣчить* старухъ,
И стариковъ за хлѣбъ обворожить вокругъ,
Проворны со двора таскать гусей, барановъ [72].

Каліостро „таскался для того,

Чтобъ, не имѣя онъ богатства своего,
Копы могъ разжигать по таинству обмана,
И онымъ въ два попасть иль болѣе кармана,
Червонцы чтобы въ нихъ мгновенно растопить
И *въ свой ихъ кошелекъ* съ крупнымъ алмазомъ слить“ [73].

Въ той же книжкѣ „Растущаго Винограда“, въ которой напечатаны посланія къ сочинителю комедіи „Обманщикъ“, помѣщены двѣ „Епистолы“ къ тогдашнему фавориту императрицы Александру Петровичу Ермолову (стр. 79—82 и стр. 87—90).

Изъ всѣхъ произведеній, напечатанныхъ въ „Растущемъ Виноградѣ“ въ обличеніе мартинистовъ, важнѣйшимъ должна быть признана „Домовая записка о заразѣ новомодной ереси и о средствахъ, исцѣляющихъ отъ оной“. Эта „записка“, несомнѣнно, вышла изъ-подъ пера Екатерины II или написана подъ

ея диктовку. Въ томъ убѣждаетъ насъ не только содержаніе, но и литературные пріемы „записки“, тождественные съ тѣми, которые императрица употребляла въ своихъ сатирическихъ статьяхъ, напечатанныхъ во „Всякой Всячинѣ“ и въ „Собесѣдникѣ любителей россійскаго слова“. Въ „Домовой запискѣ“ развивается тотъ же взглядъ на русскій мартинизмъ, который проводится въ комедіяхъ Екатерины II. „Запискѣ“ предпослано письмо сообщившаго этотъ документъ въ журналъ; оно подписано псевдонимомъ *Правдубаевъ*, очень напоминающимъ старый псевдонимъ императрицы—*Правдомысловъ* [74]. „Записка“ отдѣлена отъ іюльской книжки „Растущаго Винограда“ бѣлою страницею и напечатана съ особою нумераціею (римскими, а не арабскими цифрами): этимъ она какъ бы выдвинута изъ ряда статей постоянныхъ сотрудниковъ „Винограда“. Она начинается такъ: „Извѣстно, что проявились на Руси новые еретики Мартыны или Мартышки, какъ ихъ называютъ, не помню; а знаю то, что ересь ихъ прилипчива и множество правовѣрныхъ ею заразились. Я самъ, шатаясь по бѣлу свѣту, чуть не попалъ въ нее, какъ сомъ въ вершу, еслибъ не спасъ меня мой докторъ, который, не запуская болѣзни вдаль, насилу выбилъ изъ меня дурь сію разными цѣлительными средствами“. Больной „зачумѣлъ“ отъ прочтенія 38 страницъ книги „О заблужденіяхъ и истинѣ“. „Лѣченіе началось, продолжалось и кончилось слѣдующимъ порядкомъ: 16 сутокъ докторъ давалъ *прохладительное*, 18 — *мерзительное*, 6 — *вразумительное*, сутки — *крѣпительное* и сутки — *курительное*. Прохладительное состояло въ томъ, чтобъ пріучать меня быть съ женою, съ дѣтьми, съ пріятелями и заниматься иногда невинными забавами, отъ чего было я вовсе отсталъ, потому что страннымъ симъ *Мартынамъ* или *Мартышкамъ* жена, дѣти, сродники и друзья—сторона дѣло; а въ виду у нихъ лишь то, какъ бы заживо вскарабкаться на небо. Но какъ дѣльцо сіе весьма трудновато, то и видимъ ихъ отъ того *въ задумчивости*, удаляющихся отъ общества и отъ всѣхъ позволенныхъ увеселеній“... *Омерзительное* составлено было изъ нижеслѣдующихъ спецій: „изъ Брюкеровой филозофической исторіи 3 унца, и $^3/_4$ плутней Пиѳагоровыхъ, 4 унца съ половиною вракъ Платоновыхъ, 6 унцовъ и $^1/_4$ Аполоніуса, 10 унцовъ жидовской ка-

балы и двѣ полныхъ дозы сумазбродничествъ славнаго сапожника и филозофа Якова Бема". *Вразумительное* состояло въ томъ, чтобъ читать со вниманіемъ отъ доски до доски „Обманщика" и „Обольщеннаго". Изъ этихъ комедій больной увѣрился, что „коноводцы сего раскола суть истинные Калифалкжерстоны". *Крѣпительное* состояло въ томъ, чтобъ протвердить десять заповѣдей. Послѣднею операціею было окуриваніе: докторъ „взялъ изъ библіотеки больнаго сочиненія Шведенбурга (sic?), взялъ книгу о истинахъ и заблужденіяхъ, книгу картину естественную, взялъ также и многія другія сему подобныя еретическія книги". „Всѣ сіи книги и тетрадь (житіе Андрея Денисова) *предалъ онъ огню* и такъ окурилъ больнаго, какъ модныя женщины отъ истерики окуриваются перьями". Въ перечнѣ книгъ, подлежавшихъ сожженію, находится и „рукописная тетрадь о чудесахъ Андреюшки, почтеннаго мужа, кончившаго жизнь свою въ острогѣ". Итакъ, уже въ 1786 году указывалось на существованіе какой-то связи между мартинистами и раскольниками-старообрядцами [75]. Еще въ концѣ 1785 г. Екатерина повелѣла московскому митрополиту Платону опредѣлить духовныхъ цензоровъ, которые бы испытывали всѣ книги, подобныя выходящимъ изъ типографіи Новикова, „испытывали и не допускали, чтобы тутъ вкрасться могли расколы, колобродства и всякія нелѣпыя толкованія, о коихъ нѣтъ сомнѣнія, что они не новыя, *но старыя, отъ праздности и невѣжества* возобновленныя" [76]. Въ январѣ 1786 года сенату данъ былъ указъ „о недозволеніи печатать въ свѣтскихъ типографіяхъ книги, касающіяся вѣры" [77]. Исходнымъ пунктомъ слѣдствія, которое привело Новикова въ Шлиссельбургскую крѣпость и разбило вконецъ замыслы и предпріятія московскихъ мартинистовъ (въ 1792 г.), было подозрѣніе Екатерины, что въ типографіи Новикова напечатана была секретно раскольничья „Исторія о отцѣхъ и страдальцахъ Соловецкихъ". Когда появилось это сочиненіе и другія статьи, „наполненныя небывалыми происшествіями, ложными чудесами, а притомъ изрѣченіями во многихъ мѣстахъ дерзкими и какъ благочестивой нашей церкви противными, такъ государственному правленію поносительными", императрица „имѣла причину подозрѣвать въ семъ дѣлѣ извѣстнаго Николая Новикова" и

повелѣла московскому главнокомандующему князю Прозоровскому „самаго его взять подъ присмотръ и допросить о причинѣ таковаго запрещеннаго проступка". Важнымъ пунктомъ слѣдствія Екатерина постановила и другое „обстоятельство: что какъ помянутый Новиковъ, по общему объ немъ свѣдѣнію, есть человѣкъ, не стяжавшій никакого имѣнія, ни по рожденію его, ни по наслѣдству, ниже другими извѣстными и законными средствами, а нынѣ почитается въ числѣ весьма достаточныхъ людей, наипаче же знатными зданіями и заведеніями, то откуда онъ и какимъ образомъ все то пріобрѣлъ и можетъ ли оправдать безкорыстное его въ семъ случаѣ поведеніе" [78]. Первыя мѣры императрицы противъ мартинистовъ, литературныя и административныя, относятся къ 1785 и къ 1786 гг. Съ теченіемъ времени подозрѣнія Екатерины усиливались и разразились наконецъ погромомъ 1792 г. Послѣднимъ актомъ, направленнымъ противъ Новикова въ 1786 г., былъ запросъ Еропкину, кто именно издатели періодическаго изданія „Бесѣды съ Богомъ" [79], на которое объявлена была Новиковымъ подписка, въ ноябрѣ этого года, и читано ли оно архіепископомъ Платономъ. 3 декабря Еропкинъ увѣдомилъ Безбородка, что книга „переводима была съ нѣмецкаго господиномъ Карамзинымъ, дедикована Московскому архіепископу и удостоилась его аппробаціи" [80]. Московскихъ масоновъ оставили на-время въ покоѣ. Но въ слѣдующемъ году, когда въ Россіи былъ почти повсемѣстный голодъ, они снова привлекли на себя вниманіе императрицы широкою раздачею хлѣба въ Москвѣ и въ Московской губерніи. Карамзинъ свидѣтельствуетъ, что однимъ изъ обстоятельствъ, умножившимъ подозрѣнія Екатерины, было то, что Новиковъ „во время неурожая роздалъ много хлѣба бѣднымъ земледѣльцамъ: удивлялись его богатству, не зная, что деньги на покупку хлѣба давалъ Новикову г. Походяшинъ, масонъ, который имѣлъ тысячъ шестьдесятъ дохода и по любви къ благодѣяніямъ въ сей годъ разорился" [81].

Среди придворныхъ императрицы Екатерины II нашелся человѣкъ, который рѣшился поднять голосъ въ защиту масоновъ: это былъ графъ А. С. Строгановъ. Принадлежа къ числу масоновъ [82], графъ А. С. Строгановъ, поддавшійся вліянію Каліостро [83],

пытался оправдать ихъ орденъ — благотворительностью, которую они оказывали бѣднымъ. Императрица сообщила графу выписку изъ своего письма къ барону Гримму отъ 11 января 1780 г. [84],— письма, въ которомъ изложенъ былъ взглядъ ея на мартинистовъ, сложившійся, несомнѣнно, подъ вліяніемъ слуховъ о дѣятельности Каліостро, который былъ тогда въ Петербургѣ. Излагая свои мысли о сообщенномъ ему отрывкѣ, графъ Строгановъ пишетъ: „Человѣкъ, дѣйствительно одушевленный любовью къ добру, дѣлаетъ добро во всѣ часы жизни, хотя бы стоялъ особнякомъ и хотя бы оставался никому не вѣдомъ. Никакія человѣческія учрежденія не въ силахъ ни ослабить, ни подкрѣпить счастливыхъ склонностей характера. Но такой человѣкъ имѣетъ мало себѣ подобныхъ, и примѣръ его часто остается безплоднымъ, коль скоро тутъ не замѣшиваются самолюбіе и суетность. Но какіе бы ни были поводы къ дѣйствіямъ полезнымъ обществу: тщеславіе, личныя выгоды, изувѣрство, слабодушіе, или прямая благонамѣренность и чистое чувство добродѣтели—во всякомъ случаѣ, сдѣланное добро остается дѣйствительнымъ добромъ для того, кому оно сдѣлано. Если хорошіе люди рѣдки, пожелаемъ, чтобы все то добро, котораго они не могутъ сдѣлать, было произведено тѣми, которые чувствуютъ необходимость питаться дымомъ похвалъ. Съ этой точки зрѣнія, общества заслуживаютъ по крайней мѣрѣ быть терпимы, какъ бы ни были смѣшны и вздорны ихъ церемоніи: должно извинять ихъ дурачества ради того добра, которое они могутъ сдѣлать“. Екатерина отвѣчала на эту замѣтку коротко: „Вотъ принципъ, который открываетъ дверь всевозможнымъ нелѣпостямъ, лишь бы только онѣ заключали въ себѣ малѣйшую крупицу добра. Посмотрите сами, куда ведетъ васъ этотъ принципъ“.

БЫЛИНЫ ПО РУКОПИСЯМЪ XVIII ВѢКА.

Самыя раннія записи русскихъ народныхъ пѣсенъ относятся,—насколько до сихъ поръ извѣстно, — къ первой четверти XVII вѣка. Въ 1619 году записано было въ Москвѣ для баккалавра Ричарда Джемса, прибывшаго сюда съ англійскимъ посольствомъ [1], шесть пѣсенъ: пять изъ нихъ имѣютъ предметомъ историческія событія, одна „весновую службу“ [2]. Тексты этихъ пѣсенъ записаны *со словъ* [3] *по заказу* любознательнаго баккалавра, который желалъ познакомиться съ русскимъ народнымъ языкомъ. Въ этомъ небольшомъ сборникѣ, повидимому, двѣ пѣсни (первая и шестая) написаны были *въ сплошную строку*, остальныя—съ раздѣленіемъ на стихи [4]. Въ томъ же столѣтіи народная былина появляется и въ сборникѣ, назначенномъ *для литературнаго чтенія*. Такъ въ рукописи XVII в., принадлежащей Е. В. Барсову, помѣщено „Сказаніе о кѣевскихъ богатыряхъ, какъ ходили во Царьградъ и какъ побили цареградцкихъ богатырей, учинили себѣ честь“ [5]. Это *„Сказаніе“* помѣщено въ сборникѣ г. Барсова между широко распространеннымъ въ допетровскомъ (а впослѣдствіи въ *народномъ*) *чтеніи* „Хожденіемъ Трифона Коробейникова во Святую Землю“ и Словомъ о Дмитреѣ купцѣ (Басаргѣ) и о мудрыхъ словесехъ сына его Борзомысла“ [6]. Въ глазахъ составителя сборника или писца былина о кіевскихъ богатыряхъ была уже не *пѣснью*, а *сказаніемъ*, т. е. повѣстью въ родѣ „Слова о Дмитріи Басаргѣ“ и подобныхъ ему „словъ“ и „сказаній“ *письменной* литературы, обращавшихся

въ до-петровской Россіи. Текстъ „Сказанія о кіевскихъ богатыряхъ“ въ сборникѣ Барсова написанъ *въ сплошную строку;* стихъ большею частію разрушенъ; въ одномъ мѣстѣ случайно, по ошибкѣ, пропущено нѣсколько строкъ [7]; но намѣренныхъ поправокъ и измѣненій со стороны писца, приноровленія текста къ литературному изложенію письменныхъ повѣстей XVII вѣка—незамѣтно. Несмотря на пострадавшую отъ времени внѣшнюю форму, „Сказаніе“, внесенное въ рукопись Барсова, донесло къ намъ въ большей чистотѣ старое содержаніе былины, чѣмъ пѣсни, записанныя *изъ устъ народа* въ позднѣйшее время [8].

Намъ неизвѣстно пока другихъ рукописей XVII вѣка, въ которыхъ находились бы записи народныхъ пѣсенъ [9]. Можно однако думать, что уже въ XVII в. эти пѣсни записывались нерѣдко: на это указываютъ „сказанія о богатыряхъ“, встрѣчающіяся въ рукописяхъ слѣдующаго столѣтія и носящія на себѣ явные слѣды *копированія* съ болѣе древнихъ *рукописныхъ* текстовъ.

Въ XVII вѣкѣ начали *собирать* и записывать и „пословицы всенароднѣйшія“ [10]. Былина подъ перомъ писца, полагавшаго ихъ на бумагу, получала названіе „сказанія“ и такимъ образомъ поставляема была наравнѣ съ оригинальными и переводными историческими и поэтическими „сказаніями“, „словами“ и „повѣстями“. Пословицы, или „мірскія притчи“, отождествлялись съ мудрыми изреченіями языческихъ и христіанскихъ писателей,—въ родѣ тѣхъ, которыя вошли въ составъ „Пчелъ“, — и даже съ „словцами божественныхъ писаній“. Старинныя пословицы, притчи и поговорки, вписанныя въ одинъ сборникъ XVII вѣка, озаглавлены: „Словца, избраны отъ Мудрости Исуса, сына Сирахова, и отъ Премудрости царя Соломона“ [11].

Рукописная литература XVIII вѣка, продолжая старое литературное преданіе, сохраняетъ живой интересъ къ памятникамъ народной словесности и древне-русской литературы.

Къ первой четверти XVIII вѣка относится драгоцѣнный сборникъ произведеній древне-русской литературы и народной словесности, принадлежащій Ѳ. И. Буслаеву [12]. Сборникъ состоитъ изъ отдѣльныхъ тетрадей; въ каждой помѣщено по одному произведенію [13]. Эти тетрадки соединены были въ одинъ пере-

плетъ, когда въ нѣкоторыхъ изъ нихъ уже утрачены были отдѣльные листки (большею частью начальные или конечные). Такъ, въ первой тетрадкѣ недостаетъ 26 начальныхъ листовъ. Кромѣ того, утрачены л. 85—88, л. 122-й, л. 259-й (въ срединѣ „Сказанія о Акирѣ премудромъ"), л. 325-й (начало былины о Ставрѣ), л. 371-й (конецъ пѣсни „Чаша моря соловецкаго"). Тетрадки отданы были въ переплетъ *послѣ того,* какъ перемѣчены были по листамъ (по старинному—буквами, а не цифрами) рукою писавшаго и, кажется, перваго владѣльца оныхъ. При переплетѣ порядокъ тетрадей былъ спутанъ, и потому листы 283—301 приплетены въ самомъ концѣ рукописи послѣ листовъ, помѣченныхъ: 370 и т. д. Вообще послѣ л. 349-го порядокъ страницъ спутанъ переплетчикомъ. На нѣкоторыхъ страницахъ сохранились записи владѣльцевъ, къ коимъ рукопись, съ теченіемъ времени, переходила. На оборотѣ л. 113-го записано тѣмъ же почеркомъ, какимъ написанъ весь сборникъ: „Сиа тетрать Никиты Андрѣева с҃на (сына) Кора..." Это—запись составителя и перваго владѣльца сборника. Позднѣйшія записи читаются на об. л. 159, на л. 194, на об. л. 386, на об. л. 390. Приводимъ двѣ послѣднія, указывающія на сословіе читателей прошлаго вѣка, интересовавшихся статьями сборника. На оборотѣ 386 листа записано: „Сия книга дому г҃дна [14] лейбъ-гварди прапорщика алеѯсея ильича желябужскаго служитѣля ево ивана тимофиева с҃на быкова" [15]. На обор. 390 листа позднѣйшая запись: „Сия книга г҃дрьственнои во҃чиннои ко҃легіи капеиста петра иванова с҃на степанова". Въ объемистомъ сборникѣ Ѳ. И. Буслаева совмѣщены важнѣйшія произведенія литературы XVII вѣка, вошедшія въ „народныя книги", въ область народнаго чтенія XVIII вѣка. Изъ памятниковъ *древне-русской* литературы отмѣтимъ: 1) „Слово о иконѣ пресвятыя Богородицы, како приіде из верскаго (Иверскаго) царства во святую гору по воздуху"; 2) „Чудо пречистыя владычицы нашея Богородицы о женѣ бѣсноватѣи Соломоніи" [16]; 3) „Сказание о ризѣ господа нашего Іисуса Христа"; 4) „Сказание о святѣмъ Іоанне Богословѣ, како научи человѣка писати іконы" [17]; 5) „Ис книги Пролога—м҃ца генваря въ .д. день, Слово, еже не осудити никогоже, дондеже господь избавитъ и о долготерпѣніи божіи"; 6) „Притъча о нѣ-

коемъ дворецкомъ і селянинѣ“ [18]; 7) „Повѣсть о Дмитрие купцѣ і о премудромъ слове сына ево“ (Басарга); 8) „Сказание о Акире премудромъ і о премудрости ево“; 9) „Како баба диявола обманула“ [19]; 10) „Повѣсть града Вавилона“ [20]; 10) „Слово святаго мученика Егория о змиі і о девїцѣ [21]; 11) „Слово о бражнике, како вниде въ рай“. Не перечисляя другихъ статей сборника, отмѣтимъ апокрифы: „Іерусалимскій свитокъ“, „Сказаніе о потопѣ и о Ноевомъ ковчегѣ“, „О царѣ Соломонѣ“. Рядомъ съ этими произведеніями помѣщены три былины и нѣсколько популярныхъ въ лубочной литературѣ текстовъ. Къ числу послѣднихъ относятся: 1) „Слово о пиянствѣ“ [22]; 2) „Списокъ судънаго дѣла, какъ тягался лещъ сь ершомъ о ростовскомъ озере и о рекахъ“; 3) „Повѣсть сказуемаго ерша ершова сына щетинникова і ябедника“; 4) „Повѣсть о курѣ і о прекрасной лисицѣ“ [23]; 5) „Роспись о приданомъ“ [24]; 6) „Повесть о Ереме с Ѳомою“ [25]; 7) „Колязинская челобитная“ (безъ начала и конца) [26]; 8) „Сутъ Шемякинъ, выписано іс книги із жартъ полскихъ“ [27]. Сравнивая тексты этихъ семи произведеній, вписанные въ сборникъ Ѳ. И. Буслаева, съ текстомъ ихъ лубочныхъ изданій, видимъ, что первые представляютъ древнѣйшую, болѣе пространную редакцію, вторые—сокращенную передѣлку позднѣйшаго книжника, смягчавшаго наивную грубость первоначальныхъ текстовъ и измѣнявшаго самую форму изложенія. Ровинскій указалъ, что „текстъ картинки *Ерема, Ѳома и Парамошка* заимствованъ *съ большими сокращеніями* изъ *повѣсти*, находящейся въ рукописномъ сборникѣ XVIII вѣка Императорской Публичной библіотеки“ [28]. Текстъ *повѣсти о Еремѣ и Ѳомѣ* въ сборникѣ Ѳ. И. Буслаева по объему и изложенію гораздо ближе къ изданному Ровинскимъ тексту рукописи Публичной библіотеки [29], нежели къ лубочному. „Списокъ суднаго дѣла, какъ тягался лещъ съ ершомъ о ростовскомъ озерѣ“ и „Повѣсть сказуемаго ерша ершова“, при обработкѣ для лубочнаго изданія, до такой степени были *сокращены*, что какъ бы слились въ одно цѣлое и помѣстились на одной лубочной картинкѣ [30].

Въ описываемомъ сборникѣ Буслаева помѣщены слѣдующія три былины: 1) „Сказание о седми русскихъ богатыряхъ“ (л. 311—323 об.); 2) „Сказаніе о Ставрѣ“, безъ начала (л. 326—337) [31]

и 3) „Повѣсть о Ілье Муромце и о Соловье Разбоинике“ (л. 291 — 296). Каждая былина записана въ особой тетрадкѣ; „Повѣсть объ Ильѣ Муромцѣ“, по ошибкѣ переплетчика, спутавшаго порядокъ перемѣченныхъ тетрадокъ, помѣщена *сзади* сказаній „О седми богатыряхъ“ и о Ставрѣ. При перепискѣ въ отдѣльныя тетрадки сборника былины не подвергались поправкамъ или передѣлкамъ переписчика. Былина о Ставрѣ списана, повидимому, съ готоваго оригинала, а не записана со словъ [32]. Въ ней лучше, чѣмъ въ остальныхъ всѣхъ, сохранился эпическій стиль. Напр., три раза, безъ всякихъ измѣненій, повторяются слѣдующіе стихи:

Богъ надъ Ставромъ прогнѣвался
Государь велики князь Владимиръ раскручинился:
Велѣлъ его посадить въ глубокъ погребъ,
(Въ глубокъ погребъ) [33] сорока саженъ,
И засыпать песками желтыми,
И закрыть доскою желѣзною.

Хотя стихъ кое-гдѣ разрушенъ, но сказаніе представляется въ болѣе древнемъ, простомъ видѣ, чѣмъ въ былинахъ, записанныхъ позднѣе: въ нихъ оно осложнено скоморошескими варіаціями.

Значеніе текста былины „О седми русскихъ богатыряхъ“ [34], представляющей варіантъ къ „Богатырскому слову“ рукописи Барсова, указано А. Н. Веселовскимъ [35]. Запись третьей былины сборника Ѳ. И. Буслаева, „Повѣсть о Ильѣ Муромцѣ“, указываетъ на болѣе старый *рукописный* оригиналъ; нѣкоторыхъ словъ писецъ, очевидно, не умѣлъ въ немъ понять. Такъ, онъ не разобралъ надстрочной буквы *ж* и написалъ: „себе“, „себѣ“ — вмѣсто: „Себежъ“ (городъ); неразобранное имя писецъ старался осмыслить по своему разумѣнію и вмѣсто: „Себежскова“ или „Сибежскова“ писалъ: „Сибирскова“ [36].

Въ рукописномъ сборникѣ Ундольскаго № 663 (нынѣ Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго музеевъ) помѣщена „*Повѣсть* о славномъ могучемъ богатыре о Илье Муромце и о Соловье разбойнике“. Этотъ сборникъ состоитъ изъ двухъ рукописей, писанныхъ различными почерками и въ разное время и впослѣдствіи соединенныхъ въ одинъ переплетъ. Болѣе древ-

няя рукопись занимаетъ вторую часть сборника и начинается съ 59-го листа нынѣшней нумераціи сборника; сбоку этого листа приписано: „$\frac{17}{30}$ году“. Эта помѣта опредѣляетъ время написанія той части сборника, въ которую вписана „повѣсть“ объ Ильѣ Муромцѣ. Къ сожалѣнію, отъ этой повѣсти сохранились только начало и конецъ. Приводимъ буквально сохранившіяся строки. Начало: „Въ славномъ граде Муроме слушалъ Илья Муромецъ воскресную заутреню; походъ держалъ к славному граду Киеву ко князю Владимеру киевскому всеславевичю, а завѣтъ держалъ на свою вострy саблю і на свои...“ Конецъ: „... службу, да послужи ты мне вѣрою и правдою, покажи свою силу богатырскую. Тежъ люди миновалися, а слава ихъ до скончания вѣка. Аминь“. Уцѣлѣвшія строки „повѣсти“ позволяютъ думать, что текстъ ея записанъ былъ довольно вѣрно сравнительно съ народнымъ пересказомъ и не подвергся поправкамъ книжника [37]. Своимъ составомъ послѣдняя часть сборника Ундольскаго напоминаетъ составъ Барсовскаго сборника, въ которомъ помѣщено „Сказаніе о кѣевскихъ богатыряхъ“. На листахъ 59—61 об. новой нумераціи (по старой 117—119) помѣщена *„Повесть* о царѣ Агѣе, како пострада гордости ради за евангельское слово“; на л. 62—64 об. (по стар. нумераціи л. 120—122 об.)— статья, озаглавленная: „О велицемъ граде Иерусалиме сказание, идеже гробъ господень предстоитъ и о пространстве соборныя церкви Святая Святыхъ“; на листахъ 65—74 (по ст. нумер. 123—132)—*„Повесть* о крестномъ сыне, како Христосъ крестилъ младенца“ [38]; наконецъ, на л. 75 — 81 об. (л. 133—139) написана *„Повесть* о Дмитріі купце (Басаргѣ) и о сынѣ его седми лѣтъ мудрыхъ отвѣтовъ“ (sic!). Разсказъ о Дмитріи Басаргѣ, озаглавленный въ другихъ рукописяхъ „словомъ“ или „сказаніемъ“ [39], названъ здѣсь „повѣстью“; такое наименованіе получила и былина объ Ильѣ Муромцѣ и даже легенда о крестномъ сынѣ. Уцѣлѣвшій въ сборникѣ Ундольскаго отрывокъ „повѣсти“ объ Ильѣ Муромцѣ относится къ той версіи былинъ о первой поѣздкѣ Ильи, которая находится въ описанномъ сборникѣ Ѳ. И. Буслаева и другихъ рукописяхъ XVIII вѣка [40]. Въ тетрадкѣ второй половины XVIII вѣка [41], принадлежащей И. Е. Забѣлину (№ 71), она уже носитъ не старое русское названіе „слова“,

„сказанія“, „повѣсти“, а окрещена иностраннымъ словомъ *„Гисторія“*, т. е. тѣмъ терминомъ, которымъ обыкновенно означались во второй половинѣ прошлаго столѣтія переводные романы и повѣсти [42]. По этому списку И. Е. Забѣлина „Гисторія о Ильѣ Муромцѣ и о Соловьѣ-Разбойникѣ“ напечатана Аѳанасьевымъ въ „Народныхъ русскихъ сказкахъ“ (изд. 3-е, вып. I, стр. 77—80). Въ срединѣ рукописи пропускъ. Текстъ начинается такъ: „Во славномъ градѣ Муромѣ слушалъ Илья Муромецъ заутреню воскресную, походъ держалъ ко граду Кіеву, ко славному князю Владимеру Сеславьевичу, а *завѣтъ положилъ, чтобъ отнюдь во всю широкую дорогу острой сабли изъ ножъ не вынимать, а на крѣпкой лукъ тетивы не накладывать*“ [43]. Такое начало *ближе всего подходитъ* къ вышеприведенному отрывку, сохранившемуся въ сборникѣ Ундольскаго № 663; въ „повѣсти“ Буслаевскаго сборника начальныя строки представляютъ старый текстъ въ *испорченномъ* видѣ (ср. ниже № II); въ другомъ текстѣ XVIII вѣка (ниже № III) о „завѣтѣ“ Ильи Муромца совсѣмъ не упоминается. Въ описываемой тетрадкѣ И. Е. Забѣлина „Гисторія объ Ильѣ Муромцѣ“ оканчивается слѣдующими словами: „И князь Владимеръ сталъ веселъ и говоритъ ему: *послужи ты мнѣ, Илья Муромецъ, вѣрою и правдою и покажи свою силу богатырскую*“ [44]. Послѣднія выраженія *буквально* повторяются въ отрывкѣ Ундольскаго; въ текстѣ сборника Буслаева ихъ нѣтъ, но вмѣсто нихъ стоитъ эпическая формула: „тебѣ у меня, Илья Муромецъ, будетъ золота казна не запечатана, і кони не заперты, і погребы не замкнуты“. Позволительно заключить, что одна и та же версія былины вносилась въ рукописи XVIII вѣка съ записей или пересказовъ, несогласныхъ между собою во всѣхъ подробностяхъ содержанія и различныхъ по изложенію, по степени сохранности эпическаго стиля.

Въ другой рукописи И. Е. Забѣлина, № 82, относимой владѣльцемъ ко второй половинѣ XVIII вѣка, находятся: 1) „Сказаніе объ Ильѣ Муромцѣ“ и 2) „Сказаніе о трехъ богатыряхъ: Ильѣ Муромцѣ, Михаилѣ Потокѣ Ивановичѣ и Алешѣ Поповичѣ“ [45]. Въ первомъ сказаніи утрачены начальные листы; въ настоящемъ своемъ видѣ рукопись начинается такъ: „взялъ подъ правую руку, а воевода Черниговскій подъ лѣвую“. Въ

этомъ сказаніи о первой поѣздкѣ Ильи Муромца богатырь освобождаетъ отъ враговъ не Себежъ, а Черниговъ [46].

Записываніе народныхъ пословицъ и составленіе изъ нихъ особыхъ сборниковъ продолжалось въ XVIII вѣкѣ. Въ *рукописяхъ* этого столѣтія пословицы сохраняютъ *свой исконный видъ*, только при печатаніи подвергаются онѣ болѣе или менѣе значительнымъ искаженіямъ. Къ 1749 году относится рукопись, озаглавленная: „Россійскія пословицы, собранныя по алфабету въ Москвѣ 1749". Изъ позднѣйшей приписки видно, что этотъ сборникъ *писанъ рукою Александра Даниловича Янькова*. По словамъ Ѳ. И. Буслаева, рукопись эта „содержитъ въ себѣ многія весьма древнія пословицы, не уступающія стариною" тѣмъ, которыя внесены въ сборникъ XVII в. Московскаго Архива Мин. Иностр. Дѣлъ [47]. Можетъ быть, Яньковъ не самъ составилъ этотъ сборникъ пословицъ, а списалъ его съ болѣе древняго оригинала: многія пословицы въ этой рукописи „въ большей чистотѣ сохранили русскую рѣчь", чѣмъ напечатанныя впослѣдствіи въ извѣстномъ изданіи Снегирева „Русскія народныя пословицы и притчи" [48]. Какъ бы то ни было, достойно вниманія то обстоятельство, что перепискою „русскихъ пословицъ" занимался *въ Москвѣ*, въ 1749 г., человѣкъ по тогдашнему времени образованный, знавшій французскій языкъ. Въ нашемъ собраніи рукописей находится рукопись (№ 325), принадлежавшая библіотекѣ того же Янькова и значившаяся въ ней подъ № 86. Рукопись заключаетъ въ себѣ „Авантуры Аристоноюсовы",—нравоучительную повѣсть, переведенную съ французскаго. На оборотѣ заглавнаго листа тѣми же чернилами и почеркомъ, какими написана вся рукопись, приписано: „A: de Vancoff". На заглавномъ листѣ *позднѣйшая приписка:* „Авантуры Аристоносовы (sic!). *Писаны рукою Александра Даниловича Янькова*" [49]. Образованный русскій, москвичъ половины прошлаго вѣка, сохранялъ очевидно живой интересъ къ рукописной литературѣ, хранившей старыя традиціи, и собственною рукою переписывалъ и народныя русскія пословицы, и переведенную съ французскаго гисторію [50].

Бытъ помѣщиковъ XVIII вѣка, особенно провинціальныхъ, поддерживалъ въ этомъ привилегированномъ сословіи сочувствіе

народной старинѣ и поэзіи. Митрофанушка „Недоросля“ „еще съизмала былъ къ исторіямъ охотникъ“ и „заставлялъ себѣ разсказывать исторіи скотницу Хавронью“; „въ иной исторіи залеталъ за тридевять земель, за тридесято царство“. Скотининъ „безъ того глазъ не сводилъ, чтобъ выборный не разсказывалъ ему исторій“. Самъ авторъ „Недоросля“ слушалъ въ дѣтствѣ сказки, которыя сказывалъ пріѣзжавшій изъ Дмитріевской деревни Фонъ-Визиныхъ мужикъ Ѳедоръ Суратовъ. Татищевъ († 1750 г.) слушалъ былины о пирахъ Владиміра и уцѣлѣвшій въ его памяти отрывокъ (о дворѣ Путятинѣ) помѣстилъ въ одномъ изъ примѣчаній къ Іоакимовской лѣтописи [51]. Обширный сборникъ народныхъ пѣсенъ, составленный въ XVIII вѣкѣ, связанъ съ именемъ одного изъ Демидовыхъ, — того, который любилъ щеголять патріархальными пріемами стараго русскаго быта. 22-го сентября 1768 года Прокофій Акинфіевичъ Демидовъ писалъ „россійскому исторіографу“ Г. Ф. Миллеру: „Въ присутствіе ваше у меня благоволилъ мнѣ приказать прислать о селѣ Романовскомъ, а нынѣ называютъ его Преображенскимъ. Я досталъ отъ *сибирскихъ людей*, которые прошедшую *исторію* поютъ на голосу, которую при семъ къ Вашему Высокородію посылаю“. Печатая это письмо (по подлиннику, сохранившемуся въ портфеляхъ Миллера), профессоръ Шевыревъ справедливо замѣтилъ: „Письмо указываетъ на то, какъ весь сборникъ, у насъ обыкновенно приписываемый Киршу Данилову, былъ записанъ въ Сибири съ устъ сибирскихъ людей для Прокофія Акинфіевича Демидова“ [52]. Приведенное письмо опредѣляетъ приблизительно время и мѣсто записи народныхъ пѣсенъ, вошедшихъ въ составъ „Древнихъ россійскихъ стихотвореній“ [53]. Самая былина, посланная Демидовымъ Миллеру при этомъ письмѣ и напечатанная впослѣдствіи въ „Древнихъ россійскихъ стихотвореніяхъ“ (стр. 326 — 336) подъ заглавіемъ „Никитѣ Романовичу дано село „Преображенское“, написана была *безъ раздѣленія на стихи*, въ сплошную строку [52]. По словамъ К. Ѳ. Калайдовича, „оригиналъ Древнихъ русскихъ стихотвореній писанъ *новымъ почеркомъ*, безъ орѳографіи и *безъ раздѣленія стиховъ*“ [53]. Время составленія сборника Калайдовичъ опредѣляетъ лишь приблизительно, говоря: „За открытіе и сохраненіе сихъ

старыхъ памятниковъ русской словесности мы обязаны покойному г. дѣйствительному статскому товѣтнику Прокофію Акинфіевичу Демидову, *для коего они предъ симъ лѣтъ за 70 были списаны*“ [54]. Высказывая предположеніе, что пѣсни для Демидова были *списаны* съ готоваго оригинала (а *не* записаны *со словъ*), Калайдовичъ находитъ вѣроятнымъ, „что собиратель Древнихъ стихотвореній долженъ принадлежать къ первымъ десятилѣтіямъ XVIII вѣка“ [55]. Это предположеніе издатель основываетъ на пѣсни: „Свѣтелъ, радошенъ царь Алексѣй Михайловичъ“ и еще болѣе на „повѣсти *о Атаманѣ Флорѣ Минаевичѣ*, въ которой сей начальникъ Донскаго войска съ казаками, изъявляя прискорбіе о возбраненіи имъ плаванія на Дону, подаетъ въ Москвѣ государю Петру I просьбу на сіе притѣсненіе“ [56]. Сборникъ древнихъ россійскихъ стихотвореній, несомнѣнно, составленъ былъ по заказу Демидова въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка, и пѣсни, вошедшія въ его составъ, были *записаны съ голосу сибирскихъ людей*, а не переписаны съ готоваго рукописнаго оригинала. Демидовъ положительно свидѣтельствуетъ о томъ въ письмѣ къ Миллеру.

Въ 1769 году Курганов вноситъ четыре народныя пѣсни въ учебное руководство по русскому языку, изданное имъ подъ заглавіемъ: „Россійская универсальная грамматика, или всеобщее письмословіе, предлагающее легчайшій способъ основательнаго ученія русскому языку съ седмью присовокупленіями разныхъ учебныхъ и полезно-забавныхъ вещей“. Двѣ историческія пѣсни напечатаны здѣсь *въ сплошную строку;* но начала отдѣльныхъ стиховъ отмѣчаются во второй пѣснѣ прописною буквою: повидимому, Курганов напечаталъ ихъ въ томъ видѣ, въ какомъ нашелъ ихъ въ какой-нибудь рукописи [57]. Въ „Универсальной грамматикѣ“ народныя русскія пѣсни помѣщены въ отдѣлѣ *Разныхъ стиходѣйствъ*—среди произведеній Кантемира, Ломоносова, Сумарокова, школьныхъ „кантъ“ и „кіевокалѣкскихъ“ стиховъ. Въ другихъ отдѣлахъ книги Курганова помѣщены: 1) „Краткія замысловатыя повѣсти“ (въ родѣ польскихъ фацецій), 2) „Древнія апоѳегмы“ (перепечатанныя съ стараго рукописнаго текста, изданнаго въ Москвѣ въ 1711 году) и, наконецъ, 3) „Сборъ разныхъ пословицъ и поговорокъ“. Послѣднія,

какъ и пѣсни, напечатаны безъ подправокъ и передѣлокъ, которымъ онѣ нерѣдко подвергались впослѣдствіи со стороны писателей, принадлежавшихъ къ ложно-классической школѣ, или признававшихъ литературный авторитетъ Сумарокова (напр. въ изданіяхъ Богдановича и Михайлы Попова). „Универсальная грамматика“ впослѣдствіи была значительно расширена въ объемѣ и, подъ именемъ „Письмовника“, заняла почетное мѣсто въ нашей „мѣщанской“ литературѣ; этимъ книга Курганова обязана, конечно, и тому, что приняла въ свой составъ „апоѳегмы“ и забавныя повѣсти, пользовавшіяся большимъ распространеніемъ въ литературѣ XVII вѣка, а также народнымъ пѣснямъ и пословицамъ, въ нее внесеннымъ. Нѣкоторыя отдѣльныя статьи „Универсальной грамматики“ перешли на лубочныя картинки, подобно многимъ рукописнымъ текстамъ XVII и XVIII вѣка [88].

Въ 1770 г. напечатаны были Чулковымъ двѣ первыя части „Собранія разныхъ пѣсенъ“; изданіе этого сборника закончилось въ 1774 году выходомъ четвертой части. Рядомъ съ пѣснями разныхъ русскихъ стихотворцевъ Чулковъ помѣстилъ въ этомъ „Собраніи“ много пѣсенъ народныхъ, преимущественно обрядовыхъ и бытовыхъ; пѣсенъ историческихъ и былинъ въ его сборникѣ немного.

Обрядовыя и бытовыя народныя пѣсни, напечатанныя въ „Собраніи“ Чулкова, повидимому извлечены собирателемъ изъ старыхъ рукописей, гдѣ онѣ находились вмѣстѣ съ пѣснями неизвѣстныхъ авторовъ. Въ „предувѣдомленіи“ Чулковъ говоритъ: „Сколько я трудился въ собраніи сихъ пѣсенъ, о томъ вѣдаютъ тѣ люди, которымъ извѣстны безграмотные писцы наши, кои пишутъ, а что пишутъ, того не разумѣютъ. Ихъ неискуство находилъ я почти во всякой пѣснѣ, такъ что индѣ ни стиха, ни риѳмы, ниже мысли узнать мнѣ было не можно; да я чаю, что они и сами растолковать бы мнѣ не умѣли; для того принужденъ былъ употреблять догадку... Сихъ пѣсенъ собрано у меня нѣсколько (продолжаетъ Чулковъ), а сіе нѣсколько составило бы ужасной величины книгу, естьли бы я напечаталъ ихъ всѣ вмѣстѣ: того ради разсудилось мнѣ выдавать ихъ по частямъ. Каждая часть состоять будетъ изъ *пѣсенъ разнаго сло-*

женія, какъ и сія первая, въ томъ же числѣ будутъ театральныя, маскарадныя, подблюдныя, хороводныя, и словомъ *всякаго званія*".

Въ прошломъ вѣкѣ, дѣйствительно, обращались въ средѣ читающаго класса рукописи, въ которыхъ собраны были пѣсни „разнаго званія". Одинъ изъ такихъ сборниковъ найденъ былъ Пекарскимъ въ библіотекѣ г-жи А. П. Микулиной въ селѣ Кожинѣ Московской губерніи. А. Н. Пыпинъ описываетъ этотъ сборникъ такъ: „Рукопись (на 40 лист., въ небольшую четвертку) писана стариннымъ почеркомъ половины XVIII-го столѣтія и названа *кантами*, хотя въ ней собственно такъ называемыхъ стихотвореній очень немного. Всего въ рукописи записаны пятьдесятъ четыре пьесы. Половина ихъ состоитъ изъ романсовъ, пѣсенъ и идиллій, принадлежащихъ срединѣ прошлаго вѣка; затѣмъ помѣщено, нѣсколько духовныхъ стихотвореній; наконецъ, остальныя пьесы состоятъ или изъ чисто-народныхъ или полународныхъ пѣсенъ, между которыми встрѣчаются интересныя въ томъ или другомъ отношеніи" [59]. Замѣтимъ, что въ такихъ сборникахъ чисто-народныя пѣсни составляютъ незначительное число сравнительно съ романсами, пѣснями театральными и подобными имъ стихотвореніями. Таковъ составъ сборниковъ XVIII вѣка, въ которыхъ помѣщались народныя пѣсни лирическія, бытовыя.

Съ 1780 года тотъ же Чулковъ началъ издавать „Рускія сказки, содержащія древнѣйшія повѣствованія о славныхъ богатыряхъ" и т. д. Въ составъ этого изданія вошли сказки, которыя Чулковъ сочинялъ, руководствуясь принадлежавшимъ ему сборникомъ русскихъ народныхъ былинъ. „Къ крайнему моему сожалѣнію (говоритъ онъ) въ пожарный случай погибло у меня собраніе древнихъ богатырскихъ пѣсенъ, между коими и о семъ подвигѣ Добрыни Никитича"... „Голосъ оныя и отрывки словъ остались еще въ моей памяти, кои и прилагаю здѣсь" [60]. Сотрудникъ Чулкова по изданію „Русскихъ сказокъ", извѣстный писатель Михайла Поповъ [61], составляя для печати сборникъ „Россійская Эрата, или выборъ наилучшихъ новѣйшихъ россійскихъ пѣсенъ" [62], вноситъ въ него нѣсколько народныхъ лирическихъ пѣсенъ и такъ же, какъ и Чулковъ, жалуется на „без-

грамотныхъ писцовъ", отъ которыхъ многія пѣсни „претерпѣли гнусное себѣ превращеніе" [63]. У него было подъ руками довольно много записей народныхъ лирическихъ (бытовыхъ) пѣсенъ,— т. е. сборниковъ такого же состава, какими пользовался и Чулковъ, когда онъ приготовлялъ къ печати свое „Собраніе разныхъ пѣсенъ". Въ предисловіи къ своему сборнику М. Поповъ говоритъ: „Со старинными [64] пѣсьнями поступалъ я такимъ же образомъ (т. е. какъ и съ новѣйшими): по учиненіи онымъ изъ *преогромныя стаи* очень малаго выбора, потщался въ нѣкоторыхъ исправить не токмо равногласіе и мѣру во стихахъ, но и переставлялъ оные въ иныхъ съ одного мѣста на другое, дабы связь ихъ теченія и смысла здѣлать чрезъ то плавнѣйшею и естественнѣйшею, чего въ нѣкоторыхъ изъ нихъ недоставало. Между тѣмъ внесены мною и такія пѣсьни, которыя оставилъ я совсѣмъ безъ поправки, по тому что нельзя было къ оной приступить безъ перемѣны ихъ слога, по которому единственно и заслуживаютъ онѣ вниманіе; ибо, какъ уже выше сказано, древность нарѣчія и естественная простота выраженія идей есть главное достоинство старинныхъ нашихъ пѣсенъ" [65]. Поповъ, вѣроятно, пользовался и сборниками пѣсенъ „всякаго званія", принадлежавшими Чулкову: онъ былъ участникомъ и въ Чулковскомъ „Собраніи разныхъ пѣсенъ" [66]...

Такимъ образомъ, въ прошломъ столѣтіи, кромѣ спеціальныхъ сборниковъ, составленныхъ исключительно изъ народныхъ пѣсенъ („Древнія россійскія стихотворенія" и сгорѣвшій сборникъ богатырскихъ пѣсенъ Чулкова), народныя пѣсни попадаются: 1) лирическія—въ сборникахъ романсовъ и пѣсенъ Сумарокова, Ломоносова и второстепенныхъ писателей XVIII вѣка, 2) былины и историческія пѣсни — въ сборникахъ старинныхъ „сказаній", „повѣстей", „словъ". Сборники перваго рода обращались преимущественно среди привилегированнаго класса: ихъ надобно искать въ старинныхъ помѣщичьихъ библіотекахъ; сборники втораго рода—среди грамотныхъ людей средняго и низшаго класса: купцовъ, мѣщанъ, посадскихъ, дворовыхъ людей, крестьянъ.

Къ категоріи послѣднихъ сборниковъ относятся тѣ рукописи нашей библіотеки, по которымъ напечатаны мною былины:

1) „Сказаніе о Ильѣ Муромцѣ и о Соловьѣ Разбойникѣ“ (№ III); 2) „Сказаніе о трехъ богатыряхъ: о Ильѣ Муромцѣ и о Михаилѣ Потокѣ Ивановичѣ и Олешѣ Поповичѣ кіевскихъ и о похожденіи ихъ“ (№ IV) и 3) „Сказаніе о сильныхъ могучихъ богатыряхъ кіевскихъ: о Ильѣ Муромцѣ и о Михаилѣ Потокѣ Ивановичѣ и Алешѣ Поповичѣ“ (№ V) [67].

„Сказаніе о Ильѣ Муромцѣ и о Соловьѣ Разбойникѣ“, представляющее варіантъ къ тексту, напечатанному подъ № II, заимствовано изъ рукописнаго сборника моей библіотеки, № 222. Рукопись въ четвертку, на 227 листахъ, перемѣченныхъ тою же рукою, которою написанъ весь сборникъ. Тѣмъ же почеркомъ, на оборотѣ 63-го листа, сдѣлана приписка, опредѣляющая время составленія сборника: „Anno Domini 1734 году“. Въ составъ этой рукописи входятъ: 1) „Повѣсть объ Аполлонѣ, королѣ тирскомъ“, безъ начала, за утратою первыхъ двухъ листовъ (л. 3—28 об.); 2) „Исторія, выпісана ис книгъ зело полезна французкаго (sic!) королевства о гравскомъ сынѣ Кеинге“ и т. д. [68] (л. 29—44 об.); 3) „Сутъ Шемякинъ, выписано ис книгъ жартовъ“ (л. 45—47 об.); 4) „Сказаніе о храмце и о слепце“ (л. 47 об.—48 об.); 5) „Повесть Цесаревіча Діоклітиана отцу своему и (sic!) некоемъ рыцаре и о сыне его Алеѧандре, велми чудна“ (л. 49—63 об.); 6) „Повесть зело предивна и истинна, яже бысть во дни сия, како человеколюбивый Богъ являетъ человеколюбие свое надъ народомъ христианскимъ“—о Саввѣ Грудцынѣ (л. 67—87) и 7) „История о храбромъ гишпанскомъ рыцаре Веницыанѣ и прекрасной королевне Ренцывенѣ“ (л. 94—227). Составитель сборника оставилъ пустыми листы 64—66 (послѣдній листъ утраченъ) и л. 87 об.—93 об. На этихъ-то пустыхъ страницахъ другимъ почеркомъ малограмотнаго писца вписаны: 1) „Молитва великому святителю Николаю чудотворцу“ (л. 64—64 об.); 2) „Молитва пресвятой Богородицѣ“ (л. 87 об.—88); 3) „Молитва покаянная Господу Іисусу“ (л. 88—89); 4) „Мѣсяцъ мартъ въ 12 день. Сей листъ выписанъ изъ древнихъ святыхъ отецъ харитеныхъ (sic!) о двунадесятъ времяннихъ имянуетца пятница“ (л. 89 об.); 5) „Послание отъ Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа с небесе“ [68] (л. 90—90 об.); 6) „Молитвы чрезъ седмицу всякому христианину“ (л. 91—91 об.). Непосредственно

за „молитвою въ понедѣльникъ“ тою же рукою вписано и „Сказание о Ілие Муромце и о Соловие Разбонике“ (л. 91 об. — 92 об., л. 93 об.). Эти новыя записи не позднѣе 1740 года: на л. 64, въ „молитвѣ Николаю Чудотворцу“, читается: „Молися Всемилостивому Владыцѣ спасти во здравіе... благочестивѣйшую и самодержавнѣйшую великую государыню нашу, императрицу Анну Іоанновну“. Переписчикъ, несомнѣнно, имѣлъ оригиналомъ рукописный текстъ былины, старый, съ надстрочными буквами и титлами. Не умѣя разобрать надстрочныхъ скорописныхъ буквъ, писецъ былины пропускалъ ихъ [69].

Текстъ перваго „Сказанія о трехъ богатыряхъ: о Ильѣ Муромцѣ и о Михаилѣ Потокѣ Ивановичѣ и Олешѣ Поповичѣ“ (№ IV) извлеченъ изъ рукописной тетради моей библіотеки за № 399, состоящей въ настоящее время изъ двадцати двухъ четвертокъ; первая и послѣдняя четвертки утрачены. Листы перемѣчены писцомъ,—не цифрами, а по старинному—буквами. Помѣта идетъ сверху по всѣмъ листамъ рукописи; послѣ помѣты 19 (ѳ҃и) слѣдуетъ, по оплошности писца, помѣта 21 (к҃а), вмѣсто 20. Съ лѣваго боку седьмаго (по старой помѣтѣ) листа приписано сверху: „Семенъ“. То же имя приписано съ правой стороны и на оборотѣ 18-го листа. Это — имя переписчика и вмѣстѣ владѣльца рукописи. Въ концѣ другой тетради того же почерка, сохранившей главу изъ „Житія Девгенія“, читается: „Сия тетрать *Семена* Малкова; а дописана сия тетрать м҃ца хевраля 28 дня 1744 года, а писалъ самъ своею рукою всю до конца“. Тетрадь, изъ которой взято второе сказаніе о богатыряхъ, начинается слѣдующими строками главы „О въсхищеніи Стратиговнѣ и о свадьбѣ Девгенія“: „и приниче ко окну, а сама не показася Девгениж.. и вспять возвратися; и Девгени взирающе на дворъ, и тогда девая видевше и подивися“. Эта глава оканчивается „аминемъ“ на листѣ девятомъ старой нумераціи. Непосредственно за нею вписано: „Сказание, како победи Девгеній Василія царя“, оканчивающееся на 12-мъ листѣ. За этою главою „Девгеніева дѣянія“ слѣдуетъ печатаемое ниже „Сказание о трехъ богатыряхъ: о Илье Муромце и о Михаіле Потоке Ивановиче и Олеше Поповиче киевскихъ и о похожденіи ихъ“ (л. 12—19 об.). На оборотѣ 19-го листа начинается статья,

озаглавле ная такъ: „Мѣсяца марта въ к҃ѕ день память святыя мученицы Матроны Θесалонітскія“; статья оканчивается на оборотѣ слѣдующаго листа, ошибочно помѣченнаго к҃а. За сказаніемъ о св. Матронѣ, выписанномъ изъ Пролога, слѣдуетъ „Слово о умномъ и о премудромъ бражнике“ (л. 21 об.—до конца тетради). Конца этой статьи недостаетъ. Послѣдняя тетрадь Семена Малкова списана, вѣроятно, также около того же 1744 года, къ которому относится и первая. Наконецъ, третья тетрадь съ именемъ Семена Малкова, переписанная не его рукою, даетъ указаніе и на мѣстность, гдѣ эти тетради переписывались или обращались. Въ концѣ третьей тетради, содержащей въ себѣ „Мученіе святыхъ мученикъ Кирика и матере его Улиты“, послѣ словъ: „Семенъ Малковъ“ приписано: „Посацкой человѣкъ *Ярославецъ* Андрей Θедотовъ“. Полагаемъ, что „Сказаніе о трехъ богатыряхъ“ списано съ рукописнаго оригинала, а не записано со словъ: поэтому писецъ механически скопировалъ одно непонятное ему мѣсто, опустивъ надстрочныя буквы, и пропустилъ нѣсколько строкъ или не нашелъ ихъ въ рукописномъ оригиналѣ [70].

Второе „Сказаніе о сильныхъ могучихъ богатыряхъ киевскихъ: о Ильѣ Муромцѣ и о Михаилѣ Потокѣ Ивановичѣ и Алешѣ Поповичѣ“ (№ V), представляющее варіантъ къ первому, напечатано по рукописи моей библіотеки, № 361. Этотъ объемистый сборникъ, въ четвертку, на 240 листахъ, состоитъ изъ нѣсколькихъ тетрадей, писанныхъ въ разное время разными почерками и лишь впослѣдствіи переплетенныхъ вмѣстѣ и объединенныхъ общимъ оглавленіемъ, которое насчитываетъ въ сборникѣ 23 главы (статьи). Оглавленіе писано тою же рукою, какою списана самая объемистая тетрадь сборника, содержащая въ себѣ „Страсти Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа“ (л. 1—100). Въ текстѣ этой *первой главы* сборника на оставленныхъ пустыми мѣстахъ вклеено 16 картинокъ, вырѣзанныхъ изъ лубочной книжки „Страданіе Господа нашего Іисуса Христа“ (Ровинскій, III, 331). По времени написанія тетрадь „Страстей“ самая поздняя изъ всѣхъ, вошедшихъ въ описываемый сборникъ. Тѣмъ же почеркомъ, какимъ написано „Сказаніе о сильныхъ могучихъ богатыряхъ кіевскихъ“, списаны слѣдующія статьи сборника: 1) „Мучение святыхъ мученикъ Кирика и ма-

тери его Улиты“ (л. 121—130); 2) „Слово святаго отца нашего Агапия“ (л. 131—137); 3) „Убиение святаго благовернаго великаго князя Андрея Георевича Боголюбовскаго“ (137—140); 4) „Сказаніе о богатомъ купце“ (л. 141—145 об.). Нач.: „Во граде Вавилоне бысть купецъ, богатъ зело, именемъ Бендеръ“; 5) „Житие святаго отца нашего Григория, папы римскаго (л. 145 об.—150). Такъ названа статья въ оглавленіи; въ текстѣ стоитъ другое заглавіе: „Сказание о царскомъ платье“. Это — совершенно особая редакція такъ называемой легенды о кровосмѣсителѣ („Памятники старинной русской литературы“ Костомарова, II, 415—424). Нач.: „Бысть в Цареграде царь Платонъ; живяше много лѣтъ и умре“ и т. д.; 6) „Слово иже во святыхъ отецъ нашихъ: Василия Великаго Григория Богослова Иоанна Златоустаго, велми душеполезно, ко всемъ православнымъ христианомъ, како матерно бранитися“ (л. 150 об. — 152); 7 („Повѣсть о крестномъ сынѣ“, безъ начала (л. 152 об.—155), указанная выше въ сборникѣ Ундольскаго; 8) „Слово о святѣмъ Иоаннѣ Богословѣ, како изучи человѣка писати иконы“ (л. 159—161), указанное выше въ сборникѣ Ѳ. И. Буслаева; 9) „Слово о черноризцѣ Мартири, како Христа носилъ“ (л. 161 об. — 162); 10) „Слово святаго Иоана Златоустаго о страсѣ божіи и о еже како во святѣй божіи церкви стояти со страхомъ и благочиниемъ и лице свое крестити крестообразно“ (л. 162 об.—163). Нач.: „Мнози убо невегласи, махающе по лицу своему рукою“ и т. д.; 11) „Списание о иконе пресвятыя владычицы нашея Богородицы и приснодѣвы Марии оѳеотрии (sic!) троеручицы (л. 163—166 об.). Нач.: „Принесена сия святая ікона пресвятыя Богородицы из аѳонския горы архимандритомъ Ѳеоѳаномъ лета 7172 году октоврия въ 16 день“ и т. д.; 12) „Поучение иже во святыхъ отца нашего Василия кисарицкого (въ оглавленіи: Кисаринского) ко всѣмъ православнымъ христианомъ о хмелномъ питіи; како ему гласъ бысть отъ образа пресвятыя Богородицы“ (л. 166 об.—171 об.); 13) „Сказание учителя церковнаго Иеронима святаго о Июде предателя (sic!) Господа нашего Иисуса Христа“ (л. 172—176); 14) „Сказание о силныхъ могучихъ богатырехъ киевскихъ о Илье Муромце и о Михаиле Потокѣ Ивановиче и Алеше Поповиче“ (л. 176 об.—183 об.).

Перечисленныя четырнадцать статей писаны *однимъ и тѣмъ же* почеркомъ, болѣе древнимъ, чѣмъ тетрадь, содержащая „Страсти“. Нѣкоторыя изъ написанныхъ этимъ старымъ почеркомъ страницъ имѣютъ внизу особую помѣту, сдѣланную тѣмъ же почеркомъ; помѣчены страницы не цифрами, а *буквами*. Такъ, начиная съ 131 листа сборника идетъ помѣта страницъ отъ а̃ до к҃є. Судя по почерку, эти старыя тетради написаны не позднѣе 1740 года. Списывавшій былины имѣлъ передъ собою рукописный оригиналъ: на это, кажется, указываетъ написаніе словъ: „чересебя“ [71].

Подробный перечень произведеній, помѣщенныхъ въ сборникахъ, которые содержатъ въ себѣ тексты отдѣльныхъ былинъ, представляетъ вѣскія доказательства научной важности рукописей XVIII вѣка: въ нихъ находятся нерѣдко хорошіе списки такихъ драгоцѣнныхъ литературныхъ памятниковъ, которые не найдены пока въ болѣе старыхъ спискахъ. Таковы отрывки изъ „Девгеніева дѣянія“. Характеризуя своимъ составомъ литературные вкусы грамотныхъ людей средняго и низшаго класса общества, рукописные сборники XVIII вѣка нерѣдко хранятъ въ себѣ такія версіи народныхъ былинъ, которыя совершенно неизвѣстны по позднѣйшимъ записямъ (Сказаніе о борьбѣ кіевскихъ богатырей съ цареградскими). Первые собиратели русскихъ рукописей мало обращали вниманія на подобные сборники,—поздніе, съ простонароднымъ содержаніемъ,—направляя свои поиски на собираніе памятниковъ литературы церковной, исторической,—оффиціальной, такъ сказать, литературы древней Россіи. Собиратели произведеній устной народной словесности (пѣсенъ, сказокъ и т. п.) и различныхъ этнографическихъ свѣдѣній могутъ оказать великую услугу изученію древне-русской литературы — собираніемъ рукописныхъ сборниковъ и тетрадокъ, обращающихся въ настоящее время среди грамотнаго простонародья.

„МЕЛОЧИ ИЗЪ ЗАПАСА МОЕЙ ПАМЯТИ“.

Мих. Дмитріева.

Часто слышались въ нашей литературѣ жалобы на скудость записокъ, мемуаровъ. Кажется, скорѣе слѣдовало бы сѣтовать на равнодушіе, съ какимъ обращаемся мы съ подобными произведеніями. Не говоримъ, чтобъ эта въ высокой степени важная отрасль литературы была у насъ богата; но, во всякомъ случаѣ, она обильнѣе, чѣмъ можно предполагать, судя по тому, что̀ издано въ свѣтъ. Въ частныхъ архивахъ, или же просто въ числѣ фамильныхъ драгоцѣнностей лежитъ нетронутымъ капиталомъ множество документовъ, обнародованіе которыхъ пролило бы много свѣта на нашу исторію вообще, на исторію литературы и просвѣщенія въ особенности. Мы не торопимся печатать подобные матеріалы. Въ насъ нѣтъ этой страсти къ мемуарамъ, которая въ нѣкоторыхъ литературахъ доходитъ до крайности: разсчитывая на извѣстныя имена, тамъ спекуляторы печатаютъ подложные мемуары и часто подъ эгидою извѣстнаго имени ходятъ вымыслы какого-нибудь ловкаго мистификатора. Попробуемъ же взглянуть на мемуары нашихъ литературныхъ знаменитостей. Бантышъ-Каменскій [1] упоминаетъ о запискахъ Тредьяковскаго; но гдѣ онѣ, что̀ съ ними сталось,— объ этомъ едва ли кто и знаетъ. Державинъ оставилъ также записки; но онѣ не изданы, а между тѣмъ, судя по свѣдѣніямъ, которыя напечаталъ изъ нихъ Остолоповъ [2], въ нихъ сохранены драгоцѣнныя подробности о жизни и поэтическихъ произведеніяхъ

Державина, не говоря ужь о томъ, какъ любопытно время, къ которому онѣ относятся. Изъ записокъ И. М. Долгорукаго напечатаны только начальныя главы, изъ записокъ И. И. Дмитріева—немногіе отрывки [3].

Поэтому мы съ особеннымъ удовольствіемъ встрѣтили сказанія г. М. Дмитріева о нашихъ старыхъ писателяхъ: въ нихъ есть много анекдотическихъ подробностей, очень хорошо характеризующихъ и старыхъ писателей нашихъ, и старые литературные нравы. Только такія мелкія подробности могутъ вполнѣ познакомить насъ съ личностью писателя, ввести въ его жизнь; только при такомъ знакомствѣ писатель перестаетъ быть какимъ-то идеальнымъ существомъ, уединеннымъ отъ людей, даже отъ ихъ неизбѣжныхъ недостатковъ и странностей, т. е. перестаетъ быть тѣмъ неяснымъ, какъ бы миѳическимъ существомъ, какимъ обыкновенно представляли намъ его хвалебныя біографіи и некрологи прежнихъ временъ. „Я помню многое кое-что объ нашей литературѣ (говоритъ Дмитріевъ), или объ нашихъ литераторахъ, что̀ теперь или неизвѣстно, или забыто. Когда мнѣ случалось упоминать въ разговорѣ что-нибудь изъ прежняго времени, многимъ казалось это новымъ. Я не признаю въ этомъ никакого достоинства, потому что обязанъ этимъ только моимъ лѣтамъ, только тому, что я живу дольше другихъ, что я старѣе молодыхъ словесниковъ: преимущество неважное! Но, желая подѣлиться съ другими моею памятью, я рѣшился записать всѣ мелочи изъ ея запаса. Прошу и смотрѣть на это, какъ на мелочи, и не требовать отъ меня ни порядка, ни важныхъ свѣдѣній“ (стр. 1—2).

Напротивъ, читатели, вѣроятно, поблагодарили г. Дмитріева за форму, которую онъ далъ своему сочиненію—отрывочную, безъ утомительной риторической систематики, которая часто заставляетъ жертвовать себѣ мелочами весьма интересными. Авторъ разбираемой книги не ограничился, впрочемъ, простыми разсказами о житьѣ-бытьѣ нашихъ писателей; онъ часто, можетъ быть даже слишкомъ часто, вдается въ разсужденія о сочиненіяхъ извѣстнаго писателя, направленіи его и т. п. Жаль, что эта сторона отвлекала г. Дмитріева отъ роли простаго разсказчика того, что̀ онъ знаетъ о жизни писателей

нашихъ: въ этихъ разсужденіяхъ довольно спорнаго, иногда же невѣрнаго и пристрастнаго. Въ авторѣ „Мелочей“ есть свои предубѣжденія, есть особенное пристрастіе къ нѣкоторымъ лицамъ и фактамъ, мѣшающее видѣть дѣло въ настоящемъ свѣтѣ. Объ этомъ самъ авторъ говоритъ между прочимъ: „Я разсуждаю совсѣмъ не для журналистовъ, а для читателей. Первымъ можетъ быть непріятно, что я краткими моими замѣчаніями говорю невыгодную правду, а изъ послѣднихъ нѣкоторые можетъ быть и довольны, что я навожу ихъ на прямую точку зрѣнія. Я хочу показать читателямъ, особенно иногороднымъ, что не всѣ же принимаютъ направленіе журналовъ за законодательство въ литературѣ“ (стр. 172).

Напрасно, кажется, авторъ „Мелочей“ поставилъ такую цѣль изложенію своихъ мнѣній о литературѣ. Журналисты также не считаютъ направленіе журналовъ законодательствомъ въ литературѣ: противъ чего же ратовать? Притомъ же въ „Мелочахъ“ находимъ только немногія нападенія на Полеваго; но „Телеграфъ“ ужь не издается, а издатель его ужь въ могилѣ. Правда, есть также упреки и „Отечественнымъ Запискамъ“. Объ этомъ обвиненіи критическому отдѣлу „Отечественныхъ Записокъ“ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ. Г. Дмитріевъ ведетъ полемику даже съ „Библіотекою для Чтенія“ по поводу довольно слабой статьи ея о Жуковскомъ: едва ли стоило занимать нѣсколько страницъ подобнаго рода разсужденіями.

„Мелочи изъ запаса моей памяти“ будутъ въ настоящее время настольною книгою у всѣхъ занимающихся исторіею русской словесности, и потому мы считаемъ нелишнимъ исправить замѣченныя въ нихъ невѣрности, дополнить, что̀ кажется намъ недосказаннымъ, и объяснить нѣкоторыя мѣста книги. Мы не станемъ опровергать мнѣній автора о раздѣленіи исторіи русской прозы и поэзіи на періоды, о мѣстѣ, которое занимаетъ въ ней И. И. Дмитріевъ. Эти вопросы повели бы слишкомъ далеко и едва ли въ настоящее время могутъ быть рѣшены удовлетворительно. Печатаемъ свои замѣчанія, исполняя просьбу автора, который заключаетъ свою книгу благодарностью за доставленныя къ ней поправки и желаніемъ „получить и другія“. По самому характеру разбираемаго сочиненія наша статья при-

нимаетъ отчасти видъ отрывочныхъ, можетъ быть, мелочныхъ замѣтокъ. Заранѣе просимъ въ томъ извиненія у читателей.

О писателяхъ, жившихъ въ первой половинѣ прошлаго столѣтія, до г. Дмитріева могли дойти только немногія преданія. Онъ говоритъ о Тредьяковскомъ: „Я слышалъ отъ многихъ, знавшихъ современниковъ Тредьяковскаго, между прочимъ отъ Платона Петровича Бекетова, что все, что̀ объ немъ разсказываютъ, справедливо. Судя по всѣмъ объ немъ разсказамъ, кажется, что Лажечниковъ, въ своемъ романѣ: Ледяной домъ, изобразилъ его и характеръ его очень вѣрно“ (стр. 2).

Тредьяковскій, надобно замѣтить, былъ издавна и отчасти до сихъ поръ остался предметомъ многочисленныхъ разсказовъ; его опошленная общимъ мнѣніемъ личность вызывала постоянныя насмѣшки; отрывки изъ его стихотворческихъ штукъ (какъ онъ выражался) до сихъ поръ многіе готовы прочитать наизусть въ образецъ совершеннаго безсмыслія. Разумѣется, человѣкъ, на котораго смотрѣло̀ съ такой точки не одно поколѣніе, непремѣнно долженъ былъ сдѣлаться предметомъ анекдотовъ, *сочиненныхъ* просто для потѣхи. Любопытно было бы узнать отъ г. Дмитріева, какіе именно анекдоты о Тредьяковскомъ выдавались за справедливые: тогда можно было бы вѣрнѣе понять характеръ его, не избѣгнувшій сильныхъ нареканій. Теперь, при отсутствіи этихъ данныхъ, мы удержимся отъ заключенія г. Дмитріева, что Лажечниковъ „очень вѣрно изобразилъ Тредьяковскаго и его характеръ въ своемъ романѣ“: нужно вникнуть въ положеніе писателя во времена Тредьяковскаго, чтобъ вину вѣка не переносить на беззащитную репутацію. Гораздо вѣрнѣе и любопытнѣе разсказъ г. Дмитріева объ А. П. Сумароковѣ.

Этотъ характеристическій разсказъ о послѣднихъ годахъ жизни Сумарокова совершенно подтверждается „Отрывкомъ изъ біографіи А. П. Сумарокова“ [4], написаннымъ однимъ изъ потомковъ нашего трагика. Г. Дмитріевъ замѣчаетъ о Сумароковѣ: „Нигдѣ такъ хорошо не изображенъ его характеръ, какъ въ біографіи его, напечатанной чрезъ три мѣсяца послѣ его кончины, въ „Санктпетербургскомъ Вѣстникѣ“, подъ заглавіемъ: „Сокращенная повѣсть о жизни и писаніяхъ господина Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника и Св. Анны Кавалера А. П.

Сумарокова“ (стр. 5). Не мѣшаетъ прибавить, что слишкомъ жаркіе почитатели Россійскаго Расина видѣли въ этой біографіи клевету на характеръ и его нравственныя свойства. Одинъ изъ забытыхъ нынѣ піитовъ того времени, Николай Струйскій, напечаталъ возраженіе на эту статью подъ заглавіемъ: „Апологія къ потомству отъ Николая Струйскаго, или начертаніе о свойствѣ нрава Александра Петровича Сумарокова и о нравоучительныхъ его поученіяхъ, писана 1784 года въ Рузаевкѣ“ [5]. Какъ стихотворецъ, Струйскій, можно сказать, воспитался въ школѣ Сумарокова и съ жаромъ защищаетъ его характеръ отъ посягновеній статьи „С.-Петербургскаго Вѣстника“. Жаль только, что Струйскій до такой степени изукрасилъ свою апологію цвѣтами краснорѣчія, что въ иныхъ фразахъ и даже страницахъ никакими средствами не доберешься до смысла; кромѣ того, апологія отличается самымъ капризнымъ правописаніемъ и пунктуаціею, такъ что гдѣ ждешь запятой, тутъ вскочитъ вдругъ знакъ удивительный. Но пусть разскажетъ намъ авторъ о цѣли своей книжки. „Но когда уже и въ наше время: *ибо я пишу отъ общества всѣхъ людей просвѣщенныхъ и украшенныхъ добродѣтелями* и которыхъ *патріотическій духъ* къ начертанію сего есть *сугубымъ мнѣ одобреніемъ;* когда уже и въ сіе толь краткое время къ смерти г. Сумарокова открылося на его добродѣтельное сердце и нраву злобу ево приписующее произведеніе: растлѣвающее всякую добродѣтель! то уже и утверждаетъ во мнѣ мысль сію, что подобныя тому и во множествѣ своихъ писемъ, не только заставляетъ васъ размышлять, но можетъ быть и подразумѣвать о качествахъ сердца мужа сего, жившаго въ наше время весьма добродѣтельно! А къ тому, восходя помышленіями моими и къ образу столь дерзновенному писателева произведенія: возмущается духъ мой, любезныя мои потомки; страшусь, дабы сія *вновь породившаясь* въ нашемъ отечествѣ и до сего еще неслыханная *язва ругательства* показующая въ себѣ ничто, но много въ себѣ заключающая; не могла бъ заразить и развратить нравы моихъ соотечественниковъ! Погружаясь въ сихъ чувствительныхъ и снѣдающихъ сердце мое размышленіяхъ, горя къ отечеству моему должною любовію, и исполняя душу мою благодарностію къ

тлѣну сего великаго человѣка; не могу я любезныя потомки, извинить ничемъ сего дерзскаго преступителя, ниже оставить, не разрывъ громаду причинъ, затѣмняющихъ непорочность нрава сего великаго мужа; дабы спознавъ о томъ и вамъ, благородною ревностью напоенный духъ, могъ судить о истекаемыхъ по смерти ему оскорбленіяхъ. А притомъ да будетъ изъ первыхъ моимъ намѣреніемъ, чтобъ отвратить зло сіе въ нашемъ отечествѣ и въ настоящее время, есть ли удобенъ будетъ гласъ моего усердія, взойти ко трону истинны, предостеречь и васъ, любезное потомство“ (стр. 7—9). Какъ хорошо выражается въ этомъ описаніи автора безусловное подчиненіе авторитету писателя, закрывавшее подражателю глаза не только на недостатки его произведеній, но даже и на чистоту нравственнаго его характера! Намъ вполнѣ понятенъ послѣ этого слѣдующій разсказъ г-на Дмитріева: „Когда Херасковъ написалъ Россіаду, нѣсколько петербургскихъ литераторовъ и любителей литературы собирались нѣсколько вечеровъ сряду у Н. И. Новикова, чтобы обдумать и написать разборъ поэмы; но не могли: тогда еще было не по силамъ обнять столь большое произведеніе поэзіи! Оставалось одно безотчетное удивленіе и похвала восторга!“ („Мелочи“, стр. 16).

Такъ безусловное поклоненіе литературному авторитету подавляло въ нашихъ писателяхъ духъ критики. Надобно отдать честь критическимъ статьямъ „С.-Петербургскаго Вѣстника“ (1778—1781): въ нихъ часто найдемъ самый здравый и свободный отъ пристрастія взглядъ на произведенія тогдашнихъ знаменитостей нашей литературы. Въ немъ напечатана біографія Сумарокова, такъ раздражившая Струйскаго; въ немъ Богдановичъ нашелъ несовсѣмъ благопріятный отзывъ о своемъ „Изображеніи Россійской Исторіи“ (на который и отвѣчалъ въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“); въ немъ же встрѣтили радушный привѣтъ басни Хемницера—эта небольшая книжка, не пользовавшаяся въ продолженіе XVIII-го вѣка извѣстностью, какъ бы утонувшая въ морѣ торжественныхъ одъ. Въ „С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ“ напечатанъ наконецъ и переводъ разбора „Россіады“, написаннаго на нѣмецкомъ языкѣ Канидомъ. Безмолвное удивленіе литературному авторитету связывало у насъ

не многихъ только писателей, но болѣе или менѣе тяготѣло надъ всѣми, во вредъ самостоятельному ихъ развитію. Лучшій примѣръ тому В. И. Майковъ, обнаружившій въ „Елисеѣ“ несомнѣнную оригинальность, правда, немножко въ „очень веселомъ“ родѣ, но все-таки оригинальность. Въ „Елисеѣ“ онъ еще изрѣдка подсмѣивается надъ нѣкоторыми изъ тогдашнихъ писателей, особенно же надъ стихами, въ которыхъ „естество себя хитро изломало“. Дидро на обѣдѣ у графа Г. Г. Орлова сказалъ Майкову, не знавшему ни одного иностраннаго языка, что особенно желалъ бы прочесть его сочиненія, потому что они „должны быть очень оригинальны“ [6]. Дидро увидалъ бы поспѣшность своего заключенія, если бы могъ въ самомъ дѣлѣ прочесть произведенія Майкова. Правда, онъ не зналъ иностранныхъ языковъ, но подражалъ Сумарокову и другимъ знаменитостямъ своего времени, которыя, въ свою очередь, были подражателями французскихъ писателей. Майковъ, ставшій отголоскомъ ихъ, отразилъ на себѣ французское вліяніе, хотя не былъ знакомъ съ французскою литературою: не зная по-французски, онъ перевелъ „Меропу“ Вольтера въ стихи съ русской прозы. Въ одѣ „О вкусѣ“ онъ говоритъ Сумарокову:

Твоей прелестной гласъ свирѣли,
Твоей пріятной лиры гласъ,
Моею мыслью овладѣли,
Пути являя на Парнассъ;
Твоимъ согласіемъ плѣняясь,
Пою и я, воспламѣняясь.—
. . . . . .
И такъ какъ тихому Зефиру
Во слѣдъ тебѣ всегда лечу:
Тобой настроенную лиру
Я худо строить не хочу [7].

Такъ человѣкъ, который, по всѣмъ вѣроятностямъ, долженъ былъ остаться писателемъ болѣе или менѣе оригинальнымъ, сталъ подражателемъ. Безусловное подчиненіе авторитетамъ невыгодно дѣйствовало на литературу нашу, мѣшая самобытному развитію писателя. Была въ немъ и другая невыгодная сторона: оно не давало мѣста безпристрастному разбору писателя, темны и неопредѣленны были требованія критики; лучше сказать, ея

вовсе не было. Стоитъ только посмотрѣть, какую роль играла критика въ первой и частью во второй четверти настоящаго столѣтія; она была безотчетнымъ прославленіемъ писателей, по преданію слывшихъ знаменитыми; она забавно хотѣла отличить оду Ломоносова отъ оды Державина, называя, напримѣръ, перваго поэта орломъ, а втораго соколомъ. Вся составленная изъ фразъ и безотчетныхъ похвалъ, она наконецъ должна была пустотою своею вызвать другое, противоположное направленіе. Отсюда стремленіе позднѣйшей критики строже вглядѣться въ нашихъ старинныхъ писателей. И несомнѣнную пользу принесла эта критика (кто бы ни былъ ея родоначальникъ), несмотря на свои рѣзкости и увлеченія. Потому мы не произнесемъ ей того осужденія, которое высказываетъ и г. Дмитріевъ на 76-й страницѣ своей книжки. Онъ спрашиваетъ: „А что писали въ „Отечественныхъ Запискахъ“ (о нашихъ писателяхъ)?“ „Вотъ что тамъ писали,—продолжаетъ авторъ „Мелочей“:—Ломоносовъ не поэтъ, не лирикъ; въ Ломоносовѣ нѣтъ ни чувства, ни воображенія“ (стр. 76). Но г. Дмитріевъ забываетъ, что эта фраза не принадлежитъ „Отечественнымъ Запискамъ“, что она—дословное повтореніе мнѣнія Пушкина, котораго, конечно, нельзя упрекнуть ни въ пристрастіи, ни въ близорукости сужденія [8]. Невыгодно отзывается г. Дмитріевъ о литературѣ новаго времени вообще: „Третій періодъ нашей прозы (говоритъ онъ) отъ Карамзина — и до кого же?—до журнала „Телеграфъ“, родоначальника нынѣшнихъ журналовъ,— эпоха, съ которой начался упадокъ слога, началось искаженіе Карамзинскаго языка, окрѣпшаго въ его „Исторіи“; вмѣсто Новиковской благородной предпріимчивости наступила предпріимчивость торговая и поддѣльная универсальность. Полевой воображалъ, что онъ пошелъ впередъ; а онъ пошелъ отъ Карамзина только въ сторону“ (стр. 32). Не преждевременно ли произноситъ такой строгій приговоръ времени, столь близкому къ намъ, и подводить подъ одно обвиненіе въ торговой предпріимчивости и поддѣльной универсальности цѣлый періодъ? Послѣ этого на всю литературу этого времени будешь смотрѣть съ пренебреженіемъ, въ языкѣ его видѣть столпотвореніе вавилонское? А не въ это ли время писали Пушкинъ, Грибоѣдовъ, Лермонтовъ и Гоголь? Но выпи-

санное нами мѣсто не относится къ воспоминаніямъ о старыхъ писателяхъ, потому мы оставимъ его безъ разбора, замѣтивъ только, съ какой точки смотритъ авторъ „Мелочей“ на ближайшую къ намъ литературу.

Возвратимся къ Майкову.

Г. Дмитріевъ говоритъ, что онъ „имѣлъ особый, не высшій кругъ читателей“ (стр. 13). Для того времени этотъ фактъ можетъ отчасти служить въ похвалу писателю: кто не слѣдовалъ рабски французскому вліянію (а такимъ былъ Майковъ въ „Елисеѣ“), кто удержалъ за собою болѣе самостоятельности, тотъ и нравился кругу, стоявшему внѣ французскаго вліянія. Авторъ „Мелочей“ прибавляетъ: „Другая шутливая поэма: Плачевное паденіе стихотворцевъ, которая приписывается Майкову и печатается въ собраніи его сочиненій, принадлежитъ не Майкову, а Чулкову. Она въ свое время надѣлала много шума и произвела большое негодованіе на автора между другими стихотворцами“ (тамъ же).

Замѣчаніе полезное, но оно несовсѣмъ полно. Въ „Сочиненіяхъ Василія Майкова“ (Спб., 1809) въ самомъ дѣлѣ напечатана не принадлежащая ему поэма „Плачевное паденіе стихотворцевъ“. Она дѣйствительно написана Чулковымъ, что̀ засвидѣтельствовано современникомъ его Н. И. Новиковымъ [9]. Напечатана эта поэма въ первый разъ при журналѣ „И то и сё“, который издавался Чулковымъ, что̀ можетъ служить подтвержденіемъ словъ Новикова. Потомъ эта поэма вышла отдѣльно вмѣстѣ съ „Стихами на качели“, „На семикъ“, „На масленицу“ (безъ года и мѣста печатанія, стр. 63). Имя автора на этой брошюрѣ не означено [10]. Но эти три произведенія (также напечатанныя въ „Сочиненіяхъ Майкова“) мы прямо приписываемъ Чулкову на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) Они напечатаны въ одной книжкѣ съ поэмою, несомнѣнно ему принадлежащею; 2) Майковъ участвовалъ въ „Трутнѣ“, журналѣ, который находился въ самыхъ непріязненныхъ отношеніяхъ къ „И то и сё“, стало-быть не могли его стихи появиться въ журналѣ Чулкова, а между тѣмъ вся брошюра, о которой идетъ рѣчь, появилась сперва въ „И то и сё“; 3) въ „Трутнѣ“ напечатана была „Задача“, въ которой, между прочимъ, находятся слѣдующіе стихи:

Кто отъ роду не бывъ со музами знакомъ,
Дерзаетъ воспѣвать *качели* съ *семикомъ*.
Уменъ или дуракъ?

„Рѣшеніе“ этой задачи, напечатанное въ томъ же мѣстѣ „Трутня“, говоритъ:

Возможно ли, чтобъ тотъ разумно написалъ.
Кто вмѣстѣ съ молокомъ невѣжество сосалъ,
И кто въ поэзіи аза въ глаза не знаетъ,
Уже поэмы вдругъ писати начинаетъ.
По мнѣнью моему писатель сей таковъ,
Какъ вздѣлъ бы кто кафтанъ, не вдѣвъ сперва *чулковъ*:
И есть ли ето такъ.
Конечно онъ дуракъ [11].

Авторъ рѣшенія, вѣрно, не хотѣлъ ужь оставлять ничего на догадку читателю, намекнувъ и на фамилію „пѣвца качелей съ семикомъ“.

Не знаемъ, почему г. Дмитріевъ ставитъ Майкова довольно низко, говоря, что „Петровъ все-таки былъ не Майковъ“ (стр. 9). Дарованія у Майкова нельзя отнять. Сочиненія его вообще любопытнѣе въ отношеніи къ времени, нежели стихи Петрова, можетъ быть потому, что онъ менѣе писалъ торжественныхъ одъ, чѣмъ Петровъ. О послѣднемъ г. Дмитріевъ разсказываетъ со словъ Малиновскаго, „будто онъ писалъ нѣкоторыя оды, ходя по Кремлю; а за нимъ носилъ кто-то бумагу и чернильницу. При видѣ Кремля онъ наполнялся восторгомъ, останавливался и писалъ“ (стр. 9—10). Наша торжественная ода прошлаго столѣтія порождена не однимъ поддѣльнымъ восторгомъ и, конечно, даже у второстепенныхъ писателей не была только пустымъ наборомъ высокопарныхъ фразъ: въ ней есть также живыя черты современной дѣйствительности и искреннее чувство; только мы часто не понимаемъ однихъ за отсутствіемъ объяснительныхъ примѣчаній и подробностей и мало вѣримъ другому, привыкнувъ видѣть выраженіе его въ естественной, не высокопарной формѣ. Державинъ, безъ ключа къ нѣкоторымъ его сочиненіямъ, былъ бы для читателей нашего времени скученъ и непонятенъ; то же можно сказать, въ большей или меньшей степени, о другихъ сочинителяхъ одъ. Намъ столько натолковали о пустотѣ

торжественной оды, что мы хотимъ не только отвергнуть въ ней всякую поэзію, но даже и *всякое* отношеніе къ современности, къ жизни. Мы увѣрены, что чѣмъ болѣе будутъ для насъ уясняться происхожденіе той или другой оды, обстоятельства, при которыхъ она написана, характеръ и извѣстныя отношенія къ обществу и людямъ творца ея, тѣмъ болѣе эта отрасль нашей прошедшей литературы получитъ интереса и значенія: такія подробности оживятъ ее. Надобно знать отношенія Петрова къ Потемкину, чтобъ вполнѣ согласиться съ слѣдующими словами г. Дмитріева: „(Петровъ) былъ до конца его жизни его другомъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ многія его посланія и стансы, исполненные чувствъ искреннихъ, гдѣ онъ радуется его успѣхамъ, его побѣдамъ, его славѣ, *отъ всего сердца, по участію дружества, а не тѣмъ торжественнымъ тономъ, который ставитъ поэта передъ вельможей и полководцемъ на разстояніи восторга и славы.* Онъ написалъ къ Потемкину, провожая его въ армію:

Превыше чаяній взнесися, мой орелъ!
Ты въ поле—изъ моихъ объятій полетѣлъ!

Онъ хвалитъ въ Потемкинѣ не одного полководца, но болѣе вельможу доступнаго, человѣка просвѣщеннаго, любителя литературы и поэзіи“ и т. д. („Мелочи“, стр. 10). Мы совершенно раздѣляемъ это мнѣніе г. Дмитріева. Но гдѣ начались дружескія сношенія Потемкина съ Петровымъ и по какому случаю? По словамъ г. Дмитріева, „Петровъ учился вмѣстѣ съ Потемкинымъ“ (тамъ же)—показаніе едва ли вѣрное. Мы знаемъ, что Петровъ учился въ Московской Духовной академіи, а Потемкинъ поступилъ въ гимназію Московскаго университета въ 1755 году и ужь 26 апрѣля 1756 г. получилъ медаль [12], а въ 1759 году исключенъ изъ Дворянской гимназіи Московскаго университета [13]. Вѣрнѣе, кажется, слѣдующія слова С. Н. Глинки: „Не могу съ точностью сказать, когда недоученый студентъ Потемкинъ сблизился съ поэтомъ Василіемъ Петровымъ. Но очень вѣроятно, что это было вскорѣ по выходѣ его изъ университета. И это обстоятельство въ полномъ смыслѣ можно назвать счастливою находкой. Страстно любя греческую и латинскую сло-

весность, Петровъ занимался ими съ юнымъ другомъ своимъ, училъ его языку Омира и самъ перечитывалъ его съ нимъ“ [14]. Разсказъ этотъ отчасти подтверждается слѣдующими стихами Петрова:

Воображая бесѣдъ уединенныхъ сладость
И проливанну мнѣ отъ отчихъ взоровъ радость,
Источники утѣхъ, которыхъ дружба мать,
Что долженъ въ сиромъ днесь я сердцемъ ощущать?
Ты пренья велъ со мной о промыслѣ и рокѣ
О смерти, бытіи и цѣломъ міра токѣ—и т. д. [15].

Въ другомъ мѣстѣ Петровъ говоритъ о Потемкинѣ:

Чести пѣвца Троянской брани
Былъ, пишутъ, Александровъ вкусъ:
Какъ сотъ Потемкина гортани
Твой стихъ, великій отче музъ [16].

Имя Петрова невольно напоминаетъ другаго сочинителя одъ—Кострова, и о немъ передаетъ г. Дмитріевъ нѣсколько забавныхъ, любопытныхъ подробностей. Отвергая анекдотъ (разсказанный Бантышъ-Каменскимъ), будто И. И. Дмитріевъ привезъ Кострова въ нетрезвомъ видѣ въ Петербургъ, авторъ „Мелочей“ описываетъ, какъ друзья провожали Кострова къ Потемкину и какія принимали предосторожности, чтобъ онъ по дорогѣ не завернулъ въ любимое свое мѣсто. Не станемъ доискиваться, какія обстоятельства довели Кострова до неумѣренной страсти къ вину, дѣйствительно ли она была слѣдствіемъ неисполнившейся мечты его быть профессоромъ въ Московскомъ университетѣ (какъ увѣряетъ Макаровъ). Но, конечно, слишкомъ ужь усердное служеніе Бахусу довело Кострова до того страннаго, болѣзненнаго состоянія, которое онъ потомъ самъ описалъ. Г. Дмитріевъ впервые указалъ на это произведеніе Кострова, изъ котораго можно составить себѣ понятіе о послѣднемъ времени жизни Кострова; за это указаніе нельзя не благодарить г. Дмитріева. И каковъ былъ конецъ этого человѣка, который посвятилъ себя вполнѣ литературѣ? Вотъ какъ говорилъ о немъ Пушкинъ въ одномъ изъ самыхъ первыхъ своихъ произведеній:

Костровъ на чердакѣ безвѣстно умираетъ.
Руками чуждыми могилѣ преданъ онъ [17].

Есть преданіе[18], что Кострову, какъ мы сказали выше, хотѣлось быть профессоромъ Московскаго университета, и когда не сбылась эта пламенная мечта его, когда не удалось ему занять извѣстное мѣсто въ общественной іерархіи, онъ съ горя прибѣгнулъ къ дарамъ Бахуса. Въ этомъ преданіи, можетъ быть, много правды... Откровенные разсказы г. Дмитріева о Костровѣ вводятъ насъ отчасти въ жизнь русскаго писателя, въ его общественное положеніе, которыхъ нельзя было видѣть за ѳиміамомъ некрологовъ и панегирическихъ біографій.

Немногія, но драгоцѣнныя подробности передаетъ авторъ „Мелочей“ о Державинѣ. Говоря о немъ, Дмитріевъ мимоходомъ касается людей, которые были къ нему близки и составляли обыкновенное его общество: А. Н. Оленина, Н. А. Львова, П. Л. Вельяминова и В. В. Капниста. Можно бы прибавить къ этому что-нибудь о Хемницерѣ. Любовь къ литературѣ связывала членовъ этого небольшаго кружка: каждый изъ нихъ съ участіемъ разсматривалъ произведеніе другаго, сообщалъ на него свои замѣчанія и поправки. Державинъ многимъ обязанъ вкусу и вліянію Львова и Хемницера. Особенно Львовъ, съ своимъ образованнымъ вкусомъ, съ своею горячею любовью къ искусству, содѣйствовалъ тому, чтобъ оторвать Державина отъ риторическаго направленія поэзіи. Въ одной рукописной біографіи Н. А. Львова читаемъ между прочимъ: „При такихъ дарованіяхъ оттѣняла его иногда ипохондрія, подруга душъ чувствительныхъ. Но обыкновенная острота разума, рѣшительное чувство ко всему изящному и обхожденіе, имѣющее въ себѣ нѣчто плѣнительное, въ часы веселья составили ему отличныя знакомства, продолжавшіяся во все теченіе его жизни. Извѣстные нынѣ по литературѣ Россійской люди были ему и друзья и товарищи: Хемницеръ, Державинъ, Капнистъ, Елагинъ, Храповицкій, Хвостовъ и пр. составляли обыкновенную его бесѣду; и въ иной г-нъ Львовъ былъ въ видѣ Генія Вкуса, утверждающаго ихъ произведенія своею печатью, и которыя не иначе въ свѣтъ показывались, какъ въ то время, когда сей самый Геній, прикосновеніемъ волшебнаго крыла своего, давалъ природнымъ красотамъ ихъ истинный видъ и силу. Я помню (продолжаетъ авторъ біографіи), что Хемницеръ не отпускалъ ни одной своей басни въ міръ, не

прося о пропускѣ оной Николая Александровича, который или снабжалъ таковымъ проѣзжую, или отказывалъ въ оном. Я помню, когда прекрасная ода Фелицѣ, будучи почти первая у насъ въ Россіи, одѣта легко, заманчиво, пріятно и богато, привезена была авторомъ г-ну Львову на судъ съ тѣмъ, чтобъ онъ, чудесною силою вкуса, изящное, забавное отдѣлилъ отъ непріятнаго, смѣшнаго, и какъ сей Геній располагалъ нарядами красавицы, чтобы воображеніе читателя тайно дополняло тѣ прелести, которыя опредѣлялъ вкусъ поставить въ полусвѣтѣ“. Этотъ разсказъ свидѣтельствуетъ, что кружокъ Державина имѣлъ вліяніе не на одного Хемницера (какъ можно бы заключить изъ словъ г. Дмитріева), но и на самого творца „Фелицы“; лучше сказать: въ немъ было взаимодѣйствіе. Робкій Хемницеръ обращался ко Львову не съ однѣми баснями, но и съ другими произведеніями своими. Ему посвятилъ онъ и переводъ свой „Письма Барнвеля къ Труману изъ темницы“ (Спб., 1774 г.). Въ посвятительномъ акростихѣ онъ такъ обращается къ Львову:

Любезный другъ!
Нелестной дружбѣ трудъ усердный посвящаю,
И *знанью правому* судити предлагаю;
Когда я переводъ сихъ малыхъ строкъ свершилъ,
О чувствованіи твоемъ я вобразилъ—и т. д.

Можетъ быть, Львовымъ написаны и тѣ двѣ басни, которыя въ собраніи басенъ Хемницера, начиная съ перваго изданія, печатаются подъ именемъ *чужихъ*, — предоставляемъ другимъ подтвердить или отвергнуть нашу догадку. Какъ важно было для развитія поэтическаго таланта Державина это общество, видно изъ слѣдующихъ его словъ: „Я хотѣлъ парить и не могъ постоянно выдерживать красивыхъ наборовъ словъ, свойственнаго единственно Россійскому Пиндару велелѣпія и пышности. Для того, въ 1779 году, избралъ я совершенно особый путь, будучи предводимъ наставленіями Батте и *совѣтами Львова, Капниста и Хемницера*“. Напрасно г. Дмитріевъ оставилъ безъ вниманія эти слова Державина[19].

О Капнистѣ авторъ „Мелочей“ говоритъ какъ бы вскользь, ограничиваясь немногими библіографическими замѣчаніями о

его произведеніяхъ. Между прочимъ о „Сатирѣ первой и послѣдней“ Капниста г. Дмитріевъ говоритъ: „Сатира Капниста была напечатана въ первый разъ подъ заглавіемъ: Сатира первая; она возбудила негодованіе на автора за личности. Въ ней, между прочимъ, были два стиха, составленные изъ именъ, по которымъ легко можно было узнать извѣстныя лица. Вотъ они:

Котельскій, Никошевъ, Вларикинъ, Флезиновскій,
Обвѣсимовъ, Храстовъ, Весевкинъ, Компаровскій.

Это очевидно были: Николевъ, Владыкинъ (переводчикъ „Потеряннаго Рая“), Фрясиновскій (переводчикъ „Исіода“), Аблесимовъ (авторъ „Мельника“), Хвостовъ и Веревкинъ (авторъ комедіи „Такъ и должно“ и другихъ). Не знаю только, кто были Котельскій и Компаровскій.—Капнистъ напечаталъ вторично свою сатиру въ „Собесѣдникѣ“, но выключилъ изъ нея четыре стиха, въ томъ числѣ и эти; назвалъ ее: Сатира первая и послѣдняя и закаялся писать сатиры“ (стр. 22—23).

Въ этихъ строкахъ кое-что не досказано и потому неясно. Припомнимъ стихи Капниста:

Но можно ли какимъ спасительнымъ закономъ
Принудить Рубова[20] мириться съ Аполлономъ?
Не ставить на подрядъ за деньги гнусныхъ одъ
И рыломъ не мутить Кастальскихъ чистыхъ водъ.
Котельскій, Никошевъ, Вларикинъ, Флезиновскій,
Обвѣсимовъ, Храстовъ, Весевкинъ, Компаровскій
И все семейство ихъ, не убоясь судовъ,
Напутавъ кое-какъ и прозы и стиховъ,
Въ свѣтъ могутъ ихъ пустить безъ пошлинъ, безъ окладу
Читателямъ, уму и музамъ на досаду.

Въ этихъ стихахъ г. Дмитріевъ[21] видитъ только личности; въ самомъ дѣлѣ Капнистъ высказалъ здѣсь мнѣніе свое о торжественной одѣ и нѣкоторыхъ писателяхъ того времени. Правда, фамиліи, выставленныя въ сатирѣ, слишкомъ ясно указываютъ на писателей, которыхъ хотѣлъ осмѣять Капнистъ; но иныхъ нападеній не зналъ XVIII-й вѣкъ. Въ Рубовѣ мы тотчасъ узнаемъ Рубана, въ Котельскомъ — Ѳедора Козельскаго (автора поэмы „Незлобивая жизнь“, „Пантеи“ и т. д.). Журнальные нападки прошлаго столѣтія отличались рѣзкостью, безцеремонностью,

откровенностью, можетъ быть потому, что вообще свѣтскія приличія между писателями въ то время мало были развиты. И между тѣмъ въ этихъ нападкахъ, отзывающихся личностями, выражалось направленіе того или другаго журнала; несмотря на свою грубую форму, они шли изъ чистаго источника (разумѣется, не безъ исключеній). Жаль, что г. Дмитріевъ, который съ такою любовью сравниваетъ старые литературные нравы съ новыми и возвышаетъ первые на счетъ послѣднихъ, не остановился на сравненіи старинныхъ журнальныхъ „критикъ“ съ нынѣшними: результаты вышли бы, можетъ быть, болѣе благопріятные старому времени. Напримѣръ, г. Дмитріевъ весьма основательно доказываетъ, что авторъ „Краткаго курса словесности“ совѣтуетъ читать ученикамъ своимъ сочиненія, никогда не существовавшія; но отчего же не выставлено имя этого автора? Зачѣмъ скрылъ его г. Дмитріевъ подъ буквою П., когда самъ авторъ подписывался подъ курсомъ (Плаксинъ)? Неужели г. Дмитріевъ видитъ въ этомъ личность? Что̀ говоритъ онъ о стихотворцахъ, можетъ быть вполнѣ примѣнено къ писателямъ вообще: „они у всѣхъ на виду, на нихъ есть судъ современниковъ“ (стр. 7). Потому судъ этотъ долженъ быть облекаемъ въ возможно мягкія и приличныя формы; но онъ долженъ быть правдивъ. Называйте прямо по имени писателя, который не прячется за анонимъ и псевдонимъ, если справедливо ваше осужденіе; не предавайте нареканіямъ имя писателя, если осужденіе ваше строится на нелитературныхъ соображеніяхъ: тогда никто не будетъ искать личностей въ вашихъ словахъ. Имя г. Плаксина скрыто начальною буквою потому, что нынѣ онъ печатаетъ свои статьи въ „Москвитянинѣ“... Avis тѣмъ, которые любятъ толковать о приличіи и благородствѣ критикъ [22]...

Отъ „Мелочей“ о Капнистѣ перейдемъ къ Карамзину.

Многое изъ переданнаго г. Дмитріевымъ о Карамзинѣ не оправдывается тѣмъ, что̀ мы знаемъ о немъ изъ другихъ источниковъ и даже собственныхъ сочиненій Карамзина. Прежде всего бросается въ глаза какое-то недоброжелательство автора „Мелочей“ къ Дружескому обществу. Отсюда, можетъ быть, объясняются нѣкоторыя невѣрности въ показаніяхъ г. Дмитріева о Карамзинѣ [23]. Всѣмъ извѣстно, что „Дѣтское Чтеніе“ (издавав-

шееся съ 1785 по 1789 г. включительно) обязано своимъ существованіемъ Н. И. Новикову. Г. Дмитріевъ не хочетъ согласиться съ тѣмъ, что А. А. Петровъ и Карамзинъ дѣятельно участвовали въ составленіи этого изданія. О Петровѣ, напримѣръ, читаемъ въ „Мелочахъ“: „онъ же издалъ подъ руководствомъ Н. И. Новикова первые два тома „Дѣтскаго Чтенія“ [24]; а между тѣмъ Петровъ писалъ Карамзину отъ 20 сентября 1789 г.: „Осиротѣвшее безъ тебя „Дѣтское Чтеніе“ намѣренъ я пополнять по большей части изъ Кампева Теофрона“ [25]; слѣд., даже послѣднія части „Дѣтскаго Чтенія“ издавались Петровымъ. Отрывки изъ „Созерцанія природы“ Боннета, переведенныя Петровымъ и Виноградовымъ, напечатаны въ 18-й и 19-й частяхъ „Дѣтскаго Чтенія“.

„Карамзину (продолжаетъ авторъ „Мелочей“) приписываютъ нынѣ книгопродавцы, а за ними и журналисты, изданіе „Дѣтскаго Чтенія“. Никогда онъ не издавалъ ни одного тома; есть *только въ первыхъ двухъ томахъ немногіе* его переводы. Съ тѣхъ поръ, какъ прекратилось родословное дерево нашей литературы, у насъ прекратились въ ней преданія“ (стр. 35).

Изъ собственнаго замѣчанія Карамзина къ одной статьѣ „Московскаго Журнала“ знаемъ, что „Прогулка“, помѣщенная въ XVIII части „Дѣтскаго Чтенія“, принадлежитъ Карамзину. По словамъ И. И. Дмитріева, имъ же переведены „Les veillées du Château“ Жанлисъ, напечатанные въ IX—XIV-й ч. „Дѣтскаго Чтенія“ подъ названіемъ „Деревенскіе вечера“. Въ письмѣ Карамзина изъ Лейпцига отъ 17 іюля читаемъ: „Я сказалъ ему (Вейсе), что нѣкоторыя піесы изъ его „Друга дѣтей“ („Kinderfreund“) переведены на Русской, и что самъ я перевелъ его драму „Аркадской памятникъ“ (которая напечатана въ XVIII-й части „Дѣтскаго Чтенія“) [26]. Вотъ свидѣтельство самого Карамзина противъ г. Дмитріева! Но, опровергнувъ положительными данными замѣчанія г. Дмитріева объ участіи Карамзина въ „Дѣтскомъ Чтеніи“, мы съ недоумѣніемъ останавливаемся на слѣдующихъ строкахъ „Мелочей“: „Еще повторяютъ наши журналы, будто Карамзинъ былъ отправленъ путешествовать на счетъ существовавшаго въ Москвѣ Типографическаго общества Новикова: это совершенно ложно!—Онъ путешествовалъ на свой

собственный счетъ. Я знаю, что нѣкоторые люди, изъ стариковъ, и люди впрочемъ почтенные, находятъ нѣкоторую выгоду повторять, что Карамзинъ принадлежалъ къ ихъ обществу; что будто оно дало ему первый ходъ; что Карамзинъ былъ многимъ ему обязанъ, и потомъ его оставилъ, что̀ ставили ему въ вину. Карамзинъ не скрывалъ, что принадлежалъ къ этому обществу въ первыхъ лѣтахъ своей молодости, и при мнѣ одинъ разъ разсказывалъ объ этомъ, также и о томъ, что оставилъ его, не найдя той цѣли, которой ожидалъ. Вотъ самое ясное оправданіе противъ неясныхъ обвиненій! Карамзинъ былъ ума глубокаго и яснаго; при этихъ двухъ качествахъ ума, онъ могъ довольствоваться только ясною истиною“ (стр. 35).

Мы скорѣе рѣшимся думать, что авторъ „Мелочей“ выразился въ этомъ мѣстѣ неясно, нежели согласимся назвать человѣкомъ нeяснаго ума Новикова, *единственною* цѣлью котораго, при учрежденіи Дружескаго общества, было *распространеніе чтенія въ Россіи*. Г. Дмитріевъ, повидимому, не соглашается съ тѣми, которые „любятъ повторять, что Карамзинъ многимъ обязанъ этому обществу“; но авторъ „Мелочей“ впадаетъ при этомъ въ совершенное противорѣчіе съ первыми произведеніями Карамзина и съ прямымъ свидѣтельствомъ друга Карамзина, а своего дяди, И. И. Дмитріева, который говоритъ въ своихъ запискахъ: „Въ этомъ-то Дружескомъ обществѣ началось образованіе Карамзина, не только авторское, но и нравственное. Въ домѣ Новикова онъ имѣлъ случай обращаться въ кругу людей степенныхъ, соединенныхъ дружбою и просвѣщеніемъ; слушать профессора Шварца, преподававшаго лекціи о Богопознаніи и высокихъ предназначеніяхъ человѣка. Между тѣмъ знакомился и съ молодыми любословами, окончившими только курсъ. Новиковъ употреблялъ ихъ для перевода книгъ съ разныхъ языковъ“ [27]. Г. Дмитріевъ не соглашается съ тѣми, которые повторяютъ, „что *будто* Дружеское общество дало Карамзину первый ходъ“; но чрезъ это авторъ „Мелочей“ впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою. Онъ самъ говоритъ въ своей книгѣ: „Карамзинъ пристрастился было къ картамъ. Къ счастію, въ это время былъ въ Симбирскѣ Иванъ Петровичъ Тургеневъ (отецъ

Александра Ивановича). Онъ зналъ способность молодаго человѣка; зналъ его переводы, первые его опыты въ литературѣ. Ему стало жаль умнаго и талантливаго юношу, который губитъ свои способности въ кругу людей, которые не могли и оцѣнить ихъ, не только придать имъ силы. Онъ уговорилъ молодаго Карамзина ѣхать въ Москву и приняться за что-нибудь полезное. *Этому-то достойному человѣку обязаны мы сохраненіемъ Карамзина отъ разсѣянной, пустой жизни и неразлучныхъ съ нею искушеній.* Тогда-то возвратился Карамзинъ въ Москву и тогда-то, по рекомендаціи Тургенева, *вступилъ въ общество Новикова*" (стр. 41). Итакъ, по собственному признанію г. Дмитріева, Карамзинъ спасенъ былъ Тургеневымъ; а этотъ Тургеневъ самъ принадлежалъ Дружескому обществу. И чѣмъ же „сохраненъ былъ Карамзинъ отъ разсѣянной, пустой жизни и неразлучныхъ съ нею искушеній"? Вступленіемъ въ Дружеское общество! Въ какое отношеніе сталъ потомъ Карамзинъ къ Новикову и литературному направленію—это другой вопросъ, весьма важный и весьма трудный для разрѣшенія: оно требуетъ многихъ работъ и большаго безпристрастія. Остается сказать о послѣднемъ пунктѣ въ разсказѣ г. Дмитріева объ отношеніи Карамзина къ Дружескому обществу. По его словамъ, „совершенно ложно мнѣніе, будто Карамзинъ путешествовалъ на счетъ Типографическаго общества" (стр. 35). Но въ небольшой біографіи С. И. Гамалѣи, написанной г. П. Сахаровымъ, находимъ слѣдующее извѣстіе: „Гамалѣя принималъ дѣятельное участіе, съ своими друзьями, въ отправленіи въ чужіе краи знаменитаго нашего исторіографа, Н. М. Карамзина. Ему представлена была самая важная обязанность: начертать планъ путешествія, указать людей, съ которыми бы могъ Карамзинъ свести полезныя сношенія. *Признательный Н. М. Карамзинъ, во время своего путешествія, постоянно переписывался съ Семеномъ Ивановичемъ. Къ сожалѣнію, эти письма доселѣ еще не напечатаны*" [28]. Какимъ образомъ дойти до истины по этимъ двумъ, совершенно противоположнымъ свидѣтельствамъ—предоставляемъ старожиламъ литературнымъ рѣшить вопросъ.

Не останавливаемся на любопытныхъ разсказахъ г. Дмитріева о В. Л. Пушкинѣ, Хвостовѣ, Глинкѣ: ихъ, вѣроятно, многіе

прочли съ живымъ удовольствіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ хороши, какъ занимательны тѣ страницы, на которыхъ г. Дмитріевъ разсказываетъ о нашихъ старыхъ писателяхъ! За-то въ указаніяхъ произведеній тѣхъ же писателей онъ часто ошибается. Особенною невѣрностью отличается слѣдующее мѣсто „Мелочей“: „Въ 1824 г. издалъ онъ (В. Измайловъ) альманахъ подъ названіемъ: „Литературный Музеумъ“, который замѣчателенъ тѣмъ, что онъ напечаталъ въ немъ нѣкоторыя произведенія прежнихъ авторовъ, не бывшія въ печати; между прочимъ, остроумное, легкое и живое „Путешествіе въ Сарепту“, Салтыкова, которое было прежде извѣстно въ рукописи, но въ печати многое пропущено“ (стр. 61). „Литературный Музеумъ“, дѣйствительно, изданъ Измайловымъ, но въ 1827 году, а не въ 1824-мъ. Во-вторыхъ, г. Дмитріевъ смѣшалъ альманахъ Измайлова съ „Памятникомъ отечественныхъ Музъ“, альманахомъ г. Б. Ѳедорова: „Путешествіе въ Сарепту“ Салтыкова и нѣкоторыя произведенія прежнихъ авторовъ напечатаны не въ „Литературномъ Музеумѣ“ Измайлова, а въ „Памятникѣ Музъ“, 1827 г.

Трудно было г. Дмитріеву сказать что-нибудь новое о Жуковскомъ послѣ сочиненій о немъ С. П. Шевырева и П. А. Плетнева; и въ самомъ дѣлѣ, кромѣ нѣкоторыхъ подробностей о пансіонской жизни во времена Антонскаго, воспоминанія г. Дмитріева ничего не прибавляютъ къ тому, что ужь было извѣстно о школьныхъ годахъ Жуковскаго. По словамъ г. Дмитріева, „первые опыты Жуковскаго въ поэзіи принадлежатъ ко времени его воспитанія и были помѣщаемы въ „Утренней Зарѣ“, составлявшейся изъ трудовъ воспитанниковъ пансіона“ (стр. 120). Первымъ изъ напечатанныхъ произведеній Жуковскаго были „Стихи на случай рожденія Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Павловича“, напечатанные въ 1796 г. въ журналѣ Мартынова „Муза“ [29]. Представляемъ вполнѣ это стихотвореніе:

Грозамъ ли древо всколебать
Корнями въ Нордѣ укрѣпленно?
Для вѣчныхъ отраслей рожденно—
Дерзнутъ ли громы устрашать? [30]

Замѣтимъ, что въ томъ же журналѣ явился „Громобой“ Каменева, одного изъ первыхъ приверженцевъ романтизма въ

Россіи, человѣка, о которомъ Пушкинъ сказалъ однажды: „Этотъ человѣкъ достоинъ былъ уваженія: онъ первый въ Россіи осмѣлился отступить отъ классицизма. *Мы, русскіе романтики, должны принести должную дань его памяти*“ [31]. Стихотворенія Жуковскаго до 1800 г. (т. е. до „Утренней Зари“) помѣщались въ журналахъ „Пріятное и полезное препровожденіе времени“ (1797 и 1798 гг.) и „Иппокрена“ (1799 г.). Въ другомъ мѣстѣ г. Дмитріевъ впадаетъ въ болѣе странную ошибку, говоря: „Жуковскій, это извѣстно, былъ не богатъ; въ это время онъ долженъ былъ трудиться и изъ денегъ. Здѣсь перевелъ онъ (1802 г.) поэму Флоріана Вильгельмъ Тель, съ присовокупленіемъ его же сицилійской повѣсти: Розальба“ (стр. 123). Въ первый разъ слышимъ мы, что Жуковскій изъ-за денегъ перевелъ повѣсть Флоріана „Вильгельмъ Тель“... Въ 1801 г. онъ дѣйствительно долженъ былъ трудиться изъ-за денегъ, о чемъ самъ писалъ впослѣдствіи: „Нѣкогда въ Москвѣ обанкрутившійся Зеленниковъ трактовалъ меня преобидно. Для него я перевелъ за 75 р. „Мальчикъ у ручья“. Эту сумму онъ выплачивалъ мнѣ по 5 р., по 7 р. съ полтиною и т. д.“ [32]. Г. Дмитріевъ, вѣроятно, потому смѣшалъ повѣсть Коцебу „Мальчикъ у ручья“ съ повѣстью Флоріана „Вильгельмъ Тель“, что первая начинается словами: „Вильгельмъ сидѣлъ у ручья“... По словамъ г. Дмитріева, переводъ „Аббадоны“ Жуковскаго предшествовалъ гекзаметрамъ Гнѣдича (стр. 119). Этимъ авторъ хочетъ доказать, что Гнѣдичъ не былъ первымъ у насъ вводителемъ гекзаметра, что даже Жуковскій въ этомъ случаѣ предшествовалъ ему. Но „Аббадона“ напечатанъ въ 1815 г. („Сынъ Отечества“, № 22) въ первый разъ, а отрывки изъ Гнѣдичева перевода „Иліады“ гекзаметрами появились въ журналахъ гораздо ранѣе „Аббадоны“, и первый опытъ Гнѣдича переложить „Иліаду“ гекзаметрами (пѣснь VI) напечатанъ былъ еще въ XIII книжкѣ „Чтенія въ Бесѣдѣ Любителей Русскаго Слова“.

Отъ Жуковскаго невеликъ переходъ къ поэту, столь рано погибшему для русской литературы—Батюшкову, имя котораго тѣсно связано съ лучшимъ временемъ нашей поэзіи. Къ сожалѣнію, о немъ мы имѣемъ очень мало свѣдѣній; даже причина его болѣзни, которую тяжело назвать настоящимъ ея именемъ,

неизвѣстна въ точности. Говорятъ, Батюшковъ однажды сказалъ, что онъ похожъ на человѣка, который несъ сосудъ съ какою-то жидкостью; нечаянно упалъ онъ, сосудъ разбился, и никто не знаетъ, что̀ было въ этомъ сосудѣ. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ былъ бы Батюшковъ для русской поэзіи, еслибъ до настоящаго времени сохранилъ здравіе духа и тѣла? Г. Дмитріевъ сообщаетъ болѣе свѣдѣнія о произведеніяхъ Батюшкова, чѣмъ о жизни его, что̀ было бы гораздо любопытнѣе. Нельзя, впрочемъ, не благодарить автора „Мелочей“ за дополненіе къ „Видѣнію на берегахъ Леты“. „Несмотря на свою скромность и осторожность (замѣчаетъ г. Дмитріевъ), Батюшковъ доказалъ свое остроуміе и насмѣшливую сторону своего ума стихотвореніемъ: „Видѣніе на берегахъ Леты“ (стр. 135). Можетъ быть, немногимъ извѣстно, что едва ли не первымъ изъ напечатанныхъ произведеній Батюшкова была сатира „Посланіе къ стихамъ моимъ“ [33]. Рѣшаемся представить его вполнѣ, въ pendant къ выпискамъ Дмитріева, тѣмъ болѣе, что въ этомъ стихотвореніи прекрасно высказывается юная муза Батюшкова:

Стихи мои! опять за васъ я принимаюсь;
Съ тѣхъ поръ, какъ съ музами къ несчастью обращаюсь,
Покою ни на часъ... О мой враждебный рокъ!
Во снѣ и на яву кастальскій льется токъ!
Но съ страстію писать я не одинъ родился;
Чуть стопы размѣрять кто только научился,
За славою бѣжитъ—и бѣдный рифмотворъ
Въ награду обрѣтетъ не славу, но—позоръ.
Куда ни погляжу, вездѣ стихи мараютъ,
Подъ кровлей пѣсенки и оды сочиняютъ,
И бѣдный *Стукодѣй*, что прежде былъ капралъ,
Не знаю, для чего теперь поэтомъ сталъ;
Нѣтъ хлѣба ни куска—а роскошь выхваляетъ
И граціямъ стихи голодный сочиняетъ,
Пьетъ воду—а вино въ стихахъ льетъ черезъ край;
Филису намъ твердитъ: *Филиса ты мой рай!*
Потомъ, возвысивъ тонъ, героевъ воспѣваетъ:
Въ стихахъ его и самъ Суворовъ умираетъ!
Бѣдняга! удержись; брось, брось писать совсѣмъ.
Не лучше-ли тебѣ маршировать съ ружьемъ?
Плаксивинъ на слезахъ съ ума у насъ сошелъ;
Все пишетъ, что друзей на свѣтѣ не нашелъ!
Повѣрю: вѣдь съ людьми нельзя ему ужиться;
И такъ не мудрено, что съ ними онъ бранится.

Безрифминъ говоритъ о *милыхъ*... о *сердцахъ*,
Чувствительность души твердитъ въ своихъ стихахъ.
Но книгъ его—увы! никто не покупаетъ,
Хотя ихъ ***въ въ газетахъ выхваляетъ.—
Глупонъ за деньги радъ намъ всякаго бранить,
И даже онъ готовъ поэмой уморить,
Иному въ умъ придетъ, что вкусъ возстановляетъ;
Мы вѣримъ всѣ ему—кругами утверждаетъ!
Другой уже спѣшитъ намъ драму написать,
За коей будемъ мы не плакать, а зѣвать;
А третій наконецъ... но можно ли помыслить
Всѣ глупости людей въ подробности исчислить?..
Напрасной будетъ трудъ, но въ немъ и пользы нѣтъ:
Сатирою нельзя перемѣнить намъ свѣтъ.
Зачѣмъ съ *Глупономъ* мнѣ, зачѣмъ всегда браниться?
Онъ также на меня готовъ вооружиться.
Зачѣмъ *Безрифмину* бумагу не марать?
Всякъ пишетъ для себя: зачѣмъ же не писать?
Дымъ славы—хоть пустой—любезенъ намъ, пріятенъ;
Гласъ разума—увы! къ несчастію не внятенъ.
Поэты есть у насъ, есть скучные врали:
Они не вверхъ летятъ, не къ Небу—но къ земли.
Давно я самъ въ себѣ, давно уже признался,
Что въ мирѣ, въ тишинѣ мой вѣкъ бы провождался,
Когда бъ проклятой Фебъ мнѣ не вскружилъ весь умъ;
Я презрилъ бы тогда и славы тщетный шумъ,
И жилъ бы такъ, какъ ханъ во славномъ Кашемирѣ,
Не мысля о стихахъ, о музахъ и о лирѣ.
Но нѣтъ... Стихи мои! безъ васъ нельзя мнѣ жить,
И дня безъ рифмъ, безъ стопъ не можно проводить.
Къ несчастью моему, мнѣ надобно признаться:
Стихи какъ женщины—намъ съ ними-ли разстаться?..
Когда не любятъ насъ, хотимъ ихъ презирать;
Но все не престаемъ прекрасныхъ обожать! [34]

То же веселое, шутливое настроеніе духа одушевляло членовъ небольшаго литературнаго общества С. Д. Пономаревой, къ кругу котораго принадлежалъ и Батюшковъ. Въ альбомѣ С. Д. Пономаревой, украшенномъ произведеніями Жуковскаго, Дельвига, Гнѣдича, Крылова, Баратынскаго [35], рисунками Кипренскаго, находится и портретъ Батюшкова, нарисованный имъ самимъ въ зеркало, но не совсѣмъ похожій, по отзыву хозяйки альбома: поэтъ изображенъ въ шляпѣ, съ длинными вьющимися волосами. Общество Пономаревой, гдѣ литература получала веселый, шутливый характеръ, было совершенно про-

тивоположно строгой важности „Бесѣды любителей русскаго слова“.

Повѣствуя о Мерзляковѣ, авторъ „Мелочей“ замѣчаетъ: „Мерзляковъ читалъ и публичныя лекціи въ домѣ Кокошкина въ 1804 году и въ домѣ князя Б. В. Голицына въ 1811 году“ (стр. 103). Публичныя лекціи въ домѣ князя Голицына Мерзляковъ читалъ не въ 1811 году, а со второй недѣли поста 1812 года, о чемъ г. Дмитріевъ можетъ найти подробное извѣстіе въ „Вѣстникѣ Европы“ 1812 года (№ 7, стр. 228); лекціи же у Кокошкина были позже.

Къ разсказу автора о шуткѣ Дашкова надъ Хвостовымъ слѣдуетъ прибавить, что за насмѣшливое предложеніе написать ему похвальное слово Дашковъ поплатился исключеніемъ изъ Вольнаго общества любителей словесности, по желанію членовъ. Сначала нѣкоторые члены положили „потребовать объясненія какъ отъ г. Дашкова о его намѣреніяхъ, такъ и отъ графа Д. И. Хвостова о томъ, что ему кажется оскорбительно въ семъ предложеніи г. Дашкова и въ самомъ ли дѣлѣ онъ имъ оскорбляется“. Другіе члены представили, что „почетный членъ графъ Хвостовъ похвалу ему, г. Дашкову, счелъ себѣ укоризною и о семъ отозвался обществу при окончаніи предложенія г. Дашкова, въ коемъ изложена была похвала. Итакъ, ежели уставъ общества возбраняетъ членамъ въ своихъ засѣданіяхъ оскорблять другъ друга, то г. Дашковъ, какъ оскорбившій графа Хвостова, не можетъ быть оставленъ членомъ общества, ибо нарушилъ уставъ онаго“. Съ этимъ рѣшеніемъ согласились и другіе: 18-го марта 1812 года Дашковъ былъ исключенъ изъ общества.

Заключая этимъ наши замѣчанія о книгѣ г. Дмитріева, желаемъ, чтобъ она побудила изложить свои воспоминанія и другихъ литераторовъ, бывшихъ въ связи съ нашими писателями. Поправки и дополненія къ „Мелочамъ“, составленныя не по книгамъ, а вслѣдствіе близкаго прямаго знакомства съ нашими старыми писателями, будутъ гораздо важнѣе и любопытнѣе свѣдѣній, изъ книгъ извлеченныхъ.

ЧЕТЫРЕ ГОДА ИЗЪ ЖИЗНИ КАРАМЗИНА
1785—1788.

Въ послѣдней четверти прошлаго столѣтія существовало въ Москвѣ „Дружеское Ученое общество". Одинъ изъ членовъ этого общества, И. П. Тургеневъ, замѣтилъ въ Симбирскѣ даровитаго молодаго человѣка, терявшаго время за картами, и предложилъ ему ѣхать съ нимъ въ Москву и посвятить себя литературѣ. Этотъ молодой человѣкъ былъ Карамзинъ. Онъ не противорѣчилъ предложенію Тургенева, и въ томъ же 1785 г. мы находимъ его воспитанникомъ Дружескаго общества. Въ немъ Карамзинъ прожилъ четыре года. Прежде онъ почти не занимался литературой и единственнымъ произведеніемъ своимъ, изданнымъ до поступленія въ общество, доказалъ только то, что не умѣлъ еще порядочно писать по-русски. Я намѣренъ указать, какими вліяніями опредѣлилось литературное образованіе Карамзина въ Дружескомъ обществѣ, и бѣгло познакомить съ тѣми людьми, которыхъ онъ здѣсь встрѣтилъ. Между ними самое видное мѣсто занималъ Новиковъ.

Шестнадцати лѣтъ исключенный изъ университета за нехожденіе во французскіе классы, Новиковъ не получилъ никакого систематическаго образованія. Очутившись на свободѣ, въ военной службѣ, онъ не утонулъ однако въ пошлостяхъ и барской лѣни окружавшаго его общества. Въ дѣлѣ образованія онъ предоставленъ былъ самому себѣ. Тяжелая работа надъ самимъ собою, конечно, заставила Новикова позаботиться о томъ, чтобъ

облегчить для другихъ путь къ образованію, — путь, трудности котораго онъ испыталъ на себѣ. Литературная дѣятельность Новикова началась изданіемъ сатирическихъ журналовъ. Образцомъ для нихъ служили нравоучительно-сатирическіе журналы Стиля и Аддисона, которые въ прошломъ столѣтіи впервые открыли въ литературу доступъ изображеніямъ повседневной домашней жизни, безъ прикрасъ, аллегорій и фальшивой идеализаціи. Во всѣхъ европейскихъ литературахъ отрѣшеніе отъ ложно-классической теоріи и возвращеніе словесности къ вопросамъ общественной жизни и развитію народныхъ началъ сопровождалось въ XVIII вѣкѣ нравоучительно-сатирическими журналами по плану Стиля и Аддисона. То же было и у насъ.

Общество представляло богатые матеріалы наблюдательному уму сатирика и моралиста. При дворѣ кипѣла ослѣпительно-роскошная жизнь. Русское барство зажило на широкую ногу. Баснословная расточительность знати, выражавшаяся въ самыхъ дикихъ формахъ, вытягивала изъ народа трудовые заработки, которые проматывались подъ болтовню филантропическихъ идей о человѣческомъ равенствѣ и подъ хвалебные гимны Державина, Хераскова и другихъ піитовъ, любившихъ находить краски для изображенія подобныхъ пировъ. Журналы Новикова почти не касались характеристики высшаго общества: оно имѣло своихъ цеховыхъ писателей. Но все же журналы Новикова рѣшались описывать „плоды жестокости и страха“, столь ясно выступавшіе въ народѣ, и пересказывать, почему „крестьяне боялись своихъ господъ въ красныхъ кафтанахъ, какъ дикихъ звѣрей“. Новиковъ первый показалъ эту оборотную сторону медали своего блистательнаго времени. Среди звуковъ торжественныхъ лиръ онъ заговорилъ о томъ, „какъ мало помѣщики имѣютъ попеченія о земледѣліи, и какъ велики недостатки тѣхъ бѣдныхъ тварей, которыя богатство и величество государства составлять должны“. Изъ заоблачныхъ пареній онъ сводилъ читателя на дѣйствительную почву и отъ созерцанія „золотаго вѣка Астреи“ возвращалъ къ тяжелымъ, можетъ быть, но всегда поучительнымъ наблюденіямъ надъ настоящимъ.

Европейскія идеи туго прививались къ русской почвѣ; зато тѣмъ легче схватывали верхушки европейскаго быта и торо-

пливо старались пересадить ихъ на родину. Образовалось цѣлое поколѣніе „щеголей и щеголихъ“, въ которыхъ типически выразилось жалкое обезьянничество тогдашней эпохи. Они старались перенять, если не у французовъ, то у русской знати, костюмъ, языкъ, образъ жизни и непремѣнно хотѣли отдѣлиться отъ окружающей среды „модными“ достоинствами. Съ наглостью разнузданнаго невѣжества смѣялись они надъ семейною жизнью и замѣняли прежній патріархальный деспотизмъ семьи развратомъ и неслыханною свободой отношеній, которые выдавались за необходимыя принадлежности образованнаго общества. Разводъ сдѣлался модой. Люди, принимавшіе къ сердцу народное благосостояніе и развитіе, видѣли передъ собою лишь легкомысленную игру лучшими интересами человѣка и вмѣсто плодотворныхъ результатовъ европейскаго вліянія находили въ обществѣ новую язву. При самой крѣпкой вѣрѣ въ нравственную силу просвѣщенія и свободы, они невольно заподозривали пользу иноземнаго образованія и обращались съ своими симпатіями къ до-петровской старинѣ, правда, невѣжественной, но, казалось имъ, не представлявшей такихъ крупныхъ явленій деморализаціи, какими богато было ихъ переходное время. Упреки Западу послышались отъ самыхъ пламенныхъ прогрессистовъ, отъ самыхъ честныхъ гражданъ. Утраченная старина русская облекалась для многихъ въ самые привлекательные образы; „стародумство“ дѣлалось нравственнымъ идеаломъ. Новиковъ и многіе другіе писатели приходятъ къ убѣжденію, что нужно изучить родную старину, отъ которой повѣяло на нихъ всевозможными доблестями. Старинные обряды и обычаи получаютъ подъ ихъ перомъ высокій нравственный смыслъ, котораго напрасно ищутъ они въ дѣйствительности современной. Эта идеализація старины, это своего рода славянофильство Екатерининскихъ временъ было естественною реакціей тому западничеству, которое выражалось только въ уродливыхъ привычкахъ „щеголей и щеголихъ“ и въ надменномъ разобщеніи съ низшими классами общества. Отъ сатирическихъ журналовъ Новиковъ переходитъ къ изданію журнала историческаго — „Древней Россійской Вивліоѳики, или Собранія древностей россійскихъ, до россійской исторіи, гео-

графіи и генеологіи касающихся". Издатель хотѣлъ поставить лицомъ къ лицу нашу родную старину, нашу народность съ новыми формами жизни, заимствованными съ Запада. Онъ видѣлъ въ своемъ „Сборникѣ древностей" не просто матеріалъ для критическихъ изслѣдованій будущихъ историковъ Россіи, но еще болѣе—живой урокъ настоящему. Низшіе классы общества, почти не тронутые реформой, не несли въ глазахъ образованныхъ людей отвѣтственности за царившія въ нихъ невѣжество и суевѣріе. „Бѣдность и рабство повсюду встрѣчались со мною въ образѣ крестьянъ", говоритъ одинъ изъ Новиковскихъ журналовъ, и Новиковъ „съ великимъ содроганіемъ чувствительнаго сердца" могъ только думать о филантропическихъ учрежденіяхъ для лучшаго будущаго этихъ „бѣдныхъ тварей" и безполезно восклицать: „О солнце, лучами щедротъ своихъ Россію озаряющее! призри на сихъ несчастныхъ!" Успѣхъ „Живописца" убѣдилъ Новикова въ томъ, „что у насъ тѣ только книги третьими, четвертыми и пятыми изданіями печатаются, которыя попадаютъ на вкусъ мѣщанъ, и симъ простосердечнымъ людямъ, по незнанію ихъ иностранныхъ языковъ, нравятся" Новиковъ посвятилъ себя образованію среднихъ и низшихъ классовъ. Онъ можетъ быть названъ создателемъ нашей мѣщанской литературы. Онъ заводилъ безплатныя школы, печаталъ книги „для бѣдныхъ" и для народнаго чтенія, употреблялъ всѣ средства для развитія въ народѣ образованности, о чемъ не было рѣчи въ коммиссіи народныхъ училищъ. Переѣздъ Новикова въ Москву (въ 1779 г.) еще болѣе закрѣпилъ въ немъ это литературное и общественное направленіе.

Удаленная отъ двора, отъ центра административной власти, Москва сохраняла въ то время физіономію стариннаго русскаго города. Здѣсь все носило отпечатокъ старины, отъ староманерныхъ деревянныхъ строеній, лѣниво и капризно тянувшихся на далекое разстояніе, до быта и нравовъ жителей. Человѣку, выросшему въ Петербургѣ и потомъ вдругъ перенесенному въ Москву, старая столица представляла на каждомъ шагу множество антикварныхъ рѣдкостей. „И народу и глупостей здѣсь больше; ста Мольеровъ требуетъ Москва", пишетъ Сумароковъ императрицѣ Екатеринѣ II. „Люди здѣсь только во вкусъ при-

водятся, — продолжаетъ онъ, — *потому что дворъ обыкновенно въ Петербургѣ*".

Книжная торговля въ Москвѣ совершалась почти такъ же, какъ въ XVI вѣкѣ: она не получила еще осѣдлости. До 1762 г. въ Москвѣ не было ни одной книжной лавки, да и книгъ обращалось мало; торговали больше рукописями, лубочными тетрадками и листами. „Если книгами и перебивали нѣкоторые частные люди (разсказываетъ современникъ), то безъ всякой коммерческой дальновидности, и гдѣ же? Стыдно сказать: въ Толкучемъ, вмѣстѣ съ желѣзными обломками, на ряду съ подовыми, на рогожкахъ или на тѣхъ самыхъ ларяхъ, въ кои на день цѣпныхъ собакъ запирали, такъ что и подойти бывало страшно". Въ провинціи книги были еще рѣже, добывались съ трудомъ и за огромныя деньги.

Поселившись въ Москвѣ и взявъ на откупъ университетскую типографію, Новиковъ поставилъ книжную торговлю на твердыхъ и широкихъ основаніяхъ. Прошло какихъ-нибудь три года, и при его содѣйствіи открыты были книжныя лавки въ Ярославлѣ, Смоленскѣ, Вологдѣ, Твери, Казани, Тулѣ, Богородскѣ, Глуховѣ и Кіевѣ. Торговля не была прибыльна. Новиковъ часто дарилъ книгами богатыхъ людей, чтобы пріучить ихъ къ чтенію. Нужно было не только много энергіи, но и матеріальныхъ средствъ, чтобы затѣять такое рискованное дѣло. Но за Новиковымъ стояло уже цѣлое организованное, глубоко преданное его идеямъ общество. Вотъ какъ оно образовалось.

„Въ одно утро (разсказываетъ Новиковъ) пришелъ ко мнѣ Нѣмчикъ, съ которымъ я поговоря, сдѣлался во всю жизнь до самой смерти его неразлучнымъ; этотъ Нѣмчикъ былъ Шварцъ". Въ начинаніяхъ и убѣжденіяхъ Новикова и Шварца было много общаго. Новиковъ еще въ Петербургѣ, въ 1769 году, сдѣланъ былъ членомъ одной масонской ложи, учрежденной по образцу одной изъ лондонскихъ ложъ; Шварцъ былъ пламеннымъ приверженцемъ масонства. Новиковъ отдалъ всю свою дѣятельность воспитанію и литературѣ, Шварцъ уже до пріѣзда Новикова въ Москву устроилъ Педагогическую семинарію, и какъ только стала развертываться типографская дѣятельность Новикова, Шварцъ тотчасъ доставилъ ему прилежныхъ и опытныхъ пере-

водчиковъ изъ своей семинаріи. По образованію, по опредѣленности и законченности своихъ воззрѣній Шварцъ стоялъ выше Новикова, и послѣдній сталъ не только его другомъ, но и ученикомъ. Если мистицизмъ сдѣлался религіею Новикова, то этимъ обязанъ онъ Шварцу. Скоро около нихъ составились въ Москвѣ масонскія ложи, распространившіяся потомъ и въ другихъ городахъ и разносившія съ собою вездѣ тѣ же начала, какими проникнутъ былъ Новиковскій кружокъ. Какія же были эти начала? Что скрывалось за таинственной завѣсой масонскихъ ложъ Москвы прошлаго вѣка?

Представимъ себѣ два треугольника, вершины которыхъ совпадаютъ въ одной точкѣ; изъ этой точки, какъ изъ центра, опишемъ кругъ, и пусть этотъ кругъ, насколько онъ находится въ треугольникахъ, будетъ означать человѣка. Половина круга находится въ верхнемъ треугольникѣ, другая въ нижнемъ. Верхній треугольникъ означаетъ міръ духовный, міръ свѣта, божества; нижній треугольникъ означаетъ міръ матеріальный, міръ тьмы и невѣдѣнія, міръ дьявола. Человѣкъ принадлежитъ и тому и другому; онъ высшее существо матеріальнаго, и низшее духовнаго міра. Человѣкъ отъ природы одинаково притягивается и къ свѣту, духовному міру, и къ мраку, міру матеріальному. Если свѣтъ, духовность, божество должно въ немъ взять верхъ надъ тьмою, матеріей, дьяволомъ, то естественно, что человѣкъ долженъ для этого весь открыться свѣту и совершенно закрыть глаза на матерію, на земной міръ: тогда онъ создастъ вокругъ себя небесную атмосферу. Было время, когда человѣкъ принадлежалъ только свѣту, только небесному міру; но грѣхъ Адама лишилъ его этого состоянія: удалите преграду грѣха, не слушайте обольщеній матеріи, тьмы, очистите себя отъ земныхъ грѣховъ, и вы возродитесь къ первобытному божественному состоянію человѣка; въ васъ заблещетъ небесный свѣтъ, высшее знаніе будетъ дано вамъ. Для этого человѣку нужно подниматься отъ нижняго треугольника къ верхнему, то-есть отъ грѣховности земной къ свѣту небесному; ему нужно уединиться отъ соблазновъ матеріальнаго міра, углубиться въ самого себя, предаться самопознанію, и для него настанетъ блаженное время субботняго покоя, когда ему останется прислушиваться только

къ своему внутреннему голосу, чтобы понять высшія тайны человѣческаго бытія. Внутреннее откровеніе, возвращеніе къ божественному свѣту замѣнитъ для человѣка пустую школьную науку, которая дѣлаетъ людей гордыми, самоувѣренными и заставляетъ ниспадать глубже въ міръ матеріи, во власть дьявола. Духовное ясновидѣніе человѣка достигается только совершеннымъ удаленіемъ отъ грѣха, то-есть дѣятельною нравственною жизнію и самоуглубленіемъ. Торжествующая совѣсть просвѣщаетъ разумъ, и ему дѣлается все понятно. Постоянная работа надъ своимъ внутреннимъ человѣкомъ должна быть занятіемъ всей нашей жизни. Средство достигнуть внутренняго откровенія состоитъ въ томъ, чтобы всегда слѣдовать жизни Іисуса Христа.

Такимъ образомъ, для мистиковъ христіанство имѣло значеніе только потому, что въ немъ въ наибольшей чистотѣ выразились основныя начала нравственной жизни, которую мистицизмъ ставитъ краеугольнымъ камнемъ истинной религіи; догматическія понятія не имѣютъ для него особеннаго значенія. Мистицизмъ требуетъ не знанія догмата вѣры, а нравственнаго поступка. Масонское братство совпадаетъ съ мнѣніями философской школы деистовъ, которая провозгласила религію разума, вѣрила только тому, до чего доходила философскимъ путемъ; требовала отъ человѣка, во имя религіи, нравственной жизни и дѣятельности; признавала Высшее разумное существо, господствующее въ мірѣ, но предоставляло человѣческому разуму составлять о немъ свои понятія. Масонская ложа одинаково была открыта для людей всѣхъ исповѣданій; она привѣтствовала каждаго, — къ какой бы кто сектѣ, званію, народу ни принадлежалъ,—только человѣкомъ и создавала братскій союзъ во имя человѣческаго равенства и во имя дѣятельной любви къ ближнему. Она желала внести терпимость въ религіозную сферу, равноправность въ общественныя отношенія. Высшая терпимость вытекала изъ раціонализма деистовъ и основныхъ убѣжденій масонскихъ братствъ. Эти воззрѣнія были желаннымъ дѣломъ послѣ кровавыхъ религіозныхъ войнъ, потрясавшихъ Западную Европу, и масонство является тамъ вмѣстѣ съ деизмомъ на смѣну догмы, поднимавшей преслѣдованія на диссидентовъ во имя религіи Христа.

Свобода мысли и вѣры—неотъемлемая принадлежность мистицизма. Свои основныя положенія и тенденціи масонство облекло въ тѣ символическіе образы, которые своею поэзіею много вѣковъ баловали человѣческую фантазію. Масоны говорили, что они хотятъ возстановить Соломоновъ храмъ. Но для возсозданія этой благолѣпной святыни, говорили они, нужны не камни тлѣнные, а самъ человѣкъ: должно очистить сердца людей, и изъ людскаго братства, воздвигнутаго на началахъ вѣры и любви, составится Соломоновъ храмъ. Развитіе человѣческой природы во всей ея непосредственности, помимо постороннихъ внушеній и школьныхъ предразсудковъ, въ ея естественной красотѣ—вотъ цѣль масонства. Мистицизмъ московскихъ ложъ становился въ рѣшительный контрастъ съ философіей матеріалистовъ. „Человѣкъ то же, что животное“, говорили матеріалисты; „онъ добродѣтеленъ, потому что доброе дѣло всегда сопровождается пріятнымъ ощущеніемъ и доставляетъ ему удовольствіе, онъ добродѣтеленъ изъ самоуслажденія“. Крайніе и легкомысленные послѣдователи Дидро утверждали, что человѣкъ призванъ на землю, чтобы наслаждаться чувственно, что самолюбіе есть рычагъ человѣческой дѣятельности. „Стремленіе къ расширенію своихъ совершенствъ есть пружина человѣческой дѣятельности“, говорили мистики.

Въ то время, какъ многіе бросались у насъ на матеріализмъ, изуродованный Гольбахомъ и Гельвеціемъ,—бросались, можетъ быть, для того, чтобъ оправдать теоріей свою эпикурейскую практику,—въ это время Шварцъ открылъ свои философскія лекціи, гдѣ разбиралъ ученія матеріалистовъ. „Его простое слово“ поразительно подѣйствовало на слушателей и „на мѣсто модныхъ сочиненій“ матеріалистовъ, „въ которыхъ, казалось тогда, весь умъ заключался“, поставило Библію. По словамъ мистиковъ, Библія была средствомъ для наружнаго откровенія. Въ прошломъ вѣкѣ Библія была у насъ мало распространена и читалась почти одними раскольниками. Многіе правовѣрные жаловались, что Библію начинали читать. Большинство убѣждено было, что отъ чтенія Библіи люди сходятъ съ ума и приходятъ къ богохульству. Лабзинъ разсказываетъ, что мать больно высѣкла его однажды за чтеніе Библіи. И вотъ компанія Нови-

кова издаетъ, неслыханную на Руси, ручную, удобопонятную Библію; поднимаетъ вопросъ о необходимости имѣть Библію на русскомъ, всѣмъ понятномъ языкѣ; распространяетъ сотни общедоступныхъ духовныхъ книгъ, совершенно чуждыхъ исключительнаго схоластицизма, и старается замѣнить религіозную обрядность и догматическія тонкости богословія—дѣятельнымъ христіанствомъ. Новиковскій кружокъ умѣлъ изъ всѣхъ европейскихъ литературъ извлечь эти произведенія; онъ издалъ и Ѳому Кемпійскаго, и Арнута, и Масона, и Бэньяна, и Таулера, и множество другихъ сочиненій, заглавія которыхъ опошлились отъ того, что книги эти въ безчисленныхъ изданіяхъ ходятъ теперь среди простаго народа, а у насъ боятся знать то, что̀ читаетъ простой народъ, изъ опасенія прослыть невѣждами. Маколей посвятилъ Бэньяну одинъ изъ своихъ лучшихъ essays; желающіе найдутъ тамъ характеристику его произведеній.

Въ 1781 году Шварцъ увидѣлъ наконецъ возможность осуществить тотъ планъ, который давно лелѣялъ въ головѣ: по его убѣжденію нѣсколько богатыхъ московскихъ дворянъ пожертвовали большіе капиталы для составленія „Дружескаго Ученаго общества“, которое и было открыто въ 1782 году. Цѣлью этого общества было распространять въ большинствѣ истинные взгляды на воспитаніе, издавать общеполезныя переводныя и оригинальныя книги, приготовлять хорошихъ русскихъ учителей. Даровитые молодые люди, которыхъ могло замѣтить общество въ университетѣ, его гимназіяхъ, семинаріяхъ, получали предложеніе принять участіе въ трудахъ общества или продолжать свое образованіе на его счетъ. Въ кружокъ молодежи, которая содержалась на счетъ Дружескаго общества, поступилъ въ 1785 году и Карамзинъ. Шварца не было уже въ живыхъ, но память о немъ свѣжо хранилась между учеными друзьями, и его мысль еще двигала ихъ начинаніями. Бюстъ Шварца стоялъ въ квартирѣ молодыхъ словесниковъ, рядомъ съ изображеніемъ распятаго Спасителя. Для Карамзина начиналась новая жизнь. Немного далъ ему пансіонъ Шадена, въ которомъ онъ воспитывался. Теперь Карамзинъ снова отдавался наукѣ, товарищескому молодому кружку, студенчеству. Впечатлѣнія, вынесенныя Карамзинымъ изъ этого коротенькаго періода, оста-

лись въ немъ на всю жизнь. Правда, многое развѣялось впослѣдствіи и затерялось подъ другими вліяніями, взгляды его разошлись съ воззрѣніями Дружескаго общества; но образы нѣсколькихъ личностей, окружавшихъ Карамзина въ эти годы ученья, хранились всегда въ его благодарной памяти.

Эти люди ввели его въ сферу философскихъ и литературныхъ вопросовъ, всегда привлекательныхъ для ума. Читая деистовъ и матеріалистовъ, Карамзинъ въ то же время занимался переводами сочиненій совершенно противоположнаго направленія. По порученію Дружескаго общества Карамзинъ перевелъ въ это время: 1) поэму Галлера „О происхожденіи зла“, 2) нѣсколько статей для изданія „Бесѣды съ Богомъ или размышленія на каждый день года“ и 3) нѣсколько статей для „Дѣтскаго Чтенія“.

Въ то время, какъ Людовикъ XIV, ревнуя объ единеніи своего государства, поднималъ преслѣдованія на протестантовъ, въ Голландіи, на нейтральной почвѣ, смѣлый французскій выходецъ Бель безпощадною рукой разрушалъ тѣ хитросплетенія, которыми старались оправдать религіозныя преслѣдованія. Этотъ энергическій боецъ за религіозную терпимость упрочилъ въ европейскомъ обществѣ мысль о ея необходимости. Ненависть къ кровавымъ религіознымъ войнамъ привела Беля къ атеизму. Въ его воображеніи слагалось идеальное общество атеистовъ, нравственно-чистое и благородное, и этому фантому своего воображенія онъ противополагалъ государство христіанское, суевѣрное, лишенное всякихъ доблестей. Бель шелъ по одной дорогѣ съ деистами и, во имя любви къ людямъ, возставалъ противъ того, что̀ служило источникомъ постоянныхъ войнъ и насилій. Дружеское общество не могло не сочувствовать этому гуманному требованію. Одинъ изъ студентскихъ журналовъ, издававшихся обществомъ, прямо прикрывается авторитетомъ Беля и печатаетъ рѣзкую статью, въ которой противополагаетъ логику христіанскую — языческой. „Новое время (говоритъ эта статья) ввело разные силлогизмы, разные способы убѣждать: первый способъ состоитъ въ томъ, чтобы съ каждой стороны выставить по 100 тысячъ состязателей, и сіи дефенденты доказываютъ несправедливость оппонентовъ силою громогласныхъ

провозвѣстниковъ истины, называемыхъ въ краснорѣчіи пушками, мортирами, ружьями, мечами... Самый же убѣдительный аргументъ называется попросту *пытка*. Убѣждающіе употребляли въ доводы свои разнаго рода *сориты*, просто называемые костеръ дровъ, дыбы, застѣнки и прочая такого рода збруя. Они часто и съ успѣхомъ употребляемы были въ обращеніи заблуждающихъ и невѣрныхъ къ вѣрѣ христіанской. Для скорѣйшаго же разрѣшенія всѣхъ сомнѣній изобрѣтены были особливые убѣдительные доводы: кнуты, петли, висѣлицы, колья, колеса, огонь и другія костоломныя орудія и машины признаны были всеобщимъ и надежнѣйшимъ средствомъ къ убѣжденію; а какъ они приведены были въ систему, то и составляли христіанское дополненіе къ древней языческой логикѣ".

Еще шагъ, и Дружеское общество дойдетъ до мысли Беля, что положительная религія не нужна. Общество не дѣлаетъ этого шага. Христіанство, представившее человѣку высокій нравственный идеалъ, остается для мистиковъ святыней неприкосновенною. Бель старается отыскать въ немъ догматическія и нравственныя противорѣчія и софистически спрашиваетъ: откуда же взялось въ мірѣ зло, если онъ созданъ всеблагимъ божествомъ? И вопросъ о происхожденіи зла становится надолго важнѣйшимъ, очереднымъ вопросомъ въ европейской литературѣ. Въ 1706 году на лондонскихъ улицахъ продавался листокъ подъ заглавіемъ „Улей". Авторъ этой басни, Мандевилъ, извлекалъ изъ своего разсказа такого рода поученія: „Счастіе и добродѣтель вещи несоединимыя. Голодъ, конечно, дурное дѣло, но какъ же мы будемъ питаться, расти и жить, если не будемъ чувствовать голода? Голодъ необходимъ. Порокъ такъ же необходимъ для процвѣтанія государства, какъ голодъ для человѣческаго питанія. Зло господствуетъ по всей землѣ. Не самопожертвованіе, а суетность и своекорыстіе управляютъ человѣческими поступками; такъ и должно быть. Народъ должно держать въ невѣжествѣ и нищетѣ: иначе, кто же будетъ заниматься торговлей и земледѣліемъ?" Галлерова поэма о происхожденіи зла, которую перевелъ Карамзинъ, была отвѣтомъ христіанина на тѣ парадоксы, къ которымъ подавала поводъ эта тема. Басню Мандевила особенно имѣлъ въ виду Галлеръ, стараясь показать,

что существованіе зла не противорѣчитъ божественной благости. Нѣтъ сомнѣнія, что Дружеское общество, убѣжденія котораго были діаметрально противоположны мнѣніямъ Мандевила, желало распространенія поэмы Галлера, которая и во множествѣ другихъ подробностей вторила мистицизму. Карамзинъ прибавилъ къ поэмѣ нѣсколько объяснительныхъ замѣчаній, изъ которыхъ видно, что онъ находился вполнѣ подъ вліяніемъ мистиковъ, которые положили въ немъ твердую оппозицію философіи матеріалистовъ. Вотъ его мысли: всѣ мірскія блага не сдѣлаютъ человѣка счастливымъ, если онъ лишенъ будетъ своихъ истинныхъ потребностей, т. е. духовныхъ наслажденій, спокойствія внутренняго міра; разумъ бываетъ источникомъ зла, и свободная воля человѣка должна возвратить его къ утраченному совершенству.

Мысль умершаго Шварца руководила и другими трудами Карамзина въ то время. Съ 1785 года Новиковъ издавалъ при газетахъ переведенныя статьи для „Дѣтскаго Чтенія“. Карамзинъ работалъ на это изданіе вмѣстѣ съ другимъ воспитанникомъ Дружескаго общества — Петровымъ. Карамзинъ горячо привязался къ этой симпатической личности. Петровъ владѣлъ рѣдкимъ въ то время образованіемъ; зналъ хорошо древніе и новые языки (даже англійскій); природа надѣлила его тонкимъ эстетическимъ вкусомъ, и его задушевныя бесѣды о литературѣ были для Карамзина самыми поучительными лекціями. Жизнь въ Дружескомъ обществѣ и знакомство съ мистицизмомъ положило рѣзкую печать на нѣжную организацію Петрова: молодой человѣкъ былъ угрюмъ, молчаливъ, подчасъ насмѣшливъ. Тяжелыя сомнѣнія какъ-будто преждевременно обрушились на него. „Вопросы: что я есть и что я буду? всего меня занимаютъ (пишетъ онъ Карамзину) и бѣдную голову мою, праздностію разслабленную, кружатъ и въ большее неустройство приводятъ“. Петровъ умеръ въ молодыхъ лѣтахъ.

Всѣ книги, изданныя Новиковымъ для „Дѣтскаго Чтенія“ и для разъясненія вопроса о воспитаніи, основаны на началахъ такъ называемой филантропической педагогики. Педагоги-филантропы усвоили себѣ ту мысль, которую съ такими крайностями развилъ Руссо въ своемъ „Эмилѣ“ и въ своемъ знаме-

нитомъ разсужденіи о вліяніи просвѣщенія на нравы. Поставленный въ средину XVIII вѣка, такъ широко и свободно развившаго философскія и общественныя задачи, гордаго своими завоеваніями въ области мысли, Руссо спрашиваетъ: „Доставила ли эта философія счастіе человѣку, или она заглушила въ немъ и силу чувства и добродѣтель, и только развратила, изнѣжила людей?“ Извѣстно, въ какую сторону рѣшаетъ Руссо этотъ вопросъ. Наука есть слѣдствіе разврата, и ея слѣдствіе— также развратъ. Благодаря ей, теперь талантъ торжествуетъ надъ добродѣтелью; въ обществѣ не спрашиваютъ: честенъ ли человѣкъ, а уменъ ли онъ. У насъ есть философы, естествоиспытатели, художники, — нѣтъ только гражданъ. Первобытное естественное состояніе человѣка становится для Руссо идеаломъ. Онъ чувствуетъ, что этотъ идеалъ утраченъ навсегда, что науки нельзя уничтожить; онъ желаетъ, по крайней мѣрѣ, чтобы человѣка воспитывали какъ можно естественнѣе, ближе къ природѣ, чтобъ онъ развивался по возможности самостоятельно. Принужденіе и страхъ, ученье наизусть и тѣлесныя наказанія должны быть изгнаны. Проповѣдь Руссо возвратила дѣтству его утраченныя права. Въ Германіи образовалось цѣлое направленіе, которое въ дѣлѣ воспитанія положило цѣлію естественное и свободное развитіе человѣческой личности, и притомъ не образованіе художника, ремесленника, ученаго, а человѣка вообще, космополита. Во взглядахъ Руссо было такъ много сходнаго съ убѣжденіями масоновъ, что Новиковъ могъ руководствоваться только правилами филантропической педагогики. Прежней школьной дисциплинѣ наносился страшный ударъ. Первая половина XVIII столѣтія руководствовалась совсѣмъ другими пріемами. Петръ Великій предписывалъ школамъ „сѣчь по два дни нещадно батогами, или, по молодости лѣтъ, наказать вмѣсто кнута—кошками“. И наставники, по ихъ собственному признанію, укрѣпляли ученыя вещи плетьми. Въ классѣ морской академіи порядокъ поддерживался дядькою, который имѣлъ хлыстъ въ рукахъ, „а буде кто изъ учениковъ станетъ безчинствовать, такимъ хлыстомъ бить, несмотря, какой бы ученикъ фамиліи ни былъ“. Донесенія архіереевъ о ходѣ ученія въ семинаріяхъ въ 50-хъ годахъ почти непонятны для насъ: многіе ученики

показаны въ бѣгахъ, другіе отданы въ солдаты, третьи за старостію выжили изъ ума. Дружеское общество распространяло совсѣмъ другія понятія и выставило оппозицію поколѣнію педагоговъ въ родѣ Алабушева и Брудастаго,—поколѣнію, которое въ своихъ заповѣдныхъ уголкахъ, можетъ быть, не переводится до сихъ поръ. Передѣлывая съ Петровымъ для „Дѣтскаго Чтенія“ статьи и руководства, вышедшія изъ-подъ пера педагоговъ-филантроповъ, Карамзинъ увлекался въ то же время сочиненіями Руссо. Впослѣдствіи онъ напечаталъ опроверженіе мыслей Руссо относительно просвѣщенія; но въ описываемое время онъ готовъ былъ промѣнять образованность на идиллическую жизнь дикаря. „Все слышанное мною отъ путешествовавшихъ по Швейцаріи о родѣ жизни альпійскихъ пастуховъ, говоритъ Карамзинъ, въ восхищеніе меня приводило. Я часто восклицалъ: О, смертные! зачѣмъ уклонились вы отъ начальной невинности своей, зачѣмъ гордитесь мнимымъ просвѣщеніемъ своимъ!“

Однимъ изъ этихъ путешественниковъ, разсказы которыхъ такъ плѣняли Карамзина, былъ, конечно, Іоганнъ Рейнгольдъ Ленцъ, по характеру и настроенію во многомъ напоминавшій Руссо. Это былъ одинъ изъ первыхъ двигателей и одна изъ первыхъ жертвъ того періода въ исторіи духовнаго развитія Германіи, который извѣстенъ подъ именемъ *„Sturm- und Drang-Periode“*. Движеніе началось съ семидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка. Чувствовали сильное, хотя часто нелѣпое, стремленіе оторваться отъ настоящаго, разрушить преданія, дать міру новое и самобытное духовное содержаніе; возвращаются съ увлеченіемъ къ природѣ, естественности, къ безыскусственной поэзіи человѣчества. Гомеръ, народныя пѣсни и Шекспиръ дѣлаются предметомъ пламеннаго изученія.

Ленцъ владѣлъ сильнымъ и въ высшей степени оригинальнымъ талантомъ. Посреди печальной и развращающей обстановки прошла первая его молодость. Съ прекраснымъ поэтическимъ дарованіемъ, съ любящимъ сердцемъ въ Ленцѣ соединялось громадное самолюбіе и неумѣнье владѣть собою. Тихія и нѣжныя впечатлѣнія не пришли успокоить эту кипучую натуру. Въ Зезенгеймѣ Ленцъ влюбился въ Фредерику Бріонъ, одну

изъ первыхъ личностей, озарившихъ молодость Гёте. Творецъ „Фауста“ былъ счастливѣе своего молодаго товарища. Неудача въ любви, оскорбленное самолюбіе свели Ленца съ ума. Онъ падалъ съ каждымъ днемъ; въ тупомъ бездѣйствіи, въ безумныхъ припадкахъ бѣшенства гибнулъ его сильный талантъ. У Ленца недоставало нравственной энергіи, чтобы сдержать свою болѣзненную раздражительность и уравновѣсить свои порывы... „Чтобы быть поэтомъ, говоритъ онъ, мнѣ недостаетъ спокойствія, теплаго воздуха и сердечнаго блаженства. Судьба бросила мое сердце въ тину, среди холодной крапивы“. Не разъ пытался Ленцъ оправиться отъ своего нравственнаго паденія; не разъ озлобленная душа его, „утратившая вѣру и въ Бога, и въ людей“, каялась и безполезными бичеваніями думала купить себѣ прощеніе. Вотъ что разсказываетъ о Ленцѣ пасторъ Оберлинъ: „Мнѣ было страшно, и я самъ испытывалъ дотолѣ невѣдомыя мнѣ мученія, когда онъ, ставши на колѣни, взявши меня за руку и положивши мнѣ на колѣни голову, пряталъ въ складкахъ моей одежды свое блѣдное, покрытое потомъ лицо и, дрожа всѣмъ тѣломъ, не то чтобы каялся, а испускалъ вопли своей измученной совѣсти и неудовлетворенныхъ стремленій“.

Судьба занесла Ленца въ Москву, и его, какъ видно, пріютилъ у себя Новиковскій кружокъ[1]. Петровъ и Карамзинъ знали Ленца въ послѣдніе годы его жизни. Можетъ быть, Ленцъ вспомнилъ здѣсь то лучшее время своей молодости, когда вмѣстѣ съ другими молодыми людьми входилъ въ составъ литературнаго кружка, сосредоточившагося въ Страсбургѣ около Зальцманна, когда онъ впервые приступилъ къ изученію Шекспира и „углубился вмѣстѣ съ нимъ въ высокія таинства судьбы“. Его необузданному таланту такъ нравилась суровая красота англійскаго трагика. Ленцъ стоялъ въ дружескихъ отношеніяхъ къ ближайшимъ помощникамъ Базедова и къ Зальцманну, изъ изданій котораго переводились статьи для „Дѣтскаго Чтенія“. Пламенное уваженіе къ Шекспиру, нѣтъ сомнѣнія, сообщилось отъ Ленца Петрову и Карамзину, который занялся переводомъ его „Юлія Цезаря“ и въ предисловіи отнесся къ Шекспиру искренно и свободно отъ повсемѣстно господствовавшихъ на него воззрѣній ложно-классической критики. Въ кружкѣ Дружескаго обще-

ства Карамзинъ встрѣтился съ А. М. Кутузовымъ. Мистицизмъ пустилъ въ него глубокіе корни. Кутузовъ былъ гораздо старше Карамзина. Въ 1767 году, вмѣстѣ съ нѣсколькими молодыми людьми, Кутузовъ посланъ былъ за границу для усовершенствованія въ юридическихъ наукахъ. Товарищами его были, между прочими, Радищевъ и Ушаковъ. Тотъ и другой бредили Гольбахомъ и Гельвеціемъ. „Если бы возможно было опредѣлить (разсказываетъ Радищевъ), какое каждый изъ насъ имѣлъ тогда понятіе о Богѣ и о должномъ ему почитаніи, то бы описаніе это показалось взятымъ изъ какого-либо путешествія, въ коемъ описывается исповѣданіе вѣры неизвѣстныхъ народовъ. Иной воображалъ Бога палачомъ, другой школьнымъ учителемъ, котораго дразнить ни во что вмѣняется". Ушаковъ не только раздѣлялъ мнѣнія Гельвеція, но и на практикѣ ихъ примѣнялъ. Его организмъ разстроенъ былъ излишествомъ чувственныхъ наслажденій. Въ Лейпцигѣ онъ сильно занемогъ. Мучимый жестокимъ воспаленіемъ, услыхавши отъ врача смертный приговоръ, Ушаковъ просилъ у Кутузова яду, считая самоубійство доблестью. Кутузовъ не исполнилъ просьбы умирающаго друга, и этого Радищевъ никогда не могъ простить ему. Такъ столкнулись въ Лейпцигѣ матеріалисты съ будущимъ московскимъ мистикомъ. Столкновеніе это не нарушило впрочемъ ни дружбы ихъ, ни гармоніи ихъ политическихъ убѣжденій. Въ такомъ кружкѣ провелъ часть своей молодости Кутузовъ, котораго Карамзинъ зналъ уже меланхоликомъ, постоянно занятымъ мыслію о смерти.

Вотъ люди, съ которыми разстался Карамзинъ въ 1789 году. Онъ уѣхалъ за границу,—„на счетъ Дружескаго Общества и путешествовалъ по инструкціи, написанной другомъ Новикова, С. И. Гамалѣею" (говоритъ преданіе). Литературная извѣстность Карамзина началась „Московскимъ Журналомъ", который онъ издавалъ по возвращеніи изъ-за границы. Дѣятельность Дружескаго общества почти заглохла въ это время. Новиковъ въ 1792 г. посаженъ былъ въ Шлиссельбургскую крѣпость. Причиной тому былъ конституціонный актъ, представленный великому князю Павлу Петровичу Панинымъ, однимъ изъ друзей и покровителей московскихъ масоновъ. Карамзинъ напечаталъ тогда въ

своемъ „Московскомъ Журналѣ“ оду „Къ милости“, въ которой старался обратить вниманіе императрицы на своего недавняго покровителя и разсѣять ея подозрѣнія. Онъ говорилъ:

Какая ночь не озарится
Отъ солнечныхъ Твоихъ очей?
Какой мятежъ не укрòтится
Одной улыбкою Твоей?

Карамзинская школа смѣнила собою Новиковскій періодъ нашей литературы. Позабылись имена членовъ Дружескаго общества, разсѣянныхъ по деревенскимъ захолустьямъ; филантропическія учрежденія ихъ исчезли; направленіе ихъ въ нашей литературѣ заглохло.

Для громадной энергіи Новикова не было поприща. 19 ноября 1796 года возвратился онъ въ свое Тихвинское, „дряхлъ, старъ, согбенъ, въ разодранномъ тулупѣ“. Но въ этомъ разбитомъ тѣлѣ не были сокрушены прежнія убѣжденія. „Станемъ изслѣдовать (писалъ онъ черезъ нѣсколько лѣтъ одному изъ друзей), не раздѣлились ли мы въ томъ духѣ, въ которомъ обѣщались жить и умереть“. До самой кончины сидѣлъ Новиковъ надъ составленіемъ „Библіотеки высокохвальныхъ свободныхъ каменьщиковъ“. За недостаткомъ типографіи эта многотомная библіотека собственноручно переписывалась имъ и другомъ его Гамалѣею.

За нѣсколько времени до смерти Новикова Карамзинъ, проѣздомъ въ Петербургъ для печатанія своей исторіи, навѣстилъ его въ Тихвинскомъ. Въ разговорѣ Новиковъ спросилъ Карамзина: былъ ли онъ въ ихъ обществѣ, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, желалъ узнать, до какой степени дошелъ онъ въ ихъ орденѣ. На отвѣтъ Карамзина Новиковъ сказалъ: „Ну, тутъ еще ничего не было важнаго; въ высшихъ степеняхъ сообщались вещи истинно драгоцѣнныя“. Онъ предложилъ Карамзину посвятить его въ эти высшія таинства; но Карамзинъ дружески пожалъ ему руку и вышелъ [2].

Мысль Новикова о народномъ образованіи не имѣла продолжателей. По крайней мѣрѣ, никто не подходилъ потомъ къ этому дѣлу съ такими обширными планами, какъ Новиковъ. Привѣт-

ствуя новый уставъ императора Александра I объ устройствѣ народнаго просвѣщенія,—уставъ, вводившій сельскія школы,— Карамзинъ говорилъ: „Учрежденіе сельскихъ школъ несравненно полезнѣе всѣхъ лицеевъ, будучи истиннымъ народнымъ учрежденіемъ, истиннымъ основаніемъ государственнаго просвѣщенія. Предметъ ихъ ученія есть важнѣйшій въ глазахъ философа... Но великія государственныя творенія бываютъ медленны, и если Россія удивляетъ насъ своими быстрыми счастливыми успѣхами, то съ другой стороны она же доказываетъ, сколь трудны, неровны и нескоры шаги государствъ къ цѣли гражданскаго просвѣщенія. Историкъ означаетъ эпохи рожденія новыхъ силъ, надобны вѣки для полнаго образованія. Какъ безъ надежды нѣтъ счастія, такъ безъ будущаго нѣтъ великихъ дѣлъ; въ немъ ихъ вѣнецъ".

Этими словами, въ которыхъ слышится отголосокъ мнѣній Дружескаго общества, мы заключаемъ нашъ разсказъ объ отношеніяхъ къ нему Карамзина.

КІЕВСКІЙ МИТРОПОЛИТЪ ЕВГЕНІЙ БОЛХОВИТИНОВЪ.

I.

Евѳимій Болховитиновъ родился въ Воронежѣ 18-го декабря 1767 года. Отецъ его, священникъ Входо-Іерусалимской,—иначе называемой Ильинскою,—церкви [1], умеръ, когда Евѳимію было только десять лѣтъ. Воронежъ въ то время бѣденъ былъ учебными заведеніями; духовная семинарія до начала 1777 года состояла изъ одного риторическаго класса и съ 1761 года нѣсколько лѣтъ оставалась безъ префекта [2]. Евѳимій Болховитиновъ учился сначала въ архіерейскомъ пѣвческомъ хорѣ, потомъ, около 1775 года, поступилъ въ Воронежскую семинарію [3]. Въ риторическомъ классѣ Болховитинова застала реформа этого учебнаго заведенія: съ начала 1777 года въ семинаріи открытъ былъ новый, философскій классъ. Въ немъ Болховитиновъ пробылъ только годъ, прошедши, такимъ образомъ въ Воронежской семинаріи риторическій курсъ и половину философскаго, который, по семинарскимъ правиламъ, долженъ былъ продолжаться, какъ и риторическій, два года. Важная перемѣна произошла въ судьбѣ бѣднаго семинариста. Воронежскимъ епископомъ былъ въ то время Тихонъ III. Этотъ молодой архіерей рѣзко отличался отъ своихъ предшественниковъ на воронежской каѳедрѣ. Девятымъ епископомъ воронежскимъ былъ Кириллъ Ляшевецкій, умершій въ 1771 г. „Сей пастырь на Воронежѣ (по словамъ Болховитинова) былъ *первый изъ ученыхъ:* ибо прежде его бывшіе воронежскіе преосвященные *были изъ неучившихся въ шко-*

лахъ, кромѣ развѣ преосвященнаго Веніамина, который, сказываютъ, *нѣсколько* обучался латинскому языку въ волошскихъ училищахъ“ [4]. Тихонъ III получилъ образованіе въ московской Славяно-греко-латинской академіи, впослѣдствіи преподавалъ въ ней философію и былъ ея префектомъ. Вниманіе образованнаго епископа остановилось на Евѳиміи Болховитиновѣ, и въ 1778 году [5] онъ отправилъ десятилѣтняго мальчика, на семинарскій счетъ, въ Москву слушать науки въ той академіи, гдѣ онъ самъ нѣкогда учился и училъ [6]. Болѣе десяти лѣтъ прожилъ Болховитиновъ въ Москвѣ. Здѣсь, еще въ годы ученья, началъ онъ печатать свои переводы и даже самостоятельные литературные труды. Въ нихъ ясно выразились литературныя симпатіи Болховитинова, и опредѣлились вопросы, которые занимали его мысль на школьной скамьѣ. Наука духовной академіи, повидимому, не вполнѣ удовлетворила Болховитинова. Самъ митрополитъ Платонъ, стоявшій во главѣ Славяно-греколатинской академіи, не былъ доволенъ преподаваніемъ въ ней философіи за то время, когда учился въ ней Болховитиновъ: въ 1783 году Платонъ прямо объявилъ, что „въ продолженіе восьми лѣтъ своего управленія академіей онъ не встрѣчалъ между учениками еще *ни одного* достойнаго имени студента философіи“ [7]. Нравственная философія преподавалась въ самомъ ограниченномъ объемѣ; Платонъ не придавалъ ей особеннаго значенія въ ряду наукъ академическихъ, замѣчая, что „мораль человѣческая слаба и не дѣйствительна, а должна почерпаема быть изъ слова Божія въ богословскомъ классѣ“ [8]. Ученическіе диспуты попрежнему играли важную роль въ академическомъ образованіи. „Публичные диспуты, или состязанія, бывали четырежды въ годъ, а иногда и больше, смотря по окончанію частей богословія и философіи; приватные же диспуты бывали *каждый мѣсяцъ; сверхъ того,* обучающіеся богословію, философіи и риторикѣ упражнялись *каждую субботу* чтеніемъ сочиненныхъ ими проповѣдей, диссертацій и другихъ писаній, по удостоенію учителей своихъ“ [9]. Поэзію преподавалъ въ академіи Михаилъ Завьяловъ [10], оставившій нѣсколько жалкихъ похвальныхъ одъ и переводъ изъ Эразма Роттердамскаго: „Христіанинъ — воинъ Христовъ и побѣдоносное его оружіе, или спасительныя правила

жизни христіанскія, подробно и ясно разсмотрѣнныя и на священномъ писаніи основанныя". Краснорѣчію русскому и латинскому учили по риторикамъ Бургія, Воссія и Ломоносова. Книга, изданная Помеемъ въ концѣ XVII вѣка, „Pantheum mythicum, seu fabulosa deorum historia" служила въ классѣ поэзіи руководствомъ при изученіи римскихъ поэтовъ: ее переводили студенты на русскій языкъ, „оставляя непристойныя мѣста" [11]. Только въ классѣ нѣмецкаго языка можно было отдохнуть студентамъ надъ переводами изъ Галлера, Лессинга и Клопштока [12]. Ясный и положительный умъ Болховитинова рано почувствовалъ бѣдность и неполноту схоластическаго преподаванія въ Славяно-греко-латинской академіи. Болховитиновъ записался слушателемъ въ Московскій университетъ и сталъ здѣсь посѣщать лекціи *исключительно* иностранныхъ профессоровъ: *Шадена*—по всеобщей нравственной философіи и политикѣ, *Роста*—по опытной физикѣ, *Бодуэна*—по французскому краснорѣчію, *Гейма*—по нѣмецкому языку. Лекціи университетскихъ профессоровъ сгладили въ Болховитиновѣ односторонность богословскаго преподаванія въ академіи. Шаденъ, остававшійся „всю жизнь хранителемъ святой вѣры" [13], вооружавшійся постоянно на „плевелы и подавляющій души вѣчною смертію волчецъ безбожія, деизма и натурализма" [14], въ своихъ рѣчахъ и лекціяхъ ссылался на „Опытъ объ исторіи гражданскаго общества" Фергюсона, въ которомъ мораль уже поставлена была независимо отъ религіи. Въ преподаваніи нравственной философіи Шаденъ держался Якоби, одного изъ первыхъ послѣдователей Фергюсона въ Германіи. Въ университетѣ, на лекціяхъ нравственной философіи, Болховитиновъ слышалъ объ ученіяхъ, діаметрально-противоположныхъ тѣмъ воззрѣніямъ, съ которыми онъ знакомился въ Славяно-греко-латинской академіи. Англійскіе деисты и французскіе матеріалисты не подвергались полному и безусловному гоненію со стороны Шадена: профессоръ нравственной философіи считалъ „достойными прочтенія" сочиненія Шефтсбюри, слѣдовалъ Локку въ ученіи о разумѣніи человѣческомъ, ссылался на Кондильяка и на „просвѣщеннѣйшихъ мужей" Дидро и Даламбера [15]. Гораздо враждебнѣе относился Шаденъ къ идеалистическому направленію,

порицая въ особенности Руссо, который „Эмиля ко всякой независимости воспитывая и напаевая струями равенства, дѣлаетъ неспособнымъ къ сожитію въ обществѣ, особенно монархическомъ“ [16]. Въ лекціяхъ о политикѣ Шаденъ старался поддержать въ слушателяхъ любовь и уваженіе къ охранительнымъ началамъ и недовѣрчиво относился къ Монтескьё [17] за его равнодушіе къ монархіи, которая была политическимъ идеаломъ Шадена. Болховитиновъ раздѣлялъ взглядъ Шадена на „Духъ Законовъ“. Въ лѣта зрѣлыя онъ отзывался объ этой книгѣ одному изъ своихъ друзей такимъ образомъ: „Авторъ писалъ ее во время повсемѣстнаго почти нечестія, которое тогда было въ модѣ и которымъ всякій тогдашній ученый щеголять старался. Впрочемъ, скажу вамъ, что и *по философскому отношенію мыслей*, книга сія давно уже признана во многихъ своихъ началахъ неосновательною и запутанною... Довольно для насъ и выписокъ изъ нея. Прочія мысли пусть останутся въ обаяніи революціонныхъ головъ, отъ которыхъ да избавитъ Господь Богъ отечество наше. Новизно-любивые умы чаще всего бываютъ не истино-любивы, а только славолюбивы, хотя бы то и на счетъ общаго блага. Они похожи на непріятелей отечеству, у которыхъ аксіомою Виргиліево слово:

Dolus, an virtus, quis in hoste requirat?“ [18]

Лекціи Шадена обращали Болховитинова къ философскимъ и литературнымъ авторитетамъ Англіи и Франціи. Въ Москвѣ, этой „столицѣ русской литературы“, по выраженію Болховитинова [19], его охватило литературное движеніе, создавшее и подготовившее Карамзина. Съ полною силой, во всей энергіи развивалась въ Москвѣ дѣятельность Новиковскаго кружка, когда Болховитиновъ пришелъ слушать лекціи въ Московскомъ университетѣ. Трудно было свѣжему и живому человѣку избѣгнуть вліянія „Ученаго Общества“, распространявшаго съ такою настойчивостью интересъ къ нравственной философіи и къ вопросамъ просвѣщенія въ московскомъ обществѣ. Съ именемъ „Компаніи типографической“ связанъ одинъ изъ первыхъ студенческихъ трудовъ Болховитинова—„Краткое описаніе жизней древнихъ философовъ съ присовокупленіемъ отборнѣйшихъ ихъ

мнѣній, системъ и нравоученій, сочиненное г. Фенелономъ, архіепископомъ Камбрійскимъ“ [20]. Въ предисловіи Болховитиновъ и Розановъ, трудившійся вмѣстѣ съ нимъ надъ переводомъ этой книги, ясно намекаютъ на то, что переводческая и журнальная дѣятельность „Ученаго Дружескаго Общества“ побудила ихъ перевести это произведеніе Фенелона: „*Ободряемы будучи примѣромъ другихъ*, мы предпріяли доставить нашимъ соотечественникамъ на собственномъ языкѣ такую книгу, которую *по предпочтенію* любовь къ нимъ, съ позволенія празднаго времени, побудила насъ перевесть“. Жизнеописаніями древнихъ философовъ и характеристиками ихъ ученій Новиковъ наполнялъ цѣлые томы своего періодическаго изданія „Утренній Свѣтъ“ [21]. Переводчикамъ Фенелоновой книги особенно нравились въ ней „расположеніе порядочное и обстоятельное, штиль *естественный* и *отрывной:* въ ней можно *съ перваго взгляду* видѣть рожденіе, воспитаніе, путешествія, приключенія, положенія физическія, мнѣнія нравственныя и политическія и замысловатыя рѣчи каждаго изъ всѣхъ древнихъ греческихъ философовъ, и притомъ въ самомъ лучшемъ порядкѣ, *въ отрывности, разнообразіи и пріятности*“. Академическіе студенты, сидѣвшіе надъ переводомъ Фенелона, уже искали въ литературномъ произведеніи *естественнаго, пріятнаго, отрывистаго изложенія;* напыщенный складъ русскихъ писателей половины прошлаго вѣка начиналъ надоѣдать; молодежь желала и ждала *естественнаго, пріятнаго* литературнаго языка: готовившаяся реформа литературной рѣчи являлась сознаваемою потребностью. Въ классахъ поэзіи разбирались въ академіи стихотворенія Ломоносова, Кантемира, Сумарокова и Державина [22]; но не всѣ изъ этихъ „классическихъ“ русскихъ писателей нравились Болховитинову. „Сумарокова (писалъ онъ въ 1807 году) нынѣ уже не могутъ и изъ книжныхъ лавокъ выжить, несмотря на то, что современники величали его и Расиномъ, и Лафонтеномъ и пр. О Петровѣ скажу я вамъ, что онъ есть стихотворецъ, но *не на русскомъ языкѣ*. Пусть его переведутъ на другой языкъ, тогда будутъ имъ восхищаться, такъ точно какъ Кантемиромъ на французскомъ языкѣ“ [23]. Положительный, реальный умъ Болховитинова чуждался безсодержательнаго риторства и болѣзненной искусствен-

ности ложнаго классицизма. „Надобно стараться (писалъ онъ въ 1805 году), чтобы въ журналѣ было болѣе *матеріи*, нежели *словесныхъ расширеній*. Вѣкъ *словеснаго краснорѣчія* нынѣ уже проходитъ. Всѣ жаждутъ *вещей*, а не *словъ*“ [24]. Въ восьмидесятыхъ годахъ прошедшаго столѣтія русскіе писатели чувствовали стремленіе освободиться отъ оковъ риторическаго и ложноклассическаго направленія; ими овладѣвали мечты о простотѣ и сантиментальная грусть объ утраченной природѣ. „Въ авторствѣ (говорилъ Болховитиновъ словами одного изъ любимыхъ своихъ писателей) *la nature fait mieux, que l'art* [25]. Совершенная *тщаливость* и *исправность* въ сочиненіяхъ почти всегда пахнетъ *натужностію... Геній не терпитъ неволи и порабощенія правиламъ*“ [26]. Карамзинъ шелъ далѣе по той дорогѣ, на которой стоялъ Болховитиновъ—студентъ академіи и слушатель университета; Карамзинъ какъ бы осуществилъ литературныя надежды его. „Что съ Шишковымъ они не сошлись (писалъ Болховитиновъ о Карамзинѣ), это естественно проистекаетъ отъ различія ихъ геніевъ. Одинъ хочетъ еще составить правила, а другой *давно уже* написалъ *образцы почти классическіе. Не реторы, а ораторы плѣняютъ читателей*“ [27].

Уже въ одномъ изъ первыхъ своихъ литературныхъ опытовъ Болховитиновъ враждебно отнесся къ риторамъ. Студентомъ духовной академіи онъ печатаетъ „Похвальное слово чему-нибудь, посвященное отъ сочинителя кому-нибудь, а отъ переводчика никому, съ присовокупленіемъ похвальнаго письма ничему“ [28]. Похвальное письмо ничему, которое Болховитиновъ перевелъ стихами, написано извѣстнымъ французскимъ гуманистомъ, преемникомъ Рамуса на каѳедрѣ древней филологіи въ Парижѣ, однимъ изъ сотрудниковъ „Satyre Menippée“, Іоанномъ Пассера. Трудолюбивый филологъ, развлекавшійся въ тяжелыя времена лиги чтеніемъ Плавта, гуманистъ, въ горячую пору Возрожденія сохранившій живое сочувствіе къ старой поэзіи труверовъ и отъ изученія греко-латинскихъ словарей легко переходившій къ составленію комментаріевъ на „Пантагрюэля“ Рабле, Пассера и въ поздравительныхъ латинскихъ стихахъ „Nihil“ покровителю своему Henri de Mesmes, въ домѣ котораго онъ прожилъ почти тридцать лѣтъ, умѣлъ сочетать игривую шутку со стро-

гою формой латинскаго стиха. Въ тяжеломъ переводѣ Болховитинова шутка Пассера потеряла много игривости:

Ничто огромнѣе всего строенья міра,
Жарчае солнца и прозрачнѣе эѳира;
Кто осязалъ *ничто*, тотъ тѣлъ не осязалъ;
Кто могъ узрѣть *ничто*, тотъ цвѣта не видалъ;
Ничто само въ себѣ безъ чувства слуха слышитъ,
И безъ души *ничто* въ животныхъ родѣ дышетъ;
Ничто безъ языка и гласа говоритъ;
Ничто безъ помощи крылъ съ воздухомъ паритъ;
Ничто безъ всякихъ ногъ и безъ движенья ходитъ;
Ничто, какъ Богъ, нигдѣ препятства не находитъ.
Ничто противится законамъ естества,
Ничто полезнѣе для смертныхъ врачества.
Итакъ напрасно тотъ, кто страстью заразился,
И въ сердцѣ коего любовный ядъ разлился,
Отраду мнитъ себѣ во врачествѣ найти,
Которую въ *ничемъ* онъ можетъ обрѣсти [29].

Еще при жизни Пассера его „Nihil“ переведено было на французскій языкъ, вызвало подражанія и не разъ печаталось впослѣдствіи, въ сопровожденіи вереницы похвальныхъ словъ никому, кому-нибудь, чему-нибудь и т. п. [30]. Переводъ одной изъ такихъ брошюръ представляетъ „Похвальное слово чему-нибудь“ [31]. Но Болховитиновъ не ограничился ролью простаго переводчика. Подлаживаясь подъ тонъ Пассера и его подражателей, онъ пародируетъ напыщенныя посвященія русскихъ панегиристовъ и стихотворцевъ и, посвящая свой трудъ *Никому*, превозноситъ его такимъ образомъ: „Естли кому одному въ свѣтѣ приписываемы были когда всѣ почести міра сего, то истинно сіе—*никому;* естли кто могъ когда-нибудь быть славенъ по всей вселенной, то сіе—*никто;* естли кто могъ покорить всѣхъ смертныхъ и самую природу, то сіе одинъ только *никто;* естли кто наконецъ могъ пройти и разсмотрѣть всю землю подробно и видѣть концы ея оси, то сіе могъ только *никто*“. *Никому* принадлежатъ всѣ совершенства знаній. „*Никто* (подсмѣивается студентъ духовной академіи) есть совершеннѣйшій богословъ: ибо *никто* истинно понимаетъ волю Божію и проницаетъ въ Его дѣянія; *никто* есть совершеннѣйшій метафизикъ: ибо ясно разумѣетъ существо и свойство духовъ; *никто* есть совершеннѣй-

шій физикъ: ибо въ тонкости вѣдаетъ *симпатію*, *антипатію* и *магнетизмъ существъ*... Сверхъ сего *никто* еще совершенъ и въ нравственномъ. отношеніи; *никто* есть истинный и дѣйствительный юриспрудентъ: ибо справедливо всякому достойное воздаетъ... Въ заключеніе всего *никто* есть и могущественный повелитель: ибо чего не могутъ повелѣть всѣ, повелѣваетъ *никто:* всѣ монархи міра могутъ повелѣть только дѣлать, но *никто* можетъ повелѣть *хотѣть дѣлать*. У *никого* во власти состоитъ превращать нравы человѣческіе; ибо *никто* можетъ исправить мздоимство подъячаго, вертопрашество петиметра, жеманство кокетки, надменность глупаго и высокомысліе нѣкоторыхъ ученыхъ. *Никто* можетъ отучить придворнаго отъ ласкательства и пронырства, щеголя отъ долговъ, купца отъ божбы и всевозможнаго увѣренія, а особливо *модныхъ любовниковъ* отъ хитростей и обмана“ [32].

Еще опредѣленнѣе высказались литературныя симпатіи Болховитинова въ выборѣ для перевода брошюры, несомнѣнно вышедшей изъ лагеря послѣдователей и приверженцевъ Вольтера. Она носитъ названіе „Парнасская исторія“, заключающаяся въ двухъ книгахъ, изъ которыхъ *первая* содержитъ описаніе горы Парнасса, находящихся на немъ строеній, окрестныхъ потоковъ, источниковъ, болотъ, лѣсовъ и обрѣтающихся тамъ животныхъ; а *вторая* — жителей, правленія, чиновъ, судилищъ, жертвоприношеній, праздниковъ и торговъ парнасскихъ [33]. Подъ видомъ описанія Парнасса и изложенія его исторіи авторъ этой брошюры изображаетъ различныя направленія во французской литературѣ XVIII вѣка и дѣлаетъ краткій очеркъ развитія европейской словесности съ эпохи Возрожденія. Поборники академическихъ правилъ, риѳмачи, не признающіе ничего кромѣ своихъ піитикъ, представители отвлеченной схоластической эрудиціи выведены здѣсь въ видѣ парнасскихъ *животныхъ*. „При подошвѣ горы, въ лощинѣ и долинахъ есть многочисленныя животныя, подобныя осламъ, которыхъ называютъ грамматофорами. Но у насъ еще нѣтъ столь сильныхъословъ, какъ сіи животныя. Они служатъ парнасскимъ жителямъ возовыми скотами и употребляются для перевозки тяжестей. Естьли вѣрить преданію, то сіи животныя были прежде людьми чрезмѣрно трудо-

любивыми и которые за то, что старались и думали помѣститься на горѣ, въ сіи виды превращены. Впрочемъ они не одинакаго рода: одни изъ нихъ по природѣ кротки и ручны, изъ нихъ все можно сдѣлать, даже можно ихъ заставить идти по мѣстамъ не очень приступнымъ, и только бы имъ примѣтить какой-нибудь слѣдъ, хотя бы то былъ человѣческій, хотя бы скотскій, они идутъ прямо и не сбиваются съ сихъ тропинокъ. Другіе же, напротивъ, норовистѣе самыхъ лошадей: они рвутся, бьютъ, свергаютъ сѣдока на землю и болѣе упрямы нежели лошаки. Они кусаютъ всякаго, кого только встрѣтятъ, и не терпятъ ни ведущаго, ни запрягающаго, ниже обуздывающаго ихъ. Однакоже *нѣтъ ничего имъ пріятнѣе тяжкаго ига;* а подъ величайшимъ вьюкомъ они не только не развѣшиваютъ ушей, какъ обыкновенные ослы, но еще чѣмъ больше на нихъ тяжести, тѣмъ они прямѣе ихъ держатъ. Словомъ, *въ томъ они свое удовольствіе получаютъ, чтобы быть подъ бременемъ*“ [34]. Чтобъ эта характеристика не осталась слишкомъ общею, „Парнасская исторія“ прибавляетъ, что къ числу подобныхъ грамматофоровъ относятся аббатъ д'Оливе и „предшественникъ его Менажъ“, извѣстный своимъ заступничествомъ за удержаніе архаизмовъ въ литературномъ языкѣ. *Ронсаръ* и *Малербъ* не пользуются почетомъ въ „Парнасской исторіи“; во главѣ французскихъ писателей XVII в. поставленъ человѣкъ, котораго романтическій геній менѣе другихъ способенъ былъ подчиняться теоріи и правиламъ, узаконеннымъ академіей, — Корнель. Напротивъ, „*строгіе законы* и *тяжкое иго*, наложенное“ Малербомъ на французскую литературу, „были *источниками того отвращенія*, которое имѣли къ нему, и тѣхъ возмущеній, которыя появлялись со всѣхъ сторонъ“ [35]. Онъ былъ низложенъ Корнелемъ. Стихотворцы-ласкатели и ложные меценаты одинаково ненавистны автору „Парнасской исторіи“; они одинаково грѣшатъ противъ *всеобщихъ* законовъ поэзіи: „запрещено всякому парнасскому обитателю обѣщевать безсмертіе за подарокъ старой шапки, худой епанчи, изношеннаго кафтана, или нѣсколькихъ копѣекъ“ [36]. „Парнасская исторія“ не даетъ на Парнассѣ мѣста сочинителямъ анаграммъ, акростиховъ, загадокъ и логогрифовъ: всѣ эти „многотрудныя бездѣлицы и заботныя *пустоши*“ представляютъ „трудъ

безполезный и излишній". Болховитиновъ зналъ, что сатирическія выходки автора „Парнасской исторіи" имѣли полное примѣненіе къ современнымъ ему русскимъ стихотворцамъ; переводчикъ прибавилъ въ примѣчаніяхъ, что законъ объ изгнаніи съ Парнасса сочинителей „многотрудныхъ бездѣлицъ" прилагается къ Хераскову и его сотрудникамъ по изданію „Свободныхъ Часовъ" [37], журнала, наполненнаго подобными „пустошами". Теорію торжественной оды Болховитиновъ слышалъ въ академическихъ классахъ риторики и поэзіи; примѣненіе ея къ дѣлу всегда бывало при академическихъ торжествахъ. Въ пору ученья Болховитинова въ Славяно-греко-латинской академіи „сироты и самые бѣднѣйшіе ученики ея (до 50 человѣкъ) жили въ монастырѣ въ бурсѣ и *имѣли обыкновеніе* предъ праздниками Воскресенія и Рождества Христова ходить съ книгою *ко всѣмъ человѣколюбивымъ покровителямъ наукъ*, которыя деньги и употреблялись для ихъ пропитанія" [38]. Этотъ обычай вызывалъ и поддерживалъ у академистовъ поздравительные стихи и похвальныя оды ихъ меценатамъ. Въ послѣдніе годы своего академическаго курса Болховитиновъ печаталъ болѣе, чѣмъ могло бы позволить время преданнаго учебнымъ занятіямъ ученика академіи. Появленіе одного изъ своихъ переводовъ онъ прямо объясняетъ „позволеніемъ празднаго времени". Не проявлялось ли здѣсь отчасти и охлажденіе Болховитинова къ нѣкоторымъ изъ академическихъ курсовъ? Судя по выбору французскихъ брошюръ для перевода, симпатіи Болховитинова не всегда были тамъ, куда стремилось склонять ихъ академическое преподаваніе.

Авторъ „Парнасской исторіи" принадлежалъ къ горячимъ сторонникамъ „безсмертнаго" Вольтера: „кротость правленія его со дня на день привлекаетъ ему множайшихъ защитниковъ изъ стихотворческаго юношества, которому онъ весьма нравится" [39]. Онъ съ презрѣніемъ говоритъ о знаменитомъ противникѣ Вольтера, Фреронѣ, воспитанникѣ іезуитовъ, выступившемъ на защиту религіи открытымъ врагомъ французской философіи и особенно Вольтера: Фреронъ не въ силахъ идти по непроходимымъ горамъ Парнасса и вознестись на верхъ его: „въ ослабленіи и изнеможеніи задыхаясь, остается въ тинѣ" [40]. Брошюра,

переведенная Болховитиновымъ, дѣлаетъ даже очень ясный намекъ на комедію Вольтера „L'Ecossaise", гдѣ Фреронъ, подъ именемъ Фрелона, выведенъ былъ омерзительнымъ шпіономъ и политическимъ доносчикомъ. Самыя грязныя обвиненія и безцеремонныя ругательства сыпались въ этой піесѣ на Фрерона, который высидѣлъ на ея первомъ представленіи до конца и не замедлилъ напечатать въ своемъ журналѣ отчетъ объ этомъ спектаклѣ, подъ заглавіемъ „Rélation d'une grande bataille" [41]. Объ этомъ эпизодѣ изъ литературной распри между Вольтеромъ и Фрерономъ (1760 г.) такъ вспоминаетъ „Парнасская исторія": „Недавно появилась *рота гусаровъ* подъ предводительствомъ *капитана Фрелона*, который рѣшился идти на приступъ и испровергнуть зданіе (храма Памяти на Парнассѣ). Таковое несчастіе едва только отвращено было бдительною стражею, которую вездѣ около храма разставили истинные потомки Академовы и *вѣрныя чада Софіи и здраваго вкуса*" [42].

Послѣдніе годы пребыванія Болховитинова въ Москвѣ совпадали съ эпохою появленія первыхъ переводовъ Карамзина изъ Галлера, Лессинга, Шекспира. Болховитиновъ переживалъ ту же тревожную пору „бури и порывовъ", которой полными выразителями были у насъ Кутузовъ, Петровъ, Ленцъ, Карамзинъ. Умственный кругозоръ Болховитинова былъ уже, чѣмъ у Карамзина и друзей его молодости; образованіе перваго было одностороннѣе, бѣднѣе, чѣмъ то широкое, либеральное, исполненное терпимости и космополитизма направленіе, которое получилъ Карамзинъ среди „любослововъ" Дружескаго Ученаго Общества. Но Болховитинова одушевляло то же недовольство *правилами*, та же вражда къ старымъ литературнымъ преданіямъ, то же исканіе чего-то лучшаго, которыми такъ полонъ былъ Карамзинъ, и которыя заставили его сказать: „Времена Расина и Буало прошли и не возвратятся; вѣкъ Вольтеровъ, Руссо, энциклопедистовъ, „Духа Законовъ" не уступаетъ ихъ вѣку". „Дикій и чувствительный" Петровъ, во многомъ „напоминавшій Руссо" [43], обращалъ Карамзина къ простотѣ и неиспорченности будничной, свободной отъ стѣснительныхъ условій жизни и доказывалъ ему превосходство деревни предъ городомъ. „Сія матерія (писалъ онъ Карамзину) *давно уже часто и пространно* была нами трак-

тована. Позволь только спросить у тебя: какъ можетъ *находить вкусъ въ бельлетрахъ, въ искусственномъ подражаніи прекрасной натурѣ* тотъ, кто въ самомъ оригиналѣ не находитъ пріятностей, когда оный представляется ему въ лучшемъ своемъ видѣ?“ [44] Этому сантиментальному стремленію къ природѣ искали литературнаго выраженія и находили его въ англійской литературѣ. Она наиболѣе удовлетворяла сантиментальному настроенію, желанію простоты и свободы, чувству недовольства холодными условіями свѣтскихъ и литературныхъ приличій, стремленіямъ къ иному, идеальному міру, которыми проникнуты были лучшіе представители московской литературной молодежи въ восьми десятыхъ годахъ прошлаго вѣка. Въ стихотвореніи „Поэзія“, написанномъ въ 1787 году, говоря „о поэтахъ, которые наиболѣе трогали и занимали его душу“ [45], Карамзинъ провозгласилъ, что

Британія есть мать поэтовъ величайшихъ.

Эти слова были выраженіемъ убѣжденія, господствовавшаго въ кружкѣ молодыхъ писателей того времени. Пѣсни Оссіана, Грея, Томсона, Юнга дѣлались предметомъ горячаго изученія, подражаній, переводовъ. Въ „Московскомъ Журналѣ“ 1792 г. [46] Карамзинъ напечаталъ это юношеское свое стихотвореніе, въ которомъ съ такою ясностію отпечатлѣлись его первыя литературныя симпатіи, закрѣпленныя впослѣдствіи ближайшимъ и многостороннимъ знакомствомъ съ западно-европейскою литературой: Карамзинъ понималъ, что въ этомъ стихотвореніи выразились взгляды и сочувствія не его одного, а цѣлаго литературнаго поколѣнія, ему современнаго. Въ ряду „величайшихъ поэтовъ Британіи“ Карамзинъ называетъ Оссіана, пѣсни котораго

Нѣжнѣйшую тоску вливая въ томный духъ,
Настраиваютъ насъ къ печальнымъ представленьямъ,
Но скорбь сія мила и сладостна душѣ.

Рядомъ съ нимъ онъ ставитъ Мильтона, котораго „гремящія страшныя пѣсни“ то веселятъ душу, то „извлекаютъ ручьями слезы изъ очей“; друга и утѣшителя несчастныхъ Юнга, который „съ смертію дружа, дружитъ насъ и съ жизнію“.

Но особенно прославляетъ Карамзинъ Томсона:

Природу возлюбивъ, природу разсмотрѣвъ,
И вникнувъ въ кругъ временъ, въ тончайшія ихъ тѣни,
Намъ Томсонъ возгласилъ природы красоту,
Пріятности временъ.

Тѣ же стремленія охватывали Болховитинова въ Славяно-греко-латинской академіи. Въ числѣ самыхъ близкихъ къ нему академическихъ товарищей былъ Протопоповъ, который, будучи даже священникомъ, не могъ бросить чтенія Жанъ-Жака Руссо и переводилъ его: онъ любилъ его „не какъ антагониста религіи, а какъ умѣющаго *трогать* душу и разговаривать съ сердцемъ, чувствительнаго писателя“ [47]. Другимъ пріязненнымъ Болховитинову товарищемъ былъ Розановъ, чувствовавшій особенную склонность къ сантиментальнымъ повѣстямъ и романамъ. Онъ „выбралъ изъ разныхъ французскихъ авторовъ“ и напечаталъ „Пріятныя и любопытныя повѣсти“ крайне сантиментальнаго направленія; ему же принадлежитъ переводъ слезливаго романа „Лолотта и Фанфанъ, или приключенія двухъ младенцевъ, оставшихся на необитаемомъ островѣ“. Сантиментальныя повѣсти и чувствительные разсказы любилъ Болховитиновъ; „трагическія исторіи были ему по вкусу“ [48]; „Исповѣдь“ Жанъ-Жака Руссо называлъ *книгою о величествѣ Божіемъ* [49]: даже въ лѣта зрѣлаго мужества онъ переводилъ то, что̀ казалось ему „трогательнымъ“ [50]. Спокойная, уединенная жизнь, вдали отъ шума и роскоши свѣта, всегда нравилась Болховитинову. Въ 1804 году онъ писалъ одному изъ своихъ друзей: „Я живу поперемѣнно то въ Новѣгородѣ, то въ Хутынѣ, но охотнѣе въ послѣднемъ, гдѣ роскошная природа живитъ меня свѣжими своими красотами.

Мой садъ не аглинской, но фруктовъ въ ономъ болѣ;
Они сочнѣй Петропольскихъ, растущихъ по неволѣ;
Театръ мой—цѣлый садъ; музыка—птичьи хоры;
Мой пышный дворъ—друзей любезныхъ разговоры;
Мой эрмитажъ—въ саду, въ сгустившихся кустахъ;
Моя кунсткамера—въ снопахъ и закромахъ,
Вся академія—природа предо мной:
Въ ней лучше учится и сердце, и умъ мой.

„Вотъ вамъ въ худыхъ стихахъ картина удовольствій, которыя желалъ бы удѣлить вамъ“ [51].

Впечатлительная, горячая натура Болховитинова, не умѣвшаго сдерживать порывы своего чувства [52], искала себѣ пищи и удовлетворенія въ той же англійской литературѣ. Но Болховитиновъ не могъ сдѣлать англійскихъ поэтовъ предметомъ такого живаго и непосредственнаго изученія, къ какому способенъ былъ Карамзинъ: Болховитиновъ не зналъ англійскаго языка. При томъ живомъ интересѣ, который пробуждали въ образованныхъ людяхъ, въ читающей молодежи Екатерининской эпохи, соціальныя и философскія произведенія французскихъ и англійскихъ мыслителей, семинаристъ, выведенный Радищевымъ въ знаменитомъ „Путешествіи изъ Петербурга въ Москву“, кажется списаннымъ съ натуры. Юноша съ волосами, примазанными квасомъ, бредущій пѣшкомъ въ Петербургъ, чтобы „сыскать случай для пріобрѣтенія науки“, такъ жалуется въ книгѣ Радищева на долю семинаристовъ: „Сколь великій недостатокъ еще у насъ въ пособіяхъ просвѣщенія! Одно свѣдѣніе латинскаго языка не можетъ удовлетворить разума, алчущаго науки. Виргилія, Горація, Тита Ливія, даже Тацита почти знаю наизусть; но когда сравню знанія семинаристовъ съ тѣмъ, что̀ я имѣлъ случай по счастію моему узнать, то почитаю училище наше принадлежащимъ къ прошедшимъ столѣтіямъ... Насъ учатъ философіи, проходимъ мы логику, метафизику, иѳику, богословіе, но, по словамъ Кутейкина въ „Недорослѣ“, дойдемъ до конца философскаго ученія и возвратимся вспять. Чему дивиться? Аристотель и схоластика донынѣ царствуютъ въ семинаріяхъ. Я, по счастію моему, знакомъ сталъ въ домѣ одного изъ губернскихъ членовъ въ Новгородѣ, имѣлъ случай пріобрѣсти въ ономъ малое знаніе во французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ и пользоваться книгами хозяина того дома. Какая разница въ просвѣщеніи временъ, когда *одинъ* латинскій языкъ былъ въ училищахъ употребителенъ, съ нынѣшнимъ временемъ! Какое пособіе къ ученію, когда науки не суть таинства, для свѣдущихъ латинскій языкъ токмо отверстыя, но преподаются на языкѣ народномъ!“ Семинаристъ, ратующій противъ семинарской схоластики и исключительнаго господства латинскаго

языка въ преподаваніи, является приверженцемъ ученій Монтескьё и Блекстона: „не худо бы было (заключаетъ онъ свою рѣчь) заставлять судей нашихъ имѣть сію книгу [53] вмѣсто святцевъ, заставлять ихъ чаще въ нее заглядывать, нежели въ календарь“ [54].

Въ Славяно-греко-латинской академіи Болховитиновъ встрѣтилъ тѣ же явленія, на которыя сѣтовалъ семинаристъ Радищева. Съ англійскими писателями Болховитиновъ знакомился чрезъ французскіе переводы. Акензайдъ, современникъ Томсона, Юнга, Грея и Макферсона, издателя такъ называемыхъ пѣсенъ Оссіана, остановилъ на себѣ вниманіе Болховитинова: онъ перевелъ съ *французскаго* поэму его „Удовольствія отъ способности воображенія“ [55]. Для Болховитинова подлинникомъ служилъ переводъ Акензайдова произведенія, сдѣланный проповѣдникомъ крайняго матеріализма, сотрудникомъ Дидро по энциклопедіи, ревностнымъ покровителемъ матеріалистовъ и авторомъ „Système de la nature“—барономъ Гольбахомъ: отсюда заимствовалъ Болховитиновъ и всѣ свои примѣчанія къ этой поэмѣ и „чертежи“, или краткія изложенія, предпосланныя каждой части поэмы [56]. Болховитинову нравилось и содержаніе поэмы, и тѣ свойства литературнаго дарованія Акензайда, которыя выступаютъ въ этомъ произведеніи. „Предметъ здѣсь описываемый (говоритъ Болховитиновъ) поистинѣ достоинъ вниманія, и объясненіе онаго долженствуетъ быть *съ жаромъ* и, какъ говорятъ, *энтузіазмомъ;* но съ сей-то стороны ничего и не найдется въ укореніе сочинителю“. Предметъ поэмы представлялъ дѣйствительно особенный интересъ для молодыхъ писателей, бывшихъ современниками начальныхъ трудовъ Карамзина. Съ восторженною рѣчью обращался послѣдній къ *фантазіи*, „усладительницѣ своей жизни“, „утѣшительницѣ людей“, и думалъ въ уединенной кущѣ, посвященной этой богинѣ, *„удалясь отъ всего міра*, сидѣть въ молчаніи и *съ крѣпкимъ терпѣніемъ сердца* внимать шуму ея приближающагося полета“ [57]. Пріятель Карамзина Подшиваловъ помѣстилъ въ своемъ журналѣ переводъ обширной статьи Аддисонова „Зрителя“: „О удовольствіяхъ воображенія“ [58].

Докторъ Акензайдъ былъ восторженнымъ поклонникомъ древнихъ классиковъ. Его благородная личность одушевлена была

мечтами о первобытной общественной свободѣ. Акензайдъ былъ непримиримымъ врагомъ невѣжества и угнетенія, въ какихъ бы сферахъ оно ни проявлялось. Бросая въ своей поэмѣ взглядъ на развитіе изящныхъ искусствъ съ эпохи Возрожденія, Акензайдъ говоритъ: „Искусства были долгое время порабощены тиранству и безпорядкамъ дворовъ. Несмотря на ихъ противожеланіе, они принуждены были однакожь чрезъ три вѣка посвящать имъ свои труды". Возвращаясь къ своему вѣку, Акензайдъ восклицаетъ: „Что́ я зрю? — Се свѣтоносная эпоха предвѣщается... Храмъ свободы навсегда возвышается при благополучныхъ брегахъ Альбіона; онъ подаетъ общее убѣжище всѣмъ дарованіямъ, устремляющимся къ блаженству общества. Тамъ-то свита мудрости, тамъ-то добродѣтели, увидѣвшись съ своими друзьями, отъ которыхъ онѣ долгое время пребывали отлученными, облобызаются и совокупятся, какъ и прежде, съ любезною толпою искусствъ, Музъ и Грацій. Порокъ, роскошествующій ихъ драгоцѣнными дарами, не будетъ уже ихъ посвящать презрительнымъ предметамъ; негодовательные взоры гражданина и мудреца не будутъ уже принуждены отвращаться съ омерзеніемъ отъ ихъ прелестей; сила законовъ и наука философіи не будутъ уже добычею помраченію, надменности и рабству" [59]. Другими словами: „добро, истина и красота связаны нераздѣльно. Красота сошла съ небесъ для того, чтобы быть посреди призраковъ сего міра залогомъ доброты и истины; ибо *доброта* и *истина* не что иное, какъ одна и та же вещь; красота въ нихъ пребываетъ, и онѣ обитаютъ въ красотѣ". „Отдѣленіе сочиненій философскихъ (по Акензайду) есть злоупотребленіе, которымъ заражены новѣйшіе ученые". „Душа, душа одна заключаетъ въ самой себѣ живые источники *высокости* и *красоты;* тамъ-то красота имѣетъ свой престолъ". Для Акензайда искусство было такимъ же подражаніемъ природѣ, какъ для Баттё, котораго Карамзинъ и Петровъ называли „наставникомъ поэтовъ". Но природа доставляетъ удовольствіе только *чувствительнымъ душамъ*. Она совершенствуетъ нравственныя свойства человѣка. „Блаженъ тотъ, котораго ни разслабительный гласъ роскоши, ни гнусныя приманки богатствъ, ни суетныя желанія чести не отвратили отъ всегда новыхъ удовольствій, которыя

воображеніе почерпаетъ въ природѣ для услажденія душевныхъ способностей. Не можно всѣмъ людямъ достигнуть завиднаго величества; но природа, справедливая для всѣхъ своихъ чадъ, умѣетъ раскрывать гораздо бо́льшія сокровища... Для него весна сыплетъ утѣшительную чувствамъ росу и развертываетъ листки изъ зеленыхъ пучковъ; для него рука осени даетъ плодамъ видъ, столь же прекрасный какъ злато, и покрываетъ каждую плодоносную вѣтвь пурпуромъ живѣйшихъ утреннихъ небесъ. Всякій часъ, проходя, платитъ ему дань; всегда новыя красоты рождаются подъ его стопами и представляются глазамъ *въ уединенной прогулкѣ;* онъ чувствуетъ себя влекомымъ непонятными прелестями... И не только онъ чувствуетъ всегда новыя удовольствія, но еще его душа, внимательная ко впечатлѣніямъ, дѣлаемымъ въ ея орудіяхъ всеобщею гармоніей, становится сама гармоническою. Привыкши помышлять о красотахъ священнаго порядка въ существахъ, ее окружающихъ, она ищетъ уже и въ самой себѣ порядка, соотвѣтствующаго оному... Чрезъ сіе упражненіе способности ея очищаются; каждая страсть становится пріятнѣйшею, умѣренною и гораздо кротчайшею". Въ природѣ все „извѣщаетъ, къ чему Творецъ предопредѣлилъ способности человѣка. Мы чувствуемъ въ самихъ себѣ Его всевышнюю силу; Онъ вѣщаетъ нашему сердцу, что мы сотворены отъ Него для того, чтобы мы созерцали и любили такъ, какъ Онъ созерцаетъ и любитъ, всеобщій кругъ жизни и существованія,—чтобы мы были по примѣру Его величественны, всегда дѣйствующи и благодѣтельны. Такимъ образомъ, смертные, которыхъ дѣла природы имѣютъ право плѣнять, созерцаютъ Творца въ образѣ тварей каждый день; они болѣе и болѣе познаютъ Его намѣренія, поступаютъ по Его предписаніямъ и стараются учинить себя участниками Его блаженства" [60]. Таковы основныя мысли поэмы Акензайда. Въ его идеалахъ такъ много родственнаго съ поэзіей Томсона, что Болховитиновъ могъ бы примѣнить къ нему слова, сказанныя Карамзинымъ объ авторѣ „Четырехъ временъ года":

Ты выучилъ меня природой наслаждаться
И въ мрачности лѣсовъ хвалить Творца ея [61].

II.

Въ концѣ 1788 г. Болховитиновъ возвратился въ Воронежъ. Покровителя его, епископа Тихона, не было въ этомъ городѣ: еще въ іюнѣ этого года онъ былъ перемѣщенъ въ Тверскую епархію [62]. Воронежскимъ епископомъ Болховитиновъ засталъ Иннокентія, члена Россійской Академіи, который, по свидѣтельству Академіи, „отъ избранія его въ члены оной до отбытія изъ С.-Петербурга рачительно соучаствовалъ въ собраніяхъ Академіи и сообщилъ ей полезныя примѣчанія“ [63] при составленіи академическаго словаря. Новый епископъ, заботливо слѣдившій за благосостояніемъ семинаріи, вскорѣ имѣлъ возможность оцѣнить умъ и многостороннюю образованность Болховитинова. Послѣдній, тотчасъ по пріѣздѣ въ Воронежъ, 9-го января 1789 года назначенъ былъ учителемъ риторики и французскаго языка. Молодой наставникъ горячо принялъ къ сердцу успѣхи воронежскихъ семинаристовъ. Для преподаванія нѣкоторыхъ предметовъ въ этомъ учебномъ заведеніи не было учителей; въ семинарскомъ курсѣ замѣтно было много пробѣловъ. Болховитиновъ принялъ на себя трудъ устранить по возможности неполноту семинарскаго преподаванія и расширить его предѣлы. Онъ первый ввелъ въ Воронежской семинаріи и принялъ на себя преподаваніе греческихъ и римскихъ древностей (въ видѣ особаго, самостоятельнаго предмета), священной герменевтики, церковной исторіи и ново-греческаго языка [64].

Въ теченіе пяти лѣтъ въ семинаріи не было ректора. Исправляя эту должность, Болховитиновъ читалъ семинаристамъ догматическое и нравственное богословіе; за неимѣніемъ учителя философіи преподавалъ и эту науку.

Человѣкъ съ литературнымъ образованіемъ, съ живымъ сочувствіемъ къ новому литературному движенію, начавшемуся въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка, Болховитиновъ не приносилъ схоластики въ аудиторіи Воронежской семинаріи. Въ основу своего курса риторики Болховитиновъ положилъ книгу аббата Трюбле: „Réflexions sur l'éloquence en général et sur celle de la chaire en particulier“ (Seconde édition, augmentée de plusieurs analyses d'ouvrages d'éloquence. Paris, 1764) [65]. Каковы бы

ни были насмѣшки Вольтера надъ этою „le premier livre du second ordre“ [66], „Размышленія“ Трюбле выдѣлялись рѣзкими достоинствами изъ ряда латинскихъ риторикъ, бывшихъ тогда въ употребленіи въ духовныхъ семинаріяхъ. Въ основѣ книги Трюбле лежитъ мысль, что природа выше искусства; онъ преслѣдуетъ вычурность и схоластику. „Есть еще особое краснорѣчіе школьное, краснорѣчіе риторическое, пышное, надутое и пр., которое столько же невкусно для отличныхъ свѣтскихъ людей, какъ и для народа... Школьнаго краснорѣчія существенный признакъ есть декламація, состоящая въ чрезвычайномъ увеличиваніи или уменьшеніи своей матеріи *одними только словами*, безъ основательныхъ доводовъ. Слишкомъ блистательный и цвѣтущій слогъ неумѣстенъ въ проповѣдяхъ“ [67]. „Онѣ должны быть понятны для всѣхъ, и потому въ нихъ не надобно отвращаться низкихъ и простонародныхъ мыслей и словъ. Мы находимъ въ превосходныхъ писателяхъ и въ превосходнѣйшихъ ихъ сочиненіяхъ тому примѣры. Кажется, что они тѣмъ хотѣли показать, что они не имѣютъ той *чрезвычайной уже разборчивости, которая похожа на брюзгливость* и происходитъ иногда отъ хвастовства, а иногда отъ несмѣлости“ [68]. Болховитиновъ не требуетъ, чтобы проповѣдникъ былъ ученымъ богословомъ; но онъ долженъ знать свою особую и обширную науку: это—„наука религіи, наука *смысла и духа религіи*, наука того, въ чемъ состоитъ подлинная и основательная добродѣтель“ [69]. Проповѣдника, передающаго слушателямъ духъ религіи, Трюбле ставитъ выше богослова. „Догматы религіи довольно уже доказаны. Богословъ контраверсистъ, или спорной, полезенъ только тогда, когда нужно оспаривать какую-нибудь ересь; а ереси не всегда бываютъ... Проповѣди только проповѣдуютъ *правоту и человѣколюбіе;* а въ спорныхъ богословскихъ книгахъ часто добродѣтели сіи нарушаются“ [70]. Проповѣдь должна дѣйствовать на сердце; образцы для проповѣди — апостолы, которые уловляли сердца людей простотой своего сокрушавшаго сердце слова. „*Такъ ты хочешь*, скажутъ мнѣ, можетъ быть, *ты хочешь сдѣлать всѣхъ проповѣдниковъ такими же простыми въ проповѣдяхъ, каковы миссіонеры?* Да, я этого желалъ бы, не желая однакожь чтобъ они во всемъ были имъ подобны. Простота миссіонеровъ не только не недостатокъ, а напротивъ

того превосходное качество; потому что безъ нея они не имѣли бы самаго важнѣйшаго и полезнѣйшаго качества, т. е. *благочестивой и умилительной трогательности*“ [71]. Учитель воронежскихъ семинаристовъ горячо нападаетъ на тѣхъ проповѣдниковъ, которые любили ослѣплять слушателей блескомъ своего „замысловатаго и цвѣтистаго“ слова. Вдохновленный негодованіемъ на этихъ эгоистическихъ поклонниковъ своего риторскаго таланта, онъ обращается къ нимъ со стихами Ламотта:

Когда соблазнъ тотъ истребится
Лжепровозвѣстниковъ Христа?
Когда блестящъ умъ постыдится
И заградятся ихъ уста?
Они не благу научаютъ
И не пороки обличаютъ,
Но лишь тщеславятся умомъ;
Для нихъ едина честь и слава
Пустая слышащихъ забава,
И гдѣ жь?... во храмѣ, предъ Христомъ!
О святъ законъ, законъ почтенный!
Ты данъ къ ученію людей;
Но риторъ, остротой надменный,
Творитъ тя играми рѣчей!... [72]

Трюбле остался навсегда авторитетомъ Болховитинова въ теоріи краснорѣчія и въ области литературной критики [73]. Ко взглядамъ Трюбле Болховитиновъ чувствовалъ влеченіе вслѣдствіе своего отвращенія отъ риторики и схоластицизма; его сочувствіе французскому аббату условливалось его литературнымъ образованіемъ и подкрѣплялось авторитетомъ протектора Славяно-греко-латинской академіи, московскаго митрополита Платона, который въ предисловіи къ собранію своихъ проповѣдей признался, что „о витійственномъ и испещренномъ слогѣ онъ никогда много не заботился“. При этомъ Платонъ высказалъ совершенно тотъ же взглядъ на свойства проповѣди, который развивалъ и Болховитиновъ предъ учениками Воронежской семинаріи: „Словами играющій и надменный слогъ можетъ быть для свѣтскихъ сочиненій когда-либо пристоенъ и нуженъ; но на священномъ мѣстѣ, гдѣ устами проповѣдника бесѣдуетъ вѣчная истина, почиталъ я, что оный есть излишенъ... Церковный проповѣдникъ долженъ бесѣдовать къ людямъ различнаго

состоянія и понятія, а потому необходимость требуетъ, дабы духовная бесѣда была всякому удобопонятна, удаляя отъ себя, сколько возможно, то подозрѣніе, что *будто проповѣдникъ болѣе ищетъ хвалы слушателей за свое краснорѣчивое слово, нежели ревнуетъ о насажденіи добродѣтели и страха Божія въ сердцахъ слушателей*“ [74].

Болховитиновъ, слѣдуя своему французскому образцу, вноситъ въ руководство, назначенное для семинаристовъ, замѣчаніе, что свѣтская литература проводитъ въ общественное сознаніе болѣе нравственныхъ началъ и болѣе служитъ дѣлу христіанскаго просвѣщенія, нежели церковная проповѣдь. „Очень стыдно для нѣкоторыхъ проповѣдниковъ, что свѣтскіе писатели въ *чувствительныхъ и трогательныхъ своихъ сочиненіяхъ* тщательнѣе ихъ достигаютъ сего дѣла и лучше ихъ умѣютъ достигать оной, какъ, напримѣръ, Расинъ“ [75]. Въ Воронежѣ Болховитиновъ съ прежнимъ интересомъ изучалъ французскихъ писателей. Онъ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за убогимъ воронежскимъ театромъ. „Въ Воронежѣ (писалъ онъ въ 1792 г.), новизна та, что театръ съ воскресенья до воскресенья все лучше становится, и Болховитиновъ не упускаетъ ни одного спектакля“ [76]. Онъ увлекался трагедіями Расина и Вольтера. Даже въ 1809 году, уже бывши архіереемъ въ Вологдѣ, онъ писалъ въ Москву одному изъ своихъ друзей: „Не найдете ли вы стереотипическаго изданія Расина и Вольтеровыхъ трагедій? Если сыщутся, то пришлите“ [77].

Отвергнувъ прежнюю рутину въ преподаваніи теоріи краснорѣчія, Болховитиновъ въ области философіи относился сочувственно къ послѣдователямъ деизма. Въ „Размышленіяхъ о краснорѣчіи“ онъ привелъ выдержку изъ „Различныхъ мнѣній“ Попе [78]. Въ Воронежѣ Болховитиновъ перевелъ прозою его „Опытъ о человѣкѣ“ [79]. Не въ первый разъ эта философская поэма англійскаго стихотворца являлась въ русскомъ переводѣ. Еще въ 1754 году конректоръ Академіи наукъ, впослѣдствіи профессоръ Московскаго университета, Поповскій перевелъ ее стихами съ того же самаго французскаго перевода, которымъ отчасти руководствовался и Болховитиновъ [80]. Не ранѣе 1757 года могъ быть напечатанъ переводъ Поповскаго; встрѣтились важ-

ныя къ тому затрудненія со стороны духовной цензуры. Самъ Поповскій находилъ нужнымъ сдѣлать въ предисловіи къ своему переводу слѣдующую оговорку: „А какъ матерія сія нѣжная, то можетъ найтись кому-нибудь нѣчто и сомнительное въ разсужденіи нашей религіи; въ чемъ однако справедливый читатель меня извинитъ для двухъ причинъ: первая, что я не богословъ, и потому простительно мнѣ будетъ, если гдѣ не могъ усмотрѣть несходства съ нашею религіею; вторая — что я не критикомъ былъ, но переводчикомъ; слѣдовательно, хотя бы и усмотрѣлъ нѣчто противное, однако поправлять не имѣлъ никакого права“ [81]. Духовная цензура строго отнеслась къ переводу Поповскаго; она нашла, что „издатель оныя книги ни изъ священнаго писанія, ни изъ содержимыхъ въ православной нашей церкви узаконеній ничего не заимствуя, единственно всѣ свои мнѣнія на естественныхъ и натуральныхъ понятіяхъ полагаетъ, присовокупляя къ тому и Коперникову систему, такожь и мнѣнія о множествѣ міровъ, священному писанію совсѣмъ не согласныя“ [82]. Кураторъ Московскаго университета Шуваловъ, находившій книгу Попе „весьма небезполезною учащемуся юношеству“, передалъ ее для новаго разсмотрѣнія архіепископу Амвросію Зертисъ-Каменскому. Переводъ Поповскаго съ поправками противныхъ священному писанію мѣстъ, сдѣланными Амвросіемъ, былъ наконецъ изданъ, и притомъ на первый разъ такъ, что исправленныя цензурою мѣста напечатаны были болѣе крупнымъ шрифтомъ, чѣмъ текстъ, принадлежавшій Поповскому, „какъ будто бы (острилъ по этому случаю Тепловъ) читатель самъ не могъ различить стиховъ поповскихъ отъ стиховъ Поповскаго“ [83]. Большею частію цензурою исправлены были отдѣльныя слова и термины. Стихи о множествѣ міровъ замѣнены были другими. Совершенной передѣлкѣ подверглись, напримѣръ, слѣдующіе стихи Поповскаго, въ которыхъ упоминалось множество міровъ [84]:

Міръ каждый въ степеняхъ порядокъ наблюдаетъ.
И чинъ въ теченіяхъ всечастно наглядаетъ;
Но чинъ сей надлежитъ не только для него,
Какъ и до зданія вселенныя всего;
Въ единомъ изъ міровъ малѣйшій непорядокъ

Не одного его приводитъ лишь въ упадокъ.
Но всѣхъ другихъ міровъ и весь вселенной кругъ
Къ паденью страшному влечетъ съ собою вдругъ.
Оставитъ тутъ земля свой путь въ минуту кратку,
Хотя то тамъ, то тутъ, безъ чина и порядку,
И солнце, и луна и весь строй свѣтлыхъ звѣздъ
Подвигнутся съ своихъ въ нестройномъ бѣгѣ мѣстъ,
И ангели съ круговъ, которыми владѣютъ,
Въ семъ замѣшательствѣ стремглавъ сниспасть имѣютъ;
Тогда бы тварь на тварь и міръ на міръ упалъ,
Вся твердь бы потряслась, весь свѣтъ бы возстенялъ [85].

Оптимизмъ Попе и его апологія страстей были стушеваны цензорами перевода Поповскаго. Измѣнены были стихи, въ которыхъ говорилось, что разумъ—

Не долженъ истреблять онъ въ насъ страстей конечно,
Но токмо управлять волненіе сердечно,
Плѣнившую насъ страсть не долженъ выгонять
И съ нею такъ, какъ другъ, не недругъ поступать [86].

Наконецъ, возгласы Попе о тщетѣ религіозныхъ споровъ,—возгласы, въ которыхъ просвѣчивалъ религіозный индифферентизмъ автора,—были затемнены и получили въ цензорской передѣлкѣ другой оттѣнокъ. Въ переводѣ Поповскаго стояло:

Пусть спорятъ глупые ревнители чрезъ мѣру,
Которую почесть всѣхъ долженъ лучше вѣру:—
Котора главному изъ всѣхъ концу вредитъ,
Та вѣра на себѣ имѣетъ ложный видъ [87].

Въ печати явилось:

Пусть, кто хочетъ, споритъ отъ ревности чрезъ мѣру— и т. д.

Болховитиновъ занимался теодицеею Попе при иныхъ условіяхъ, чѣмъ Поповскій. Надъ его переводомъ не тяготѣла такая строгая и взыскательная цензура, съ какою долженъ былъ имѣть дѣло профессоръ временъ Елизаветы Петровны. Болховитиновъ, правда, чувствовалъ также потребность оговорить нѣкоторыя мѣста эпистолъ Попе и назвать мысли о множествѣ міровъ и взаимодѣйствіи ихъ „намеками на разныя платоническія мнѣнія“ [88]; но уже самыя средства, къ которымъ прибѣгаетъ Бол-

ховитиновъ, чтобъ освободить любимаго имъ писателя отъ нареканій, далеко не походятъ на тѣ оправданія, которыя выставилъ своему переводу Поповскій. Болховитиновъ отклоняетъ отъ Попе упреки въ атеизмѣ, старается оправдать его оптимизмъ отъ обвиненій въ несогласіи съ ученіемъ вѣры и ссылается при этомъ на авторитетъ Вольтера, который въ предисловіи къ поэмѣ „На разрушеніе Лиссабона“ сказалъ объ „Опытѣ“ Попе: „Благоразумнѣе было бы смотрѣть только на полезныя красоты въ сочиненіи, а не *искать въ немъ ненавистнаго смысла.* Но въ числѣ несовершенствъ нашей природы есть то, что мы недоброжелательно перетолковываемъ все то, что́ славно. Изъ превратно понимаемой аксіомы, что *все хорошо*, начали выводить ненавистныя послѣдствія: слѣдовательно-де *человѣческій родъ не имѣлъ паденія, слѣдовательно не нуженъ-де возстановитель и искупитель, слѣдовательно-де будущее состояніе человѣка не лучше будетъ настоящаго* и т. д.“ [89]. Съ своей стороны, Болховитиновъ не видитъ въ эпистолахъ Попе деизма, признавая только, что онъ „украшалъ свой „Опытъ“ иногда мнѣніями платоническими, стихотворческими и другими мечтательными гипотезами, находящимися у самихъ философовъ“. Но въ этомъ Болховитиновъ признаетъ не болѣе какъ поэтическую вольность, вполнѣ извинительную. „Если Мильтона (говоритъ онъ) не называютъ безбожникомъ за то, что онъ, описывая паденіе ангеловъ, много для украшенія выдумывалъ совсѣмъ неосновательнаго и много несогласнаго даже съ разсудкомъ; если Камоэнса не называютъ еретикомъ за то, что онъ въ „Луизіадѣ“ своей вводитъ Венеру содѣйствующею распространенію христіанской вѣры и пр.; то и Попе, конечно, столько жь извинителенъ, какъ и они; потому что, въ качествѣ стихотворца, онъ, по крайней мѣрѣ, имѣлъ одинаковое съ ними право вольности въ выборѣ украшеній своей поэмы“ [90]. Болховитиновъ отдаетъ Попе первое мѣсто между англійскими поэтами: „со времени его смерти до нынѣ не появлялось еще въ Англіи ни одного превосходнаго стихотворца“ [91]. Эпистолы Попе онъ называетъ лучшимъ родомъ его сочиненій; „Опытъ о человѣкѣ“ полагаетъ „въ числѣ классическихъ книгъ *чувствительной философіи*“ [92]: въ немъ „*основательность*“ соединяется съ „трогательностію“ [93]. Переводу

„Опыта о человѣкѣ“ Болховитиновъ предпослалъ обширное введеніе, въ которомъ изложилъ историческое развитіе вопроса о происхожденіи зла въ мірѣ,—вопроса, которому Попе посвятилъ свою поэму. Отвращаясь отъ философскихъ положеній Беля, Болховитиновъ справедливо сопоставляетъ Попе съ Шефтсбюри, видя въ томъ и другомъ вѣрность одному философскому воззрѣнію.

Относясь сочувственно къ оптимизму Попе, Болховитиновъ не оставался равнодушнымъ къ тому полному отрицанію истинъ откровенной вѣры, которое съ такимъ цинизмомъ проводилъ Вольтеръ. Далеко разносились по Россіи въ прошломъ вѣкѣ и вызывали особенный интересъ читателей именно эти, направленныя противъ христіанства произведенія Вольтера. Не имѣя возможности проникнуть въ печать, они тѣмъ съ бо́льшимъ успѣхомъ распространялись между читателями въ рукописяхъ и, не вызывая печатныхъ опроверженій, оставляли въ недоумѣніи или увлекали малоподготовленныхъ читателей. „Въ скромной нашей литературѣ (писалъ Болховитиновъ въ 1793 г.) мы не видимъ еще самыхъ возмутительнѣйшихъ и нечестивѣйшихъ Вольтеровыхъ книгъ; но, можетъ быть, отъ сего предохранены только книжныя наши лавки, между тѣмъ какъ сокровенными путями повсюду разливается вся его зараза. Ибо *письменной Вольтеръ становится у насъ извѣстенъ столько же, какъ и печатный*“ [94]. Тогдашній воронежскій епископъ Иннокентій „чуждъ былъ обыкновенному въ мірѣ хладнокровію въ вѣрѣ“. Въ уединенныхъ бесѣдахъ съ приближенными къ нему лицами, въ числѣ которыхъ былъ и Болховитиновъ, Иннокентій „часто открывалъ душевное соболѣзнованіе о невѣрующихъ и вольнодумныхъ овцахъ своей паствы; часто въ благочестивомъ его негодованіи взоры его одушевлялись священнымъ огнемъ, и растроганное сожалѣніемъ о заблуждающихъ сердце его изливалось въ воздыханіи“ [95]. Болховитиновъ далъ студентамъ богословія Воронежской семинаріи перевести обширную книгу аббата Нонота о „Вольтеровыхъ заблужденіяхъ“. По окончаніи этого труда Болховитиновъ пересмотрѣлъ работу своихъ учениковъ, исправилъ ее и напечаталъ подъ своею редакціей [96]. Изданіе этой книги встрѣтило затрудненія, которыхъ Болховитиновъ не ожидалъ.

Изъ предисловія Нонота ко второй части „Вольтеровыхъ заблужденій“ цензура исключила перечень религіозныхъ вѣрованій Вольтера, которыя долженъ былъ опровергать Нонотъ; изъ обличительной книги вычеркивалось именно то, противъ чего предлагались возраженія. По этому поводу Болховитиновъ писалъ Селивановскому: „Вѣсть о второй части моей книги взбѣсила меня, и я клялся ничего въ Москвѣ не печатать. Помарка его въ предисловіи больше всего (простите моему самолюбію) доказываетъ его трусость и (съ позволенія сказать) глупость“ [97]. Болховитиновъ чувствовалъ что планъ, связанный съ изданіемъ „Вольтеровыхъ заблужденій“, разрушается. Книгой Нонота онъ думалъ парализовать вліяніе тѣхъ сочиненій Вольтера, которыя затрогивали откровенную религію и обходили читателей въ рукописяхъ; но именно главы Нонота о „*догматическихъ* заблужденіяхъ“ Вольтера въ вопросахъ вѣры не были дозволены къ напечатанію. „Простодушный нашъ неученый соотечественникъ (писалъ Болховитиновъ), слыша повсюду славу Вольтера и язвительныя его насмѣшки всему священному и почитаемому, сперва подвигается благочестивымъ ужасомъ и негодованіемъ; но можетъ ли онъ потомъ защищать отъ заразы сердце свое сими одними чувствованіями, когда онъ не утвержденъ въ основательныхъ истинахъ и когда онъ *почти* вездѣ слышитъ только крикливыя вольнодумцевъ похвалы Вольтеру, но не видитъ обличенія лжей и клеветъ его?“ [98].

Лишь въ одномъ случаѣ Болховитиновъ нашелъ необходимымъ замѣтить, что „статьи V, VI, VII и VIII выключены гг. цензорами“ [99]. Эти статьи принадлежатъ къ 22-й главѣ второй части русскаго перевода „Вольтеровыхъ заблужденій“,—главѣ, посвященной *Изслѣдованію поэмы на естественный законъ*. Выпущенныя цензурой статьи этой главы заняты разсужденіями *о терпимости, о преимуществахъ терпимости, о нетерпимости и о войнахъ и преслѣдованіяхъ за религію*. „Терпимость (по опредѣленію Нонота) есть не иное что̀ какъ позорное равнодушіе ко всякаго рода вѣрѣ, какъ любовь къ независимости, которая производитъ то, что не хотятъ подчиняться никакому закону совѣсти... Одинъ изъ величайшихъ французскихъ кальвинистовъ, Папень, понялъ и потомъ въ превосходномъ сочиненіи

доказалъ, что первымъ слѣдствіемъ этой *ужасной системы* было совершенное низверженіе и полное униженіе религіи. Вольтеръ учитъ именно тому, что́ возмутило Папеня“ [100]. Ноготъ выражаетъ недовольство тѣмъ, что Вольтеръ „проситъ помилованія соцініанину или аріанину Ньютону“, и удивляется, почему въ каталогъ своихъ святыхъ (Лейбница, Локка, Аддисона) Вольтеръ не помѣстилъ нѣсколькихъ актеровъ и актрисъ: „они имѣютъ такія же права на Вольтеровъ рай, какъ эти еретики и язычники“. Ноготъ отражаетъ затѣмъ отъ католицизма упреки въ нетерпимости. „Что́ такое эта нетерпимость католической церкви? (спрашиваетъ онъ). Это ея вѣрность и твердость въ сохраненіи божественныхъ истинъ во всей ихъ чистотѣ. Она не можетъ измѣнять божественной истинѣ, иначе она перестанетъ быть святою; слѣдовательно, она непремѣнно должна отличаться нетерпимостью“. Ноготъ сомнѣвается, чтобъ ужасы инквизиціи были въ самомъ дѣлѣ такъ велики, какъ они представляются у французскихъ писателей; по мнѣнію Нонота, они иногда полезны и даже необходимы: „могутъ ли быть какія-нибудь инквизиціи слишкомъ суровыми для такихъ людей, которые съ нечестіемъ, болѣе чѣмъ адскимъ, распространяютъ неслыханныя до сего времени проклятія на религію?“ Таково содержаніе тѣхъ главъ, которыя московская духовная цензура въ девяностыхъ годахъ Екатерининскаго царствованія не считала приличнымъ печатать.

Уже въ глухомъ Воронежѣ, семинарскаго наставника, обремененнаго разнообразными педагогическими занятіями, манила къ себѣ малоразработанная область науки—отечественная исторія. Съ лѣтами Болховитиновъ чувствовалъ въ себѣ усиливающійся интересъ къ положительнымъ и строгимъ историческимъ изысканіямъ. Ему нетрудно было убѣдиться, что онъ не созданъ былъ для поэзіи и беллетристики. Только въ школѣ позволилъ онъ себѣ увлечься писаніемъ стиховъ и заняться немногими стихотворными переводами; онъ считалъ потомъ „счастіемъ“, что „со времени выбытія изъ школъ онъ не былъ повиненъ въ стихосогрѣшеніяхъ“ [101]. Любовь къ историческимъ занятіямъ рано пробудилась въ немъ. Въ 1792 году Болховитиновъ приступилъ къ составленію „*Россійской исторіи*“. Онъ „ду-

малъ ею заслужить похвалу"; эпоха до нападенія татаръ на Россію уже отдѣлывалась у него окончательно. Онъ весь былъ обложенъ историческими книгами; пріятели, которымъ Болховитиновъ читалъ отрывки изъ своей россійской исторіи, уже апплодировали автору. Но Болховитиновъ скоро понялъ, что эта работа не была ему по силамъ, что пособія и средства для задуманнаго имъ труда были слишкомъ скудны: онъ пересталъ говорить о своей россійской исторіи. Широкіе замыслы о полной русской исторіи уступили въ немъ мѣсто болѣе скромнымъ историческимъ задачамъ. Болховитиновъ обратился къ изученію тѣхъ историческихъ памятниковъ, которые уцѣлѣли въ его родномъ городѣ; онъ прислушивался къ тѣмъ преданіямъ, которыя еще ходили здѣсь. Въ Воронежѣ онъ началъ и напечаталъ свой первый историческій трудъ—„Историческое, географическое и экономическое описаніе Воронежской губерніи, собранное изъ исторій, архивскихъ записокъ и сказаній".

Въ 1800 году послѣдовала рѣшительная перемѣна въ судьбѣ Болховитинова, имѣвшая глубокое вліяніе на ходъ и направленіе всѣхъ его послѣдующихъ ученыхъ занятій. Въ 1793 году Болховитиновъ былъ рукоположенъ во священника; незадолго предъ этимъ онъ женился. Говорятъ, что, узнавъ объ этомъ, тогдашній воронежскій губернаторъ О. И. Хорватъ сказалъ другу Болховитинова, Македонцу: „Какъ ты допустилъ своему пріятелю жениться? Ты отнялъ у церкви великаго пастыря" [102]. Въ 1799 году онъ овдовѣлъ, дѣтей его также ни одного не осталось въ живыхъ. Семейное горе глубоко потрясло Болховитинова. Послѣ кончины своей жены онъ спрашивалъ себя:

Для того ли свѣтомъ льститься,
Чтобы мѣрять жизнь тоской,
Чтобы плакать и крушиться
И не знать, что есть покой? [103]

Адъютантъ князя Репнина, жившій въ воронежскомъ имѣніи его, Репьевкѣ, П. И. Литке убѣдилъ Болховитинова постричься въ монахи. Послѣдній исполнилъ совѣтъ своего близкаго знакомаго [104] и сообщилъ о своемъ намѣреніи Николаю Николаевичу Бантышъ-Каменскому. „Первый систематическій русскій библіографъ" [105] убѣждалъ Болховитинова спѣшить въ Мо-

скву. Ученики Воронежской семинаріи при прощаніи съ своимъ наставникомъ и префектомъ поднесли ему стихи; они обращались къ покидавшему ихъ учителю съ „невольными слезами“:

Мы думали, для насъ ты жилъ,
Мы для тебя, трудясь охотно,
Съ свободнымъ духомъ беззаботно:
О сколько жребій сей намъ милъ! [106]

Получивъ отъ Бантышъ-Каменскаго рекомендательное письмо къ петербургскому архіепископу Амвросію [107], Болховитиновъ отправился въ Петербургъ. Здѣсь онъ назначенъ былъ 3-го марта 1800 г. префектомъ Александро-Невской академіи, а 9-го марта постриженъ въ монашество съ именемъ Евгенія [108].

ГРАФЪ Ѳ. В. РАСТОПЧИНЪ И ЛИТЕРАТУРА ВЪ 1812-мъ ГОДУ.

Сей старецъ дорогъ намъ: онъ блещетъ средь народа
Священной памятью двѣнадцатаго года.

А. Пушкинъ.

Наша критика не разъ поднимала вопросъ о томъ: есть ли у насъ литература, достойная имѣть свою исторію? Сомнѣніе можетъ теперь показаться страннымъ; но лѣтъ двадцать назадъ оно волновало литературный міръ нашъ и отчасти остается въ своей силѣ и теперь—не для ученой критики, а для нѣкоторой части публики. Это пренебреженіе отечественною литературою происходило и происходитъ отъ поверхностнаго знакомства съ нею или отъ совершеннаго незнанія ея. Много виновата въ томъ и безотчетная вѣра въ преданіе, которое возводило въ число литературныхъ геніевъ самыя обыкновенныя бездарности и часто забывало живыя стремленія даровитыхъ писателей или обширныя начинанія энергическихъ личностей. Возвеличивъ Хераскова, какъ геніальнаго поэта, это на-слово принятое преданіе немногаго позволяло ждать отъ тѣхъ писателей, которые не были имъ замѣчены. Разумѣется, подобный взглядъ на нашу литературу могъ твердо держаться только до тѣхъ поръ, пока наука ограничивалась эстетическою оцѣнкою писателей, признанныхъ классическими, и только на нихъ обращала вниманіе. Исходя отъ мысли, что литература должна быть выраженіемъ

общества, многіе не видали подтвержденія тому въ русской литературѣ и заключали, что она недостойна изученія, оставаясь жалкимъ выродкомъ французской. Въ наше время, благодаря болѣе близкому знакомству съ русской литературой прошлаго столѣтія, этотъ взглядъ измѣнился. Въ изслѣдователяхъ ея замѣтно уже стремленіе выйти изъ тѣснаго круга, въ которомъ до сихъ поръ заключали исторію нашей словесности, расширить его границы и выдвинуть писателей, на которыхъ прежде не обращали никакого вниманія, какъ на дѣятелей мелочныхъ, хотя они часто вносили въ литературу новыя начала и понятія.

Растопчинъ принадлежитъ именно къ числу писателей, о которыхъ почти не упоминалось въ различныхъ сочиненіяхъ, называющихъ себя „Исторіею русской словесности“. Бо́льшая часть произведеній его, при жизни его изданныхъ, выходила въ свѣтъ безъ имени автора, и преданіе о немъ въ публикѣ начало забываться. Его афиши, брошенныя среди разгара политическихъ событій, должны были имѣть къ массѣ читателей особенно живое отношеніе, затрогивать въ ней самые дорогіе интересы и приводить къ результатамъ чисто практическимъ. Изъ этого прямаго отношенія многихъ сочиненій Растопчина ко времени, можетъ быть, объясняется и то обстоятельство, что, когда прошло это время, они начали приходить въ забвеніе, о собраніи ихъ не думали, и только недавно изданы нѣкоторыя изъ нихъ г. Смирдинымъ; а между тѣмъ, въ отношеніи къ извѣстному направленію нашей словесности, Растопчинъ остается въ продолженіе нѣкотораго времени главнымъ дѣятелемъ. Эту мысль подтвердитъ обзоръ литературной дѣятельности Растопчина, составляющій предметъ настоящаго сочиненія. Біографическихъ данныхъ коснемся мы, насколько это нужно, для объясненія его произведеній.

Графъ Ѳедоръ Васильевичъ Растопчинъ родился 12 марта 1763 года [1] въ Москвѣ. Воспитаніе богатаго русскаго барича въ прошломъ столѣтіи не обходилось безъ руководства иностранныхъ гувернёровъ, хотя и русская стихія находила себѣ доступъ къ ребенку черезъ людей, окружавшихъ первые его годы. Въ этомъ отношеніи не послѣднюю роль играла мама. Растопчинъ говоритъ, что и онъ „имѣлъ десятка съ три заморскихъ учи-

телей; но, помня поученія священника Петра и слова мамы Герасимовны, остался русскимъ". По нравственному вліянію на питомца Растопчинъ ставитъ русскую маму выше всякихъ французскихъ *bonnes*. „Хотя мамы эти, хаживавшія за дѣтьми, и были простыя барскія барыни, безъ просвѣщенія, въ набойчатыхъ или ситцевыхъ кофтахъ, съ повязаннымъ на головѣ платкомъ, но онѣ отнюдь у дѣтей ни умовъ, ни сердецъ не портили; хотя и пугали ихъ волками, мертвецами, смертью-курноской, но не говаривали, что отецъ дуракъ, мать зла, что все послѣ дѣтямъ достанется. И чѣмъ жены англійскаго конюха, швейцарскаго пастуха и нѣмецкаго солдата должны быть лучше, умнѣй и добронравнѣй женъ нашихъ прикащиковъ, дворецкихъ и конюшихъ?" Таковы собственныя слова Растопчина (въ повѣсти „Охъ французы!"), на опытѣ основанныя. На него самого это вліяніе могло быть тѣмъ сильнѣе, что до пятнадцати лѣтъ большую часть года проводилъ онъ въ селѣ отца своего—Козмодемьянскомъ [2]. Въ 1775 году Растопчинъ сдѣланъ былъ пажомъ, потомъ служилъ лейбъ-гвардіи въ Преображенскомъ полку. Онъ рано обратилъ на себя вниманіе императрицы Екатерины, которая, въ разговорѣ съ Мамоновымъ, такъ выразилась о немъ: „У этого молодаго человѣка большой лобъ, большіе глаза и большой умъ" [3]. По словамъ г. Булгакова, императрица „удостоивала его чести участвовать въ отборномъ ея обществѣ, въ которомъ блистали, между прочими, Сегюръ, Кобенцель, Гербертъ, Шуваловъ". Даръ замѣчать смѣшное и искусно выставлять его на-показъ другимъ рано обнаружился въ Растопчинѣ. Часто, забавляя общество императрицы остроумными разсказами и замѣчаніями, Растопчинъ въ то же время и самъ имѣлъ случай изощрять этотъ даръ и запасаться новыми наблюденіями, сталкиваться съ противоположными мнѣніями. Собранія императрицы въ Эрмитажѣ раздѣлялись на большія, среднія и малыя. Извѣстно, что въ послѣднихъ принимало участіе только то отборное общество, которое составлялось изъ людей, пользовавшихся особеннымъ вниманіемъ ея за умъ, таланты или заслуги отечеству. Въ малыхъ собраніяхъ забавы не связывались этикетомъ и походили скорѣе на откровенную бесѣду близкихъ другъ къ другу лицъ. *Литературная*

игра была здѣсь однимъ изъ самыхъ обыкновенныхъ явленій. Вотъ въ чемъ она состояла. Императрица или кто-нибудь изъ присутствующихъ, по ея желанію, предлагалъ на лоскуткѣ бумаги вопросъ или текстъ, какой приходилъ ему въ голову. Потомъ каждый изъ присутствовавшихъ обязанъ былъ, не приготовляясь и прочитавъ только послѣднія слова предыдущей фразы, продолжать ее или опровергать. Слѣдующіе два листка, такимъ образомъ составившіеся, всего лучше могутъ ознакомить съ характеромъ и ходомъ *литературной* игры избраннаго общества императрицы [4].

Листокъ 1-й. *„Главныя правила эрмитажныхъ вечеровъ.* Писать четко, и это по первому пункту. Читать громко и явственно, помнить о здравомъ смыслѣ, но привѣшивать къ нему добрую порцію веселости.

Не лгать—было бы прекрасною и доброю вещью.

Не уклоняться отъ предмета.

Не слишкомъ разглагольствовать.

Не льстить.

Не пускаться въ эпиграммы.

Кидать на бумагу первую мысль, которая взбредетъ въ голову—безъ чванства.

Въ особенности, господа, не злословить.

Иначе тотчасъ закрою засѣданія *(Екатерина).*

Быть исправну въ своей должности, т. е. сдѣлать двѣнадцать антрша прежде чѣмъ возьмешься за перо.

Не задавать предметовъ, о которыхъ нечего говорить, каковы: смерть Буцефала и тому подобное.

Стараться, чтобъ академія наша держалась какъ можно долѣе.

Самый лучшій способъ для сего имѣть умъ за четверыхъ, хотя бы было насъ сорокъ *(Екатерина).*

Или ума за сорокъ, хотя бы было насъ четверо“.

Листокъ 2-й. *„Дорога, которою думаю достичь безсмертія.*

Много есть дорогъ, которыми его достигаютъ, но одинъ случай указываетъ, которую избрать.

Я стану за санями у ея величества.

Берегитесь: дорога, по которой сани ея величества ѣздятъ,

сказывала мнѣ моя кормилица, еще ухабистѣе дороги на островъ, гдѣ мы сегодня обѣдали *(Екатерина)*.

Добрый отдыхъ послѣ добраго обѣда.

Я сдѣлаюсь безсмертнымъ мученикомъ за терпѣніе мое съ людьми скучными.

Я поѣду въ свитѣ г. Томаса.

Веселая компанія, но врядъ ли дорога къ безсмертію *(Екатерина)*".

Таковы были собранія, въ которыхъ Растопчинъ игралъ, вѣроятно, не послѣднюю роль, и которыя можно назвать литературною его школою. „Игра", учрежденная императрицею, исключала совершенно реторическія фигуры и высокопарность, къ которымъ съ такою любовью обращались многіе прославленные писатели того времени; она незамѣтно отдаляла Растопчина отъ реторическаго направленія и указывала ему противоположный путь. Къ тому же онъ не былъ писателемъ ex professo и не имѣлъ нужды подчинять свои произведенія извѣстнымъ литературнымъ понятіямъ и условіямъ, въ его время господствовавшимъ, тѣмъ болѣе, что иное набрасывалъ онъ только для себя и, кажется, не имѣлъ намѣренія печатать. Сюда относимъ мы одно довольно замѣчательное его произведеніе. Въ 1784 г. графъ оставилъ службу и отправился за границу. Изъ этого путешествія вынесъ онъ богатый запасъ остроумныхъ наблюденій, которыя и передалъ въ своихъ запискахъ о „Путешествіи по Пруссіи" [5]. Растопчинъ обращалъ вниманіе на экономическія условія тѣхъ странъ, черезъ которыя проѣзжалъ, постоянно сравнивая ихъ съ Россіею. Въ неизданномъ „Возраженіи на книгу графа Стройновскаго" онъ говоритъ, между прочимъ: „Я самъ путешествовалъ почти четыре года и не въ юности моихъ лѣтъ; былъ во всей нѣмецкой землѣ, во всей Швейцаріи, видѣлъ часть Франціи, всю Италію, на которую такъ часто ссылается сочинитель, и повсюду видѣлъ многія тысячи людей въ томъ бѣдномъ и бѣдственномъ состояніи, о каковомъ ни послѣдній у насъ изъ націи просящій милостыню не можетъ себѣ сдѣлать понятія; ибо сіи у насъ не только принадлежатъ къ какому-нибудь селенію, но имѣютъ въ ономъ или домъ, или землю, которую называетъ, по праву и сущности, своею: ибо онъ ею вла-

дѣетъ и часто у него есть овца и корова своя; а тѣ, конечно, пользуются и свободою и правомъ пріобрѣтать собственность, но никогда ничего пріобрѣсть не могутъ и, кромѣ рукъ и ногъ, ничего не имѣютъ, ниже куда голову преклонить отъ дождя и зноя. Входилъ въ подробное размышленіе и наблюденіе народонаселенности и промышленности, видѣлъ и сличалъ все съ отечествомъ моимъ, которое никогда не выходило у меня изъ мыслей, и когда что находилъ желательнаго, чтобы ввесть у насъ, то по большей части видѣлъ тому препятствіемъ недостаточное населеніе: долго еще въ Россіи не можетъ достигнуть до той степени, въ какой оно въ другихъ странахъ".

Подобныя наблюденія не вошли въ записки о путешествіи по Пруссіи. Въ нихъ Растопчинъ говоритъ преимущественно объ общественной жизни, сословіяхъ, правахъ страны, о впечатлѣніи, которое производятъ города ея, и, наконецъ, касается личныхъ сношеній своихъ съ замѣчательными людьми, встрѣчавшимися ему во время пребыванія въ Пруссіи. Необыкновенное остроуміе, оригинальность, самостоятельность взгляда, отсутствіе всякой затаенной мысли отличаютъ записки Растопчина. Это не Фонъ-Визинъ, который въ письмахъ изъ чужихъ краевъ съ такою желчью описываетъ свое путешествіе, съ такимъ ожесточеніемъ нападаетъ на заграничную жизнь, никого не избавляя отъ безпощадныхъ насмѣшекъ; въ запискахъ Растопчина вы не найдете пристрастныхъ и безотчетныхъ обвиненій; взглядъ его свѣтелъ и не затемненъ посторонними цѣлями или личною антипатіею. Фонъ-Визинъ писалъ свои письма не для публики, какъ и Растопчинъ — записки о своемъ путешествіи. По мѣткости и наблюдательности оба произведенія могутъ быть поставлены рядомъ; но у Фонъ-Визина нѣтъ того безпристрастнаго взгляда, который высказывается у Растопчина. Гораздо разительнѣе разница между записками графа и „Письмами русскаго путешественника", какъ произведеніемъ чисто-литературнымъ, назначеннымъ для публики. Въ предисловіи ко второму изданію ихъ Карамзинъ говорилъ: „Я хотѣлъ при новомъ изданіи многое перемѣнить въ сихъ Письмахъ, и... не перемѣнилъ почти ничего. Какъ онѣ были писаны, какъ удостоились лестнаго благоволенія публики, пусть такъ и остаются. Пестрота, неровность

въ слогѣ есть слѣдствіе различныхъ предметовъ, которые дѣйствовали на душу молодаго, неопытнаго русскаго путешественника: *онъ сказывалъ друзьямъ своимъ, что̀ ему приключалось, что̀ онъ видѣлъ, слышалъ, чувствовалъ, думалъ — и описывалъ свои впечатлѣнія не на досугѣ, не въ тишинѣ кабинета, а гдѣ и какъ случалось, дорогою на лоскуткахъ, карандашемъ*". Карамзинъ проситъ извинить нѣкоторыя мелочныя подробности, встрѣчающіяся въ его письмахъ, потому что „человѣкъ въ дорожномъ платьѣ, съ посохомъ въ рукѣ, съ котомкою за плечами, не обязанъ говорить съ осторожною разборчивостью какого-нибудь придворнаго, окруженнаго такими же придворными, или профессора, сидящаго въ шпанскомъ парикѣ, на большихъ ученыхъ креслахъ. А кто въ описаніи путешествій ищетъ однихъ статистическихъ и географическихъ свѣдѣній, тому, вмѣсто сихъ писемъ, совѣтую читать Бишингову географію" [6]. Казалось бы, такими словами Карамзинъ отстраняетъ отъ своихъ „Писемъ" всякія литературныя условія и формальности; но мы не рѣшаемся вѣрить его свидѣтельству, что „Письма" писаны „не на досугѣ, не въ тишинѣ кабинета, а гдѣ и какъ случалось". Въ противномъ убѣждаетъ насъ одно важное обстоятельство. Въ „Письмахъ русскаго путешественника" находимъ многія мѣста, цѣликомъ заимствованныя изъ иностранныхъ писателей: Морица [7], Мура (Mooge) и другихъ; а такія заимствованія предполагаютъ кабинетную работу. Откуда же объяснить противорѣчіе между предисловіемъ къ „Письмамъ русскаго путешественника" и самымъ сочиненіемъ? Трудно отвѣчать на этотъ вопросъ. Кажется, Карамзинъ, тогда еще молодой и неизвѣстный, думалъ этою оговоркою указать на легкій, беллетристическій характеръ „Писемъ", хотѣлъ привлечь читателей, отрекаясь отъ всякихъ сухихъ педантическихъ пріемовъ ученаго. Но заимствованія его почти всегда такъ вѣрны источнику своему, что „Письма русскаго путешественника" не могутъ похвалиться новостью и оригинальностью взгляда, что̀, впрочемъ, и трудно было ожидать отъ писателя столь молодаго, долженствовавшаго явиться на судъ публики съ недовѣріемъ къ своимъ силамъ. Растопчинъ для себя набрасывалъ записки о своемъ путешествіи; ему не нужны были справки съ иностранными сочиненіями, и довольно было

отмѣтить тѣ происшествія или предметы, которые особенно поразили его. Вообще, частое отсутствіе въ русской литературѣ XVIII столѣтія здравыхъ идей о значеніи писателя имѣло вредное вліяніе на самый характеръ и направленіе ея. Большинство писателей убѣждено было, что ходульность или, по крайней мѣрѣ, совершенное отрѣшеніе отъ обыкновеннаго тона и настроенія человѣка есть необходимое условіе литературнаго произведенія. Преувеличенная сантиментальность, такъ называемый высокій слогъ были слѣдствіемъ этого убѣжденія. Этихъ стѣснительныхъ условій не соблюдалъ Растопчинъ, потому что не считалъ себя писателемъ ex professo. Черезъ это много выигрываютъ его „Записки о путешествіи по Пруссіи“. Простота изложенія, отсутствіе всякихъ реторическихъ украшеній придаютъ имъ особенную привлекательность и свѣжесть, какъ и живымъ статьямъ нашихъ сатирическихъ журналовъ или, напримѣръ, запискамъ Данилова. Къ этому отдѣлу литературы можетъ быть отнесено и путешествіе по Пруссіи. Чтобъ показать, какъ интересны отдѣльныя подробности этихъ записокъ, приведемъ разсказъ о посѣщеніи Сан-Суси въ самое время кончины Фридриха Великаго.

„На дорогѣ все осталось въ тишинѣ. Крестьяне работали; дѣти въ селеніяхъ играли; скотина ходила спокойно въ полѣ. Что было болѣе Великаго Фридриха на свѣтѣ? Бытіе его пресѣклось, но ни мало вокругъ его не нарушило порядка дневнаго. Сколь мало существо человѣка! Землетрясеніе, громъ, дождь, вихрь приводятъ все въ безпорядокъ, а смерть Великаго Фридриха ничего не разстроила. Мы пріѣхали прямо въ Сан-Суси. Прошедъ двѣ комнаты, вошли мы въ спальню. Я съ почтеніемъ обратилъ глаза на альковъ, въ коемъ стояла кровать, полагая, что тутъ лежало тѣло Великаго Фридриха. Но въ самое то же время увидѣлъ нѣчто походящее на человѣка, сидящаго въ креслахъ и покрытаго синимъ плащемъ. Тутъ холодный потъ покрылъ мое лицо, не отъ страха, потому что я мертвыхъ до сихъ поръ не боюсь, а отъ пронесшагося мгновенно размышленія, что тотъ, кто былъ столь достойно великъ, преображенъ въ ничто и сокрытъ отъ глазъ людскихъ, яко предметъ обезображенный. Никогда бы я не имѣлъ духу про-

сить, чтобъ его открыли, дабы взглянуть хоть разъ, и то въ первый и послѣдній, на почтеннаго мертвеца; но швейцаръ, мой товарищъ, обратясь къ гусару, коего мы застали тутъ въ комнатѣ, свое платье надѣвающаго, спросилъ: „можно ли посмотрѣть покойника?“—„Для чего нѣтъ?—отвѣчалъ безчувственный слуга:—я его всѣмъ показываю“. И за симъ словомъ, потянулъ плащъ, открылъ намъ лицо и корпусъ Великаго Фридриха. Тѣло мое, повинуясь чувству души, уклонясь по земли, отдало послѣдній долгъ сему великому мужу. Я, на него устремясь, спѣшилъ смотрѣть, не помню долго или коротко; но увидя его, до сихъ поръ еще не забылъ. Волосы его, довольно густые, были всѣ бѣлые; лицо осталось совершенно такое, какъ изображается на всѣхъ портретахъ; на одной сторонѣ рта губы немного крѣпко были сжаты, натурально или, можетъ быть, отъ тисненія при снятіи съ лица формы. Спокойствіе, величество и геройство остались въ чертахъ лица мертваго Фридриха. Онъ казался быть во снѣ; но жизнь его останется вѣчно наяву. Глаза, коими онъ заставлялъ любить себя и бояться, коими онъ вывѣдывалъ истину и открывалъ тайну въ глубинѣ сердецъ; глаза, коихъ быстроты ни одинъ взглядъ сносить не могъ, глаза сіи были закрыты и лучъ генія не сіялъ въ нихъ болѣе. Неподвиженъ, преисполненъ жалости и удивленія, я все смотрѣлъ на мертваго героя, все чувствовалъ, былъ горестно тронутъ и раздраженъ, огорченъ тѣмъ, что не засталъ его въ живыхъ, не узналъ взгляда его и не слыхалъ голоса; озлобленъ вновь, что гнусному служителю дала смерть право показывать героя. Не заставъ Великаго Фридриха въ живыхъ, я радъ былъ смотрѣть на мертваго часъ, день, недѣлю. Сколько трудовъ, издержекъ, домогательствъ, дабы увидѣть человѣка случайнаго, достопамятную бумагу, мѣсто славнаго сраженія, махину, модель! А я наполнялъ, свои чувства зрѣлищемъ рѣдкаго государя, совершеннѣйшаго изъ людей; но вдругъ гусаръ закрылъ Великаго Фридриха опять плащемъ, и симъ, яко завѣсомъ смерти, сокрылъ его отъ глазъ моихъ на-вѣки“.

Возвратившись изъ чужихъ краевъ, Растопчинъ желалъ служить волонтеромъ во вторую турецкую войну; но графъ Мамоновъ удерживалъ его подъ разными предлогами. „Я бился объ

стѣну лбомъ въ 24 года, что не могъ выпроситься подъ Очаковъ" (писалъ онъ впослѣдствіи къ Циціанову). Только Безбородко, отправлявшійся въ Турцію для мирныхъ переговоровъ, взялъ съ собою Растопчина, какъ надежнаго помощника въ занятіяхъ. По возвращеніи въ Петербургъ онъ былъ пожалованъ, 14 февраля 1792 года, камеръ-юнкеромъ. Потомъ назначенъ посланникомъ въ Португалію; но это намѣреніе рушилось смертью императрицы.

Ближайшій свидѣтель послѣднихъ минутъ великой монархини и начала новаго царствованія, Растопчинъ оставилъ любопытную записку объ этихъ событіяхъ [8]. Вотъ его разсказъ о томъ, какъ узналъ онъ объ опасной болѣзни, постигшей императрицу: „Бывъ въ Англинскомъ магазинѣ, я возвращался домой пѣшкомъ и прошелъ было Эрмитажъ; но вспомнивъ, что назавтрѣ отъѣзжалъ въ Гатчину, вздумалъ зайти проститься съ Анною Степановною Протасовою. Вошедъ въ ея комнаты, увидѣлъ я дѣвицу Полетику, и одну изъ своихъ своячинъ въ слезахъ. Онѣ сказали мнѣ о болѣзни императрицы, и были встревожены первымъ извѣстіемъ объ опасности. Анна Степановна давно уже пошла въ комнаты, и я послалъ къ ней одного изъ лакеевъ узнать пообстоятельнѣе о прошедшемъ. Ожидая возвращенія посланнаго, увидѣлъ я вошедшаго въ комнату скорохода великаго князя Александра Павловича, который сказалъ, что онъ былъ у меня въ домѣ, просилъ отъ имени великаго князя, чтобъ я пріѣхалъ къ нему скорѣе. Исполняя волю его немедленно, встрѣченъ я былъ въ комнатахъ камердинеромъ Парлантомъ, который, прося меня обождать скораго возвращенія его императорскаго высочества, сказалъ, что императрицѣ сдѣлался сильный параличный ударъ въ голову, что она безъ всякой надежды и, можетъ быть, въ сію минуту и не въ живыхъ.—Спустя минутъ пять, пришелъ и великій князь. Онъ былъ въ слезахъ, и черты лица его представляли великое душевное волненіе. Обнявъ меня нѣсколько разъ, онъ спросилъ: знаю ли я о происшедшемъ съ императрицею? На отвѣтъ мой, что слышалъ отъ Парланта, онъ подтвердилъ мнѣ, что надежды къ спасенію никакой не было и просилъ убѣдительно ѣхать къ великому князю наслѣднику для скорѣйшаго извѣщенія, примолвя къ сему, что

хотя графъ Зубовъ и поѣхалъ въ Гатчину, но что я отъ имени его, могу лучше разсказать о семъ несчастномъ происшествіи". Доѣхавъ домой на извозчикѣ, Растопчинъ велѣлъ запречь маленькія сани въ три лошади и въ часъ прискакалъ въ Софію; тогда ужь было 6 часовъ пополудни. Здѣсь встрѣтился съ нимъ великій князь Павелъ Петровичъ. Растопчинъ передалъ его высочеству возложенныя на него порученія и получилъ приказаніе слѣдовать за великимъ княземъ. Онъ сѣлъ въ сани съ конюшеннымъ офицеромъ Быковымъ и поскакалъ за каретою.

Въ $8^1/_2$ часовъ пополудни въѣхалъ въ Петербургъ, въ которомъ весьма немногіе знали о происшедшемъ. Вскорѣ по прибытіи во дворецъ великій князь, призвавъ Растопчина въ кабинетъ, изволилъ сказать: „Я тебя совершенно знаю таковымъ, какимъ ты есть, и спрашиваю, чтобы ты откровенно сказалъ: чѣмъ ты при мнѣ быть желаешь?" „Имѣвъ всегда въ виду истребленіе неправосудія (продолжаетъ Растопчинъ), я, не останавливаясь ни мало, отвѣчалъ: „секретаремъ для пріема просьбъ". Великій князь, позадумавшись сказалъ: „знай, что я назначаю тебя генералъ-адъютантомъ, для того, чтобъ ты правилъ военною коллегіею".

На Растопчина полились милости новаго императора: въ самый день восшествія Павла I-го на престолъ онъ пожалованъ былъ въ генералъ-майоры (8 ноября 1797 г.), въ томъ же мѣсяцѣ (12 ноября) получилъ анненскую ленту, а въ день Высочайшаго коронованія (5 апрѣля 1798 г.)—орденъ св. Александра Невскаго и 470 душъ въ Орловской губерніи [9]. Вскорѣ, однакожь, графъ получилъ отставку отъ своей должности, и это возбудило въ немъ намѣреніе снова отправиться за границу. Гр. С. Р. Воронцовъ, бывшій тогда посломъ нашимъ въ Лондонѣ, писалъ ему по этому случаю (отъ 1-го іюня нов. ст. 1798 года): „Je me fais une très agréable perspective de votre futur voyage dans les pays étrangers. Votre séjour en Angleterre sera pour moi une des plus agréables époques de la vie. Je reverai un ancien ami, un homme au quel je dois beaucoup et pour le quel j'ai l'attachement, l'estime et la reconnaissance la plus profonde. Croyez mon bon ami, que j'ai pour vous la reconnaissance la plus sincère et que ce que je vous dois ne s'effacera jamais de

mon coeur". Но отставка Растопчина была непродолжительна; 24-го августа того же года онъ былъ назначенъ въ свиту его величества, а въ октябрѣ—третьимъ присутствующимъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Мы оставимъ въ сторонѣ дипломатическую дѣятельность его, о которой говорили уже гг. Терещенко и Бантышъ-Каменскій [10]. Для нашей цѣли гораздо любопытнѣе переписка, которая началась между Растопчинымъ, какъ членомъ иностранной коллегіи, и Суворовымъ, который предводительствовалъ въ то время австрійскою арміей. Не оффиціальныхъ писемъ къ Суворову, скрѣпленныхъ только именемъ Растопчина, хотимъ мы коснуться [11], но тѣхъ, гдѣ Растопчинъ является поклонникомъ великаго полководца, жаркимъ защитникомъ его славы. Близкія отношенія такихъ людей не лишены интереса. Здѣсь сталкивались два человѣка равно оригинальные по уму; но неожиданныя, противорѣчившія принятымъ условіямъ свѣта выходки Суворова иногда изумляли Растопчина своею странностью и не находили себѣ оправданія въ его взглядѣ на вещи. Стóитъ только прочесть статью Растопчина „О Суворовѣ", чтобъ видѣть, какія стороны особенно поразили его [12]. Онъ, напримѣръ, разсказываетъ слѣдующіе два анекдота изъ своихъ собственныхъ сношеній съ Суворовымъ: „Сидя одинъ разъ съ нимъ наединѣ, наканунѣ его отъѣзда въ Вѣну, разговаривалъ о войнѣ и о тогдашнемъ положеніи Европы. Графъ Александръ Васильевичъ началъ сперва вычитать ошибки цесарскихъ начальниковъ, потомъ сообщать свои собственные виды и намѣренія. Слова текли какъ рѣка, мысли всѣ были чрезвычайнаго человѣка: такъ его говорящаго и подобное краснорѣчіе я слышалъ въ первый разъ. Но посреди рѣчи, когда я былъ весь превращенъ въ слухъ и вниманіе, онъ самъ вдругъ изъ Цицерона и Юлія Кесаря обратился въ птицу и запѣлъ громко пѣтухомъ. Не укротя перваго движенія, я вскочилъ и спросилъ его съ огорченіемъ: „какъ это возможно!"—а онъ взявъ меня за руку, смѣючись сказалъ: „поживи съ моё, закричишь курицей".

„Желая узнать мнѣніе его о знаменитыхъ войнахъ и о военныхъ книгахъ, проходилъ всѣхъ извѣстныхъ полководцевъ и писателей; но при всякомъ названіи онъ крестился. Наконецъ, сказавъ мнѣ на ухо: Юлій Кесарь, Аннибалъ, Бонапарте, До-

машній Лечебникъ, Пригожая Повариха,—заговорилъ о химіи“ [13].

Суворовъ узналъ Растопчина еще въ Турціи и, въ знакъ своего расположенія, подарилъ ему свою военную палатку; дѣятельная же переписка между ними начинается съ того времени, когда Суворовъ отправился, по выраженію императора Павла въ рескриптѣ къ нему, „спасать царей“. Растопчинъ сохранялъ всегда благоговѣніе къ генію Суворова и не могъ равнодушно смотрѣть, какъ оскорбляли его члены гофкригсрата. Послѣ битвы при Нови Суворовъ писалъ къ Растопчину: „Еще новую побѣду Всевышній намъ даровалъ: новокомандующій генералъ Жуберъ, желая выиграть довѣренность своихъ войскъ, выступилъ 4-го числа августа изъ горъ съ арміею выше 30,000 чел., оставя Гави въ спинѣ. Соединенная армія его атаковала и, по кровопролитномъ бою, одержала побѣду. Все мнѣ не мило. Присылаемыя поминутно изъ гофкригсрата повелѣнія ослабляютъ мое здоровье, и я здѣсь не могу продолжать службы; хотятъ операціями править за тысячу верстъ: не знаютъ, что всякая минута на мѣстѣ заставляетъ ее перемѣнять; меня дѣлаютъ экзекуторомъ какого-нибудь Дитрихштейна или Тугута. Вотъ новое вѣнскаго двора распоряженіе, которое я ввѣрилъ оригиналомъ отправленному съ донесеніемъ къ государю императору, подполковнику Кушникову, изъ котораго вы усмотрите, могу ли я болѣе быть здѣсь... Прошу ваше сіятельство доложить о семъ его императорскому величеству, какъ равно и о томъ, что, послѣ генуэзской экспедиціи, буду просить объ отзывѣ формально и уѣду отсюда. Болѣе писать слабость не позволяетъ“. Это письмо взорвало раздражительнаго Растопчина; онъ отвѣчалъ Суворову [14]: „Заклинаю васъ спасеніемъ Европы, славою вашею, презрите дѣйствіе злобы и зависти, вы имъ дѣлами вашими съ младыхъ лѣтъ подвержены были; вамъ должно все повиноваться; и когда сама Франція ждетъ участи своей отъ руки вашей, то какъ могутъ заграждать путь вамъ тѣ, коихъ вы научили побѣждать и остановили бѣгущихъ, забывающихъ стыдъ, вѣрность и страхъ Господень; увѣнчайте себя новою славою—презрѣніемъ тварей, недостойныхъ чувствовать цѣну добродѣтелей, васъ украшающихъ. Простите, сіятельнѣйшій графъ; негодованіе государя велико и

гнѣвъ сей справедливъ. А я бы желалъ, чтобъ эта жолчь, коею меня теперь рветъ отъ письма вашего, была бы вѣчно во рту у тѣхъ, кои его открываютъ для сказанія мерзостей и для наученія пакости подобныхъ себѣ. 7 августа 1799 г.“ [15].

Въ томъ же мѣсяцѣ Растопчинъ пишетъ:

„Сколь извѣстіе новой побѣды обрадовало сердце преданнаго вамъ человѣка, столь письмо ваше наполнило его горестію.—О всѣхъ предъидущихъ до сего рескрипта ваше сіятельство изволите уже теперь знать мнѣніе государя и его предположенія. Онъ намѣренъ спасти Европу, все равно отъ французовъ или отъ цесарцевъ, а лучше сказать отъ барона Тугута. Но дабы предуспѣть въ семъ, должно перемѣнить образъ настоящаго правленія во Франціи и потомъ предписать законъ двору вѣнскому, оградя всѣ его завистливыя предпріятія. Еслибъ государь оставилъ теперь союзныя державы, то онѣ принуждены бы нашлись заключить сепаратный миръ, на который Франція охотно согласится, оставя Австріи волю забрать въ Италіи все, что она заблагоразсудитъ, за тѣмъ, чтобъ чрезъ нѣсколько лѣтъ опять начать свои завоеванія; и въ то время ничто не спасетъ Австрійскую Монархію, Италію и нѣмецкую землю отъ неизбѣжной ихъ погибели.—Но куда дѣнутся плоды великихъ дѣлъ воина, упованіе народное на помощь государя нашего и духъ бодрости, оживотворившій тѣ земли, кои вы избавили отъ ига французскаго? Но если, увѣнчавъ спасительное дѣло сіе, возстановленъ будетъ престолъ императора, и — великими дѣлами князя италійскаго.—Оканчиваю тѣмъ, что молю васъ со слезами и на колѣняхъ у ногъ вашихъ: останьтесь и побѣждайте. Повтореніе просьбы вашей идти въ отставку нанесетъ страшныя слѣдствія для общаго дѣла. Вамъ ли обижаться гнусными хитростями коварнаго правленія? Вамъ ли ждать соучастія въ силѣ вашей отъ генераловъ, кои дожили, а не дослужились до сего званія? вы ихъ оставите, и они докажутъ, что ихъ участь или ничего не дѣлать, или быть повсемѣстно битыми. Русскіе будутъ съ вами и Богъ. Англія ничего не жалѣетъ, и уповательно, что экспедиція голландская возымѣетъ совершенный успѣхъ. Соединенные флоты мѣшать не могутъ, бывъ заперты въ брестскомъ портѣ. Вотъ все, что сердце и душа моя мыслитъ; они открыты пе-

редъ вами. Любите во мнѣ преданнаго вамъ человѣка и желающаго единственно славы государя и благоденствія Россіи“ и т. д. [16].

„Сіятельнѣйшій князь
милостивый государь.

„Въ дополненіе съ отправленнымъ фельдъегеремъ Крепышемъ буду имѣть честь сказать вамъ лишь то, что справедливость, кою отдаетъ англійская нація, должна вамъ быть пріятнѣй высокопарныхъ словъ вѣнскаго кабинета, который много говоритъ и ничего не дѣлаетъ. На всѣхъ праздникахъ пьютъ здоровье въ Англіи: 1) короля, 2) императора россійскаго, 3) избавителя Италіи—пѣсни новыя въ похвалу вашу; чувства всѣ преданы вамъ, и англичане также, что и земляки ваши, почитаютъ и гордятся вами.

Вамъ преданный
графъ Ѳедоръ Растопчинъ“.

29 августа 1799.
Гатчино.

„Сіятельнѣйшій графъ
милостивый государь.

„Отправленіе двухъ послѣднихъ курьеровъ во время моей болѣзни воспрепятствовало мнѣ писать пространно къ вашему сіятельству; но теперь могу удовлетворить моему желанію и увѣдомить васъ о многомъ. Изъ рескрипта государя изволите увидѣть, что, несмотря на чрезмѣрное его желаніе предуспѣть въ предпринятомъ подвигѣ, его императорское величество помышляетъ и о будущемъ, которое не обѣщаетъ намъ большаго спокойствія, коль скоро республика французская останется на свѣтѣ таковою, какъ она есть; иначе же ей и быть невозможно. Признаюсь, что я съ большимъ огорченіемъ вижу опасное положеніе Корсакова въ Швейцаріи; и если Массена, не дождавшись вашего прихода въ Швейцарію, разобьетъ Готца, то нашимъ войскамъ трудно будетъ сохранить ихъ позицію. Безпокойство мое на сей счетъ не прежде кончится, какъ съ извѣстіемъ о приходѣ вашемъ. Мы всѣ увѣрены, что россійское войско съ вами непобѣдимо; и вы много людей найдете близъ государя, кои васъ не любятъ, а боготворятъ, потому что есть люди, кои

живутъ для славы государя и Россіи. А кто же съ начала бытія ея больше васъ ее прославилъ? но что мнѣ о семъ говорить?—Я не государь, не исторія, не Европа. О, еслибъ вы могли произвесть во Франціи возстаніе въ пользу короля, войдя въ Франшъ-Конте! Вы бы раздѣлили ее на двое.—Тогда и короля Лудовика XVIII къ вамъ отправимъ. Искать славу сего подвига можно во всѣхъ случаяхъ, т. е. и при началѣ царствованія и при междоусобной войнѣ, полагать можно, слѣдовательно на нѣсколько лѣтъ Францію вовсе недѣйствительною. И тогда, не теряя времени, приняться за австрійскій домъ и убавить его ходу, пообрѣзавъ крылья. Какъ сіе легко при означенномъ положеніи вещей, столь трудно будетъ, если кабинетъ вѣнскій заключитъ миръ и союзъ съ безбожнымъ французскимъ правленіемъ. Р. писалъ нѣсколько времени тому назадъ, что онъ желалъ бы повидаться съ отцомъ своимъ: государь теперь его изволилъ уволить на шесть мѣсяцевъ; и по полученіи отпуска тайный совѣтникъ Колычевъ имѣетъ вступить въ отправленіе должности при дворѣ вѣнскомъ. Г. Р. по привычкѣ жить въ Вѣнѣ и по высокому мнѣнію о баронѣ, весьма часто забывалъ, какому государю онъ служитъ. Колычевъ, хоть и не такъ затѣйливъ, но, можетъ, не хуже дѣло сдѣлаетъ.—Баронъ составилъ поѣздъ свадебный для поправленія дѣлъ своего двора и дядькою отправилъ своего рыжаго Дитрихштейна; но я увѣренъ, что его проектъ не удастся, потому что о дѣлахъ съ ними говорить не будутъ. Дитрихштейнъ и жить даже здѣсь не будетъ, а я готовъ что угодно на бумагѣ принять, а съ языка ничего. Баронъ до того и потерялся и забылся, что отказывается отъ своихъ писемъ, что́ и случилось съ англійскимъ дворомъ по случаю учрежденія плана кампаніи, для чего они требовали г-на маіора лорда Мулграва, а теперь баронъ отказался его видѣть, предлагая въ извиненіе, что или онъ его не требовалъ, или учинилъ сіе ошибкою; но англійское министерство столь симъ глупымъ и безстыднымъ поступкомъ было раздражено, что предписало лорду Минту, своему въ Вѣнѣ посланнику, въ случаѣ отказа барона Тугута—дать удовольствіе по сему дѣлу, откланяться и ѣхать изъ Вѣны, оставя тамъ повѣреннаго въ дѣлахъ. Въ Голландіи народъ весьма хорошо расположенъ и

приходъ нашихъ войскъ вѣрно обратитъ его на изгнаніе французовъ; но откровенно скажу, боюсь обѣдовъ. Герцогъ Іоркскій и нашъ Готлибъ Германъ такъ натянутся, что и свѣту Божьяго не взвидятъ".

Суворовъ былъ для Растопчина полнымъ представителемъ русскаго богатырства и потому привлекалъ къ себѣ живое его сочувствіе. „У сына Ан. ваша жизнь (пишетъ онъ къ Суворову) и онъ толкуетъ ее сестрѣ—а она вездѣ васъ видитъ, хотя вы и одинъ на свѣтѣ". Растопчинъ дорожитъ славою Суворова, какъ соотечественника, старается внушить ему твердость въ презрѣніи враговъ и завистниковъ и горячо принимаетъ къ сердцу оскорбленія, ему наносимыя. Люди, окружающіе насъ, всегда оказываютъ вліяніе на нашъ образъ мыслей и характеръ. И Растопчинъ, окруженный великими личностями его эпохи, „стаей славной Екатерининскихъ орловъ", по выраженію поэта,—видѣлъ въ нихъ представителей русской силы, и въ немъ, какъ и во многихъ другихъ, невольно должно было возникнуть сознаніе величія русскаго народа. Стоитъ только посмотрѣть имена великихъ людей Россіи, которыхъ выставляетъ Растопчинъ въ „Мысляхъ въ слухъ на Красномъ Крыльцѣ", чтобъ видѣть, что бо́льшая часть ихъ была живымъ примѣромъ самому Растопчину, онъ зналъ ихъ самъ, и ихъ величіемъ была отчасти воспитана его вѣра въ могучія силы русскаго человѣка.

До сихъ поръ мы видѣли Растопчина только какъ человѣка государственнаго. Преданный вполнѣ дѣламъ государственнымъ, онъ и не думаетъ еще выступать на поприще писателя. Онъ пользуется полнымъ благоволеніемъ монарха, употребляетъ для добрыхъ дѣлъ свое вліяніе, спасая Карамзина отъ вредныхъ слѣдствій клеветы, доноса, на него сдѣланнаго, дружески помогая С. Р. Воронцову [17] и, при самомъ началѣ новаго царствованія, Безбородкѣ. Вмѣсто княжескаго достоинства, которое хотѣлъ пожаловать Растопчину императоръ Павелъ I [18], онъ испрашиваетъ почесть престарѣлому отцу своему. Но въ 1801 году графъ долженъ выйти въ отставку, поселяется въ своемъ селѣ Вороновѣ, и для него начинается совершенно новая жизнь, спокойная, но однообразная, скоро надоѣдающая жизнь. Растопчинъ жилъ попеременно то въ деревнѣ, то въ Москвѣ. Здѣсь онъ

часто проводилъ вечера у Карамзина и мучилъ супругу его, Екатерину Андреевну, оставаясь до трехъ, до четырехъ часовъ ночи. Нерѣдко также посѣщалъ Семена Ивановича Гамалѣю, друга и послѣдователя Новикова [19]. Домъ А. С. Небольсиной, которая по четвергамъ устроивала обыкновенно у себя собранія литературныя, также привлекалъ графа. Но полную и самую вѣрную картину деревенской жизни Растопчина съ 1803 года представляетъ намъ переписка его съ княземъ П. Д. Цицiановымъ. Приводимъ изъ нея нѣкоторые отрывки.

„Отъ 9 марта 1803, с. Вороново.

„Письмо твое изъ Тифлиса, любезный другъ, получилъ, другаго бъ я поздравилъ съ зрѣлищемъ прелестной природы; но тебя утѣшать должно: хорошо смотрѣть на чудеса Создателя, когда имѣемъ на тотъ разъ спокойный духъ. Первое мое пророчество сбылось, что имя твое, а потомъ ловкость приведутъ все разстроенное въ порядокъ. У меня все бы было здорово, но двѣ вещи сдѣлали большое неудовольствіе: отъ дурныхъ дорогъ хлѣбъ продажный и вино опоздали и я отъ сего могу понести убытокъ; да еще лучшій почти жеребецъ изъ арабскихъ умеръ, и я, къ несчастію, узналъ теперь на опытѣ, что коновалъ, чѣмъ ученѣе, тѣмъ скорѣе уморитъ лошадь. Они могутъ быть хорошіе лекаря, а доктора—никогда. Три самыхъ славныхъ лечили лошадь, два отъ начала сапа, а одинъ отъ нечистоты въ желудкѣ, а по смерти нашли, что она умерла водяною болѣзнію“ и т. д.

„Отъ 25 марта, с. Вороново.

„Хотя я три почты не имѣлъ отъ тебя извѣстія и знаю, что ты очень занятъ, разстроенъ, взбѣшенъ и проч., но, привыкнувъ, покуда живъ, безпокоиться о своихъ друзьяхъ, не спокоенъ на твой счетъ. Не имѣвъ между множества пороковъ, коими богатая природа меня одарила, лукавства, скажу напрямикъ, что если еще почты двѣ не получу писемъ, то принужденъ буду желать, чтобъ ты былъ боленъ, потому что здоровому я не прощаю мѣсяцъ молчать и не найдти 25 секундъ написать пять

словъ о себѣ. Если бъ я не такъ тебя хорошо зналъ, то бы приписалъ и дали, и дѣламъ, и времени часть молчаній—но сему быть нельзя и какая тебѣ польза ссорить меня съ родомъ человѣческимъ? Поздравляю съ краснымъ воскресеньемъ и красною лентою. Ко мнѣ пишутъ, что Государь весьма часто говоритъ съ удовольствіемъ о тебѣ и находитъ особливую пріятность въ твоихъ донесеніяхъ. Сосѣдъ мой О. отставленъ и я угроженъ его переселеніемъ на все лѣто въ мое сосѣдство. К., жертвуя службѣ здоровьемъ, разъѣзжаетъ по инспекціи и готовитъ пѣхоту въ Москвѣ въ лучшемъ показать порядкѣ; сей разбитый воинъ вмѣстѣ съ предосторожнымъ А., говоря безпрестанно во всѣхъ окнахъ о войнѣ, могутъ преподать молодымъ офицерамъ хорошіе уроки, и говоря безпрестанно о ретирадахъ, привесть ихъ въ омерзеніе. Державинъ съ Кочубеемъ въ явной ссорѣ. Мы сидимъ и потѣемъ въ нижнемъ ужь этажѣ, гдѣ отдѣланы двѣ комнаты; онѣ очень хороши, но, бывъ велики, кажутся очень нарядными, хотя и ничего богатаго нѣтъ. Сергѣй всякій день о тебѣ говоритъ. Зима наша держится и, глубокими своими снѣгами испортивъ дороги, много задержала обозовъ. Жена тебѣ кланяется и очень рада, что ты первую пріятность получилъ среди непріятностей".

„Отъ 22 апрѣля, с. Вороново.

„Два твоихъ письма, любезный другъ, одно отъ 8 марта, а другое отъ 17 я получилъ. Благодарю тебя за лошадь и жалѣю очень, что ты могъ подумать минуту о моемъ отказѣ. Вѣрно, если будутъ у меня отъ ней дѣти, то не откажешь взять и опять подарить какого-нибудь горячаго охотника. Не довольно бѣлый *Дутманъ*, но и славы своей достойный *Кади*, тотъ самый, коего съ фирманомъ Блистательной Порты провели съ конвоемъ отъ Мекки до Смирны, палъ, а остались два сѣрые пяти лѣтъ и трехъ лѣтъ, обѣ славныхъ породъ и прекрасныхъ статей. Прошу отписать, какой породы и шерсти жеребецъ; да если нельзя будетъ его отправить лѣтомъ, такъ, чтобъ до сентября довести сюда, то, пожалуйста, дай ему перезимовать въ Георгіевскѣ для того, что первая зима несносна для этого рода лошадей, и должно непремѣнно, чтобы они по травѣ нѣсколько походили,

очистили тѣло и пріуготовились сносить на зиму конюшенный нечистый воздухъ. Мнѣ очень жаль, что въ отсутствіе мое на четыре дня въ Москву, тотъ курьеръ, котораго твой братецъ отправилъ къ тебѣ, заѣзжалъ сюда; хотя я твои, а ты мои письма получаешь исправно, но извѣстія свѣжѣе бы дошли. Успокойся, пожалуй, на счетъ цѣны путешествія въ Швейцарію. Если слову не вѣришь, то я къ тебѣ изъ Москвы доставлю счетъ книгопродавца, а радуйся тому, что изданіе въ in 4^0 нашлось. Если ты предуспѣешь въ приведеніи Имеретіи въ подданство, тогда ты не довольно на нынѣшнее время, но и впредь сдѣлаешь сущую и важную пользу какъ Россіи, такъ и Грузіи. У меня мысль сія въ запасѣ иногда оставалась, но признаюсь, что я почиталъ ее всегда химерой. Сія дорога можетъ быть вѣрнѣе той, что князь Потемкинъ въ Тавридѣ проложилъ въ Царьградъ, подписавъ на воротахъ *Путь въ Софію*. Москва про шведскія дѣла ничего точно не знаетъ; но такъ какъ пріуготовленія долго продолжались и ничего рѣшительнаго нѣтъ, то я думаю, что все окончится на краткихъ объясненіяхъ съ канцлеромъ, развѣ разрывъ у Англіи съ Франціею, коего весьма ожидать можно, сдѣлаетъ переворотъ въ теперешнемъ вещей положеніи. Царица грузинская въ Москвѣ въ большой модѣ; ее нашли очень умною и любезною, и она, по всѣмъ объ ней разсказамъ, должна имѣть много ловкости въ умѣ. О глупостяхъ московскихъ ничего не пишу, потому что онѣ недостойны вниманія; но жаль, что умы взяли весьма дурную, какъ говоритъ Куракинъ, покатость, и весьма желательно, чтобъ дурное было только на словахъ, а не на дѣлѣ. Весна здѣсь открылась очень хорошо; теперь 18 градусовъ тепла. У меня въ полѣ, на дворѣ и въ домѣ дѣла множество и, какъ человѣкъ живетъ въ суетахъ, то и я отдаю сей долгъ природѣ. Прощай, трудись и находи награду въ успѣхѣ. Правда ли, что К., ѣздя лѣтомъ по Тифлису, заставлялъ себя обмахивать двумя ѣздовыми, по сторонамъ его кареты ѣзжавшихъ?“

„21 мая, с. Вороново.

„Прежде чѣмъ отвѣчать на письмо твое отъ 27 апрѣля, опишу тебѣ, въ какомъ положеніи былъ, получа его. Ожиданіе

пріѣзда Анны Степановны въ Москву, переѣздъ туда, безпокойство и скука свалили меня на третій день пріѣзда, потомъ занемогла и жена, и я, живучи съ нею въ разныхъ домахъ—потому что она остановилась у Анны Степановны, гдѣ и безъ меня тѣсно было,—навѣщая ее, простудился еще больше и отъ сего потерявъ совсѣмъ голосъ, чувствовалъ большую боль въ горлѣ, которая до дня пріѣзда сюда и продолжалась. За Крафтомъ я посылать не хотѣлъ, а московскимъ лечить себя не дамъ; хорошимъ никто не вѣритъ, а славные слишкомъ богаты. Потомъ казначей казенной палаты слѣдующія мнѣ за вино 3,900 р., везя, потерялъ и, какъ онъ, по словамъ всѣхъ его знающихъ, хорошій человѣкъ и бѣдный, то ты легко догадаться можешь, что́ я тутъ сдѣлалъ. Наканунѣ отъѣзда моего изъ Москвы жена, пріѣхавъ ко мнѣ сидѣть, отпустила домой карету. За нею были два лакея; одинъ пошелъ пѣшкомъ, а другой, поднимаясь на гору у Пречистенскихъ Воротъ и не на мостовой упалъ, закричалъ: стой! всталъ, разстегнулся, но не могъ идти. Другой лакей посадилъ его въ карету, привезъ домой, пустили тотчасъ ему кровь, и онъ черезъ нѣсколько минутъ потомъ умеръ. Хорошій человѣкъ поведеніемъ, прекрасный собою, 24 лѣтъ. Смерть со всякимъ ежеминутно случиться можетъ, но столь чрезвычайная и неожиданная разстроила меня еще больше. Садясь на другой день въ карету, отъѣзжая сюда получилъ твое письмо".

„Отъ 3 іюня, с. Вороново.

„Вотъ ужь три почты, любезный другъ, что я не получалъ отъ тебя писемъ и немного безпокоюсь на твой счетъ, зная, сколь ты къ сердцу принимаешь много вещей, оттого, что милліоны людей на тебя не походятъ. Если придетъ горячка, то одолжишь многихъ. Кромѣ жены, мы всѣ нездоровы: я съ самаго несчастнаго моего путешествія въ Москву до сихъ поръ кашляю и дурно сплю. Май мѣсяцъ былъ совершенный потопъ и такъ, что ни за что приняться не возможно было; вообще отъ большихъ лѣсовъ въ здѣшней окрестности дождей слишкомъ много бываетъ и отъ сего въ уборкѣ травы и хлѣбовъ можетъ выходить вредъ и затрудненіе. Я множество надѣлалъ

испытаній и буду ждать ихъ успѣха, пытаюсь узнать силу новаго удобренія земли кислотою купоросною (acide de Nitr.); въ Голландіи два ужь года, какъ во всѣхъ огородахъ не кладутъ навозу. А теперь очень занятъ я устройствомъ русской простой сохи. Фермеръ мой англійской со всѣмъ причтомъ и инструментомъ на сихъ дняхъ долженъ пріѣхать; но я ужь очень богатъ всѣми орудіями для хлѣбопашества и нашелъ опытомъ, что соха имѣетъ больше выгодъ, чѣмъ думаютъ для пахатныхъ и мягкихъ вообще земель; неудобство ея то, что она дѣлаетъ уже плуга борозду и лежитъ на рукахъ у пахаря, отъ воли коего не совсѣмъ зависитъ пущать ее глубже въ землю и пахать, а я дѣлаю сошники шире обыкновенныхъ, и къ разсохѣ, къ коей они утверждаются сзади, придѣлываю колесо, кое, подымаясь и опускаясь по волѣ, соразмѣрно и пахать будетъ глубже или мелче. Если удастся, то выгода та, что двѣ такія сохи вспашутъ въ день десятину точно такъ, какъ и два плуга; но надобно два работника и двѣ лишь лошади вмѣсто четырехъ мужиковъ, изъ коихъ два идутъ за плугами, а два ведутъ лошадей, коихъ надобно по двѣ въ плугъ, да еще и сильныхъ. Плугъ же весьма полезенъ для нераспашныхъ земель, кои онъ можетъ подымать съ весны и до морозовъ, а соха едва до половины мая; плугъ имѣетъ слишкомъ много тренія отъ широкой поверхности отрѣзовъ и сошниковъ, тяжелъ для лошадей и валитъ на одну лишь сторону. Газеты иностранныя пишутъ, что должна быть война у турковъ и персіянъ; но я сему не вѣрю, судя по Пасванъ-Оглу, коего Порта до сихъ поръ боится и ласкаетъ. Ты увидишь, какія безразсудныя требованія дѣлала Англія, за то и война. Головинъ ко мнѣ пишетъ изъ Парижа, что французы весьма недовольны и хотѣли бъ очень жить въ миру, чему я и вѣрю: тутъ нельзя и отомстить за вѣроломство и обиду, а должно смотрѣть съ берегу, какъ ихъ на моряхъ грабить будутъ. Недолго и Бонапарте наживетъ! Министерство великобританское не болѣе дорожитъ жизнію людей, чѣмъ хвостами лошадиными. Прощай мой другъ; Богъ съ тобой, честь въ душѣ, умъ въ головѣ, духъ въ сердцѣ, а прочее найдешь у насъ въ домѣ“.

„Отъ 24 іюня, с. Вороново.

„Съ 13 мая я ни строки отъ тебя не имѣлъ и не знаю, чему сіе приписать: что ты боленъ, разсерженъ или измученъ дѣлами? Я совсѣмъ тѣмъ съ ногъ сбился, но добровольно весь день почти на полѣ. Англичане мои пріѣхали, и мы спѣшимъ поскорѣе поправлять нехорошую и совсѣмъ испорченную землю; теперь возятъ болотную горную землю, известку и навозъ на поля, и земли будущею весною будетъ 180 десятинъ засѣяно, а хотятъ ферму завесть на 300 и болѣе десятинахъ, для чего и дѣйствуютъ машины надъ срубленнымъ лѣсомъ и обращаютъ мѣсто въ богатое поле. Доколѣ у насъ не прибавится втрое жителей въ хлѣбородныхъ губерніяхъ, дотолѣ заведенія англійскаго обработыванія земель не будутъ нужны, но здѣсь они и выгодны и доходны чрезвычайно сѣяніемъ травъ и овощами. Я смотрѣлъ заведеніе графа Румянцева въ подмосковной и видѣлъ наилучшій горохъ, дрилемъ посѣянный на 70 десятинахъ, а прошлаго года онъ снялъ по 18 четв. съ дес. и продавалъ по 11 руб. четв. Я очень доволенъ фермеромъ, также и машинистомъ; а что́ меня больше всего веселитъ, это ихъ восхищеніе отъ ловкости нашихъ мужиковъ, и одинъ изъ сихъ, называемый Пронька, на мой вопросъ: могутъ ли они столько сработать? отвѣчалъ мнѣ: „Имъ противъ насъ не вынести: у нихъ кишкато пожиже“. Ко мнѣ ужь привезли всѣ орудія хлѣбопашества и многія изъ нихъ на здѣшнюю землю не годятся, между прочимъ, двойной плугъ отъ жидкости грунта и тягости плуга въ разсужденіи большаго тренія и длины; но машинисты свои и мы приготовляемъ новые и удобнѣйшіе инструменты. Я на будущей недѣлѣ поѣду въ ливенскія деревни, гдѣ мнѣ непремѣнно быть должно по многимъ причинамъ, и отсутствіе мое отсюда продлится недѣли три. Жена и дѣти здоровы; Сережа успѣваетъ чрезвычайно въ географіи и исторіи, но его учатъ безъ принужденія дабы изъ науки не сдѣлать пугалища“ и т. д.

„3 сентября, 1803, с. Вороново.

„Послѣднее мое письмо было къ тебѣ отправлено съ фельдъегеремъ Петромъ Ѳедоровичемъ Харахоринымъ, коего я Петрушею

уже называть не смѣю. Съ тѣхъ поръ въ нашемъ домѣ ничего чрезвычайнаго не произошло. Погода во весь августъ была чрезвычайная, но теперь платимъ мы долгъ природѣ. Дождь, слѣдственно грязь, сырость и пр. Заведеніе мое хлѣбопашества очень идетъ въ моду и учениковъ довольно къ веснѣ будетъ; 44 десятины разными образами засѣяны пшеницею, рожью и озимымъ ячменемъ, но много время потребно, дабы осилить предразсудки, а самолюбія и преодолѣть невозможно, потому что первое покоряется иногда опытамъ, примѣрамъ и доказательствамъ, а самолюбіе, презирая все, увѣряетъ себя часъ отъ часу въ преимуществѣ своемъ. Притомъ никто не хочетъ, несмотря на невѣжество, изъ мастеровъ сдѣлаться ученикомъ; хорошо еще, что прибыль заставляетъ отдаляться отъ правилъ сію часть людей, коихъ я называю окаменѣлыми. Въ Воронежѣ у меня еровыя вовсе пропали, а въ Ливнахъ дурны, на Битюгѣ вновь мною заведенныя еровыя пшеницы отмѣнно сего года родились, а рожь въ $12^1/_2$ разъ, несмотря на засуху. Въ Петербургѣ все слава Богу благополучно. Увѣряютъ, что Державина совсѣмъ было хотѣли отправить въ чистую. Прощай; жду отъ тебя письма съ нетерпѣніемъ. Забылъ было сказать ложь К. Д. Е. Горичь нашелъ въ каменной горѣ у Моздока бутылку съ водою, и стекло такъ тонко, что, чистя, сжимается и опять расправляется, и онъ заключилъ, что эта бутылка должна быть изъ тѣхъ, кои употребляли помпеевы солдаты, хотя римляне и никогда въ семъ краю не были. А доказательство Циціанова было то, что подобные сей бутылкѣ сосуды есть въ развалинахъ Геркулана и Помпеи, на что я ему замѣтилъ, что изобрѣтено стекло не старѣ 400 лѣтъ. Еще у него же изъ полувигони фракъ, который, онъ увѣряетъ, вытканъ изъ рыбьихъ усовъ. Жена и дѣти тебѣ кланяются. Катерина Петровна очень хорошо дѣлаетъ столярную работу; мнѣ много хлопотъ, потому что все устроивать должно; но patientia omnia vincit. Письмо кончилъ какъ З., а тебя обниму какъ твой сердечный другъ".

Въ письмѣ отъ 17 сентября Растопчинъ пишетъ, между прочимъ: „Когда ты пріѣдешь назадъ благополучно, то я спрошу: имѣешь ли истинное понятіе о четырехъ-лѣтнемъ моемъ положеніи, когда, кромѣ зависти и безчестія со стороны сотовари-

щей, боролся и съ ненавистью каждаго къ лицу покойнаго императора. Мы здоровы. Осень хорошая, и ты вѣрно бы мнѣ не упрекнулъ тѣмъ, что я не занимаюсь хлѣбопашествомъ—начало отмѣнное, и я, кромѣ собственной своей выгоды надѣюсь соучаствовать и въ общей, какъ то многіе желаютъ воспользоваться моимъ заведеніемъ и учениковъ множество къ веснѣ приготовлено. Машинистъ преискусный, а объ старикѣ Патерсонѣ ничего не говорю, потому что онъ извѣстенъ и въ Англіи и къ большому разсудку и опытности присоединяетъ страсть къ своему ремеслу и честныя правила: ты будешь завидовать мнѣ, что я его досталъ, а ему, что въ 61 годъ сохранилъ такъ свое здоровье".

Растопчинъ, съ самаго времени отставки почти безвыѣздно жившій въ деревнѣ, занимался усовершенствованіемъ своего сельскаго хозяйства и воспитаніемъ дѣтей. Мы не безъ намѣренія привели всѣ тѣ письма его къ П. Д. Циціанову, въ которыхъ онъ разсказываетъ о своихъ сельско-хозяйственныхъ мѣрахъ, потому что первое напечатанное произведеніе Растопчина было посвящено одной изъ такихъ мѣръ. Въ то время многіе русскіе хозяева начинали вводить у себя англійскіе способы удобренія земли. Нововведеніе это не замедлило возбудить недовѣріе въ другихъ; начались толки и споры. Однимъ изъ самыхъ жаркихъ приверженцевъ англійскаго земледѣлія былъ знаменитый въ свое время хозяинъ—Дмитрій Марковичъ Полторацкій. Мы не имѣемъ біографіи этого замѣчательнаго человѣка и потому не лишнимъ считаемъ привести современное о немъ извѣстіе, въ которомъ сквозь высокопарныя фразы легко видѣть сущность дѣла: „Нѣкоторые изъ почтенныхъ здѣшнихъ экономовъ (говоритъ неизвѣстный авторъ статьи „Успѣхи земледѣлія по Калужской губерніи") вводятъ съ желаемымъ успѣхомъ въ употребленіе англійское земледѣліе. Изъ числа таковыхъ любителей земледѣлія прославился здѣсь извѣстный въ отечествѣ нашемъ экономъ г. Полторацкій, который выписываетъ изъ Англіи искусныхъ въ семъ дѣлѣ людей для введенія совершенной англійской агрикультуры. Сей благонамѣренный сынъ отечества, желая распространить въ Россіи лучшій и легчайшій способъ обработыванія полей, вновь выписалъ двухъ искусныхъ [20]

англійскихъ земледѣльцевъ съ тѣмъ, чтобъ сіи безъ всякой платы обучали желающихъ учиться. Всякой хозяинъ можетъ посылать къ нему одного изъ учениковъ для наученія сего толико нужнаго искусства. Его село Авчурино, отстоящее отъ Калуги въ 13 верстахъ, показываетъ образецъ порядка, опрятности пашни и скотоводства. Это есть священный храмъ елевзійской Цереры. Успѣхи земледѣлія довелъ до толикой степени, что въ теченіе лѣта крестьянинъ съ плугомъ на двухъ хорошихъ лошадяхъ, сверхъ уборки сѣна и хлѣба, легко обработать можетъ садовымъ образомъ до 40 казенныхъ десятинъ. Земли свои унавоживаетъ обыкновеннымъ навозомъ, и болѣе мергелемъ, коего здѣсь довольное находится количество“ [21].

Растопчинъ посылалъ къ Полторацкому нѣсколько человѣкъ для обученія и велъ съ нимъ переписку; но она продолжалась, кажется, недолго. Мы имѣемъ три письма графа къ Д. М. Полторацкому, которыя и приводимъ [22].

„Отъ 27 апрѣля, с. Вороново.

„Милостивый Государь мой Дмитрій Марковичъ!

„Полученныя мною въ одно время два ваши письма доставили мнѣ двойное удовольствіе, и изъявя вамъ мою признательность за обѣщаніе открыть моимъ посланнымъ экономическимъ ученикамъ всѣ тайны вашего успѣшнаго обработыванія земель, прошу принять въ извиненіе объясненія на счетъ чести *Gentleman* [23]. Я нечаянно провелъ шесть дней въ Москвѣ по межевому моему дѣлу и видѣлъ тутъ Щепотьева, который чрезвычайно доволенъ вашимъ англичаниномъ и увѣрялъ меня, что ему дѣла лѣтъ на пять будетъ. Молотильную машину я весьма желаю имѣть; но какъ же ее поставить? Мнѣ хочется видѣться съ этимъ англичаниномъ для полученія плана на строеніе; а вы меня очень бы одолжили, когда бъ доставили вашъ, изъ коего бъ можно видѣть весь размѣръ, то-есть, на сколькихъ саженяхъ должны быть овины, и что́ занимаетъ средина съ машиною. Да не можно ли доставить мнѣ тѣхъ землекоповъ, которые у васъ копали, и написать, по чему вы платили за десятину. Я не думаю, чтобы вы за правду удивлялись послѣд-

ствіямъ слѣдствія Державина; вы слишкомъ умны, опытны и довольно живете въ семъ распутномъ свѣтѣ, чтобъ себя увѣрить одинъ разъ навсегда въ неоспоримой несчастной истинѣ: деньги нужны честному для пріятной жизни, а безчестному для сохраненія жизни. Прощайте. Вотъ я полѣзъ въ преисподнюю, а должно все быть на поверхности. Жеребятъ у меня здѣсь пять и много обѣщаютъ; но неизвѣстно, что сдержатъ. Я недѣли черезъ три ѣду на 8 дней въ Петербургъ для свиданія съ г. Головинымъ, который отъѣзжаетъ въ чужіе края. Но какъ нынѣшнее лѣто мнѣ проводить поцыгански, все въ ѣздѣ, то я надѣюсь быть и у васъ, и подобно школамъ древнихъ мудрецовъ почерпнуть въ вашей часть изъ тѣхъ знаній, которыя вмѣсто благодарности надѣлали вамъ завистниковъ и конечно не обогатили и васъ самихъ. Прощайте. Пользуйтесь свѣжимъ воздухомъ: это лучшее лекарство отъ физическихъ и моральныхъ припадковъ; о семъ свидѣтельствуетъ тотъ, который съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію

Вашъ, милостиваго государя моего,
покорнѣйшій слуга графъ Федоръ Растопчинъ“.

„Отъ 16 сентября, с. Вороново.

„Письмо ваше и вложенное къ Николаю Петровичу имѣлъ честь получить. Во время возвращенія вашего приведенъ ко мнѣ жеребецъ столь хорошихъ статей для Ливенскаго моего завода, что я рѣшился его туда отправить и для сего считаю излишнимъ пріобрѣтеніе двухъ чалыхъ египетскихъ: прилагаю при семъ письмо, по коему я могъ ихъ получить, увѣренъ былъ, что условіе, или, лучше сказать, предложеніе ваше останется безъ исполненія. Наконецъ правосудіе получило за себя стряпчаго въ особѣ Гаврила Романовича; боюсь только, чтобъ онъ не поступилъ на военную руку, хоть и не дурно бы большую часть гражданскихъ аркибузировать. Я надѣюсь скоро васъ видѣть въ здѣшнемъ мѣстѣ и показать новыхъ скотовъ, съ Битюга приведенныхъ. Въ ожиданіи же прощайте и вѣрьте, что я навсегда съ истиннымъ почтеніемъ и таковою же преданностію имѣю честь быть“ и проч.

„24 ноября, с. Вороново.

„Благодарю еще васъ за наученіе двухъ моихъ крестьянъ. Если на дѣлѣ они все то будутъ дѣлать, что знаютъ на рѣчахъ, то они могутъ почесться весьма понятными. Одного изъ нихъ въ сопровожденіи столяра отправляю къ вамъ для снятія лекалъ съ плуга, съ распашной сохи и боронъ. Вы очень бы меня одолжили, прислав хоть на время одинъ плугъ для лучшаго образца кузнецу; лѣсъ на всѣ сіи орудія приготовленъ и сушится. Я получилъ письмо отъ Смирнова, гдѣ онъ пишетъ, что поѣхалъ къ *Arthur Young* для совѣтованія съ нимъ и пріисканія извѣстнаго искусствомъ и опытностію фермера. *Young* изъ сего дѣлаетъ государственное дѣло и заключаетъ въ особѣ фермера честь аглицкаго хлѣбопашества, и не хочетъ ударить себя лицомъ въ грязь. Многіе аглицкіе молодые хлѣбопашцы, узнавъ, что здѣсь начинаютъ вводить образъ ихъ сѣянія и удобренія земли, отправляются, и два ужь, называемые *Cotton* и *Pretgmann*, пріѣхали въ Петербургъ. Между прочими выгодами, кои я надѣюсь получить отъ своего фермера, полагаю и то, что вы въ путешествіяхъ вашихъ въ столичный градъ лишній день у насъ пробудете и дадите нашей работѣ то же вниманіе, кое привлекъ Рожерсъ, министръ торговли. Заводъ мой лошадиный прибавляется. Прощайте. Когда поѣдете въ Москву, то не минуйте покорнаго вашего слугу гр. Ф. Растопчина“.

Даже и въ способахъ удобрять землю Растопчинъ остался русскимъ человѣкомъ и возсталъ противъ англійскаго земледѣлія; отсюда, кажется, произошла и размолвка его съ Д. М. Полторацкимъ. Онъ писалъ къ Циціанову (отъ 30 сентября 1803 г.): „Погода у насъ хорошая и мы спѣшимъ попользоваться послѣднимъ временемъ, дабы нагуляться, да и къ веснѣ пріуготовить землю. Между посѣтителями моей особы и пашни былъ Полторацкій, который, по естественной перемѣнѣ ко всему потерялъ вкусъ къ хлѣбопашеству и говорилъ, что, кромѣ плуговъ, все прочее пустое и игрушка. Онъ влюбился въ барбарскаго моего жеребца Драгута, который, два года назадъ, приведенъ изъ Царя-града отъ Юсуфъ-Аги. Прошлаго года онъ былъ въ другомъ состояніи, но Полторацкій давалъ мнѣ за него двухъ жеребцовъ, цѣною

тысячи въ три, однакожь я отказалъ, сказалъ настоящую причину, за что до слезъ огорчилъ своего англичанина коновала, который думалъ, что обмануть лошадью есть право людское".

„Я сбираюсь праздновать Катерининъ день (пишетъ Растопчинъ отъ 18 ноября) и дамъ старшимъ въ домахъ крестьянамъ и бабамъ обѣдъ и по серебряному рублю. Противъ моего заведенія вооружились крѣпко Полторацкій, Румянцова фермеръ и всѣ члены машинной компаніи, которая рушилась оттого, что они подали планъ заведенія, но ничего не могли сдѣлать оттого, что до сихъ поръ не имѣютъ машиниста".

Растопчинъ не раздѣлялъ пристрастія Полторацкаго къ плугу и въ 1806 году напечаталъ брошюру „Плугъ и соха", въ которой старался доказать превосходство сохи, или прежняго способа обработыванія земли. Эта книжка, изданная безъ имени автора [24], была первымъ изъ напечатанныхъ произведеній графа Растопчина. Немногимъ былъ извѣстенъ настоящій авторъ брошюры; ее приписывали кн. Дашковой [25], хотя эпиграфъ, напечатанный на оборотѣ заглавнаго листа, прямо указывалъ на Растопчина:

Поболѣ другаго я по свѣту шатался,
Ученіемъ, людьми, вещами занимался,
И оттого, что внѣ Россіи долго жилъ,
Узналъ всю цѣну ей и больше полюбилъ.
Какъ сынъ, я преданъ ей и сердцемъ и душой.
Служилъ въ войнѣ, въ дѣлахъ, теперь служу съ сохой.
Я пользы общества всегда былъ вѣрный другъ,
Хочу увѣрить въ томъ, и возстаю на плугъ.

Всѣ обстоятельства, переданныя эпиграфомъ, вполнѣ примѣняются къ Растопчину: онъ дѣйствительно долго путешествовалъ, дѣйствительно „узналъ всю цѣну Россіи" и потому такъ настойчиво преслѣдовалъ французовъ и „французолюбцевъ", „служилъ въ войнѣ (турецкой) и дѣлахъ", а въ 1806 году служилъ съ сохой. На введеніе англійскихъ пріемовъ обработыванія земли Растопчинъ смотритъ какъ на капризъ, проистекающій отъ страсти къ новостямъ. „То, что́ содѣлалось въ другихъ земляхъ вѣками и отъ нужды (говоритъ онъ), мы хотимъ посреди изобилія у себя завести въ годъ. Единственно по склонности къ новостямъ и въ подражаніе чужестраннымъ, по множеству це-

ремѣнъ въ одеждѣ, въ строеніи, въ воспитаніи, даже и въ образѣ мыслей. Теперь проявилась скоропостижно мода на англинское земледѣліе, и англинскій фермеръ столько же начинаетъ быть нуженъ многимъ русскимъ дворянамъ, какъ французской эмигрантъ, итальянскія въ домахъ окна и скаковыя лошади въ запряжку. Хотя я русскій и сердцемъ и душею, и предпочитаю отечество всѣмъ землямъ безъ изъятія; не изъ числа однакожь тѣхъ, которые, отъ упрямства, предразсудковъ и самолюбія, пренебрегаютъ вообще все иностранное и доказательства отражаютъ словами: *пустое, вздоръ, негодится.* Мое намѣреніе состоитъ въ томъ, чтобъ тѣмъ, кои прославляютъ англинское земледѣліе, выставляя выгодную лишь часть онаго, доказать, что сколь англинское обработываніе земли можетъ быть выгодно въ окрестностяхъ большихъ городовъ, столь безполезно, или, лучше сказать, невозможно всемѣстно для Россіи въ теперешнемъ ея положеніи“ [26]. Авторъ довольно ловко старается доказать, что всѣ блестящія обѣщанія, которыя соблазняютъ русскихъ хозяевъ, совершенно неисполнимы при условіяхъ нашей жизни и климата; онъ признаетъ только выгоды механической части англійскаго хлѣбопашества—молотильни и нѣкоторыхъ орудій. Не намъ судить о томъ, насколько вѣрны выводы Растопчина и каковы достоинства его брошюры; но мы не могли обойти его сельско-хозяйственный трактатъ по многимъ причинамъ. На него должно обратить вниманіе ужь и потому, что это первое изъ напечатанныхъ произведеній графа. Уже въ немъ видимъ зародыши того направленія, которое послѣ такъ широко развернулось. По своей страстной природѣ Растопчинъ привязывалъ свои симпатіи даже къ такимъ предметамъ, каковы земледѣльческія орудія.

Споры о плугѣ и сохѣ волновали довольно долго нашихъ агрономовъ, не разъ обнаруживались въ литературѣ, и въ нихъ принимали участіе такіе люди, какъ Растопчинъ, Дашкова [27], Крыловъ. Озлобленіе на французовъ, возбужденное войною съ ними, нечувствительно сообщилось литературнымъ толкамъ о настоящемъ вопросѣ. Если Растопчинъ приступаетъ къ англійскому хлѣбопашеству, какъ къ модной новости, занявшей многихъ; если на примѣненіе его къ условіямъ нашего климата и

быта смотритъ онъ такъ же, какъ на воспитаніе русскихъ французскими гувернерами, то и Крыловъ, по самой природѣ своей не терпѣвшій теоріи, не чуждъ подобнаго же взгляда на англійское хлѣбопашество, хотя онъ, разумѣется, и не думалъ объ опытахъ, а просто преслѣдовалъ его, какъ иноземщину. Въ комедіи „Модная Лавка“ [28] Сумбурова такъ расписываетъ нареченнаго жениха своей дочери: „Зятюшка-то мой, г. Недосчетовъ, будетъ у меня заглядѣнье: онъ, моя жизнь, былъ въ Лондонѣ, въ Парижѣ и заѣзжалъ въ Европу! Ужь нечего сказать, ученый человѣкъ, да и экономъ какой! И теперь, для экономіи, остался въ деревнѣ; знаешь, все на иностранный манеръ, и сѣетъ и жнетъ все по нѣмецкому календарю; да полно земля-то у насъ такая дурацкая, что когда ему надобно лѣто, тутъ-то, какъ на смѣхъ, и придетъ осень—разореніе да и все тутъ“ [29]. Въ то самое время, когда толки о „плугѣ и сохѣ“ были въ большомъ ходу, когда они были предметомъ журнальныхъ статей, когда являлись попытки устранить нѣкоторыя неудобства англійскаго плуга въ русскомъ хозяйствѣ [30], въ то самое время Крыловъ написалъ басню „Огородникъ и Философъ“ [31], въ которой осмѣивалъ излишнее увлеченіе теоріею и пренебреженіе живыми опытами, которые представляетъ самое хозяйство. Въ этомъ отношеніи Крыловъ совершенно сходится съ Растопчинымъ, который совѣтовалъ желавшимъ убѣдиться въ истинѣ его доказательствъ „поправить своимъ имѣніемъ, поѣздить по Россіи, посмотрѣть хорошенько и поговорить съ бородами, въ конхъ столько же ума, сколько и здраваго разсудка“ [32]. Такое же нравоученіе можно вывести и изъ басни Крылова: огородникъ совѣтуетъ философу приняться за дѣло; но тотъ отвѣчаетъ, что „не взрылъ грядъ за недосугомъ“:

Я все читалъ,
И вычиталъ,
Чѣмъ лучше: заступомъ ихъ взрыть, *сохой иль плугомъ?*

Философъ гонялся за нововведеніями, теоріею; онъ

Читалъ, выписывалъ, справлялся,
И въ книгахъ рылся и въ грядахъ,
Съ утра до вечера въ трудахъ.

Едва съ одной работой сладитъ,
Чуть на грядахъ лишь что взойдетъ:
Въ журналахъ новость онъ найдетъ—
И все изроетъ, пересадитъ
На новый ладъ и образецъ.
Какой же вылился конецъ?
У огородника взошло все и поспѣло;
Онъ съ прибылью—и въ шляпѣ дѣло;
А философъ—
Безъ огурцовъ.

Показавъ отношеніе этой басни Крылова къ вопросу, занимавшему многихъ въ то время, не можемъ не замѣтить, что въ произведеніяхъ Растопчина и баснописца попадается очень много общихъ чертъ, и въ самомъ взглядѣ ихъ на дѣло довольно общаго. Ниже увидимъ, что въ комедіяхъ Крылова осмѣиваются тѣ же стороны русскаго общества, которыя преслѣдуетъ и авторъ „Мыслей въ слухъ на Красномъ Крыльцѣ“ и „Вѣстей“.

Еще въ 1803 году, въ письмѣ къ Циціанову, Растопчинъ безъ особеннаго сочувствія отзывается о плугѣ и англійскомъ хлѣбопашествѣ вообще; но только въ 1806 году рѣшился онъ печатно высказать о немъ свое мнѣніе. Въ эти годы онъ болѣе занимался сначала сборами за границу, а потомъ воспитаніемъ дѣтей, судя по письмамъ его къ Циціанову, къ которымъ мы снова обращаемся.

„2-го декабря (1803), с. Вороново.

„Опять ты замолкъ; хорошо, что на прошедшей недѣлѣ кн. Д. Е. Циціановъ получилъ отъ сына письмо, гдѣ онъ пишетъ, что ты хоть несовсѣмъ здоровъ, но и не боленъ. Я нечаянно четыре цѣлые дни былъ въ весьма непріятномъ и затруднительномъ положеніи. Небольсинъ, съ коимъ я очень знакомъ и который мнѣ большія оказываетъ услуги, занемогъ спазмами, кои, разслабя его старое и обветшалое тѣло, довели до опасности, коя еще больше усилилась отъ рвоты гемороидальной крови. Жена прислала ко мнѣ курьера, чтобъ я какъ можно скорѣе пріѣхалъ, что мужъ умираетъ и желаетъ меня видѣть. Я прискакалъ ночью и, пробывъ четыре дни у нихъ въ домѣ, былъ свидѣтелемъ самыхъ трогательныхъ явленій. Жена сходила отъ отчая-

нія съ ума; онъ оказывалъ твердость духа необычайную; люди въ отчаяніи. Ф. разсердился, увидя тутъ Крафта, коего больной хотѣлъ видѣть и о пріѣздѣ бывъ Ф. предувѣдомленъ, сказалъ Небольсиной: qu'il ne remettra plus les pieds dans sa maison и на ея замѣчаніе, что мужъ отъ сего умретъ, изволилъ сказать: *Il n'a qu'à mourir et alors je viendrai.* Ей сдѣлались конвульсіи; а мать публика нашла, что Ф. обиженъ, и что все сіе происшествіе выдуманное. А, ей-Богу, дубину Петра Великаго рано въ Кунсткамеру отнесли... Мы всѣ здоровы. Я всегда въ большихъ хлопотахъ отъ управленія имѣніемъ, отъ пріискиванія гувернера для Сережи"...

Письмо отъ 20-го января (1804 г.) оканчивается такимъ образомъ:

„Я теперь занимаюсь пріуготовленіями строить весною ферму и завести хорошую породу коровъ. Патерсонъ мой часъ отъ часу болѣе мнѣ нравится. Мы готовимъ въ прибавокъ къ 8-ми плугамъ еще 10 и запашемъ славно. Я очень радъ, что самолюбіе съ нѣкоторою платой дѣйствуетъ надъ здѣшними крестьянами; а все сіе зависитъ отъ пестрой рубашки и сапогъ. Надѣюсь, что будущимъ лѣтомъ много будетъ, что̀ тебѣ показать, и за многое похвалишь. До того прощай. Ты у меня предъ глазами и твой портретъ надъ моимъ писальнымъ столомъ виситъ противъ глазъ съ боку женнина портрета".

„Отъ 4 февраля, с. Вороново.

„Слава Богу—слава и тебѣ—не за то, что ты безъ артиллеріи взялъ азіатскій Гибралтаръ, не за то, что къ чести побѣдителей Очакова и Измаила присоединилъ взятіе Ганжи, но за то, что просьба твоя и гласъ души благородной и сердца чувствительнаго обнялъ духъ солдатъ и, вмѣсто звѣрства, вселилъ въ нихъ человѣколюбіе... Если бы ты былъ, когда я читалъ твое письмо и реляцію, то бы увидѣлъ, знаю ли я тебя и умѣю ли понимать. Слезы упали бы на твое лицо, либо на руку; но я надѣюсь, что мы въ жизни будемъ еще имѣть много случаевъ утѣшать и заставлять плакать другъ друга... Сергуша сестрамъ далъ праздникъ; у нихъ есть маленькая настольная

иллюминація, и твое имя освѣщено было плошками изъ грецкихъ орѣховыхъ скорлупъ, налитыхъ воскомъ; я отпѣлъ молебенъ; теперь остается тебѣ быть здоровымъ. Мы всѣ здоровы; безъ непредвидѣннаго какого-либо случая, я надѣюсь до марта изъ моего Воронова не тронуться. Я всегда возвращаюсь изъ Москвы въ огорченіи отъ видѣннаго и слышаннаго: развратъ достигъ до тѣхъ людей, кои почитались степенными. Мнѣ новыя хлопоты. Посѣщая въ бытность мою въ Москвѣ несчастную Небольсину, имѣлъ я тутъ нерѣдко случаи видѣться, говорить и спорить съ княгинею Дашковою; что жь изъ сего вышло? Она отъ меня безъ памяти, пишетъ и я долженъ отвѣчать, читать у ней всѣ важныя переписки, а она кстати и некстати кричитъ, что она въ своей жизни нашла лишь трехъ человѣкъ, кои дѣлаютъ честь людямъ: Фридриха Великаго, Дидерота и меня. Однако ты не думай, чтобъ я возгордился. Ея похвала и ядъ и лекарство.—Прости, другъ, побѣдитель Ганжи. Когда учредишь все, успокоишь войска, призришь плѣнныхъ, напитаешься честью, сваришь похвалы и наплюешь на зависть, тогда подумай, что я охотникъ, хотя и въ отставкѣ, до

Animal guerrier, qu'enfanta le Trident".

Въ письмѣ отъ 28-го февраля Растопчинъ съ большимъ безпокойствомъ извѣщаетъ Циціанова объ опасной болѣзни доктора своего Крафта.

„Мы всѣ (пишетъ онъ) въ большомъ безпокойствѣ, по случаю тяжкой болѣзни Крафта. Онъ простудился и, не поправясь, началъ выходить, и теперь лежитъ въ плерезіи, и несмотря на вторичное пусканіе крови, лекарства и потъ, часъ отъ часу становится слабѣе и хуже. Ты знаешь человѣка, его искусство, привязанность къ намъ и легко представишь себѣ, каково мое и женнино положеніе. Всякій человѣкъ претерпѣвать долженъ свои несчастія въ семъ свѣтѣ; но потеря сія будетъ весьма для меня трудна. Можно иногда, имѣя причины, утѣшать себя въ потерѣ человѣка, коего считалъ долго другомъ и въ коемъ ошибся; но лишиться почтеннаго, нужнаго и умнаго человѣка, котóрый часъ отъ часу становился дороже и сыскалъ мѣсто въ душѣ—это тяжело. Но во всемъ воля Божія; а мы, забывая часто, что мы прахъ, мнимъ быть безсмертными. Прощай. Богъ съ тобою.

„Поздравляю тебя съ новыми успѣхами. Мнѣ лестно то, что другъ мой на дѣлѣ исполняетъ то, что́ и почиталъ своимъ мечтаніемъ и невозможнымъ. Я положилъ начало на бумагѣ, а ты на землѣ: одно ничего не значитъ, а другое важно и славно. А конецъ обѣимъ одинъ—отставка и покой, если Богу угодно".

„Отъ 9-го марта, с. Вороново.

„Послѣднее письмо твое насъ очень тронуло; но я и самъ теперь утѣшать не въ состояніи, а дорого бы далъ, чтобъ ты былъ здѣсь и отеръ слезы, которыя льются изъ глазъ пятый день, какъ я лишился почтеннаго своего Крафта. Онъ въ девятый день послѣ самой мучительной болѣзни и муки нестерпимой, окончилъ жизнь свою, посвященную единственно на пользу человѣчества. Мы съ женою оплакиваемъ его, какъ друга и самонужнѣйшаго человѣка для жизни нашей. Хотя я тотчасъ писалъ ужь въ Петербургъ и, можетъ быть, скоро оттуда и будетъ какой-нибудь докторъ, но можетъ ли тотъ походить искусствомъ, душою и привязанностью на почтеннаго Крафта? Это происшествіе столь сильно меня встревожило, тѣмъ болѣе, что жена ему обязана была здоровьемъ, а Сережа жизнью, что я, помышляя единственно о ихъ здоровьѣ, принялъ намѣреніе продать пышное свое Вороново, сохранить свои доходы и, приведя въ порядокъ дѣла, ѣхать будущею весною на нѣсколько лѣтъ на житье въ такое мѣсто, гдѣ, въ тепломъ климатѣ, я найду всѣ способы къ спокойствію и къ воспитанію дѣтей. Я посылаю письмо къ Г. К., полагая, что государь лучше и удобнѣе пріобрѣтенія сдѣлать не можетъ для заведеній, кои ужь есть и могутъ остаться. Жена не очень здорова, а я, въ страхѣ на счетъ ея и дѣтей, пораженъ кончиною сего достойнаго человѣка, который на рукахъ у меня умеръ. Утѣшая несчастную его вдову и 7 дѣтей, самъ не могу еще придти въ себя и очень нездоровъ. Прощай и вѣрь, что дружба твоя и жизнь суть двѣ важныя вещи въ моемъ положеніи теперешнемъ и будущемъ".

„Отъ 30 марта, с. Вороново.

„Давно, любезный другъ, не имѣлъ отъ тебя писемъ и тѣмъ болѣе безпокоюсь, что въ Москвѣ дѣлаютъ всякія глупыя раз-

глашенія на счетъ побитыхъ полковъ въ Грузіи, молодаго Воронцова, ограбленнаго горцами, раненаго и потомъ умершаго въ пропасти среди горъ. Я Москвѣ не больше вѣрю, какъ К. или К. Ц., но нельзя не безпокоиться, зная, что есть возможность быть всему на свѣтѣ. Я къ тебѣ писалъ на другой день послѣ случившагося у насъ несчастія. Я до сихъ поръ не могу привыкнуть къ смерти почтеннаго этого Крафта. Жена же его участвовала очень въ непріятномъ его положеніи, скучая жизнію деревенскою и привыкнувъ глазѣть въ Петербургѣ, куда она при первой возможности и возвращается. Хоть мнѣ ни искусства, ни дружбы Крафта не найтить, но и до сентября безъ доктора жить съ семьею въ деревнѣ не возможно, и я, нашедъ въ Москвѣ одного Эндеміуса, который былъ главнымъ докторомъ при полкахъ гвардіи, уговорилъ его быть здѣсь до отъѣзда нашего въ Москву. Я ужь къ тебѣ писалъ, что намѣреніе наше есть ѣхать въ чужіе краи въ маѣ 1805 года. Причины мои: здоровье жены, Сергуши и мое спокойствіе и желаніе заплатить долгъ, коего 306,000. Если я останусь здѣсь, то обширное Вороново съ развалинами своими унесетъ у меня большую часть дохода, не принося мнѣ ничего, а выѣхавъ изъ него съ домомъ и выведя вонъ конскій заводъ, я навѣрно получу отъ 25 до 30 тыс. доходу ежегодно. Я теперь жду отвѣта отъ К., къ коему писалъ, неугодно ли государю купить Вороново за 350 тыс. руб., хоть оно съ прикупомъ у Зиновьева деревни и издержекъ, стоитъ мнѣ 372 тыс. Тогда бы я былъ квитъ съ долгами и еще имѣлъ бы нѣсколько своего капиталу, и эта мысль меня всегда очень тревожитъ, когда подумаешь, что жена можетъ остаться и съ долгами, и съ безпокойствомъ, не имѣя никакого понятія ни о управленіи имѣніемъ, ни о плутовствахъ людскихъ, коимъ она неохотно и вѣритъ. Но продамъ ли я или нѣтъ Вороново, а все въ сентябрѣ переѣду въ Москву и тамъ, приведя свои дѣла въ порядокъ, дождусь мая и поѣду. Я еще не рѣшенъ на мѣсто нашего пребыванія, а думаю больше, что годъ пробуду въ Франкфуртѣ на Майнѣ, гдѣ по близости всѣхъ водъ и теплицъ могу заняться леченіемъ, а тамъ, если обстоятельства позволятъ, то поѣду на нѣсколько лѣтъ въ Швейцарію, и съ благословенною своею семьею, съ книгами и самъ съ собою

могу надѣяться быть счастливымъ. Въ судьбѣ моей есть нѣчто странное: я имѣлъ даръ Божій найдтить трехъ друзей, но ни съ однимъ навѣрно не могу дѣлить время: ты въ службѣ, гдѣ полезенъ отечеству и человѣчеству, Головинъ въ Парижѣ, на долго и всегда будетъ занятъ женою и мною, Небольсинъ убитъ своимъ состояніемъ и бѣгаетъ, противъ своего желанія, людей. Слѣдственно, здѣсь ли я, или въ другомъ мѣстѣ, друзья мои будутъ единственно въ душѣ моей, а я въ ихъ. Ты изъ газетъ увидишь, въ какомъ критическомъ положеніи Англія. Еслибъ король умеръ, то бы и замѣшательства не было; но онъ опять съ ума сошелъ и должно будетъ поставить или регента, или совѣтъ для управленія. Сія эпоха, можетъ быть, переломъ счастія англійской политики, которая грабитъ и кричать не велитъ. Вѣрно бы Питтъ не заключилъ въ Амьенѣ мира, а заключа, не началъ бы такъ скоро опять войны. Бонапарте всѣ завидуютъ, но онъ никому счастія не сдѣлалъ, и всѣ тѣ, кои сбираются за деньги его убить, помышляютъ слишкомъ много о своей безопасности, дабы воспользоваться награжденіями за убійство. Жаль, что Моро тутъ замѣшался, не доволенъ ролею премудраго перваго генерала, а захотѣлъ въ первые консулы. Судя по многимъ изъ тѣхъ, кои пріѣхали изъ Англіи убивать Корсиканца, Витвортъ, коего звали *homme loyal*, вѣрно руководствовалъ симъ невиннымъ замысломъ. Я ничего гнуснѣе правилъ аглицкаго министерства не знаю, а между глупыми привычками въ людяхъ говорятъ *honnête comme un Anglais*. Прощай, Богъ съ тобой. Жена тебѣ кланяется; дѣти, кромѣ Наташи, здоровы, а она немного простудилась; я и самъ въ сильномъ ревматизмѣ и съ недѣлю не могъ писать. Весна открылась, но снѣгъ еще не сошелъ оттого, что дождя нѣтъ, а ясное небо и ночью бываетъ холодно. Прощай, мой другъ".

„Отъ 3 мая, с. Вороново.

„Опять три почты отъ тебя писемъ нѣтъ; слѣдственно, двѣ недѣли началось опять безпокойство на твой счетъ. Иногда, несмотря на дальнія выгоды отъ присоединенія Грузіи, я сержусь на себя за то, что, постигнувъ дѣло сіе, какъ надлежало, совершилъ; но всего придумать нельзя, и если я теперь безпо-

кoюсь о тебѣ, что ты среди безпокойствъ и неудовольствій всегда подъ пулею и стрѣлою, то нельзя предвидѣть было и того, что ты бы могъ и въ другомъ мѣстѣ, и безъ непріятелей быть завсегда въ опасности отъ каверзовъ и мерзостей сыновъ человѣческихъ. Хочется и для тебя, и для себя, чтобы ты, оконча столь же славно, какъ началъ, возвратился на покой, но и въ семъ сомнѣваюсь. По всему не пройдетъ годъ безъ войны чрезвычайной. Можно смотрѣть хладнокровно на нѣкоторыя происшествія; но есть такія, что равнодушіе влечетъ за собою бѣдство и позоръ. Я получаю извѣстіе сейчасъ, что въ Петербургъ пріѣхалъ курьеръ съ извѣстіемъ о принятіи Бонапартомъ титула императора Галловъ и короля италійскаго. Жену онъ свою отрѣшилъ, уничтожа бракъ, и женится на вдовствующей королевѣ этрурской съ тѣмъ, что въ случаѣ его бездѣтія, сынъ отъ перваго ея брака будетъ наслѣдникъ Бонапартовъ. Примѣть, что самъ возвращаетъ онъ Французамъ форму перваго ихъ правленія, пріуча ихъ къ своему самовластію, присоединяетъ къ страшной французской силѣ и королевство Этрурское и возводитъ по себѣ отрасль бурбонскую на французскій престолъ, оба королевства Этрурскія — дочь короля гишпанскаго. Мнѣ то смѣшно, что люди не признаются никогда въ ихъ сумасшествіи, и стоило ли жизни близь двухъ милліоновъ людей, потрясенія всѣхъ властей и произведенія непонятныхъ варварствъ и безбожія то, чтобы сдѣлать изъ пѣхотнаго капитана императора и короля? Послѣднее письмо твое меня тронуло; но ты согласишься со мною, что причины мои отъѣхать въ чужіе краи весьма сильны. Жена очень разстроена здоровьемъ и поддерживаетъ себя порядочною и спокойною жизнію. Сергуша слабъ и Наташа тоже съ прошедшей зимы. Надежды и помощника нашего Крафта—нѣтъ, и мнѣ должно предупредить все, что въ волѣ человѣка быть можетъ. Если ты будешь въ отставкѣ, то и тебѣ воды и бани худа не сдѣлаютъ, а планъ нашей ѣзды совершенно пригодиться можетъ и тебѣ. Исключая времени, сколько мы съ тобою были вмѣстѣ въ теченіе послѣднихъ семи лѣтъ, ты жилъ въ деревнѣ, я въ Петербургѣ, потомъ я тебя смѣнилъ, а ты меня. Счастливъ я тѣмъ, что имѣю друга въ тебѣ, на коемъ остановится утѣшительная мысль, если бы я прежде

тебя достигъ до часа смертнаго, и другъ мужа остался бы другъ жены почтенной и защитникъ сиротъ. Но когда бы обстоятельства твои позволили соединиться намъ и въ чужихъ краяхъ, то бы Россія была съ нами и внѣ отечества... Я продалъ костромскія деревни — 400 душъ за 55 тыс. и самъ расплачусь съ мелкими долгами... Вороново я не продаю; многіе желали купить его, но ни одинъ не рѣшился, кромѣ Мамонова, который хотѣлъ меня одолжить домомъ, картинами, мраморомъ и проч... У насъ была восемь дней несчастная Небольсина съ братомъ Николаемъ, который весьма тобою восхищается; онъ, бывъ въ Неаполѣ и узнавъ о смерти брата, тотчасъ пріѣхалъ. Онъ уменъ, я думаю, честенъ, но воображеніе пылко и молодо и мѣшаетъ видѣть вещи въ настоящемъ видѣ".

„Отъ 26 мая, с. Вороново.

„Безпокойство мое часъ отъ часу прибавляется тѣмъ болѣе, что курьера отъ тебя нѣтъ и Богъ знаетъ, когда ты кончишь свои походы и занятія. Коль ни славна для твоей исторіи та минута, въ кою ты родилъ великій планъ, нынѣ въ дѣйствіе приводимый, столько же она и безпокойна и мучительна для меня и для тѣхъ, кои по моему тебя любятъ, зная сердце и душу. Я боюсь, что еще до 10-го числа будущаго мѣсяца пробуду, не получа отъ тебя письма; мнѣ пора и непремѣнно ѣхать должно въ воронежскія, а оттуда въ другія деревни, и я полагаю употребить на сіе обозрѣніе мѣсяцъ, слѣдственно я лишнюю недѣлю пробуду въ безпокойствѣ, доколѣ съ женинымъ письмами получу и твое. Я теперь очень хлопочу, чтобы въ сентябрѣ сыскать домъ въ Москвѣ. Жена на 6 недѣль поѣдетъ зимою въ Петербургъ, а я долженъ заняться приведеніемъ всѣхъ дѣлъ въ порядокъ, отъѣзжая въ маѣ на нѣсколько лѣтъ въ чужіе краи, какъ для здоровья, такъ и для лучшей уплаты долговъ. Мы ѣдемъ не мотать и не веселиться, слѣдственно, избравъ пріятный городъ въ Швейцаріи или Франкфуртъ на Майнѣ, займемся воспитаніемъ милыхъ дѣтей и будемъ счастливы одинъ другимъ.—Мы здоровы и пользуемся самымъ прекраснымъ временемъ, кое продолжается болѣе мѣсяца. Хлѣбопашество мое въ совершенствѣ и съ нѣкоторымъ кокетствомъ въ отдѣлкѣ

полей; озимый хлѣбъ отмѣнный, а яроваго всякаго близь 140 десятинъ посѣяно будетъ; ты бы вѣрно меня не упрекнулъ теперь, что я пренебрегаю сею почтенною частію хозяйства. Я весьма доволенъ своими шотландцами, и каждый изъ нихъ рвется лучше сдѣлать по своей части.—Теперь я боюсь еще кровопролитной войны. Питтъ опять входитъ въ министерство, а съ его умомъ, съ денежными пособіями и жаждою истребить Францію онъ затащитъ и сухія державы, чтобъ изъ нихъ сдѣлать мокрыхъ куръ. Между тѣмъ Англія покорила весь Индостанъ подъ свое иго. Я дни черезъ три ѣду въ деревню къ княгинѣ Дашковой съ Авдотьею Селиверстовною Небольсиною и съ братомъ ея Николаемъ Селиверстовичемъ. Прощай. Жена тебѣ кланяется, дѣти любятъ, а я, пока живъ, неизмѣнный другъ твой".

Въ слѣдующемъ письмѣ (отъ 12 іюня, с. Вороново) Растопчинъ пишетъ, между прочимъ: „Письмо твое я получилъ въ одну изъ тѣхъ счастливыхъ минутъ, когда, бывъ здоровъ тѣломъ и спокоенъ духомъ, я былъ среди богатаго поля, и тутъ, читая все, тобою писанное, вкусилъ удовольствіе, ничѣмъ неотравленное. Я благодарилъ всѣми чувствами Бога и кончилъ тѣмъ, что возвратился въ свой благословенный домъ, смоча лицо слезами пріятными, сообщить извѣстіе о тебѣ женѣ, коей почтеніе и любовь ты вѣрно цѣнить умѣешь.—Бумаги твои, оставя съ нихъ списокъ, отослалъ къ зятю и надѣюсь видѣть ихъ въ Москвѣ; самъ я черезъ недѣлю ѣду въ дальнія деревни, и много стоитъ мнѣ разлучиться на мѣсяцъ съ милою семьею, но не хочется и запустить устроенныхъ уже заведеній".

Въ концѣ письма Растопчинъ замѣчаетъ, что „если послѣднія происшествія во Франціи произведутъ войну, то мы принуждены будемъ отложить будущею весною поѣздку нашу въ чужіе краи, по той причинѣ, что война должна быть всемѣстная и смѣшно будетъ, располагаясь ѣхать лечиться, изуродовать себя безпокойствомъ и страхомъ".

„20 іюля, с. Козмодемьянское, 360 верстъ отъ Воронова.

„Я здѣсь уже другой день и, пробывъ еще шесть, поспѣшу къ своимъ. Путешествіе мое до сихъ мѣстъ было самое вожде-

лѣнное: хорошая погода, скорая ѣзда и пріятныя находки. Ѣзда моя раздѣлилась на 5 частей. Оставя милыхъ моихъ въ 6 часовъ вечера, пріѣхалъ рано на другой день въ Калугу, гдѣ обѣдалъ у достойнаго тамошняго губернатора Андр. Лавр. Львова; онъ занятъ единственно дѣлами: устройствомъ губерніи и химерою искорененія всемѣстно зла, т. е. воздуха въ атмосферѣ— дай Богъ ему успѣть! Потомъ, продолжая свой путь еще 50 верстъ, пробылъ въ Козельской деревнѣ, одной изъ тѣхъ, на кою тысовершалъ купчую. Тутъ ничего чрезвычайнаго не было, кромѣ устрашающей тучи, но все сіе кончилось просто дождемъ и темнота не во-время смѣнилась дневнымъ свѣтомъ, слѣдственно и трагедіи сдѣлать не изъ чего. Въ этой деревнѣ, гдѣ не знали, что́ дѣлать съ лѣсомъ, пильная рама, стоющая мнѣ единственно 320 р., пилитъ до 14,000 тѣсницъ и даетъ до 3000 руб. ежегодно доходу, не касаясь вовсе до крестьянъ. Отъѣхалъ еще 50 верстъ, ночевалъ у вдовы, жены одного Пр., дяди Катерины Петровны и тутъ наѣхалъ въ городѣ пиръ у городничаго, состоящій изъ 60 особъ или людей. Потомъ два дни пробылъ у того самаго Василья Ивановича Протасова, коего ты видалъ у насъ въ Москвѣ во время коронаціи. Онъ въ большомъ уваженіи по Тульской и Орловской губерніи и отъ сего самаго никогда не можетъ располагать временемъ, а дѣлитъ его съ сосѣдьми, изъ коихъ мало есть такихъ, коимъ бы и изъ маѳусаиловой жизни можно отдѣлить секунду... Хорошъ г-нъ А., который 800 душъ прожилъ на изобрѣтеніе perpetuum mobile; на вопросъ, къ чему оный онъ употребить намѣренъ (еслибъ изобрѣлъ), отвѣчаетъ: Богъ знаетъ, да вѣдь живучи въ деревнѣ, надобно чѣмъ-нибудь заняться. Непротивенъ и Г. Х., который, говоря мнѣ „ваше превосходительство“, извинялся, что онъ взялъ эту привычку, обращаясь часто съ губернаторомъ. Милъ и игрокъ Х., носящій, когда въ гостяхъ, старый платокъ умершаго въ Тулѣ губернаторомъ Г. и полученный имъ отъ жены его въ знакъ его преданности къ покойнику. Замѣчателенъ и отставной бригадиръ К., умоляющій сосѣдей позволить ему отъ себя и своими людьми сажать до нихъ проспекты. Но представь себѣ, что всѣ эти вышеописанные люди живутъ въ деревнѣ, бѣгаютъ одинъ къ другому отъ скуки и никакъ хлѣбопашествомъ не занима-

ются, говоря, что чего Богъ не дастъ, того не возьмешь, а между тѣмъ стараются другъ друга обыгрывать въ карты. А забылъ было 3000 душъ помѣщика Л., скряги, коего жизнь есть шестой актъ комедіи *Скупаго* Мольера; онъ для того не живетъ совсѣмъ въ отдѣланномъ своемъ новомъ домѣ, что столяръ его, отданный на выучку, не поспѣлъ, слѣдственно и рамъ въ окна сдѣлать некому.—Въ ливенской деревнѣ, гдѣ говорили, что хлѣбъ не родится (въ той самой, на кою ты также совершалъ крѣпость), я нашелъ рѣдкой доброты весь урожай, и поле мое, даже и крестьянское, оттѣнилось отъ сосѣднихъ, а однодворцы, тутъ живущіе, яровой и озимый сѣютъ поперемѣнно, не давая землѣ отдыхать ни на минуту и говорятъ: *плохо родится рожь, сама-пята приходитъ*.—Я здѣсь на своей родинѣ; всякое мѣсто приводитъ на память какое-либо маленькое происшествіе, пріятное по молодости лѣтъ; а мѣсто сіе, заключая въ себѣ остатки батюшки и матушки моихъ, должно нѣкогда и меня ссудить мѣстомъ для сокрытія гнилаго тѣла. Теперь повинюсь въ моей глупости, слабости, или какъ хочешь назови. Пріѣхавъ рано, я захотѣлъ лечь заснуть и три раза сряду видѣлъ одинъ сонъ, состоящій въ томъ, что батюшка ко мнѣ сюда пишетъ, будто Катерину Петровну въ Вороновѣ убили во время ея гулянья. Смѣйся, но всему есть возможность... Я очень пораженъ симъ сномъ тѣмъ паче, что они всегда для меня бываютъ незначущіе, а этотъ заключаетъ все, чѣмъ я счастливъ и награжденъ отъ Бога на семъ свѣтѣ. Посмѣйся, но и пожалѣй. Примѣть, что я посылаю и отсюда къ тебѣ газеты; взялъ ихъ изъ Воронова для отправленія.—Въ сію минуту я получаю твое письмо, отъ 27 іюня. Жалѣть еще болѣе о тебѣ не могу, потому что давно со стороны трудовъ знаю тебя замученнымъ; но радъ, что ты здоровъ. Черезъ недѣлю надѣюсь быть посреди моего семейства. Прощай".

„Отъ 27 іюня, с. Вороново.

„Десять уже дней, какъ я возвратился сюда и нашелъ всю свою семью въ добромъ здоровьѣ.—Я все безъ лекаря и рѣшился писать къ славному доктору Рихтеру въ Берлинъ, чтобы онъ прислалъ ко мнѣ искуснаго человѣка, коихъ въ нѣмецкой

землѣ весьма много безъ употребленія и безъ мѣстъ. Тотъ Французъ, о коемъ я къ тебѣ писалъ, наконецъ пріѣхалъ, а мы просимъ Бога, чтобы онъ навсегда таковымъ остался, каковъ есть теперь. Онъ весьма ученъ, воспитанъ дядею, который былъ первымъ учителемъ Дофина и былъ по части геометріи и географіи употребленъ при воспитаніи его и самъ; дочь его премилый ребенокъ, девяти лѣтъ, совершенно воспитана хорошо и всегда была при немъ; ему 41 годъ и метода ученья очень хороша. Сергуша очень силенъ уже въ исторіи и географіи, а особливо въ россійской, имѣя учителемъ мать, которая жизнь свою посвятила совершенно дѣтямъ и моему благополучію. Отъѣздъ нашъ въ чужіе краи мы отложили на годъ или на два, для того, что мнѣ надобно привесть въ порядокъ домашнія дѣла, а еще больше того, все думается, что ты разстаешься съ краемъ, гдѣ пріобрѣлъ много славы, а еще больше болѣзни и безпокойствъ. Головинъ возвращается весною въ Россію и располагается жить лѣтомъ въ подмосковной, не зная, что домъ его въ двухъ мѣстахъ треснулъ, а одна колонада почти совсѣмъ упала.—Жаль, мой другъ, что ты слишкомъ занятъ и не имѣешь время ко мнѣ чаще писать; очень, очень часто я за тебя крѣпко безпокоюсь, а когда и покоенъ, то и тогда не знаю, когда съ тобою увижусь и на долго ли; но—воля Божія, коей все, имѣющее разсудокъ, покоряться должно.—Прощай. Богъ съ тобой; Онъ благословя твою душу, спасетъ и тѣло и возвратитъ друзьямъ, кои нетерпѣливо тебя ждутъ".

„Отъ 21 сентября, с. Вороново.

Близь мѣсяца, другъ мой, не получалъ отъ тебя писемъ, хотя и были отъ тебя посланныя въ Петербургъ; но, полагая тебя слишкомъ занятымъ великими и успѣшными дѣлами, безпокоюсь въ душѣ, желая скораго окончанія. Кажется, что скоро должна быть у насъ война и другая; разрывъ съ Франціею сдѣланъ. Нашъ послѣдній, оставшійся въ Парижѣ—Убри оттуда выѣхалъ, и мы теперь съ Бонапартомъ въ войнѣ и въ невозможности сойдтиться вмѣстѣ. Видно, что въ Европѣ, по случаю восшествія на престолъ Бонапарта, будетъ генеральное произвожденіе. Но признаюсь, что я несовсѣмъ спокоенъ, зная безпо-

койную голову г-на Наполеона: онъ въ бѣшенствѣ столь много можетъ вреднаго для насъ вздумать; мы можемъ всегда спасти Англію, а она насъ никогда. Какая намъ нужда мѣшаться въ войну, отъ коей до сихъ поръ двумъ воюющимъ державамъ другаго вреда не произошло, какъ вооруженіе плоскодонныхъ судовъ у одной, и переписки въ охотники въ другой? Зачѣмъ набиваться на драку, когда мы убѣгаемъ отъ войны? А я все стараго мнѣнія, что Францію Россіи, Пруссіи и Австріи можно въ два года обратить въ первобытное ея положеніе. Мы всѣ, кромѣ меня, здоровы, а у меня часто что-то болитъ плечо и рука отъ стариннаго гатчинскаго ревматизма. Жена здорова, всѣмъ занимается, образуетъ дѣтей по своему подобію и пользуется блаженствомъ чистыхъ и добродѣтельныхъ душъ. Дѣти растутъ и, кажется, обѣщаютъ много; не знаю сдержатъ ли слово. Сергуша успѣваетъ во многомъ. Учитель его часъ отъ часу становится для насъ дороже рѣдкими своими знаніями и поведеніемъ. Я досталъ наконецъ доктора, коего мнѣ очень изъ Берлина выхваляютъ и онъ въ будущемъ мѣсяцѣ долженъ быть здѣсь. Хлѣбопашество мое идетъ какъ нельзя лучше. Машинистъ ставитъ молотильную машину совсѣмъ новаго построенія и мельницу, коя достойна быть показана хозяевамъ. Я очень радъ, что испытанія надъ удобриваніемъ здѣшняго качества земли черною болотною землею совершенно всѣ награждены совершеннымъ успѣхомъ. Горохъ на трехъ десятинахъ, на кои высѣяно дрилемъ 15 четвериковъ, несмотря на поздній посѣвъ и самое сухое лѣто, далъ 28 четвертей; картофель, коего снято съ унавоженной просто земли по 75 четвертей съ десятины, на той, гдѣ была черная болотная земля, родилъ 108 четвертей. Вотъ мои успѣхи: многіе смѣются, другіе находятъ въ моихъ сельскихъ занятіяхъ дальніе виды, иные алчность къ деньгамъ, но я все продолжаю, живучи ужь на свѣтѣ давно для пяти или шести человѣкъ. Прощай, мой другъ. Богъ съ тобой и все будетъ хорошо“.

„Отъ 25 октября, с. Вороново.

„Вчерашній день былъ для меня весьма памятенъ полученнымъ извѣстіемъ изъ Москвы изъ дома князя Д. Е., что ты

живъ и возвратился въ Тифлисъ по взятіи эриванской крѣпости. Я теперь бывъ покойнѣе, стану ждать твоего письма. Представь себѣ мое положеніе: шесть недѣль я ничего больше не слыхалъ, какъ слѣдующее: „о князѣ Циціановѣ извѣстія нѣтъ; сообщенія всѣ прерваны; полкъ казачій въ горахъ перерѣзанъ; онъ разбитъ шахомъ самимъ; Имеретія взбунтовалась; полки, въ Грузію идущіе, не могутъ пройдти и стоятъ въ Кизлярѣ“. Вотъ, что убивало твоего искренняго друга и заставляло нѣсколько разъ проклинать ту минуту, въ кою я вздумалъ приступить къ трактованію о Грузіи. Москву ты знаешь. Наконецъ слава Богу, о тебѣ пекущемуся: завистливые прикусятъ языкъ, трусы станутъ хвалить, а друзья твои радоваться сердцемъ и душою; даже и лошади тебѣ благодарны будутъ, что ихъ мучить не такъ станутъ, развозя сплетни и печальныя извѣстія. Я прежде любилъ, а теперь душевно почитаю князя Дмитрія Егоровича за его къ тебѣ преданность; онъ на человѣковъ не походилъ; также долженъ отдать справедливость и князю Дмитрію Евсѣевичу: онъ тебя истинно любитъ. Вотъ моя реляція объ отличившихся въ Москвѣ. Б. тоже за тебя стоитъ горою и, хотя его не люблю, но сіе не должно мѣшать истинѣ. Я здоровъ съ женою и дѣтьми. Она была больна три дня головою и послѣ мнѣ призналась, что сіе было отъ безпокойства на твой счетъ. Я ужь къ тебѣ писалъ, что мы наконецъ имѣемъ гувернёра такого, какъ хотѣлось, и Сергуша дѣлаетъ успѣхи въ его рукахъ. Я тебѣ новаго ничего сказать не могу, какъ то, что мы почти въ войнѣ съ Бонапартомъ, но римскій императоръ и прусскій король о войнѣ и слышать не хотятъ; ты увидишь много справедливыхъ происшествій въ газетахъ. Посылаю къ тебѣ четыре портрета Емельянова. Я нашелъ, что его подвигъ столь важенъ, что достоинъ быть спасенъ отъ времени. Прошу одинъ портретъ дать графу Воронцову и князю Козловскому, коего я какъ душу люблю, не зная совсѣмъ въ глаза. У меня есть до тебя просьба. Ты мнѣ съ большимъ сожалѣніемъ писалъ о лошади твоей любимой, кою испортилъ: пожалуйста, если она для употребленія тебѣ не годится, а можетъ быть доведена весною, то подари мнѣ на инвалидное содержаніе: я недовольно умѣю быть благодарнымъ людямъ, но даже и скотамъ,

а она бы въ хорошей конюшнѣ въ покоѣ и холѣ скончала у меня жизнь, изъ коей часть была тебѣ полезна. Прощай; совѣтовать ничего не могу, ибо ты вышелъ изъ числа тѣхъ, коихъ служба должна считаться годами: ты ею теперь связанъ съ Россіею и государемъ, который Крезъ добрыми намѣреніями и нищій исполнителями. Богъ съ тобой".

Здѣсь на-время прерываемъ мы любопытную переписку Растопчина съ Ціціановымъ. Изъ приведенныхъ писемъ можно уже видѣть, какъ проходила и чѣмъ наполнена была жизнь его въ Вороновѣ. Это продолжалось до самаго того времени, когда онъ назначенъ былъ главнокомандующимъ въ Москву. Въ концѣ 1811 года, по смерти знаменитаго президента Академіи художествъ А. С. Строганова, думали выбрать преемникомъ ему Растопчина. Головинъ писалъ графу (отъ 6 октября 1811 г.): „Je viens d'apprendre par un homme, qui est à même de le savoir, que l'Académie des Arts, ayant perdu son président, a procédé à l'éléction, en vertu des priviliges et statuts, qu'elle a, de deux candidats pour la présidence et qui sont le Pr. Yousoupoff et toi. Ils ont porté le choix, qu'ils ont fait, au ministre des lumières, pour être soumis à la confirmation de l'Empereur. Ce que je te dis là, est un fait certain, vrai et positif". Но министръ народнаго просвѣщенія графъ А. К. Разумовскій объявилъ Высочайшую волю, чтобъ Академія художествъ, впредь до повелѣнія, управляема была вице-президентомъ подъ вѣдѣніемъ министра народнаго просвѣщенія [33]. Такимъ образомъ, Растопчинъ остался попрежнему въ частной жизни.

Въ началѣ 1806 года графъ лишился одного изъ лучшихъ друзей своихъ—Ціціанова, который былъ измѣннически убитъ на Кавказѣ. Головинъ писалъ къ Растопчину (26 марта 1806 года): „Je suppose, mon ami, que vous savez déjà la fin malheureuse de Tzitzianoff; l'état perd un homme essentiel. Il est regretté par ceux, qui savaient apprécier ses talents et ses qualités morales et blamé généralement pour son imprudence, et avec justice. Voici comme il périt. Ayant envoyé sommer le chan de Baca de se rendre, l'autre fit semblant de le vouloir et lui indiqua une hauteur, qui séparait nos trouppes d'avec la ville, où il lui prétendait vouloir remettre les clefs de la ville, pourvu qu'il ne se rende au

rendez-vous que lui troisième et que lui de son côté fera de même. Tzitzianoff se rendit à la place indiquée, accompagné d'un officier et laissa ses chevaux à deux cosaques, qui le suivaient, le chan se rendit aussi avec son neveu et deux scelérats, qui restaient auprès de ses chevaux. Mais au moment où ils commençaient à parler, les deux monstres, aussi gardaient les chevaux du chan, tirèrent l'un sur le malheureux Tzitzianoff, l'autre sur l'officier, qui furent tués tous les deux et leurs têtes emportées dans la ville de Baca". Въ Цицiановѣ Растопчинъ потерялъ друга, съ которымъ дѣлился своими горестями и радостями, и притомъ въ какое время? Въ письмѣ отъ 17 марта 1806 года онъ писалъ ему: „Скажу тебѣ за диковинку, что я начинаю простывать головою и какъ-то холоднѣе смотрю на многое". Въ слѣдующемъ (послѣднемъ) письмѣ Растопчинъ говоритъ: „Господи помилуй! Какъ я ни люблю свое отечество, и какъ ни разрывался, смотря на многое, но теперь очень холодно смотрю на то, что̀ бѣсило". Въ такомъ положеніи дружескіе совѣты Цицiанова были нужны болѣе, чѣмъ когда-нибудь; но въ то самое время, когда Растопчинъ начиналъ холоднѣе смотрѣть на вещи, прежде возмущавшія его, приближались такія обстоятельства, которыя должны были вызвать въ немъ прежнюю энергію. Положеніе Россіи во время войны съ Наполеономъ 1807 года въ человѣкѣ, который такъ горячо любилъ отчизну, не могло не вызвать горячихъ стремленій на пользу общаго дѣла. Эти стремленія выразились цѣлымъ рядомъ литературныхъ произведеній, къ разсмотрѣнію которыхъ мы теперь приступимъ.

Первымъ изъ такихъ произведеній были „Мысли въ слухъ на Красномъ Крыльцѣ". Брошюрѣ своей авторъ далъ довольно оригинальную форму. Сила Андреевичъ Богатыревъ, — идеалъ, въ которомъ для Растопчина сосредоточивались всѣ лучшія качества русскаго человѣка,—сѣтуетъ на слѣпое пристрастіе русскихъ къ французамъ. Главная, основная мысль брошюры высказывается въ самомъ началѣ: „Господи помилуй! да будетъ ли этому конецъ? Долго ли намъ быть обезьянами? не пора ли намъ опомниться, приняться за умъ, сотворить молитву и, плюнувъ, сказать французу: згинь ты дьявольское наваждeніе! ступай въ адъ, или въ свояси, все равно, только

не будь на Руси“ [34]. Растопчинъ хочетъ показать, какое вредное нравственное вліяніе должны оказывать на Россію французы, которыхъ „всѣ на перехватъ“ принимаютъ. Нападки автора устремлены на воспитаніе, которое русскіе любятъ ввѣрять заѣзжимъ французамъ, на моды, ими заносимыя къ намъ. Понятіямъ, которыя вкореняютъ французы молодому поколѣнію, ничтожнымъ ихъ достоинствамъ Растопчинъ противопоставляетъ великихъ людей родины, какъ примѣръ для подражанія. Такое стремленіе возбудить антипатію къ воспитанію и модамъ французскимъ давно уже обнаружилось въ нашей литературѣ и постоянно въ ней поддерживалось. Но въ „Мысляхъ“ Богатырева съ особенной силой выступаетъ новый элементъ; бо́льшая часть брошюры направлена на характеръ французскаго народа и на государственныя перемѣны, совершившіяся во Франціи съ 1790 года. „На дѣлахъ они плутишки (говоритъ Богатыревъ), а на войнѣ разбойники; два лишь правила у нихъ есть: *все хорошо, лишь бы удалось. Что можно взять, то должно прибрать.* Хоть не много не по шерсти погладятъ, то и бунтъ. Вить что проклятые надѣлали въ эти двадцать лѣтъ! все истребили, пожгли и разорили. Сперва стали умствовать, потомъ спорить, браниться, драться; ничего на мѣстѣ не оставили, законъ попрали, начальство уничтожили, храмы осквернили, царя казнили, да какого царя!—отца. Головы рубили, какъ капусту; всѣ повелѣвали; то тотъ, то другой злодѣй. Думали, что это будетъ равенство и свобода, а никто не смѣлъ рта разинуть, носа показать, и судъ былъ хуже шемякина. Только и было два опредѣленія: либо въ петлю, либо подъ ножъ. Мало показалось своихъ рѣзать, стрѣлять, топить, мучить, жарить и ѣсть, опрокинулись къ сосѣдямъ, и начали грабить и душить нѣмцовъ и венгерцовъ, италіанцовъ и гишпанцовъ, голландцевъ и швейцарцовъ, приговаривая: послѣ спасибо скажете. А тамъ явился Бонапартъ; ушелъ изъ Египта, шикнулъ, и все замолчало. Погналъ Сенатъ въ зашей, забралъ все въ руки, запрегъ и военныхъ и свѣтскихъ и духовныхъ и сталъ погонять по всѣмъ по тремъ. Сперва стали роптать, потомъ шептать, тамъ головой качать, а наконецъ кричать: шабашъ республика! давай Бонапарта короновать; а ему то и на стать.

Вотъ онъ и сталъ глава французская, и опять стало свободно и равно всѣмъ, то-есть: плакать и кряхтѣть; а онъ какъ угорѣлая кошка и пошелъ метаться изъ угла въ уголъ, и до сихъ поръ въ чаду. Чему дивить: жарко натопили, да скоро закрыли. Революція пожаръ, французы головешки, а Бонапартъ кочерга. Вотъ отъ тово-то и выкинуло изъ трубы. Онъ и пошолъ драть. Италію разграбилъ, двухъ королей на острова отправилъ, цесарцовъ обдулъ, прусаковъ до нага раздѣлъ и разулъ, а все мало! весь міръ захотѣлъ покорить—что за Александръ Македонскій? Мужичишка въ рекруты не годится: ни кожи, ни рожи, ни видѣнья; разъ ударить, такъ слѣдъ простынетъ и духъ вонъ; а онъ-таки лѣзетъ впередъ на Русскихъ“ [35]. Это мѣсто совершенно было вызвано политическими обстоятельствами того времени, къ которому относится брошюра, и объясняется цѣлью ея. „Небольшое сочиненіе, изданное мною въ 1807 году (говоритъ Растопчинъ) имѣло своимъ назначеніемъ предупредить жителей городовъ противъ французовъ, жившихъ въ Россіи, которые старались пріучить умы къ мысли пасть передъ арміями Наполеона“ [36]. Вотъ почему Богатыревъ съ одной стороны желаетъ представить въ омерзительномъ видѣ характеръ французовъ, съ другой прославляемаго предводителя побѣдоносныхъ армій выводитъ мужичишкой, который въ рекруты не годится, въ которомъ нѣтъ ни кожи, ни рожи, ни видѣнья. Здѣсь отличіе нападокъ Растопчина на французовъ отъ подобныхъ же сочиненій прежняго времени. Съ самаго начала революціи французской въ нашей литературѣ слышатся враждебные о ней отзывы и поднимаются на нее гоненія, но то было большею частью опроверженіе принципа, его двигавшаго. Растопчинъ беретъ прямыя слѣдствія ея для благосостоянія государственнаго, какъ сторону, болѣе понятную для большинства, потому что на него хотѣлъ дѣйствовать авторъ „Мыслей“.

Огромный успѣхъ встрѣтило это сочиненіе; оно быстро разошлось въ 7000 экземплярахъ. Головинъ писалъ къ графу Растопчину вскорѣ по появленіи „Мыслей“: „Сила Андреевичь fait les délices du club anglois: on le lit dans tous les coins de chambres, des rires de joie et l'aprobation des sentimens que manifeste le gentilhomme de Ефремовъ sont générals dans la classe

moyenne, les gens en place envisagent cette production sout (s) un autre point de vû, la jugent severement et prêtent à l'auteur une intention dont il ait incapable d'avoir. Pour ce qui me regarde mon ami je te dirai qu'après avoir beaucoup ri de cette aimable production, j'ai blamé l'auteur de lui avoir fait voir le jour et je crois que lorsque nous nous verrons à Voronova vous serez obligé de convenir de la verité de quelques observations que j'ai a faire sur cette production" [37]. Не трудно понять причины успѣха „Мыслей въ слухъ на Красномъ Крыльцѣ". При тѣхъ враждебныхъ чувствахъ къ французамъ, которыя невольно овладѣвали всѣми русскими во время войны съ Наполеономъ, съ восторгомъ встрѣтили остроумные нападки на французовъ. Оригинальность формы также не прошла безъ вниманія и вызвала многочисленныхъ подражателей. Какъ талантливый писатель, съ убѣжденіемъ возставшій противъ французскаго на насъ вліянія, Растопчинъ становится на-время какъ бы во главѣ литературной полемики противъ французовъ. Не разъ въ мелкихъ брошюрахъ, направленныхъ противъ нихъ, является Богатыревъ, какъ первый выразитель тѣхъ же стремленій: онъ ихъ родоначальникъ, его мнѣніе для нихъ авторитетъ. Много любопытныхъ чертъ представляетъ эта, теперь совершенно забытая литература, сложившаяся изъ летучихъ брошюръ, мелкихъ статей, сатирическихъ стиховъ, торжественныхъ одъ. Удивительно выдержанное единство связываетъ, однако, раздробленные члены ея въ живое цѣлое. Вглядитесь пристально во всѣ, даже, повидимому, ничтожныя, литературныя явленія того времени съ полемическимъ характеромъ, и вы легко замѣтите въ нихъ нападки на однѣ и тѣ же слабыя стороны русскаго общества, ту же цѣль, тѣ же увлеченія. Эта общность направленія проистекала не отъ подражательности, не оттого, что литература увлечена была какимъ-нибудь талантомъ въ извѣстную сторону; корень этого явленія лежитъ гораздо глубже: это—единство мысли, воодушевлявшей всѣхъ въ то время.

Ко времени появленія „Мыслей въ слухъ на Красномъ Крыльцѣ" относятся двѣ комедіи Крылова: „Модная лавка" и „Урокъ дочкамъ". Въ первой осмѣивается пристрастіе къ модамъ, во второй—пристрастіе къ французскому языку. Мадамъ, хозяйка

модной лавки, является самымъ безнравственнымъ существомъ: у ней найдется и контрабанда; въ ея прежней парижской жизни отыщутся многіе не легкіе грѣшки; за деньги она готова сдѣлать изъ своего магазина мѣсто неприличныхъ любовныхъ свиданій — вотъ дѣятельность ея въ магазинѣ, не говоря ужь о томъ, что за свои модные уборы, выставляющіе на-показъ всѣ женскія прелести, она беретъ самыя дорогія цѣны. Въ такомъ видѣ изображаетъ Крыловъ содержательницу модной лавки; точно такъ же представляютъ ее и гравированныя каррикатуры того времени [38]. Напримѣръ, на одной каррикатурѣ изображена мадамъ, лежащая, съ обнаженной грудью; господинъ, сидящій передъ ней на стулѣ, восторженно читаетъ какую-то книгу; другой мужчина говоритъ, откланиваясь: „Завтра здѣсь у мадамъ... въ два часа я буду и... увѣнчаетъ насъ любовь“ [39]. Противъ модныхъ одеждъ подобнаго рода вооружается и Растопчинъ, говоря: „Одѣты какъ мать наша Евва, сущія вывѣски торговой бани, либо мяснаго ряда“. Въ другомъ мѣстѣ онъ называетъ подобныхъ модницъ *натуральными дамами, раздѣтыми по модѣ*. Въ комедіи „Вѣсти“ Богатыревъ упрекаетъ Набатову за модную одежду: „Ну, взгляни ты на себя, какъ ты одѣта? тебѣ давно за пятьдесятъ лѣтъ—вѣдь смѣхъ и грѣхъ! На что ты походишь? съ рукъ—на прачку, съ головы—на голландскаго шкипера. Одѣвала бы по старинѣ грѣшное тѣло, потеплѣй; вѣдь въ тебя, небось, вѣтеръ дуетъ со всѣхъ сторонъ, какъ въ старыя опущенныя палаты; что̀ ты за мокрая Венера изъ пѣны морской явилась? Ну, смотри! какъ зима тебя прихватитъ, сведетъ руки и ноги; вотъ и выйдетъ тюника сокомъ“. Но Набатова „не хочетъ быть одѣта шутихой; она хочетъ жить въ свое удовольствіе“.—„Да кто мѣшаетъ? (продолжаетъ Богатыревъ) пусть надъ вами смѣются. Да за что вы губите молоденькихъ дѣвушекъ вашимъ безобразнымъ одѣяніемъ? Эта мерзкая мода обливаетъ любовь и уваженіе холодною водою и, вмѣсто того, чтобъ привлекать, гонитъ прочь и жениховъ ловятъ, какъ бѣглыхъ. Въ старину, и не очень давно, у иной дѣвушки въ мѣсяцъ не увидишь руки безъ перчатки; а нынѣче воображенью и догадкѣ дѣла нѣтъ. Да прежде сего одѣвались, а нынѣче раздѣваются. Иная ѣдетъ на балъ, какъ модель для живописцевъ; другая изъ отцовскаго

дома, какъ изъ кунстъ-камеры; на рукѣ мѣшокъ съ бѣльемъ, все сквозитъ, все летитъ; разъ взглянулъ, точно какъ отъ купели принималъ“ [40].

Завязка другой комедіи Крылова вся основана на пристрастіи двухъ провинціальныхъ барышенъ къ французскому языку. Отецъ заперъ ихъ въ деревнѣ и приставилъ къ нимъ няню Василису, которая должна не позволять имъ разговоровъ на французскомъ языкѣ. Насмѣшки надъ пристрастіемъ русскихъ къ французскому языку начались еще съ Сумарокова и съ особенною силою повторялись въ старыхъ сатирическихъ журналахъ. У Растопчина, Крылова и другихъ писателей того времени онѣ получили новый смыслъ, благодаря политическимъ отношеніямъ нашимъ къ французамъ. Это новое значеніе гоненій на французскій языкъ поймемъ мы, прочитавъ статью А. С. Шишкова „Отвѣтъ на письмо господина Луки Говорова, напечатанное въ „Вѣстникѣ Европы“, апрѣля 1807 г., № 8-й, подъ заглавіемъ: Письмо изъ города N. N. въ столицу“. Упорный защитникъ славянскаго стиля приводитъ слѣдующія слова Порталиса: „Вспомните, что всеобщее употребленіе французскаго языка служитъ первымъ основаніемъ всѣхъ связей, которыя Франція имѣетъ въ Европѣ; оно пріумножило ея могущество и славу. Сдѣлайте, чтобъ въ Англіи также говорили по-французски, какъ въ другихъ краяхъ, то, конечно, будемъ мы знаменитѣе въ глазахъ сего надменнаго народа. Порталисъ прибавилъ еще къ сему (говоритъ Шишковъ), что еслибъ удалось имъ завоевать Англію, то прежде всего надобно истребить употребленіе природнаго языка. Прежде всего (продолжалъ онъ) старайтесь истребить въ государствѣ языкъ народный, а потомъ ужь и самый народъ“ [41]. Такому взгляду на вліяніе французскаго языка въ Россіи не были чужды ни Растопчинъ, ни Крыловъ, ни другіе. „Всему свое названье (говоритъ Богатыревъ о французахъ): Богъ помочь—*bon jour;* отецъ—*monsieur;* старуха-мать—*maman;* холопъ—*mon ami;* Москва—*Ridicule;* Россія—*Fi donc*“.

Комедіи Крылова, впослѣдствіи совершенно заслоненныя его баснями, имѣли въ свое время большое значеніе. Появленіе ихъ, современное „Мыслямъ“ и „Вѣстямъ“ Растопчина и множеству мелкихъ полемическихъ статей, показываетъ, что сражались не

съ призраками, но съ существенными недостатками и вредными сторонами современности. Тогда такіе нападки были, можетъ быть, нужны болѣе, чѣмъ когда-нибудь. Какъ человѣкъ, затронувшій остроумной насмѣшкой самые живые интересы извѣстнаго класса общества, Крыловъ не избѣгнулъ гоненія со стороны этого класса. Такова ужь судьба комика. Ниже увидимъ мы, что нареканія послышались и на Растопчина за его „Вѣсти", и на него „разсердились за картину моднаго одѣянія—натуральныя дамы", за Моренкопфа—нѣкоторые практикованные доктора. Другіе отзывы слышалъ Крыловъ отъ людей образованныхъ. Вскорѣ послѣ представленія комедіи „Урокъ дочкамъ" напечатаны были слѣдующіе *стихи:*

Любя отечество, люблю я тѣхъ душой,
Которы общею не страждутъ слѣпотой;
На моды не смотря, привыкли тѣмъ гордиться,
Что привела судьба ихъ русскими родиться.
Въ числѣ ихъ ты, Крыловъ—и дочкамъ давъ урокъ,
Соотчичей драгихъ являешь намъ порокъ,
Осмѣивая то постыдно состоянье,
Въ которо привело насъ модно воспитанье.—
Съ какимъ искусствомъ ты умѣлъ то описать,
Что всякій день должны къ несчастью мы встрѣчать!
Но что же прибыли имѣло представленье?
Перемѣнилъ ли ты красавицъ нашихъ мнѣнье?
Успѣлъ ли наготу прикрыть хотя платкомъ,
Иль русскимъ говорить заставилъ языкомъ?
Ахъ, нѣтъ!—Въ театръ бывъ, французскимъ говорили,
И спину въ вечеръ тотъ поболѣе открыли.
Хотя ты ихъ кололъ не въ бровь, а прямо въ глазъ,
Урокъ полезный твой забыли тотъ же часъ.
Въ немъ странностей своихъ никакъ не замѣчая,
Ругаетъ дочь тебя и мать полунагая;
Возстали на тебя ихъ дядя, братъ, отецъ,
Всѣ полу-русскіе пустились наконецъ
Полу-французскими бранить тебя словами.—
Но несмотря на то и прозой и стихами,
Надъ странностями ихъ шутить ты продолжай
И смѣхомъ зрителей ихъ брани заглушай [42].

Отъ комедій Крылова обратимся къ другимъ, менѣе важнымъ явленіямъ той же отрасли литературы, которую мы назвали полемическою. Въ ней выражаются тѣ же стремленія русскаго об-

щества, но не съ такимъ искусствомъ. Вопросы поднимаются тѣ же самые, и метода нападенія одинакова. Напримѣръ, „Посланіе русскаго къ французолюбцамъ“ [43] точно также разсуждаетъ сначала о французскомъ народѣ вообще, а потомъ „съ чистосердечіемъ русскаго доноситъ о характерѣ французовъ особливо“. Не оставлены безъ вниманія ни пристрастіе къ французскому языку, ни модное воспитаніе, ни мадамы. Въ пылу негодованія на французовъ, которое поддерживалось, кромѣ того, войною съ ними, литераторы не избѣгли увлеченій. Преслѣдуя вредныя случайности, привнесенныя въ воспитаніе невѣжественными французскими гувернерами, они незамѣтно подняли руку и на то, что было внѣ порицаній и насмѣшекъ—на самое образованіе вообще. Съ особенной рѣзкостью выступаетъ эта крайность въ произведеніяхъ слабыхъ, напримѣръ, въ комедіи „Высылка французовъ“ [44]. И Растопчинъ не чуждъ увлеченій въ своихъ нападкахъ. Богатыревъ не знаетъ добрыхъ чертъ въ характерѣ французскаго народа; онѣ для него не существуютъ; изъ устъ его слышится только хула на французовъ, проклятіе имъ. Сила времени и обстоятельствъ движетъ Растопчинымъ, когда онъ изрекаетъ такой рѣшительный приговоръ французамъ. Попробуемъ разобрать причины, которыя сдѣлали Растопчина рѣшительнымъ противникомъ ихъ. Было ли это результатомъ его воспитанія, или оказалось тутъ вліяніе нашей литературы XVIII в.? Судя по тѣмъ бѣднымъ свѣдѣніямъ, которыя мы имѣемъ о воспитаніи Растопчина, немногое можемъ приписать въ этомъ отношеніи вліянію воспитателей. Сильнѣе могла подѣйствовать на него сатирическая журнальная литература прошлаго столѣтія; но не она была главною, преобладающею причиною открытаго возстанія Растопчина противъ французовъ. Въ немъ не замѣчаемъ того безпристрастія, которое такъ ощутительно въ нашихъ старыхъ журналахъ, которое въ состояніи спокойно отдѣлить ложное и нечистое отъ того, что истинно и законно въ общеніи народовъ между собою. Новиковъ былъ издателемъ „Трутня“, „Живописца“, которые безпощадно преслѣдовали французское вліяніе въ его ложныхъ сторонахъ; но тотъ же Новиковъ печаталъ на своемъ „иждивеніи“ многіе переводы съ французскаго. Растопчинъ самъ объясняетъ намъ причину своихъ нападеній

и своихъ увлеченій въ слѣдующемъ замѣчаніи о „Мысляхъ въ слухъ на Красномъ Крыльцѣ“: „Я не говорилъ о французахъ хорошаго; *но мы были въ войнѣ и русскимъ позволено было не любить ихъ въ эту эпоху*“ [45]. Кромѣ этой главной причины, вызвавшей „Мысли“, въ самой жизни Растопчина были обстоятельства, ожесточившія его противъ французскихъ воспитателей. Письма его къ П. Д. Циціанову всего лучше подтверждаютъ эту мысль. Приводимъ изъ нихъ тѣ мѣста, въ которыхъ онъ говоритъ о гувернёрахъ своего сына.

„Тотъ славный аббатъ *Millot* (пишетъ Растопчинъ отъ 21-го мая 1803 года), о коемъ я къ тебѣ писалъ и коего мы столь нетерпѣливо ждали для Серёжи, обнаружилъ себя по счастію въ отвѣтѣ на сдѣланныя ему предложенія, написавъ все умно, пышно и благоговѣйно, кончилъ требованіемъ: *Pour qu'il lui soit permis en formant un jeune coeur à la vertu de l'elever dans la réligion catholique Romaine.* Каково тебѣ это кажется? Не достойны ли мы этого мнѣнія глупымъ своимъ упорствомъ основывать хорошее воспитаніе на выговорѣ галльскаго языка? Я отвѣчалъ: que j'etais enchanté d'avoir trouvé dans le zèle de m-r l'abbé pour sa réligion le vrai motif de la tâche, qu'il voulait s'imposer, mais que je voulais pour mon fils, qui n'est pas un sauvage, un instituteur et pas un missionaire, que tout homme elevé dans une réligion quelconque doit y vivre et mourir et que je souhaitais à m-r l'abbé toute sorte de succès partout ailleurs que chez moi“.

Отъ 3-го января 1804 года Растопчинъ пишетъ, между прочимъ, къ Циціанову:

„Я принужденъ былъ прогнать ученаго дурака *Ballio,* коимъ меня наградилъ аббатъ *Nicolle.* Эта скотина вздумалъ при мнѣ сказать грубость женѣ и на другой день онъ уже былъ въ Москвѣ. Теперь, въ ожиданіи славнаго *m-r d'Alouville,* который былъ помощникомъ при воспитаніи дофина, я взялъ самаго скромнаго и благочестиваго нѣмца, который нѣкогда при мнѣ былъ въ иностранной коллегіи: онъ хорошо учился и время потеряно не будетъ, особенно въ нѣмецкомъ языкѣ“.

Но здѣсь можемъ мы продолжать прерванную выше переписку графа Растопчина съ П. Д. Циціановымъ. Исторія д'Алувилля, въ ней разсказанная, составляетъ цѣлый романъ и по-

казываетъ вмѣстѣ, какимъ образомъ могло въ Растопчинѣ укорениться невыгодное мнѣніе о французскихъ гувернёрахъ.

Въ письмѣ отъ 1805 г. 12 января (с. Вороново) Растопчинъ пишетъ, между прочимъ: „Много зналъ французовъ всѣхъ лѣтъ, породъ, разборовъ, но, право, ни одинъ на дѣло не годится, потому что онъ вездѣ французъ и все дѣлаетъ безъ разсудка; слѣдственно, если все сдѣлается по послѣднему твоему письму, то мы чрезъ годъ, можетъ, и увидимся. Дай Богъ! я не очень доволенъ, что Ч. и Р. въ совѣтѣ. Справедливы слова Новосильцова, что покой для живаго человѣка не существуетъ. Нашлось, что нашъ почтенный d'Alouville такой же французъ, какъ и всѣ прочіе. Графиня М. поѣхала въ Петербургъ съ своячиною В. и эта пишетъ къ Катеринѣ Петровнѣ, что дурища М. въ пути открыла ей, что она и d'Alouville другъ въ друга влюблены, что она ждать будетъ отъ него письма и потомъ выйдетъ за него замужъ. Вышло, по показанію француза, что М. сама ему о своей страсти объявила, обѣщала мѣсто въ Петербургѣ чрезъ свояка своего Хр., наговорила о большомъ наслѣдствѣ и проч., а у ней 800 руб. доходу, и послѣ отца, который прездоровый нѣмецъ, десять тысячъ рублей, да материнскихъ 60 душъ. D'Alouville увѣряетъ, что онъ всѣ сіи причины ей представлялъ и еще повторилъ письмомъ, что ему на ней жениться и по бѣдности и чтобъ не сдѣлать несчастія своей дочери, нельзя; но видно, что самолюбіе судя за жертву страсти, кою онъ произвелъ въ тридцатипятилѣтней дѣвкѣ, съ шестью зубами, глупой, капризной, больной. Вотъ какъ иногда большой умъ можетъ извинять глупость!“

„Отъ 1-го февраля, с. Вороново.

„Нѣтъ тебѣ нужды сказать, какое дѣйствіе произвело послѣднее твое письмо изъ Цхинвала; но божусь, что до сихъ поръ мы съ женою еще не опомнимся, и я послалъ человѣка ждать воронежской почты, чтобъ тотчасъ имѣть твое письмо, если оное есть; а когда нѣтъ, и тебѣ было легче, то дурно сдѣлалъ, что двухъ словъ не написалъ. Можетъ быть, есть другіе живѣе меня; но у тебя право нѣтъ другаго Растопчина, который и сердцемъ и душою весь твой и одного лишь желаетъ, чтобъ

знать тебя счастливымъ, или спокойнымъ, или по крайней мѣрѣ здоровымъ. Довольно и того страданія, что, наживя друга, рѣшиться должно по обстоятельствамъ не жить почти никогда съ нимъ вмѣстѣ. Дай Богъ, чтобъ ты въ концѣ лѣта возвратился изъ такого края, гдѣ много слишкомъ надѣлалъ; но мнѣ кажется, что ты напрасно въ послѣднюю экспедицію захотѣлъ самъ идти; хорошо окончилъ, но было умеръ отъ трудовъ. У насъ въ домѣ сдѣлалась престрашная революція. Тотъ d'Alouville, о коемъ я къ тебѣ много писалъ, истинно умный, честный и съ правилами человѣкъ, изъ подтишка и такъ, что никто сего не примѣтилъ, влюбился или, лучше сказать, рѣшился жениться на М. Эта старая, сухая, преглупая и съ 800 руб. дохода дѣвка съ ума (если можно) почти сошла и поѣхала въ Петербургъ, не сказавъ никому о своемъ намѣреніи слова, а мы узнали отъ своячины В., съ коей М** поѣхала и открыла свою тайну въ дорогѣ. Она уже предупредила Небольсина, но, не имѣя успѣха доставить жениху важнаго мѣста, предалась отчаянію, что̀ всего мудренѣй, что французъ, имѣя одиннадцати лѣтъ милую дочь отъ первой жены, и былъ умный человѣкъ съ большими знаніями наукъ и людей, влюбленъ самъ въ эту дуру, говоря, что онъ боится въ старости быть одинъ, что умъ для жены не нуженъ. Ты легко представишь, каково намъ было оставаться опять въ затрудненіи имѣть достойнаго человѣка и терять нужное время въ воспитаніи сына. Наконецъ, чтобъ это все кончить, я рѣшился имѣть счастливую чету въ домѣ и теперь ужь будетъ дѣло М** испросить позволеніе у отца, который къ тому еще разъ самъ женится, и забыть, что она жертвуетъ счастью и природѣ родствомъ съ Г. М**. Дочерей и Сережу учитъ по англійски очень добрая англичанка и еще мы приняли большую музыкантшу m-me Minelli для ученья дѣтей на клавикордахъ. Жена, занимаясь безпрестанно всѣмъ тѣмъ, что̀ можетъ способствовать къ воспитанію дѣтей, сдѣлала удивленія достойное сокращеніе россійской исторіи до 1801-го года[46], и коль скоро оное переписано будетъ, то я къ тебѣ перешлю“, и т. д.

„Отъ 14-го февраля, с. Вороново.

„Съ того дня, какъ я получилъ отъ тебя извѣстіе, что ты въ Дцынканѣ боленъ, ни одной строки болѣе не имѣлъ, и никто въ Москвѣ отъ тебя и о тебѣ не получалъ извѣстія. Не знаю, что̀ думать; остается весьма слабое утѣшеніе, что ты такъ занятъ дѣлами, что не успѣлъ слова ко мнѣ написать. Богъ знаетъ, когда и чѣмъ кончится это безпокойствіе. Ты вѣрно знаешь, что Д. Р** отказался отъ начальства въ Грузіи, отговариваясь незнаніемъ того края, обычаевъ и войны. Это я знаю отъ К. Воронцова, который пѣлъ цѣлый часъ твои похвалы и по секрету наединѣ сказалъ, что ты вызываешься въ Петербургъ для употребленія въ войну, которая, по его словамъ, должна быть необходимо. Признателенъ очень за попеченіе о племянникѣ, коего ожидаетъ на дняхъ. Мнѣ бы очень желалось его видѣть единственно, чтобъ наговориться о тебѣ; но сему не бывать, потому что въ этой семьѣ все по размѣру и по разсудку дѣлается, доколѣ нужда не дойдетъ; а такъ какъ я въ числѣ непогребенныхъ покойниковъ, то и останусь безъ извѣстія. Москва лишилась своего спасителя—Еропкина; въ 83 года безъ болѣзни и въ хорошемъ положеніи разбитъ былъ параличемъ, отчего чрезъ три дня преставъ жить. Въ сію минуту у меня въ домѣ не очень здорово: Наташа больна жаромъ, но теперь лучше, а Сережа жалуется головою, да и я самъ не совсѣмъ здоровъ. Я къ тебѣ писалъ о глупой исторіи d'Alouville съ М**. Они какъ то нашли въ себѣ, что другъ въ друга влюблены и затѣяли свадьбу, она поѣхала въ Петербургъ выпрашивать жениху мѣсто и чиновъ; но какъ все сіе кончилось учтивостьми со стороны благодѣтелей скорбящихъ, то и вышло, что любовь осталась безъ надежды. Дурища эта больна съ горя и я, пожертвовавъ Сережѣ нѣкоторыми причинами быть сердиту за эту исторію, согласился и предложилъ влюбленной четѣ сочетаться и жить здѣсь; но выходитъ новое затрудненіе со стороны гордаго А. М**, отца невѣсты; онъ женился на чухонкѣ, или лифляндкѣ, и не даетъ позволенія дочери сдѣлаться французскою гражданкою,—ихъ дѣло кончить, а мое обвѣнчать.—Жена тебѣ кланяется; она здорова, но обезпокоена болѣзнію дѣтей.

Прощай, больше писать нечего, тѣмъ болѣе, что хочется тебя бранить за то, что ты меня мучаешь безъ милости, когда бы однимъ словомъ успокоить могъ".

„Отъ 20-го марта, с. Вороново.

„Ты, поставя себя на единую лишь минуту на мое мѣсто, можешь легко представить, каково мнѣ было съ новаго года не имѣть отъ тебя писемъ. Наконецъ вчера получилъ два вдругъ отъ 30 генваря и 5 февраля. Ты мнѣ столь подробно написалъ о своемъ положеніи и дополнилъ еще двумя приложенными письмами, что я и не имѣю нужды видѣться съ N**, а на посѣщеніе его не очень считаю. Они всѣ всю жизнь играютъ въ шахматы и всѣ размѣриваютъ, не зная, что можно быть мастеромъ и въ qui perd gagne. Въ его лѣта скрытность во нравѣ не можетъ быть пріобрѣтенная воспитаніемъ, а просто врожденная. Письмо Адама показываетъ умнаго малаго; а что онъ тебя любитъ и твой рыцарь, то сіе отъ многихъ и по многимъ знаю, слѣдственно на счетъ его сомнѣнія быть не можетъ; но край, гдѣ ты, не привлекаетъ важнаго теперь вниманія по той причинѣ, что затѣваютъ страшную войну и я боюсь одного, чтобъ дальнѣйшіе виды и затрудненіе кого послать не заставили рѣшиться оставить тебя для окончанія начатаго и еще новаго; по словамъ Адама dans six mois nous saurons à quoi nous en tenir au sujet de la Porte. Можно подумать, что весьма скрытно избираютъ удобное время посягнуть на раздѣлъ издыхающей Порты; но не можетъ быть, чтобъ вѣнскій дворъ ослѣпился столько на счетъ хищности и предпріимчивости Бонапарта. Теперь послали въ Берлинъ генералъ-адъютанта В** за самымъ рѣшительнымъ отвѣтомъ, и какъ уповательно, что тамъ на французовъ не посягнутъ, то и должно ожидать разрыву. Оставя англичанъ грабить на морѣ, Бонапарте бросится забирать въ Италіи, прусской король въ нѣмецкой землѣ вокругъ себя, а Кобенцель примется за Валахію и Молдавію. Не лучше бы симъ тремъ державамъ раздѣлить между собою всѣ владѣнія оттоманскія безъ войны, отдавъ Франціи Египетъ? Но видно сказано на судѣ Божіемъ, что Бонапарте будетъ бичъ государей, а у этого желтаго мужичка много должно еще быть затѣй, и онъ, короновавшись

въ Миланѣ королемъ ломбардскимъ, не замедлитъ помазаться миромъ въ Римѣ. Въ разговорѣ моемъ съ В** старикомъ онъ мнѣ сказывалъ, что войнѣ быть, а подробностей для того я у него не спрашивалъ, что у насъ почти договоръ о политикѣ не говорить, ибо мнѣніе разное: онъ любитъ, изъ дружбы къ брату, Англію, а я увѣренъ, что Россія можетъ и должна имѣть собственные виды и поведеніе, или мѣшая другимъ расширять свои владѣнія, или, не взирая на другихъ и пріобрѣтая и себѣ все, что̀ кстати; примѣръ одной Франціи достаточенъ; когда эта земля, населенная сумасшедшими, покорила себѣ и силою и мнѣніемъ больше половины Европы, то что̀ можетъ предпринять Россія? Въ разговорахъ откровенныхъ (сколько они могутъ быть таковыми со стороны Г. В**), я дивился всезнаніемъ этого дѣловаго старика, ясности мыслей и точности выраженій: кажется все, что онъ въ допросѣ и готовился говорить безъ привязки. Жаль, что прежде и теперь жилы у него не были больше напружены. Странная мысль И. П. ѣхать въ Грузію. Я его съ 87-го года знаю: у него самая сумасбродная романическая голова; нъ и пишетъ, и поетъ, и танцуетъ, и въ Египетъ бросается, придворный, профессоръ, Ловласъ, онъ все одинъ и какъ случится. Но теперь онъ нашелъ хорошій случай путешествовать, отправляясь въ Китай съ посломъ Головинымъ. Вѣрно хотятъ дать въ Пекинѣ понятіе о нашемъ великолѣпіи. Кромѣ чиновниковъ, 1500 человѣкъ будетъ военныхъ, купили Шереметева роговую музыку, везутъ панораму, представляющую переходъ Суворова въ Швейцарію, подарковъ множество. Дай Богъ, чтобъ китайка была потоньше, хорошо носить ее. Жена, я и двое дѣтей здоровы. Катерина Петровна, не довольствуясь тѣмъ, что посвятила все свое время на воспитаніе дѣтей, нашла часть изъ онаго и сочинила краткую россійскую исторію и древнихъ географію съ объясненіями, кои такъ хорошо написаны и столь ясны и вѣрны, что можно заставлять дѣтей учить наизустъ. Ты ошибаешься, полагая, что свадьбою мы избавимся дуры М**; напротивъ, не выпрося ничего для жениха, она было умерла отъ отчаянія, а мы, чтобъ сохранить d'Alouville у насъ въ домѣ, потому что достоинство его необыкновенное и онъ точно такой человѣкъ, какой для Сережи надобенъ, предложили держать

его и съ женою, и теперь дура М**, испрося у отца позволеніе, должна на сихъ дняхъ пріѣхать сюда".

Въ письмѣ отъ 5-го апрѣля Растопчинъ говоритъ о своемъ французѣ: „Г. М. и женихъ d'Alouville идетъ въ россійское подданство, видно для какихъ-нибудь большихъ выгодъ, а намъ все хлопоты искать еще другаго учителя. Прощай, мой другъ. Если тебѣ тяжело въ Тифлисѣ, то и мнѣ иногда грустно бываетъ здѣсь; но мы еще живы и судьба наша не въ нашей волѣ".

„Отъ 3 маія, с. Вороново.

„Вотъ опять близь мѣсяца, что отъ тебя писемъ нѣтъ; а по газетамъ знаю, что у тебя было землетрясеніе: избави Боже отъ лиссабонскаго! Мы всѣ теперь здоровы и вчера соблюдя весь порядокъ, сыграли свадьбу глупой М. Престранный человѣкъ этотъ d'Alouville: поѣхалъ на три дни въ Москву и прожилъ шесть недѣль. Онъ весь составленъ изъ разсчетовъ, изъ гордости и изъ скромности; но знаній много, нравственности и истиннаго закона безъ святошества. Не знаю, Сергуша, когда меня не будетъ на свѣтѣ, будетъ ли знать цѣну всѣхъ моихъ пожертвованій для его воспитанія и *что терпѣть должно отъ этихъ иноземцевъ*. Дура М. рада въ удивленіи, что, послѣ 38-лѣтнихъ поисковъ нашла жеребца. Слухи объ войнѣ утихли; кажется, нынѣшній годъ ничего не будетъ. По газетамъ увидишь, что Бонапарте начинаетъ много вреда дѣлать Англіи, и если онъ нѣсколько тысячъ войска доставитъ Голкару въ Индію, то власть великобританская въ Азіи не скоро возстановится, а въ Лондонѣ всѣ благоразумные люди желаютъ смѣны Питта, а друга его Дундаса (Lord Melville) прогнали. Жена ожила и дѣти копаются въ саду, а я дѣлаю себѣ камзолъ съ рукавами изъ китайки для полевой работы и дѣла тьма. У меня теперь Новосильцовъ; на три дни съѣзжу въ Москву по дѣламъ. Прощай, будь здоровъ и бери Еривань, чтобъ не имѣть причины оставаться въ томъ краю, гдѣ тѣшутъ твое тѣло и терзаютъ твою душу. Богъ съ тобою". Отъ 30 мая Растопчинъ пишетъ, между прочимъ: „Мы, любезный другъ, всѣ здоровы и пользуемся безпримѣрно-прекраснымъ временемъ, которое устана-

вливается. Я опять въ строеніи и жарюсь въ поляхъ и въ лѣсахъ, веду жизнь здоровую и въ одинъ часъ бываю цыганомъ, старостою и лѣшимъ. Когда, Богъ дастъ, пріѣдешь, то много найдешь новаго, можетъ быть, и хорошаго въ Вороновѣ. Дѣти здоровы. Ученіе идетъ порядочно; образъ нашей жизни отнюдь не перемѣняется. Г. М. стала m-me d'Alouville. Признайся, что эта мумія привлекательный ребенокъ".

Недолго оставался d'Alouville у Растопчина послѣ женитьбы. Въ письмѣ отъ 26 іюня графъ писалъ къ Циціанову: „Я боюсь, что, несмотря на всѣ пожертвованія для Сережи, этотъ d'Alouville не уживется, какъ можно было примѣтить что-нибудь между имъ и дурою М*, они совсѣмъ почти не говаривали. Ты же знаешь, какъ она скверна, стара и глупа; онъ человѣкъ скрытный и надменный. Я думалъ сдѣлать имъ одолженіе оставить жить въ домѣ, безъ чего послѣ брака имъ бы и головы преклонить негдѣ было; но она еще стала несноснѣе, а онъ боится, чтобъ ему не сдѣлали невѣжества. Онъ пошелъ въ подданство и вчера присланъ указъ въ сенатъ, чтобъ его причислить къ россійскому дворянству; но не называть графомъ, что̀ и справедливо, ибо онъ не эмигрантъ и пріѣхалъ и явился подъ названіемъ Citoyen Armand Alouville. Теперь пойдутъ бѣды, и онъ ѣдетъ объясняться".

Въ письмѣ отъ 11 октября находимъ и окончаніе всей исторіи. „Мы всѣ здоровы (пишетъ Растопчинъ); жена по самому первому пути сбирается ѣхать въ Петербургъ на мѣсяцъ и я поѣду ее провожать до деревни свояченицы Голицыной, которая отъ брата 20 верстъ. Сергуша остается со мною и я опять въ большихъ хлопотахъ и желчахъ. Этотъ d'Alouville, прибавляя часъ отъ часу къ прежнимъ новыя мерзости, теперь до того себя довелъ, что совсѣмъ не занимается ученьемъ сына, спитъ до 11 часовъ и большую часть дня дѣлитъ между жены и всеобщей исторіи, которую на просторѣ предпринялъ писать, притомъ Сережа привыкаетъ слишкомъ къ дочери d'Alouville, а это большая помѣха въ ученьи. Голова идетъ кругомъ; Богъ знаетъ, гдѣ сыскать человѣка. Какое несчастіе, что Петръ Первый насъ обрилъ, а Шуваловъ заставилъ говорить нечестивымъ этимъ французскимъ языкомъ".

Изъ послѣднихъ словъ легко видѣть, до какого ожесточенія противъ французскихъ воспитателей довела Растопчина исторія д'Алувилля. Оскорбленный въ чувствахъ отца, находя препятствія въ своихъ благородныхъ усиліяхъ дать хорошее воспитаніе сыну, Растопчинъ тѣмъ менѣе могъ забыть и простить чужеземнымъ гувернёрамъ подобные поступки, чѣмъ дороже было для него образованіе и чѣмъ впечатлительнѣе была его натура. Всякое препятствіе своимъ планамъ и желаніямъ преслѣдовалъ онъ съ самымъ жестокимъ упорствомъ; и если, при всѣхъ своихъ усиліяхъ, не могъ достигнуть цѣли, то обращалъ съ какимъ-то озлобленіемъ оружіе на то, чего прежде съ жаромъ домогался. Растопчинъ, при всемъ своемъ умѣ, часто повиновался слѣпо влеченію горячей минуты, первому движенію сердца, и потомъ самъ же былъ въ состояніи осудить этотъ порывъ. И вотъ передъ этимъ-то человѣкомъ въ кругу его семейства прошли Миллò съ сумасброднымъ планомъ обратить питомца въ католичество, Бальò съ своею грубостью и заносчивостью, наконецъ, д'Алувилль съ своею романическою исторіею. Какое впечатлѣніе должны были оставить они въ Растопчинѣ, и могло ли оно скоро изгладиться? Оно могло быть ослаблено противоположными явленіями; но въ то самое время, когда столько желчи накипѣло въ душѣ графа, уже началась война съ французами. На „Мысляхъ въ слухъ на Красномъ Крыльцѣ“ не могли не отразиться эти домашнія тревоги Растопчина.

Мы видѣли, какимъ сильнымъ сочувствіемъ встрѣчена была брошюра Растопчина. Еще до появленія въ печати она уже обходила читателей въ рукописи. Въ первый разъ издана была *безъ вѣдома автора* въ Петербургѣ [47] съ слѣдующимъ посвященіемъ:

Отечеству.

Тебѣ—весь одному тебѣ принадлежу,
Пока жива душа моя, пока дышу!
Не въ нѣдрѣ ли твоемъ, не на твоемъ ли лонѣ,
Увидѣлъ свѣтъ, возросъ, воспитанъ я въ законѣ,—
Въ законѣ праотцевъ, во вѣкъ любезныхъ мнѣ?
Ихъ твердый духъ уже въ превыспренней странѣ;
Но ихъ же прахъ въ тебѣ съ почтеньемъ почиваетъ,
И ревностна ихъ кровь во мнѣ течетъ, пылаетъ.

Тебѣ полезнымъ быть—вотъ все, чего ищу!
Кому жь, коль не тебѣ я трудъ сей посвящу?
Изъ оды..... [48].

Издатель „Мыслей“ А. С. Шишковъ [49] позволилъ себѣ измѣнить въ нихъ нѣкоторыя мѣста, кое-что прибавилъ отъ себя и въ концѣ сдѣлалъ слѣдующее замѣчаніе: „Если читателю не понравятся *нѣкоторыя жоскія выраженія* Силы Андреевича, то да проститъ ему оныя, уваживъ горячее чувство и любовь къ отечеству, искони славившемуся гостепріимствомъ, вѣротерпѣніемъ и покровительствомъ гонимыхъ за честность и правду“ (стр. 8). Эта оговорка могла отчасти ослабить то впечатлѣніе, которое авторъ „Мыслей“ думалъ произвести на публику. Съ другой стороны, хотя брошюра была встрѣчена общимъ одобреніемъ и похвалами „Московскихъ Вѣдомостей“ [50], но графу Растопчину не могли понравиться дополненія и перемѣны, сдѣланныя въ ней Шишковымъ; особенно оскорбило автора то, что послѣ словъ: „Честь Государю нашему и матушкѣ Россіи“ прибавлено было: „слава тебѣ, храбрый Беннингсенъ“. Въ томъ же году Растопчинъ самъ издалъ въ Москвѣ [51] свое произведеніе, въ первоначальномъ видѣ, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Мысли въ слухъ на Красномъ Крыльцѣ, съ приложеніемъ письма Силы Андреевича Богатырева къ одному пріятелю въ Москвѣ“ (Москва, въ типографіи Платона Бекетова, 1807, въ 8 д. л., 16 стр.). Письмо Силы Андреевича, приложенное къ московскому изданію „Мыслей“, все направлено противъ продѣлокъ петербургскаго издателя: въ немъ, что̀ ни слово, то намекъ на измѣненія и приставки, допущенныя въ петербургскомъ изданіи брошюры. „Получая отъ скуки московскія газеты (пишетъ Растопчинъ), увидѣлъ, что я *напечатанъ* и расхваленъ *безъ спросу*, Господь вѣдаетъ, по какой причинѣ. Не мудрено, что меня кой-кто въ Москвѣ знаетъ, потому что многіе честные люди, по милости своей, не оставляютъ, *а какъ подслушали, что̀ у меня въ головѣ бродило, то это, право, диковина.* Видно, много праздношатающихъ, или уши длиннѣй стали, или я *за правду* таки рѣчи говорилъ. Ну да что̀ за бѣда, Господи помилуй! я мужикъ старой, кто осудитъ, ему же стыдно будетъ. Бранить не диковина, да было бы за что? А у меня, что̀ на умѣ, то и

на языкѣ. Каковъ въ колыбелку, таковъ и въ могилку. Какъ я прочиталъ, что меня хвалятъ, то сказалъ: „Ба! опять въ честь попалъ! Смотри пожалуй! Дай Богъ, чтобъ въ прокъ пошло. *Подслушивать охотниковъ много*, и слушать таки есть, *а слушаться — мало*. Право такъ! я радъ сидя разговаривать *одинъ*, пусть говорятъ, что съ ума сошелъ, отъ слова ничево не подѣится, дай Богъ мнѣ доброе здоровье, а имъ типунъ на языкъ. Согрѣшилъ грѣшной! *Ну да это бы все и такъ и сякъ, да вотъ что больно*. Зачѣмъ *перекроили* меня, *вить я думалъ, что хотѣлъ, а другой изволилъ придумать иное. Кто просилъ? Инова всунули, другова вытолкнули, а тамъ оговорка: жеска дескать рѣчь*. И вѣдомо такъ, вить правда не пуховикъ. Это нынче изъ нее дѣлаютъ помаду. Про меня грѣхъ сказать, *что мягко стелитъ, да жеско спать*. И ужь вышло мнѣ „Красное Крыльцо“ сокомъ! въ кои-то вѣки присѣлъ отдохнуть, на немъ потѣлъ, да и отъ него потѣю. Господи помилуй, да будетъ ли этому конецъ? а про васъ-то слово, я говорилъ дѣло. *Пусть мои рѣчи толкуютъ, да своихъ не примѣшивай*“ [52].

Такъ объясняется происхожденіе „Письма Силы Андреевича Богатырева къ одному пріятелю въ Москвѣ“. Самое простое, незначительное литературное объясненіе Растопчинъ умѣлъ облечь въ привлекательную форму и своему личному дѣлу дать нѣкоторую занимательность. Вообще, живое отношеніе къ лицамъ и обстоятельствамъ (то важнымъ, то ничтожнымъ) составляетъ отличительную черту его произведеній. Отсюда происходилъ успѣхъ или неудачи ихъ въ публикѣ. „Мысли на Красномъ Крыльцѣ“ были съ восторгомъ приняты всѣми: важность цѣли, къ которой стремился авторъ, устраняла личныя, мелочныя подробности, какія указаны въ „Письмѣ Богатырева къ одному пріятелю въ Москвѣ“. Одинаковость интересовъ, одушевлявшихъ русскихъ во время войны съ Франціею, сблизила публику съ мыслями Богатырева точно такъ же, какъ сближала автора ихъ съ людьми одинаковаго направленія литературнаго. Въ концѣ 1807 года С. Н. Глинка предпринялъ изданіе „Русскаго Вѣстника“; цѣлью журнала было предлагать читателямъ все то, что́ непосредственно относится къ русскимъ. „Истинная добродѣтель (говоритъ издатель) не требуетъ похвалъ; но нужно напо-

минать о ней въ наставленіе другимъ". Въ то время, когда „Исторія Государства Россійскаго" только зачиналась еще подъ перомъ Карамзина, обѣщаніе Глинки вносить въ журналъ многія статьи о древнихъ временахъ Россіи имѣло большое значеніе. Ниже постараемся мы показать характеръ „Русскаго Вѣстника" и его значеніе; теперь укажемъ только цѣль, къ которой стремился издатель. „Философы осьмагонадесять столѣтія (говоритъ онъ) никогда не заботились о доказательствахъ; они писали политическіе, историческіе, нравоучительные, метафизическіе, физическіе романы; порицали все, все опровергали, обѣщевали безпредѣльное просвѣщеніе, неограниченную свободу: не говоря, что̀ такое то и другое; не показывая къ нимъ никакого слѣда; словомъ: они желали преобразить все по-своему. Мы видѣли, къ чему привели сіи романы, сіи мечты воспаленнаго и тщеславнаго воображенія! Итакъ, замѣчая нынѣшніе нравы, воспитаніе, обычаи, моды и проч. мы будемъ противополагать имъ не вымыслы *романическіе*, но нравы и добродѣтели праотцовъ нашихъ. Пусть друзья блага общаго судятъ о преимуществахъ того и другаго!" [53] Итакъ, изученіе старины у Глинки получало примѣненіе къ современности. Не то же ли видимъ въ „Мысляхъ въ слухъ на Красномъ Крыльцѣ"? Но мысль Растопчина получила болѣе обширное выраженіе въ „Русскомъ Вѣстникѣ". Можно сказать, что журналъ Глинки обѣщалъ только развитіе того, что̀ въ „Мысляхъ" было высказано намеками. Растопчинъ привѣтствовалъ это предпріятіе съ самымъ теплымъ сочувствіемъ. Вскорѣ по выходѣ объявленія объ изданіи „Русскаго Вѣстника" встрѣтившись съ С. Н. Глинкою у А. С. Небольсиной, онъ подошелъ къ нему и обѣщалъ свое сотрудничество по новому журналу [54]. Онъ просилъ издателя останавливать запальчивое перо его. Въ первой книжкѣ „Вѣстника" помѣщена была статья Растопчина подъ заглавіемъ „Письмо къ издателямъ отъ 22 декабря 1807 года, изъ села Зипунова" [55]. Въ этой небольшой статейкѣ весь Растопчинъ съ своей ненавистью къ французолюбцамъ и иностранцамъ, съ своимъ живымъ, неистощимымъ остроуміемъ, съ своею оригинальной рѣзкостью и прямотою выраженія. „Письмо", по мѣткости нападокъ на пристрастіе къ иноземному, по блестящему

изложенію, можетъ быть поставлено на ряду съ „Мыслями въ слухъ на Красномъ Крыльцѣ“. Выписываемъ его вполнѣ [56]:

„Милостивый государь мой,
Издатель „Русскаго Вѣстника“!

„Хотя я имѣлъ и самъ человѣкъ съ десятокъ заморскихъ учителей, зѣвалъ на чужой землѣ и говорю на нѣсколькихъ иностранныхъ языкахъ, но со всѣмъ тѣмъ Богъ охранилъ меня отъ заразы. И я узналъ свою отчизну, помня примѣры предковъ, поученія священника Петра, и слова мамы Герасимовны, остался до сихъ поръ совершенно Русскимъ. Отдавая должную справедливость перу и уму сочинителя „Сумбеки“ и „Натальи боярской дочери“ [57], увидѣлъ я обнародованіе ваше о „Россійскомъ Вѣстникѣ“: хвалю столько же благое намѣреніе, сколько дивлюся смѣлости духа вашего. Вы имѣете въ виду единственно пользу общую и хотите издавать одну русскую старину, ожидая отъ нея исцѣленія слѣпыхъ, глухихъ и сумасшедшихъ, но забыли, что неизмѣнное дѣйствіе истины есть колоть глаза и приводить въ иступленіе. Конечно, васъ читать будутъ многіе; всѣ благомыслящіе и любящіе законы, Отечество и Государя (слѣдственно и честь) отдадутъ справедливость подвигу вашему. Но для сихъ прошедшее не нужно; ибо они сами настоящимъ служатъ примѣромъ. А какъ заставить любить по-русски Отечество тѣхъ, кои его презираютъ, не знаютъ своего языка и по необходимости русскіе? Какъ привлечь вниманіе вольноопредѣляющихся въ иностранные? Какъ сдѣлаться терпимымъ у раздѣтыхъ по модѣ барынь и барышень? Упрашивайте, убѣждайте, стыдите—ничто не подѣйствуетъ. Для сихъ отпадшихъ отъ своихъ и впадшихъ въ чужихъ, вы будете проповѣдникомъ, какъ посреди дикаго народа въ Африкѣ. До сего одни лишь иностранные за наше гостепріимство, терпѣніе и деньги ругали насъ безъ пощады, а нынѣ уже и Русскіе къ нимъ пристаютъ. Я не удивлюсь, есть ли со временемъ найдется какой-нибудь безстыдной враль, которой станетъ намъ доказывать, что мы не люди, и что Богъ создалъ одно наше тѣло, а души вкладываются иностранными, по ихъ благоразсмотрѣнію: что мы безъ нихъ обратились бы въ четвероногихъ, безъ ихъ языка... и безъ

ихъ поваровъ ѣли бы траву и жолуди. Мы съ перваго раза вытверживаемъ имя всякаго иностраннаго *искидка*, а они до сихъ поръ не могутъ правильно писать Суворовъ, а что еще лучше, что симъ великимъ именемъ называютъ въ Лондонѣ бѣлаго медвѣдя: и въ Парижѣ въ 1785 году показывали за деньги Француза, одѣтаго въ звѣриную кожу подъ вывѣской: *здѣсь можно видѣть страшное чудовище, которое говоритъ природнымъ своимъ московскимъ языкомъ*. Принимая живое участіе въ успѣхѣ вашего сочиненія, совѣтую пріучать слегка къ забытой Русской были тѣхъ изъ соотчичей нашихъ, кои тѣломъ на Руси, а духомъ за границей; совѣтую называть подлинныя сочиненія наши переводами, разжаловать всѣхъ нашихъ именитыхъ людей въ иностранныхъ, украсить каждую книжку французскимъ и англинскимъ эпиграфомъ и картинкой, представляющей невинную въ новомъ вкусѣ насмѣшку. Напримѣръ: представьте парикмахера, стригущаго Русскаго съ надписью: *подстриженной сѣверной Самсонъ*; или обезьяну, которая учитъ медвѣдя танцовать съ надписью: *сержусь, но поклонюсь;* или бѣса, раздѣвающаго Русскаго, съ надписью: *облегчится и просвѣтится*.

„Вотъ совѣты, кои русской старикъ почитаетъ нужными для васъ, подтверждая, что опытность его и долгое обращеніе съ людьми увѣрили въ неоспоримой истинѣ, что нѣтъ ничего труднѣе, какъ исправлять поврежденныхъ и проповѣдывать добродѣтель тѣмъ, кои ее ищутъ въ словаряхъ для переводу.

Впрочемъ, имѣю честь пребыть и проч.

Устинъ Вѣниковъ“ [58].

Нелюбовь къ французамъ была, можно сказать, вдохновеніемъ Растопчина: почти всѣ его произведенія проникнуты и вызваны ею, почти во всѣхъ видно желаніе

Насъ удержать, какъ крѣпкою возжей,
Отъ жалкой тошноты по сторонѣ чужой.

Съ особенной задушевностью и теплотою высказываетъ Растопчинъ свои патріотическія желанія и надежды въ слѣдующемъ письмѣ къ Глинкѣ, писанномъ вскорѣ по напечатаніи „Письма Устина Вѣникова“: „Спасибо вамъ за напечатаніе грамотки моей

въ 1-й книжкѣ Русскаго Вѣстника. Мой Устинъ Вѣниковъ продолженіе моего Богатырева и его Мыслей вслухъ на Красномъ Крыльцѣ. Пора духу русскому пріосаниться. Шопотъ дѣло сплетницъ. А я спѣшу вамъ сказать, что нашъ молодецъ Суворовъ пріосанилъ мое перо, и оно изъ жизни его вырвало кое-что такое, что мысль и слова его ставитъ на одной чертѣ съ его геройствомъ. Этотъ чудакъ герой, какъ будто и изъ могилы своей выкликиваетъ душу, разумѣется, душу русскую. Вамъ, мой любезный сотрудникъ, непремѣнно надобно побывать у меня въ селѣ Вороновѣ, гдѣ и получите отъ меня анекдоты о Суворовѣ, иначе не выпущу ихъ изъ рукъ. А чтобы вамъ не соскучиться въ дорогѣ, я пригласилъ вамъ въ товарищи Д. А. Новосильцова и общаго нашего пріятеля Н. С. Муромцова. Оба они, по обычаю нашей молодежи, рыскали по чужимъ краямъ. Первый былъ тамъ съ нынѣшнимъ министромъ финансовъ, Гурьевымъ. Оба они, по замашкѣ ума, въ грязь лицемъ не ударятъ. Готовьтесь навострить слухъ къ выслушанію вѣстей о пресловутой Европѣ, которую теперь няньчитъ и водитъ на помочахъ нашъ другъ Наполеонъ. Можетъ быть, изъ краснобайства о заморскомъ выскажется что-нибудь и о нашей матери землѣ русской. Вѣдь все теперь еще въ раздумьѣ и въ разгулѣ. Но, что земля русская намъ не мачиха, объ этомъ готовъ спорить до тѣхъ поръ, пока не лягу въ матерь сырую землю. Чего нѣтъ въ нашей родной колыбели? Было бы только у насъ горячее къ ней сердце, да обнимала бъ ее покрѣпче душа русская; а то постоитъ она за себя“ [59]. Чаяніе великаго будущаго „родной колыбели“, если только будетъ въ русскихъ „горячее къ ней сердце“, водило перомъ Растопчина: просмотрите всѣ его сочиненія, и вы тотчасъ замѣтите, что всѣ они проникнуты однимъ духомъ, стремленіемъ къ одной цѣли, къ которой авторъ идетъ послѣдовательно и неуклонно. Цѣль та, чтобы „покрѣпче душа русская обнимала родную колыбель“. Какія же средства указываетъ Растопчинъ для достиженія этой вожделѣнной цѣли? Нужно „отпавшимъ отъ своихъ“ вкоренить убѣжденіе въ великомъ значеніи народа; нужно по возможности устранить даже такое „отпаденіе отъ своего“. Средство не новое. Еще первый русскій сатирикъ, скорбя слѣпымъ ожесточеніемъ испорченныхъ

приверженцевъ старины противъ просвѣщенія, совѣтовалъ отрывать отъ нихъ молодое поколѣніе, потому что „примѣръ наставленія всякаго сильнѣе“, и говорилъ, что главное дѣло воспитанія есть „сердце младенческое въ добрыхъ нравахъ утвердить“. Растопчинъ столь же сильно чувствуетъ вліяніе воспитанія на убѣжденія человѣка. Онъ подноситъ свою „наборную повѣсть изъ былей по русски писанную: Охъ Французы!“ [60]:

„Всѣмъ отцамъ, матерямъ, вдовымъ и вдовамъ, коихъ Богъ благословилъ дѣтьми.

Всѣмъ женатымъ и замужемъ безъ дѣтей, не старѣ сорока лѣтъ.

Всѣмъ холостымъ мужчинамъ до пятидесяти-пяти лѣтъ.

Всѣмъ дѣвушкамъ до тридцати лѣтъ.

Разумѣется, благороднымъ, по той причинѣ, что сіе почтенное сословіе есть подпора престола, защита отечества, и должно предпочтительно быть предохранено. Купцы же и крестьяне, хотя подвержены всѣмъ извѣстнымъ болѣзнямъ, кромѣ нервовъ и меланхоліи, но еще отъ иноземства кой-какъ отбиваются, и сія летучая зараза къ нимъ не пристаетъ. Они и до сихъ поръ французовъ называютъ нѣмцами“. Растопчинъ не скрываетъ дидактическаго направленія своей повѣсти. „Если наконецъ хоть одинъ отецъ, хоть одна мать сберегутъ дѣтей отъ разврата (говоритъ онъ), то я и доволенъ, и счастливъ. Сяду въ кресла, посмотрю съ удовольствіемъ на свою чернильницу, потру лобъ, и скажу: доброе дѣло! Велика милость Господня!“

Впрочемъ, хотя авторъ приступаетъ къ разсказу съ цѣлью вывести изъ него извѣстное нравоученіе, но въ немъ незамѣтно ни натяжекъ, ни утомительной морали. Содержаніе повѣсти очень просто: женитьба богатаго русскаго помѣщика на молодой дѣвушкѣ, безъ состоянія, сиротѣ, которая живетъ въ домѣ своей тетки. Множество эпизодовъ, разсужденій, кстати и съ искусствомъ вставленныхъ въ разсказъ, придаютъ ему особенную оригинальность. Герой повѣсти — Лука Андреевичъ Кремневъ является представителемъ добрыхъ сторонъ русскаго человѣка; это лицо не новое: это—Богатыревъ „Мыслей въ слухъ на Красномъ Крыльцѣ“, это Устинъ Вѣниковъ „Письма къ издателю Русскаго Вѣстника“. Родство Кремнева съ Богатыревымъ такъ

близко, что самъ авторъ называетъ его Богатыревымъ [61], — обмолвка нечаянная, но не случайная: въ сущности и Богатыревъ, и Вѣниковъ, и Кремневъ—одно лицо, одно воплощеніе того идеала русскаго человѣка, который сложился въ мысляхъ Растопчина. Повѣсть какъ бы не кончена, но, читая ее, трудно вѣрить, чтобъ она писана была болѣе сорока лѣтъ тому назадъ—такъ мало въ ней того, что составляетъ общую принадлежность современныхъ ей литературныхъ произведеній! Въ противоположность идеальнымъ, оторваннымъ отъ дѣйствительной жизни героямъ повѣстей и романовъ того времени, Растопчинъ выводитъ въ своей повѣсти живыхъ людей: тетку невѣсты, женщину практическую, но не всегда распорядительную; барскую барыню Крисанфовну, Феклистыча, который былъ нѣкогда женскимъ портнымъ, спился-было до того, что кричалъ на барыню: „слово и дѣло“, но послѣ какъ-то установился и былъ женатъ на любимой сѣнной дѣвушкѣ, долгою жизнію схороня всѣхъ получше себя людей, дошелъ до высшей степени почестей въ дворянскомъ домѣ, т.-е. до дворецкихъ, и пр. У Растопчина была замѣчательная наблюдательность, и не безъ основанія можно предполагать, что многія, вѣрно очерченныя лица его повѣсти были простыми списками тѣхъ, которыхъ авторъ дѣйствительно зналъ и имѣлъ передъ глазами. Въ повѣсти есть, напримѣръ, Маремьяна Бобровна — лицо, которое является и въ комедіи графа „Вѣсти или убитый живой“. У насъ есть прямое указаніе, что въ этой пьесѣ графъ вывелъ нѣсколько лицъ, извѣстныхъ московскому обществу того времени. Если несомнѣнно, что тѣ лица сумароковскихъ комедій, которыя и до сихъ поръ не потеряли для насъ занимательности, были прямо выхвачены изъ дѣйствительности, окружавшей творца ихъ [62], то подобный же фактъ можно указать и въ „Вѣстяхъ“, или, лучше, во всѣхъ русскихъ комедіяхъ, имѣющихъ достоинство. Въ комедіи Растопчина собственно нѣтъ дѣйствія развивающагося; это простая картина семейства, которое принуждено испытать на себѣ непріятныя слѣдствія ложныхъ вѣстей. Глава этого семейства Сила Андреичъ Богатыревъ; женихъ его дочери, Побѣдинъ, находится въ дѣйствующей арміи. Отъ знакомыхъ — Развозова, Пустякова Богатыревъ слы-

шитъ, что будущій зять его раненъ, а Набатова объявляетъ, что онъ убитъ. Это извѣстіе какъ громомъ поражаетъ—не Богатырева, у котораго мысль о защитѣ отечества подавляетъ всякія личныя скорби и интересы, но жену его. Докторъ Моренкопфъ приготовляетъ уже все нужное, чтобы пустить кровь Богатыревой; Пегасовскій написалъ ужь оду на смерть Побѣдина, когда самъ онъ вдругъ является къ изумленному семейству уликою всѣхъ ложныхъ о немъ толковъ. Неумѣренныя, заносчивыя изліянія Богатырева противъ Набатовой (въ 12-мъ и 14-мъ явленіяхъ) показываютъ, что Растопчинъ преслѣдовалъ дѣло по горячимъ слѣдамъ: онъ, можно сказать, исторію вчерашняго дня захотѣлъ сегодня повторить на сценѣ. Но, перенося ее на сцену, авторъ какъ бы незамѣтно прихватилъ нѣкоторыя изъ живыхъ лицъ, принимавшихъ въ ней участіе, и любимая, обычная манера нашей старой комедіи „выводить подлинники“ (какъ выразился Новиковъ) повторилась и у Растопчина. Одинъ современникъ, хорошо его знавшій, говоритъ: „Графъ написалъ много комедій, исполненныхъ остроты и *критики на оригинальныя лица, между нами встрѣчавшіяся*“ [63]. Вѣроятно, чувствуя, что подобныя комедіи не могутъ возбуждать общаго интереса, авторъ, „по прочтеніи своихъ комедій въ маломъ обществѣ, обыкновенно предавалъ ихъ огню“ [64]. Только „Вѣсти“ были поставлены на сцену; но онѣ не имѣли успѣха [65]. Лицо Богатырева, вставленное въ комедію, много вредитъ живости пьесы и своими тирадами, особенно въ начальныхъ явленіяхъ, напоминаетъ утомительныя разсужденія Правдина въ „Недорослѣ“. Съ другой стороны, холодный пріемъ „Вѣстей“ публикою объясняется частью тѣмъ, что въ нихъ ощутительно отсутствіе драматическаго движенія, частью тѣмъ, что авторъ вывелъ „подлинники“: то, что̀ было вполнѣ понятно и интересно для тѣснаго кружка знакомыхъ Растопчина, которымъ, конечно, извѣстны были эти „подлинники“, не могло въ той же степени интересовать публику. А „подлинники“, выведенные на сцену авторомъ, могли ли простить ему такой поступокъ? Судьею комедіи былъ отчасти и подсудимый; легко видѣть, каковъ будетъ этотъ судъ. „Комедія *Вѣсти, или убитый живой* (разсказываетъ С. Н. Глинка) указывала на извѣстныя тогда въ

Москвѣ лица. Все смолвилось. Повсюду раздавались шиканья и топанья, и роковые отголоски свистковъ: остроуміе сочинителя уступило такому упорному натиску, и онъ, въ пылу досады, прислалъ въ „Вѣстникъ“ два письма, въ которыхъ зевесовскими перунами огромлялъ *ложи* и *кресла*. Въ силу предварительнаго условія, получа отъ меня отказъ, графъ запискою въ третьемъ лицѣ требовалъ у *майора Глинки* возвращенія его бумагъ. Я также въ третьемъ лицѣ отвѣчалъ, что майоръ Глинка благодаритъ графа за снятіе съ него бремени замѣчаній и съ удовольствіемъ возвращаетъ ему бумаги“ [66]. Вѣроятно, эти письма, о которыхъ упоминаетъ Глинка, были изданы Растопчинымъ отдѣльно, подъ заглавіемъ „*Письма Устина Ульяныча Вѣникова къ Силѣ Андрѣевичу Богатыреву и отвѣтъ Силы Андрѣича Богатырева Устину Ульяновичу Вѣникову*“ (М., въ типографіи С. Селивановскаго, 1808 г., въ 8-ю д. л. 15 стр.). Растопчинъ въ самомъ дѣлѣ нападаетъ въ этой брошюрѣ на ложи и кресла, „Объ Россіи ты говорилъ, какъ законный ея сынъ и нѣжный любовникъ (пишетъ Вѣниковъ къ Богатыреву), и хотя господа актёры изъ кожи лѣзли и галерейные засѣдатели много били въ ладоши, однакожь, правду сказать: ложная и кресельная публика несовсѣмъ благосклонно тебя приняла и заключила, что въ тебѣ много соли и ты пересолилъ“ и т. д. Впрочемъ, нельзя сказать, чтобъ Растопчинъ въ этомъ мѣстѣ *огромлялъ* ложи и кресла *зевесовскими перунами*, какъ выразился Глинка о письмахъ, къ нему присланныхъ. Но мы обратимъ вниманіе на то обстоятельство, что во всѣхъ экземплярахъ брошюрки „*Письма Вѣникова*“ вслѣдъ за четвертой страницею прямо идетъ девятая; кромѣ того, брошюрку слѣдовало бы назвать „*Письмо Вѣникова*“, а не „*Письма*“, потому что *одно* только письмо Вѣникова напечатано въ ней. Вѣроятно, средина брошюрки, содержавшая второе письмо Вѣникова, была ужь по отпечатаніи уничтожена авторомъ; этимъ объяснится и упомянутая нумерація страницъ. Растопчинъ самъ замѣтилъ, что дидактическій характеръ роли Богатырева не понравился публикѣ. „Нынѣ проповѣди не въ модѣ, а говори о погодѣ“ (пишетъ онъ по этому случаю). Комедія явилась въ то время, когда племя Набатовыхъ, неугомонныхъ вѣстовщицъ, размножилось; праздникъ

былъ на ихъ улицѣ: извѣстныя политическія обстоятельства того времени доставляли обильную пищу праздным языкамъ. „Вѣстямъ“ (говоритъ Богатыревъ) есть фабрики, конторы и, смотря по людямъ, курсъ вѣстовой бываетъ ниже и выше, а въ иныхъ домахъ, какъ на Кяхтѣ, дѣлаютъ вѣстямъ промѣнъ и спѣшатъ ихъ съ рукъ сжить съ барышомъ. При всякомъ извѣстіи о сраженіи и пустятся по городу какъ почтальоны въ почтовый день, и примутся, какъ имъ угодно, производить въ чины, въ кавалеры, въ герои, въ трусы; отправлять на тотъ свѣтъ живыхъ, возвращать оттуда мертвыхъ, и на другой день множество каретъ, нагруженныхъ вѣстями, ложью и сплетнями, скачутъ радовать и печалить. Я это вижу, сидя подъ окномъ. И какъ сломается карета, то ужь никто не остановится прибрать цехового вѣстовщика, или вѣстовщицу, а всякій самъ спѣшитъ и боится, чтобъ его не обогнали, какъ курьера съ радостнымъ извѣстіемъ. *Часто разсказы этихъ публичныхъ вѣстовыхъ на нѣсколько времени направляютъ мнѣніе и самой публики, которая почтенна, да немножко легковѣрна*“ [67]. Въ этомъ мѣстѣ, какъ и во многихъ другихъ, слышишь не Богатырева, а самого автора: Растопчинъ самъ какъ бы входитъ въ пьесу и вноситъ въ нее свои личныя мысли и ощущенія; онъ часто увлекается ими, и Богатыревъ дѣлается орудіемъ для сообщенія ихъ публикѣ. Изъ этого ужь можно заключить, что авторъ не въ состояніи былъ дать живаго цѣлостнаго характера лицамъ своей комедіи: они являются только выразителями той или другой стороны общества, и нѣтъ въ нихъ жизненной полноты и разнообразія чертъ. Богатыревъ только олицетвореніе патріотизма, все остальное для него чуждо, точно такъ же, какъ Набатова—олицетвореніе страсти къ сплетнямъ, Побѣдинъ—доблести, Пегасовскій—страсти къ одописанію. Одностороннее развитіе отличаетъ всѣ лица комедіи Растопчина и зависѣло сколько отъ цѣли автора, столько же и отъ тѣснаго объема самого дѣйствія. Въ „Вѣстяхъ“ Растопчинъ имѣлъ въ виду осмѣять Набатовыхъ съ разнохарактерною ихъ свитою и тѣмъ отстранить вредное при тогдашнихъ обстоятельствахъ вліяніе, которое толки ихъ могли имѣть на публику. Но гдѣ Богатыревъ, тутъ и ненависть къ французамъ и французолюбцамъ, тутъ и гоненіе на моду, ихъ порожденіе, и на свѣтское

quasi-воспитаніе. Главною цѣлью нападеній остались вѣсти, какъ показываетъ самое названіе пьесы. Желаніе поразить сплетни тѣмъ орудіемъ, „котораго боится даже и тотъ, кто ужь ничего не боится", имѣло въ то время большое значеніе. Такъ вредно дѣйствовали Набатовы на массу, что правительство должно было принять противъ нихъ мѣры. „Къ Беклешову точно писано (говоритъ Растопчинъ въ письмѣ къ Циціанову отъ 17-го января 1806 г.), чтобъ разсказы унимать, и одного болтуна отправили въ Петербургъ". Изъ этихъ словъ легко видѣть, какую близкую цѣль имѣлъ въ виду авторъ, и какъ важна была эта цѣль.

Заключая обзоръ перваго періода литературной дѣятельности Растопчина, мы можемъ сказать, что характеръ ея во время самыхъ блестящихъ его подвиговъ нисколько не измѣнится: въ 1812-мъ году онъ обнаружится только сильнѣе, и спасительное дѣйствіе произведеній Растопчина на массу скажется осязательнѣе, чѣмъ прежде. Растопчинъ вполнѣ былъ убѣжденъ, что авторъ „Мыслей въ слухъ на Красномъ Крыльцѣ", „Письма", „Вѣстей" точно такъ же былъ защитникомъ отечества въ бѣдственную пору, какъ и всякій, встрѣчавшій врага съ оружіемъ въ рукахъ. И мы можемъ сказать, что онъ не ошибался. Листки летучихъ брошюръ сблизили его съ массою, съ народомъ, и когда, въ бурное время отечественной войны, онъ снова, уже какъ лицо, облеченное государственнымъ значеніемъ, возьмется за то же средство поддерживать духъ народный, оно выведетъ его прямо къ цѣли,—къ той высокой цѣли, успѣшное достиженіе которой дало ему право написать подъ своимъ портретомъ два краснорѣчивые своею правдою стиха:

Онъ въ Москвѣ родился,
И ей пригодился.

В. А. ЖУКОВСКІЙ.

Рецензія на книгу „В. А. Жуковскій и его произведенія, 1783—1883“, сочиненіе П. Загарина (псевдонимъ). Изданіе Льва Поливанова.

Въ 1870-мъ году докторъ Карлъ ф.-Зейдлицъ напечаталъ въ Митавѣ книгу „Wasily Andrejewitch Joukoffsky. Ein russiches Dichterleben“ [1]. Въ теченіе сорока лѣтъ авторъ пользовался знакомствомъ и дружбою Жуковскаго; онъ посвященъ былъ въ тайны внутренней жизни поэта, стоялъ съ нимъ лицомъ къ лицу въ самыя трудныя минуты его жизни и принялъ въ свои руки выраженіе послѣдней воли Жуковскаго. Книга доктора Зейдлица совмѣстила въ себѣ живой, согрѣтый чувствомъ дружбы разсказъ о жизни Жуковскаго и безпристрастное, вполнѣ объективное воззрѣніе на исторію развитія его внутренней жизни и поэзіи. Это драгоцѣнное въ біографѣ свойство съ особенною ясностію выступаетъ въ третьемъ отдѣлѣ книги доктора Зейдлица, повѣствующемъ о послѣднихъ годахъ заграничной жизни Жуковскаго. „Читатель, вѣрно, поблагодаритъ меня (говорилъ д-ръ Зейдлицъ въ предисловіи къ своей книгѣ) за то, что мое повѣствованіе свободно,—насколько то возможно,—отъ субъективныхъ сужденій и размышленій, и за то, что я такъ часто привожу собственныя слова Жуковскаго изъ его стихотвореній, сочиненій и писемъ“. Богатый запасъ собственныхъ наблюденій надъ развитіемъ личности и поэтической дѣятельности Жуковскаго Зейдлицъ получилъ возможность провѣ-

рить письмами своего друга къ А. П. Кирѣевской, — письмами, которыя справедливо могутъ быть названы правдивою лѣтописью душевной жизни ихъ автора въ извѣстную эпоху. Благодаря соединенію всѣхъ этихъ условій въ лицѣ Зейдлица, книга его о Жуковскомъ пролила совершенно новый свѣтъ на многія произведенія его друга и вскрыла связь переводовъ Жуковскаго съ исторіею его собственной жизни, съ его чувствами, съ развитіемъ его вѣрованій и убѣжденій. Зейдлицъ „поставилъ себѣ задачею дать будущимъ біографамъ его дорогаго друга *очеркъ* его поэтической жизни, который могъ быть впослѣдствіи раздвинутъ внесеніемъ, въ надлежащихъ мѣстахъ, болѣе точныхъ подробностей“ [2]. Будущимъ изслѣдователямъ предоставлялъ Зейдлицъ „и оцѣнить еще ближе то вліяніе, какое имѣлъ Жуковскій на русскую литературу“ [3]. Въ первомъ нѣмецкомъ изданіи своего сочиненія о Жуковскомъ (1870 г.) Зейдлицъ выразилъ увѣренность, что въ то время „какъ бы изъ своего исторіографическаго далека онъ протянулъ вѣрныя перспективныя линіи для своего очерка“. Онъ не рѣшился даже исчерпать все богатство переписки Жуковскаго съ А. П. Елагиною и, удержавши изъ нея лишь существенное, предоставилъ полное изданіе этого драгоцѣннаго матеріала будущему, напр., тому времени, когда будетъ праздноваться столѣтняя годовщина со дня рожденія Жуковскаго, и когда написана будетъ подробная его біографія...

Ко дню столѣтняго юбилея Жуковскаго письма поэта къ Елагиной дѣйствительно были напечатаны (хотя по списку не особенно исправному) въ „Русской Старинѣ“ 1883 г. Въ то же время вышло и обширное сочиненіе г. Загарина „В. А. Жуковскій и его произведенія“. По словамъ издателя этой книги, г. Поливанова, „авторъ ея, П. Х. Загаринъ, изображаетъ личность Жуковскаго, жизнь его, *черты эпохи* и *лицъ*, съ которыми сводила поэта многообразная его дѣятельность, и знакомитъ съ *важнѣйшими* его произведеніями, въ отношеніи къ иноземнымъ литературнымъ явленіямъ, находившимъ отголосокъ въ его творчествѣ. При семъ разборъ *многихъ* (въ I-мъ изданіи: нѣкоторыхъ) произведеній *потребовалъ* сличенія ихъ съ источниками. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ сличеніе это исполнено здѣсь

впервые. При анализѣ произведеній Жуковскаго авторъ имѣлъ въ виду связь ихъ съ *внутреннею жизнію самого поэта и явленіями жизни общественной и государственной*".

Къ сожалѣнію, ни авторъ, ни издатель разбираемой книги не объясняютъ, чѣмъ руководствовался составитель оной при опредѣленіи относительной *важности* произведеній Жуковскаго. Подвергались ли анализу тѣ произведенія Жуковскаго, которыя привлекали къ себѣ вниманіе г. Загарина своими поэтическими достоинствами, или тѣ, которыя представляли особенный интересъ по своей „связи съ внутреннею жизнію поэта и явленіями жизни общественной и государственной"? Другими словами: съ какой точки зрѣнія смотрѣлъ на произведенія Жуковскаго г. Загаринъ—съ эстетической или съ исторической? Авторъ задумалъ довольно широкую историческую картину, которая должна была „изобразить не только жизнь и личность Жуковскаго, но и черты эпохи (весьма продолжительной и исполненной движенія), къ которой онъ принадлежалъ, характеристику лицъ, съ которыми сводила поэта многообразная его дѣятельность"; независимо отъ этой картины г. Загаринъ имѣлъ въ виду представить анализъ произведеній Жуковскаго съ указаніемъ ихъ „связи съ внутреннею жизнію самого поэта и явленіями жизни общественной и государственной".

Для исполненія той обширной программы, которую г. Загаринъ желалъ осуществить въ своемъ трудѣ, конечно, недостаточно было подвергнуть „многія произведенія" Жуковскаго „сличенію съ источниками": этимъ сличеніемъ исполнялась лишь самая малая часть начертанной программы. Необходимо было прослѣдить отъ начала до конца исторію развитія личности и поэтической дѣятельности Жуковскаго въ связи съ состояніемъ эпохи, къ которой онъ принадлежалъ, съ развитіемъ и движеніемъ русской литературы и общества въ эту эпоху и выяснить, путемъ историческаго метода, связь поэтической дѣятельности Жуковскаго съ предшествовавшимъ ему литературнымъ направленіемъ, а также и вліяніе его на дальнѣйшее развитіе русской литературы и русскаго литературнаго языка. Эти вопросы дѣйствительно и составляютъ предметъ изученій автора. Но разработка этихъ отдѣловъ программы представляла г. За-

гарину несравненно болѣе трудностей, чѣмъ сличенія, хотя бы и очень точныя и добросовѣстныя, цѣлыхъ произведеній Жуковскаго съ подлинниками: означенные отдѣлы требовали *самостоятельнаго критическаго изученія* какъ произведеній Жуковскаго, такъ и современной ему литературы, а также и всего того, что относится къ „источникамъ для исторіи жизни Жуковскаго и его эпохи". Послѣ появленія въ свѣтъ книги д-ра Зейдлица обнародовано было много новыхъ матеріаловъ для біографіи Жуковскаго, особенно благодаря неутомимой дѣятельности издателя „Русскаго Архива"; но эти матеріалы остаются пока въ необработанномъ видѣ. Даже послѣднее, наиболѣе полное изданіе сочиненій Жуковскаго (седьмое, подъ редакціею П. А. Ефремова) не можетъ служить надежнымъ пособіемъ при составленіи исторической монографіи о Жуковскомъ. Главный недостатокъ этого изданія — отсутствіе твердо установленныхъ основаній при распредѣленіи вошедшихъ въ его составъ стихотвореній по годамъ: иногда за основаніе при такомъ распредѣленіи принимается годъ напечатанія произведенія въ первый разъ, иногда — распредѣленіе, данное Жуковскимъ въ послѣднемъ изданіи его сочиненій. Г. Ефремовъ иногда не рѣшается отступить отъ хронологіи пятаго изданія сочиненій Жуковскаго даже въ такомъ случаѣ, когда ошибочность опредѣленія не подлежитъ никакому сомнѣнію: *Стихотвореніе на смерть фельдмаршала графа Каменскаго* помѣщено (томъ I, стр. 103) г. Ефремовымъ подъ 1808 годомъ, хотя самъ же редакторъ замѣчаетъ (томъ I, стр. 497): „Годъ въ 4 изданіяхъ не былъ означенъ, а въ 5-мъ отнесено къ 1808-му, но неправильно, потому что Каменскій убитъ 12 августа *1809 года*". Нерѣдко стихотвореніе печатается подъ годомъ своего появленія въ свѣтъ, но не по тому тексту, который дѣйствительно къ этому году относится, а въ позднѣйшей переработкѣ, часто отдѣленной отъ первоначальнаго текста цѣлыми десятками лѣтъ. Такъ, читатель не найдетъ въ изданіи г. Ефремова первоначальнаго текста элегіи *Сельское кладбище,* напечатаннаго въ „Вѣстникѣ Европы" Карамзина, ни исправленнаго текста, помѣщеннаго въ „Утренней Зарѣ" 1808 года. Это „историческое" произведеніе является въ изданіи г. Ефремова въ томъ значительно измѣненномъ видѣ (съ под-

новленіемъ языка), какой дается *пятымъ* изданіемъ сочиненій Жуковскаго. Поправки, которыя необходимо было бы сохранить въ варіантахъ, заслоняютъ собою первоначальную форму произведенія. Значительная часть стихотвореній, относящихся къ начальному періоду поэтической дѣятельности Жуковскаго, напечатаны г. Ефремовымъ не въ томъ видѣ, въ какомъ они первоначально явились въ свѣтъ, а съ позднѣйшими, часто весьма значительными подправками руки, уже окрѣпшей въ искусствѣ владѣть русскимъ стихомъ [4]. Первыя стихотворенія и прозаическія статьи Жуковскаго перепечатаны въ изданіи г. Ефремова не изъ журнала „Пріятное и полезное препровожденіе времени“ (1797 и 1798 гг.), а изъ посмертнаго изданія съ подновленіями въ языкѣ, сдѣланными даже не рукою Жуковскаго, а редакторомъ посмертнаго изданія его сочиненій [5]. Въ стихотвореніи *Добродѣтель* (изд. г. Ефремова, I, 7) пропущена вся вторая строфа:

Обитель смерти тамъ—покоя;
Усопшихъ прахи тамъ лежатъ;
Ничто ихъ сна не прерываетъ,
Ничто не грезится во снѣ.—
Но всѣль такъ мирно почиваютъ,
И всѣ ли такъ покойно спятъ?...
Не монументы отличаютъ
И не блестяща пышность насъ! [6]

Этою строфою, замѣтимъ мимоходомъ, могъ бы воспользоваться г. Загаринъ, разсуждая о „некроманіи“ русской лирики и объясняя, почему Жуковскій, будто бы, „съ юнаго возраста сроднился съ мыслями о вѣчномъ покоѣ, приносимомъ смертію“ (стр. 44).

Наконецъ, — и это главное, — послѣднее изданіе сочиненій Жуковскаго оставляетъ совершенно неразработаннымъ вопросъ о переводахъ и оригинальныхъ сочиненіяхъ, которыя Жуковскій помѣщалъ въ „Вѣстникѣ Европы“ безъ подписи своей фамиліи. Много драгоцѣнныхъ данныхъ для исторіи личности и поэзіи Жуковскаго разсѣяно въ статьяхъ этого журнала, явившихся въ свѣтъ безъ подписи автора и, несомнѣнно, вышедшихъ изъ-подъ пера Жуковскаго. Далеко не всѣ статьи, перевe-

денныя поэтомъ, вошли въ составъ изданнаго Каченовскимъ въ 1816 году пятитомнаго сборника *„Переводы въ прозѣ В. Жуковскаго“*. Знакомый съ этимъ сборникомъ и съ сочиненіями Жуковскаго при внимательномъ пересмотрѣ книжекъ „Вѣстника Европы“, вышедшихъ подъ редакціею автора „Свѣтланы“, легко замѣтитъ, что 1) изъ оригинальныхъ статей этого журнала въ 1808—1810 гг. Жуковскому принадлежатъ всѣ *неподписанныя* (кромѣ статей политическаго отдѣла), 2) изъ переводныхъ перу нашего поэта принадлежатъ статьи, а) подписанныя именами ихъ авторовъ, хотя бы безъ присоединенія указаній на переводчика, и b) отмѣченныя одною изъ трехъ буквъ В.—А.—Ж.— Нельзя не пожелать, чтобы на основаніи ли бумагъ Жуковскаго, или на основаніи *точныхъ* указаній людей, которые были къ нему близки, опредѣлено было съ надлежащею полнотою, какія оригинальныя и переводныя статьи и мелкія замѣтки „Вѣстника Европы“ 1808—1810 годовъ принадлежатъ Жуковскому и могутъ служить матеріаломъ для его характеристики, какъ человѣка и писателя. Изданіе г. Ефремова, подчинившись авторитету редакціи посмертнаго изданія сочиненій Жуковскаго, не представило ничего новаго въ этомъ отношеніи: г. Ефремовъ ограничился перепечаткою (томъ V, стр. 553 слд.) лишь немногихъ статей и замѣтокъ Жуковскаго изъ его „Вѣстника Европы“, не принявши въ свое изданіе другихъ, гораздо болѣе любопытныхъ замѣтокъ, несомнѣнно принадлежащихъ Жуковскому [7]. Въ изданіи г. Ефремова нѣкоторыя переводныя произведенія Жуковскаго признаны за оригинальныя, вопреки авторитету собственныхъ о томъ свидѣтельствъ переводчика [8].

Къ празднованію столѣтняго юбилея Жуковскаго не было напечатано *полнаго критическаго* изданія сочиненій и *переводовъ* Жуковскаго. Его замѣчательные въ литературномъ и даже біографическомъ отношеніи *переводы въ прозѣ* никогда не перепечатывались въ собраніи его сочиненій и стихотворныхъ переводовъ. Между тѣмъ всего приличнѣе было бы почтить столѣтній юбилей Жуковскаго такимъ монументальнымъ изданіемъ его произведеній, какое по отношенію къ Державину совершено трудами академика Я. К. Грота. Такія ученыя,

критическія изданія всегда остаются незыблемымъ основаніемъ для историческихъ изслѣдованій о жизни и литературной дѣятельности писателя. Въ Германіи столѣтній юбилей дня рожденія Шиллера ознаменованъ былъ въ литературѣ не только появленіемъ роскошно, со многими рисунками, изданной книги Іоанна Шерра „Schiller und seine Zeit“ [9], но также и напечатаніемъ обширнаго библіографическаго труда, обнимающаго всю литературу о Шиллерѣ и Гёте: „Aus Weimars goldenen Tagen. Bibliographische Jubelfestgabe zur hundertjährigen Geburtstagsfeier Friedrich von Schillers dargebracht von Carl Gustav Wenzel“ (Dresden, 1859). Составитель этой книги, — состоящей изъ перечня: 1) въ хронологическомъ порядкѣ, всѣхъ твореній Шиллера и Гёте, съ указаніемъ, гдѣ было напечатано каждое изъ нихъ, 2) критическихъ статей и рецензій, нотъ, иллюстрацій, относящихся къ этимъ произведеніямъ, переводовъ ихъ на другіе языки, 3) біографическихъ статей, изслѣдованій о Шиллерѣ и Гёте, а также и о лицахъ, находившихся съ ними въ близкихъ отношеніяхъ, — имѣлъ основаніе дорожить листами своего многолѣтняго труда и завершить предисловіе къ нимъ словами: „So tretet denn hinaus in die Welt, ihr Blätter, die ihr Kunde gebt von Deutschlands wahrer Grösse und geistiger Macht!“

Критическое изданіе всѣхъ произведеній Жуковскаго тѣмъ болѣе необходимо, что уже при жизни его одинъ изъ совѣтниковъ поэта, печатая третье изданіе его стихотвореній, „выбрасывалъ изъ него и уничтожалъ самовластно“, къ великому огорченію Пушкина. Послѣдній пишетъ Жуковскому: „Ничего не говорилъ я тебѣ о твоихъ стихотв. Зачѣмъ слушаешься ты маркиза N. N.? Пора бы тебѣ удостовѣриться въ односторонности его вкуса. Къ тому же не вижу въ немъ и безкорыстной любви къ твоей славѣ... *Надпись къ Гёте, Ахъ, еслибъ мой милый, Генію*,—все это прелесть; а гдѣ они? Знаешь, что выдетъ? *Послѣ твоей смерти все это напечатаютъ съ ошибками*“ [10]. Предсказаніе Пушкина исполнилось. Четыре послѣдніе тома пятаго изданія сочиненій Жуковскаго (на половину посмертныхъ) испытали на себѣ вліяніе „вкуса“ того же редактора. Авторитетъ этого лица оставилъ, какъ мы видѣли, слѣды и на послѣд-

немъ, самомъ полномъ изданіи сочиненій Жуковскаго и даже на почтенномъ трудѣ доктора Зейдлица: признавши, на основаніи свидѣтельствъ гр. Блудова, статью „О нравственной пользѣ поэзіи“ оригинальнымъ произведеніемъ Жуковскаго, д-ръ Зейдлицъ дѣлаетъ изъ нея небольшое извлеченіе и, выдвинувши возвышенную точку зрѣнія этой статьи на задачу жизни писателя, замѣчаетъ: „Кто можетъ сказать, что Жуковскій хотя разъ уклонился отъ этихъ правилъ?“ [11]

Г. Загаринъ, при составленіи своей книги, руководствовался исключительно послѣднимъ изданіемъ сочиненій Жуковскаго [12]. Это обстоятельство необходимо имѣть въ виду при чтеніи книги г. Загарина, чтобы не увлекаться мыслію, будто приводимые въ ней отрывки изъ произведеній Жуковскаго *по формѣ и языку* дѣйствительно *вполнѣ* принадлежатъ тому году, подъ которымъ они стоятъ у г. Загарина [13]. Вполнѣ сознаетъ авторъ разбираемой книги, что весьма „интересно наблюдать, какъ учится человѣкъ выражать привлекательное и высокое своей жизни“; понимаетъ, что „нелегко давался этотъ даръ русскимъ поэтамъ“; утверждаетъ даже, что „весь новый періодъ русскаго литературнаго языка есть, въ нѣкоторомъ смыслѣ, борьба глубоко лежащаго въ душѣ чувства съ неподатливымъ языкомъ, вырабатывавшимся въ средѣ исключительной, въ дали отъ народной рѣчи, подъ вліяніемъ образцовъ чужеземныхъ“ (стр. 30), — и тѣмъ не менѣе онъ лишаетъ читателя своей книги возможности наблюдать развитіе литературнаго языка Жуковскаго и даже самъ его не наблюдаетъ...

Въ этомъ предпочтеніи текста, болѣе обработаннаго въ художественномъ отношеніи, *первоначальному* виду произведеній не выражается ли, до извѣстной степени, преобладаніе у автора разбираемой монографіи интереса эстетическаго надъ историческимъ? Эстетическій разборъ важнѣйшихъ произведеній Жуковскаго, сравненіе ихъ съ источниками дѣйствительно составляютъ важнѣйшій и наиболѣе самостоятельный отдѣлъ въ книгѣ г. Загарина. Путемъ этого анализа авторъ старается проникнуть въ исторію развитія личности и поэтической дѣятельности поэта. Разсказъ о жизни Жуковскаго переплетается съ характеристиками его произведеній, въ которыхъ выражались *впечатлѣнія, думы*

и настроеніе автора въ извѣстныя ея эпохи. Новыхъ, еще не бывшихъ въ печати матеріаловъ для біографіи Жуковскаго въ книгѣ г. Загарина не встрѣчается [14]. Разсмотримъ, въ какой полнотѣ воспользовался авторъ сочиненія „Жуковскій и его произведенія“ матеріалами и монографіями о Жуковскомъ, изданными прежде и большею частію разбросанными по журналамъ, какимъ методомъ руководствовался авторъ при разработкѣ данныхъ, вошедшихъ въ его книгу, и какими чертами характеризуетъ онъ жизнь и произведенія Жуковскаго.

I.

Первая глава книги г. Загарина, посвященная разсказу о дѣтствѣ Жуковскаго, составлена главнымъ образомъ на основаніи *писемъ А. П. Зонтагъ къ князю Вяземскому*, напечатанныхъ въ „Русской Мысли“ (1883 г., кн. II) подъ заглавіемъ „*Воспоминанія о первыхъ годахъ дѣтства Василія Андреевича Жуковскаго*“. Еще до появленія въ печати эти письма сообщены были Авдотьею Петровною Елагиною Зейдлицу, съ предупрежденіемъ, что „въ нихъ заключается правда и *очень много поэзіи*“ [15]. Замѣчая, что разсказы А. П. Зонтагъ, „можетъ быть, *нѣсколько украшены поэзіею давнишнихъ воспоминаній*“, Зейдлицъ ограничился небольшими извлеченіями изъ нихъ того, что̀ „могло служить психологическою окраскою для изображенія Жуковскаго“. „Будущіе біографы (прибавляетъ онъ), можетъ быть, найдутъ болѣе любопытнымъ передать безъ сокращенія разсказъ подруги дѣтскихъ забавъ Жуковскаго, *что̀ составило бы содержаніе для повѣсти въ родѣ сказаній, распространяемыхъ по свѣту о знаменитыхъ людяхъ*“ [16]. Очень вѣрно подмѣтилъ д-ръ Зейдлицъ ту поэтическую идеализацію, которою окружено дѣтство Жуковскаго въ „Воспоминаніяхъ“ Анны Петровны: г-жа Зонтагъ даже въ 1831 году въ одной изъ повѣстей для дѣтей вывела Катерину Аѳанасьевну Протасову и двухъ ея дочерей—племянницъ Жуковскаго Марью Андреевну и Александру Андреевну [17]. Конечно, подобнаго рода воспоминаніями біографъ Жуковскаго долженъ пользоваться съ надлежащею осторожностію.

Въ книгѣ г. Загарина приведены довольно значительныя выписки изъ „Воспоминаній“ А. П. Зонтагъ. Онѣ, конечно, оживляютъ разсказъ о дѣтствѣ Жуковскаго, но эти воспоминанія авторъ могъ бы дополнить нѣкоторыми подробностями, которыя обронилъ самъ Жуковскій. Такъ нашъ поэтъ припоминаетъ, что въ домѣ Буниныхъ былъ, по старинному обыкновенію, „домашній дуракъ Варлашка“ [18]; что Аѳанасій Ивановичъ Бунинъ закрѣпилъ за Жуковскимъ четырехъ крѣпостныхъ людей, изъ которыхъ трое были дѣтьми какого-то польскаго выходца и потому требовали, черезъ бѣлевскій судъ, чтобъ имъ возвращена была свобода [19]. Жуковскій, сознавая, что его „жизнь избалована была *съ самой колыбели* постояннымъ беззаботнымъ спокойствіемъ“ [20], намекаетъ, однако, въ письмѣ къ А. И. Тургеневу, на „нѣкоторыя особыя обстоятельства“, подъ вліяніемъ которыхъ сложилось его понятіе о любви: „воспитаніе, семейственныя связи и *двухъ тѣхъ, которые такъ много и такъ мало на него дѣйствовали* (т.-е. отца и мать)“ [21]. „Отношенія Жуковскаго къ семейству Буниныхъ (говоритъ г. Зейдлицъ) тяжело ложились на его душу... Родная его мать, какъ она ни была любима своей госпожею, все же должна была стоя выслушивать приказанія *господъ* и не могла почитать себя равноправною съ прочими членами семейства“ [22]. Повидимому, г. Загаринъ не признаетъ за этимъ обстоятельствомъ особеннаго вліянія на душевное развитіе Жуковскаго. „Само собою разумѣется (говорится на стр. 9-й разбираемой книги), что въ сложной обстановкѣ многочисленной дворянской семьи, занимавшей и значительное общественное положеніе, дѣло не могло обойтись безъ того, чтобъ не чувствовалась нѣкоторая ненормальность положенія мальчика. Получая самъ лучшее по тому времени воспитаніе и образованіе, *тѣмъ самымъ* онъ становился *съ лѣтами дальше отъ своей природной матери. Сверхъ того*, хотя онъ формально былъ усыновленъ дворяниномъ, но мать его не могла безъ нарушенія общепринятыхъ условій общежитія стать на равную ногу съ другими членами семьи. Самое большее, чѣмъ она здѣсь пользовалась, было сначала званіе няни, а потомъ почетное положеніе тѣхъ отличаемыхъ господами дворовыхъ женщинъ которыхъ въ помѣщичьихъ домахъ называли по имени и отчеству, но

все же вмѣстѣ съ собою не сажали. Чѣмъ менѣе отличали мальчика отъ собственныхъ дѣтей Бунины, тѣмъ болѣе должно было чувствоваться (кѣмъ?) неравенство въ отношеніяхъ матери его къ другимъ членамъ семьи. Но, повидимому, все это покрывалось, насколько было возможно, благодушіемъ, отличавшимъ всю эту семью". Мы не имѣемъ данныхъ, чтобы утверждать, что Жуковскій „съ лѣтами (вслѣдствіе полученнаго имъ образованія) становился дальше отъ своей природной матери". Полнаго уравненія Жуковскаго съ дѣтьми Бунина не было и быть не могло: проводя бо́льшую часть года въ Тулѣ (съ 1790 по 1796 г.), ребенокъ Жуковскій оторванъ былъ на это время отъ ласки матери и того, кого онъ считалъ отцомъ; позднѣе онъ жилъ, вмѣстѣ съ Андреемъ Григорьевичемъ, отдѣльно отъ семьи Буниныхъ „на чердачкѣ флигеля" [23]. По собственному признанію, Жуковскій „не успѣлъ быть сыномъ своей матери: въ то время, когда началъ чувствовать счастіе сыновняго достоинства, она меня оставила" [24]. Дѣтство Жуковскаго протекло не *въ собственной его семьѣ*, и въ пору юности поэтъ имѣлъ право сказать А. И. Тургеневу, что отецъ и мать такъ много и такъ мало на него дѣйствовали [25], и въ посланіи къ тому же другу воскликнуть:

Къ младенчеству ль душа прискорбная летитъ,
Считаю ль радости минувшаго?... Какъ мало! [26]

Увлекшись разсказами А. П. Зонтагъ о дѣтскихъ спектакляхъ и литературныхъ занятіяхъ ребенка Жуковскаго въ домѣ Варвары Аѳанасьевны Юшковой, г. Загаринъ не обратилъ особеннаго вниманія на личность, которой принадлежала не послѣдняя роль какъ въ направленіи литературныхъ вечеровъ Юшковой, такъ и въ первоначальномъ образованіи Жуковскаго, — на Ѳеофилакта Гавриловича Покровскаго. Нельзя себѣ составить вѣрнаго представленія объ этомъ писателѣ-педагогѣ и о томъ вліяніи, которое онъ долженъ былъ имѣть въ домѣ Юшковой, на основаніи слѣдующей характеристики его въ книгѣ г. Загарина: „Старшимъ учителемъ въ народномъ училищѣ (точнѣе было бы сказать: *въ главномъ народномъ училищѣ*, соотвѣтствовавшемъ позднѣйшей гимназіи) былъ Ѳеофилактъ Гав-

риловичъ Покровскій. То былъ образованный человѣкъ своего времени. Въ журналѣ „Пріятное и полезное препровожденіе времени“ можно было встрѣтить его статьи подъ псевдонимомъ „Философа горы Алаунской, живущаго при подошвѣ горы Утлы“. Этотъ учитель и прежде давалъ уроки Жуковскому, когда тотъ обучался въ пансіонѣ Роде, и ѣздилъ даже въ Мишенское. Онъ былъ недоволенъ успѣхами Жуковскаго въ народномъ училищѣ (по математикѣ..)“ (стр. 5). Покровскій родился въ 1763 году, съ 1776 года учился въ Сѣвской семинаріи, а съ 1783 года въ Петербургской учительской гимназіи. 22-го сентября 1786 года онъ былъ опредѣленъ учителемъ въ Тульское главное народное училище и, вскорѣ послѣ учрежденія гимназій, переименованъ въ старшіе учители Тульской гимназіи (7-го августа 1804 года). Онъ не былъ спеціалистомъ по одной какой-нибудь наукѣ. Въ ноябрѣ 1800 года Покровскій „по ордеру, данному по Высочайшему повелѣнію отъ тульскаго гражданскаго губернатора Томилова, употребленъ былъ для отысканія торфа. Въ слѣдующемъ году отъ преемника его, генералъ-маіора Иванова, вторично предписано Покровскому отыскивать торфъ въ Тульской губерніи. Вслѣдствіе этого Покровскій обозрѣлъ всю Тульскую губернію и нашелъ во многихъ мѣстахъ торфъ и въ нѣкоторыхъ земляной уголь, о чемъ и донесъ упомянутымъ губернаторамъ. При преобразованіи Тульскаго главнаго народнаго училища въ гимназію Покровскій по предписанію тогдашняго попечителя Московскаго учебнаго округа Михаила Никитича Муравьева, кромѣ своей должности, отправлялъ должность учителя *политической экономіи и россійской словесности* (съ 1804 по 1808 г.). Въ 1812 году, во время вторженія непріятеля въ Москву, отправленъ былъ съ казеннымъ имуществомъ гимназіи въ городъ Данковъ Рязанской губерніи и черезъ три мѣсяца благополучно назадъ возвратился [27]. Херасковъ хвалилъ „мысли и чувства Покровскаго“ [28]. Лучшею для себя похвалою Покровскій считалъ наименованіе филантропа [29]. Онъ восторгался „человѣколюбивымъ и нѣжнымъ“ выраженіемъ *Наказа* Екатерины II: „Лучше простить десять виновныхъ, нежели наказать одного неповиннаго“ [30]. Въ прозаической статьѣ оплакалъ Покровскій смерть этой „человѣколюбивой и милостивой государыни“. Корень всѣхъ

человѣческихъ преступленій, — по словамъ Покровскаго, — есть „невѣжество со всѣми наперсниками своими“. Но одно просвѣщеніе разума (продолжаетъ философъ) недостаточно: „и могутъ ли люди назваться прямо просвѣщенными, ежели не добродѣтельны? — Просвѣщенный разумъ, но развращенное пороками сердце пагубнѣе самаго невѣжества... Просвѣщеніе и добродѣтель! вотъ важнѣйшіе предметы и цѣль истиннаго воспитанія,— воспитанія, толико уважаемаго просвѣщенными народами, колико пренебрегаемаго невѣждами!—цѣль истиннаго благополучія человѣка и всего человѣчества“ [31]. Улучшеніе правосудія въ Россіи было любимою мечтою филантропа. Провожая въ могилу Екатерину II, Покровскій говорилъ: „Законы всегда составляютъ первое основаніе благополучія народовъ; и они-то суть главнѣйшія черты, открывающія свойства владыкъ сего міра“ [32]. Въ царствованіе императора Павла I Покровскій опять возвращается къ законамъ, къ правосудію: „Благословенны тѣ нѣжныя и чувствительныя души, тѣ благодѣтельные друзья человѣчества, которые, держа въ рукахъ вѣсы правосудія, не наклоняютъ ихъ по пристрастіямъ, которые всѣмъ сердцемъ защищаютъ невинность, которые стараются не отяготить, но облегчить участь слабаго человѣчества... О исполнители правосудія! что естьли святая вѣра не напечатлѣваетъ въ вашемъ сердцѣ, душѣ и духѣ сего правосудія; естьли вы не внемлите Божественному гласу законовъ, устами мудрыхъ законодателей къ вамъ вопіющему; горе, горе вамъ! — вы рождены съ слабостьми, общими всѣмъ человѣкамъ, а вы хладнокровно бросаете на нихъ камень, какъ будто сами праведные“ [33]. Вступленіе на престолъ императора Александра I Покровскій привѣтствуетъ такимъ предсказаніемъ: „Онъ побѣдитъ ихъ (свои народы) любовію, кротостію, милосердіемъ. Вѣсы правосудія не будутъ наклоняться по пристрастіямъ. Онъ окончитъ то огромное зданіе законовъ, которому Екатерина сдѣлала чертежъ въ безсмертномъ своемъ проектѣ новаго Уложенія. Она въ немъ оставила неразрѣшимый Гордіевъ узелъ потомству, который намъ премудрый Александръ не разсѣчетъ по примѣру Македонскаго Александра, но развяжетъ со всѣмъ искусствомъ безсмертнаго Законодателя и тѣмъ пресѣчетъ грубые корни злобы и коварства, препят-

ствующіе распространяться благовоннымъ злакамъ правоты и невинности“ [34]. Въ рядѣ небольшихъ статей подъ заглавіемъ *„Созерцаніе природы со стороны ея экономіи относительно къ человѣку“* [35] Покровскій, на основаніи сочиненія „одного новѣйшаго философа“, разсматриваетъ „ту часть экономіи природы, которая относится собственно къ человѣку, а *особливо къ его участи послѣ сей жизни*“. Свое *извлеченіе* изъ „новѣйшаго философа“ Покровскій заключаетъ слѣдующими словами: „О вы, которые проливаете слезы въ молчаніи; которыхъ въ смутные часы тревожитъ меланхолія со всѣми слѣдствіями страшныхъ сомнѣній! Я бы желалъ хотя нѣсколько спомоществовать вашему успокоенію. Ежели вы теперь несете обременительную тяжесть, тѣмъ радостнѣе для насъ будетъ, когда ее снимутъ. Но всегдашній отвѣтъ несчастныхъ людей есть: мы бы охотно желали сносить наше страданіе, но уже недостаетъ силъ къ терпѣнію. Хорошо! но... въ то мгновеніе, когда уже нѣтъ больше возможности сносить оную — и кончатся наши страданія. О есть ли бъ я могъ отвлечь хотя единый радостный взглядъ къ будущей жизни отъ вашихъ глазъ, отягченныхъ прискорбіями, и унять ваши слезы, хотя чрезъ одну улыбку!... Религія есть превосходнѣйшая утѣшительница; она говоритъ о будущей жизни въ величественныхъ картинахъ. Изслѣдывающій духъ хочетъ также узнать физическую возможность дѣла. Къ сему я столько способствовалъ, сколько могъ“ [36]. Но этотъ тульскій педагогъ прошлаго вѣка, извлекающій изъ Боннета указанія на „физическую возможность“ будущей жизни, этотъ геологъ и политико-экономъ,— Покровскій всецѣло принадлежитъ тому направленію литературы, которое охватило Жуковскаго въ классахъ университетскаго благороднаго пансіона. Онъ преданъ прелестямъ сельской жизни. Въ „сельской неприхотливой кущѣ“ своего друга — въ П—щевѣ онъ наслаждается закатомъ солнца, въ пріятныя минуты деревенской жизни—минуты, въ которыя онъ слагаетъ съ себя все бремя бездѣйственной суетности,—*онъ чувствуетъ бытіе свое*“... „Только въ пріятномъ уединеніи селъ несокрушены еще жертвенники невинности и счастія“ [37]. Большіе города представляются ему „великолѣпными темницами“. Мечтанія въ лунную ночь возбуждаютъ въ Покровскомъ „чувство человѣколю-

бія“ къ преступнымъ узникамъ тюрьмы, а вечерняя прогулка весною по темному лѣсу [38] заставляетъ его чувствовать бѣдствія человѣческія и призывать благотворителей для ихъ исцѣленія. Въ этомъ темномъ лѣсу мечтатель встрѣчаетъ нищаго крестьянина, который „жилъ спокойно въ нѣдрѣ своего семейства до тѣхъ поръ, пока плачевный слухъ, ужаснѣйшій громоваго удара, поразилъ всѣхъ крестьянъ той деревни. Всѣ говорили съ неизъяснимымъ сокрушеніемъ (продолжаетъ разсказывать нищій), что ихъ продали на вывозъ,—ихъ поведутъ на поселеніе въ дикія пустыя степи — въ мѣста, ихъ прадѣдами неслыханныя — куда хищный вранъ утлыхъ костей человѣческихъ никогда не занашивалъ. Ахъ! можно ли изобразить тогдашнее смятеніе ихъ деревни! Когда уже время приближалось почти къ глубокой осени— когда по опредѣленію злобнаго рока должно было оставить свое жилище; тогда всѣ съ неописаннымъ воплемъ — съ унынiемъ, удручающимъ душу и сердце—всѣ какъ будто преступники, осужденные къ смертной казни, отправились въ путь“. Тронутый разсказомъ крестьянина, потерявшаго на войнѣ руку и обѣ ноги, мечтатель восклицаетъ: „Человѣки! существа благотворительныя! Съ какимъ чувствованiемъ вы взираете на слезы, вздохи, мученія подобнаго вамъ существа, возсылающаго съ ними свою жалобу Вездѣсущему и Всевѣдущему?... Загляните внутрь сердца вашего: съ какимъ тайнымъ удовольствiемъ онъ возбуждаетъ васъ къ священнѣйшей должности—любить. Разсматривайте натуру, сію милостивую мать вашу, и учитесь у нея благотворить. Сія ночь, сіи ароматы, сія роса, сей сонъ (ахъ! можно ли все исчислить!) суть очевидные знаки ея милосердія, которымъ она васъ благословляетъ“ [39]. Такія картины проходили передъ нашимъ мечтателемъ въ сельскомъ уединенiи: „философъ горы Алаунской“ не былъ сантиментальнымъ идилликомъ; трезвое чувство дѣйствительности не позволяло ему предаваться безпредметнымъ мечтанiямъ романтиковъ и самодовольно растравлять въ себѣ „священную меланхолію“. Пріятель извѣстнаго впослѣдствіи князя П. Шаликова, Покровскій философствовалъ съ нимъ порою надъ могилами сельскаго кладбища при „томномъ меланхолическомъ свѣтѣ луны“, но „чувствительность его благодарнаго сердца“ не имѣла ничего

похожаго на болѣзненную слезливость его собесѣдника [40]. „Мысли и чувства“ Покровскаго одобрялись не однимъ Херасковымъ. Въ 1813 году, по предложенію министра народнаго просвѣщенія, сочиненіе Покровскаго подъ названіемъ „*Философъ горы Алаунской*“ напечатано „на казенный коштъ и за вычетомъ издержекъ отдано въ его пользу“ [41]. Въ концѣ прошлаго вѣка Покровскій былъ извѣстнѣйшимъ изъ тульскихъ литераторовъ. Онъ, несомнѣнно, являлся на литературные вечера Юшковой въ Тулѣ, гдѣ, по словамъ г. Загарина, „читались и обсуждались свѣжія новости литературы“ (стр. 6). И если, по мнѣнію автора разбираемой книги, „занятія старшихъ не остались безъ вліянія и на дѣтей“, если „молодежь составляла собственный литературный кружокъ“ (стр. 6), то можно допустить, что сочиненія „Философа горы Алаунской“ были извѣстны Жуковскому до поступленія его въ университетскій пансіонъ. Тотъ же Покровскій обучалъ всю „молодежь“, собранную въ тульскомъ домѣ Юшковой. Со словъ Зейдлица, г. Загаринъ утверждаетъ, что „кругъ (юныхъ подругъ дѣтства) съ самаго начала *направилъ* Жуковскаго и на путь цѣломудренной, задумчивой лирики“ (стр. 7). Это мнѣніе нельзя принять безъ значительныхъ ограниченій. Припомнимъ, что въ университетскомъ пансіонѣ сочиненія Покровскаго входили въ кругъ *обязательнаго* внѣкласснаго чтенія воспитанниковъ. Мы сочли необходимымъ возстановить истинныя черты этого филантропа и педагога-писателя, исключившаго Жуковскаго изъ высшаго народнаго училища,—черты, нерѣдко затемняемыя въ біографіяхъ Жуковскаго. Одинъ изъ друзей поэта, П. А. Плетневъ, говоритъ о школьныхъ занятіяхъ его въ Тулѣ: „Первые опыты собственно называемаго ученія не принесли большой пользы Жуковскому, потому что наставники не угадали его призванія. Изъ него хотѣли сдѣлать математика, а онъ все оставлялъ для поэзіи. Страсть къ сочиненіямъ театральнымъ обыкновенно прежде всего раскрывается въ дѣтяхъ съ живымъ воображеніемъ. Она овладѣла и Жуковскимъ, лишь только помѣстили его въ Тульское народное училище. Ревностный къ должности своей учитель, Ѳ. Г. Покровскій, выведенъ былъ изъ терпѣнія *невнимательнымъ* ученикомъ, рѣшился, въ назиданіе товарищамъ Жуковскаго, исключить его изъ учи-

лища“ [42]. Справедливѣе было бы сказать, что въ Тулѣ, избалованный прелестями дѣтскихъ забавъ дѣвическаго круга, Жуковскій *не внималъ* серьезному ученію общественной школы. Нужно было оторвать его отъ этого очарованія, чтобы заставить его учиться. И въ началѣ 1797 года Жуковскій дѣйствительно оторванъ былъ отъ любимицъ дѣтства, онъ былъ отвезенъ въ Москву и помѣщенъ въ университетскій благородный пансіонъ: на новой почвѣ началась пора серьезнаго ученія, которому отдался Жуковскій со всѣмъ жаромъ юношескаго одушевленія. Новыми симпатіями, новыми сердечными связями согрѣта была эта пора его московской школьной жизни; простое, нѣжное сердце провинціала широко открылось вліянію слова и нравственному обаянію новыхъ друзей и наставниковъ, не дававшихъ классныхъ уроковъ...

Время ученія Жуковскаго въ университетскомъ благородномъ пансіонѣ составляетъ безспорно важнѣйшую эпоху въ его жизни, до сихъ поръ недостаточно оцѣненную. Съ особеннымъ вниманіемъ долженъ остановиться на изученіи этой эпохи біографъ Жуковскаго. Въ книгѣ г. Загарина посвящено нѣсколько страницъ характеристикѣ этого учебнаго заведенія, памятнаго „русскому просвѣщенію на ряду съ университетомъ, въ нѣдрахъ котораго (оно) получило свое основаніе на 24-мъ году его существованія“ (стр. 9). Уже при разсказѣ о возникновеніи университетскаго пансіона г. Загаринъ выдаетъ тотъ мутный источникъ, которымъ онъ счелъ возможнымъ пользоваться, обходя свидѣтельства историческихъ документовъ: это—книга Н. В. Сушкова „Московскій университетскій благородный пансіонъ и воспитанники Московскаго университета, гимназій его, университетскаго благороднаго пансіона и Дружескаго Общества“ (Москва, 1858 г., въ 4-ку). Со словъ г. Сушкова, авторъ разбираемой книги такъ разсказываетъ объ учрежденіи университетскаго благороднаго пансіона: „Основатель университета учредилъ при немъ двѣ гимназіи: для дворянъ и разночинцевъ. Одинъ изъ кураторовъ университета, поэтъ Херасковъ, открылъ въ 1779 году *особые классы* для воспитанниковъ гимназіи дворянской, которые *до того времени* учились въ классахъ общихъ совмѣстно съ разночинцами, а *въ 1783 году* вывелъ ихъ изъ

университетскаго зданія (уже на углу Моховой и Никитской)[43] въ особый домъ, купленный по смежности его со дворомъ университета. Впослѣдствіи кураторъ Мелиссино *отдѣлилъ* это учрежденіе совершенно и перевелъ его на Тверскую, въ приходъ Успенія на Овражкѣ, между Долгоруковскимъ и Вражскимъ (Газетнымъ) переулками. Такъ было положено основаніе вольному благородному пансіону" (стр. 9 — 10). По самому уставу гимназій Московскаго университета, дворянской и разночинской, ученики ихъ не должны были пользоваться однимъ и тѣмъ же общимъ преподаваніемъ, и такое разграниченіе дѣйствительно существовало въ гимназіяхъ университета съ первыхъ годовъ его существованія: дворянская гимназія, *съ самаго начала своего существованія*, отличалась отъ разночинской тѣмъ обиліемъ и разнообразіемъ предметовъ, которые отмѣтилъ въ позднѣйшемъ учебномъ планѣ университетскаго пансіона г. Загаринъ: пансіонъ, повидимому, наслѣдовалъ это богатство отъ старой дворянской гимназіи университета. Въ то время, какъ въ разночинской гимназіи только *четыре* учителя преподавали: Законъ Божій, риторику, піитику, греческій языкъ, геометрію (для послѣднихъ четырехъ предметовъ одинъ наставникъ), латинскій синтаксисъ, латинскую этимологію и чтеніе,— въ дворянской гимназіи 27 преподавателей обучали „благородное юношество разнымъ наукамъ и искусствамъ"[44]. Въ первое время своего существованія *вольный* благородный пансіонъ составлялъ какъ бы особое отдѣленіе дворянской гимназіи университета—нештатное (отсюда и названіе „вольный"), а не дворянскую гимназію, выдѣленную Херасковымъ изъ *общихъ классовъ* университетскихъ гимназій. Вотъ что разсказываетъ о началѣ университетскаго благороднаго пансіона П. П. Страховъ: „Какъ въ первое время по открытіи гимназій было немного охотниковъ на штатное содержаніе въ дворянской гимназіи и потому *въ этомъ отдѣленіи* было довольно простору, а притомъ явились изъ *иногородныхъ* дворянъ желавшіе помѣстить своихъ дѣтей въ гимназію такъ, чтобы они за опредѣленный взносъ денегъ пользовались помѣщеніемъ, столомъ, подъ непосредственнымъ ближайшимъ надзоромъ университетскаго начальства,—и этому справедливому желанію родителей дирекція уни-

верситета не отказывала. Такіе мальчики жили *вмѣстѣ* съ штатными учениками *на дворянской половинѣ*, съ ними же вмѣстѣ обѣдали и ужинали; но постели, одежду, книги и всѣ учебныя пособія должны были имѣть свои собственныя; однакоже *не могли носить форменнаго платья, одинаковаго со штатными учениками-дворянами*. Но когда охотниковъ такихъ *обучаться въ гимназіи съ платою за содержаніе* стало являться такое число, что дирекція не имѣла уже достаточнаго помѣщенія для нихъ, да и не могла безъ дозволенія правительства выходить за предѣлы, предписанные положеніемъ о числѣ штатныхъ воспитанниковъ, тогда университетская конференція, поставивъ сіи обстоятельства на видъ, испрашивала дозволенія учредить *при университетскихъ гимназіяхъ* [45] пансіонъ для благородныхъ дѣтей, на что и воспослѣдовало разрѣшеніе въ 1779 году. Всѣхъ пансіонеровъ изъ гимназическихъ дворянскихъ камеръ вывели тогда въ особый деревянный двуэтажный домъ, стоявшій на заднемъ дворѣ университета; и какъ содержаніе этого пансіона составило экономическую статью, а штатные воспитанники жили въ зданіи у Воскресенскихъ воротъ Китая-города, то непосредственный надзоръ какъ за самымъ содержаніемъ и продовольствіемъ, такъ и за поведеніемъ воспитанниковъ - пансіонеровъ препорученъ былъ экономy университета Ивану Прохоровичу Крупеникову, жившему въ Рѣпнинскомъ домѣ; сіи пансіонеры ходили по прежнему въ классы гимназіи и по ученію своему оставались наравнѣ съ своекоштными гимназистами подъ надзоромъ инспектора“ [46]. Университетскій благородный пансіонъ, какъ видно изъ этого разсказа, сложился не вдругъ: de facto онъ существовалъ уже *до* 1779 года; вотъ почему и время его основанія *самимъ же университетомъ* опредѣлялось различно: въ „Объявленіяхъ о благородномъ пансіонѣ, учрежденномъ при Императорскомъ Московскомъ университетѣ“,—годомъ основанія его указывается то 1776-й (напр., въ Объявленіи 1810 г.), то 1779-й (напр., въ Объявленіи 1802 года). На первое время воспитанники университетскаго *вольнаго* пансіона были вмѣстѣ и учениками дворянской гимназіи университета, т.-е. занимали въ послѣдней такое же положеніе, какъ и пансіонеры теперешнихъ гимназій: отъ программы преподаванія, отъ учебнаго плана до лич-

ностей преподавателей. Съ теченіемъ времени число воспитанниковъ университетскаго благороднаго пансіона увеличилось; классы университетской гимназіи стали для нихъ тѣсны. Чувствовалась необходимость выдѣлить пансіонеровъ изъ классовъ гимназіи, дать имъ особыхъ преподавателей, словомъ: создать новое учебное заведеніе, вполнѣ независимое отъ университетской гимназіи. Въ 1790 году пансіонъ перемѣщенъ былъ на Тверскую, въ домъ межевой канцеляріи, пожалованный университету императрицею. Въ слѣдующемъ же году инспекторомъ пансіона назначенъ былъ Прокоповичъ-Антонскій. „Тогда (говоритъ профессоръ Шевыревъ) начерталъ онъ *новое постановленіе* для училища и немедленно началъ заботиться объ изданіи учебныхъ для него книгъ“ [47]. Тогда-то пансіонъ получилъ совершенно самостоятельное существованіе, не только независимый отъ университетской гимназіи учебный планъ, но и прямо ей противоположный. Преподававшій съ 1787 года въ университетскомъ пансіонѣ естественную исторію, съ 1791 г. новый его инспекторъ — Антонскій выдвинулъ въ новомъ *училищѣ* на первый планъ: *исторію*, и „за нею поставилъ“ знанія *физическія* и *математическія* [48]; преподаваніе древнихъ языковъ было уничтожено: пансіонъ пересталъ быть *классическою* школою [49]; изъ него не было возможности поступить въ студенты университета. Забывши первоначальную задачу университетской гимназіи — приготовлять студентовъ къ университету, пансіонъ, обособленный въ самостоятельное училище, поставилъ себѣ новую цѣль — подготовлять къ военной и гражданской службѣ. Въ объявленіи о воспитаніи, ученіи и содержаніи въ благородномъ пансіонѣ при Императорскомъ Московскомъ университетѣ на 1802 г. читаемъ: „Предложенное ниже подробное начертаніе ученія и росписаніе классовъ ясно уже показываетъ, что преподаются здѣсь всѣ необходимо нужныя, какъ для *военной*, такъ и для *гражданской* службы, науки, *языки* и *искусства*. Пріобщены къ тому многія другія средства, *поспѣшествующія просвѣщенію*“ (стр. 4). О поступленіи въ студенты университета, конечно, нѣтъ и рѣчи. Сообразно новому назначенію пансіона, учебный планъ его долженъ былъ постепенно расширяться въ направленіи, прямо противоположномъ основнымъ началамъ классической школы—гим-

назіи. Отсюда та многопредметность пансіонскаго курса, которая такъ поразила г. Загарина (стр. 12). Но эта многопредметность явилась въ курсѣ университетскаго пансіона не вдругъ, а съ теченіемъ времени. Совершенно непонятно, какъ могъ г. Загаринъ характеризовать составъ пансіонскаго курса при Жуковскомъ учебнымъ планомъ пансіона въ 1810 году [50]. Между тѣмъ и другимъ огромная разница. Перечень учебныхъ предметовъ пансіона въ 1810 году, приведенный въ книгѣ г. Загарина по объявленію объ ученіи въ пансіонѣ въ 1810 году (перепечатанному изъ сочиненія г. Сушкова), во многомъ отличается даже отъ пансіонскаго курса 1802 года: здѣсь еще нѣтъ ни одного древняго языка! Составъ пансіонскаго курса въ 1797 — 1800 гг. еще далѣе отстоитъ отъ учебнаго плана 1810 года. Для характеристики состава и направленія преподаванія въ университетскомъ пансіонѣ въ то время, когда тамъ учился Жуковскій, г. Загарину слѣдовало обратиться къ *современнымъ* оффиціальнымъ документамъ пансіона. Между тѣмъ это учебное заведеніе, въ эпоху пребыванія тамъ Жуковскаго, въ книгѣ г. Загарина характеризуется чертами, взятыми или отъ эпохи предшествующей, или отъ эпохи позднѣйшей. „Сценическія представленія (говоритъ г. Загаринъ на стр. 26) также входили въ число внѣклассныхъ занятій воспитанниковъ. Такъ, напр., исполняли они „Разбойниковъ“ въ переводѣ Сандунова“. Но свидѣтельство, на которомъ основано это извѣстіе, относится вмѣстѣ съ представленіемъ уже ко времени царствованія императора Александра I, какъ видно изъ ссылки самого г. Загарина (на „Записки современника“ Жихарева, I, 5, 120), и не можетъ характеризовать пансіонскихъ спектаклей 1797—1800 годовъ [51]. Съ другой стороны, г. Загаринъ приводитъ характеристику тѣхъ „приватныхъ лекцій“ Шварца, которыя нѣкогда слушалъ Карамзинъ: авторъ монографіи о Жуковскомъ находитъ, что „подобныхъ піэтистическихъ воззрѣній, хотя не столь исключительно проведенныхъ, нельзя не узнать и въ воззрѣніяхъ А. А. Прокоповича-Антонскаго и во всей воспитательной средѣ благороднаго пансіона“ (стр. 23). Г. Загаринъ думаетъ, что „личный составъ университета, изъ котораго, какъ часть его, выдѣлился благородный пансіонъ, и кураторы его были масонами, и директоръ университета И. П. Тур-

геневъ, и инспекторъ пансіона Антонскій, и многіе изъ преподавателей и надзирателей его — *всѣ* раздѣляли это ученіе... Это направленіе окрасило своимъ особымъ цвѣтомъ и ту школу, которая воспитала многихъ лучшихъ людей первой половины нашего вѣка. Многое въ нихъ станетъ понятнымъ, если мы всмотримся въ это училище, желавшее сообщить не только познанія, дающія имя образованнаго человѣка, но и ту нравственную физіономію, съ которою является человѣкъ въ жизнь" (стр. 19). „Не трудно (увѣряетъ г. Загаринъ) и въ словахъ Шварца, и въ рѣчи Антонскаго узнать голосъ птенцовъ одного гнѣзда, крѣпкою властію нравственнаго убѣжденія совершавшихъ созиданіе юныхъ душъ—и въ какое время?—на рубежѣ XVIII вѣка! Вопреки облетѣвшимъ міръ остроумнымъ софизмамъ, отождествлявшимъ вѣру съ грубымъ суевѣріемъ,—здѣсь безъ замѣтнаго участія кого-либо изъ лицъ духовныхъ во главу угла была положена истина: „Дни благоденствія народовъ были вмѣстѣ и днями торжества религіи", — религіи, которая передъ тѣмъ охарактеризована словами: „не фанатизмъ, не суевѣріе, не мрачная лжесвятость" (стр. 24). Изложенный нами взглядъ г. Загарина на преобладающій характеръ благо́роднаго пансіона въ концѣ XVIII вѣка, очевидно, навѣянъ повѣствованіемъ г. Сушкова, который и самое возникновеніе университетскаго пансіона толкуетъ такимъ образомъ: „И въ это-то время всеобщаго броженія умовъ въ старомъ и новомъ свѣтѣ, между двумя революціями — въ Америкѣ и во Франціи—Московскій университетъ положилъ первое основаніе благородному пансіону, какъ бы въ оплотъ противъ безвѣрія Вольтеровъ, Дидеротовъ и Даламберовъ, противъ лжемудрія германскихъ и англійскихъ философовъ, противъ лжесвятости и кощунства папежниковъ" (стр. 27—28). Не масонство, а реакція философскимъ идеямъ и литературному движенію, которыя предварили французскую революцію, дали извѣстную окраску направленію преподаванія въ университетскомъ пансіонѣ. Увѣряя, что многіе изъ преподавателей и надзирателей этого училища раздѣляли масонское ученіе, г. Загаринъ не приводитъ ни одной фамиліи этихъ „братьевъ". Если г. Загаринъ въ подтвержденіе своей характеристики университетскаго пансіона, въ эпоху ученія тамъ

Жуковскаго, ссылается на рѣчь Антонскаго „О воспитаніи“, то мы позволимъ себѣ изъ этой же рѣчи заправителя ученія въ пансіонѣ привести одну только выдержку. На одной страницѣ этой рѣчи читаемъ: „За нею (исторіею) поставилъ бы я преимущественно тѣ знанія, кои болѣе основываются на наблюденіи и опытахъ: *физическія и математическія*... Безъ нихъ лишены бъ мы были тысячи выгодъ и пріятностей въ жизни, не могли бъ даже удовлетворить необходимымъ своимъ нуждамъ, а нерѣдко подвергались бы неизбѣжнымъ опасностямъ“ [52]. Это ли взглядъ и языкъ масона?

Не къ сантиментальнымъ страницамъ книги г. Сушкова, котораго г. Загаринъ величаетъ „историкомъ“ университетскаго пансіона, должно было обратиться для ознакомленія съ характеромъ этого училища въ *три послѣдніе года XVIII вѣка*, а къ живымъ, правдивымъ свидѣтельствамъ самого пансіона. Этихъ свидѣтельствъ достаточно, чтобы возстановить истинныя черты пресловутаго „благороднаго пансіона“. Они совершенно обойдены г. Загаринымъ; изрѣдка они долетали до него въ скудныхъ отрывкахъ [53]; важнѣйшія же изъ этихъ свидѣтельствъ остались ему совершенно неизвѣстны. Нужно отдать справедливость Московскому университету прошлаго вѣка: онъ считалъ своею обязанностію *постоянно* знакомить общество съ характеромъ и ходомъ ученія въ гимназіяхъ своихъ и въ своемъ благородномъ пансіонѣ. Учебный планъ и направленіе преподаванія въ этихъ заведеніяхъ были у всѣхъ на глазахъ. Благодаря этому честному и правдивому отношенію университета къ обществу, мы имѣемъ возможность, не прибѣгая къ архивнымъ документамъ, возстановить характеристическія черты преподаванія въ университетскомъ благородномъ пансіонѣ, уяснить себѣ его направленіе и самый бытъ его воспитанниковъ. И Антонскій любилъ помпу ежегодныхъ „публичныхъ экзаменовъ“, которые сближали пансіонъ съ обществомъ. Въ 1798 году, на актѣ, Антонскій читалъ воспитанникамъ, которые „заслужили титло первыхъ во благонравіи и прилежаніи“, Сергѣю Костомарову и Василію Жуковскому, *наставленіе*, въ пятомъ пунктѣ котораго сказано, между прочимъ: „Вечернія молитвы давайте лучшимъ изъ старшаго возроста. Избранныя мѣста

изъ священнаго писанія и изъ другихъ *хорошихъ нравственныхъ книгъ*, каковы: „Утреннія и вечернія размышленія на каждый день года“, „Книга премудрости и добродѣтели“ и проч., *читайте сами*, или поручайте чтеніе сіе отличнѣйшимъ большимъ питомцамъ. Все сіе послужитъ къ величайшей вашей пользѣ, къ назиданію вашего сердца“ [54]. Вотъ главныя руководства (по Закону Божію) для воспитанниковъ пансіона, которыя Жуковскій обязанъ былъ читать въ назиданіе своимъ товарищамъ и свое собственное. Волею-неволею Жуковскій обязанъ былъ читать и слушать — вдумываться въ мистическія толкованія извѣстнаго протестантскаго проповѣдника и слагателя духовныхъ пѣсней Христофа Христіана Штурма, одного изъ послѣдователей Клопштока. Обширное сочиненіе Штурма „Betrachtungen über die Werke Gottes im Reiche der Natur und der Vorsehung auf alle Tage des Jahres und Unterhaltungen mit Gott in den Morgenstunden auf jeden Tag des Jahres“ въ русскомъ переводѣ выходило *періодическимъ изданіемъ* въ теченіе трехъ лѣтъ и состоитъ изъ двѣнадцати томовъ, напечатанныхъ трудами извѣстной „Компаніи Типографической“: въ этомъ переводѣ [55] принималъ участіе Карамзинъ [56]. Сильнымъ патетическимъ словомъ, которое нерѣдко сопровождается духовными пѣснями, старается Штурмъ подѣйствовать на чувство читателей. Хвалебными гимнами Творцу открывается и завершается каждый мѣсяцъ „періодическаго изданія Размышленія о дѣлахъ Божіихъ“. Авторъ указываетъ на природу, какъ на живую свидѣтельницу могущества и благости Творца. „На какую часть творенія ни обращаетъ онъ свои взоры, вездѣ находитъ нѣчто, питающее его чувство, его воображеніе или его разумъ“ [57]. Штурмъ останавливается на многоразличныхъ явленіяхъ въ природѣ, описываетъ предметы царства растительнаго и животнаго,—и притомъ очень подробно и занимательно,—чтобы побудить человѣка „предъ лицемъ твореній Господа воздать Ему благодарность, коея справедливо можетъ онъ отъ него требовать“. Онъ говоритъ о гусеницѣ, муравьяхъ, „обыденной мухѣ“, о жизни моря, о красотѣ луговъ, объ іюльскихъ жарахъ, о градѣ, описываетъ „явленія при громовыхъ ударахъ“ и всѣ свои размышленія, возбуждаемыя строеніемъ міра, сводитъ къ одному общему выводу. „Сколь чудныя вещи въ громѣ сое-

динены! Ты видишь темное облако, но въ немъ сокровенно пребываетъ великій Богъ. Облака преклоняются къ земли, Господь же преклоняетъ небо и низходитъ. Вѣтръ подымаетъ прахъ, Творецъ же есть ходяй на крылѣхъ вѣтренихъ. Предъ Нимъ облаки испускаютъ градъ и молнію; Онъ огнемъ своимъ устрашаетъ міръ, но подаетъ и исполненіе пищи“ [58]. Картина жатвы пробуждаетъ въ авторѣ мысль о смерти, и эта мысль не представляетъ ему ничего ужаснаго. „Чрезъ размышленія о смерти сіе прекрасное время года дѣлается еще пріятнѣе, нежели какъ оно обыкновенно бываетъ. Когда мы взираемъ на смерть съ прямой ея стороны, тогда теряетъ она видъ непріятеля нашимъ увеселеніямъ: тогда почтемъ ее за споспѣшницу совершеннѣйшей радости. Будемъ ли мы въ лѣтніе дни неосторожно предавать себя распутностямъ, содержа въ душѣ нашей мысль смерти?... Будемъ ли сердца наши толь удобно прилѣплять къ сокровищамъ міра, размышляя, что онѣ всѣ преходятъ? Будемъ ли на зной и тяготу неумѣренно жаловаться, воспоминая о вечери нашего отдохновенія и тишины?“ [59] Размышленія Штурма представляютъ какъ бы популярную естественно-историческую энциклопедію, проникнутую отъ начала до конца религіозною мыслію. „Бесѣды съ Богомъ“ менѣе занимательны: онѣ наполнены исключительно богословскимъ содержаніемъ. Отмѣтимъ кстати, что „Бесѣды съ Богомъ въ вечерніе часы“, переведенныя на русскій языкъ, въ томъ же изданіи написаны *Тиде*. Знакомство съ сочиненіями Штурма, которыя носятъ на себѣ замѣтный отпечатокъ мистицизма, согрѣты благочестивымъ чувствомъ автора и богаты поэтическими страницами,—должно было оставить свой слѣдъ въ душѣ Жуковскаго [60]. Г. Загарину слѣдовало отмѣтить тотъ фактъ, что первое знакомство поэта, въ школѣ, съ религіозными истинами и христіанскою моралью совершилось подъ вліяніемъ этого *протестантскаго* проповѣдника [61]. Религіозный мистицизмъ коснулся Жуковскаго уже въ школѣ. Вторымъ руководствомъ къ нравственной философіи служила въ пансіонѣ „Книга премудрости и добродѣтели, или состояніе человѣческой жизни, индѣйское нравоученіе, пер. съ нѣмецкаго В. Подшиваловъ“ (три части, изданіе второе, М., въ типографіи Пономарева, 1794 г.). Авторъ этой книги, Додслей, выдалъ свой сборникъ нравствен-

ныхъ правилъ за переводъ какого-то древняго индѣйскаго манускрипта, найденнаго въ Китаѣ. Книга долгое время приписывалась лорду Честерфильду, знаменитому въ англійской литературѣ своими „Письмами къ сыну“ [62]. Въ главѣ *О господахъ и рабахъ* воспитанники университетскаго благороднаго пансіона находили доказательства необходимости рабства: „оно есть опредѣленіе Божіе и имѣетъ многія выгоды; оно устраняетъ отъ тебя (обращается авторъ книги къ рабу) заботы и прискорбія жизни... Честь раба есть его вѣрность, отличныя добродѣтели его суть— покорность и послушаніе“. Г. Загаринъ, не зная, что „Книга премудрости и добродѣтели“ служила въ 1798 году обязательнымъ руководствомъ для внѣкласснаго изученія пансіонерами (и притомъ при содѣйствіи Жуковскаго), замѣчаетъ только: „Подшиваловъ, прежній сотрудникъ Новикова, самъ во время студенчества ревностный членъ „Собранія университетскихъ питомцевъ“, переводчикъ „Книги премудрости и добродѣтели“ Додслея, столь родственной съ изданной Новиковымъ „Карманной книжкой для В... К...“ (т. е. Вольныхъ Каменщиковъ), одно время (до 1785 г.) занималъ должность надзирателя въ университетскомъ пансіонѣ и, преподавая стилистику, занималъ воспитанниковъ практикою словесности. Само собою разумѣется, что эти опыты развивали въ средѣ воспитанниковъ и любовь къ литературѣ, и умѣнье владѣть перомъ“ (стр. 24—25). Такъ какъ эти занятія Подшивалова съ воспитанниками пансіона, по собственнымъ словамъ г. Загарина, происходили *до* поступленія въ пансіонъ Жуковскаго, то изъ приведеннаго отрывка мы остановимся только на отзывѣ г. Загарина о „Книгѣ премудрости и добродѣтели“. Утверждая, что эта книга „столь *родственна*“ съ масонскою „Карманной книжкой для Вольныхъ Каменщиковъ“, авторъ разбираемой монографіи ссылается на статью покойнаго Ешевскаго: „Нѣсколько дополнительныхъ примѣчаній къ статьѣ „Новиковъ и Шварцъ“, напечатанной въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ (1857 г., № 11). Но въ указанной статьѣ г. Ешевскій сдѣлалъ только слѣдующее замѣчаніе: „Возьмемъ для примѣра... *Карманная книжка для В... К...*, сравнимъ ее съ книгою, вышедшею изъ той же типографіи *Книга премудрости и добродѣтели*, и мы убѣдимся въ полномъ *сходствѣ цѣлыхъ страницъ въ обѣихъ книгахъ*. Достаточно сли-

чить 72—76 страницы первой съ 35—37 первой части втораго сочиненія. *Этимъ сличеніемъ объясняется способъ составленія Карманной книжки*“ [63]. Дѣйствительно, *три страницы* „Книги премудрости и добродѣтели“ какъ бы воспроизведены въ „Карманной книжкѣ для В. К.“, но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, что книга Додслея принадлежитъ къ числу мистическихъ масонскихъ. Озаглавленное „The Oeconomy of human life“, сочиненіе Додслея обошло въ многочисленныхъ переводахъ на другіе языки [64] всю Европу и никѣмъ никогда не приравнивалось къ книгамъ мистическимъ. Въ русскихъ переводахъ это сочиненіе (точнѣе первая часть „Книги премудрости“) извѣстно было задолго до перевода Подшивалова, который разсказываетъ, что онъ принялся за переводъ онаго (съ нѣмецкаго); „но увидѣвъ нечаянно книгу подъ названіемъ *Экономія человѣческой жизни* [65], а потомъ и другую, *Китайской философъ* называемую, и узнавъ, что подлинникъ оныхъ есть *первая часть* переводимой мною книги, я охладѣлъ было въ трудѣ моемъ, къ чему не мало способствовало и то, что она помѣщена въ *Полезномъ увеселеніи* подъ названіемъ *Индѣйскаго* философа“ (стр. 6). Если „Карманная книжка для Вольныхъ Каменщиковъ“ заимствовала *три* страницы изъ „Книги премудрости и добродѣтели“, то изъ этого, какъ справедливо замѣтилъ Ешевскій, можно только объяснить „способъ составленія *Карманной* книжки“, но нельзя выводить заключенія объ особенной „родственности“ пансіонскаго руководства, т.-е. „Книги премудрости и добродѣтели“, съ завѣдомо масонскою брошюрою. Противъ такого вывода говоритъ и содержаніе послѣдней книги и исторія ея переводовъ на русскій языкъ.

Въ той же рѣчи, обращенной къ Жуковскому и Костомарову, Антонскій напоминаетъ имъ „долгъ“ первыхъ воспитанниковъ— „всевозможно внушать имъ (другимъ воспитанникамъ своего возраста) духъ покорности и почтенія не только къ наставникамъ своимъ и попечителямъ, но и къ старшимъ по лѣтамъ и ученію товарищамъ своимъ, дабы съ самыхъ юныхъ лѣтъ научились они уважать заслуги и симъ уваженіемъ поощряли другъ друга къ прямо благородному поведенію и отличнымъ успѣхамъ... Если жь въ семъ послѣднемъ случаѣ (т.-е. въ устраненіи непристойностей въ словахъ и поступкахъ) окажется

какое упорство, то каждый изъ лучшихъ среднихъ и меньшихъ даетъ вамъ *тихонько* знать о такомъ своемъ сверстникѣ“ [66]. Эти слова бросаютъ нѣкоторый свѣтъ на дисциплину, господствовавшую въ университетскомъ пансіонѣ, когда тамъ учился Жуковскій. Ежегодные акты пансіона отправляемы были Антонскимъ съ особенною торжественностью, совершаясь, однако, по программѣ разъ установленной. Вотъ оффиціальное описаніе одного изъ нихъ: „Въ учрежденномъ при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ Благородномъ Пансіонѣ, съ 20 числа по 22-е, въ присутствіи Ихъ Превосходительствъ г. Куратора Университета и г. Директора, также гг. Профессоровъ философскаго факультета и нѣкоторыхъ изъ знатныхъ Посѣтителей происходилъ *публичный экзаменъ;* 22-го жъ числа въ 5 часовъ пополудни, когда прибыли въ Пансіонскую залу ихъ Превосходительства, гг. Кураторы Университета: Тайный Совѣтникъ и Кавалеръ Михайла Матвѣевичъ Херасковъ и Тайный Совѣтникъ Павелъ Ивановичъ Голенищевъ-Кутузовъ и когда собрались, по предварительному приглашенію, многія знатныя Особы обоего пола, играна была *симфонія*, послѣ которой начался актъ слѣдующимъ образомъ: I. Произнесена воспитанникомъ Александромъ Тургеневымъ Руская рѣчь о томъ, что просвѣщеніе безъ Религіи и Добродѣтели болѣе вредно, нежели полезно. II. Производимо было воспитанниками *судебное дѣло* изъ класса Практическаго Россійскаго Законоискусства. III. Читаны Рускіе стихи: *Богу благодарственная пѣснь Россіи при наступленіи новаго столѣтія.* IV. Пѣты стихи на новое столѣтіе съ музыкою. V. Читанъ тремя малолѣтними воспитанниками французскій разговоръ: Les avantages de l'amitié dans la jeunesse. VI. Послѣ фехтованья и танцевъ читаны однимъ изъ воспитанниковъ стихи подъ заглавіемъ *Міръ,* сочиненіе г. Жуковскаго. VII. Главнымъ Смотрителемъ Пансіона представлены Его Превосходительству г-ну Директору, а отъ него Ихъ Превосходительствамъ, присутствовавшимъ г-мъ Кураторамъ для награжденія отличившіеся благонравіемъ и успѣхами въ наукахъ воспитанники: I. Выбывшихъ нынѣшняго году *Василья Жуковскаго* и *Семена Родзянки* имена будутъ написаны на доскѣ, на которой остаются обыкновенно имена отличныхъ Пансіонеровъ. II. Получаютъ *зо-*

лотыя медали съ именемъ и листами: 1) Василій Поляковъ и 2) Александръ Тургеневъ... Въ меньшемъ возрастѣ два приза Николай Тургеневъ. Одинъ призъ—Сергѣй Тургеневъ..." [67] Объ успѣхахъ Жуковскаго и литературныхъ его упражненіяхъ въ пансіонѣ оффиціальныя описанія пансіонскихъ актовъ сохранили намъ слѣдующія свѣдѣнія: На пансіонскомъ актѣ 19 декабря 1797 года, „послѣ танцовъ и фехтованья двое изъ воспитанниковъ читали стихи своего сочиненія: 1) Александръ Чемезовъ: *Къ щастливой юности,* 2) Василій Жуковскій *Оду: Благоденствіе Россіи, устрояемое великимъ самодержцемъ ея Павломъ Первымъ...* Получили *медали золотыя* съ одобрительными листами: I. Александръ Чемезовъ, емужъ *концертъ флейтраверс.* 2) Акимъ Нахимовъ. Серебряныя съ листами: 1) Сергѣй Костомаровъ, 2) Константинъ Кириченко-Остромовъ, 3) Василій Жуковской, *имъ же по книгѣ*" [68]. На актѣ 22-го декабря 1798 года, „послѣ танцовъ и фехтованья двое изъ воспитанниковъ читали стихи своего сочиненія: 1) Василій Жуковской подъ заглавіемъ: *Добродѣтель,* а 2) Семенъ Родзянка: *Любовь къ отечеству...* Получили медали *золотыя съ одобрительными листами:* 1) Василій Жуковской и 2) Константинъ Кириченко-Остромовъ... [69] Серебряныя съ одобрительными листами Александръ Тургеневъ. Книги... меньшаго возраста Николай Тургеневъ" [70]. На актѣ 21-го декабря 1799 года „послѣ фехтованья и танцовъ двое изъ воспитанниковъ читали стихи своего сочиненія: 1) Семенъ Родзянка подъ заглавіемъ: *Слава,* а 2) Василій Жуковской подъ заглавіемъ: *Могущество, слава и благоденствіе Россіи...* Признанъ *первымъ* воспитанникомъ Василій Жуковскій, получилъ въ награжденіе *одобрительный листъ и серебряную медаль съ именемъ...* Серебряную медаль съ именемъ и съ листомъ получилъ Александръ Тургеневъ... Чертежи военной архитектуры, какъ лучшіе, остаются въ пансіонной залѣ—Аѳанасія Офросимова.... а картины Василія Жуковскаго, Павла Чернявскаго и Аггея Абазы" [71]. Приведенные отрывки изъ лѣтописей пансіонской жизни, оставленныхъ г. Загаринымъ безъ употребленія, любопытны въ двухъ отношеніяхъ: они знакомятъ насъ съ лучшими, ближайшими товарищами Жуковскаго по пансіону, они же, съ другой стороны, показываютъ, въ какихъ предметахъ пансіонскаго курса Жуковскій оказывалъ особенные успѣхи.

Вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ Семеномъ Родзянкою переводитъ Жуковскій оду *Богъ* на французскій языкъ, и этотъ общій трудъ посылаютъ автору и „именемъ всѣхъ своихъ товарищей просятъ его принять сей плодъ ихъ трудовъ“ [72]. Нѣкоторые изъ этихъ товарищей вошли въ составъ *„Собранія воспитанниковъ университетскаго пансіона“* въ то время, когда тамъ предсѣдательствовалъ Жуковскій (ср. разбираемую книгу Загарина); кромѣ того, они печатали свои произведенія въ журналахъ Сохацкаго и Подшивалова, служили такимъ образомъ, вмѣстѣ съ Жуковскимъ, выраженіемъ однихъ и тѣхъ же литературныхъ *стремленій*. Сухіе списки пансіонскихъ „актовъ“ знакомятъ насъ и съ именами тѣхъ товарищей Жуковскаго, которые впослѣдствіи близки были нашему поэту [73], или же, наконецъ, имѣли глубокое вліяніе на весь строй нравственной жизни Жуковскаго, на цѣлые періоды его дѣятельности и твердою рукою выводили его на путь благородной дѣятельности, когда онъ носился по океану житейскому „безъ кормила и весла“ [74]. Г. Загаринъ, оставляя руководство хронологіи событій, забѣгаетъ впередъ въ характеристикѣ пансіона времени Жуковскаго и разсказываетъ: „Но этимъ художественнымъ наслажденіямъ (спектаклямъ) молодежь предавалась преимущественно въ своемъ домашнемъ кругу. Кое-кто изъ юношей, ставъ студентами, даже съ излишествомъ увлекались ими. Въ числѣ студентовъ 1805 года явились театралы, увлеченные тремя труппами... Не жаловалъ онъ (Антонскій) студентовъ, которые пренебрегали знаніями и предавались *свѣтскимъ* удовольствіямъ. „А больше учиться-та не хочешь?“ спроситъ онъ, бывало, такого студента (?), пришедшаго къ нему за аттестатомъ.—„Не хочу, Антонъ Антоновичъ“.—Не бось тудаже, въ дармоѣды-та, въ иностранную коллегію поступаешь?“... Не таковъ былъ Жуковскій; не таковъ былъ и кружокъ, къ которому примкнулъ онъ. Товарищами его по пансіону (объясняетъ г. Загаринъ) были гр. Блудовъ, Дашковъ, С. С. Уваровъ, Александръ и Андрей Ивановичи Тургеневы, сыновья директора университета Ивана Петровича“... (стр. 26—27). Если бы г. Загаринъ справился съ списками пансіонскихъ актовъ, то узналъ бы, что старшимъ товарищемъ Жуковскаго по пансіону былъ знаменитый впослѣдствіи Михайло Магницкій, печатав-

шій свои произведенія въ журналахъ Сохацкаго и Подшивалова; что Блудовъ и С. С. Уваровъ не учились въ университетскомъ пансіонѣ [75]; напротивъ, Жуковскій сошелся съ Блудовымъ, когда послѣдній былъ уже въ иностранной коллегіи, „въ дармоѣдахъ“, по выраженію Антонскаго [76]. Образованіе Блудова и Уварова совсѣмъ непохоже было на то, которое давалось университетскимъ пансіономъ въ концѣ XVIII вѣка: тотъ и другой въ семьѣ прошли солидную классическую школу [77], благъ которой не вкусилъ Жуковскій, благодаря вступленію своему въ пансіонъ. Послѣдній уже въ заключительные три года XVIII вѣка представлялъ изъ себя родъ „камеральнаго факультета“: на первомъ планѣ стояли естественныя науки, исторія, науки юридическія. Преподаваніе не было сосредоточено на основательномъ изученіи немногихъ предметовъ. Утилитарная цѣль—готовить дворянъ къ службѣ *помимо университета* характеризуетъ благородный пансіонъ: переставши быть одной изъ гимназій университета, пансіонъ не могъ сдѣлаться и солиднымъ факультетомъ; онъ совмѣщалъ недостатки средней реальной школы съ поверхностнымъ энциклопедизмомъ „камеральнаго факультета“. Греческій языкъ въ пансіонѣ совсѣмъ не преподавался; обученіе латинскому языку было пренебрежено. Антонскій заботился болѣе о хорошихъ *профессорахъ* для высшихъ классовъ, нежели о серьезныхъ *учителяхъ* для низшихъ. Изъ Лейпцига въ 1827 году Александръ Ив. Тургеневъ, товарищъ Жуковскаго по пансіону, пишетъ брату своему Николаю: „Опять слушалъ Линднера о педагогикѣ и опять съ большимъ любопытствомъ; ибо онъ сильно нападалъ на недостатки здѣшнихъ и вообще нѣмецкихъ педагоговъ и управленія училищнаго. Что бы сказалъ онъ при видѣ Антонскаго педагогики? Почти всѣ замѣченные недостатки существуютъ у Антонскаго. Но главный недостатокъ состоитъ въ нарушеніи правила, что въ низшіе классы должно сажать лучшихъ учителей“ [78]. Пробѣгая описаніе пансіонскихъ актовъ съ 1797 по 1800 годъ, видимъ успѣхи Жуковскаго въ литературѣ и рисованіи. Знаніе французскаго языка въ то время считалось необходимымъ для дворянина; Жуковскій учился ему еще въ семьѣ своей [79]. Но при выходѣ изъ пансіона Жуковскій еще предпочиталъ французскій языкъ нѣ-

мецкому и, повидимому, лучше его зналъ. По крайней мѣрѣ, только въ 1809 году сталъ онъ читать Виландова „Агатона“ въ подлинникѣ: „Я зачиналъ читать эту книгу прежде, давно, во французскомъ переводѣ“ [80]. „Какъ смотрѣлъ Жуковскій въ зрѣломъ возрастѣ на учебное заведеніе, его воспитавшее (говоритъ г. Загаринъ на стр. 21), видимъ изъ позднѣйшаго письма его къ Ан. А. Прокоповичу-Антонскому (8-го іюля 1815 года). Онъ пишетъ ему о Царскосельскомъ лицеѣ: „Едва ли когда-нибудь лицей будетъ для Россіи то, что пансіонъ университета“. Г. Загаринъ могъ бы дополнить этотъ отзывъ слѣдующими строками Жуковскаго, помѣщенными въ „Вѣстникѣ Европы“ въ видѣ примѣчанія къ стихотворенію Андрея Раевскаго *Любовь къ ближнимъ*: „Стихи сіи произнесены были молодымъ авторомъ на публичномъ актѣ, бывшемъ въ университетскомъ благородномъ пансіонѣ. Отцы и матери воспитанниковъ, которые были главными зрителями и участниками сего торжества, имѣли случай радоваться успѣхами своихъ дѣтей, въ которыхъ подъ надзоромъ дѣятельнаго воспитателя образуются полезные граждане, могущіе со временемъ воздать пекущемуся о нихъ отечеству подвигами, его достойными“ [81]. Но рядомъ съ этими полуоффиціальными отзывами идутъ въ интимныхъ письмахъ Жуковскаго горькія сѣтованія на скудость своего образованія: „Я совершенный невѣжда въ исторіи... Но я хочу получить объ исторіи хорошее понятіе... Но и для русской исторіи, прежде нежели погружусь въ океанъ лѣтописей, намѣренъ я составить такой же точно планъ, для котораго мнѣ нужна будетъ какая-нибудь *краткая*, но хотя нѣсколько сносная *русская исторійка. Не знаешь ли чего-нибудь въ этомъ родѣ?*... Ахъ, братъ и другъ, сколько погибло времени!“ [82] „Для мужчины въ нынѣшнемъ вѣкѣ, въ которомъ отъ другихъ отставать не должно, въ этихъ наукахъ (исторіи, географіи, натуральной исторіи) нужно знаніе *фундаментальное*—я самъ вамъ въ этомъ примѣръ! *Мнѣ часто приходитъ плохо* отъ недостатка въ этомъ фундаментальномъ знаніи! И я бы не желалъ, чтобы съ дѣтьми вашими бывало то же, что со мною“ (письмо къ А. П. Елагиной. „Русская Старина“, 1883 г., сентябрь, стр. 539). А между тѣмъ исторію и естественныя науки Антонскій ставилъ на первомъ

мѣстѣ въ ряду знаній, болѣе споспѣшествующихъ просвѣщенію и укрѣпленію разсудка“ [83]. Чувствуетъ Жуковскій и потребность познакомиться съ латинскимъ языкомъ, съ греческимъ. Въ 1810 году онъ „находитъ удовольствіе даже и въ томъ, чтобы учить наизусть примѣры изъ латинскаго синтаксиса“... „Теперь (пишетъ онъ на 27 году своей жизни) главныя занятія мои составляютъ: исторія всеобщая, какъ приготовленіе къ русской и къ классикамъ, и языки, пока латинскій, а чрезъ нѣсколько времени и греческій“ [84]. Въ 1822 г. Жуковскій проситъ Гнѣдича прислать ему латинскую грамматику. „Люди увѣряютъ, что я перевожу Энеиду (пишетъ онъ вслѣдъ затѣмъ); а я просто учусь по-латински и, чтобъ затверживать слова, перевожу изъ Энеиды отрывки“ [85]. Въ 1845 г. онъ пишетъ фонъ-деръ-Бриггену: „Я часто, часто сѣтовалъ на свое совершенное невѣжество въ латинскомъ и греческомъ языкѣ“ [86]. Собственный горькій опытъ заставляетъ Жуковскаго желать, чтобы дѣти А. П. учились „обоимъ древнимъ языкамъ“ („Рус. Стар.“ 1883 г., сент., стр. 536). Жуковскій самъ, почти безъ руководителя, по своему собственному плану, начинаетъ учиться исторіи (по сочиненіямъ Гаттерера и Геерена), латинскому языку, нѣмецкому языку, начинаетъ знакомиться съ нѣмецкой литературой. „Я бы желалъ (пишетъ онъ Ѳ. Г. Вендриху въ 1805 г.), если бы не боялся васъ отяготить, чтобы вы назначили *мнѣ всѣ лучшія нѣмецкія книги во всѣхъ родахъ литературы: нѣмецкая литература мнѣ мало знакома*“ [87]. Знаменательныя слова Жуковскаго въ письмѣ къ А. П. Елагиной: „Университетъ, не повредя бы ихъ (дѣтей А. П.) нравственности, приготовилъ бы ихъ для *дѣятельной* жизни“ („Русская Старина“, 1883 г., сент., стр. 540). Мы не видимъ особенно плодотворнаго вліянія университетскаго пансіона на Жуковскаго, вопреки г. Загарину, который говоритъ: „Плодотворностію своей эта школа была обязана умѣнію возбудить въ юношахъ интересъ къ вопросамъ жизни внутренней, поддерживать его и на немъ основать нравственное воспитаніе“ (стр. 21). Интересъ къ вопросамъ жизни внутренней рано пробудился въ Жуковскомъ, но не вслѣдствіе вліянія пансіона, хотя этотъ интересъ пробудился и сталъ созрѣвать въ опредѣленномъ направленіи именно въ то время, когда Жуковскій учился въ

университетскомъ пансіонѣ. „Никакія правила, проповѣдуемыя учителями въ классахъ, не могутъ уравняться въ силѣ съ впечатлѣніями ежедневной жизни... Судьба наша — единственный наставникъ“, замѣчаетъ Жуковскій [88]. Какія же впечатлѣнія ложились на душу поэта въ годы ученья его въ университетскомъ пансіонѣ? Кто вызвалъ въ Жуковскомъ этотъ интересъ къ вопросамъ внутренней жизни, который такъ силенъ былъ въ юношѣ, едва переступившемъ за порогъ оставленной имъ школы? Приписывая вліянію пансіона обращеніе не одного Жуковскаго, а вообще воспитанниковъ этого училища къ вопросамъ жизни внутренней, г. Загаринъ не представляетъ никакихъ доказательствъ своей мысли, не называетъ ни одного наставника пансіона, который могъ бы двигать воспитанниковъ въ этомъ направленіи. Самъ Антонскій убѣжденъ былъ, что „умъ молодыхъ людей преимущественно должно обогащать тѣми знаніями, кои больше имѣютъ отношеніями къ будущему ихъ состоянію“ [89]. Это практическое воззрѣніе осуществлялось въ учебномъ планѣ пансіона и въ направленіи ученія послѣдняго. Но судьба „лучшій нашъ наставникъ“, берегла Жуковскаго: она окружила его юность людьми, въ которыхъ воплотилось все, что оставалось чистаго и праведнаго отъ Екатерининскаго вѣка. Черты нравственной физіономіи Жуковскаго слагались подъ вліяніемъ тѣхъ же людей, которыми образованъ былъ Карамзинъ, и подъ вліяніемъ самого Карамзина. Самое сильное вліяніе на Жуковскаго-пансіонера имѣлъ, несомнѣнно, кружокъ, или, вѣрнѣе, семья И. П. Тургенева. Никогда не могъ забыть Жуковскій этого дорогого для него кружка, столь могущественно повліявшаго на него среди поверхностнаго ученія благороднаго пансіона. Почти черезъ полвѣка по выходѣ изъ этой школы (въ 1844 г.) Жуковскій пишетъ Александру Ивановичу Тургеневу: „Въ твоемъ письмѣ много для меня трогательнаго. Мнѣ *старику* удалось въ своей семьѣ тебя *на старости* полелѣять, и въ поздніе наши годы, кажется мнѣ, что жива еще наша молодость: *было теперь что-то, напомнившее тѣ горницы Московскаго университета, гдѣ мы собирались около брата Андрея, который мнѣ живо памятенъ*“ [90]. Кружокъ Андрея Тургенева *лелѣялъ* молодость Жуковскаго, направляемый дружескою

рукою старика Ивана Петровича Тургенева. Признавая, что „товарищество Андрея Тургенева имѣло важное вліяніе на развитіе Жуковскаго“ (стр. 27), г. Загаринъ не объясняетъ читателю, въ чемъ же выражалось это вліяніе, ограничиваясь выпискою нѣсколькихъ превосходныхъ отрывковъ изъ *Посланія* Жуковскаго къ А. И. Тургеневу (тамъ - же). Къ сожалѣнію, эти отрывки мало объясняютъ характеръ вліянія Андрея Тургенева на Жуковскаго и лишь въ самыхъ общихъ чертахъ рисуютъ эту личность „рѣдкія достоинства“ которой признавалъ Карамзинъ. Въ то время, какъ Жуковскій сидѣлъ еще на школьной скамьѣ вмѣстѣ съ Александромъ Тургеневымъ, братъ послѣдняго Андрей не былъ уже пансіонеромъ; въ 1799 г. онъ былъ уже *студентомъ университета*[91] и могъ называться *старшимъ* товарищемъ Жуковскаго. Къ старику-отцу И. П. Тургеневу „юноши привязаны были, по словамъ Жуковскаго, свободною довѣренностію, *сходствомъ мыслей и чувствъ* и самою нѣжною благодарностію“ [92]. Жуковскій не могъ вспомнить объ этомъ старцѣ безъ „сладкаго чувства“: онъ *„друзей не рознилъ съ сыновьями“*. Жуковскій вошелъ въ эту благородную семью какъ другъ, какъ братъ и обрѣлъ у старика Тургенова ласки, въ которыхъ отказало ему рожденіе.

Неси жъ туда, гдѣ *нашъ отецъ и братъ*
Спокойнымъ сномъ въ пріютѣ гроба спятъ,
Вѣнки изъ розъ, вино и ароматы... [93]

Надгробіе Ивану Петровичу и Андрею Ивановичу Тургеневымъ начинается такъ:

Судьба на мѣстѣ семъ разрознила нашъ кругъ;
Здѣсь милый нашъ отецъ, здѣсь нашъ любимый другъ [94].

Почитая масонство „очень хорошимъ дѣломъ“, старикъ Тургеневъ открыто признавался, что онъ не имѣлъ способностей пройти всѣхъ градусовъ масонства, ибо вѣрилъ, что великое таинство можетъ получить только тотъ масонъ, который „удостоился черезъ *исправленіе нравственнаго характера сдѣлаться столько совершеннымъ, сколько человѣку возможно быть*“. Но не

надъ однимъ исправленіемъ нравственнаго характера своего работалъ этотъ человѣкъ въ послѣдніе годы XVIII вѣка. „Добрый и самый благонамѣренный пѣстунъ Московскаго университета“, И. П. Тургеневъ былъ это время центромъ, около котораго группировались тогдашнія литературныя знаменитости, во главѣ со „старостою россійской литературы“ Херасковымъ, къ которому стремились молодые литературные таланты [95]. Литературѣ и искусствамъ старикъ Тургеневъ преданъ былъ такъ же горячо, какъ и прежде, когда былъ дѣятельнымъ членомъ Компаніи Типографической. Онъ умѣлъ замѣтить литературный талантъ и привлечь дарованіе къ дѣлу литературы и просвѣщенія [96]. Жуковскій не одною нитью привязанъ былъ къ семьѣ Тургеневыхъ въ годы своего ученія. „Юшковы и Бунины были дружны съ семействомъ И. П. Тургенева“, вниманіе котораго обратилъ на себя Жуковскій прилежаніемъ и даровитостью,—свидѣтельствуетъ Зейдлицъ [97]. Къ старымъ связямъ семейства Буниныхъ съ Иваномъ Петровичемъ присоединилась новая связь: Жуковскій былъ товарищемъ сыновей его, а старикъ жилъ сыновьями. Мало того: въ пансіонскомъ другѣ дѣтей своихъ Иванъ Петровичъ уже замѣтилъ и любовь къ литературѣ и дарованія писателя... Г. Загарину, при составленіи подробной біографіи Жуковскаго, слѣдовало остановиться надъ этими простыми и глубоко-вѣрными строками книги Зейдлица: „Первыми плодами *умственнаго* и *нравственнаго* образованія Жуковскаго въ *этомъ кружкѣ* (Тургенева-отца) можно считать статьи и стихотворенія, напечатанныя имъ въ разныхъ мелкихъ журналахъ во время пятилѣтняго (?) его пребыванія въ пансіонѣ“. Какое же умственное и нравственное направленіе господствовало въ *кружкѣ*, въ *семьѣ* Тургенева? Нравственное самосовершенствованіе оставалось идеаломъ старика. Одинъ изъ друзей Ивана Петровича отмѣтилъ черты, которыя издавна отличали этого человѣка,—онъ былъ истинно-свободнымъ и истинно-счастливымъ человѣкомъ:

> . . . . . счастливъ тотъ и тотъ одинъ свободенъ,
> Кто счастья въ крайностяхъ всегда съ собою сходенъ,
> Въ сіяніи не гордъ, въ упадкѣ не унылъ,
> Въ себѣ самомъ свое достоинство сокрылъ:
> Владыка чувствъ своихъ, ихъ бури усмиряетъ,
> И скуку житія ученьемъ украшаетъ [98].

Въ лицѣ И. П. Тургенева предсталъ Жуковскому „истинно-добрый и счастливый“ человѣкъ. Не изъ этой ли семьи идеалистовъ, лелѣявшей юность поэта, вынесенъ имъ идеалъ семейнаго счастія? Изъ посланія М. Н. Муравьева къ И. П. Тургеневу можно дополнить характеристику свободнаго человѣка:

Онъ свято чтитъ родства священные союзы,
И чтобъ свободнымъ быть пріемлетъ легки узы;
Внимательный супругъ и любящій отецъ,
Онъ властью облеченъ по выбору сердецъ.
Счастливъ, что можетъ быть семейства благодѣтель:
Что нужды, домъ тому иль цѣлый міръ свидѣтель? [99]

На младшихъ братьевъ и на Жуковскаго особенно вліялъ Андрей Тургеневъ, входившій въ ихъ кругъ „съ отцемъ рука съ рукой“. Чему училъ ихъ этотъ юноша, „въ быстромъ взорѣ котораго пылалъ высокій духъ“? Александръ Тургеневъ сохранилъ намъ нѣсколько наставленій, принятыхъ имъ отъ брата Андрея: „И въ самыхъ горестяхъ насъ можетъ утѣшать воспоминаніе минувшихъ дней блаженныхъ“.

„Зри духомъ въ вѣчность. Что̀ твой взоръ встрѣчаетъ?
Тамъ лучшій міръ, тамъ Богъ!—страдалецъ! улыбнись“.

„Это сказалъ братъ нашъ Андрей для насъ съ тобой“ (обращается Александръ Тургеневъ къ Николаю [100]. Въ минуты душевной невзгоды вспоминались эти наставленія и Жуковскому. Разставаясь съ лучшею надеждою жизни, онъ обращается мыслію къ тому обѣтованному краю, „гдѣ (по выраженію Андрея Тургенева) вѣра не нужна, гдѣ мѣста нѣтъ надеждѣ, гдѣ царство вѣчное одной любви святой“ (см. письмо къ А. П. Елагиной отъ 16 апрѣля 1814 года, „Русская Старина“ 1883 г., февраль, стр. 432). Г. Загарину слѣдовало обратить вниманіе на то лирическое вступленіе къ повѣсти *Вадимъ Новгородскій*, въ которомъ Жуковскій даетъ понять, чѣмъ былъ для него Андрей Тургеневъ: „Тѣнь *веселая* и *мирная!* мы *твои*, *твои* несомнѣнно. Тѣнь твоя надо мною; она собесѣдница безмолвныхъ часовъ моихъ, *незримый хранитель моего сердца*. Такъ въ ея священномъ присутствіи, *...клянусь быть другомъ добродѣтели*“ [101]. Имѣя передъ глазами эту трогательную исповѣдь, г. Загаринъ замѣнилъ бы

положительными данными слѣдующія неопредѣленныя строки, которыми оканчивается вторая глава его книги: „Могъ ли и Жуковскій, жаждавшій самообразованія, не послѣдовать всею душею за *интересами просвѣщеннаго круга* (?) Тургеневыхъ? Юные сыновья Ивана Петровича дали ему *толчекъ* къ знакомству съ литературой *нѣмецкой*, которую *любили сами по преимуществу*. Недаромъ оба брата слыли въ средѣ товарищей записными нѣмцами“ (стр. 28.) [102]. Нельзя не замѣтить, что, начертывая исторію „внутренней жизни“ поэта, г. Загаринъ нерѣдко оставляетъ безъ вниманія важнѣйшій источникъ для этой исторіи: письма Жуковскаго къ роднымъ, друзьямъ и знакомымъ. Такъ въ письмѣ отъ 21-го октября 1816 г. Жуковскій напоминаетъ Александру Тургеневу: „Что ты сдѣлалъ для Ковалькова [103], того молодаго человѣка, о которомъ писалъ Иванъ Владиміровичъ (Лопухинъ) къ князю? И сдѣлалъ ли что-нибудь? Братъ! *Это завѣщаніе нашего добраго благодѣтеля;* надо исполнить во всей силѣ его!“ [104] Не ради фразы называетъ Жуковскій знаменитаго масона „своимъ благодѣтелемъ“. Въ самую тяжелую, рѣшительную пору своей жизни, когда разбита была лучшая изъ его надеждъ, Жуковскій, *со страхомъ замѣчая въ себѣ какое-то отдаленіе отъ религіи,* обращается за рѣшеніемъ обуревавшихъ его сомнѣній—къ Лопухину (старика Тургенева тогда не было въ живыхъ): ему прежде другихъ открываетъ Жуковскій повѣсть своей любви, исповѣдуетъ свои сомнѣнія... И этотъ „истинный христіанинъ“ возвращаетъ его на путь вѣры и надежды [105]. Въ концѣ прошлаго вѣка Лопухинъ жилъ въ Москвѣ или подъ Москвою. Въ литературномъ и семейномъ кружкѣ Ивана Петровича Лопухинъ стоялъ рядомъ съ своимъ старымъ товарищемъ по Типографической Компаніи. Авторъ книги „О внутренней церкви“ встрѣчаетъ пансіонера Жуковскаго въ семьѣ старика Тургенева, для дѣтей котораго онъ былъ такимъ же *добрымъ благодѣтелемъ*, какимъ и для Жуковскаго, направляя ихъ къ созиданію своего внутренняго храма... Очень рано стали Жуковскій и Александръ Воейковъ посѣщать Лопухина въ его подмосковной—Савинскомъ. Здѣсь вся обстановка говорила о литературныхъ вкусахъ хозяина. „Я видѣлъ (разсказываетъ Жуковскій) въ саду И. В. Л(опухина), находящемся вер-

стахъ въ 30 отъ Москвы, въ подмосковномъ его селѣ *Савинскомъ*, скромную урну, посвященную памяти Фенелона. На ровномъ мѣстѣ, гдѣ было топкое болото, явились тѣнистыя рощи, пересѣкаемыя прекрасными дорожками и орошенныя чистою, прозрачною какъ кристаллъ водою. Расположеніе сада прекрасно; лучшее въ немъ мѣсто есть *Юнговъ островъ*. Вы видите большое пространство воды. Берегъ осѣненъ рощею, въ которой мелькаетъ *Руссова хижина!* На самой срединѣ озера *Юнговъ островъ* съ пустынническою хижиною и нѣсколькими памятниками, между которыми замѣтите мраморную урну, посвященную Фенелону. На одной сторонѣ урны изображена госпожа *Гюйонъ*, другъ Фенелона, а на другой Ж.-Ж. Руссо, стоящій въ размышленіи передъ бюстомъ Камбрейскаго Архіепископа... Островъ осѣненъ разными деревьями: елями, осинами, березами и другими; его положеніе чрезвычайно живописно; всего пріятнѣе быть на немъ во время *ночи*, когда сіяетъ полная *луна*, воды спокойны, и рощи, окружающія берегъ, отражаются въ нихъ, какъ въ чистомъ зеркалѣ! Это мѣсто невольно склоняетъ васъ къ какому-то *унылому*, пріятному размышленію“ [106]. Ясно, къ какимъ предметамъ направлялись унылыя размышленія Жуковскаго. Г. Загаринъ говоритъ, что „кружокъ Тургенева *вдохновлялъ* Жуковскаго“. Нѣтъ. Этотъ кружокъ работалъ прежде всего надъ созиданіемъ человѣка, а не поэта: подъ вліяніемъ этого кружка залегли въ глубину души Жуковскаго тѣ нравственныя начала, тѣ живыя дѣятельныя религіозныя вѣрованія, которыя такъ осязательно выражаются въ первомъ періодѣ поэтической дѣятельности Жуковскаго и вырываются съ новою силою, въ послѣдніе годы его жизни, въ мелкихъ статьяхъ теологическаго характера.

Быть въ кружкѣ Тургенева — значило знать Карамзина, а Дмитріевъ былъ „второю ипостасью“ Карамзина. Такъ поэтическая дѣятельность Жуковскаго, при самомъ началѣ, подъ кровлею директора Московскаго университета, скрѣплялась тѣсными узами съ Карамзинскимъ періодомъ литературы. Вотъ кругъ, въ которомъ совершилось литературное воспитаніе Жуковскаго. Поставивши на мѣсто Тургеневскаго кружка какихъ-то, не названныхъ по имени, „наставниковъ и воспитателей университетскаго

пансіона", г. Загаринъ въ исторіи развитія поэзіи Жуковскаго мало придалъ значенія *первымъ* прозаическимъ и стихотворнымъ произведеніямъ Жуковскаго, вѣроятно, полагая, что эти „заученныя" въ школѣ (стр. 48.) фразы не могутъ дать цѣннаго матеріала для біографіи поэта.

II.

Съ третьей главы разбираемой книги начинается изложеніе исторіи литературной дѣятельности Жуковскаго. Эта глава трактуетъ о „знакомствѣ съ нѣмецкою литературою, о значеніи новаго литературнаго языка, о балладѣ, о первыхъ русскихъ балладахъ Карамзина и Каменева, объ Оссіанѣ" и служитъ объяснительнымъ введеніемъ къ разбору элегіи „Сельское кладбище", которую, по словамъ г. Загарина, Жуковскій „изо всего богатства знакомой ему нѣмецкой и англійской поэзіи избралъ для перваго дебюта при выступленіи на литературное поприще, болѣе широкое, нежели кругъ школьныхъ наставниковъ и товарищей (стр. 36). Итакъ, въ два года, которые протекли со времени оставленія Жуковскимъ пансіона, юный питомецъ Тургеневскаго кружка успѣлъ познакомиться со „всѣмъ богатствомъ англійской и нѣмецкой поэзіи". Какъ же объяснить, въ такомъ случаѣ, собственныя слова Жуковскаго въ письмѣ къ Вендриху *отъ 19 декабря 1805 года.* „нѣмецкая литература мнѣ мало знакома"? [107] Впрочемъ, и самъ г. Загаринъ черезъ нѣсколько страницъ замѣчаетъ: „Жуковскій не остановился на дидактизмѣ, который было привлекъ его въ Флоріанѣ. Поэтическая природа выручила, и *уже въ 1805 году* мы видимъ его *за изученіемъ* лучшихъ произведеній нѣмецкой поэзіи" (стр. 53). Все изложеніе перваго періода литературной дѣятельности Жуковскаго въ книгѣ г. Загарина отличается запутанностью, неясностью, исполнено противорѣчій: отсутствіе историческаго метода въ изученіи чувствуется на всѣхъ страницахъ, посвященныхъ развитію поэтической дѣятельности Жуковскаго. Значительная часть третьей главы занята объясненіемъ происхожденія и отличительныхъ свойствъ баллады и изложеніемъ балладъ Карамзина и Каменева, какъ „новой формы, впервые введенной ими и усвоенной Жуковскимъ

съ первыхъ шаговъ его авторства" (стр. 32). Балладѣ сопутствуютъ поэмы Оссіана. Образами, которые „вызвалъ изъ сѣдой старины духъ времени (говоритъ г. Загаринъ), наполнились произведенія новыхъ поэтовъ и волновали души читающаго міра. Но эти эпическія изображенія чуждаго міра не могли удовлетворить другой потребности: раскрываемую ими поэзію приблизить къ окружающей дѣйствительности. А между тѣмъ читатель чувствовалъ біеніе собственнаго сердца, искалъ выраженія и чувству личному. За однимъ превращеніемъ—эпической лжеклассической музы въ барда—должно было послѣдовать другое: преобразованіе лжеклассической лиры въ новое лирическое стихотвореніе. На долю Жуковскаго именно досталось создать выраженіе новой лирики. То было задачею первой же поры его поэтической дѣятельности". Таковъ общій взглядъ г. Загарина на значеніе Жуковскаго въ русской литературѣ.

Съ слѣдующей главы начинаются разборы „важнѣйшихъ" произведеній Жуковскаго; одни изъ этихъ разборовъ подробнѣе, представляя едва не построчное сравненіе переводовъ Жуковскаго съ подлинниками, другіе короче. *Исторія* развитія личности и поэзіи Жуковскаго отступаетъ на задній планъ. Построчному сравненію съ оригиналами подвергнуты „Сельское кладбище", „Наль и Дамаянти" и „Рустемъ и Зорабъ" (стр. 45—48, 573, 574, 589—592:). Утомительно чтеніе выписокъ изъ „Наля и Дамаянти", доказывающихъ, что въ переводѣ Жуковскаго существуютъ слѣдующія отступленія отъ Рюккерта: 1) измѣненія нѣкоторыхъ мѣстъ, 2) пропуски, 3) добавки изъ Боннова перевода, 4) добавки изъ третьяго перевода и 5) прибавленія собственнаго сочиненія. „Рустемъ и Зорабъ" называется „глубокимъ поэтическимъ *твореніемъ* Жуковскаго". Это положеніе доказывается также цѣлымъ рядомъ выписокъ, которыя должны убѣдить читателя, что отступленія Жуковскаго отъ Рюккерта состоятъ: 1) въ измѣненіи отдѣльныхъ выраженій и образовъ, 2) въ пропускахъ и, нак онецъ, 3) въ прибавленіяхъ. Эти скудные выводы изъ построчныхъ сличеній сопровождаются эстетическими замѣчаніями относительно отдѣльныхъ отступленій переводовъ Жуковскаго отъ подлинника. Къ этимъ переводамъ Жуковскаго примѣнена та метода оцѣнки перевода, ко-

торая осуждалась въ переводной статьѣ Жуковскаго: „О переводахъ вообще и въ особенности о переводахъ стиховъ“ [108]. „Всего болѣе (говорится въ этой статьѣ) переводчикъ долженъ быть вѣренъ гармоніи, которой, смѣю сказать, можно иногда жертвовать и точностію, и силою... Но главная должность переводчика, которой подчинены всѣ другія, состоитъ въ томъ, чтобы онъ вездѣ въ переводѣ своемъ старался произвести то *дѣйствіе, которое производитъ подлинникъ*. Онъ обязанъ, сколько возможно, представить намъ если не *тѣ же самыя красоты*, то по крайней мѣрѣ такое же количество красотъ. Переводчика можно сравнить съ должникомъ, который обязывается заплатить если не тою же монетою, то по крайней мѣрѣ ту же сумму. Напримѣръ: ему невозможно въ переводѣ своемъ сохранить того или другаго образа, пускай замѣнитъ его мыслію; онъ не можетъ живописать для слуха, пускай живописуетъ для ума; не можетъ быть силенъ, пускай замѣнитъ силу гармоніею; не можетъ быть кратокъ, пусть будетъ богатъ; предвидитъ, что принужденъ будетъ ослабить оригиналъ свой въ этомъ мѣстѣ, пускай усилитъ его въ другомъ и возвратитъ въ концѣ похищенное въ началѣ; словомъ, онъ непремѣнно долженъ держаться *системы строгаго вознагражденія*, стараясь однако, сколько возможно, *быть близкимъ къ главному характеру подлинника*. Изъ всего сказаннаго выше (заключаетъ статья) слѣдуетъ, что *никогда не должно сравнивать стиховъ переводчика со стихами, соотвѣтствующими имъ въ подлинникѣ:* о достоинствѣ перевода *надлежитъ судить по главному дѣйствію цѣлаго*“ [109]. Таково воззрѣніе на переводчика, которое усвоено было Жуковскимъ, и которому онъ въ большей части своихъ произведеній былъ вѣренъ. Конечно, построчное сравненіе переводовъ Жуковскаго съ текстами Рюккерта несравненно легче было провести, чѣмъ прослѣдить шагъ за шагомъ литературное развитіе Жуковскаго въ связи съ современными ему движеніями русской литературы; но эта легкая работа и не могла дать въ результатѣ объясненія важнѣйшихъ вопросовъ, связанныхъ съ исторіею развитія личности и поэтической дѣятельности Жуковскаго.

Построчное сличеніе перваго перевода Жуковскимъ элегіи „Сельское кладбище“ привело г. Загарина къ заключенію, что „изъ двухъ сторонъ элегіи (любезной Жуковскому некроманіи и со-

чувствія къ бѣдности) въ переводѣ первая оказывается болѣе прочувствованною; очевидно, она послужила *главнымъ мотивомъ* его (Жуковскаго) вдохновенія" Въ объясненіе „любезной Жуковскому некроманіи" г. Загаринъ приводитъ слѣдующія соображенія: „Жуковскій *отыскалъ* сантиментальное направленіе, уже внесенное къ намъ ранѣе Карамзинымъ, *въ самомъ его источникѣ*. Мѣстомъ своихъ меланхолическихъ мечтаній сантиментализмъ любилъ избирать кладбище. Природа получала двойное очарованіе въ присутствіи останковъ окончившаго земное поприще человѣка. Русскіе поэты, воспитывавшіе вкусъ свой на произведеніяхъ европейской поэзіи, рано усвоили эту, такъ сказать, *некроманію* современной лирики... Періодическая литература наша конца XVIII и начала XIX вѣка любила возвращаться къ этимъ мотивамъ то въ подражаніяхъ Юнгу и ему подобнымъ авторамъ лирическихъ размышленій, то въ сочиненіяхъ оригинальныхъ элегій, запечатлѣнныхъ тою же „священною горестью". На мысляхъ о смерти и безсмертіи часто останавливали своихъ *учениковъ* и руководители того круга, гдѣ воспитывался Жуковскій. Въ числѣ переводовъ, помѣщавшихся въ „Пріятномъ и полезномъ препровожденіи времени" (ч. XIX, 1798), встрѣчаемъ отрывокъ „Чувства при гробницѣ"; элегія Грея пользовалась въ этомъ кругѣ особеннымъ сочувствіемъ (стр. 44). Но объяснивши „некроманію" Жуковскаго указаніемъ (общимъ и голословнымъ) на нашу періодическую литературу и на вліяніе „руководителей" университетскаго пансіона, г. Загаринъ въ указанныхъ имъ отступленіяхъ Жуковскаго отъ Грея видитъ доказательство, что Жуковскій смотрѣлъ на подлинники при переводахъ своихъ, особенно въ началѣ своего литературнаго поприща, *лишь какъ на поводъ къ выраженію собственныхъ мыслей* и легко обращалъ переводъ въ передѣлку". Разборъ свой „Сельскаго кладбища" г. Загаринъ заключаетъ слѣдующимъ выводомъ: „И такъ, въ первомъ произведеніи Жуковскаго, одобренномъ имъ самимъ, нельзя еще видѣть новаго шага нашей поэзіи" (стр. 47). Доктора Зейдлица въ этой элегіи занимаетъ другое: „Для біографа (говоритъ онъ) эта элегія есть *психологическій документъ, опредѣляющій душевное состояніе* поэта... Возвратясь въ Мишенское, полное прекрасныхъ воспоминаній

дѣтства, онъ (Жуковскій) снова выбираетъ кладбище любимымъ мѣстомъ своей музы. Почему это? Правда, въ началѣ нашего столѣтія извѣстное сантиментальное настроеніе духа господствовало въ нашемъ обществѣ; эта наклонность юныхъ и чувствительныхъ сердецъ къ мечтательности *могла* настроить элегически и нашего друга; но кромѣ того у него *могли* быть и личныя причины: положеніе его въ свѣтѣ и отношенія къ семейству Буниныхъ тяжело ложились на его душу" [110]. Стоитъ остановиться надъ объясненіемъ этого психологическаго документа, „опредѣляющаго душевное состояніе поэта", стоитъ поработать надъ разрѣшеніемъ вопроса, „почему кладбище было любимымъ мѣстомъ музы Жуковскаго" въ ранней юности: помыслы поэта постоянно обращены были къ иному міру, къ „вѣрной пристани", къ „безмятежному берегу", къ странѣ, которую поэтъ просто указывалъ словомъ: *тамъ*. Почти два года легли между выходомъ Жуковскаго изъ пансіона и напечатаніемъ „Сельскаго кладбища". Г. Загаринъ, какъ мы видѣли, ни одною строкою не касается того, что́ происходило съ Жуковскимъ въ эти два года, и оставляетъ безъ освѣщенія одинъ изъ любопытнѣйшихъ періодовъ въ жизни юноши, переходный періодъ между покинутой школою и началомъ практической, служебной дѣятельности.

Указавши на то *нравственное* вліяніе, которое кружокъ старика Тургенева долженъ былъ оказать на пансіонера Жуковскаго, мы не безъ намѣренія оставили въ сторонѣ вопросъ о томъ вліяніи, которое тотъ же кружокъ и московская литература 1797—1800 годовъ могли оказать на первыя литературныя произведенія Жуковскаго и на дальнѣйшее направленіе его литературной дѣятельности. Какую литературную школу проходилъ Жуковскій, воспитываясь въ университетскомъ пансіонѣ? На это не представляетъ опредѣленныхъ отвѣтовъ книга г. Загарина. Въ главѣ XIX-й, обрисовывающей отношенія Жуковскаго къ Батюшкову, Дашкову, Блудову, Карамзину и И. И. Дмитріеву, говорится, что „Карамзинъ былъ *въ извѣстномъ отношеніи* учителемъ Жуковскаго въ дѣлѣ стихотворства. Первые стихи его служили образцами и Жуковскому" (стр. 245—246; припоминается первая русская баллада Карамзина). Вторымъ „наставникомъ первыхъ шаговъ Жуковскаго на поприщѣ поэзіи"

г. Загаринъ называетъ И. И. Дмитріева (стр. 247). Въ книгѣ замѣчено также, что Подшиваловъ, прежній сотрудникъ Новикова, одно время (до 1785 года) занималъ должность надзирателя въ университетскомъ пансіонѣ и, преподавая стилистику, занималъ воспитанниковъ практикою словесности. „Само собою разумѣется (говоритъ г. Загаринъ), что эти опыты развивали въ средѣ воспитанниковъ и любовь къ литературѣ, и умѣнье владѣть перомъ“ (стр. 23 об.). Послѣднее замѣчаніе г. Загарина о Подшиваловѣ, который училъ въ пансіонѣ до 1785 года, не имѣетъ значенія для біографіи Жуковскаго. Въ эпоху пребыванія въ пансіонѣ нашего поэта учителемъ словесности здѣсь былъ *М. Баккаревичъ*, на публичномъ актѣ пансіона 1798 года возведенный въ адъюнкты. Баккаревичъ былъ восторженнымъ почитателемъ Ломоносова [111]. Его преподаваніе указывало воспитанникамъ на „златострунную лиру сего наперсника небесъ“ [112]. Неудивительно, если въ первыхъ стихотвореніяхъ Жуковскаго слышатся отголоски этой лиры [113], если въ нихъ встрѣчаемъ такое обиліе славянскихъ выраженій,— необходимую принадлежность высокаго штиля. Творенія Державина были также предметомъ „восхищенія“ воспитанниковъ пансіона въ эпоху ученья тамъ Жуковскаго [114]. И отголоски Державинскихъ стиховъ явственно слышатся въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ Жуковскаго. На это указалъ съ полною основательностію г. Загаринъ въ своей монографіи Однако первымъ по времени „учителемъ своимъ“ въ поэзіи Жуковскій называетъ И. И. Дмитріева [115]. Это признаніе, оброненное въ письмѣ къ „учителю“, Жуковскій повторяетъ въ 1831 г. въ стихотворномъ отрывкѣ „Къ Ив. Ив. Дмитріеву“:

А ты цвѣти, пѣвецъ, *нашъ вдохновитель*,
Младой душой подъ снѣгомъ старыхъ дней;
И долго будь намъ въ старости *учитель*,
Какъ былъ во младости своей [116].

Въ стихотвореніяхъ Дмитріева Жуковскій нашелъ знакомые мотивы:

Державина струнамъ родныя, пѣли
Онѣ дѣла тѣхъ чудныхъ прошлыхъ лѣтъ,
Когда вездѣ мы битвами гремѣли,
И битвамъ тѣмъ дивился свѣтъ [117].

Но не одни отголоски Державинской лиры встрѣтилъ Жуковскій при самомъ первомъ знакомствѣ съ стихами Дмитріева. „Ваши стихи (пишетъ памятливый Жуковскій Дмитріеву въ началѣ 1823 г.) „Размышленіе по случаю грома“ переведенные изъ Гёте, были *первые выученные мною наизусть въ русскомъ классѣ*, и первые же мною написанные стихи (безъ соблюденія стопъ) были ихъ подражаніемъ“ [118]. Стихи Дмитріева „На случай грома“ (подражаніе германскому поэту Г. Гёте) напечатаны были въ московскомъ журналѣ 1795 года „Пріятное и полезное препровожденіе времени“ (VIII, 209 — 210). Этотъ журналъ принадлежалъ къ числу „книгъ, которыя употреблялись“ въ университетскомъ пансіонѣ для внѣкласснаго чтенія воспитанниковъ [119]. Съ современной русской литературою воспитанники пансіона 1797—1800 годовъ знакомились черезъ этотъ журналъ. Г. Загаринъ совершенно обходитъ вопросъ о томъ, какое вліяніе могла оказать на Жуковскаго-пансіонера *московская* литература послѣднихъ лѣтъ XVIII вѣка, ограничиваясь замѣчаніемъ, что „лучшія изъ произведеній какъ „Собранія университетскихъ питомцевъ“, такъ и воспитанниковъ благороднаго пансіона печатались—сочиненія воспитанниковъ пансіона въ изданіи Сохацкаго и Подшивалова „Пріятное и полезное препровожденіе времени“ (1794—1798), въ „Иппокренѣ или Утѣхахъ любословія“ (1799—1801) (стр. 24). Литературное направленіе этихъ періодическихъ изданій такъ же мало интересуетъ г. Загарина, какъ и первыя литературныя произведенія Жуковскаго, помѣщенныя въ этихъ періодическихъ изданіяхъ. Между тѣмъ изученіе какъ этихъ періодическихъ изданій, такъ и напечатанныхъ въ нихъ произведеній Жуковскаго, несомнѣнно, предохранило бы г. Загарина даже отъ тѣхъ неосновательныхъ выводовъ, къ которымъ привело его построчное сравненіе „Сельскаго кладбища“ съ англійскимъ текстомъ, не всегда къ тому же правильно понятымъ. Въ „Пріятномъ и полезномъ препровожденіи времени“, въ „Иппокренѣ“ продолжало развиваться Карамзинское литературное направленіе. Самъ Карамзинъ называется „*чувствительнымъ*, нѣжнымъ, любезнымъ и привлекательнымъ нашимъ Стерномъ“ [120]; онъ „вмѣстилъ въ себя *чувствительность* Мармонтеля и Стерна“ [121]. Журналъ удостовѣряетъ, что еще въ его время сидѣли за туалетомъ

Съ Руссо, съ Державинымъ, съ Грессетомъ,
Съ *Аглаею* Карамзина [122],

Учитель словесности въ университетскомъ пансіонѣ, Баккаревичъ, называетъ Карамзина „почтеннымъ и любезнымъ для своего сердца издателемъ „Московскаго Журнала“ [123]. Сотрудниками „Пріятнаго и полезнаго препровожденія времени“ и „Иппокрены“ являются бывшіе сотрудники „Аонидъ“ Карамзина. Иностранные писатели, давшіе матеріалъ для „Пантеона иностранной словесности“, сохраняютъ то же значеніе и для „Пріятнаго и полезнаго препровожденія времени“, какъ и для „Иппокрены“. Первый изъ этихъ журналовъ открывается статьею „Къ сердцу“, которая можетъ быть названа profession de foi издателя [124]. Редакторъ желаетъ, чтобы „перо его электризовали—тихія колебанія сердца“. „Виновникъ дѣлъ великихъ, дѣлъ благородныхъ, *сердце!* для чего ученые, ищущіе просвѣщенія, съ ущербомъ правъ твоихъ обогащаютъ разумъ? Для чего образуютъ, воспитываютъ болѣе сей послѣдній, нежели тебя?“ Обращаясь къ „чувству“, одинъ изъ сотрудниковъ „Пріятнаго и полезнаго препровожденія времени“ восклицаетъ: „Какого ангела, какого Бога дѣлаешь ты изъ человѣка, когда онъ въ *уединенные* часы свои, въ тихомъ кабинетѣ, въ объятіяхъ *сельской Натуры* почерпаетъ божественныя твои вдохновенія въ тайныхъ изгибахъ своего сердца, изливаетъ ихъ на бумагу или читаетъ Геснера, Руссо, Стерна, Петрарка“ [125]. Уединеніе называется „отрадою чистѣйшихъ душъ“ [126], природа — „другомъ, матерью, вождемъ“ [127]. Съ идиллическими мечтами обращаются сотрудники журнала къ пастушескому вѣку. Когда „на гибель страны ревѣли оружій громы“, „нѣкоторое число молодыхъ людей соединяется для изданія особаго журнала, посвященнаго прекрасному полу, взявъ пастушескія имена по начальнымъ буквамъ настоящихъ именъ своихъ, какъ, напр., Аркасъ, Дафнисъ, Палемонъ и проч., и составивъ посвященіе изъ куплетовъ отъ каждаго пастушка“ [128]. Но рядомъ съ идиллическими картинами пастушескаго быта и „сельской натуры“ идутъ, заслоняя ихъ, другіе образы—мрачные, ужасные. Меланхолія прославляется, какъ „сильная царица превыспренныхъ мыслей“ [129]. Кладбище служитъ любимымъ мѣстомъ меланхолическихъ мечтаній. „Утомленный обуреваніями

жизни, сопутствуемый Циммерманомъ", меланхоликъ идетъ на кладбище и въ этомъ „величественномъ уединеніи проливаетъ вѣрующія слезы, восхищаясь пареніями Оратора Ночей—Юнга" [130]. Дикость мѣстности „и осенняя темнота, умножая меланхолію, оживляютъ въ воображеніи" мечтателя „мрачныя пѣсни Шотландскаго Барда" [131]. Въ уединенныхъ прогулкахъ писателя сопровождаютъ творенія Циммермана, Юнга, Оссіана и Гервея. Особеннымъ одобреніемъ издателей „Пріятнаго и полезнаго препровожденія времени" пользовались тѣ статьи, въ которыхъ находили „духъ Оссіанской горести, нѣжность и глубокость меланхолическихъ чувствъ" [132]; подражанія Оссіану нерѣдко встрѣчаются на страницахъ „Пріятнаго и полезнаго препровожденія времени" и „Иппокрены". Юнгъ пользовался особеннымъ уваженіемъ издателей: изъ „превосходныхъ пѣсней" Юнга одинъ изъ сотрудниковъ „Пріятнаго и полезнаго препровожденія времени" составилъ „сокращеніе", „раздѣлилъ на статьи", придалъ имъ болѣе простое и понятное изложеніе и напечаталъ въ этомъ журналѣ подъ заглавіемъ *„Духъ Юнговъ"* [133]. Помѣщаются переводы „Размышленій надъ гробницами" извѣстнаго англійскаго „методиста" Джемса Гервея [134]. Элегія Грея „Сельское кладбище" не только переводится два раза, но служитъ даже предметомъ подражанія со стороны плодовитаго Павла Львова [135]. Здѣсь же печатала тогда свои стихи извѣстная въ своемъ кругу подъ именемъ „философки" Анна Турчанинова, которая, „не имѣя еще двадцати лѣтъ отъ роду, избѣгала общества, одѣвалась неряхою, занималась преимущественно математическими науками, знала латинскій и греческій языки" [136]. Сюжетами ея стихотворныхъ произведеній были: *„Достоинство смерти"*, *„Гласъ смертнаго къ Богу"*, *„Уединеніе"*, *„Воздыханіе о помощи"*, *„Къ суетѣ"*. „Вся кіевская ученость (разсказываетъ Вигель) скрывалась тогда подъ иноческими мантіями въ стѣнахъ Братскаго монастыря: она (Турчанинова) открыла ее и свела тѣсную дружбу съ нѣкоторыми монахами, преподававшими науки въ духовной академіи" [137]. Въ Москвѣ Турчанинова близко сошлась съ профессорами Московскаго университета, „хвалилась любовью и покровительствомъ стараго Хераскова, дружбою Ермила Кострова и писательницы княжны Урусовой" [138]. Для своихъ стихотво-

реній, начитанная въ священномъ писаніи, Турчанинова избирала сюжеты религіозные и горячо защищала меланхолическія чувства въ стихахъ [139]. Сотрудницы „Пріятнаго и полезнаго препровожденія времени“ и „Иппокрены“ раздѣляли взглядъ сотрудниковъ на значеніе въ поэзіи „священной меланхоліи“. Въ небольшое драматическое произведеніе „Ночеходецъ или лунатикъ“ вставлена баллада въ стихахъ о Леонардѣ и Блондинѣ [140]: Другая прозаическая баллада „Вильямъ и Маргарита“ помѣщена въ шестомъ томѣ „Иппокрены“ (стр. 426—429). Эти баллады появились въ свѣтъ ранѣе балладъ Каменева и, несомнѣнно, были уже въ рукахъ Жуковскаго-пансіонера. Г. Загаринъ, говоря о русской балладѣ до Жуковскаго, не упоминаетъ объ этихъ первыхъ, послѣ Карамзина, балладахъ, очень близкихъ по стилю къ балладамъ нашего поэта [141].

Значительную часть журналовъ „Пріятное и полезное препровожденіе времени“ и „Иппокрены“ составляютъ статьи переводныя; журналы эти за матеріаломъ обращаются ко всѣмъ важнѣйшимъ литературамъ Европы (даже къ голландской) [142]; но на первомъ мѣстѣ стоитъ *нѣмецкая* и *англійская* литературы. Изъ французскихъ писателей наибольшимъ уваженіемъ пользуются Бернарденъ де-Сентъ-Пьеръ и Флоріанъ. Съ послѣднимъ познакомилъ Жуковскаго не Карамзинъ, какъ утверждаетъ г. Загаринъ (стр. 48.), а тотъ журналъ, который составлялъ обязательное внѣклассное чтеніе воспитанниковъ университетскаго пансіона во времена Жуковскаго [143]: не говоря уже о нѣкоторыхъ басняхъ Флоріана, помѣщенныхъ здѣсь въ стихотворныхъ переводахъ, о похвалѣ имъ „Меланхолій“, здѣсь напечатанъ былъ переводъ его извѣстной передѣлки изъ Сервантеса „Галатея“ [144]. Вообще же необходимо замѣтить, что упомянутые московскіе журналы знакомили русскихъ читателей со многими явленіями иностранныхъ литературъ,—и въ этомъ ихъ существенная заслуга. Изъ произведеній англійской литературы находимъ въ этихъ журналахъ переводы изъ Шекспира [145], Попе, Томсона, Борнса, Мильтона, Стерна, Аддисона (вся трагедія „Смерть Катона“), Драйдена [146]; изъ нѣмецкихъ писателей — переводы изъ Якоби [147], Морица, Штилле, Вейсе, Геснера, Геллерта, Казегартена, Клейста, Мейснера, Виланда,

только три пьесы изъ Гёте [148]и немногое изъ Коцебу и Лессинга. Реакція либеральной философіи и идеямъ революціи проходитъ оба журнала, принимая религіозный оттѣнокъ. Самъ Карамзинъ обвиняется въ вольнодумствѣ, въ сочувствіи Гельвецію, въ глумленіи надъ Библіею, въ распространеніи знаній, не основанныхъ на вѣрѣ, въ насмѣшкахъ надъ memento mori [149]. Журналъ желаетъ, чтобы исчезло отъ лица земли „святотатское злоупотребленіе великаго имени просвѣщенія и философіи“ [150].

Таково было направленіе и составъ журналовъ, которые служили литературною школою Жуковскаго, и въ которыхъ онъ печаталъ свои первыя литературныя произведенія: характеръ ихъ вполнѣ соотвѣтствовалъ направленію журналовъ, въ которыхъ они помѣщены. Изъ всѣхъ этихъ произведеній видно, что „флёровая мантія меланхоліи покрывала чувства“ Жуковскаго (по его собственному выраженію). Переводъ „Сельскаго кладбища“ былъ завершеніемъ цикла школьныхъ его стихотвореній и прозаическихъ статей. Сдѣлаемъ общій выводъ изъ всего сказаннаго: Жуковскій—юноша мечтательный [151] и очень податливый чужому вліянію—попадаетъ въ школу, которая даетъ ему очень поверхностное образованіе; бѣдный положительными знаніями, которыя могли бы ослабить эту мечтательность [152], онъ попадаетъ въ кругъ старыхъ масоновъ, которые обращаютъ его къ вопросамъ внутренней жизни и указываютъ ему задачею жизни нравственное усовершенствованіе, ставятъ идеаломъ любовь къ человѣчеству. Московскіе журналы, которые Жуковскій обязательно читаетъ въ пансіонѣ, указываютъ ему на необходимость „просвѣщенія ума и *обработыванія сердца*“ и, въ свою очередь, человѣка добродѣтельнаго ставятъ превыше героевъ:

Шлемъ мрачитъ всѣхъ Александровъ
Добродѣтели вѣнецъ!.. [153]

Герой этихъ журналовъ

. . . . . не баринъ знатный,
Руссо и Локка не читалъ;
Но сердца чувствами богатый
Самимъ то дѣломъ доказалъ [154].

Журналы рисуютъ передъ своими читателями портреты извѣстныхъ имъ филантроповъ, „добродѣтельныхъ людей“ [155].

Но тѣ же журналы питаютъ и развиваютъ въ мечтательномъ юношѣ болѣзненную меланхолію, противъ которой въ этихъ самыхъ журналахъ робко раздаются протестующіе голоса [156].

Припомнивши все это, мы поймемъ, на какихъ основаніяхъ возникло „Дружеское Литературное общество“, законы котораго подписаны членами 12 января 1801 года (въ день годовщины основанія Московскаго университета). Г. Загаринъ касается этого статута лишь вскользь, не давши даже себѣ труда просмотрѣть списокъ учредителей онаго, напечатанный въ актовой рѣчи профессора С. П. Шевырева „О значеніи Жуковскаго въ русской жизни и поэзіи“ (Москва, 1853,—8⁰, стр. 71); иначе г. Загаринъ не сталъ бы утверждать, что „сближеніе Жуковскаго съ Мерзляковымъ“ относится *еще къ 1802 году* (стр. 50): 12 января 1801 г. Жуковскій вмѣстѣ съ Мерзляковымъ уже подписался подъ этимъ уставомъ.

Общество это основано было не „бывшими воспитанниками благороднаго пансіона“, какъ сообщаетъ г. Загаринъ (стр. 50), а *большею частью* бывшими студентами Московскаго университета. Счастливый случай, доставившій въ наши руки подлинную рукопись „Законовъ Дружескаго Литературнаго общества“ [157], даетъ намъ возможность пополнить характеристическими чертами скудную выписку изъ оныхъ проф. С. П. Шевырева. На оборотной сторонѣ перваго полулиста нарисованъ (акварелью) орелъ, возносящійся къ солнцу, съ надписью сверху: „cet espace ne saurоit m'etonner“. „Смотря на этотъ рисунокъ, невольно припоминаешь строфу изъ стихотворенія „Человѣкъ“, написаннаго Жуковскимъ уже по выходѣ изъ пансіона:

Орелъ, ужаленный зміею, раздраженный,
Терзаетъ, рветъ ее въ своихъ крутыхъ когтяхъ,
И члены разметавъ, со пламенемъ въ очахъ,
Разширивши крылѣ, весь кровью обагренный,
Паритъ съ побѣдой къ небесамъ [158].

„Цѣль общества образовать въ себѣ безцѣнный талантъ трогать и убѣждать словесностію: да будетъ же сіе образованіе въ честь и славу Добродѣтели и Истинны, цѣлію всѣхъ нашихъ

упражненій". Предметъ упражненій Общества—„очищать вкусъ, развивать и опредѣлять понятія обо всемъ, что изящно, что превосходно". „Для лучшаго успѣха въ такихъ упражненіяхъ надобно: 1) особенно заняться теоріею изящныхъ наукъ: она покажетъ намъ маштабъ всего изящнаго и будетъ служить Аріадниною нитью *въ лабиринтѣ юродствующаго воображенія;* 2) разбирать критически переводы и сочиненія на нашемъ языкѣ; 3) можно иногда прочитывать какія-нибудь полезныя книги и объ нихъ давать свой судъ; 4) наконецъ, трудиться надъ собственными своими произведеніями, обработывая ихъ со всевозможнымъ раченіемъ". „Въ выборѣ членовъ должно смотрѣть не только на то, готовъ ли онъ содѣйствовать къ предложенной цѣли, но *особенно на его нравственный характеръ*. По прочтеніи піэсы который-нибудь изъ членовъ можетъ взять ее на критику и на опроверженіе. Критика касается до плана пьесы, до словъ, выраженій, оборотовъ, въ прозѣ до гладкости, ясности и пріятности стиля, въ стихахъ до мѣры стиховъ, риѳмъ, гармоніи. Опроверженіе же касается до мыслей автора". Въ засѣданіяхъ читаются не только „беллетрическіе" переводы и сочиненія, но также философическіе и политическіе. Новому „Дружескому литературному обществу", повидимому, очень еще памятны преданія стараго масонскаго „Дружескаго ученаго общества": „литературное общество", помимо своей главной цѣли, имѣетъ задачу благотворительную—помогать бѣднымъ. „Казначей и члены должны подавать помощь бѣднымъ (изъ особо вносимой членами суммы) съ разсмотрѣніемъ и остерегаться, чтобъ не подавать ее тѣмъ, которые ея недостойны, или которымъ деньги могутъ служить не къ пользѣ, а ко вреду". „Сколько можно найти истинно несчастныхъ (замѣчаютъ составители Устава общества), естьли только мы будемъ умѣть ихъ находить". Изложеніе законовъ общества завершается слѣдующимъ образомъ: „Вотъ главные законы, которые должны мы сохранять для общей нашей пользы! Они важны и полезны, но для такого уже общества, которое оживлено собственнымъ своимъ духомъ? Какой это духъ? Это то же, что соединяетъ насъ всѣхъ въ одно; это то же, что до сихъ поръ составляло радость и счастіе нашей молодости, это духъ благій дружества, сердечная привязанность

къ своему брату, нѣжное доброжелательство къ пользамъ другаго. Такъ! никогда никто изъ насъ во всю жизнь не сдѣлаетъ другу своему такого великаго благодѣянія, какое имѣетъ онъ случай сдѣлать здѣсь, въ этомъ обществѣ. Геній умираетъ подъ кровлею бѣдной хижины, на лонѣ нищеты и бѣдности; врожденное чувство къ великому, къ изящному погасаетъ въ бурѣ страстей, въ юдоли скорби и печали; пламя патріотизма потухаетъ въ уединенномъ сердцѣ земнаго страдальца, и міръ не увидитъ восходящей зари великаго. Какія же великолѣпныя палаты, какія гордыя стѣны, какое золото возвращаетъ міру его честь, его украшеніе—*великихъ*? Съ небесною улыбкою на глазахъ, съ животворною фіалою въ рукѣ низлетающее божество, единымъ взглядомъ озаряющее сію мрачную юдоль скорби и печали, бѣдствій и отчаянія—это дружество! Будемъ имѣть довѣренность другъ къ другу! Большая часть изъ насъ воспитывались въ одномъ мѣстѣ; съ самаго малолѣтства знаемъ мы другъ друга: сладостныя узы связали насъ почти всѣхъ *издавна*. Въ самыхъ лѣтахъ мы немного превышаемъ другъ друга: гдѣ можетъ утвердиться лучше взаимная довѣренность? Естьли не всякой изъ насъ одаренъ тонкимъ вкусомъ къ изящному, естьли не всякой можетъ судить совершенно правильно о переводѣ или сочиненіи; то по крайней мѣрѣ мы не будемъ сомнѣваться *въ добромъ сердцѣ* сказывающаго наши погрѣшности; его *любовь* говоритъ намъ: правда ли то, или нѣтъ,—онъ желалъ намъ добра!“

Важное значеніе не въ литературномъ только развитіи, но и во всей жизни Жуковскаго имѣлъ этотъ „святой союзъ любви“. По „Законамъ“ общества, „если бы случилось, что по какимъ-нибудь обстоятельствамъ всѣмъ или большой части членовъ должно было разстаться, въ такомъ случаѣ общество не должно рушиться. Но для сего должно выбрать по большинству голосовъ секретаря, который долженъ хранить дѣла общества, вести переписку со всѣми членами и отвѣчать на всѣ ихъ письма“. Сношенія членовъ общества, пересылка статей, критикъ на нихъ и мнѣній должна была происходить черезъ секретаря, при чемъ всѣ члены и секретарь должны были „наблюдать возможную скромность, *въ осторожность отъ почты*“. Дѣйствительно, недолго члены Общества могли жить совмѣстно и работать вмѣстѣ: они

должны были разъѣхаться на житье по разнымъ мѣстамъ, но „святой союзъ любви“ продолжалъ связывать ихъ, и услуга, оказанная Жуковскому Александромъ Тургеневымъ, должна быть оцѣнена по достоинству его біографомъ.

Если г. Загарину не могли быть извѣстны подробности неизданнаго „Устава дружескаго литературнаго общества“, то ему слѣдовало обратить вниманіе на ту характеристику этого общества, которую оставилъ одинъ изъ ближайшихъ свидѣтелей развитія „генія“ Жуковскаго, многолѣтній сопутникъ его въ жизни, самъ—членъ общества Александръ Ивановичъ Тургеневъ. Вотъ эта драгоцѣнная характеристика: „Желалъ бы я друзьямъ русской литературы, коей нѣкогда Москва и въ ней университетъ были средоточіемъ, напомнить о томъ вліяніи, какое Веймарская Аѳинская дѣятельность имѣла и на нашу московскую словесность. Нѣсколько молодыхъ людей, большею частію университетскихъ воспитанниковъ, получали почти все, что въ изящной словесности выходило въ Германіи, переводили повѣсти и драматическія сочиненія Коцебу, пересаживали, какъ умѣли, на русскую почву цвѣты поэзіи Виланда, Шиллера, Гёте, и почти весь тогдашній новѣйшій нѣмецкій театръ былъ переведенъ ими; многое принято было на театрѣ московскомъ. Корифеями сего общества были Мерзляковъ, Ан(дрей) Т(ургеневъ). Дружба послѣдняго съ Ж(уковскимъ) не была безплодна для юнаго генія. Она увѣковѣчена въ посвященіи памяти его перваго и превосходнаго перевода поэта“ [159]. Итакъ, главными дѣятелями въ обществѣ были, съ одной стороны, строгій *классикъ* Мерзляковъ, настаивавшій на необходимости теоріи изящныхъ наукъ, какъ „Аріадниной нити въ лабиринтѣ юродствующаго воображенія“, съ другой Андрей Тургеневъ, пламенный поклонникъ поэзіи Гёте. Была живая связь, соединявшая семью Тургеневыхъ съ нѣмецкою литературою. Изъ Цюриха 27-го сентября 1827 года Александръ Тургеневъ пишетъ брату Николаю: „Мысль моя летала въ минувшемъ, которое ближе моему сердцу. Я думалъ о Лафатерѣ, коего любилъ батюшка и Иванъ Владиміровичъ, какъ въ Камбре думалъ о Фенелонѣ, думалъ о родственникѣ Лафатера Тоблерѣ, который былъ *не столько учителемъ, сколько другомъ* нашимъ, т.-е. брата Андрея, ибо я еще не зналъ

цѣну ему; но сохранилъ всѣ его письма къ брату, котораго онъ любилъ и разставшись съ нимъ [160]. Жуковскій зналъ и долго помнилъ Тоблера, уѣхавшаго въ Швейцарію въ 1815 году („Русскій Архивъ“ 1864 г., вып. 4-й, стр. 462). Весною 1781 года Тоблеръ пріѣхалъ въ Веймаръ съ рекомендательнымъ письмомъ отъ Лафатера къ Гёте и очень понравился великому поэту [161]. Андрей Тургеневъ, подъ руководствомъ такого воспитателя, рано оцѣнилъ геній Гёте и „на 16-лѣтнемъ возрастѣ“ написалъ къ портрету его слѣдующіе стихи:

Свободнымъ геніемъ натуры вдохновенный
Онъ въ пламенныхъ чертахъ ее изображалъ;
И въ чувствахъ сердца лишь законы почерпалъ
Закономъ никакимъ другимъ непокоренный“ [162].

Кто не признаетъ въ этомъ юношескомъ стихотвореніи Андрея Тургенева прототипа извѣстныхъ стиховъ Жуковскаго „Къ портрету Гёте“, написанныхъ въ 1821 году [163]?

Члены семьи Тургеневыхъ „съ дѣтства“ были знакомы съ Шиллеромъ и Маттисономъ [164].

„Письма Александра Ивановича къ Николаю Ивановичу“, изъ которыхъ мы заимствуемъ эти свѣдѣнія, содержатъ въ себѣ драгоцѣнныя данныя для біографіи Жуковскаго. Г. Загаринъ не воспользовался ими при составленіи своей монографіи.

Жуковскій, чувства котораго покрыты были „флеровою мантіею меланхоліи“, не скоро цѣнилъ „смѣлую свободу“ Гётевской поэзіи и, признавая, что геній Гёте былъ и для него „животворителемъ жизни“, высказывалъ впослѣдствіи (1827 г.) горькое сожалѣніе:

Почто судьба мнѣ запретила
Тебя узрѣть въ моей веснѣ?
Тогда душа бы воспалила
Свой пламень на твоемъ огнѣ;
Тогда бъ *вокругъ меня создался*
Иной *чудесно пышный* свѣтъ;
Тогда бъ и обо мнѣ остался
Въ потомствѣ слухъ: онъ былъ поэтъ [165].

Но около меланхолика уже создавался иной свѣтъ, и односторонность осталась характеристическою чертою поэзіи Жуковскаго...

III.

Главы V — X разбираемой книги (стр. 50 — 134) представляютъ крайне неопредѣленный образъ Жуковскаго въ одну изъ важнѣйшихъ эпохъ его жизни и развитія его литературныхъ воззрѣній и симпатій.—эпоху, когда, по смерти Андрея Тургенева, поэтъ предоставленъ былъ самому себѣ въ дальнѣйшемъ развитіи своего литературнаго дарованія, когда въ сердце Жуковскаго заронилась искра любви, вскорѣ развившаяся въ чистое, ровное пламя.

Обращая вниманіе только на тѣ немногіе стихотворные переводы Жуковскаго, которые перепечатаны въ седьмомъ изданіи его сочиненій, и ограничившись разборомъ трехъ - четырехъ переводныхъ статей, помѣщенныхъ Жуковскимъ въ „Вѣстникѣ Европы“, г. Загаринъ не могъ сообщить читателю вѣрной характеристики ни теоретическихъ воззрѣній поэта на изящное, ни литературныхъ его симпатій въ эту эпоху. Г. Загаринъ, имѣя въ виду *только* переведенныя Жуковскимъ изъ Флоріана *басни*, утверждаетъ, что поэта „привлекъ въ Флоріанѣ дидактизмъ“. Но какой же дидактизмъ могъ интересовать Жуковскаго въ повѣстяхъ Флоріана: „Вильгельмъ Тель“, „Розальба“ или въ Флоріановомъ „Донъ-Кихотѣ“? Трудно предположить, что выборъ для перевода „Вильгельма Теля“ и „Розальбы“ условливался не тогдашнимъ вкусомъ Жуковскаго, а случайнымъ заказомъ книгопродавца. Даже переводя, въ 1801 г., „Мальчика у ручья“ Коцебу, Жуковскій имѣлъ въ виду, „что это сочиненіе (въ то время) принадлежало автору, *любимому современнымъ обществомъ*“ [166]. Флоріанъ, съ которымъ Жуковскій познакомился еще въ „Пріятномъ и полезномъ препровожденіи времени“ и въ „Иппокренѣ“, нравился ему, какъ нравился и „современному обществу“. Г. Загаринъ характеризуетъ Флоріана такимъ образомъ: „По направленію Флоріанъ—моралистъ, по формѣ—идилликъ“. Вслѣдъ за этой блѣдной характеристикой г. Загаринъ дѣлаетъ неожиданно слѣдующее замѣчаніе: „Подъ вліяніемъ этого писателя Жуковскимъ написано въ 1803 году начало исторической повѣсти „Вадимъ Новгородскій“, помѣщенное въ „Вѣстникѣ Европы“

Карамзина“ (стр. 48). Но г. Загаринъ ничѣмъ не подтверждаетъ этого, какъ бы невольно вырвавшагося у него признанія о *вліяніи Флоріана* на первую повѣсть Жуковскаго и не считаетъ нужнымъ объяснить, какому произведенію Флоріана выпала у насъ такая завидная судьба. Справедливое замѣчаніе свое г. Загаринъ легко могъ бы доказать, если бы обратилъ вниманіе на книгу: „Вильгельмъ Тель или освобожденная Швейцарія. Сочиненіе Флоріана. Съ историческою картинкою и съ присовокупленіемъ новѣйшаго сочиненія сего автора подъ названіемъ: Розальба, сицилійская повѣсть“ (Москва. Въ сенатской типографіи у Селивановскаго, 1802). Переводъ этихъ сочиненій Флоріана принадлежитъ Жуковскому. Прототипъ Вадима—въ Вильгельмѣ Телѣ Флоріана. Вильгельмъ слышитъ отъ отца своего завѣтъ: „Естьли какой-нибудь тиранъ дерзнетъ возстать на пораженіе твоихъ согражданъ, умри, Вильгельмъ, умри за твою отчизну; смерть будетъ твоею славою“ (стр. 9). И Вадимъ въ то время, какъ „*иноплеменники* ругаются надъ безсиліемъ его отчизны, терзаютъ ее, какъ волки хищные свою добычу“ [167], внимаетъ словамъ отца, „убѣдительнымъ и сильнымъ; трепещетъ и хватается за мечъ, когда отецъ... говорилъ о славѣ, о подвигахъ *славянъ* храбрыхъ, изображалъ ихъ великодушіе, ихъ вѣрность въ дружбѣ, святое почтеніе къ обѣтамъ и клятвамъ“ [168]. „Воздавши послѣдній долгъ праху почтеннаго старца, вырывъ могилу ему *при корнѣ древней сосны*, у своей *хижины*, Вильгельмъ произнесъ клятву, которой никогда не преступалъ,—клятву, каждый вечеръ, *уединясь къ священной сей гробницѣ*, воспоминать на ней всѣ дѣла и мысли свои въ теченіе дня и вопрошать отца своего, доволенъ ли онъ своимъ сыномъ“ (стр. 9). Вадимъ также „украсилъ дерномъ *священную могилу*“ отца своего; она скрыта отъ взоровъ человѣческихъ“; „тамъ на сей *высокой горѣ*, окруженной *соснами, опѣняемой шумящимъ озеромъ* [169], угасъ старецъ и лежитъ около опустѣвшей *своей хижины*“. „Глыба земли, покрывшая нечувствительной пепелъ, *казалась мнѣ оживленною:* вечеръ и утро находили меня въ горести. Пустота хижины меня ужасала, безмолвіе лѣса приводило въ трепетъ; но я не могъ съ ними разстаться, не могъ покинуть того мѣста, въ которомъ все говорило мнѣ о незабвенномъ. Тѣнь его носи-

лась надо мною; таинственное молчаніе ночи возвѣщало ея присутствіе. Въ шорохѣ листьевъ, потрясаемыхъ вѣтромъ, я слышалъ голосъ знакомый, трогающій сердце“ [170]. Вильгельмъ Тель, „подобно сернѣ, *взбирался на крутые утесы*, переплывалъ широкія рѣки, *бѣгалъ по ледовитымъ вершинамъ*“ (стр. 11—12); „превозмогать трудности, *взбираться на крутизны, прыгать съ утеса на утесъ* Вадимъ почиталъ великою славою“ [171]. „Не было подобнаго Вильгельму въ стрѣляніи изъ лука“ (стр. 12—13); Вадимъ „стрѣлялъ изъ лука прежде въ цѣль, потомъ въ птицъ, а наконецъ его стрѣлы, мѣткою, сильною рукою пускаемыя, сдѣлались гибельны для звѣрей свирѣпыхъ“ [172].

Любопытно, что, по плану Жуковскаго, „Вадимъ Новгородскій“ долженъ былъ состоять изъ нѣсколькихъ „книгъ“, т.-е. и по формѣ оставаться вѣрнымъ „Вильгельму Телю“ Флоріана, раздѣленному на четыре „книги“. Самъ Вадимъ, его отецъ Родегастъ и другъ послѣдняго Гостомыслъ являются представителями древней свободы и независимости Новгорода,—новая черта сходства съ героями Флоріанова „Вильгельма Теля“. Жуковскій напечаталъ только *первую книгу* „Вадима Новгородскаго“. Неизвѣстно, почему осталось неоконченнымъ это произведеніе, которое открывается такимъ торжественнымъ воззваніемъ: „Оживись, пепелъ протекшаго! Тѣни *героевъ и великихъ!* возстаньте изъ гробовыхъ развалинъ! Явитесь, явитесь при блескѣ мѣсяца *въ грозномъ величіи!* Дерзаю *пѣть вашу славу, дерзаю сыпать цвѣты на мшистые камни могилъ вашихъ*“. Флоріанъ также называетъ свое сочиненіе „пѣснями“ и, по примѣру эпическихъ поэмъ, такъ излагаетъ въ самомъ началѣ „Вильгельма Теля“ предметъ этихъ пѣсенъ: „Друзья добродѣтели, великодушные смертные, всегда готовые умереть за свою независимость, дышащіе для блага человѣчества, склоните слухъ къ моимъ пѣснямъ! Пріидите внимать, какъ единый человѣкъ, рожденный въ странѣ дикой, посреди народа, согбеннаго подъ карающимъ жезломъ бѣдствій, однимъ своимъ мужествомъ воздвигнулъ снова падшій народъ сей, далъ новое существо ему и научилъ его знать свои *права, открытыя намъ самою натурою,* и толь долго скрываемыя отъ насъ злобою и невѣжествомъ.—Сей человѣкъ, сынъ природы, возвѣстилъ громогласно *законы своей*

матери, ополчился на поддержаніе ихъ, *возбудилъ* своихъ соотечественниковъ, *усыпленныхъ подъ бременемъ оковъ,* побѣдилъ, разсѣялъ воинства, противу ему поставленныя, и, въ вѣкѣ дикостей и непросвѣщенія, посреди утесовъ необитаемыхъ, соорудилъ святую обитель разсудку и, добродѣтели" (стр. 1—2). Такъ, въ „Вильгельмѣ Телѣ" Флоріана обычное обращеніе эпическаго „пѣвца" къ музѣ замѣнено обращеніемъ къ друзьямъ свободы. „Не призываю тебя въ часъ сей, небесная поэзія! (объясняетъ Флоріанъ). Пускай волшебная кисть твоя украшаетъ героевъ, которымъ нужны украшенія. Цвѣты твои обезобразятъ *моего* героя; вѣнецъ твой неприличенъ его челу угрюмому... Не дерзай коснуться его *мрачному величію,* оставь ему простую его одежду и неукрашенный лукъ его... Слѣдуй издали по стопамъ его и робкою рукою *разсыпай* дикіе *цвѣты* шиповника на путіи, по которому проходитъ онъ" (стр. 2—3). Повидимому, Вадимъ Жуковскаго одушевленъ тѣми же „мечтами", которыя осуществляетъ Вильгельмъ Флоріана: „онъ воображалъ себя *гражданиномъ* великаго Новгорода, воиномъ, побѣдителемъ, видѣлъ Гостомысла въ его величіи, грознымъ полководцемъ; видѣлъ славянъ, благословляющихъ память изгнанника Родегаста... славу, благоденствіе могущаго народа, ужасъ враговъ его" [173]. Въ 1802 году, занимаясь переводомъ Флоріанова „Вильгельма Теля", Жуковскій увлекался этимъ вольнолюбивымъ героемъ и, слѣдуя литературному преданію русскому XVIII вѣка, видѣлъ въ Гостомыслѣ и Вадимѣ защитниковъ республиканской свободы великаго Новгорода и пытался „воспѣть славу этихъ героевъ". Вспоминая въ 1806 году „Дружеское Литературное общество" 1801—1802 годовъ, когда душою его былъ Андрей Тургеневъ, Жуковскій скорбитъ о расторженіи этого союза:

О братья, о друзья! *гдѣ нашъ священный кругъ?*
Гдѣ пѣсни пламенны и музамъ, и *свободѣ?*
И гдѣ же вы, друзья?...
Одинъ [174]—минутный цвѣтъ—почилъ и непробудно,
И гробъ безвременный любовь кропитъ слезой.
Другой... о небо правосудно [175].

Печатая *первую* часть „Вадима Новгородскаго" въ „Вѣстникѣ Европы" 1803 года, Жуковскій посвящаетъ ее памяти „недавно

умершаго" Андрея Тургенева. Продолженія „Вадима" не было [176]. Прошло около четырнадцати лѣтъ со времени напечатанія „Вадима Новгородскаго". Къ душѣ поэта тѣснилась снова *„съ толпой знакомыхъ привидѣній"* мечта,

Воздушная подруга юныхъ дней...

Поэтъ наслаждается воспоминаніями прошлаго. Къ мечтѣ, своему благодатному генію, онъ обращается съ словами:

Ты *образы веселыхъ лѣтъ* примчала—
И много милыхъ пѣсенъ возстаетъ;
И то, чѣмъ жизнь столь нѣкогда плѣняла,
Что Рокъ, отнявъ, назадъ не отдаетъ,
То все опять душа моя узнала;
Проснулась Скорбь, и Жалоба *зоветъ*
Сотутниковъ, съ пути сошедшихъ прежде,
И здѣсь вотще повѣрившихъ надеждѣ.

Такимъ элегическимъ обращеніемъ къ прошедшему сопровождаетъ Жуковскій появленіе въ свѣтъ баллады „Вадимъ" [177], составляющей вторую часть „Двѣнадцати спящихъ дѣвъ".

Къ нимъ не дойдутъ *послѣдней пѣсни звуки,*

т.-е. баллады „Вадимъ". Что же разумѣетъ поэтъ подъ *первою* пѣснію: „Громобоя" или „Вадима Новгородскаго"? Мы думаемъ, что Жуковскій имѣлъ въ виду второе произведеніе. На это указываютъ слѣдующіе стихи, въ которыхъ повторяется только-что приведенная нами изъ стихотворенія „Вечеръ" жалоба:

Разсѣянъ *кругъ*, гдѣ первую я пѣлъ;
Не встрѣтятъ ихъ (звуковъ новой пѣсни) простертыя къ нимъ руки.
Прекрасный сонъ ихъ жизни улетѣлъ;
Другихъ умчалъ могущій духъ разлуки:
Счастливый край, ихъ знавшій, опустѣлъ;
Разбросаны по всѣмъ дорогамъ міра!...

Поэтъ, очевидно, вспоминаетъ не о своемъ домашнемъ кружкѣ „милыхъ", переселившихся въ Дерптъ, а о кружкѣ „Дружескаго литературнаго общества", изъ котораго вырванъ былъ смертію Андрей Тургеневъ, и члены котораго изъ „счастливаго края

(Москвы) разбрелись по всѣмъ дорогамъ міра". Вадимъ баллады все тотъ же Вадимъ Новгородскій:

Въ великомъ Новградѣ Вадимъ
Плѣнялъ всѣхъ красотою.[178]
И дерзкимъ мужествомъ своимъ,
И сердца простотою.
Его утѣха по лѣсамъ
Скитаться за звѣрями;
Ужасный вепрямъ и волкамъ
Разящими стрѣлами . . . .[179].

Но мечты Вадима повѣсти теперь (въ балладѣ) измѣнились:

Въ немъ скорбь о неизвѣстномъ,
Стремленье вдаль, любви тоска,
Томленіе разлуки[180].

И Вадимъ баллады является освободителемъ не родины отъ ига иноплеменниковъ, а двѣнадцати спящихъ дѣвъ. Такъ измѣнился идеалъ поэта въ періодъ времени съ 1802 по 1817 годъ. Не-много уцѣлѣло въ Вадимѣ баллады отъ Флоріанова Вильгельма Теля...

Но въ 1802 г. Флоріанъ занималъ Жуковскаго. Кромѣ „Вильгельма Теля", переводчикъ „Сельскаго кладбища" перелагаетъ на русскій языкъ и „новѣйшее сочиненіе Флоріана"—сицилійскую повѣсть „Розальба". Одно изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ повѣсти — „колдунья-жидовка". Герцогиня Розальба проситъ у нея совѣта, какъ возвратить утраченную любовь горячо любимаго ею мужа. Жидовка знаетъ только одно средство къ тому: „За полмили отъ Палермы, на Карліонской дорогѣ находится небольшая часовня, окруженная глубокимъ рвомъ; деревянный мостъ ведетъ къ часовнѣ, вокругъ которой сдѣланъ изъ камней подмостокъ, шириною въ полфута. Надъ нимъ вѣсятъ на стѣнѣ тѣла преступниковъ, судимыхъ въ Палермѣ. Они остаются тамъ до тѣхъ поръ, пока не упадутъ въ ровъ, который служитъ имъ гробомъ. Естьли вы имѣете столько мужества или любви, чтобы итти къ часовнѣ одной, ночью, стать на подмостокъ и отрѣзать лѣвою рукою волосы у перваго трупа, который вамъ попадется; то я отвѣчаю за прочее. Но непремѣнно должны вы итти однѣ и въ самую полночь"[181]. Интересъ новеллы сосредоточивается

на разсказѣ объ этомъ страшномъ путешествіи. Будущему „балладнику“ рано начали нравиться подобные разсказы.

Г. Загаринъ не останавливается на этихъ раннихъ переводахъ, на первыхъ литературныхъ авторитетахъ Жуковскаго, не отказывая, впрочемъ, Флоріану во *„вліяніи“* на первую оригинальную повѣсть нашего поэта. Между тѣмъ Флоріанъ еще долго продолжалъ пользоваться симпатіями и вниманіемъ Жуковскаго. Послѣдній печатаетъ въ 1805 году свой переводъ Флоріанова „Донъ-Кихота“. Объ этомъ трудѣ Жуковскаго г. Загаринъ говоритъ: „Позднѣе, по заказу Платона Петровича Бекетова, имѣвшаго свою превосходную типографію, перевелъ онъ „Донъ-Кихота“ съ *перевода Флоріанова*. Переводъ этотъ былъ изящно изданъ въ 1804—1806 годахъ съ картинками и двумя портретами—Сервантеса и Флоріана, въ шести небольшихъ томахъ. Въ переводѣ были хорошо переданы пословицы Санхо-Пансы, и стихи романсовъ обратили вниманіе своими достоинствами“ (стр. 51). Въ третьемъ „приложеніи“ (стр. XVIII—XXXIX) г. Загаринъ перепечатываетъ нѣсколько главъ изъ этого перевода. На заглавномъ листѣ „Донъ-Кихота“ въ переводѣ Жуковскаго дѣйствительно стоитъ: „Переведено съ французскаго Флоріанова *перевода“;* но г. Загарину достаточно было прочесть хотя Флоріаново предисловіе къ этой книгѣ, переведенное Жуковскимъ, чтобы убѣдиться, что Флоріанъ не *перевелъ*, а передѣлалъ „Донъ-Кихота“. Замѣчательно, что это знаменитое произведеніе Сервантеса, которое было въ особенномъ уваженіи у нѣмецкихъ романтиковъ начальнаго періода романтической школы [182], переведено Жуковскимъ не съ нѣмецкихъ, болѣе точныхъ переводовъ „Донъ-Кихота“, а съ *передѣлки* Флоріана. „Je me hâte de convenir (пишетъ французскій переводчикъ „Донъ-Кихота“) que l'on peut être rebuté par quelques plaisanteries prolongées ou répétées, par quelques tableaux peu agréables. *Cervantes n'a pas toujours échappé au goût de son siècle, et celui de sa nation n'est pas en tout point ressemblant au nôtre...* [183] N'espérant point faire passer dans *ma langue les continuelles beautés qui compensent si fort ces taches légères*, j'ai cru devoir les affoiblir, *en adoucissant certaines images*, en changeant quelquefois des vers *trop éloignés de notre goût*, sur-tout en supprimant les répétitions, *et abrégeant des digressions, neuves sans*

doute lorsqu'elles parurent, mais devenues aujourd'hui communes, enfin en serrant beaucoup les récits et suppléant par la rapidité à des ornements que je ne pouvois rendre“ [184]. Руководствуясь этими соображеніями, Флоріанъ „сократилъ“ „Донъ-Кихота“. Французскій писатель высказываетъ такую надежду: „Les personnes tolérantes, qui n'exigent pas que tout traducteur se *dépouille* de *son* bon sens et de *son* goût, peuvent s'en rapporter à mon amour pour Cervantes de *l'extrême attention* que j'ai mise à ne retrancher de son ouvrage que ce qui n'auroit pas semblé digne de lui dans le mien“ [185].

Русскій переводъ *еще болѣе свободной передѣлки* [186] „Галатеи“ Сервантеса тѣмъ же Флоріаномъ уже помѣщенъ былъ въ „Пріятномъ и полезномъ препровожденіи времени“. Уже современникъ Флоріана, М. Ж. Шенье, рѣзко порицалъ ту манеру переводить, которую Флоріанъ ириложилъ къ „Донъ-Кихоту“. „Къ несчастью онъ (Флоріанъ) желаетъ сокращать и всѣ другія (кромѣ стихотворныхъ пьесъ) части произведенія; но онъ часто сокращаетъ красоты, уничтожаетъ геніальное,—а не въ этомъ состоитъ вѣрность перевода. Онъ охлаждаетъ пламень Сервантеса; комикъ обильный и искренній вездѣ является скуднымъ и сдержаннымъ. Невольно жалѣешь о старомъ переводчикѣ, который иногда травестируетъ, но, по крайней мѣрѣ, не изувѣчиваетъ своего оригинала, желая его усовершенствовать“ [187]. Но объ этомъ старомъ переводчикѣ „Донъ-Кихота“ на французскій языкъ,—переводчикѣ, который всего болѣе старался быть вѣрнымъ оригиналу, Флоріанъ отзывается очень невыгодно. „Знаю (говоритъ онъ) что не всѣ французы читаютъ его („Донъ-Кихота“) съ одинакимъ удовольствіемъ—причина тому одинъ весьма посредственный переводъ на языкѣ нашемъ, *въ которомъ потеряна вся красота подлинника.* Мнѣ кажется, переводчикъ почиталъ „Донъ-Кихота“ обыкновеннымъ романомъ, который только что забавенъ. Онъ переводилъ каждое испанское слово французскимъ, первымъ попадавшимся ему въ лексиконѣ, безъ выбора и сравненія: конечно, забылъ онъ, что въ родѣ комическомъ никакое слово не имѣетъ синонима, что только *одно* хорошо, а всѣ *другія* негодны. Читая стихи въ переводѣ, подумаешь, что они въ оригиналѣ смѣшны и дурны: вмѣсто того почти всѣ пріятны,

хотя немного натянуты; но Сервантъ писалъ для своей націи, которой вкусъ не сходенъ съ нашимъ. Переводчикъ, писавшій для насъ, долженъ былъ, *сохраняя мысли автора, ослаблять* нѣкоторыя выраженія, иное *смягчать, и пуще всего писать плавнымъ и чистымъ языкомъ*. Онъ, кажется, думалъ больше о вѣрности; но рабская вѣрность есть порокъ. Въ „Донъ-Кихотѣ" встрѣчаются излишки, *черты худаго вкуса*, — для чего ихъ не выбросить? Кто это назоветъ невѣрностью? Когда переводишь романъ, и тому подобное, то *самой пріятной переводъ есть конечно и самой вѣрной*" [188]. Этому взгляду Флоріана на достоинства перевода, на обязанности переводчика рано подчинился Жуковскій и оставался ему вѣренъ долгое время. Этотъ взглядъ проводится въ статьѣ „О переводахъ вообще и о переводахъ стиховъ въ особенности", переведенной Жуковскимъ съ *французскаго* и напечатанной въ „Вѣстникѣ Европы" 1810 года (№ 3) [189]. Изложенныя здѣсь правила, какъ переводить стихи стихами [190], совершенно совпадаютъ съ вышеприведенными положеніями Флоріана, и авторъ статьи, вполнѣ послѣдовательно, ставитъ очень высоко „*Гомера*, переведеннаго Попе" (стр. 37). „Самый *пріятный переводъ* есть, конечно, и самый вѣрный", утверждаетъ Флоріанъ. Переводная статья Жуковскаго „О переводахъ" вторитъ этому требованію: „Всего болѣе переводъ долженъ быть вѣренъ гармоніи, которой, смѣю сказать, можно иногда жертвовать и точностью, и силою. Поэзія то же, что музыкальный инструментъ, *въ которомъ вѣрность звуковъ должна уступить ихъ пріятности*" [191]. Конечно, эти взгляды на переводъ примѣняются только къ поэтическимъ произведеніямъ. „Переводчикъ въ прозѣ (говоритъ Жуковскій) есть рабъ; переводчикъ въ стихахъ — *соперникъ*... Подражатель, не будучи изобрѣтателемъ въ цѣломъ, долженъ быть имъ непремѣнно *по частямъ;* прекрасное рѣдко переходитъ изъ одного языка въ другой, не утративъ нисколько своего совершенства: что же обязанъ дѣлать переводчикъ? Находить у себя въ воображеніи такія красоты, которыя бы могли *служить замѣною*, слѣдовательно, *производить собственное, равно превосходное*" [192]. Усвоивая взглядъ Флоріана на требованія, которымъ долженъ удовлетворять переводчикъ поэтическихъ произведеній, Жуковскій оставался вѣренъ воззрѣнію на этотъ

предметъ Карамзина, который выбралъ эпиграфомъ для своего „Пантеона Иностранной Словесности“ слѣдующіе стихи Лебрёна:

Gardez-vous bien du mot à mot:
Horace et *le Goût le renie,*
Tout pédant traduit comme un sot.
C'est la grace, c'est l'harmonie
Que doit rendre un libre Génie.
Le plus fidèle traducteur
Est celui qui semble moins l'être:
Qui suit pas à pas son auteur
N'est qu'un valet qui suit son maître.

Изображая личность Жуковскаго, разбирая многія его произведенія и сличая ихъ съ *источниками* г. Загаринъ совершенно не задается вопросомъ: какъ же смотрѣлъ самъ Жуковскій на задачу переводчика? какъ слагались и измѣнялись ли его собственные взгляды на эту задачу? Не здѣсь ли таится объясненіе того, что переводы Жуковскаго заключаютъ *такъ много своего,* что большую ошибку дѣлаютъ тѣ, кто думаетъ по этимъ переводамъ знакомить съ литературою иностранною“ (какъ думаетъ г. Загаринъ, стр. V)? Въ переводѣ Жуковскимъ „Рустема и Зораба“ не чувствуется ли еще Флоріанова манера переводить?

Какъ бы то ни было, г. Загарину необходимо было объяснить взглядъ на отношеніе переводчика къ оригиналу самого Жуковскаго,—писателя, который, съ совершенною искренностію и въ полномъ сознаніи своего мѣста въ историческомъ развитіи русской поэзіи, говорилъ: „Если ему (сыну Жуковскаго Павлу Васильевичу) суждено быть поэтомъ, то онъ, вѣроятно, засунетъ родителя своего за поясъ и будетъ русскимъ *самобытнымъ поэтомъ, а не переводчикомъ, впрочемъ, весьма замѣчательнымъ, какъ его покойный родитель*“ [193].

Бекетовъ могъ „заказывать“ Жуковскому переводъ „Донъ-Кихота“, но и за Жуковскимъ оставалась, конечно, свобода перевести это произведеніе или съ нѣмецкаго, или съ французскаго перевода. Жуковскій обратился къ Флоріану: онъ находился въ это время подъ вліяніемъ французскаго „вкуса“, онъ слѣдовалъ Лагарпу. И какая громадная разница между переводомъ „Донъ-Кихота“ Флоріана и Тика! Діаметральная противо-

положность между взглядами Флоріана на задачи перевода и требованіями Фридриха Шлегеля отъ переводчика—„проникнуть въ сокровеннѣйшія *особенности* великаго духа“ [194]. Идеи романтической школы, въ указанное время, еще совершенно неизвѣстны Жуковскому или, по крайней мѣрѣ, совершенно не отражаются ни въ его оригинальныхъ, ни въ переводныхъ произведеніяхъ. „Библіотека Жуковскаго,—замѣчаетъ г. Загаринъ,—заключала въ себѣ (въ 1803 году) уже много книгъ, послужившихъ ему для самообразованія: „Энциклопедію“, *французскихъ, англійскихъ, нѣмецкихъ поэтовъ*, переводы древнихъ классиковъ, полныя собранія сочиненій Шиллера, Гердера, Лессинга“ (стр. 51). Это свѣдѣніе, не совсѣмъ точно выписанное изъ книги Зейдлица [195], ничего не объясняетъ въ развитіи литературнаго направленія Жуковскаго въ эту эпоху. Для объясненія хода этого развитія необходимо было разобрать переводы, напечатанные Жуковскимъ въ это время. Правда, г. Загаринъ сообщаетъ свѣдѣнія о *нѣкоторыхъ* изъ этихъ переводовъ, но эти свѣдѣнія отрывочны и поверхностны: изъ нихъ трудно вывести какое-либо вѣрное заключеніе о литературныхъ симпатіяхъ Жуковскаго въ это время: „Къ 1807 году (говоритъ г. Загаринъ) относится сотрудничество Жуковскаго въ „Вѣстникѣ Европы“. Съ 1808 г. онъ самъ становится его редакторомъ. Басни и другія стихотворенія изъ Флоріана, Лафонтена, Делиля, Томпсона и „Тоска по миломъ“ изъ Шиллерова „Пикколомини“ (сцена 7-я III акта) были напечатаны въ этомъ журналѣ“ (стр. 57). Двумя страницами выше г. Загаринъ замѣчаетъ: „Между тѣмъ Жуковскій не остановился на дидактизмѣ, который было привлекъ его въ Флоріанѣ. Поэтическая природа выручила его, и уже въ 1805 году мы видимъ его за изученіемъ *лучшихъ произведеній нѣмецкой* поэзіи“ (стр. 53). Изученіе „лучшихъ“ произведеній нѣмецкой поэзіи Жуковскимъ придется отодвинуть нѣсколько позднѣе того года, который указанъ г. Загаринымъ. Справедливо замѣтилъ г. Зейдлицъ, что еще въ 1807 г. Жуковскій „не владѣлъ вполнѣ нѣмецкимъ языкомъ“, что́ и обнаружилось въ переводѣ упомянутаго г. Загаринымъ романса Шиллера „Тоска по миломъ“ [196]. „Вѣстникъ Европы“ 1807 года богатъ переводами Жуковскаго изъ французскихъ авторовъ: Флоріана [197], Лафон-

тена [198], Делиля [199] и писателей, не названныхъ Жуковскимъ [200]. Издавая въ теченіе трехъ слѣдующихъ лѣтъ (1808—1810) „Вѣстникъ Европы", Жуковскій печатаетъ въ этомъ журналѣ слѣдующіе переводы съ французскаго: Отрывокъ изъ путешествія г-жи Жанлисъ въ Англію, О дружбѣ, О выгодахъ славы, Марія (повѣсть), Густавъ Обинье (повѣсть госпожи Флао), Разговоръ Сенъ-Реоля, Эпикура и т. д. (изъ Шанфора), Счастливая ложь, Первое движеніе, Истинное происшествіе, Кабудъ-путешественникъ, Нѣсколько мыслей о любви къ уединенію (изъ Шанфора), Два письма принца Де-Линя, Лютна, Цвѣты и сонъ, О переводахъ вообще и о переводахъ стиховъ въ особенности, Розы Мальзерба (изъ Бульи), Путешествіе Шатобріана въ Грецію и Палестину, Романическій любовникъ или веселость и старость (изъ Саразена), Образъ жизни и нравы рыцарей (изъ Шатобріана), Дорсанъ и Люція (изъ Жанлисъ), Взыскательность молодой женщины. Наконецъ, въ „Вѣстникѣ Европы" 1811 года Жуковскій помѣстилъ переведенныя имъ съ французскаго повѣсти: Аместанъ и Мелединъ, Необходимое и излишнее, Осада Амазіи. Избираемыя для перевода статьи критическаго содержанія (напр., статья „О переводахъ"), по основнымъ мыслямъ, согласны съ собственными теоретическими воззрѣніями Жуковскаго на тотъ же предметъ. Такъ въ „Разборѣ трагедіи Кребильйона Радамистъ и Зенобія, переведенной Висковатовымъ", Жуковскій проводитъ (въ 1810 году) тотъ же взглядъ на задачи переводчика [201], какой изложенъ и въ указанной переводной статьѣ „О переводахъ вообще и о переводахъ стиховъ въ особенности" („Вѣстникъ Европы" того же года, № 3). Уже профессоръ Шевыревъ сдѣлалъ очень вѣрное замѣчаніе о журнальной критикѣ Жуковскаго: „Въ тѣ самые годы, какъ онъ (Жуковскій) открывалъ новую сферу для русской поэзіи, — дѣйствуя, какъ журналистъ, — *въ критикахъ своихъ онъ обнаруживалъ основаніе теоріи французовъ и являлся ученикомъ Лагарпа*" [202]. Сравнивая трагедіи Вольтера, Корнеля и Расина, Жуковскій выражаетъ особенное сочувствіе первому и послѣднему: „Изъ трагедій Расиновыхъ выходишь *съ живѣйшею чувствительностію, въ расположеніи меланхолическомъ;* послѣ трагедій Вольтеровыхъ сердце поражено и воображеніе пылаетъ" [203]. Жуковскій очень высоко ставитъ даже второстепеннаго дра-

матическаго писателя Кребильйона [204]. Въ теоріи драматическаго искусства Лагарпъ—незыблемый авторитетъ для Жуковскаго [205]. Г. Загаринъ упоминаетъ мимоходомъ объ этихъ статьяхъ, гдѣ такъ опредѣленно высказался „французскій вкусъ“ Жуковскаго, но ограничивается при этомъ лишь слѣдующими замѣчаніями: „Только во второмъ году изданія Жуковскій помѣстилъ двѣ капитальныя статьи этого рода: „О баснѣ и басняхъ Крылова“ и „О критикѣ“. „Московскія записки“, вызванныя спектаклями пріѣзжавшей въ Москву знаменитой актрисы Жоржъ, были также неожиданною новостію для читателей „Вѣстника Европы“ Жуковскаго“. Правда, Жуковскій обнаруживаетъ уже въ это время знакомство съ статьею Лессинга „О баснѣ“, но Лессингъ заслоненъ передъ нимъ авторитетами ложно-классической школы. Онъ знаетъ басни Лессинга; онъ ставитъ ихъ наравнѣ съ тѣми, которыя сдѣлались однимъ изъ дѣйствительнѣйшихъ способовъ предложенія моральной истины для оратора или философа нравственнаго“ [206]; но онъ переводитъ басни изъ Флоріана. Онъ находитъ, что Лессингово раздѣленіе басни „нѣсколько натянуто“, хотя и ставитъ Лессинга въ число критиковъ, близкихъ къ его идеалу,—наравнѣ съ Лагарпомъ [207]. Съ ложно-классическою теоріею Жуковскій, несомнѣнно, познакомился въ классѣ своего пансіонскаго наставника Баккаревича; она могла быть поддерживаема въ немъ сотоварищемъ его по Дружескому Литературному обществу—Мерзляковымъ, помѣщавшимъ свои стихотворенія въ „Пріятномъ и полезномъ препровожденіи времени“ [208]. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, изучая произведенія Жуковскаго 1803 — 1810 годовъ, чувствуешь, что чья-то крѣпкая рука обращаетъ поэта къ ложно-классическимъ образцамъ. Дѣйствительно, *по выходѣ изъ пансіона,* но еще не поступивши на службу въ Москвѣ въ Соляную контору [209], Жуковскій сблизился съ человѣкомъ образованнымъ, обладавшимъ особенною способностію подчинять окружавшихъ его своему вліянію—Д. Н. Блудовымъ. Знакомство послѣдняго съ Жуковскимъ относится къ 1801 году. При коронаціи императора Александра I-го Блудовъ и Жуковскій были дежурными у раздачи или предъявленіи билетовъ при входѣ на Кремлевскую площадь [210]. Первое литературное произведеніе Блудова (шуточная

пѣсня „Объясненіе портнаго въ любви“) написано имъ обще съ Жуковскимъ [211]. Страсть къ французской сценѣ одушевляла Блудова; „Лагарпъ былъ его законодатель; и тутъ являлось его правовѣріе: роялизмъ былъ его политическою, а классики—литературною вѣрой“ [212]. Блудовъ вскорѣ сдѣлался другомъ Жуковскаго и его учителемъ въ поэзіи. Посвящая ему „Вадима“, Жуковскій имѣлъ право сказать:

Вадимъ мой росъ въ твоихъ глазахъ,
Твой вкусъ былъ мнѣ учитель;
Въ моихъ *запутанныхъ* стихахъ,
Какъ тайный вождь хранитель,
Онъ путь мнѣ къ цѣли проложилъ.. [213]

Въ 1816 году Жуковскій пишетъ Тургеневу (А. И.): „Ты, Карамзинъ, Вяземскій, Блудовъ (и нѣсколько милыхъ женщинъ)—вотъ мои судьи, противъ которыхъ нѣтъ апелляціи. Безъ мысли о вашемъ одобреніи не можетъ быть счастія“ [214]. Едва ли можно согласиться съ тою характеристикою литературныхъ симпатій Блудова, которую предлагаетъ г. Загаринъ на страницахъ 216—217 своей книги: „Гр. Блудовъ, вкусъ котораго былъ при этомъ учителемъ Жуковскаго, не принадлежалъ къ числу тѣхъ, которыхъ и воспитаніе, и обстоятельства жизни ставятъ лицомъ къ лицу съ средой народной. Воспитанный подъ руководствомъ эмигрантовъ, вращавшійся съ дѣтства среди того слоя московскаго общества, гдѣ чаще всего слышались рѣчи *о торжествѣ французскихъ энциклопедистовъ надъ предразсудками вѣка, вспоенный идеями литературъ французской, нѣмецкой и итальянской...*, жившій подъ руководствомъ Озерова, ужасавшійся въ басняхъ Крылова изображенію низкихъ предметовъ, — могъ ли графъ Блудовъ воспитать въ себѣ вкусъ къ народности?“ По словамъ Вигеля, Блудовъ, „выросшій, такъ сказать, въ теплицѣ заботливости матери, въ тѣсномъ кругу людей, ею избранныхъ“ уже въ ранней юности не чувствовалъ симпатій къ энциклопедистамъ: „вѣра съ ея тихими неземными наслажденіями... обхватила и проникла сію почти отроческую душу“... „Въ то время (т.-е. въ началѣ XIX столѣтія) невѣріе почиталось непремѣннымъ условіемъ просвѣщенія, и цѣломудріе юноши казалось вѣрнымъ признакомъ его слабоумія; и такъ Блудову предстояла

борьба не только съ самимъ собою, но и съ мнѣніемъ большинства людей. Онъ не хвастался своими чувствами, но и не скрывалъ ихъ“ [215]. Выраженіе г. Загарина: „вспоенный идеями литературъ французской, нѣмецкой и итальянской“, по своей неопредѣленности, ничего не можетъ характеризовать. Блудовъ дѣйствительно занимался итальянской литературой, и Жуковскій (въ 1817 г.) разсчитывалъ на его статью по этому предмету для литературнаго альманаха, который онъ предполагалъ издавать [216]. Интересовался ли Блудовъ нѣмецкою литературою въ такой же степени, какъ французскою и итальянскою, не знаемъ. Но нетрудно понять, чему могъ бы сочувствовать въ нѣмецкой литературѣ человѣкъ, который „могъ прочесть наизусть цѣлыя тирады, почти цѣлыя трагедіи Озерова и Расина, и которому въ этомъ случаѣ память не измѣняла до глубокой старости“ [217]. По-англійски Блудовъ „научился гораздо позднѣе, когда уже былъ совѣтникомъ посольства въ Лондонѣ“ [218]. Въ 1809 году Жуковскій смотрѣлъ на басни Крылова глазами Блудова. Въ числѣ недостатковъ басенъ Жуковскій отмѣчаетъ „нѣсколько выраженій, *противныхъ вкусу, грубыхъ*“... Выписавши стихи:

Вѣщуньина съ похвалъ вскружилась голова,
Отъ радости въ зобу духъ сперло,—

Жуковскій замѣчаетъ: „Едва ли это непріятное выраженіе: *въ зобу духъ сперло*, понравится людямъ, *привыкнувшимъ къ языку хорошаго общества*“. Приводятся и другіе примѣры выраженій, „противныхъ вкусу“ („Вѣстникъ Европы“ 1809, № 9, стр. 65). Вѣроятно, г. Загаринъ не обратилъ вниманія на эти замѣчанія Жуковскаго, потому что они были выкинуты авторомъ въ послѣдующихъ перепечаткахъ этой статьи и не вошли въ изданіе г. Ефремова. Сопричисленный къ лику романтиковъ, Жуковскій никогда не сходился съ ними въ оцѣнкѣ и пониманіи Шекспира: „Гамлетъ“ казался ему „чудовищемъ“, и онъ „не понималъ смысла этого чудеснаго урода“; шутки Шекспира казались Жуковскому грубыми и оскорбительными для вкуса, точно такъ же, какъ Блудова приводили въ ужасъ низкія картины Крылова. „Комическое французовъ мнѣ больше знакомо, нежели Шекспирово“: съ точки

зрѣнія французской драматической теоріи смотрѣлъ на Шекспира Жуковскій и никогда не раздѣлялъ романтическаго культа Шекспира, оставаясь въ убѣжденіи, что „тѣ, которые находятъ такъ много въ Гамлетѣ, доказываютъ тѣмъ болѣе собственное богатство мыслей и воображенія, нежели превосходство Гамлета“ [219]. Передавая разсказъ Жуковскаго о знакомствѣ съ Тикомъ, г. Загаринъ иронически замѣчаетъ: „Этотъ бѣсъ, знаменитый своимъ сценическимъ талантомъ (Тикъ), прикрывшись маскою любезности и искренняго добродушія, конечно, поглядывалъ на Жуковскаго, мысленно приравнивая его къ тѣмъ гармонически-плоскимъ писателямъ, которыхъ такъ любилъ щелкать въ своихъ произведеніяхъ“ (стр. 305). Если Тику дѣйствительно приходило въ голову то „приравниваніе“, которое приписываетъ ему г. Загаринъ, то онъ въ этомъ случаѣ въ значительной степени былъ правъ. Г. Загарину, конечно, извѣстно, кого щелкалъ Тикъ въ своихъ произведеніяхъ, а также и то, что выраженіе „harmonische Plattheit“ изобрѣтено было Фр. Шлегелемъ, и что этими словами знаменитый критикъ романтической школы окрестилъ направленіе старой берлинской литературной школы, во главѣ которой стоялъ старикъ Николаи (Неум, „Die romantische Schule“, 263); къ сожалѣнію, г. Загаринъ не замѣтилъ, что эти гармонически-плоскіе писатели, въ извѣстную пору жизни Жуковскаго, давали матеріалъ для переводовъ послѣдняго и заслоняли отъ него первыхъ двигателей романтической школы...

Г. Загаринъ мало обращаетъ вниманія на прозаическіе переводы Жуковскаго, помѣщенные имъ въ „Вѣстникѣ Европы“ 1807—1811 годовъ. Задавшись мыслію о „некроманіи“ Жуковскаго, г. Загаринъ останавливается лишь на немногихъ изъ нихъ и прежде всего на „діалогахъ о смерти“ Энгеля, помѣщенныхъ въ „Вѣстникѣ Европы“ 1807 года. Но темою поэзіи Жуковскаго въ эпоху, о которой мы говоримъ (1803—1811), не служитъ исключительная „некроманія“. Напротивъ, поэтъ мечтаетъ о простомъ, укромномъ уголкѣ, гдѣ бы онъ свободнѣе дышалъ, всѣмъ милымъ сердцу окруженный, и лирой духъ свой услаждалъ.

А вы, *друзья мои,* скорѣй
Сберитесь къ хижинѣ моей:
Тамъ въ мирѣ сердца благодатномъ
Нашъ вѣкъ, какъ ясный день, пройдетъ [220].

„Молодой человѣкъ (пишетъ Жуковскій въ 1803 г.) хотѣлъ бы кажется, всю натуру прижать къ своему сердцу. *Всюду летаютъ за нимъ мечты,* сіи метеоры воображенія... надежды, желанія волнуютъ его сердце; онъ вопрошаетъ судьбу;... самъ за нее отвѣчаетъ себѣ, *играетъ призраками и счастливъ*“ [221]. Въ этомъ „молодомъ человѣкѣ“ Жуковскій изображаетъ самого себя:

О, пламенныхъ сердецъ веселье и любовь,
О, прелесть тихая, *души очарованье,*
Поэзія! съ тобой
И скорбь, и нищета, и мрачное изгнанье —
Теряютъ ужасъ свой!
Въ тѣни дубравы надъ потокомъ,
Другъ Феба съ ясною душой,
Въ убогой *хижинѣ своей,*
Забывшій рокъ, забвенный рокомъ—
Поетъ, *мечтаетъ... и блаженъ* [222].

„Незнаемый славою, пѣвецъ природы стремится въ безмолвныя дубравы, обители меланхоліи; радости міра не прельщаютъ сердца“, утратившаго друга (Андрея Тургенева); но онъ благословляетъ свою хижину, *жилище спокойствія и свободы* [223].

Друзья, любите сѣнь родительскаго крова!
Гдѣжь счастье, какъ не здѣсь на лонѣ *тишины,*
Съ забвеніемъ суетъ, съ безпечностью свободы?... [224]
Мнѣ рокъ судилъ брести *невѣдомой стезей,*
Быть другомъ мирныхъ селъ, любить красы природы,
Дышать подъ сумракомъ дубравной *тишиной*
И, взоръ склонивъ на пѣнны воды,
Творца, друзей, любовь и счастье воспѣвать,—

думаетъ поэтъ о своемъ призваніи [225]. „Счастіе живетъ въ объятіяхъ природы, въ простотѣ и невинности нравовъ“ [226]. Жуковскій, безпечный другъ полей, нашелъ тишину подъ отческою сѣнью, въ кругу возлюбленныхъ [227], и прожилъ здѣсь три счастливые года, трудясь надъ образованіемъ своихъ племянницъ (1805 — 1807 года). Драгоцѣнныя подробности того образа жизни, который велъ здѣсь Жуковскій, остались въ тро-

гательномъ поэтическомъ письмѣ старшей племянницы къ Зейдлицу [228]. Этими подробностями не воспользовался г. Загаринъ, замѣтимъ мимоходомъ. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ этихъ лѣтъ писалъ Жуковскій въ своей повѣсти „Марьина роща“: „Можно ли забыть тѣ сладкія чувства, которыми животворится душа наша въ лучшіе годы жизни, съ которыми соединены всѣ наши *надежды* на счастье, которыми земля претворяется для насъ въ царство небесное“ [229]. Пріѣзжая на житье въ Москву, Жуковскій вращался въ кругу Карамзина. Въ этотъ кругъ входили: Дмитріевъ, „нашъ добрый смѣшной Василій Львовичъ“, Тургеневъ, Вяземскій, М. М. Солнцевъ [230]. Объ этомъ времени такъ вспоминаетъ Жуковскій:

> Я помню дни: *магически мечтою*
> *Былъ для меня тогда разубранъ свѣтъ*—
> Тогда, явясь, сорвалъ передо мною
> Покровъ съ поэзіи поэтъ [231].

Мечта и, родная сестра ея, надежда украшали жизнь въ глазахъ юноши, и мечтатель „посматривалъ на все, окружавшее его люльку, сквозь сонъ поэтическій“ [232].

Если „некроманія“ не была исключительною темою поэзіи Жуковскаго въ указанное время, то непонятно, почему изъ всѣхъ прозаическихъ переводовъ Жуковскаго г. Загаринъ останавливается только на „діалогахъ о смерти“ Энгеля и на отрывкѣ изъ Виланда „Неизъяснимое происшествіе“. Замѣтимъ прежде всего, что у Жуковскаго пора увлеченія Виландомъ, или, точнѣе сказать, „Агатономъ“ была, непродолжительна. Виландъ нравился Жуковскому только въ первые годы его литературной дѣятельности (1805—1810 гг.), когда онъ искалъ въ „Агатонѣ“ спасенія отъ крайней своей *мечтательности* [233]. Переводъ отрывка изъ Виландовой „Евѳаназіи“ Жуковскій сопровождаетъ примѣчаніемъ: „Здѣсь подъ именемъ Виллибальда говоритъ самъ Виландъ: нельзя, кажется, сомнѣваться *въ истинѣ его повѣствованія*. Виландъ никогда не былъ мечтателемъ. Онъ самъ, разсказывая повѣсть свою, *остается въ сомнѣніи*, хотя *увѣренъ совершенно, что она не вымышленная басня*“ [234]. Основная мысль Виландовой „Евѳаназіи“, очевидно, не была понята Жуков-

скимъ. Справедливо замѣчая, что книга Виланда „Евѳаназія или о жизни послѣ смерти“ издана была по случаю странной книги, которая не очень давно напечатана въ Лейпцигѣ докторомъ Вёцелемъ подъ названіемъ: „Извѣстіе о истинномъ, двукратномъ явленіи жены моей по смерти“,—Жуковскій не замѣчаетъ, какой идеѣ служитъ въ книгѣ Виланда переводимый имъ отрывокъ. Если Dr. Wötzel въ своей странной книгѣ увѣрялъ, что умершая жена явилась ему для того, чтобы сказать: „Карлъ! я безсмертна. Придетъ время, мы снова свидимся“,—то Виландъ, въ своей „Евѳаназіи“, разсказывая, чтобы „поглумиться“ [235] надъ Вецелемъ, подобныя же невѣроятныя повѣсти, имѣетъ въ виду убѣдить читателя, что „смерть полагаетъ конецъ всякому общенію и всякимъ отношеніямъ между умершими и живыми“, и что въ будущей жизни не останется никакого воспоминанія о жизни настоящей. Виландъ приходитъ къ заключенію, что человѣкъ въ настоящей своей жизни много могъ бы пріобрѣсть гуманности и истиннаго наслажденія жизнью, если бы сдѣлалось всеобщимъ „саддукейское вѣрованіе, что смерть полагаетъ конецъ всѣмъ нашимъ земнымъ отношеніямъ и связямъ“ [236]. Въ декабрѣ 1805 года Жуковскій съ восторгомъ, „какъ любовникъ о своей любовницѣ“, говоритъ объ „Агатонѣ“, въ 1-мъ изданіи котораго называется возвышенною идея, что человѣческому роду предназначено болѣе благородное существованіе, нежели настоящее земное [237]; въ 1808 году Жуковскій переводитъ отрывокъ изъ „Евѳаназіи“, гдѣ тотъ же Виландъ высказываетъ свое окончательное воззрѣніе на жизнь послѣ смерти: „индивидуальная жизнь совершенно угасаетъ съ смертію тѣла“ [238]... Не безъ основанія видятъ въ „Евѳаназіи“ отраженіе эпикурейскаго взгляда Шольe [239]. Переводя отрывокъ изъ этой книги, Жуковскій интересовался, конечно, не тенденціею книги, а только повѣстью о неизъяснимомъ происшествіи. Минула та переходная пора въ жизни Жуковскаго, когда онъ только-что начиналъ разбираться среди мало знакомыхъ ему произведеній нѣмецкой литературы, и Жуковскій оставилъ Виланда, чтобы къ нему не возвращаться. „У меня теперь,—пишетъ онъ фонъ-деръ-Бриггену въ 1847 г.,—отлегло сердце отъ Виланда; *онъ чисто язычникъ въ своей философіи и едва ли не епикуреецъ*. А его стихотворенія (не исключая

и Оберона) много яду пролили въ молодыя сердца, пробудивъ въ нихъ чувственность, которая пріобрѣтаетъ ужасную силу, будучи пропущена сквозь кубикъ поэзіи. Теперь Виландъ довольно забытъ, но многія изъ вредныхъ ядовитыхъ растеній, разросшихся на почвѣ настоящаго поколѣнія, родились изъ сѣмянъ, брошенныхъ его сладострастною музою“ [240].

Болѣе опредѣленныя симпатіи связывали въ указанную эпоху Жуковскаго съ Энгелемъ и сотрудниками его „Der Philosoph für die Welt“ [241]. Изъ этого сборника Жуковскимъ переведены и напечатаны въ „Вѣстникѣ Европы“ (а потомъ перепечатаны въ „Переводахъ“) слѣдующія статьи: „Смерть“ (разговоръ первый и второй) Энгеля [242], „Вольдемаръ“ его же [243], „Науки“ [244] профессора Эбергардта, „Два разговора о критикѣ“ Энгеля [245], „Улей“ Энгеля [246], „О нравственной пользѣ поэзіи (письмо Филалету)“ Энгеля [247], „Подарокъ на новый годъ“ Гарве [248]. Кромѣ того, въ „Вѣстникѣ Европы“ (1808—1810) напечатаны переведенныя Жуковскимъ статьи и повѣсти изъ Меркеля [249], Мозеса Мендельсона [250], Коцебу [251], Миллера и Морица. Вотъ новый рядъ писателей, изъ которыхъ любитъ переводить Жуковскій, мысли которыхъ воспроизводитъ въ своихъ сочиненіяхъ въ періодъ изданія имъ „Вѣстника Европы“ [252]: нѣкоторые изъ этихъ авторовъ уже давали матеріалъ для переводовъ Карамзина, другіе—для „Пріятнаго и полезнаго препровожденія времени“ и „Иппокрены“; уважался въ кружкѣ Тургенева изъ нихъ немного Шписъ, а болѣе Коцебу. Какой общій характеръ объединяетъ этихъ писателей? „Энгель (воспитатель Фридриха Вильгельма III),—замѣчаетъ г. Загаринъ,—принадлежалъ къ числу литераторовъ, усвоившихъ просвѣтительныя идеи извѣстнаго Николаи“ (стр. 57). Это справедливо. Переводы „діалоговъ о смерти“ Энгеля г. Загаринъ называетъ „первымъ обращеніемъ Жуковскаго къ источнику идей раціоналистическихъ“ (стр. 57). Энгеля и Виланда г. Загаринъ титулуетъ общепризнанными авторитетами того времени, ихъ же, Мендельсона и Морица причисляетъ къ „лучшимъ популярнымъ мыслителямъ Запада“. Но для кого же и когда Энгель или Мендельсонъ, не говоря уже о Морицѣ, были общепризнанными авторитетами? И если, въ извѣстное время, Энгель и Мендельсонъ были авторитетами или даже просто предме-

томъ симпатій Жуковскаго, то въ какомъ отношеніи могутъ подобныя симпатіи характеризовать нашего поэта? Неужели изъ этого обращенія Жуковскаго къ Энгелю, Мендельсону можно вывести только то заключеніе, что „некроманія“ нашего поэта встрѣчалась при построеніи имъ лучшаго изъ міровъ съ немалымъ затрудненіемъ, и что и средства его (при рѣшеніи „мучившихъ его вопросовъ“) были невелики?

Имена Энгеля, Гарве, Эбергардта, Мендельсона и Морица давно уже не были новостью для русскихъ читателей: имъ открыло путь въ русскую литературу перо Карамзина. Въ годы изданія „Московскаго Журнала“ (1791—1792) „Николаиты“—Энгель, Гарве, Эбергардтъ и Мендельсонъ—дѣйствительно были еще авторитетами въ общественномъ мнѣніи Берлина, хотя уже тогда въ самомъ Берлинѣ давно сложилась другая партія, восторгавшаяся поэзіею Шиллера и Гёте. Въ девяностыхъ годахъ XVIII вѣка пылала ожесточенная борьба между старою литературною школою Берлина, „Николаитами“, съ одной стороны, приверженцами поэзіи Шиллера и Гёте и двигателями романтической школы—съ другой. Давно началась эта борьба между „просвѣтителями, популярными философами“, группировавшимися около Николаи, и молодымъ поколѣніемъ писателей. Въ восьмидесятыхъ годахъ средоточіемъ новыхъ художественныхъ и литературныхъ стремленій въ Берлинѣ былъ домъ Рейхардта, съ которымъ находился въ близкихъ отношеніяхъ Филиппъ Морицъ, одинъ изъ самыхъ восторженныхъ почитателей Гёте, энергически распространявшій культъ его поэзіи. Восторженныя лекціи Морица объ образовательныхъ искусствахъ увлекали Тика и Вакенродера, раннихъ представителей нѣмецкаго романтизма[253]. Миновала блестящая пора дѣятельности Николаи и его сотрудниковъ, когда они съ энергіею и одушевленіемъ вводили въ обыденную жизнь идеи просвѣщенія и религіозной свободы и вели ожесточенную борьбу съ мнѣніями, предразсудками и суевѣріями, вредными для истиннаго христіанства и всего болѣе подававшими поводъ къ вольнодумству. „Послѣ отъѣзда Лессинга изъ Берлина (говоритъ одинъ изъ новѣйшихъ біографовъ Шлейермахера) Николаи ни минуты не сомнѣвался въ томъ, что онъ представляетъ собою интеллигенцію Берлина, и что за-

бота объ образованіи и просвѣщеніи Берлина составляетъ его призваніе. И вотъ онъ захватилъ въ свои руки прежде всего то, что̀ тогда называлось религіознымъ просвѣщеніемъ... Но въ рукахъ его и его друзей оно потеряло свойственныя ему безпристрастіе и здравую спокойную сдержанность. Они кривлялись, изображая собою правительственныхъ чиновниковъ просвѣщенія. Они переносили въ свою область извѣстную долю Фридрихова абсолютизма и мнили найти защиту просвѣщенія только въ тѣхъ формахъ, въ которыхъ правительство управляло имъ. Въ „Berlinische Monatschrift“ и въ „Allgemeine Deutsche Bibliothek“ учреждена была инквизиція противъ возникавшихъ во тьмѣ чувствованій, эстетическихъ и религіозныхъ, которыя не могли быть разгаданы обыкновеннымъ здравымъ смысломъ. Среди судей и совѣтниковъ коллегій, въ церковномъ вѣдомствѣ господствовало то же направленіе: представителями его были среди духовенства Теллеръ и Цёлльнеръ, въ учебномъ вѣдомствѣ—Гедике, въ литературѣ—рядомъ съ Николаи—Бистеръ, Энгель и Рамлеръ“ [254]. Въ старой литературной школѣ Берлина царила самая безотрадная проза; школа охвачена утилитарно-практическими тенденціями; сухой „здравый смыслъ“—ея руководитель и судья; полезность, цѣлесообразность—масштабъ при оцѣнкѣ литературныхъ явленій. Самоувѣреннымъ тономъ высказываютъ „просвѣтители“, надменные своею мудростью, свои пошлыя сентенціи, когда ихъ „здравый смыслъ“ сталкивается съ возбужденнымъ чувствомъ, съ воспламененною фантазіею романтиковъ [255]. И вотъ въ девяностыхъ годахъ прошлаго вѣка кипитъ борьба послѣднихъ съ старымъ литературнымъ направленіемъ,—борьба, уже подготовленная берлинскими кружками, въ родѣ Рейхардтова, и еще болѣе литературными собраніями въ салонахъ богатыхъ и даровитыхъ евреекъ, увлеченныхъ поэзіею и Гёте и радушно принявшихъ въ свой кругъ молодыхъ романтиковъ. Остановимся на тѣхъ герояхъ этой литературной борьбы, которые привлекли къ себѣ Жуковскаго въ указанное выше время.

Энгель, управлявшій нѣкогда берлинскимъ театромъ, выставилъ возмутившую А. В. Шлегеля „ложную теорію“, что для драматической поэзіи возможна одна только *прозаическая форма*. Ссылаясь въ подтвержденіе своего взгляда на Дидро, Энгель, утвер-

ждалъ что греческая драма развилась не столь естественно, какъ другіе виды поэзіи, и что если бы греки успѣли въ усовершенствованіи формы трагедіи, то непремѣнно пришли бы къ прозѣ. Ратуя за прозаическую форму драмы, Энгель заявлялъ противникамъ, что большинство націи на его сторонѣ. Таковъ былъ дѣйствительно вкусъ заключеннаго въ тѣсныхъ гражданскихъ формахъ берлинскаго общества: мѣщанская драма была его любимымъ родомъ пьесъ. Теорія Энгеля, враждебная Шекспиру, содѣйствовала упроченію на берлинскомъ театрѣ „семейной драмы". Иффландъ и Коцебу въ девяностыхъ годахъ были любимцами берлинской публики. Приступая къ переводу Шекспира, А. В. Шлегель призналъ необходимымъ опровергнуть „ложную теорію" Энгеля [256]. Въ 1795 году послѣдній принимаетъ участіе въ журналѣ Рейхардта и Мейера „Berlinisches Archiv der Zeit", въ которомъ, по словамъ Гайма, ярко отражается низкій уровень тогдашняго литературнаго образованія Берлина: „журналъ проникнутъ духомъ самаго жалкаго модерантизма. Издатели открыто признаютъ себя покорными слугами публики, вкусу которой обѣщаются угождать". Они выставляютъ на видъ свою „скромность" и выражаютъ увѣренность, что при сообщеніи политическихъ событій „не поставятъ въ затрудненіе просвѣщеннаго цензора" [257]. Вскорѣ по вступленіи на престолъ Фридриха-Вильгельма III кружокъ берлинскихъ писателей приступаетъ къ изданію новаго журнала „Jahrbücher der preussischen Monarchie unter der Regierung Friedrich Wilhelm's III". Гаймъ такимъ образомъ характеризуетъ это изданіе: „оно должно было шагъ за шагомъ сопровождать это правленіе и давать новую пищу тому пламени патріотизма, которое, само собою разумѣется, всего ярче пылало въ столицѣ. На первомъ планѣ—король и его высокій домъ, на второмъ—государство, воспринимающее духъ правителя въ законы и управленіе и отражающееоный въ своемъ блаженствѣ... Личный культъ короля проходитъ по всѣмъ листамъ изданія" [258]. Самыя обширныя „резонирующія" статьи принадлежатъ въ этомъ изданіи Энгелю, Граве и Эбергардту. Энгель, „современный Цицеронъ", какъ его называли тогда, подкупалъ читателей красотою изложенія; Меркель противопоставлялъ его Гёте и романтикамъ. Но въ девяностыхъ годахъ авторитетъ Эн-

геля какъ писателя уже потрясаемъ былъ романтиками. Третья часть его „Свѣтскаго философа“ вызвала въ „Атенеѣ“ Шлегелей (въ 1800 году) жестокую критику Шлейермахера. Здѣсь знаменитый сотрудникъ „Фрагментовъ“ Шлегеля выставилъ предположеніе, что почти все напечатанное въ новой части „Свѣтскаго философа“ взято безъ всякихъ перемѣнъ изъ старыхъ бумагъ: этакою стариною вѣетъ отъ ея автора, такія устарѣлыя, покончeнныя дѣла выноситъ онъ на Божій свѣтъ. Книга производитъ такое впечатлѣніе, какъ-будто Энгель, Богъ знаетъ, сколько лѣтъ спалъ и теперь, не успѣвши промыть себѣ глазъ и нѣсколько осмотрѣться, тотчасъ продолжаетъ свою рѣчь. Даже относительно композиціи мелкихъ статей трудно, по мнѣнію Шлейермахера, найти что-нибудь хуже статей этой части „Свѣтскаго философа“; Энгель—виртуозъ въ разсказѣ анекдотовъ и въ построеніи отдѣльныхъ періодовъ. Энгель и Рамлеръ осмѣиваются братьями Шлегелями и ихъ друзьями въ „Fragmenten“, „Notizen“ и особенно въ „Litterarischer Reichsanzeiger“. Пріятель Геллерта, и Вейссе Гарве, этотъ Anmerkungsphilosoph, какъ называлъ его Шлейермахеръ, благосклонно отзывался о Шлегелевомъ переводѣ Шекспира, но отказывался признать вполнѣ художественнымъ произведеніемъ „Wilhelm Meister's Lehrjahre“. Въ „Фрагментахъ“ „Атенея“ замѣчено: „Wenn Nichts zu viel so viel bedeutet als Alles ein wenig, so ist Garve der grösste deutsche Philosoph“. Отдавая справедливость нравственному характеру Гарве и свѣтлымъ сторонамъ его научныхъ и литературныхъ стремленій, Шлейермахеръ тѣмъ не менѣе совершенно унижалъ произведенія Гарве, утверждая, будто въ томъ, что̀ Гарве произвелъ въ области философіи, или, скорѣе, мышленія, обнаруживается борьба честной воли съ слабымъ умомъ и ничтожнаго духа съ великими предметами. То, что̀ въ его мышленіи представляется на первый взглядъ чѣмъ-то великимъ, превращается, при первомъ прикосновеніи, въ безконечно-малое... Всѣ его сочиненія (заключаетъ Шлейермахеръ) представляютъ какъ бы изліянія неистощимаго хаоса глупости и Unphilosophie.

Другъ Николаи и Мендельсона, сотрудникъ „Jahrbücher“, Эбергардъ, бывшій въ Галле наставникомъ Шлейермахера, пользовался уваженіемъ послѣдняго. Но романтики не оставили въ

покоѣ и этого приверженца школы Николаи. Въ прибавленіяхъ къ одной изъ тетрадей „Атенея“ печатается медицинское объявленіе, въ которомъ восхваляется изготовляемая въ лабораторіяхъ Николаи „Antiphilosophische Latwerge“; наставленія объ употребленіи ея не нужны, но при этомъ средствѣ съ большой пользой могутъ быть употребляемы сочиненія господъ Шваба и Эбергарда, *„какъ потогонныя средства“*.

Гарлибъ Меркель былъ предметомъ презрѣнія новой школы нѣмецкой поэзіи. Въ послѣдніе годы царствованія Фридриха Великаго явилась въ Берлинѣ цѣлая литература сатиръ, памфлетовъ, ожесточенныхъ нападокъ; она носила на себѣ характеръ мелочности и нисходила до сплетенъ о частной жизни лицъ. Изъ этой литературы выросъ Гарлибъ Меркель, который вмѣстѣ съ Фалькомъ подвергъ своему разбору частную жизнь писателей молодаго поколѣнія: Фридриха Шлегеля, Шлейермахера, Тика [259]. Въ надѣлавшемъ въ свое время шуму изданіи (1800—1803) „Briefe an ein Frauenzimmer über die neuesten Producte der schönen Literatur in Deutschland“ Меркель излагалъ свои эстетическіе взгляды и рѣзко осуждалъ Гёте и романтиковъ. Излагая программу этого изданія, Меркель заявляетъ, что онъ будетъ обсуждать безпристрастно и безъ страха всѣ новѣйшія произведенія изящной нѣмецкой литературы. Меркель обѣщалъ называть по именамъ безвкусіе и высокомѣріе, хотя бы въ нихъ пришлось обвинять одного любимаго читающимъ міромъ писателя (Гёте) и поднять противъ себя цѣлое гнѣздо осъ — извѣстныхъ эстетическихъ пасквилянтовъ (романтиковъ). Письма Меркеля направлены противъ Гёте и его почитателей, противъ Шлегеля, Тика, Бернгарди, Новалиса, Фихтѐ и Шеллинга. Здѣсь произведенія романтиковъ называются „безвкусными, дѣтскими, безнравственными“, ихъ эстетика и критика—„безсмысленною, пристрастною, высокомѣрною“. Пособниками Меркеля въ ругательствахъ и пасквиляхъ на Гёте и романтиковъ явился Коцебу. Вмѣстѣ съ авторомъ „Гиперборейскаго осла“ Меркель издаетъ съ 1804 г. журналъ „Der Freimüthige, oder Ernst und Scherz“: цѣль его — низвести Гёте съ пьедестала и сдѣлать романтиковъ смѣшными, презрѣнными въ глазахъ читателей. Въ пьесѣ „Гиперборейскій оселъ“ Коцебу

осмѣиваетъ теоретическія и практическія тенденціи Шлегелей. Меркель уже торжествуетъ побѣду надъ ненавистными братьями, объявляя, что Коцебу однимъ ударомъ уничтожитъ Шлегелей. А. В. Шлегель отвѣчаетъ книгою „Ehrenpforte und Triumphbogen für den Theater-Präsident von Kotzebue“. Образуется цѣлая литература, направленная противъ Меркеля [260].

Іоганнъ Миллеръ рано привлекъ на себя вниманіе Жуковскаго и остался для него авторитетомъ на всю жизнь. Сотрудникъ Николаи, Іоганнъ Миллеръ называлъ издателя „Всеобщей нѣмецкой библіотеки“ „опекуномъ *доброй* нѣмецкой литературы“. Въ письмѣ къ Николаи Миллеръ оправдывается въ обвиненіи, будто въ своей „Исторіи Швейцаріи“ онъ подражалъ слогу Тацита. Но Миллеръ рано увлекся Гердеромъ. Многосторонняя ученость, усидчивость, воспріимчивость поэтическая доставила ему видное мѣсто въ европейской исторіографіи. Миллеръ возстановилъ историческое значеніе среднихъ вѣковъ, къ которымъ съ такимъ презрѣніемъ относились „просвѣтители“; онъ первый оцѣнилъ поэтическое и историческое значеніе сѣверной „Иліады“ — „Нибелунговъ“. Понятно, что романтики отзывались о немъ восторженно [261].

Мы полагали необходимымъ припомнить приведенные факты изъ исторіи нѣмецкой литературы конца XVIII и начала текущаго столѣтія, чтобы съ одной стороны выяснить элементы литературнаго образованія Жуковскаго, съ другой — опредѣлить характеръ „Вѣстника Европы“ въ то время, когда этотъ журналъ выходилъ подъ редакціею Жуковскаго. Касаясь послѣдняго вопроса, г. Загаринъ приходитъ къ такому общему выводу; „Жуковскій журналъ свой дѣлалъ публичнымъ органомъ того самаго личнаго самосовершенствованія, которое составляло главную его заботу въ эту пору жизни. Отсюда и характеръ статей журнала нравственно-философскій по преимуществу“. Предложенная г. Загаринымъ характеристика не оправдывается ни программою, ни составомъ журнала. „Существенная польза журнала (говоритъ Жуковскій въ статьѣ, которою открывается „Вѣстникъ Европы“ 1808 г.) состоитъ въ томъ, что онъ скорѣе всякой другой книги распространяетъ *полезныя идеи*, образуетъ разборчивость *вкуса* и *главное*, приманкою новости, *разнообразія*,

легкости нечувствительно привлекаетъ къ занятіямъ болѣе труднымъ, *усиливаетъ охоту читать*, и читать съ цѣлію, съ выборомъ, *для пользы*. А слѣдствія такого чтенія? Какія счастливыя, какія благодѣтельныя!... *Первое достоинство журнала разнообразіе*. Какже хотѣть, чтобы журналистъ умѣлъ говорить обо всемъ съ одинаковою пріятностію?... Позволимъ ему собирать, не давая отчета, ученую *подать* со всѣхъ временъ и народовъ; не будемъ вмѣшиваться въ выборъ; единственное требованіе наше: *удовольствія, удовольствія*, занятія благороднаго и не пустаго!“ [262] Начиная свой „Вѣстникъ Европы“, Жуковскій говорилъ: „Въ русскомъ журналѣ критика не можетъ занимать почетнаго мѣста“ [263]; а въ слѣдующемъ году онъ уже „мирится съ критикою“ [264], мало того: онъ отводитъ ей почетное мѣсто въ „Вѣстникѣ Европы“. Теперь Жуковскій убѣжденъ, что „главная и существенная польза критики состоитъ въ *распространеніи вкуса* и что въ этомъ отношеніи она есть *одна изъ важнѣйшихъ отраслей изящной словесности*, прибавлю, и *философіи моральной*“ [265]. Критика, читаемъ въ той же статьѣ, *„можетъ служить Аріадниною нитью* разсудку и чувству, которые безъ того потерялись бы *въ лабиринтѣ безпорядочныхъ понятій и впечатлѣній;* она облегчаетъ для нихъ работу ума; *соединяетъ и приводитъ въ систему то*, что̀ имъ представлялось безъ связи и по частямъ“ [266]. Эти слова Жуковскаго о значеніи критики почти буквально воспроизводятъ третій параграфъ „Законовъ Дружескаго Литературнаго общества“ подписанныхъ, какъ мы сказали, 12 января 1801 года: „Особенно заняться *теоріею изящныхъ* искусствъ. Она покажетъ намъ масштабъ всего изящнаго *и будетъ служить Аріадниною нитью съ лабиринтъ юродствующаго воображенія*“. Въ „Законахъ Дружескаго Литературнаго общества“ теорія изящныхъ искусствъ выставлена главнымъ средствомъ для достиженія цѣлей общества, „предметъ“ котораго *„очищать вкусъ, развивать и опредѣлять* понятія обо всемъ, что̀ изящно“ (§ II). Взявши подъ свою редакцію „Вѣстникъ Европы“, Жуковскій въ этомъ журналѣ хотѣлъ осуществить, при помощи немногихъ сотрудниковъ, то, что̀ составляло „цѣль“ и „предметъ“ Дружескаго Литературнаго общества. Можно сказать, что программу своего журнала Жуковскій нашелъ уже начертанною въ „Законахъ“

этого общества. „Вѣстникъ Европы“ (1808—1810) не отличался тѣмъ одностороннимъ характеромъ, какой хочетъ придать ему г. Загаринъ; статьямъ по „моральной философіи“ даже не было дано въ журналѣ преобладанія надъ статьями другаго содержанія. Составъ журнала былъ довольно разнообразенъ. Переводы преобладали надъ статьями оригинальными. Съ кого же бралъ Жуковскій „ученую подать“ для своего „Вѣстника Европы“? Изъ приведеннаго выше перечня переводовъ Жуковскаго, помѣщенныхъ въ этомъ журналѣ, а также изъ списка переводовъ въ прозѣ, напечатаннаго г. Ефремовымъ въ седьмомъ изданіи „Сочиненій Жуковскаго“ (VI, 685, 687), видно, что въ теченіе почти всего перваго десятилѣтія текущаго вѣка нашъ поэтъ обращенъ съ своими симпатіями къ *писателямъ старой берлинской литературной школы, къ лагерю, враждебному Гёте и особенно романтикамъ*. На страницахъ „Вѣстника Европы“ Жуковскаго читатель встрѣчалъ переводъ переустарѣлыхъ произведеній Энгеля, Гарве, Эбергардта, Меркеля, Коцебу. Въ 1801 году Жуковскій переводитъ „Мальчика у ручья“ Коцебу, въ 1808 году онъ занимается переводомъ его театральныхъ пьесъ, въ „Вѣстникѣ Европы“ помѣщаетъ нѣсколько мелкихъ статей этого писателя, котораго „Московскій Журналъ“ Карамзина называлъ однимъ изъ истинныхъ поэтовъ Германіи [267]. Сотрудники Николаи пользовались сочувствіемъ Карамзина: въ Гарве ему „нравились простота, ясность, стройное теченіе мыслей“ [268]; „Свѣтскій философъ“ Энгеля хорошо былъ знакомъ читателямъ „Московскаго Журнала“, не говоря уже о Мендельсонѣ, котораго Карамзинъ какъ критика ставилъ наравнѣ съ Лессингомъ, причисляя того и другаго къ глубокимъ умамъ [269]. „Allgemeine Deutsche Bibliothek“ съ уваженіемъ цитовалась на страницахъ „Московскаго Журнала“. Это было въ 1791—1792 гг., когда для Тика и братьевъ Шлегелей еще продолжались годы ученья: ихъ будущее литературное направленіе пока не успѣло опредѣлиться. Прошло пятнадцать лѣтъ. Старая литературная школа Берлина была сбита съ поля. Для Жуковскаго произведенія Энгеля, Гарве, Эбергарда сохранили свою прелесть, Меркель и Коцебу—привлекательны. Представители новой романтической школы, литературное движеніе въ Германіи девяностыхъ годовъ и начала

XIX вѣка, кажется, совершенно неизвѣстны Жуковскому. Съ нетвердымъ еще знаніемъ нѣмецкаго языка [270] садится онъ за переводы изъ Энгеля, Гарве, Меркеля... Жуковскій вѣренъ традиціямъ „Московскаго Журнала“: скромные идеалы „просвѣтителей“ вполнѣ удовлетворяли юнаго журналиста. Въ 1817 году, приглашая Дашкова въ соиздатели собранія переводовъ изъ *образцовыхъ* нѣмецкихъ писателей, Жуковскій назначаетъ для перевода произведенія Гёте, Шиллера, Тика, Новалиса, Жанъ-Поля, Шлегелей и рядомъ съ ними Энгеля и Гарве [271]. Изъ сочиненій нѣмецкихъ писателей, сочувствовавшихъ новому направленію нѣмецкой поэзіи, „Вѣстникъ Европы“ Жуковскаго принимаетъ на свои страницы небольшую статью Морица „Сила несчастія“ [272], этого горячаго приверженца Гёте. Морицъ былъ любимцемъ Карамзина, который особенно высоко ставилъ его „Психологическій магазинъ“: „мало сочиненій пріятнѣйшихъ и полезнѣйшихъ для человѣка“, — говорилъ Карамзинъ [273]. Гораздо болѣе, чѣмъ Морицъ, привлекъ Жуковскаго Іоганнъ ф. Миллеръ, историкъ Швейцаріи. Впрочемъ, не историческіе труды послѣдняго интересовали Жуковскаго въ это время. Въ „Вѣстникѣ Европы“ 1810 года (№ 16) помѣщено, въ переводѣ Жуковскаго, „Нѣсколько писемъ Іоганна Миллера къ Карлу Бонстеттену“. Въ „Вѣстникѣ Европы“ 1811 года (№ 6) явилось продолженіе подъ заглавіемъ: „Отрывки изъ писемъ Іоганна Миллера къ Карлу Бонстеттену“. Замѣчательно, что съ этими письмами Жуковскій познакомился черезъ *французскій переводъ* оныхъ, съ котораго и сдѣланъ русскій, напечатанный въ „Вѣстникѣ Европы“ [274]. Оригиналъ *начальныхъ* писемъ Миллера къ Бонстеттену восходитъ къ 1773 году, когда издано первое *собраніе* писемъ Миллера подъ заглавіемъ „Briefe eines jungen Gelehrten an seinen Freund“. Другія письма относятся къ семидесятымъ годамъ прошлаго вѣка. До позднѣйшихъ лѣтъ жизни Жуковскаго письма и историческіе труды Миллера не утратили своего авторитета въ глазахъ его. Въ 1846 году онъ убѣждаетъ фонъ-деръ-Бригена „взяться за 24 книги всемірной исторіи Іоганна Миллера и передать ихъ такъ, чтобы русскій языкъ, оставшись вѣрнымъ энергическому, краткому и живописному, хотя весьма часто манерному, языку Іоганна Миллера, сохранилъ

всю свою непринужденность“ [275]. Вмѣстѣ съ тѣмъ Жуковскій рекомендуетъ фонъ-деръ-Бриггену и „письма Іоганна Миллера, особенно переписку его съ Бонстеттеномъ: нѣтъ чтенія привлекательнѣе и воспламенительнѣе къ работѣ“. „Я бы эти письма,— говоритъ Жуковскій,— далъ въ руки всякому *юношѣ*, въ которомъ горитъ жаръ къ наукѣ и стремленіе къ благородной дѣятельности и который питаетъ въ душѣ любовь къ добру и къ чистой славѣ“ [276]. Очевидно, Жуковскій высказываетъ здѣсь сужденіе, сложившееся въ немъ на основаніи собственнаго опыта. Почти черезъ годъ (въ маѣ 1847 года) онъ пишетъ тому же фонъ-деръ-Бриггену: „Если современемъ приметесь за письма І. Миллера и переведете избранныя лучшія письма изъ его переписки *съ Бонстеттеномъ* и съ другими, то окажете этимъ истинную услугу *не одной литературѣ, но и литераторамъ и нелитераторамъ:* первымъ—указавъ имъ примѣромъ, *какъ надобно трудиться* на избранномъ ими поприщѣ; вторымъ,— возбудивъ *въ нихъ любовь къ ученію, образовательному для ума и сердца.* Въ Миллерѣ удивительно много этой *возбуждающей силы;* я увѣренъ, что его письма будутъ прочитаны съ жадностію, увѣренъ въ этомъ потому, что *такое дѣйствіе произвели нѣкоторыя немногія мною* переведенныя его письма и помѣщенныя мною въ „Вѣстникѣ Европы“ [277]. Миллеръ въ одномъ изъ писемъ къ Бонстеттену, столь увлекавшихъ юношу Жуковскаго, оплакиваетъ смерть „всеобъемлющаго мудреца“ Сульцера, передъ которой „должны умолкнуть матеріалисты“, и вспоминаетъ автора „Теоріи изящныхъ искусствъ“, просвѣщеннаго любителя древности, глубокаго и тонкаго судью произведеній искусства [278]. Редактируя „Вѣстникъ Европы“, Жуковскій изучалъ книгу Сульцера и обращался къ „Теоріи изящныхъ искусствъ“, чтобы почерпать въ ней основныя положенія для своей литературной критики. Такъ теоретическая часть статьи „О сатирѣ и сатирахъ Кантемира“ (1809 г.) заимствована изъ Сульцеровой „Теоріи“ [279], на что указываетъ и самъ авторъ [280]. Близкій по своимъ воззрѣніямъ къ цюрихской школѣ, Сульцеръ къ числу наиболѣе основательныхъ и важныхъ сочиненій по теоріи поэзіи относитъ „Размышленіе о поэзіи и живописи“ аббата Du Bos, послѣдователя его Бодмера, далѣе Брейтингера, Гома „Elements of criticism“, Баттё

въ передѣлкѣ Рамлера и разсужденія І. А. Шлегеля. Въ основаніи теоріи Сульцера лежитъ принципъ о нравственной пользѣ поэзіи. По мнѣнію Сульцера, главною обязанностью поэзіи должно быть „созерцаніе нравственной пользы"... „Конечною цѣлью изящныхъ искусствъ служатъ моральныя чувствованія, благодаря которымъ человѣкъ получитъ свою нравственную цѣну". На основаніи такого воззрѣнія библейскія эпопеи въ родѣ Бодмерова „Noah" и Клопштоковой „Мессіады" должны быть отнесены къ числу превосходнѣйшихъ и драгоцѣннѣйшихъ поэтическихъ произведеній [281]. Въ рецензіи Сульцеровой книги, при выходѣ перваго ея изданія, Гёте замѣтилъ: „Въ цѣломъ произведеніи господствуетъ вообще обличительная проповѣдь противъ Виланда, Глейма и Якоби. Напротивъ, почти всѣ примѣры великаго и высокаго заимствованы изъ Noachide. Послѣ того, какъ воды эпическаго потопа въ Германіи спали, можно было бы оставить развалины Бодмерова Ковчега на горѣ набожности немногихъ пилигримовъ. Если бы г. Сульцеръ былъ самъ дилетантъ, то его система искусства не была бы унылымъ рвеніемъ, а ясною вѣрою, которая никого не позоритъ" [282]. Гёте желаетъ видѣть у Сульцера „немного побольше догмы и зато поменьше моральной проповѣди о нашемъ развратѣ". Жуковскій раздѣляетъ воззрѣніе Сульцера на принципъ изящныхъ искусствъ, отождествляя въ статьѣ „О критикѣ" изящное съ добромъ, моральною красотою: „Доброта моральная служитъ основаніемъ чувству изящнаго" [283]. Вопроса о нравственной пользѣ поэзіи, выдвинутаго на первый планъ въ теоріи Сульцера, касается и Энгель въ статьѣ, переведенной Жуковскимъ и озаглавленной „О нравственной пользѣ поэзіи (письмо къ Филалету)" [284]. Высказанныя здѣсь мысли до такой степени напомнили доктору Зейдлицу взглядъ на этотъ предметъ самого Жуковскаго, что эту переводную статью Зейдлицъ принялъ за оригинальное сочиненіе нашего поэта и даже высказалъ убѣжденіе, что „эти понятія были незыблемымъ основаніемъ всей его поэтической дѣятельности" [285]. Дѣйствительно, „популярные философы", представители старой литературной школы Берлина, имѣли сильное вліяніе на образованіе теоретическихъ воззрѣній Жуковскаго на изящное, а слѣдовательно, и на то отношеніе, въ которое ста-

вилъ себя Жуковскій къ поэтамъ какъ русскимъ, такъ и европейскимъ. Для Энгеля и остальныхъ „популярныхъ философовъ“ авторитетомъ въ вопросахъ теоріи изящныхъ искусствъ служила книга Гома „Elements of Criticism“, которую, какъ мы видѣли, высоко ставилъ и Сульцеръ [286]. Мендельсонъ открылъ англійскимъ эстетикамъ путь въ нѣмецкую литературу, и переводъ книги Гома, сдѣланный Мейнгардомъ (1763—1766), оказалъ сильное вліяніе на теорію изящныхъ искусствъ въ Германіи, особенно въ средѣ „просвѣтителей“. Съ дополненіями и поправками по четвертому изданію оригинала нѣмецкій переводъ Гома переизданъ былъ въ 1772 году Энгелемъ и Гарве [287]. Въ переведенной Жуковскимъ статьѣ Энгеля „Два разговора о критикѣ“ „скромный Мозесъ Мендельсонъ“ говоритъ „молодому и очень довольному собою стихотворцу“: *„Гомова* книга о критикѣ можетъ быть не безполезна для того, кто читаетъ Шекспира“... „Гомъ можетъ остерегать и руководствовать стихотворца и научить его, какъ сдѣлать лучше“ [288]. И вотъ Жуковскій дополняетъ изученіемъ Гомовыхъ „Основаній критики“ теоретическія воззрѣнія на изящное, вынесенныя изъ „Теоріи“ Сульцера. Изъ сочиненій Гома Жуковскій переводитъ „Разсужденіе о трагедіи Софокла“ [289], „О краснорѣчіи“ [290]. Послѣ „Лаокоона“ и „Гамбургской драматургіи“ Жуковскій все еще остается вѣренъ устарѣлымъ взглядамъ на трагедію Лагарпа, Сульцера [291], Гома; воззрѣнія на изящное Шиллера и Гёте заслонены для него эстетикою „популярныхъ философовъ“ [292]. Прославленный поэтъ старой берлинской школы Рамлеръ [293] былъ предметомъ изученія Жуковскаго наравнѣ съ Жанъ-Баптистомъ Руссо и Державинымъ [294]. Въ 1818 году нашъ поэтъ переводитъ кантату Рамлера „Смерть Іисуса“ [295] тяжелымъ языкомъ, пересыпаннымъ славянизмами.

Въ „Теоріи изящныхъ искусствъ“ Сульцера совершенно не находится статьи о романѣ: для Сульцера онъ будто не существуетъ, какъ особый родъ поэтическихъ произведеній, хотя первые романы Виланда и Гермеса пользовались уже большимъ сочувствіемъ читателей [296]. Жуковскій относится къ романамъ съ пренебреженіемъ. „Какая отъ нихъ польза? — спрашиваетъ онъ.—*Рѣшительно никакой:* занятіе безъ вниманія, пустая пища

для ума, нѣсколько минутъ, проведенныхъ въ забвеніи самого себя безъ скуки и дѣятельности, совершенно потерянныхъ для будущаго. Нѣтъ, такая привычка занимать разсудокъ пустыми бездѣлками болѣе мѣшаетъ, нежели способствуетъ образованію“ [297]. Теоріею Сульцера о нравственномъ значеніи поэзіи руководствовался Жуковскій при оцѣнкѣ поэтическихъ произведеній и отдѣльныхъ писателей. Съ точки зрѣнія Сульцера, онъ осуждаетъ Виланда за то, что его стихотворенія пролили много яда въ молодыя сердца [298]. Сульцеръ въ своей книгѣ обвинялъ Виланда въ томъ же и вызвалъ со стороны Гёте (въ рецензіи, на которую только-что указано) такое замѣчаніе: „Über die Moralität seiner Schriften ist der Verfasser des Agathon und der Musarion bei allen gesunden Köpfen längst gerechtfertigt, und Kenner des menschlichen Herzens mögen entscheiden, ob eine Leitung und Verfeinerung des Gefühls durch Blumenpfade einer lachenden Landschaft nicht geschwinder zum Ziele führe, als die kürzeste mathematische Linie des moralischen Raisonnements“ [299]. Въ 1833 году, въ письмѣ къ Козлову, Жуковскій высказываетъ свое мнѣніе о Байронѣ: „Многія страницы его вѣчны. Но и въ немъ есть что-то, ужасающее, стѣсняющее душу. Онъ не принадлежитъ къ поэтамъ-утѣшителямъ жизни. Что́ такое истинная поэзія? Откровеніе божественное произошло отъ Бога къ человѣку и облагородило здѣшній свѣтъ, прибавивъ къ нему вѣчность. Откровеніе поэзіи происходитъ въ самомъ человѣкѣ и облагораживаетъ здѣшнюю жизнь въ здѣшнихъ ея предѣлахъ. Поэзія Байронова не выдержитъ этой повѣрки“ [300]. Замѣчательно, что въ томъ же письмѣ „поэтомъ въ благородномъ смыслѣ сего слова“ Жуковскій называетъ Андрея Николаевича Муравьева [301]. Въ 1828 году Эккерманъ въ разговорѣ съ Гёте выразилъ сомнѣніе, чтобы изъ сочиненій Байрона можно было извлечь положительную пользу для чистаго образованія человѣческаго. „Я несогласенъ съ вами, — сказалъ Гёте. — Смѣлость, отвага и грандіозность Байрона—развѣ все это не образовательно? Надобно остерегаться отыскивать образовательное всегда только въ рѣшительно чистомъ и нравственномъ. Все великое образовательно, какъ скоро мы его сознаемъ“ [302].

Не касаясь другихъ прозаическихъ переводовъ Жуковскаго,

помѣщенныхъ въ „Вѣстникѣ Европы“ 1807—1810 годовъ, замѣтимъ, что они представляютъ любопытный комментарій къ его прозаическимъ оригинальнымъ произведеніямъ и стихотвореніямъ, въ одно время съ этими переводами написаннымъ: Жуковскій выбиралъ для перевода статьи, которыя такъ или иначе стояли въ связи съ вопросами, его занимавшими, съ его мечтами, съ его настроеніемъ [303]. Даже въ переводныя прозаическія статьи Жуковскій вставляетъ нерѣдко по нѣскольку строкъ, выражающихъ его собственныя мысли, чувства, впечатлѣнія [304]. Но книга г. Загарина не слѣдитъ за *постепеннымъ* развитіемъ литературныхъ воззрѣній Жуковскаго, за смѣной его душевныхъ настроеній, отмѣченныхъ столь опредѣленными чертами въ поэтическихъ произведеніяхъ поэта и въ его письмахъ къ друзьямъ. „Пѣснь барда надъ гробомъ Славянъ-побѣдителей“, написанная въ 1806 году и вызванная „военными обстоятельствами *этого* времени“, разсматривается г. Загаринымъ въ главѣ XI „Отечественная война“ (стр. 40) сравнительно съ „Пѣвцомъ въ станѣ русскихъ воиновъ“. При этомъ г. Загаринъ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: „Сохранивъ образы Оссіановскіе, Жуковскій тѣмъ не менѣе дѣлаетъ шагъ впередъ къ тому, чтобы придать своему изображенію хотя нѣкоторый видъ русской картины. Пѣвца онъ не называетъ уже „бардомъ“. Всѣ картины и фигуры воиновъ—въ томъ среднемъ стилѣ, который сливаетъ воедино образы классическіе съ древнерусскими и средневѣковыми рыцарскими“ (стр. 146). Очевидно даже изъ этихъ словъ г. Загарина, что въ Жуковскомъ обнаруживается дѣйствіе болѣе зрѣлаго литературнаго взгляда, нежели тотъ, который вырабатывался у него подъ опредѣленіями эстетики Сульцера и Гома; очевидно, что сфера его поэтическихъ образцовъ въ 1812 году расширилась, измѣнилась. Дѣйствительно: съ 1810 года начинается для Жуковскаго пора серьезнаго ученія, труда по опредѣленному, строго выработанному плану [305]. Въ 1806—7 годахъ множество брошюръ, журнальныхъ статей, стихотвореній, театральныхъ пьесъ, карикатуръ разносятъ среди русскихъ читателей ненависть ко всему французскому, преслѣдуютъ пристрастіе русскихъ къ модамъ, языку, образованности французовъ. Шишковъ, Крыловъ, Растопчинъ выдѣляются изъ числа дру-

гихъ двигателей этой литературы, которой—скажемъ словами Жуковскаго—„военныя обстоятельства того времени“ обезпечивали успѣхъ среди читателей. Крыловъ въ комедіяхъ „Модная лавка“ и „Урокъ дочкамъ“ выводитъ на позоръ „натуральныхъ дамъ, *раздѣтыхъ* по модѣ“ (французской). Растопчинъ, прикрывшись псевдонимомъ *Силы Андреевича Богатырева*, печатаетъ свои „Мысли въ слухъ на Красномъ крыльцѣ“. Это одушевленіе охватываетъ Жуковскаго. Онъ можетъ его выразить пока въ устарѣлыхъ формахъ старой литературной школы Германіи, имѣя передъ глазами Сульцера. Жуковскій пишетъ въ 1806 году „Пѣснь барда“, въ 1807—небольшую эпиграмму, направленную противъ тѣхъ же французскихъ модъ, которыя осмѣивались Крыловымъ и Растопчинымъ [306]. Поэтъ, очевидно, сознаетъ, что въ его патріотическомъ стихотвореніи недостаетъ русскаго колорита, и, открывая „Вѣстникъ Европы“ 1808 года, высказываетъ желаніе, чтобы „какому-нибудь *доброму* человѣку пришла счастливая мысль подслушать, записать и напечатать въ „Вѣстникѣ“ нѣкоторые монологи старика Силы Андреевича Богатырева“ [307]... Но на эту архаическую форму „Пѣсни барда“ не обратило вниманія тогдашнее читающее общество; оно оцѣнило въ немъ чувство, коимъ проникнуто стихотвореніе и которое вполнѣ отвѣчало общественному настроенію: „послѣ этой пѣсни Жуковскаго полюбили“,— отмѣчаетъ Вигель [308].

Какая же перемѣна произошла въ настроеніи Жуковскаго? Какіе новые поэтическіе образцы смѣнили Флоріана, Жанлисъ, Энгеля, Коцебу? Книга г. Загарина не даетъ на это отвѣта и не можетъ дать, потому что первый періодъ литературныхъ изученій Жуковскаго (1803—1810 гг. не включительно) остался въ ней совершенно необъясненнымъ; для г. Загарина онъ какъ бы не существуетъ. Пятая глава книги г. Загарина посвящена разбору „Людмилы“ и сличенію ея съ „Ленорою“ Бюргера. По словамъ автора разбираемой книги, „Бюргеръ подслушалъ *основный мотивъ* своей баллады *въ пѣснѣ народной;* народный языкъ далъ ему свое звучное слово вмѣстѣ съ главными чертами событія и образами его знаменитой баллады“ (стр. 66). Четвертое приложеніе къ книгѣ г. Загарина (стр. XL—XLV) указываетъ, на основаніи статьи Волльнера, „черты народной поэзіи въ Ленорѣ

и Свѣтланѣ". Статья Волльнера „Lenorenstoff in der slavischen Volkspoesie", указавшая нѣсколько новыхъ параллелей къ Бюргеровой „Ленорѣ", къ сожалѣнію, заслонила передъ г. Загаринымъ [309] превосходное, многостороннее изслѣдованіе Ваккернагеля „Zur Erklärung uud Beurtheilung von Bürger's Lenore" [310], не прибавивши къ нему особенно много цѣннаго матеріала [311]. Разсмотрѣвши родственныя съ „Ленорою" сказки и саги разныхъ народовъ, этотъ глубокій знатокъ нѣмецкой старины и литературы пришелъ къ слѣдующему выводу: „Вообще для Леноры нѣтъ ни нѣмецкаго, ни иностраннаго оригинала; можно говорить только о стихахъ, которые послужили Бюргеру чисто внѣшнимъ поводомъ, случайнымъ побужденіемъ, которые дали удобную форму и сценическую обстановку его мысли: ибо *Ленора имѣетъ совершенно иной,—болѣе страшный и безотрадный смыслъ, чѣмъ всѣ приведенныя доселѣ саги и сказки* и даже (можно съ увѣренностію сказать) чѣмъ та сѣверно-нѣмецкая народная пѣсня, которая дала первый толчекъ къ балладѣ. Обманчивое привидѣніе не для того беретъ съ собою возлюбленную, чтобы хотя мертвому отпраздновать соединеніе, въ которомъ отказано имъ было при жизни; нѣтъ! оно выступаетъ небеснымъ мстителемъ, который, за дерзость Леноры, за ея порожденную отчаяніемъ вражду съ Богомъ, приноситъ въ жертву ея молодую жизнь. И въ концѣ концовъ (и мы вынуждены назвать этотъ оборотъ безвкуснымъ, онъ замѣняетъ конкретное абстрактнымъ, лицо—олицетвореніемъ) это вовсе не возлюбленный, а сама смерть, которая только одѣлась тѣломъ Вильгельма,—смерть, въ которую Вильгельмъ, такъ сказать, преобразился:

Ha sieh! ha sieh! im Augenblick etc." [312].

„Авторъ Леноры,—продолжаетъ г. Загаринъ,—самую смерть своей героини скрылъ отъ насъ — Жуковскій ее изображаетъ" (стр. 68). Сравненіе „Людмилы" съ подлинникомъ г. Загаринъ заключаетъ слѣдующимъ выводомъ: „Позднѣе, уже въ пору полнаго развитія таланта, Жуковскій передалъ Ленору въ близкомъ и изящномъ переводѣ. *Теперь же вкусъ его еще не сложился*, не очистился отъ того юношескаго смѣшенія произведеній, въ которыхъ чувствуется геній, съ бездарными сочиненіями услуж-

никовъ низменнаго вкуса,—того смѣшенія Шиллера и Гёте со Шписомъ и Коцебу, о которомъ мы упоминали выше“ (стр. 70). На основаніи выше сгруппированныхъ фактовъ мы полагаемъ, что недостатки „Людмилы“ Жуковскаго, указанные г. Загариным, объясняются вполнѣ тѣми воззрѣніями на изящное и поэзію, которыя Жуковскій раздѣлялъ, когда писалъ свою балладу, и тѣми симпатіями къ произведеніямъ старой берлинской школы, отъ вліянія которыхъ онъ освобождался очень медленно. Мы видѣли, что первый переводъ изъ Шиллера „романса“ „Тоска по миломъ“, напечатанный въ „Вѣстникѣ Европы“ 1808 г. (№ 1), обнаруживаетъ еще, что переводчикъ не вполнѣ владѣлъ нѣмецкимъ языкомъ. Въ томъ же году Жуковскій переводитъ изъ Шиллера повѣсть „Ожесточенный“ [313]. Здѣсь трудныя мѣста для перевода пропущены, многія отдѣльныя фразы переведены или не точно, или совершенно невѣрно... Интересъ къ Шиллеру только начинаетъ пробуждаться въ воспитанникѣ Николаитовъ, но онъ еще не окрѣпъ, не развился до сознательной симпатіи. Даже въ 1810 году, составляя планъ своихъ занятій, Жуковскій отдаетъ балладамъ Бюргера предпочтеніе передъ Шиллеровыми: „Бюргеръ въ этомъ родѣ единственный, ибо онъ имѣетъ *истинно приличный тонъ* избранному имъ роду стихотворенія: ту простоту разсказа, которую долженъ имѣть повѣствователь. Его характеръ: счастливое употребленіе выраженій простонародныхъ и въ писаніяхъ и въ выраженіи чувства; краткость и ясность, *приличіе* и разнообразіе метровъ“ [314] и т. д. Словомъ, Жуковскій восхваляетъ здѣсь такія качества, какихъ въ Бюргерѣ не находилъ Шиллеръ, утверждавшій, что „между *всѣми стихотвореніями* Бюргера онъ не можетъ назвать ни одного, которое доставило бы ему вполнѣ чистое наслажденіе.“ Въ стихахъ Бюргера Шиллеръ именно находитъ качества, противоположныя тѣмъ, которыя указываетъ Жуковскій [315]. Въ 1809 году переведено уже изъ Шиллера три стихотворенія: „Кассандра“, „Счастіе“, „Путешественникъ“ [316]. Странное непониманіе одного стиха подлинника проскользнуло въ балладѣ „Кассандра“ [317]; неудачно выбранъ размѣръ (˘ — ˘˘ — ˘˘ — ˘˘ — ˘˘ — ˘) для перевода торжественнаго гимна „Счастіе“, и весь переводъ не можетъ быть названъ удачнымъ. Въ этомъ же году появляется тяжелое, рас-

пространенное неумѣстными вставками подражаніе Гёте—„Моя богиня“ (˘—˘˘—˘˘) [318]. Не „смѣшеніе произведеній, въ которыхъ чувствуется геній, съ бездарными сочиненіями услужниковъ низменнаго вкуса“ видимъ мы въ Жуковскомъ въ періодъ 1803—1810 годовъ, а рѣшительное, если не исключительное господство послѣднихъ. Докторъ Зейдлицъ справедливо замѣтилъ, что возврату Жуковскаго къ музамъ (*въ 1810 году*, когда онъ переселился въ Мишенское) мы обязаны цѣлымъ рядомъ стихотвореній, въ которыхъ Жуковскій является рѣшительнымъ приверженцемъ нѣмецкой *романтической школы*“. 1810 годъ дѣйствительно пробудилъ въ душѣ Жуковскаго новыя струны, поэтъ пробуетъ выйти на новый путь. Этотъ переломъ въ жизни Жуковскаго, давшій новый тонъ его поэтическимъ произведеніямъ, не отмѣченъ книгою, нами разбираемою. Глава о „Людмилѣ“ неожиданно завершается обращеніемъ автора къ прежнимъ опытамъ Жуковскаго, въ которыхъ выражается то же „стремленіе души, которой земное горе не должно и не можетъ быть неизцѣлимою отравою“ (стр. 70). Эти прежніе „опыты“—стихотворенія „Вечеръ“ (1806 г.) и „Къ К. М. С — ой“ (1807 г.). Элегія „Вечеръ“ такъ характеризуется г. Загаринымъ: „Десятокъ строфъ перечисляютъ „закатъ солнца за горою“, „наклоненную иву“ и „луну съ ея трепетнымъ лучомъ“. На изображеніе подобной неизбѣжной обстановки истрачивалось все чувство поэта. Картина, уже много разъ видѣнная читателями, остается пустою, луна свѣтитъ, но ей некого освѣтить—развѣ унылую фигуру, „склоненную задумчиво на пѣнистыя волны“. Лиризмъ прерывается избитыми выраженіями: „Сижу, задумавшись; въ душѣ моей мечты“...., и затѣмъ въ стихотворной формѣ излагаются эти мечты“ (стр. 70—71). Таковъ анализъ элегіи, которая, по справедливому замѣчанію Зейдлица, „есть *одно изъ лучшихъ* его (Жуковскаго) описаній вечерней красоты природы, села Мишенскаго“ [319]. „Если мы хотимъ,—выразительно прибавляетъ г. Зейдлицъ,—слѣдить за развитіемъ лирическаго таланта Жуковскаго, то не должны забывать этой элегіи“. Прибавимъ съ своей стороны, что эта элегія представляетъ по отношенію къ самому Жуковскому значительный біографическій интересъ. Въ *Бѣлевѣ* поэтъ вспоминаетъ „протекшія времена“: онъ далекъ

отъ московскаго кружка, гдѣ началось его литературное образованіе; онъ сознаетъ, что ихъ „Дружеское Литературное общество“ разрушается:

О братья! о друзья! гдѣ нашъ *священный* кругъ?
Гдѣ клятвы, данныя природѣ—
Хранить съ огнемъ души *нетлѣнность братскихъ узъ?*

Некому облегчить „грузъ его сомнѣній“. Въ элегическомъ обращеніи къ прошедшему г. Загаринъ видитъ только „пустую картину“, „избитыя выраженія“.

Въ концѣ разбора „Людмилы“ г. Загаринъ посвящаетъ страницу разсказу объ успѣхѣ баллады этой въ польской литературѣ. О томъ, какъ отнеслись къ первой балладѣ Жуковскаго литература и общество русскія, въ книгѣ г. Загарина находимъ лишь слѣдующія строки: „Не смотря на всѣ недостатки, „Людмила“ Жуковскаго имѣла успѣхъ среди современниковъ. Всѣ любовались ея стихомъ и картиною скачки мертвеца. Немногіе замѣтили слабыя стороны перевода (подражанія?), какъ Грибоѣдовъ, помѣстившій довольно придирчивый разборъ его въ...“ [320] Эти строки могутъ служить образчикомъ того, какъ г. Загаринъ относится къ современной Жуковскому русской литературѣ и даже къ такимъ ея представителямъ, какъ Грибоѣдовъ. Если бы читатель сталъ разыскивать въ нашихъ старыхъ журналахъ „довольно придирчивый“ разборъ „Людмилы“, написанный авторомъ „Горя отъ ума“, то поиски такого любознательнаго читателя остались бы тщетными. Грибоѣдовъ не печаталъ особаго разбора баллады Жуковскаго, а только посвятилъ менѣе четырехъ страницъ замѣчаніямъ на „Людмилу“ въ своей статьѣ: *„О разборѣ вольнаго перевода Бюргеровой баллады: Ленора“* [321]. Представляя въ своей книгѣ разборы „важнѣйшихъ произведеній Жуковскаго“, не отказываясь въ то же время объяснить значеніе его въ исторіи русской литературы (стр. 42, стр. 118), г. Загаринъ не знакомитъ читателя съ тою средою, въ которую Жуковскій вносилъ новые поэтическіе элементы — съ современной ему русской литературою, не разъясняетъ тѣхъ направленій, которыя въ ней господствовали; для г. Загарина какъ-будто не существуетъ русской литературы внѣ „важнѣйшихъ произ-

веденій“ Жуковскаго, и эти „важнѣйшія произведенія“ представляются читателю какими-то памятниками, возвышающимися среди безплодной степи. Это одинъ изъ самыхъ капитальныхъ недостатковъ разбираемой книги: читатель не видитъ, въ какомъ отношеніи многолѣтняя литературная дѣятельность Жуковскаго въ различныхъ ея періодахъ къ современному ей движенію русской литературы—къ старой псевдо-классической школѣ, къ эпохѣ Пушкина, Гоголя... Неясное припоминаніе г. Загарина о „довольно придирчивомъ разборѣ „Людмилы“ Грибоѣдова“ даетъ намъ поводъ разъяснить на одномъ этомъ примѣрѣ значеніе того пробѣла въ книгѣ г. Загарина, на который мы указываемъ.

Статья, въ которой „Грибоѣдовъ направилъ нѣсколько нелегкихъ ударовъ на „балладника“, была отвѣтомъ на критическій разборъ баллады Катенина *„Ольга“*,—названной „вольнымъ переводомъ Бюргеровой баллады „Ленора“ [322]. Разборъ баллады Катенина написанъ былъ Н. И. Гнѣдичемъ и напечатанъ въ „Сынѣ Отечества“ (1816 г., № XXVII). Приверженцу старой классической школы не нравятся баллады, расплодившіяся въ русскихъ журналахъ послѣ появленія „Свѣтланы“. „Какой рядъ предвижу я убійцъ и мертвецовъ, удавленниковъ и утопленниковъ! Какой рядъ блѣдныхъ жертвъ смерти балладической и какой смерти!... Кто исчислитъ всѣ вымыслы творцовъ, для которыхъ нѣтъ ничего *невозможнаго*, нѣтъ ничего *невѣроятнаго*, ничего *низкаго!* И судя по ихъ первымъ, смѣлымъ шагамъ, кто предузнаетъ, куда занесетъ ихъ воображеніе на этомъ *новомъ полѣ, не имѣющемъ предѣловъ ни истины, ни вкуса*“ [323]. Гнѣдичъ, уже давно знакомый съ Жуковскимъ [324], конечно, относится съ большимъ уваженіемъ къ нему, оговаривая свое нерасположеніе къ балладамъ: „Надобно разсыпать такія богатыя и живыя краски въ картинахъ, наполнять такимъ волшебнымъ очарованіемъ стихи, какимъ они наполнены, напримѣръ, въ балладѣ: *Двѣнадцать спящихъ дѣвъ*, когда хотятъ, чтобы *подобныя баллады могли нравиться*“. Однако, при всемъ пристрастіи къ Жуковскому, Гнѣдичъ отмѣчаетъ „нѣкоторыя несообразности“ въ его „Людмилѣ“. По его словамъ, „мертвецъ говоритъ о себѣ Людмилѣ такъ открыто, что словами его она не могла быть введена въ заблужденіе“. Это замѣчаніе вполнѣ справедливо; его дѣ-

лаетъ и г. Загаринъ на стр. 68-й своей книги. Но вотъ замѣчаніе классика Гнѣдича, котораго мы не встрѣтили въ анализѣ „Людмилы“ г. Загаринымъ: „Пѣвецъ „Людмилы“ впалъ въ маленькую погрѣшность:

Слышутъ шорохъ тихихъ тѣней!
Въ часъ полуночныхъ видѣній,
Въ дымѣ облака толпой...
Легкимъ, свѣтлымъ хороводомъ
Въ цѣпь воздушную свились—
Вотъ за ними понеслись!

„Эти тѣни прекрасны,—замѣчаетъ Гнѣдичъ,—но онѣ совершенно *Оссіановскія* тѣни, и въ Русской балладѣ — залетныя гостьи“ [325]. Классикъ Гнѣдичъ недоумѣваетъ, куда приведутъ балладники русскую литературу. „Естьли,—говоритъ онъ,—сей родъ найдетъ подражателей, которые, не имѣя превосходныхъ талантовъ своего образца (т.-е. Жуковскаго), станутъ также писать объ однихъ мертвецахъ и привидѣніяхъ — тогда словесность наша“... [326]

Благодаря балладамъ, отшатнулся отъ Жуковскаго его старый другъ, нѣкогда членъ „Дружескаго Литературнаго общества“ — классикъ Мерзляковъ. Въ публичномъ засѣданіи „Общества любителей русской словесности“, совершеннымъ сюрпризомъ для предсѣдателя и членовъ, Мерзляковъ читаетъ свое „Письмо изъ Сибири“ „противъ гекзаметра и балладъ Жуковскаго, который и самъ сидѣлъ за столомъ тутъ же со всѣми членами!“ [327] Объясняя этотъ сюрпризъ, Мерзляковъ „увѣрялъ Жуковскаго, что *изъ любви къ нему и къ литературѣ хотѣлъ открыть ему глаза, хотѣлъ оказать услугу*“. Въ самомъ дѣлѣ, Мерзляковъ дѣйствовалъ по принципу. „Письмо изъ Сибири“, *„чрезвычайно сокращенное“* [328], напечатано было потомъ въ той же II-й части *Трудовъ Общества любителей россійской словесности* (1818 г.), въ которой помѣщено стихотвореніе Жуковскаго „Ея Императорскому Высочеству Государынѣ Великой Княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ“ рядомъ съ стихотвореніемъ Мерзлякова „Гласъ Божій въ громѣ“. Въ „Письмѣ изъ Сибири“ проводится тотъ же принципъ псевдо-классицизма, который высказанъ и въ рецензіи Гнѣдича на „Ольгу“ Катенина: „Скажите: баллада

имѣетъ ли какія-нибудь для себя *правила* такъ, какъ всякій другой родъ, получившій право гражданства въ кругу литературы?—Мы знаемъ *предѣлы* для оды, для поэмы, для трагедіи и для элегіи, и даже для баллады, нѣкогда бывшей или такой, какъ намъ показала ее Италія, а потомъ Испанія и Португалія, послѣ *Французы* и, наконецъ, у насъ нѣкоторые изъ осторожнѣйшихъ писателей? Теперь, Богъ знаетъ что̀: ни вѣроятія въ содержаніи, ни начала, ни конца, ни цѣли, ни худой, ни доброй, все достоинство въ слогѣ. Слогъ хорошъ, но что остается у меня въ головѣ, или сердцѣ?“ [329] „Этотъ затѣйливый родъ,—продолжаетъ Мерзляковъ,—пришелъ къ намъ изъ *Германіи и Англіи*... Conservateur impartial заставляетъ насъ торжествовать и радоваться какому-то *преобразованію духа нашей поэзіи*. Онъ поздравляетъ насъ съ тѣмъ, что мы исполнились *духомъ Германскихъ поэтовъ*, и что сей духъ намъ родственный.—Значитъ ли измѣненіе, преображеніе духа всей поэзіи одно введеніе новаго рода балладъ? и наконецъ, что это за духъ, который *разрушаетъ всѣ правила піитики, смѣшиваетъ всѣ роды*, комедію съ трагедіей, пѣсни съ сатирой, балладу съ одой? и пр. и пр.“ [330]. Отвѣтъ не заставитъ себя долго ждать: это—*духъ романтической школы*. Въ этóмъ смыслѣ и названъ былъ Жуковскій романтикомъ, когда началась въ литературѣ борьба стараго французскаго классицизма съ новымъ „духомъ, разрушавшимъ всѣ правила піитики, смѣшивавшимъ всѣ поэтическіе роды“... Въ балладѣ, и притомъ „происшедшей“ изъ *нѣмецкихъ* и *англійскихъ балладъ*, видѣли первое проявленіе этого разрушительнаго духа. Комедія Шаховскаго, выводя Жуковскаго въ лицѣ Фіалкина, была въ этомъ случаѣ выраженіемъ мнѣній цѣлаго лагеря приверженцевъ старой классической теоріи. Подражая Шаховскому [331], Загоскинъ въ своей *„Комедіи противъ комедіи, или урокъ волокитамъ“*, представленной 4 ноября 1815 года (въ одинъ годъ съ „Урокомъ кокеткамъ или Липецкими водами“) [332], возобновилъ вопросъ о балладѣ. „Однѣ красоты поэзіи,—говорится въ первомъ же явленіи перваго дѣйствія пьесы, — могли до сихъ поръ извинить въ семъ родѣ сочиненій (въ балладахъ) странный выборъ предметовъ“. Въ рецензіи „Ольги“ Катенина Гнѣдичъ цитуетъ эту тираду въ подтвержденіе своего взгляда на

балладу, теоріей которой занимали публику со сцены! Къ балладѣ Катенина „Ольга“, — „вольному переводу Леноры“,—Гнѣдичъ въ своемъ разборѣ отнесся очень строго и поставилъ ее, конечно, гораздо ниже „Людмилы“ Жуковскаго. Iniquitas partis adversae justum bellum ingerit,—говоритъ Грибоѣдовъ словами древняго поэта и пишетъ свои замѣчанія „О разборѣ вольнаго перевода Бюргеровой баллады: Ленора“. Цѣль его статьи—оправдать „Ольгу“ Катенина, униженную Гнѣдичемъ, который усмотрѣлъ въ Катенинѣ одного изъ „соревнователей—чтобы не сказать, завистниковъ“ Жуковскаго. Грибоѣдову естественно было, защищая балладу Катенина, привлечь къ сравненію съ нею „Людмилу“ Жуковскаго. Не принадлежа къ лагерю классиковъ, Грибоѣдовъ выставляетъ Гнѣдича „непримиримымъ врагомъ *простоты*“. Онъ не раздѣляетъ его скептическаго взгляда на содержаніе балладъ: „признаюсь въ моемъ невѣжествѣ: я не зналъ до сихъ поръ, что *чудесное* въ поэзіи *требуетъ извиненія*“. Но Грибоѣдовъ не принадлежитъ и къ сторонникамъ мечтательной поэзіи Жуковскаго, столь вѣрной Сульцеровскому принципу о нравственной пользѣ поэтическихъ произведеній. Тогдашнее отношеніе Грибоѣдова къ поэзіи Жуковскаго характеризуется слѣдующимъ мѣстомъ его отвѣта Гнѣдичу: „Стихъ: *въ ней* (брачной кровати) *уляжется ль невѣста?* заставилъ рецензента стыдливо потупить взоры; въ ночномъ мракѣ, когда робость любви обыкновенно исчезаетъ, Ольга не должна дѣлать такого вопроса любовнику, съ которымъ готовится раздѣлить брачное ложе. Чтожь ей? *предаться тощимъ мечтаніямъ любви идеальной?*—Богъ съ ними, съ мечтаніями; нынѣ въ какую книжку ни заглянешь, что ни прочтешь, пѣснь или посланіе, *вездѣ мечтанія, а натуры ни на волосъ*“ [333]. Тутъ слышится уже не жалоба отживающаго свой вѣкъ классицизма, а голосъ полнаго силъ новаго поколѣнія писателей, не удовлетворяемаго „тощими мечтаніями“ доморощеннаго романтизма. Надѣвая на себя маску „придирчиваго рецензента“, Грибоѣдовъ, съ ѣдкимъ остроуміемъ, вскрываетъ слабыя стороны баллады Жуковскаго. Онъ указываетъ въ ней несообразности, отсутствіе естественности. „Но чу! бьетъ полночь! Къ Людмилѣ крадется *мертвецъ* на цыпочкахъ, конечно, чтобъ никого не испугать. *Тихо брякнуло кольцо* и т. д. Этотъ мертвецъ

слишкомъ милъ, живому человѣку нельзя быть любезнѣе... Мнимый женихъ Людмилы признается ей, что домъ его гробъ, и путь къ нему далекъ.—Я бы, напримѣръ, послѣ этого ни минуты съ нимъ не остался, но не всѣ видятъ вещи одинаково. Людмила обхватила мертвеца нѣжной рукой и помчалась съ нимъ".

Пушкинъ называетъ Катенина (въ 1833 г.) „однимъ изъ первыхъ приверженцевъ романтизма". „Первый введши въ кругъ *возвышенной поэзіи языкъ и предметы простонародные*, онъ первый отрекся отъ романтизма и обратился къ *классическимъ идоламъ*, когда читающей публикѣ начала нравиться новизна литературнаго преобразованія" [334]. Какъ и Грибоѣдовъ, Пушкинъ отдаетъ „Ольгѣ" Катенина преимущество передъ „Людмилою" Жуковскаго. „Она,—говоритъ Пушкинъ о Бюргеровой „Ленорѣ",—была уже извѣстна у насъ по *невѣрному* и прелестному подражанію Жуковскаго, который сдѣлалъ изъ нея то же, что Байронъ въ своемъ Манфредѣ сдѣлалъ изъ Фауста: *ослабилъ духъ и формы своего образца*. Катенинъ это чувствовалъ и вздумалъ показать намъ Ленору въ энергической красотѣ ея перваго созданія: онъ написалъ Ольгу. Но сія простота и даже грубость выраженій, сія *сволочь*, замѣнившая *воздушную цѣпь* тѣней, сія *висѣлица* вмѣсто *сельскихъ картинъ*, озаренныхъ лѣтнею луною, непріятно поразили *непривычныхъ* читателей, и Гнѣдичъ взялся высказать ея (sic) [335] мнѣніе въ статьѣ, коей *несправедливость* обличена была Грибоѣдовымъ. Послѣ Ольги явился *Убійца*, лучшая, можетъ быть, изъ балладъ Катенина. Впечатлѣніе, имъ произведенное, было и того хуже. *Читатели, воспитанные на Флоріанѣ и Парни*, расхохотались и почли балладу ниже всякой критики" [336]. Таково было рѣшительное сужденіе Пушкина, высказанное имъ въ пору полной зрѣлости его таланта (1833 г.). Какая мѣткая характеристика Жуковскаго, „ослабившаго духъ и формы Бюргеровой баллады" и тѣмъ угодившаго читателямъ, *„воспитаннымъ на Флоріанѣ и Парни"!* Не потому ли „Людмила" и нравилась болѣе „Ольги" такого рода читателямъ, что подражаніе Жуковскаго Бюргеру, *„невѣрное"*, по словамъ Пушкина, обличало и въ Жуковскомъ вкусъ Флоріана, его манеру переводить? Это ослабленіе подлинника, по превосходному выраженію Пушкина, не напоминаетъ ли

Флоріана, который *„ослабилъ* нѣкоторыя слишкомъ сильныя выраженія“ [337] въ „Донъ-Кихотѣ“, угождая вкусу французской націи? Какъ рельефно оттѣненъ отъ недавняго ученика Флоріана Катенинъ, одинъ изъ первыхъ приверженцевъ романтизма, первый введшій въ кругъ возвышенной поэзіи языкъ и предметы простонародные (которыхъ старательно избѣгалъ Жуковскій),— Катенинъ, вздумавшій показать намъ Ленору въ энергической красотѣ ея первобытнаго созданія! Совершенно понятно, почему Пушкинъ, ученикъ Катенина (въ 1818 г.) [338], вставилъ въ IV пѣснь *„Руслана и Людмилы“*, пародію на *„Двѣнадцать спящихъ дѣвъ“ Жуковскаго.* Такое характерное отношеніе Пушкина къ балладамъ Жуковскаго *въ печати* заслуживало того, чтобы на немъ остановиться въ книгѣ, посвященной ознакомленію съ жизнью и произведеніями Жуковскаго. Но г. Загаринъ упоминаетъ объ этой пародіи въ выноскѣ, гдѣ приводитъ отрывокъ изъ покаяннаго письма Пушкина къ другу Жуковскаго—кн. Вяземскому.

Здѣсь не мѣсто касаться подробностей литературной полемики, возбужденной балладами Жуковскаго; намъ довольно было указать принципы, изъ-за которыхъ ратовали оба враждовавшіе лагеря. Г. Загаринъ касается „Липецкихъ водъ“ Шаховскаго во главѣ объ „Арзамасѣ“ (стр. 194—208); но онъ занятъ болѣе анекдотическою стороною полемики и литературнаго кружка. По его мнѣнію, „исторія съ „Липецкими водами“ была однимъ изъ проявленій зависти къ успѣхамъ“ Жуковскаго (стр. 207). Г. Загаринъ, повидимому, забываетъ, что тотъ же Шаховской въ другой комедіи осмѣялъ Карамзина: и тутъ зависть?—спроситъ читатель. Игнорируя принципіальный разладъ Мерзлякова съ „балладникомъ“, жалобы и опасенія Гнѣдича, поднятыя новымъ, безграничнымъ и не знающимъ правилъ родомъ поэзіи, рѣзкія осужденія мечтательнаго и неестественнаго Грибоѣдовымъ, позднѣйшее воззрѣніе Пушкина на романтизмъ и „Людмилу“ Жуковскаго, г. Загаринъ, подъ рубрикою „Оппозиція новой поэзіи“, приводитъ только шесть строкъ — изъ пустѣйшаго журнала 1815 года „Духъ журналовъ“ (стр. 208) и характеризуетъ „группы тогдашняго литературнаго міра“ въ слѣдующихъ, ничего не объясняющихъ, строкахъ: „Другія *литературныя* группы его (тогдашняго *литературнаго* міра) въ это и непосредственно

слѣдующее затѣмъ время распредѣлялись такъ: въ Московскомъ университетѣ первенствовалъ Мерзляковъ, въ „Бесѣдѣ“ Шишковъ и князь Шихматовъ, въ домѣ Оленина Гнѣдичъ“ (стр. 207) [339].

Обращаясь къ разбору другихъ балладъ Жуковскаго, г. Загаринъ останавливается на переводѣ Шиллеровой „Кассандры“ (1808 г.). Еще не успѣвши познакомить читателя съ содержаніемъ баллады и представить анализъ ея, г. Загаринъ объясняетъ, почему „образъ Кассандры поразилъ Жуковскаго“. „Его фантазія, (увѣряетъ авторъ разбираемой книги) еще не встрѣчалась съ такою разительною картиной человѣческаго страданія съ такимъ яркимъ изображеніемъ ужаса, который, вселившись въ душу человѣка, повергаетъ ее во всепоглощающій хаосъ. Оно должно было до глубины души потрясти сердце нашего поэта, всѣмъ существомъ своимъ всегда такъ жаждавшаго гармоніи“ (стр. 73). На какихъ данныхъ основанъ этотъ взглядъ, г. Загаринъ не объясняетъ. Докторъ Зейдлицъ не находитъ въ „Кассандрѣ“ никакого признака собственнаго расположенія духа, субъективныхъ ощущеній, характеризующихъ оригинальныя стихотворенія Жуковскаго [340]. Въ изложеніи „Кассандры“ (стр. 73—78) г. Загаринъ слѣдуетъ Дюнцеру [341], но, повидимому, не раздѣляетъ принятаго Дюнцеромъ мнѣнія о связи между положеніемъ Кассандры и Орлеанской дѣвы въ началѣ 4-го акта. Приводя „Кассандру“ въ связь съ предыдущими произведеніями Жуковскаго, г. Загаринъ приходитъ къ такому выводу: „Бюргеръ нашелъ отзывъ въ его сердцѣ (Жуковскаго) своимъ сильнымъ протестомъ противъ малодушнаго желанія снискать счастіе въ *настоящемъ*. Теперь, читая Шиллера, Жуковскій нападаетъ на другую, столь же драматическую картину этого *настоящаго*, отравленнаго навѣки и въ глазахъ нашего поэта. На этотъ разъ вымыселъ Шиллера перенесъ его въ міръ языческій. Это собственно ярко должно было отмѣтить все значеніе будущаго, въ которомъ нашъ поэтъ ищетъ примиренія, нося тяжесть жизни, его не удовлетворяющей“ (стр. 74). Въ другомъ мѣстѣ (стр. 78) г. Загаринъ говоритъ: „Надежда на утѣшеніе въ будущемъ— вотъ одна черта того идеала, который начинаетъ слагаться у нашего поэта въ эту начальную эпоху его поэтическаго по-

прища: его даетъ чувствовать „Людмила“; надежда на утѣшеніе въ будущемъ невѣдомомъ—добавляетъ „Кассандра“. Здѣсь „Людмила“ Жуковскаго получаетъ совершенно новое освѣщеніе, едва ли, однако, вѣрное. Анализируя „Людмилу“ сравнительно съ „Ленорою“ Бюргера, г. Загаринъ приходитъ къ иному заключенію: „И въ послѣдней пѣснѣ привидѣній, разъяснивъ все событіе, какъ кару *за ропотъ*, онъ (Жуковскій) *не даетъ ничего болѣе*“. Баллада Жуковскаго „получила характеръ *праздной* мелодраматической фантазіи“ (стр. 69). Теперь оказывается, что въ „Людмилѣ“ отражается „одна черта того идеала, который начинаетъ слагаться у нашего поэта“. Казалось бы, мораль баллады ясно выражена Жуковскимъ въ заключительной строфѣ:

Смертныхъ ропотъ безразсуденъ.

Та же мораль и въ „Ленорѣ“ Бюргера:

Geduld! Geduld! Wenn 's Herz auch bricht!
Mit Gott im Himmel hadre nicht!

Г. Загарину чувствуется въ „Людмилѣ“ „надежда на утѣшеніе въ будущемъ“. Очень ясна и основная мысль Шиллеровой баллады:

Лишь незнанье жизнь прямая,
Знанье—смерть прямая намъ.

т.-е. (объясняетъ одинъ изъ лучшихъ толкователей Шиллера) только при ограниченности познаванія, только „in einem fröhlich dunkeln Sinne“ [342], въ дѣтской вѣрѣ и надеждѣ цвѣтетъ человѣческая жизнь какъ для наслажденія, такъ и для идеальныхъ цѣлей... И потому въ гимнѣ на *Счастіе* говорится о богахъ:

Nicht der Sehende wird von ihrer Erscheinung beseligt,
Ihrer Herrlichkeit Glanz hat nur der Blinde geschaut.

„Мы видимъ,—заключаетъ Гоффмейстеръ [343], изъ котораго мы заимствуемъ это толкованіе,—что Шиллеръ, этотъ современный апостолъ христіанства, вездѣ возвышаетъ идеальную вѣру надъ реальнымъ знаніемъ“. Между „Кассандрою“ и другими произве-

деніями Жуковскаго, написанными или въ одно съ ней или въ близкое къ ней время, несомнѣнно, существуетъ идейная связь. „Ропотъ безразсуденъ, Царь Небесный правосуденъ“, — учитъ „Людмила“; итакъ, человѣку нужно терпѣніе и смиреніе. „Разительный урокъ *смиренія*“ [344] видитъ Жуковскій въ смерти Каменскаго, передъ которымъ „грядущее было окинуто мглою“ (1809 г.). Въ произведеніяхъ Жуковскаго, относящихся къ той же эпохѣ, какъ и „Кассандра“, поэтъ не разъ высказываетъ, что онъ „*мечтаетъ* и блаженъ“, что „свѣтъ магически разубранъ для него *мечтою*“, что за нимъ всюду „летаютъ мечты“, что онъ „играетъ призраками и счастливъ“, „очарованье души“ заслоняетъ передъ нимъ скорбь и нищету [345].

Что́ жизнь, когда въ ней нѣтъ *очарованья?*

У Жуковскаго Кассандра жалуется:

Я одна *мечты* лишенна [346].

„Не знай жизни“, „отдавайся мечтамъ“ — вотъ что́ говоритъ, кажется, Кассандра Жуковскаго. Съ особенною полнотою высказалъ нашъ поэтъ это воззрѣніе на жизнь въ „Изъясненіи картинки“, приложенной къ № 1 „Вѣстника Европы“ 1808 года. „Изъясненіе“, несомнѣнно, писано Жуковскимъ. Вотъ его начало: „Судьба управляетъ теченіемъ жизни, очарованной привлекательными, но тщетными мечтами,—вотъ содержаніе аллегорической картины французскаго живописца Караффа“. „Эта картина (объясняетъ Жуковскій) пріятна и по тому, что́ въ ней находишь [347], и по тому, что́ прибавляешь къ ней воображеніемъ. Юная, беззаботная, погруженная въ дремоту Жизнь плыветъ на легкомъ суднѣ по неизвѣстнымъ водамъ; Судьба, въ видѣ старика, сидитъ на кормѣ, правитъ весломъ и держитъ парусъ, надутый попутнымъ вѣтромъ; Время, другой старикъ, задумчивый, мрачный, съ неподвижными крылами, съ поникшимъ, неотвратимо устремленнымъ на роковые часы взоромъ, обвитый змѣею (эмблема вѣчности), сидитъ у мачты и считаетъ падающія песчинки—*привлекательная, возбуждающая меланхолическія чувства картина!* Смотря на прелестную Жизнь, которая такъ безпечно лежитъ на краю бездны, спрашиваешь, откуда

и куда влекутъ ее сіи два таинственные старца? Легкая ладія со всѣхъ сторонъ окружена мракомъ; блѣдный лучъ, ліющійся изъ промежутка облаковъ, не свѣтитъ на пути, а только озаряетъ прозрачный *парусъ, на которомъ мелькаютъ магическіе призраки;* единый только неявственный блескъ ихъ и изрѣдка меланхолическій образъ Времени замѣтны для взора путницы, *обремененнаго сумракомъ дремоты: но бездна, въ которой половина одежды ея уже погрузилась;* но старецъ, у ногъ котораго она простерта, который, смотря на нее изъ-подъ таинственной повязки, одинъ, назади, всѣмъ управляетъ; но ломкость ладіи, но ужасъ *окрестнаго мрака;* она ихъ не видитъ; ея *спокойствіе въ незнаніи,* однѣ привидѣнія, развѣваемыя въ глазахъ ея дыханіемъ вѣтерка, *для нея существуютъ! Обманутая* волшебнымъ *сномъ,* она *мечтаетъ,* что сама, произвольно за ними стремится; ее веселитъ надежда, *сладкая надежда*[348], ихъ настигнуть — надежда, иногда возмущаемая грознымъ присутствіемъ Времени. На *парусѣ,* который не весь еще распустился, *легкіе призраки* смѣняются одинъ другимъ: призракъ любви уступаетъ уже призраку фортуны — какой послѣдуетъ за ними? Но, можетъ быть, непостоянныя облака сольются, сопутствующій лучъ и съ нимъ *милыя обманчивыя мечты угаснутъ!* быть можетъ, поднимется вихрь, ладія не погибнетъ, но *тонкій парусъ сорвется его порывомъ! Что озаритъ тогда печальную мрачность?* И гдѣ сія *неизвѣстная пристань,* къ которой рано или поздно ладія примчится? Быть можетъ, близко - стрегущій подъ волнами утесъ: въ него ударится ладія и разлетится въ прахъ! Быть можетъ, въ дали!... Таинственный кормщикъ ихъ видитъ, но онъ молчитъ и правитъ неутомимо кормою. Наступитъ время, когда онъ самъ, переломивъ весло и сбросивъ съ головы повязку, торжественно скажетъ: *путница, пробудись!* когда унылый, неподвижный товарищъ его незапно возстанетъ съ мѣста, разобьетъ часы, накинетъ на нее свой очарованный поясъ и улетитъ—тогда *разсѣется непроницаемая мгла!* Изумленная увидитъ, какимъ путемъ, на какомъ легкомъ челнокѣ, къ какому *брегу* пристала; увидитъ лицемъ къ лицу Невѣдомаго Правителя ладіи; будетъ искать глазами оныхъ призраковъ, которыми такъ беззаботно плѣнялась, и глазамъ ея, при новомъ, яркомъ свѣтѣ,

представится одинъ *бѣлый парусъ*, на которомъ уже все невидимою рукою изглажено“ [349].

Это лирическое изліяніе, вылившееся изъ-подъ пера Жуковскаго въ одинъ годъ съ написаніемъ „Людмилы“ и за годъ до появленія „Кассандры“, даетъ намъ драгоцѣнный комментарій къ его стихотвореніямъ и, вмѣстѣ, представляетъ любопытный матеріалъ для его біографіи въ періодъ 1805—1810 годовъ. Эта прозаическая статья можетъ быть названа исповѣдью, отрывкомъ изъ автобіографіи поэта и должна быть поставлена, по своему біографическому интересу, наряду съ тѣмъ многоцѣннымъ, для объясненія внутренней жизни Жуковскаго, матеріаломъ, къ которому г. Загаринъ слишкомъ рѣдко обращается, — къ интимнымъ письмамъ Жуковскаго. Картина Караффа послужила лишь внѣшнимъ поводомъ къ тому, чтобы съ полною искренностью высказать то, что́ происходитъ въ душѣ поэта, что́ составляло его задушевныя вѣрованія въ эту эпоху. Біографу Жуковскаго, комментатору его произведеній, никогда не слѣдуетъ забывать собственнаго его признанія: „У меня наиболѣе свѣтлыхъ мыслей тогда, когда ихъ надобно *импровизировать* въ воображеніе или въ *дополненіе чужихъ мыслей; мой умъ какъ огниво, которымъ надобно ударить объ кремень, чтобы изъ него выскочила искра — это вообще характеръ моего авторскаго творчества;* у меня почти все чужое, или по поводу чужаго — *и все однако мое*“ [350]. Слѣдующія строки изъ письма Жуковскаго къ Гоголю еще болѣе объясняютъ эту характеристику: „Набросай мнѣ нѣсколько живыхъ картинъ (Палестины) безъ всякаго плана, какъ вспомнится, какъ напишется; мнѣ это будетъ несказанно полезно и даже вдохновительно для моей поэмы; я увѣренъ, что къ собственнымъ моимъ идеямъ *прибавится много новыхъ, которыя выскочатъ какъ искры отъ удара моей фантазіи объ твою*“. Какія же искры извлекла изъ фантазіи Жуковскаго картина Караффа или, говоря языкомъ его же статьи, что́ „прибавилъ онъ къ картинѣ *своимъ* воображеніемъ“?

Въ 1818 году Жуковскій такъ вспоминаетъ то время своей жизни, къ которому относятся „Изъясненіе картины Караффа“, „Людмила“ и переводъ „Кассандры“:

Отуманеннымъ потокомъ
Жизнь унылая *плыла;*
Берегъ въ сумракѣ глубокомъ,
На холодномъ небѣ мгла.
Тьмою звѣзды обложило,
Бури нѣтъ—*одинъ туманъ;*
И вдали реветъ уныло
Скрытый мглою океанъ.
Было время — былъ день ясный,
Были пышны *берега,*
Были *рощи* сладкогласны,
Были *зелены луга* [331].
И за ней вились толпою
Свѣтлокрылые друзья:
Юность легкая *съ мечтою*
И *живыхъ надеждъ* семья [332].
Къ ней тѣснились, услаждали
Мирный путь ея игрой,
И надъ нею разстилали
Благодатный *парусъ свой;*
Къ ней *фантазія летала*
Въ блескѣ радужныхъ лучей
И съ небесъ къ ней привлекала
Очарованныхъ гостей:
Вдохновеніе съ звѣздою [333]
Надъ возвышенной главой,
И Хариту съ молодою
Музой, генія сестрой;
И она, ихъ внемля пѣнье,
Засыпала въ тишинѣ,
И ловила *привидѣнье*
Счастья милаго во снѣ [334].

„Изъясненіе картины Караффа“ и лирическое стихотвореніе „Жизнь (видѣніе во снѣ)“, начало котораго мы только-что привели, были полнымъ и вѣрнымъ выраженіемъ душевной жизни Жуковскаго въ указанное время: одинъ и тотъ же поэтъ, убаюканный мечтами поэзіи, съ увѣренностью, что „спокойствіе жизни—въ незнаніи“, избиралъ *въ это время* для перевода балладу Шиллера о *Кассандрѣ*, „лишенной мечты“ [355] и скорбящей о потерѣ „безмятежнаго незнанья“, коимъ „блаженны“ люди,—и для своеобразнаго изъясненія картины Караффа. Къ „Кассандрѣ“ привлекла Жуковскаго та же идея о „блаженствѣ незнанія“, о счастіи мечтателя, которую вычиталъ онъ изъ картины Караффа,

и которая сложилась въ немъ подъ вліяніемъ обстоятельствъ тогдашней его жизни. Не только въ оригинальныхъ, но даже и въ переводныхъ и въ подражательныхъ стихотвореніяхъ этой эпохи отражается эта идея. Но вотъ что разсказываетъ самъ Жуковскій о своей молодости: „Моя жизнь пролетѣла на крыльяхъ легкой *беззаботности*, рука въ руку съ призракомъ *поэзіи, которая насъ часто гибельнымъ образомъ обманываетъ насчетъ насъ самихъ*, и часто, часто мы ея свѣтлую радугу, *привидѣніе ничтожное и быстро исчезающее*, принимаемъ за твердый мостъ, ведущій съ земли на небо. Подъ старость я не разсорился съ поэзіей, *но не въ ней правда;* она только земная блестящая риза правды“ [356]. Такъ смотрѣлъ старецъ (письмо писано въ 1847 г.) на ту счастливую пору своей жизни, когда для него было

Жизнь и поэзія—одно.

„Жизнь прежняя,—пишетъ Жуковскій въ томъ же письмѣ,—*избаловала* и *испортила меня;* Промыслъ Божій опредѣлилъ мнѣ послать средство *исправленія; онъ надѣлъ на эту беззаботную жизнь*, сохранившую до старости *дѣтскую безпечность*, вѣнецъ семейнаго счастія... Душа моя, до сихъ поръ *лѣнивая сибаритка*, познакомилась съ тѣми тревогами, которыя составляютъ многочисленную свиту нашихъ любезнѣйшихъ земныхъ сокровищъ“ [357]. Наконецъ, въ томъ же году Жуковскій дѣлаетъ такое же признаніе: „Это время (конецъ 1846 года и начало 1847 г.) было самымъ тяжкимъ во всей моей *жизни, избалованной своимъ постояннымъ беззаботнымъ спокойствіемъ*. Оно баловало меня съ колыбели, *въ которой до старости лѣтъ я лежалъ веселымъ младенцемъ* и посматривалъ на все, окружающее мою люльку, *сквозь сонъ поэтическій*. И вдругъ изъ этой люльки, *отрезвившись*, я всталъ шестидесятилѣтнимъ старикомъ; и только тутъ догадался, что наша жизнь не поэтическій сонъ, а строгое существенное испытаніе“ [358]. Нужно ли что-нибудь прибавлять къ этой характеристикѣ, вполнѣ соотвѣтствующей тому, что изучающій „внутреннюю жизнь и произведенія“ Жуковскаго можетъ вычитать изъ сочиненій его, относящихся къ 1805—1810 годамъ? Но г. Загаринъ забылъ то мудрое правило, которое наблюдалъ Зейдлицъ, когда писалъ свою книгу о Жуковскомъ:

„держать разсказъ въ сторонѣ отъ субъективныхъ сужденій“ о поэтѣ. Авторъ разбираемой книги, напротивъ, останавливаясь только на тѣхъ произведеніяхъ Жуковскаго, которыя онъ считаетъ почему-то „важнѣйшими“ (произведеніяхъ большею частію переводныхъ), проходитъ мимо цѣлаго ряда оригинальныхъ лирическихъ твореній Жуковскаго, игнорируетъ его собственныя откровенія въ письмахъ и щедро разсыпаетъ по своей книгѣ „субъективныя сужденія“ о поэтѣ. Тотъ образъ нравственнаго существованія, который начертанъ Жуковскимъ въ только-что приведенныхъ отрывкахъ, замѣняется въ книгѣ г. Загарина слѣдующею характеристикою, высказанною по поводу перевода „Кассандры“: „Кассандра должна была вызвать вдвойнѣ состраданіе Жуковскаго. Она является въ чарующемъ величіи человѣка, неспособнаго малодушно топить запросы больной души въ чашѣ наслажденій: источникъ ея страданій въ исключительности натуры избранной, силою бога вознесенной надъ низостью настоящаго“. Исключенная изъ круга людей вдохновеніемъ божественнаго всевѣдѣнія, но сама оставаясь человѣкомъ, Кассандра должна была привлечь Жуковскаго, какъ образъ, изумительно краснорѣчивый для того, кто носитъ въ душѣ неотступную мысль объ исходѣ существованія въ мірѣ, въ „этой области изгнанія“, низменныя радости которой не могутъ дать истиннаго счастія, и въ которой высокіе порывы души такъ мало кому нужны!“ (стр. 73). Но гдѣ же въ Кассандрѣ „чарующее величіе человѣка, неспособнаго малодушно топить запросы больной души въ чашѣ наслажденій“? Она, напротивъ, проситъ бога:

Фебъ! возьми твой даръ *опасный*,
Очи мнѣ спѣши затмить!
Тяжко истины ужасной [339]
Смертною скудельо быть!
. . . . . .
Я забыла славить *радость*,
Ставъ пророчицей твоей!
Слѣпоты погибшей *сладость*,
Мирный мракъ минувшихъ дней!
Съ вами скрылись *наслажденья!*
Онъ мнѣ будущее далъ,
Но *веселіе мгновенья*

И *минуты жизнь* отъялъ! [360]
. . . . . .
И моей любви открылся
Тотъ, къ кому летимъ душой!...
Но для насъ передъ богами
Брачный гимнъ не возгремитъ...

Объясняя „Кассандру“, г. Загаринъ припоминаетъ элегію Жуковскаго „Посланіе къ Филалету“ (1807 г.):

Не знаю, но, мой другъ, кончины сладкій часъ
Моей любимою мечтою становится (стр. 74).

Но вотъ что́ писалъ тому же Филалету (Александру Ивановичу Тургеневу) Жуковскій, вспоминая свою жизнь послѣ смерти Андрея Ивановича и старика Ивана Петровича Тургеневыхъ (1807 г.):

Увы! ихъ нѣтъ... мы каждый по тропамъ
Незнаемымъ за счастьемъ полетѣли.
Намъ прошепталъ какой-то голосъ; *тамъ!*
Но что? и гдѣ? и кто вожатый къ цѣли?
Вдали сіялъ *плѣнительный призракъ*—
Насъ тайное къ нему стремленье мчало,
Но опытъ *вдругъ накинулъ покрывало*
На нашу даль—и тамъ одинъ лишь мракъ.
И вѣрою къ грядущему убоги,
Задумчиво глядитъ съ полудороги
На спутниковъ, отставшихъ назади,
На милую фантазію съ мечтами...
Измѣнница! *на вѣкъ простилась съ нами,*
А все еще твердитъ свое: иди!
. . . . . .
Природа тажь... *но гдѣ очарованье?*
Ахъ! съ нами, другъ, и прежній міръ пропалъ:
Предъ опытомъ умолкло упованье... [361]

Тому же А. И. Тургеневу повѣдалъ Жуковскій и о той порѣ, когда его мечты начали разлетаться, и онъ, очнувшись отъ своего поэтическаго сна, рванулся отъ прежняго квіетизма къ новой жизни, къ труду, къ дѣятельности. Вотъ что́ пишетъ Тургеневу Жуковскій въ ноябрѣ 1810 года: „Ахъ, братъ и другъ! *сколько погибло времени!* Вся моя прошедшая жизнь покрыта какимъ-то туманомъ *недѣятельности душевной*, который ничего не

даетъ мнѣ различить въ ней. Причина этой недѣятельности тебѣ извѣстна. А теперь, другъ мой, эта самая дѣятельность служитъ мнѣ лѣкарствомъ отъ того, что́ было прежде ей помѣхой. Если *романическая любовь* можетъ спасать душу отъ порчи, за то она *уничтожаетъ въ ней и дѣятельность,* привлекая ее къ одному предмету, который удаляетъ *ее отъ всѣхъ другихъ*. Этотъ одинъ *убійственный предметъ, какъ царь, сидѣлъ въ душѣ моей по сіе время*“ [362]. Внимательный біографъ Жуковскаго непремѣнно отмѣтитъ послѣдній мѣсяцъ 1810-го года и слѣдующій годъ, какъ одну изъ наиболѣе тяжелыхъ эпохъ въ жизни Жуковскаго, переживавшаго глубокое душевное потрясеніе. Едва окончена была первая часть баллады „Двѣнадцать спящихъ дѣвъ“ [363], уже въ стихотвореніяхъ (оригинальныхъ) Жуковскаго, 1811 года, слышатся тоны отчаянной скорби и страданія: жизненному идеалу поэта, такъ долго лелѣянному, нанесенъ сильный и, можетъ быть, неожиданный ударъ. „Мечтамъ конецъ! Умолкни, лира“ Такихъ стихотвореній написано въ 1811-мъ году только три-четыре: „Пѣвецъ“, „Добрая мать“, „Надпись къ солнечнымъ часамъ въ саду И. И. Дмитріева“ и „Къ моему другу“. Можетъ быть къ этому же году относится и „Пловецъ“ [364]. Стихотвореніе „Къ моему другу“, названное *впослѣдствіи* „подражаніемъ нѣмецкой пѣснѣ“, намъ представляется вполнѣ оригинальнымъ, исполненнымъ высокаго лиризма произведеніемъ. Болѣе объективное, *по формѣ*, выраженіе думъ Жуковскаго въ эту пору представляетъ „Пѣвецъ“

. . . съ *обманутой* душою
Я счастья ждалъ—*мечтамъ конецъ,*
Погибло все, умолкни лира...
Скорѣй, скорѣй въ обитель мира,
Бѣдный пѣвецъ!
Что́ жизнь, когда въ ней нѣтъ очарованья?
Блаженство знать, къ нему летѣть душой,
Но пропасть зрѣть межь нимъ и межь собой
Желать всякъ часъ и трепетать желанья... [365].

Элегическія жалобы „бѣднаго пѣвца“, но уже отъ лица Жуковскаго, раздаются и въ „Надписи“:

Прошла моя весна, съ минутной красотой;
Прости любовь! *конецъ мечтамъ и заблужденью,*
Лишь *дружба* мирная съ улыбкой предо мной! [366]

Для перевода Жуковскій избираетъ въ этомъ году такія, произведенія въ которыхъ выражается скорбь объ утратѣ мечтаній, заблужденья и надеждъ юности. *Цвѣтокъ*, „минутная краса полей", наводитъ его на мысли объ „удѣлѣ" человѣка:

Отъемлетъ каждый день у насъ
Или *мечту*, иль *наслажденье*,
И каждый разрушаетъ часъ
Драгое сердцу заблужденье.
Смотри... *Очарованья нѣтъ;*
Звѣзда надежды угасаетъ [367].

„Романсъ изъ Шиллера *Жалоба*" возвращаетъ Жуковскаго къ тому же образу:

Такъ всѣ радости земныя—
Цвѣтъ увядшій полевой [368].

Утративши *мечты* молодости, „*очарованье*", поэтъ спрашиваетъ:

Гдѣ воскресну я душой? [369]

И отвѣтъ на это находитъ у того же Шиллера: „дружба, сердца исцѣлитель", и трудъ неутомимый,

Души хранитель какъ она" [370]

Но Жуковскій даетъ труду значеніе болѣе ограниченное; онъ предоставляетъ его вліянію болѣе узкую сферу *личной*, индивидуальной жизни, между тѣмъ какъ у Шиллера трудъ является великою историческою задачею для всего человѣчества. Когда нѣтъ вѣры милой къ твореньямъ пламенной *мечты*, когда красоты прежнихъ *призраковъ* сдѣлались добычею *унылой истины*, Жуковскій обращается къ труду:

Кому святая власть дана:
Всегда творить, не разрушая,
Мирить *печальнаго* съ судьбой
И, силу въ сердцѣ водворяя,
Беречь въ ней ясность и покой.

Необходимость этого обращенія къ *труду*, къ дѣятельности Жуковскій объясняетъ А. И. Тургеневу, отъ котораго ждетъ

руководства на новой дорогѣ, потому что въ немъ онъ видитъ живое воплощеніе другаго хранителя души, исцѣлителя сердца—*дружбы:*

Мой добрый геній съ юныхъ лѣтъ [371].

„Бѣдный пѣвецъ“ представляетъ себѣ вѣрнымъ путемъ къ покою — *могилу.* Помыслы поэта устремляются вновь къ тому „таинственному брегу“, къ той „вѣрной пристани“, которая закрыта была отъ молодой, погруженной въ мечты Жизни.

Чѣмъ объясняется этотъ элегическій тонъ названныхъ стихотвореній? Какія мечты утратились у „бѣднаго пѣвца“? Докторъ Зейдлицъ совершенно вѣрно замѣчаетъ: „Жуковскій просилъ у Екатерины Протасовой руки ея старшей дочери — Маріи... Съ дочерью онъ не говорилъ о своемъ намѣреніи, но матери онъ передалъ свою просьбу съ свойственною ему искренностію и теплотою. Но увы! слова, которыя шли отъ сердца, не нашли никакого доступа къ сердцу строгой женщины! Она холодно укрылась за церковныя запрещенія, которыя не допускали брака между столь близкими родственниками. Напрасно представлялъ ей Жуковскій, что ни церковь, ни государство не могутъ констатировать степени кровнаго родства, даже какой-либо родственности между нимъ и ея дочерью, что они даже не въ правѣ допускать таковую; что если законъ запрещаетъ ему называть себя братомъ ея, Протасовой, то въ этомъ не заключается запрещенія сдѣлаться ея сыномъ. Тщетно! Всѣмъ доказательствамъ, всѣмъ просьбамъ госпожа Протасова противопоставила свое собственное толкованіе и примѣненіе церковныхъ каноновъ. Бесѣда кончилась строгимъ запрещеніемъ Жуковскому никому не сообщать, особенно же дочери ея, объ его склонности и о намѣреніи сочетаться бракомъ. Жуковскій долженъ былъ подчиниться волѣ своей сведенной сестры. Онъ ее исполнилъ; но она не могла запретить ему попрежнему обращаться въ своихъ стихотвореніяхъ къ *Ней,* невѣдомой, говорить объ *Ней,* возлагать свою надежду на *„тамъ“*, на „будущее“. Многія стихотворенія, многія пѣсни, выборъ для переложеній теперь для насъ понятны. *Многое, что представляется мечтательною романтикою, имѣетъ положительное содержаніе“* [372]. Не указывая прямо и

опредѣленно годъ, къ которому относится это первое сватовство Жуковскаго, докторъ Зейдлицъ въ первомъ нѣмецкомъ изданіи своей книги сближаетъ это объясненіе Жуковскаго со временемъ окончанія 1-й части „Двѣнадцати спящихъ дѣвъ", т.-е., по его указанію, съ *1810 годомъ* [373]. Къ этому же году относитъ Зейдлицъ и стихотворенія: *Цвѣтокъ*, Жалоба, Желаніе, *Пѣвецъ*, Мечты, *Посланіе къ Батюшкову*, *Посланіе къ Ал. Ив. Тургеневу*. Эпимесидъ, конечно, на томъ основаніи, что видитъ въ этихъ стихотвореніяхъ выраженіе той „сердечной катастрофы, которая разстроила судьбу Жуковскаго". Въ русскомъ изданіи своего сочиненія Зейдлицъ уже пріурочиваетъ, безъ всякихъ основаній, первое сватовство Жуковскаго къ 1812 году [374], передвигая—и вполнѣ справедливо — „Посланіе къ А. И. Тургеневу" [375] въ 1813 годъ, которымъ оно и отмѣчено во 2-мъ изданіи „Стихотвореній Жуковскаго". Но если первое сватовство Жуковскаго относится дѣйствительно къ первой половинѣ 1812 года, то къ какому году отнести стихотворенія: „Пѣвецъ", „Жалоба", „Желаніе", „Мечты", „Цвѣтокъ"? Теперь въ спискѣ Зейдлица имъ уже нельзя оставаться подъ 1810-мъ. И вотъ въ новомъ, русскомъ текстѣ своей книги о Жуковскомъ Зейдлицъ выходитъ изъ затрудненія тѣмъ, что не упоминаетъ объ этихъ стихотвореніяхъ [376]. Принимая во вниманіе связь этихъ стихотвореній съ письмомъ къ А. И. Тургеневу отъ 7 ноября 1810 года [377] (выше показанную), не сомнѣваясь, что это послѣднее письмо писано подъ вліяніемъ отказа Протасовой Жуковскому въ рукѣ дочери, мы должны предположить, что отмѣченныя выше стихотворенія: „Цвѣтокъ", „Жалоба", „Желаніе", „Пѣвецъ", „Надпись къ солнечнымъ часамъ", „Мечты" написаны или въ 1811-мъ году, или нѣсколько позднѣе [378]. Во всякомъ случаѣ, эти произведенія написаны *послѣ* неудавшагося сватовства Жуковскаго. Въ началѣ (именно 12-го) апрѣля 1812 г., Батюшковъ посылаетъ Жуковскому свое граціозное стихотвореніе „Мои пенаты" [379]. Батюшкову уже извѣстно горе его сердечнаго друга:

Сложи печалей бремя,
Жуковскій добрый мой!
Стрѣлою мчится время,
Веселіе стрѣлой!
Позволь же дружбѣ *слезы*

И горесть усладить
И счастья блеклы розы
Эротамъ оживить [380].

Отвѣчая на это посланіе Батюшкова *въ маѣ 1812 года*, Жуковскій спрашиваетъ:

И много ли замѣнъ
Намъ дастъ мечта крылата
Тогда, какъ *безъ возврата*
Блаженство улетитъ,
Съ блаженствомъ упованье,
И въ сердцѣ замолчитъ
Унывшее желанье;
И ты (какъ *палачемъ*
Преступникъ раздробленный
И къ плахѣ пригвожденный)
Въ безсиліи своемъ
Еще быть долженъ зритель,
Какъ жребій истребитель
Все то, *чѣмъ ты дышалъ*,
Что, *сердцемъ увлеченной*
Въ надеждѣ восхищенной,
Своимъ ужь называлъ,
Другому на пожранье
Отдастъ въ твоихъ глазахъ...
Тебѣ жь одно терзанье
Надъ гробомъ милыхъ благъ? [381]

Только 3-го августа того же года Екатерина Аѳанасьевна Протасова нашла, что Жуковскій проговорился о своей привязанности, и „принудила его на слѣдующій же день оставить Муратово“ [382].

Въ книгѣ г. Загарина письмо къ Тургеневу отъ 7 ноября 1810 года понято совершенно превратно. Несмотря на категорическое заявленіе Жуковскаго, что „*теперешняя* дѣятельность избавляетъ его душу отъ вреднаго постояльца“ (отъ романической любви), что его „ангелами-хранителями“ съ этого времени будутъ дружба и трудъ, г. Загаринъ свои извлеченія изъ этого письма сопровождаетъ такимъ выводомъ: „Въ душѣ поэта прежняя любовь *вспыхнула съ новою силою* [383]. Мирный „хранитель души“ — трудъ *уступилъ вновь мѣсто* „вредному постояльцу“ (стр. 130). Пріурочивая первое сватовство Жуковскаго къ

1812 году [384] и относя въ то же время всѣ названныя нами стихотворенія къ 1810 году, согласно хронологіи, принятой г. Ефремовымъ [385], авторъ разбираемой книги не приводитъ этихъ стихотвореній въ связь съ предложеніемъ Жуковскаго. Онъ видитъ въ „Эпимесидѣ“ [386] (подражаніе Парни) „выраженіе *личныхъ чувствъ*“ поэта. „Что „Эпимесидъ“ потребовался Жуковскому главнымъ образомъ для выраженія его личныхъ чувствъ—ясно изъ очевидной его связи съ двумя другими стихотвореніями того же времени. Первое изъ нихъ „Надпись къ солнечнымъ часамъ въ саду Дмитріева“, (приводится вполнѣ) т.-е. лишенный одного изъ благъ, полученныхъ Эпимесидомъ, поэтъ находитъ утѣшеніе въ другомъ. Та же мысль (думаетъ г. Загаринъ) внушаетъ ему переводъ Шиллерова стихотворенія „Die Ideale“ (стр. 121). Но эта мысль (т.-е. лишенный одного изъ благъ, полученныхъ Эпимесидомъ—любви, дружбы, способности къ благотворенію, — поэтъ находитъ утѣшеніе въ другомъ) лишь съ большими натяжками можетъ быть приведена въ связь съ стихотвореніемъ Шиллера: г. Загаринъ снова находитъ въ стихахъ нѣмецкаго поэта не то, что̀ въ нихъ дѣйствительно выражено. Основной мотивъ „Идеаловъ“—горькая скорбь о невозвратно убѣгающей юности съ ея радостями и скорбями, объ утратѣ „идеаловъ“ (или „мечты“, какъ переводитъ Жуковскій). Эта скорбь и привлекла вниманіе Жуковскаго къ стихотворенію Шиллера. Г. Загаринъ смотритъ на это стихотвореніе иначе. Послѣ небольшаго изложенія „Идеаловъ“ Шиллера въ переводѣ нашего поэта г. Загаринъ приводитъ заключительныя строки стихотворенія о *трудѣ* и замѣчаетъ: „Между тѣмъ *скоро* суждено было разрушиться и „ясности и покою“, которые тщетно оберегалъ въ немъ „хранитель души—трудъ“ (стр. 122), прибавляя, что „трудъ уступилъ вновь (?) мѣсто“ прежней любви (стр. 130). Анализируя названныя нами стихотворенія внѣ связи съ жизнью поэта, не обращая при этомъ никакого вниманія на хронологическую послѣдовательность разбираемыхъ стихотвореній, г. Загаринъ или искажаетъ ихъ основную мысль, чувство, въ нихъ отразившееся, или, если и удается ему отмѣтить въ нихъ „чувство *тоски* и *недоступности счастія*“, даже „яркое изображеніе переживаемыхъ страданій“ (стр. 131—132), оставляетъ безъ объясненія источникъ

этихъ страданій. Г. Загаринъ не выясняетъ въ этихъ стихотвореніяхъ „положительнаго содержанія“ ихъ, по выраженію Зейдлица; они остаются для него „мечтательною романтикою“... Указанныя стихотворенія, изъ которыхъ „Посланію къ Батюшкову“ самъ же г. Загаринъ не можетъ отказать въ „яркомъ изображеніи *переживаемыхъ* страданій“, приравниваются къ „Посланію къ Филалету“ (1807 года) на томъ основаніи, что и въ этомъ послѣднемъ выражается „несчастная любовь“ — къ *14-лѣтней* племянницѣ,—прибавимъ мы (стр. 128—129). Въ главѣ о „Кассандрѣ“ г. Загаринъ находитъ, что „Посланіе къ Филалету“ представляетъ *наилучшее выраженіе* элегическаго чувства, вызваннаго тѣми тяжкими испытаніями, которыя приходилось переживать оптимизму Жуковскаго (стр. 74). Оставляя надежное руководство собственныхъ признаній поэта и его друзей, характеризуя стихотворенія Жуковскаго въ извѣстныя эпохи *преимущественно* на основаніи переводовъ, невѣрно объясненныхъ, г. Загаринъ вноситъ въ изложеніе исторіи внутренней жизни поэта запутанность и теряется въ противорѣчіяхъ. Важнѣйшее лирическое откровеніе изъ той эпохи, о которой мы говоримъ, притомъ почти единственное оригинальное въ ней, знаменитое стихотвореніе „Пѣвецъ“ — совершенно не упоминается въ книгѣ г. Загарина... Зато *нѣсколько десятковъ страницъ* (стр. 78—112, XLVI—LXII) посвящается изложенію „Двѣнадцати спящихъ дѣвъ“, — нелѣпаго романа Шписа, этого „представителя низменнаго вкуса“, по справедливому замѣчанію г. Загарина. При изложеніи той части, „которою воспользовался поэтъ нашъ для „Громобоя“, г. Загаринъ приводитъ подъ чертою параллельные разсказу Шписа стихи Жуковскаго. Глава, заключающая въ себѣ сличеніе „Громобоя“ съ подлинникомъ, открывается слѣдующимъ положеніемъ: „Испытавъ силы на воспроизведеніи иностранныхъ піэсъ для передачи всего *ужаса тьмы, омрачающей душу, если ее не озаряетъ христіанская добродѣтель*, Жуковскій *для выраженія этихъ страданій задумалъ третью балладу, уже болѣе самостоятельную*“ (стр. 78). Итакъ, въ „Людмилѣ“ и „Кассандрѣ“ слѣдуетъ теперь видѣть выраженіе „всего ужаса тьмы, омрачающей душу, если ее не озаряетъ *христіанская добродѣтель*“? Но это новое толкованіе двухъ пер-

выхъ балладъ Жуковскаго противорѣчитъ даже тому взгляду на „Людмилу“ (стр. 60) и „Кассандру“ (стр. 73), который высказанъ самимъ г. Загаринымъ. Или, можетъ быть, вмѣсто *добродѣтель* слѣдуетъ читать *вѣра?* Предлагая на пяти страницахъ (стр. 107—112) выводы изъ сличенія „Громобоя“ съ подлинникомъ, г. Загаринъ совершенно вѣрно указываетъ на отсутствіе въ „Громобоѣ“ „живой характеристики дѣйствующихъ лицъ и изображенія бытовой обстановки“ (стр. 107). Справедливо и другое замѣчаніе г. Загарина: „И въ первой самостоятельно обработанной балладѣ Жуковскаго оказались важнѣйшія особенности (?) его таланта: наклонность къ выраженію элегическихъ чувствъ въ ущербъ драматическимъ моментамъ повѣствованія“ (стр. 112). Здѣсь, однако, справедливая мысль о слабости развитія драматическихъ моментовъ затемнена одностороннимъ объясненіемъ факта—какими-то „особенностями таланта“ Жуковскаго. Припомнимъ собственное признаніе поэта о томъ, какъ протекли годы его юности, когда онъ „смотрѣлъ изъ своей люльки на все, окружавшее его, сквозь сонъ поэтическій“; припомнимъ, что, „отрезвившись“, онъ въ 60 лѣтъ всталъ изъ люльки тѣмъ же младенцемъ,—и причину указанныхъ г. Загаринымъ недостатковъ балладъ Жуковскаго,—отсутствія живой характеристики дѣйствующихъ лицъ, вѣрнаго изображенія бытовой обстановки и скуднаго развитія драматическихъ моментовъ,—мы найдемъ въ совершенномъ отрѣшеніи поэта отъ дѣятельной жизни, отъ дѣйствительности, въ которой видѣлась ему „*низость* настоящаго“. Какъ могъ быть вѣрнымъ живописателемъ „бытовой обстановки“, выразителемъ тревогъ и страданій, которыми пытаетъ человѣка дѣятельная жизнь, поэтъ, знавшій жизнь „изъ сновидѣній и преданій“? Превосходно охарактеризовалъ себя Жуковскій въ посланіи къ княгинѣ А. Ю. Оболенской (1820 г.):

А *я, мечтательнаго зритель,*
Глядѣлъ до сей поры на свѣтъ
Сквозь призму сердца, какъ поэтъ;
Съ его прекрасной стороною
Я неиспорченной душою
Знакомъ, но въ *тридцать слишкомъ лѣтъ*
Я все дитя, и буду вѣчно
Дитя, жилецъ земли безпечный;

Могу товарищемъ я быть
Во всемъ, *что въ жизни сей прекрасно;*
Съ душой невинною и ясной
Могу свою я душу слить;
Но неспособенъ *зоркимъ взглядомъ*
Приманокъ *свѣта различать;*
Могу на счастье руку дать [387],
Но не впередъ идти, а рядомъ [388].

„Зритель мечтательнаго", уединенный идеалистъ чувствовалъ себя легко и свободно въ „толпѣ знакомыхъ привидѣній, призраковъ", онъ „слышалъ *шорохъ тихихъ тѣней*"; но онъ былъ чуждъ того „опыта жизни", въ школѣ котораго воспитывается геній драматическаго поэта. Эта черта роднитъ Жуковскаго съ Тикомъ, съ романтиками вообще. Но возвратимся къ „сличенію „Громобоя" съ оригиналомъ". Изложенію содержанія романа Шписа г. Загаринъ предпосылаетъ слѣдующее короткое объясненіе: „Двѣнадцать спящихъ дѣвъ" Шписа († 1799) принадлежитъ къ тѣмъ романамъ съ привидѣніями (Geister-Romane), которые въ изобиліи появились вслѣдъ за „Духовидцемъ" Шиллера" (стр. 79). Повидимому, этой справки г. Загарину совершенно достаточно, чтобы удовлетворить естественный интересъ читателя къ произведенію, которое въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ (1810—1817 гг.) занимало самого Жуковскаго. Эту справку г. Загаринъ дополняетъ подробнымъ изложеніемъ и той части романа Шписа, которая не давала повода къ подстрочнымъ сравненіямъ съ балладою Жуковскаго. Вотъ какъ объясняетъ г. Загаринъ цѣль этого изложенія: „Въ приложеніи (Ш) мы нарочно довольно подробно пересказали содержаніе и остальной части романа, чтобы читатель видѣлъ, какъ далекъ нашъ поэтъ отъ всѣхъ пріемовъ нѣмецкаго романиста, и какъ изъ пестрой смѣси самыхъ разнообразныхъ приключеній, разсчитанныхъ на вкусъ, притупленный чудовищными рыцарскими и разбойничьими романами, изъ непрерывной цѣпи сценъ, то ужасныхъ, то чувственныхъ, и всегда грубыхъ, онъ съумѣлъ, лишь слегка заимствуя основу событія, создать небольшую балладу, которая, въ сравненіи съ оригиналомъ, невольно поражаетъ насъ и простотою своего настроенія, и изяществомъ языка, и мѣрою въ освѣщеніи изображаемаго, и выдержаннымъ тономъ, который сообщается всему раз-

сказу нравственно-религіозною мыслію, положенною въ его основаніе“ (стр. 107). Эти замѣчанія совершенно вѣрны; но едва ли для подкрѣпленія ихъ нужно было подробное изложеніе романа Шписа. Гораздо полезнѣе было бы дать читателямъ общую характеристику романовъ Шписа и романистовъ одного съ нимъ направленія—Крамера и Вульпіуса. Такая характеристика сдѣлала бы совершенно излишнимъ „подробное изложеніе“ романа Шписа и въ то же время освѣтила бы вкусъ русской читающей публики того времени, когда Жуковскій писалъ свою балладу: романы Шписа и Крамера составляли любимое чтеніе у насъ въ первой четверти текущаго столѣтія. Даже въ 1822 году въ русскомъ переводѣ напечатано (и гдѣ же? въ Орлѣ!) сочиненіе Шписа: „Іоаннъ Хейлингъ, четвертый и послѣдній владѣтель земныхъ, воздушныхъ, огненныхъ и водяныхъ духовъ—повѣсть X вѣка“. Начало текущаго столѣтія было временемъ особенной популярности у насъ романовъ Крамера и Шписа [389]. Эти произведенія, конечно, имѣлъ въ виду Жуковскій, когда, открывая свой „Вѣстникъ Европы“, писалъ: „Раскройте „Московскія Вѣдомости“! о чемъ гремятъ книгопродавцы въ витійственныхъ своихъ прокламаціяхъ? О романахъ *ужасныхъ*, забавныхъ, *чувствительныхъ*, *сатирическихъ*, моральныхъ и прочее, и прочее. Что̀ покупаютъ охотнѣе посѣтители Никольской улицы въ Москвѣ? Романы“ [390]. Жуковскій, „родитель на Руси нѣмецкаго романтизма и поэтическій дядька чертей и вѣдьмъ нѣмецкихъ и англійскихъ“,—какъ онъ самъ себя называлъ [391],—нашелъ на Руси цѣлую массу „волшебныхъ“ романовъ, авторы которыхъ также могли претендовать на титулъ поэтическихъ дядекъ чертей и вѣдьмъ. Но этого мало. Циклъ романовъ Шписа, Крамера и однородныхъ съ ними имѣлъ немалое значеніе въ жизни и литературной дѣятельности одного изъ первыхъ романтиковъ—Тика. Юношеское произведеніе Тика „Abdallah“, своею фабулою и нѣкоторыми подробностями схожее съ „Громобоемъ“, навѣяно было Тику, по его собственному признанію, низменною литературою современныхъ романовъ [392]. То же самое обращеніе къ роману Шписа встрѣчаемъ и у Жуковскаго. Не здѣсь ли и первое обращеніе къ романтическимъ сюжетамъ?

Оцѣнка произведеній иностранной литературы, привлекае-

мыхъ г. Загаринымъ къ сравненію съ сочиненіями Жуковскаго, обнаруживаетъ въ авторѣ разбираемой книги слабое и поверхностное знакомство съ ними. Знаменитая баллада Шиллера „Ивиковы журавли“ объясняется, напр., слѣдующимъ образомъ: „Шиллеръ воспроизвелъ здѣсь греческое сказаніе объ открытіи тайнаго убійства юнаго поэта. Шиллеру предстояло выбрать изъ *многихъ* видоизмѣненій сказанія [393] такое, которое болѣе соотвѣтствовало бы идеѣ его баллады, или же создать свое собственное. Неудовлетворенный ни однимъ изъ нихъ, всю силу разоблаченія убійства Шиллеръ перенесъ на то настроеніе, которое овладѣло и зрителями греческаго театра, и *убійцами, просвѣтленными* только-что выслушанной сценой трагедіи, и древнее сказаніе въ его балладѣ получило глубокій смыслъ, раскрывая одно изъ знаменательнѣйшихъ явленій эллинской жизни: какъ нельзя лучше выступаетъ передъ читателемъ сущность греческой трагедіи и нравственное значеніе греческаго театра... Явленіе, воспроизведенное въ этой балладѣ—нравственное просвѣтлѣніе преступника,—оказалось столь родственнымъ съ *идеями самого переводчика*“ (стр. 119—120). Вильгельмъ Гумбольдтъ, восторгавшійся балладою Шиллера, такъ объясняетъ ея идею: „Что̀ придавало въ глазахъ поэта особенную цѣнность содержанію („Ивиковыхъ журавлей“) — это истекающая изъ него идея о силѣ художественнаго представленія надъ человѣческимъ сердцемъ. Это могущество поэзіи, силы невидимой, созданной только духомъ и улетучивающейся въ дѣйствительности, существенно входило въ кругъ идей, живо занимавшихъ Шиллера. Восемью годами прежде, чѣмъ это содержаніе сложилось въ балладу, этотъ матеріалъ носился передъ нимъ, какъ видно изъ слѣдующихъ стиховъ его „Die Künstler“:

Vom Eumenidenchor geschrecket,
Zieht sich der Mord, auch nie entdecket,
Das Loos des Todes aus dem Lied [394].

Г. Загарину, повидимому, совершенно неизвѣстна переписка Гёте съ Шиллеромъ по поводу этой баллады, а также и то обстоятельство, что идея баллады принадлежитъ Гёте. Шиллеръ многое измѣнилъ и исправилъ въ балладѣ по указаніямъ сво-

его великаго совѣтника. Въ высшей степени назидательная переписка Гёте съ Шиллеромъ объ „Ивиковыхъ журавляхъ“ совершенно противорѣчитъ тѣмъ, только-что выписаннымъ выводамъ, которые дѣлаетъ объ этой балладѣ г. Загаринъ. Гдѣ, въ какихъ стихахъ „Ивиковыхъ журавлей“ усмотрѣлъ авторъ разбираемой книги *„нравственное просвѣтлѣніе преступника, оказавшееся столь родственнымъ съ идеями“* Жуковскаго? Извлекаемъ, въ доказательство нашего мнѣнія, слѣдующія строки изъ письма Гёте къ Шиллеру: „Dann würde ich nach dem 14 Verse, wo die Erinnyen sich zurückgezogen haben, noch einen Vers einrücken, um die Gemüthsstimmung des Volks, in welche der Inhalt des Chors sie versetzt, darzustellen und von den ernsten Betrachtungen der Guten zu der gleichgültigen Zerstreuung der Ruchlosen übergehen und dann den *Mörder zwar dumm, roh und laut,* aber doch nur dem Kreise der Nachbarn vernehmlich seine gaffende Bemerkung ausrufen lassen. Daraus entständen zwischen ihm und den nächsten Zuschauern Händel, dadurch würde das Volk aufmerksam u. s. w. Auf diesem Weg, sowie durch den Zug der Kraniche, würde alles ganz ins Natürliche gespielt und nach meiner Empfindung die Wirkung erhöht, da jetzt der 15 Vers zu laut und bedeutend anfängt und man fast etwas anderes erwartet“ [395].

Шиллеръ подчинился указаніямъ Гёте. Очень жаль, что русскій писатель, и притомъ спеціальною задачею избравшій сочиненія Жуковскаго, не обратился къ перепискѣ Шиллера съ Гёте, составляющей справедливую гордость нѣмецкой литературы. Подобными письмами не только воспитывается эстетическое чувство читателя, но и дается должное освѣщеніе поэтическимъ созданіямъ классической эпохи нѣмецкой литературы и особенно Шиллера и Гёте. Намъ кажется, что бѣдный русскій изслѣдователь, имѣющій дѣло съ уродливыми изданіями русскихъ писателей, долженъ съ особеннымъ чувствомъ относиться къ тому благоговѣйному, чуждому *всякаго ограниченнаго самохвальства*, дѣлу нѣмецкихъ издателей твореній Гёте и Шиллера. Краснорѣчивый комментарій къ этимъ твореніямъ, основный матеріалъ для исторіи нѣмецкой литературы лежитъ въ этихъ изданіяхъ, — наши составители историко-литературныхъ монографій его не знаютъ или не цѣнятъ и противопоставля-

ютъ его изученію свои поверхностные, ни на чемъ не основанные выводы. Что́ можетъ быть предосудительнѣе подобныхъ отзывовъ, продиктованныхъ незнаніемъ дѣла и нескрываемымъ пристрастіемъ *къ своему,* какое бы оно ни было?...[396]

Сводя къ одному общему заключенію замѣчанія, изложенныя на предшествующихъ страницахъ, мы находимъ, что сочиненіе г. Загарина обнаруживаетъ полное отсутствіе критическаго отношенія какъ къ сочиненіямъ Жуковскаго, такъ и къ источникамъ для его біографіи. Произвольно установленная г. Ефремовымъ хронологія произведеній Жуковскаго, на основаніи большею частію пятаго изданія оныхъ, не была провѣрена г. Загаринымъ, и вслѣдствіе этого онъ впалъ въ заблужденіе относительно освѣщенія и характеристики этихъ произведеній. Принимая текстъ стихотвореній Жуковскаго, напечатанный г. Ефремовымъ, именно за тотъ, который вышелъ изъ-подъ пера Жуковскаго въ годъ напечатанія, г. Загаринъ потерялъ возможность уловить тѣ особенныя черты, которыя характеризуютъ эти произведенія въ отношеніи къ *языку* и въ отношеніи *литературномъ*. Непригодность такого изданія для ученыхъ изысканій о Жуковскомъ мы старались доказать на нѣсколькихъ страницахъ. Г. Загаринъ не замѣтилъ этой непригодности, и результаты этой невнимательности сказались на многихъ страницахъ книги г. Загарина. Точка зрѣнія, съ которой разсматриваетъ авторъ разбираемой книги произведенія Жуковскаго,— исключительно эстетическая, — немало повредила правдивости изложенія жизни и развитія поэтической дѣятельности поэта. Останавливаясь только на разборѣ „важнѣйшихъ“ сочиненій Жуковскаго и не объясняя читателю того „мѣрила праведнаго“, коимъ опредѣлена эта важность, г. Загаринъ выдвинулъ тѣмъ самымъ свою монографію изъ области *историческихъ* изслѣдованій, изъ области серьезныхъ ученыхъ трудовъ. Основной матеріалъ для біографіи Жуковскаго—его собственныя письма къ роднымъ и друзьямъ—оставленъ г. Загаринымъ почти безъ всякаго употребленія, между тѣмъ какъ онъ даетъ изслѣдователю надежную путеводную нить среди массы фактовъ изъ жизни и поэзіи Жуковскаго. Обращаясь къ сравненіямъ произведеній Жуковскаго съ „источниками“, г. Загаринъ обнаруживаетъ съ послѣдними

далеко не короткое знакомство и потому искажаетъ смыслъ твореній Шиллера, историческое значеніе Тика, Гебеля. Односторонніе приговоры г. Загарина о Тикѣ основаны, напр., не на сужденіяхъ авторитетовъ по исторіи нѣмецкой литературы, а на фельетонной болтовнѣ Гонеггера. Читатель сочиненія г. Загарина не видитъ, внѣ Жуковскаго, русской литературы, ему современной. Между тѣмъ поэзія Жуковскаго могла бы получить свое настоящее освѣщеніе именно въ этой обстановкѣ. Не характерно ли въ самомъ дѣлѣ, что „Современникъ“ 1845 года украшается такими произведеніями Жуковскаго, какъ „Тюльпанное дерево“, „Котъ въ сапогахъ“, „Сказка объ Иванѣ-царевичѣ и сѣромъ волкѣ“? Какой пріемъ со стороны публики, уже охваченной твореніями Пушкина и Гоголя, могли найти стихотворныя переложенія нѣмецкой, на елку, книжонки „Der gestiefelte Kater“ или сказка изъ „Дѣдушкиныхъ прогулокъ“? Вся книга г. Загарина проникнута духомъ панегирика: это попытка апологіи писателя, на котораго никто не нападаетъ. Задача панегириста и апологетическаго писателя увлекаетъ г. Загарина далеко за предѣлы исторической истины: страницы, посвященныя порицанію Гоголя, служатъ тому лучшимъ доказательствомъ. И здѣсь-то, съ особенною ясностію, выступаетъ все высокое достоинство книги доктора Зейдлица: съ необыкновеннымъ безпристрастіемъ вскрываетъ нелицемѣрный другъ Жуковскаго всю исторію піэтистическаго направленія Жуковскаго, — направленія, которое г. Загаринъ совершенно отрицаетъ... Наиболѣе правдивыя и симпатичныя страницы разбираемой книги или навѣяны, или заимствованы изъ книги Зейдлица. Но послѣдняя высоко поднимается надъ монографіею г. Загарина сжатостью правдиваго и *лишеннаго всякой тенденціи* повѣствованія. Г. Загаринъ исказилъ повѣствованіе лучшаго біографа Жуковскаго *тенденціозно* написанными эпизодами, вставками подробностей, не имѣющихъ прямаго отношенія къ біографіи поэта (напр., разсказъ о пререканіяхъ между Павскимъ и митрополитомъ Филаретомъ). Въ разбираемой книгѣ личность писателя часто заслонена другими людьми,—дѣятелями, совершенно непричастными къ литературѣ. Г. Загаринъ любитъ представлять читателю сырые матеріалы: десятки страницъ его книги заняты пересказомъ романа Шписа,

оглавленіемъ Фрошмейзелера Ролленгагена, сокращеннымъ переводомъ сочиненія Фихте „О назначеніи человѣка“ и т. д. Этими совершенно излишними и ни къ чему не нужными, къ тому же и не всегда точными переводами и изложеніями объясняется болѣзненная наружная полнота книги г. Загарина. Пробѣжавши эти приложенія, читатель чувствуетъ себя въ безотрадномъ положеніи человѣка, предоставленнаго собственному сужденію въ той сферѣ, которая ему недоступна...

Нельзя, однако, не отдать справедливости *попыткамъ* г. Загарина найти новыя данныя для оцѣнки литературной дѣятельности Жуковскаго и для біографіи поэта, хотя эти попытки часто оставались безплодными. Такъ, заинтересовавшись переводомъ Жуковскаго комедіи Скриба „Валерія или слѣпая“, г. Загаринъ сообщаетъ: „Желая достать этотъ переводъ Жуковскаго, я обращался въ библіотеку Императорскихъ Московскихъ театровъ, но узналъ, что библіотека его сгорѣла во время пожара Большаго театра въ *пятидесятыхъ годахъ* (?), и потому тамъ перевода *не оказалось*“ (стр. 182) .Отмѣтимъ мимоходомъ, что въ библіотекѣ Московскихъ театровъ этотъ переводъ Жуковскаго уцѣлѣлъ и, благодаря просвѣщенному вниманію начальства Московскихъ театровъ, сохраненъ для потомства. Копія этого перевода находится въ нашихъ рукахъ.

Единственную цѣнность книгѣ г. Загарина придаютъ снимки съ портретовъ Жуковскаго и проч. Къ сожалѣнію, эти блестящія приложенія совершенно не соотвѣтствуютъ тому нравственному облику Жуковскаго, который выносится читателемъ изъ разбора его произведеній.... [397]

А. С. ПУШКИНЪ.

Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи московскаго университета 6-го іюня 1880 года [1].

Первая половина XIX столѣтія ознаменована въ европейской литературѣ сильною реакціею французской революціи, а съ нею духу и направленію такъ-называемой просвѣтительной литературы XVIII вѣка. Мечты о той универсальной монархіи, которою грозилъ Европѣ Наполеонъ, были разсѣяны войнами за свободу, и въ отпоръ замысламъ наслѣдника революціи съ неудержимою силою поднимается національное чувство. Эта реакція, однимъ изъ литературныхъ выраженій которой былъ романтизмъ, охватываетъ съ бо̀льшею или меньшею силою почти всѣ континентальныя страны Европы. Слабѣе была она на Руси, ибо и самый предметъ реакціи былъ здѣсь слабѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Идеи такъ-называемой просвѣтительной литературы въ XVIII вѣкѣ крайне слабо принялись на русской почвѣ. Здѣсь господствовалъ, напротивъ, почти нетронутымъ тотъ строй общественной и политической жизни, полнымъ литературнымъ выраженіемъ котораго былъ псевдо-классицизмъ. По замѣчанію Пушкина, „подражаніе французскому тону временъ Людовика XV было у насъ въ модѣ“ еще въ началѣ 1812 года, когда Русь готовилась „обнять кичливаго врага“. Идеалы свободы и національно́й самостоятельности одушевляли на Руси ту новую литературную эпоху, которой начало ознаменовано появленіемъ первыхъ опытовъ музы Пушкина. Не переживши великаго движенія германской философіи и критики, задавивши масонскимъ піэтизмомъ

и мистицизмомъ развитіе французскихъ „просвѣтительныхъ“ идей, русская литература въ началѣ XIX вѣка представляла въ полномъ цвѣтѣ господство ложнаго классицизма съ его типическими формами—торжественною одою, эпическою поэмою и героическою трагедіею. Первому поколѣнію писателей Александровскаго царствованія предстояло окончательно разрушить тотъ строй литературныхъ преданій, который давно уже сломленъ былъ въ Англіи, Франціи и Германіи могучимъ движеніемъ философскихъ и литературныхъ идей XVIII вѣка. Русская молодежь, пережившая великую эпоху войнъ съ Наполеономъ, не могла не быть поражена тою скудостью мысли, тѣмъ нищенствомъ содержанія, которыя господствовали въ тогдашней русской печати. Оцѣпленная со всѣхъ сторонъ предостерегательными значками оффиціальныхъ „аристарховъ“, съ узкимъ кругомъ условнаго содержанія, разобщенная съ вопросами философской мысли и съ разработкою общественныхъ вопросовъ, русская печать не могла удовлетворять тѣмъ новымъ потребностямъ, которыя возникали послѣ европейскихъ войнъ съ Наполеономъ. Появленіе въ печати первыхъ произведеній Пушкина почти совпало со вступленіемъ русскихъ войскъ въ Парижъ. Изъ своего первоначальнаго воспитанія Пушкинъ вынесъ близкое знакомство какъ съ французскими классиками „великаго вѣка“, такъ и съ французскою революціонною литературою XVIII столѣтія. Вольтеръ былъ для Пушкина, въ лицейскій періодъ, „поэтъ въ поэтахъ первый“:

Онъ—все; вездѣ великъ
Единственный старикъ!...
Всѣхъ больше перечитанъ,
Всѣхъ менѣе томитъ [2].

Руссо также успѣлъ побывать въ его рукахъ. Менѣе нравился Пушкину Дидро,

То чтитель Промысла, то скептикъ, то безбожникъ [3].

Зато первыя попытки Дельвига обратить Пушкина къ знакомству съ нѣмецкою литературою не имѣли успѣха:

Разбиралъ онъ нѣмца Клопштока
И не могъ понять премудраго [4].

Знакомясь съ Державинымъ и Дмитріевымъ, Пушкинъ въ то же время съ жадностью читалъ тѣ немногія смѣлыя произведенія русской литературы XVIII вѣка, которыя шли рѣшительнымъ протестомъ ложно-классическому направленію и безжалостно, цинически его персифлировали—произведенія Майкова, Баркова, Чулкова, пролагавшихъ путь развитію „мѣщанской“ литературы. Въ лицеѣ Пушкинъ „читалъ охотно Елисея“. Въ книжномъ шкафу его въ пыли лежали

Визгова сочиненья,
Глупона пѣснопѣнья,

а за этою пыльною оградою „пряталась потаенная сафьянная тетрадь“...

Такъ: это сочиненья,
Презрѣвшія печать,—

драгоцѣнный свитокъ, полученный

Отъ члена русскихъ силъ,
Двоюроднаго брата,
Драгунскаго солдата...

Желая „вѣчнаго мира и забвенья“ классическимъ твореньямъ Визгова и Глупона, Пушкинъ обращается къ Баркову и автору „Елисея“ со словами:

Хвала вамъ, чада славы,
Враги Парнасскихъ узъ.

Очень рано обнаружилась въ поэтѣ основная черта его духовной природы—реальное направленіе: оно сказалось и въ первыхъ литературныхъ симпатіяхъ, и въ первыхъ поэтическихъ опытахъ Пушкина. Почти съ дѣтства чувствовалъ онъ тяжесть всякихъ „узъ“, въ томъ числѣ и парнасскихъ... Своими ранними симпатіями Пушкинъ принадлежитъ эротическимъ писателямъ—

Мгновенью жизни будь послушенъ,
Будь молодъ въ юности твоей.

Въ лицеѣ Пушкинъ звалъ своимъ учителемъ въ поэзіи Анакреона. Подъ зимній вечерокъ его развлекали Вержье, Парни

съ Грекуромъ. Батюшковъ и французскіе эротическіе поэты настроили на свой ладъ лицейскія стихотворенія Пушкина. Извѣстно, какъ строго осуждены были впослѣдствіи самимъ поэтомъ эти произведенія, въ которыхъ воспѣвались вино и любовь. Но и въ этихъ первыхъ шалостяхъ молодаго пера уже можно замѣтить черты, указывающія на непосредственное отношеніе поэзіи Пушкина къ жизни, на ея реальное направленіе. Зародыши энергической реакціи ложному классицизму живо чувствуются въ лицейскихъ стихотвореніяхъ Пушкина. И дѣйствительно, сады „родимой“ царскосельской „обители“ являли великому поэту „вѣчные слѣды славныхъ лѣтъ“:

Стоятъ населены чертогами, столпами,
Гробницами друзей, кумирами боговъ,
И славой мраморной, и мѣдными хвалами
Екатерининыхъ орловъ...

Живой комментарій къ произведеніямъ лиры Державина былъ, можно сказать, передъ глазами „пылкаго отрока, таившаго въ своей груди смутныя мечтанья“. И что же? Окруженный въ садахъ царскосельской школы на каждомъ шагу монументальными воспоминаніями „счастливаго вѣка“ Екатерины, „громкаго свидѣтеля военной славы россіянъ, которому бряцали пѣснь Державинъ и Петровъ“, Пушкинъ уже не находитъ въ себѣ сочувствія ихъ литературному направленію. На лицейской скамьѣ отталкиваетъ его отъ себя

Холодныхъ одъ творецъ ретивый,
На скучный ладъ сплетая вздоръ.

Во французскихъ стихахъ, написанныхъ въ лицеѣ, Пушкинъ высказываетъ желаніе поскорѣе ускользнуть изъ того кружка, въ которомъ читается торжественная ода. Онъ страшится и самъ участи безсмысленныхъ пѣвцовъ,

Насъ убивающихъ громадою стиховъ.

„Взрощенный въ дикой простотѣ“, Пушкинъ отказывается отъ этого, тогда еще моднаго, рода стихотворства:

Пускай поэтъ съ кадильницей наемной
Гоняется за счастьемъ и молвой;
Мнѣ страшенъ свѣтъ, проходитъ вѣкъ мой темный
Въ безвѣстности заглохшею тропой,
Пускай пѣвцы *гремящими* хвалами
Полубогамъ безсмертіе даютъ;
Мой голосъ тихъ и звучными струнами
Не оглашу безмолвія пріютъ.

У него въ рукахъ не лира, а дудка, какъ у творца „Елисея“:

Веселый сынъ Эрмія
Ребенка полюбилъ,
Въ дни рѣзвости златые
Мнѣ дудку подарилъ.

Онъ страшится летать и при звукахъ *лиры* пѣть

Войны кровавый пиръ.

Были и помимо воспоминаній, окружавшихъ Пушкина въ царскосельскихъ садахъ и запечатлѣнныхъ въ литературѣ стихами Державина и Петрова, еще болѣе могучіе глашатаи, которые должны бы были, повидимому, призвать Пушкина къ торжественной одѣ—это самыя событія Отечественной войны. И Пушкинъ дѣйствительно пишетъ *„Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ“*, заслужившія горячее одобреніе одряхлѣвшаго Державина, который мнилъ видѣть въ молодомъ студентѣ наслѣдника своей лиры. Но именно въ этомъ стихотвореніи Пушкинъ выражаетъ, можетъ быть, въ первый и въ послѣдній разъ, сожалѣніе, что „духъ его не горитъ восторгомъ небесныхъ Аонидъ“,

Какъ нашихъ дней пѣвецъ, Славянской бардъ дружины!

Для Пушкина торжественная ода утонула, можно сказать, именно тамъ, гдѣ искало для нея содержанія современное ему риѳмоплетство стараго поколѣнія піитовъ,—она утонула въ могучихъ волнахъ „вѣчной памяти 1812 года“, въ тѣхъ волнахъ, которыя выносили на поверхность общественнаго сознанія новаго историческаго героя—народъ.

Поразительно въ стихотвореніи Пушкина *„На возвращеніе Государя Императора изъ Парижа въ 1815 году“* встрѣтить въ за-

ключительной строфѣ выраженіе увѣренности, что „придутъ времена спокойствія златыя“, и соберутся нѣкогда „молодыя поколѣнія вокругъ старца-солдата“,

Преклонятъ хладный слухъ: и ветхимъ костылемъ
И станъ и ратный строй и дальній боръ съ холмомъ
На прахѣ начертитъ онъ медленно предъ ними:
Словами *истины свободными, простыми*
Имъ славу прошлыхъ лѣтъ въ разсказахъ оживитъ
И добраго царя въ слезахъ благословитъ.

Въ 1819 году Пушкинъ имѣлъ право сказать:

На лирѣ скромной, благородной
Земныхъ боговъ я не хвалилъ
И идоламъ молвы народной
Кадиломъ лести не кадилъ.
Свободу лишь учася славить
Стихами жертвуя лишь ей,
Я не рожденъ царей забавить
Стыдливой музою моей.

Въ 1824 году, вспоминая „умнаго льстеца“ Горація, Пушкинъ снова имѣлъ случай сказать:

Но льстивыхъ одъ я не пишу.

Нерасположеніе къ ложно-классическому направленію у Пушкина обнимало, конечно, не только торжественную, похвальную оду, но и эпическія поэмы, и героическія трагедіи, словомъ: всѣ творенія, требовавшія, по ученію старой піитики, возвышеннаго стиля, т.-е. преобладанія въ русской литературной рѣчи славянскихъ выраженій. Въ толпѣ „друзей непросвѣщенья“, „враговъ наукѣ“ Пушкину представляются (1817 г.) піиты, „воспитанные *слѣпымъ невѣжествомъ*“:

Тѣ *слогомъ Никона* печатаютъ поэмы,
Одни *славянскихъ одъ* громады громоздятъ,
Другіе въ бѣшеныхъ трагедіяхъ хрипятъ.

Въ этихъ немногихъ словахъ намѣчена, очень вѣрно, связь тогдашняго русскаго псевдо-классицизма съ славянофилами Александровскаго царствованія, создавшими „*Бесѣду любителей рос-*

сійскаго слова“ и заправлявшими Россійскою Академіею. Можно сказать, что съ первыхъ своихъ шаговъ на литературномъ поприщѣ Пушкинъ былъ врагомъ „Бесѣды“ и академическаго вкуса и самымъ ярымъ арзамасцемъ. Онъ, еще въ лицеѣ, способенъ былъ оцѣнить новое литературное направленіе, центромъ котораго былъ *Арзамасъ*, и, *„ученью руку давъ“*, тогда же примкнулъ къ небольшому кружку русскихъ писателей, которые имѣли въ первую четверть настоящаго столѣтія столь плодотворное вліяніе на русскую литературу и просвѣщеніе, — писателей, которымъ несносны были „узы“, наложенныя старою школою на словесность и самую науку, которые, напротивъ, умѣли

Простыми пѣснями свирѣли
Красавицъ нашихъ воспѣвать,
И съ гнѣвной музой Ювенала
Глухаго варварства начала
Сатирой грозной *осмѣять*,
И мучить бѣднаго Шишкова
Священнымъ Феба языкомъ;
И лобъ угрюмый Шаховскова
Клеймить единственнымъ стихомъ! (1816 г.)

Въ 1830 году, въ пору высокаго развитія своихъ силъ, Пушкинъ, касаясь первыхъ по времени представителей ложнаго классицизма во Франціи, замѣчаетъ: „Образовалась новая школа, коей мнѣнія, цѣль и усилія напоминаютъ школу нашихъ *Славяноруссовъ*“. Рѣшительное осужденіе направленія „Бесѣды“, гдѣ послѣ Шишкова главнымъ лицомъ былъ Державинъ, высказано было очень рѣзко въ лицейскихъ стихотвореніяхъ Пушкина, особенно въ посланіи къ Шаховскому, „бодрому усыпителю“ слушателей, „грозѣ балладъ“, „записному врагу талантовъ“, и въ посланіи (1817 г.) Жуковскому:

... Что крикъ безумныхъ ихъ дружинъ?
Пускай *бесѣдуютъ* отверженные Феба.
Имъ прозы, ни стиховъ не посланъ даръ отъ Неба;
Ихъ слава—имъ же стыдъ, творенья—смѣхъ уму,
И въ тьмѣ возникшіе низвергнутся во тьму.

Въ пору зрѣлости литературныхъ убѣжденій Пушкинъ, въ откровенномъ письмѣ къ брату, такъ высказался объ „избран-

номъ пѣвцѣ царей": „Перечелъ я Державина всего и вотъ мое *окончательное* мнѣніе. Этотъ чудакъ не зналъ ни русской грамоты, ни духа русскаго языка (вотъ почему онъ ниже Ломоносова). Онъ не имѣлъ понятія ни о слогѣ, ни о гармоніи, ни даже о правилахъ стихосложенія: вотъ почему онъ и долженъ бѣсить всякое разборчивое ухо. Онъ не только не выдерживаетъ *оды,* но не можетъ выдержать и строфы. Что же въ немъ? *Мысли, картины и движенія истинно поэтическія.* Читая его, кажется, читаешь дурной, вольной переводъ съ какого-то чудеснаго подлинника... Жаль, что нашъ поэтъ слишкомъ часто кричалъ пѣтухомъ". Трудно допустить, чтобы въ рѣзкости этого отзыва сказались только

Сила, гордость, упованье
И отвага юныхъ дней.

Зародыши этого „окончательнаго" мнѣнія о Державинѣ таятся, правда, въ лицейскихъ стихотвореніяхъ Пушкина, но сложилось оно въ столь рѣзко опредѣленную форму потому, что симпатіи Пушкина, предметы и условія его поэтическаго творчества лежали внѣ сферы прежней литературной школы, къ которой принадлежалъ Державинъ. Пушкинъ-лицеистъ въ „мнѣніяхъ, цѣли и усиліяхъ" „Бесѣды" видѣлъ, вмѣстѣ съ Жуковскимъ и Батюшковымъ, „глухаго варварства начала", въ послѣдователяхъ автора *„Разсужденія о старомъ и новомъ слогѣ россійскаго языка"* — „враговъ наукъ, боевую дружину безсмыслицы". Въ періодъ зрѣлости литературныхъ убѣжденій поэтъ, приравнивая труды и усилія Ронсара, Жоделя, Дюбелле и Малерба къ стремленіямъ „нашихъ Славяноруссовъ", замѣчаетъ: „Сіи два таланта (Малербъ и Ронсаръ) истощили силы свои въ бореніи съ механизмомъ языка, въ усовершенствованіи стиха. Такова участь, ожидающая писателей, которые пекутся болѣе о *наружныхъ формахъ слова,* нежели *о мысли — истинной жизни его,* независящей отъ употребленія!" Юноша, съ природными задатками реализма, Пушкинъ въ періодъ лицейскаго ученья „слагалъ стихи, не натуживаясь, въ простотѣ, безъ украшенья", чуждаясь „блестящихъ даровъ трудолюбивой учености". „Уроки сухой учености" старовѣровъ-классиковъ были ему „скучны". Онъ

дорожилъ не формою, а *мыслію* поэтическаго произведенія. Идеалъ этого „поклонника правды и свободы“ былъ не тамъ, гдѣ полагали поэты старой школы. Очень опредѣленно сказывается этотъ идеалъ въ одномъ изъ раннихъ стихотвореній Пушкина *„Уединеніе“* Молодые писатели, отдавшіеся новому движенію мысли, конечно обвиняемы были литературными и политическими старовѣрами въ колебаніи общественныхъ основъ. Уже въ 1817 году Пушкинъ жаловался:

Бѣда, кто въ свѣтъ рожденъ съ чувствительной душой...
Кто выражается правдивымъ языкомъ
И русской глупости не хочетъ бить челомъ!
Онъ врагъ отечества, онъ сѣятель разврата!
И рѣчи сыплются дождемъ на супостата.

Съ освобожденіемъ поэтическаго творчества отъ „узъ“ пінтическихъ правилъ, съ расширеніемъ сферы его предметовъ измѣнялся кореннымъ образомъ и взглядъ на самое существо и условія поэтическаго творчества. Ложный классицизмъ признавалъ зиждительнымъ началомъ поэзіи восторгъ, исповѣдуя, что восторгъ „внезапно плѣняетъ умъ“. На мѣсто восторга Пушкинъ ставитъ вдохновеніе и такъ его опредѣляетъ: „Вдохновеніе есть расположеніе *души* къ живѣйшему принятію впечатлѣній и соображенію *понятій*, слѣдственно и *объясненію* оныхъ. Вдохновеніе нужно въ геометріи, какъ и въ поэзіи. Восторгъ исключаетъ *спокойствіе, необходимое условіе прекраснаго*. Восторгъ не предполагаетъ силы *ума*, располагающаго частями въ отношеніи къ цѣлому. Восторгъ непродолжителенъ, непостояненъ, слѣдовательно не въ силахъ произвесть истинное, великое совершенство. Гомеръ неизмѣримо выше Пиндара. *Ода стоитъ на низшихъ ступеняхъ творчества*. Она исключаетъ постоянный *трудъ, безъ коего нѣтъ истинно великаго“*. Итакъ, *трудъ* служитъ исходнымъ пунктомъ поэтическаго творчества и составляетъ необходимое условіе истинно великаго. Дополняя недосказанное Пушкинымъ въ этомъ глубокомысленномъ опредѣленіи поэтическаго вдохновенія, — опредѣленіи, которое могло бы найти себѣ превосходную иллюстрацію въ знаменитыхъ *„Эстетическихъ опытахъ“* Вильгельма Гумбольдта,—можно съ увѣренностью сказать, что Пушкинъ считалъ трудъ, т.-е. ученье, столь же необходимымъ

для поэта, какъ и для геометра. Вотъ почему онъ искренно сожалѣлъ, что „мало у насъ писателей, которые бы *учились;* большая часть только разучиваются". Послѣдовательность процесса поэтическаго творчества Пушкинъ съ поразительною ясностью опредѣлилъ въ немногихъ вопросительныхъ фразахъ, которыя Чарскій обращаетъ къ импровизатору (въ „Египетскихъ ночахъ"): „Какъ! чужая *мысль* чуть коснулась вашего слуха и уже стала вашею собственностію, какъ будто вы съ нею *носились, лелѣяли, развивали ее безпрестанно?* Итакъ, для васъ не существуетъ ни *труда*, ни *охлажденія*, ни этого *безпокойства*, которое предшествуетъ *вдохновенію?*" Черновыя тетради Пушкина, въ которыхъ (какъ въ альбомѣ Онѣгина) —

Среди безсвязнаго маранья
Мелькали *мысли*, примѣчанья,
Портреты, буквы, имена
И *думы тайной письмена*,—

эти черновыя тетради, вмѣстѣ съ собственными откровеніями великаго поэта, убѣждаютъ, что *такіе* именно фазисы проходило его поэтическое творчество при созданіи „Евгенія Онѣгина" „Бориса Годунова", „Полтавы"... Когда поэтъ не „чувствовалъ приближенія Бога", когда онъ не находилъ въ душѣ своей „расположенія къ дальнѣйшему принятію впечатлѣній, къ соображенію и изъясненію понятій", онъ оставлялъ перо. „Я пишу („Бориса Годунова"), — высказывается Пушкинъ, — и вмѣстѣ думаю. Большая часть сценъ требовала *только* обсужденія. Когда приходилъ я къ сценѣ, требовавшей уже вдохновенія, я или пережидалъ, или просто перескакивалъ черезъ нее". „Борисъ Годуновъ" былъ первымъ большимъ произведеніемъ, надъ которымъ Пушкинъ испробовалъ этотъ „новый для него способъ работы". Процессъ созданія этой трагедіи не только выяснилъ поэту зрѣлость его богатыхъ творческихъ силъ, но и далъ ему вкусить высокихъ нравственныхъ наслажденій... „Писанная мною *въ строгомъ уединеніи* (признается Пушкинъ) *вдали охлаждающаго свѣта*, плодъ добросовѣстныхъ *изученій*, постояннаго *труда*, трагедія сія доставила мнѣ все, чѣмъ писателю насладиться дозволено: *живое занятіе вдохновенію*, внутреннее убѣжденіе

что мною употреблены были всѣ усилія"... Такъ, поэтъ, отъ ранней юности „любившій свѣтъ и шумъ его, ненавидѣвшій одиночество" [5], оцѣнилъ освѣжающее вліяніе „строгаго уединенія".

Я зналъ и *трудъ* и *вдохновенье*,
И сладостно мнѣ было жаркихъ думъ
Уединенное волненье [6].

Въ уединеніи Пушкинъ какъ бы перерождался:

Оракулы вѣковъ! здѣсь вопрошаю васъ.
Въ уединеньи величавомъ
Слышнѣе вашъ отрадный гласъ;
Онъ гонитъ лѣни сонъ угрюмый.
Къ *трудамъ* рождаетъ жаръ во мнѣ,
И ваши творческія думы
Въ душевной зрѣютъ глубинѣ [7].

Въ невольномъ уединеніи изгнанія Пушкинъ проявлялъ несокрушимую силу нравственнаго чувства, а „нравственное чувство, по словамъ поэта [8], какъ и талантъ, дается не всякому". Въ изгнаніи оставлялъ онъ свои „заблужденья" —

И сѣти разорвавъ, гдѣ бился я въ плѣну,
Для *сердца* новую вкушаю *тишину*,
Въ уединеніи мой своенравный геній
Позналъ и тихій *трудъ*, и жажду *размышленій*.
. . . . . .
Учусь удерживать *вниманье долгихъ думъ;*
Ищу вознаградить, въ объятіяхъ свободы,
Мятежной младостью утраченные годы,
И въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ [9].

Таковы были основы и условія поэтическаго творчества Пушкина. Писателей старой школы не могли не поразить оригинальностью воззрѣнія слѣдующіе стихи въ извѣстномъ посланіи Жуковскому:

И быстрый *холодъ вдохновенья*
Власы подъемлетъ на челѣ.

„Холодъ вдохновенья" былъ выдающеюся чертою творческой дѣятельности Пушкина въ ту эпоху, когда и силы его развились совершенно, и когда онъ чувствовалъ, что могъ творить. Поэтъ, знавшій „сладострастье высокихъ мыслей и стиховъ",

даетъ намъ видѣть въ своихъ твореніяхъ результаты продолжительнаго труда, просвѣщенной мысли и постоянно озарявшаго его вдохновенія, когда во всей полнотѣ обнаруживалась „сила его ума, располагавшаго частями въ отношеніи къ цѣлому“. И могущественно было нравственное воздѣйствіе процесса поэтическаго творчества на самого Пушкина. Въ минуты поэтическаго творчества, въ минуты наитія „вдохновенія“ силою ума очищалась нравственная атмосфера поэта, „гордый разумъ усыплялъ его желанья и страданья“ [10], умирялъ борьбу „демоническихъ“ силъ въ его груди и заставлялъ „исчезать заблужденья съ его измученной души“. Чтобы перелить въ художественныя произведенія „стихи своего сердца“ [11], Пушкину нужно было провести все то, чѣмъ волновалось и болѣзненно билось это сердце, чрезъ чистилище поэтическаго творчества и поставить волненія жизни, свои надежды и отчаянія, свои грѣхи и заблужденія передъ спокойнымъ судомъ своего нравственнаго чувства, своего высокаго разума. „Холодъ вдохновенья“ отрезвлялъ поэта. Къ Пушкину въ полномъ объемѣ прилагается то, что̀ самъ онъ сказалъ о временномъ „властителѣ своихъ думъ“— Байронѣ: „Онъ *исповѣдался* въ своихъ *стихахъ невольно, увлеченный восторгомъ поэзіи*“ [12]. Поэтъ, высоко цѣнившій въ писателѣ *искренность*, сознавалъ значеніе *такой* уединенной исповѣди: „презирать судъ людей не трудно (писалъ онъ) презирать судъ собственный невозможно“. По глубоко-вѣрному замѣчанію П. В. Анненкова, „вообще поэтическое творчество было у Пушкина какъ-будто поправкой волненій жизни. Оно сглаживало рѣзкія ея проявленія, смягчало и облагораживало все, что̀ было въ нихъ случайно-грубаго, неправильнаго и жесткаго. По неизмѣнному закону отраженія творческаго произведенія на самомъ художникѣ, умѣрялся и въ послѣднемъ пылъ увлеченія и замолкали струны, которыя звучали бы безъ того тревожно и несогласно, можетъ быть, еще долгое время“ [13]. И потому особый глубокій смыслъ имѣло въ устахъ Пушкина прочувствованное восклицаніе:

Да здравствуютъ *Музы*, да здравствуетъ *Разумъ!*

Результатъ такого процесса, реальная и свѣтлая поэзія Пушкина приносила съ собою въ общество „бодрость для духа и свѣжесть

для мысли“ [14]; она воспитывала въ читателяхъ не только эстетическій вкусъ, но и нравственное чувство. Но это еще не все. Показанія друзей Пушкина „единогласно свидѣтельствуютъ, что, за исключеніемъ двухъ первыхъ годовъ его жизни въ свѣтѣ, никто такъ не трудился надъ дальнѣйшимъ своимъ образованіемъ, какъ Пушкинъ... Неослабно держалось поэтическое вдохновеніе, однажды возбужденное въ душѣ художника; *оно нисколько не охладѣвало*, не разсѣявалось и не слабѣло въ частомъ осмотрѣ и поправкѣ произведенія“ [15]. Критика замѣчаетъ, что съ 1833 г. *начало* въ Пушкинѣ крѣпнуть „эпическое настроеніе духа“ [16], т.-е. тотъ процессъ поэтическаго творчества, который у Вильгельма Гумбольдта характеризуется преобладающимъ дѣйствіемъ „спокойнаго разума“,—процессъ, который впервые усвоенъ былъ Пушкинымъ не въ 1833 году, а гораздо ранѣе. *Такими* произведеніями воспитывалъ поэтъ молодое поколѣніе писателей и русское „общественное мнѣніе“. Уже въ 1833 году Пушкинъ *безъ всякаго хвастовства* [17], въ ясномъ сознаніи своего литературнаго значенія, писалъ въ проектѣ оффиціальной записки: „Могу сказать, что въ послѣднее пятилѣтіе царствованія покойнаго государя (Александра I) я имѣлъ *на все сословіе литераторовъ* гораздо болѣе вліянія, чѣмъ министерство (т.-е. министерство народнаго просвѣщенія), несмотря на неизмѣримое неравенство средствъ“ [18]. Пушкинъ уже тогда убѣдился, что „малое число любителей вѣрило, *наконецъ*... постоянно, хотя и медленно пробивающимся *мнѣніямъ* и безпристрастію *критики*“ [19].

„Поэзія,— замѣчаетъ Пушкинъ,— бываетъ исключительною страстію немногихъ; она объемлетъ и поглощаетъ всѣ наблюденія, всѣ усилія, всѣ впечатлѣнія ихъ жизни. Старая „пудренная піитика“ ограничивала область поэтическихъ сюжетовъ привилегированнымъ „героемъ,“ кругомъ—двора, знати, высшаго общества, подчиняя и поэтическую обработку избраннаго сюжета формализму строго опредѣленныхъ правилъ. Сросшійся съ произведеніями французскаго псевдо-классицизма александрійскій стихъ—

выняньченъ былъ мамкою не дурой;
За нимъ *смотрѣлъ* степенный Буало;
Шагалъ онъ *чинно, стянутъ былъ* цезурой.
Но пудренной піитикѣ на зло

Растрепанъ онъ свободною цензурой.
Ученіе не въ прокъ ему пошло:
Нидо съ товарищи, *друзья натуры*,
Его гулять пустили безъ цезуры [20].

Къ числу этихъ „друзей натуры“, къ числу приверженцевъ *вполнѣ свободнаго поэтическаго творчества* (которое нашъ поэтъ называлъ истиннымъ романтизмомъ) принадлежалъ и Пушкинъ. Онъ открывалъ русской поэзіи самый широкій кругозоръ. Преданный „искреннему и свободному ходу романтической поэзіи“, Пушкинъ съ удивленіемъ замѣчалъ въ русскихъ стихотвореніяхъ, величавшихся *романтическими*, „жеманство лжеклассицизма французскаго“ [21]. Ему казалось „довольно страннымъ, что младенческая наша словесность, ни въ какомъ родѣ не представляющая никакихъ образцовъ, уже успѣла немногими опытами притупить вкусъ читающей публики“... Пушкинъ думалъ, что „французская словесность, всѣмъ намъ съ младенчества и такъ коротко знакомая, вѣроятно, причиною сего явленія“. „Я,—продолжаетъ Пушкинъ,—въ литературѣ скептикъ (чтобъ не сказать хуже), и всѣ ея секты для меня равны, представляя каждая свою выгодную и невыгодную сторону. Обряды и формы должны ли суевѣрно порабощать литературную совѣсть? Зачѣмъ писателю не повиноваться принятымъ обычаямъ въ словесности *своего народа*, какъ онъ повинуется законамъ своего языка... Воспитанные подъ вліяніемъ французской критики, русскіе привыкли *къ правиламъ*, утвержденнымъ сею критикою, и неохотно смотрятъ на все, что не подходитъ подъ *ея законы*“ [22]. „У насъ литература не есть потребность народная“,—замѣчаетъ Пушкинъ въ другомъ мѣстѣ [23],—XIX-й вѣкъ „обидѣлъ законодателя французскаго Парнасса“ [24] и всѣхъ представителей ложнаго классицизма: онъ искалъ для литературы иныхъ „законовъ“, онъ требовалъ *свободы*, *народности*. „Нашему театру,—пишетъ Пушкинъ,—приличны *народные законы* драмы Шекспировой, а не *свѣтскій обычай* трагедіи Расина“ [25]. Тѣсною представляется Пушкину область поэтическаго творчества Расина, этого „пѣвца влюбленныхъ женщинъ и царей“. Съ романтической трагедіею Корнеля Пушкинъ мирился болѣе, чѣмъ съ Расиномъ. „Ты перевелъ Сида (пишетъ онъ Катенину) ...Скажи: имѣлъ ли ты *по-*

хвальную смѣлость оставить пощечину рыцарскихъ вѣковъ на *жеманной сценѣ XIX столѣтія?* Я слыхалъ, что она неприлична, смѣшна, ridicule! Ridicule! Пощечина, данная рукою гишпанскаго рыцаря воину, посѣдѣвшему подъ шлемомъ! Ridicule! Боже мой, она должна произвести болѣе ужаса, чѣмъ чаша Атреева" [26]. Поэтъ, любившій свѣтъ и его шумъ, переливая въ изящныя поэтическія созданія „всѣ наблюденія, всѣ впечатлѣнія своей жизни", гонитъ съ „жеманной сцены" „свѣтскій обычай" ложнаго классицизма и не признаетъ въ дѣйствительности предметовъ „низкихъ", недостойныхъ для поэтическаго представленія: онъ смѣло пролагаетъ литературѣ путь сдѣлаться „потребностью народною". Пушкинъ сдѣлалъ достояніемъ русской поэзіи личность человѣка безъ различія общественныхъ его положеній.

Поросъ крапивою Парнассъ;
Въ отставкѣ Фебъ живетъ, а хороводецъ
Старушекъ-Музъ ужь не прельщаетъ насъ,
И таборъ свой съ классическихъ вершинокъ
Перенесли мы на *толкучій рынокъ.*

Чѣмъ болѣе мужалъ геній великаго поэта, тѣмъ свободнѣе становилось его поэтическое творчество, тѣмъ самостоятельнѣе относился онъ къ своимъ прежнимъ образцамъ и тѣмъ болѣе сказывалась въ душѣ поэта любовь къ прямой дѣйствительности, къ русскому быту и русской жизни. Въ юности, „съ толпою чувства раздѣляя", Пушкинъ привелъ свою музу —

На шумъ пировъ и буйныхъ споровъ;

потомъ та же ласковая муза,

. . . . позабывъ *столицы* дальной
И блескъ и шумные пиры,
Въ глуши Молдавіи печальной
Она смиренные шатры
Племенъ бродящихъ посѣщала
И между ними одичала,
И позабыла рѣчь боговъ
Для скудныхъ, странныхъ языковъ,
Для пѣсенъ *степи, ей любезной.*

Наконецъ, смирились въ поэтѣ его „весны *высокопарныя мечтанья*"; мѣсто послѣднихъ заняла любовь къ дѣйствительности, къ низменной прозѣ —

И въ поэтическій бокалъ
Воды я много подмѣшалъ.
Иныя нужны мнѣ картины;
Люблю песчаный косогоръ,
Передъ избушкой двѣ рябины,
Калитку, сломанный заборъ,
На небѣ сѣренькія тучи,
Передъ гумномъ соломы кучи —
Да прудъ подъ сѣнью ивъ густыхъ,
Раздолье утокъ молодыхъ.
Теперь мила мнѣ балалайка
Да пьяный топотъ трепака
Передъ порогомъ кабака..,
Тьфу! прозаическія бредни,
Фламандской школы пестрый соръ!
Таковъ ли былъ я расцвѣтая?
Скажи, фонтанъ Бахчисарая!
Такія-ль мысли мнѣ на умъ
Навелъ твой безконечный шумъ?...

За три года до своей безвременной кончины Пушкинъ выражаетъ свое воззрѣніе на поэта такимъ образомъ:

Таковъ прямой поэтъ. Онъ сѣтуетъ душой
На *пышныхъ* играхъ Мельпомены —
И улыбается забавѣ *площадной*
И *вольности* лубочной сцены.
То Римъ его зоветъ, то гордый Иліонъ,
То скалы старца Оссіана.
И съ дѣтской легкостью межъ тѣмъ летаетъ онъ
Во слѣдъ Бовы иль Еруслана [27].

Съ высоты этого воззрѣнія на поэта, разбирая сдѣланный ему критикою упрекъ за выборъ героя для „Мѣднаго всадника“, Пушкинъ подсмѣивается:

Какой вы строгій литераторъ!
Вы говорите, критикъ мой,
Что ужь коллежскій регистраторъ
Никакъ не долженъ быть герой,
Что выборъ мой всегда *ничтоженъ*,
Что въ немъ я страхъ неостороженъ,
Что долженъ брать себѣ поэтъ
Всегда *возвышенный* предметъ,
Что въ спискахъ цѣлаго Парнасса
Героя нѣтъ такого класса...

Люди старой литературной школы, отождествлявшіе торжественность съ вдохновеніемъ, неблагосклонно отнеслись и къ сюжету „Евгенія Онѣгина“, и къ веселости, разлитой въ немъ. Пушкинъ защищается ссылкою на классическія произведенія какъ русской, такъ и западно-европейской литературы: „Ужели хотятъ изгнать все легкое и веселое изъ области поэзіи? Куда же дѣнутся сатиры и комедіи? Слѣдственно должно будетъ уничтожить и „Orlando furioso“, и Гудибраса, и Веръ-Вера, и Рейнеке, и лучшую часть „Душеньки“, и сказки Лафонтена, и басни Крылова, и проч. Это немного строго. Картина свѣтской жизни также входитъ въ область поэзіи“ [28]. Даже между друзьями Пушкина находились такіе, которые не понимали,

Что умъ высокій можно скрыть
Безумной шалости подъ легкимъ покрываломъ...

Изъ школы автора „Повѣстей Бѣлкина“ и „Лѣтописи села Горохина“ вышелъ Гоголь. Пушкинъ раньше всѣхъ оцѣнилъ первыя произведенія писателя, долженствовавшаго быть продолжателемъ его дѣла, и оправдывалъ „Вечера на хуторѣ“ отъ ожидаемыхъ нападеній критики почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ нѣкогда своего „Онѣгина“: „Сейчасъ прочелъ „Вечера близь Диканьки“. Они изумили меня. Вотъ настоящая *веселость* — искренняя, непринужденная, *безъ жеманства и чопорности*. Все это такъ необыкновенно въ нашей литературѣ, что я доселѣ не образумился... Ради Бога, возьмите его сторону [29], если журналисты, по своему обыкновенію, нападутъ на *неприличіе* его выраженій, *на дурной тонъ* и проч. *Пора, пора намъ осмѣять* les précieuses ridicules нашей словесности“. „Какъ изумились мы (замѣчаетъ Пушкинъ въ другомъ мѣстѣ) *русской* книгѣ, которая заставила насъ смѣяться,—мы, не смѣявшіеся со временъ Фонъ-Визина“. Восторженное отношеніе Пушкина къ первымъ произведеніямъ Гоголя истекало изъ твердо сложившагося воззрѣнія поэта на задачи литературы, на свободу поэтическаго творчества. Импровизированная апологія Гоголя очень мѣтко указывала на слабую сторону современной Пушкину литературы—на отсутствіе литературной и научной критики, которая могла бы содѣйствовать развитію и укрѣпленію въ обществѣ здравыхъ

философскихъ и эстетическихъ началъ. Въ 1830 году Пушкинъ писалъ: „Хорошее общество можетъ существовать не въ одномъ кругу, а вездѣ, гдѣ есть люди честные, умные и образованные. *Жеманство и напыщенность болѣе оскорбляютъ, чѣмъ простонародность.* Откровенныя, оригинальныя выраженія простолюдиновъ повторяются и въ высшемъ обществѣ, не оскорбляя слуха, между тѣмъ какъ чопорные обиняки провинціальной вѣжливости возбудили бы общую улыбку. Не забавно ли видѣть нашихъ *опекуновъ высшаго* общества?“ [30] Роль этихъ консервативныхъ опекуновъ, ревниво оберегавшихъ отсталыя преданія общественной среды, желавшихъ видѣть въ писателѣ не руководителя общественнаго мнѣнія, а рабскаго исполнителя предразсужденій высшаго общества, принадлежала тогдашнимъ русскимъ критикамъ.

Въ бѣгломъ очеркѣ исторіи европейской драмы Пушкинъ такъ характеризуетъ общественное значеніе писателя ложноклассической эпохи: „Творецъ трагедіи *народной* былъ образованнѣе своихъ зрителей; онъ это зналъ и давалъ имъ свои свободныя произведенія съ увѣренностію въ своей возвышенности, и публика безпрекословно это признавала. При дворѣ, наоборотъ, поэтъ чувствовалъ себя ниже своей публики: зрители были образованнѣе его—по крайней мѣрѣ, такъ думалъ и онъ, и они; онъ не предавался *вольно* и *смѣло* своимъ вымысламъ; онъ старался угадывать требованія утонченнаго вкуса людей, чуждыхъ ему по состоянію; онъ боялся унизить такое-то высокое званіе, оскорбить такихъ-то спѣсивыхъ своихъ патроновъ: отъ сего и *робкая чопорность* и отселѣ *смѣшная надутость*, вошедшая въ пословицу, и привычка влагать въ уста людямъ высшаго состоянія, съ какимъ-то подобострастіемъ, *странный, нечеловѣческій образъ изъясненія... Мы къ этому привыкли; намъ кажется, что такъ и быть должно;* но надобно признаться, что у Шекспира этого незамѣтно. И если иногда герои выражаются въ его трагедіяхъ какъ конюхи, то намъ это не странно, ибо мы чувствуемъ, что и знатные *должны* выражать *простыя* понятія *какъ простые люди*“ [31]. Не такъ думали критики Пушкина, ему современные; они оставались вѣрны именно этимъ представленіямъ ложно-классической эпохи. На двѣ главныя черты современной ему критики обратилъ вниманіе Пушкинъ: на требо-

ваніе „чопорности“, „смѣшной надутости“ и на „филологическія прицѣпки къ словамъ“ [32], часто обусловленныя привычкою къ „странному, нечеловѣческому образу изъясненія“. Журнальная критика Пушкинскаго періода, за немногими исключеніями (Полевой, Кирѣевскій, Шевыревъ), поражаетъ отсутствіемъ твердыхъ философскихъ и эстетическихъ принциповъ, неспособностію понять и освѣтить общественные вопросы, узкимъ пуризмомъ, смѣшивавшимъ нравственность съ нравоученіемъ. Благовоспитанные критики „Сына Отечества“ и „Вѣстника Европы“ приходили *въ ужасъ* отъ „Руслана и Людмилы“, гдѣ „пародировался Кирша Даниловъ и *просвѣщеннымъ* людямъ предлагалась поэма, писанная въ подражаніе „Еруслану Лазаревичу“, гдѣ воспроизводились „плоскія шутки старины“... „Невскій Зритель“ сѣтовалъ по поводу той же поэмы на *„низкія* сравненія, *безобразное* волшебство, *сладострастныя* картины и такія выраженія, которыя оскорбляютъ *хорошій вкусъ“*. Въ „Борисѣ Годуновѣ“ критика находила „неприличною“ сцену свиданія самозванца съ Мариною, порицала „возрастающее безуміе самозванца и возрастающую наглость Марины“ и находила это произведеніе неудобнымъ для дамъ высшаго круга. Какой-то критикъ „предложилъ промѣнять сцену „Бориса Годунова“ [33] — на картинку „Дамскаго Журнала“ [34]. Писатель умный и дорожившій своими убѣжденіями сожалѣлъ, что Пушкинъ заставилъ своего Алеко водить медвѣдя. „Вся поэзія Пушкина,—отзывался одинъ изъ тогдашнихъ критиковъ,—была рѣзвая шалунья, для которой весь міръ ни въ копѣйку, ея стихія пересмѣхать все — худое и хорошее—просто изъ охоты позубоскалить... Поэзія Пушкина есть просто пародія“. Критику оскорблялъ и выборъ Пушкинымъ для своихъ произведеній сюжета и способъ художественной его обработки. „Главнѣйшими изъ пружинъ,—увѣряла она,—приводящими въ движеніе весь піитическій машинизмъ ихъ (новѣйшихъ поэтовъ), обыкновенно бываютъ: пуншъ, ай, бордо, дамскія ножки, будуарное удальство, площадное подвижничество. Самую любимую сцену дѣйствія составляютъ Муромскіе лѣса, подвижные бессарабскіе наметы, магическое уединеніе овиновъ и бань“... Критика ядовито сравнивала Пушкина то съ Барковымъ, то съ авторомъ Энеиды наизнанку, обнаруживая тѣмъ одновременно и

полное непониманіе великаго значенія произведеннаго Пушкинымъ переворота въ русской поэзіи, и близорукое отношеніе къ первымъ на Руси представителямъ мѣщанскаго вкуса, горячимъ противникамъ ложнаго классицизма. Критика представляла себѣ литературу этого направленія „кровожадною, развратною вѣдьмою съ прыщиками на лицѣ“. Симпатіи критики принадлежали еще „чопорной“ школѣ XVIII вѣка, и Пушкинъ очень хорошо понималъ, какъ она должна была относиться къ его широкому и свободному поэтическому творчеству,—къ тому, что̀ онъ называлъ „романтизмомъ“. *„Робкій вкусъ нашъ* не стерпитъ *истиннаго романтизма“*,—писалъ онъ въ 1825 году. Критика отучила Пушкина уважать ея отзывы, и къ 1831 году онъ съ полнымъ правомъ могъ писать: „Все, что̀ называется у насъ критикой, одинаково... смѣшно. Съ моей стороны, я отступился: возражать серьезно не могу, а плясать передъ публикою не намѣренъ“.

И между тѣмъ едва ли какой-нибудь русскій поэтъ, до Пушкина, такъ глубоко убѣжденъ былъ въ просвѣтительномъ, въ общественномъ значеніи литературной критики. „Состояніе критики,—пишетъ Пушкинъ,—показываетъ степень образованности всей литературы вообще“. Великій поэтъ думаетъ такъ, потому что убѣжденъ въ неразрывной связи „истинной критики“ съ общественнымъ, или (какъ онъ выражался) „общимъ“ мнѣніемъ. Одну изъ причинъ неуспѣха въ публикѣ стихотвореній Баратынскаго Пушкинъ видитъ въ „отсутствіи критики и общаго мнѣнія“, и тутъ же прибавляетъ: „у насъ литература не есть потребность народная: писатели получаютъ извѣстность *посторонними обстоятельствами,* публика мало ими занимается: классъ писателей *ограниченъ,* и *имъ управляютъ журналы, которые судятъ о литературѣ какъ о политической экономіи,* — о политической экономіи какъ о музыкѣ, т.-е. на-обумъ, по наслышкѣ, безъ всякихъ основательныхъ правилъ и свѣдѣній, а большею частью по личнымъ разсчетамъ“.

Ахъ! если бы меня, подъ легкой маской,
Никто въ толпѣ забавной не узналъ!
Когда бы за *меня* своей указкой
Другаго строгій критикъ пощелкалъ!
Ужь то-то бъ неожиданной развязкой
Я всѣ журналы послѣ взволновалъ!
Но полно, будетъ ли такой мнѣ праздникъ?...

„Гдѣ же критика?—спрашиваетъ поэтъ.—Литература кой-какая есть, а критики нѣтъ“... Вѣрный своему идеалу объ общественномъ значеніи литературы, Пушкинъ настойчиво и постоянно высказываетъ убѣжденіе въ необходимости „истинной“, не личной, а принципіальной критики, которая имѣла бы силу стать покровительницею общественнаго мнѣнія и могущественно поддерживать новое, мы готовы сказать—реальное направленіе русской поэзіи. „Голосъ *истинной* критики необходимъ у насъ: *нужно забрать въ руки общее мнѣніе* и дать *нашей словесности новое, истинное направленіе*“. Итакъ, цѣль критики двоякая, по Пушкину: направленіе общественнаго мнѣнія и созданіе въ нашей литературѣ новаго направленія. Между тѣмъ, по признанію поэта, современная ему критика была „ниже даже и публики, не только самой литературы“. Содѣйствіе утвержденію въ нашей литературѣ критики, въ которой Пушкинъ видѣлъ не просто „уложеніе вкуса“, рано дѣлается пламенною мечтою поэта. Такая потребность истекала изъ сознанія, что литература должна быть общественною силою, и что „общее мнѣніе“ ею создается и питается; а общее мнѣніе Пушкинъ ставилъ необыкновенно высоко. „Уважай общее мнѣніе,—пишетъ онъ въ планѣ ученія великаго князя наслѣдника:—оно часто бывало просвѣтителемъ монарха; оно — вѣрнѣйшій его помощникъ“. Пролагая русской поэзіи новые пути, Пушкинъ не могъ не видѣть, что реформаціонныя усилія геніальнаго поэта находятъ въ „истинной критикѣ“ живой, необходимый комментарій, завоевывающій въ „общемъ мнѣніи“ сознательное сочувствіе новому литературному направленію и, слѣдовательно, развивающій то направленіе, упрочивающій оное разрушеніемъ старыхъ предразсудковъ. Въ сознаніи этой мысли, отыскивая себѣ въ сферѣ критики такой же опоры, какую нашелъ, какъ поэтъ, въ Гоголѣ, Пушкинъ сѣтуетъ: „Критики у насъ недостаетъ. Отселѣ репутація Ломоносова и Хераскова. Кумиръ Державина—$^1/_4$ золотой, $^3/_4$ свинцовый — донынѣ еще не оцѣненъ. Княжнинъ безмятежно пользуется своею славою, Богдановичъ причисленъ къ великимъ поэтамъ, Дмитріевъ также. Мы не знаемъ, что̀ такое Крыловъ“. Пушкинъ завидуетъ нѣмцамъ, у которыхъ критика предшествовала литературѣ. Онъ радуется тому, что нѣмецкая философія,

„особенно въ Москвѣ, нашла много молодыхъ, пылкихъ, добросовѣстныхъ послѣдователей“, и что ихъ благотворное вліяніе часъ отъ часу „становится болѣе ощутительно“. Пушкинъ съ жаромъ поддерживаетъ „Московскій Вѣстникъ“, въ которомъ ожидаетъ создать столь желанный ему критическій органъ. Мысль о необходимости *критическаго* журнала и *политической* газеты неотвязчиво преслѣдуетъ Пушкина почти съ самаго начала царствованія императора Николая. „Пора задушить альманахи, осужденные на эфемерное существованіе. Журналы вездѣ управляютъ общимъ мнѣніемъ“... Потребность постояннаго періодическаго изданія, которое забрало бы въ руки общее мнѣніе, особенно усиливается въ Пушкинѣ послѣ изданія „Бориса Годунова“,—въ то время, когда онъ созналъ, что „силы его развились совершенно“. Пріемъ, оказанный критикою „Борису Годунову“, только укрѣпилъ поэта въ сознаніи необходимости создать органъ здравой литературной критики, „забрать въ руки общее мнѣніе“. Оскорбленный презрительнымъ отношеніемъ критики къ одному изъ самыхъ дорогихъ для него созданій, въ минуту порывистаго отчаянія, Пушкинъ высказалъ даже мысль: „нововведенія опасны и, кажется, не нужны“. Но порывъ былъ непродолжителенъ. Великій воспитатель эстетическаго вкуса въ русскомъ обществѣ, уже успѣвшій совершить „преобразованіе нашей драматической системы“, сознавалъ свое значеніе какъ поэта и направителя „общаго мнѣнія“ и спокойно замѣтилъ: „строгость и равнодушіе публики теперь мало имѣютъ вліянія на мои труды“.

Восторженныхъ похвалъ пройдетъ минутный шумъ.
Услышишь судъ глупца и смѣхъ толпы холодной,
Но ты останься твердъ, спокоенъ и угрюмъ.
Ты царь: живи одинъ. Дорогою свободной
Иди, куда влечетъ тебя свободный умъ,
Усовершенствуя плоды любимыхъ думъ...
Ты самъ свой высшій судъ.

„Истинный талантъ довѣряетъ болѣе собственному сужденію, основанному на любви къ искусству, нежели малообдуманному рѣшенію записныхъ аристарховъ“.

Надежды вѣщаго поэта исполнились еще при жизни его.

Почти въ одно время съ Гоголемъ, явился такой критикъ, какого пламенно звалъ Пушкинъ. То былъ человѣкъ, воспитанный сколько московскимъ кружкомъ, занимавшимся нѣмецкою философіею, столько—если не болѣе—произведеніями Пушкина и тѣмъ литературнымъ движеніемъ, которому поэтъ придалъ „мощный бѣгъ“. И тотъ критикъ, забравшій въ свои твердыя руки общее мнѣніе и воспитавшій своимъ вліяніемъ послѣдующія поколѣнія, въ лучшемъ изъ своихъ сочиненій оставилъ превосходный комментарій къ твореніямъ Пушкина, который образовалъ въ немъ чистый эстетическій вкусъ и поселилъ непреклонное убѣжденіе, что литература есть великая общественная сила. Бѣлинскій положилъ начало исторической критикѣ русскихъ писателей, о которой мечталъ Пушкинъ, и, подъ вопли старой школы, исполнилъ программу великаго поэта—развѣнчалъ литературные авторитеты той школы. По глубоко-вѣрному замѣчанію одного изъ современныхъ даровитыхъ критиковъ, Пушкинъ „былъ провозвѣстникомъ замаскированной публицистики, породившей въ послѣдніе годы его жизни сплошной рядъ болѣе или менѣе замѣчательныхъ дѣятелей“.

На высоту служенія общественному развитію, общественной мысли поднималъ Пушкинъ русскую поэзію. Движеніе, литературнымъ выраженіемъ коего былъ романтизмъ, вызывало къ жизни новую идею—національность, новаго героя—народъ. При той непосредственности отношенія къ дѣйствительности, которою отличался Пушкинъ, рано понятъ былъ поэтомъ русскій общественный недугъ его времени—крѣпостное право. Въ 1819 году поэтъ уже высказалъ свой идеалъ:

Увижу-ль я, друзья, народъ не угнетенный
И рабство, падшее по манію царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли наконецъ прекрасная заря?

Позднѣе онъ развилъ свою мысль въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Политическая наша свобода неразлучна съ освобожденіемъ крестьянъ. Желаніе лучшаго соединить всѣ состоянія противъ общаго зла и твердое, *мирное* единодушіе можетъ скоро поставить насъ на ряду съ просвѣщенными народами Европы“. Вотъ гдѣ

находилъ Пушкинъ условіе нашей политической свободы и нашего просвѣщенія. Обращеніе къ быту, исторіи, безыскусственной поэзіи нашего народа сопровождало творческую дѣятельность Пушкина въ пору его зрѣлости. Критика того времени понимала народность въ самомъ узкомъ смыслѣ, поверхностно, и въ „Евгеніи Онѣгинѣ“ не находила другихъ слѣдовъ народнаго, кромѣ именъ петербургскихъ улицъ и ресторацій. Пушкинъ пишетъ: „Одинъ изъ нашихъ критиковъ, кажется, полагаетъ, что народность состоитъ въ выборѣ предметовъ изъ отечественной исторіи. Другіе видятъ народность въ словахъ, оборотахъ, выраженіяхъ, т.-е. радуются тому, что, изъясняясь по-русски, употребляютъ русскія выраженія. Народность въ писателѣ есть достоинство, которое вполнѣ можетъ быть оцѣнено одними соотечественниками; для другихъ оно или не существуетъ, или даже можетъ показаться порокомъ... Есть образъ мыслей и чувствованій; есть тьма обычаевъ, повѣрій и привычекъ, принадлежащихъ исключительно какому-нибудь народу. Климатъ, образъ жизни, вѣра даютъ каждому народу особенную физіономію, которая болѣе или менѣе отражается и въ поэзіи“. Вотъ почему „съ любопытствомъ и благоговѣніемъ“ обращался Пушкинъ къ „старинамъ памятникамъ нашей словесности, чтобы въ сихъ первоначальныхъ играхъ творческаго духа наблюдать исторію нашего народа“. Вотъ почему, соединяя идею національности съ сознаніемъ необходимости европейскаго просвѣщенія, Пушкинъ благоговѣетъ передъ Петромъ Великимъ, признавая его войны „благодѣтельными и плодотворными“, чтя „успѣхъ народнаго преобразованія“, когда „европейское просвѣщеніе причалило къ берегамъ завоеванной Невы“. Вотъ почему въ эпоху высшаго проясненія своихъ художественныхъ идей, одновременно съ углубленіемъ въ „народное“ творчество Шекспира, Пушкинъ изучаетъ старыя русскія лѣтописи, памятники бытовой исторіи русскаго народа, въ родѣ *Урядника сокольничья пути*, собираетъ народныя пѣсни и записываетъ народныя пословицы, въ родѣ: *иже не ври же, его же не пригоже*, думая и въ этомъ изреченіи найти поддержку своимъ нападкамъ на *Бесѣду славянороссовъ* и замѣчая: „и въ старину острились надъ непонятнымъ народу книжнымъ языкомъ“.

Нужно ли говорить, что поэзіи Пушкина, съ широтою и глубиною ея содержанія, не былъ пригоденъ старый литературный языкъ какой-нибудь славяно-русской „Бесѣды“. Рано высказалъ Пушкинъ желаніе, чтобы „его поняли всѣ отъ мала до велика“. „Надобно дать языку нашему болѣе воли“, постоянно твердитъ онъ. И дѣйствительно, Анненковъ справедливо замѣчаетъ: „Никогда великій иностранный образецъ, если бы даже и былъ понятенъ всему кругу читателей, не дастъ и въ половину того, что́ даетъ читателямъ художникъ роднаго слова“.

Конечно: сѣверные звуки
Ласкаютъ мой привычный слухъ.
Ихъ любитъ мой славянскій духъ;
Ихъ музыкой сердечны муки
Усыплены; но дорожитъ
Одними-ль звуками піитъ?

Современную критику, указавшую ему въ періодъ его поэтической дѣятельности „только пять грамматическихъ ошибокъ“, Пушкинъ обращаетъ къ роднику литературной рѣчи — народному языку: „разговорный языкъ простаго народа (говоритъ онъ) достоинъ глубочайшихъ изслѣдованій“. Въ литературномъ языкѣ Пушкина нашли себѣ примиреніе всѣ стихіи русской рѣчи: все подготовленное исторіею богатство оной слито было Пушкинымъ въ гармоническое цѣлое, которое служитъ основою современнаго литературнаго языка.

Милостивые государи!

Въ могущественномъ одушевленіи, охватывающемъ, въ настоящее время, всю образованную Россію безъ различія мнѣній, партій, направленій, въ этомъ одушевленіи, вызванномъ возвращеніемъ къ нашему литературному прошедшему, не выражается ли общественная потребность освѣженія чистыми и высокими идеалами искусства? И теперь, когда сдернута пелена съ дорогаго изображенія вѣщаго поэта, не прозрѣваемъ ли и мы съ большею ясностію справедливость мысли Пушкина: „Произведенія великихъ поэтовъ остаются свѣжи и вѣчно юны; и между тѣмъ, какъ великіе представители старинной астрономіи, физики, медицины и философіи одинъ за другимъ старѣютъ и

уступаютъ мѣсто другому,—одна поэзія остается на своемъ неподвижно и не теряетъ своей младости". Пусть же „вѣчно-юная поэзія" Пушкина, эта національная наша гордость,—укрѣпляетъ общественную мысль; пусть своими благодатными струями, съ новою силою, оживляетъ она наше молодое поколѣніе, нашу школу.

Ложная мудрость мерцаетъ и тлѣетъ
Предъ солнцемъ безсмертнымъ ума.
Да здравствуетъ Солнце! да скроется тьма!

М. С. ЩЕПКИНЪ и Н. В. ГОГОЛЬ.

Гоголь познакомился съ Щепкинымъ въ пору перваго, могучаго расцвѣта своего генія. „Вечера на хуторѣ близь Диканьки“ уже разнесли въ московскомъ обществѣ вѣсть о „новомъ поэтѣ-малороссѣ“, еще скрывавшемъ свое имя отъ публики подъ псевдонимомъ „Рудаго Паньки“. Въ 1831-мъ году въ Москвѣ даже въ литературныхъ кружкахъ не знали настоящей фамиліи сочинителя „Вечеровъ“. С. Т. Аксаковъ въ своей „Исторіи моего знакомства съ Гоголемъ“ разсказываетъ: „Погодинъ ѣздилъ зачѣмъ-то въ Петербургъ, провѣдалъ тамъ, кто такой былъ „Рудый Панько“, познакомился съ нимъ и привезъ намъ извѣстіе, что Диканьку написалъ Гоголь-Яновскій. Итакъ, это имя было уже намъ извѣстно и дорого“ [1]. Въ первыхъ числахъ іюля 1832 года [2] Гоголь, уже принятый въ литературный кружокъ Жуковскаго и Пушкина [3], пріѣхалъ въ первый разъ въ Москву: онъ отправлялся погостить на родинѣ. На обратномъ пути изъ Малороссіи въ Петербургъ Гоголь снова остановился на нѣсколько дней въ Москвѣ: онъ пріѣхалъ сюда 15-го октября и въ первыхъ числахъ ноября былъ уже въ Петербургѣ. Въ одну изъ этихъ остановокъ въ Москвѣ Гоголь познакомился съ Щепкинымъ. Полагаемъ, что это знакомство завязалось въ первый пріѣздъ Гоголя въ Москву, когда онъ пробылъ здѣсь болѣе продолжительное время, чѣмъ во второй пріѣздъ, и когда онъ познакомился съ московскими литераторами, работавшими для театра,—С. Т. Аксаковымъ и Н. М. Загоскинымъ. Щепкинъ только въ концѣ іюня этого года возвратился изъ Петербурга, гдѣ онъ

гастролировалъ на Новомъ театрѣ съ 25-го мая. Несомнѣнно, что Гоголь видѣлъ игру Щепкина на петербургскомъ театрѣ и тогда уже оцѣнилъ его великій сценическій талантъ. Пріѣхавши въ Москву, онъ поспѣшилъ явиться къ своему знаменитому земляку. Сохранился разсказъ о первомъ свиданіи Гоголя съ Щепкинымъ, записанный со словъ одного изъ сыновей послѣдняго. Приводимъ небольшой отрывокъ изъ этого разсказа: „Не помню, какъ-то на обѣдъ къ отцу собралось человѣкъ двадцать пять,—у насъ всегда много собиралось: столъ, по обыкновенію, накрытъ былъ въ залѣ; дверь въ переднюю, для удобства прислуги, была отворена настежь. Въ серединѣ обѣда вошелъ въ переднюю новый гость, совершенно намъ незнакомый. Пока онъ медленно раздѣвался, всѣ мы, въ томъ числѣ и отецъ, оставались въ недоумѣніи. Гость остановился на порогѣ въ залу и, окинувъ всѣхъ быстрымъ взглядомъ, проговорилъ слова всѣмъ извѣстной малороссійской пѣсни:

Ходитъ гарбузъ по городу,
Пытается свого роду:
Ой, чи живы, чи здоровы
Вси родичи гарбузовы?

Недоумѣніе скоро разъяснилось — нашимъ гостемъ былъ Гоголь“ [4].

Такъ встрѣтились въ первый разъ два художника, которыхъ, повидимому, раздѣляло несходство лѣтъ, положенія, характера, но которые въ то время, независимо одинъ отъ другаго, поворачивали на новую дорогу и которые на этой дорогѣ скоро подали другъ другу руки, чтобы работать во имя одной общей цѣли.

Щепкинъ, въ описываемое время, уже имѣлъ за собою двадцатипятилѣтній сценическій опытъ: онъ вѣрилъ въ свой художественный идеалъ и зналъ, чего добивался на сценѣ. Лозунгомъ его сценической дѣятельности давно сдѣлалась „естественность“. Онъ былъ уже глубоко убѣжденъ, что „искусство настолько высоко, насколько близко къ природѣ“ [5]. Въ тридцатыхъ годахъ текущаго вѣка „естественность“ начинала на московскомъ театрѣ замѣтно подрывать традиціи старой сценической школы, лучшимъ представителемъ которой былъ еще въ началѣ столѣтія

старикъ И. А. Дмитревскій. Но самъ Щепкинъ болѣзненно чувствовалъ недостатокъ такого репертуара, который давалъ бы ему возможность вмѣстѣ съ тогдашними актерами укрѣплять на московской сценѣ простоту и естественность игры. Въ первые годы третьяго десятилѣтія текущаго вѣка талантъ Щепкина тратился больше на мелочи. Правда, онъ имѣлъ нѣсколько „классическихъ“ ролей въ комедіяхъ Мольера, нерѣдко передѣланныхъ „на русскіе нравы“, согласно вкусу времени; но типы этихъ комедій были не наши, не родные артисту и дѣйствовали въ обстановкѣ чужой жизни. Репертуаръ Щепкина до 1832 года состоялъ преимущественно изъ „комедій“ Шаховскаго и Загоскина, „веселыхъ“, можетъ быть, но не глубокихъ по содержанію, — почти всегда вращавшихся въ очарованномъ кругу большаго свѣта и все еще не отрѣшившихся вполнѣ отъ преданій французскаго псевдо-классицизма. Только въ 1831-мъ году представлена была „въ цѣльномъ видѣ“ комедія Грибоѣдова „Горе отъ ума“. Важное мѣсто въ репертуарѣ Щепкина занимали, до 1832 года, комедіи и водевили Скриба и его сотрудниковъ и подражателей. Эти комедіи интриги переводились или передѣлывались молодымъ „другомъ“ Щепкина — остроумнымъ куплетистомъ А. И. Писаревымъ. Русскіе актеры тридцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія поневолѣ учились изображать на сценѣ французскую буржуазію, а не русскихъ людей. Петербургскіе актеры при первомъ представленіи „Горя отъ ума“ (26 января 1831 года) обнаружили полную свою несостоятельность передъ лицомъ этого великаго произведенія; на московской сценѣ комедія Грибоѣдова шла лучше, но лишь въ немногихъ роляхъ. Въ Петербургѣ съ ролью Чацкаго не сладилъ воспитанный на ложно-классическихъ пьесахъ Каратыгинъ 1-й, или, какъ тогда писали, „большой“. Въ „Сѣверной Пчелѣ“ разбору игры петербургскихъ актеровъ посвящена была небольшая статья подъ заглавіемъ „Письмо изъ Москвы“. О русской драматической труппѣ Петербурга въ этой статьѣ высказано было слѣдующее справедливое замѣчаніе. „Ваша труппа (говоритъ авторъ „Письма изъ Москвы“) возлелѣяна знаменитыми французскими труппами, бывшими въ Петербургѣ съ 1746 до 1812 года. Слѣдовательно, почти семьдесятъ лѣтъ являлись на сценѣ одинаковые образцы, одни и тѣ

же наставники — руководители русскихъ талантовъ: Офренъ, Флоридоръ, Гюсъ, Ларошъ, Дюкруаси, Вальвиль были прототипами, по коимъ вылились Яковлевы, Каратыгины, Семеновы, Вальберховы и множество другихъ. Послѣ этого можно ли дивиться тому, что русскій, москвичъ XIX столѣтія, непостижимый для иностранцевъ Чацкій былъ равномѣрно непостижимъ для г. Каратыгина“ [6]. Гоголь, хорошо знакомый съ состояніемъ русской драматической сцены Петербурга въ началѣ тридцатыхъ годовъ, указываетъ и другую, болѣе важную причину сценическаго безсилія тогдашнихъ артистовъ — отсутствіе русскаго, своего репертуара. Въ 1835 году онъ набрасываетъ въ свою записную книгу [7] такія мысли о русскихъ актерахъ того времени: „Всеобщія жалобы на недостатокъ таланта въ актерахъ. Но гдѣ же развиться талантамъ? На чемъ развиться? Развѣ попадается имъ хоть одно лицо *русское,* которое могли бы они живо представить себѣ? Кого играютъ наши актеры? Какихъ-то нехристей,— людей не французовъ и не нѣмцевъ, но Богъ знаетъ кого—какихъ-то взбалмошныхъ людей (иначе и трудно назвать героевъ мелодрамы), не имѣющихъ рѣшительно никакой опредѣленной страсти, а тѣмъ болѣе видной физіогноміи. Не странно ли? Тогда какъ мы больше всего говоримъ теперь объ *естественности,* намъ, какъ нарочно, подаютъ подъ носъ верхъ уродливости. *Русскаго* мы просимъ! *Своего* давайте намъ! Что̀ намъ французы и весь заморскій людъ! Развѣ мало у насъ нашего народа? Русскихъ характеровъ! Своихъ характеровъ! Давайте насъ самихъ! Давайте намъ *нашихъ* плутовъ, которые тихомолкомъ употребляютъ во зло благо, изливаемое на насъ правительствомъ нашимъ, которые превратно толкуютъ наши законы, которые, подъ личиною кротости, подъ рукою дѣлаютъ дѣлишки не совсѣмъ кроткія. Изобразите намъ *нашего* честнаго, прямаго человѣка, который среди несправедливостей, ему наносимыхъ, остается неколебимъ въ своихъ положеніяхъ... Бросьте долгій взглядъ во всю длину и ширину нашей раздольной Россіи [8]: сколько есть у насъ добрыхъ людей, но сколько есть и плевелъ, отъ которыхъ житья нѣтъ добрымъ и за которыми не въ силахъ слѣдить никакой законъ! На сцену ихъ! Пусть видитъ ихъ весь народъ! Пусть посмѣется имъ! О, смѣхъ великое дѣло!“ Высшее,

образованное общество Петербурга посѣщало оперу и балетъ и оставляло драматическую сцену. Гоголь находитъ, что публика въ этомъ дѣлѣ была права: тогдашняя драматическая сцена не стоила того, чтобы предпочесть ее оперѣ или балету. „Что̀ такое игралось на нашей сценѣ?—говоритъ Гоголь.—Мелодрама и водевиль, эти незаконныя дѣти ума нашего девятнадцатаго столѣтія, *совершенныя отступленія отъ природы*, введшія множество мелкихъ несообразностей. Но какіе были эти водевили? Они были переводы съ французскаго. Въ Петербургѣ есть французскій театръ, и очень изрядный. Итакъ, кто же захочетъ смотрѣть французскую пьесу въ переводѣ, играемую русскими актерами, не видавшими французскаго общества, тогда какъ онъ можетъ на французскомъ театрѣ видѣть ту же самую въ оригиналѣ, игранную природными французами, которые и потому уже могутъ лучше выполнить свое дѣло, что имъ вовсе не стоитъ труда: во Франціи больше смѣшаны между собою сословія. — Итакъ, высшій классъ нашего общества былъ совершенно правъ, что оставлялъ русскую сцену: очень былъ почувствованъ этотъ недостатокъ оригинальности. Нѣсколько піесъ появилось оригинальныхъ: но какія были эти піесы? Эти піесы были—водевили. Русскій водевиль! Это немножко смѣшно. Во-первыхъ, что эта легкая безцвѣтная игрушка могла родиться только у французской націи, не имѣющей въ характерѣ своемъ глубокой физіогноміи, если сказать сильно—національности. Но что̀ же теперь вышло, когда настоящій русскій, да еще нѣсколько суровый и отличающійся своеобразною національностью характеръ, съ своею тяжелою фигурою, началъ поддѣлываться подъ шаркань̀е петиметра, и нашъ тучный, но сметливый и умный купецъ съ широкою бородою, не знававшій на ногѣ своей (ничего), кромѣ тяжелаго сапога, надѣлъ бы вмѣсто него узенькій башмачекъ и чулки à jour а другую, еще лучше, оставилъ бы въ сапогѣ и сталъ бы въ первую пару во французскую кадриль? А вѣдь почти то же наши національные водевили. Не смѣшно ли, напримѣръ, что русскій судья, которыхъ чрезвычайно много въ водевиляхъ, начинаетъ пѣть куплетъ въ обыкновенномъ разговорѣ? Въ французскомъ театрѣ мы прощаемъ эти выходки противъ естественности, ибо намъ извѣстно, что французскій

судья — и танцоръ, и куплеты сочиняетъ, играетъ хорошо на флажолетѣ, можетъ быть, даже рисуетъ въ альбомахъ. Но если начнетъ все это дѣлать нашъ уѣздный судья и облеченный такою грубою наружностью, съ какою обыкновенно его выставляютъ на нашихъ водевиляхъ, то... Судью заставляютъ пѣть! Да если нашъ уѣздный судья запоетъ, то зрители такой услышатъ ревъ, что, вѣрно, въ другой разъ и не покажутся въ театрѣ". Столь же строго относится Гоголь и къ мелодрамѣ. Въ тѣхъ же замѣткахъ онъ такъ характеризуетъ русскую мелодраму тридцатыхъ годовъ: „Мелодрама нынѣшняя есть никакъ не болѣе, какъ *программа для балета:* она говоритъ только, о чемъ должно идти дѣло, что̀ такое *есть* въ пьесѣ, а разрѣшать ее и создавать должны актеры сами..." — „Главное въ мелодрамахъ (продолжаетъ Гоголь) — оглушить вдругъ чѣмъ-нибудь зрителей, хотя на одно мгновеніе,—что̀ сильнѣе бросается въ глаза: каторга, убійство. Ими можно испугать и произвести судороги. Вся мелодрама состоитъ изъ убійствъ и преступленій, и между тѣмъ ни одно лицо не возбуждаетъ участія. Никогда еще не выходилъ зритель растроганный, въ слезахъ,—но въ какомъ-то растревоженномъ состояніи и пугливо садился въ свою карету, долго не могшій собрать и сообразить своихъ мыслей. Какое странное явленіе! Въ нашъ вѣкъ, когда во всякомъ обществѣ существуетъ число людей, исполненныхъ тонкаго, возвышеннаго вкуса, и вдругъ такія зрѣлища, эффекты тѣ, которые дѣйствуютъ на грубую, черствую и притомъ притупленную площадною развратностью природу! Передвигаются передъ глазами тѣ кровавыя зрѣлища и боевыя ристалища, на которыя собиралась смотрѣть вся римская чернь... Но, слава Богу, мы еще не римляне, и не на закатѣ существованія, но только еще на зарѣ его стоимъ мы. Еще молодъ нашъ народъ и служитъ вѣчнымъ матеріаломъ для писателя, поражая его множествомъ разнообразныхъ степеней образованія; и всѣ стихіи нашего государства—стихіи могущества и юности" [9]. Въ такихъ чертахъ представлялось Гоголю состояніе петербургской драматической сцены! Такова была та школа, въ которой воспитывались петербургскіе актеры тридцатыхъ годовъ!

Московская драматическая труппа, не испытавшая сильнаго и продолжительнаго непосредственнаго вліянія французскихъ

артистовъ, питалась въ тридцатыхъ годахъ тѣмъ же репертуаромъ водевилей, мелодрамъ и комедій Шаховскаго и Загоскина. Сценическая карьера Щепкина въ Москвѣ началась водевилями. Въ первый годъ поступленія на московскую сцену Щепкинъ игралъ роль повара Суфле въ комедіи-водевилѣ Скриба и Мелезвиля „Секретарь и поваръ“, переведенной съ французскаго П. Н. Араповымъ. Піеса эта представлена была въ первый разъ на Императорскомъ московскомъ театрѣ, „въ пользу Дансерки г-жи Глушковской“, 22-го ноября 1823 года. Издавая свой водевиль въ 1825 году, переводчикъ приложилъ къ нему портретъ М. С. Щепкина, предпославши піесѣ слѣдующее предувѣдомленіе: „*Недѣльная* бездѣлка: „Секретарь и поваръ“, обязана большею частію своего успѣха прелестной игрѣ актера московскаго театра Михайла Семеновича Щепкина; она выходитъ въ свѣтъ съ его портретомъ, для изъявленія ему моей благодарности. Не смѣю отвѣчать за сходство послѣдняго, но ручаюсь за то, что я не первый, котораго очаровалъ Щепкинъ своимъ талантомъ“. Мы увидимъ вскорѣ, что это былъ не первый по времени портретъ Щепкина въ одной изъ водевильныхъ ролей. Въ теченіе 1824 года М. С. занималъ главныя роли въ комедіяхъ и водевиляхъ, вновь передѣланныхъ или переведенныхъ съ французскаго. Такъ, 17-го апрѣля 1824 г. Щепкинъ игралъ роль богатаго помѣщика Шумилова въ комедіи Лафона „Невѣста трехъ жениховъ“, переведенной съ французскаго актеромъ московскаго театра Барановымъ. Піеса Лафона не была новостью ни для русской литературы, ни для русской сцены: она „переведена была на россійской языкъ (подъ заглавіемъ „Три брата солюбовники“) г. Свистуновымъ въ Санктпетербургѣ 1757 года въ ноябрѣ мѣсяцѣ, представлена была въ первый разъ на придворномъ россійскомъ театрѣ въ 1764 году августа 27 дня“ [10]. Сумароковъ сдѣлалъ изъ нея комедію „Три брата совмѣстники“, которая „представляема была на россійскихъ театрахъ“ [11]. Черезъ недѣлю, т.-е. 24-го апрѣля того же года, въ бенефисъ Сабуровыхъ, представлено было: „Учитель и ученикъ, опера-водевиль въ одномъ дѣйствіи, *передѣланная* съ французскаго А. И. Писаревымъ“. Черезъ нѣсколько времени послѣ представленія эта піеса явилась въ печати съ портретомъ Щепкина и посвяще-

ніемъ водевиля Алябьеву и Верстовскому. Въ посвященіи было объяснено, что „игра несравненнаго Щепкина *рѣшила успѣхъ водевиля,* а прелестная музыка Алябьева и Верстовскаго *одушевила* его". Въ этомъ водевилѣ Щепкинъ игралъ роль учителя Шеллинга. 4-го ноября того же года, въ бенефисъ актера Сабурова, поставлены были двѣ новыя піесы А. И. Писарева: 1) „Хлопотунъ, или дѣло мастера боится", опера-водевиль, передѣланная съ французскаго (муз. Алябьева и Верстовскаго), и 2) „Наслѣдница", комедія въ одномъ дѣйствіи въ стихахъ, передѣланная съ французскаго. Въ той и другой піесѣ Щепкинъ исполнялъ главныя роли: въ первой—Репейкина, пріятеля богатаго помѣщика Радимова, во второй — графа Тонскаго. Въ „Драматическомъ Альбомѣ для любителей театра и музыки на 1826 годъ", изданномъ А. Писаревымъ и А. Верстовскимъ, появился портретъ Щепкина въ роли Репейкина: водевиль „Хлопотунъ", по свидѣтельству С. Т. Аксакова, „принятъ былъ публикою *съ восторгомъ*. Щепкинъ въ роли хлопотуна былъ совершенство" [12]. Въ теченіе двухъ первыхъ лѣтъ пребыванія на московской сценѣ Щепкинъ награжденъ былъ изданіемъ трехъ портретовъ его—въ водевильныхъ роляхъ. 9-го апрѣля 1825 года представлена была опера-водевиль въ трехъ дѣйствіяхъ „Забавы калифа, или шутки на одни сутки", сочиненная А. И. Писаревымъ. Авторъ указалъ, что сюжетъ піесы „взятъ изъ арабскихъ сказокъ". Щепкинъ игралъ въ ней первую роль — башмачника Гассана. 8-го октября того же года дана была передѣланная Писаревымъ съ французскаго опера-водевиль *въ шести дѣйствіяхъ* „Волшебный носъ, или талисманы и финики". Щепкину снова пришлось разучивать роль „Бенальтона, дамасскаго паши". „Это былъ (замѣчаетъ С. Т. Аксаковъ) пустой фарсъ, написанный для бенефиса Ворониной-Ивановой" [13]. 27-го декабря 1827 года Щепкинъ имѣлъ утѣшеніе выступить въ оригинальной русской комедіи: это была одна изъ „лучшихъ", по отзыву современныхъ театраловъ, піесъ Загоскина — „Благородный театръ". Князь Шаховской даже называлъ ее „лучшею комедіею изъ всѣхъ второклассныхъ французскихъ, которыми прославились ихъ авторы" [14]. Комедія „имѣла самый полный успѣхъ" и, по словамъ С. Т. Аксакова, „вполнѣ стоила такого успѣха—*не по мысли,*

которая не имѣла большой значительности и тогда, теперь же и совсѣмъ ее теряетъ (кто въ 1852 году станетъ серьезно заниматься благородными спектаклями?... а тогда занимались ими серьезно) — но потому, что вся піеса исполнена такой неистощимой веселости, живости, естественности, до того проникнута комизмомъ характеровъ, положеній и рѣчей, написана такими прекрасными стихами, что, *собственно въ этихъ отношеніяхъ,* не имѣетъ себѣ равной" [15].

Такова была та сценическая школа, которую долженъ былъ проходить Щепкинъ въ первые годы своего пребыванія въ Москвѣ. Удивительно ли, что Щепкинъ, по словамъ Аксакова, въ это время „тосковалъ по Мольерѣ и вообще по ролямъ, требующимъ работы"? И С. Т. Аксаковъ далъ Щепкину для двухъ его бенефисовъ двѣ комедіи Мольера: „Школу мужей" и „Скупаго". Первая піеса была *отчасти переложена на русскіе нравы,* „по существовавшему тогда варварскому обычаю" (замѣчаетъ Аксаковъ), но къ бенефису Щепкина была „по возможности исправлена". Переводъ „Скупаго" также не отличался вѣрностью оригиналу, и въ Петербургѣ эта комедія, при игрѣ Щепкина, не имѣла успѣха [16].

Собираясь въ іюнѣ 1831 года на гастроли въ Петербургъ, Щепкинъ посылаетъ Сосницкому слѣдующій перечень „лучшихъ" ролей своего репертуара: 1) „Благородный театръ" (комедія Загоскина) — роль Любскаго, 2) „Горе отъ ума" — Фамусова, 3) „Школа злословія" — Досажаева, 4) „Молодость Генриха" — капитана Кона, 5) „Урокъ старикамъ" — Данвиля или Бонара, или въ разное время обоихъ, 6) „Ботъ"—Бота, 6) „Школа женщинъ" — Арнольфа, 8) „Скупой" — Гарпагона; водевили: 9) „Учитель и ученикъ", 10) „Секретарь и поваръ", 11) „Хлопотунъ", 12) „Дядя на-прокатъ", 13) „Старъ и молодъ" и проч. [17]. Почти весь репертуаръ состоитъ изъ французскихъ піесъ; выдѣляются двѣ русскія и одна англійская. Комедія Казиміра Делавиня „L'Ecole des vieillards" игралась въ стихотворномъ переводѣ Ѳ. Ѳ. Кокошкина подъ заглавіемъ—„Урокъ старикамъ" [18], „Школа женщинъ" Мольера — въ стихотворномъ переводѣ Хмельницкаго. Водевиль „Дядя на-прокатъ" переведенъ былъ съ французскаго Писаревымъ въ концѣ 1826 года [19]. Переводы нѣко-

торыхъ піесъ были старинные. „Школа злословія“ игралась по переводу Ивана Муравьева, напечатанному въ 1794 году [20]. Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ „Ботъ или Аглинской купецъ“, въ переводѣ кн. Петра Долгорукова [21], представлена была въ первый разъ на Петровскомъ театрѣ 5-го февраля 1804 года и въ томъ же году напечатана въ Москвѣ. Роль Бота игралъ тогда Плавильщиковъ. Воспитанный чужимъ репертуаромъ и комедіями Загоскина и Шаховскаго, Щепкинъ не вдругъ овладѣлъ ролью Фамусова и лишь спустя много лѣтъ выработалъ эту роль до того совершенства, которое восхищало зрителей въ сороковыхъ годахъ. По крайней мѣрѣ, видѣвшіе Щепкина въ комедіи Грибоѣдова въ 1832 году находили въ его игрѣ замѣтные недостатки и лучшею ролью его тогдашняго репертуара считали роль Арнольфа въ „Школѣ женщинъ“ Мольера [22]. Переложеніе французскихъ комедій и водевилей „на русскіе нравы“ большею частью въ перемѣнѣ французскихъ собственныхъ именъ на русскія и нерѣдко въ замѣнѣ французскихъ куплетовъ своими. Писаревъ въ заключительныхъ куплетахъ своихъ піесъ иногда позволялъ себѣ грубыя и неприличныя выходки противъ тѣхъ личностей, въ которыхъ можно было, при всякой цензурѣ, бросать грязью и въ печати и со сцены, — противъ современныхъ русскихъ писателей. Въ водевилѣ-піесѣ „Учитель и ученикъ, или въ *чужомъ пиру похмѣлье*“ Щепкинъ, подъ музыку Верстовскаго, долженъ былъ пѣть:

Извѣстный журналистъ Графовъ
Задѣлъ Мишурскаго разборомъ;
Мишурскій, не теряя словъ,
На критику отвѣтилъ вздоромъ;
Пошли писатели шумѣть,
Кричатъ, *бранятся отъ бездѣлья*,
А публикѣ за что жь терпѣть
Въ чужомъ пиру похмѣлье?

Артистъ становился на сценѣ органомъ — даже не партіи литературной, а желчнаго расположенія легкомысленнаго водевилиста. Зрителямъ, понимавшимъ, что подъ Графовымъ разумѣлся Каченовскій, а подъ Мишурскимъ кн. Вяземскій, „особенно понравился этотъ куплетъ“ [23]. При исполненіи послѣд-

нихъ куплетовъ въ водевилѣ Писарева „Три десятки“ театръ превратился въ шумную арену, на которой сцѣпились поклонники водевилиста съ защитниками Полеваго, противъ котораго направленъ былъ такой куплетъ:

Журналистъ безъ просвѣщенья
Хочетъ публику учить;
Самъ не кончивши ученья
Всѣхъ сбирается учить;
Мертвыхъ и живыхъ тревожитъ...
Не пора ль ему шепнуть:
„Тотъ другихъ учить не можетъ,
Кто учился какъ-нибудь“ [24].

Въ одномъ изъ куплетовъ того же водевиля издатель „Московскаго Телеграфа“ названъ былъ полною фамиліею:

Всѣмъ милъ цвѣтокъ оранжерейный
И всѣмъ наскучилъ *Полевой* (bis).

Актеръ Сабуровъ, пропѣвшій этотъ куплетъ, держалъ сторону Писарева. „По музыкѣ (разсказываетъ Аксаковъ) слѣдовало бы повторить послѣдніе два стиха; но оглушительный шумъ заставилъ актера Сабурова — а можетъ быть, онъ сдѣлалъ это и съ намѣреніемъ (всѣ артисты очень любили Писарева)—не говорить послѣдняго стиха; какъ же только шумъ утихъ, Сабуровъ, безъ музыки, громко и выразительно произнесъ: „И всѣмъ наскучилъ Полевой“ [25]. Когда, послѣ вызваннаго первымъ представленіемъ „Трехъ десятокъ“ скандала, фамилія Полеваго замѣнена была словомъ „луговой“, Сабуровъ произнесъ исправленный стихъ „въ полголоса, повернувши голову въ сторону и прикрывши лицо руками: актеръ какъ будто несогласенъ былъ съ авторомъ этой перемѣны“ [26]. Во время такихъ эпизодовъ зрители превращались въ дѣйствующихъ лицъ, и запальчивая борьба, которая велась въ театрѣ, несмотря на свои безпорядочныя формы, показывала, какъ жадно ловилось зрителями летѣвшее со сцены живое слово о своемъ, о современномъ...

Но именно русскаго, современнаго содержанія и не давала московская драматическая сцена ни актерамъ, ни публикѣ. Театръ не имѣлъ никакого общественнаго значенія. Зрителей

потѣшали „невинными“ комедіями и французскими водевилями. Въ началѣ тридцатыхъ годовъ въ репертуарѣ Щепкина не было піесъ, при исполненіи которыхъ онъ могъ бы обнаружить свое знаніе русскаго быта, русскаго характера... Лишь изрѣдка случалось ему подмѣнять, такъ сказать, чуждое содержаніе піесы чертами русскаго быта... Въ концѣ 1826 года Шаховской поставилъ на сцену большую комедію-водевиль „Притчи, или Езопъ у Ксанѳа“. „Содержаніе піесы (разсказываетъ Аксаковъ), *совершенно чуждое нашей жизни,* мало имѣло достоинства... Щепкинъ игралъ Езопа и съ большимъ искусствомъ читалъ басни въ стихахъ... Тутъ были басни Хемницера, Дмитріева и Крылова... Еще съ бо̀льшимъ искусствомъ передавалъ Щепкинъ лукавство раба, который изобрѣлъ притчу, какъ средство выражать передъ своимъ властелиномъ свою потаенную мысль, которую прямо сказать нельзя. Много работалъ надъ этой ролью Щепкинъ, *чтобъ,* по возможности, *скрыть себя, свою горячность и свои піесы подъ личной Езопа*“ [27]. Шаховской, конечно, не былъ вполнѣ доволенъ Щепкинымъ: на сценѣ стоялъ не Езопъ, сочиненный имъ по французскому образцу, а живой образъ раба, созданный художественно бывшимъ крѣпостнымъ рабомъ... Князь Шаховской увѣрялъ С. Т. Аксакова, что петербургскій актеръ Брянскій въ этой роли гораздо лучше; но Аксаковъ не нашелъ возможности согласиться съ авторомъ „Езопа у Ксанѳа“. „Точно (разсказываетъ Аксаковъ), у Брянскаго было больше простоты; точно, нѣкоторыя басни Брянскій читалъ гораздо лучше; но уже во всемъ остальномъ не было сравненія: зритель не видѣлъ и не слышалъ въ немъ, несмотря на покорную наружность, — хитраго, тонкаго, лукаваго раба, кипящаго внутреннимъ негодованіемъ. А въ этомъ-то и былъ превосходенъ Щепкинъ“.

Въ началѣ тридцатыхъ годовъ Щепкинъ, за немногими исключеніями, стоялъ гораздо выше своего репертуара. Богато одаренная артистическая натура, находясь въ полномъ развитіи силъ, стремилась къ труду, способна была къ нему; но ей не надъ чѣмъ было работать. Щепкинъ понималъ, что его талантъ тратился на мелочи; онъ болѣзненно чувствовалъ недостатокъ такихъ драматическихъ произведеній, которыя давали

бы ему возможность служить своему идеалу и укрѣплять на русскомъ театрѣ простоту и естественность игры; онъ видѣлъ постепенный упадокъ русской драматической сцены. Кончина плодовитаго А. И. Писарева опечалила Щепкина, какъ артиста и какъ человѣка. 27-го марта 1828 года онъ писалъ петербургскому актеру И. И. Сосницкому [28]: „Я думаю, тебѣ уже извѣстно *о нашей величайшей потерѣ,* а именно о смерти Александра Ивановича Писарева. Да! онъ оставилъ насъ прошлаго 15-го числа сего же мѣсяца. Это большая потеря для театра, но для меня она чувствительнѣе, ибо я въ немъ потерялъ друга". Репертуаръ Щепкина не оживился съ того времени даже новыми веселыми водевилями. Уже въ 1831 году артистъ жаловался И. И. Сосницкому: „Жаль, очень жаль, что русскій театръ не можетъ улучшиться отъ однихъ желаній, собственнаго старанія и душевной любви, ибо, признаюсь, театръ у меня беретъ преимущество надъ семейными дѣлами и при всемъ томъ видѣть оный *слабѣющимъ день ото дня,*—клянусь, это для меня хуже холеры".

Въ такомъ положеніи находилась московская драматическая сцена въ то время, когда завязалось первое знакомство Щепкина съ авторомъ „Вечеровъ на хуторѣ близь Диканьки".

Гоголь въ это время переживалъ послѣдніе дни своего романтическаго періода. Незадолго до отъѣзда изъ Петербурга въ Москву онъ напечаталъ вторую часть „Вечеровъ на хуторѣ близь Диканьки" [29]. Въ „Ночи наканунѣ Ивана Купала", помѣщенной въ первой части этого сборника (1831 г.), современникамъ слышались звучные отголоски фантастическаго разсказа Тика. Вообще фантастическое составляло существенный элементъ во всѣхъ повѣстяхъ, изъ которыхъ сложились „Вечера на хуторѣ близь Диканьки". Лѣтомъ 1832 года мысль Гоголя занята была совершенно другимъ: онъ обдумывалъ планъ — комедіи. Изданіемъ „Вечеровъ на хуторѣ" закончился романтическій періодъ его юности: призраки украинскаго суевѣрія, то ужасные, то очаровательные, отлетѣли отъ него навсегда, и почти *въ началѣ 1833 года* (въ письмѣ отъ 1-го февраля) на запросъ Погодина о „Диканьскихъ Вечерахъ" Гоголь отъ души, искренно воскликнулъ: „Чортъ съ ними! Я не издаю ихъ... прибавлять сказки не могу. Я даже позабылъ, что я творецъ этихъ „Вечеровъ",

и вы только напомнили мнѣ объ этомъ... Да обрекутся они неизвѣстности, покамѣстъ что-нибудь *увѣсистое, великое, художническое* не изыдетъ изъ меня! Но я стою въ бездѣйствіи, въ неподвижности. Мелкаго не хочется, великое не выдумывается“ [30]. „Миргородъ“, вышедшій въ 1834 году, но составленный изъ повѣстей, написанныхъ въ 1832 — 1833 гг., открылъ уже читателямъ новую сторону въ произведеніяхъ Рудаго Паньки. Въ этомъ сборникѣ, служащемъ *продолженіемъ* „Вечеровъ на хуторѣ близь Диканьки“, только одинъ разсказъ беретъ содержаніе изъ фантастическаго міра — „Вій“. Но даже и въ этой повѣсти, богатой художественными картинами малороссійской жизни, изъ-подъ пера молодаго автора вылились слѣдующія строки: „Онъ чувствовалъ, что душа его начинала какъ-то болѣзненно мучиться, какъ будто бы *вдругъ среди бѣшенаго вихря веселія и закружившейся толпы кто-нибудь запѣлъ пѣсню объ угнетенномъ народѣ*“ [31]. Въ „Тарасѣ Бульбѣ“, рисуя картину бѣшеной, подъ музыку, пляски запорожцевъ, поэтъ предается такимъ размышленіямъ: „Только въ одной музыкѣ есть воля человѣку. Онъ въ оковахъ вездѣ. Онъ самъ себѣ куетъ еще тягостнѣйшія оковы, нежели налагаетъ на него общество и власть,—вездѣ, гдѣ только коснулся жизни. Онъ рабъ, но онъ воленъ только, потерявшись въ бѣшеномъ танцѣ, гдѣ душа его не боится тѣла и возносится вольными прыжками, готовая возвеселиться на вѣчность“ [32]. „Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ,“ (1832 г.) уже завершается знаменательнымъ восклицаніемъ автора: „Скучно на этомъ свѣтѣ, господа!“ Къ двадцати-трехъ-лѣтнему юношѣ, еще недавно такъ беззаботно смѣявшемуся въ „Вечерахъ“, какъ-будто уже *„примѣшалась болѣзнь, которую одержимо было все его поколѣніе — неудовлетворенье и тоска“* [33]. Позднѣе, въ эпоху душевныхъ и тѣлесныхъ страданій,—въ мучительную эпоху созданія второй части „Мертвыхъ душъ“, это восклицаніе съ новою силою зазвучитъ въ устахъ Гоголя. Изъ груди поэта, озирающаго современность, вырвется болѣзненный вопль: „И непонятною тоскою уже загорѣлась земля; черствѣе и черствѣе становится жизнь, все мельчаетъ и мелѣетъ, и *возрастаетъ только въ виду всѣхъ одинъ исполинскій образъ скуки*, дости-

гая съ каждымъ днемъ неизмѣримѣйшаго роста. Все глухо, могила повсюду. Боже! пусто и страшно становится въ Твоемъ мірѣ!“ [34] С. Т. Аксаковъ справедливо замѣтилъ: „Свѣжи, прелестны, благоуханны, художественны были разсказы въ Диканькѣ; но въ „Старосвѣтскихъ помѣщикахъ“, въ „Тарасѣ Бульбѣ“ уже являлся великій художникъ, съ глубокимъ и важнымъ значеніемъ“ [35]. „Великій меланхоликъ“ (какъ называлъ Гоголя Пушкинъ) уже переставалъ развлекать себя невинными, беззаботными сценами [36] и начиналъ углублять испытующій взоръ въ *дѣйствительность*, его окружавшую. Щепкинъ успѣлъ уже извѣдать русскую жизнь сверху донизу. Прошедшее артиста, выросшее на почвѣ крѣпостнаго права, исполненное горя, тревогъ, нужды, стояло передъ умственнымъ взоромъ его въ полной свѣжести, сохраняя живыя краски дѣйствительности. Въ кругу знакомыхъ Щепкинъ любилъ воспроизводить отдѣльные эпизоды своей, богатой опытомъ, жизни, рисовалъ бытъ и нравы недавняго прошедшаго. Въ разсказахъ наблюдательнаго и пылкаго артиста пережитое, — поэзія и правда его жизни,—получало опредѣленныя художественныя формы; личный, лирическій элементъ смягчался въ нихъ и умѣрялся уже въ силу того, что въ нихъ передавалось *прошедшее*. Не веселы были эти разсказы: они рисовали все — пошлость, темную, трагическую сторону жизни. Передъ слушателями вставали картины откровеннаго самоуправства, наглаго плутовства, мелкаго, часто безсознательнаго тиранства, деспотизма и насилія господъ, гордаго и величаваго страданія крѣпостныхъ [37]. Гоголь уже въ эту пору прислушивался внимательно къ разсказамъ о русскомъ бытѣ и собиралъ „матеріалы для духовной статистики Россіи“. Щепкинъ былъ находкою для писателя, ступившаго на реальную почву и глубоко сознававшаго необходимость самаго широкаго вѣдѣнія русской жизни и русскихъ людей. Щепкинъ, можетъ быть, самъ того не замѣчая, обнажалъ своими разсказами корни, изъ которыхъ выросли „неудовлетворенье и тоска“ Гоголевскаго поколѣнія. Поэтъ скоро оцѣнилъ правду и художественную простоту этихъ разсказовъ. Разъ, въ 1832 году, Щепкинъ передалъ Гоголю, какъ бабка его приняла появленіе одичалой кошки за предвѣстіе своей близкой кончины. Впечатли-

тельный и суевѣрный, слышавшій въ дѣтствѣ среди бѣлаго дня призывные голоса, Гоголь сочеталъ этотъ разсказъ съ своими дѣтскими воспоминаніями и воспользовался имъ въ трогательной идилліи „Старосвѣтскіе помѣщики“, написанной въ 1833 году. Прочитавши эту повѣсть, Щепкинъ, при встрѣчѣ съ авторомъ, сказалъ ему шутя: „А кошка-то моя!“ — „Зато коты мои!“—отвѣчалъ Гоголь [38]. Разсказъ „Полюби насъ черненькими, а бѣленькими насъ всякій полюбитъ“ Гоголь также слышалъ отъ Щепкина: онъ приберегъ его для втораго тома „Мертвыхъ Душъ“. Послѣдній разсказъ также передаетъ дѣйствительно случившееся происшествіе, какъ и всѣ разсказы Щепкина. „По моему мнѣнію, — замѣчаетъ А. Н. Аѳанасьевъ, указывая на источникъ этого эпизода „Мертвыхъ Душъ“,— разсказъ этотъ въ устахъ Щепкина имѣлъ несравненно больше живости, чѣмъ въ поэмѣ Гоголя“.

Въ первый пріѣздъ Гоголя въ Москву, въ 1832 г., С. Т. Аксаковъ заговорилъ съ нимъ о Загоскинѣ. „Гоголь хвалилъ его за веселость, но сказалъ, что онъ не то пишетъ, что̀ слѣдуетъ, особенно для театра“. Сергѣй Тимоѳеевичъ, самъ работавшій въ то время для сцены и высоко цѣнившій комедіи Загоскина [39], возразилъ, что у насъ писать не о чемъ, что въ свѣтѣ все такъ однообразно, гладко, прилично и пусто, что

. . . . . даже глупости смѣшной
Въ тебѣ не встрѣтишь, свѣтъ пустой!

Гоголь посмотрѣлъ на Аксакова „какъ-то значительно“ и сказалъ, что это не правда, что комизмъ кроется вездѣ, что, живя посреди него, мы его не видимъ; но что если художникъ перенесетъ его въ искусство, на сцену, то мы уже сами надъ собой будемъ валяться со смѣху и будемъ дивиться, что прежде не замѣчали его“ [40].

Лѣто 1832 года Гоголь провелъ въ Малороссіи. Мысль написать русскую комедію крѣпко засѣла у него въ головѣ. 20-го февраля 1833 года онъ писалъ Погодину изъ Петербурга: „Я помѣшался на комедіи. Она, когда я былъ въ Москвѣ, въ дорогѣ и когда я пріѣхалъ сюда, не выходила изъ головы моей, но до сихъ поръ я ничего не написалъ“ [41].

Унаслѣдовавши страсть къ театру отъ отца, Гоголь еще въ Нѣжинѣ участвовалъ въ домашнихъ ученическихъ спектакляхъ. Въ 1826 году, сидя на школьной скамьѣ, онъ задумалъ составить „Книгу всякой всячины, или подручную энциклопедію". Замѣтки, выписки и другіе матеріалы, вносившіеся въ эту „энциклопедію", расположены въ алфавитномъ порядкѣ. Подъ буквою *Т*, кромѣ нѣсколькихъ словъ для малорусскаго словаря, помѣщены въ „энциклопедіи" исключительно выписки, касающіяся театра. На стр. 311 записано: *„Объ архитектурѣ театровъ.* Мнѣніе Оленина, президента академіи художествъ, касательно боковыхъ ложъ,—что онѣ должны быть не горизонтальныя, но косвенныя или *облическія*, параллельно къ косинѣ партера; предполагая, что сидящіе въ ложахъ, которыя одна другой ниже, могутъ безпрепятственно видѣть одинъ черезъ другаго". На стр. 315 помѣщенъ „Списокъ Россійской (Драматической) и Балетной труппы С.-Петербургскаго театра Артистовъ. Изъ Р. Т. 1826 года (т.-е. изъ альманаха Булгарина „Русская Талія"). Наконецъ, на стр. 321 внесенъ длинный списокъ произведеній Скриба, подъ заглавіемъ „Pièces de M. Scribe" Авторъ „Подручной энциклопедіи" интересовался тогда, какъ видно, устройствомъ театровъ, составомъ петербургской труппы и кругомъ произведеній того французскаго писателя, піесы котораго начинали проникать въ репертуаръ русскихъ столичныхъ театровъ. Неудивительно, что въ 1832 году, отказавшись писать сказки, Гоголь „помѣшался на комедіи". 8-го декабря 1832 года Плетневъ сообщалъ Жуковскому, жившему тогда въ Швейцаріи: „Гоголь нынѣшнимъ лѣтомъ ѣздилъ на родину. Вы помните, что онъ въ службѣ и обязанъ о себѣ давать отчетъ. Какъ же онъ поступилъ? Четыре мѣсяца не было про него ни слуху, ни духу. Оригиналъ. Въ Москвѣ онъ видѣлся съ И. И. Дмитріевымъ, который принялъ его со всею любезностію своею. Вообще тамошніе литераторы, кажется, порадовали его особеннымъ вниманіемъ къ его таланту. Онъ не можетъ нахвалиться Погодинымъ, Кирѣевскимъ и прочими. У Гоголя вертится на умѣ комедія. Не знаю, разродится ли онъ ею нынѣшней зимой; но я ожидаю въ этомъ родѣ отъ него необыкновеннаго совершенства. Въ его сказкахъ меня всегда поражали драматическія мѣста" [42].

Къ тому времени, т.-е. ко второй половинѣ 1832 года, относимъ мы нѣсколько замѣтокъ о комедіи вообще, набросанныхъ Гоголемъ въ его записной книгѣ“ [43]. На страницѣ 55-й набросано: *„Комед. Матеріалы общіе* [44]. Старое правило: Уже хочетъ достигнуть, схватить рукою, какъ вдругъ помѣшательство и отдаленіе желаемаго предмета на огромное разстояніе. — Какъ игра въ нахидку и всякая азартная игра. — Внезапное или неожиданное открытіе, дающее вдругъ всему дѣлу новый оборотъ или озарившее его новымъ свѣтомъ“. Нетрудно замѣтить, что записанное здѣсь „старое правило“ нашло себѣ примѣненіе въ „Игрокахъ“ и въ „Ревизорѣ“.

На страницѣ 57-й, подъ заглавіемъ „Матеріалы частные“, помѣщена замѣтка: „Не понимаетъ и толкуетъ по-своему, — въ родѣ „метафизическій“ — „математическимъ“. Этимъ пріемомъ Гоголь уже пользуется въ той комедіи, которую онъ началъ писать въ 1832 году по возвращеніи въ Петербургъ изъ Малороссіи. Въ сценахъ „Утро дѣловаго человѣка“, составляющихъ часть большой неоконченной комедіи „Владиміръ 3-й степени“, находится такое мѣсто: *„Катерина Александровна.* Вы бы попробовали омеопатическаго средства. *Иванъ Петровичъ.* Чудно, право, какъ подумаешь, до чего не доходитъ просвѣщеніе. Вотъ, ты говоришь, Катерина Александровна, про меопатію. Недавно былъ я въ представленіи. Что-жъ бы вы думали? Мальчишка росту—какъ бы вамъ сказать?—вотъ этакаго *(показываетъ рукою)*, лѣтъ трехъ не больше: посмотрѣли бы вы, какъ онъ пляшетъ на тончайшемъ канатѣ! Я васъ увѣряю серьезно, что духъ занимается отъ страха“ [45].

На страницѣ 143-й записаны уже отдѣльныя фразы, годныя для лицъ, дѣйствующихъ въ комедіи: „Что вамъ сталъ вицъ-мундиръ? Почемъ суконцо?“ — Да, да! Знаю, понимаю... Да, да! Ну, а разскажите? „Да объ чемъ бишь вы говорили?“—„Подойди, скотъ! Вотъ столъ краснаго дерева работы Скоб.....? Подъ лакомъ?“ Посреди важнаго разговора: „У меня вѣдь кухарка“ и проч.—„Также: „Фуфайку, надобно вамъ знать, сударыня, я ношу лосинную: она гораздо лучше фланелевой“.

Эти фразы не останутся мертвымъ капиталомъ въ записной тетради: онѣ скоро найдутъ себѣ мѣсто въ комедіяхъ, задуман-

ныхъ авторомъ. Такъ, послѣдняя фраза, почти въ полной неприкосновенности, вставлена въ „Утро дѣловаго человѣка“. Приводимъ выдержку изъ этихъ сценъ: *„Иванъ Петровичъ.* Были ли у его высокопревосходительства? *Александръ Ивановичъ.* Былъ. Я теперь только отъ него. Сегодня по утру было немножко холодненько. Вѣдь я, какъ, думаю, вамъ извѣстно, имѣю обыкновеніе носить лосинную фуфайку: она гораздо лучше фланелевой и притомъ не горячитъ. По этому-то случаю я велѣлъ себѣ подать шубу. Пріѣзжаю къ его высокопревосходительству — его высокопревосходительство еще спитъ. Однакожъ я дождался“ [46]. Фраза, предшествующая въ наброскѣ только-что выписанной, внесена въ первоначальный текстъ комедіи „Женихи“, изъ которой черезъ нѣсколько лѣтъ выработалась „Женитьба“. Въ пятомъ явленіи означеннаго текста невѣста Авдотья Гавриловна, вышедши къ собравшимся женихамъ, говоритъ: „Извините меня, дорогіе гости, что немного позамѣшкалась“. *Одинъ изъ женіховъ* [47]: „Ничего, сударыня *(подходя къ ручкѣ)*; мы слышали, что вы изволили принаряжаться. *Авдотья Гавриловна.* А это уже Θекла изволила провраться! Нѣтъ, только-что подралась съ кухаркою“...

Съ такими матеріалами сѣлъ Гоголь за трудъ, который долженъ былъ вывести его на новую дорогу,—за созданіе „того великаго, художническаго“, отъ котораго онъ ждалъ себѣ славы. „Я не знаю (писалъ онъ Погодину въ томъ же письмѣ, которое извѣщало о задуманной комедіи), отчего я теперь такъ жажду современной славы. Вся глубина души такъ и рвется наружу. Но я до сихъ поръ не написалъ ровно ничего... Уже и сюжетъ (комедіи) было на дняхъ началъ составляться; уже и заглавіе было написалось на бѣлой толстой тетради: „Владиміръ 3-й степени“, и сколько злости, смѣху, соли!... Но вдругъ остановился, увидѣвши, что перо такъ и толкается объ такія мѣста, которыя цензура ни за что не пропуститъ. А что изъ того, когда піеса не будетъ играться? Драма живетъ только на сценѣ; безъ нея она какъ душа безъ тѣла. Какой же мастеръ понесетъ на показъ народу неоконченное произведеніе?—Мнѣ больше ничего не остается, какъ выдумать сюжетъ самый невинный, которымъ даже квартальный не могъ бы обидѣться. *Но что комедія безъ правды и злости?* Итакъ, за комедію я не могу приняться. При-

мусь за исторію—передо мной движется сцена, шумитъ аплодисментъ, рожи высовываются изъ ложъ, изъ райка, изъ креселъ и оскаливаютъ зубы, и—исторія къ чорту!“ [48]

Начатая комедія осталась безъ продолженія. Помимо главной причины, которая заставила Гоголя бросить сочиненіе комедіи, на сценическое представленіе которой онъ, по условіямъ тогдашней цензуры, не могъ разсчитывать, была и другая причина, лежавшая, можетъ быть, въ непривычкѣ автора къ установленію твердаго и удобоисполнимаго плана драматическаго произведенія. 11 марта 1833 года Плетневъ уже писалъ Жуковскому: „У Пушкина ничего нѣтъ новаго, у Гоголя тоже. Его комедія не пошла изъ головы. *Онъ слишкомъ много хотѣлъ обнять въ ней*, встрѣчалъ безпрестанно затрудненія въ представленіи и потому съ досады ничего не написалъ. Есть еще другая причина его неудачи: онъ въ такой холодной поселился квартирѣ, что цѣлую зиму принужденъ былъ бѣгать изъ дому, боясь тамъ заморозить себя. Такъ-то физическая сторона человѣка иногда губитъ его духовную половину со всѣми въ ней зародышами“ [49]. Какой обширный объемъ Гоголь предполагалъ дать своей комедіи „Владиміръ 3-й степени“, видно изъ того, что въ ея составъ должны были, между прочимъ, войти: „Лакейская“, „Тяжба“, „Утро дѣловаго человѣка“ [50]. Гоголь, какъ извѣстно, писалъ свои большія произведенія не въ послѣдовательности главъ или сценъ, а безъ всякаго порядка, набрасывая и обработывая отдѣльныя части произведенія и потомъ уже сливая ихъ въ одно цѣлое. Сравнивая вышеприведенные наброски 1832 года о „матеріалахъ комедіи“ съ уцѣлѣвшими отрывками изъ комедіи „Владиміръ 3-й степени“, мы склоняемся къ предположенію, что прежде другихъ сценъ этой комедіи написано было „Утро дѣловаго человѣка“. Какъ бы то ни было, но Гоголь оставилъ комедію, исполненную „правды и злости“, боясь придирки цензуры при постановкѣ пьесы на сцену. Несомнѣнно, объ этой комедіи спрашивалъ Пушкинъ Одоевскаго въ письмѣ отъ 30-го октября 1833 г.: „Кланяюсь Гоголю. Что его комедія, въ ней же есть закорючка?“ Великій поэтъ, конечно, употребилъ здѣсь слово „закорючка“ о тѣхъ мѣстахъ пьесы, къ которымъ могла придраться тогдашняя цензура [51].

Оставивши комедію съ „правдой и злостью“, Гоголь обратился къ обработкѣ пьесы съ „невиннымъ сюжетомъ“. Это была комедія въ трехъ дѣйствіяхъ „Женихи“. Она начата была въ 1833 г. [52], а можетъ быть, даже въ 1832 г. Отъ первоначальнаго наброска этой комедіи, который относится къ $183^2/_3$ г., уцѣлѣло три полъ-листа. Дѣйствіе открывается въ комнатѣ невѣсты. *„Авдотья Гавриловна (одна).* Что это, Господи Боже мой, долго ли я буду въ дѣвкахъ оставаться? Нѣтъ, да и нѣтъ жениховъ: вымерли какъ будто отъ чумы. Бывало прежде благовоспитанные люди сами отправляются искать невѣстъ, а теперь ищи ихъ, ей Богу! Никакого уваженія къ женскому полу! Я послала Марѳу Ѳоминишну, не сыщетъ ли хоть на ярманкѣ — былъ бы только дворянинъ да порядочной фамиліи. Да вотъ и ея что-то нѣтъ до сихъ поръ. Охъ! и страшно, какъ подумаешь: ну, вотъ пріѣдетъ женихъ... У меня такъ сердце и бьется. Да ничего, пусть пріѣзжаетъ — не будетъ страшно. *(Явленіе 2-е). Марѳа.* Здравствуй, свѣтъ мой, Авдотья Гавриловна. *Авдотья Гавриловна.* Ахъ, что ты это, мать, куда такъ долго запропастилась! *Марѳа.* Охъ! позволь, матушка, съ духомъ собраться. За твоими порученіями такъ изъѣздилась, такъ изъѣздилась, что и поясница, и бокъ, и все болитъ. Два раза лошади били: засѣдатель—обывательскихъ, таратайка моя вся такъ и разсыпалась. Ну, да за то ужъ могу похвастаться: какихъ я тебѣ жениховъ припасла! Вотъ какъ орѣхи каленые: всѣ на подборъ, одинъ другаго лучше. Сегодня, можетъ быть, они и будутъ къ тебѣ. Я нарочно спѣшила тебя предувѣдомить. *Авдотья Гавриловна.* Сегодня? Ухъ! *Марѳа.* И, не пугайся, мать моя: дѣло житейское. Посмотрютъ, больше ничего; и ты посмотришь ихъ: не понравятся,—ну, и уѣдутъ. *Авдотья Гавриловна.* А сколько ихъ, душенька ты моя? *Марѳа.* Да штукъ шесть, кажется, будетъ. *Авдотья Гавриловна.* Ухъ, какъ много! *Марѳа.* Ну, что-жъ? Лучше выбрать можно: одинъ не придется—другой придется. *Авдотья Гавриловна.* Разскажи же, моя голубушка, какіе они. *Марѳа.* А славные, хорошіе такіе всѣ, акуратные. Напримѣръ, первый — Дороѳей Балтазаровичъ Жевакинъ, такой славный! На флотѣ служилъ и такой учтивый! Какъ разъ по тебѣ придется. „Мнѣ, говоритъ, нужно, чтобы невѣста была въ тѣлѣ, а поджаристыхъ

я не люблю". А Иванъ-то Петровичъ! То такой помѣщикъ, что и приступу нѣтъ. Такой видный изъ себя, толстый! Какъ закричитъ на меня: „Ты мнѣ не толкуй пустяковъ,—что невѣста такая и такая; ты скажи мнѣ напрямикъ: сколько за ней крѣпостнаго, движимаго, рухляди?" — „Столько-то и столько-то, отецъ".—„Ты врешь, собачья дочь!" Да еще, мать моя, влѣпилъ такое словцо, что непристойно тебѣ сказать. Я въ мигъ и спознала: У! да это долженъ быть важный господинъ. *Авдотья Гавриловна.* Ну, а еще кто? *Марѳа.* Никаноръ Ивановичъ Онучкинъ. Это ужъ деликатесъ. Губы, мать моя, малина, совершенная малина. А самъ такой славный! „Мнѣ, говоритъ, нужно не то, чтобы невѣста была такая-то и растакая, а чтобы хороша собою, воспитана и чтобы по-французски умѣла говорить". Да, онъ такой. А самъ такой субтильный, ножки узенькія, тоненькія... *Авдотья Гавриловна.* О, нѣтъ, Марѳа Ѳоминишна, знаю я этихъ субтильныхъ! Нѣтъ, ты подавай мнѣ тѣхъ, которые поплотнѣй. *Марѳа.* А если поплотнѣе, такъ Ивана Петровича,—ужъ лучше нельзя выбрать никого: ужъ тотъ, нечего сказать, баринъ такъ баринъ. Мало въ эти двери не войдетъ—такой славный! *Авдотья Гавриловна.* А сколько лѣтъ ему? *Марѳа.* А человѣкъ-то еще молодой: лѣтъ 50, да и 50 еще нѣтъ. *Авдотья Гавриловна.* Еще кто? *Марѳа.* Акинѳъ Степановичъ Пантелѣевъ, чиновникъ, титулярный совѣтникъ—такой скромный и тихій! *Авдотья Гавриловна.* Да онъ выпить, я думаю, гораздъ? *Марѳа.* А пьетъ, не прекословлю—пьетъ. Что-жъ дѣлать? пьетъ—на то титулярный совѣтникъ. За то... такой тихой, какъ шелкъ. *Авдотья Гавриловна.* Нѣтъ, Марѳа Ѳоминишна, я не хочу, чтобъ мой мужъ пилъ. *Марѳа.* Твоя воля, мать моя! Не хочешь того, возьми другихъ. Впрочемъ, что-жъ такое, что онъ выпьетъ лишнее? Вѣдь онъ не всю-таки недѣлю бываетъ пьянъ: попадается такой день, что совсѣмъ трезвый бываетъ. *Ѳекла*[53] *Ѳоминишна.* Посмотри-ка въ окно: что́ собаки лай такой подняли? Ахъ, сударыня, да это онъ! *Авдотья Гавриловна.* Кто онъ? *Марѳа.* Женихъ—Иванъ Петровичъ Яичница! *Авдотья Гавриловна.* Ахъ, Боже, вотъ тебѣ на! Я чуть не въ одной рубашкѣ! Слушай, голубушка Ѳекла Савишна, посиди тутъ, да не пускай, если станетъ пробираться въ мою комнату. А я наскоро одѣнусь. Вотъ тебѣ, бабушка, и

Юрьевъ день! *(Уходитъ)*". Нѣкоторыя частности и цѣлыя фразы этого явленія будутъ перенесены цѣликомъ въ печатную редакцію „Женитьбы"; но первоначальный планъ піесы совершенно отличается отъ того, по которому она обработана была впослѣдствіи. Нѣкоторыя лица обрисованы тѣми же чертами, что и въ „Женитьбѣ"; но эти черты не выражены ясно и рѣшительно. Подколесина еще нѣтъ между женихами. Въ уцѣлѣвшихъ сценахъ преобладаетъ еще грубый фарсъ, свойственный тогдашнимъ водевилямъ. Не развитіе характера главнаго дѣйствующаго лица, а борьба между женихами изъ-за добычи составляетъ все содержаніе перваго акта. Едва успѣла выдти на сцену невѣста, Жевакинъ бросается къ ней навстрѣчу, чтобы „принести ей свое сердце". Вбѣгаетъ дѣвушка съ извѣстіемъ: „Еще одни пріѣхали", и невѣста быстро уходитъ—„заказать ватрушки". Жевакинъ, за свою смѣлость, тотчасъ же подвергается нападенію Яичницы, — и дѣло близко къ дракѣ. Выписываемъ эту сцену: *„Яичница (ударивъ по плечу Жевакина).* Любезнѣйшій, кажется изъ одного горшка хотимъ щи хлебать? *Жевакинъ* [54]. Какъ изъ одного? *Яичница.* То есть, вы, какъ я замѣчаю, подъѣзжаете къ хозяйкѣ дома. *Жевакинъ.* А признаюсь, она мнѣ очень нравится. Эдакой розанчикъ, букетецъ въ устахъ; и здѣсь, на груди, эдакой платочекъ, и тутъ обыкновенно такіе дамскіе уборы. Это все очень хорошо, я это люблю. *Яичница.* И вамъ нужда и себѣ лѣзть туда же! Посмотрите на себя: какая у васъ гнусная фигура! Право, наводитъ унынie. *Жевакинъ (поворачивается).* Нѣтъ, фигура хороша. *Яичница.* Можно ли, чтобы у морскаго офицера была хорошая фигура? *Жевакинъ (вытягивается).* Какъ такъ? *Яичница.* Да конечно; это всякому извѣстно. *Жевакинъ.* Что́ такое извѣстно? *Яичница.* Вотъ новости! Извѣстно, что́ такое морякъ: старый качанъ капусты. *Жевакинъ.* Позвольте. Мнѣ, можетъ быть, такъ послышалось? Мнѣ кажется, какъ будто вы употребляете неприличныя выраженія? *Яичница.* Какія выраженія! Просто, старый, трухлый, никуда не годящійся (качанъ), который выбрасываютъ въ помойную яму. *Жевакинъ (вытягиваетъ лицо еще длиннѣе прежняго, ерошитъ на головѣ волоса, кривляется и дергаетъ плечами).* Позвольте; честь моя обижена въ лицѣ всего морскаго общества. Я вамъ предлагаю

дуэль. *Яичница.* Я не прочь отъ дуэли. *Жевакинъ.* Я, по обычаю моряковъ, держусь обыкновенія драться на кортикахъ. *Яичница.* Нѣтъ, я не хочу: кортиками только лягушекъ колятъ. *Жевакинъ (вытягиваетъ лицо).* Такъ на чемъ же? *Яичница.* Я дерусь на кулаки *(засучиваетъ руки). Жевакинъ.* Нѣтъ, я на такой дуэль не соглашусь. Я къ вамъ обращаюсь, милостивый государь: вы видѣли? *Онучкинъ.* Я съ своей стороны не могу точно опредѣлить, потому что въ 42-мъ Егерскомъ полку, къ несчастію, въ бытность мою мнѣ не удавалось видѣть ни одного дуэля. Но образованность и утонченное обращеніе требуютъ—на благородномъ оружіи; на кулаки же неприлично въ высшемъ обществѣ. Человѣкъ, который знаетъ по-французски, ужъ не пойдетъ на кулаки биться. *Яичница.* Мнѣ дѣла нѣтъ ни до какихъ обществъ. Я давно былъ въ военной. Тогда и меня выгоняли два раза только въ полкъ во время смотру. Да притомъ оружіе, Богъ знаетъ, гдѣ еще искать, а кулаки всегда при себѣ".

Гоголь не былъ доволенъ написаннымъ для „Женіховъ". Не оставляя выбраннаго для комедіи сюжета, онъ сталъ обрабатывать его по совершенно новому плану. Надъ этимъ новымъ, вторымъ наброскомъ комедіи [55] появилось, въ черновомъ экземплярѣ, заглавіе: „Женитьба". Первое дѣйствіе пьесы открывается въ комнатѣ Подколесина, который „думаетъ", что нужно жениться, да все еще какъ-то не рѣшается". Второе явленіе занято разговоромъ Подколесина со Степаномъ, третье—его бесѣдою со свахою. Яичница уже не разспрашиваетъ о приданомъ сваху, какъ въ первоначальномъ наброскѣ, а повѣряетъ натурою опись приданаго, держа ее въ рукахъ. Кочкаревъ носитъ еще фамилію Кохтина. По обычаю Гоголя, новый текстъ обработывался не въ порядкѣ послѣдовательнаго хода пьесы: набрасывались отдѣльные сцены, монологи, даже фразы. Въ уцѣлѣвшихъ наброскахъ нѣтъ ссоры Жевакина съ Яичницею; зато завязывается споръ изъ-за сужденій о женской красотѣ. Невѣста, въ ожиданіи обѣда, приглашаетъ жениховъ „закусить". О характерѣ и объемѣ отдѣльныхъ набросковъ можно судить по слѣдующему: „Мочи, мочи нѣтъ! Что̀ это за женихи? Я эдакихъ нигдѣ не видѣлъ: какъ голодные, три дня ѣсть не давали. Не-

вѣста сама тоже изрядная дура. Ну, чего тутъ долго думать? Рѣшись и концы въ воду.—Нѣтъ пусть дискать немного побѣгаютъ за мною. То есть жем... [56] женское... и вертитъ съ досадою головою. Мочи нѣтъ! Вотъ одинъ дуракъ лѣзетъ". Затѣмъ записаны только два наброска: разговоръ Яичницы съ Кохтинымъ и объясненіе съ нимъ же, кажется, Жевакина (фамиліи въ томъ и другомъ наброскѣ не названы). Вотъ все, что̀ уцѣлѣло въ бумагахъ Гоголя отъ второй обработки „Жениховъ". Въ апрѣлѣ 1834 года эта новая обработка комедіи была доведена до конца и настолько отдѣлана, что Гоголь рѣшился ее прочитать въ избранномъ кружкѣ. Въ дневникѣ Пушкина, послѣ замѣтки о гуляньѣ 1-го мая, записано: „Гоголь читалъ у Дашкова свою комедію" [57]. И только! Никакого отзыва! Въ половинѣ августа того же года Гоголь уже писалъ Максимовичу: „Между тѣмъ, поживя здѣсь (въ Петербургѣ), я буду имѣть возможность выпутаться изъ своихъ денежныхъ обстоятельствъ. На театръ здѣшній я ставлю пьесу, которая, надѣюсь, кое-что принесетъ мнѣ, да еще готовлю изъ-подъ полы другую" [58]. Подъ первою пьесою разумѣлась „Женитьба", подъ второю —„Ревизоръ". Но „Женитьба" не была отдана на сцену въ 1834 г.: авторъ не былъ доволенъ и новою обработкою и въ іюнѣ 1835 года, отправляясь въ Малороссію, взялъ съ собою написанное, чтобы тамъ „отработать" комедію на свободѣ. Осенью 1835 года, возвращаясь въ Петербургъ, Гоголь на перепутьѣ остановился въ Москвѣ и навѣстилъ Аксаковыхъ. „Гоголь (разсказываетъ С. Т. Аксаковъ) везъ съ собою въ Петербургъ комедію, всѣмъ извѣстную теперь подъ именемъ „Женитьба": тогда называлась она „Женихи". *Онъ самъ вызвался* прочесть вслухъ въ домѣ у Погодина для всѣхъ знакомыхъ хозяина. Погодинъ воспользовался этимъ позволеніемъ и назвалъ столько гостей, что довольно большая его зала была буквально набита биткомъ. И какая досада! я захворалъ и не могъ слышать этого чуднаго, единственнаго чтенія... Гоголь до того мастерски читалъ или, лучше сказать, игралъ свою пьесу, что многіе, понимающіе это дѣло люди до сихъ поръ говорятъ, что на сценѣ, несмотря на хорошую игру актеровъ, особенно Садовскаго въ роли Подколесина, эта комедія не такъ смѣшна, какъ въ чтеніи самого автора. Слушатели до того смѣ-

ялись, что нѣкоторымъ сдѣлалось почти дурно. *Но, увы! комедія не была понята! Большая часть говорила, что піеса — неестественный фарсъ, но что Гоголь ужасно смѣшно читаетъ*“ [59]. С. Т. Аксаковъ, не присутствовавшій на этомъ собраніи, былъ увѣренъ, что Гоголь читалъ комедію въ томъ видѣ, въ какомъ она явилась впослѣдствіи на сценѣ и въ печати; но на самомъ дѣлѣ „Женихамъ“ еще далеко было до „Женитьбы“. Характеръ фарса оставался и на новой обработкѣ піесы, и „большая часть слушателей“ была права, оставшись ею недовольною. Комедія оканчивалась почти ex abrupto. Вотъ послѣднее явленіе вполнѣ: *„Агаѳ. Ал.* [60] *(входитъ въ вѣнчальномъ платьѣ робко и потупивши голову).* И сама не знаю, что́ дѣлается со мною. Такъ право стыдно! Я вся дрожу. Ахъ! если бы его на это время не было въ комнатѣ! Если бы онъ на минуточку куды - нибудь вышелъ! *(Вдругъ оглядывается.)* Да гдѣ-жъ это онъ? Никого нѣтъ. Это что̀ значитъ? *(Отворяетъ дверь въ прихожую и говоритъ туда.)* Ѳекла, куда ушелъ Иванъ Кузьмичъ? *Голосъ Ѳеклы.* Никуды не уходилъ: онъ тамъ. *Агаѳ.* Гдѣ-жъ тамъ? Его здѣсь нѣтъ. Вотъ штука, какъ бы онъ могъ пропасть! А! вѣрно, онъ гдѣ-нибудь спрятался и хочетъ сыграть со мною какую-нибудь шутку. Шутникъ какой! *(Вслухъ.)* Иванъ Кузьмичъ, не обманете меня! Знаю, все знаю: вы спрятались. *(Молчитъ.)* Знаю. Гдѣ-жъ онъ въ самомъ дѣлѣ? Ему некуда спрятаться. Эй, тетушка! Иванъ Кузьмичъ здѣсь? нѣтъ? *Тетка Анфиса.* Да нѣтъ; онъ тамъ. Ему - то нельзя было пройти: я все у дверей была. Онъ, вѣрно, какъ-нибудь въ комнатѣ запрятался. *(Подходитъ и переставляетъ всякій стулъ и смотритъ подъ него.)* Нѣтъ, тутъ нѣтъ. Ужъ, Господи прости, не духъ ли онъ какой, оборотень ли какой? Да вотъ окошко-то отворено. *Ѳекла Ивановна (подходитъ къ окну).* Да вотъ платочекъ его виситъ. Махнулъ черезъ окно. *Агаѳ. Ал.*. Какъ? улизнулъ въ окно! фю, фю! *(Слегка посвистываетъ, какъ обыкновенно дѣлается въ случаѣ несбывшихся надеждъ. Занавѣсъ опускается.)*“

Чтеніе „Жениховъ“ въ залѣ Погодина открыло Гоголю глаза на недостатки этой пьесы: онъ понялъ впечатлѣніе, произведенное ею на „большую часть“ слушателей, оцѣнилъ значеніе высказанныхъ ими замѣчаній и смыслъ застѣнчиваго ихъ молча-

нія. Понятно, что, назначивши С. Т. Аксакову день для прочтенія „Жениховъ“ въ его домѣ, Гоголь явился къ нему въ условное время безъ комедіи, и ни хозяинъ, ни приглашенные имъ гости-цѣнители, — въ числѣ которыхъ были Н. В. Станкевичъ и В. Г. Бѣлинскій,—не услышали „Жениховъ“ въ этомъ невоздѣланномъ видѣ [61]. Для Гоголя довольно было и одного чтенія; онъ добился на немъ необходимыхъ ему поправокъ и замѣчаній не отъ цѣнителей, а отъ „большей части“ слушателей-диллетантовъ, отъ той разнохарактерной толпы, мнѣніемъ которой онъ особенно дорожилъ. Повторять чтеніе „Жениховъ“ у Аксакова было для него излишнимъ. Гоголь напросился („самъ вызвался“, по выраженію С. Т. Аксакова) на чтеніе комедіи у Погодина, потому что не смотрѣлъ на нее какъ на произведеніе оконченное, вполнѣ отдѣланное: она стояла передъ нимъ какъ модель, ожидавшая новаго настойчиваго труда отъ художника. Поэтъ еще надѣялся, что люди, болѣе его знакомые съ бытомъ, который онъ пытался изобразить въ комедіи, помогутъ ему нанести живыя краски дѣйствительности на набросанные имъ очерки, нерѣдко блѣдные и неясные. Реальныхъ чертъ свадебнаго обряда въ купеческой средѣ, этихъ бытовыхъ подробностей, согрѣвающихъ картину художника, Гоголь ждалъ отъ Погодина, которому долженъ быть извѣстенъ *старинный* свадебный обрядъ, и отъ Щепкина, которому такъ близко знакома была *современная* жизнь, особенно въ тѣхъ среднихъ и низшихъ ея сферахъ, гдѣ старый русскій обрядъ и обычай соблюдались безъ порухи. Въ занимающей насъ обработкѣ „Жениховъ“ Гоголь оставилъ въ одномъ мѣстѣ пропускъ, который предполагалъ восполнить впослѣдствіи. Когда всѣ собравшіеся въ домъ невѣсты женихи разсѣлись, „подаютъ гостямъ по рюмкѣ вина. Θекла подноситъ. Здѣсь Кочкаревъ со свахой пикируются острыми словами; какимъ образомъ пикируются, я ужъ не помню (пишетъ Гоголь), объ этомъ слѣдуетъ узнать у Щепкина и Сосницкаго, также какъ и объ обрядахъ, какіе при этомъ употребляются у купцовъ. Они могутъ, пожалуй, посовѣтоваться объ этомъ съ Погодинымъ, знающимъ этотъ бытъ, и пополнить такимъ образомъ эту сцену“. Жаждой необходимаго для художника знанія русской жизни, русскаго быта, *русскихъ* людей сгоралъ поэтъ-реа-

листъ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ кончился для него романтическій періодъ юности. Въ томъ же 1835 году, приступая къ первымъ наброскамъ „Мертвыхъ Душъ“, Гоголь ищетъ „хорошаго ябедника, съ которымъ бы можно коротко сойтись“ [62]. Позднѣе онъ старается добыть экстракты изъ дѣлъ, докладныя записки, поручая Прокоповичу попросить о подобныхъ бумагахъ И. Г. Пащенка, который „можетъ похитить изъ своей юстиціи“ [63]. Свѣдѣній о духовной статистикѣ Россіи Гоголь требуетъ отъ друзей, знакомыхъ, наконецъ отъ всей читающей Россіи...

Возвратившись въ Петербургъ, Гоголь снова садится за полную, отъ начала до конца, переработку „Жениховъ“. Ряды сплошныхъ поправокъ и дополненій лѣпятся надъ строками рукописи, читанной въ Москвѣ. Эта новая обработка переписывается въ одинъ изъ послѣднихъ мѣсяцевъ 1835 года, и Гоголь несетъ новую рукопись на судъ Пушкина [64]. Передѣлки не останавливаются: не ранѣе, какъ 29 апрѣля 1836 года, Гоголь увѣдомляетъ Щепкина: „Комедію мою, читанную въ Москвѣ, подъ заглавіемъ „Женитьба“, я теперь передѣлалъ и переправилъ, и она нѣсколько похожа теперь на что-нибудь путное. Я ее назначаю такимъ образомъ, чтобы она шла вамъ и Сосницкому въ бенефисъ, что̀, кажется, случается въ одно время года. Стало быть, вы можете адресоваться къ Сосницкому, которому я ее вручу [65]. Щепкинъ, уже получившій печатный экземпляръ „Ревизора“, горячо благодаритъ за „Женитьбу“: „Спасибо вамъ за подарокъ пьесы для бенефиса. Вѣрьте, что такое одолженіе никогда не выйдетъ изъ моей старой головы“. Обрадованный артистъ спѣшитъ получить отъ Сосницкаго комедію. 7 мая того же 1836 года онъ пишетъ ему о Гоголѣ: „Онъ намъ подарилъ піесу на бенефисъ и потому, если получишь отъ него, то поторопись объ цензурѣ и потомъ доставь мнѣ, разумѣется, переписавъ“. Но Сосницкій взглянулъ на „Женитьбу“ въ передѣланномъ видѣ довольно строго. Въ письмѣ отъ 30 мая онъ сообщаетъ Щепкину: „Женитьбу“ ты раньше осени не получишь: Н. В. ее взялъ передѣлать. Я побранилъ его за безпечность. Вообрази, что онъ читалъ мнѣ піесу такъ, какъ она у него была написана прежде, *какъ и ты знаешь ее.* Двѣ прекрасныя сцены не могутъ искупить цѣлой комедіи, а комедіи-то и нѣтъ. Сюжета никакого.

Богъ знаетъ, зачѣмъ люди приходятъ и уходятъ. Онъ мнѣ въ оправданіе говоритъ, что она у него написана три года назадъ. Я ему отвѣчаю, что зритель и критикъ этого не хочетъ знать, хоть бы она была писана 10 лѣтъ назадъ, а потребуетъ отъ васъ отчета, почему вторая піеса еще слабѣе первой. Ну, онъ согласился со мною и обѣщалъ передѣлать всю совсѣмъ. Я ему далъ нѣкоторыя смѣшныя идеи объ обычаяхъ купеческихъ невѣстъ. Онъ беретъ комедію съ собою [66] и мѣсяца черезъ два ее вышлетъ. Какъ я получу и она выдетъ изъ цензуры, то ты тотчасъ получишь ее". Щепкину пришлось подчиниться волѣ автора комедіи. 3 іюня онъ, между прочимъ, писалъ Сосницкому: „Что же касается до піесы Н. В. Гоголя, то ежели онъ взялъ ее переправлять,—нечего дѣлать, будемъ ждать" [67]. Едва истекъ срокъ, назначенный Гоголемъ для возвращенія „Женитьбы", Щепкинъ уже пишетъ Сосницкому (4-го сентября 1836 г.): „Теперь о Гоголѣ: гдѣ онъ? имѣешь ли ты о немъ какія свѣдѣнія? Ты, Ваня, сдѣлалъ маленькую оплошность, что оставилъ ему комедію для поправки. Онъ, занявшись другой комедіей, забудетъ о ней совершенно. Ежели ты ее получишь, то ради Бога, тотчасъ переписавъ оную, вышли ко мнѣ, какъ можно скорѣе" [68]. Время бенефиса Щепкина приближается, и безпокойство растетъ въ немъ съ каждымъ днемъ. 22 ноября 1836 года артистъ пишетъ Сосницкому: „Не знаю ничего, получилъ ли ты піесу отъ Гоголя, которую ваша милость имѣли большую неосторожность отдать ему для переправки. Ежели получилъ, то пожалуйста вышли поскорѣй; а если нѣтъ, и не знаешь ничего объ немъ, то я тебѣ скажу, что онъ въ Лозаннѣ, и я писалъ чрезъ Погодина, чтобы онъ выслалъ свою піесу хотя безъ поправокъ, ибо у меня до сихъ поръ нѣтъ ничего на бенефисъ" [69]. Въ декабрѣ у Щепкина блеснула надежда получить „Женитьбу". „Вчерашній день мнѣ сказали (пишетъ Щепкинъ Сосницкому), что у васъ ставится піеса Гоголя подъ названіемъ „Сваха". Хотя и другое названіе, но это, я думаю, то же, что̀ онъ намъ давалъ. Если это точно правда, что оная ставится, то какъ: въ казну, или кому-либо на бенефисъ? Если въ казну, то пожалуйста извѣсти, что̀ дирекція за оную платѝтъ; если же на бенефисъ кому-либо, то попроси у бенефиціанта переписать и вышли: отъ

этого никакой помѣхи, я думаю, быть не можетъ, ибо мой бенефисъ 8-го февраля“ [70].

Не скоро дождался Щепкинъ передѣланной „Женитьбы“. Только въ концѣ 1839 года или въ началѣ 1840 года окончена была передѣлка, задуманная въ 1836 году. Въ февралѣ 1841 года Погодинъ извѣстилъ читателей своего журнала, что „комедія Женихъ въ двухъ дѣйствіяхъ давно готова“ [71]. 28-го ноября 1842 года, когда „Женитьба“ уже была напечатана въ собраніи сочиненій Гоголя, Щепкинъ получилъ отъ автора комедіи документъ, удостовѣряющій, что „всѣ драматическіе сцены и отрывки, заключающіеся въ четвертомъ томѣ его сочиненій, принадлежатъ ему (Щепкину) и онъ можетъ давать ихъ, по своему усмотрѣнію, въ свои бенефисы“ [72]. Въ числѣ этихъ драматическихъ произведеній была и „Женитьба“.

ПЕРВОЕ ПРЕДСТАВЛЕНІЕ «РЕВИЗОРА» НА МОСКОВСКОЙ СЦЕНѢ.

„Ревизоръ“ проданъ былъ петербургской театральной дирекціи за 2,500 рублей. Въ „Ресконтро“ дирекціи подъ рубрикой „За принятіе на театръ пьесъ“ записано: „1836 г. марта 9. Г. Гоголю за коммедію (sic!) *Ревизоръ*, въ 5 дѣйств.—2,500 р.“ [1]. Дирекція получила, такимъ образомъ, право давать эту комедію на петербургскихъ и московскихъ театрахъ. 19 апрѣля 1836 г. „Ревизоръ“ представленъ былъ въ Петербургѣ на сценѣ Александринскаго театра [2]. Въ Москвѣ въ концѣ апрѣля комедія неизвѣстна была даже людямъ, близкимъ къ Гоголю. 28 апрѣля М. С. Щепкинъ писалъ артисту Сосницкому въ Петербургъ. „Благодарю тебя, дружище, за письмо (о „Ревизорѣ“); оно меня оживило. Благодаря театру, я приходилъ уже въ какое-то не спящее, но дремлющее состояніе; *бездѣйствіе совершенно меня убиваетъ*. Я сдѣлался здѣсь на сценѣ какою-то ходячею машиною или вѣчнымъ дядей; я давно уже забылъ, что́ такое комическая роль, и вдругъ письмо дало новыя надежды, и *я живу новою жизнью*... Пришли мнѣ съ первою почтой комедію „Ревизоръ“; *здѣсь до сихъ поръ нѣтъ въ книжныхъ лавкахъ*“ [3]. Въ этомъ сказалась черта нѣжной заботливости Гоголя о сценической судьбѣ комедіи въ Москвѣ. Еще 21 февраля онъ писалъ Погодину: „Не хочу даже посылать (рукопись „Ревизора“), прежде моего пріѣзда, актерамъ, потому что ежели они прочтутъ безъ меня, то уже *трудно будетъ переучить ихъ на мой ладъ*. Думаю быть

если не въ апрѣлѣ, то въ маѣ въ Москвѣ“ [4]. Гоголь предполагалъ самъ заняться постановкой „Ревизора“ на московской сценѣ послѣ перваго представленія комедіи въ Петербургѣ. Пріемъ, оказанный петербургской публикой, разрушилъ этотъ проектъ. 29 апрѣля Гоголь уже пишетъ Щепкину: „Посылаю вамъ „Ревизора“. Можетъ быть, до васъ уже дошли слухи о немъ. Я писалъ лѣнивцу 1-й гильдіи и безпутнѣйшему человѣку въ мірѣ, Погодину, чтобъ онъ увѣдомилъ васъ [5]; хотѣлъ даже посылать къ вамъ его, но раздумалъ, желая самъ привести къ вамъ и *прочитать собственногласно*, дабы о нѣкоторыхъ лицахъ не составились заблаговременно превратныя понятія, которыя, я знаю, чрезвычайно трудно послѣ искоренить, но я такое получилъ отвращеніе къ театру, что одна мысль о тѣхъ пріятностяхъ, которыя готовятся для меня еще и на московскомъ театрѣ, въ силахъ удержать поѣздку въ Москву и попытку хлопотать о чемъ-либо. Мочи нѣтъ! Дѣлайте, что́ хотите съ моей пьесой, но *я не стану хлопотать о ней*. Мнѣ она сама *надоѣла* такъ же, какъ и хлопоты о ней“ [6]. Чтеніе „Ревизора“ наполнило Щепкина давно неиспытанною радостью. „Благодарю васъ за „Ревизора“,— пишетъ онъ Гоголю, — не какъ за книгу, а какъ за комедію, которая, такъ сказать, осуществила всѣ мои надежды, и я совершенно ожилъ“. Но отказъ пріѣхать въ Москву совершенно разстроилъ Щепкина, и артистъ обращается къ Гоголю съ горячей просьбой, почти съ требованіемъ, не отстраняться отъ постановки „Ревизора“ въ Москвѣ. „Не грѣхъ ли вамъ оставлять его на произволъ судьбы, и гдѣ же? Въ Москвѣ, которая такъ радушно ждетъ васъ, такъ отъ души смѣется въ „Горѣ отъ ума“! И вы оставите ее отъ нѣкоторыхъ непріятностей, которыя вамъ доставилъ „Ревизоръ“? Во-первыхъ, на театрѣ такихъ непріятностей не можетъ быть, ибо М. Н. Загоскинъ, благодаря васъ за экземпляръ, сказалъ, что для него весьма пріятно бы было, есть ли бы вы пріѣхали, дабы онъ могъ совершенно съ вашимъ желаніемъ сдѣлать все, что́ нужно, для постановки пьесы. Со стороны же публики, чѣмъ болѣе будутъ на васъ злиться, тѣмъ болѣе я буду радоваться, ибо это будетъ значить, что она раздѣляетъ мое мнѣніе о комедіи и вы достигли своей цѣли. Вы сами лучше всѣхъ знаете, что ваша пьеса болѣе

всякой другой требуетъ, чтобы вы прочли ее *нашему начальству* и дѣйствующимъ. Вы это знаете и не хотите пріѣхать! Богъ съ вами! Пусть она вамъ „надоѣла“, но вы должны это сдѣлать для комедіи; вы должны это сдѣлать по совѣсти; вы должны это сдѣлать для Москвы, для людей, васъ любящихъ и принимающихъ живое участіе въ „Ревизорѣ“. Чувствуя, что „Москва теперь не доставитъ ему спокойствія“, Гоголь не рѣшился „пріѣхать въ такомъ тревожномъ состояніи, въ какомъ находился тогда“ [7]. Но постановка „Ревизора“ на московской сценѣ не могла не занимать его. 10 мая онъ пишетъ Щепкину: „Я забылъ вамъ, дорогой Михаилъ Семеновичъ, сообщить кое-какія замѣчанія предварительныя о „Ревизорѣ“. Во-первыхъ, вы должны непремѣнно изъ дружбы ко мнѣ взять на себя *все дѣло* постановки ея. Я не знаю никого изъ актеровъ вашихъ, какой и въ чемъ каждый изъ нихъ хорошъ; но вы это можете знать лучше, нежели кто другой. Сами вы, безъ сомнѣнія, должны взять роль городничаго. Жаль, очень жаль, что я никакъ не могу быть у васъ. Многія изъ ролей могли быть совершенно понятны только тогда, когда бы я прочелъ ихъ. Но нечего дѣлать. Я такъ мало спокоенъ духомъ, что врядъ ли бы могъ быть слишкомъ полезнымъ... *Скажите Загоскину, что я все поручилъ вамъ.* Я напишу къ нему, что распредѣленіе ролей я послалъ къ вамъ. Вы составьте записочку и подайте ему, какъ (бы?) сдѣлано мною“ [8]. Обойти дирекцію московскаго театра и „начальство“ при постановкѣ „Ревизора“, конечно, не удалось. С. Т. Аксаковъ разсказываетъ. „Вдругъ приходитъ ко мнѣ Щепкинъ и говоритъ, что ему очень неловко ставить „Ревизора“, что товарищи этимъ какъ-то обижаются, не обращаютъ никакого вниманія на его замѣчанія и что пьеса отъ этого будетъ поставлена плохо; что гораздо было бы лучше, если бы пьеса ставилась безъ всякаго надзора, такъ, сама по себѣ, по общему произволу актеровъ; что если онъ пожалуется репертуарному члену или директору, то дѣло пойдетъ еще хуже: ибо директоръ и репертуарный членъ ничего не смыслятъ и никогда такими дѣлами не занимаются, а господа артисты на зло ему, Щепкину, совсѣмъ уронятъ пьесу. Щепкинъ плакалъ отъ своего затруднительнаго положенія и отъ мысли, что онъ *такъ худо исполнилъ порученіе Гоголя.* Онъ прибавилъ,

что единственный исходъ въ томъ, чтобъ я взялъ на себя постановку пьесы, потому что актеры меня уважаютъ и любятъ, и вся дирекція состоитъ изъ моихъ короткихъ пріятелей; что онъ напишетъ объ этомъ Гоголю, который съ радостью передастъ это порученіе мнѣ. Я согласился и въ ту же минуту написалъ въ Петербургъ къ Гоголю горячее письмо, объяснивъ, почему Щепкину неудобно ставить пьесу и почему мнѣ это будетъ удобнѣе, прибавя, что, въ сущности, всѣмъ будетъ распоряжаться Щепкинъ, только черезъ меня“ [9]. Письмо С. Т. Аксакова было получено Гоголемъ 14 мая [10], на другой день посланъ былъ ему отвѣтъ. Поблагодаривши Аксакова за готовность „принять на себя обузу и хлопоты по пьесѣ“, Гоголь отвѣчаетъ очень уклончиво на его предложеніе: „Я поручилъ уже ее Щепкину и писалъ объ этомъ письмо къ Загоскину. Если же ему точно нѣтъ возможности ладить съ дирекціей и *если онъ не отдавалъ еще письма*, то извѣстите меня, я въ ту же минуту приготовлю новое письмо къ Загоскину“ [11]. Но въ тотъ же день (15 мая) Гоголь увѣдомляетъ Щепкина: „Аксаковъ такъ добръ, что самъ предлагаетъ поручить ему постановку пьесы. Если это точно выгоднѣе для васъ тѣмъ, что ему, какъ лицу стороннему, дирекція меньше будетъ противорѣчить, то *мнѣ жаль*, что я наложилъ на васъ тягостную обузу. Если же вы надѣетесь поладить съ дирекціей, то *пусть остается такъ, какъ порѣшено*“ [12]. „Ревизоръ“ былъ поставленъ безъ участія Аксакова на московской сценѣ [13]; Щепкинъ волей-неволей устранился отъ постановки [14]. Такъ, за *десять дней* до перваго представленія „Ревизора“ въ Москвѣ еще шли споры о томъ, кому должна была достаться честь постановки комедіи на московской сценѣ: Щепкину, Аксакову или дирекціи. „Ревизоръ“ ставился въ Москвѣ спѣшно: пьесу начали разучивать не ранѣе первыхъ дней мая. Постановка сопровождалась закулисными пререканіями; актеры лишены были непосредственныхъ указаній и бдительнаго надзора автора комедіи; замѣнить Гоголя Щепкину не удалось.

Между тѣмъ, въ субботу, 9 мая, въ № 38 „Московскихъ Вѣдомостей“, на стр. 1,172, появилось отъ Императорскаго театра объявленіе: „Въ непродолжительномъ времени представлено будетъ *въ первый разъ*: „Ревизоръ“, оригинальная комедія въ 5 дѣй-

ствіяхъ, въ прозѣ, соч. *г-на Гоголя*“ [15]. Вскорѣ показались въ Москвѣ первые печатные экземпляры „Ревизора“. Коммиссіонеръ публичной библіотеки, Андрей Васильевичъ Глазуновъ, объявилъ (13 мая) въ № 39 „Московскихъ Вѣдомостей“ (стр. 1,184), что въ его книжныхъ лавкахъ поступила въ продажу вновь вышедшая книга „Ревизоръ“. Въ Москву прислано было только *двадцать пять* экземпляровъ желаннаго „Ревизора“, и уже до перваго представленія въ Москвѣ „онъ былъ какою-то библіографическою рѣдкостью, которой,—по словамъ современника,— нельзя было сыскать даже въ книжной лавкѣ А. С. Ширяева, неоспоримо перваго нашего книгопродавца“ [16]. 20 мая, черезъ недѣлю послѣ первой публикаціи о поступленіи „Ревизора“ въ продажу, книжный магазинъ Полеваго уже объявлялъ, что „Ревизоръ“ продается по 6 рублей ассигнаціями (вмѣсто 5 руб., объявленныхъ Глазуновымъ) [17]. Между тѣмъ, Гоголь, раздосадованный первымъ представленіемъ комедіи въ Петербургѣ, „распродалъ съ уступкой всѣ оставшіеся экземпляры „Ревизора“ и другихъ своихъ сочиненій“ [18].

„Только слухъ, молва, перелетающая изъ Петербурга въ Москву словно по чугунной дорогѣ (говорила „Молва“, газета Надеждина), возбудила вниманіе къ новому произведенію г. Гоголя и любопытство участія возрасло до высшей степени“. „Всякій желалъ видѣть „Ревизора“. Впередъ и вдвое давали за билеты“ [19]. „Къ общему удовольствію (продолжаетъ та же газета), московская дирекція воспользовалась благоразумнымъ распоряженіемъ петербургской, т.-е. дозволила записывать билеты за нѣсколько представленій“. Наконецъ, 23 мая въ № 42 „Московскихъ Вѣдомостей“ появилось слѣдующее достопамятное объявленіе: „*Въ Маломъ театрѣ.* Въ понедѣльникъ, 25 мая, *въ абонементъ въ первый разъ:* „Ревизоръ“, оригинальная Комедія въ 5 дѣйствіяхъ, въ прозѣ, соч. Г. Гоголя; дивертисементъ. Сія комедія будетъ дана во вторникъ, 26 мая, *не въ счетъ абонемента;* въ пятницу, 29 мая, *не въ счетъ абонемента.* Продажа билетовъ на всѣ сіи три спектакля будетъ производиться въ понедѣльникъ, 25 мая, въ 10 часовъ утра; на первое, т.-е. на понедѣльникъ, въ большомъ театрѣ у параднаго подъѣзда снаружи; на второе, т.-е. на вторникъ, съ лѣвой стороны отъ дома г. Полторацкаго; на

третье, т.-е. на пятницу, въ маломъ Театрѣ. Желающіе имѣть билеты на 4-е и 5-е представленіе сей Комедіи, могутъ получать оные заблаговременно ежедневно въ конторѣ большаго Театра" (стр. 1,272).

Спектакль 25 мая происходилъ въ Маломъ театрѣ; Большой въ это время переламывали [20]. Дирекція распорядилась написать для „Ревизора" новую декорацію [21]. Редакторъ „Московскаго Наблюдателя" Андроссовъ разсказываетъ: „Комната городничаго устроена была, *вѣроятно, по петербургскимъ традиціямъ и превосходно.* Кто не помнитъ и этихъ фамильныхъ портретовъ хозяина и хозяйки, которые для повѣрки тутъ же и сами на лицо, и этихъ патентовъ на чинъ титулярнаго совѣтника въ рамкахъ, и этой, наконецъ, вѣчной огромной бутыли съ настойкою на окнѣ, которая при всѣхъ нашихъ общественныхъ перемѣнахъ, улучшеніяхъ, нововведеніяхъ, движеніяхъ впередъ и назадъ, осталась неподвижна на прежнемъ мѣстѣ, въ прежнемъ величіи?" [22]

Внѣшняя декоративная часть обстановки „Ревизора" на московской сценѣ была хороша, но костюмы были „нелѣпые, допотопные" [23]. Какъ же разыграна была комедія въ первое представленіе?

„Молва" отвѣчаетъ на этотъ вопросъ такъ: „Ревизоръ", сыгранный на московской сценѣ, *безъ участія автора, поставленный въ столько же репетицій, какъ какой-нибудь воздушный водевильчикъ съ игрою г-жи Рѣпиной,* не упалъ въ общественномъ мнѣніи, *хотя въ томъ же мнѣніи московскій театръ спустился отъ него, какъ барометръ передъ вьюгою"* [24]. Справедливость этого отзыва подтверждается всѣми дошедшими до насъ свидѣтельствами *безпристрастныхъ* современниковъ. На другой день послѣ представленія „Ревизора" въ Москвѣ Щепкинъ пишетъ Сосницкому: „Теперь „Ревизоръ" далъ немного мнѣ пріятныхъ минутъ и вмѣстѣ горькихъ, ибо въ результатѣ оказался недостатокъ въ силахъ и въ языкѣ. Можетъ быть найдутся люди, которые были довольны; но надобно заглянуть ко мнѣ въ душу. Ну, меня въ сторону. Ежели Н. В. Гоголь не уѣхалъ за границу, то сообщи ему, что вчерашній день игрался „Ревизоръ" — не могу сказать, чтобы очень хорошо, но нельзя сказать, чтобы и дурно" [25]. На требованіе подробностей объ успѣхѣ пьесы Щепкинъ въ новомъ

письмѣ извѣщаетъ Сосницкаго: „Ленскій въ Хлестаковѣ очень недуренъ, Орловъ въ слугѣ хорошъ, Бобчинскій и Добчинскій порядочны, а особливо въ сценѣ, гдѣ они являются съ просьбой—одинъ о сынѣ, а другой хлопочетъ о томъ, чтобы привести въ извѣстность о его мѣстопребываніи; а первой сценой я недоволенъ, а особливо первымъ актомъ. Петръ Степановъ въ судьѣ безподобенъ. Женщинами я вообще недоволенъ, а особливо женой и дочерью: чрезвычайно нежизненны!“ [26] Лучше другихъ исполнены были роли Щепкинымъ (городничаго), Потанчиковымъ (почтмейстера), Степановымъ (судьи) и Орловымъ (Осипа) [27]; слабѣе другихъ разыграны были роли Анны Андреевны (г-жою Синецкою), Марьи Антоновны (Пановою), Земляники (Барановымъ) и Хлопова (Волковымъ) [28]. Относительно игры Степанова „Молва“ дѣлаетъ любопытное указаніе. „Замѣтимъ здѣсь *г. Степанову* (говоритъ она) одинъ разъ навсегда, что *передразниванье* недостойно таланта; надобно создавать роль, а не *копировать съ кого бы то ни было*“ [29]. „*Потанчиковъ* былъ отмѣнно простъ, естественъ, даже не позволялъ себѣ пародировать костюма, что́ сдѣлали *гг. Степановъ, Барановъ* и другіе“. Игра *Ленскаго* въ Хлестаковѣ вызвала со стороны „Молвы“ несправедливый упрекъ, будто бы онъ *позволялъ себѣ перемѣнять слова роли*, „поправлять Гоголя“, между тѣмъ какъ этотъ артистъ буквально держался сценическаго текста „Ревизора“, во многихъ мѣстахъ расходившагося съ начальнымъ текстомъ комедіи 1831 года [30].

Главнымъ, общимъ недостаткомъ игры актеровъ въ это первое представленіе „Ревизора“ была торопливость, скороговорка. Въ этомъ упрекали актеровъ, вполнѣ справедливо, оба разбора перваго представленія комедіи, помѣщенные въ лучшихъ московскихъ журналахъ того времени, „Телескопѣ“ и „Московскомъ Наблюдателѣ“. Газета, издававшаяся при „Телескопѣ“, „Молва“, говоритъ: „Мы должны упрекнуть г. Щепкина, а вмѣстѣ съ нимъ и всѣхъ артистовъ безъ исключенія за эту *болтовню, скороговорку,* вовсе не согласную съ духомъ пьесы; и если кто-либо будетъ утверждать противное, беремся указать ему неоспоримые признаки, что весь ходъ пьесы, для того чтобы вполнѣ выразить характеръ *провинціальности*, долженъ быть *тихъ, медленъ, осмотрительно важенъ*. Повѣрьте, нигдѣ и никогда въ уѣздномъ городѣ нѣтъ

такой быстроты *въ дѣйствіяхъ, мысляхъ, словахъ, поступкахъ:* тамъ никто не торопится жить, потому что жизнь тамъ безцвѣтна, тянется однообразно. Кто же станетъ торопиться жить? Медленность, эта напрасная трата времени, есть тамъ наслажденіе, потому что этого времени слишкомъ много для провинціальной жизни. Право, на недѣльное событіе и происшествіе инаго города довольно бы получасу петербургскаго; какъ тамъ все сжато во времени, такъ тутъ все растягивается, чтобы замѣстить пустоту его хоть пустяками. И вотъ гдѣ причина повсемѣстности и необходимости Бобчинскихъ и Добчинскихъ... Мы твердо увѣрены, что основнымъ характеромъ исполненія комедіи Гоголя должны быть *медленность и вялость* всѣхъ лицъ, которыя хотя и оживились чрезвычайнымъ происшествіемъ, но не могли же въ два-три часа утратить привычекъ цѣлой жизни; самая суетливость ихъ должна быть тиха, мѣрна, лѣнива, какъ всѣ мысли, которыя не вяжутся въ ихъ головахъ, не потому чтобы они были вовсе глупы, а потому что отвыкли мыслить, облѣнились, завязли въ колеѣ своей, опустились нравственно. И этого-то именно ни одинъ актеръ, кромѣ г. Потанчикова, не выдерживалъ“ [31]. На тотъ же недостатокъ въ игрѣ артистовъ указываетъ и Андроссовъ въ „Московскомъ Наблюдателѣ“. Вотъ его слова: „Считаемъ не излишнимъ замѣтить, что при первомъ представленіи пьеса шла *очень скоро*. Въ разговорахъ не было той лѣнивой *медленности*, той благоразумной неспѣшности, которыя составляютъ *природныя принадлежности нашего темперамента*. У насъ немного пылкихъ говоруновъ; мы говоримъ разсудительно. Даже въ столицахъ у насъ, гдѣ общественное положеніе возбуждаетъ бо́льшую движимость по крайней мѣрѣ, если не дѣятельность, *скороговорка* [32] вещь рѣдкая, а тѣмъ менѣе въ провинціяхъ, гдѣ можно иногда говорить цѣлый вѣкъ въ просонкахъ. Гоголь глубоко понялъ это. Перечтите его комедію, вы увидите, съ какимъ необыкновеннымъ искусствомъ онъ умѣлъ передать намъ эту вѣчно затруднительную, полузаикающуюся фразу провинціи, съ этими прибавленіями: *онъ говоритъ, мы говоримъ;* какъ онъ мастерски схватилъ эту лѣнивую неточность, бѣдность въ выраженіи съ добавкою руки. Далѣе, по свойству комедіи, жизнь всегда въ ней изображается ярче, рѣзче, нѣ-

сколько усиленнѣе, нежели мы находимъ ее между нами. Въ „Ревизорѣ“ эта яркость сама по себѣ доведена уже нѣкоторымъ образомъ до рѣзкости, а потому усиливать ее значитъ подымать до каррикатуры, что́ отчасти и было на нашей сценѣ“ [33].

Какая публика присутствовала при первомъ представленіи „Ревизора“ въ Москвѣ и какой пріемъ она оказала ему?

Въ первомъ письмѣ къ Сосницкому о представленіи „Ревизора“ (26 мая) Щепкинъ пишетъ: „Игранъ былъ въ абонементъ, и потому публика была *высшаго тона*, которой, какъ кажется, она (комедія) многимъ не по вкусу. Несмотря на то, хохотъ былъ безпрестанно, вообще принималась пьеса весело“ [34]. Въ слѣдующемъ письмѣ (3 іюня) Щепкинъ сообщаетъ тому же артисту: „Публика была изумлена *новостью*, хохотала чрезвычайно много; *но я ожидалъ гораздо бо́льшаго пріема*. Это меня чрезвычайно изумило; но одинъ знакомый забавно (?) объяснилъ мнѣ этому причину: „помилуй, говоритъ, какъ можно было ее лучше принять, когда половина публики *берущей*, а половина *дающей?* И послѣдующіе разы это оправдали: принималась (комедія) чрезвычайно хорошо, принималась съ громкими вызовами, и она теперь въ публикѣ общимъ разговоромъ, и *до кого она не коснулась — всѣ въ восхищеніи, а остальные морщатся*“ [35].

Смутно и, пожалуй, даже забавно намѣчена здѣсь главная причина того холоднаго пріема, который оказанъ былъ „Ревизору“ при первомъ представленіи на московской сценѣ. За-то газета „Телескопъ“ коснулась не вскользь серьезнаго общественнаго вопроса объ отношеніи къ „Ревизору“ публики „высшаго тона“, несомнѣнно раздѣлявшей, въ большинствѣ, убѣжденіе Репетилова: „*Водевиль* есть вещь, а прочее все гиль!“

„Молва“ прежде всего очень вѣрно замѣчаетъ, что въ Москвѣ „каждый спектакль имѣетъ *свою* публику“, потому что и самое общество раздѣлено „на двѣ половины, не имѣющія ничего между собою общаго, которыхъ жизнь, занятія, удовольствія разны, чуть ли не противуположны, и, слѣдовательно, то, что́ можетъ и должно дѣйствовать на однихъ, не возбуждаетъ въ другихъ участія, занимательное для круга высшаго не встрѣчаетъ сочувствія въ среднемъ“ [36]. Это „раздѣленіе состоянія и вкусовъ“ рѣзко выражалось въ составѣ театральной публики. „Взгляните

(продолжаетъ „Молва“) на спектакль воскресный или праздничный: даютъ трагедію или „Филатку“, играютъ Мочаловъ, Живокини, кресла и бельэтажи пусты, но средніе слои театра утыканы головами зрителей, и вы видите, *между лѣсу бородъ*, страусовыя перья на желтыхъ шляпкахъ, раекъ полонъ чепчиками гризетокъ, обведенныхъ темною рамой молодежи всякаго рода. Посмотрите на тотъ же театръ въ будни, когда даютъ, напр., „Невѣсту“, „Роберта“; посѣтители наоборотъ: низъ, дорогія мѣста полны, дешевыя, верхнія пусты“.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній „Молва“ характеризуетъ впечатлѣніе, которое оказалъ „Ревизоръ“ при первомъ представленіи на московскую публику „высшаго тона“. Приводимъ эти глубоко вѣрныя по мысли и блестящія по изложенію страницы: „Публика, посѣтившая первое представленіе „Ревизора“, была публика *высшаго тона* [37], богатая, чиновная, выросшая въ будуарахъ, для которой посѣщеніе спектакля есть *одна изъ житейскихъ обязанностей, не радость, не наслажденіе*. Эта публика стоитъ на той счастливой высотѣ жизни общественной, на которой исчезаетъ мелочное понятіе *народности*, гдѣ нѣтъ страстей, чувствъ, особенностей мысли, гдѣ все сливается и исчезаетъ въ непреложномъ, ужасающемъ простолюдина исполненіи приличій. Эта публика не обнаруживаетъ ни печали, ни радости, ни нужды, ни довольства, не потому, чтобы ихъ вовсе не испытывала, а потому, что это неприлично, что это вульгарно. Блестящій нарядъ и мертвенная холодная физіономія, разговоръ изъ общихъ фразъ или тонкихъ намековъ на отношенія личныя,—вотъ отличительная черта общества, которое *низошло* до посѣщенія „Ревизора“, этой русской, всероссійской пьесы, изникнувшей не изъ подражанія, но изъ собственнаго, быть можетъ, *горькаго чувства автора*. Ошибаются тѣ, которые думаютъ, что эта комедія смѣшна и только. Да, она смѣшна, такъ сказать, снаружи; *но внутри, это горе-гореваньицо, лыкомъ подпоясано, мочалами изпутано*. И та публика, которая была въ „Ревизорѣ“, могла ли, должна ли была видѣть *эту подкладку, эту внутреннюю сторону комедіи?* Ей ли, знающей лица, составляющія пьесу: городничаго, бѣднаго чиновника министерства, которому нечего ѣсть, уѣзднаго судью и т. п.,—ей ли, знающей эти лица только изъ разсказовъ своего упра-

вляющаго, видавшей ихъ только въ передней объятыхъ благоговѣйнымъ трепетомъ, — ей ли, говоримъ, принять участіе въ этихъ лицахъ, которыя для насъ, простолюдиновъ, составляютъ власть, возбуждаютъ страхъ и уваженіе? Мы *сбираемся* [38] идти къ судьѣ или городничему, думаемъ, какъ говорить ему и что́ сказать ему; а публика, о которой говоримъ теперь, кличетъ судью, зоветъ городничаго и велитъ имъ повременить, подождать, или, развѣ изъ особенной милости, посидѣть въ залѣ. Различіе необъятное: смотрѣть на предметъ сверху или снизу— не заботиться о немъ, если вовсе не презирать—и уважать, если не бояться! Что́ значитъ для богатаго вельможи буднишная, мелочная жизнь этихъ чиновниковъ? И какъ много значитъ она, какое вліяніе имѣетъ на классъ, отъ нихъ зависящій. Съ этой-то точки глядя на собравшуюся публику, пробираясь на мѣстечко между дѣйствительными и статскими совѣтниками, извиняясь передъ джентльменами, обладающими нѣсколькими тысячами душъ, мы невольно думали: врядъ ли „Ревизоръ“ имъ понравится, *врядъ ли они повѣрятъ ему,* врядъ ли почувствуютъ наслажденіе видѣть *въ натурѣ* [39] эти лица, такъ для насъ страшныя, которыя вредны не потому, что сами дурно свое дѣло дѣлаютъ, а потому, что лишаютъ надежды видѣть на мѣстахъ своихъ— достойныхъ исполнителей распоряженій, направленныхъ къ благу общему. Такъ и случилось. „Ревизоръ“ *не занялъ, не тронулъ,* только разсмѣшилъ *слегка* бывшую въ театрѣ публику, а не порадовалъ ее. Уже въ антрактѣ былъ слышенъ полуфранцузскій шепотъ негодованія, жалобы, презрѣнія: *mauvais genre!*—страшный приговоръ высшаго общества, которымъ клеймитъ оно самый талантъ, если онъ имѣетъ счастіе ему не нравиться. Пьеса сыграна и, осыпаемая мѣстами аплодисманомъ, она не возбудила ни слова, ни звука по опущеніи занавѣса. Такъ должно было быть, такъ и случилось! Ни одинъ актеръ не былъ вызванъ, и мы слышали, выходя изъ театра, какъ иные въ изумленіи спрашивали: „что́ же это значитъ?“ Эти *иные* [40] забыли различіе публики или не знаютъ, что даже въ удовольствіяхъ уже прошла та неизгладимая черта, которая дѣлитъ общество, достигнувшее извѣстнаго развитія, на двѣ параллельныя, никогда не сходящіяся полосы. Смѣшно другимъ покажется, что

мы увидали это въ представленіи „Ревизора“; а тутъ-то, гдѣ менѣе всего требованій, гдѣ, казалось бы, всѣ одинаково могутъ одобрять или нѣтъ спектакль, тутъ-то, въ этихъ, повидимому, бездѣлицахъ и обнаруживается то, что́ каждая сторона скрываетъ такъ тщательно: высшая изъ благоразумія, низшая, боясь показаться необразованною, не смѣя сказать, что ей не нравится то, что́ любятъ люди знатные. Недоразумѣніе, и только, какъ и всякая странность общественная!“ [41]

Статья „Молвы“, изъ которой воспроизвели мы эти страницы, имѣетъ для изучающаго литературную дѣятельность Гоголя высокій историческій интересъ. Она, прежде всего, представляетъ намъ такой же живой, вѣрный разсказъ о первомъ представленіи „Ревизора“ въ Москвѣ, какой о первомъ представленіи той же комедіи въ Петербургѣ написанъ П. В. Анненковымъ [42]. Но этимъ не исчерпывается значеніе излагаемой статьи. Она была *первою* попыткой объяснить читающей публикѣ „внутреннюю сторону, подкладку „Ревизора“ и освѣтить значеніе гоголевскаго смѣха“. Разбирая игру московскихъ актеровъ въ „Ревизорѣ“ и „предоставляя другимъ опредѣлять его мѣсто въ русской литературѣ“, авторъ этой статьи долженъ былъ коснуться и самой комедіи, „вѣроятной до нельзя“, ея характеровъ. „Актеры, — говорится въ этой статьѣ, — *думали быть смѣшны: мысль ложная!* Они должны быть *жалки, страшны,* и все это должно проистекать *отъ точнаго исполненія* характеровъ, *безъ всякаго увеличенія, усиленія,* прибаутокъ, *просто,* вѣрно, *тихо, добродушно.* Этой-то *черты добродушія, глубокой во всѣхъ созданіяхъ Гоголя* и *проникающей всю комедію,* вовсе не было въ игрѣ артистовъ ни у кого, кромѣ гг. *Потанчикова, Щепкина* и отчасти *Ленскаго;* и потому въ представленіи *было утрачено лучшее,* что́ есть въ характерѣ пьесы“ [43]. Чтобы оцѣнить вѣрность этихъ указаній, свидѣтельствующихъ о глубокомъ пониманіи комедіи авторомъ излагаемой статьи, достаточно сблизить эти замѣчанія, набросанныя тотчасъ послѣ перваго представленія „Ревизора“ въ Москвѣ, съ тѣми страницами, которыми открывается собственное „Предувѣдомленіе“ Гоголя, для тѣхъ, которые пожелали бы сыграть, какъ слѣдуетъ, „Ревизора“. Это драгоцѣнное „Предувѣдомленіе“, лишь недавно найденное въ бумагахъ Гоголя, начинается такъ: „Больше

всего надобно опасаться, чтобы не впасть въ каррикатуру. Ничего не должно быть *преувеличеннаго* или тривіальнаго даже въ послѣднихъ роляхъ. Напротивъ, нужно особенно стараться актеру быть *скромнѣй, проще* и какъ бы благороднѣй, чѣмъ какъ въ самомъ дѣлѣ есть то лицо, которое представляется. Чѣмъ меньше будетъ думать актеръ о томъ, чтобы *смѣшить* и *быть смѣшнымъ*, тѣмъ болѣе обнаружится смѣшное взятой имъ роли. Смѣшное обнаружится само собою именно въ той *сурьезности*, съ какою занято своимъ дѣломъ каждое изъ лицъ, выводимыхъ въ комедіи... Зрителю *лишь со стороны* видѣнъ пустякъ ихъ заботы" [44]. Въ „Предувѣдомленіи" Гоголя, написанномъ не ранѣе 1842 года, излагается тотъ же взглядъ на характеръ пьесы и обусловливаемый имъ характеръ игры актеровъ, какой высказанъ авторомъ „Театральной хроники" въ „Молвѣ" 1836 года. Автору этой хроники принадлежитъ честь перваго истолкованія „Ревизора" и указанія того значенія, которое эта комедія должна занять въ исторіи нашего театра. Въ первомъ „извѣщеніи" о „Ревизорѣ" [45], внезапно оживившемъ нашу сцену, авторъ хроники уже заявляетъ, что „надѣется многаго отъ Гоголя на поприщѣ комедіи". „Его оригинальный взглядъ на вещи, его умѣнье схватывать черты характеровъ, налагать на нихъ печать типизма, его неистощимый гуморъ,—все это даетъ намъ право надѣяться, что театръ нашъ скоро воскреснетъ, скажемъ болѣе, что мы будемъ имѣть свой *національный театръ*, который будетъ насъ угощать не насильственными кривляньями на чужой манеръ, не заемнымъ остроуміемъ, не уродливыми передѣлками, а *художественнымъ представленіемъ нашей общественной жизни; что мы будемъ хлопать не восковымъ фигурамъ съ размалеванными лицами*, а живымъ созданіямъ съ лицами оригинальными, которыхъ, увидѣвши разъ, никогда нельзя забыть. Да, г. Гоголю предлежитъ этотъ подвигъ, и мы увѣрены, что онъ въ силахъ его выполнить". Такъ объяснялъ московскій критикъ значеніе „Ревизора": онъ правдиво и горячо исполнялъ ту обязанность, которую налагалъ на критику Гоголь. Въ письмѣ отъ 28 февраля 1843 года поэтъ писалъ Шевыреву о первомъ томѣ „Мертвыхъ Душъ": „Книга писана долго, нужно, чтобъ далш трудъ всмотрѣться въ нее долго. Нужно, чтобы устоялось мнѣніе. *Противъ*

перваго впечатлѣнія я не могу дѣйствовать. Противъ перваго впечатлѣнія должна дѣйствовать критика, и только тогда, *съ помощью ея,* впечатлѣнія получатъ образъ, *выйдутъ сколько-нибудь изъ перваго хаоса* и станутъ опредѣлительны и *ясны; тогда только я могу дѣйствовать противъ нихъ*“ [46]. Эту задачу критики „дѣйствовать противъ перваго впечатлѣнія“ „Ревизора“ съ успѣхомъ выполняетъ авторъ „Театральной хроники“ въ „Молвѣ“. Проникнутый горячимъ сочувствіемъ къ Гоголю и его комедіи, критикъ „Молвы“ считаетъ необходимымъ коснуться статей Булгарина и Сенковскаго (въ „Сѣверной Пчелѣ“ и „Библіотекѣ для Чтенія“), такъ какъ эти статьи не могли не оставить извѣстнаго „впечатлѣнія“ на публику. На вопросъ, что дѣйствовало на московскую „публику, хлынувшую“ смотрѣть „Ревизора“, московскій критикъ отвѣчаетъ: „Инстинктуальное чувство, которое сказало, что комедія Гоголя должна быть хороша, потому что въ Петербургѣ обратила на себя просвѣщенное вниманіе и *не понравилась только двоимъ,* т.-е. гг. Сенковскому и Булгарину, покровителямъ посредственности, литераторамъ, занемогающимъ чужими успѣхами, людямъ *раздражительнымъ, припадочнымъ, какъ всѣ ихъ соотечественники...* Никто не обращалъ на ихъ горячность вниманія, всякій желалъ видѣть „Ревизора“ [47].

Булгаринъ провозглашалъ въ „Сѣверной Пчелѣ“ (1 мая, № 98, стр. 389), что въ „Ревизорѣ“ нѣтъ правдоподобія и натуры. „Весьма жаль (сѣтовалъ Булгаринъ) если кто-нибудь изъ зрителей, не знающій нашихъ провинцій, подумаетъ, будто *въ самомъ дѣлѣ* въ Россіи существуютъ такіе нравы и будто можетъ быть городъ, въ которомъ нѣтъ ни одной честной души и порядочной головы“. Сенковскій вторилъ Булгарину въ „Библіотекѣ для Чтенія“: „Его (Гоголя) сочиненіе даже *не имѣетъ въ предметѣ нравовъ общества,* безъ чего не можетъ быть настоящей комедіи: его предметъ — анекдотъ, *старый,* всѣмъ извѣстный, тысячу разъ напечатанный“ [48]. *„О картинѣ русскаго общества* (продолжаетъ Сенковскій) *и говорить нечего;* самый анекдотъ выдуманъ не въ Россіи“ [49]. „Авторъ „Ревизора“ (объясняетъ Булгаринъ читателямъ „Сѣверной Пчелы“) почерпнулъ свои характеры, нравы и обычаи не изъ *настоящаго* русскаго быта, но изъ временъ *предъ-недорослевскихъ,* изъ комедій „Ябеда“, „Честный секретарь“, „Су-

дейскія имянины“ и другихъ *отличныхъ*, но нынѣ забытыхъ произведеній прошлаго (или, что̀ все равно, начала нынѣшняго) вѣка“ [50]. Въ „Молвѣ“ „Телескопа“ высказывается взглядъ, діаметрально-противоположный увѣреніямъ „Пчелы“ и „Библіотеки для Чтенія“. „Полученные въ Москвѣ экземпляры „Ревизора“ (читаемъ здѣсь) перечитаны, зачитаны, выучены, превратились въ пословицы и пошли гулять по людямъ, обернулись эпиграммами и начали клеймить тѣхъ, къ кому придутся. Имена дѣйствующихъ лицъ изъ „Ревизора“ обратились на другой день въ собственныя названія: Хлестаковы, Анны Андреевны, Марьи Антоновны, Городничіе, Земляники, Тяпкины-Ляпкины пошли подъ руку съ Фамусовымъ, Молчалинымъ, Чацкимъ, Простаковыми. И все это такъ скоро, еще до представленія, сдѣлалось. Посмотрите: они, эти господа и госпожи, гуляютъ по Тверскому бульвару, въ паркѣ, по городу и вездѣ, вездѣ, гдѣ есть десятокъ народу, между ними навѣрно одинъ выходитъ изъ комедіи Гоголя... Отчего-жь это? Кто вдвинулъ это созданіе въ жизнь дѣйствительную? Кто такъ сроднилъ его съ нами? Кто натвердилъ эти прозванія, эти фразы, эти обороты смѣшные и неловкіе? Кто? Это сдѣлали два великіе, два первые дѣятеля: *талантъ автора* и *современность произведенія*. То и другое дали ему успѣхъ блистательный; но, съ тѣмъ вмѣстѣ, то и другое оскорбили безталанность и ложное въ понятіяхъ, снабдили автора врагами, завистниками, *клеветниками, на все готовыми*. Напрасно Ѳаддей Венедиктовичъ Булгаринъ и г. профессоръ Осипъ Ивановичъ Сенковскій, уцѣпясь за „Ревизора“ съ перваго явленія, потащили его на плаху своихъ литературныхъ сужденій; напрасно, печатно и *письменно*, увѣряли они, что это созданіе допотопное, нелѣпое, баснословное; напрасно въ числѣ доказательствъ божились, что „Горе отъ ума“ Грибоѣдова... хуже „Недовольныхъ“ г. Загоскина, а „Ревизоръ“ хуже „Горе отъ ума“,—все было напрасно... „Ревизоръ“ сталъ, встряхнулся и разбрелся отдѣльными сценами по всѣмъ закоулкамъ Москвы“ [51]. Критикъ „Молвы“ даетъ понять, что Булгаринъ и Сенковскій, помимо печатныхъ статей, въ которыхъ Гоголь обзывался „клеветникомъ на Россію“, не останавливались и передъ *письменною* клеветой на творца „Ревизора“. Любопытное современ-

ное свидѣтельство! Не тогда ли прибѣгнули къ „письменному“ средству эти два „благонамѣренные критика“ [52], когда та же статья „Молвы“ и, можетъ быть, собственныя наблюденія увѣрили ихъ, что „прошелъ уже золотой вѣкъ журналистики, когда издатели, *злоупотребляя правомъ книгопечатанія*, давали непослушной публикѣ свои законы чернильные“? Къ продажной журналистикѣ своего времени критикъ „Молвы“ обратился съ такими словами: „Публика не вѣритъ вамъ, господа, болѣе; она только платитъ вамъ подать свою, даетъ то, чего вы такъ усердно каждую осень просите, вноситъ въ декабрѣ поголовщину, но не покупаетъ вашихъ мнѣній, *ихъ ей и даромъ не надобно;* у ней есть свои мнѣнія живыя, *неподкупныя*, которыми она готова снабдить и васъ безъ обезпеченія. Будьте же осторожны, гг. законодатели журнальные; не навязывайте учтивой, щедрой публикѣ вашихъ *заказныхъ* мнѣній: Богъ съ вами! *Получайте ваши деньги* и забавляйте насъ, но не замышляйте на насъ дѣйствовать. *Публика не мѣшаетъ никому заниматься своимъ промысломъ, если этотъ промыселъ терпимъ въ обществѣ*, но не приметъ и не раздѣлитъ вашихъ мнѣній, не продастъ своего образа мыслей за подписную цѣну ассигнаціями“ [53].

Но Булгарины обыкновенно твердо стоятъ на запроданныхъ ими мнѣніяхъ. „Сѣверная Пчела“, подъ видомъ отчета о нелѣпой комедіи князя Цицianова „Настоящій Ревизоръ, служащей продолженіемъ комедіи г. Гоголя“ [54], возвращается къ „Ревизору“, чтобы въ усиленной формѣ повторить свой первый отзывъ объ этой комедіи. Здѣсь встрѣчаются уже ясные намеки на статью „Телескопа“. Булгаринъ признается теперь, что въ талантѣ Гоголя есть „много *юмору* (гуморъ „Молвы“), очень ѣдкаго, остроумнаго, живаго, наблюдательнаго“... Въ то же время Булгаринъ рѣшительно высказываетъ: „Основать комедію на злоупотребленіяхъ административныхъ есть уже мысль, *показывающая недостатокъ въ авторѣ драматическихъ дарованій*“ [55].

Критикъ „Молвы“ зналъ хорошо закулисную сторону постановки „Ревизора“ на московской сценѣ. Въ статьѣ о первомъ представленіи этой комедіи въ Москвѣ онъ приподнялъ завѣсу съ этой закулисной исторіи. Вотъ его разсказъ: „Авторъ, какъ извѣстно, поручилъ заняться обстановкой пьесы г. Щепкину, и

точно: не могъ найти человѣка достойнѣе. Страстная любовь къ своему искусству, глубокое, сознательное уваженіе къ таланту автора, давнее, непреодолимое желаніе выбиться изъ колеи французской комедіи и образовать что-нибудь собственное, тщательное изученіе характера лицъ, способъ его олицетворенія,— все это указывало на *г. Щепкина*, и только на него одного на пустырѣ московской сцены. Не знаемъ, могъ ли онъ посвятить себя на сдѣланное ему порученіе, имѣлъ ли средства; по крайней мѣрѣ, ручаемся, что онъ имѣлъ полный запасъ доброй воли, полное желаніе, весьма простительное и похвальное, присовокупить къ пьесѣ: „и была играна актеромъ Щепкинымъ, создавшимъ на сценѣ, что̀ создалъ авторъ на бумагѣ“. Нѣсколько далѣе критикъ „Молвы“ замѣчаетъ: „Г. Щепкинъ имѣлъ обязанность ставить пьесу; но кто ставливалъ когда-нибудь пьесы, тотъ знаетъ, что онъ можетъ распоряжаться всѣмъ для успѣха пьесы, всѣмъ, кромѣ выбора *персонажей*, костюмовъ, декорацій и даже *объясненія ролей*. Что̀ же остается дѣлать? Чего имѣемъ мы право требовать?“ [56].

Теперь намъ понятно, почему Щепкинъ прибѣжалъ къ С. Т. Аксакову въ слезахъ, съ отказомъ ставить „Ревизора“... Вскрывши виновника небрежной и поспѣшной обстановки на московской сценѣ комедіи Гоголя, „поставленной во столько же репетицій, какъ какой-нибудь воздушный водевильчикъ“ [57], критикъ „Молвы“ указываетъ на высокое значеніе для сцены „вниманія и изученія автора“ разыгрываемой пьесы: „Воспроизвести на сценѣ характеръ, очерченный только словами автора; прибавить къ этимъ невидимымъ словамъ все,—лица, костюмъ, движеніе, жизнь,— сдѣлать видимой *идею автора*,—дѣло немаловажное, заслуживающее полнаго вниманія. Повѣрьте, сыграть иную роль труднѣе, чѣмъ разыграть партитуру Бетговена; а кто и когда даетъ каданс̀ъ оркестру актеровъ, гдѣ иные съ трудомъ разбираютъ свою партицію? Кто заботится объ нихъ? Суфлеръ только. Онъ одинъ проситъ Бога, чтобы уроки поскорѣе были выучены и ему поменьше было бы работы. Гдѣ вниманіе и изученіе автора? Но перестанемъ: это вопросы безотвѣтные, горестные для всякаго любителя театра... замолчимъ о нихъ... мимо“ [58].

На этотъ разъ вопросы критика „Молвы“ не остались безъ от-

вѣта. Вызовъ, брошенный дирекціи московскихъ театровъ былъ принятъ и возраженіе на статью „Молвы“ появилось на столбцахъ „Сѣверной Пчелы“. Во главѣ дирекціи московскихъ театровъ стоялъ тогда М. Н. Загоскинъ, авторъ настоящаго (не Хлестаковскаго) „Юрія Милославскаго“ и порядочнаго числа комедій, въ ряду которыхъ одно изъ первыхъ по времени мѣстъ (1815 г.) занимала „Комедія противъ комедіи“, написанная въ защиту „Липецкихъ водъ“ Шаховскаго, въ которыхъ осмѣивался Жуковскій и его страсть писать баллады. 2 декабря 1835 года на московскомъ театрѣ представлена была оригинальная комедія Загоскина, въ 4 дѣйствіяхъ, въ стихахъ, „Недовольные“. Бѣлинскій посвятилъ этому спектаклю строгій разборъ; комедіи Загоскина особенно досталось за то, что картина высшаго общества не соотвѣтствовала дѣйствительности, что нѣкоторыя дѣйствующія лица выведены авторомъ для утѣшенія райка и т. д. [59]. Въ Петербургѣ на эту комедію Загоскина Сенковскій взглянулъ другими глазами. Въ „Библіотекѣ для Чтенія“ 1836 года (т. XVI, отд. V) появилась критическая статья, посвященная разбору *трехъ* драматическихъ произведеній, которыя въ началѣ статьи перечислены были въ такомъ порядкѣ: *Недовольные,* комедія въ 4 дѣйствіяхъ, сочиненіе М. Н. Загоскина. М., 1836. — *Ревизоръ,* комедія въ 5 дѣйствіяхъ, сочин. Н. Гоголя. С.-Петербургъ, 1836.— *Don Sébastien de Portugal,* drame historique en prose en trois actes et cinq tableaux, par le comte Alexandre Przezdiecki. St.-Pétersbourg. 1836. Въ такую компанію втиснулъ Сенковскій „Ревизора“ передъ лицомъ читателей „Библіотеки для Чтенія“. И въ этой компаніи критикъ отводитъ „Ревизору“, конечно, не первое мѣсто. Благосклонно относится авторъ этой критической статьи къ пьесѣ Загоскина, о комедіи же Гоголя замѣчаетъ: „Мы, къ сожалѣнію, должны сказать, что „Ревизоръ“ г. Гоголя далеко не заслуживаетъ имени комедіи по своему плану и созданію. *У г. Загоскина была идея и хорошая комическая идея;* у г. Гоголя идеи нѣтъ никакой“ (стр. 42). И вотъ Загоскину пришлось ставить на московской сценѣ „Ревизора“, когда Гоголь отказался пріѣхать въ Москву. Щепкинъ оттѣсненъ былъ отъ этого дѣла чуть ли не на другой же день послѣ полученія письма, въ которомъ авторъ „Ревизора“ поручалъ ему постановку комедіи. Мы сгруппировали

выше данныя, показывающія, какъ исполнилъ Загоскинъ ту отвѣтственную обязанность первой постановки на сцену великаго произведенія, которую онъ добровольно на себя принялъ. Слабая игра актеровъ въ первое представленіе „Ревизора",—игра, не основанная на „изученіи автора", „невнимательная, торопливая, такъ что въ представленіи утрачено было лучшее, что̀ есть въ характерѣ пьесы",—эта игра въ значительной степени обусловлена была дѣйствіями тѣхъ, которые распоряжались постановкою „Ревизора". Съ тупымъ равнодушіемъ, если не съ затаеннымъ нерасположеніемъ, отнеслись представители московской дирекціи къ постановкѣ „Ревизора" на сцену; они могли здѣсь дѣйствовать, не стѣсняясь: самъ творецъ комедіи не присутствовалъ на репетиціяхъ. Воспитанный на французской комедіи, Загоскинъ могъ ли понять „Ревизора"? могъ ли сознать тотъ великій грѣхъ, который онъ совершалъ передъ лицомъ „любителей театра", устраняя Щепкина отъ постановки комедіи? Болѣе чѣмъ когда-нибудь нужно было привлечь актеровъ *къ изученію* комедіи, къ постиженію ея „внутренней стороны", „лучшаго въ ея характерѣ"; болѣе чѣмъ когда-нибудь необходимо было *руководство* такого опытнаго художника, какъ Щепкинъ, актерами, воспитанными на пошлости и лжи переводныхъ мелодрамъ, водевилей и комедій въ стилѣ Шаховскаго и Загоскина... Актеры отнеслись къ „Ревизору" съ *„невиданнымъ* участіемъ"; необходимо было воспользоваться ихъ одушевленіемъ и поддержать, облегчить для нихъ выходъ на новую дорогу. Послушаемъ, однако, разсказъ критика „Молвы": „Эти послѣдніе (артисты) обрадовались комедіи Гоголя, потомъ *видимо оробѣли,* совершенно справедливо предчувствуя, что если и тутъ, такъ же какъ въ „Горѣ отъ ума", будетъ неудача, то судьба ихъ кончена во мнѣніи публики, что въ ней пробудится, наконецъ, неотразимое желаніе *перемѣнить персонажи,* явится слишкомъ ярко сознаніе ихъ недостатковъ; а что̀ значитъ актеръ, возбудившій въ публикѣ желаніе перемѣнить себя? Онъ становится бутафорною принадлежностью. Это они предчувствовали, боялись комедіи Гоголя, и, увы, предчувствіе *многихъ не обмануло.* Такъ всегда необыкновенное произведеніе, появляясь, ведетъ за собою тысячи незамѣтныхъ, повидимому, ничтожныхъ происшествій, понятій, чувствъ, которыя соста-

вляютъ въ суммѣ своей то, что̀ называется *движеніемъ впередъ*. Слово страшное для посредственности: она сознаетъ это, но не признается въ томъ и мститъ причинѣ своего уничиженія нелѣпою клеветой, кривыми толками или наглымъ увѣреніемъ, *что̀ мы и видѣли*“ [60]. Статья „Молвы“, выгораживавшая московскихъ актеровъ при помощи такихъ намековъ и рѣзко порицавшая Сенковскаго за то, что онъ поставилъ „Ревизора“ и „Горе отъ ума“ ниже „Недовольныхъ“, задѣла Загоскина и какъ писателя, и какъ директора московскихъ театровъ. Нужно было оправдаться, по крайней мѣрѣ, отъ тѣхъ нареканій, которыя направлены были на „дирекцію“. Въ защиту Загоскина, кліента „Библіотеки для Чтенія“, появляется въ „Сѣверной Пчелѣ“ письмо изъ Москвы на имя редакторовъ этой газеты, подписанное такъ: „Титулярный совѣтникъ Иванъ Евдокимовъ сынъ Покровскій“. Оффиціозное происхожденіе письма несомнѣнно. „Кто знаетъ (спрашиваетъ Бѣлинскій) настоящій *рангъ* почтеннаго нелитератора, скрывшагося подъ скромнымъ именемъ титулярнаго совѣтника? Изъ словъ его видно, что онъ имѣетъ большой кругъ дѣятельности, *силу немаловажную, по крайней мѣрѣ, для гг. актеровъ*“ [61]. „Оный мнимый или истинный Иванъ Евдокимовъ сынъ Покровскій“ (говоря словами Бѣлинскаго), прежде всего, старается открыть задорнаго автора статьи о первомъ представленіи „Ревизора“, напечатанной въ „Молвѣ“. Не обращая вниманія на буквы, поставленныя подъ этою невинною статьей: *А. Б. В.*, загадочный титулярный совѣтникъ заявляетъ Булгарину и Гречу: „Эта статья никѣмъ не подписана, но, кажется, *судя по слогу, энергіи, логикѣ и вѣжливому тону*, она сочинена г. Бѣлинскимъ“ [62]. Чиновникъ, стоявшій подъ патронатомъ „Библіотеки для Чтенія“, въ то время не могъ и думать иначе. Въ этомъ самомъ журналѣ, въ седьмой книжкѣ 1835 года, помѣщена была „карикатура“-повѣсть безталаннаго рецензента Ушакова „Піюша“. Въ повѣсти-карикатурѣ выведенъ былъ В. Г. Бѣлинскій подъ именемъ *Висяши*. Беллетристъ журнала Сенковскаго разсказываетъ о Висяшѣ, существѣ не выдуманномъ: „Висяша теперь всѣмъ недоволенъ, даже и тѣмъ, что солнце свѣтитъ. Такъ, почтенный читатель, когда вы въ театрѣ, сидя *въ креслахъ*, *съ удовольствіемъ* смотрите на пьесу и игру актеровъ и слышите, что позади васъ

кто-то ропщетъ, презрительно насмѣхается и говоритъ въ полголоса, по-русски: что за мерзость! по-французски: „quelle horreur!“ вы не оглядывайтесь: знайте, что за вами сидитъ Висяша“ [63].

Конечно, руководясь этою правдивою характеристикой, защитникъ Загоскина приписалъ, безъ дальнѣйшихъ разсужденій, статью „Молвы“ Бѣлинскому и потомъ пустился увѣрять читателей „Сѣверной Пчелы“, что Бѣлинскій „гнѣвается на московскій театръ, можетъ быть, за то, что въ немъ мѣста кажутся ему слишкомъ дороги“. „Титулярный совѣтникъ“ досадуетъ, что „не проходитъ разу, чтобы въ „Молвѣ“ онъ (Бѣлинскій) не училъ уму-разуму московскихъ актеровъ; а помилуйте, что-жъ имъ бѣднымъ дѣлать? (вопрошаетъ „совѣтникъ“). Всегда безъ вины виноваты!“ [64] Достойный кліентъ „Пчелы“ прибѣгаетъ къ недостойнымъ выходкамъ противъ Бѣлинскаго, къ площадной брани...

„Г. Бѣлинскій (пишетъ „титулярный совѣтникъ“), говоря о вашемъ Каратыгинѣ, закричалъ въ „Молвѣ“: „не надо намъ актера аристократа!“ А изъ всѣхъ твореній г. Бѣлинскаго замѣтно, что, по его мнѣнію, тотъ, кто носитъ чистое бѣлье, моетъ лицо и отъ кого не пахнетъ ни чеснокомъ, ни водкою, — аристократъ! [65] Ну, разсудите сами, какъ же послѣ этого какой-нибудь порядочный артистъ, *который дорожитъ своимъ мѣстомъ*, можетъ угодить г. Бѣлинскому?“ [66] Въ письмѣ „титулярнаго совѣтника“ Бѣлинскій усмотрѣлъ „извѣтъ на себя и вдобавокъ еще не какъ на литератора, а какъ на человѣка“, и помѣстилъ въ „Телескопѣ“ замѣтку подъ заглавіемъ: „Отъ Бѣлинскаго“. Выписавши изъ письма совѣтника только-что приведенное мѣсто, Бѣлинскій спрашиваетъ: „Что это значитъ? Почтенный титулярный совѣтникъ не даетъ ли этимъ знать, что актеръ, который подорожилъ бы моимъ мнѣніемъ или послѣдовалъ бы моему совѣту, вслѣдствіе своей доброй воли и своего убѣжденія, долженъ „лишиться мѣста“? Странно!... *Этотъ г. титулярный совѣтникъ что-то очень грозенъ!*“ [67] Таинственный апологетъ Загоскина, по примѣру своего патрона Булгарина, готовъ былъ перенести вопросъ литературный и художественный въ сферу административныхъ взысканій... Таковы были первые хулители „Ревизора“ въ печати! Впрочемъ, авторъ апологетическаго письма увѣрялъ, по крайней мѣрѣ, издателей „Сѣверной Пчелы“, что онъ „не литераторъ,

а дѣйствительно человѣкъ неизвѣстный". Но растерявшійся „нелитераторъ", защищая московскую дирекцію, въ изступленіи Гарпагона схватилъ и повлекъ въ „Сѣверную Пчелу" совсѣмъ не то лицо, которое въ Москвѣ потревожило неприкосновенность литературной и административной репутаціи Загоскина. „Съ нѣкотораго времени (отвѣчаетъ Бѣлинскій неизвѣстному „совѣтнику") мои великодушные непріятели начали приписывать мнѣ всѣ замѣчательныя статьи въ „Телескопѣ" за нынѣшній (1836) годъ, подъ которыми не значится полнаго имени. Такъ, въ помянутомъ петербургскомъ журнальчикѣ, находящемся на содержаніи у „Библіотеки для Чтенія" и на послугахъ у „свѣтскихъ журналовъ", приписана мнѣ повѣсть „Она будетъ счастлива",— повѣсть, обнаруживающая въ неизвѣстномъ авторѣ неподдѣльный талантъ, живое чувство и умѣніе владѣть языкомъ [68]; такъ, въ № 169 „Сѣверной Пчелы" мнѣ же приписана статья объ игрѣ гг. актеровъ здѣшняго театра въ „Ревизорѣ" г. Гоголя. *Мнѣ было бы очень пріятно подписать свое имя подъ обѣими этими статьями,* но долгъ справедливости повелѣваетъ мнѣ отклонить отъ себя незаслуженную честь". Бѣлинскій прибавляетъ, что онъ „согласенъ съ бо́льшею частью мнѣній, выраженныхъ въ этой статьѣ „Молвы" *съ талантомъ, умѣньемъ и знаніемъ своего дѣла*" [69].

Переходя къ главному предмету своего „письма", титулярный совѣтникъ дѣлаетъ сначала ироническое замѣчаніе: „Комедія „Ревизоръ", *хотя поставлена въ Москвѣ не актеромъ Щепкинымъ,* а дирекціею, но, *несмотря на это,* по мнѣнію моему *и рѣшительно* по мнѣнію почти всей московской публики, разыграна была прекрасно и *поставлена на сцену такъ отчетисто* и *съ такою вѣрностію,* что, безъ всякаго сомнѣнія, самъ почтенный авторъ этой комедіи сказалъ бы спасибо московской дирекціи" [70]. Затѣмъ авторъ письма подмѣниваетъ обвинительные пункты „Молвы" слѣдующими тремя, собственнаго сочиненія: *„Пунктъ 1.* Московская *публика не должна была смѣяться, глядя „Ревизора",* потому что дѣйствующія лица въ этой комедіи не смѣшны, а страшны. *Пунктъ 2.* Если бы въ московскихъ актерахъ была *хотя капля здраваго смысла,* если бы они хотя нѣсколько *постигли высокую мысль автора,* то должны бы были играть не съ огнемъ и жизнью, *но медленно и вяло* [71]. *Пунктъ 3.*

Какъ смѣла дирекція объявлять, за нѣсколько дней, въ афишахъ, что въ непродолжительномъ времени будетъ дана комедія „Ревизоръ“, когда точно также объявляли заблаговременно о появленіи оперы „Панъ Твардовскій“, балета „Розальба“, „Волшебнаго Стрѣлка“ и точно также объявляютъ, что за Рогожской заставой дикая лошадь будетъ поражать медвѣдя зубами?“ [72]

Можно ли въ этихъ трехъ пунктахъ узнать тѣ „горестные для всякаго любителя театра вопросы“, которые были сдѣланы въ „Молвѣ“?

Далѣе неизвѣстный „титулярный совѣтникъ“ пытается оправдать дирекцію московскихъ театровъ отъ такого обвиненія, котораго не высказывалъ критикъ „Молвы“. Этотъ „титулярный совѣтникъ“ увѣряетъ читателей „Пчелы“: „Онъ („господинъ критикъ“) сердится также на дирекцію за то, что въ числѣ актеровъ, которые играли эту комедію, были употреблены для мелкихъ ролей актеры второклассные. Оно, конечно, дурно (отвѣчаетъ „совѣтникъ“) и вѣрно бы дирекція этого не сдѣлала, если бы имѣла поболѣе первоклассныхъ актеровъ, которые всѣ *безъ исключенія* были употреблены для первыхъ ролей *въ сей же самой комедіи*. Одинъ г. Живокини въ ней не игралъ, потому что его нѣтъ въ Москвѣ“ [73].

Послѣдняя фраза также доказываетъ оффиціозное происхожденіе письма „нелитератора“.

Таковы были обстоятельства, сопровождавшія постановку „Ревизора“ на московской сценѣ. Первая сочувственная статья объ этой комедіи, напечатанная въ московскомъ журналѣ, вызвала полемическій отвѣтъ дирекціи московскихъ театровъ, и этотъ полемическій отвѣтъ уже задѣлъ ни въ чемъ неповиннаго Бѣлинскаго. Въ *апологіи* „Ревизора“ (какъ называлъ статью „Молвы“ „титулярный совѣтникъ“, очевидно, полагавшій, что комедія Гоголя нуждается въ апологіи) думали видѣть *энергію* и *логику* Бѣлинскаго. Послѣдній отклонилъ не принадлежавшую ему высокую честь быть *въ Москвѣ* первымъ литературнымъ цѣнителемъ *этой всероссійской пьесы* и, оставляя безъ отвѣта нападки „Сѣверной Пчелы“ на критика „Молвы“, ограничился пока замѣчаніемъ, что „Ревизоръ“ г. Гоголя превосходенъ, а „Недовольные“ г. Загоскина... что̀ дѣлать? очень плохи [74].

Прошло два года. 17 мая 1838 года „Ревизоръ“ игрался на

театрѣ Петровскаго парка. Актеры освоились уже съ комедіей, „изучили“ и поняли „внутреннюю ея сторону“; они играли не попрежнему; самъ Щепкинъ значительно усовершенствовалъ свою игру. Бѣлинскій съ восторгомъ разсказываетъ объ этомъ спектаклѣ: „Городничаго игралъ Щепкинъ... И какъ онъ выполнилъ ее (роль)! Нѣтъ, никогда еще не выполнялъ ее такъ! Этотъ первый актъ, который всегда какъ-то не удавался ему, былъ у него на этотъ разъ чудомъ совершенства. Какое одушевленіе, какая простота, естественность, изящество! Все такъ вѣрно, глубоко, истинно — и ничего грубаго, отвратительнаго; напротивъ, все такъ достолюбезно, мило! Актеръ понялъ поэта: оба они не хотятъ дѣлать ни карикатуры, ни сатиры, ни даже эпиграммы; но хотятъ показать явленіе дѣйствительной жизни, — явленіе характеристическое, типическое. Но что Щепкинъ былъ превосходенъ (продолжаетъ Бѣлинскій), это въ порядкѣ вещей; удивительно то, что вся пьеса идетъ прекрасно. О гг. Орловѣ и Степановѣ мы уже не говоримъ, не желая повторять одно и то же: чудо совершенства да и только! Г. Шумскій, играющій Добчинскаго, превосходенъ. Кислое лицо, видъ какого-то добродушнаго идіотства, провинціальность природы, какія онъ умѣетъ принимать на себя,—все это выше всякихъ похвалъ. Г. Никифоровъ играетъ Бобчинскаго немного съ фарсами, но, по крайней мѣрѣ, не портитъ роли. Г. Соколовъ, играющій купца Абдулина, чудесенъ. Слесарша — живая природа до nec plus ultra. Мишка, трактирный слуга, гости городничаго, — все это прелесть. Даже Анна Андреевна, наконецъ, вошла въ свою роль, какъ должно; также и Марья Антоновна; словомъ, кромѣ г. Ленскаго, играющаго Хлестакова несносно дурно, всѣ хороши, и въ ходѣ піесы удивительная общность, цѣлость, единство и жизнь“... „Драматическіе поэты творятъ актеровъ (заключаетъ Бѣлинскій свой отчетъ). Намъ нужно имѣть свою комедію, и тогда у насъ будетъ свой театръ. Подражательность ввела къ намъ идею и потребность театра, а самобытная поэзія должна создать театръ. Какія богатыя надежды сосредоточены на Гоголѣ! Его творческаго пера достаточно для созданія національнаго театра. Это доказывается необычайнымъ успѣхомъ „Ревизора“. Какое глубокое, геніальное созданіе!“ [75]

Почти черезъ два года послѣ этого отчета въ третьей книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ“ 1840 года появился достопамятный анализъ „Ревизора“, написанный Бѣлинскимъ.

Такъ, первыми по времени *вѣрными* и искренними толкователями „Ревизора“ въ Москвѣ были: на сценѣ—М. С. Щепкинъ, въ литературѣ—критикъ „Молвы“. Воздадимъ должное мало оцѣненной заслугѣ великаго артиста и помянемъ добрымъ словомъ критика „Молвы“.

И. С. ТУРГЕНЕВЪ ВЪ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ 1833—1834 гг.

Въ 1827 году семья И. С. Тургенева переселилась въ Москву: время было подумать о воспитаніи дѣтей. Девятилѣтнимъ ребенкомъ покинулъ И. С. сельскій домъ —

> Свидѣтель буйной жизни, лѣни праздной
> Двухъ или трехъ помѣщичьихъ племенъ,

—домъ, въ которомъ онъ „росъ среди побоевъ и истязаній“. Домашнее воспитаніе кончилось; И. С. и его старшаго брата везли въ Москву, чтобы помѣстить въ одинъ изъ частныхъ пансіоновъ. Домашнее воспитаніе Тургенева совершалось „на французскій манеръ“: въ семьѣ даже Богу молились на французскомъ языкѣ. Наступала другая пора. Но и въ учебныхъ заведеніяхъ Москвы, сверху донизу, замѣтно было глубокое вліяніе того быта, той среды и особенно той полосы ея, къ которой принадлежалъ Тургеневъ, — полосы помѣщичьей, крѣпостной (X, 3).

Помѣщики принципіально чуждались гимназій и предпочитали или воспитывать дѣтей дома, подъ непрерывными впечатлѣніями крѣпостнаго быта, или отдавать ихъ въ частные пансіоны, лишь бы оградить „барчуковъ“ отъ общества разночинцевъ. „Весьма рѣдко (писалъ въ своемъ циркулярѣ министръ народнаго просвѣщенія С. С. Уваровъ) гимназіи наши снискивали довѣренность дворянскаго сословія, *по духу коренныхъ*

учрежденій столь рѣзко еще отлученнаго отъ прочихъ“ [1]. Посѣтивши въ 1827 г. псковскую гимназію, императоръ Николай нашелъ все принадлежащее къ сему учебному заведенію въ должномъ порядкѣ; но, „съ удивленіемъ замѣтя необыкновенно малое число обучающихся“ въ главномъ псковскомъ училищѣ и между ними, по соразмѣрности, еще меньшее число дворянъ, его величеству „прискорбно было видѣть изъ сего, что дворянство и прочіе жители Пскова *не довольно заботятся* о воспитаніи дѣтей своихъ, забывая, что свѣдѣнія, *нынѣ вообще необходимыя*, нужны въ особенности людямъ высшихъ состояній въ государствѣ“... Признавая, что суммы, опредѣляемыя на содержаніе псковской гимназіи, могутъ безъ отмѣны главнаго назначенія оныхъ быть употреблены инымъ, *выгоднѣйшимъ для народнаго просвѣщенія* образомъ, императоръ Высочайше повелѣлъ: „преподаваніе въ сей гимназіи остановить съ 1-го января будущаго года (Высоч. повелѣніе состоялось 15-го ноября 1827 г.) и самую гимназію закрыть, впредь до новыхъ по сему распоряженій“ [2].

Такимъ образомъ, къ концу 1828 г., передъ введеніемъ новаго гимназическаго устава (8-го декабря 1828 г.), во всемъ Петербургскомъ учебномъ округѣ было только пять 4-хъ-классныхъ гимназій [3]. Указъ объ открытіи вновь гимназіи въ Псковѣ послѣдовалъ 1-го ноября 1832 г., когда псковское дворянство единогласно положило на устройство благороднаго пансіона при гимназіи для 24 воспитанниковъ изъ недостаточныхъ дворянъ вносить ежегодно изъ собственныхъ доходовъ 17,440 р. (Сб. пост., II, стр. 701).

Въ декабрѣ 1828 г. утвержденъ былъ новый уставъ гимназій; въ немъ предписывалось учрежденіе при гимназіяхъ особыхъ дворянскихъ пансіоновъ. Въ 1833 г., вступивши въ управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія, Уваровъ разъяснилъ, что дѣти дворянъ преимущественно будутъ поступать въ эти благородные пансіоны, а гимназіи вмѣстѣ съ уѣздными училищами должны служить въ пользу прочихъ классовъ; при чемъ благородные пансіоны не могутъ быть не чѣмъ инымъ, какъ приготовительными училищами къ слушанію лекцій въ университетѣ (Сб. расп., I, 858 — 859). Впрочемъ, псковская гимназія

не была исключеніемъ среди тогдашнихъ русскихъ гимназій. По свидѣтельству самого министра народнаго просвѣщенія, въ началѣ 30-хъ годовъ гимназіи оставались частію праздными [4]; дворяне приготовляли своихъ дѣтей къ высшему образованію посредствомъ или домашняго воспитанія, или частныхъ пансіоновъ; тотъ и другой способъ оказались недостаточными. Отвлекая отъ правительственныхъ гимназій лицъ дворянскаго сословія, которому въ тѣ времена почти исключительно принадлежали высшія служебныя и государственныя должности, частные пансіоны, въ которыхъ „учились понемногу чему-нибудь и какъ-нибудь“, оказывали вредное вліяніе и на составъ университетскихъ студентовъ, и на самый умственный и нравственный уровень чиновничества. Въ 1833 г. частные пансіоны положительно признаны были вредными. Высочайшимъ повелѣніемъ 4-го ноября 1833 г. пріостановлено открытіе вновь частныхъ пансіоновъ въ обѣихъ столицахъ, и министерству разрѣшено было выработать „мѣры надзора за частными пансіонами и учрежденіе особеннаго постояннаго наблюденія, могущаго обезпечить сколько можно внутреннее благоустройство оныхъ“ [5].

Въ одинъ изъ такихъ частныхъ пансіоновъ помѣщенъ былъ девятилѣтній Тургеневъ (въ 1827 г.?) по переѣздѣ его родителей въ Москву: то былъ пансіонъ Вейденгаммера. Не сохранилось никакихъ свѣдѣній о томъ, чему учился тамъ Тургеневъ. Ему было всего 9 лѣтъ; въ пансіонѣ занимались, конечно, только практикою въ новыхъ иностранныхъ языкахъ. Изъ пансіона Вейденгаммера Тургеневъ, года черезъ полтора или два, перемѣщенъ былъ въ лучшій изъ тогдашнихъ московскихъ пансіоновъ — пансіонъ, изъ котораго впослѣдствіи образовался Лазаревскій институтъ восточныхъ языковъ. Открытое въ 1815 г. въ объемѣ тогдашнихъ 4-хъ-классныхъ уѣздныхъ училищъ, съ прибавленіемъ лишь армянскаго языка [6], это Лазаревское училище скоро вышло за предѣлы своей первоначальной задачи (30 безплатныхъ воспитанниковъ изъ бѣдныхъ армянъ) и уже въ 1819 г. начало привлекать въ свои стѣны и русскихъ воспитанниковъ [7], благодаря недостатку въ Москвѣ казенныхъ гимназій.

Въ началѣ 20-хъ годовъ, кромѣ 30 казеннокоштныхъ армянскихъ пансіонеровъ, въ училище принимались уже платные

пансіонеры и приходящіе. Въ 1827 г. ихъ было уже 75. Воспитанники и пансіонеры составляли два особые разряда: каждый разрядъ имѣлъ своего дежурнаго надзирателя; воспитанники и пансіонеры имѣли отдѣльныя помѣщенія, сходились только въ классѣ, рекреаціонномъ залѣ и столовой.

Долгое время основатели училища не могли добиться, чтобы оно было принято въ вѣдомство министерства нар. просв., и только въ 1835 году оно включено было во второй разрядъ учебныхъ заведеній, т.-е. до того времени это собственно былъ дворянскій пансіонъ, но безъ всякихъ правъ. Курсъ ученія въ институтѣ раздѣлялся въ 1828 г. на 4 класса: высшій, средній, низшій и приготовительный; въ трехъ низшихъ классахъ воспитанники должны были оставаться по два года, въ высшемъ одинъ. Каждый классъ имѣлъ свою спеціальную задачу; въ нижнихъ классахъ обращалось особенное вниманіе на изученіе новыхъ языковъ, которые признавались нужными для продолженія наукъ [8]. Не обучавшіеся восточнымъ языкамъ должны были „въ особенности упражняться во французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ". Изученіе латинскаго языка поставлялось въ необходимость. Этотъ пунктъ тогдашняго институтскаго Устава очень важенъ: обязательное обученіе латинскому языку вызвано было тѣмъ, что Лазаревское училище рано поставило себѣ цѣлью приготовить воспитанниковъ къ поступленію въ университетъ. Въ этотъ-то пансіонъ помѣщены были Николай и Иванъ Сергѣевичи Тургеневы—12-го августа 1829 г. — и ввѣрены были заботамъ инспектора Краузе. Бывшій почетный попечитель института, князь Семенъ Давыдовичъ Абамеликъ-Лазаревъ, былъ пансіонскимъ товарищемъ Тургеневыхъ; даже въ 1883 году онъ указывалъ мѣсто, гдѣ они жили въ институтѣ, и помнилъ разныя черты ихъ ученической жизни. Въ 1850 годахъ кн. Семенъ Давыдовичъ встрѣчался съ Ив. Сергѣевичемъ въ Петербургѣ и даже имѣлъ случай оказать нѣкоторую услугу своему пансіонскому товарищу. Для Тургенева было особеннымъ счастіемъ, что онъ помѣщенъ былъ въ пансіонъ армянскаго института, а не въ одинъ изъ тѣхъ благородныхъ пансіоновъ, въ которыхъ „питомцы (по словамъ министерскаго циркуляра отъ 16 мая 1833 г.), получая за поверхностное энциклопедическое образованіе значи-

тельные чины, выходили оттолѣ прямо въ гражданскую службу, минуя университеты" (Сб. расп., I, 853). Но въ армянскомъ институтѣ Тургеневъ не оставался и трехъ мѣсяцевъ; 1-го ноября того же 1829 года онъ былъ взятъ изъ этого заведенія. Немного воспоминаній сохранилось у Тургенева о пансіонѣ Краузе; помнилъ онъ, что Краузе началъ учить его англійскому языку. Сильное впечатлѣніе на него произвелъ одинъ изъ гувернеровъ пансіона—русскій, который разсказывалъ ему на память всего „Юрія Милославскаго" (только-что появившагося въ печати), какъ говорится, „отъ доски до доски". Обыкновенно онъ сажалъ мальчика къ себѣ на колѣни, и тотъ съ особеннымъ увлеченіемъ вслушивался въ его разсказъ и почти отъ слова до слова въ состояніи былъ потомъ его повторить. По выходѣ изъ института Тургеневъ продолжалъ подготовляться къ университету домашними учителями; въ числѣ ихъ рядомъ съ тогдашними знаменитыми московскими педагогами Погорѣловымъ и Дубенскимъ находился и тотъ нѣмецъ, который очень плохо говорилъ по-русски, не могъ безъ слезъ читать Шиллера и вскорѣ оказался простымъ сѣдельникомъ, безъ всякой педагогической подготовки [9]. Это было первымъ знакомствомъ Тургенева съ нѣмецкою литературою. По всеобщей исторіи Тургенева готовилъ въ университетъ Иванъ Петровичъ Клюшниковъ. Онъ былъ еще студентомъ Московскаго университета. Иванъ Сергѣевичъ сохранилъ о немъ благодарное воспоминаніе. Клюшниковъ первый установилъ заочную, такъ сказать, нравственную связь Тургенева съ будущими товарищами послѣдняго, студентами Московскаго университета. Клюшниковъ одаренъ былъ замѣчательнымъ остроуміемъ; по свидѣтельству Анненкова, онъ былъ Мефистофелемъ небольшаго московскаго кружка. Клюшниковъ направлялъ свои эпиграммы на педантизмъ и низость побужденій. Онъ написалъ въ стихахъ „Обозрѣніе всемірной исторіи", въ которомъ, по увѣренію слышавшихъ, далъ полную волю своему остроумію. „Съ Кл. (писалъ Станкевичъ въ мартѣ 1835 года) мы читаемъ одинъ разъ въ недѣлю Шеллинга; это—пріемъ самый умѣренный. Мы хотимъ непремѣнно вполнѣ понять его, ясно увидѣть ту точку, до которой могъ дойти умъ человѣческій въ свою долговременную жизнь". Въ ноябрѣ Клюшниковъ

съ Станкевичемъ „принялись за Канта“. „Мы съ нимъ читали Шеллинга (пишетъ Станкевичъ Невѣрову) и если не поняли вполнѣ его хода, его діалектики, то постигнули основныя идеи, сущность системы. Чтобъ возвести свое горячее убѣжденіе на степень знанія, надобно хорошенько изучить основаніе, на которомъ утверждается новая нѣмецкая философія. Это основаніе системы Канта“ [10]. Такъ въ самомъ преддверіи университетской аудиторіи Тургенева встрѣтилъ студентъ, интересовавшійся новой нѣмецкой философіей. Впослѣдствіи Клюшниковъ печаталъ свои стихотворенія. Въ нихъ нерѣдко замѣчались „туманность и отвлеченность“ — слѣдъ философскихъ занятій; но въ нихъ ярко отражалась личность автора. Вотъ отзывъ о нихъ Бѣлинскаго: „Они отличаются чувствомъ скорбнымъ, страдальческимъ, болѣзненнымъ, какою-то однообразною оригинальностью, нерѣдко счастливыми оборотами постоянно господствующей въ нихъ идеи раскаянія и примиренія, иногда плѣнительными поэтическими образами. Знакомые съ состояніемъ духа, которое въ нихъ выражается, никогда не пройдутъ мимо ихъ безъ душевнаго участія“ [11].

Тургеневъ поступилъ въ Московскій университетъ въ сентябрѣ 1833 г. Тогда второй годъ дѣйствовали въ Московскомъ университетѣ новыя правила о вступительныхъ экзаменахъ. Въ началѣ текущаго столѣтія, вскорѣ послѣ введенія новаго университетскаго Устава (1804 г.), Московскій университетъ привлекалъ лишь немногихъ слушателей въ свои стѣны. Передъ началомъ 1805—6 академическаго года университетъ „обвѣстилъ почтенное Общество“ особымъ „провозглашеніемъ“ о предстоявшемъ пріемѣ въ студенты. Это провозглашеніе прекрасно характеризуетъ тогдашнее общественное положеніе университета. „Одаренъ Монаршими Его Импер. Величества щедротами и возвышенъ Августѣйшимъ покровительствомъ, Университетъ усерднѣйше приглашаетъ юношей всѣхъ состояній, желающихъ украсить разумъ свой многоразличными знаніями, удостоить оный вписаніемъ именъ своихъ въ число его слушателей. Университетъ торжественно обѣщаетъ особенное вниманіе и покровительство новымъ согражданамъ своимъ, творя ихъ причастниками всѣхъ правъ и преимуществъ, пожалованныхъ состоянію сему Всепре-

свѣтлѣйшимъ Государемъ нашимъ. По совершеніи трехлѣтняго курса наукъ, имѣютъ Господа студенты, по предъявленіи профессорскихъ свидѣтельствъ, вступить въ гражданскую службу Оберъ-офицерскимъ чиномъ, какъ воздаяніе похвальной прилежности и памятникъ трудовъ, въ Университетѣ положенныхъ". Въ студенты принимались всѣ тѣ изъ юношей, которые положили „*основаніе* домашними ученіями въ исторіи и географіи, въ ариѳметикѣ и геометріи, и къ знанію природнаго языка присоединили достаточное знаніе одного или двухъ употребительнѣйшихъ иностранныхъ". Завлекая студентовъ обѣщаніемъ оберъ-офицерскаго чина, университетъ старается въ то же время разсѣять предразсудокъ родителей, что въ университетѣ юноши могутъ развратиться. „Родители могутъ положиться на бдительность Университетскаго Правленія, что оно не попуститъ никакому худому примѣру имѣть дѣйствіе на безпорочность нравовъ, которую поселили они въ юныхъ сердцахъ дѣтей своихъ. Какъ профессоры во время преподаванія лекцій обратятъ все свое вниманіе на внушеніе благонравія, такъ наипаче ректоръ и безсмѣнный засѣдатель, особенный предстатель свободныхъ студентовъ, извѣститъ неукоснительно родителей о всемъ томъ, что̀ можетъ касаться до поведенія и обращенія дѣтей ихъ". Обвиняя Петербургскій университетъ (педагогическій институтъ) въ томъ, что его профессора „упражняются въ расколахъ и безвѣрьи", княгиня Тугоуховская была вѣрною выразительницею настроенія и воззрѣній, господствовавшихъ по отношенію къ университету въ аристократической средѣ. Московскому университету приходилось считаться съ этимъ воззрѣніемъ. Отчужденіе дворянства отъ гимназій и связанное съ нимъ предпочтеніе послѣднимъ частныхъ пансіоновъ и домашняго ученія, предубѣжденіе противъ университетовъ имѣли ближайшимъ послѣдствіемъ слабую подготовку студентовъ къ слушанію университетскихъ лекцій. Какъ ни ничтожны были требованія на курсовыхъ экзаменахъ, но болѣе половины курса нерѣдко оставалось на другой, даже на 3-й годъ и затѣмъ выходили изъ университета безъ диплома. Съ 1-го курса нравственно-политическаго отдѣленія, куда преимущественно поступали дѣти дворянъ, и которое числомъ студентовъ и слушателей въ 1833 г. превы-

шало даже медицинскій факультетъ (студ. 26, слуш. 10=36; на медиц. 16+6=22), изъ 26 студентовъ удостоено было перевода только 10. А условія перевода были для студентовъ самыя льготныя: въ среднемъ выводѣ изъ всѣхъ предметовъ требовалось не менѣе $2^1/_2$; 0—изъ нѣмецкаго и 1—изъ латинскаго не препятствовали переходу на 2-й курсъ. Изъ всѣхъ 21 студентовъ ни одинъ не получилъ 5, хотя бы по одному предмету; но не было недостатка въ отличившихся въ противоположномъ направленіи; одинъ студентъ, проэкзаменовавшись изъ 6 предметовъ, получилъ въ общей суммѣ отмѣтокъ скромную цифру 2, т.-е. четыре нуля и двѣ единицы; другой пошелъ еще далѣе: сумма отмѣтокъ изъ 7 предметовъ дала въ общей сложности 1 (т.-е. онъ получилъ 6 нулей и одну единицу).

Наконецъ, до свѣдѣнія государя доведено было, что въ университеты часто поступаютъ молодые люди студентами безъ надлежащихъ предварительныхъ познаній, отчего, „не въ состояніи будучи слѣдовать за чтеніемъ университетскихъ лекцій, вмѣсто пріобрѣтенія высшаго образованія теряютъ понапрасну время“. 9 ноября 1831 г. министру народнаго просвѣщенія Высочайше повелѣно было принять мѣры и строго наблюсти, чтобы впредь въ студенты университетовъ никто не былъ принимаемъ, не окончивъ въ гимназіяхъ полнаго курса положенныхъ наукъ и не получивъ одобрительнаго о томъ свидѣтельства; тѣхъ же, кои, обучась дома у родителей своихъ или въ частныхъ пансіонахъ, пожелаютъ вступить въ университетъ, подвергать строгому испытанію во всѣхъ предметахъ полнаго гимназическаго ученія и тогда только принимать въ студенты, когда окажутъ равныя познанія съ тѣми, кои съ успѣхомъ окончили ученіе въ гимназіяхъ [12].

Въ Московскомъ университетѣ въ первый разъ это Высочайшее повелѣніе примѣнено было къ вступительнымъ экзаменамъ въ 1832 году. Въ концѣ (27) мая 1833 г. министръ Уваровъ въ особенномъ циркулярѣ выразилъ желаніе, „чтобы при пріемѣ студентовъ въ университетъ была соблюдаема та же самая строгость, которая въ прошломъ году принесла столь много пользы Московскому университету“. Министръ выразилъ убѣжденіе при этомъ, что не число студентовъ, а уравнительное между ними

пріуготовленіе къ высшему образованію и стройное развитіе умственныхъ силъ обѣщаютъ полезныхъ гражданъ и хорошихъ учителей, и призналъ нужнымъ въ 1833 году еще болѣе ограничить пріемъ въ студенты, предписавши подвергать вступительнымъ экзаменамъ и гимназистовъ, хотя бы они имѣли аттестаты. Такимъ образомъ, въ 1833 году, когда Тургеневъ явился въ Московскій университетъ ко вступительнымъ экзаменамъ, строгость послѣднихъ была еще болѣе усилена, чѣмъ въ предшествовавшемъ году. Въ началѣ августа совѣтомъ составленъ былъ испытательный комитетъ, которому вмѣнено было въ обязанность „обращать особенное вниманіе на свѣдѣнія испытуемыхъ въ законѣ Божіемъ, русской словесности, латинскомъ языкѣ, одномъ изъ иностранныхъ новѣйшихъ, французскомъ или нѣмецкомъ, такъ, чтобы въ сихъ предметахъ испытаніе производилось прежде прочихъ, и не оказавшимъ въ ономъ достаточныхъ свѣдѣній не дозволялось уже дальнѣйшее продолженіе испытаній". Сверхъ того, для поступающихъ въ словесный факультетъ признано было необходимымъ полное одобреніе по обоимъ новѣйшимъ языкамъ. Отъ экзамена въ греческомъ языкѣ хотя не освобождены были поступавшіе на словесный факультетъ,—преподаваніе его не было еще введено въ гимназіи Московскаго учебнаго округа,—но принимались въ студенты и тѣ, которые оказывали въ немъ слабыя свѣдѣнія; для такихъ учреждалось при Московскомъ университетѣ временное преподаваніе—*началъ* греческаго языка". Программа вступительныхъ экзаменовъ какъ нельзя болѣе благопріятствовала Тургеневу; для словесниковъ центръ тяжести лежалъ въ двухъ новыхъ языкахъ; большинство экзаменовавшихся (17 изъ 31) получили неудовлетворительную отмѣтку именно изъ нѣмецкаго языка: въ большей части частныхъ пансіоновъ и въ домашнемъ воспитаніи почти исключительно обучали французскому языку. Тургеневъ былъ счастливымъ исключеніемъ изъ этого правила. Безъ основательнаго знанія нѣмецкаго языка Тургеневъ не могъ бы всецѣло раздѣлять стремленія своихъ молодыхъ сверстниковъ за границу,—стремленія, которое напоминало исканіе славянами начальниковъ у заморскихъ варяговъ; не могъ бы „броситься внизъ головою въ Нѣмецкое море, долженствовавшее

очистить и возродить его“ (X, 3). Грановскій очень плохо зналъ по-нѣмецки, когда печаталъ первыя свои произведенія въ „Библ. для Чтенія“. Когда ему предложено было отправиться за границу на казенный счетъ, чтобы впослѣдствіи занять каѳедру исторіи въ Московскомъ университетѣ, Грановскій понялъ, что съ его слабымъ знаніемъ нѣмецкаго языка ему нельзя было ѣхать въ Берлинъ, и бросился за совѣтомъ къ Я. М. Невѣрову, какъ заниматься. Одинъ изъ ближайшихъ друзей Станкевича, Невѣровъ, не только далъ ему этотъ совѣтъ, но и сталъ учить его нѣмецкому языку; въ этихъ занятіяхъ прошелъ конецъ 1835 и начало 1836 г. [13]. Станкевичъ недаромъ побуждалъ Бѣлинскаго учиться по-нѣмецки въ 1836 г. [14]. Изъ греческаго языка Тургенева не экзаменовали: началамъ этого предмета сталъ онъ обучаться въ Московскомъ университетѣ на томъ временномъ курсѣ, который тогда устроенъ былъ для греческаго языка. На строгихъ вступительныхъ экзаменахъ 1833 г. Тургеневъ не получилъ *ни одной* неудовлетворительной отмѣтки и принятъ былъ въ студенты Московскаго университета опредѣленіемъ совѣта отъ 20 сентября 1833 г. Насколько строги были экзамены, видно изъ того, что изъ 167 экзаменовавшихся на всѣ четыре факультета принято было только 25 человѣкъ. Самъ предсѣдатель испытательнаго комитета, ректоръ Болдыревъ, „принявъ въ уваженіе: 1) весьма малое число удостоиваемыхъ быть студентами, 2) отличныя способности нѣкоторыхъ, обнаружившіяся въ продолженіи испытанія, и 3) несовершившееся преобразованіе гимназій, предложилъ испытательному комитету довести до свѣдѣнія совѣта и о тѣхъ, которые оказались слабыми *по одному* изъ предметовъ, существенно необходимыхъ при производствѣ испытаній, и дозволить ихъ утвердить студентами“. Въ комитетѣ противъ этого ходатайства протестовалъ одинъ Давыдовъ. Въ совѣтѣ съ мнѣніемъ Давыдова согласились только пять профессоровъ. Значительнымъ большинствомъ голосовъ совѣтъ опредѣлилъ принять въ студенты еще 26 человѣкъ: изъ нихъ 16 имѣли неудовлетворительныя отмѣтки по латинскому и 5 по русскому языку и, слѣдовательно, по правиламъ не должны были допускаться къ продолженію экзаменовъ. Отвѣтственность за это распоряженіе, повидимому, принялъ на себя Болдыревъ.

При старыхъ порядкахъ, до изданія въ 1828 г. новаго гимназическаго устава и до реформы вступительныхъ въ университетѣ экзаменовъ 1832 г., Московскій университетъ чувствовалъ необходимость поднять знанія студентовъ, вышедшихъ изъ пансіоновъ или получившихъ домашнее воспитаніе, до уровня знаній гимназистовъ и потому учредилъ при нѣкоторыхъ факультетахъ „такъ называемые приготовительные курсы, въ коихъ преподаваніе по содержанію и объему не восходило за предѣлы гимназическаго ученія". Теперь эти курсы признаны были безполезными и несовмѣстными съ достоинствомъ университета, почему и отмѣнены совершенно [15]. Въ то же время совѣтъ учредилъ для вступающихъ вновь слушателей всѣхъ факультетовъ *общій предварительный курсъ*, состоящій изъ наукъ, коимъ необходимо должны учиться всѣ, желающіе быть полезными себѣ и отечеству, какой бы родъ жизни и какую бы службу ни избрали. Въ составъ этого общаго курса входили: чтеніе св. Писанія, русская словесность, всеобщая исторія, физика и языки латинскій, французскій и нѣмецкій. Съ этихъ поръ къ слушанію спеціальныхъ факультетскихъ лекцій допускались только тѣ, которые доказали на экзаменѣ свои успѣхи въ этихъ предметахъ.

Этотъ общеобразовательный курсъ и успѣлъ выслушать Тургеневъ въ Московскомъ университетѣ. Долгое время держался въ Московскомъ университетѣ этотъ общеобразовательный курсъ, такъ могущественно поддерживавшій въ студентахъ идеальныя стремленія, гуманныя начала и охранявшій ихъ отъ безсердечнаго и черствaго спеціализма. „Прежде выработай въ себѣ человѣка, которому не чуждо было бы ничто человѣческое, а потомъ вырабатывай ученаго спеціалиста",—думали наши идеалисты 30-хъ и 40-хъ годовъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ опущенъ былъ въ могилу прахъ Грановскаго, Тургеневъ писалъ въ „Современникѣ": „Время еще впереди, когда настанетъ для насъ потребность въ спеціалистахъ, въ ученыхъ; мы нуждаемся теперь въ безкорыстныхъ и неуклонныхъ служителяхъ науки, которые бы твердой рукою держали и высоко поднимали ея свѣточъ, которые, говоря намъ о добрѣ и нравственности, о человѣческомъ достоинствѣ и чести, собственною жизнью

подтверждали бы истину своихъ словъ“ (X, 475). Конечно, при тогдашнемъ составѣ студентовъ и профессоровъ этотъ общеобразовательный курсъ не могъ сразу достигнуть той высоты и того нравственнаго вліянія, котораго онъ достигъ впослѣдствіи, но для характеристики направленія преподаванія въ Московскомъ университетѣ важно было принципіальное признаніе необходимости такого обще-гуманитарнаго курса. Въ то время отъ профессора даже и не требовались спеціальныя занятія той наукой, которую онъ преподавалъ. Такъ, въ 1826 году Давыдовъ былъ профессоромъ философіи. Вступительная лекція его о возможности философіи, какъ науки, составленная по Шеллингу, повела къ закрытію каѳедры философіи и къ перемѣщенію Давыдова въ математическій факультетъ для преподаванія высшей алгебры; въ 1831 г. Давыдовъ возвращенъ былъ въ словесное отдѣленіе для преподаванія русской словесности; въ 1833/4 году Тургеневъ слушалъ курсъ Давыдова по исторіи русской словесности. Въ томъ же году Погодинъ читалъ на общемъ для всѣхъ факультетовъ курсѣ всеобщую исторію по Бёттигеру. Онъ впослѣдствіи перевелъ и издалъ учебникъ Бёттигера, очень краткій и сухой, въ родѣ нынѣшнихъ гимназическихъ учебниковъ. Кубаревъ объяснялъ XXI-ю книгу Ливія и II-ю книгу Энеиды; Оболенскій повторялъ со студентами греческую этимологію и синтаксисъ и объяснялъ отрывки изъ греческой хрестоматіи Каченовскаго. Всѣ эти чтенія не особенно поднимались надъ уровнемъ тогдашняго гимназическаго преподаванія. Коркуновъ преподавалъ вспомогательныя историческія науки: географію древнюю и новую, хронологію и нумизматику. Младшій профессоръ русской словесности „занималъ студентовъ практическими упражненіями въ россійскомъ языкѣ, приспособляя оныя къ правиламъ, коими руководствовались образцовые отечественные писатели, и, если позволяло время, показывалъ силу и богатство россійскаго языка“. „Корифеями словесности, проникшими до глубины отечественнаго языка“, профессоръ считалъ Ломоносова и Шишкова, образцами краснорѣчія—проповѣди, между прочимъ, Дмитрія Ростовскаго, Стефана Яворскаго и другихъ. Профессоръ рекомендовалъ студентамъ „руководствоваться правилами и примѣрами благомыслящихъ писа-

телей нашихъ"; рядъ этихъ благомыслящихъ писателей профессоръ оканчивалъ Карамзинымъ и Мерзляковымъ, имени Жуковскаго не стояло въ ряду образцовыхъ благомыслящихъ писателей: вѣроятно, Жуковскій исключенъ былъ изъ этого ряда съ тѣхъ поръ, какъ сталъ писать баллады, поднявшія противъ него гоненіе классика Мерзлякова. Профессоръ, о которомъ идетъ рѣчь, убѣжденъ былъ, что не чужеземные токмо писатели (французскіе?), но и отечественные вполнѣ удовлетворяютъ любопытству искателей просвѣщенія.

Съ ученіемъ старой славянофильской школы, преслѣдовавшей западника Карамзина, Тургеневъ познакомился впервые въ Московскомъ университетѣ. Профессоръ-славянофилъ и классикъ, рекомендовавшій своимъ слушателямъ избрать вождями своими Ломоносова и Хераскова, конечно, напоминалъ ему стараго камердинера матери, Василія Филипповича, хранившаго ключи отъ бакалейнаго шкафа и отъ библіотеки. Извѣстно, что Василій Филипповичъ первый заинтересовалъ ребенка-Тургенева произведеніями русской литературы: украдкой, гдѣ-нибудь въ саду или въ дальней комнатѣ, онъ читалъ ему „Россіаду" Хераскова. Читалъ онъ основательно, повторяя каждый стихъ, сначала „на-черно, скороговоркой, а потомъ на-бѣло", громогласно, съ необыкновенной восторженностью (I, XVI).

— „Эхъ барышня!— говорилъ Василій Филипповичъ воспитанницѣ матери Ивана Сергѣевича, — все-то вы французскую книжку читаете, ну что въ нихъ? Вотъ вы бы Хераскова почитали: книжка хорошая" [16].

Наставленія Василія Филипповича обновилъ въ памяти Тургенева профессоръ-классикъ, и нѣкоторыя черты того и другаго художественно сочетались въ Пунинѣ, который нерѣдко употреблялъ въ разговорѣ славянскія реченія и объяснялъ „барчуку": „Положимъ, въ обыкновенной бесѣдѣ подобныя реченія не всегда умѣстны, но какъ только воспаришь духомъ, такъ сейчасъ и слогъ является возвышенный. Неужто же вамъ учитель, преподаватель словесности россійской, неужто же онъ вамъ этого не объясняетъ?" (VIII, 45). Ломоносовской теоріи возвышеннаго стиля Тургеневъ не могъ, конечно, слышать отъ своего крѣпостнаго камердинера...

Московскіе студенты 30-хъ годовъ восторженно встрѣтили первыя произведенія Гоголя: „Московскіе студенты (разсказываетъ С. Т. Аксаковъ) всѣ пришли отъ него въ восхищеніе и *первые* распространили въ Москвѣ громкую молву о новомъ великомъ талантѣ“. Въ студенческомъ кружкѣ Станкевича культъ Гоголя установился прежде, чѣмъ стало извѣстно, кто скрывается подъ псевдонимомъ Рудый Панько. Станкевичъ приводилъ изъ „Вечеровъ“ отрывки на память. „Изъ Конька-Горбунка я читалъ одинъ небольшой отрывокъ: это, какъ говоритъ Рудый Панько, соръ не соръ, земля не земля, прости Господи! чортъ знаетъ, что̀ такое! плюнулъ да и руки вымылъ“ [17].

Съ нетерпѣніемъ ждалъ Станкевичъ присылки въ Москву „Ревизора“ и 1-й книги Пушкинскаго „Современника“. Въ этой книгѣ его интересовали пуще всего статьи Гоголя (стр. 175), а не произведенія Пушкина, ибо въ это время Станкевичъ убѣжденъ былъ, что поэтическій огонь въ душѣ Пушкина началъ угасать [18]. Изъ кружка Станкевича вышелъ критикъ, мощное и энергическое слово котораго поддержало автора въ глазахъ публики и ослабило вліяніе, произведенное многочисленными петербургскими его противниками. Бѣлинскій первый опредѣлилъ историческое значеніе Гоголя въ русской литературѣ. Авторъ „Ревизора“ хорошо понималъ это. „Съ гордостью понесу въ душѣ своей просвѣщенную признательность старой столицѣ изъ моей родины и сберегу ее какъ святыню въ чужой землѣ“ (V, 259). „Москва всегда была ко мнѣ благосклонна; Петербургъ былъ не за меня“. Въ черновыхъ наброскахъ статьи „О движеніи журнальной литературы“ Гоголь въ 1835 г. далъ такой отзывъ о Бѣлинскомъ: „Въ критикахъ Бѣлинскаго, помѣщающихся въ „Телескопѣ“, виденъ вкусъ, хотя еще не образовавшійся и молодой, но служащій порукою за будущее развитіе, потому что основанъ на чувствѣ и душевномъ убѣжденіи“. Понятно, какъ должны были московскіе студенты относиться къ лекціямъ профессора-славянофила!

Студенты, конечно, пропускали мимо ушей лекціи старика-славянофила и только незадолго до экзаменовъ зубрили разныя риторики. Передъ экзаменомъ изъ русской словесности Станкевичъ пишетъ одному изъ старшихъ своихъ товарищей: „Пришли

Могилевскаго риторику и Никольскаго; когда есть, то и Рижскаго. Пропасть глупостей надобно дѣлать сегодня. За чужими я и своей отпустить не успѣю ни одной. Сегодня я рѣшительно подъ вліяніемъ обстоятельствъ“ [19]. Повидимому, Тургеневъ мало занимался „правилами“ профессора-славянофила; изъ предметовъ, которые имъ преподавались, онъ получилъ при переходѣ на второй курсъ только 3. Ту же отмѣтку получилъ онъ изъ закона Божія, греческаго и латинскаго языка. Изъ остальныхъ шести предметовъ Тургеневъ получилъ по 4; въ общей суммѣ—36; выше его по успѣхамъ, оказаннымъ на переходныхъ въ слѣдующій курсъ испытаніяхъ, были только два студента: одинъ имѣлъ въ общемъ итогѣ 38, другой—37. Изъ 13 студентовъ и слушателей тогдашняго курса переведены были на второй курсъ только 6.

Интересъ къ нѣмецкой философіи, одушевлявшій студентовъ Московскаго университета съ самаго конца 20-хъ годовъ, находилъ себѣ удовлетвореніе и поддержку и съ профессорскихъ каѳедръ, хотя философія оффиціально и не преподавалась. Въ общеобразовательномъ курсѣ для первогодичныхъ студентовъ, который прослушанъ былъ въ Москвѣ Тургеневымъ, читалась проф. Павловымъ физика [20]. „Горячій поклонникъ философіи Шеллинга и Окена, онъ излагалъ ихъ ученіе съ такою пластическою ясностью, какой никогда не достигалъ ни одинъ натуръ-философъ, и такимъ образомъ возбуждалъ въ своихъ слушателяхъ охоту къ серьезному умственному труду“ (I, XVIII). На его лекціяхъ студентамъ часто трудно было найти себѣ мѣсто. Его публичные курсы, построенные на тѣхъ же началахъ, привлекали постоянно массу слушателей даже изъ высшаго московскаго общества, въ которомъ пробужденъ былъ интересъ къ нѣмецкой философіи. Особенно могущественно дѣйствовалъ Павловъ на развитіе студентовъ въ математическомъ отдѣленіи, потому что онъ преподавалъ тамъ не только общій курсъ физики, но и спеціальные курсы. Изъ его аудиторіи въ 1832 г. вышелъ кандидатомъ Александръ Герценъ. Московская студенческая среда, въ которой вращался Тургеневъ, не могла не имѣть вліянія на развитіе его вкусовъ, на направленіе его университетскихъ занятій, особенно домашнихъ. Старшими товарищами Тургенева между

студентами Московскаго университета были, между прочими, Н. В. Станкевичъ, Василій Красовъ, Александръ Ефремовъ, между слушателями—И. А. Гончаровъ; они были на послѣднемъ (т.-е. на 3-мъ) курсѣ, когда Тургеневъ былъ студентомъ „первогодичнымъ“. Въ іюнѣ 1834 г., когда Тургеневъ переведенъ былъ на 2-й курсъ, студенты Станкевичъ, Красовъ и Ефремовъ выпущены были изъ университета со степенью кандидата, слушатель Гончаровъ—дѣйствительнымъ студентомъ. Мы не имѣемъ указаній на то, чтобы Тургеневъ сблизился или только познакомился со Станкевичемъ еще въ пору своего студенчества: первогодичные студенты слушали лекціи совершенно отдѣльно отъ студентовъ двухъ высшихъ курсовъ; но лучшіе представители университетскихъ слушателей одушевлены были одними и тѣми же стремленіями, которыя впослѣдствіи нашли себѣ полное выраженіе въ кружкѣ Станкевича. Это были искренніе романтики, крайніе идеалисты.

Гончаровъ, не принадлежавшій къ студенческому кружку Станкевича, потерявшій изъ виду своихъ товарищей-словесниковъ, былъ въ 30-хъ годахъ сантиментальнымъ романтикомъ и въ младшемъ Адуевѣ выразилъ „всю праздную, мечтательную и аффектаціонную сторону старыхъ нравовъ съ обычными порывами юности къ высокому, великому, изящному, къ эффектамъ, съ жаждою высказать это въ трескучей прозѣ, всего болѣе въ стихахъ“. Въ Адуевѣ-дядѣ выразилась практическая мудрость, служебная дѣятельность, доставившая ему прочное положеніе и положительныя блага. Идеалистическое направленіе господствовало среди московскихъ словесниковъ въ 30-хъ годахъ. Станкевичъ не разъ называлъ Москву мечтательной, Петербургъ—практическимъ. А Гоголь въ то же время писалъ: „Московскіе журналы говорятъ о Кантѣ, Шеллингѣ и пр.; въ петербургскихъ журналахъ говорятъ только о публикѣ и благонамѣренности. Въ Москвѣ журналы идутъ наравнѣ съ вѣкомъ, но опаздываютъ книжкой; въ Петербургѣ журналы не идутъ наравнѣ съ вѣкомъ, но выходятъ аккуратно въ положенное время“.

При самомъ концѣ университетскаго курса „общество, въ которомъ Станкевичъ бесѣдовалъ еще о старыхъ предметахъ, согрѣвающихъ душу“, ограничивалось Бѣлинскимъ и Красовымъ:

„эти люди способны вспыхнуть, прослезиться отъ всякой прекрасной мысли, отъ всякаго благороднаго подвига“ [21]. Красовъ былъ поэтъ; его лирическія произведенія (по отзыву Бѣлинскаго) часто отличались пламеннымъ, хотя и не глубокимъ чувствомъ, а иногда и художественной формою [22]. Клюшниковъ читалъ съ Станкевичемъ Шеллинга и Канта, Красовъ—стихи Козлова. Красову отдавалъ Станкевичъ на судъ свои стихотворенія [23]. Незадолго до выпускныхъ экзаменовъ, въ ночь передъ Свѣтлой заутреней, Станкевичъ съ Красовымъ не ложились; сначала читали Шиллера; Станкевичъ вспоминалъ ему первую любовь свою, пришелъ Бѣлинскій и увлекъ ихъ въ Кремль [24]. Въ одной изъ своихъ повѣстей („Несчастная“) Тургеневъ вывелъ Станкевича въ лицѣ „студента-поэта“. „Во время моего пребыванія въ Москвѣ въ одномъ обществѣ при мнѣ упомянули о Сусаннѣ и самымъ невыгоднымъ, самымъ оскорбительнымъ образомъ. Я всячески постарался заступиться за память несчастной дѣвушки; но мои доводы не произвели большаго впечатлѣнія на моихъ слушателей. Одного изъ нихъ, молодаго студента-поэта, я однако поколебалъ. Онъ прислалъ мнѣ на другой день стихотвореніе, которое я позабылъ, но которое оканчивалось слѣдующими четырьмя стихами:

Но и надъ брошенной могилой
Не смолкнулъ голосъ клеветы...
Она тревожитъ призракъ милый
И жжетъ надгробные цвѣты!“

Эти четыре строки представляютъ буквальную выписку изъ написаннаго въ 1833 г. стихотворенія Станкевича „На могилѣ Эмиліи“ [25],—стихотворенія, въ которомъ студентъ-поэтъ оплакалъ „кроткій геній, смущенный земными тревогами и отлетѣвшій отъ людей“ [26]. Съ неподдѣльнымъ страхомъ смотрѣли молодые идеалисты на практическую жизнь, которая должна была начаться за порогомъ университетскихъ аудиторій. Въ 1832 году, провожая одного молодаго кандидата въ Петербургъ на скользкое, колкое и бурное поприще жизни, Станкевичъ напутствовалъ его слѣдующими стихами Шиллера:

Твердость духа—въ день терпѣнья!
Помощь скорая—слезамъ!
Клятвамъ—вѣчность, лжи—презрѣнье,
Правда—ближнимъ и врагамъ!
Все—противу сильныхъ права,
Достояніе и кровь,
Гибель—злу, заслугѣ—слава,
Къ человѣчеству—любовь!

Въ половинѣ 1834 г. Тургеневъ выбылъ изъ кружка московскихъ идеалистовъ: въ 1834 г. семья Тургенева переселилась въ Петербургъ, Ивану Сергѣевичу пришлось перейти въ Петербургскій университетъ.

„Мнѣ всего было тогда 16 лѣтъ. Я былъ просто мальчикъ, чуть не дитя. Ненависть къ крѣпостному праву уже тогда жила во мнѣ".

Лѣтомъ 1838 года Тургеневъ встрѣтился въ Эмсѣ съ Я. М. Невѣровымъ [27], который соединенъ былъ со Станкевичемъ еще въ бытность свою въ Московскомъ университетѣ узами самой тѣсной и нѣжнѣйшей дружбы и питалъ къ нему самую восторженную и благоговѣйную привязанность [28]. Гораздо ранѣе 1838 г. тотъ же Невѣровъ познакомилъ со Станкевичемъ и Грановскаго, и вотъ въ этомъ-то кружкѣ, подъ преобладающимъ вліяніемъ Станкевича, воспиталось большинство тѣхъ, которыхъ теперь называютъ людьми сороковыхъ годовъ: Невѣровъ, самъ Станкевичъ, Бѣлинскій, Тургеневъ, Грановскій. Къ этому кружку примкнулъ и старый московскій идеалистъ Герценъ. Эти „люди сороковыхъ годовъ", кромѣ Грановскаго, учились въ 30-хъ годахъ въ Московскомъ университетѣ.

Пусть въ Московскомъ университетѣ Тургеневъ могъ набраться только приготовительныхъ свѣдѣній для знакомства съ наукой; но здѣсь, въ этой средѣ, сердце Тургенева впервые потрясено было благородною радостью великихъ ощущеній.

„Въ Москвѣ мнѣ отраднѣе, нежели гдѣ-нибудь (писалъ Станкевичъ Невѣрову); здѣсь стѣны, въ которыхъ я въ первый разъ сталъ дышать новою жизнью; здѣсь люди, съ которыми подѣлился въ первый разъ идеями" [29]. И то же можно сказать о Тургеневѣ...

ПРИМѢЧАНІЯ.

О ЛИТЕРАТУРНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ЛОМОНОСОВА.

Статья эта была напечатана въ сборникѣ „Празднованіе столѣтней годовщины Ломоносова 4-го апрѣля 1765—1865 г. Императорскимъ Московскимъ университетомъ въ торжественномъ собраніи апрѣля 11-го дня“ (М., 1865 г.). Статья Тихонравова занимаетъ стр. 75 — 88. Кромѣ нея, въ сборникѣ помѣщены: „Рѣчь на поминовеніе М. В. Ломоносова“ Н. А. Сергіевскаго; „Очеркъ состоянія Россіи въ эпоху дѣятельности Ломоносова“ С. М. Соловьева; „Ломоносовъ какъ минералогъ и геологъ“ Г. Е. Щуровскаго; „Ломоносовъ какъ химикъ“ Н. Э. Лясковскаго; „Ломоносовъ какъ грамматикъ“ Ѳ. И. Буслаева; „Ломоносовъ какъ профессоръ-академикъ“ О. М. Бодянскаго.

Другія статьи Тихонравова о Ломоносовѣ см. во 2-й части III тома. *Ред.*

1. *(стр. 5).* Матеріалы для біографіи Ломоносова, собр. Билярскимъ, стр. 222.

2. *(стр. 9).* Я. К. Грота, Письма Ломоносова и Сумарокова къ И. И. Шувалову, стр. 41.

3. *(стр. 9).* Тамъ же, стр. 40.

КЪ ИСТОРІИ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Подъ этимъ общимъ заглавіемъ соединены біографіи четырехъ профессоровъ, написанныя Тихонравовымъ для „Біографическаго словаря профессоровъ и преподавателей Императорскаго Московскаго университета, 1755—1855“ (М.. 1855 г.). Собственно съ именемъ „Канд. Тихонравова“ здѣсь напечатаны три біографіи—Баузе, Буле и Шварца; но Тихонравову принадлежитъ также и біографія Шадена, какъ это доказывается найденною въ его бумагахъ подлинною рукописью (неполною). Изъ переписки Шевырева съ Тихонравовымъ (въ статьѣ А. Н. Пыпина) видно, что Тихонравовъ взялся написать біографію Шадена. Почему при этой біографіи въ Словарѣ вмѣсто имени Тихонравова помѣчено: „Извлечена частію изъ исторіи И. М. У.“—неизвѣстно. Подробности о подлинной рукописи біографіи Шадена указываются ниже. *Ред.*

I. ПРОФЕССОРЪ Ѳ. Г. БАУЗЕ.

Біографія эта напечатана въ I томѣ „Словаря“, стр. 68—89. *Ред.*

1. *(стр. 11).* Словарь митрополита Евгенія, М., 1845, т. I, стр. 29. Энциклопедическій лексиконъ, т. V, стр. 98.

2. *(стр. 11).* Oratio de Jurisprudentia etc., pag. 10.

3. *(стр. 11).* Покойный Тимковскій замѣтилъ въ своемъ „Памятникѣ И. И. Шувалову“, что Баузе „вызванъ былъ изъ Іены въ С.-Петербургское, при лютеранской Петропавловской церкви, училище, которое тогда процвѣтало“ (Москвитянинъ, 1851 г., часть III, стр. 21); но справедливость этого извѣстія сомнительна. Баузе *не тотчасъ по пріѣздѣ въ Россію* поступилъ въ Петровское училище; изъ словъ формулярнаго его списка можно также вывести заключеніе, противоположное словамъ Тимковскаго.

4. *(стр. 13).* Gelehrte Abhandlungen und Nachrichten aus und von Russland, herausg. von Büsching, 1764, I B., 1 St., pag. 125—131.

5. *(стр. 13).* Göbel, Nachricht von der Schule der Sprachen, Künste und Wissenschaften bey der hiesigen St.-Peters-Kirche. (St.-Petersburg, 1765), p. 4—15.

6. *(стр. 13).* Изъ бумагъ архива Св. Петровскаго Училища. Сообщено Др. Ф. Ф. Лоренцомъ.

7. *(стр. 14).* Извѣстіе о Петровскомъ Училищѣ, № V (С.-Петербургъ, 1782, въ 4 д.), стр. 1.

8. *(стр. 15).* Продолженіе Трудовъ Вольнаго Экономическаго Общества къ поощренію въ Россіи земледѣлія и домостроительства. Часть III. Въ С.-Петербургѣ, 1783.

9. *(стр. 16).* Извѣстіе о Петровскомъ Училищѣ, № V, стр. 4—8.

10. *(стр. 16).* Тамъ же, стр. 4.

11. *(стр. 17).* Oratio de Jurisprudentia etc., p. 9.

12. *(стр. 17).* Тамъ же, стр. 9.

13. *(стр. 18).* Rede bey Niederlegung seines Amts, als Oberlehrer und Inspector der St.-Petersschule, in einer feyerlichen Versammlung E. Hochl. Schulkonvents und gesammter Lehrer und Schüler, am 11-ten April 1782 gehalten von Theodor Bause, berufenem Professor der Universität zu Moskau. St.-Petersburg, 1782 (въ 4-ку, 8 стр.), p. 3—4.

14. *(стр. 18).* Тамъ же, стр. 4, 7.

15. *(стр. 18).* Dem Andenken meiner Freundin, der Demoiselle Maria Helena Preusser, am Tage Ihrer Beerdigung, den 28 April 1782. St.-Petersburg, gedruckt bey I. I. Weitbrecht (въ 8 д., въ 2 стр.). Въ томъ же году перепеч. въ Ревелѣ (gedruckt mit Lindforsschen Schriften).

16. *(стр. 19).* См. Московскія Вѣдомости, 1782, № 96, стр. 761—762. Oratio de jurisprudentia ejusque docendae et discendae ratione professionis juridicae in Universitate litteraria Mosquensi adeundae caussa dicta D. XXV. Nov. A. C. CIↃIↃCCLXXXII a Theodoro Bause. *Societatis Oeconomicae Petropolitanae nec non Latinae Ienensis Sodali.* Напечатана вмѣстѣ съ другими рѣчами, тогда же произнесенными.

17. *(стр. 21).* Періодическое сочиненіе о успѣхахъ народн. просв., № XXX, стр. 7.

18. *(стр. 22).* На бракосочетаніе его написаны двѣ оды: одна Рихтеромъ, отцомъ его первой жены (Väterlicher Wunsch bey der ehelichen Verbindung Seiner ältesten Tochter Gertrude Catharina Richter, verwitweten Kalkau, mit dem Herrn Professorn Theodor Bause. Moskwa, den 29 September 1792 (въ 4-ку, 4 стр.); другая сочинена какими-то пріятелями его (An Herrn Professor Bause bey seiner Verbindung mit Madame Kalkau, geb. Richter, von zween Freunden R. und R. Moskwa, den 29 Sept. 1792).

19. *(стр. 22).* Онъ самъ говоритъ: Etsi semper, quotiescunque publice verba facerem, id non sine omni timore, qua est naturae *meae imbecillitas*, facere potui etc. См. Oratio in auspiciis imperii suscepti a Catharina II, p. 3.

20. *(стр. 22).* Извѣстіе о древностяхъ славяно-русскихъ и объ Игнатіѣ Ѳерапонтовичѣ Ѳерапонтовѣ, первомъ собирателѣ оныхъ (М., 1811 г.).

21. *(стр. 22).* Страсть Баузе къ древностямъ русскимъ, конечно, не мало имѣла вліянія на Калайдовича, слушавшаго лекціи во время его профессорства.

22. *(стр. 23).* Извѣстіе, стр. 14 — 17. Ср. Вѣстникъ Европы, 1811 г., № 1, стр. 58—59.

23. *(стр. 23).* О другихъ рукописяхъ собранія Баузе см. Всеобщая Библіотека Россіи, Прибавл. II, стр. 443 — 444. Ср. также Кеппена: Библіографическіе листы, II, стр. 80, 83, 223.

24. *(стр. 23).* Москвитянинъ, 1851 г., часть III, стр. 27.

25. *(стр. 23).* Oratio de Russia ante hoc saeculum non prorsus inculta, nec parum adeo de litteris earumque studiis merita. In anniversariis solennibus imperii suscepti a Catharina II ab Universitate Mosquensi rite ac pie celebratis. D. XXX. Jun. A. MDCCXCVI (въ 4-ку, 45 стр.).

26. *(стр. 24).* Мы пользовались четырьмя нѣмецкими письмами Баузе къ М. Н. Муравьеву, находящимися въ бумагахъ послѣдняго, которыя принадлежали М. П. Погодину.

27. *(стр. 25).* Тамъ же, стр. 13. Замѣчательно, что періоды, постановленные Баузе для исторіи русскаго *просвѣщенія*, Н. И. Гречъ приложилъ къ исторіи русской *литературы*. (Опытъ краткой исторіи русской литературы, 1822. С.-Петербургъ, стр. 7).

28. *(стр. 25).* Orátio de Russia etc., стр. 23.

29. *(стр. 25).* Oratio in auspiciis imperii suscepti a Catharina II, p. 10.

30. *(стр. 26).* Другъ Просвѣщенія, 1805, № 6, стр. 217.

31. *(стр. 27).* Періодическое сочиненіе о успѣхахъ народнаго просвѣщенія, № XXIII, стр. 259.

32. *(стр. 27).* Тамъ же, № XIII, стр. 73.

33. *(стр. 27).* Тамъ же, стр. 83.

34. *(стр. 27).* Тамъ же, № XIX, стр. 136.

35. *(стр. 27).* Письмо относится къ 1806 году 15-го февраля.

36. *(стр. 28).* Полное Собр. Зак. Р. И., т. XXVII, № 20,187.

37. *(стр. 28).* Москвитянинъ, 1851 г., часть III, стр. 27.

38. *(стр. 28).* Період. сочин. о успѣхахъ народн. просв., № XXX, стр. 7—9.

II. ПРОФЕССОРЪ І. Ѳ. БУЛЕ.

Біографія напечатана въ I томѣ „Словаря", стр. 112—128. *Ред.*

1. *(стр. 29).* Meusel, Das gelehrte Teutschland. Bd. IX, p. 167.

2. *(стр. 29).* Braunschweigische Gelehrte Beyträge, 1782.

3. *(стр. 30).* Pütter, Versuch einer Academischen Gelehrten-Geschichte von der Georg-Augustus-Universität zu Göttingen; zweyter Theil, p. 273—279.

4. *(стр. 30).* Calendarium Palaestinae oeconomicum, p. III—IV.

5. *(стр. 31).* Pütter, Versuch etc., II, p. 194.

6. *(стр. 31).* См. Ad audiendam orationem professionis philosophiae extraordinariae in Academia Georgia Augusta adeundae causa in A. D. XXVIII. April. CIↃIↃCCLXXXVII recitandam observantissime invitat M. Ioannes Gottlieb Buhle etc. Disputantur nonnula de fabula Satyrica Graecorum (Gottingae). pag. 16.

7. *(стр. 31).* Pütter, Versuch etc., pag. 19.

8. *(стр. 31).* Bemerkungen über den historischen Gebrauch der Quellen zur ältesten Geschichte der Cultur bei den Celtischen und Skandinawischen Völkern. Als Einladungsschrift von I. G. Buhle (Göttingen, 1788), p. 34.

9. *(стр. 32).* Humanistisches Magazin zur gemeinnützlichen Unterhaltung etc., I, p. 13—14.

10. *(стр. 32).* Humanistisches Magazin, Ostern 1787, p. 114—142.

11. *(стр. 32).* Magazin zur Erfahrungsseelenkünde. Sechsten Bandes zweites Stück, p. 25—49.

12. *(стр. 33).* См. статью Буле—Ueber die Aechtheit der Metaphysik des Aristoteles въ Bibliothek der alten Litteratur und Kunst. Viertes Stück (1788. Göttingen), pag. 2—3.

13. *(стр. 33).* Ueber die Ordnung und Folge der Aristotelischen Schriften überhaupt, тамъ же, zehntes Stück, p. 41—42 и слѣдд.

14. *(стр. 34).* Societatis Regiae Scientiarum Gottingensis Commentationes Tom. XI. Classis Hist. et Philolog., p. 216—217.

15. *(стр. 34).* Въ томъ же изданіи помѣщены слѣдующія сочиненія Буле: 1) Commentatio de philosophorum Graecorum ante Aristotelem in arte logica invenienda et perficienda conaminibus (Vol. XI); 2) Commentatio de fontibus, unde Albertus Magnus libris suis XXV de animalibus materiem hauserit (Vol. XII); 3) Commentatio de ortu et progressu pantheismi inde a Xenophane Colophonio primo ejus auctore, usque ad Spinozam (Vol. X). Въ 1794 году Буле издалъ для школъ „Аристотелеву Піитику".

16. *(стр. 36).* An Herrn Professor Hugo. Vom Professor Buhle. Göttingen, 1798 (въ 8 д., стр. 38).

17. *(стр. 36).* Неизданныя Записки Муравьева, касающіяся Московскаго Университета.

18. *(стр. 36).* Сѣверный Вѣстникъ, 1804, № 6, стр. 374—377.

19. *(стр. 36).* Gedächtnissrede auf Heinrich Moritz Grellmann, gehalten von I. G. Buhle, übersetzt von Grellmann (Moskau, 1805), p. 11.

20. *(стр. 37).* Подлинникъ этого и другихъ, ниже приведенныхъ, писемъ Буле находится въ бумагахъ Муравьева. (См. біографію Баузе, примѣч. 26)

21. *(стр. 38).* Періодическое сочиненіе о успѣхахъ народнаго просвѣщенія, № XXIII, 1809, стр. 259.

22. *(стр. 38).* Тамъ же, № XXII, стр. 189.

23. *(стр. 38).* Переведено на русскій языкъ Волковымъ и напечатано въ томъ же году.

24. *(стр. 39).* Въ письмѣ отъ 3-го мая 1805 г.

25. *(стр. 39).* Журналъ изящныхъ искусствъ, издаваемый на 1807 годъ И. Θеоф. Буле. Часть I, стр. 19.

26. *(стр. 40).* Московскія Ученыя Вѣдомости, 1805, стр. 416.

III. ПРОФЕССОРЪ І. М. ШАДЕНЪ.

Выше уже было указано, что біографія Шадена, помѣщенная въ „Словарѣ" (т. II, стр. 558—574) безъ обозначенія автора, найдена въ бумагахъ Тихонравова въ собственноручномъ его оригиналѣ, бывшемъ въ типографіи. Къ сожалѣнію, рукопись сохранилась далеко не вся: имѣются только пять разрозненныхъ листовъ изъ разныхъ мѣстъ біографіи. Сохранившіеся листки даютъ возможность сдѣлать въ текстѣ въ двухъ мѣстахъ незначительныя поправки и прибавить болѣе подробный перечень университетскихъ курсовъ Шадена, выпущенный Шевыревымъ при печатаніи (см. примѣч. 16 къ стр. 52). *Ред.*

1. *(стр. 44).* Прибавленіе къ Московск. Вѣд. 1756 г., № 20, стр. 2—3.

2. *(стр. 44).* Oratio de eo, quod justum est in jure principis circa educationem civium etc., p. 25. Вообще о профессорахъ, которыхъ слушалъ Шаденъ, ср. ту же рѣчь, стран. 20, и Beschreibung des dritten Jubelfestes der Herzoglich Würtembergischen Eberhard Carls Universität zu Tübingen, стр. 157—168.

3. *(стр. 45).* Московск. Вѣд., 1756 г., № 14.

4. *(стр. 46).* Московск. Вѣд., 1758 г., № 56.

5. *(стр. 46).* Судя по этимъ словамъ, Шаденъ при своемъ гимназическомъ преподаваніи руководствовался тою же книгою: „Akademisches Leben", которую употреблялъ въ гимназіи Академіи наукъ при преподаваніи краснорѣчія Я. Штелинъ. Экземпляръ этой книги съ дополненіями Штелина находится въ Императорской Публичной библіотекѣ.

6. *(стр. 46).* Съ просьбою о доставленіи этихъ книгъ ходилъ Шаденъ въ Конференцію въ октябрѣ 1767 г.

7. *(стр. 47).* Труды Любителей Россійской Словесности. М., 1804.

8. *(стр. 47).* Рукописный экземпляръ его имѣетъ слѣдующее заглавіе: Introductio in rhetoricam et oratoriam cum primis ad linguam Latinam accomodata, tradita in illustri gymnasio Universitatis Caesareae Mosquensis a praenobilissimo ac doctissimo domino Iohanne Matthia Schaden etc. Mense Augusto A. C. R. MDCCLXIX; писано съ ошибками противъ орѳографіи и смысла.

9. *(стр. 47).* Vossii rhetorices contractae, sive partitionum oratoriarum libri quinque (изданіе Лейпц. 1742 г.).

10. *(стр. 48).* Термины для перевода беремъ изъ риторики Ломоносова.

11. *(стр. 49).* Пріятное и полезное препровожденіе времени (М. 1797). Ч. XVI, стр. 31—32.

12. *(стр. 50).* Переведены и изданы на русскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: „Г. Ф. Геллерта нравоученіе съ Нѣм. на Русс. яз. переведено Михайломъ Протопоповымъ" (М. 1775—1777, 2 ч.).

13. *(стр. 50).* Сочиненія Карамзина, II, 120.

14. *(стр. 51).* Слова И. Ѳ. Тимковскаго.

15. *(стр. 52).* Dichtung und Wahrheit, II, 6.

16. *(стр. 52).* [Изъ сохранившихся листовъ оригинала видно, что слѣдующія затѣмъ фразы вставлены редакторомъ Словаря взамѣнъ довольно длиннаго мѣста рукописи. Вотъ это мѣсто:]

„Въ $177^{2}/_{3}$ г. онъ преподавалъ по руководству Винклера философію практическую въ обыкновенные дни (т. е. въ понедѣльникъ, вторникъ, четвергъ и пятницу) отъ 2 до 4 часовъ; въ $177^{3}/_{4}$ г. „обыкновенные дни отъ 2 до 4 часовъ употребилъ на истолкованіе двухъ книгъ Самуила Пуффендорфа о должности *человѣка и гражданина*, исчерпая изъ оныхъ положенія и объясняя ихъ примѣчаніями". Въ слѣдующемъ академическомъ году Шаденъ продолжалъ объясненіе Пуффендорфа; въ $177^{5}/_{6}$ г. онъ сперва окончилъ это объясненіе, а потомъ читалъ Народное Право по Ваттелю и Политику по Бильфельду, продолжая изложеніе этихъ предметовъ въ слѣдующемъ году. Объявленіе о лекціяхъ въ университетѣ на $1777/_{8}$ г. говоритъ, что „Шаденъ въ обыкновенные дни отъ 9 до 11 часовъ по утру Политику, на основаніи барона Билефельда, которую прошлаго года за болѣзнію своею окончить не могъ, въ

нынѣшнее годичное наукъ теченіе окончитъ и присовокупитъ къ тому правила *приватнаго благоразумія или Экономіи*". Въ $177^{9}/_{80}$ г. Шаденъ, по окончаніи введенія въ дѣятельную философію и въ исторію всѣхъ нравственныхъ наукъ, по Эрнестовой книгѣ, именуемой „Начала основательнѣйшаго ученія", въ обыкновенные дни и часы обучалъ Праву Естественному и Народному, слѣдуя большею частью Ахенваллю. Въ слѣдующемъ году, окончивъ чтеніе Права Естественнаго и Народнаго, онъ читалъ Политику (8 часовъ въ недѣлю). Въ $178^{1}/_{2}$ г. сперва оканчивалъ Политику, большею частію по Ахенваллю, потомъ читалъ правила приватнаго благоразумія; тѣ же предметы продолжалъ въ слѣдующемъ академическомъ году. Въ $178^{4}/_{5}$ г. онъ преподавалъ Право Естественное и Народное; въ $178^{5}/_{6}$ г. Право Общественное и Всеобщее государственное, по Ахенваллю. Въ $178^{7}/_{8}$ г. Шаденъ преподавалъ *нравственныхъ наукъ Энциклопедію*, при чемъ особливо занимался изъясненіемъ *началъ нравственности* или практической всеобщей философіи, науки о добродѣтеляхъ, или этики, и правилъ благоразумія людей приватныхъ, большею частью по руководству славнаго Федера; въ $178^{8}/_{9}$ г. продолжалъ толкованіе тѣхъ же предметовъ; „по окончаніи же сего *по собственнымъ своимъ положеніямъ*, приступилъ къ преподаванію правилъ всякаго законодательства, или Естественнаго и Народнаго права, сравнивая оныя по мѣстамъ съ правомъ Россійскимъ"; тѣ же самые предметы оканчивалъ онъ въ слѣдующемъ акад. году Въ $179^{1}/_{2}$ г. Шаденъ по окончаніи Естественнаго Права въ тѣсномъ смыслѣ взятаго, какъ совершеннаго (absoluto), такъ и положительнаго (hypothetico), равно и общественнаго, преподавалъ Всеобщее право публичное и приватное, къ чему присовокуплялъ наставленія Народнаго Права, объясняя все примѣрами, почерпнутыми изъ законодательства, какъ другихъ народовъ, *такъ и особливо Россійскаго*. Въ объявленіи на $179^{2}/_{3}$ г. сказано, что Шаденъ, „по окончаніи *всеобщаго права публичнаго, права народнаго и права приватнаго* или *гражданскаго всеобщаго*, и сего послѣдняго особенно слѣдуя постановленіямъ Гуфеландія, начнетъ преподавать Политику или науку о правленіи государства. Во всемъ же оныхъ Правъ и политики ученія станетъ стараться объяснять каждое правило примѣрами, почерпнутыми изъ права публичнаго и народнаго положительнаго и законоположенія политическаго, равно и гражданскаго, какъ у другихъ народовъ, такъ и особенно Имперіи Всероссійской. Въ $179^{3}/_{4}$ г., по окончаніи всѣхъ частей все"...

[На этомъ обрывается листъ].

IV. ПРОФЕССОРЪ И. Г. ШВАРЦЪ.

Біографія проф. Шварца въ „Словарѣ" занимаетъ стр. 574 — 599 II тома Автобіографія Шварца, на нѣмецкомъ языкѣ, легшая въ основу статьи Тихонравова, была позднѣе напечатана имъ въ его „Лѣтописяхъ русской литературы". 1863 г., т. V, о. II, стр. 96—110. *Ред.*

1. *(стр. 60).* Предлагаемая біографія почти вся основана по собственноручной запискѣ Шварца, доставленной редактору Словаря С. Н. Арсеньевымъ. Нѣкоторыя мѣста этой записки цѣликомъ переведены и внесены въ

біографію, съ перемѣною перваго лица на третье: они отмѣчены вносными знаками.

2. *(стр. 62).* Она напечатана на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ въ его книгѣ „Начертаніе первыхъ основаній Нѣмецкаго слога при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ".

3. *(стр. 63).* Для доказательства приведемъ слѣдующее мѣсто изъ книги Плюша: „Les bons maîtres en concluront, que c'est pour eux une nécessité mais une nécessité très agréable et exempte de tout inconvénient, de commencer et de continuer l'étude d'une langue par l'attention de bien faire connoitre d'abord les objets dont on doit parler en cette langue. et par le continuel usage de traduire les Auteurs qui la parlent bien: jamais par des compositions qui égarent, jamais par cet attirail de règles qui n'opèrent par provision que la contrainte et la barbarie, au grand préjudice de l'oreille, de la langue, du goût et du style. См. La mécanique des langues. Par M. Pluche. A Paris. MDCCLI, p. 143—144.

4. *(стр. 63).* De virtutibus et vitiis stili Germanici, ejusque exercitiis recte instituendis, p. 6.

5. *(стр. 64).* Книга издана на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ подъ заглавіемъ: Entwurf der Grundsätze des Deutschen Stils, zum Gebrauch der öffentlichen Vorlesungen bey der Kaiserlichen Universität zu Moskau. Erster Theil.—Начертаніе первыхъ основаній Нѣмецкаго слога, для употребленія въ публичныхъ лекціяхъ при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ. Часть первая. Въ Университетской типографіи, у Н. Новикова. 1780.

6. *(стр. 64).* Начертаніе и пр., стр. 120.

7. *(стр. 65).* Тамъ же, стр. 3—5.

8. *(стр. 65).* Тамъ же, стр. 173; ср. стр. 73.

9. *(стр. 65).* Тамъ же, стр. 157.

10. *(стр. 65).* Ср. главу: *О основаніяхъ нѣмецкаго слога* съ XIII отдѣленіемъ (Hauptstück) ораторіи Готшеда: von den Wörtern und Redensarten, imgleichen von verblümten Ausdrückungen (271—297); главы *о періодахъ, или оратерическихъ предложеніяхъ* и *о тропахъ и фигурахъ* заимствованы Шварцомъ изъ XIV отдѣленія той же книги: von den Perioden und ihren Zierrathen, den Figuren (p. 297 — 326); глава *о порокахъ и несовершенствахъ нѣмецкаго слога* изъ XV отдѣленія: von der Schreibart, ihren Fehlern und Tugenden (p. 326—358); наконецъ, гл. *о нѣмецкомъ слогѣ* у Шварца ср. съ XV отдѣленіемъ у Готшеда: Ausführliche Redekunst (Die fünfte Auflage. Leipzig. 1759).

11. *(стр. 66).* Ученіе о хріяхъ изложено было, вѣроятно, по Готшеду, главы *о письмахъ* по Гейнацу (см. 2 отдѣл. 4-й ч. названной книги); въ теоріи писемъ Шварцъ ссылался на него какъ на авторитетъ. Въ предувѣдомленіи къ „Начертанію" профессоръ говоритъ: „Сіе сочиненіе не заключаетъ въ себѣ того, чтобъ можно было обойтись безъ Гейнаца и Рамлера, но еще юношество должно доводимо быть къ полезному оныхъ употребленію. Почему и они въ непродолжительномъ времени трудившимся въ семъ сочиненіи выданы будутъ въ свѣтъ съ россійскимъ переводомъ, и Гейнацъ съ нѣкоторыми перемѣнами, кои необходимо нужны къ учиненію ихъ здѣсь общеполезными". Кажется, это обѣщаніе не было исполнено.

12. *(стр. 67).* De virtutibus et vitiis stili Germanici, p. 7. Entwurf, p. 221—227.

13. *(стр. 67).* Entwurf, p. 247—249. Нельзя не замѣтить, что русскій пе-

реводъ книги Шварца очень неудовлетворителенъ; напр., послѣднія слова приведенной фразы переданы: для избѣжанія *восхитительнаго* слога.

14. *(стр. 67).* Entwurf, p. 247.

15. *(стр. 67).* De virtutibus et vitiis stili Germanici, p. 8.

16. *(стр. 71).* Моск. Вѣд., 1782, № 48, стр. 383.

17. *(стр. 71).* Въ этомъ извѣстіи основатели семинаріи въ первый разъ названы *ученымъ дружескимъ обществомъ*.

18. *(стр. 71).* Моск. Вѣд., 1782 г., № 52, стр. 415—416.

19. *(стр. 72).* Стихи на день заведенія собранія питомцевъ Московскаго Университета, марта 13-го, 1789 г. Въ осьмилѣтнее празднованіе онаго (М. Въ Ун. тип., у Н. Новикова, въ 4-ку).

20. *(стр. 72).* Неизданныя рѣчи и стихотворенія на смерть Шварца.

21. *(стр. 73).* См. Hasselbach, Lebensgeschichte des Hofraths und Professors C. H. Wolke. Aachen, 1826.

22. *(стр. 74).* Изъ записокъ И. И. Дмитріева. Москвит. 1841, № 1, стр. 45. [„Взглядъ на мою жизнь“, М. 1866 г., стр. 41].

23. *(стр. 74).* Neues Elementarwerk für die niedern Klassen lateinischer Schulen und Gymnasien. Herausgegeben von D. I. S. Semmler und C. G. Schütz. Halle, 13 Th.; послѣднія части этого учебника вышли уже по смерти Шварца.

24. *(стр. 74).* Ср. Моск. Вѣд., 1782 г., № 48.

25. *(стр. 76).* Рѣчи и стихотворенія на смерть И. Г. Шварца.

26. *(стр. 77).* Рѣчи и стихотворенія на смерть Шварца.

27. *(стр. 77).* Отрывки изъ этихъ лекцій напечатаны въ журналѣ Невзорова: Другъ юношества и всякихъ лѣтъ, 1813 г., январь, стр. 85—101.

28. *(стр. 80).* Schmidt, Geschichte der Romantik, Berlin, 1848, 1—7 B.

29. *(стр. 81).* Russische Bibliothek, IX, 405.

30. *(стр. 81).* Рѣчи и стихотворенія на смерть Шварца.

31. *(стр. 81).* Изъ письма дочери Н. И. Новикова къ А. И. Тургеневу. [Въ текстѣ „Словаря“ послѣ ссылки 31-й стоитъ еще фраза: „Года два тому назадъ скончался сынъ Шварца, оставившій нѣсколько сочиненій относительно садоводства“].

32. *(стр. 81).* Ode, dem Andenken des Weiland H. W. B. Schwarzens gewidmet von E. F. S. K. B. v. d. Constantia. Moskau. Gedruckt mit der gesetzmässigen Erlaubniss in der freyen Buchdruckerey bei dem J. von Lopuchin (въ 8-ю д. л., стр. 6).

ИСТОРІЯ ИЗДАНІЯ „ОПЫТА О ЧЕЛОВѢКѢ“

ВЪ ПЕРЕВОДѢ ПОПОВСКАГО.

Статья эта напечатана въ „Русскомъ Архивѣ“ 1872 г., VII, стр. 1311—1322. Въ біографіи проф. Поповскаго („Словарь“, II, стр. 305—320), написанной Шевыревымъ, цензурная исторія перевода „Опыта о человѣкѣ“ передана кратко, въ нѣсколькихъ строкахъ. Статья Тихонравова является дополненіемъ біографіи Поповскаго. Еще ранѣе 1872 г. Тихонравовъ уже касался этого эпизода изъ исторіи цензуры въ статьѣ, посвященной Евгенію Болховитинову: см. выше стр. 296 и слѣд. *Ред.*

1. *(стр. 82).* Сочиненія Ломоносова, изданіе Смирдина, I, 677. Его сіятельству президенту Академіи, гр. Разумовскому.

2. *(стр. 82).* Essai sur l'homme par M. Pope. Traduit de l'anglois. Amsterdam, 1738 (безъ имени переводчика). Перепечатывался много разъ; вошелъ въ Oeuvres diverses de M. Pope. Tome second contenant les pièces traduites en prose. 1749, Amsterdam et Leipzig. Это послѣднее изданіе вновь перепечатано съ гравюрами въ 1754 году. Силуэттъ жаловался, что его переводъ напечатанъ былъ въ Парижѣ съ ошибками и *измѣненіями* по причинамъ, которыя онъ не считалъ нужнымъ сообщать читателю.

3. *(стр. 82).* Напр. въ Oeuvres diverses de M. Pope. Amsterdam, 1754. Одно изъ великолѣпнѣйшихъ изданій перевода Силуэтта (по шрифту и гравюрамъ) было напечатано въ 1745 г. въ 4 д. л. Оно носитъ заглавіе: Essai sur l'homme, par monsieur Alexandre Pope. Traduction françoise en prose par M-r S****. Nouvelle édition avec l'original anglois, ornée des figures en taille douce. A Lausanne et à Genève.

4. *(стр. 83).* Библіограф. Записки, 1858, стр. 489.

5. *(стр. 83).* Тамъ же, стр. 490.

6. *(стр. 83).* Взамѣнъ ихъ, духовнымъ цензоромъ написано было только *двѣнадцать* стиховъ.

7. *(стр. 83).* Библіограф. Записки 1858 года, стр. 490.

8. *(стр. 84).* У Дю-Ренеля это мѣсто сокращено, также какъ и у Амвросія, и рѣзкости подлинника сглажены. Для сравненія съ цензурными сти-

хами, напечатанными въ русскомъ переводѣ, прилагаемъ соотвѣтствующіе стихи Дю-Ренеля:

Si chaque tourbillon où nagent les planètes,
Se meut différemment selon des lois secrètes;
Si conservant toujours un ordre merveilleux,
Il forme, il affermit l'assemblage des cieux:
Qu'une seule planète en rompe l'harmonie,
Des autres tourbillons tout-à-coup désunie,
Elle entraîne en tombant tous les globes divers
Qui par leur union forment cet Univers.
De son centre ébranlé la terre dérangée
Sera dans le chaos au même instant plongée;
Les astres, les soleils, l'un sur l'autre entassés,
Par les globes voisins ne sont plus balancés—etc.

9. *(стр. 84).* Къ отмѣченнымъ духовною цензурою сумнительнымъ мѣстамъ Амвросій прибавилъ въ первомъ письмѣ стихи 93, 125, 225, 242, 298, 498, 504, 507, 535; въ четвертомъ письмѣ стихъ 65.

10. *(стр. 85).* Въ печатномъ: *звѣрь.*

11. *(стр. 85).* Въ печатномъ:

Ни сильный въ державѣ надъ подданными царь,
Ни землю орющій для податей пахарь.

12. *(стр. 85).* Біограф. словарь проф. Моск. Унив., II, 133.

13. *(стр. 86).* На копіи письма помѣта „получено 15 Октября". См. „Книга записная отъ его высокопревосходительства Ивана Ивановича Шувалова ордеромъ 1757 г." (въ библіотекѣ Моск. Унив.).

14. *(стр. 86).* Это именно выраженіе употребила духовная цензура о стихахъ, подвергшихся измѣненію.

15. *(стр. 87).* Въ 1757 году Шуваловъ писалъ директору университета: „Къ прежде посланнымъ тремъ выгравированнымъ Попія фигурамъ и послѣднія двѣ на прошедшей недѣлѣ посланы". Гравюры, были тиснуты въ Моск. синодальной типографіи, потому что университетская еще не имѣла становъ.—Біогр. Сл. Проф. Моск. Унив. II, 314.

16. *(стр. 87).* Матеріалы для біографіи Ломоносова, собр. Билярскимъ, стр. 190.

17. *(стр. 88).* Экземпляръ этого перевода, писанный собственною рукою Рихмана, находится въ библіотекѣ Московскаго университета. На заглавномъ листѣ рукописи надпись (вѣроятно, сдѣланная Остерманомъ): Werthes Geschenck von dem Hr. Professore Richmann. Затѣмъ другою рукою приписано: Obiit mense Julio 26, 1753 Petropoli perculsus a Fulmine, cum pervestigationi ulteriori Electricitatis indagaret hora prima pomeridiana in aedium vestibulo Academiae sculptoris Joh. Sokolof. Ampliorem descriptionem casus

v. in Novis publicis Petrop. 1753. № 62“. Внизу той же страницы подпись владѣльца: „Ѳедора Остермана“.

18. *(стр. 88).* Пекарскій, Исторія Импер. Акад. Наукъ, I, стр. XI, 697.

19. *(стр. 88).* Это выраженіе употребляетъ Рихманъ и въ письмѣ къ Остерману, при которомъ посланъ былъ послѣднему нѣмецкій переводъ „Опыта“.

20. *(стр. 89).* Б.-Каменскій, Словарь достоп. людей Русской земли, IV, 92.

Д. И. ФОНЪ-ВИЗИНЪ.

Біографія Фонъ-Визина была написана Тихонравовымъ для „Біографической Лѣтописи питомцевъ Московскаго университета", которая готовилась къ столѣтнему юбилею университета въ 1855 г., гдѣ и напечатана на стр. 39—83. Какъ извѣстно, изданіе это не было допечатано: въ трехъ извѣстныхъ мнѣ экземплярахъ книги—въ библіотекѣ Тихонравова, въ библіотекѣ Л. Н. Майкова, въ библіотекѣ Историческаго музея (Щапова) имѣется только 240 стр., при чемъ текстъ обрывается на срединѣ слова; по словамъ статьи въ „Университ. Извѣстіяхъ" 1868 г. больше и не было отпечатано. Нѣкоторыя подробности объ этомъ интересномъ изданіи, которое сохранилось въ очень ограниченномъ числѣ экземпляровъ, даны въ упомянутой сейчасъ неподписанной статьѣ въ „Московскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ" 1868 г., № 5. Относительно печатанія біографіи Фонъ-Визина у автора происходили серьезныя неудовольствія съ проф. Шевыревымъ, какъ то видно изъ ихъ переписки. Тихонравовъ даже хотѣлъ взять обратно свою статью, недовольный пропусками и сокращеніями, которые дѣлалъ Шевыревъ. Сохранившійся, къ сожалѣнію не въ полномъ видѣ, оригиналъ даетъ возможность сдѣлать нѣсколько вставокъ какъ въ текстъ, такъ и въ примѣчанія статьи. Вставки эти отмѣчены ниже, и по нимъ можно судить о томъ, какія измѣненія Шевыревъ считалъ нужнымъ дѣлать: онъ выпустилъ, напр., тѣ примѣчанія, гдѣ авторъ оспаривалъ мнѣніе кн. Вяземскаго, выпустилъ характеристику воеводы Язвина, указаніе, что въ „Каллисѳенѣ" Фонъ-Визинъ мѣтилъ на русскіе нравы, что Стародумъ стоялъ за гласность въ государственныхъ дѣлахъ, и проч.

Въ книгѣ „Матеріалы для полнаго собранія сочиненій Д. И. Фонвизина, посмертный трудъ академика Н. С. Тихонравова" (Спб., 1894 г.) Л. Н. Майковъ перепечаталъ изъ „Біографической Лѣтописи питомцевъ" статью Тихонравова о Фонъ-Визинѣ, провѣривъ ссылки и цитаты по подлинникамъ.

При перепечаткѣ статей Тихонравова въ Собраніи его сочиненій текстъ вообще дается въ томъ видѣ, какъ онъ напечатанъ былъ самимъ Тихонравовымъ, съ устраненіемъ замѣченныхъ описокъ и опечатокъ, а гдѣ оказы-

вается возможнымъ, съ исправленіями и дополненіями по рукописямъ. При перепечаткѣ біографіи Фонъ-Визина, кромѣ указаній рукописи, были приняты и нѣкоторыя поправки, внесенныя Л. Н. Майковымъ.

Какъ сказано, рукопись (та самая, которая была въ типографіи при наборѣ статьи для „Біографической Лѣтописи“) сохранилась далеко не вся. Ниже въ примѣчаніяхъ отмѣчены вставки, которыя сдѣланы на основаніи этой рукописи. Надо прибавить, что нѣкоторые изъ пропусковъ сдѣланы (Шевыревымъ) въ рукописи еще—т.-е. до передачи ея въ наборъ, а другія мѣста, пропущенныя въ печатномъ текстѣ, въ рукописи не исключены: они вычеркивались уже въ корректурѣ. Выше упомянуто, что этими произвольными пропусками въ статьѣ (они зависѣли не только отъ Шевырева, но и отъ И. Д. Бѣляева) Тихонравовъ былъ очень недоволенъ, и, повидимому, ему удалось отстоять нѣкоторыя мѣста: въ его бумагахъ сохранился корректурный листъ набора біографіи Фонъ-Визина для „Лѣтописи“, и въ корректурѣ этой, оказывается, вычеркнуты такія мѣста, которыя въ печатномъ текстѣ не исключены. Въ печатномъ текстѣ есть одно мѣсто, лишнее противъ рукописи: см. ниже примѣчаніе 30 къ стр. 99. Немногія незначительныя исправленія въ печатномъ текстѣ по рукописи не оговариваются. Надо сдѣлать замѣчаніе только объ одной такой поправкѣ. На стр. 121 біографіи въ этомъ изданіи напечатано: „Въ 1784 году Фонъ-Визинъ во *второй* разъ отправился за границу съ цѣлью посѣтить особенно Италію“. Въ „Лѣтописи“ и въ подлинной рукописи здѣсь стоитъ—„въ *третій* разъ“, но въ Тихонравовскомъ экземплярѣ книги сдѣлана на поляхъ (стр. 75) карандашемъ поправка: „*второй*“. Эта поправка и принята, какъ болѣе удобная. Въ сущности поѣздка 1784 г. была третьею, такъ какъ впервые Фонъ-Визинъ ѣздилъ за границу въ 1763 г. (см. выше, стр. 100) со служебнымъ порученіемъ къ Шверинскому двору, но обыкновенно эта поѣздка не принимается въ счетъ, и путешествіе 1777 года (стр. 119) признается первымъ путешествіемъ, а поѣздка 1784 г.—вторымъ. Такъ какъ за печатаемыми въ Собраніи сочиненій Фонъ-Визина его заграничными письмами установились опредѣленныя заглавія: изъ перваго путешествія (1777 г.), изъ второго (1784—1785), изъ третьяго (1786—1787) путешествія,—то и удобнѣе вообще называть поѣздку 1784 г. *вторымъ* путешествіемъ.

Къ подлиннымъ ссылкамъ Тихонравова прибавлены въ прямыхъ скобкахъ ссылки на позднѣйшія изданія цитуемыхъ имъ журналовъ и сочиненій. *Ред.*

1. *(стр. 90).* Это показаніе князя П. А. Вяземскаго подтверждается собственными словами Фонъ-Визина. Въ 1758 году Мелиссино отправился съ лучшими учениками въ Петербургъ для представленія ихъ Шувалову; Фонъ-Визинъ говоритъ, что тогда онъ былъ „не старѣе четырнадцати лѣтъ“. Сочиненія Фонъ-Визина, изд. 3-е А. Смирдина, стр. 507 [1852 г.]. Всѣ ссылки сдѣланы на это изданіе. [Сочиненія Ф.-В., подъ редакціей П. А. Ефремова, Спб., 1866 г.—„Чистосердечное признаніе“ стр. 538].

2. *(стр. 91).* Не соглашаемся съ мнѣніемъ князя Вяземскаго, высказаннымъ въ его книгѣ „Фонъ-Визинъ“, стр. 26—27. [Сочин. кн. Вязем., V, 15—16].

3. *(стр. 91).* Сочиненія Фонъ-Визина, стр. 491, 492, 493. [„Чистосердечное признаніе“, 528—530].

4. *(стр. 91).* Тамъ же, стр. 645. [Письмо 28 іюня 1768, стр. 394].

5. *(стр. 91).* Тамъ же, стр. 599. [Стр. 227].

6. *(стр. 92).* Собственныя слова Д. И. Фонъ-Визина. Сочиненія, стр. 500 [„Чистосерд. призн.“, стр. 534].

7. *(стр. 92).* Прибавленіе къ 1-му № Московскихъ Вѣдомостей 1756 г., стр. 4.

8. *(стр. 92).* Московскія Вѣдомости 1757 г., № 56. См. біографію Шадена.

9. *(стр. 92).* Московскія Вѣдомости 1757 г., № 57.

10. *(стр. 92).* Прибавленіе къ № 38 Московскихъ Вѣдомостей 1758 г., стр. 9, 12.

11. *(стр. 93).* Прибавленіе къ № 101 Московскихъ Вѣдомостей 1758 г.

12. *(стр. 93).* Фонъ-Визину было тогда 14 лѣтъ. Сочиненія, стр. 507. [Стр. 538].

13. *(стр. 93).* Московскія Вѣдомости 1759 г., № 64.

14. *(стр. 93).* Прибавленіе къ № 34 Московскихъ Вѣдомостей 1760 г.

15. *(стр. 94).* См. Moralische Fabeln mit beygefügten Erklährungen einer jeden Fabel. Aus dem Dänischen des Herrn Baron von Holberg übersetzt durch J. A. S. K. D. C. Zweite, verbesserte Auflage. Kopenhagen, 1761. Съ перваго изданія этого перевода сдѣланъ русскій переводъ Фонъ-Визина.

16. *(стр. 94).* Эту комедію переложилъ на русскіе нравы А. Хвостовъ подъ названіемъ „Русскій Парижанецъ“.

17. *(стр. 94).* Сочиненія, стр. 509. [„Чистосердечное признаніе“, 540].

18. *(стр. 94).* Замѣтимъ мимоходомъ, что извѣстная эпиграмма И. И. Дмитріева „Мнѣ лѣкарь говорилъ“ заимствована изъ одной нравоучительной басни Гольберга (ср. по переводу Фонъ-Визина, изд. 1761 г., стр. 981; впрочемъ, принявши уже форму французской эпиграммы.

19. *(стр. 94).* Уже составивши себѣ имя въ литературѣ, Фонъ-Визинъ напечаталъ два новыя изданія своего перевода басенъ Гольберга. Въ 1787 году напечатано было третье изданіе ихъ съ прибавленіемъ 42 басенъ. Это показываетъ, какъ уважалъ переводчикъ Гольберга.

20. *(стр. 94).* Полезное Увеселеніе 1761 г., ноябрь, стр. 161—178.

21. *(стр. 95).* Сочиненія, стр. 543 и 544. [Стр. 227].

22. *(стр. 95).* Полезное Увеселеніе, генварь 1761 г., стр. 14—16.

23. *(стр. 97).* Собраніе лучшихъ сочиненій, 1762 г., ч. I, стр. 1—8.

24. *(стр. 97).* Тамъ же, стр. 74—83.

25. *(стр. 98).* Тамъ же, часть II, стр. 181—213.

26. *(стр. 98).* Тамъ же, часть III, стр. 120—143.

27. *(стр. 98).* „Благополучный торгъ осьмой музы“ изъ тѣхъ же Кригеровыхъ „Сновъ“ (Träume) переведенъ Павломъ Фонъ-Визинымъ и напечатанъ въ томъ же изданіи, часть I, стр. 84—86.

28. *(стр. 98).* Живописецъ, еженедѣльное на 1772 годъ сочиненіе, часть II, листъ 2, стр. 217—224. [Изданіе П. А. Ефремова, 1864 г., стр. 169—174].

29. *(стр. 98).* „Сказуютъ“ (читаемъ въ P. S. издателя), „что сему любопытному зрителю одна Муса подарила превеликіе два штофа разума, а другая, продающая честь, пожаловала его достоинствами, т. е. *честностію* и *скромностію*“. Тамъ же, стр. 224. [Стр. 177].

30. *(стр. 99).* [Предыдущая фраза исправлена по рукописи, этой же фразы въ рукописи нѣтъ, какъ нѣтъ и послѣдующаго документа. Такъ какъ эта фраза не совсѣмъ согласована съ текстомъ, то можно думать, что она вставлена въ корректурѣ не авторомъ].

31. *(стр. 100).* Копія этого любопытнаго документа находится въ архивѣ иностранныхъ дѣлъ; „Оригинальная промеморія отдана на руки ему Фонъ-Визину того жъ числа", какъ помѣчено на копіи.

32. *(стр. 101).* Онъ былъ другомъ Лукина.

33. *(стр. 101).* Сочиненія и переводы Владиміра Лукина. Спб., 1765, II, стр. IX—X. [Изданіе подъ редакціей П. А. Ефремова, 1868 г., стр. 114].

34. *(стр. 101).* Письмо это относимъ мы къ 1768 году. Въ началѣ 1765 года Фонъ-Визинъ ѣздилъ *на 29 дней* въ Москву (Вяземскій, l. c., стр. 237); но не въ это время написано къ Елагину упоминаемое письмо, потому что Фонъ-Визинъ начинаетъ его словами: „Семь недѣль остается мнѣ до сроку". Въ письмѣ онъ говоритъ, между прочимъ, что перевелъ „Іосифа" и написалъ „Бригадира", а эти произведенія появились въ свѣтъ въ 1769 г.: авторъ привезъ ихъ изъ Москвы въ рукописяхъ. Вѣроятно при томъ, письмо писано въ началѣ 1768 г., потому что въ томъ же году Елагина смѣнилъ Стрекаловъ (Сочиненія Фонъ-Визина, стр. 643). [Все это примѣчаніе взято изъ рукописи: оно было зачеркнуто при печатаніи и вмѣсто него въ печати дано краткое указаніе съ ошибочной датой: „письмо это относимъ мы къ 1765 г."].

35. *(стр. 101).* Сочиненія, стр. 633. [Стр. 357].

36. *(стр. 102).* Тамъ же, стр. 638. [Стр. 387].

37. *(стр. 102).* Сочиненія и переводы В. Лукина, ч. II, стр. IX—X. [Стр. 113]. Кажется, эта передѣлка Грессетова „Сиднея" упоминается митрополитомъ Евгеніемъ въ числѣ *напечатанныхъ* переводовъ Фонъ-Визина подъ заглавіемъ: „Сидней, стихами, съ франц. и проч." (Словарь свѣтскихъ писателей, I, 82). Сколько намъ извѣстно, такой книги не существуетъ; въ первый разъ напечатанъ „Коріонъ" въ „Библіотекѣ для Чтенія" 1835 года. [Ср. указанія П. А. Ефремова въ изданіи сочиненій Фонъ-Визина 1866 г., стр. 667].

38. *(стр. 102).* Настоящее названіе этой комедіи А. С. Хвостова—„Русскій Парижанецъ": это передѣлка вышеупомянутой комедіи Гольберга „Іоганнъ Парижскій".

39. *(стр. 102).* Сочиненія и переводы В. Лукина, ч. II, стр. IX—X. [Стр. 113].

40. *(стр. 103).* Сочиненія и переводы Лукина, II, стр. XV—XVI. [Стр. 115—116].

41. *(стр. 104).* Заглавіе подлинника: Les dehors trompeurs ou l'homme du jour. Уцѣлѣвшіе листки Фонъ-Визинскаго перевода нынѣ хранятся въ Императорской Публичной библіотекѣ.

42. *(стр. 104).* Ср. по 1-му изданію листъ 4-й, стр. 25—28; листъ 7, 9, 10 и т. д.

43. *(стр. 106).* [Мѣсто это здѣсь печатается такъ, какъ оно дано въ рукописи и въ печатномъ текстѣ „Лѣтописи питомцевъ". Въ книгѣ „Матеріалы для полнаго собранія сочиненій Д. И. Фонъ-Визина" внесена поправка: „и удобныя произвестися въ дѣйство"].

[Къ упоминаемой на слѣдующей страницѣ брошюрѣ „La Noblesse commerçante" въ рукописи дано еще такое примѣчаніе:]

Что упоминаемая брошюра писана имъ [Куайе], видно изъ втораго ея изданія, вышедшаго съ именемъ автора въ Лондонѣ (Парижѣ). Ср. Barbier, Dictionnaire des ouvrages anonymes et pseudonymes etc.. seconde édit., II, p. 439, № 12,354.

44. *(стр. 110).* [Къ предшествующей фразѣ о значеніи практическаго знакомства Фонъ-Визина съ славянскимъ языкомъ въ рукописи находимъ

слѣдующее примѣчаніе:] Не соглашаемся съ мнѣніемъ кн. Вяземскаго (Фонъ-Визинъ, стр. 28).

Въ примѣръ неудачнаго употребленія славянскихъ флексій и оборотовъ приведемъ слѣдующія фразы: „Добродѣтель, хотящая усты его вѣщати, является въ очахъ его“ (стр. 12). „Въ пеленахъ *сущи*, лишилась я своего родителя“ (стр. 51). „По начатіи торжества сего Іаковъ, *сѣдящи* между ними юною пастушкой, не могъ сокрыти движеніе души своея“ (стр. 55). „Потомъ обращся къ ней; и ты, рекъ онъ“ и т. д. (тамъ же). „Іаковъ, отецъ мой, есть изобилующій паче прочихъ пастырь страны Ханаанейской“ (стр. 42).

45. *(стр. 110).* Другъ Просвѣщенія, 1805 г., кн. 10, стр. 252.

46. *(стр. 110).* Пустомеля, ежемѣсячное сочиненіе, 1770 годъ, мѣсяцъ іюль. Въ С.-Петербургѣ (въ 32-ю д. л.) (стр. 93—105). [Изд. 1858 г., стр. 98—103]. Кто былъ издателемъ этого журнала — неизвѣстно. Г. Буличъ говоритъ: „Есть извѣстіе, что издателемъ „Пустомели“ былъ Аблесимовъ“ (Сумароковъ и современная ему критика, стр. 272). Это извѣстіе основано на словахъ одного нѣмецкаго журнала, но, какъ намъ кажется, не вѣрно понято. Есть довольно неизвѣстныхъ большею частью нашимъ изслѣдователямъ сочиненій Аблесимова въ еженедѣльномъ изданіи „Разскащикъ забавныхъ басенъ, служащихъ къ чтенію въ скучное время, или когда кому дѣлать нечего“ (М., 1783, 2 ч.): можно даже думать, что Аблесимовъ принималъ въ этомъ изданіи главное участіе. Отъ неточнаго перевода нѣмецкаго заглавія произошло, вѣроятно, то, что Аблесимову вмѣсто „Разскащика“ приписали „Пустомелю“. „Посланіе къ слугамъ“ напечатано въ „Пустомелѣ“ совершенно такъ, какъ печатается обыкновенно въ собраніи сочиненій Фонъ-Визина; только вмѣсто словъ: Петрополь, Москва и Петербургъ стоитъ: П***, М**, П***.

47. *(стр. 110).* Пустомеля, ежемѣсячное сочиненіе 1770 года, мѣсяцъ іюль, стр. 104, 105. [Изд. 1858 г., стр. 103—105].

48. *(стр. 112).* Трутень, еженедѣльное изданіе на 1769 годъ, листъ VI, стр. 45, 46. [Изд. 1865 г., стр. 38].

49. *(стр. 112).* Трутень, листъ IX, стр. 69. [Стр. 56—57].

50. *(стр. 112).* См. 1-е явленіе Бригадира.

51. *(стр. 113).* Живописецъ, еженедѣльное на 1772 годъ сочиненіе, листъ 4-й, стр. 30. [Изд. 1864 г., стр. 22].

52. *(стр. 113).* Тамъ же, листъ 6-й, стр. 43—44. [Стр. 32—33].

53. *(стр. 113).* Въ 1-мъ листѣ „Живописца“ изложены были мысли щеголихи о наукахъ и литературѣ.

54. *(стр. 114).* Комедія императрицы Екатерины II: „О время!“

55. *(стр. 114).* Живописецъ, листъ IX, стр. 65—66. [Стр. 53—56].

56. *(стр. 114).* Бригадиръ, дѣйствіе I, явленіе 2-е.

57. *(стр. 114).* Трутень, 1769 г., листъ II, стр. 6. [Стр. 13].

58. *(стр. 115).* Трутень, 1769 г. листъ XVIII, стр. 138—139. [Стр. 109—110].

59. *(стр. 115).* Ср. эпиграмму, напечатанную въ 3-й части Собесѣдника любителей россійскаго слова, стр. 38—39.

60. *(стр. 116).* Живописецъ, листъ 7, стр. 49. [Стр. 37].

61. *(стр. 117).* См. Біографію Новикова [выше, стр. 130—162].

62. *(стр. 117).* Теософическихъ мнѣній Новикова не раздѣлялъ Фонъ-Визинъ. Сочиненія, стр. 406. [Стр. 233—239].

63. *(стр. 117).* Живописецъ. часть II, листъ 3, стр. 226—232; листъ 4, стр. 233—239. [Стр. 178—182, 183—187].

64. *(стр. 118).* Это неизданное стихотвореніе Фонъ-Визина находится въ рукописи Императорскаго Казанскаго университета № 2531-й. [Л. Н. Майковъ указываетъ, что эти стихи заимствованы изъ сборника, хранящагося теперь подъ № 19,953; см. Матеріалы для полнаго собранія сочиненій Д. И. Фонвизина, стр. XXXIV].

65. *(стр. 118).* Драматическій Словарь. Москва, 1787, стр. 88, 89.

66. *(стр. 118).* Свидѣтельство современника, графа Д. И. Хвостова. Невскій Зритель, ч. III, 1820 г., Спб., стр. 253, 258.

67. *(стр. 120).* Les Italiens, ou moeurs et coutumes d'Italie. Ouvrage traduit de l'Anglais de M. Baretty. 1773, pp. 1—3.

68. *(стр. 120).* Сочиненія, стр. 372. [Стр. 434].

69. *(стр. 121).* Ср. письма Фонъ-Визина изъ Италіи съ статьею „Aus dem ungedruckten Tagebuche eines Reisenden“: она перепечатана въ St.-Petersburgische Bibliothek der Journale, welche in Russland, Deutschland, England, Frankreich und Schweden herauskommen, 1783, December.

70. *(стр. 121).* Фонъ-Визинъ, соч. кн. Вяземскаго, стр. 155, 170. [Соч. кн. Вяземскаго, т. V, стр. 100, 109—110].

71. *(стр. 122).* Черновой подлинникъ находится въ Императорской Публичной библіотекѣ.

[Все мѣсто, начиная со словъ: „Фонъ-Визинъ не задумался“ и до 71-й ссылки, взято изъ рукописи; въ печатномъ текстѣ оно пропущено, равно какъ и относящееся къ нему 71-е примѣчаніе].

72. *(стр. 124).* Черновые подлинники двухъ послѣднихъ писемъ хранятся въ Императорской Публичной библіотекѣ.

73. *(стр. 124).* Собесѣдникъ, IV, 143; X, 137.

74. *(стр. 124).* „L'art des grands est de bourrer les petits par des promesses magnifiques“, говоритъ Жираръ. „Проманивать есть большихъ *бояръ* искусство“, переводитъ Фонъ-Визинъ. „Le fainéant aime à être désoeuvré, il hait l'occupation et fuit le travail“, читаемъ у Жирара. У Фонъ-Визина иначе: „Праздный обыкновенно шатается или безъ дѣла у двора, или въ непрестанныхъ отпускахъ, или не служа въ отставкѣ и исчезаетъ съ именемъ презрительнаго тунеядца“ и т. д.

[Первыя фразы примѣчанія взяты изъ рукописи].

75. *(стр. 124).* Собесѣдникъ, II, 106—117.

76. *(стр. 124).* Русскій Вѣстникъ въ пользу семейственнаго воспитанія, издаваемый С. Глинкою, 1815 г., кн. 2, стр. 64.

77. *(стр. 125).* [Подробности о воеводѣ Язвинѣ при печатаніи біографіи въ „Словарѣ питомцевъ“ пропущены. Мѣсто это возстановлено по рукописи].

78. *(стр. 125).* Собесѣдникъ, IV, 7—10.

79. *(стр. 126).* Собесѣдникъ, III, 160—166.

80. *(стр. 126).* Сочиненія, стр. 546. [Стр. 229].

81. *(стр. 126).* Тамъ же, стр. 555. [Стр. 249].

82. *(стр. 126).* Тамъ же, стр. 609. [„Сокращенное описаніе житія графа Никиты Ивановича Панина“, стр. 220—221.—Все мѣсто со словъ: „Однимъ изъ главныхъ и, кажется, постоянно занимавшихъ автора“... и до ссылки 81-й взято изъ рукописи].

83. *(стр. 127)*. Новыя ежемѣсячныя сочиненія, 1786 г., августъ. [Сочиненія Фонъ-Визина, изд. 1866 г., стр. 176—179].

84. *(стр. 127)*. [Все мѣсто о „Каллисѳенѣ“ взято изъ рукописи; при печатаніи оно пропущено].

85. *(стр. 128)*. Князь Вяземскій, въ приложеніяхъ къ своей книгѣ о Фонъ-Визинѣ, напечаталъ это „Начертаніе для составленія толковаго словаря славяно-россійскаго языка“, равно какъ и замѣчанія Болтина. Но въ письмѣ Козодавлеву Фонъ-Визинъ самъ пишетъ: „Сочинитель примѣчаній, кажется, весьма недоволенъ *нашимъ* начертаніемъ“ [Соч., стр. 626]. Въ „Краткой исторіи Россійской академіи“ г. Красовскаго подробно изложенъ ходъ работъ по составленію словаря на основаніи официальныхъ актовъ академіи; тамъ указаны лица, участвовавшія въ словарѣ. Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, часть LX, отд. III, стр. 25 и слѣд. [См. Исторію Россійской академіи, М. И. Сухомлинова, вып. VII, 10—22].

86. *(стр. 128)*. Тамъ же, стр. 96—97.

Н. И. НОВИКОВЪ.

Біографія Новикова напечатана въ „Біографической лѣтописи питомцевъ Московскаго университета", 1855 г., стр. 154—192. (Объ этомъ изданіи см. выше примѣчанія къ біографіи Фонъ-Визина). До послѣдняго времени въ печати были указанія на принадлежность Тихонравову въ этомъ изданіи только статей о Фонъ-Визинѣ и Рубанѣ, но недавно Л. Н. Майковъ и А. Н. Пыпинъ отмѣтили, что и біографія Новикова въ „Лѣтописи" написана Тихонравовымъ: это доказывается (помимо данныхъ въ перепискѣ) ссылками 37-ой и 52-ой.

Рукописи біографіи Новикова не сохранилось: здѣсь повторенъ печатный текстъ изъ „Біографической лѣтописи". Тогда какъ біографіи Фонъ-Визина и Рубана были въ недавнее время перепечатаны, статья о Новиковѣ перепечатывается здѣсь въ первый разъ. Сохраненная въ малодоступномъ изданіи, безъ прямого указанія на принадлежность ея перу Тихонравова, статья эта оставалась доселѣ неизвѣстною даже лицамъ, спеціально занимавшимся Новиковымъ.

Другія статьи Тихонравова о Новиковѣ см. во 2-й части этого тома. *Ред.*

1. *(стр. 130).* Собственное показаніе Новикова. Москвитянинъ, 1842 г., № 3, стр. 130.

2. *(стр. 130).* Свидѣтельство Я. Штелина изъ его неизданной записки: Auteurs Russes.

3. *(стр. 130).* Прибавленіе къ Вѣдомостямъ Московскимъ, 1758 годъ, май 12.

4. *(стр. 130).* Протоколы конференціи и Моск. Вѣдом. 1759 г.

5. *(стр. 131).* Слова Карамзина. Ср. Живописецъ на 1772 г. Ч. II, стр. 386. [Изд. 1864 г., листъ 22, стр. 287].

6. *(стр. 132).* Трутень, 1770 г., стр. 62. [Изд. 1865 г., листъ 8, стр. 271].

7. *(стр. 133).* Трутень, 1769 г., стр. 71, 259, 269. [Л. 9, стр. 57; л. 33, стр. 200; л. 34, стр. 206—207].

8. *(стр. 133).* Тамъ же, стр. 117, 72. [Л. 15, стр. 94; л. 9, стр. 58].

9. *(стр. 133).* Тамъ же, стр. 47. [„Въ нѣкоторое судебное мѣсто потребно правосудія до 10 пудовъ", л. 6, стр. 40].

10. *(стр. 133).* Трутень, 1769 г., стр. 13. [Л. 2, стр. 14].

11. *(стр. 133).* Трутень, 1770 г., стр. 5. [Л. 1, стр. 228].

12. *(стр. 133).* Трутень, 1769 г., стр. 181. [Л. 23, стр. 142].

13. *(стр. 133).* Трутень, 1769 г., стр. 69, 222. [Л. 9, стр. 55; л. 28, стр. 172—173].

14. *(стр. 133).* Тамъ же, стр. 39, 69, 77, 125, 165. [Л. 5, стр. 33; л. 9, стр. 54 — 55; л. 10, стр. 61; л. 16, стр. 100; л. 21, стр. 130]. Трутень, 1770 г., стр. 41, 44. [Л. 6, стр. 255, 257].

15. *(стр. 133).* Тамъ же, стр. 63. [Л. 8, стр. 272].

16. *(стр. 133).* Трутень, 1769 г., стр. 70. [Л. 9, стр. 56].

17. *(стр. 134).* Трутень, 1770 г., стр. 47. [Л. 6, стр. 260].

18. *(стр. 134).* Сат. IV, стр. 191.

19. *(стр. 134).* Предисловіе къ Трутню, 1769 г.

20. *(стр. 134).* Трутень 1769 г., стр. 193, 225. [Л. 25, стр. 151; л. 29, с. 175].

21. *(стр. 134).* Тамъ же, стр. 28. [Л. 4, стр. 25].

22. *(стр. 134).* Тамъ же, стр. 56. [Л. 7, стр. 46]. Трутень 1770 г., стр. 48. [Л. 6, стр. 260].

23. *(стр. 134).* Тамъ же, 1769 г., стр. 62. [Л. 8, стр. 51].

24. *(стр. 134).* Тамъ же, стр. 155, 159—160. [Л. 20, стр. 122, 125—126].

25. *(стр. 134).* Тамъ же, стр. 33. [Л. 5, стр. 29].

26. *(стр. 134).* Тамъ же, стр. 34. Ср. стр. 57, 107—110. [Л. 5, стр. 30; ср. л. 8, стр. 47; л. 14, стр. 87—89]. Полемика съ „И то и сіе“ (недѣля 28).

27. *(стр. 135).* Трутень 1770 г., стр. 117, 127, 133. [Л. 15, стр. 311, 312; л. 16, стр. 319, 320; л. 17, стр. 324].

28. *(стр. 135).* Трутень 1769 г., стр. 144. [Л. 18, стр. 114].

29. *(стр. 135).* Трутень 1770 г., стр. 114. [Л. 15, стр. 307].

30. *(стр. 137).* Живописецъ, 1-е изд., стр. 52, 53. [I, л. 7, стр. 40—41].

31. *(стр. 137).* Тамъ же, стр. 25. [I, л. 4, стр. 19].

32. *(стр. 137).* Тамъ же, листъ 10-й. [I, л. 10, стр. 59].

33. *(стр. 137).* Живописецъ, листъ 5-й, 14-й. [I, л. 5, стр. 25 — 30; л. 14, стр. 85—88].

34. *(стр. 137).* Перечень изданій „Живописца“ въ статьѣ г. Аѳанасьева: Русскіе журналы 1769 — 1774 годовъ (Отеч. Записки, 1855 г., № 4, отд. II, стр. 93). [Отдѣльное] изданіе изслѣдованія Аѳанасьева, М., 1859 г., стр. 261. См. также у П. А. Ефремова, изданіе „Трутня“, 1865 г., стр. V—XVII].

35. *(стр. 138).* О „Кошелькѣ“ напечатана статья Макарова въ Отечественныхъ Запискахъ 1839 г. (№ 1, Смѣсь, стр. 28—39); но трудно полагаться на вѣрность ея указаній.

36. *(стр. 138).* Новикову приписываютъ изданіе „Смѣси“ 1769 г. (Московскій Зритель, 1806, апрѣль, стр. 6; Словарь Евгенія и др. съ его словъ) и Вечеровъ; но есть причины сомнѣваться въ вѣрности этихъ указаній. См. указанную статью Аѳанасьева; ср. Булича, Сумароковъ и современная ему критика, стр. 239.

37. *(стр. 138).* Болѣе подробныя замѣчанія объ отношеніи „Словаря“ къ „Опыту русскаго путешественника“ см. въ моей статьѣ объ Essai sur la littérature Russe въ Моск. Вѣдом. 1851 г., № 150. [Смотри ч. 2-ю III-го тома Соч. Тихонравова. *Ред.*].

38. *(стр. 139).* Опытъ Словаря о россійскихъ писателяхъ, стр. 163.

39. *(стр. 139).* Сочиненія Василія Петрова (Спб., 1811). часть III. 117—118.

40. *(стр. 139).* Сочиненія Ѳедора Козельскаго (Спб., 1772 г.). часть I. стр. 169.

41. *(стр. 140).* Всякая Всячина. 1769 г., стр. 31. Ср. также возраженіе на эту статью тамъ же. стр. 110; Смѣсь, 1769 г., стр. 94.

42. *(стр. 140).* Опытъ Историческаго Словаря. стр. 219.

43. *(стр. 140).* На Санктпетербургскихъ Ученыхъ Вѣдомостяхъ нѣтъ имени Новикова; но онѣ безспорно принадлежатъ ему. Это доказывается: 1) тѣмъ, что онѣ должны были служить „къ приведенію въ лучшее совершенство" Словаря о писателяхъ; 2) начальною буквою фамиліи Новикова. поставленною подъ предисловіемъ; 3) свидѣтельствомъ библіографовъ.

44. *(стр. 141).* Надпись къ портрету Кантемира. напечатанная въ Спб. Вѣдом., есть первое произведеніе И. И. Дмитріева.

45. *(стр. 141).* Исторія россійская съ самыхъ древнѣйшихъ временъ. Кн. I, часть I. стр. 51.

46. *(стр. 142).* О. М. Бодянскаго. О времени происхожденія славянскихъ письменъ. стр. XXXI.

47. *(стр. 142).* См. первое изданіе Древней Россійской Вивліоѳики: „Къ читателю".

48. *(стр. 142).* Санктпетербургскія Ученыя Вѣдомости на 1777 годъ.

49. *(стр. 143).* Неизданное письмо Муравьева къ Карманову, въ бумагахъ его, принадлежавшихъ М. П. Погодину.

50. *(стр. 143).* Прибавленіе къ № 92 Московскихъ Вѣдомостей 1775 г.

51. *(стр. 144).* Живописецъ, изд. 3-е, ч. I, стр. X, XI. [Стр. XI—XII].

52. *(стр. 145).* См. написанную мною біографію И. Г. Шварца въ „Біографическомъ Словарѣ профессоровъ и преподавателей Императорскаго московскаго университета". [См. выше, стр. 60—81].

53. *(стр. 146).* С. П. Шевыревъ, Исторія Московскаго университета. стр. 223.

54. *(стр. 146).* Москвитянинъ, 1842 г., № 3, стр. 130.

55. *(стр. 146).* Записки А. Т. Болотова. Спб., 1851 г., т. I. стр. 141. [Изд. 1870 г., т. I, стр. 220].

56. *(стр. 147).* Анекдоты древнихъ Пошехонцевъ, соч. В. Березайскаго. Спб., 1798, стр. 1—2.

57. *(стр. 147).* Живописецъ, часть II, стр. 353 — 355 (изд. 1-е). [II. л. 18, стр. 263—265].

58. *(стр. 147).* Сочиненія Карамзина. III. стр. 545.

59. *(стр. 148).* Роспись россійскимъ книгамъ, которыя продаются въ университетской книжной лавкѣ. Въ Москвѣ, 1782 года.

60. *(стр. 148).* Сіонскій Вѣстникъ. 1818 г., № 2, стр. 225—226.

61. *(стр. 148).* Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи, т. XX. № 15,654.

62. *(стр. 148).* Изданіе состоитъ изъ 36 книжекъ, или 9 частей.

63. *(стр. 149).* Утренній Свѣтъ, ч. I, стр. XIII.

64. *(стр. 149).* Утренній Свѣтъ, ч. IX, стр. 212.

65. *(стр. 150).* Покоящійся Трудолюбецъ, ч. II, стр. 202 и слѣд.

66. *(стр. 151).* См. вышеуказанную статью Лабзина въ Сіонскомъ Вѣстн. 1818 г.

67. *(стр. 152).* Покоящійся Трудолюбецъ, часть II, стр. 94—96.

68. *(стр. 153).* Неизданныя записки Муравьева, изъ которыхъ взято это свидѣтельство, находятся въ настоящее время въ Императорской Публичной библіотекѣ.

69. *(стр. 153).* Изъ записокъ И. И. Дмитріева. Москвитянинъ. 1841 г., № 1, стр. 36. [Изд. 1866 г., стр. 42].

70. *(стр. 154).* Роспись россійскимъ книгамъ, которыя продаются въ университетской книжной лавкѣ. М., 1783 г.

71. *(стр. 156).* И. Ѳ. Тимковскаго, „Памятникъ Ивану Ивановичу Шувалову". въ Москвитянинѣ 1851 г., № 9 и 10, стр. 41.

72. *(стр. 156).* Москвитянинъ, 1842 г., № 2, стр. 521 — 524. Калмыкова. О литературной собственности вообще и въ особенности объ исторіи правъ сочинителей въ Россіи (Спб., 1851), стр. 43.

73. *(стр. 157).* Москвитянинъ 1843 г., № 1, стр. 241.

74. *(стр. 158).* Хризомандеръ, Аллегорическая и сатирическая повѣсть. М. 1783 г., стр. 265.

75. *(стр. 158).* См. Опытъ Россійской библіографіи, Сопикова.

76. *(стр. 159).* Русскій Вѣстникъ, 1842 г., № 3, отд. II, стр. 364.

77. *(стр. 159).* Смирновъ, Исторія Московской славяно-греко-латинской академіи, стр. 324—327.

78. *(стр. 159).* Москвитянинъ, 1842 г., № 5, стр. 130.

79. *(стр. 159).* Ср. Бантышъ-Каменскій, Словарь достопамятныхъ людей Русской земли, изд. 1836 г., ч. IV, стр. 28.

80. *(стр. 161).* Записка дочери Новикова.

81. *(стр. 161).* König, Literarische Bilder aus Russland, p. 61.

82. *(стр. 162).* Изъ письма племянника Новикова къ А. И. Тургеневу.

В. Г. РУБАНЪ.

Статья напечатана въ „Біографической лѣтописи питомцевъ Московскаго университета“, стр. 220—240. На 240 стр. текстъ обрывается на полусловѣ — изданіе не было докончено (см. ниже примѣч. 30 къ стр. 181). Въ бумагахъ Тихонравова нашелся оригиналъ статьи, но, къ сожалѣнію, не въ полномъ видѣ, а лишь разрозненные листки. На основаніи рукописи прибавлена послѣдняя страница къ біографіи, которая все-таки остается неоконченной.

Біографія Рубана была недавно перепечатана С. А. Венгеровымъ въ VI выпускѣ „Русской поэзіи“, стр. 338—343, при чемъ издатель далъ дополненія къ неоконченному списку произведеній Рубана (стр. 343—344). *Ред.*

1. *(стр. 163).* „Твоя отчизна здѣсь“, сказано въ „Памятникѣ на кончину россійскаго пѣснопѣвца К. С. В. Г. Рубана, 1795 г. сентября 24, въ Санктпетербургѣ послѣдовавшую. Въ Бѣлогородской семинаріи начертанъ“.

2. *(стр. 163).* Смирновъ. Исторія Московской славяно-греко-латинской академіи, стр. 253.

3. *(стр. 163).* Полезное увеселеніе, апрѣль 1761 г., № 15, стр. 135—136.

4. *(стр. 163).* Доброе намѣреніе, 1764 г., ноябрь, стр. 521 — 525; декабрь, стр. 555—572.—При произведеніяхъ, извѣстныхъ намъ только изъ Сопикова, ставимъ № его Библіографіи.

5. *(стр. 165).* Ода Потемкину, 1778 г., стр. 3.

6. *(стр. 166).* Тамъ же.

7. *(стр. 166).* Его Высокопревосходительству Г. А. Потемкину и т. д., стр. 4.

8. *(стр. 166).* См. Новиковъ, Опытъ словаря о россійскихъ писателяхъ, стр. 150. Вѣроятно, и остальныя анонимныя надписи принадлежатъ Рубану.

9. *(стр. 166).* Она прежде издана была на отдѣльномъ листкѣ.

10. *(стр. 167).* Буличъ, Сумароковъ и современная ему критика, стр. 122.

11. *(стр. 167).* Въ первый разъ изданы только двѣ „Надписи къ камню, назначенному для подножія статуи Императора Петра Великаго“ (на отдѣльномъ листкѣ, Спб., 1770); потомъ съ прибавленіемъ третьей подъ заглавіемъ: „Надписи къ камню грому, находящемуся въ Санктпетербургѣ, въ подножіи коннаго вылитаго лицеподобія достославнаго Императора Петра Великаго.

сочиненныя Васильемъ Рубаномъ" (на отд. листкѣ s. l. et an., съ приложеніемъ нѣмецкаго перевода, сдѣланнаго Шильдтомъ).

12. *(стр. 167).* Надписи, VIII.

13. *(стр. 168).* Тамъ же, XV.

14. *(стр. 168).* Ода Григорію Александровичу Потемкину, 1774 г., стр. 3.

15. *(стр. 169).* Китайскій мудрецъ (Спб., 1777 г., тисн. 2-е), стр. V—VI.

16. *(стр. 170).* Ни то, ни сіо, листъ 1-й, стр. 4.

17. *(стр. 171).* Походъ боярина Шеина.

18. *(стр. 172).* Новиковъ, Опытъ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ, стр. 18.

19. *(стр. 172).* Сочиненія В. Петрова. Изд. 2-е. I. стр. 194.

20. *(стр. 175).* Въ библіотекѣ С. Д. Полторацкаго хранится экземпляръ „Старины и Новизны", принадлежавшій извѣстному собирателю старинныхъ русскихъ рукописей П. К. Хлѣбникову. Со словъ самого Рубана П. К. Хлѣбниковъ отмѣтилъ на этомъ экземплярѣ всѣ имена сотрудниковъ „Старины и Новизны", какъ видно изъ приписки владѣльца 15-го января 1791 г. Эти замѣчанія даютъ намъ возможность указать, кому принадлежатъ анонимныя статьи сборника. О „Старинѣ и Новизнѣ" есть статья М. Макарова (Московскій Наблюдатель, 1837, № 14, стр. 204 — 242). Сличивъ его свидѣтельства съ нашими показаніями, основанными на собственныхъ словахъ Рубана, читатель увидитъ, какъ мало можно полагаться на статью Макарова.

21. *(стр. 175).* Впослѣдствіи была въ замужествѣ за тайнымъ совѣтникомъ А. И. Васильевымъ.

22. *(стр. 176).* Приписка на экземплярѣ Хлѣбникова.

23. *(стр. 176).* Объ статьи доставлены Н. Н. Бантышъ-Каменскимъ.

24. *(стр. 176).* Остолоповъ, Ключъ къ сочиненіямъ Державина. (Спб., 1882 г.), стр. 12.

25. *(стр. 177).* Неизданныя записки М. Н. Муравьева, 1779 г.

26. *(стр. 177).* Издана и отдѣльно (О. Р. Б., № 3711).

27. *(стр. 177).* [Журналъ этотъ выходилъ два года. Въ первый годъ (сентябрь—декабрь 1775 г.) онъ назывался—„Собраніе новостей", а на 1776 годъ получилъ болѣе подробное названіе—„Собраніе разныхъ сочиненій и новостей". Въ 1775 г. произведеній Рубана въ этомъ журналѣ не находится].

28. *(стр. 177).* Памятникъ Рубану, въ Бѣлогородской семинаріи начертанъ.

29. *(стр. 178).* Обручевъ, Обзоръ рукописныхъ и печатныхъ памятниковъ, относящихся до исторіи военнаго искусства въ Россіи по 1724 г. (Спб., 1853), стр. 21 и слѣд.

30. *(стр. 181).* [Почти вся стр. 181, за исключеніемъ четырехъ строкъ сверху, вставлена по рукописи. Въ Тихонравовскомъ экземплярѣ „Лѣтописи питомцевъ" біографія Рубана обрывается на 240 стр., подъ конецъ описанія изданія подъ № 10. Въ рукописи біографія тоже безъ конца: за напечатаннымъ въ текстѣ начинается еще фраза: „Въ то время существовало".—Теперь трудно опредѣлить, много ли конца статьи утрачено].

Е. И. КОСТРОВЪ.

Статья эта предназначалась для „Біографической лѣтописи питомцевъ Московскаго университета“, но напечатана не была, такъ какъ изданіе не было кончено. Статья сохранилась въ бумагахъ Тихонравова въ рукописи, по которой здѣсь и печатается. Писана статья, какъ и другія біографіи для „Лѣтописи“ въ 1854 г.

1. *(стр. 182).* Такъ называетъ самъ себя Костровъ на первомъ изъ напечатанныхъ своихъ стихотвореній.

2. *(стр. 182).* Кн. П. А. Вяземскій въ Московскомъ Телеграфѣ 1827 г., ч. XIV, стр. 95. [„Выдержки изъ записной книжки“ — Сочин. Кн. Вяземскаго. VIII, „Старая записная книжка“, стр. 10].

3. *(стр. 184).* Правила піитическія, въ 1774 г. изданныя въ пользу юношества, обучающагося въ Московской славяно-греко-латинской академіи (въ Москвѣ, 1780), стр. 5.

4. *(стр. 184).* Тамъ же, стр. 28.

5. *(стр. 185).* Бантышъ-Каменскій, Словарь достопамятныхъ людей, изд. 1847 г., ч. II, стр. 164.

6. *(стр. 185).* М. А. Дмитріевъ. Мелочи изъ запаса моей памяти, стр. 11.

7. *(стр. 185).* „Каринъ и Костровъ“, записка прежнихъ лѣтъ, Макарова, въ Маякѣ, 1840 г., кн. 4, стр. 185.

8. *(стр. 185).* Дмитріевъ, Мелочи, стр. 11.

9. *(стр. 185).* Московскій Телеграфъ, 1827, ч. XIV, стр. 74.

10. *(стр. 186).* Костровъ самъ описалъ это болѣзненное состояніе; описаніе помѣщено въ книжкѣ: „Нѣкоторыя любопытныя приключенія и сны изъ древнихъ и новыхъ временъ“, М., 1829, стр. 173—187.

11. *(стр. 186).* Въ одномъ изъ первыхъ произведеній Пушкина—„Къ другу-стихотворцу“—находятся слѣдующіе два стиха:

Костровъ на чердакѣ безвѣстно умираетъ,
Руками чуждыми могилѣ преданъ онъ.

12. *(стр. 186).* Московскій Телеграфъ, 1827 г., ч. XIV, стр. 75.

18. *(стр. 187).* Ода на день рожденія Императрицы Екатерины II. апрѣля 21 дня, 1779 г.

14. *(стр. 189).* Екатерины.

15. *(стр. 190).* Гречъ. Опытъ краткой исторіи русской литературы, стр. 475.

16. *(стр. 191).* См. посвященіе Иліады Императрицѣ Екатеринѣ II.

17. *(стр. 192).* Сочиненія Кострова, изд. Смирдина, стр. 300.

18. *(стр. 193).* Ср. написанную мною біографію Фонъ-Визина [см. выше, стр. 90—129].

19. *(стр. 194).* Сочиненія Тредьяковскаго, изд. Смирдина, томъ II. отдѣлъ I. стр. XLVII—XLVIII.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ МЕЛОЧИ НЕУРОЖАЙНАГО ГОДА.

Напечатано въ сборникѣ „Помощь голодающимъ“ (М., 1892 г.), стр. 535—556. Въ бумагахъ Тихонравова сохранились только два листа черноваго начала этой статьи. Первыя двѣ страницы идутъ такъ, какъ въ печатномъ текстѣ, а затѣмъ, послѣ фразы, оканчивающейся ссылкою 10-ой на первой строкѣ 197-ой стр. (см. выше), идутъ двѣ страницы такого содержанія:

„Мѣстные неурожаи трехъ лѣтъ (1784—1786) завершились почти повсемѣстнымъ неурожаемъ 1787 года, и торжество двадцатипятилѣтія царствованія Екатерины II омрачено было великимъ народнымъ бѣдствіемъ, котораго давно не знала Россія. Голодъ былъ почти повсемѣстный. „Всѣ озимые хлѣба совсѣмъ вымерзли“ въ губерніяхъ Калужской, Тульской, Рязанской, Орловской, Воронежской, Смоленской и во всей Малороссіи; хотя былъ, но худой урожай—*„однако на смѣна станетъ“*: 1) въ Тамбовской: въ нѣкоторыхъ округахъ очень худъ, но награждается другими округами, близъ Хопра, гдѣ очень хорошъ; 2) въ Пензенской; 3) Вятской; 4) Казанской; 5) Курской; 6) Московской: въ нѣкоторыхъ округахъ рожь вызябла, а въ другихъ хороша; 7) Нижегородской; 8) Новгорода-Сѣверскаго. Хорошій урожай оказался только въ губерніяхъ Тверской, Новгородской, Ярославской, Вологодской, Саратовской, Слободской („Чтенія“, 1860, I, отд. 2, стр. 92—93). „Непомѣрный голодъ претерпѣвали губерніи Московская, Калужская, Рязанская, Бѣлогородская и вся Малороссія“ (тамъ же, стр. 113). Щербатовъ разсказываетъ: „Ѣдятъ солому, мякину, листья, сѣно, лебеду; но и сего уже недостаетъ: ибо, къ несчастію, и лебеда не родилась, и оной *четверть по четыре рубли покупаютъ*. Ко мнѣ изъ Алексинской моей деревни привезли хлѣбъ, испеченный изъ толченаго сѣна, 2 изъ мякины и 3 изъ лебеды. Онъ въ ужесть меня привелъ, ибо едва на четверть тутъ четверика овсяной муки положено. Но какъ я нѣкоторымъ и сей показалъ, мнѣ сказали, что еще хорошъ, а есть гораздо хуже“ (тамъ же, стр. 114). Цѣна на хлѣбъ, по словамъ Щербатова, не только до чрезвычайности дошла, но даже и сыскать хлѣба на пропитаніе людей негдѣ, и люди ѣдятъ листъ, сѣно и мохъ и съ голоду помираютъ, а вызябшій весь оржаной хлѣбъ въ нынѣшнюю съ 1786 на 1787 годъ на зиму, въ плодоноснѣйшихъ губерніяхъ не оставляетъ и надежды, чѣмъ бы обсѣменить къ будущему году землю и *вящимъ голодомъ* на-

родъ угрожаетъ" (тамъ же, стр. 91). Почти вездѣ „рожь уже и до семи рублевъ дошла, безъ надежды, чтобы могла и унизиться" (тамъ же, стр. 91). Въ концѣ іюля цѣна новой ржи въ Москвѣ „въ покупкѣ на возахъ" была 7 р. 60 к. за четверть, въ продажѣ изъ лавокъ 8 рублей; пудъ ржаной муки въ покупкѣ на возахъ стоилъ 75—77 коп., въ продажѣ изъ лавокъ 78—80 коп. (Московскія Вѣдомости, 1787 г., стр. 559).

„Какія мѣры принимались правительствомъ для отвращенія бѣдствій неурожайныхъ годовъ? Какъ относилась тогдашняя журнальная литература къ этимъ"...

Здѣсь текстъ обрывается, страница на половину не дописана. *Ред.*

1. *(стр. 195).* Гастевъ, Статистическое описаніе Москвы, стр. 295.

2. *(стр. 195).* Тамъ же, стр. 296.

3. *(стр. 195).* Я. К. Гротъ, Екатерина II и Густавъ III, стр. 54, 104.

4. *(стр. 196).* Русскій Архивъ, 1864 г., стр. 891.

5. *(стр. 196).* Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ, 1860, кн. первая, отд. II, стр. 91.

6. *(стр. 196).* Сборникъ статистическихъ свѣдѣній о Россіи, изд. геогр. общества, кн. III, 470.

7. *(стр. 196).* Растущій виноградъ, 1786 г., генварь, стр. 26.

8. *(стр. 196).* Ср. „Цѣны нынѣ состоящимъ въ Москвѣ съѣстнымъ припасамъ на торгу", въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, 1786 г., стр. 14, 450, 898.

9. *(стр. 196).* Полное собраніе законовъ Р. И., томъ XXII, № 16,350.

10. *(стр. 197).* Herrmann, Geschichte des russischen Staates. Ergänzungsband, S. 647.

11. *(стр. 197).* Такъ называетъ эту коммиссію Храповицкій. Дневникъ, изд. Барсукова, стр. 18. Ср. Полное собраніе законовъ Р. И., томъ XXII, № 16.406.

12. *(стр. 197).* Полн. собр. зак., № 16.406.

13. *(стр. 197).* Тамъ же, № 16,407.

14. *(стр. 198).* Herrmann, Geschichte des russischen Staates. Ergänzungsband, S. 648.

15. *(стр. 198).* Слова Храповицкаго. Дневникъ, 46.

16. *(стр. 198).* Дневникъ, 17.

17. *(стр. 198).* Полное собраніе закон., № 16,445. Фицъ-Гербертъ писалъ: „Никто не смѣлъ принести Императрицѣ какую-либо жалобу; нашли даже средства укрыть отъ правосудія виновника столь скандалезнаго мошенничества, потому что онъ находился въ близкихъ связяхъ съ сильными людьми". Herrmann, S. 647. Подъ 19 ноября 1789 г. въ Дневникѣ Храповицкаго (стр. 317) записано: „О Мавринѣ, о его закупкахъ; заемъ его 30 тыс. кулей изъ здѣшняго Запаснаго Магазейна, чтобъ на это не считалъ: Je veux faire tant de difficultés qu'on se casse le front de venir m'importuner". Подъ 21 ноября: „Велѣно Н. И. Салтыкову считать Маврина, и чтобы Архаровъ рапортовалъ, сколько и гдѣ провіанта зазимовало. Подрядъ Новосильцова въ Запасный Магазейнъ дешевле 44 к. у четверти". Подъ 16 іюня 1790 г.: „При чтеніи рапорта Архарова о трехъ баркахъ, на Ильменѣ потопшихъ, тирада жестокая на Савву Маврина. Онъ за одно съ подрядчиками; я обманулась въ этомъ человѣкѣ". Взысканіе съ Маврина ограничивалось тѣмъ, что онъ дол-

гое время не награждался высшимъ чиномъ, и только въ мартѣ 1791 г. за взятіе Измаила произведенъ въ генералъ-поручики и сенаторы. Дневникъ Храповицкаго, 325, 357, 359.

18. *(стр. 198).* Полное собраніе законовъ Р. И., т. XXII, № 16,444.

19. *(стр. 198).* Тамъ же, № 16,447.

20. *(стр. 198).* Тамъ же, № 16,446. Ср. Русскій Архивъ, 1872, стр. 279.

21. *(стр. 198).* Тамъ же, № 16.458.

22. *(стр. 199).* Дневникъ Храповицкаго, стр. 5.

23. *(стр. 199).* Сборникъ Русскаго историческаго общества, XXIII, 375.

24. *(стр. 199).* Дневникъ Храповицкаго, стр. 5.

25. *(стр. 199).* Сборн. Русск. истор. общ., II, 151.

26. *(стр. 199).* Дневникъ Храповицкаго, стр. 6.

27. *(стр. 199).* Тамъ же.

28. *(стр. 199).* Сочиненія Императрицы Екатерины II, томъ I, стр. 610—611.

29. *(стр. 200).* Тамъ же, томъ II, стр. 45—46.

30. *(стр. 200).* Тамъ же, томъ I, стр. 607.

31. *(стр. 200).* Сочиненія Императрицы Екатерины II, т. I, стр. 628—629.

32. *(стр. 200).* Пыпинъ въ Вѣстникѣ Европы, 1867 г., IV, 11.

33. *(стр. 200).* Сочиненія Императрицы Екатерины II, томъ I, стр. 666.

34. *(стр. 200).* Тамъ же, стр. 604.

35. *(стр. 200).* Тамъ же, стр. 611.

36. *(стр. 201).* Дневникъ Храповицкаго, стр. 22.

37. *(стр. 201).* Herrmann, Geschichte des russischen Staates, Ergänzungsband, S. 633—634.

38. *(стр. 201).* Съ этимъ отзывомъ согласны свидѣтельства „Драматическаго Словаря“ (М., 1787 г.), въ которомъ объ „Обольщенномъ“ сказано: „Публика къ сей піэсѣ имѣла большее вниманіе, и всякій разъ ея исполненія театръ отмѣнно наполнялся“ (стр. 98); объ успѣхѣ комедіи „Обманщикъ“ краснорѣчиво умалчивается (стр. 97).

39. *(стр. 201).* Сборникъ Русскаго историческаго общества, XXIII, 374.

40. *(стр. 202).* Тамъ же.

41. *(стр. 202).* Вышеприведенное свидѣтельство Сакена объясняетъ и подтверждаетъ слѣдующія слова П. В. Лопухина: „Коварство и алчность къ наградамъ за выслуги, на клеветѣ и вредѣ ближнему основанныя, старались представлять насъ (московскихъ масоновъ) подозрительными и для спокойства общества не безопасными. Такимъ образомъ, дѣйствующихъ во мракѣ навѣтничества было не мало. Но одинъ хитрѣйшій на то время вельможа и царедворецъ, въ часы колебанія своего могущества, которое и въ немъ не могло быть безпрестанно неподвижнымъ, хотя при разныхъ переворотахъ и жизнь его скончалась среди блеску онаго, для поддержанія себя выдумалъ навлечь подозрѣніе на существовавшую будто связь съ обществомъ нашимъ у ближайшей къ престолу особы“ (т.-е. Павла Петровича). Записки Лопухина (Москва, 1860), стр. 18.

42. *(стр. 203).* Этимъ объясняется заключительный монологъ „Обманщика“: „Обманъ сей въ свѣтѣ, чаю, *не есть новый*... но едва не беретъ ли онъ по временамъ на себя виды только разные“ и т. д. См. книгу, переведенную по приказанію Императрицы: „Описаніе пребыванія въ Митавѣ извѣстнаго Каліостра на 1779 годъ... собранное Фонъ-деръ-Реке“ (Спб., 1787 г.),

стр. 263. Въ той же книгѣ разсказывается: „Незадолго передъ его (Каліостро) отъѣздомъ въ Петербургъ, зашелъ разговоръ о весьма крупномъ и чистомъ жемчугѣ вдовствующей Герцогини, который Каліостро видѣлъ нѣкогда у нея на рукахъ. „Этотъ жемчугъ“,—говорилъ нашъ волхвъ,—„я очень знаю, потому что я въ Голландіи *для одного обанкротившагося моего друга* сплавливалъ его изъ маленькихъ и негодныхъ зернышекъ жены его“ (стр. 60). Ср. съ этимъ слова Самблина, отдавшаго Калифалкжерстону алмазы своей жены: „Калифалкжерстонъ, *дѣлая мнѣ помочь въ стѣсненныхъ моихъ обстоятельствахъ*, варилъ для меня богатства много“. Соч. Екат. II, томъ I, стр. 591.

43. *(стр. 203).* Дневникъ Храповицкаго, стр. 8.

44. *(стр. 203).* Тамъ же, стр. 11.

45. *(стр. 203).* Сборникъ Русскаго историческаго общества, XXIII, 378—379. Въ 1786 г. явились въ русскомъ переводѣ: 1) „Оправданіе графа де-Каліостро по дѣлу кардинала Рогана о покупкѣ славнаго складня во Франціи“ и 2) „Возраженіе со стороны графини де-Валуа на оправданіе графа Каліостро“.

46. *(стр. 203).* Сочиненія Императрицы Екатерины II, т. II, стр. 494, 503.

47. *(стр. 203).* Тамъ же, стр. 505.

48. *(стр. 204).* Тамъ же, стр. 651.

49. *(стр. 204).* Тамъ же, стр. 657.

50. *(стр. 204).* Перечень этихъ мѣръ см. у Пекарскаго въ сочиненіи: Дополненія къ исторіи масонства въ Россіи въ XVIII столѣтіи, стр. 195—201.

51. *(стр. 204).* Русскій Архивъ, 1865 г., стр. 944—945.

52. *(стр. 204).* Дневникъ Храповицкаго, стр. 11.

53. *(стр. 204).* Сборникъ Русскаго историческаго общества, XXIII, 379.

54. *(стр. 205).* Сочиненія Державина, съ примѣч. Я. К. Грота, VI, 581—582.

55. *(стр. 205).* „Стихи“ Рубана, посвященные кн. Потемкину. См. Растущій Виноградъ, 1786 г., генварь, стр. 14.

56. *(стр. 205).* Тамъ же, стр. 6.

57. *(стр. 206).* Растущій Виноградъ, 1786 г., іюль, стр. 16.

58. *(стр. 208).* Объ этой книгѣ такъ отзывается журналъ „Зеркало Свѣта“: „Она предписываетъ подробное наставленіе ко исправленію хозяйства и можетъ послужить *самымъ лучшимъ руководствомъ обогащенію крестьянъ и помѣщиковъ*. Открывая завѣсу недоумѣнія нашихъ селянъ, подаетъ она многіе славнѣйшими писателями и Англинскими хозяевами изобрѣтенные способы къ награжденію трудовъ и отвращенію убытковъ, *доказывая ясно, что не время и не погода*, но собственное *наше незнаніе и лѣность суть причины неурожая, недостатка и дороговизны*“ (ноябрь 1786 года, стр. 259—260).

59. *(стр. 208).* Комовъ ѣздилъ за границу для науки земледѣлія; въ книжкѣ описываетъ нѣсколько самыхъ нужныхъ земледѣльческихъ орудій, которыя онъ видѣлъ въ Англіи. Комовъ былъ виднымъ сотрудникомъ въ „Трудахъ Вольнаго Экономическаго Общества“.

60. *(стр. 208).* Зеркало Свѣта, 1786 г., іюнь, 130 — 131. Адресъ Дезомона (въ Парижѣ) указанъ въ приглашеніи.

61. *(стр. 208).* Въ Зеркалѣ Свѣта (1786 г., апрѣль, стр. 217) напечатано „Примѣчаніе для хозяевъ объ очищеніи хлѣба отъ заразы“. Въ этомъ

наставленіи сказано: „*Прошедшіе* 1784 и 1785 годы были для поселянъ *всей почти Европы* неблагополучны по причинѣ весьма дождливой погоды осенью и великой засухи весною, что произвело въ хлѣбѣ заразительную черную пыль, именуемую *у насъ* въ низовыхъ мѣстахъ *ржою*".

62. *(стр. 209).* Растущій Виноградъ, 1786, мартъ, стр. 6 — 12. Эта статья ссылается, какъ на источникъ, на Encyclopédie, article: Théosophes (стр. 46).

63. *(стр. 209).* Раст. Вин., 1786 г., октябрь, стр. 44 — 72; декабрь, стр. 62—75; 1787 г., генварь, стр. 35—45.

64. *(стр. 209).* Раст. Вин., 1786 г., февр., стр. 91; мартъ, стр. 45.

65. *(стр. 209).* Первое стихотвореніе анонимное (стр. 43—44); подъ вторымъ (стр. 75—79) подпись: „Студентъ Алексѣй Фіалковскій"; подъ третьимъ (стр. 83—86): „Студентъ Иванъ Виноградовъ".

66. *(стр. 209).* Въ подлинникѣ: „предоставляется".

67. *(стр. 209).* Курсивъ въ подлинникѣ.

68. *(стр. 210).* Растущій Виноградъ, 1786 г., февраль, стр. 6.

69. *(стр. 210).* Приводимъ это мѣсто статьи: „Мнѣ скажутъ, можетъ быть, что и во Франціи кардиналы искали возвратиться отъ девяти къ четыремъ; но какъ они попали токмо въ четыре стѣны, то сіе, можетъ быть, послужитъ намъ въ наставленіе". По отношенію къ Новикову эта грубая острота оказалась (въ 1792 г.) пророчествомъ.

70. *(стр. 211).* Растущій Виноградъ, 1786 г., февраль, стр. 86. Послѣдніе стихи намекаютъ на слѣдующія строки прозаическаго „Письма": „Я хотя не очень ученъ, но нѣсколько знаю; тутъ отыскалъ скоро это *ослиное ушко*, которое при всякой строкѣ чувствительно". Ibid., стр. 3.

71. *(стр. 211).* Растущій Виноградъ, 1786 г., февраль, стр. 83.

72. *(стр. 211).* Тамъ же, стр. 75—76.

73. *(стр. 211).* Тамъ же, стр. 77.

74. *(стр. 212).* Пекарскій, Матеріалы для исторіи журнальной и литературной дѣятельности Екатерины II, стр. 3—4, 41.

75. *(стр. 213).* Отмѣтимъ, что въ февральской книжкѣ „Растущаго Винограда" (стр. 44—53) между „Письмами къ Сочинителю комедіи Обманщикъ" помѣщено стихотвореніе „Добрый сонъ какъ въ руку", направленное противъ раскольниковъ.

76. *(стр. 213).* Лонгиновъ, Новиковъ и московскіе мартинисты, стр. 618.

77. *(стр. 213).* Чтенія Общества исторіи и древностей россійскихъ, 1867 г., кн. IV, смѣсь, стр. 49—50.

78. *(стр. 214).* Русскій Архивъ, 1865 г., стр. 74—75.

79. *(стр. 214).* Еще въ 1781 году Новиковъ просилъ А. Т. Болотова перевести эту книгу. Записки Болотова, III, 929.

80. *(стр. 214).* Письма Карамзина къ Дмитріеву, стр. 471—472.

81. *(стр. 214).* Неизданныя сочиненія Карамзина, стр. 224—225. Ср. Записки Болотова, IV, 193.

82. *(стр. 214).* Сборникъ Русскаго историческаго общества, II, 148.

83. *(стр. 214).* Сочиненія Державина, съ примѣч. Я. К. Грота, I, 245.

84. *(стр. 215).* Это письмо помѣщено вполнѣ въ Сборникѣ Русскаго историческаго Общества, XXIII, 168—169. Отрывокъ, на который возражаетъ Строгановъ, напечатанъ въ Русскомъ Архивѣ, 1864 г., стр. 587.

БЫЛИНЫ ПО РУКОПИСЯМЪ XVIII ВѢКА.

Статья эта представляетъ введеніе къ труду Тихонравова „Пять былинъ по рукописямъ XVIII вѣка“; введеніе это вмѣстѣ съ текстомъ былинъ напечатано въ „Этнографическомъ Обозрѣніи“ 1891 г., кн. VIII, № 1, а также въ видѣ отдѣльныхъ оттисковъ. Кромѣ того, статья эта повторена въ книгѣ „Русскія былины старой и новой записи, подъ редакціей акад. Н. С. Тихонравова и проф. В. Ѳ. Миллера“, М., 1894 г., Приложенія, стр. 69—85.

При перепечаткѣ этой статьи пришлось сдѣлать нѣкоторые незначительные пропуски въ текстѣ въ виду того, что первоначально текстъ этотъ составлялъ предисловіе къ былинамъ; пропуски эти оговорены ниже въ примѣчаніяхъ 36, 46, 67, 69—71. При вставкѣ добавочныхъ примѣчаній были допущены опечатки въ нумераціи ихъ, такъ что на стр. 224 ссылки подъ №№ 52 и 53 повторены дважды, а на стр. 229 то же самое произошло со ссылкой № 68. *Ред.*

1. *(стр. 216).* Посольство, въ свитѣ котораго находился Ричардъ Джемсъ, пробыло въ Москвѣ съ 19 января по 20 августа 1619 года; въ этотъ періодъ времени и записаны пѣсни для Джемса въ особую книжку.

2. *(стр. 216).* Эти пѣсни напечатаны сначала въ Прибавленіяхъ къ Извѣстіямъ Втораго отдѣленія Академіи наукъ (т. I, стр. 5 — 10); потомъ перепечатаны въ Памятникахъ великорусскаго нарѣчія (стр. 1—8).

3. *(стр. 216).* Пѣсня о въѣздѣ патріарха Филарета въ Москву *въ іюнѣ 1619 года* записана въ книжку Ричарда Джемса вскорѣ *послѣ самаго событія.* Она напечатана въ „Памятникахъ“ *безъ раздѣленія на стихи.*

4. *(стр. 216).* Къ этому заключенію приводитъ печатное изданіе записанныхъ для Ричарда Джемса пѣсенъ, въ которомъ первая и шестая пѣсня напечатаны безъ раздѣленія на стихи; къ сожалѣнію, издатели не сообщили никакихъ палеографическихъ свѣдѣній о самой рукописи Ричарда Джемса.

5. *(стр. 216).* „Сказаніе“ напечатано въ Сборникѣ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи наукъ (томъ XXVIII, № 3), подъ заглавіемъ „Богатырское слово“.

6. *(стр. 216).* Сборн. отдѣл. русск. языка и словесн., т. XXVIII, стр. 1—3.

7. *(стр. 217).* Ср. А. Н. Веселовскаго, „Южно-русскія былины" въ Сборникѣ отдѣленія русскаго языка и словесности Академіи наукъ, XXXVI, 357.

8. *(стр. 217).* А. Н. Веселовскій пришелъ къ заключенію, что „Сказаніе о семи богатыряхъ" сохранило *болѣе древнюю форму пѣсни*, чѣмъ та, какая представляется позднѣе записанными ея пересказами" (Ibid., 368). Вполнѣ соглашаясь съ этимъ выводомъ, мы противопоставляемъ его мнѣнію О. Ѳ. Миллера (который зналъ „Сказаніе" по другому, позднѣйшему списку), будто „въ этой повѣсти XVII столѣтія, при нѣкоторыхъ довольно вѣрныхъ чертахъ эпическихъ, не только замѣтно *коренное извращеніе* въ подробностяхъ (напримѣръ,—холопство богатырей), но и, такъ сказать, *вверхъ ногами поставлено* самое основное содержаніе былинъ про Идолище въ Цареградѣ". Редакцію былины въ сборникѣ Барсова Миллеръ называетъ „книжною *передѣлкою* XVII столѣтія" (Илья Муромецъ и богатырство кіевское, стр. 760). Вообще О. Миллеръ очень мало придаетъ значенія записямъ былинъ въ рук. XVIII в., отдавая предпочтеніе текстамъ, записаннымъ позднѣе и напечатаннымъ въ „Древнихъ россійскихъ стихотвореніяхъ" и въ сборникахъ Кирѣевскаго, Рыбникова и Гильфердинга. (Ср. стр. VII, 32).

9. *(стр. 217).* Къ XVII вѣку относитъ П. А. Безсоновъ запись пѣсни о Гришкѣ Разстригѣ, найденную имъ въ бумагахъ Калайдовича и напечатанную въ седьмомъ выпускѣ „Пѣсенъ" Кирѣевскаго (стр. 62—66). „Она написана (говоритъ Безсоновъ) на листѣ старой бумаги, безъ раздѣленія стиховъ, почеркомъ и правописаніемъ XVII вѣка; поправлена и дополнена другою, позднѣйшею рукою и другими чернилами; но эта послѣдняя рука и этими позднѣйшими чернилами надписала: „въ 196 году въ 7-и тысяче", то-есть 1688 года. Слѣдовательно, первая, непоправленная рукопись старше *1688 года* и, по всѣмъ признакамъ, современна, по крайности, близка періоду Самозванцевъ". Нельзя допустить, чтобы запись: „въ 196 году въ 7-и тысяче" указывала на время пересмотра, т.-е. исправленій и дополненій *ранѣе записанной пѣсни:* 196-й годъ *седьмой* тысячи означаетъ 619 = 688-й годъ, а не 1688 годъ. Такого грубаго промаха не могла допустить „послѣдняя рука, дополнявшая и исправлявшая текстъ пѣсни". Этотъ годъ внесенъ послѣднею рукою, *какъ одинъ изъ варіантовъ* пѣсни. Такая формула для обозначенія времени встрѣчается не только въ историческихъ пѣсняхъ, но и въ духовныхъ стихахъ. Ср. начало пѣсни о Скопинѣ: „Какъ бы во двадцать седьмомъ году, Въ седьмомъ году въ осьмой тысячи" (Древнія россійскія стихотворенія, стр. 275). Въ стихѣ про Егорія: „Въ седьмомъ году въ осьмой тысячѣ, Наѣзжалъ царище Кудрянище". (Варенцовъ, Сборникъ русскихъ духовныхъ стиховъ, стр. 95).

10. *(стр. 217).* „Повѣсти, или пословицы всенароднѣйшія *по алфавиту*" внесены въ скорописный сборникъ конца XVII вѣка, принадлежащій Московскому Архиву Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, № 950. Текстъ пословицъ по этому списку изданъ въ извѣстной монографіи Ѳ. И. Буслаева, Русскія пословицы и поговорки (въ Архивѣ историко-юридическихъ свѣдѣній, Калачова, тома II-го половина 2-я, стр. 1—168).

11. *(стр. 217).* Строевъ, Рукописи славянскія и россійскія, принадлежащія И. Н. Царскому, стр. 487.

12. *(стр. 217).* Костомаровъ невѣрно относилъ этотъ сборникъ къ XVII вѣку.

13. *(стр. 217).* На оборотѣ 368 листа читается: „Конецъ тетърати сеї"; на листѣ 375-мъ: „Конецъ сей тетрати свершися. Аминь".

14. *(стр. 218).* Маленькими буквами обозначаемъ надстрочныя, находящіяся въ рукописи подъ титлами или прямо надъ строкой.

15. *(стр. 218).* На об. л. 159 запись, изъ которой видно, что сборникъ перешелъ потомъ въ собственность сына И. Т. Быкова—Алексѣя.

16. *(стр. 218).* Ср. Костомарова, Памятники старинной русской литературы, т. I, 161—164.

17. *(стр. 218).* Ср. Сборникъ статей, читанныхъ въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности Императорской Академіи наукъ, т. VII, стр. LVII—LX.

18. *(стр. 219).* Ср. А. Н. Пыпина, Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ, стр. 195—196.

19. *(стр. 219).* Изъ польскихъ факецій.

20. *(стр. 219).* Сказаніе это оканчивается смертью царя Навуходоносора.

21. *(стр. 219).* Ср. Кирпичникова, Св. Георгій и Егорій храбрый, стр. 51.

22. *(стр. 219).* Напечатано по этому списку Буслаевымъ въ Очеркахъ русской народной словесности, I. 570. Ср. Ровинскаго. Русскія народныя картинки, I, 319—320.

23. *(стр. 219).* Ровинскій, I, 272.

24. *(стр. 219).* Тамъ же, I, 367—371.

25. *(стр. 219).* Тамъ же, I, 436.

26. *(стр. 219).* Тамъ же, I, 405.

27. *(стр. 219).* Тамъ же, I, 189.

28. *(стр. 219).* Тамъ же, IV, 295.

29. *(стр. 219).* Тамъ же, IV, 295—299.

30. *(стр. 219).* Тамъ же, I, 402. Отмѣтимъ мимоходомъ, что при такихъ сокращеніяхъ нерѣдко стирается мѣстный колоритъ и опускаются собственныя имена. Наприм., въ сборникѣ Буслаева „Списокъ суднаго дѣла" начинается такъ: „Господамъ моимъ *новогородцкимъ* судьямъ: осетру да бѣлугѣ, да бѣлой рыбице бьетъ челомъ *кормовой* сынишко боярской лещишко съ товарищи...". Въ позднѣйшихъ рукописныхъ текстахъ „Списка суднаго дѣла" и въ лубочныхъ изданіяхъ нѣтъ „новгородскихъ судей". Ср. Галаховъ, Исторія русской словесности, I, 508.

31. *(стр. 219).* Въ рукописи 324-й листокъ пустой; на утраченномъ 325-омъ находилось начало былины о Ставрѣ; недостаетъ двухъ страницъ, т.-е. около 32 строкъ средняго шрифта; сборникъ малаго формата, въ 16 долю листа.

32. *(стр. 220).* Такъ, Василиса ѣдетъ „ис-тое земли изъ Галацъкия отъ короля *посолскова*", вм. польскова. Въ былинахъ о Ставрѣ, напечатанныхъ въ сборникахъ Рыбникова (I, 247) и Гильфердинга (стр. 767, 768 и друг.), Василиса пріѣзжаетъ „изъ земли Ляховецкія". Слово „Галацъкия" рукописи, вѣроятно, описка, вмѣсто „Галицкія", а можетъ быть вмѣсто „Галанскія"; ср. у Рыбникова: „Называлася (Василиса) посломъ со славной земли Гленскія" (I, 243).

33. *(стр. 220).* Заключеннаго въ скобки нѣтъ въ рукописи; стихъ въ ней кое-гдѣ разрушенъ—новое указаніе на то, что былина списана съ рукописи, а не записана со словъ.

34. *(стр. 220).* Эта былина издана *очень неисправно* въ Памятникахъ старинной русской литературы, I, 311—318.

35. *(стр. 220).* Сборникъ Втораго отдѣленія Императорской Академіи наукъ, т. XXXVI, стр. 357—369.

36. *(стр. 220).* [Здѣсь пропущены $2^1/_2$ строки: указаніе, что тексты былинъ №№ I и II заимствованы изъ описаннаго сборника Ѳ. И. Буслаева].

37. *(стр. 221).* Ср. тексты, напечатанные подъ № II и № III.

38. *(стр. 221).* Эта легенда напечатана по довольно позднему списку въ Народныхъ русскихъ легендахъ Аѳанасьева, стр. 99—104.

39. *(стр. 221).* Ср. Памятники старинной русской литературы, изд. Костомаровымъ, II, 347, 352; Пыпина, Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ, стр. 99.

40. *(стр. 221).* Ср. напечатанные тексты, № II и № III.

41. *(стр. 221).* Владѣлецъ рукописи относитъ ее ко второй половинѣ XVIII вѣка. Ср. Пыпина, Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ, стр. 295. Здѣсь время написанія рукописи не опредѣлено съ точностью; сказано только, что она относится къ XVIII вѣку.

42. *(стр. 222).* Ср. Пыпина, Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ, стр. 284 — 289, и его же Для любителей книжной старины, стр. III, V, 4, 5 и др.

43. *(стр. 222).* Народныя русскія сказки Аѳанасьева, вып. I, стр. 77—78. [Изд. 1897 г., т. II, стр. 248].

44. *(стр. 222).* Аѳанасьевъ, Народныя русскія сказки, I, 80. [II, 248].

45. *(стр. 222).* Д. А. Ровинскій относитъ этотъ *„замѣчательный* списокъ сказки объ Ильѣ Муромцѣ" къ „началу прошедшаго столѣтія" и предлагаетъ сравненіе этого списка съ текстомъ (конечно, подновленнымъ), который напечатанъ Сахаровымъ въ его „Русскихъ народныхъ сказкахъ" (Спб., 1841), стр. 66. Къ сожалѣнію, г. Ровинскій приводитъ лишь небольшія выписки изъ замѣчательнаго списка Забѣлина (Русскія народныя картинки, IV, 2—3).

46. *(стр. 223).* [Пропущены 4 строки, содержащія указанія на сходство печатаемаго текста одной изъ былинъ съ текстомъ таковой въ сборникѣ И. Е. Забѣлина].

47. *(стр. 223).* Ср. монографію Ѳ. И. Буслаева, Русскія пословицы и поговорки, въ Архивѣ историко-юридическихъ свѣдѣній Калачова, II, 2, стр. 67.

48. *(стр. 223).* Тамъ же.

49. *(стр. 223).* Ср. также Пыпина, Дополненіе къ библіографическому списку рукописныхъ романовъ, повѣстей и пр. первой половины XVIII вѣка въ Сборникѣ Общества люб. россійск. словесности на 1891 г., стр. 542—543.

50. *(стр. 223).* Въ 1782 г. эта повѣсть была напечатана въ Петербургѣ, но въ другомъ переводѣ—*съ англійскаго.* („Роспись" Смирдина, № 9268).

51. *(стр. 224).* Татищевъ, Россійская исторія, часть I, кн. 1, стр. 50.

52. *(стр. 224).* Москвитянинъ, 1854 г., № 1 и 2, отд. IV, стр. 9.

53. *(стр. 224).* Письмомъ Демидова опровергается предположеніе Сахарова, что „настоящій собиратель (Древнихъ россійскихъ стихотвореній) былъ П. А. Демидовъ, жившій *въ Тулѣ* въ половинѣ XVIII столѣтія" и собиравшій, какъ и другіе тульскіе бояре того времени, „пѣсельниковъ и сказочниковъ, слушать пѣсни и сказки". Отъ этихъ *тульскихъ* пѣсельниковъ, по мнѣнію Сахарова, и записаны пѣсни, вошедшія въ составъ „Древнихъ россійскихъ стихотвореній". Ср. Сказанія русскаго народа, изд. 3-е, I, 30.

52². *(стр. 224)*. Москвитянинъ, 1854 г., № 1 и 2, стр. 10.

53². *(стр. 224)*. Древнія россійскія стихотворенія, изд. 2-е, стр. XXXIV, стр. III.

54. *(стр. 225)*. Тамъ же, стр. I.

55. *(стр. 225)*. Тамъ же, стр. VIII—IX.

56. *(стр. 225)*. Основываясь на указанныхъ Калайдовичемъ пѣсняхъ, П. А. Безсоновъ отодвигаетъ даже Киршу Данилова къ концу XVII вѣка. Вотъ его слова: „Слѣдующій за тѣмъ собиратель былинъ, записавшій намъ ихъ, Кирша Даниловъ, жилъ, конечно, въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣка, судя по тому, что сборникъ его кончается былинами о свѣжихъ событіяхъ конца XVII вѣка, о Разинѣ, рожденіи Петра I, атаманѣ Флорѣ Минаевичѣ и т. п.“ (Приложеніе къ седьмому выпуску Пѣсенъ, собранныхъ Кирѣевскимъ, стр. 78). Осторожнѣе относится къ вопросу о личности Кирши Данилова и о времени составленія имъ сборника пѣсенъ Вольнеръ, говоря: „Im 18 Jahrhundert veranstaltete ein gewisser Kirsa Danilov, der in den Demidov'schen Eisenbergwerken im Gouvernement *Perm* beschäftigt gewesen zu sein scheint, eine Sammlung von 61 Bylinen (W o l l n e r, Untersuchungen über die Volksepik der Grossrussen, p. 2). Вольнеръ слѣдуетъ здѣсь О. Ѳ. Миллеру (Илья Муромецъ, стр. V).

57. *(стр. 225)*. Первая пѣсня („Изъ славнаго города изъ Пскова подымался Царевъ большой бояринъ“, стр. 306) перепечатана была въ пѣсенникахъ Чулкова, Новикова и въ Пѣсняхъ, собранныхъ Кирѣевскимъ, вып. 8-й, стр. 132—135.

Вторая пѣсня напечатана въ такомъ видѣ: „Вы молоды ребята послушайте, что мы стары старики будемъ сказывати: 2. Про грозна Царя Івана про Васильевича: Какъ онъ нашъ Государь Царь подъ Казань городъ ходилъ: Подъ Казанку, подъ рѣчку подкопы подводилъ: За Сулай за рѣку бочки съ порохомъ каталъ: А пушки и снаряды въ чистомъ полѣ разставлялъ: Ой! Татараве по городу похаживаютъ: И всяко грубіянство оказываютъ: Онѣ грозному Царю насмѣхаются: А не быть нашей Казани за бѣлымъ за Царемъ: Ахъ! какъ тутъ нашъ Государь Царь разгнѣвался: Что подрывъ такъ долго медлился: Приказалъ онъ за то Пушкарей строго казнить: Подкопщиковъ и Зажигальщиковъ: Но (ино?) всѣ тутъ Пушкари призадумалися: А одинъ Пушкарь поотважился: Прикажи Государь Царь слово выговорить: Не успѣлъ Пушкарь слово вымолвить: Тогда лишь догорѣли зажигальны свѣчи: И вдругъ разрывало бочки съ порохомъ: Какъ стѣны бросать стало за Сулай за рѣку: Всѣ Татараве тутъ, братцы, устрашилися: Онѣ бѣлому Царю покорилися“. Пѣсни того же содержанія („бояринъ Шереметевъ“ и „взятіе Казанскаго царства“) есть и въ Древнихъ россійскихъ стихотвореніяхъ (стр. 284, 314), но — *въ другихъ версіяхъ*, чѣмъ у Курганова.

58. *(стр. 226)*. Ср. Р о в и н с к а г о, Русскія народныя картинки, IV, 190, 241, 254, 353.

59. *(стр. 227)*. Ср. А. Н. Пыпинъ, Народные стихи и пѣсни, въ Отечественныхъ Запискахъ, 1858 г., январь, стр. 300—301.

60. *(стр. 227)*. Русскія сказки, 1780 г., ч. I, стр. 138—139. Въ 1807 году Левшинъ издалъ первыя четыре части „Русскихъ сказокъ“ Чулкова *вторымъ тисненіемъ*, т.-е. перепечаталъ буквально съ перваго изданія; поэтому примѣчаніе Чулкова о сгорѣвшемъ сборникѣ старинныхъ богатырскихъ пѣсенъ

приписано было Левшину Калайдовичемъ (Древнія россійскія стихотворенія, стр. XXI—XXII). Этимъ объясняется недоумѣніе А. Н. Веселовскаго, „какъ помирить цитату Левшина съ Чулковской“ (Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи наукъ, т. XXXVI, стр. 375).

61. *(стр. 227).* Евгеній, Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей, II, 243.

62. *(стр. 227).* Этотъ сборникъ, въ трехъ частяхъ, напечатанъ былъ по смерти М. Попова, въ Петербургѣ, въ 1792 году.

63. *(стр. 228).* Россійская Эрата, ч. I, стр. XXXI.

64. *(стр. 228).* Такъ называлъ Поповъ народныя пѣсни.

65. *(стр. 228).* Россійская Эрата, ч. I, стр. XXXVI—XXXVII.

66. *(стр. 228).* Евгеній, Словарь свѣтскихъ писателей, II, 243.

67. *(стр. 229).* [Ссылки на тексты былинъ, напечатанные Тихонравовымъ].

68. *(стр. 229).* Ср. А. Н. Пыпинъ, Для любителей книжной старины, стр. 34—35.

68². *(стр. 229).* Это такъ наз. „Эпистолія о недѣлѣ“, иначе „Іерусалимскій свитокъ“, упомянутый выше въ сб. Ѳ. И. Буслаева. Издавался много разъ; срв. также Этногр. Обозрѣніе, IV, 95—100; Н. А. Иваницкій, Матеріалы по этногр. Вологод. г.,—въ Сборн. свѣд. для изуч. быта крест. насел. Россіи, в. II. Москва, 1890 г., стр. 146—147.

69. *(стр. 230).* [Пропущены 2 строки ссылокъ на текстъ былинъ].

70. *(стр. 231).* [Пропущена ссылка на примѣчаніе къ тексту былинъ].

71. *(стр. 233).* [То же].

„МЕЛОЧИ ИЗЪ ЗАПАСА МОЕЙ ПАМЯТИ“.

Статья эта напечатана въ „Отечественныхъ Запискахъ“, 1855 г., № 1, отд. III, стр. 3—22. Вмѣсто заголовка статьи стоитъ: „Мелочи изъ запаса моей памяти“, Мих. Дмитріева. Москва, 1854. Подъ статьею помѣта: „6 ноября 1854 года“. *Ред.*

1. *(стр. 234).* Словарь достопамятныхъ людей русской земли, 1836 г., ч. V, стр. 146.

2. *(стр. 234).* Ключъ къ сочиненіямъ Державина, Спб., 1822.

3. *(стр. 235).* [Записки кн. И. М. Долгорукаго, „Капище моего сердца, или словарь всѣхъ тѣхъ лицъ, съ коими я былъ въ разныхъ отношеніяхъ въ теченіе моей жизни“, напечатаны въ Чтеніяхъ въ О. И. и Д. Р., 1872 и 1873 г. (тогда же вышли отдѣльно), и въ Русскомъ Архивѣ, 1890 г. Записки И. И. Дмитріева „Взглядъ на мою жизнь“ изданы въ 1866 г.].

4. *(стр. 237).* Московскій Городской Листокъ, 1847 г., № 79, стр. 317—318.

5. *(стр. 238).* Эта брошюра была переведена на французскій языкъ. Мы имѣемъ третье изданіе подлинника, напечатанное „въ типографіи у автора 1793 года“ (въ 12 д. л.).

6. *(стр. 240).* „Фонъ-Визинъ“, соч. кн. Вяземскаго, стр. 139—140. [Собр. соч. кн. Вяземскаго, т. V, стр. 90].

7. *(стр. 240).* Собраніе разныхъ сочиненій и новостей, ежемѣсячное изданіе. 1776 г., май, стр. 12.

8. *(стр. 241).* Сочиненія Пушкина, т. XI, стр. 21—22. [Пушкинъ, „О предисловіи Лемонте къ баснямъ Крылова“. Соч., изд. Лит. Фонда, V, стр. 28].

9. *(стр. 242).* Опытъ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ, стр. 243.

10. *(стр. 242).* Г. Буличъ въ своей прекрасной книгѣ „Сумароковъ и современная ему критика“ говоритъ: „О томъ, что „И то и сё“ принадлежитъ Чулкову, можно еще заключить изъ слѣдующаго обстоятельства: въ концѣ журнала раздавалась подписчикамъ сатирическая поэма: „Плачевное паденіе стихотворцевъ“. Эта поэма, съ присоединеніемъ стиховъ: 1) „На качели“, 2) „На семикъ“ и 3) „На масляницу“, которые были напечатаны въ „И то и сё“ отъ лица издателя, вышла отдѣльно *въ 1775 году съ именемъ автора*“

(стр. 254). Мы уже сказали, что брошюра вышла безъ означенія года и мѣста печатанія и безъ имени автора. Г. Буличъ введенъ былъ въ заблужденіе показаніемъ росписи Смирдина (№ 6809) и Библіографіи Сопикова (IV, № 8700).

11. *(стр. 243).* Трутень, еженедѣльное изданіе на 1769 годъ (печатано вторымъ тисненіемъ въ Санктпетербургѣ), листъ XIV, стр. 112. [Изданіе П. А. Ефремова, 1865 г., стр. 89—90].

12. *(стр. 244).* Московскія Вѣдомости, 1756 г., № 1, стр. 4.

13. *(стр. 244).* Московскія Вѣдомости, 1759 г.

14. *(стр. 245).* Русское Чтеніе, изд. С. Глинкою, часть I, стр. 94.

15. *(стр. 245).* Сочиненія Петрова (Спб., 1811), II, 191.

16. *(стр. 245).* Тамъ же, I, 191. Эти стихи приводитъ и Глинка въ подтвержденіе своего разсказа, но въ искаженномъ видѣ.

17. *(стр. 245).* „Къ другу стихотворцу“. Вѣстникъ Европы, 1814 г., № 13, стр. 11. [Соч. Пушкина, изд. Лит. Фонда, I, 8—11].

18. *(стр. 246).* „Каринъ и Костровъ, записка прежнихъ лѣтъ“. Макарова, въ Маякѣ, 1840 г., кн. 4, стр. 185 и слѣд. [Приводимыя здѣсь краткія свѣдѣнія о Костровѣ подробнѣе сопоставлены въ біографіи Кострова, которая написана Тихонравовымъ въ этомъ же году, раньше, чѣмъ статья о запискахъ М. А. Дмитріева, но напечатана тогда не была. См. выше, стр. 182—194].

19. *(стр. 247).* Говоря объ изданіяхъ сочиненій Державина, г. Дмитріевъ замѣчаетъ: „Лучшимъ изданіемъ и самымъ исправнымъ я признаю это, напечатанное въ типографіи Шнора, и *другое* 1816 года, въ типографіи Плавильщикова“ (стр. 21). *Другаго* изданія въ типографіи Плавильщикова напечатано не было, а вышла изъ нея *пятая* часть сочиненій Державина, въ видѣ продолженія къ четыремъ томамъ, у Шнора напечатаннымъ.

20. *(стр. 248).* Такъ въ С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ; въ позднѣйшихъ изданіяхъ — *Лилія*.

21. *(стр. 248).* Несправедливо говоритъ г. Дмитріевъ, что въ Собесѣдникѣ сатира Капниста лишилась четырехъ стиховъ противъ С.-Петербургскаго Вѣстника. Сатира передѣлана вся, вмѣстѣ съ тѣмъ *передѣланы* и эти стихи.

22. *(стр. 249).* [В. Плаксинъ, Краткій курсъ словесности, Спб., 1832 г.; Василій Плаксинъ, Руководство къ изученію исторіи русской литературы, Спб., 1846 г.].

23. *(стр. 249).* Нѣкоторыя невѣрности въ разсказѣ г. Дмитріева о Карамзинѣ были уже указаны г. Галаховымъ въ 6-й кн. Отечественн. Записокъ 1854 г. [„Журналистика“, отд. IV, стр. 148—152; *безъ подписи*].

24. *(стр. 250).* „Мелочи изъ запаса моей памяти“, стр. 34—35.

25. *(стр. 250).* Памятникъ Отечественныхъ Музъ, альманахъ на 1827 г., отд. I, стр. 19—20.

26. *(стр. 250).* Письма русскаго путешественника, Москва, 1797 г., ч. II, стр. 63—64. Въ позднѣйшихъ изданіяхъ эти слова пропущены и частью измѣнены.

27. *(стр. 251).* Москвитянинъ, 1841 г., № 1, стр. 35. [И. И. Дмитріева, „Взглядъ на мою жизнь“. М., 1866 г., стр. 41].

28. *(стр. 252).* Сѣверная Пчела, 1838 г., № 118, стр. 472.

29. *(стр. 253).* Сообщено С. Д. Полторацкимъ, который, вѣроятно, представитъ современемъ болѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ произведеніи нашего знаменитаго поэта.

30. *(стр. 253).* Подъ стихотвореніемъ подпись: *В. Р.*, и слѣдующее замѣчаніе издателя: „Сочинитель сей Аллегоріи маленькой, крошечной стихотворецъ. Какой лучъ надежды блеститъ на зарѣ его!“ См. Муза, ежемѣсячное изданіе на 1796 годъ, часть III (въ Спб.), іюль, стр. 84.

31. *(стр. 254).* Воспоминанія объ Александрѣ Сергѣевичѣ Пушкинѣ Александры Фуксъ (Казань, 1844), стр. 9.

32. *(стр. 254).* Живописный Сборникъ, III, 363. Объ этихъ недосмотрахъ въ „Мелочахъ“ мы говорили уже въ № 8-мъ Отечественныхъ Записокъ 1854 г.

[Судя по этой ссылкѣ, особенно при сравненіи ея со ссылкой 23, къ стр. 249, замѣчанія относительно „Мелочей изъ запаса моей памяти“ М. А. Дмитріева (печатавшихся прежде выхода отдѣльно въ Москвитянинѣ), помѣщенныя въ Отечественныхъ Запискахъ, 1854 г., № 8, отд. IV, въ общемъ обзорѣ „Журналистики“ (стр. 104 — 106), были составлены Тихонравовымъ. Вотъ эти замѣчанія:

„Обратимся къ другимъ журнальнымъ статьямъ.

Въ 12-мъ нумерѣ „Москвитянина“ продолжаются *„Мелочи изъ запаса моей памяти“* г. М. Дмитріева. Статья 12-го № отличается тѣми же достоинствами и недостатками, какіе замѣчены были и въ первыхъ статьяхъ того же сочиненія. Интересны воспоминанія автора о писателяхъ, которыхъ онъ зналъ; большею частью ошибочны и пристрастны его сужденія о литературномъ значеніи тѣхъ же писателей. Вообще, какъ только г. Дмитріевъ оставляетъ роль простаго разсказчика того, что извѣстно ему изъ литературной нашей старины, и переходитъ къ оцѣнкѣ какого-нибудь литературнаго явленія, онъ впадаетъ въ самыя странныя ошибки. Въ статьѣ 12-го № онъ говоритъ, между прочимъ: „Переводъ „Аббадоны“ Жуковскаго предшествовалъ гекзаметрамъ Гнѣдича“ (стр. 161). Этимъ авторъ хочетъ доказать, что Гнѣдичъ не былъ первымъ вводителемъ у насъ гекзаметра. Но „Аббадона“ напечатанъ въ 1815 г. („Сынъ Отеч.“, № 22) въ первый разъ, а отрывки изъ Гнѣдичева перевода „Иліады“ гекзаметрами появлялись въ журналахъ гораздо ранѣе перевода „Аббадоны“, а первый опытъ переложенія „Иліады“ гекзаметрами (пѣсни 6-й) напечатанъ былъ Гнѣдичемъ еще въ 13-й книжкѣ „Чтеній въ бесѣдѣ любителей русскаго слова“. Мы очень благодарны г. М. Дмитріеву за сообщеніе многихъ замѣчательныхъ подробностей о нашихъ старыхъ писателяхъ, но не можемъ не замѣтить, что авторъ ужъ слишкомъ много цѣны придаетъ преданію. Онъ говоритъ: „Очень похвально, что мы обратились нынѣче къ изслѣдованіямъ жизни и характера нашихъ знаменитыхъ поэтовъ. Но, я боюсь, чтобъ этими изслѣдованіями или a priori, или по немногимъ признакамъ и примѣтамъ не ввели въ заблужденіе нашихъ потомковъ. По большей части, эти изслѣдованія, встрѣчающіяся въ журналахъ, бываютъ похожи на разборъ іероглифовъ или стрѣльчатаго письма, которымъ изслѣдователь начинаетъ учиться изъ самаго разбора. Повторяю сказанное и прежде мною: все это отъ того, что пресѣклась наслѣдственная нить преданій; что между Жуковскаго, Пушкина и нынѣшнимъ временемъ былъ промежутокъ, въ который литература наша отторглась отъ памяти прежняго“ (стр. 178—179).

Не знаемъ, дѣйствительно ли между „Жуковск*аго*, Пушкин*а* и нынѣшн*имъ* времен*емъ*“ былъ такой промежутокъ; но сильно сомнѣваемся въ могуществѣ преданія, которое такъ высоко ставитъ г. Дмитріевъ. Память можетъ часто измѣнять. Авторъ „Мелочей“, повѣствуя о Мерзляковѣ, замѣчаетъ: „Мерзляковъ читалъ и публичныя лекціи: въ домѣ Ѳ. Ѳ. Кокошкина въ 1804 году и въ домѣ князя Б. В. Голицына въ 1811 году“ (стр. 155). Публичныя лекціи въ домѣ князя Голицына Мерзляковъ читалъ не въ 1811, а со второй недѣли поста 1812, о чемъ авторъ можетъ найти подробное извѣстіе въ „Вѣстникѣ Европы“, 1812 (№ 7, стр. 228); лекціи же у Кокошкина были позже. По словамъ г. М. Дмитріева, первые опыты Жуковскаго въ поэзіи помѣщались въ „Утренней Зарѣ“ (стр. 172); а между тѣмъ первыя произведенія Жуковскаго появились еще въ 1797 г., а „Утренняя Заря“ начала издаваться съ 1800 г. Наконецъ, въ статьѣ г. М. Дмитріева встрѣтили мы слѣдующее непонятное для насъ замѣчаніе: „Жуковскій, это извѣстно, былъ небогатъ; въ это время онъ долженъ былъ трудиться и изъ-за денегъ. Здѣсь перевелъ онъ (1802) поэму Флоріана: *Вильгельмъ Тель*, съ присовокупленіемъ его же сицилійской повѣсти *Розальба*“ (стр. 175).

Въ первый разъ слышимъ мы, что Жуковскій изъ-за денегъ перевелъ повѣсть Флоріана „Вильгельмъ Тель“. Странно... Но, позвольте, мы разгадаемъ этого „Вильгельма Теля“, переведеннаго Жуковскимъ, и средствомъ къ тому послужитъ намъ не наслѣдственная нить преданій, а небольшія сопоставленія. Жуковскій перевелъ повѣсть *изъ-за денегъ* въ 1802 г. Въ годѣ г. М. Дмитріевъ, должно быть, ошибся, потому что въ 1802 г. Жуковскій напечаталъ только одно „Сельское кладбище“; стало быть, нужно взять время, близкое къ 1802 году. Дѣйствительно, въ 1801 году Жуковскій перевелъ повѣсть Коцебу, а не Флоріана: „Мальчикъ у ручья“. Объ этомъ переводѣ онъ писалъ впослѣдствіи: „Нѣкогда въ Москвѣ обанкрутившійся Зеленниковъ трактовалъ меня преобидно. Для него я перевелъ за 75 рублей „Мальчика у ручья“. Эту сумму онъ выплачивалъ мнѣ по 5 р., по 7 р. съ полтиною и т. д.“ („Живописн. Сборн.“, III, 363). Итакъ, вотъ повѣсть, переведенная Жуковскимъ изъ-за денегъ! Какимъ же образомъ превратилась она у г. Дмитріева въ *Вильгельма Теля*?... Можетъ быть, потому, что начинается словами: *„Вильгельмъ* сидѣлъ у ручья подъ березою“ и пр.?

Оставляемъ пока другія невѣрности, замѣченныя нами въ послѣдней статьѣ „Мелочей“: *когда сочиненіе это будетъ кончено, мы разсмотримъ его подробно, какъ матеріалъ для исторіи нашей словесности*. Желаемъ, чтобы г. М. Дмитріевъ не смотрѣлъ непріязненно на тѣхъ изслѣдователей исторіи нашей литературы, которые, по словамъ его, не принадлежатъ „къ непрерывной лѣтописи преданій нашей литературы“. Это не ихъ вина. Автору, повидимому, кажется, что безъ этихъ преданій нельзя и писать о нашей литературѣ.

„Съ тѣхъ поръ, какъ принялись наши журналы (то-есть со времени смирдинскихъ изданій русскихъ авторовъ) дѣлать открытія въ русской литературѣ за минувшія десятилѣтія нынѣшняго вѣка, съ тѣхъ поръ такъ много вошло въ исторію нашей литературы неосновательныхъ извѣстій, утверждающихся на догадкахъ и слухахъ“... (стр. 176).

Не говоря уже о томъ, что г. Дмитріеву трудно было бы доказать истину этихъ словъ, замѣтимъ только, что подобный взглядъ на вліяніе смирдин-

скаго изданія кажется намъ невѣрнымъ. Каковы бы ни были недостатки этого изданія, нельзя не сознаться, что оно много содѣйствовало ближайшему знакомству читателей съ отечественной литературой и обращенію къ изученію ея прошедшаго. Положимъ, что въ статьяхъ о русской литературѣ, въ послѣднее время появлявшихся, очень много недостатковъ; но неужели эти попытки по предмету столь мало обработанному (исторіи нашей словесности), заслуживаютъ одно только безстрастное осужденіе?

Мы, впрочемъ, отчасти понимаемъ, почему г. М. Дмитріевъ недоволенъ разборами смирдинскихъ изданій. Не далѣе какъ въ 10 книжкѣ „Москвитянина“ появилась рецензія на сочиненія графа Растопчина, изданныя Смирдинымъ. Замѣтить надобно, что „Москвитянинъ“, постоянно провозглашающій своимъ читателямъ о горячей любви своей къ старой русской литературѣ и очень сильно негодующій на петербургскіе журналы за то, что о русскихъ писателяхъ они пишутъ совсѣмъ не то, что слѣдуетъ, „Москвитянинъ“ не представлялъ до сихъ поръ *ни одной статьи* о смирдинскихъ изданіяхъ, о дорогихъ ему („Москвитянину“) русскихъ писателяхъ. И вотъ передъ нами первая статья „Москвитянина“ о смирдинскомъ изданіи. Узнаемъ мы изъ нея, впрочемъ, немногое, а именно, что Растопчинъ „одна изъ самыхъ яркихъ личностей въ исторіи русской жизни“, что „стыдно не имѣть его полной біографіи“; узнаемъ далѣе, какія сочиненія Растопчина вошли въ изданіе Смирдина; но, главное, узнаемъ, что автору рецензіи очень плохо извѣстна исторія нашей литературы, и еще менѣе извѣстны сочиненія Растопчина. Иначе онъ не приписалъ бы ему „Мыслей не вслухъ у деревяннаго дворца Петра Великаго“. Эти „Мысли“ писаны не имъ и помѣщены издателемъ въ приложеніяхъ, какъ произведеніе, вызванное „Мыслями въ слухъ на Красномъ крыльцѣ“ и обращенное къ Богатыреву,— герою произведеній Растопчина“.

[Слова автора приведенныхъ замѣтокъ: *„когда сочиненіе это будетъ кончено, мы разсмотримъ его подробно“* и пр. опять, вѣроятно, имѣютъ отношеніе къ статьѣ Тихонравова о запискахъ М. А. Дмитріева въ Отеч. Записк. 1855 г., № 1, выше перепечатанной].

83. *(стр. 255).* Съ эпиграфомъ изъ Вольтера: „Sifflez moi librement, je vous le rends, mes frères“.

84. *(стр. 256).* Новости Русской Литературы, еженедѣльное изданіе на 1805 годъ, ч. XIII, № 4, стр. 61—64.

85. *(стр. 256).* Пушкинъ не принадлежалъ къ этому литературному обществу. Въ альбомѣ Пономаревой вклеена, впрочемъ, *Молдавская пѣсня* („Черная шаль“), написанная собственною рукою великаго поэта. Подъ стихотвореніемъ надпись: *Кишиневъ, 1820 года ноября 14.*

ЧЕТЫРЕ ГОДА ИЗЪ ЖИЗНИ КАРАМЗИНА.

Статья напечатана въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, 1862 г., кн. 4, стр. 732—749. Подъ статьею помѣта: „24 марта“.

Это единственная печатная статья Тихонравова о Карамзинѣ, хотя онъ имъ много занимался. Еще въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1853 г. (октябрь) были обѣщаны статьи С. М. Соловьева и Н. С. Тихонравова *„о Карамзинѣ, какъ историкѣ и литераторѣ“*. Въ 1866 г., при чествованіи памяти Карамзина, Тихонравовъ прочелъ въ торжественномъ собраніи университета (1-го декабря) рѣчь: „Карамзинъ въ исторіи русской литературы“. Рѣчь эта не напечатана и въ бумагахъ Тихонравова она не нашлась. Въ „Русской Старинѣ“ 1884 г., кн. 7, стр. 114, Тихонравовъ напечаталъ Приказъ Карамзина бурмистру. Въ своихъ университетскихъ курсахъ Тихонравовъ подробно говорилъ о Карамзинѣ въ тѣсной связи съ оцѣнкой вліянія Новикова и его кружка на русскую жизнь. *Ред.*

1. *(стр. 272).* Некрологъ Ленца, вѣроятно, разумѣетъ одного изъ членовъ Дружескаго общества, когда говоритъ: „Er (Lenz) wurde auf Kosten *eines grossmüthigen russischen Edelmannes*, in dessen Hause er auch lange Zeit lebte, begraben“. Stöber, Der Dichter Lenz und Friederike von Sessenheim, p. 42.

2. *(стр. 274).* Слышалъ отъ П. И. Бартенева.

КІЕВСКІЙ МИТРОПОЛИТЪ ЕВГЕНІЙ БОЛХОВИТИНОВЪ.

Статья напечатана въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, 1869 г., кн. 5, стр. 1—38. Въ концѣ статьи обозначено: (Окончаніе слѣдуетъ). Но окончаніе это въ печати не появилось и въ бумагахъ Тихонравова не найдено. Въ своихъ университетскихъ курсахъ Тихонравовъ подробно останавливался на личности и дѣятельности Евгенія Болховитинова. *Ред.*

1. *(стр. 276).* Г. Пономаревъ въ „Матеріалахъ для біографіи митрополита Евгенія“ замѣчаетъ: „Отецъ его у иныхъ называется священникомъ Входо-Іерусалимской, у другихъ церкви Иліи Пророка; это разнорѣчіе, пожалуй, еще можно объяснить: отецъ Алексѣй, вѣроятно, былъ переводимъ съ мѣста на мѣсто. Все-таки и это обстоятельство требуетъ повѣрки въ источникахъ воронежскихъ“ (стр. 6). Г. Ивановскій уже положительно утверждаетъ, что отецъ Евгенія „былъ священникомъ въ городѣ Воронежѣ *сперва* Входо-Іерусалимской, а *потомъ* церкви Иліи Пророка, при которой и скончался (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1867 г., декабрь, стр. 708). Мнимое разнорѣчіе о мѣстѣ служенія священника Болховитинова разрѣшается слѣдующими словами его сына въ „Историческомъ описаніи Воронежской губерніи“: „Церковь Входо-Іерусалимская одноштатная, каменная, построена съ 1767 по 1770 годъ на мѣсто деревянной. Нынѣ въ сей церкви придѣлъ во имя Св. Пророка Иліи, отъ коего *сперва* и церковь прозвана *Ильинскою*, а настоящая освящена уже въ 1780 г.“ (стр. 71).

2. *(стр. 276).* Историческое описаніе Воронежской губерніи, стр. 65—66.

3. *(стр. 276).* Въ семинаріи преподавались тогда греческій, французскій, нѣмецкій языки. Тамъ же, стр. 65.

4. *(стр. 277).* Тамъ же, стр. 208.

5. *(стр. 277).* Самъ Евгеній годомъ отправленія своего въ Москву невѣрно называлъ 1784. Въ вѣдомостяхъ Московской славяно-греко-латинской академіи записано: „Еѳимъ Болховитиновъ поступилъ учиться въ академію въ 1778 году, 11-ти лѣтъ отъ роду“. Смирновъ, Исторія Московской славяно-греко-латинской академіи, стр. 390. Это офиціальное указаніе подтверждается свидѣтельствомъ самого Евгенія, что онъ учился въ воронежской семинаріи „до половины курса философіи“. Философскій курсъ продол-

Твердость духа—въ день терпѣнья!
Помощь скорая—слезамъ!
Клятвамъ—вѣчность, лжи—презрѣнье,
Правда—ближнимъ и врагамъ!
Все—противу сильныхъ права,
Достояніе и кровь,
Гибель—злу, заслугѣ—слава,
Къ человѣчеству—любовь!

Въ половинѣ 1834 г. Тургеневъ выбылъ изъ кружка московскихъ идеалистовъ: въ 1834 г. семья Тургенева переселилась въ Петербургъ, Ивану Сергѣевичу пришлось перейти въ Петербургскій университетъ.

„Мнѣ всего было тогда 16 лѣтъ. Я былъ просто мальчикъ, чуть не дитя. Ненависть къ крѣпостному праву уже тогда жила во мнѣ".

Лѣтомъ 1838 года Тургеневъ встрѣтился въ Эмсѣ съ Я. М. Невѣровымъ [27], который соединенъ былъ со Станкевичемъ еще въ бытность свою въ Московскомъ университетѣ узами самой тѣсной и нѣжнѣйшей дружбы и питалъ къ нему самую восторженную и благоговѣйную привязанность [28]. Гораздо ранѣе 1838 г. тотъ же Невѣровъ познакомилъ со Станкевичемъ и Грановскаго, и вотъ въ этомъ-то кружкѣ, подъ преобладающимъ вліяніемъ Станкевича, воспиталось большинство тѣхъ, которыхъ теперь называютъ людьми сороковыхъ годовъ: Невѣровъ, самъ Станкевичъ, Бѣлинскій, Тургеневъ, Грановскій. Къ этому кружку примкнулъ и старый московскій идеалистъ Герценъ. Эти „люди сороковыхъ годовъ", кромѣ Грановскаго, учились въ 30-хъ годахъ въ Московскомъ университетѣ.

Пусть въ Московскомъ университетѣ Тургеневъ могъ набраться только приготовительныхъ свѣдѣній для знакомства съ наукой; но здѣсь, въ этой средѣ, сердце Тургенева впервые потрясено было благородною радостью великихъ ощущеній.

„Въ Москвѣ мнѣ отраднѣе, нежели гдѣ-нибудь (писалъ Станкевичъ Невѣрову); здѣсь стѣны, въ которыхъ я въ первый разъ сталъ дышать новою жизнью; здѣсь люди, съ которыми подѣлился въ первый разъ идеями" [29]. И то же можно сказать о Тургеневѣ...

ПРИМѢЧАНІЯ.

О ЛИТЕРАТУРНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ЛОМОНОСОВА.

Статья эта была напечатана въ сборникѣ „Празднованіе столѣтней годовщины Ломоносова 4-го апрѣля 1765—1865 г. Императорскимъ Московскимъ университетомъ въ торжественномъ собраніи апрѣля 11-го дня“ (М., 1865 г.). Статья Тихонравова занимаетъ стр. 75 — 88. Кромѣ нея, въ сборникѣ помѣщены: „Рѣчь на поминовеніе М. В. Ломоносова“ Н. А. Сергіевскаго; „Очеркъ состоянія Россіи въ эпоху дѣятельности Ломоносова“ С. М. Соловьева; „Ломоносовъ какъ минералогъ и геологъ“ Г. Е. Щуровскаго; „Ломоносовъ какъ химикъ“ Н. Э. Лясковскаго; „Ломоносовъ какъ грамматикъ“ Ѳ. И. Буслаева; „Ломоносовъ какъ профессоръ-академикъ“ О. М. Бодянскаго.

Другія статьи Тихонравова о Ломоносовѣ см. во 2-й части III тома. *Ред.*

1. *(стр. 5)*. Матеріалы для біографіи Ломоносова, собр. Билярскимъ, стр. 222.

2. *(стр. 9)*. Я. К. Грота, Письма Ломоносова и Сумарокова къ И. И. Шувалову, стр. 41.

3. *(стр. 9)*. Тамъ же, стр. 40.

КЪ ИСТОРІИ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Подъ этимъ общимъ заглавіемъ соединены біографіи четырехъ профессоровъ, написанныя Тихонравовымъ для „Біографическаго словаря профессоровъ и преподавателей Императорскаго Московскаго университета, 1755—1855“ (М., 1855 г.). Собственно съ именемъ „Канд. Тихонравова“ здѣсь напечатаны три біографіи—Баузе, Буле и Шварца; но Тихонравову принадлежитъ также и біографія Шадена, какъ это доказывается найденною въ его бумагахъ подлинною рукописью (неполною). Изъ переписки Шевырева съ Тихонравовымъ (въ статьѣ А. Н. Пыпина) видно, что Тихонравовъ взялся написать біографію Шадена. Почему при этой біографіи въ Словарѣ вмѣсто имени Тихонравова помѣчено: „Извлечена частію изъ исторіи И. М. У.“—неизвѣстно. Подробности о подлинной рукописи біографіи Шадена указываются ниже. *Ред.*

I. ПРОФЕССОРЪ Ѳ. Г. БАУЗЕ.

Біографія эта напечатана въ I томѣ „Словаря“, стр. 68—89. *Ред.*

1. *(стр. 11).* Словарь митрополита Евгенія. М., 1845, т. I, стр. 29. Энциклопедическій лексиконъ, т. V, стр. 98.

2. *(стр. 11).* Oratio de Jurisprudentia etc., pag. 10.

3. *(стр. 11).* Покойный Тимковскій замѣтилъ въ своемъ „Памятникѣ И. И. Шувалову“, что Баузе „вызванъ былъ изъ Іены въ С.-Петербургское, при лютеранской Петропавловской церкви, училище, которое тогда процвѣтало“ (Москвитянинъ, 1851 г., часть III, стр. 21); но справедливость этого извѣстія сомнительна. Баузе *не тотчасъ по пріѣздѣ въ Россію* поступилъ въ Петровское училище; изъ словъ формулярнаго его списка можно также вывести заключеніе, противоположное словамъ Тимковскаго.

4. *(стр. 13).* Gelehrte Abhandlungen und Nachrichten aus und von Russland, herausg. von Büsching, 1764, I B., 1 St., pag. 125—131.

5. *(стр. 13).* Göbel, Nachricht von der Schule der Sprachen, Künste und Wissenschaften bey der hiesigen St.-Peters-Kirche. (St.-Petersburg, 1765), p. 4—15.

6. *(стр. 13).* Изъ бумагъ архива Св. Петровскаго Училища. Сообщено Др. Ф. Ф. Лоренцомъ.

7. *(стр. 14).* Извѣстіе о Петровскомъ Училищѣ, № V (С.-Петербургъ, 1782, въ 4 д.), стр. 1.

8. *(стр. 15).* Продолженіе Трудовъ Вольнаго Экономическаго Общества къ поощренію въ Россіи земледѣлія и домостроительства. Часть III. Въ С.-Петербургѣ, 1783.

9. *(стр. 16).* Извѣстіе о Петровскомъ Училищѣ, № V, стр. 4—8.

10. *(стр. 16).* Тамъ же, стр. 4.

11. *(стр. 17).* Oratio de Jurisprudentia etc., p. 9.

12. *(стр. 17).* Тамъ же, стр. 9.

13. *(стр. 18).* Rede bey Niederlegung seines Amts, als Oberlehrer und Inspector der St.-Petersschule, in einer feyerlichen Versammlung E. Hochl. Schulkonvents und gesammter Lehrer und Schüler, am 11-ten April 1782 gehalten von Theodor Bause, berufenem Professor der Universität zu Moskau. St.-Petersburg, 1782 (въ 4-ку, 8 стр.), p. 3—4.

14. *(стр. 18).* Тамъ же, стр. 4, 7.

15. *(стр. 18).* Dem Andenken meiner Freundin, der Demoiselle Maria Helena Preusser, am Tage Ihrer Beerdigung, den 28 April 1782. St.-Petersburg. gedruckt bey I. I. Weitbrecht (въ 8 д., въ 2 стр.). Въ томъ же году перепеч. въ Ревелѣ (gedruckt mit Lindforsschen Schriften).

16. *(стр. 19).* См. Московскія Вѣдомости, 1782, № 96, стр. 761—762. Oratio de jurisprudentia ejusque docendae et discendae ratione professionis juridicae in Universitate litteraria Mosquensi adeundae caussa dicta D. XXV. Nov. A. C. CIƆIƆCCLXXXII a Theodoro Bause. *Societatis Oeconomicae Petropolitanae nec non Latinae Ienensis Sodali.* Напечатана вмѣстѣ съ другими рѣчами, тогда же произнесенными.

17. *(стр. 21).* Періодическое сочиненіе о успѣхахъ народн. просв., № XXX, стр. 7.

18. *(стр. 22).* На бракосочетаніе его написаны двѣ оды: одна Рихтеромъ, отцомъ его первой жены (Väterlicher Wunsch bey der ehelichen Verbindung Seiner ältesten Tochter Gertrude Catharina Richter, verwitweten Kalkau, mit dem Herrn Professorn Theodor Bause. Moskwa, den 29 September 1792 (въ 4-ку, 4 стр.); другая сочинена какими-то пріятелями его (An Herrn Professor Bause bey seiner Verbindung mit Madame Kalkau, geb. Richter, von zween Freunden R. und R. Moskwa, den 29 Sept. 1792).

19. *(стр. 22).* Онъ самъ говоритъ: Etsi semper, quotiescunque publice verba facerem, id non sine omni timore, qua est naturae *meae imbecillitas*, facere potui etc. См. Oratio in auspiciis imperii suscepti a Catharina II, p. 3.

20. *(стр. 22).* Извѣстіе о древностяхъ славяно-русскихъ и объ Игнатіѣ Ѳерапонтовичѣ Ѳерапонтовѣ, первомъ собирателѣ оныхъ (М., 1811 г.).

21. *(стр. 22).* Страсть Баузе къ древностямъ русскимъ, конечно, не мало имѣла вліянія на Калайдовича, слушавшаго лекціи во время его профессорства.

22. *(стр. 23).* Извѣстіе, стр. 14 — 17. Ср. Вѣстникъ Европы, 1811 г., № 1, стр. 58—59.

23. *(стр. 23).* О другихъ рукописяхъ собранія Баузе см. Всеобщая Библіотека Россіи, Прибавл. II, стр. 443 — 444. Ср. также Кеппена: Библіографическіе листы, II, стр. 80, 83, 223.

24. *(стр. 23).* Москвитянинъ, 1851 г., часть III, стр. 27.

25. *(стр. 23).* Oratio de Russia ante hoc saeculum non prorsus inculta, nec parum adeo de litteris earumque studiis merita. In anniversariis solennibus imperii suscepti a Catharina II ab Universitate Mosquensi rite ac pie celebratis. D. XXX. Jun. A. MDCCXCVI (въ 4-ку, 45 стр.).

26. *(стр. 24).* Мы пользовались четырьмя нѣмецкими письмами Баузе къ М. Н. Муравьеву, находящимися въ бумагахъ послѣдняго, которыя принадлежали М. П. Погодину.

27. *(стр. 25).* Тамъ же, стр. 13. Замѣчательно, что періоды, постановленные Баузе для исторіи русскаго *просвѣщенія*, Н. И. Гречъ приложилъ къ исторіи русской *литературы*. (Опытъ краткой исторіи русской литературы, 1822. С.-Петербургъ, стр. 7).

28. *(стр. 25).* Oratio de Russia etc., стр. 23.

29. *(стр. 25).* Oratio in auspiciis imperii suscepti a Catharina II, p. 10.

30. *(стр. 26).* Другъ Просвѣщенія, 1805, № 6, стр. 217.

31. *(стр. 27).* Періодическое сочиненіе о успѣхахъ народнаго просвѣщенія, № XXIII, стр. 259.

32. *(стр. 27).* Тамъ же, № XIII, стр. 73.

33. *(стр. 27).* Тамъ же, стр. 83.

34. *(стр. 27).* Тамъ же, № XIX, стр. 136.

35. *(стр. 27).* Письмо относится къ 1806 году 15-го февраля.

36. *(стр. 28).* Полное Собр. Зак. Р. И., т. XXVII, № 20,187.

37. *(стр. 28).* Москвитянинъ, 1851 г., часть III, стр. 27.

38. *(стр. 28).* Період. сочин. о успѣхахъ народн. просв., № XXX, стр. 7—9.

II. ПРОФЕССОРЪ І. Ѳ. БУЛЕ.

Біографія напечатана въ I томѣ „Словаря", стр. 112—128. *Ред.*

1. *(стр. 29).* Meusel, Das gelehrte Teutschland. Bd. IX, p. 167.

2. *(стр. 29).* Braunschweigische Gelehrte Beyträge, 1782.

3. *(стр. 30).* Pütter, Versuch einer Academischen Gelehrten-Geschichte von der Georg-Augustus-Universität zu Göttingen; zweyter Theil, p. 273—279.

4. *(стр. 30).* Calendarium Palaestinae oeconomicum, p. III—IV.

5. *(стр. 31).* Pütter, Versuch etc., II, p. 194.

6. *(стр. 31).* См. Ad audiendam orationem professionis philosophiae extraordinariae in Academia Georgia Augusta adeundae causa in A. D. XXVIII. April. CIↃIↃCCLXXXVII recitandam observantissime invitat M. Ioannes Gottlieb Buhle etc. Disputantur nonnula de fabula Satyrica Graecorum (Gottingae), pag. 16.

7. *(стр. 31).* Pütter, Versuch etc., pag. 19.

8. *(стр. 31).* Bemerkungen über den historischen Gebrauch der Quellen zur ältesten Geschichte der Cultur bei den Celtischen und Skandinawischen Völkern. Als Einladungsschrift von I. G. Buhle (Göttingen, 1788), p. 34.

9. *(стр. 32).* Humanistisches Magazin zur gemeinnützlichen Unterhaltung etc., I, p. 13—14.

10. *(стр. 32).* Humanistisches Magazin. Ostern 1787, p. 114—142.

11. *(стр. 32).* Magazin zur Erfahrungsseelenkünde. Sechsten Bandes zweites Stück, p. 25—49.

12. *(стр. 33).* См. статью Буле—Ueber die Aechtheit der Metaphysik des Aristoteles въ Bibliothek der alten Litteratur und Kunst. Viertes Stück (1788. Göttingen), pag. 2—3.

13. *(стр. 33).* Ueber die Ordnung und Folge der Aristotelischen Schriften überhaupt, тамъ же, zehntes Stück, p. 41—42 и слѣдд.

14. *(стр. 34).* Societatis Regiae Scientiarum Gottingensis Commentationes Tom. XI. Classis Hist. et Philolog., p. 216—217.

15. *(стр. 34).* Въ томъ же изданіи помѣщены слѣдующія сочиненія Буле: 1) Commentatio de philosophorum Graecorum ante Aristotelem in arte logica invenienda et perficienda conaminibus (Vol. XI); 2) Commentatio de fontibus, unde Albertus Magnus libris suis XXV de animalibus materiem hauserit (Vol. XII); 3) Commentatio de ortu et progressu pantheismi inde a Xenophane Colophonio primo ejus auctore, usque ad Spinozam (Vol. X). Въ 1794 году Буле издалъ для школъ „Аристотелеву Піитику".

16. *(стр. 36).* An Herrn Professor Hugo. Vom Professor Buhle. Göttingen, 1798 (въ 8 д., стр. 38).

17. *(стр. 36).* Неизданныя Записки Муравьева, касающіяся Московскаго Университета.

18. *(стр. 36).* Сѣверный Вѣстникъ. 1804, № 6, стр. 374—377.

19. *(стр. 36).* Gedächtnissrede auf Heinrich Moritz Grellmann, gehalten von I. G. Buhle, übersetzt von Grellmann (Moskau, 1805), p. 11.

20. *(стр. 37).* Подлинникъ этого и другихъ, ниже приведенныхъ, писемъ Буле находится въ бумагахъ Муравьева. (См. біографію Баузе, примѣч. 26)

21. *(стр. 38).* Періодическое сочиненіе о успѣхахъ народнаго просвѣщенія, № XXIII, 1809, стр. 259.

22. *(стр. 38).* Тамъ же, № XXII, стр. 189.

23. *(стр. 38).* Переведено на русскій языкъ Волковымъ и напечатано въ томъ же году.

24. *(стр. 39).* Въ письмѣ отъ 3-го мая 1805 г.

25. *(стр. 39).* Журналъ изящныхъ искусствъ, издаваемый на 1807 годъ И. Θеоф. Буле. Часть I, стр. 19.

26. *(стр. 40).* Московскія Ученыя Вѣдомости, 1805, стр. 416.

III. ПРОФЕССОРЪ І. М. ШАДЕНЪ.

Выше уже было указано, что біографія Шадена, помѣщенная въ „Словарѣ" (т. II, стр. 558—574) безъ обозначенія автора, найдена въ бумагахъ Тихонравова въ собственноручномъ его оригиналѣ, бывшемъ въ типографіи. Къ сожалѣнію, рукопись сохранилась далеко не вся: имѣются только пять разрозненныхъ листовъ изъ разныхъ мѣстъ біографіи. Сохранившіеся листки даютъ возможность сдѣлать въ текстѣ въ двухъ мѣстахъ незначительныя поправки и прибавить болѣе подробный перечень университетскихъ курсовъ Шадена, выпущенный Шевыревымъ при печатаніи (см. примѣч. 16 къ стр. 52). *Ред.*

1. *(стр. 44).* Прибавленіе къ Московск. Вѣд. 1756 г., № 20, стр. 2—3.

2. *(стр. 44).* Oratio de eo, quod justum est in jure principis circa educationem civium etc., p. 25. Вообще о профессорахъ, которыхъ слушалъ Шаденъ, ср. ту же рѣчь, стран. 20, и Beschreibung des dritten Jubelfestes der Herzoglich Würtembergischen Eberhard Carls Universität zu Tübingen, стр. 157—168.

3. *(стр. 45).* Московск. Вѣд., 1756 г., № 14.

4. *(стр. 46).* Московск. Вѣд., 1758 г., № 56.

5. *(стр. 46).* Судя по этимъ словамъ, Шаденъ при своемъ гимназическомъ преподаваніи руководствовался тою же книгою: „Akademisches Leben", которую употреблялъ въ гимназіи Академіи наукъ при преподаваніи краснорѣчія Я. Штелинъ. Экземпляръ этой книги съ дополненіями Штелина находится въ Императорской Публичной библіотекѣ.

6. *(стр. 46).* Съ просьбою о доставленіи этихъ книгъ ходилъ Шаденъ въ Конференцію въ октябрѣ 1767 г.

7. *(стр. 47).* Труды Любителей Россійской Словесности. М., 1804.

8. *(стр. 47).* Рукописный экземпляръ его имѣетъ слѣдующее заглавіе: Introductio in rhetoricam et oratoriam cum primis ad linguam Latinam accomodata, tradita in illustri gymnasio Universitatis Caesareae Mosquensis a praenobilissimo ac doctissimo domino Iohanne Matthia Schaden etc. Mense Augusto A. C. R. MDCCLXIX; писано съ ошибками противъ орѳографіи и смысла.

9. *(стр. 47).* Vossii rhetorices contractae, sive partitionum oratoriarum libri quinque (изданіе Лейпц. 1742 г.).

10. *(стр. 48).* Термины для перевода беремъ изъ риторики Ломоносова.

11. *(стр. 49).* Пріятное и полезное препровожденіе времени (М. 1797). Ч. XVI, стр. 31—32.

12. *(стр. 50).* Переведены и изданы на русскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: „Г. Ф. Геллерта нравоученіе съ Нѣм. на Русс. яз. переведено Михайломъ Протопоповымъ" (М. 1775—1777, 2 ч.).

13. *(стр. 50).* Сочиненія Карамзина, II, 120.

14. *(стр. 51).* Слова И. Ѳ. Тимковскаго.

15. *(стр. 52).* Dichtung und Wahrheit, II, 6.

16. *(стр. 52).* [Изъ сохранившихся листовъ оригинала видно, что слѣдующія затѣмъ фразы вставлены редакторомъ Словаря взамѣнъ довольно длиннаго мѣста рукописи. Вотъ это мѣсто:]

„Въ $177^{3}/_{4}$ г. онъ преподавалъ по руководству Винклера философію практическую въ обыкновенные дни (т. е. въ понедѣльникъ, вторникъ, четвергъ и пятницу) отъ 2 до 4 часовъ; въ $177^{4}/_{5}$ г. „обыкновенные дни отъ 2 до 4 часовъ употребилъ на истолкованіе двухъ книгъ Самуила Пуффендорфа о должности *человѣка и гражданина*, исчерпая изъ оныхъ положенія и объясняя ихъ примѣчаніями". Въ слѣдующемъ академическомъ году Шаденъ продолжалъ объясненіе Пуффендорфа; въ $177^{5}/_{6}$ г. онъ сперва окончилъ это объясненіе, а потомъ читалъ Народное Право по Ваттелю и Политику по Бильфельду, продолжая изложеніе этихъ предметовъ въ слѣдующемъ году. Объявленіе о лекціяхъ въ университетѣ на $1777/_{8}$ г. говоритъ, что „Шаденъ въ обыкновенные дни отъ 9 до 11 часовъ по утру Политику, на основаніи барона Билефельда, которую прошлаго года за болѣзнію своею окончить не могъ, въ

нынѣшнее годичное наукъ теченіе окончитъ и присовокупитъ къ тому правила *приватнаго благоразумія или Экономіи*". Въ $177^{9}/_{80}$ г. Шаденъ, по окончаніи введенія въ дѣятельную философію и въ исторію всѣхъ нравственныхъ наукъ, по Эрнестовой книгѣ, именуемой „Начала основательнѣйшаго ученія", въ обыкновенные дни и часы обучалъ Праву Естественному и Народному, слѣдуя большею частью Ахенваллю. Въ слѣдующемъ году, окончивъ чтеніе Права Естественнаго и Народнаго, онъ читалъ Политику (8 часовъ въ недѣлю). Въ $178^{1}/_{2}$ г. сперва оканчивалъ Политику, большею частію по Ахенваллю, потомъ читалъ правила приватнаго благоразумія; тѣ же предметы продолжалъ въ слѣдующемъ академическомъ году. Въ $178^{4}/_{5}$ г. онъ преподавалъ Право Естественное и Народное; въ $178^{5}/_{6}$ г. Право Общественное и Всеобщее государственное, по Ахенваллю. Въ $178^{7}/_{8}$ г. Шаденъ преподавалъ *нравственныхъ наукъ Энциклопедію*, при чемъ особливо занимался изъясненіемъ *началъ нравственности* или практической всеобщей философіи, науки о добродѣтеляхъ, или этики, и правилъ благоразумія людей приватныхъ, большею частью по руководству славнаго Федера; въ $178^{8}/_{9}$ г. продолжалъ толкованіе тѣхъ же предметовъ; „по окончаніи же сего *по собственнымъ своимъ положеніямъ*, приступилъ къ преподаванію правилъ всякаго законодательства, или Естественнаго и Народнаго права, сравнивая оныя по мѣстамъ съ правомъ Россійскимъ"; тѣ же самые предметы оканчивалъ онъ въ слѣдующемъ акад. году Въ $179^{1}/_{2}$ г. Шаденъ по окончаніи Естественнаго Права въ тѣсномъ смыслѣ взятаго, какъ совершеннаго (absoluto), такъ и положительнаго (hypothetico), равно и общественнаго, преподавалъ Всеобщее право публичное и приватное, къ чему присовокуплялъ наставленія Народнаго Права, объясняя все примѣрами, почерпнутыми изъ законодательства, какъ другихъ народовъ, *такъ и особливо Россійскаго*. Въ объявленіи на $179^{2}/_{3}$ г. сказано, что Шаденъ, „по окончаніи *всеобщаго права публичнаго, права народнаго и права приватнаго* или *гражданскаго всеобщаго*, и сего послѣдняго особенно слѣдуя постановленіямъ Гуфеландія, начнетъ преподавать Политику или науку о правленіи государства. Во всемъ же оныхъ Правъ и политики ученія станетъ стараться объяснять каждое правило примѣрами, почерпнутыми изъ права публичнаго и народнаго положительнаго и законоположенія политическаго, равно и гражданскаго, какъ у другихъ народовъ, такъ и особенно Имперіи Всероссійской. Въ $179^{3}/_{4}$ г., по окончаніи всѣхъ частей все"...

[На этомъ обрывается листъ].

IV. ПРОФЕССОРЪ И. Г. ШВАРЦЪ.

Біографія проф. Шварца въ „Словарѣ" занимаетъ стр. 574 — 599 II тома Автобіографія Шварца, на нѣмецкомъ языкѣ, легшая въ основу статьи Тихонравова, была позднѣе напечатана имъ въ его „Лѣтописяхъ русской литературы". 1863 г., т. V, о. II, стр. 96—110. *Ред.*

1. *(стр. 60).* Предлагаемая біографія почти вся основана по собственноручной запискѣ Шварца, доставленной редактору Словаря С. Н. Арсеньевымъ. Нѣкоторыя мѣста этой записки цѣликомъ переведены и внесены въ

біографію, съ перемѣною перваго лица на третье: они отмѣчены вносными знаками.

2. *(стр. 62).* Она напечатана на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ въ его книгѣ „Начертаніе первыхъ основаній Нѣмецкаго слога при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ".

3. *(стр. 63).* Для доказательства приведемъ слѣдующее мѣсто изъ книги Плюша: „Les bons maîtres en concluront, que c'est pour eux une nécessité mais une nécessité très agréable et exempte de tout inconvénient, de commencer et de continuer l'étude d'une langue par l'attention de bien faire connoître d'abord les objets dont on doit parler en cette langue, et par le continuel usage de traduire les Auteurs qui la parlent bien: jamais par des compositions qui égarent, jamais par cet attirail de règles qui n'opèrent par provision que la contrainte et la barbarie, au grand préjudice de l'oreille, de la langue, du goût et du style. См. La mécanique des langues. Par M. Pluche. A Paris. MDCCLI, p. 143—144.

4. *(стр. 63).* De virtutibus et vitiis stili Germanici, ejusque exercitiis recte instituendis, p. 6.

5. *(стр. 64).* Книга издана на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ подъ заглавіемъ: Entwurf der Grundsätze des Deutschen Stils, zum Gebrauch der öffentlichen Vorlesungen bey der Kaiserlichen Universität zu Moskau. Erster Theil.—Начертаніе первыхъ основаній Нѣмецкаго слога, для употребленія въ публичныхъ лекціяхъ при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ. Часть первая. Въ Университетской типографіи, у Н. Новикова. 1780.

6. *(стр. 64).* Начертаніе и пр., стр. 120.

7. *(стр. 65).* Тамъ же, стр. 3—5.

8. *(стр. 65).* Тамъ же, стр. 173; ср. стр. 73.

9. *(стр. 65).* Тамъ же, стр. 157.

10. *(стр. 65).* Ср. главу: *О основаніяхъ нѣмецкаго слога* съ XIII отдѣленіемъ (Hauptstück) ораторіи Готшеда: von den Wörtern und Redensarten, imgleichen von verblümten Ausdrückungen (271—297); главы *о періодахъ, или оратерическихъ предложеніяхъ* и *о тропахъ и фигурахъ* заимствованы Шварцомъ изъ XIV отдѣленія той же книги: von den Perioden und ihren Zierrathen, den Figuren (p. 297 — 326); глава *о порокахъ и несовершенствахъ нѣмецкаго слога* изъ XV отдѣленія: von der Schreibart, ihren Fehlern und Tugenden (p. 326—358); наконецъ, гл. *о нѣмецкомъ слогѣ* у Шварца ср. съ XV отдѣленіемъ у Готшеда: Ausführliche Redekunst (Die fünfte Auflage. Leipzig. 1759).

11. *(стр. 66).* Ученіе о хріяхъ изложено было, вѣроятно, по Готшеду, главы *о письмахъ* по Гейнацу (см. 2 отдѣл. 4-й ч. названной книги); въ теоріи писемъ Шварцъ ссылался на него какъ на авторитетъ. Въ предувѣдомленіи къ „Начертанію" профессоръ говоритъ: „Сіе сочиненіе не заключаетъ въ себѣ того, чтобъ можно было обойтись безъ Гейнаца и Рамлера, но еще юношество должно доводимо быть къ полезному оныхъ употребленію. Почему и они въ непродолжительномъ времени трудившимся въ семъ сочиненіи выданы будутъ въ свѣтъ съ россійскимъ переводомъ, и Гейнацъ съ нѣкоторыми перемѣнами, кои необходимо нужны къ учиненію ихъ здѣсь общеполезными". Кажется, это обѣщаніе не было исполнено.

12. *(стр. 67).* De virtutibus et vitiis stili Germanici, p. 7. Entwurf, p. 221—227.

13. *(стр. 67).* Entwurf, p. 247—249. Нельзя не замѣтить, что русскій пе-

реводъ книги Шварца очень неудовлетворителенъ; напр., послѣднія слова приведенной фразы переданы: для избѣжанія *восхитительнаго* слога.

14. *(стр. 67).* Entwurf, p. 247.

15. *(стр. 67).* De virtutibus et vitiis stili Germanici, p. 8.

16. *(стр. 71).* Моск. Вѣд., 1782, № 48, стр. 383.

17. *(стр. 71).* Въ этомъ извѣстіи основатели семинаріи въ первый разъ названы *ученымъ дружескимъ обществомъ*.

18. *(стр. 71).* Моск. Вѣд.. 1782 г., № 52, стр. 415—416.

19. *(стр. 72).* Стихи на день заведенія собранія питомцевъ Московскаго Университета, марта 13-го, 1789 г. Въ осьмилѣтнее празднованіе онаго (М. Въ Ун. тип., у Н. Новикова, въ 4-ку).

20. *(стр. 72).* Неизданныя рѣчи и стихотворенія на смерть Шварца.

21. *(стр. 73).* См. Hasselbach, Lebensgeschichte des Hofraths und Professors C. H. Wolke. Aachen, 1826.

22. *(стр. 74).* Изъ записокъ И. И. Дмитріева. Москвит. 1841, № 1, стр. 45. [„Взглядъ на мою жизнь“, М. 1866 г., стр. 41].

23. *(стр. 74).* Neues Elementarwerk für die niedern Klassen lateinischer Schulen und Gymnasien. Herausgegeben von D. I. S. Semmler und C. G. Schütz. Halle, 13 Th.; послѣднія части этого учебника вышли уже по смерти Шварца.

24. *(стр. 74).* Ср. Моск. Вѣд., 1782 г., № 48.

25. *(стр. 76).* Рѣчи и стихотворенія на смерть И. Г. Шварца.

26. *(стр. 77).* Рѣчи и стихотворенія на смерть Шварца.

27. *(стр. 77).* Отрывки изъ этихъ лекцій напечатаны въ журналѣ Невзорова: Другъ юношества и всякихъ лѣтъ, 1813 г., январь, стр. 85—101.

28. *(стр. 80).* Schmidt, Geschichte der Romantik, Berlin, 1848, 1—7 B.

29. *(стр. 81).* Russische Bibliothek, IX, 405.

30. *(стр. 81).* Рѣчи и стихотворенія на смерть Шварца.

31. *(стр. 81).* Изъ письма дочери Н. И. Новикова къ А. И. Тургеневу. [Въ текстѣ „Словаря“ послѣ ссылки 31-й стоитъ еще фраза: „Года два тому назадъ скончался сынъ Шварца, оставившій нѣсколько сочиненій относительно садоводства“].

32. *(стр. 81).* Ode, dem Andenken des Weiland H. W. B. Schwarzens gewidmet von E. F. S. K. B. v. d. Constantia. Moskau. Gedruckt mit der gesetzmässigen Erlaubniss in der freyen Buchdruckerey bei dem J. von Lopuchin (въ 8-ю д. л., стр. 6).

ИСТОРІЯ ИЗДАНІЯ „ОПЫТА О ЧЕЛОВѢКѢ“ ВЪ ПЕРЕВОДѢ ПОПОВСКАГО.

Статья эта напечатана въ „Русскомъ Архивѣ“ 1872 г., VII, стр. 1311—1322. Въ біографіи проф. Поповскаго („Словарь“, II, стр. 305—320), написанной Шевыревымъ, цензурная исторія перевода „Опыта о человѣкѣ“ передана кратко, въ нѣсколькихъ строкахъ. Статья Тихонравова является дополненіемъ біографіи Поповскаго. Еще ранѣе 1872 г. Тихонравовъ уже касался этого эпизода изъ исторіи цензуры въ статьѣ, посвященной Евгенію Болховитинову: см. выше стр. 296 и слѣд. *Ред.*

1. *(стр. 82).* Сочиненія Ломоносова, изданіе Смирдина, I, 677. Его сіятельству президенту Академіи, гр. Разумовскому.

2. *(стр. 82).* Essai sur l'homme par M. Pope. Traduit de l'anglois. Amsterdam, 1738 (безъ имени переводчика). Перепечатывался много разъ; вошелъ въ Oeuvres diverses de M. Pope. Tome second contenant les pièces traduites en prose. 1749, Amsterdam et Leipzig. Это послѣднее изданіе вновь перепечатано съ гравюрами въ 1754 году. Силуэттъ жаловался, что его переводъ напечатанъ былъ въ Парижѣ съ ошибками и *измѣненіями* по причинамъ, которыя онъ не считалъ нужнымъ сообщать читателю.

3. *(стр. 82).* Напр. въ Oeuvres diverses de M. Pope. Amsterdam, 1754. Одно изъ великолѣпнѣйшихъ изданій перевода Силуэтта (по шрифту и гравюрамъ) было напечатано въ 1745 г. въ 4 д. л. Оно носитъ заглавіе: Essai sur l'homme, par monsieur Alexandre Pope. Traduction françoise en prose par M-r S****. Nouvelle édition avec l'original anglois, ornée des figures en taille douce. A Lausanne et à Genève.

4. *(стр. 83).* Библіографъ. Записки, 1858, стр. 489.

5. *(стр. 83).* Тамъ же, стр. 490.

6. *(стр. 83).* Взамѣнъ ихъ, духовнымъ цензоромъ написано было только *двѣнадцать* стиховъ.

7. *(стр. 83).* Библіографъ. Записки 1858 года, стр. 490.

8. *(стр. 84).* У Дю-Ренеля это мѣсто сокращено, также какъ и у Амвросія, и рѣзкости подлинника сглажены. Для сравненія съ цензурными сти-

хами, напечатанными въ русскомъ переводѣ, прилагаемъ соотвѣтствующіе стихи Дю-Ренеля:

Si chaque tourbillon où nagent les planètes,
Se meut différemment selon des lois secrètes;
Si conservant toujours un ordre merveilleux,
Il forme, il affermit l'assemblage des cieux:
Qu'une seule planète en rompe l'harmonie,
Des autres tourbillons tout-à-coup désunie,
Elle entraîne en tombant tous les globes divers
Qui par leur union forment cet Univers.
De son centre ébranlé la terre dérangée
Sera dans le chaos au même instant plongée;
Les astres, les soleils, l'un sur l'autre entassés.
Par les globes voisins ne sont plus balancés—etc.

9. *(стр. 84).* Къ отмѣченнымъ духовною цензурою сумнительнымъ мѣстамъ Амвросій прибавилъ въ первомъ письмѣ стихи 93, 125, 225, 242, 298, 498, 504, 507, 535; въ четвертомъ письмѣ стихъ 65.

10. *(стр. 85).* Въ печатномъ: *звѣрь.*

11. *(стр. 85).* Въ печатномъ:

Ни сильный въ державѣ надъ подданными царь,
Ни землю орющій для податей пахарь.

12. *(стр. 85).* Біограф. словарь проф. Моск. Унив., II, 133.

13. *(стр. 86).* На копіи письма помѣта „получено 15 Октября". См. „Книга записная отъ его высокопревосходительства Ивана Ивановича Шувалова ордеромъ 1757 г." (въ библіотекѣ Моск. Унив.).

14. *(стр. 86).* Это именно выраженіе употребила духовная цензура о стихахъ, подвергшихся измѣненію.

15. *(стр. 87).* Въ 1757 году Шуваловъ писалъ директору университета: „Къ прежде посланнымъ тремъ выгравированнымъ Попія фигурамъ и послѣднія двѣ на прошедшей недѣлѣ посланы". Гравюры, были тиснуты въ Моск. синодальной типографіи, потому что университетская еще не имѣла становъ.—Біогр. Сл. Проф. Моск. Унив. II, 314.

16. *(стр. 87).* Матеріалы для біографіи Ломоносова, собр. Билярскимъ, стр. 190.

17. *(стр. 88).* Экземпляръ этого перевода, писанный собственною рукою Рихмана, находится въ библіотекѣ Московскаго университета. На заглавномъ листѣ рукописи надпись (вѣроятно, сдѣланная Остерманомъ): Werthes Geschenck von dem Hr. Professore Richmann. Затѣмъ другою рукою приписано: Obiit mense Julio 26, 1753 Petropoli perculsus a Fulmine, cum pervestigationi ulteriori Electricitatis indagaret hora prima pomeridiana in aedium vestibulo Academiae sculptoris Joh. Sokolof. Ampliorem descriptionem casus

v. in Novis publicis Petrop. 1753. № 62“. Внизу той же страницы подпись владѣльца: „Ѳедора Остермана“.

18. *(стр. 88).* Пекарскій, Исторія Импер. Акад. Наукъ, I, стр. XI, 697.

19. *(стр. 88).* Это выраженіе употребляетъ Рихманъ и въ письмѣ къ Остерману, при которомъ посланъ былъ послѣднему нѣмецкій переводъ „Опыта“.

20. *(стр. 89).* Б.-Каменскій, Словарь достоп. людей Русской земли. IV, 92.

Д. И. ФОНЪ-ВИЗИНЪ.

Біографія Фонъ-Визина была написана Тихонравовымъ для „Біографической Лѣтописи питомцевъ Московскаго университета“, которая готовилась къ столѣтнему юбилею университета въ 1855 г., гдѣ и напечатана на стр. 39—83. Какъ извѣстно, изданіе это не было допечатано: въ трехъ извѣстныхъ мнѣ экземплярахъ книги—въ библіотекѣ Тихонравова, въ библіотекѣ Л. Н. Майкова, въ библіотекѣ Историческаго музея (Щапова) имѣется только 240 стр., при чемъ текстъ обрывается на срединѣ слова; по словамъ статьи въ „Университ. Извѣстіяхъ“ 1868 г. больше и не было отпечатано. Нѣкоторыя подробности объ этомъ интересномъ изданіи, которое сохранилось въ очень ограниченномъ числѣ экземпляровъ, даны въ упомянутой сейчасъ неподписанной статьѣ въ „Московскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ“ 1868 г., № 5. Относительно печатанія біографіи Фонъ-Визина у автора происходили серьезныя неудовольствія съ проф. Шевыревымъ, какъ то видно изъ ихъ переписки. Тихонравовъ даже хотѣлъ взять обратно свою статью, недовольный пропусками и сокращеніями, которые дѣлалъ Шевыревъ. Сохранившійся, къ сожалѣнію не въ полномъ видѣ, оригиналъ даетъ возможность сдѣлать нѣсколько вставокъ какъ въ текстъ, такъ и въ примѣчанія статьи. Вставки эти отмѣчены ниже, и по нимъ можно судить о томъ, какія измѣненія Шевыревъ считалъ нужнымъ дѣлать: онъ выпустилъ, напр., тѣ примѣчанія, гдѣ авторъ оспаривалъ мнѣніе кн. Вяземскаго, выпустилъ характеристику воеводы Язвина, указаніе, что въ „Каллисѳенѣ“ Фонъ-Визинъ мѣтилъ на русскіе нравы, что Стародумъ стоялъ за гласность въ государственныхъ дѣлахъ, и проч.

Въ книгѣ „Матеріалы для полнаго собранія сочиненій Д. И. Фонвизина, посмертный трудъ академика Н. С. Тихонравова“ (Спб., 1894 г.) Л. Н. Майковъ перепечаталъ изъ „Біографической Лѣтописи питомцевъ“ статью Тихонравова о Фонъ-Визинѣ, провѣривъ ссылки и цитаты по подлинникамъ.

При перепечаткѣ статей Тихонравова въ Собраніи его сочиненій текстъ вообще дается въ томъ видѣ, какъ онъ напечатанъ былъ самимъ Тихонравовымъ, съ устраненіемъ замѣченныхъ описокъ и опечатокъ, а гдѣ оказы-

вается возможнымъ, съ исправленіями и дополненіями по рукописямъ. При перепечаткѣ біографіи Фонъ-Визина, кромѣ указаній рукописи, были приняты и нѣкоторыя поправки, внесенныя Л. Н. Майковымъ.

Какъ сказано, рукопись (та самая, которая была въ типографіи при наборѣ статьи для „Біографической Лѣтописи“) сохранилась далеко не вся. Ниже въ примѣчаніяхъ отмѣчены вставки, которыя сдѣланы на основаніи этой рукописи. Надо прибавить, что нѣкоторые изъ пропусковъ сдѣланы (Шевыревымъ) въ рукописи еще—т.-е. до передачи ея въ наборъ, а другія мѣста, пропущенныя въ печатномъ текстѣ, въ рукописи не исключены: они вычеркивались уже въ корректурѣ. Выше упомянуто, что этими произвольными пропусками въ статьѣ (они зависѣли не только отъ Шевырева, но и отъ И. Д. Бѣляева) Тихонравовъ былъ очень недоволенъ, и, повидимому, ему удалось отстоять нѣкоторыя мѣста: въ его бумагахъ сохранился корректурный листъ набора біографіи Фонъ-Визина для „Лѣтописи“, и въ корректурѣ этой, оказывается, вычеркнуты такія мѣста, которыя въ печатномъ текстѣ не исключены. Въ печатномъ текстѣ есть одно мѣсто, лишнее противъ рукописи: см. ниже примѣчаніе 30 къ стр. 99. Немногія незначительныя исправленія въ печатномъ текстѣ по рукописи не оговариваются. Надо сдѣлать замѣчаніе только объ одной такой поправкѣ. На стр. 121 біографіи въ этомъ изданіи напечатано: „Въ 1784 году Фонъ-Визинъ во *второй* разъ отправился за границу съ цѣлью посѣтить особенно Италію“. Въ „Лѣтописи“ и въ подлинной рукописи здѣсь стоитъ—„въ *третій* разъ“, но въ Тихонравовскомъ экземплярѣ книги сдѣлана на поляхъ (стр. 75) карандашемъ поправка: „*второй*“. Эта поправка и принята, какъ болѣе удобная. Въ сущности поѣздка 1784 г. была третьею, такъ какъ впервые Фонъ-Визинъ ѣздилъ за границу въ 1763 г. (см. выше, стр. 100) со служебнымъ порученіемъ къ Шверинскому двору, но обыкновенно эта поѣздка не принимается въ счетъ, и путешествіе 1777 года (стр. 119) признается первымъ путешествіемъ, а поѣздка 1784 г.—вторымъ. Такъ какъ за печатаемыми въ Собраніи сочиненій Фонъ-Визина его заграничными письмами установились опредѣленныя заглавія: изъ перваго путешествія (1777 г.), изъ второго (1784—1785), изъ третьяго (1786—1787) путешествія,—то и удобнѣе вообще называть поѣздку 1784 г. *вторымъ* путешествіемъ.

Къ подлиннымъ ссылкамъ Тихонравова прибавлены въ прямыхъ скобкахъ ссылки на позднѣйшія изданія цитуемыхъ имъ журналовъ и сочиненій. *Ред.*

1. *(стр. 90).* Это показаніе князя П. А. Вяземскаго подтверждается собственными словами Фонъ-Визина. Въ 1758 году Мелиссино отправился съ лучшими учениками въ Петербургъ для представленія ихъ Шувалову; Фонъ-Визинъ говоритъ, что тогда онъ былъ „не старѣе четырнадцати лѣтъ“. Сочиненія Фонъ-Визина, изд. 3-е А. Смирдина, стр. 507 [1852 г.]. Всѣ ссылки сдѣланы на это изданіе. [Сочиненія Ф.-В., подъ редакціей П. А. Ефремова, Спб., 1866 г.—„Чистосердечное признаніе“ стр. 538].

2. *(стр. 91).* Не соглашаемся съ мнѣніемъ князя Вяземскаго, высказаннымъ въ его книгѣ „Фонъ-Визинъ“, стр. 26—27. [Сочин. кн. Вязем., V, 15—16].

3. *(стр. 91).* Сочиненія Фонъ-Визина, стр. 491, 492, 493. [„Чистосердечное признаніе“, 528—530].

4. *(стр. 91).* Тамъ же, стр. 645. [Письмо 28 іюня 1768, стр. 394].

5. *(стр. 91).* Тамъ же, стр. 599. [Стр. 227].

6. *(стр. 92).* Собственныя слова Д. И. Фонъ-Визина. Сочиненія, стр. 500 [„Чистосерд. призн.“, стр. 534].

7. *(стр. 92).* Прибавленіе къ 1-му № Московскихъ Вѣдомостей 1756 г., стр. 4.

8. *(стр. 92).* Московскія Вѣдомости 1757 г., № 56. См. біографію Шадена.

9. *(стр. 92).* Московскія Вѣдомости 1757 г., № 57.

10. *(стр. 92).* Прибавленіе къ № 38 Московскихъ Вѣдомостей 1758 г., стр. 9, 12.

11. *(стр. 93).* Прибавленіе къ № 101 Московскихъ Вѣдомостей 1758 г.

12. *(стр. 93).* Фонъ-Визину было тогда 14 лѣтъ. Сочиненія, стр. 507. [Стр. 538].

13. *(стр. 93).* Московскія Вѣдомости 1759 г., № 64.

14. *(стр. 93).* Прибавленіе къ № 34 Московскихъ Вѣдомостей 1760 г.

15. *(стр. 94).* См. Moralische Fabeln mit beygefügten Erklährungen einer jeden Fabel. Aus dem Dänischen des Herrn Baron von Holberg übersetzt durch J. A. S. K. D. C. Zweite, verbesserte Auflage. Kopenhagen. 1761. Съ перваго изданія этого перевода сдѣланъ русскій переводъ Фонъ-Визина.

16. *(стр. 94).* Эту комедію переложилъ на русскіе нравы А. Хвостовъ подъ названіемъ „Русскій Парижанецъ“.

17. *(стр. 94).* Сочиненія, стр. 509. [„Чистосердечное признаніе“, 540].

18. *(стр. 94).* Замѣтимъ мимоходомъ, что извѣстная эпиграмма И. И. Дмитріева „Мнѣ лѣкарь говорилъ“ заимствована изъ одной нравоучительной басни Гольберга (ср. по переводу Фонъ-Визина, изд. 1761 г., стр. 981(· впрочемъ, принявши уже форму французской эпиграммы.

19. *(стр. 94).* Уже составивши себѣ имя въ литературѣ, Фонъ-Визинъ напечаталъ два новыя изданія своего перевода басенъ Гольберга. Въ 1787 году напечатано было третье изданіе ихъ съ прибавленіемъ 42 басенъ. Это показываетъ, какъ уважалъ переводчикъ Гольберга.

20. *(стр. 94).* Полезное Увеселеніе 1761 г., ноябрь, стр. 161—178.

21. *(стр. 95).* Сочиненія, стр. 543 и 544. [Стр. 227].

22. *(стр. 95).* Полезное Увеселеніе, генварь 1761 г., стр. 14—16.

23. *(стр. 97).* Собраніе лучшихъ сочиненій. 1762 г., ч. I, стр. 1—8.

24. *(стр. 97).* Тамъ же, стр. 74—83.

25. *(стр. 98).* Тамъ же, часть II, стр. 181—213.

26. *(стр. 98).* Тамъ же, часть III, стр. 120—143.

27. *(стр. 98).* „Благополучный торгъ осьмой музы“ изъ тѣхъ же Кригеровыхъ „Сновъ“ (Träume) переведенъ Павломъ Фонъ-Визинымъ и напечатанъ въ томъ же изданіи, часть I, стр. 84—86.

28. *(стр. 98).* Живописецъ, еженедѣльное на 1772 годъ сочиненіе, часть II, листъ 2, стр. 217—224. [Изданіе П. А. Ефремова, 1864 г., стр. 169—174].

29. *(стр. 98).* „Сказуютъ“ (читаемъ въ P. S. издателя), „что сему любопытному зрителю одна Муса подарила превеликіе два штофа разума, а другая, продающая честь, пожаловала его достоинствами, т. е. *честностію* и *скромностію*“. Тамъ же, стр. 224. [Стр. 177].

30. *(стр. 99).* [Предыдущая фраза исправлена по рукописи, этой же фразы въ рукописи нѣтъ, какъ нѣтъ и послѣдующаго документа. Такъ какъ эта фраза не совсѣмъ согласована съ текстомъ, то можно думать, что она вставлена въ корректурѣ не авторомъ].

81. *(стр. 100).* Копія этого любопытнаго документа находится въ архивѣ иностранныхъ дѣлъ; „Оригинальная промеморія отдана на руки ему Фонъ-Визину того жъ числа", какъ помѣчено на копіи.

82. *(стр. 101).* Онъ былъ другомъ Лукина.

83. *(стр. 101).* Сочиненія и переводы Владиміра Лукина. Спб., 1765, II, стр. IX—X. [Изданіе подъ редакціей П. А. Ефремова, 1868 г., стр. 114].

84. *(стр. 101).* Письмо это относимъ мы къ 1768 году. Въ началѣ 1765 года Фонъ-Визинъ ѣздилъ *на 29 дней* въ Москву (Вяземскій, l. c., стр. 237); но не въ это время написано къ Елагину упоминаемое письмо, потому что Фонъ-Визинъ начинаетъ его словами: „Семь недѣль остается мнѣ до сроку". Въ письмѣ онъ говоритъ, между прочимъ, что перевелъ „Іосифа" и написалъ „Бригадира", а эти произведенія появились въ свѣтъ въ 1769 г.: авторъ привезъ ихъ изъ Москвы въ рукописяхъ. Вѣроятно при томъ, письмо писано въ началѣ 1768 г., потому что въ томъ же году Елагина смѣнилъ Стрекаловъ (Сочиненія Фонъ-Визина, стр. 643). [Все это примѣчаніе взято изъ рукописи: оно было зачеркнуто при печатаніи и вмѣсто него въ печати дано краткое указаніе съ ошибочной датой: „письмо это относимъ мы къ 1765 г."].

85. *(стр. 101).* Сочиненія, стр. 633. [Стр. 357].

86. *(стр. 102).* Тамъ же, стр. 638. [Стр. 387].

87. *(стр. 102).* Сочиненія и переводы В. Лукина, ч. II, стр. IX—X. [Стр. 113]. Кажется, эта передѣлка Грессетова „Сиднея" упоминается митрополитомъ Евгеніемъ въ числѣ *напечатанныхъ* переводовъ Фонъ-Визина подъ заглавіемъ: „Сидней, стихами, съ франц. и проч." (Словарь свѣтскихъ писателей, I. 82). Сколько намъ извѣстно, такой книги не существуетъ; въ первый разъ напечатанъ „Коріонъ" въ „Библіотекѣ для Чтенія" 1835 года. [Ср. указанія П. А. Ефремова въ изданіи сочиненій Фонъ-Визина 1866 г., стр. 667].

88. *(стр. 102).* Настоящее названіе этой комедіи А. С. Хвостова—„Русскій Парижанецъ": это передѣлка вышеупомянутой комедіи Гольберга „Іоганнъ Парижскій".

89. *(стр. 102).* Сочиненія и переводы В. Лукина, ч. II, стр. IX—X. [Стр. 113].

40. *(стр. 103).* Сочиненія и переводы Лукина, II, стр. XV—XVI. [Стр. 115—116].

41. *(стр. 104).* Заглавіе подлинника: Les dehors trompeurs ou l'homme du jour. Уцѣлѣвшіе листки Фонъ-Визинскаго перевода нынѣ хранятся въ Императорской Публичной библіотекѣ.

42. *(стр. 104).* Ср. по 1-му изданію листъ 4-й, стр. 25—28; листъ 7, 9, 10 и т. д.

43. *(стр. 106).* [Мѣсто это здѣсь печатается такъ, какъ оно дано въ рукописи и въ печатномъ текстѣ „Лѣтописи питомцевъ". Въ книгѣ „Матеріалы для полнаго собранія сочиненій Д. И. Фонъ-Визина" внесена поправка: „и удобныя произвестися въ дѣйство"].

[Къ упоминаемой на слѣдующей страницѣ брошюрѣ „La Noblesse commerçante" въ рукописи дано еще такое примѣчаніе:]

Что упоминаемая брошюра писана имъ [Куайе], видно изъ втораго ея изданія, вышедшаго съ именемъ автора въ Лондонѣ (Парижѣ). Ср. Barbier, Dictionnaire des ouvrages anonymes et pseudonymes etc., seconde édit., II, p. 439, № 12,354.

44. *(стр. 110).* [Къ предшествующей фразѣ о значеніи практическаго знакомства Фонъ-Визина съ славянскимъ языкомъ въ рукописи находимъ

слѣдующее примѣчаніе:] Не соглашаемся съ мнѣніемъ кн. Вяземскаго (Фонъ-Визинъ, стр. 28).

Въ примѣръ неудачнаго употребленія славянскихъ флексій и оборотовъ приведемъ слѣдующія фразы: „Добродѣтель, хотящая усты его вѣщати, является въ очахъ его“ (стр. 12). „Въ пеленахъ *сущи*, лишилась я своего родителя“ (стр. 51). „По начатіи торжества сего Іаковъ, *сѣдящи* между ними юною пастушкой, не могъ сокрыти движеніе души своея“ (стр. 55). „Потомъ обращся къ ней; и ты, рекъ онъ“ и т. д. (тамъ же). „Іаковъ, отецъ мой, есть изобилующій паче прочихъ пастырь страны Ханаанейской“ (стр. 42).

45. *(стр. 110).* Другъ Просвѣщенія, 1805 г., кн. 10, стр. 252.

46. *(стр. 110).* Пустомеля, ежемѣсячное сочиненіе, 1770 годъ, мѣсяцъ іюль. Въ С.-Петербургѣ (въ 32-ю д. л.) (стр. 93—105). [Изд. 1858 г., стр. 98—103]. Кто былъ издателемъ этого журнала — неизвѣстно. Г. Буличъ говоритъ: „Есть извѣстіе, что издателемъ „Пустомели“ былъ Аблесимовъ“ (Сумароковъ и современная ему критика, стр. 272). Это извѣстіе основано на словахъ одного нѣмецкаго журнала, но, какъ намъ кажется, не вѣрно понято. Есть довольно неизвѣстныхъ большею частью нашимъ изслѣдователямъ сочиненій Аблесимова въ еженедѣльномъ изданіи „Разскащикъ забавныхъ басенъ, служащихъ къ чтенію въ скучное время, или когда кому дѣлать нечего“ (М., 1783, 2 ч.): можно даже думать, что Аблесимовъ принималъ въ этомъ изданіи главное участіе. Отъ неточнаго перевода нѣмецкаго заглавія произошло, вѣроятно, то, что Аблесимову вмѣсто „Разскащика“ приписали „Пустомелю“. „Посланіе къ слугамъ“ напечатано въ „Пустомелѣ“ совершенно такъ, какъ печатается обыкновенно въ собраніи сочиненій Фонъ-Визина; только вмѣсто словъ: Петрополь, Москва и Петербургъ стоитъ: П***, М**, П***.

47. *(стр. 110).* Пустомеля, ежемѣсячное сочиненіе 1770 года, мѣсяцъ іюль, стр. 104, 105. [Изд. 1858 г., стр. 103—105].

48. *(стр. 112).* Трутень, еженедѣльное изданіе на 1769 годъ, листъ VI, стр. 45, 46. [Изд. 1865 г., стр. 38].

49. *(стр. 112).* Трутень, листъ IX, стр. 69. [Стр. 56—57].

50. *(стр. 112).* См. 1-е явленіе Бригадира.

51. *(стр. 113).* Живописецъ, еженедѣльное на 1772 годъ сочиненіе, листъ 4-й, стр. 30. [Изд. 1864 г., стр. 22].

52. *(стр. 113).* Тамъ же, листъ 6-й, стр. 43—44. [Стр. 32—33].

53. *(стр. 113).* Въ 1-мъ листѣ „Живописца“ изложены были мысли щеголихи о наукахъ и литературѣ.

54. *(стр. 114).* Комедія императрицы Екатерины II: „О время!“

55. *(стр. 114).* Живописецъ, листъ IX, стр. 65—66. [Стр. 53—56].

56. *(стр. 114).* Бригадиръ, дѣйствіе I, явленіе 2-е.

57. *(стр. 114).* Трутень, 1769 г., листъ II, стр. 6. [Стр. 13].

58. *(стр. 115).* Трутень, 1769 г. листъ XVIII, стр. 138—139. [Стр. 109—110].

59. *(стр. 115).* Ср. эпиграмму, напечатанную въ 3-й части Собесѣдника любителей россійскаго слова, стр. 38—39.

60. *(стр. 116).* Живописецъ, листъ 7, стр. 49. [Стр. 37].

61. *(стр. 117).* См. Біографію Новикова [выше, стр. 130—162].

62. *(стр. 117).* Теософическихъ мнѣній Новикова не раздѣлялъ Фонъ-Визинъ. Сочиненія, стр. 406. [Стр. 233—239].

63. *(стр. 117).* Живописецъ. часть II. листъ 3, стр. 226 — 232; листъ 4. стр. 233—239. [Стр. 178—182. 183—187].

64. *(стр. 118).* Это неизданное стихотвореніе Фонъ-Визина находится въ рукописи Императорскаго Казанскаго университета № 2531-й. [Л. Н. Майковъ указываетъ. что эти стихи заимствованы изъ сборника, хранящагося теперь подъ № 19,953; см. Матеріалы для полнаго собранія сочиненій Д. И. Фонвизина. стр. XXXIV].

65. *(стр. 118).* Драматическій Словарь. Москва, 1787, стр. 88, 89.

66. *(стр. 118).* Свидѣтельство современника, графа Д. И. Хвостова. Невскій Зритель, ч. III, 1820 г., Спб., стр. 253, 258.

67. *(стр. 120).* Les Italiens, ou moeurs et coutumes d'Italie. Ouvrage traduit de l'Anglais de M. Baretty. 1773, pp. 1—3.

68. *(стр. 120).* Сочиненія, стр. 372. [Стр. 434].

69. *(стр. 121).* Ср. письма Фонъ-Визина изъ Италіи съ статьею „Aus dem ungedruckten Tagebuche eines Reisenden“: она перепечатана въ St.-Petersburgische Bibliothek der Journale, welche in Russland, Deutschland, England, Frankreich und Schweden herauskommen, 1783, December.

70. *(стр. 121).* Фонъ-Визинъ, соч. кн. Вяземскаго, стр. 155, 170. [Соч. кн. Вяземскаго, т. V, стр. 100. 109—110].

71. *(стр. 122).* Черновой подлинникъ находится въ Императорской Публичной библіотекѣ.

[Все мѣсто, начиная со словъ: „Фонъ-Визинъ не задумался“ и до 71-й ссылки. взято изъ рукописи; въ печатномъ текстѣ оно пропущено, равно какъ и относящееся къ нему 71-е примѣчаніе].

72. *(стр. 124).* Черновые подлинники двухъ послѣднихъ писемъ хранятся въ Императорской Публичной библіотекѣ.

73. *(стр. 124).* Собесѣдникъ, IV, 143; X. 137.

74. *(стр. 124).* „L'art des grands est de bourrer les petits par des promesses magnifiques“, говоритъ Жираръ. „Проманивать есть большихъ *бояръ* искусство“, переводитъ Фонъ-Визинъ. „Le fainéant aime à être désoeuvré, il hait l'occupation et fuit le travail“, читаемъ у Жирара. У Фонъ-Визина иначе: „Праздный обыкновенно шатается или безъ дѣла у двора. или въ непрестанныхъ отпускахъ, или не служа въ отставкѣ и исчезаетъ съ именемъ презрительнаго тунеядца“ и т. д.

[Первыя фразы примѣчанія взяты изъ рукописи].

75. *(стр. 124).* Собесѣдникъ, II, 106—117.

76. *(стр. 124).* Русскій Вѣстникъ въ пользу семейственнаго воспитанія, издаваемый С. Глинкою, 1815 г., кн. 2, стр. 64.

77. *(стр. 125).* [Подробности о воеводѣ Язвинѣ при печатаніи біографіи въ „Словарѣ питомцевъ“ пропущены. Мѣсто это возстановлено по рукописи].

78. *(стр. 125).* Собесѣдникъ, IV, 7—10.

79. *(стр. 126).* Собесѣдникъ, III, 160—166.

80. *(стр. 126).* Сочиненія, стр. 546. [Стр. 229].

81. *(стр. 126).* Тамъ же, стр. 555. [Стр. 249].

82. *(стр. 126).* Тамъ же, стр. 609. [„Сокращенное описаніе житія графа Никиты Ивановича Панина“, стр. 220—221.—Все мѣсто со словъ: „Однимъ изъ главныхъ и, кажется, постоянно занимавшихъ автора“... и до ссылки 81-й взято изъ рукописи].

83. *(стр. 127).* Новыя ежемѣсячныя сочиненія, 1786 г., августъ. [Сочиненія Фонъ-Визина, изд. 1866 г., стр. 176—179].

84. *(стр. 127).* [Все мѣсто о „Каллисѳенѣ“ взято изъ рукописи; при печатаніи оно пропущено].

85. *(стр. 128).* Князь Вяземскій, въ приложеніяхъ къ своей книгѣ о Фонъ-Визинѣ, напечаталъ это „Начертаніе для составленія толковаго словаря славяно-россійскаго языка“, равно какъ и замѣчанія Болтина. Но въ письмѣ Козодавлеву Фонъ-Визинъ самъ пишетъ: „Сочинитель примѣчаній, кажется, весьма недоволенъ *нашимъ* начертаніемъ“ [Соч., стр. 626]. Въ „Краткой исторіи Россійской академіи“ г. Красовскаго подробно изложенъ ходъ работъ по составленію словаря на основаніи офиціальныхъ актовъ академіи; тамъ указаны лица, участвовавшія въ словарѣ. Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, часть LX, отд. III, стр. 25 и слѣд. [См. Исторію Россійской академіи, М. И. Сухомлинова, вып. VII, 10—22].

86. *(стр. 128).* Тамъ же, стр. 96—97.

Н. И. НОВИКОВЪ.

Біографія Новикова напечатана въ „Біографической лѣтописи питомцевъ Московскаго университета“, 1855 г., стр. 154—192. (Объ этомъ изданіи см. выше примѣчанія къ біографіи Фонъ-Визина). До послѣдняго времени въ печати были указанія на принадлежность Тихонравову въ этомъ изданіи только статей о Фонъ-Визинѣ и Рубанѣ, но недавно Л. Н. Майковъ и А. Н. Пыпинъ отмѣтили, что и біографія Новикова въ „Лѣтописи“ написана Тихонравовымъ: это доказывается (помимо данныхъ въ перепискѣ) ссылками 37-ой и 52-ой.

Рукописи біографіи Новикова не сохранилось: здѣсь повторенъ печатный текстъ изъ „Біографической лѣтописи“. Тогда какъ біографіи Фонъ-Визина и Рубана были въ недавнее время перепечатаны, статья о Новиковѣ перепечатывается здѣсь въ первый разъ. Сохраненная въ малодоступномъ изданіи, безъ прямого указанія на принадлежность ея перу Тихонравова, статья эта оставалась доселѣ неизвѣстною даже лицамъ, спеціально занимавшимся Новиковымъ.

Другія статьи Тихонравова о Новиковѣ см. во 2-й части этого тома. *Ред.*

1. *(стр. 130).* Собственное показаніе Новикова. Москвитянинъ, 1842 г., № 3, стр. 130.

2. *(стр. 130).* Свидѣтельство Я. Штелина изъ его неизданной записки: Auteurs Russes.

3. *(стр. 130).* Прибавленіе къ Вѣдомостямъ Московскимъ, 1758 годъ, май 12.

4. *(стр. 130).* Протоколы конференціи и Моск. Вѣдом. 1759 г.

5. *(стр. 131).* Слова Карамзина. Ср. Живописецъ на 1772 г. Ч. II, стр. 386. [Изд. 1864 г., листъ 22, стр. 287].

6. *(стр. 132).* Трутень, 1770 г., стр. 62. [Изд. 1865 г., листъ 8, стр. 271].

7. *(стр. 133).* Трутень, 1769 г., стр. 71, 259, 269. [Л. 9, стр. 57; л. 33, стр. 200; л. 34, стр. 206—207].

8. *(стр. 133).* Тамъ же, стр. 117, 72. [Л. 15, стр. 94; л. 9, стр. 58].

9. *(стр. 133).* Тамъ же, стр. 47. [„Въ нѣкоторое судебное мѣсто потребно правосудія до 10 пудовъ“, л. 6, стр. 40].

10. *(стр. 133).* Трутень, 1769 г., стр. 13. [Л. 2, стр. 14].

11. *(стр. 133).* Трутень, 1770 г., стр. 5. [Л. 1, стр. 228].

12. *(стр. 133).* Трутень, 1769 г., стр. 181. [Л. 23, стр. 142].

13. *(стр. 133).* Трутень, 1769 г., стр. 69, 222. [Л. 9, стр. 55; л. 28, стр. 172—173].

14. *(стр. 133).* Тамъ же, стр. 39, 69, 77, 125, 165. [Л. 5, стр. 33; л. 9, стр. 54 — 55; л. 10, стр. 61; л. 16, стр. 100; л. 21, стр. 130]. Трутень, 1770 г., стр. 41, 44. [Л. 6, стр. 255, 257].

15. *(стр. 133).* Тамъ же, стр. 63. [Л. 8, стр. 272].

16. *(стр. 133).* Трутень, 1769 г., стр. 70. [Л. 9, стр. 56].

17. *(стр. 134).* Трутень, 1770 г., стр. 47. [Л. 6, стр. 260].

18. *(стр. 134).* Сат. IV, стр. 191.

19. *(стр. 134).* Предисловіе къ Трутню, 1769 г.

20. *(стр. 134).* Трутень 1769 г., стр. 193, 225. [Л. 25, стр. 151; л. 29, с. 175].

21. *(стр. 134).* Тамъ же, стр. 28. [Л. 4, стр. 25].

22. *(стр. 134).* Тамъ же, стр. 56. [Л. 7, стр. 46]. Трутень 1770 г., стр. 48. [Л. 6, стр. 260].

23. *(стр. 134).* Тамъ же, 1769 г., стр. 62. [Л. 8, стр. 51].

24. *(стр. 134).* Тамъ же, стр. 155, 159—160. [Л. 20, стр. 122, 125—126].

25. *(стр. 134).* Тамъ же, стр. 33. [Л. 5, стр. 29].

26. *(стр. 134).* Тамъ же, стр. 34. Ср. стр. 57, 107—110. [Л. 5, стр. 30; ср. л. 8, стр. 47; л. 14, стр. 87—89]. Полемика съ „И то и сіе" (недѣля 28).

27. *(стр. 135).* Трутень 1770 г., стр. 117, 127, 133. [Л. 15, стр. 311, 312; л. 16, стр. 319, 320; л. 17, стр. 324].

28. *(стр. 135).* Трутень 1769 г., стр. 144. [Л. 18, стр. 114].

29. *(стр. 135).* Трутень 1770 г., стр. 114. [Л. 15, стр. 307].

30. *(стр. 137).* Живописецъ, 1-е изд., стр. 52, 53. [I, л. 7, стр. 40—41].

31. *(стр. 137).* Тамъ же, стр. 25. [I, л. 4, стр. 19].

32. *(стр. 137).* Тамъ же, листъ 10-й. [I, л. 10, стр. 59].

33. *(стр. 137).* Живописецъ, листъ 5-й, 14-й. [I, л. 5, стр. 25 — 30; л. 14, стр. 85—88].

34. *(стр. 137).* Перечень изданій „Живописца" въ статьѣ г. Аѳанасьева: Русскіе журналы 1769 — 1774 годовъ (Отеч. Записки, 1855 г., № 4, отд. II, стр. 93). [Отдѣльное] изданіе изслѣдованія Аѳанасьева, М., 1859 г., стр. 261. См. также у П. А. Ефремова, изданіе „Трутня", 1865 г., стр. V—XVII].

35. *(стр. 138).* О „Кошелькѣ" напечатана статья Макарова въ Отечественныхъ Запискахъ 1839 г. (№ 1, Смѣсь, стр. 28—39); но трудно полагаться на вѣрность ея указаній.

36. *(стр. 138).* Новикову приписываютъ изданіе „Смѣси" 1769 г. (Московскій Зритель, 1806, апрѣль, стр. 6; Словарь Евгенія и др. съ его словъ) и Вечеровъ; но есть причины сомнѣваться въ вѣрности этихъ указаній. См. указанную статью Аѳанасьева; ср. Булича, Сумароковъ и современная ему критика, стр. 239.

37. *(стр. 138).* Болѣе подробныя замѣчанія объ отношеніи „Словаря" къ „Опыту русскаго путешественника" см. въ моей статьѣ объ Essai sur la littérature Russe въ Моск. Вѣдом. 1851 г., № 150. [Смотри ч. 2-ю III-го тома Соч. Тихонравова. *Ред.*].

38. *(стр. 139).* Опытъ Словаря о россійскихъ писателяхъ, стр. 163.

39. *(стр. 139).* Сочиненія Василія Петрова (Спб., 1811), часть III, 117—118.

40. *(стр. 139).* Сочиненія Ѳедора Козельскаго (Спб., 1772 г.), часть I, стр. 169.

41. *(стр. 140).* Всякая Всячина, 1769 г., стр. 31. Ср. также возраженіе на эту статью тамъ же, стр. 110; Смѣсь, 1769 г., стр. 94.

42. *(стр. 140).* Опытъ Историческаго Словаря, стр. 219.

43. *(стр. 140).* На Санктпетербургскихъ Ученыхъ Вѣдомостяхъ нѣтъ имени Новикова; но онѣ безспорно принадлежатъ ему. Это доказывается: 1) тѣмъ, что онѣ должны были служить „къ приведенію въ лучшее совершенство" Словаря о писателяхъ; 2) начальною буквою фамиліи Новикова, поставленною подъ предисловіемъ; 3) свидѣтельствомъ библіографовъ.

44. *(стр. 141).* Надпись къ портрету Кантемира, напечатанная въ Спб. Вѣдом., есть первое произведеніе И. И. Дмитріева.

45. *(стр. 141).* Исторія россійская съ самыхъ древнѣйшихъ временъ. Кн. I, часть I, стр. 51.

46. *(стр. 142).* О. М. Бодянскаго, О времени происхожденія славянскихъ письменъ, стр. XXXI.

47. *(стр. 142).* См. первое изданіе Древней Россійской Вивліоѳики: „Къ читателю".

48. *(стр. 142).* Санктпетербургскія Ученыя Вѣдомости на 1777 годъ.

49. *(стр. 143).* Неизданное письмо Муравьева къ Карманову, въ бумагахъ его, принадлежавшихъ М. П. Погодину.

50. *(стр. 143).* Прибавленіе къ № 92 Московскихъ Вѣдомостей 1775 г.

51. *(стр. 144).* Живописецъ, изд. 3-е, ч. I, стр. X, XI. [Стр. XI—XII].

52. *(стр. 145).* См. написанную мною біографію И. Г. Шварца въ „Біографическомъ Словарѣ профессоровъ и преподавателей Императорскаго московскаго университета". [См. выше, стр. 60—81].

53. *(стр. 146).* С. П. Шевыревъ, Исторія Московскаго университета, стр. 223.

54. *(стр. 146).* Москвитянинъ, 1842 г., № 3, стр. 130.

55. *(стр. 146).* Записки А. Т. Болотова, Спб., 1851 г., т. I, стр. 141. [Изд. 1870 г., т. I, стр. 220].

56. *(стр. 147).* Анекдоты древнихъ Пошехонцевъ, соч. В. Березайскаго, Спб., 1798, стр. 1—2.

57. *(стр. 147).* Живописецъ, часть II, стр. 353 — 355 (изд. 1-е). [II, л. 18, стр. 263—265].

58. *(стр. 147).* Сочиненія Карамзина, III, стр. 545.

59. *(стр. 148).* Роспись россійскимъ книгамъ, которыя продаются въ университетской книжной лавкѣ. Въ Москвѣ, 1782 года.

60. *(стр. 148).* Сіонскій Вѣстникъ, 1818 г., № 2, стр. 225—226.

61. *(стр. 148).* Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи, т. XX, № 15,654.

62. *(стр. 148).* Изданіе состоитъ изъ 36 книжекъ, или 9 частей.

63. *(стр. 149).* Утренній Свѣтъ, ч. I, стр. XIII.

64. *(стр. 149).* Утренній Свѣтъ, ч. IX, стр. 212.

65. *(стр. 150).* Покоящійся Трудолюбецъ, ч. II, стр. 202 и слѣд.

66. *(стр. 151).* См. вышеуказанную статью Лабзина въ Сіонскомъ Вѣстн. 1818 г.

67. *(стр. 152).* Покоящійся Трудолюбецъ, часть II, стр. 94—96.

68. *(стр. 153).* Неизданныя записки Муравьева, изъ которыхъ взято это свидѣтельство, находятся въ настоящее время въ Императорской Публичной библіотекѣ.

69. *(стр. 153).* Изъ записокъ И. И. Дмитріева. Москвитянинъ, 1841 г., № 1, стр. 36. [Изд. 1866 г., стр. 42].

70. *(стр. 154).* Роспись россійскимъ книгамъ, которыя продаются въ университетской книжной лавкѣ. М., 1783 г.

71. *(стр. 156).* И. Ѳ. Тимковскаго, „Памятникъ Ивану Ивановичу Шувалову". въ Москвитянинѣ 1851 г., № 9 и 10, стр. 41.

72. *(стр. 156).* Москвитянинъ, 1842 г., № 2, стр. 521 — 524. Калмыкова, О литературной собственности вообще и въ особенности объ исторіи правъ сочинителей въ Россіи (Спб., 1851), стр. 43.

73. *(стр. 157).* Москвитянинъ 1843 г., № 1, стр. 241.

74. *(стр. 158).* Хризомандеръ, Аллегорическая и сатирическая повѣсть. М. 1783 г., стр. 265.

75. *(стр. 158).* См. Опытъ Россійской библіографіи, Сопикова.

76. *(стр. 159).* Русскій Вѣстникъ, 1842 г., № 3, отд. II, стр. 364.

77. *(стр. 159).* Смирновъ, Исторія Московской славяно-греко-латинской академіи, стр. 324—327.

78. *(стр. 159).* Москвитянинъ, 1842 г., № 5, стр. 130.

79. *(стр. 159).* Ср. Бантышъ-Каменскій, Словарь достопамятныхъ людей Русской земли, изд. 1836 г., ч. IV, стр. 28.

80. *(стр. 161).* Записка дочери Новикова.

81. *(стр. 161).* König, Literarische Bilder aus Russland, p. 61.

82. *(стр. 162).* Изъ письма племянника Новикова къ А. И. Тургеневу.

В. Г. РУБАНЪ.

Статья напечатана въ „Біографической лѣтописи питомцевъ Московскаго университета“, стр. 220—240. На 240 стр. текстъ обрывается на полусловѣ — изданіе не было докончено (см. ниже примѣч. 30 къ стр. 181). Въ бумагахъ Тихонравова нашелся оригиналъ статьи, но, къ сожалѣнію, не въ полномъ видѣ, а лишь разрозненные листки. На основаніи рукописи прибавлена послѣдняя страница къ біографіи, которая все-таки остается неоконченной.

Біографія Рубана была недавно перепечатана С. А. Венгеровымъ въ VI выпускѣ „Русской поэзіи“, стр. 338—343, при чемъ издатель далъ дополненія къ неоконченному списку произведеній Рубана (стр. 343—344). *Ред.*

1. *(стр. 163).* „Твоя отчизна здѣсь“, сказано въ „Памятникѣ на кончину россійскаго пѣснопѣвца К. С. В. Г. Рубана, 1795 г. сентября 24. въ Санктпетербургѣ послѣдовавшую. Въ Бѣлогородской семинаріи начертанъ“.

2. *(стр. 163).* Смирновъ. Исторія Московской славяно-греко-латинской академіи, стр. 253.

3. *(стр. 163).* Полезное увеселеніе, апрѣль 1761 г., № 15, стр. 135—136.

4. *(стр. 163).* Доброе намѣреніе, 1764 г., ноябрь, стр. 521 — 525; декабрь, стр. 555—572.—При произведеніяхъ, извѣстныхъ намъ только изъ Сопикова, ставимъ № его Библіографіи.

5. *(стр. 165).* Ода Потемкину, 1778 г., стр. 3.

6. *(стр. 166).* Тамъ же.

7. *(стр. 166).* Его Высокопревосходительству Г. А. Потемкину и т. д., стр. 4.

8. *(стр. 166).* См. Новиковъ, Опытъ словаря о россійскихъ писателяхъ, стр. 150. Вѣроятно, и остальныя анонимныя надписи принадлежатъ Рубану.

9. *(стр. 166).* Она прежде издана была на отдѣльномъ листкѣ.

10. *(стр. 167).* Буличъ, Сумароковъ и современная ему критика, стр. 122.

11. *(стр. 167).* Въ первый разъ изданы только двѣ „Надписи къ камню, назначенному для подножія статуи Императора Петра Великаго“ (на отдѣльномъ листкѣ, Спб., 1770); потомъ съ прибавленіемъ третьей подъ заглавіемъ: „Надписи къ камню грому, находящемуся въ Санктпетербургѣ, въ подножіи коннаго вылитаго лицеподобія достославнаго Императора Петра Великаго.

сочиненныя Васильемъ Рубаномъ" (на отд. листкѣ s. l. et an., съ приложеніемъ нѣмецкаго перевода, сдѣланнаго Шильдтомъ).

12. *(стр. 167).* Надписи, VIII.

13. *(стр. 168).* Тамъ же, XV.

14. *(стр. 168).* Ода Григорію Александровичу Потемкину, 1774 г., стр. 3.

15. *(стр. 169).* Китайскій мудрецъ (Спб., 1777 г., тисн. 2-е), стр. V—VI.

16. *(стр. 170).* Ни то, ни сіо, листъ 1-й, стр. 4.

17. *(стр. 171).* Походъ боярина Шеина.

18. *(стр. 172).* Новиковъ, Опытъ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ, стр. 18.

19. *(стр. 172).* Сочиненія В. Петрова. Изд. 2-е. I, стр. 194.

20. *(стр. 175).* Въ библіотекѣ С. Д. Полторацкаго хранится экземпляръ „Старины и Новизны", принадлежавшій извѣстному собирателю старинныхъ русскихъ рукописей П. К. Хлѣбникову. Со словъ самого Рубана П. К. Хлѣбниковъ отмѣтилъ на этомъ экземплярѣ всѣ имена сотрудниковъ „Старины и Новизны", какъ видно изъ приписки владѣльца 15-го января 1791 г. Эти замѣчанія даютъ намъ возможность указать, кому принадлежатъ анонимныя статьи сборника. О „Старинѣ и Новизнѣ" есть статья М. Макарова (Московскій Наблюдатель, 1837, № 14, стр. 204 — 242). Сличивъ его свидѣтельства съ нашими показаніями, основанными на собственныхъ словахъ Рубана, читатель увидитъ, какъ мало можно полагаться на статью Макарова.

21. *(стр. 175).* Впослѣдствіи была въ замужествѣ за тайнымъ совѣтникомъ А. И. Васильевымъ.

22. *(стр. 176).* Приписка на экземплярѣ Хлѣбникова.

23. *(стр. 176).* Объ статьи доставлены Н. Н. Бантышъ-Каменскимъ.

24. *(стр. 176).* Остолоповъ. Ключъ къ сочиненіямъ Державина. (Спб., 1882 г.), стр. 12.

25. *(стр. 177).* Неизданныя записки М. Н. Муравьева, 1779 г.

26. *(стр. 177).* Издана и отдѣльно (О. Р. Б., № 3711).

27. *(стр. 177).* [Журналъ этотъ выходилъ два года. Въ первый годъ (сентябрь—декабрь 1775 г.) онъ назывался—„Собраніе новостей", а на 1776 годъ получилъ болѣе подробное названіе—„Собраніе разныхъ сочиненій и новостей". Въ 1775 г. произведеній Рубана въ этомъ журналѣ не находится].

28. *(стр. 177).* Памятникъ Рубану, въ Бѣлогородской семинаріи начертанъ.

29. *(стр. 178).* Обручевъ, Обзоръ рукописныхъ и печатныхъ памятниковъ, относящихся до исторіи военнаго искусства въ Россіи по 1724 г. (Спб., 1853), стр. 21 и слѣд.

30. *(стр. 181).* [Почти вся стр. 181, за исключеніемъ четырехъ строкъ сверху, вставлена по рукописи. Въ Тихонравовскомъ экземплярѣ „Лѣтописи питомцевъ" біографія Рубана обрывается на 240 стр., подъ конецъ описанія изданія подъ № 10. Въ рукописи біографія тоже безъ конца: за напечатаннымъ въ текстѣ начинается еще фраза: „Въ то время существовало".—Теперь трудно опредѣлить, много ли конца статьи утрачено].

Е. И. КОСТРОВЪ.

Статья эта предназначалась для „Біографической лѣтописи питомцевъ Московскаго университета“, но напечатана не была, такъ какъ изданіе не было кончено. Статья сохранилась въ бумагахъ Тихонравова въ рукописи, по которой здѣсь и печатается. Писана статья, какъ и другія біографіи для „Лѣтописи“ въ 1854 г.

1. *(стр. 182).* Такъ называетъ самъ себя Костровъ на первомъ изъ напечатанныхъ своихъ стихотвореній.

2. *(стр. 182).* Кн. П. А. Вяземскій въ Московскомъ Телеграфѣ 1827 г., ч. XIV, стр. 95. [„Выдержки изъ записной книжки“ — Сочин. Кн. Вяземскаго. VIII, „Старая записная книжка“, стр. 10].

3. *(стр. 184).* Правила піитическія, въ 1774 г. изданныя въ пользу юношества, обучающагося въ Московской славяно-греко-латинской академіи (въ Москвѣ, 1780), стр. 5.

4. *(стр. 184).* Тамъ же, стр. 28.

5. *(стр. 185).* Бантышъ-Каменскій, Словарь достопамятныхъ людей, изд. 1847 г., ч. II, стр. 164.

6. *(стр. 185).* М. А. Дмитріевъ, Мелочи изъ запаса моей памяти, стр. 11.

7. *(стр. 185).* „Каринъ и Костровъ“, записка прежнихъ лѣтъ, Макарова, въ Маякѣ, 1840 г., кн. 4, стр. 185.

8. *(стр. 185).* Дмитріевъ, Мелочи, стр. 11.

9. *(стр. 185).* Московскій Телеграфъ, 1827, ч. XIV, стр. 74.

10. *(стр. 186).* Костровъ самъ описалъ это болѣзненное состояніе; описаніе помѣщено въ книжкѣ: „Нѣкоторыя любопытныя приключенія и сны изъ древнихъ и новыхъ временъ“, М., 1829, стр. 173—187.

11. *(стр. 186).* Въ одномъ изъ первыхъ произведеній Пушкина—„Къ другу-стихотворцу“—находятся слѣдующіе два стиха:

Костровъ на чердакѣ безвѣстно умираетъ,
Руками чуждыми могилѣ преданъ онъ.

12. *(стр. 186).* Московскій Телеграфъ, 1827 г., ч. XIV, стр. 75.

18. *(стр. 187).* Ода на день рожденія Императрицы Екатерины II. апрѣля 21 дня, 1779 г.

14. *(стр. 189).* Екатерины.

15. *(стр. 190).* Гречъ, Опытъ краткой исторіи русской литературы, стр. 475.

16. *(стр. 191).* См. посвященіе Иліады Императрицѣ Екатеринѣ II.

17. *(стр. 192).* Сочиненія Кострова, изд. Смирдина, стр. 300.

18. *(стр. 193).* Ср. написанную мною біографію Фонъ-Визина [см. выше, стр. 90—129].

19. *(стр. 194).* Сочиненія Тредьяковскаго, изд. Смирдина, томъ II, отдѣлъ I. стр. XLVII—XLVIII.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ МЕЛОЧИ НЕУРОЖАЙНАГО ГОДА.

Напечатано въ сборникѣ „Помощь голодающимъ“ (М., 1892 г.), стр. 535—556. Въ бумагахъ Тихонравова сохранились только два листа черноваго начала этой статьи. Первыя двѣ страницы идутъ такъ, какъ въ печатномъ текстѣ, а затѣмъ, послѣ фразы, оканчивающейся ссылкою 10-ой на первой строкѣ 197-ой стр. (см. выше), идутъ двѣ страницы такого содержанія:

„Мѣстные неурожаи трехъ лѣтъ (1784—1786) завершились почти повсемѣстнымъ неурожаемъ 1787 года, и торжество двадцатипятилѣтія царствованія Екатерины II омрачено было великимъ народнымъ бѣдствіемъ, котораго давно не знала Россія. Голодъ былъ почти повсемѣстный. „Всѣ озимые хлѣба совсѣмъ вымерзли“ въ губерніяхъ Калужской, Тульской, Рязанской, Орловской, Воронежской, Смоленской и во всей Малороссіи; хотя былъ, но худой урожай—*„однако на сѣмена станетъ“*: 1) въ Тамбовской: въ нѣкоторыхъ округахъ очень худъ, но награждается другими округами, близъ Хопра, гдѣ очень хорошъ; 2) въ Пензенской; 3) Вятской; 4) Казанской; 5) Курской; 6) Московской: въ нѣкоторыхъ округахъ рожь вызябла, а въ другихъ хороша; 7) Нижегородской; 8) Новгорода-Сѣверскаго. Хорошій урожай оказался только въ губерніяхъ Тверской, Новгородской, Ярославской, Вологодской, Саратовской, Слободской („Чтенія“, 1860, I, отд. 2, стр. 92—93). „Непомѣрный голодъ претерпѣвали губерніи Московская, Калужская, Рязанская, Бѣлогородская и вся Малороссія“ (тамъ же, стр. 113). Щербатовъ разсказываетъ: „Ѣдятъ солому, мякину, листья, сѣно, лебеду; но и сего уже недостаетъ: ибо, къ несчастію, и лебеда не родилась, и оной *четверть по четыре рубли покупаютъ*. Ко мнѣ изъ Алексинской моей деревни привезли хлѣбъ, испеченный изъ толченаго сѣна, 2 изъ мякины и 3 изъ лебеды. Онъ въ ужесть меня привелъ, ибо едва на четверть тутъ четверика овсяной муки положено. Но какъ я нѣкоторымъ и сей показалъ, мнѣ сказали, что еще хорошъ, а есть гораздо хуже“ (тамъ же, стр. 114). Цѣна на хлѣбъ, по словамъ Щербатова, не только до чрезвычайности дошла, но даже и сыскать хлѣба на пропитаніе людей негдѣ, и люди ѣдятъ листъ, сѣно и мохъ и съ голоду помираютъ, а вызябшій весь оржаной хлѣбъ въ нынѣшнюю съ 1786 на 1787 годъ на зиму, въ плодоноснѣйшихъ губерніяхъ не оставляетъ и надежды, чѣмъ бы обсѣменить къ будущему году землю и *вящимъ голодомъ* на-

родъ угрожаетъ" (тамъ же, стр. 91). Почти вездѣ „рожь уже и до семи рублевъ дошла, безъ надежды, чтобы могла и унизиться" (тамъ же, стр. 91). Въ концѣ іюля цѣна новой ржи въ Москвѣ „въ покупкѣ на возахъ" была 7 р. 60 к. за четверть, въ продажѣ изъ лавокъ 8 рублей; пудъ ржаной муки въ покупкѣ на возахъ стоилъ 75—77 коп., въ продажѣ изъ лавокъ 78—80 коп. (Московскія Вѣдомости, 1787 г., стр. 559).

„Какія мѣры принимались правительствомъ для отвращенія бѣдствій неурожайныхъ годовъ? Какъ относилась тогдашняя журнальная литература къ этимъ"...

Здѣсь текстъ обрывается, страница на половину не дописана. *Ред.*

1. *(стр. 195).* Гастевъ, Статистическое описаніе Москвы, стр. 295.

2. *(стр. 195).* Тамъ же, стр. 296.

3. *(стр. 195).* Я. К. Гротъ, Екатерина II и Густавъ III, стр. 54, 104.

4. *(стр. 196).* Русскій Архивъ, 1864 г., стр. 891.

5. *(стр. 196).* Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ, 1860, кн. первая, отд. II, стр. 91.

6. *(стр. 196).* Сборникъ статистическихъ свѣдѣній о Россіи, изд. геогр. общества, кн. III, 470.

7. *(стр. 196).* Растущій виноградъ, 1786 г., генварь, стр. 26.

8. *(стр. 196).* Ср. „Цѣны нынѣ состоящимъ въ Москвѣ съѣстнымъ припасамъ на торгу", въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, 1786 г., стр. 14, 450, 898.

9. *(стр. 196).* Полное собраніе законовъ Р. И., томъ XXII, № 16,350.

10. *(стр. 197).* Herrmann, Geschichte des russischen Staates. Ergänzungsband, S. 647.

11. *(стр. 197).* Такъ называетъ эту коммиссію Храповицкій. Дневникъ, изд. Барсукова, стр. 18. Ср. Полное собраніе законовъ Р. И., томъ XXII, № 16,406.

12. *(стр. 197).* Полн. собр. зак., № 16,406.

13. *(стр. 197).* Тамъ же, № 16,407.

14. *(стр. 198).* Herrmann, Geschichte des russischen Staates. Ergänzungsband, S. 648.

15. *(стр. 198).* Слова Храповицкаго. Дневникъ. 46.

16. *(стр. 198).* Дневникъ, 17.

17. *(стр. 198).* Полное собраніе закон., № 16,445. Фицъ-Гербертъ писалъ: „Никто не смѣлъ принести Императрицѣ какую-либо жалобу; нашли даже средства укрыть отъ правосудія виновника столь скандалезнаго мошенничества, потому что онъ находился въ близкихъ связяхъ съ сильными людьми". Herrmann, S. 647. Подъ 19 ноября 1789 г. въ Дневникѣ Храповицкаго (стр. 317) записано: „О Мавринѣ, о его закупкахъ; заемъ его 30 тыс. кулей изъ здѣшняго Запаснаго Магазейна, чтобъ на это не считалъ: Je veux faire tant de difficultés qu'on se casse le front de venir m'importuner". Подъ 21 ноября: „Велѣно Н. И. Салтыкову считать Маврина, и чтобы Архаровъ рапортовалъ, сколько и гдѣ провіанта зазимовало. Подрядъ Новосильцова въ Запасный Магазейнъ дешевле 44 к. у четверти". Подъ 16 іюня 1790 г.: „При чтеніи рапорта Архарова о трехъ баркахъ, на Ильменѣ потопшихъ, тирада жестокая на Савву Маврина. Онъ за одно съ подрядчиками; я обманулась въ этомъ человѣкѣ". Взысканіе съ Маврина ограничивалось тѣмъ, что онъ дол-

гое время не награждался высшимъ чиномъ, и только въ мартѣ 1791 г. за взятіе Измаила произведенъ въ генералъ-поручики и сенаторы. Дневникъ Храповицкаго, 325, 357, 359.

18. *(стр. 198).* Полное собраніе законовъ Р. И., т. XXII, № 16,444.

19. *(стр. 198).* Тамъ же, № 16,447.

20. *(стр. 198).* Тамъ же, № 16,446. Ср. Русскій Архивъ, 1872, стр. 279.

21. *(стр. 198).* Тамъ же, № 16,458.

22. *(стр. 199).* Дневникъ Храповицкаго, стр. 5.

23. *(стр. 199).* Сборникъ Русскаго историческаго общества, XXIII, 375.

24. *(стр. 199).* Дневникъ Храповицкаго, стр. 5.

25. *(стр. 199).* Сборн. Русск. истор. общ., II, 151.

26. *(стр. 199).* Дневникъ Храповицкаго, стр. 6.

27. *(стр. 199).* Тамъ же.

28. *(стр. 199).* Сочиненія Императрицы Екатерины II, томъ I, стр. 610—611.

29. *(стр. 200).* Тамъ же, томъ II, стр. 45—46.

30. *(стр. 200).* Тамъ же, томъ I, стр. 607.

31. *(стр. 200).* Сочиненія Императрицы Екатерины II, т. I, стр. 628—629.

32. *(стр. 200).* Пыпинъ въ Вѣстникѣ Европы, 1867 г., IV, 11.

33. *(стр. 200).* Сочиненія Императрицы Екатерины II, томъ I, стр. 666.

34. *(стр. 200).* Тамъ же, стр. 604.

35. *(стр. 200).* Тамъ же, стр. 611.

36. *(стр. 201).* Дневникъ Храповицкаго, стр. 22.

37. *(стр. 201).* Herrmann, Geschichte des russischen Staates, Ergänzungsband, S. 633—634.

38. *(стр. 201).* Съ этимъ отзывомъ согласны свидѣтельства „Драматическаго Словаря“ (М., 1787 г.), въ которомъ объ „Обольщенномъ“ сказано: „Публика къ сей піэсѣ имѣла большее вниманіе, и всякій разъ ея исполненія театръ отмѣнно наполнялся“ (стр. 98); объ успѣхѣ комедіи „Обманщикъ“ краснорѣчиво умалчивается (стр. 97).

39. *(стр. 201).* Сборникъ Русскаго историческаго общества, XXIII, 374.

40. *(стр. 202).* Тамъ же.

41. *(стр. 202).* Вышеприведенное свидѣтельство Сакена объясняетъ и подтверждаетъ слѣдующія слова И. В. Лопухина: „Коварство и алчность къ наградамъ за выслуги, на клеветѣ и вредѣ ближнему основанныя, старались представлять насъ (московскихъ масоновъ) подозрительными и для спокойства общества не безопасными. Такимъ образомъ, дѣйствующихъ во мракѣ навѣтничества было не мало. Но одинъ хитрѣйшій на то время вельможа и царедворецъ, въ часы колебанія своего могущества, которое и въ немъ не могло быть безпрестанно неподвижнымъ, хотя при разныхъ переворотахъ и жизнь его скончалась среди блеску онаго, для поддержанія себя выдумалъ навлечь подозрѣніе на существовавшую будто связь съ обществомъ нашимъ у ближайшей къ престолу особы“ (т.-е. Павла Петровича). Записки Лопухина (Москва, 1860), стр. 18.

42. *(стр. 203).* Этимъ объясняется заключительный монологъ „Обманщика“: „Обманъ сей въ свѣтѣ, чаю, *не есть новый*... но едва не беретъ ли онъ по временамъ на себя виды только разные“ и т. д. См. книгу, переведенную по приказанію Императрицы: „Описаніе пребыванія въ Митавѣ извѣстнаго Каліостра на 1779 годъ... собранное Фонъ-деръ-Реке“ (Спб., 1787 г.),

стр. 263. Въ той же книгѣ разсказывается: „Незадолго передъ его (Каліостро) отъѣздомъ въ Петербургъ, зашелъ разговоръ о весьма крупномъ и чистомъ жемчугѣ вдовствующей Герцогини, который Каліостро видѣлъ нѣкогда у нея на рукахъ. „Этотъ жемчугъ“,—говорилъ нашъ волхвъ,—„я очень знаю, потому что я въ Голландіи *для одного обанкротившагося моего друга* сплавливалъ его изъ маленькихъ и негодныхъ зернышекъ жены его“ (стр. 60). Ср. съ этимъ слова Самблина, отдавшаго Калифалкжерстону алмазы своей жены: „Калифалкжерстонъ, *дѣлая мнѣ помочь въ стѣсненныхъ моихъ обстоятельствахъ*, варилъ для меня богатства много“. Соч. Екат. II, томъ I, стр. 591.

43. *(стр. 203).* Дневникъ Храповицкаго, стр. 8.

44. *(стр. 203).* Тамъ же, стр. 11.

45. *(стр. 203).* Сборникъ Русскаго историческаго общества, XXIII, 378—379. Въ 1786 г. явились въ русскомъ переводѣ: 1) „Оправданіе графа де-Каліостро по дѣлу кардинала Рогана о покупкѣ славнаго складня во Франціи“ и 2) „Возраженіе со стороны графини де-Валуа на оправданіе графа Каліостро“.

46. *(стр. 203).* Сочиненія Императрицы Екатерины II, т. II, стр. 494, 503.

47. *(стр. 203).* Тамъ же, стр. 505.

48. *(стр. 204).* Тамъ же, стр. 651.

49. *(стр. 204).* Тамъ же, стр. 657.

50. *(стр. 204).* Перечень этихъ мѣръ см. у Пекарскаго въ сочиненіи: Дополненія къ исторіи масонства въ Россіи въ XVIII столѣтіи, стр. 195—201.

51. *(стр. 204).* Русскій Архивъ, 1865 г., стр. 944—945.

52. *(стр. 204).* Дневникъ Храповицкаго, стр. 11.

53. *(стр. 204).* Сборникъ Русскаго историческаго общества, XXIII, 379.

54. *(стр. 205).* Сочиненія Державина, съ примѣч. Я. К. Грота, VI, 581—582.

55. *(стр. 205).* „Стихи“ Рубана, посвященные кн. Потемкину. См. Растущій Виноградъ, 1786 г., генварь, стр. 14.

56. *(стр. 205).* Тамъ же, стр. 6.

57. *(стр. 206).* Растущій Виноградъ, 1786 г., іюль, стр. 16.

58. *(стр. 208).* Объ этой книгѣ такъ отзывается журналъ „Зеркало Свѣта“: „Она предписываетъ подробное наставленіе ко исправленію хозяйства и можетъ послужить *самымъ лучшимъ руководствомъ обогащенію крестьянъ и помѣщиковъ*. Открывая завѣсу недоумѣнія нашихъ селянъ, подаетъ она многіе славнѣйшими писателями и Англинскими хозяевами изобрѣтенные способы къ награжденію трудовъ и отвращенію убытковъ, *доказывая ясно, что не время и не погода*, но собственное *наше незнаніе и лѣность суть причины неурожая, недостатка и дороговизны*“ (ноябрь 1786 года, стр. 259—260).

59. *(стр. 208).* Комовъ ѣздилъ за границу для науки земледѣлія; въ книжкѣ описываетъ нѣсколько самыхъ нужныхъ земледѣльческихъ орудій, которыя онъ видѣлъ въ Англіи. Комовъ былъ виднымъ сотрудникомъ въ „Трудахъ Вольнаго Экономическаго Общества“.

60. *(стр. 208).* Зеркало Свѣта, 1786 г., іюнь, 130 — 131. Адресъ Дезомона (въ Парижѣ) указанъ въ приглашеніи.

61. *(стр. 208).* Въ Зеркалѣ Свѣта (1786 г., апрѣль, стр. 217) напечатано „Примѣчаніе для хозяевъ объ очищеніи хлѣба отъ заразы“. Въ этомъ

наставленіи сказано: „*Прошедшіе* 1784 и 1785 годы были для поселянъ *всей почти Европы* неблагополучны по причинѣ весьма дождливой погоды осенью и великой засухи весною, что произвело въ хлѣбѣ заразительную черную пыль, именуемую *у насъ* въ низовыхъ мѣстахъ *ржою*".

62. *(стр. 209).* Растущій Виноградъ, 1786, мартъ, стр. 6 — 12. Эта статья ссылается, какъ на источникъ, на Encyclopédie, article: Théosophes (стр. 46).

63. *(стр. 209).* Раст. Вин., 1786 г., октябрь, стр. 44 — 72; декабрь, стр. 62—75; 1787 г., генварь, стр. 35—45.

64. *(стр. 209).* Раст. Вин., 1786 г., февр., стр. 91; мартъ, стр. 45.

65. *(стр. 209).* Первое стихотвореніе анонимное (стр. 43—44); подъ вторымъ (стр. 75—79) подпись: „Студентъ Алексѣй Фіалковскій"; подъ третьимъ (стр. 83—86): „Студентъ Иванъ Виноградовъ".

66. *(стр. 209).* Въ подлинникѣ: „предоставляется".

67. *(стр. 209).* Курсивъ въ подлинникѣ.

68. *(стр. 210).* Растущій Виноградъ, 1786 г., февраль, стр. 6.

69. *(стр. 210).* Приводимъ это мѣсто статьи: „Мнѣ скажутъ, можетъ быть, что и во Франціи кардиналы искали возвратиться отъ девяти къ четыремъ; но какъ они попали токмо въ четыре стѣны, то сіе, можетъ быть, послужитъ намъ въ наставленіе". По отношенію къ Новикову эта грубая острота оказалась (въ 1792 г.) пророчествомъ.

70. *(стр. 211).* Растущій Виноградъ, 1786 г., февраль, стр. 86. Послѣдніе стихи намекаютъ на слѣдующія строки прозаическаго „Письма": „Я хотя не очень ученъ, но нѣсколько знаю; тутъ отыскалъ скоро это *ослиное ушко*, которое при всякой строкѣ чувствительно". Ibid., стр. 3.

71. *(стр. 211).* Растущій Виноградъ, 1786 г., февраль, стр. 83.

72. *(стр. 211).* Тамъ же, стр. 75—76.

73. *(стр. 211).* Тамъ же, стр. 77.

74. *(стр. 212).* Пекарскій, Матеріалы для исторіи журнальной и литературной дѣятельности Екатерины II, стр. 3—4, 41.

75. *(стр. 213).* Отмѣтимъ, что въ февральской книжкѣ „Растущаго Винограда" (стр. 44—53) между „Письмами къ Сочинителю комедіи Обманщикъ" помѣщено стихотвореніе „Добрый сонъ какъ въ руку", направленное противъ раскольниковъ.

76. *(стр. 213).* Лонгиновъ, Новиковъ и московскіе мартинисты, стр. 618.

77. *(стр. 213).* Чтенія Общества исторіи и древностей россійскихъ, 1867 г., кн. IV, смѣсь, стр. 49—50.

78. *(стр. 214).* Русскій Архивъ, 1865 г., стр. 74—75.

79. *(стр. 214).* Еще въ 1781 году Новиковъ просилъ А. Т. Болотова перевести эту книгу. Записки Болотова, III, 929.

80. *(стр. 214).* Письма Карамзина къ Дмитріеву, стр. 471—472.

81. *(стр. 214).* Неизданныя сочиненія Карамзина, стр. 224—225. Ср. Записки Болотова, IV, 193.

82. *(стр. 214).* Сборникъ Русскаго историческаго общества, II, 148.

83. *(стр. 214).* Сочиненія Державина, съ примѣч. Я. К. Грота, I, 245.

84. *(стр. 215).* Это письмо помѣщено вполнѣ въ Сборникѣ Русскаго историческаго Общества, XXIII, 168—169. Отрывокъ, на который возражаетъ Строгановъ, напечатанъ въ Русскомъ Архивѣ, 1864 г., стр. 587.

БЫЛИНЫ ПО РУКОПИСЯМЪ XVIII ВѢКА.

Статья эта представляетъ введеніе къ труду Тихонравова „Пять былинъ по рукописямъ XVIII вѣка“; введеніе это вмѣстѣ съ текстомъ былинъ напечатано въ „Этнографическомъ Обозрѣніи“ 1891 г., кн. VIII, № 1, а также въ видѣ отдѣльныхъ оттисковъ. Кромѣ того, статья эта повторена въ книгѣ „Русскія былины старой и новой записи, подъ редакціей акад. Н. С. Тихонравова и проф. В. Ѳ. Миллера“, М., 1894 г., Приложенія, стр. 69—85.

При перепечаткѣ этой статьи пришлось сдѣлать нѣкоторые незначительные пропуски въ текстѣ въ виду того, что первоначально текстъ этотъ составлялъ предисловіе къ былинамъ; пропуски эти оговорены ниже въ примѣчаніяхъ 36, 46, 67, 69—71. При вставкѣ добавочныхъ примѣчаній были допущены опечатки въ нумераціи ихъ, такъ что на стр. 224 ссылки подъ №№ 52 и 53 повторены дважды, а на стр. 229 то же самое произошло со ссылкой № 68. *Ред.*

1. *(стр. 216).* Посольство, въ свитѣ котораго находился Ричардъ Джемсъ, пробыло въ Москвѣ съ 19 января по 20 августа 1619 года; въ этотъ періодъ времени и записаны пѣсни для Джемса въ особую книжку.

2. *(стр. 216).* Эти пѣсни напечатаны сначала въ Прибавленіяхъ къ Извѣстіямъ Втораго отдѣленія Академіи наукъ (т. I, стр. 5 — 10); потомъ перепечатаны въ Памятникахъ великорусскаго нарѣчія (стр. 1—8).

3. *(стр. 216).* Пѣсня о въѣздѣ патріарха Филарета въ Москву *въ іюнѣ 1619 года* записана въ книжку Ричарда Джемса вскорѣ *послѣ самаго событія.* Она напечатана въ „Памятникахъ“ *безъ раздѣленія на стихи.*

4. *(стр. 216).* Къ этому заключенію приводитъ печатное изданіе записанныхъ для Ричарда Джемса пѣсенъ, въ которомъ первая и шестая пѣсня напечатаны безъ раздѣленія на стихи; къ сожалѣнію, издатели не сообщили никакихъ палеографическихъ свѣдѣній о самой рукописи Ричарда Джемса.

5. *(стр. 216).* „Сказаніе“ напечатано въ Сборникѣ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи наукъ (томъ XXVIII, № 3), подъ заглавіемъ „Богатырское слово“.

6. *(стр. 216).* Сборн. отдѣл. русск. языка и словесн., т. XXVIII, стр. 1—3.

7. *(стр. 217).* Ср. А. Н. Веселовскаго, „Южно-русскія былины" въ Сборникѣ отдѣленія русскаго языка и словесности Академіи наукъ, XXXVI, 357.

8. *(стр. 217).* А. Н. Веселовскій пришелъ къ заключенію, что „Сказаніе о семи богатыряхъ" сохранило *болѣе древнюю форму пѣсни*, чѣмъ та, какая представляется позднѣе записанными ея пересказами" (Ibid., 368). Вполнѣ соглашаясь съ этимъ выводомъ, мы противопоставляемъ его мнѣнію О. Ѳ. Миллера (который зналъ „Сказаніе" по другому, позднѣйшему списку), будто „въ этой повѣсти XVII столѣтія, при нѣкоторыхъ довольно вѣрныхъ чертахъ эпическихъ, не только замѣтно *коренное извращенье* въ подробностяхъ (напримѣръ,—холопство богатырей), но и, такъ сказать, *вверхъ ногами поставлено* самое основное содержаніе былинъ про Идолище въ Цареградѣ". Редакцію былины въ сборникѣ Барсова Миллеръ называетъ „книжною *передѣлкою* XVII столѣтія" (Илья Муромецъ и богатырство кіевское, стр. 760). Вообще О. Миллеръ очень мало придаетъ значенія записямъ былинъ въ рук. XVIII в., отдавая предпочтеніе текстамъ, записаннымъ позднѣе и напечатаннымъ въ „Древнихъ россійскихъ стихотвореніяхъ" и въ сборникахъ Кирѣевскаго, Рыбникова и Гильфердинга. (Ср. стр. VII, 32).

9. *(стр. 217).* Къ XVII вѣку относитъ П. А. Безсоновъ запись пѣсни о Гришкѣ Разстригѣ, найденную имъ въ бумагахъ Калайдовича и напечатанную въ седьмомъ выпускѣ „Пѣсенъ" Кирѣевскаго (стр. 62—66). „Она написана (говоритъ Безсоновъ) на листѣ старой бумаги, безъ раздѣленія стиховъ, почеркомъ и правописаніемъ XVII вѣка; поправлена и дополнена другою, позднѣйшею рукою и другими чернилами; но эта послѣдняя рука и этими позднѣйшими чернилами надписала: „въ 196 году въ 7-и тысяче", то-есть 1688 года. Слѣдовательно, первая, непоправленная рукопись старше *1688 года* и, по всѣмъ признакамъ, современна, по крайности, близка періоду Самозванцевъ". Нельзя допустить, чтобы запись: „въ 196 году въ 7-и тысяче" указывала на время пересмотра, т.-е. исправленій и дополненій *ранѣе записанной пѣсни:* 196-й годъ *седьмой* тысячи означаетъ 619 = 688-й годъ, а не 1688 годъ. Такого грубаго промаха не могла допустить „послѣдняя рука, дополнявшая и исправлявшая текстъ пѣсни". Этотъ годъ внесенъ послѣднею рукою, *какъ одинъ изъ варіантовъ* пѣсни. Такая формула для обозначенія времени встрѣчается не только въ историческихъ пѣсняхъ, но и въ духовныхъ стихахъ. Ср. начало пѣсни о Скопинѣ: „Какъ бы во двадцать седьмомъ году, Въ седьмомъ году въ осьмой тысячи" (Древнія россійскія стихотворенія, стр. 275). Въ стихѣ про Егорія: „Въ седьмомъ году въ осьмой тысячѣ, Наѣзжалъ царище Кудрянище". (Варенцовъ, Сборникъ русскихъ духовныхъ стиховъ, стр. 95).

10. *(стр. 217).* „Повѣсти, или пословицы всенароднѣйшія *по алфавиту*" внесены въ скорописный сборникъ конца XVII вѣка, принадлежащій Московскому Архиву Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, № 950. Текстъ пословицъ по этому спискѣ изданъ въ извѣстной монографіи Ѳ. И. Буслаева, Русскія пословицы и поговорки (въ Архивѣ историко-юридическихъ свѣдѣній, Калачова, тома II-го половина 2-я, стр. 1—168).

11. *(стр. 217).* Строевъ, Рукописи славянскія и россійскія, принадлежащія И. Н. Царскому, стр. 487.

12. *(стр. 217).* Костомаровъ невѣрно относилъ этотъ сборникъ къ XVII вѣку.

13. *(стр. 217).* На оборотѣ 368 листа читается: „Конецъ тетърати сеї"; на листѣ 375-мъ: „Конецъ сей тетрати свершися. Аминь".

14. *(стр. 218).* Маленькими буквами обозначаемъ надстрочныя, находящіяся въ рукописи подъ титлами или прямо надъ строкой.

15. *(стр. 218).* На об. л. 159 запись, изъ которой видно, что сборникъ перешелъ потомъ въ собственность сына И. Т. Быкова—Алексѣя.

16. *(стр. 218).* Ср. Костомарова, Памятники старинной русской литературы, т. I, 161—164.

17. *(стр. 218).* Ср. Сборникъ статей, читанныхъ въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности Императорской Академіи наукъ, т. VII, стр. LVII—LX.

18. *(стр. 219).* Ср. А. Н. Пыпина, Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ, стр. 195—196.

19. *(стр. 219).* Изъ польскихъ факецій.

20. *(стр. 219).* Сказаніе это оканчивается смертью царя Навуходоносора.

21. *(стр. 219).* Ср. Кирпичникова. Св. Георгій и Егорій храбрый, стр. 51.

22. *(стр. 219).* Напечатано по этому списку Буслаевымъ въ Очеркахъ русской народной словесности, I. 570. Ср. Ровинскаго. Русскія народныя картинки, I, 319—320.

23. *(стр. 219).* Ровинскій, I, 272.

24. *(стр. 219).* Тамъ же, I, 367—371.

25. *(стр. 219).* Тамъ же, I, 436.

26. *(стр. 219).* Тамъ же, I, 405.

27. *(стр. 219).* Тамъ же, I, 189.

28. *(стр. 219).* Тамъ же, IV, 295.

29. *(стр. 219).* Тамъ же, IV, 295—299.

30. *(стр. 219).* Тамъ же, I, 402. Отмѣтимъ мимоходомъ, что при такихъ сокращеніяхъ нерѣдко стирается мѣстный колоритъ и опускаются собственныя имена. Наприм., въ сборникѣ Буслаева „Списокъ суднаго дѣла" начинается такъ: „Господамъ моимъ *новогородцкимъ* судьямъ: осетру да бѣлугѣ, да бѣлой рыбице бьетъ челомъ *кормовой* сынишко боярской лещишко съ товарищи...". Въ позднѣйшихъ рукописныхъ текстахъ „Списка суднаго дѣла" и въ лубочныхъ изданіяхъ нѣтъ „новгородскихъ судей". Ср. Галаховъ, Исторія русской словесности, I, 508.

31. *(стр. 219).* Въ рукописи 324-й листокъ пустой; на утраченномъ 325-омъ находилось начало былины о Ставрѣ; недостаетъ двухъ страницъ, т.-е. около 32 строкъ средняго шрифта; сборникъ малаго формата, въ 16 долю листа.

32. *(стр. 220).* Такъ. Василиса ѣдетъ „ис-тое земли изъ Галацъкия отъ короля *посолскова*", вм. польскова. Въ былинахъ о Ставрѣ, напечатанныхъ въ сборникахъ Рыбникова (I, 247) и Гильфердинга (стр. 767, 768 и друг.), Василиса пріѣзжаетъ „изъ земли Ляховецкія". Слово „Галацъкия" рукописи, вѣроятно, описка, вмѣсто „Галицкія", а можетъ быть вмѣсто „Галанскія"; ср. у Рыбникова: „Называлася (Василиса) посломъ со славной земли Гленскія" (I, 243).

33. *(стр. 220).* Заключеннаго въ скобки нѣтъ въ рукописи; стихъ въ ней кое-гдѣ разрушенъ—новое указаніе на то, что былина списана съ рукописи, а не записана со словъ.

34. *(стр. 220).* Эта былина издана *очень неисправно* въ Памятникахъ старинной русской литературы, I, 311—318.

35. *(стр. 220).* Сборникъ Втораго отдѣленія Императорской Академіи наукъ, т. XXXVI, стр. 357—369.

36. *(стр. 220).* [Здѣсь пропущены $2^1/_2$ строки: указаніе, что тексты былинъ №№ I и II заимствованы изъ описаннаго сборника Ѳ. И. Буслаева].

37. *(стр. 221).* Ср. тексты, напечатанные подъ № II и № III.

38. *(стр. 221).* Эта легенда напечатана по довольно позднему списку въ Народныхъ русскихъ легендахъ Аѳанасьева, стр. 99—104.

39. *(стр. 221).* Ср. Памятники старинной русской литературы, изд. Костомаровымъ. II, 347, 352; Пыпина, Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ, стр. 99.

40. *(стр. 221).* Ср. напечатанные тексты, № II и № III.

41. *(стр. 221).* Владѣлецъ рукописи относитъ ее ко второй половинѣ XVIII вѣка. Ср. Пыпина, Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ, стр. 295. Здѣсь время написанія рукописи не опредѣлено съ точностью; сказано только, что она относится къ XVIII вѣку.

42. *(стр. 222).* Ср. Пыпина, Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ, стр. 284 — 289, и его же Для любителей книжной старины, стр. III, V, 4, 5 и др.

43. *(стр. 222).* Народныя русскія сказки Аѳанасьева, вып. I, стр. 77—78. [Изд. 1897 г., т. II, стр. 248].

44. *(стр. 222).* Аѳанасьевъ, Народныя русскія сказки, I. 80. [II. 248].

45. *(стр. 222).* Д. А. Ровинскій относитъ этотъ *„замѣчательный* списокъ сказки объ Ильѣ Муромцѣ“ къ „началу прошедшаго столѣтія“ и предлагаетъ сравненіе этого списка съ текстомъ (конечно, подновленнымъ), который напечатанъ Сахаровымъ въ его „Русскихъ народныхъ сказкахъ“ (Спб., 1841), стр. 66. Къ сожалѣнію, г. Ровинскій приводитъ лишь небольшія выписки изъ замѣчательнаго списка Забѣлина (Русскія народныя картинки. IV, 2—3).

46. *(стр. 223).* [Пропущены 4 строки, содержащія указанія на сходство печатаемаго текста одной изъ былинъ съ текстомъ таковой въ сборникѣ И. Е. Забѣлина].

47. *(стр. 223).* Ср. монографію Ѳ. И. Буслаева, Русскія пословицы и поговорки, въ Архивѣ историко-юридическихъ свѣдѣній Калачова, II, 2, стр. 67.

48. *(стр. 223).* Тамъ же.

49. *(стр. 223).* Ср. также Пыпина, Дополненіе къ библіографическому списку рукописныхъ романовъ, повѣстей и пр. первой половины XVIII вѣка въ Сборникѣ Общества люб. россійск. словесности на 1891 г., стр. 542—543.

50. *(стр. 223).* Въ 1782 г. эта повѣсть была напечатана въ Петербургѣ, но въ другомъ переводѣ—*съ англійскаго.* („Роспись“ Смирдина, № 9268).

51. *(стр. 224).* Татищевъ, Россійская исторія, часть I, кн. 1, стр. 50.

52. *(стр. 224).* Москвитянинъ, 1854 г., № 1 и 2, отд. IV, стр. 9.

53. *(стр. 224).* Письмомъ Демидова опровергается предположеніе Сахарова, что „настоящій собиратель (Древнихъ россійскихъ стихотвореній) былъ П. А. Демидовъ, жившій *въ Тулѣ* въ половинѣ XVIII столѣтія“ и собиравшій, какъ и другіе тульскіе бояре того времени, „пѣсельниковъ и сказочниковъ, слушать пѣсни и сказки“. Отъ этихъ *тульскихъ* пѣсельниковъ, по мнѣнію Сахарова, и записаны пѣсни, вошедшія въ составъ „Древнихъ россійскихъ стихотвореній“. Ср. Сказанія русскаго народа, изд. 3-е. I, 30.

52[1]. *(стр. 224).* Москвитянинъ, 1854 г., № 1 и 2, стр. 10.

53[1]. *(стр. 224).* Древнія россійскія стихотворенія, изд. 2-е, стр. XXXIV, стр. III.

54. *(стр. 225).* Тамъ же, стр. I.

55. *(стр. 225).* Тамъ же, стр. VIII—IX.

56. *(стр. 225).* Основываясь на указанныхъ Калайдовичемъ пѣсняхъ, П. А. Безсоновъ отодвигаетъ даже Киршу Данилова къ концу XVII вѣка. Вотъ его слова: „Слѣдующій за тѣмъ собиратель былинъ, записавшій намъ ихъ, Кирша Даниловъ, жилъ, конечно, въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣка, судя по тому, что сборникъ его кончается былинами о свѣжихъ событіяхъ конца XVII вѣка, о Разинѣ, рожденіи Петра I, атаманѣ Флорѣ Минаевичѣ и т. п.“ (Приложеніе къ седьмому выпуску Пѣсенъ, собранныхъ Кирѣевскимъ, стр. 78). Осторожнѣе относится къ вопросу о личности Кирши Данилова и о времени составленія имъ сборника пѣсенъ Вольнеръ, говоря: „Im 18 Jahrhundert veranstaltete ein gewisser Kirsa Danilov, der in den Demidov'schen Eisenbergwerken im Gouvernement *Perm* beschäftigt gewesen zu sein scheint, eine Sammlung von 61 Bylinen (W o l l n e r, Untersuchungen über die Volksepik der Grossrussen, p. 2). Вольнеръ слѣдуетъ здѣсь О. Ѳ. Миллеру (Илья Муромецъ, стр. V).

57. *(стр. 225).* Первая пѣсня („Изъ славнаго города изъ Пскова подымался Царевъ большой бояринъ“, стр. 306) перепечатана была въ пѣсенникахъ Чулкова, Новикова и въ Пѣсняхъ, собранныхъ Кирѣевскимъ, вып. 8-й, стр. 132—135.

Вторая пѣсня напечатана въ такомъ видѣ: „Вы молоды ребята послушайте, что мы стары старики будемъ сказывати: 2. Про грозна Царя Івана про Васильевича: Какъ онъ нашъ Государь Царь подъ Казань городъ ходилъ: Подъ Казанку, подъ рѣчку подкопы подводилъ: За Сулай за рѣку бочки съ порохомъ каталъ: А пушки и снаряды въ чистомъ полѣ разставлялъ: Ой! Татараве по городу похаживаютъ: И всяко грубіянство оказываютъ: Онѣ грозному Царю насмѣхаются: А не быть нашей Казани за бѣлымъ за Царемъ: Ахъ! какъ тутъ нашъ Государь Царь разгнѣвался: Что подрывъ такъ долго медлился: Приказалъ онъ за то Пушкарей строго казнить: Подкощиковъ и Зажигальщиковъ: Но (ино?) всѣ тутъ Пушкари призадумалися: А одинъ Пушкарь поотважился: Прикажи Государь Царь слово выговорить: Не успѣлъ Пушкарь слово вымолвить: Тогда лишь догорѣли зажигальны свѣчи: И вдругъ разрывало бочки съ порохомъ: Какъ стѣны бросать стало за Сулай за рѣку: Всѣ Татараве тутъ, братцы, устрашилися: Онѣ бѣлому Царю покорилися“. Пѣсни того же содержанія („бояринъ Шереметевъ“ и „взятіе Казанскаго царства“) есть и въ Древнихъ россійскихъ стихотвореніяхъ (стр. 284, 314), но — *въ другихъ версіяхъ*, чѣмъ у Курганова.

58. *(стр. 226).* Ср. Р о в и н с к а г о, Русскія народныя картинки, IV, 190, 241, 254, 353.

59. *(стр. 227).* Ср. А. Н. Пыпинъ, Народные стихи и пѣсни, въ Отечественныхъ Запискахъ, 1858 г., январь, стр. 300—301.

60. *(стр. 227).* Русскія сказки, 1780 г., ч. I, стр. 138—139. Въ 1807 году Левшинъ издалъ первыя четыре части „Русскихъ сказокъ“ Чулкова *вторымъ тисненіемъ*, т.-е. перепечаталъ буквально съ перваго изданія; поэтому примѣчаніе Чулкова о сгорѣвшемъ сборникѣ старинныхъ богатырскихъ пѣсенъ

приписано было Левшину Калайдовичемъ (Древнія россійскія стихотворенія, стр. XXI—XXII). Этимъ объясняется недоумѣніе А. Н. Веселовскаго, „какъ помирить цитату Левшина съ Чулковской“ (Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи наукъ, т. XXXVI, стр. 375).

61. *(стр. 227).* Евгеній, Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей, II, 243.

62. *(стр. 227).* Этотъ сборникъ, въ трехъ частяхъ, напечатанъ былъ по смерти М. Попова, въ Петербургѣ, въ 1792 году.

63. *(стр. 228).* Россійская Эрата, ч. I, стр. XXXI.

64. *(стр. 228).* Такъ называлъ Поповъ народныя пѣсни.

65. *(стр. 228).* Россійская Эрата, ч. I, стр. XXXVI—XXXVII.

66. *(стр. 228).* Евгеній, Словарь свѣтскихъ писателей, II, 243.

67. *(стр. 229).* [Ссылки на тексты былинъ, напечатанные Тихонравовымъ].

68. *(стр. 229).* Ср. А. Н. Пыпинъ, Для любителей книжной старины, стр. 34—35.

68². *(стр. 229).* Это такъ наз. „Эпистолія о недѣлѣ“, иначе „Іерусалимскій свитокъ“, упомянутый выше въ сб. Ѳ. И. Буслаева. Издавался много разъ; срв. также Этногр. Обозрѣніе, IV, 95—100; Н. А. Иваницкій. Матеріалы по этногр. Вологод. г.,—въ Сборн. свѣд. для изуч. быта крест. насел. Россіи, в. II. Москва, 1890 г., стр. 146—147.

69. *(стр. 230).* [Пропущены 2 строки ссылокъ на текстъ былинъ].

70. *(стр. 231).* [Пропущена ссылка на примѣчаніе къ тексту былинъ].

71. *(стр. 233).* [То же].

„МЕЛОЧИ ИЗЪ ЗАПАСА МОЕЙ ПАМЯТИ“.

Статья эта напечатана въ „Отечественныхъ Запискахъ“, 1855 г., № 1, отд. III, стр. 3—22. Вмѣсто заголовка статьи стоитъ: „Мелочи изъ запаса моей памяти“, Мих. Дмитріева. Москва, 1854. Подъ статьею помѣта: „6 ноября 1854 года“. *Ред.*

1. *(стр. 234).* Словарь достопамятныхъ людей русской земли, 1836 г., ч. V, стр. 146.

2. *(стр. 234).* Ключъ къ сочиненіямъ Державина, Спб., 1822.

3. *(стр. 235).* [Записки кн. И. М. Долгорукаго, „Капище моего сердца, или словарь всѣхъ тѣхъ лицъ, съ коими я былъ въ разныхъ отношеніяхъ въ теченіе моей жизни“, напечатаны въ Чтеніяхъ въ О. И. и Д. Р., 1872 и 1873 г. (тогда же вышли отдѣльно), и въ Русскомъ Архивѣ, 1890 г. Записки И. И. Дмитріева „Взглядъ на мою жизнь“ изданы въ 1866 г.].

4. *(стр. 237).* Московскій Городской Листокъ, 1847 г., № 79, стр. 317—318.

5. *(стр. 238).* Эта брошюра была переведена на французскій языкъ. Мы имѣемъ третье изданіе подлинника, напечатанное „въ типографіи у автора 1793 года“ (въ 12 д. л.).

6. *(стр. 240).* „Фонъ-Визинъ“, соч. кн. Вяземскаго, стр. 139—140. [Собр. соч. кн. Вяземскаго, т. V, стр. 90].

7. *(стр. 240).* Собраніе разныхъ сочиненій и новостей, ежемѣсячное изданіе, 1776 г., май, стр. 12.

8. *(стр. 241).* Сочиненія Пушкина, т. XI, стр. 21—22. [Пушкинъ, „О предисловіи Лемонте къ баснямъ Крылова“. Соч., изд. Лит. Фонда, V, стр. 28].

9. *(стр. 242).* Опытъ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ, стр. 243.

10. *(стр. 242).* Г. Буличъ въ своей прекрасной книгѣ „Сумароковъ и современная ему критика“ говоритъ: „О томъ, что „И то и сё“ принадлежитъ Чулкову, можно еще заключить изъ слѣдующаго обстоятельства: въ концѣ журнала раздавалась подписчикамъ сатирическая поэма: „Плачевное паденіе стихотворцевъ“. Эта поэма, съ присоединеніемъ стиховъ: 1) „На качели“, 2) „На семикъ“ и 3) „На масляницу“, которые были напечатаны въ „И то и сё“ отъ лица издателя, вышла отдѣльно *въ 1775 году съ именемъ автора*“

(стр. 254). Мы уже сказали, что брошюра вышла безъ означенія года и мѣста печатанія и безъ имени автора. Г. Буличъ введенъ былъ въ заблужденіе показаніемъ росписи Смирдина (№ 6809) и Библіографіи Сопикова (IV, № 8700).

11. *(стр. 243).* Трутень, еженедѣльное изданіе на 1769 годъ (печатано вторымъ тисненіемъ въ Санктпетербургѣ), листъ XIV, стр. 112. [Изданіе П. А. Ефремова, 1865 г., стр. 89—90].

12. *(стр. 244).* Московскія Вѣдомости, 1756 г., № 1, стр. 4.

13. *(стр. 244).* Московскія Вѣдомости, 1759 г.

14. *(стр. 245).* Русское Чтеніе, изд. С. Глинкою, часть I, стр. 94.

15. *(стр. 245).* Сочиненія Петрова (Спб., 1811), II, 191.

16. *(стр. 245).* Тамъ же, I, 191. Эти стихи приводитъ и Глинка въ подтвержденіе своего разсказа, но въ искаженномъ видѣ.

17. *(стр. 245).* „Къ другу стихотворцу“, Вѣстникъ Европы, 1814 г., № 13, стр. 11. [Соч. Пушкина, изд. Лит. Фонда, I, 8—11].

18. *(стр. 246).* „Каринъ и Костровъ, записка прежнихъ лѣтъ“. Макарова, въ Маякѣ, 1840 г., кн. 4, стр. 185 и слѣд. [Приводимыя здѣсь краткія свѣдѣнія о Костровѣ подробнѣе сопоставлены въ біографіи Кострова, которая написана Тихонравовымъ въ этомъ же году, раньше, чѣмъ статья о запискахъ М. А. Дмитріева, но напечатана тогда не была. См. выше, стр. 182—194].

19. *(стр. 247).* Говоря объ изданіяхъ сочиненій Державина, г. Дмитріевъ замѣчаетъ: „Лучшимъ изданіемъ и самымъ исправнымъ я признаю это, напечатанное въ типографіи Шнора, и *другое* 1816 года, въ типографіи Плавильщикова“ (стр. 21). *Другаго* изданія въ типографіи Плавильщикова напечатано не было, а вышла изъ нея *пятая* часть сочиненій Державина, въ видѣ продолженія къ четыремъ томамъ, у Шнора напечатаннымъ.

20. *(стр. 248).* Такъ въ С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ; въ позднѣйшихъ изданіяхъ — *Ливія*.

21. *(стр. 248).* Несправедливо говоритъ г. Дмитріевъ, что въ Собесѣдникѣ сатира Капниста лишилась четырехъ стиховъ противъ С.-Петербургскаго Вѣстника. Сатира передѣлана вся, вмѣстѣ съ тѣмъ *передѣланы* и эти стихи.

22. *(стр. 249).* [В. Плаксинъ, Краткій курсъ словесности, Спб., 1832 г.; Василій Плаксинъ, Руководство къ изученію исторіи русской литературы, Спб., 1846 г.].

23. *(стр. 249).* Нѣкоторыя невѣрности въ разсказѣ г. Дмитріева о Карамзинѣ были уже указаны г. Галаховымъ въ 6-й кн. Отечественн. Записокъ 1854 г. [„Журналистика“, отд. IV, стр. 148—152; *безъ подписи*].

24. *(стр. 250).* „Мелочи изъ запаса моей памяти“, стр. 34—35.

25. *(стр. 250).* Памятникъ Отечественныхъ Музъ, альманахъ на 1827 г., отд. I, стр. 19—20.

26. *(стр. 250).* Письма русскаго путешественника, Москва, 1797 г., ч. II, стр. 63—64. Въ позднѣйшихъ изданіяхъ эти слова пропущены и частью измѣнены.

27. *(стр. 251).* Москвитянинъ, 1841 г., № 1, стр. 35. [И. И. Дмитріева, „Взглядъ на мою жизнь“. М., 1866 г., стр. 41].

28. *(стр. 252).* Сѣверная Пчела, 1838 г., № 118, стр. 472.

29. *(стр. 253).* Сообщено С. Д. Полторацкимъ, который, вѣроятно, представитъ современемъ болѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ произведеніи нашего знаменитаго поэта.

30. *(стр. 253).* Подъ стихотвореніемъ подпись: *В. Р.*, и слѣдующее замѣчаніе издателя: „Сочинитель сей Аллегоріи маленькой, крошечной стихотворецъ. Какой лучъ надежды блеститъ на зарѣ его!“ См. Муза, ежемѣсячное изданіе на 1796 годъ, часть III (въ Спб.), іюль, стр. 84.

31. *(стр. 254).* Воспоминанія объ Александрѣ Сергѣевичѣ Пушкинѣ Александры Фуксъ (Казань, 1844), стр. 9.

32. *(стр. 254).* Живописный Сборникъ. III. 363. Объ этихъ недосмотрахъ въ „Мелочахъ“ мы говорили уже въ № 8-мъ Отечественныхъ Записокъ 1854 г.

[Судя по этой ссылкѣ, особенно при сравненіи ея со ссылкой 23, къ стр. 249, замѣчанія относительно „Мелочей изъ запаса моей памяти“ М. А. Дмитріева (печатавшихся прежде выхода отдѣльно въ Москвитянинѣ), помѣщенныя въ Отечественныхъ Запискахъ, 1854 г., № 8, отд. IV, въ общемъ обзорѣ „Журналистики“ (стр. 104 — 106), были составлены Тихонравовымъ. Вотъ эти замѣчанія:

„Обратимся къ другимъ журнальнымъ статьямъ.

Въ 12-мъ нумерѣ „Москвитянина“ продолжаются *„Мелочи изъ запаса моей памяти“* г. М. Дмитріева. Статья 12-го № отличается тѣми же достоинствами и недостатками, какіе замѣчены были и въ первыхъ статьяхъ того же сочиненія. Интересны воспоминанія автора о писателяхъ, которыхъ онъ зналъ; большею частью ошибочны и пристрастны его сужденія о литературномъ значеніи тѣхъ же писателей. Вообще, какъ только г. Дмитріевъ оставляетъ роль простаго разсказчика того, что извѣстно ему изъ литературной нашей старины, и переходитъ къ оцѣнкѣ какого-нибудь литературнаго явленія, онъ впадаетъ въ самыя странныя ошибки. Въ статьѣ 12-го № онъ говоритъ, между прочимъ: „Переводъ „Аббадоны“ Жуковскаго предшествовалъ гекзаметрамъ Гнѣдича“ (стр. 161). Этимъ авторъ хочетъ доказать, что Гнѣдичъ не былъ первымъ вводителемъ у насъ гекзаметра. Но „Аббадона“ напечатанъ въ 1815 г. („Сынъ Отеч.“, № 22) въ первый разъ, а отрывки изъ Гнѣдичева перевода „Иліады“ гекзаметрами появлялись въ журналахъ гораздо ранѣе перевода „Аббадоны“, а первый опытъ переложенія „Иліады“ гекзаметрами (пѣсни 6-й) напечатанъ былъ Гнѣдичемъ еще въ 13-й книжкѣ „Чтеній въ бесѣдѣ любителей русскаго слова“. Мы очень благодарны г. М. Дмитріеву за сообщеніе многихъ замѣчательныхъ подробностей о нашихъ старыхъ писателяхъ, но не можемъ не замѣтить, что авторъ ужъ слишкомъ много цѣны придаетъ преданію. Онъ говоритъ: „Очень похвально, что мы обратились нынѣче къ изслѣдованіямъ жизни и характера нашихъ знаменитыхъ поэтовъ. Но, я боюсь, чтобъ этими изслѣдованіями или a priori, или по немногимъ признакамъ и примѣтамъ не ввели въ заблужденіе нашихъ потомковъ. По большей части, эти изслѣдованія, встрѣчающіяся въ журналахъ, бываютъ похожи на разборъ іероглифовъ или стрѣльчатаго письма, которымъ изслѣдователь начинаетъ учиться изъ самаго разбора. Повторяю сказанное и прежде мною: все это отъ того, что пресѣклась наслѣдственная нить преданій; что между Жуковскаго, Пушкина и нынѣшнимъ временемъ былъ промежутокъ, въ который литература наша отторглась отъ памяти прежняго“ (стр. 178—179).

Не знаемъ, дѣйствительно ли между „Жуковск*аго*, Пушкин*а* и нынѣшн*имъ* времен*емъ*" былъ такой промежутокъ; но сильно сомнѣваемся въ могуществѣ преданія, которое такъ высоко ставитъ г. Дмитріевъ. Память можетъ часто измѣнять. Авторъ „Мелочей", повѣствуя о Мерзляковѣ, замѣчаетъ: „Мерзляковъ читалъ и публичныя лекціи: въ домѣ Ѳ. Ѳ. Кокошкина въ 1804 году и въ домѣ князя Б. В. Голицына въ 1811 году" (стр. 155). Публичныя лекціи въ домѣ князя Голицына Мерзляковъ читалъ не въ 1811, а со второй недѣли поста 1812, о чемъ авторъ можетъ найти подробное извѣстіе въ „Вѣстникѣ Европы", 1812 (№ 7, стр. 228); лекціи же у Кокошкина были позже. По словамъ г. М. Дмитріева, первые опыты Жуковскаго въ поэзіи помѣщались въ „Утренней Зарѣ" (стр. 172); а между тѣмъ первыя произведенія Жуковскаго появились еще въ 1797 г., а „Утренняя Заря" начала издаваться съ 1800 г. Наконецъ, въ статьѣ г. М. Дмитріева встрѣтили мы слѣдующее непонятное для насъ замѣчаніе: „Жуковскій, это извѣстно, былъ небогатъ; въ это время онъ долженъ былъ трудиться и изъ-за денегъ. Здѣсь перевелъ онъ (1802) поэму Флоріана: *Вильгельмъ Тель*, съ присовокупленіемъ его же сицилійской повѣсти *Розальба*" (стр. 175).

Въ первый разъ слышимъ мы, что Жуковскій изъ-за денегъ перевелъ повѣсть Флоріана „Вильгельмъ Тель". Странно... Но, позвольте, мы разгадаемъ этого „Вильгельма Теля", переведеннаго Жуковскимъ, и средствомъ къ тому послужитъ намъ не наслѣдственная нить преданій, а небольшія сопоставленія. Жуковскій перевелъ повѣсть *изъ-за денегъ* въ 1802 г. Въ годѣ г. М. Дмитріевъ, должно быть, ошибся, потому что въ 1802 г. Жуковскій напечаталъ только одно „Сельское кладбище"; стало быть, нужно взять время, близкое къ 1802 году. Дѣйствительно, въ 1801 году Жуковскій перевелъ повѣсть Коцебу, а не Флоріана: „Мальчикъ у ручья". Объ этомъ переводѣ онъ писалъ впослѣдствіи: „Нѣкогда въ Москвѣ обанкрутившійся Зеленниковъ трактовалъ меня преобидно. Для него я перевелъ за 75 рублей „Мальчика у ручья". Эту сумму онъ выплачивалъ мнѣ по 5 р., по 7 р. съ полтиною и т. д." („Живописн. Сборн.", III, 363). Итакъ, вотъ повѣсть, переведенная Жуковскимъ изъ-за денегъ! Какимъ же образомъ превратилась она у г. Дмитріева въ *Вильгельма Теля?*... Можетъ быть, потому, что начинается словами: *„Вильгельмъ* сидѣлъ у ручья подъ березою" и пр.?

Оставляемъ пока другія невѣрности, замѣченныя нами въ послѣдней статьѣ „Мелочей": *когда сочиненіе это будетъ кончено, мы разсмотримъ его подробно, какъ матеріалъ для исторіи нашей словесности.* Желаемъ, чтобы г. М. Дмитріевъ не смотрѣлъ непріязненно на тѣхъ изслѣдователей исторіи нашей литературы, которые, по словамъ его, не принадлежатъ „къ непрерывной лѣтописи преданій нашей литературы". Это не ихъ вина. Автору, повидимому, кажется, что безъ этихъ преданій нельзя и писать о нашей литературѣ.

„Съ тѣхъ поръ, какъ принялись наши журналы (то-есть со времени смирдинскихъ изданій русскихъ авторовъ) дѣлать открытія въ русской литературѣ за минувшія десятилѣтія нынѣшняго вѣка, съ тѣхъ поръ такъ много вошло въ исторію нашей литературы неосновательныхъ извѣстій, утверждающихся на догадкахъ и слухахъ"... (стр. 176).

Не говоря уже о томъ, что г. Дмитріеву трудно было бы доказать истину этихъ словъ, замѣтимъ только, что подобный взглядъ на вліяніе смирдин-

скаго изданія кажется намъ невѣрнымъ. Каковы бы ни были недостатки этого изданія, нельзя не сознаться, что оно много содѣйствовало ближайшему знакомству читателей съ отечественной литературой и обращенію къ изученію ея прошедшаго. Положимъ, что въ статьяхъ о русской литературѣ, въ послѣднее время появлявшихся, очень много недостатковъ; но неужели эти попытки по предмету столь мало обработанному (исторіи нашей словесности), заслуживаютъ одно только безстрастное осужденіе?

Мы, впрочемъ, отчасти понимаемъ, почему г. М. Дмитріевъ недоволенъ разборами смирдинскихъ изданій. Не далѣе какъ въ 10 книжкѣ „Москвитянина“ появилась рецензія на сочиненія графа Растопчина, изданныя Смирдинымъ. Замѣтить надобно, что „Москвитянинъ“, постоянно провозглашающій своимъ читателямъ о горячей любви своей къ старой русской литературѣ и очень сильно негодующій на петербургскіе журналы за то, что о русскихъ писателяхъ они пишутъ совсѣмъ не то, что слѣдуетъ, „Москвитянинъ“ не представлялъ до сихъ поръ *ни одной статьи* о смирдинскихъ изданіяхъ, о дорогихъ ему („Москвитянину“) русскихъ писателяхъ. И вотъ передъ нами первая статья „Москвитянина“ о смирдинскомъ изданіи. Узнаемъ мы изъ нея, впрочемъ, немногое, а именно, что Растопчинъ „одна изъ самыхъ яркихъ личностей въ исторіи русской жизни“, что „стыдно не имѣть его полной біографіи“; узнаемъ далѣе, какія сочиненія Растопчина вошли въ изданіе Смирдина; но, главное, узнаемъ, что автору рецензіи очень плохо извѣстна исторія нашей литературы, и еще менѣе извѣстны сочиненія Растопчина. Иначе онъ не приписалъ бы ему „Мыслей не вслухъ у деревяннаго дворца Петра Великаго“. Эти „Мысли“ писаны не имъ и помѣщены издателемъ въ приложеніяхъ, какъ произведеніе, вызванное „Мыслями въ слухъ на Красномъ крыльцѣ“ и обращенное къ Богатыреву,— герою произведеній Растопчина“.

[Слова автора приведенныхъ замѣтокъ: *„когда сочиненіе это будетъ кончено, мы разсмотримъ его подробно“* и пр. опять, вѣроятно, имѣютъ отношеніе къ статьѣ Тихонравова о запискахъ М. А. Дмитріева въ Отеч. Записк. 1855 г., № 1, выше перепечатанной].

83. *(стр. 255).* Съ эпиграфомъ изъ Вольтера: „Sifflez moi librement, je vous le rends, mes frères“.

84. *(стр. 256).* Новости Русской Литературы, еженедѣльное изданіе на 1805 годъ, ч. XIII, № 4, стр. 61—64.

85. *(стр. 256).* Пушкинъ не принадлежалъ къ этому литературному обществу. Въ альбомѣ Пономаревой вклеена, впрочемъ, *Молдавская пѣсня* („Черная шаль“), написанная собственною рукою великаго поэта. Подъ стихотвореніемъ надпись: *Кишиневъ, 1820 года ноября 14.*

ЧЕТЫРЕ ГОДА ИЗЪ ЖИЗНИ КАРАМЗИНА.

Статья напечатана въ „Русскомъ Вѣстникѣ", 1862 г., кн. 4, стр. 732—749. Подъ статьею помѣта: „24 марта".

Это единственная печатная статья Тихонравова о Карамзинѣ, хотя онъ имъ много занимался. Еще въ „Отечественныхъ Записках" 1853 г. (октябрь) были обѣщаны статьи С. М. Соловьева и Н. С. Тихонравова *„о Карамзинѣ, какъ историкѣ и литераторѣ"*. Въ 1866 г., при чествованіи памяти Карамзина, Тихонравовъ прочелъ въ торжественномъ собраніи университета (1-го декабря) рѣчь: „Карамзинъ въ исторіи русской литературы". Рѣчь эта не напечатана и въ бумагахъ Тихонравова она не нашлась. Въ „Русской Старинѣ" 1884 г., кн. 7, стр. 114, Тихонравовъ напечаталъ Приказъ Карамзина бурмистру. Въ своихъ университетскихъ курсахъ Тихонравовъ подробно говорилъ о Карамзинѣ въ тѣсной связи съ оцѣнкой вліянія Новикова и его кружка на русскую жизнь. *Ред.*

1. *(стр. 272).* Некрологъ Ленца, вѣроятно, разумѣетъ одного изъ членовъ Дружескаго общества, когда говоритъ: „Er (Lenz) wurde auf Kosten *eines grossmüthigen russischen Edelmannes*, in dessen Hause er auch lange Zeit lebte, begraben". Stöber, Der Dichter Lenz und Friederike von Sessenheim, p. 42.

2. *(стр. 274).* Слышалъ отъ П. И. Бартенева.

КІЕВСКІЙ МИТРОПОЛИТЪ ЕВГЕНІЙ БОЛХОВИТИНОВЪ.

Статья напечатана въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, 1869 г., кн. 5, стр. 1—38. Въ концѣ статьи обозначено: (Окончаніе слѣдуетъ). Но окончаніе это въ печати не появилось и въ бумагахъ Тихонравова не найдено. Въ своихъ университетскихъ курсахъ Тихонравовъ подробно останавливался на личности и дѣятельности Евгенія Болховитинова. *Ред.*

1. *(стр. 276).* Г. Пономаревъ въ „Матеріалахъ для біографіи митрополита Евгенія“ замѣчаетъ: „Отецъ его у иныхъ называется священникомъ Входо-Іерусалимской, у другихъ церкви Иліи Пророка; это разнорѣчіе, пожалуй, еще можно объяснить: отецъ Алексѣй, вѣроятно, былъ переводимъ съ мѣста на мѣсто. Все-таки и это обстоятельство требуетъ повѣрки въ источникахъ воронежскихъ“ (стр. 6). Г. Ивановскій уже положительно утверждаетъ, что отецъ Евгенія „былъ священникомъ въ городѣ Воронежѣ *сперва* Входо-Іерусалимской, а *потомъ* церкви Иліи Пророка, при которой и скончался (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1867 г., декабрь, стр. 708). Мнимое разнорѣчіе о мѣстѣ служенія священника Болховитинова разрѣшается слѣдующими словами его сына въ „Историческомъ описаніи Воронежской губерніи“: „Церковь Входо-Іерусалимская одноштатная, каменная, построена съ 1767 по 1770 годъ на мѣсто деревянной. Нынѣ въ сей церкви придѣлъ во имя Св. Пророка Иліи, отъ коего *сперва* и церковь прозвана *Ильинскою*, а настоящая освящена уже въ 1780 г.“ (стр. 71).

2. *(стр. 276).* Историческое описаніе Воронежской губерніи, стр. 65—66.

3. *(стр. 276).* Въ семинаріи преподавались тогда греческій, французскій, нѣмецкій языки. Тамъ же, стр. 65.

4. *(стр. 277).* Тамъ же, стр. 208.

5. *(стр. 277).* Самъ Евгеній годомъ отправленія своего въ Москву невѣрно называлъ 1784. Въ вѣдомостяхъ Московской славяно-греко-латинской академіи записано: „Еѳимъ Болховитиновъ поступилъ учиться въ академію въ 1778 году, 11-ти лѣтъ отъ роду“. Смирновъ, Исторія Московской славяно-греко-латинской академіи, стр. 390. Это офиціальное указаніе подтверждается свидѣтельствомъ самого Евгенія, что онъ учился въ воронежской семинаріи „до половины курса философіи“. Философскій курсъ продол-

жается въ семинаріяхъ два года; въ Воронежѣ онъ былъ открытъ въ 1777 году, и слѣдовательно, въ началѣ 1778 года Болховитиновъ уже оставилъ семинарію.

6. *(стр. 277).* Г. Ивановскій смѣшиваетъ Тихона III съ Тихономъ I, святымъ, когда замѣчаетъ: „Полное описаніе жизни Тихона составляетъ какъ бы памятникъ благодарности бывшаго воронежскаго семинариста заботливому о судьбѣ его пастырю, память котораго равнымъ же образомъ съ глубокимъ уваженіемъ чтитъ весь православный русскій народъ". Журн. Мин. Нар. Просв., 1867, дек., 712. Евгеній издалъ описаніе жизни Тихона I, покровителемъ же его былъ Тихонъ III.

7. *(стр. 277).* Смирновъ, Исторія Московской славяно-греко-латинской академіи, стр. 299.

8. *(стр. 277).* Тамъ же, стр. 301.

9. *(стр. 277).* Христіанскій календарь на лѣто 1784, стр. 494.

10. *(стр. 277).* Тамъ же, стр. 496.

11. *(стр. 278).* Смирновъ, Исторія Московской славяно-греко-латинской академіи, стр. 306.

12. *(стр. 278).* Тамъ же, стр. 310.

13. *(стр. 278).* Пріятное и полезное препровожденіе времени, ч. XVI, стр. 31—32.

14. *(стр. 278).* Шадена, Слово о правѣ обладателя въ разсужденіи воспитанія и просвѣщенія науками и художествами подданныхъ. Пер. Грачевскаго, 1771 г., стр. 66.

15. *(стр. 278).* Тамъ же, стр. 25, 53, 56, 89.

16. *(стр. 279).* Тамъ же, стр. 34.

17. *(стр. 279).* Тамъ же, стр. 56.

18. *(стр. 279).* Письма митрополита Евгенія къ Городчанинову, въ Журн. Мин. Нар. Пр., ч. XCIV, отд. VII, стр. 11.

19. *(стр. 279).* Переписка Евгенія съ Державинымъ. Чтеніе Я. К. Грота, стр. 109.

20. *(стр. 280).* Переведена съ французскаго въ Московской академіи 1787 года. Москва, въ типографіи Компаніи Типографической, 1788. Въ предувѣдомленіи переводчики называютъ эту книгу „первымъ опытомъ" своихъ трудовъ.

21. *(стр. 280).* Такова, напримѣръ, 5-я часть „Утренняго Свѣта", вышедшая вторымъ изданіемъ въ 1785 году.

22. *(стр. 280).* Смирновъ, Исторія славяно-греко-латинской академіи, стр. 306.

23. *(стр. 280).* Переписка Евгенія съ Державинымъ, стр. 140.

24. *(стр. 281).* Тамъ же, стр. 129.

25. *(стр. 281).* Тамъ же, стр. 102.

26. *(стр. 281).* Тамъ же, стр. 163.

27. *(стр. 281).* Тамъ же, стр. 161.

28. *(стр. 281).* Москва. Въ типогр. Пономарева, 1787. „Похвальное слово чему-нибудь" приписываютъ Розанову (Смирновъ, Ист. Моск. академіи, стр. 394), основываясь на одной цензурной вѣдомости, въ которой читается: „Сіе „Похвальное слово" и пр. доставить цензору и не прежде выпускать въ свѣтъ, пока отъ него не получу на то дозволенія, *обязуюсь Ѳома Розановъ*"

(Осьмнадцатый Вѣкъ, изд. Бартеневымъ, I, 446). Но изъ той же цензурной вѣдомости можно убѣдиться, что подобныя обязательства не всегда давались самими переводчиками или авторами представленнаго въ цензуру произведенія. Такъ, подобное обязательство даетъ Карамзинъ относительно „Поэмы Камоэнсовой", *не имъ* переведенной (стр. 445), а относительно книги „Разсмотрѣніе натуры", переведенной *Карамзинымъ*, Плещеевъ (стр. 446). О томъ, что „Похвальное слово ничему" вышло изъ-подъ пера Болховитинова, свидѣтельствуютъ онъ самъ, въ автобіографической запискѣ (напечатанной въ Воронежскомъ литературномъ сборникѣ, вып. I, стр. 238), и находившійся съ Болховитиновымъ въ близкихъ отношеніяхъ библіографъ Анастасевичъ, въ Росписи россійскимъ книгамъ изъ библіотеки Плавильщикова (ч. I, стр. 477), изданной при жизни Болховитинова.

29. *(стр. 282).* Похвальное слово чему-нибудь, стр. 45—46.

30. *(стр. 282).* Nihil, Henrico Memmio pro xeniis, per Joa. Pass. carmen; huic subjungitur aliud gallicum, cui titulus *quelque chose*, par Phil. Girard Vandomois, Paris, 1587. Черезъ нѣсколько лѣтъ вышло: „Estrenes, Nihil, Nemo, quelque chose, tout, le moyen, si peu que rien, on, il" (par Passerat et Phil. Girard). Caen et Paris, 1596.

31. *(стр. 282).* Оригиналомъ для Болховитинова, повидимому, служила „L'éloge de rien, dédié à personne, avec une postface; troisième édition peu revue, nullement corrigée et augmentée de plusieurs riens (par Cocuelet)" Paris, 1730.

32. *(стр. 283).* Похвальное слово чему-нибудь, стр. XII—XV.

33. *(стр. 283).* Переведена С. Евѳ. Болх., Москва. Въ тип. Пономарева, 1788. Переводъ сдѣланъ въ 1787 году.—Осьмнадцатый Вѣкъ, I, стр. 449.

34. *(стр. 284).* Парнасская исторія, стр. 26—28.

35. *(стр. 284).* Тамъ же, стр. 52.

36. *(стр. 284).* Тамъ же, стр. 65—66.

37. *(стр. 285).* Тамъ же, стр. 64.

38. *(стр. 285).* Аполлоса (ректора академіи), Христіанскій календарь на 1784 годъ, стр. 495.

39. *(стр. 285).* Парнасская исторія, стр. 21, 61.

40. *(стр. 285).* Тамъ же, стр. 17.

41. *(стр. 286).* Nisard, Les ennemis de Voltaire, p. 218; Hatin, Histoire de la presse en France, II, 404.

42. *(стр. 286).* Парнасская исторія, стр. 11.

43. *(стр. 286).* Собственныя слова Карамзина.

44. *(стр. 287).* Письма Петрова къ Карамзину. Русскій Архивъ, 1863 г., вып. 5 и 6, стр. 483.

45. *(стр. 287).* Собственное признаніе Карамзина въ примѣчаніи къ этому стихотворенію.

46. *(стр. 287).* Моск. Журналъ, 1792 г., сент. Ни въ одномъ собраніи сочиненій Карамзина оно не перепечатано.

47. *(стр. 288).* Собственныя слова Протопопова. Библ. Записки, 1858 г., № 24, стр. 756.

48. *(стр. 288).* Библ. Записки, 1859 г., стр. 67.

49. *(стр. 288).* Тамъ же, стр. 68.

50. *(стр. 288).* Переписка Евгенія съ Державинымъ, стр. 105. Позволяю

себѣ высказать предположеніе, что Болховитинову принадлежитъ переводъ сантиментальной книжки: „*Прекрасная Полонянка. Истинная повѣсть о кораблекрушеніи и плѣнѣ дѣвицы Аделины, графини де-Сентъ-Фаржель, на шестнадцатомъ году ея возраста, въ краяхъ Алжирскаго государства*, въ 1782 году. Москва. Въ тип. Пономарева, 1787". *Въ 12-ю долю листа.* Это предположеніе основывается: 1) на слѣдующей распискѣ, данной Болховитиновымъ цензурѣ въ 1787 году: „Оную Прекрасную Полонянку долженъ я представить въ оригиналѣ и въ печатной книгѣ г. духовному цензору и не выпускать въ свѣтъ, пока не получу билета отъ него. Московской академіи студентъ Евѳимъ Болховитиновъ" (Осьмнадцатый Вѣкъ, I, 449). 2) Самъ Болховитиновъ въ перечнѣ своихъ литературныхъ трудовъ указываетъ, повидимому, на эту брошюру, невѣрно приводя ея заглавіе въ такомъ видѣ: *Историческое примѣчаніе объ Алжирѣ*, Тунисѣ... *Въ 12-ю д. л.* Выставленныя на *Прекрасной Полонянкѣ:* „перевелъ съ французскаго *П. Б.*" могли быть намѣреннымъ сокрытіемъ имени переводчика.

51. *(стр. 289).* М. П. Погодина, „Утро", III, 375.

52. *(стр. 289).* „Я часто (писалъ Болховитиновъ въ 1794 году) бываю горячъ до бѣшенства, и если въ сіи минуты горячности моей случится мнѣ писать, то я противъ воли обижаю... Горячность можетъ вводить людей въ разныя погрѣшенія; но она никогда не доказываетъ ни хитраго, ни вѣроломнаго, ни злаго сердца". Письма Болховитинова къ Селивановскому. Библ. Записки, 1859 г., стр. 72.

53. *(стр. 290).* „Истолкованія Англиканскихъ законовъ" Блекстона вышли въ переводѣ Десницкаго въ 1780—1782 гг.

54. *(стр. 290).* Радищевъ, Путешествіе изъ Петербурга въ Москву. Подберезье.

55. *(стр. 290).* „Удовольствія отъ способности воображенія", Англинская поэма въ трехъ пѣсняхъ, сочиненія Г. Акенсида. Съ французскаго на россійскій языкъ переведена С. Евѳимомъ Болховитиновымъ. Москва. Въ тип. Гиппіуса. 1788.

56. *(стр. 290).* Впрочемъ, нѣкоторыя примѣчанія и чертежи принадлежатъ самому Акензайду. Гольбахъ перевелъ поэму Акензайда съ перваго ея изданія; впослѣдствіи оно было совершенно передѣлано и значительно распространено авторомъ.

57. *(стр. 290).* Московскій Журналъ, 1791 г., сентябрь, стр. 323.

58. *(стр. 290).* Чтеніе для вкуса, разума и чувствованій, X, 484; XI, 183; XII, 3, 207.

59. *(стр. 291).* Удовольствія отъ способности воображенія, стр. 51—52.

60. *(стр. 292).* Тамъ же, стр. 149—151.

61. *(стр. 292).* Московскій Журналъ, 1791 г., сентябрь, стр. 174.

62. *(стр. 293).* Болховитинова, Описаніе Воронежской губерн., стр. 214.

63. *(стр. 293).* Красовскаго, Опытъ исторіи Россійской академіи, въ Журналѣ Минист. Народн. Просвѣщ., ч. LX. отд. III, стр. 103.

64. *(стр. 293).* Прот. Ѳаворова, Рѣчь, произнесенная на годичномъ торжественномъ собраніи университета Св. Владиміра, 3-го сент. 1867 года, въ Трудахъ Кіевской духовн. академіи, 1867, августъ, стр. 258.

65. *(стр. 293).* Свое руководство по риторикѣ Болховитиновъ напечаталъ подъ заглавіемъ: „Размышленія о краснорѣчіи вообще и особенно о пропо-

вѣдническомъ краснорѣчіи. Изъ сочиненій г. аббата Трюблета, переведенныхъ въ Воронежской семинаріи, для пользы юношества, воспитывающагося въ той же семинаріи". М., въ типогр. Селивановскаго, 1793.

66. *(стр. 294).* Ср. Вольтера „Le pauvre diable", стихотвореніе, написанное сарказмомъ на Трюбле.

67. *(стр. 294).* Размышленія о краснорѣчіи, стр. 37, 74.

68. *(стр. 294).* Тамъ же, стр. 43.

69. *(стр. 294).* Тамъ же, стр. 65.

70. *(стр. 294).* Тамъ же, стр. 80.

71. *(стр. 295).* Тамъ же, стр. 46.

72. *(стр. 295).* Тамъ же, стр. 28.

73. *(стр. 295).* Въ 1804 г. Болховитиновъ перевелъ для журнала „Другъ Просвѣщенія" слѣдующія статьи изъ Трюбле: 1) „О краснорѣчіи сочиненій"; 2) „Размышленіе о вкусѣ". Изъ него Болховитиновъ приводилъ выписки въ письмахъ къ Хвостову: статью его *О вкусѣ* перевелъ *„въ наученіе себѣ"*. Ср. Грота, Переписка Евгенія съ Державинымъ, стр. 98, 99, 104, 124, 165. Другъ Просвѣщ., 1804, №№ 5, 8 и 12; 1806 г. № 2.

74. *(стр. 296).* Поучительныя слова и другія сочиненія Платона, отъ Московской Академіи выпечатанныя, 1780 г., томъ первый.

75. *(стр. 296).* Размышленія о краснор., стр. 29.

76. *(стр. 296).* Библіогр. Записки, 1859 г., стр. 67.

77. *(стр. 296).* Письма Евгенія къ Городчанинову, стр. 9.

78. *(стр. 296).* Размышл. о краснор., стр. 129.

79. *(стр. 296).* „Опытъ о человѣкѣ", поэма г. Попе. Переводъ въ прозѣ съ историческими и философическими примѣчаніями. М., въ типогр. Пономарева, 1806. Въ іюлѣ 1793 г. Болховитиновъ писалъ Селивановскому: „Вамъ скоро поспѣетъ Попіевъ „Опытъ о человѣкѣ". Библ. Зап., 1859 г., стр. 69.

80. *(стр. 296).* Приложенныя къ переводу Поповскаго гравюры заимствованы изъ амстердамскаго изданія „Oeuvres diverses de Pope, traduites de l'Anglais. Nouvelle édition". Amsterdam et Leipzig. MDCCLIV. Здѣсь помѣщены два перевода „Опыта"—одинъ въ прозѣ, другой въ стихахъ; послѣдній принадлежитъ аббату Дю-Ренелю (Du-Resnel). Изъ этого изданія Болховитиновъ заимствовалъ всѣ приложенныя имъ къ своему переводу „Опыта о человѣкѣ" примѣчанія. Переводъ Болховитинова сдѣланъ уже съ подлинника, но при пособіи французскаго перевода.

81. *(стр. 297).* Опытъ о человѣкѣ. М., 1756, стр. 5.

82. *(стр. 297).* П. П. Пекарскій, Матеріалы для исторіи русской литературы, въ Библ. Зап., 1859 г., стр. 489—490.

83. *(стр. 297).* Фонъ-Визинъ въ „Чистосердечномъ признаніи".

84. *(стр. 297).* Въ Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ хранится подъ № 236 рукопись „Опытъ о человѣкѣ", на которой приписано: „Переведено съ французскаго переводу профессор. Николаемъ Поповскимъ: Списано съ подлинника прежде, какъ оной святѣйшимъ синодомъ былъ поправленъ". Изъ этой рукописи заимствуемъ свѣдѣнія о поправкахъ цензурою перевода Поповскаго. [О цензурной исторіи перевода Поповскаго см. выше, стр. 82—89].

85. *(стр. 298).* Ср. съ печатнымъ пѣснь I, стихъ 461 и слѣд. Всѣ упоминанія о множествѣ міровъ уничтожены. Такъ, 37 стихъ первой пѣсни: *Хотя*

тѣмъ мірамъ нѣтъ предѣловъ, ни числа измѣненъ такъ: Хотя тѣмъ *кругомъ;* ст. 535 вмѣсто: *Хотя бы въ мірѣ семъ, хотя бъ въ другомъ ты былъ,* стоитъ: Хотя бъ ты въ мірѣ семъ, хотя бъ гдѣ *нибудь* былъ.

86. *(стр. 298).* Пѣснь II, ст. 289. Не одобренъ былъ 195 стихъ: *Возможно ль страсти намъ почесть вредомъ какимъ?*

87. *(стр. 298).* Пѣснь III, ст. 545.

88. *(стр. 298).* Опытъ о человѣкѣ, стр. 25.

89. *(стр. 299).* Тамъ же, стр. XVIII.

90. *(стр. 299).* Тамъ же, стр. XXII.

91. *(стр. 299).* Тамъ же, стр. IX.

92. *(стр. 299).* Тамъ же, стр. V.

93. *(стр. 299).* Тамъ же, стр. XVI.

94. *(стр. 300).* Волтеровы заблужденія, обнаруженныя аббатомъ Нонотомъ. Часть I. Предувѣдомленіе къ россійскому переводу.

95. *(стр. 300).* Слово надгробное (Болховитинова) преосвященному Иннокентію, епископу воронежскому. Изданіе второе, Воронежъ, 1799 г., стр. 3—4.

96. *(стр. 300).* Волтеровы заблужденія, обнаруженныя аббатомъ Нонотомъ. Часть I и II. Переведена съ французскаго оригинала послѣдняго шестаго изданія въ Воронежской семинаріи студентами богословія. Москва, въ тип. Пономарева, 1793 г.

97. *(стр. 301).* Библіографическія Записки, 1859 г., стр. 68.

98. *(стр. 301).* Въ русскомъ переводѣ второй части „Волтеровыхъ заблужденій" цензурою исключены главы оригинала: XII. Des vérités révelées e-des Livres divins; XIII. Du péché originel; XVIII. Des conciles; XIX. De la polit tique, attribuée à quelques papes sur les matières de foi; XXII. Du Célibat de réligion.

99. *(стр. 301).* Волтеровы заблужденія, II, 180.

100. *(стр. 302).* Nonnotte, Erreurs de Voltaire, Besançon. MDCCCXIX, p. 211.

101. *(стр. 302).* Письма Евгенія къ Городчанинову, стр. 22. Въ послѣдствіи Евгеній написалъ однако два, три стихотворенія. Г. Савваитовъ („Утро" М. П. Погодина, III вып., стр. 376) высказалъ предположеніе, что кантъ: *Только явятся солнца красы* написанъ Болховитиновымъ. Это несправедливо: означенный кантъ напечатанъ былъ въ „Письмовникѣ" Курганова (второе изданіе, 1777, стр. 260), когда Болховитинову не было и десяти лѣтъ отъ роду.

102. *(стр. 303).* Данскій, въ Воронежскомъ литературномъ сборникѣ, вып. I, стр. 227.

103. *(стр. 303).* М. П. Погодина, „Утро". III, 375.

104. *(стр. 303).* Гротъ, Переписка Евгенія съ Державинымъ, стр. 210.

105. *(стр. 303).* Такъ называетъ Бантышъ-Каменскаго Болховитиновъ.

106. *(стр. 304).* „Рѣчь" Ѳаворова, стр. 261.

107. *(стр. 304).* Словарь достопамятныхъ людей русской земли Бантышъ-Каменскаго, 1846, II, стр. 2.

108. *(стр. 304).* Чистовичъ, Исторія Петербургской духовной академіи, стр. 131.

ГРАФЪ Ѳ. В. РАСТОПЧИНЪ И ЛИТЕРАТУРА ВЪ 1812 ГОДУ.

Статья эта напечатана Тихонравовымъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“, 1854 г., № 7, отд. II, стр. 1—70. Въ началѣ дана помѣта: „статья первая“; но продолженія въ печати не появилось, хотя вторая статья была написана авторомъ и, повидимому, отослана въ редакцію, которая въ № 11 журнала за тотъ же годъ заявляла: „Во второй статьѣ о Растопчинѣ читатели найдутъ полученныя г. Тихонравовымъ также отъ А. Ѳ. Растопчина письма Воронцова и Головина“ („Отеч. Зап.“, 1854 г., № 11, отд. IV, стр. 51, примѣчаніе). Причиной ненапечатанія второй статьи была полемика, вызванная въ печати первою статьею. Погодинъ въ своемъ „Москвитянинѣ“ (1854 г., № 14, отд. V, стр. 91—92) напечаталъ „Два слова о письмахъ графа Ѳедора Васильевича Растопчина, помѣщенныхъ въ статьѣ г. Тихонравова“. Въ „Двухъ словахъ“ Погодинъ рѣзко обрушился на Тихонравова, обвиняя его въ неправильномъ присвоеніи писемъ Растопчина: Погодинъ раньше его досталъ съ нихъ копію и собирался ихъ печатать, но не могъ (по цензурнымъ препятствіямъ со стороны московской цензуры), а Тихонравовъ о самомъ существованіи этихъ писемъ впервые узналъ отъ него, Погодина, и потомъ „умѣлъ найти дорогу къ оригиналу“. Тихонравовъ помѣстилъ свое разъясненіе въ видѣ письма къ редакціи въ № 11 „Отеч. Записокъ“ 1854 г. (отд. IV, стр. 49 — 52), тоже въ рѣзкомъ тонѣ, опровергая притязанія Погодина. Къ этому-то письму редакція и сдѣлала примѣчаніе о содержаніи второй статьи. Въ письмѣ своемъ Тихонравовъ, между прочимъ, говорилъ: „Вотъ уже прошли три мѣсяца со времени напечатанія моей статьи и болѣе двухъ съ появленія „Двухъ словъ“ г. Погодина, а наслѣдникъ Ѳ. В. Растопчина, *единственный законный владѣлецъ упомянутыхъ писемъ*, не протестовалъ противъ напечатанія ихъ въ нашей статьѣ“. Возможно, что подъ вліяніемъ именно этихъ строкъ гр. А. Ѳ. Растопчинъ, „вызванный противъ воли на объясненія полемическими статьями и ссылками на него“, вступился въ дѣло, неожиданно заявивъ, что онъ не давалъ права ни Погодину, ни Тихонравову печатать письма изъ его родового архива, а давалъ ихъ Тихонравову „только для справокъ“. „Объясненіе“ гр. Растопчина, подписанное „16-го ноября 1854 г.“, напечатано въ „Моск. Вѣдом.“ 1854 г., № 141, литературный отдѣлъ, стр. 588. Послѣ этого заявленія печатаніе продолженія статьи о Растопчинѣ сдѣлалось невозмож-

нымъ. Разсказавъ объ этомъ эпизодѣ, А. Н. Аѳанасьевъ, въ ненапечатанныхъ своихъ запискахъ, выражаетъ удивленіе, какъ ни Погодинъ, ни Тихонравовъ не отвѣчали на рѣзкое заявленіе гр. А. Ѳ. Растопчина: но причину этого молчанія нельзя не видѣть въ условіяхъ тогдашней цензуры.

Статья о гр. Ѳ. В. Растопчинѣ, кромѣ обычныхъ оттисковъ изъ журнала, появилась также въ видѣ брошюры съ особымъ выходнымъ листомъ. Спб., 1854 г.

Вторая статья была, вѣроятно, отослана въ редакцію „Отечественныхъ Записокъ"; во всякомъ случаѣ, въ рукописяхъ Тихонравова она не сохранилась.

На основаніи указаній въ упомянутыхъ запискахъ Аѳанасьева внесены въ статью два небольшихъ пропуска и вставлены вмѣсто иниціаловъ нѣкоторыя собственныя имена. *Ред.*

1. *(стр. 306).* А. Я. Булгаковъ въ своей „Біографіи графа Ѳ. В. Растопчина" (Отечественныя Записки, 1826 г., ч. XXVI, стр. 54) говоритъ, что онъ родился въ 1765 году, основываясь, кажется, на словахъ самого Растопчина въ Mes mémoires ou moi au naturel écrits en dix minutes. Наше показаніе взято изъ надгробной надписи графа и подтверждается замѣчаніемъ одной брошюры 1813 года, которое будетъ приведено ниже. Ср. Историческій, статистическій и географическій журналъ, 1830 г., ч. I, кн. I, стр. 86.

2. *(стр. 307).* „Я здѣсь (пишетъ Растопчинъ къ П. Д. Циціанову изъ Козмодемьянска) смотрю и наполненъ тысячью воспоминаніями. Я здѣсь жилъ до 15 лѣтъ мѣсяцовъ по девяти въ годъ, первый годъ моей женитьбы наединѣ съ женою и узналъ всѣ ея добродѣтели; здѣсь родился Сергуша и я позналъ неизвѣстное чувство стать отцомъ. Много здѣсь со мною было непріятнаго, но все окончилось". За сообщеніе драгоцѣнныхъ писемъ Растопчина къ Циціанову, также писемъ С. Р. Воронцова и Головина къ Ѳ. В. Растопчину мы обязаны благосклонности графа Андрея Ѳедоровича Растопчина. Въ настоящемъ сочиненіи мы по возможности пользовались этою любопытною перепиской; когда-нибудь она, вѣроятно, напечатается вполнѣ и доставитъ прекрасныя подробности для исторической картины нашего общества въ началѣ настоящаго столѣтія.

3. *(стр. 307).* Отеч. Записки, 1826 г., ч. XXVI, стр. 54.

4. *(стр. 308).* Листки этихъ малыхъ собраній сохранилъ Левъ Александровичъ Нарышкинъ, составившій такимъ образомъ довольно обширный портфель. П. П. Свиньинъ, получивъ эти драгоцѣнные документы отъ К. А. Нарышкина, напечаталъ нѣкоторые изъ нихъ въ статьѣ „Литературныя забавы Екатерины Великой въ Эрмитажѣ" (Сынъ Отечества, 1836 г., № 2, ч. 175, отд. I, стр. 81—97). Изъ нея заимствуемъ мы два *листка* вмѣстѣ съ пояснительными подробностями.

5. *(стр. 309).* Напечатаны въ Москвитянинѣ 1849 года, №№ 1, 10, 13, 15; въ Сочиненіяхъ графа Растопчина, изданныхъ А. Смирдинымъ, пропущены.

6. *(стр. 311).* Письма русскаго путешественника (М., въ унив. тип. у Хр. Ридигера и Хр. Клаудія, 1797), ч. I, стр. 5—8. Въ смирдинскомъ изданіи сочиненій Карамзина это предисловіе не перепечатано.

7. *(стр. 311).* На заимствованія Карамзина изъ Морица высказывались намеки еще при жизни автора „Писемъ". Въ статьѣ „О слогѣ господина

Карамзина" читаемъ: „Путешествіе г-на Карамзина, которое очень неосновательно уподобляютъ Стернову, и *которое гораздо болѣе сходствуетъ съ Морицовымъ*—драгоцѣнное хранилище идей, чувствованій" и т. д. („Аглая", издаваемая кн. П. Шаликовымъ, 1808, май, стр. 57). Извѣстное описаніе рейнскаго водопада, помѣщаемое въ нашихъ хрестоматіяхъ, взято изъ статьи, напечатанной еще въ Дѣтскомъ Чтеніи (изданіе 2-е, ч. XVIII, стр. 25—30): „Рейнскій Водопадъ", переведенный (какъ сказано въ журналѣ) изъ описанія одного путешественника. [Недавно разбору этого примѣчанія В. В. Сиповскій посвятилъ обширную статью въ Извѣстіяхъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи наукъ, 1897 г., т. II, кн. 3, стр. 629—721].

8. *(стр. 314).* Бантышъ-Каменскій въ біографіи графа Растопчина приводитъ отрывки изъ этой записки, написанной 15 ноября 1796 г. [Записка эта напечатана въ Чтеніяхъ 1864 г., кн. 2, 171—184, и въ Архивѣ кн. Воронцова, VIII, 158—174].

9. *(стр. 315).* Бантышъ-Каменскій въ Словарѣ достоп. людей русской земли. Спб., 1847, т. III, стр. 113—114.

10. *(стр. 316).* Терещенки, Опытъ обозрѣнія жизни сановниковъ, управлявшихъ иностранными дѣлами въ Россіи (Спб., 1837), часть 4, стр. 205 и слѣд. — Бантышъ-Каменскаго, Словарь, ч. III, стр. 115—119.

11. *(стр. 316).* Таковы, наприм., письма, напечатанныя въ „Исторіи Россійско-Австрійской кампаніи 1799 г.", Фукса, часть III, стр. 272, 274.

12. *(стр. 316).* Этой статьи нѣтъ въ сочиненіяхъ Растопчина изд. г. Смирдина; она напечатана въ Русскомъ Вѣстникѣ 1808, № 3. стр. 241—249, подъ заглавіемъ: „О Суворовѣ" (письмо къ издателю Р. В. отъ 28 января 1808 г., с. Вороново). Подъ статьею выноска С. Н. Глинки: „Сіи драгоцѣнныя преданія о героѣ италійскомъ сообщены издателю графомъ Ѳ. В. Растопчинымъ".

13. *(стр. 317).* Глинка въ Русскомъ Чтеніи (Спб., 1845, часть I, стр. 227—235) приводитъ слышанный имъ отъ Растопчина разсказъ о Суворовѣ. Основаніе его, конечно, можетъ быть справедливо, но не думаемъ, чтобы память Глинки могла сохранить въ настоящемъ видѣ и подробности, которыя въ подобномъ случаѣ очень важны: отнимите ихъ — что останется? Потому мы не рѣшались воспользоваться этимъ не вполнѣ достовѣрнымъ документомъ.

14. *(стр. 317).* Въ смирдинскомъ изданіи сочиненій Растопчина напечатаны немногія письма къ Суворову, и то съ большими пропусками. Издатель взялъ ихъ изъ Московскаго Телеграфа и напечаталъ безъ всякихъ дополненій, которыя можно было сдѣлать по Русскому Вѣстнику (1842, № 3, отд. II, стр. 365), по „Исторіи Россійско-Австрійской кампаніи" Фукса и книгѣ г. Милютина „Исторія войны Россіи съ Франціею". Впрочемъ, въ двухъ послѣднихъ сочиненіяхъ по спеціальному предмету часто опускаются тѣ мѣста, гдѣ Растопчинъ говоритъ о себѣ; въ приводимыхъ нами письмахъ эти мѣста сохранены. Кромѣ указанныхъ источниковъ, мы пользовались копіями съ писемъ Растопчина къ Суворову, за сообщеніе которыхъ обязаны благодарностью А. Д. Черткову. Не говоримъ ужъ объ опечаткахъ, искажающихъ въ смирдинскомъ изданіи многія мѣста. Напр., на стр. 152 напечатано *„званіе народное* на помощь Государя" вмѣсто *„упованіе"*.

15. *(стр. 318).* Ср. Фуксъ, Исторія Р.-Австр. кампаніи, III, стр. 239.

16. *(стр. 319).* Сочиненія Растопчина, изд. Смирдина, стр. 151—153.

17. *(стр. 321).* Въ письмѣ отъ $^{14}/_{25}$ мая 1799 года С. Р. Воронцовъ пишетъ къ Растопчину: „Vous m'avez rendu la vie, mon bon ami. Je vous ai déjà écrit, que si vous parvenez à me sauver, je vous consacrerai une chapelle comme à mon sauveur. Elle est déjà bâtie dans mon coeur, mais je me reserve de bâtir un temple dans une de mes terres, où je finirai probablement mes jours, quand ma santé sera encore plus délabrée qu'elle ne l'est déjà. Il sera consacré à l'amitié et à la reconnaissance et parmi les personnes à qui je dois ces sentiments votre portrait aura une place très distinguée".

18. *(стр. 321).* Разсказываютъ, что однажды, находясь съ Растопчинымъ въ многочисленномъ обществѣ, гдѣ было много князей, императоръ Павелъ I спросилъ его: „Скажи мнѣ, отчего ты не князь?" Послѣ минутнаго колебанія Растопчинъ спросилъ императора, можетъ ли онъ высказать настоящую причину, и, получивши утвердительный отвѣтъ, сказалъ: „Предокъ мой, выѣхавшій въ Россію, прибылъ сюда зимой".—Какое же отношеніе имѣетъ время года къ достоинству, которое ему было пожаловано, спросилъ императоръ.—„Когда татарскій вельможа (отвѣчалъ Растопчинъ) въ первый разъ являлся ко двору, ему предлагали на выборъ или *шубу* или *княжеское достоинство*. Предокъ мой пріѣхалъ въ жестокую зиму и отдалъ предпочтеніе шубѣ". Этотъ отвѣтъ очень позабавилъ императора. Mercure de France, du 21 messidor an X (10 juillet 1802), T. IX, p. 144.

19. *(стр. 322).* Сѣверная Пчела, 1838, № 118, стр. 472.

20. *(стр. 329).* Статья, изъ которой мы беремъ это извѣстіе, напечатана въ 1804 году.

21. *(стр. 330).* Уранія (періодическое изданіе. Вторая четверть 1804 года. Въ Калугѣ), стр. 58—60.

22. *(стр. 330).* Письма эти, полученныя нами отъ С. Д. Полторацкаго, относимъ мы къ 1803 году.

23. *(стр. 330).* Здѣсь опускаемъ мы нелюбопытное мѣсто о *Gentleman*, одной изъ лошадей графа.

24. *(стр. 333).* Вотъ полное заглавіе этого сочиненія: „Плугъ и Соха", писанное степнымъ дворяниномъ. М., 1806. Въ Универ. тип. На заглавномъ листкѣ эпиграфъ: *Отцы наши не глупѣй насъ были.*

25. *(стр. 333).* Евгенія, Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей (М., 1845 г.), ч. I, стр. 159; Энциклопедическій Лексиконъ (1837 г.), ч. XV, стр. 391. Эти указанія совершенно ошибочны, потому что эпиграфъ брошюры не имѣетъ никакого отношенія къ Дашковой, а между тѣмъ онъ явно указываетъ на автора книжки. Только г. Сушковъ приписывалъ брошюру гр. Растопчину, прибавляя, въ видѣ поясненія, слѣдующія слова: „Это произведеніе вызвано, можно полагать (?), англоманами, какъ называли въ 1814—1820 годахъ (!) агрономовъ, надъ которыми, однако, теперь ужь не смѣются". Драматическій Альбомъ, изд. Арапова и Роппольта (М., 1850), стр. 45. Какимъ образомъ книжка 1806 года могла быть вызвана англоманами 1814—1820 годовъ?

Въ Отеч. Зап. прошлаго года (№ 8, отд. V, стр. 84) сказано было о „Плугѣ и Сохѣ": „Мы не рѣшаемся признать эту брошюру сочиненіемъ Растопчина, хотя она и въ его духѣ написана: въ ней упоминается о самомъ Растопчинѣ, какъ онъ не сказалъ бы о себѣ, и, главное, не его слогъ въ этомъ

сочиненіи, написанномъ вяло, тогда какъ въ каждой страницѣ Растопчина блещетъ умъ, льется черезъ край чувство и языкъ отличается новостью и силою чисто русскихъ оборотовъ". Эти доводы едва ли основательны. Для сельскаго хозяина главное доказательство годности или вреда какого-нибудь нововведенія дается опытами: почему же бы Растопчину не сослаться на факты, которые давало ему его хозяйство? Слогъ брошюры также не можетъ служить опорою высказанному мнѣнію, потому что предметъ сочиненія какъ-то не поддается живому, блестящему изложенію; еще менѣе можно требовать, чтобъ въ сельско-хозяйственномъ трактатѣ „лилось черезъ край чувство". Мы имѣемъ, наконецъ, положительное доказательство, что брошюра, о которой идетъ рѣчь, принадлежитъ гр. Растопчину. Въ числѣ бумагъ графа, сообщенныхъ намъ сыномъ его Андреемъ Ѳедоровичемъ, находится и статья о „Плугѣ и сохѣ": большею частью писана она рукою самого Растопчина и вся вообще исправлена имъ. Въ печатной брошюрѣ нѣтъ никакихъ отступленій отъ рукописи, только въ заглавіи сперва поставлено было: „писано степнымъ дворяниномъ на Селянкѣ въ отставкѣ".

26. *(стр. 334).* Плугъ и Соха, стр. 5—6.

27. *(стр. 334).* Какая именно брошюра о „Плугѣ и Сохѣ" принадлежитъ Дашковой—мы не знаемъ. Можетъ быть, ею было написано „Мнѣніе о плугѣ и сохѣ" (Спб., 1807). Сопиковъ называетъ авторомъ этой книжки какого-то И. Т. (ч. III, № 6248), хотя на самой брошюрѣ нѣтъ этого указанія.

28. *(стр. 335).* Напечатана въ первый разъ въ 1807 году.

29. *(стр. 335).* Сочиненія Ивана Крылова, ч. III, стр. 311.

30. *(стр. 335).* См. статью „О новоизобрѣтенныхъ земледѣльческихъ орудіяхъ" въ Драматическомъ Вѣстникѣ, 1808 г., ч. V, стр. 29—32. Авторъ „пустился на опыты съ тѣмъ, чтобъ переладить англійскій плугъ на подобіе русской сохи", и изобрѣлъ русскій одноконный плугъ.

31. *(стр. 335).* Напечатана въ первый разъ въ 1811 году въ книжкѣ „Новыя басни Ивана Крылова" (Спб. Въ тип. Губернскаго правленія, 1811), стр. 27.

32. *(стр. 335).* Плугъ и Соха, стр. 43.

33. *(стр. 350).* Краткое историческое свѣдѣніе о состояніи Императорской Академіи Художествъ съ 1764 по 1829 годъ (Спб., 1829), стр. 30.

34. *(стр. 352).* Мысли въ слухъ на Красномъ Крыльцѣ, стр. 5. Сочиненія, стр. 8.

35. *(стр. 353).* Мысли въ слухъ и т. д., стр. 9—11.

36. *(стр. 353).* La vérité sur l'incendie de Moscou, въ Сочиненіяхъ, стр. 274.

37. *(стр. 354).* Письмо отъ 15 апрѣля 1807 года. Правописаніе соблюдено подлинника.

38. *(стр. 355).* Мы пользовались богатымъ собраніемъ каррикатуръ, принадлежащихъ Императорской Публичной библіотекѣ.

39. *(стр. 355).* Каррикатура называется: „Дѣятельность француженки въ магазинѣ".

40. *(стр. 356).* Сочиненія, стр. 125—126.

41. *(стр. 356).* Собраніе сочиненій и переводовъ адмирала Шишкова. Спб., 1828, ч. XII, стр. 241.

42. *(стр. 357).* Драматическій Вѣстникъ, 1808 г., № 8, стр. 72.

43. *(стр 358).* Посланіе Русскаго къ французолюбцамъ вмѣсто подарка

на новый 1807 годъ. Спб. Въ тип. Ф. Дрехслера (въ 8 д. л.). Авторъ брошюры—Василій Алексѣевичъ Левшинъ. См. Сѣверн. Пчела, 1826, № 105.

44. *(стр. 358).* „Высылка Французовъ", комедія въ пяти дѣйствіяхъ. Въ Санктпетербургѣ, въ тип. И. Глазунова, 1807(8), стр. 91—92.

45. *(стр. 359).* La vérité sur l'incendie de Moscou, въ Сочиненіяхъ, стр. 274—275.

46. *(стр. 361).* Это сокращеніе россійской исторіи находится нынѣ въ бумагахъ Ѳ. В. Растопчина, хранящихся у сына его.

47. *(стр. 367).* „Мысли въ слухъ на Красномъ Крыльцѣ". Съ дозволенія Санктпетербургскаго Ценсурнаго Комитета. Въ Санктпетербургѣ, въ тип. Ивана Глазунова, 1807 года, въ 4 д. л.

48. *(стр. 368).* Эпиграфъ этотъ очень идетъ къ брошюрѣ Растопчина, хотя не имъ написанъ. Онъ взятъ изъ „Оды на случай Высочайшаго Его Императорскаго Величества манифеста, изданнаго августа 30" (1806 года), М., въ ун. тип., въ 4 д. л., авторомъ которой Сопиковъ называетъ И. Попова. См. Опытъ Россійской библіографіи, ч. IV, стр. 37, № 7358.

49. *(стр. 368).* Свидѣтельство С. Н. Глинки. См. Русское Чтеніе, отечественные историческіе памятники XVIII и XIX столѣтія, издаваемые Сергѣемъ Глинкою (Спб., 1845), ч. I, стр. 220. Впрочемъ, Глинка очень часто невѣрно передаетъ дѣло. Такъ и здѣсь онъ влагаетъ Растопчину слѣдующія слова: „Я крайне неблагодаренъ Шишкову за то, что онъ, безъ моего согласія *перепечатавъ* мои листки, вставилъ *наряду съ Багратіономъ* и другими русскими полководцами имя Беннигсена, о которомъ я и не думалъ". Шишковъ не могъ *перепечатывать* листковъ Растопчина, потому что они не были еще *напечатаны; Багратіонъ* не упомянутъ Растопчинымъ въ числѣ русскихъ полководцевъ.

50. *(стр. 368).* Выписываемъ отзывъ Московскихъ Вѣдомостей: „Мысли въ слухъ на Красномъ Крыльцѣ", новое Россійское неподражаемое сочиненіе. Входить въ подробное исчисленіе красотъ сего сочиненія, былъ бы трудъ и совершенно излишній и невозможный; излишній — поелику всякое слово вмѣщаетъ въ себя сильную и богатую мысль; невозможный же потому, что сердечныхъ чувствъ изображеніе никому еще не удавалось. Довольно сказать, что цѣль автора, страстно любящаго свое отечество, счастливо достигнутая, есть показать преимущество Россіянъ передъ Французами. Слогъ его такъ плѣнителенъ, такъ разителенъ, что цѣлыя страницы врѣзались уже въ памяти у всѣхъ, кто ни читалъ патріотическія сіи размышленія (Московскія Вѣдомости, 1807 г., № 37, стр. 834).

51. *(стр. 368).* Въ Отеч. Запискахъ (1853 г., № 8, отд. V, стр. 82) сказано было, что *„эта книжка* („Мысли въ слухъ на Красномъ Крыльцѣ") *была издана въ Москвѣ, перепечатана* въ Петербургѣ". Дѣло было совершенно наоборотъ. Сопиковъ справедливо называетъ (№ 6338) московское изданіе „Мыслей" *вторымъ*, хотя невѣрно показываетъ, что оно въ 4-ю д. л.

52. *(стр. 369).* Мысли въ слухъ на Красномъ Крыльцѣ, стр. 13 — 15. Сочиненія, стр. 21—23.

53. *(стр. 370).* Русскій Вѣстникъ, 1808 г., № 1, стр. 6—7.

54. *(стр. 370).* Этотъ анекдотъ переданъ Глинкою (въ Русскомъ Чтеніи, I, 219—220) и совершенно подтверждается разсказомъ А. Ѳ. Растопчина.

55. *(стр. 370).* Оно подписано псевдонимомъ *Устинъ Вѣниковъ*. Съ этимъ

именемъ встрѣтимся мы, говоря о „Вѣстяхъ“, комедіи Растопчина, оправданіе которой авторъ напечаталъ въ формѣ „Письма Богатырева къ Вѣникову“. Глинка въ примѣчаніи подъ „Письмомъ“ намекаетъ на Растопчина, какъ автора его, говоря: „Издатель усердно проситъ почтеннаго жителя села Зипунова и сосѣда его, Силу Андреевича Богатырева, обогащать „Русскій Вѣстникъ“ замѣчаніями и письмами своими“. Въ „Русскомъ Чтеніи“ (I, 225) можно найти прямое доказательство, что статья писана Растопчинымъ.

56. *(стр. 371).* Въ смирдинскомъ изданіи Сочиненій Растопчина оно не помѣщено.

57. *(стр. 371).* То-есть, С. Н. Глинки.

58. *(стр. 372).* Русскій Вѣстникъ, 1808 г., № 1, стр. 68—72.

59. *(стр. 373).* Русское Чтеніе, ч. I, стр. 225—226.

60. *(стр. 374).* Странно, что эта повѣсть, одно изъ лучшихъ произведеній Растопчина, не внесена г. Смирдинымъ въ Полное собраніе сочиненій графа. Она напечатана въ Отечественныхъ Запискахъ, 1842 г., т. XXIV, № 10. Написана повѣсть, вѣроятно, до 1812 года.

61. *(стр. 375).* Тамъ же, стр. 314.

62. *(стр. 375).* Эта мысль прекрасно развита г. Пыпинымъ въ разборѣ сочиненія г. Булича „Сумароковъ и современная ему критика“, Санктпетербургскія Вѣдомости, 1854, № 84.

63. *(стр. 376).* Біографія графа Ѳ. В. Растопчина, въ Отеч. Зап., 1826, ч. XXVI, стр. 79.

64. *(стр. 376).* Тамъ же, стр. 79—80.

65. *(стр. 376).* Фонъ-Визинъ, соч. кн. П. Вяземскаго, стр. 225. [Соч., т. V, стр. 145].

66. *(стр. 377).* См. статью С. Н. Глинки „Отвѣтъ Н. И. Гречу на статью его въ Русскомъ Вѣстникѣ“ (Русскій Вѣстникъ, 1841, кн. VII, стр. 12—13).

67. *(стр. 378).* „Вѣсти или убитый живой“, комедія въ одномъ дѣйствіи, соч. гр. Ѳ. В. Растопчина (М., 1808, въ 8-ю д. л.), стр. 10. Сочиненія, стр. 40—41.

В. А. ЖУКОВСКІЙ.

Статья эта печатается впервые, по рукописи. Она представляетъ рецензію на сочиненіе П. Загарина: „В. А. Жуковскій и его произведенія. 1783—1883 г.“, изданіе Льва Поливанова. Сочиненіе это было роскошно издано въ 1883 г. въ Москвѣ по случаю столѣтняго юбилея дня рожденія Жуковскаго. Оно было повторено въ томъ же году почти безъ измѣненія текста, въ меньшемъ форматѣ, съ меньшимъ числомъ приложеній, по болѣе дешевой цѣнѣ. Въ 1885 г. сочиненіе г. Загарина было представлено на премію Жуковскаго въ переработанномъ видѣ: къ первому изданію 1883 г. были сдѣланы въ разныхъ мѣстахъ значительныя добавленія. Академія поручила рецензію этого сочиненія Тихонравову: напечатанная выше обширная статья и была рецензіею, представленною въ Академію. Позднѣе Тихонравовъ предполагалъ передѣлать эту рецензію въ самостоятельную статью и принимался за эту переработку (отчасти, вѣроятно, въ связи съ университетскимъ курсомъ, куда онъ вводилъ многія части изъ своей рецензіи на книгу г. Загарина); но передѣлка для печати не была окончена, и статья печатается въ томъ видѣ, какъ она сохранилась въ первоначальной рукописи. Указанія начатыхъ поправокъ и нѣкоторыя другія подробности о рукописи даны ниже въ примѣчаніяхъ. Здѣсь нужно отмѣтить только, что въ концѣ статьи можно предположить пропускъ (см. примѣч. 396 къ стр. 501).

Такъ какъ Тихонравовъ писалъ рецензію по особому, дополненному экземпляру сочиненія г. Загарина, то къ этому экземпляру относится полное заглавіе, поставленное имъ въ началѣ статьи: „В. А. Жуковскій и его произведенія. 1783 — 1883. Сочиненіе П. Загарина (псевдонимъ). Съ приложеніемъ 33 фотогравюръ, автографовъ и нотъ. Второе юбилейное изданіе Льва Поливанова, переработанное и дополненное“. Въ такомъ видѣ сочиненіе г. Загарина, состоявшее отчасти изъ печатнаго, отчасти изъ рукописнаго текста, было перенумеровано не по страницамъ, а по листамъ, какъ рукопись; соотвѣтственно этому и ссылки у Тихонравова обозначены такъ: 35—35 об., 89 об., и т. д. При печатаніи эти ссылки замѣнены ссылками на страницы *втораго* изданія книги, какъ болѣе распространеннаго; тамъ же, гдѣ ссылки были даны на рукописныя добавленія, указанія листовъ пропущены, и цитаты оставлены безъ ссылокъ.

Несмотря на указанные въ статьѣ и примѣчаніяхъ Тихонравова недостатки седьмаго изданія сочиненій Жуковскаго, изданія этихъ сочиненій подъ редакціей П. А. Ефремова наравнѣ съ другими исполненными имъ изданіями до сихъ поръ представляются у насъ наилучшими, и имъ мы обязаны соединеніемъ (часто даже первымъ опубликованіемъ) интереснаго и важнаго матеріала. Послѣднее изданіе (девятое) Жуковскаго содержитъ только стихотворныя произведенія. Ссылки всѣ оставлены на седьмое изданіе, какъ онѣ сдѣланы были Тихонравовымъ. О Жуковскомъ см. также во 2-й части III-го тома. *Ред.*

1. *(стр. 380).* Въ январѣ 1883 года это сочиненіе было издано и на русскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ „Жизнь и поэзія Жуковскаго". Трудъ этотъ, первоначально написанный по-русски, помѣщенъ былъ, *съ значительными пропусками,* въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія" за 1869 г. Г. Загаринъ въ разбираемой книгѣ ссылается постоянно на статью „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія", а не на *полный* русскій текстъ сочиненія г. Зейдлица въ отдѣльномъ изданіи (Петербургъ, типографія М. Стасюлевича).

2. *(стр. 381).* Wasily Andrejewitsch Joukofsky (Mitau, 1870), S. VI.

3. *(стр. 381).* Зейдлица, Жизнь и поэзія Жуковскаго, 1783—1852 (С.-Петербургъ, 1883 г.), предисловіе автора.

4. *(стр. 384).* Представляемъ, для примѣра, сравненіе лишь нѣсколькихъ стиховъ изъ перевода „Гимна" Томпсона по первоначальному тексту и по исправленной редакціи. Напечатанный въ изданіи г. Ефремова *подъ 1808 г.* (томъ I, стр. 84—85) начинается слѣдующимъ образомъ:

О Богѣ намъ гласитъ временъ круговращенье,
О благости его исполненный имъ годъ.
Творецъ! весна твоей любви изображенье;
Воскреснули поля, цвѣтетъ лазурный сводъ;
Веселые холмы одѣты красотою
И сердце растворилъ желаній тихій жаръ.

Въ Вѣстникѣ Европы, 1808 г., № 14, стр. 165:

Не видъ ли Божества временъ круговращенье?
Творецъ! Тебя гласитъ Тобою полный годъ!
Въ веснѣ Твоя любовь, краса, возобновленье:
Воскреснули поля, цвѣтетъ лазурный сводъ,
Звучащіе холмы одѣты красотою,
И сердце растворилъ любови тихій жаръ!

Итакъ, изъ *шести* стиховъ редакціи 1808 года уцѣлѣлъ безъ измѣненій въ позднѣйшей переработкѣ только *одинъ* стихъ. Жуковскій находилъ особенное наслажденіе въ отдѣлкѣ и переработкѣ своихъ стихотвореній. Разбирая рукописи Пушкина, Жуковскій замѣчаетъ: „Съ какимъ трудомъ писалъ онъ свои легкіе, летучіе стихи! Нѣтъ строки, которая бы не была нѣсколько разъ перемарана. Но въ этомъ-то и заключается тайная прелесть творенія. Что было бы съ наслажденіемъ поэта, когда бы онъ могъ производить

безъ труда? — все бы очарованіе его пропало. (Соч. Жук., изданіе седьмое, VI, 438). Но Пушкинъ „перемарывалъ“ свои стихотворенія большею частію до напечатанія; Жуковскій исправлялъ свои стихотворенія почти при каждомъ новомъ изданіи, стирая нерѣдко слѣды первоначальнаго настроенія, подъ вліяніемъ котораго стихотвореніе слагалось.

5. *(стр. 384).* Сюда относится замѣна церковно-славянскихъ формъ *русскими.* Такъ, въ стихотвореніи „Майское утро“ (Пріятное и полезное препровожденіе времени, *1797 г.*, ч. XVI, стр. 286—288) вмѣсто: *нощи, Смертны вспряните, Падъ предъ Всевышнимъ*, изданіе г. Ефремова ставитъ: *ночи, Смертные вспряньте, Павъ.* Встрѣчаются и стилистическія поправки другаго рода. Напр., вмѣсто: „Грезы, мечтанья, *Рой какъ пчелиный*, мчатся за нимъ“, поставлено: „Грезы, мечтанья *Роемъ пчелинымъ*“.

6. *(стр. 384).* [Пріятное и полезное препровожденіе времени, 1798 г., ч. XVII, стр. 153].

7. *(стр. 385).* Сюда относится, напр., замѣтка къ статьѣ: „Фенелонъ, воспитатель Герцога Бургонскаго“ (Вѣстникъ Европы, 1809 г., № 4, стр. 298—299), о пребываніи Жуковскаго въ подмосковномъ селѣ И. В. Лопухина *Савинскомъ*, оканчивающаяся словами: „Это мѣсто невольно склоняетъ васъ къ какому-то *унылому, пріятному размышленію*“. Замѣтка подписана буквою *Ж.*—настоящая страница изъ автобіографіи! Воейковъ переложилъ ее въ стихи въ „Описаніи русскихъ садовъ“ (Вѣстникъ Европы, 1813 г., № 5 и 6, стр. 194).

8. *(стр. 385).* Такъ статью „О нравственной пользѣ поэзіи“, помѣщенную въ „Переводахъ В. Жуковскаго“ (часть V, стр. 18—32), г. Ефремовъ перепечаталъ въ своемъ изданіи въ качествѣ *оригинальнаго* произведенія, объяснивши въ „Библіографическихъ примѣчаніяхъ“: „О нравственной пользѣ поэзіи“ въ В. Евр., 1809, № 3, помѣчена переводомъ съ нѣмецкаго, но гр. Блудовымъ *признана оригинальною*“ (т. V, стр. 564). Однако, эта статья есть переводъ сочиненія Энгеля: „An Hrn Z***. Von dem moralischen Nutzen der Dichtkunst“, занимающаго 24-й № его „Der Philosoph für die Welt“. (Мы пользуемся Берлинскимъ изданіемъ этого] сборника 1801 г., въ двухъ частяхъ). Такъ называемая *„русская“* сказка „Три пояса“, несомнѣнно *переводъ*, а не оригинальное сочиненіе; Жуковскій и Каченовскій имѣли, конечно, основаніе перепечатать ее въ „Переводахъ В. Жуковскаго“ (часть I, стр. 139—173) изъ Вѣстника Европы 1808 г., № 23, стр. 197—224, гдѣ подъ этимъ произведеніемъ, вмѣсто [имени автора или переводчика,] поставлено N. N. Во многихъ переводныхъ разсказахъ Жуковскій замѣнялъ иностранную обстановку и имена русскими. [Здѣсь пропущено нѣсколько мелкихъ указаній на опечатки въ седьмомъ изданіи сочиненій Жуковскаго].

9. *(стр. 386).* Какъ не высоки научныя достоинства книги Шерра, видно изъ того, что Шереръ, перечисляя біографіи и даже характеристики Шиллера, совершенно умолчалъ объ этомъ юбилейномъ изданіи (Geschichte der deutschen Literatur, 2-te Ausgabe, Berlin, 1884, S. 769).

10. *(стр. 386).* Русскій Архивъ, 1870 г., стр. 1170—1171. Вотъ что̀ самъ Жуковскій говоритъ, въ письмѣ къ И. И. Дмитріеву, о второмъ изданіи своихъ сочиненій: „Желалъ бы представить вамъ также экземпляръ новаго изданія моихъ стиховъ, но не считаю этотъ подарокъ васъ достойнымъ; изданіе хуже перваго и съ большими ошибками. Если нужно будетъ дѣлать

еще изданіе, то похлопочу, чтобы оно было и красивѣе и безошибочно". Сочиненія Жуковскаго, VI, 429.

11. *(стр. 387).* Wasily Andrejewitsch Joukoffsky, S. 31. Въ послѣднемъ *русскомъ* изданіи труда г. Зейдлица, основанномъ уже на текстахъ *седьмаго* изданія сочиненій Жуковскаго, выдержка изъ этой переводной статьи приводится, чтобы познакомить читателя съ „понятіями Жуковскаго касательно нравственности (моральности) предмета и самого сочинителя, такъ какъ эти понятія были незыблемымъ основаніемъ всей его поэтической дѣятельности". Цитату (оригиналъ которой можно найти въ „Der Philosoph für die Welt", II, 59—66) сопровождаетъ г. Зейдлицъ словами: „Мы сочли эти выписки самыми лучшими чертами для характеристики тѣхъ требованій отъ писателя, которыя задавалъ себѣ Жуковскій" (стр. 38).

12. *(стр. 387).* Исключеніе сдѣлано только при разборѣ „Сельскаго кладбища": здѣсь г. Загаринъ обращается къ тексту „Вѣстника Европы" (стр. 43—47).

13. *(стр. 387).* Въ главѣ, озаглавленной: „Людмила. Сличеніе ея съ подлинникомъ", читаемъ: „Въ № 9 Вѣстника Европы 1808 года помѣщаетъ Жуковскій свою передѣлку баллады Бюргера „Ленора", назвавъ ее русскимъ именемъ „Людмилы" (стр. 60). Но въ этой же главѣ выдержки изъ баллады приводятся не по тексту Вѣстника Европы, а по позднѣйшему, исправленному, хотя разница между ними иногда довольно значительна. Напр., изъ позднѣйшей редакціи „Людмилы" г. Загаринъ выписываетъ слѣдующій отрывокъ:

Чу! въ лѣсу потрясся листъ,
Чу! въ глуши раздался свистъ.
Черный воронъ встрепенулся,
Вспыхнулъ *въ небѣ* огонекъ —

и вслѣдъ затѣмъ замѣчаетъ: *„картина, не имѣющая никакого отношенія къ изображаемому дѣйствію"* (стр. 69).

Въ Вѣстникѣ Европы 1808 года это мѣсто читается иначе и имѣетъ отношеніе къ описываемой поѣздкѣ мертвеца:

Чу! въ лѣсу потрясся листъ!
Чу! въ глуши раздался свистъ!
Черный воронъ встрепенулся;
Вздрогнулъ конь и отшатнулся!
Вспыхнулъ *въ полѣ* огонекъ!
„Близко-ль, милый?"—Путь далекъ.

14. *(стр. 388).* Для опредѣленія дня рожденія Жуковскаго г. Загаринъ [приводитъ] точную копію „сообщенной ему покойнымъ Кошелевымъ собственноручной записки" поэта, писанной въ 1851 году въ Баденъ-Баденѣ. Но эта записка еще въ 1852 году сообщена была А. И. Кошелевымъ Шевыреву, который и напечаталъ ее *буквально* въ своей рѣчи „О значеніи Жуковскаго въ русской жизни и поэзіи", стр. 65. Въ перепечаткѣ ея тѣмъ менѣе предстояло нужды, что въ послѣднемъ (седьмомъ) изданіи „Сочине-

ній Жуковскаго" помѣщены еще двѣ записки, съ точностью опредѣляющія день рожденія поэта (VI, 498, 589).

15. *(стр. 388).* „Die jüngere Grosstochter, Frau Awdotja Petrowna Jelagin, welche mir das Concept jener Nachrichten mitzutheilen die Güte gehabt hat, bemerkte dabei, dass in ihnen Wahrheit und viel Dichtung enthalten seien... Jene Briefe (А. П. Зонтагъ о дѣтствѣ Жуковскаго) bedürfen einiger Sichtung". Seidlitz, W. A. Joukoffsky, S. 4.

16. *(стр. 388).* Зейдлицъ, Жизнь и поэзія Жуковскаго, стр. 4.

17. *(стр. 388).* Плетневъ 8 декабря 1832 г. пишетъ Жуковскому: „Она (Анна Петровна Зонтагъ) издала новое собраніе Повѣстей и Сказокъ для дѣтей. Между ними есть одна, которой совершенствомъ я былъ пораженъ. Читая ее въ корректурѣ, я заливался слезами: такъ она сильно на меня подѣйствовала. Можетъ быть, мною тутъ дѣйствовали и воспоминанія... Дѣйствіе происходитъ въ Бѣлевѣ. Главныя лица: бѣдная старуха и дѣвочка-подкидышъ, у нея выросшая. Въ этой повѣсти является и Катерина Аѳанасьевна, и Марья Андреевна, и Александра Андреевна. Разумѣется, онѣ не названы; но для меня все это *такъ ясно и притомъ такъ натурально*, что я каждый разъ перечитывалъ эту повѣсть съ новымъ наслажденіемъ". Сочиненія и переписка П. А. Плетнева, III, 521.

18. *(стр. 389).* Сочиненія Жуковскаго, VI, 586.

19. *(стр. 389).* Тамъ же, VI, 386.

20. *(стр. 389).* Тамъ же, VI, 530.

21. *(стр. 389).* Тамъ же, VI, 390.

22. *(стр. 389).* Жизнь и поэзія Жуковскаго, стр. 27.

23. *(стр. 390).* Seidlitz, W. A. Joukoffsky, S. 20. Въ русскомъ изданіи этой подробности нѣтъ.

24. *(стр. 390).* Русская Старина, 1883 г., январь, стр. 210.

25. *(стр. 390).* Припомнимъ здѣсь слова Зейдлица: „Man erzählt, dass einstmal da Jemand, welcher sich über seinen Vater beschwerte, zu Joukoffsky sagte: „Du hast gut reden—Du hast keinen solchen Vater", Joukoffsky verzweifelnd ausgerufen habe: „Ach! wenn ich nur einen Vater gehabt hätte!" (S. 20).

26. *(стр. 390).* Сочиненія Жуковскаго, I, 83.

27. *(стр. 391).* Въ виду полнаго въ нашей литературѣ отсутствія біографическихъ данныхъ о Покровскомъ мы сочли полезнымъ сообщить приводимыя свѣдѣнія изъ формулярнаго списка Покровскаго (въ архивѣ Московскаго университета).

28. *(стр. 391).* Иппокрена или утѣхи любословія, V, 294.

29. *(стр. 391).* Тамъ же.

30. *(стр. 391).* „Мысли при извѣстіи о смерти великія Екатерины" въ журналѣ „Пріятное и полезное препровожденіе времени", XII, 321—331.

31. *(стр. 392).* Тамъ же, XIX, 24—27.

32. *(стр. 392).* Тамъ же, XII, 326.

33. *(стр. 392).* Тамъ же, XIX, 23—24.

34. *(стр. 393).* Иппокрена, IX, 153—154.

35. *(стр. 393).* Пріятное и полезное препровожденіе времени, XIV, 188—192, 257—265; XV, 17—26; Иппокрена, I, 97 — 120, 129 — 134, 145 — 150. (Въ Иппокренѣ продолженіе статей явилось подъ заглавіемъ: „Философскіе отрывки изъ Созерцанія природы").

36. *(стр. 393).* Иппокрена, I, 149—150.

37. *(стр. 393).* „Алея или чувство пріятности сельской жизни“ въ Пріятномъ и полезномъ препровожденіи времени, XV, 183—190.

38. *(стр. 394).* „Лунная ночь или чувство человѣколюбія“, въ томъ же журналѣ, XIX, 17—28.

39. *(стр. 394).* „Темной лѣсъ или чувство бѣдствій человѣческихъ и благотворенія“ въ Пріятн. и полезн. препровожд. времени, XII, 3—14.

40. *(стр. 395).* См. статью кн. П. Шаликова, „Къ любезному философу горы Алаунской“ въ Иппокренѣ, V, 293—296.

41. *(стр. 395).* Изъ формулярнаго списка Покровскаго 1816 года.

42. *(стр. 396).* О жизни и сочиненіяхъ В. А. Жуковскаго, стр. 18.

43. *(стр. 397).* Перепечатывая эти строки изъ книги г. Сушкова, г. Загаринъ не замѣтилъ, что онѣ противорѣчатъ тому, что̀ самъ же г. Сушковъ сказалъ страницею выше: „Настоящія зданія стараго, какъ привыкли въ Москвѣ говорить, университета, на углу Моховой и Никитской, куплены уже *въ 1785 г.*“ (стр. 3).

44. *(стр. 397).* См. „Реэстръ всѣхъ ученій, которыя въ сію зимнюю половину года въ дворянской гимназіи Императорскаго Московскаго университета преподаваемы быть имѣютъ“, 1756, 1757, 1758 и слѣд. годовъ. Въ 1765 году въ дворянской гимназіи Московскаго университета преподаваніе обнимало: *Наставленіе въ догматахъ православной вѣры* (протоіерей Петръ Алексѣевъ—катехизисъ), *въ словесныхъ ученіяхъ и въ языкахъ латинскомъ и греческомъ* (пять преподавателей греч. и лат.), *во французскомъ языкѣ* (пять преподавателей), *въ нѣмецкомъ* (четыре преподавателя), *въ италіанскомъ* (одинъ преподаватель), *въ математикѣ* (четыре преподавателя), *въ исторіи и географіи* (одинъ — Дмитрій Синьковскій), *въ художествахъ* (одинъ училъ *рисовать*, одинъ — *инструментальной музыкѣ*, одинъ — *фехтовать*, одинъ — *танцовать*, одинъ—*чистому письму нѣмецкому, латинскому и прочему).* Преподаваніе сосредоточено на древнихъ языкахъ: пять преподавателей для того и другаго, каждый обучаетъ и греческому и латинскому. *Въ разночинской гимназіи:* 1) *Семенъ Свашковской* по повторенiи этимологіи обучалъ простому сочиненію слога и переводамъ съ россійскаго на латинскій языкъ, переводилъ Корнелія Непота и самыя легкія Цицероновы эпистолы и обучалъ началамъ греческаго языка; 2) *Андрей Наропинской*—этимологіи и началамъ синтаксическимъ латинскаго языка, переводамъ съ латинскаго на россійскій, также разговорамъ; 3) *Ѳедоръ Левицкой*—читать и писать на латинскомъ и россійскомъ, первымъ началамъ ариѳметики. См. „Объявленіе объ ученіяхъ и упражненіяхъ въ дворянской гимназіи Имп. Моск. Унив. 1765 года“.

45. *(стр. 398).* Обращаемъ вниманіе на эти слова. Они совершенно противорѣчатъ утвержденію гг. Сушкова и Загарина, что „Херасковъ въ 1779 году открылъ *особые классы* для воспитанниковъ гимназіи дворянской, которые до того времени учились въ классахъ общихъ совмѣстно съ разночинцами“, и что эти особые классы и были началомъ У. Бл. Пансіона.

46. *(стр. 398).* См. въ сборникѣ „Въ воспоминаніе 12 января 1855 года“ статью „Исторія академической гимназіи, бывшей при Императорскомъ Московскомъ университетѣ“, стр. 58—59.

47. *(стр. 399).* Исторія Московскаго университета, стр. 215—216.

48. *(стр. 399).* Собственныя слова Антонскаго въ рѣчи „О воспитаніи". Утренняя Заря, V, 37.

49. *(стр. 399).* Впрочемъ, и въ университетской гимназіи родители могли и не обучать дѣтей своихъ *латинскому языку и высшимъ наукамъ;* въ такомъ случаѣ ученіе ихъ располагаемо было иначе, согласно съ потребностями того званія, которому они принадлежали. Тамъ же, стр. 15.

50. *(стр. 400).* Ср. Сушковъ, Унив. Благ. Пансіонъ, стр. 45—50.

51. *(стр. 400).* Какой характеръ могли имѣть пансіонскіе спектакли въ царствованіе императора Павла, можно видѣть изъ того, что по словамъ пансіонскаго объявленія даже *1802 года* въ Пансіонѣ бывали „изрѣдка представленія русскихъ и французскихъ *нравоучительныхъ* піесъ" (стр. 5), и что въ числѣ „забавъ" воспитанниковъ въ этомъ году помѣщены „дѣтскіе наставительные спектакли" (стр. 9). Нельзя допустить, чтобы въ число нравоучительныхъ піесъ были допущены Пансіономъ (и когда же? въ 1797—1800 г.!) „Разбойники" Шиллера. Впрочемъ, съ піесами, представленными воспитанниками Пансіона, г. Загаринъ могъ бы познакомиться изъ книги: *„Дѣтской* театръ, или собраніе піесъ, представленныхъ воспитанниками въ Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ" (М., въ унив. типографіи, *1802 г.*, двѣ части).

52. *(стр. 402).* Утренняя Заря, V, 37—38.

53. *(стр. 402).* Такъ, г. Загаринъ приводитъ „изъ Акта 1798 года" свѣдѣніе о томъ, что Жуковскій и Костомаровъ признаны были въ старшемъ возрастѣ лучшими [въ ученіи и поведеніи (стр. 14); но это извѣстіе г. Загаринъ заимствуетъ буквально изъ примѣчанія г. Ефремова къ одѣ Жуковскаго „Благоденствіе Россіи" (I, 490), а не изъ оффиціальнаго „Акта 1798 г.", перепечатаннаго въ Москвитянинѣ 1847 г.; между тѣмъ, въ этомъ полномъ описаніи г. Загаринъ могъ бы найти очень важныя данныя для характеристики ученія и воспитанія въ Пансіонѣ.

54. *(стр. 403).* Г. Загарину тѣмъ легче было воспользоваться свѣдѣніями, заключающимися въ описаніи Пансіонскаго акта 1798 г., что это описаніе перепечатано въ Москвитянинѣ 1847 г., ч. III, стр. 54—72.

55. *(стр. 403).* Полное заглавіе онаго: „Размышленіе о дѣлахъ божіихъ въ царствѣ натуры и провидѣнія, на каждый день года, и бесѣда съ Богомъ, или размышленіе въ утренніе и вечерніе часы, періодическое изданіе. Пер. съ нѣм. 12 частей. Москва. Въ типографіи Компаніи Типографической. 1787—1789.

56. *(стр. 403).* Погодинъ, Н. М. Карамзинъ, I, стр. 47 — 48, и снимокъ съ корректурныхъ помѣтъ Карамзина.

57. *(стр. 403).* Размышленіе о дѣлахъ божіихъ, III, 23.

58. *(стр. 404).* Тамъ же, стр. 34.

59. *(стр. 404).* Тамъ же, стр. 198.

60. *(стр. 404).* Изъ другихъ сочиненій Штурма назовемъ: 1) Lieder für das Herz; 2) Gebete und Lieder für Kinder; 3) Vollständiges Gesangbuch für Kinder von reiferem Alter; 4) Sammlung geistlicher Gesänge über die Werke Gottes in der Natur; 5) Gesangbuch für Gartenfreunde und Liebhaber der Natur.

61. *(стр. 404).* Въ нѣмецкой литературѣ есть и католическая переработка книги Штурма: Betrachtungen über die Werke Gottes im Reiche der Natur

und der Vorsehung. Neu bearbeitet und vermehrt von einem katholischen Geistlichen. Mainz, 1838.

62. *(стр. 405).* „Ouvrage très estimé et qui a été attribué au comte de Chesterfield", замѣчаетъ Biographie Universelle (tom. XI, Dodsley). Даже русскій переводчикъ этой книги Подшиваловъ замѣчаетъ: „Впрочемъ, *весьма подозрѣваютъ*, не аглинское ли оно сочиненіе и не самого ли графа Чистерфильда, который въ Англіи почитается не послѣднимъ писателемъ, чего не хочу я и не могу ни утверждать, ни отрицать, а скажу только, что то легко статься можетъ". Книга премудрости и добродѣтели, стр. 13. Въ русскомъ переводѣ книги приводится два письма, „изъ Пекина къ гр. Чистерфильду въ Лондонъ писанныя".

63. *(стр. 406).* Русскій Вѣстникъ, 1857 г., № 21, стр. 176.

64. *(стр. 406).* Съ 1751 по 1815 г. однихъ французскихъ переводовъ этой книги явилось 15. Biographie Universelle, t. XI.

65. *(стр. 406).* Экономія жизни человѣческой или сокращеніе индѣйскаго нравоученія, сочиненное нѣкоторымъ древнимъ браминомъ, пер. *съ франц. кн. Е. и П. Цицiановы*, изданіе 4-е. М., 1791. (Смирдинъ, № 1433). Китайскій мудрецъ или наука жить благополучно въ обществѣ. Изд. В. Рубанъ. Изд. 2-е, 1777 г. Ср. Смирдинъ, № 1290 и 1151.

66. *(стр. 407).* Москвитянинъ, 1847, часть III, стр. 62.

67. *(стр. 408).* Московскія Вѣдомости, № 103, декабря 26 дня 1800 г., въ среду, стр. 2245—2246.

68. *(стр. 408).* Московскія Вѣдомости, № 102, декабря 23 дня 1797 г., въ среду, стр. 2003—2004.

69. *(стр. 408).* Фамилію К. А. Кириченко-Остромова слѣдуетъ подставить въ Протоколѣ собранія воспитанниковъ Пансіона, напечатанномъ на 16-й страницѣ книги г. Загарина, на мѣстѣ замѣтки: „уголъ листа здѣсь оторванъ". Нѣкоторыя произведенія Остромова напечатаны въ Иппокренѣ (X, 59, 284). Въ 1802 г. онъ былъ учителемъ французской этимологіи въ Пансіонѣ (Объявленіе о воспитаніи въ Пансіонѣ, 1802, стр. 18).

70. *(стр. 408).* Московскія Вѣдомости, 1798 г., № 103, стр. 2030—2031.

71. *(стр. 408).* Московскія Вѣдомости, 1799 г., № 103, стр. 2139—2140.

72. *(стр. 409).* Сочиненія Жуковскаго, VI, 382.

73. *(стр. 409).* Таковъ С. Соковнинъ. Много его произведеній напечатано въ Пріятномъ и полезномъ препровожденіи времени, Иппокренѣ, Утренней Зарѣ. Въ домѣ Соковнина, въ Москвѣ, на Пречистенкѣ, жилъ Жуковскій въ 1802 году. Сочиненія Жуковскаго, VI, 547.

74. *(стр. 409).* Нужно ли прибавлять, что мы выдвигаемъ трехъ братьевъ Тургеневыхъ, Александра, Николая и Сергѣя?

75. *(стр. 410).* Ковалевскій, Графъ Блудовъ и его время, стр. 6. Сочиненія и переписка П. А. Плетнева, III, 151.

76. *(стр. 410).* Ковалевскій, Графъ Блудовъ и его время, стр. 13.

77. *(стр. 410).* Тамъ же, стр. 7.

78. *(стр. 410).* Письма Александра Ивановича Тургенева къ Николаю Ивановичу Тургеневу (Лейпцигъ, 1872 г.), стр. 105.

79. *(стр. 410).* Сочиненія Жуковскаго, V, 419.

80. *(стр. 411).* Сочиненія Жуковскаго, VI, 384.

81. *(стр. 411).* Вѣстникъ Европы, 1809 г., № 2, стр. 109.

82. (*стр. 411*). Сочиненія Жуковскаго, VI, 389—390.

83. *(стр. 412)*. Рѣчь Антонскаго „О воспитаніи“ въ Утренней Зарѣ, ч. V, 33.

84. *(стр. 412)*. Сочиненія Жуковскаго, VI, 391.

85. *(стр. 412)*. Тамъ же, VI, 446.

86. *(стр. 412)*. Тамъ же, VI, 615.

87. *(стр. 412)*. Тамъ же, VI, 385.

88. *(стр. 413)*. Тамъ же, VI, 273.

89. *(стр. 413)*. Утренняя Заря, V, 33.

90. *(стр. 413)*. Сочиненія Жуковскаго, VI, 419.

91. *(стр. 414)*. Шевыревъ, Исторія Московскаго университета, стр. 306.

92. *(стр. 414)*. Сочиненія Жуковскаго, I, 288.

93. *(стр. 414)*. Тамъ же, I, 286.

94. *(стр. 414)*. Тамъ же, I, 79.

95. *(стр. 415)*. Ср. статью „Гаврила Петровичъ Каменевъ“ въ сборникѣ „Вчера и сегодня“, I, 43—45.

96. *(стр. 415)*. Князь Иванъ Михайловичъ Долгоруковъ разсказываетъ: „Я ему (И. П. Тургеневу) однако жь обязанъ первыми моими успѣхами въ литературѣ. Написавши двѣ піесы въ стихахъ подъ названіемъ: „Авось“ и „Въ послѣднемъ вкусѣ человѣкъ“, я ихъ роздалъ пріятелямъ своимъ въ рукописи. Онѣ дошли до свѣдѣнія Тургенева, который задралъ меня самымъ лестнымъ письмомъ и просилъ позволенія ихъ напечатать въ издававшемся тогда журналѣ. Теперь моихъ сочиненій вышло уже четыре книги, которыхъ, можетъ быть, я не написалъ бы безъ усерднаго расположенія Ивана Петровича къ моимъ первымъ произведеніямъ. И такъ могу ли я не вспомнить его, какъ виновника моей литературной славы?“—„Капище моего сердца“, въ Чтеніяхъ Общества исторіи и древностей россійскихъ.

97. *(стр. 415)*. Жизнь и поэзія Жуковскаго, стр. 20.

98. *(стр. 415)*. Посланіе М. Н. Муравьева къ И. П. Тургеневу въ Вѣстникѣ Европы, 1810 г., № 9, стр. 44—45.

99. *(стр. 416)*. Тамъ же, стр. 43.

100. *(стр. 416)*. Письма Ал. Ивановича Тургенева къ Н. И. Тургеневу, стр. 147, 217, 218.

101. *(стр. 416)*. Сочиненія Жуковскаго, V, 238—240.

102. *(стр. 417)*. Объ этомъ посвященіи г. Загаринъ упоминаетъ на стр. 48, когда говоритъ, что Жуковскій „думаетъ теперь (1803 г.) осуществить высокую цѣль“—быть другомъ добродѣтели.

103. *(стр. 417)*. Племянникъ Лопухина по женѣ. Ср. Русскій Архивъ, 1870 г., стр. 1221.

104. *(стр. 417)*. Сочиненія Жуковскаго, VI, 401.

105. *(стр. 417)*. Зейдлицъ, стр. 57.

106. *(стр. 418)*. Вѣстникъ Европы, 1809 г., № 4, стр. 298—299.

107. *(стр. 419)*. Сочиненія Жуковскаго, VI, 385.

108. *(стр. 421)*. Вѣстникъ Европы, 1810 г., № 3. Переводы В. Жуковскаго (Москва, 1817), V, 33—43.

109. *(стр. 421)*. Переводы Жуковскаго, V, 40—42.

110. *(стр. 423)*. Жизнь и поэзія Жуковскаго, стр. 26.

111. *(стр. 424)*. Пріятное и полезное препровожденіе времени, III, 319—329 („Нѣчто о Ломоносовѣ“).

112. *(стр. 424).* Тамъ же, стр. 323.

113. *(стр. 424).* Ср. Сочиненія, I, 20: Пускай полетъ твой благодатный Какъ зе́фиръ землю освѣжитъ.

114. *(стр. 424).* Сочиненія Жуковскаго, VI, 382.

115. *(стр. 424).* Тамъ же, VI, 437, 430.

116 *(стр. 424).* Тамъ же, III, 87.

117. *(стр. 424).* Тамъ же, III, 86.

118. *(стр. 425).* Тамъ же, VI, 430.

119. *(стр. 425).* „Объявленіе о воспитаніи, ученіи и содержаніи въ Благородномъ Пансіонѣ" (М., 1802), послѣдняя страница: „При семъ прилагается *списокъ* книгъ, изданныхъ для здѣшняго Пансіона, изъ которыхъ большая часть учебныя и употребляются въ классахъ". Второй отдѣлъ списка составляютъ книги, „неупотребляющіяся въ классахъ".

120. *(стр. 425).* Пріятное и полезное препровожденіе времени, II, 230.

121. *(стр. 425).* Тамъ же, II, 279.

122. *(стр. 426).* Тамъ же, VI, 79.

123. *(стр. 426).* Тамъ же, V, 173.

124. *(стр. 426).* Тамъ же, I, 3—8.

125. *(стр. 426).* Тамъ же, VI, 81.

126. *(стр. 426).* Иппокрена, IV, 268.

127. *(стр. 426).* Пріятное и полезное препровожденіе времени, XIX, 253.

128. *(стр. 426).* Тамъ же, IV, 363.

129. *(стр. 426).* Иппокрена, VI, 433.

130. *(стр. 427).* Тамъ же, I, 248, слѣд.

131. *(стр. 427).* Тамъ же, III, 103.

132. *(стр. 427).* Пріятное и полезное препровожденіе времени, VI, 68.

133. *(стр. 427).* Тамъ же, IX, 241, 289; X, 3; XI, 3, 49, 81, 113.

134. *(стр. 427).* Пріятное и полезн. препр. времени, XVIII, 41, 43; XIX, 57; Иппокрена, I, 42; XI, 337.

135. *(стр. 427).* Иппокрена, IX, 117.

136. *(стр. 427).* Воспоминанія Ф. Ф. Вигеля, I, 119.

137. *(стр. 427).* Тамъ же, I, 120.

138. *(стр. 427).* Тамъ же, I, 120.

139. *(стр. 428).* „Отвѣтъ на неодобреніе меланхолическихъ чувствованій въ стихахъ", Турчаниновой, въ Пріятн. и полезн. препр. времени, XIX, 46.

140. *(стр. 428).* Иппокрена, IV, 273.

141. *(стр. 428).* Особенно любопытна вторая изъ названныхъ балладъ „Вильямъ и Маргарита". Эта шотландская баллада уже была напечатана въ Reliques of Ancient english poetry collected by Thomas Percy (London, MDCCCLIX, p. 227) подъ заглавіемъ Sweet William's Ghost.

142. *(стр. 428).* Пріятное и полезное препровожденіе времени, XIX, 188.

143. *(стр. 428).* Полный переводъ басни Флоріана „Голубка и сорока", переведенной въ 1807 г. Жуковскимъ (I, 76), былъ уже напечатанъ въ Пріятномъ и полезномъ препровожденіи времени, XVII, 348—350.

144. *(стр. 428).* Пріятное и полезное препровожденіе времени, части VI, VII, X, XII, XIV, XV.

145. *(стр. 428).* Иппокрена, VIII, 17—21 (Гамлетово размышленіе о смерти, единобесѣдованіе Генриха VIII и кардинала Волсея).

146. *(стр. 428).* Въ Пріятномъ и полезн. препр. времени помѣщенъ переводъ „Оды Дриденовой Торжество Александрово или могущество музыки"; она переведена была впослѣдствіи Жуковскимъ, I, 222.

147. *(стр. 428).* Пріятн. и полезн. препр. времени, I, 81.

148. *(стр. 429).* Пріятное и полезное препровожденіе времени, VIII, 209—„Размышленіе по случаю грома"; Иппокрена, VI, 513—„Художникъ и крестьянка". Въ первомъ изъ этихъ журналовъ помѣщено (XIX, 107) „Письмо къ другу", переведенное изъ Werther's Leiden Андреемъ Тургеневымъ.

149. *(стр. 429).* Иппокрена, IV, 17.

150. *(стр. 429).* Тамъ же, IV, 47.

151. *(стр. 429).* Сочиненія Жуковскаго, VI, 472.

152. *(стр. 429).* Жалуясь на свое невѣжество въ исторіи, Жуковскій замѣчаетъ: „Для литератора и поэта исторія необходимѣе всякой другой науки: она возвышаетъ душу, расширяетъ понятія и предохраняетъ отъ излишней мечтательности, обращая умъ на существенное". Тамъ же, VI, 389.

153. *(стр. 429).* Пріятное и полезное препровожденіе времени, XIII, 256. Тотъ же взглядъ высказанъ Жуковскимъ въ статьѣ „Истинный герой". Тамъ же, V, 233.

154. *(стр. 429).* Тамъ же, XVII, 409.

155. *(стр. 430).* „Vertueux", статья Шалимова. Тамъ же, XVII, 121—127.

156. *(стр. 430).* Иппокрена, VI, 360—364.

157. *(стр. 430).* [Тихонравовъ напечаталъ „Законы дружескаго литературнаго общества" въ Сборникѣ общ. люб. росс. словесности на 1891 г., стр. 1—14].

158. *(стр. 430). Цицеронъ*, замѣчаетъ, въ выноскѣ поэтъ. Замѣтимъ, что стихотвореніе „Къ человѣку", написанное Жуковскимъ по выходѣ изъ Пансіона, удержало въ изданіи Ефремова только эпиграфъ изъ Юнга; указанія поэта въ выноскахъ къ 7-й строфѣ „Юнгъ", къ 10-й „Вольтеръ" (Утренняя Заря, книжка 2-я, стр. 9—19) опущены.

159. *(стр. 433).* Современникъ, литературный журналъ Пушкина, изданный по смерти его.... 1837, томъ V, стр. 304.

160. *(стр. 434).* Письма Александра Ивановича Тургенева къ Н. И. Тургеневу (Лейпцигъ, 1872), стр. 152.

161. *(стр. 434).* Tobler ist ganz lieb (пишетъ Гёте Лафатеру); ich kann offen gegen ihn sein; er erinnert mich in Momenten recht lebhaft an dich, besonders wenn er munter und scherzhaft wird". Düntzer, Freundesbilder aus Goethe's Leben, 2 Ausg., S. 83.

162. *(стр. 434).* Современникъ, 1837 г., томъ V, стр. 304.

163. *(стр. 434).* Сочиненія Жуковскаго, II, 329.

164. *(стр. 434).* Письма А. И. Тургенева, стр. 86, 147.

165. *(стр. 434).* Сочиненія Жуковскаго, II, 412—413.

166. *(стр. 435).* Плетневъ, О жизни и сочиненіяхъ Жуковскаго, стр. 29.

167. *(стр. 436).* Сочиненія Жуковскаго, V, 242.

168. *(стр. 436).* Тамъ же, V, 248.

169. *(стр. 436).* У Флоріана: „На берегу *озера*, которое даетъ имя свое городу, *возвышается высокая гора*... На вершинѣ сей горы стояла бѣдная *хижина*, окруженная небольшимъ полемъ, виноградникомъ, *рощею* (отца Вильгельма)". Вильгельмъ Тель, стр. 6—7.

170. *(стр. 437).* Сочиненія Жуковскаго, V, 249.

171. *(стр. 437).* Тамъ же.

172. *(стр. 437).* Тамъ же, стр. 248.

173. *(стр. 438).* Сочиненія Жуковскаго, V, 249—250.

174. *(стр. 438).* Андрей Тургеневъ.

175. *(стр. 438).* „Вечеръ". Сочиненія Жуковскаго, I, 40. Къ этому стихотворенію мы возвратимся ниже.

176. *(стр. 439).* Отмѣтимъ кстати, что въ отдѣльныхъ изданіяхъ своей „прозы" Жуковскій не перепечатывалъ „Вадима Новгородскаго".

177. *(стр. 439).* Эта баллада писалась довольно медленно: во второй половинѣ октября 1816 (?) г. написано было болѣе половины (Сочиненія Жуковскаго, VI, 401); 31 октября „уже весьма была близко къ концу" (тамъ же, стр. 403); въ половинѣ января 1817 года баллада не была еще кончена (тамъ же, стр. 409).

178. *(стр. 440).* Описаніе красоты *Вадима Новгородскаго,* см. въ Сочиненіяхъ Жуковскаго, V, 244.

179. *(стр. 440).* Сочиненія Жуковскаго, I, 162; ср. тамъ же, V, 248.

180. *(стр. 440).* Тамъ же, I, 165.

181. *(стр. 440).* [„Вильгельмъ Тель или освобожденная Швейцарія, сочиненія г. Флоріана. Съ исторической картинкою и съ присовокупленіемъ новѣйшаго сочиненія сего автора подъ названіемъ Розальба, сицилійская повѣсть". М., 1802 г. (Розальба—стр. 167—195)].

182. *(стр. 441).* Тикъ читалъ въ юности Донъ-Кихота въ переводѣ Бертуха, потомъ въ оригиналѣ; весною 1797 г., уже познакомившись съ А. В. Шлегелемъ, онъ принимается за переводъ Донъ-Кихота съ подлинника. Haym, Die romantische Schule, SS. 22, 52, 269, 471. А. В. Шлегель и Фридрихъ Шлегель рецензируютъ переводъ. Ibidem, 167, 176, 685.

183. *(стр. 441).* Мы сочли нужнымъ привести подлинныя слова Флоріана. Жуковскій, въ переводѣ французскаго предисловія, значительно ослабилъ (мѣстами же усилилъ) рѣзкій отзывъ Флоріана. Вотъ переводъ Жуковскаго: „Нѣкоторыя шутки часто повторяются, иныя слишкомъ растянуты; есть непріятныя картины. Сервантъ *не вездѣ имѣлъ* очищенный вкусъ, онъ платилъ дань своему вѣку! Сверхъ того, всякая нація имѣетъ свой особый вкусъ". Донъ-Кишотъ, I, 6.

184. *(стр. 442).* У Жуковскаго: „Я осмѣлился перемѣнить иное; ослабилъ нѣкоторыя *слишкомъ сильныя выраженія;* передѣлалъ многіе стихи; выбросилъ повторенія; наконецъ, быстротою слога замѣнилъ красоты, которыхъ не могъ найти въ своемъ языкѣ". (Тамъ же, I, 7).

185. *(стр. 442).* У Жуковскаго: „Люди, не слишкомъ строгіе, которые не лишаютъ переводчиковъ смысла и вкуса, могутъ повѣрить моей любви къ Серванту, что я выбросилъ изъ него только то, что̀ не могло быть его достойно въ переводѣ".

186. *(стр. 442).* „Я старался (пишетъ Флоріанъ Геснеру) одѣть Галатею Сервантеса такъ, какъ вы одѣваете вашихъ Хлой: я заставилъ ее пѣть пѣсни, которымъ вы меня научили, я украсилъ ея шляпу цвѣтами, похищенными у вашихъ пастушекъ". Лагарпъ хвалилъ „Галатею" Флоріана. Sainte-Beuve, Causeries du lundi, 2-e éd., III, 185. Ср. также Ticknor, Geschichte der schönen Literatur in Spanien, deutsch herausgegeben von Julius, I, 489.

187. *(стр. 442).* M. J. Chénier, Tableau historique de l'état et des progrès de la littérature française depuis 1789 (Paris, 1835), p. 212.

Русскій переводъ съ этого стараго французскаго перевода вышелъ въ Спб. въ 1769 г. подъ заглавіемъ: „Исторія о славномъ Ламанхскомъ рыцарѣ Донъ-Кишотѣ. Переведена съ французскаго". 2 части. Не кончена. Здѣсь въ стихахъ, хотя неуклюжихъ, переданы вставочныя пѣсни Сервантеса довольно близко къ подлиннику; у Флоріана—Жуковскаго онѣ замѣнены слащавыми романсами Флоріана во вкусѣ сантиментальныхъ идиллій Гесснера (ср. I кн., гл. XI—любовную пѣсню пастуха Антонія).

Сочувствіе Сервантесу у романтиковъ исходило изъ противодѣйствія ложному классицизму и условливалось здравымъ пониманіемъ историческаго значенія Сервантеса и вѣрною эстетическою оцѣнкою его творенія.

Въ 1791 г. напечатано было въ русскомъ переводѣ сокращеніе Донъ-Кихота подъ заглавіемъ: „Неслыханный чудодѣй, или необычайные и удивительнѣйшіе подвиги и приключенія храбраго и знаменитаго странствующаго рыцаря Донъ-Кишота. Сочиненіе славнаго Михайла Серванта Сааведры. Перевелъ Н. О." „Въ Гишпанскомъ оригиналѣ состоитъ она въ шести большихъ томахъ, изъ которыхъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ нѣкто изъ лучшихъ французскихъ писателей собралъ самыя забавнѣйшія, остроумнѣйшія и шутливѣйшія приключенія и составилъ изъ всего сочиненія двѣ части, которыя теперь и предлагаются на нашемъ языкѣ въ пользу и удовольствіе любителей россійскихъ романовъ".

188. *(стр. 443).* См. „Жизнь и сочиненія Серванта" Флоріана. Переведено Жуковскимъ и помѣщено въ его переводѣ Флоріанова Донъ-Кишота, I, 36 — 38.

189. *(стр. 443).* См. выше. Перепечатана въ переводахъ Жуковскаго, V, 33.

190. *(стр. 443).* Переводы Жуковскаго, V, 37—42.

191. *(стр. 443).* Тамъ же, V, 40.

192. *(стр. 443).* Сочиненія Жуковскаго, V, 342. Сравни тамъ же, V, 418.

193. *(стр. 444).* Тамъ же, V, 530.

194. *(стр. 445).* Haym, Die romantische Schule, S. 784 — 788. Шлегель усвоилъ себѣ взглядъ, высказанный Бюргеромъ при переводѣ Гомера: „eine Dolmetschung an Geist, Körper und Bekleidung dem Original so nah als möglich". Ibid., S., 157. Шлегель съ полною строгостью примѣнялъ это требованіе, приводившее къ необходимости „совершенно забыть себя", и къ произведеніямъ новой литературы. Какъ далеко уклоняются переводы Жуковскаго отъ этого правила знаменитыхъ романтиковъ!

195. *(стр. 445).* Въ фразѣ Зейдлица: „множество французскихъ, нѣмецкихъ и англійскихъ *историческихъ сочиненій*" (Жизнь и поэзія Жуковскаго, стр. 22) г. Загаринъ замѣняетъ слова: *историческихъ сочиненій* словомъ: *поэтовъ*.

196. *(стр. 445).* Жизнь и поэзія Жуковскаго, 32—33.

197. *(стр. 445).* Сочиненія Жуковскаго, I, 53, 58, 59, 62, 65, 68, 73, 76.

198. *(стр. 446).* Тамъ же, I, 41, 55, 63, 66, 75, 77, 78.

199. *(стр. 446).* Тамъ же, I, 57.

200. *(стр. 446).* Тамъ же, I, 72, 54, 55, 81.

201. *(стр. 446).* Тамъ же, V, 418—419.

202. *(стр. 446).* [„О значеніи Жуковскаго въ русской жизни и поэзіи", Шевырева, стр. 34.—Рѣчь и отчетъ, произнесенные въ торжественномъ собраніи Имп. Моск. унив. 12 янв. 1853 г.].

203. *(стр. 446).* Сочиненія Жуковскаго, V, 375.

204. *(стр. 447).* Тамъ же, V, 419.

205. *(стр. 447).* Тамъ же, V, стр. 385, 370.

206. *(стр. 447).* Тамъ же, V, 335, 336.

207. *(стр. 447).* Тамъ же, V, 385. Любопытно, что такое же сопоставленіе Лессинга съ Лагарпомъ встрѣчаемъ у пансіонскаго наставника Жуковскаго, Баккаревича. Пріятное и полезное препровожденіе времени, V, 148.

208. *(стр. 447).* См. части X, 158—160, 256; XIV, 168.

209. *(стр. 447).* Въ непріязненномъ и нѣсколько высокомѣрномъ припоминаніи о Жуковскомъ князь И. М. Долгоруковъ говоритъ о немъ: „В. А. Ж—ій, молодой піитъ, заслуживший скоро и *чуть ли не рано* знаменитую славу на Россійскомъ Парнассѣ: я его люблю, но большой пріязнью его похвастаться не могу, потому что мало имѣлъ случая съ нимъ обращаться, и не было между нами свычки, а безъ нея нѣтъ пріязни; я посылалъ къ нему и стишонки, коихъ нѣтъ однако въ печати... Онъ числился канцеляр-,скимъ служителемъ въ Соляной Конторѣ, когда я служилъ въ ней старшимъ членомъ, и былъ подъ моимъ начальствомъ; тамъ я замѣтилъ его дарованія, совѣтовалъ ему ихъ упражнять свободнѣе и исключительнѣе; онъ скоро вышелъ изъ гражданской службы и попалъ въ ученую сферу, въ которой теперь наслаждается громкимъ титломъ лучшаго нашего литератора". Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ, 1872, кн. IV, отд. II, стр. 148.

210. *(стр. 447).* Ковалевскій, Графъ Блудовъ и его время, стр. 19.

211. *(стр. 448).* Тамъ же, стр. 17.

212. *(стр. 448).* Воспоминанія Ф. Ф. Вигеля, II, 46.

213. *(стр. 448).* Сочиненія Жуковскаго, I, 161—162.

214. *(стр. 448).* Тамъ же, VI, 400. Сравни тамъ же, I, 428.

215. *(стр. 449).* Воспоминанія Вигеля, II, 44—46.

216. *(стр. 449).* Сочиненія Жуковскаго, VI, 440.

217. *(стр. 449).* Ковалевскій, Графъ Блудовъ и его время, стр. 9—10.

218. *(стр. 449).* Тамъ же.

219. *(стр. 450).* Сочиненія Жуковскаго, V, 461—463.

220. *(стр. 451).* Тамъ же, I, 34—36.

221. *(стр. 451).* Тамъ же, V, 234—235.

222. *(стр. 451).* Тамъ же, I, 36.

223. *(стр. 451).* Тамъ же, V, 238.

224. *(стр. 451).* Тамъ же, I, 42.

225. *(стр. 451).* Тамъ же, I, стр. 41.

226. *(стр. 451).* Тамъ же, V, 236.

227. *(стр. 451).* „Гимнъ. Подражаніе Томпсону". I, 87. Окончаніе „Гимна" имѣетъ мало общаго съ подлинникомъ; здѣсь лирическая вставка, характеризующая самого Жуковскаго. Ср. I, 41.

228. *(стр. 452).* Was. Andr. Joukoffsky, S. 120. Въ русскомъ переводѣ сокращено.

229. *(стр. 452).* Сочиненія Жуковскаго, V, 307.

230. *(стр. 452).* Тамъ же, VI, 577.

231. *(стр. 452).* Тамъ же, III, 87.

232. *(стр. 452).* Тамъ же, VI, 530.

233. *(стр. 452).* Тамъ же, V, 384—385.

234. *(стр. 452).* Переводы Жуковскаго, V, 63.

235. *(стр. 453).* По выходѣ книги Ветцеля Виландъ писалъ Бёттигеру: „Ich konnte dem Gelüste nicht widerstehen mich ein wenig *lustig über den Menschen zu machen,* dessen mit vieler Pfiffigkeit verbundene naive Dummheit und lächerliche Grossthuerei über allen Begriff geht". Historisches Taschenbuch, Jahrg. X, S. 444. Цитата заимствована изъ Loebell, Die Entwickelung der deutschen Poesie von Klopstock's erstem Auftreten bis zu Goethe's Tode, II, 347.

236. *(стр. 453).* Loebell, II, 347.

237. *(стр. 453).* Сочиненія Жуковскаго, VI, 385. Loebell, II, 169.

238. *(стр. 453).* Loebell, II, 349.

239. *(стр. 453).* Ibidem, S. 349—350.

240. *(стр. 454).* Сочиненія Жуковскаго, VI, 624.

241. *(стр. 454).* Повидимому, г. Загаринъ не отдѣляетъ Энгеля отъ сотрудниковъ „Свѣтскаго Философа". Онъ говоритъ: „Въ своемъ „Свѣтскомъ Философѣ", одно время занимавшемъ и Карамзина, Энгель касается предметовъ искусства и морали". Въ примѣчаніи читаемъ: „Здѣсь (въ переводахъ Карамзина) встрѣчаемъ изъ „Свѣтскаго Философа" слѣдующія статьи: Бель къ Шафтсбюри, Гиласъ и Филоноусъ и Галилеево сновидѣніе". Слѣдовало замѣтить, что статья „Бель къ Шафтсбюри" написана профессоромъ *Эбергардомъ*, „Гиласъ и Филоноусъ" принадлежитъ *Моз. Мендельсону* и только „Галилеево сновидѣніе"— Энгелю. (См. Der Philosoph für die Welt, 1801, I 67, 205, 239). Не упомянулъ г. Загаринъ, что изъ Энгеля Карамзинъ перевелъ „Восторгъ Ласъ-Казаса" (Пантеонъ иностранной словесности, I, 18—41, и Philosoph für die Welt, II, 279 flg.).

242. *(стр. 454).* Вѣстникъ Европы, 1807, № 3 и 4; Der Philosoph f. d. W., II, 97—164.

243. *(стр. 454).* В. Евр., 1808, № 19=„Tobias Witt" въ Philosoph f. d. W., I, 87—98.

244. *(стр. 454).* Вѣстн. Евр., 1809, № 19; „Die Wissenschaften, eine Allegorie nach dem Platon", въ Der Ph. f. d. W., II, 77—94.

245. *(стр. 454).* Вѣстникъ Европы, 1809, № 23; „Zwei Gespräche, den Werth der Kritik betreffend", въ Der Philosoph f. d. W., II, 202—224.

246. *(стр. 454).* Вѣстникъ Европы, 1810, № 22.

247. *(стр. 454).* Тамъ же, 1809 г., № 3; „An Herrn Z***. Von dem moralischen Nutzen der Dichtkunst" въ Der Philosoph f. d. W., II, 49—67.

248. *(стр. 454).* Вѣстникъ Европы, 1808, № 1 (не перепечатанъ въ „Переводахъ"); „Das Weihnachtgeschenk" von Prof. Garve въ Philosoph f. d. W., I, 259.

249. *(стр. 454).* „Путешествіе Жанъ Жака Руссо въ Параклетъ" (В. Евр., 1808, № 2); Письмо Ж. Ж. Руссо? (ibid, № 4); Эдуардъ Жаксонъ, Милли и Жанъ Жакъ Руссо (Переводы, IV, 201, 233).

250. *(стр. 454).* „О назначеніи человѣка" (В. Евр., 1808, № 3).

251. *(стр. 454).* „Не жалкой ли онъ человѣкъ?" (В. Евр., 1808, № 4).

252. *(стр. 454).* Г. Загаринъ не совсѣмъ точно излагаетъ содержаніе „діалоговъ" Энгеля, когда говоритъ: „Для несчастнаго, потерявшаго дорогихъ

близкихъ—любящую жену и дитя—эвдемонизмъ Энгеля указываетъ *исходъ въ утѣшеніи новою подругою"* (стр. 57). Шевро, потерявшій жену и сына, „посреди міра Божія остался съ такимъ сердцемъ, съ какимъ другъ человѣчества обитаетъ въ землѣ, деспотомъ угнетаемой". Но у Шевро остался *другъ* (Мервиль); онъ рѣшается „очистить и исцѣлить его раны". Шевро „недоволенъ Творцомъ своимъ". „Куда и какъ бѣжать отъ Бога?" спрашиваетъ онъ. Мервиль утѣшаетъ своего меланхолическаго друга доказательствомъ, что „смерть есть условіе жизни". Обращаясь къ Шевро, Мервиль говоритъ: „Всякую радость, всякое счастіе, возможныя для ума моего, ты примешь теперь за нарушеніе *любви супружеской и родительской*. И такъ смотри *на одно прошедшее! Нерѣдко горесть бываетъ не горесть, а наслажденіе*... Я потерялъ и давно оплакалъ любезныхъ моему сердцу; *но самое неизгладимое* объ нихъ воспоминаніе не есть ли уже радость?"... „Мервиль почувствовалъ, что лѣкарство, имъ употребленное, не могло быть дѣйствительнымъ; что горестное сердце не силою мыслей, а силою впечатлѣній, не доказательствами, а чувствами исцѣляется, и рѣшился употребить другое вѣрнѣйшее средство для развлеченія своего меланхолическаго друга". Но Мервиль не указываетъ и теперь на утѣшеніе новою подругою. „Мервиль имѣлъ въ предметѣ богатство и *благотворительность* своего друга. Шевро!—говоритъ онъ самъ съ собою—какъ могъ бы ты наслаждаться своимъ великодушіемъ, которое отираетъ слезы такого множества несчастныхъ, когда бы не посредники раздавали твои благотворенія... *Такъ добродушіе и чувствительность моего друга да возвратятъ ему привязанность къ жизни;* онъ долженъ видѣть предметъ своихъ благотвореній, долженъ быть тронутъ имъ до глубины сердца; долженъ почувствовать къ нему любовь,—но первымъ предметомъ его благости пусть будетъ младенецъ, прелестная невинность, чистая, неиспорченная натура, твореніе осиротѣвшее, твореніе, готовое найти въ моемъ другѣ отца нѣжнѣйшаго, преисполненнаго любовію". Мервиль приводитъ къ Шевро сына одного изъ своихъ друзей, убитаго при Мальплакетѣ,—сына, который „можетъ быть слишкомъ скоро потеряетъ и мать свою, изнуренную болѣзнями". Мервилю удается склонить Шевро—сдѣлаться не просто благотворителемъ, но и „другомъ, отечески расположеннымъ" къ ребенку. При первомъ свиданіи съ сиротою Шевро „невольно самъ зарыдалъ съ нимъ вмѣстѣ. Съ сего времени, среди безмолвнаго, взаимнаго изліянія чувствительности, заключился между ними тайный, нѣжный союзъ" *(которому никогда разрушиться не надлежало,*—прибавляетъ отъ себя Жуковскій)... Знакомство съ сыномъ, натурально, произвело и знакомство съ матерью... „Столь же естественно двумъ несчастнымъ, которыхъ сердца наполнены одинакимъ нѣжнымъ воспоминаніемъ о предметахъ, имъ драгоцѣнныхъ, ввѣрить другъ другу свою горесть, наконецъ, соединить и слезы и вздохи"... Ни слова о слѣдствіяхъ! „Читатель, знающій человѣческое сердце, предскажетъ ихъ и не ошибется". Изъ этого изложенія видно, что Жуковскому совсѣмъ не нужно было „прощать Энгелю его эвдемонизмъ" (какъ выражается г. Загаринъ, стр. 58). Въ „Эпимесидѣ" встрѣчаемъ совершенно тождественное содержаніе. Угрюмый Эпимесидъ, „полный страшныхъ мыслей, *хулитель Провидѣнія,* готовъ броситься въ бездну". Его ропотанье останавливаетъ Зевесъ. Эпимесидъ находитъ наслажденіе сначала въ *дружбѣ*, потомъ въ *любви* (какъ и Шевро). Но этого мало: боги открыли ему путь ко *счастію*—въ *благотвореніи.*

Намъ въ мірѣ путь одно мгновенье,
Но можемъ быть равны богамъ. (Сочин. Жук., I, 197).

Человѣка равняетъ богамъ на землѣ—любовь. (Тамъ же, I, 91—92).

253. *(стр. 455).* Извѣстно, что Морицъ написалъ свою книгу „Ueber die bildende Nachahmung des Schönen" подъ вліяніемъ Гёте, съ которымъ часто бесѣдовалъ въ Римѣ объ этомъ предметѣ.

254. *(стр. 456).* W. Dilthey, Schleiermacher's Leben (Berlin, 1870), I, 187.

255. *(стр. 456).* См. Haym, Die romantische Schule.

256. *(стр. 457).* Ibidem, S. 158.

257. *(стр. 457).* Ibidem, S. 59.

258. *(стр. 457).* Ibidem, S. 339.

259. *(стр. 459).* W. Dilthey, Schleiermacher's Leben, S. 188.

260. *(стр. 460).* Koberstein, Grundriss der Geschichte der deutschen National-Litteratur (4-te Ausgabe, Leipzig, 1845), III, 2488—2505.

261. *(стр. 460).* Haym, Die romantische Schule, SS. 810, 826, 849—850.

262. *(стр. 461).* Сочиненія Жуковскаго, V, 255, 254.

263. *(стр. 461).* Тамъ же, 253.

264. *(стр. 461).* Тамъ же, 386.

265. *(стр. 461).* Тамъ же, V, 383.

266. *(стр. 461).* Тамъ же.

267. *(стр. 462).* Московскій Журналъ, VII, 254.

268. *(стр. 462).* Тамъ же, VI, 167.

269. *(стр. 462).* Тамъ же, V, 281.

270. *(стр. 463).* У Жуковскаго: „Красоты, которыя производитъ геній *одаренный сими необыкновенными силами, не могутъ имѣть вліянія на читателя,* если въ душѣ его не будутъ пробуждены ими тѣ же самыя силы" (Переводы, V, 19—20). У Энгеля: „Die Schönheiten, die das Genie *vermittelst dieser Kräfte* (Phantasie, Fictionsvermögen, Witz, empfindliches Herz) hervorbringt, können den Leser nicht beschäftigen, nicht ergötzen und rühren, ohne dass die ähnlichen Kräfte seiner eignen Seele einen vortheilhaften Eindruck dadurch bekämen" (Der Philosoph für die Welt, II, 50—51). „Нѣтъ, оно (удовольствіе, получаемое отъ чтенія стиховъ) имѣетъ вліяніе, и вліяніе полезное. Правда (замѣчу мимоходомъ), въ одной *душѣ* можно гораздо болѣе испортить, нежели въ другой усовершенствовать, или исправить" (тамъ же, стр. 22). „Sie (die Belustigung, die ein Gedicht giebt) hat allemal ihren Einfluss auf's Künftige, und ihren nützlichen Einfluss; nur dass man freilich *auf der einen Seite* mehr verderben kann, als man auf der andern gut gemacht hat" (ib., S. 53). „Онъ наслаждался, какъ немногіе отцы наслаждаются, слѣдуя за нимъ съ одной степени совершенства на другую" (тамъ же, стр. 130). „Und genoss der Wohllust, die gewöhnlichen vornehmen Vätern so fremd ist, dass er selbst den Fortgang seines Kindes von einer Stufe der Vollkommenheit zur andern bemerkte" (ibid., S. 105). „Все, все въ природѣ лежитъ на разрушеніи" (стр. 139). „Alles, alles in der Natur ist nur angelegt auf Verderben" (S. 116). „Каждая пылинка, *лежащая у ногъ моихъ*" (стр. 151); „Jeder Staub, der *vor mir aufliegt*" (S. 131). „Смертныя муки услаждаются *взглядомъ* на лучшую жизнь" (стр. 154). „Sie (die Bitterkeiten des Todes) werden uns durch die Aussichten auf ein besseres Leben versüsst" (S. 135).

271. *(стр. 463).* Сочиненія Жуковскаго, VI, 442.

272. *(стр. 463).* Вѣстникъ Европы, 1808 г., № 4.

273. *(стр. 463).* Московскій Журналъ, I, 194, 202.

274. *(стр. 463).* Сочиненія Жуковскаго, VI, 623.

275. *(стр. 464).* Тамъ же, VI, 621.

276. *(стр. 464).* Тамъ же.

277. *(стр. 464).* Сочиненія Жуковскаго, VI, 623. Ср. тамъ же, VI, 625.

278. *(стр. 464).* Переводы В. Жуковскаго, V, 210—214.

279 *(стр. 464).* Ср. Allgemeine Theorie der schönen Künste, статьи „Lächerlich" и „Satire".

280. *(стр. 464).* Сочиненія Жуковскаго, V, 389, 392.

281. *(стр. 465).* Koberstein, Grundriss, II, 1245—1247.

282. *(стр. 465).* Goethe's Werke, herausg. von Kurtz, XII, 249—251.

283. *(стр. 465).* Сочиненія Жуковскаго, V, 383—385.

284. *(стр. 465).* Вѣстникъ Европы, 1809, № 3.

285. *(стр. 465).* Зейдлицъ, Жизнь и поэзія Жуковскаго, стр. 38.

286. *(стр. 466).* Hettner, Literaturgeschichte des achtzehnten Jahrhunderts (3-te Auflage), I, 442—443.

287. *(стр. 466).* Koberstein, Grundriss, II, 1249.

288. *(стр. 466).* Переводы В. Жуковскаго, V, 15—18.

289. *(стр. 466).* Вѣстникъ Европы, 1811, № 8.

290. *(стр. 466).* Тамъ же, № 9.

291. *(стр. 466).* Почитатель Клопштока, извѣстнаго своими Barditen, Сульцеръ говоритъ, что у древнихъ Германцевъ было особенное сословіе бардовъ, занятіе которыхъ составляло сложеніе пѣсенъ, которыя должны были поддерживать горячія патріотическія чувства (см. подъ словомъ Lied). Сульцеръ ожидаетъ такихъ пѣсенъ, въ его время, отъ благомыслящихъ, по собственному побужденію работающихъ поэтовъ. Длинныя стихотворенія Жуковскаго: „Пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ", „Пѣвецъ на Кремлѣ" находятъ себѣ теоретическое объясненіе въ слѣдующихъ словахъ Сульцера: „Hieraus lässt sich abnehmen, dass die ersten Heldengedichte der Barden *affektvolle Erzählungen einheimischer Heldenthaten* gewesen, die bey öffentlichen Versammlungen mehr *abgesungen*, als bloss erzählt wurden; dass *der Inhalt allemal schon bekannte Thaten gewesen*, die nicht zum historischen Andenken genau erzählt, sondern *zur Erweckung lebhafter Empfindungen und zur Einpflanzung starker Nationalgesinnungen auf das lebhafteste geschildert wurden*. Also kam es dabey weniger auf eine leichte Entwickelung des Fadens der Geschichte, als auf die Wahl der Dinge an, die am stärksten auf die Empfindung wirken". (См. Heldengedicht).

292. *(стр. 466).* Энгель предполагалъ издать полную піитику; но успѣлъ напечатать только первую часть подъ заглавіемъ: „Anfangsgründe einer Theorie der Dichtungsarten" (Berlin, 1783, bei Fr. Nicolai). Можетъ быть, отсюда заимствовалъ Жуковскій опредѣленіе басни: „Цѣль сего разсказа— впечатлѣніе въ умѣ какой-нибудь *нравственной истины*, заимствуемой изъ общежитія и, слѣдовательно, болѣе или менѣе полезной" (Сочиненія Жуковскаго, V, 333). Энгель требуетъ для басни „eine allgemeine Wahrheit" и разъясняетъ потомъ: „Wir sehen, dass wir noch eine Bestimmung vergessen haben, und dass wir nicht bloss sagen müssen: eine allgemeine, sondern

auch eine *moralische* Wahrheit.—Lebensregel braucht zwar die Bemerkung nicht zu seyn; aber doch muss sie die moralische Seite des Menschen treffen, sie muss für ihn lehrreich und *heilsam werden können*". Engels Schriften (Berlin, 1806), XI, 47, 49.

293. *(стр. 466).* Haym, Die romantische Schule, 238.

294. *(стр. 466).* Шевыревъ, О значеніи Жуковскаго въ русской жизни и поэзіи, стр. 73.

295. *(стр. 466).* Сочиненія Жуковскаго, II, 87—96.

296. (*стр. 466*). О стремленіи І. А. Шлегеля закрѣпить романъ въ ряду поэтическихъ произведеній, см. Koberstein, Grundriss, III, 2670—2673.

297. *(стр. 467).* Сочиненія Жуковскаго, V, 251. Не лишено интереса, что слово *романъ* Жуковскій въ своихъ раннихъ переводахъ отождествляетъ съ словами *вздоръ* (V, 44), мечта, безразсудность, ничтожество (V, 45). Здѣсь читаемъ: „Конечно есть Богъ?—*Романъ, романъ*, предразсудокъ младенческій". Въ подлинникѣ: „Aberglaube! Eindrücke von der ersten Erziehung her". Der Philosoph für die Welt, I, 216.

298. *(стр. 467).* Сочиненія Жуковскаго, VI, 624. Цитата приведена мною выше in extenso.

299. *(стр. 467).* Goethe's Werke, XII, 251—252.

300. *(стр. 467).* Сочиненія Жуковскаго, VI, 472.

301. *(стр. 467).* Тамъ же, стр. 473.

302. *(стр. 467).* Eckermann, Gespräche mit Goethe (4 Aufl.), II, 35.

303. *(стр. 468).* Сравните мысли о „сладкихъ чувствахъ любви, которыми земля претворяется въ царство небесное", („Марьина роща", V, 307; „Посланіе къ Нинѣ", I, 92) съ „Письмомъ Ж. Ж. Руссо" въ Переводахъ (IV, 234—238). Въ повѣсти Жанлисъ „Дорсанъ и Люція" (Переводы, II, 165) [проводится] знакомая намъ изъ стихотвореній и прозаическихъ статей Жуковскаго [мысль]: *„Вести спокойную жизнь въ отчизнѣ, въ кругу семейства и милыхъ друзей*—вотъ *счастье* совершенное". Главная мысль повѣсти „Густавъ Обинье" выражается въ заключительномъ стихѣ: „*Въ раскаяньи* одномъ виновныхъ добродѣтель" (Вѣстн. Европы, 1810 г., № 24). Въ „Громобоѣ", который оконченъ въ ноябрѣ того же года (Сочиненія Жуковскаго, VI, 393): „Передъ Небеснымъ Судіей *всесильно покаянье*". (Соч. Жук., I, 155).

304. *(стр. 468).* Напримѣръ, Жуковскій читаетъ у Энгеля: „Sie waren in die Mitte des Gartens gekommen, wo die Anhöhe, auf der das Haus des Merville lag, einen jähen Abschuss in's *Thal* machte" (Der Philosoph f. d. W., II, 113—114). Переводя это мѣсто, Жуковскій вспоминаетъ Мишенскую долину, и подъ его перомъ является *„обширная* долина, *усѣянная* деревьями, *рощами, зелеными холмами"* (Переводы, V, 136). Невольно вспоминаешь:

О рощи, о друзья! когда увижу васъ?
О! кто мнѣ возвратитъ родимыя долины?

Поля, *холмы родные*,
Роднаго неба милый свѣтъ... и т. д.

305. *(стр. 468).* См. письмо къ Тургеневу отъ 7 ноября 1810 г. (Сочиненія, VI, 388—394) и планъ, выработанный Жуковскимъ для *своихъ* занятій.

Этотъ планъ мы относимъ къ 1810 году. Зейдлицъ думаетъ (стр. 30, 39), что это—планъ занятій для *учениць* Жуковскаго. Шевыревъ, обнародовавшій этотъ документъ, утверждаетъ (со словъ А. П. Елагиной), что это планъ для собственныхъ занятій Жуковскаго (стр. 20 и 73). Это подтверждается письмомъ къ Тургеневу (VI, 388).

306. *(стр. 469).* „Румянъ французскихъ штукатура". Сочиненія Жуковскаго, I, 64.

307. *(стр. 469).* Сочиненія Жуковскаго, V, 254.

308. *(стр. 469).* Воспоминанія, III, 135.

309. *(стр. 470).* Полагаемъ, что въ этомъ случаѣ онъ слѣдуетъ г. Алексѣю Веселовскому. См. Западное вліяніе въ новой русской литературѣ, стр. 114—115.

310. *(стр. 470).* См. Wackernagel, Kleinere Schriften (1873), II, 399—427.

311. *(стр. 470).* [Въ рукописи, съ абзаца послѣ 308 ссылки, начаты, но не кончены карандашныя поправки; часть текста зачеркнута. То же самое на страницахъ 472 и 473].

312. *(стр. 470).* Wackernagel, Kleinere Schriften, II, 424—425.

Въ одно мгновенье
Кусокъ одежды за кускомъ
Слетѣлъ съ него, какъ тлѣнье;
И нѣтъ ужъ кожи на костяхъ;
Безглазый черепъ на плечахъ:
Нѣтъ каски, нѣтъ колета:
Она въ рукахъ скелета. (Соч. Жук., II, 464).

Оставленъ безъ перевода послѣдній стихъ строфы, отчасти удержанный въ Людмилѣ: *Mit Stundenglas* und Hippe.

313. *(стр. 471).* Переводы Жуковскаго, I, 247—294. Въ подлинникѣ „Der Verbrecher aus verlorner Ehre. Eine wahre Geschichte".

314. *(стр. 471).* Шевыревъ, О значеніи Жуковскаго, стр. 74.

315. *(стр. 471).* Шиллеръ осуждаетъ, напр., выраженія: Horr, Horr, Horr, Kling, Kling, встрѣчающіяся въ Ленорѣ и „извиняемыя только *поэтическимъ дѣтствомъ* автора".

316. *(стр. 471).* Напечатано въ 1810 году.

317. *(стр. 471).*

Fröhlich seh ich die Gespielen,
Alles um mich lebt und liebt
In der Jugend Lustgefühlen,
Mir nur ist das Herz betrübt.

Зрю надеждѣ ихъ послушныхъ;
Жизнь, любовь передо мной!
Въ чувствахъ юности *воздушныхъ*
Я одна мертва душой. (В. Евр., 1809, № 20, стр. 262).

Очевидно, вмѣсто *Lustgefühlen* Жуковскій прочелъ *Luftgefühlen*. Въ по-

слѣдующихъ изданіяхъ стихотвореній Жуковскаго (начиная съ 1815 г.) эта безсмыслица устранена.

318. *(стр. 472).* Вѣстникъ Европы, 1809, № 17, стр. 31—36. Въ послѣдующихъ изданіяхъ нѣкоторые стихи выкинуты, другіе значительно измѣнены.

319. (*стр. 472*). Жизнь и поэзія Жуковскаго, стр. 32.

320. *(стр. 473).* [У Тихонравова здѣсь замѣчено въ скобкахъ—„въ рукописи пустое мѣсто", т.-е. въ рукописныхъ добавленіяхъ г. Загарина къ его книгѣ].

321. *(стр. 473).* Сынъ Отечества, 1816 г., № XXX, стр. 150—160.

322. *(стр. 474).* Эта баллада Катенина напечатана была почти одновременно въ Вѣстникѣ Европы и въ Сынѣ Отечества 1816 года.

323. *(стр. 474).* Сынъ Отечества, 1816 г., № XXVII, стр. 5.

324. *(стр. 474).* Сочиненія Жуковскаго, I, 428.

325. *(стр. 475).* Сынъ Отеч., 1816, № 27, стр. 9.

326. *(стр. 475).* Тамъ же, стр. 5.

327. *(стр. 475).* М. А. Дмитріевъ, Мелочи изъ запаса моей памяти (М., 1869), стр. 168.

328. *(стр. 475).* Тамъ же, стр. 169.

329. *(стр. 476).* Труды Общества Любит. росс. слов., XI, 66.

330. *(стр. 476).* Тамъ же, стр. 68—69.

331. *(стр. 476).* Увѣряютъ, что Загоскинъ написалъ эту пьесу, чтобы поддѣлаться къ Шаховскому, который былъ тогда „властелиномъ русской сцены". Арапова. Лѣтопись русскаго театра, стр. 244.

332. *(стр. 476).* Комедія Загоскина напечатана была въ 1816 году.

333. *(стр. 477).* Сынъ Отечества, 1816, № XXX, 153.

334. *(стр. 478).* [„О сочиненіяхъ П. А. Катенина", Пушкинъ; изд. Литер. Фонда, V, стр. 192—193].

335. *(стр. 478).* Ср. Сочиненія Пушкина, изд. П. В. Анненкова, V, 634.

336. *(стр. 478).* Сочиненія Пушкина (изд. 3-е, 1881 г.), V, 196 — 197. [Изд. Литер. Фонда, V, 192—193].

337. *(стр. 479).* Донъ-Кихотъ въ пер. Жуковскаго, I, 7. См. выше.

338. *(стр. 479).* А. С. Пушкинъ, Матеріалы для его біографіи и оцѣнки произведеній, стр. 50.—Катенинъ и помирилъ Пушкина съ Шаховскимъ. Тамъ же, стр. 51. [Ссылки даны по второму изданію „Матеріаловъ" Анненкова, 1873 г.].

339. *(стр. 480).* Очень странно, что въ числѣ первенствовавшихъ въ „Бесѣдѣ" г. Загаринъ именно не называетъ Шаховскаго! Въ 1814 г. Дашковъ сообщаетъ кн. Вяземскому, что „стихи Карамзина „Освобожденіе Европы" возжгли духъ ревности въ сердцахъ бесѣдчиковъ, а особливо Шаховскаго... Стихи Ник. Мих. не имѣли счастія понравиться сему грозному Аристарху. За то Шаховскому съ братіей чрезвычайно нравятся псалмопѣнія здѣшнихъ риѳмачей и прозаиковъ". Дашковъ указываетъ здѣсь на позабытое г. Загаринымъ лицо—Воейкова: добрыми батожьями „наказалъ онъ многихъ—къ несчастью не всѣхъ — клеврetовъ Шаховскаго". Русскій Архивъ, 1866, стр. 496. Представивши выше отношеніе Гнѣдича къ балладамъ Жуковскаго, прибавимъ здѣсь, что Гнѣдичъ въ „Разсужденіи о причинахъ, замедляющихъ успѣхи нашей словесности" (1814), жалуется на пренебреженіе въ Россіи классическихъ языковъ. Поэтому распространилась притворная чув-

ствительность и меланхолія—„болѣзни новыхъ стихотворцевъ“ и вмѣстѣ съ ними „развращенная философія и метафизическая поэзія“. Намеки на Жуковскаго и Карамзина ясны въ этой рѣчи. Ср. Письма Карамзина къ Дмитріеву, стр. 078.

340. *(стр. 480).* Жизнь и поэзія Жуковскаго, стр. 40.

341. *(стр. 480).* Schiller's Lyrische Gedichte. Erläutert von H. Düntzer (Leipzig, 1874), IV, S. 215—229.

342. *(стр. 481).* У Жуковскаго: „мирный мракъ минувшихъ дней“.

343. *(стр. 481).* Schiller's Leben.

344. *(стр. 482).* Сочиненія Жуковскаго, I, 103. Ср. въ „Людмилѣ“:

Рай—смиреннымъ воздаянье,
Адъ—бунтующимъ сердцамъ. (Тамъ же, I, 97).

345. *(стр. 482).* См. выше.

346. *(стр. 482).* Въ подлинникѣ: „denn mich flieht der süsse Wahn“.

347. *(стр. 482).* [Разрядкой обозначенъ курсивъ у Жуковскаго].

348. *(стр. 483).* *Сладкая надежда*—одно изъ любимыхъ, обычныхъ выраженій Жуковскаго. Ср. въ „Людмилѣ“: „Ахъ! прости, *надежда - сладость*“. Едва ли справедливо замѣчаніе Грибоѣдова объ этомъ стихѣ: „*Надежда-сладость*.—Опять таки для риѳмы! Одно существительное сливаютъ съ другимъ для того, чтобы придать ему понятіе, которое не заключается въ немъ необходимо. Напр. дѣвица-краса, любовникъ-воинъ; но надежда всегда сладость“. Сынъ Отечества, 1816, № XXX, стр. 157.

349. *(стр. 484).* Вѣстникъ Европы, 1808. № 1, стр. 65—68. Статья не подписана именемъ автора, какъ почти всѣ прозаическія статьи Жуковскаго, помѣщенныя въ Вѣстникѣ Европы, когда онъ самъ былъ редакторомъ этого журнала.

350. *(стр. 484).* Сочиненія Жуковскаго, VI, 612.

351. *(стр. 485).* Читателямъ понятно, о какихъ лугахъ, рощахъ и берегахъ говоритъ здѣсь поэтъ.

352. *(стр. 485).* Ср. „Цвѣтокъ“ (1810 г.):

Отъемлетъ каждый день у насъ
Или *мечту*, иль *наслажденье*,
И каждый разрушаетъ часъ
Драгое сердцу заблужденье.
Смотри: *очарованья* нѣтъ,
Звѣзда надежды угасаетъ. (Соч. Ж., I, 190).

Ср. „Къ Батюшкову“, I, 235.

353. *(стр. 485).* „Къ поэзіи“ (1805 г.), I, стр. 36. Поэта Ивика Жуковскій надѣляетъ „крылатою мечтою“. I, 198 (у Шиллера этого нѣтъ).

354. *(стр. 485).* „Жизнь“ *(видѣніе* во снѣ). Соч. Жук., I, 80—81. Къ тому же году относится стихотвореніе „Къ мимопролетѣвшему знакомому генію“. Вторая строфа:

Не ты ли тотъ, который *жизнь младую*
Такъ сладостно *мечтами усыплялъ*
И въ старину про гостью неземную,
Про милую *надежду* ей шепталъ". (Сочин. Жук., II, 79).

355. *(стр. 485)*. Стихъ Шиллера: „Denn mich flieht der süsse Wahn" переведенъ: „Я одна *мечты* лишенна". Въ „Ленорѣ" Бюргера: „O Mutter, Mutter! Eitler Wahn" переведено у Жуковскаго: „О другъ мой, другъ мой! *Все какъ сонъ*". По толкованію комментатора: „Im „Wahn" befindet sich der, welcher nach dem Scheine urtheilt, in Täuschung befangen ist. Nach Lenorens Ansicht ist es ein „eitler Wahn", dass Alles, was Gott thut, wohlgethan ist. Wähnen steht dem Wissen entgegen. Z. B. Doch nichts vom Wahn! kann solch ein Traum betrügen,—O, so ist Alles Wahn! so kann die Wahrheit lügen!" (Wieland). „War's Wahrheit oder Wahn, was sie beglückt gemacht (Cronegk). Ср. Lüben und Nacke, Einführung in die deutsche Literatur, II, 157. Жаль, что въ изданіи г. Ефремова не возстановлено первоначальное примѣчаніе Жуковскаго къ его переводу „Кассандры", оканчивающееся такъ: „Кассандра имѣла *нещастной даръ предвидѣть будущее*". Вѣстникъ Европы, 1809, № 20, стр. 259.

356. *(стр. 486)*. Сочиненія Жуковскаго, VI, 533.

357. *(стр. 486)*. Тамъ же, стр. 532.

358. *(стр. 486)*. Тамъ же, стр. 530.

359. *(стр. 487)*. Въ подлинникѣ: deiner (т.-е. божественной истины) Wahrheit.

360. *(стр. 488)*. Вѣстникъ Европы, 1808, № 20, стр. 261.

361. *(стр. 488)*. Александру Ивановичу Тургеневу, въ отвѣтъ на его письмо (1813 г.). Сочиненія Жук., I, 284—285.

362. *(стр. 489)*. Сочиненія Жуковскаго, VI, 390.

363. *(стр. 489)*. Въ письмѣ отъ 7 ноября 1810 г. Жуковскій извѣщаетъ Тургенева: „У меня *почти* еще *готова* баллада, которой главное дѣйствующее лицо—дьяволъ". Соч. Жук., VI, 393.

364. *(стр. 489)*. Въ Вѣстникѣ Европы, 1813 г., № 7 и 8 (апрѣль), напечатаны рядомъ: *Пловецъ, Къ моему другу, Желаніе, Къ Филону, Жалоба, Пѣвецъ, Элизіумъ, Пиршество Александра* (стр. 195—208).

365. *(стр. 489)*. Сочиненія Жуковскаго, I, 193.

366. *(стр. 489)*. Тамъ же, I, 209.

367. *(стр. 490)*. Тамъ же, I, 190.

368. *(стр. 490)*. Тамъ же.

369. *(стр. 490)*. Вставка Жуковскаго въ переводъ Шиллерова романса „Желаніе". Соч. Жук., I, 191.

370. *(стр. 490)*. Тамъ же, I, 209.

371. *(стр. 491)*. Тамъ же, стр. 209. Въ письмѣ къ Тургеневу Жуковскій какъ бы повторяетъ заключительныя строфы „Идеаловъ" Шиллера: „Не забудь однако, что этотъ геній *(дѣятельности)* всегда рука въ руку съ геніемъ *дружбы*. Пускай же они будутъ моими ангелами-хранителями". (Сочин. Жук., VI, 390).

372. *(стр. 491)*. Seidlitz, W. A. Joukoffsky, S. 42—43. Въ позднѣйшемъ

русскомъ изданіи книги Зейдлица разсказъ о сватовствѣ Жуковскаго значительно сокращенъ; за то въ русскомъ текстѣ есть важное указаніе, котораго въ нѣмецкомъ не находится; здѣсь разсказъ Зейдлица завершается слѣдующими словами: „Послѣ этой сердечной катастрофы, разстроившей судьбу его (Жуковскаго), *замолкаютъ и радостныя его пѣсни;* съ упованіемъ на будущее, на „очарованное Тамъ", онъ сочиняетъ стихи, которые отмѣчаетъ, неизвѣстно почему, годомъ позже въ своихъ изданіяхъ". Жизнь и поэзія Жуковскаго, стр. 49.

373. *(стр. 492).* W. A. Joukoffsky, S. 42, 236.

374. *(стр. 492).* Жизнь и поэзія Жуковскаго, стр. 48.

375. *(стр. 492).* „Другъ! отчего печаленъ голосъ твой?"

376. *(стр. 492).* Съ приведеннымъ въ примѣчаніи 372 (къ стр. 491) отрывкомъ изъ русскаго изданія біографіи сравните соотвѣтствующее въ нѣмецкомъ: „Nach dieser, sein innerstes Leben erschütternden Katastrophe, spiegelt sich in seinen Gedichten gleich die Trauer seiner Seele ab. So z. B. in einem Briefe an Turgeneff, in dem Bruchstücke „Die Einsamkeit",—„Die Ideale". W. A. Joukoffsky, S. 43.

377. *(стр. 492).* Это письмо, имѣющее необыкновенно важное значеніе въ біографическомъ отношеніи, Жуковскій не отмѣтилъ годомъ. Оно отнесено г. Бартеневымъ къ 1810 году, безъ указанія основаній. Къ этому году оно должно быть пріурочено на основаніи слѣдующихъ данныхъ: 1) что *ни одинъ томъ* изготовлявшагося тогда Жуковскимъ собранія стихотворцевъ (1810—1811) еще *не былъ отпечатанъ,* а эта книга вышла въ 1810—1811 г.; 2) Тургеневъ извѣщается, что „почти готова баллада, которой главное дѣйствующее лицо — дьяволъ"; здѣсь, несомнѣнно, разумѣется „Двѣнадцать спящихъ дѣвъ" (1-я часть), напечатанная въ Вѣстникѣ Европы 1811 года; 3) сообщается объ отказѣ ѣхать въ Петербургъ, „чтобы пользоваться случаемъ нашего министра юстиціи", т.-е. Дмитріева, принявшаго министерство юстиціи въ январѣ 1810 года. Трудно однако сказать, о какомъ „Посланіи" говорится въ этомъ письмѣ Жуковскимъ: „Между тѣмъ мое *Посланіе очень вертится у меня въ головѣ, и я бы давно написалъ его,* если бы не былъ рабомъ моего нѣмецкаго порядка" (стр. 392). Только одному „Посланію" могъ придавать Жуковскій особенное значеніе—„Посланію къ императору Александру I".

378. *(стр. 492).* Въ изданіи „Стихотвореній В. Жуковскаго" 1815—1816 г. (первомъ) „Цвѣтокъ", „Жалоба", „Желаніе" отнесены къ 1811 г., „Мечты"— къ 1812; годъ написанія „Пѣвца" не выставленъ.

379. *(стр. 492).* Русскій Архивъ, 1875 г., кн. III, стр. 348.

380. *(стр. 493).* Опыты въ стихахъ и прозѣ, Константина Батюшкова, II, 134. Въ письмѣ, сопровождающемъ это „посланіе", прибавлено: „Прости, будь здоровъ, счастливъ и *счастливѣе прошлогодняго*" (т.-е. 1811 г.). Русскій Архивъ, 1875 г., кн. 3-я, стр. 348.

381. *(стр. 493).* Сочиненія Жуковскаго, I, 235.

382. *(стр. 493).* Зейдлицъ, Жизнь и поэзія Жуковскаго.

383. *(стр. 493).* На предшествующей страницѣ [129] г. Загаринъ говоритъ: „Эти свидѣтельства, и прозаическое, и поэтическое — какъ нельзя лучше убѣждаютъ насъ, что загорѣвшаяся любовь Жуковскаго въ тѣ годы, когда

онъ занимался обученіемъ племянницъ, *не потухла и во время его московской жизни*".

384. *(стр. 494).* Такое заключеніе выводимъ мы изъ слѣдующихъ словъ г. Загарина: „Стихотвореніе это („Посланіе" къ младшей дочери Протасовой *1814 г.*) писано черезъ два года послѣ того, какъ Жуковскій, не говоря ни слова самой Марьѣ Андреевнѣ, рѣшился просить ея руки у матери". (стр. 140).

385. *(стр. 494).* Г. Ефремовъ принялъ такую хронологію занимающихъ насъ стихотвореній *не на основаніи указаній* Зейдлица въ нѣмецкомъ текстѣ его книги (когда и самое сватовство Жуковскаго Зейдлицъ пріурочивалъ къ одному году съ стихотвореніями), а на основаніи хронологіи пятаго изданія Сочиненій Жуковскаго (I, стр. 500), хотя „Цвѣтокъ", „Жалоба", „Желаніе" отнесены къ 1811 году первыми изданіями, коимъ г. Ефремовъ довѣряетъ болѣе, чѣмъ пятому (стр. 503).

386. *(стр. 494).* Загаринъ также относитъ къ 1810 году (стр. 117) стихотвореніе „Эпимесидъ", не считая нужнымъ провѣрить хронологію, установленную Ефремовымъ на основаніи 5-го изданія, на которое въ этомъ отношеніи нельзя полагаться. Первое изданіе „Стихотвореній В. Жуковскаго" относитъ „Эпимесида" къ *1813 году.*

387. *(стр. 497).* Говорится о брачной жизни.

388. *(стр. 497).* Сочиненія Жуковскаго, II, 133—134.

389. *(стр. 498).* Въ каталогѣ Смирдина переводы романовъ Крамера указаны подъ №№ 8577, 8637, 8752, 8798, 8801, 9144, 9469, 9519; переводы драматическихъ произведеній и романовъ Шписа подъ №№ 7164, 7419, 7476, 8667, 8703, 8734, 8786, 8890, 9022, 9109, 9152, 9279, 9327, 9358, 9365, 9386, 9425, 9430, 9456, 9464, 9489, 9601. Этотъ, далеко не полный перечень уже указываетъ на степень распространенія у насъ романовъ Шписа.

390. *(стр. 498).* Сочиненія Жуковскаго, V, 251.

391. *(стр. 498).* Сочиненія Жуковскаго, VI, 541.

392. *(стр. 498).* Haym, Die romantische Schule, S. 36—38.

393. *(стр. 499).* Въ примѣчаніи къ этому мѣсту сказано: „Лексикографъ Свида это открытіе приписываетъ журавлямъ, *Антипатръ Сидоній*—мщенію Эринній, а Плутархъ—собственной болтливости убійцъ" (стр. 119). Мы готовы признать *Сидоній* за опечатку вм. *Сидонскій.* Но не можемъ согласиться, что г. Загаринъ вѣрно передаетъ смыслъ эпиграммы Антипатра. Послѣдній приписываетъ открытіе убійцъ Ивика—*журавля.мъ:*

> Nicht vergebens erhobst du die flehende Stimme zum Himmel;
> *Durch der Vögel Geschrei* rächten die Götter den Mord.
>
> (По переводу Якобса).

394. *(стр. 499).* Ueber Schiller und den Gang seiner Geistesentwickelung въ Briefwechsel zwischen Schiller und W. von Humboldt (Stuttgart und Tübingen, 1830), S. 20.

395. *(стр. 500).* Briefwechsel zwischen Schiller und Goethe. Письмо Гёте отъ 22 авг. 1797 года.

396. *(стр. 501).* [Этими словами заканчивается въ рукописи листъ 74 (помѣты синимъ карандашемъ); дальше идетъ текстъ, какъ онъ начинается на листѣ, помѣченномъ 85 (красный карандашъ); неизвѣстно, имѣется ли здѣсь пропускъ или это описка въ нумераціи рукописи].

397. *(стр. 503).* [Далѣе въ рукописи идутъ заключительныя строки рецензіи о непризнаніи разобранной книги подходящею подъ условія преміи Жуковскаго].

А. С. ПУШКИНЪ.

Статья эта напечатана въ „Вѣстникѣ Европы“, 1880 г., № 8, стр. 706—729. Ссылки Тихонравова на сочиненія Пушкина сдѣланы по изданію Анненкова; въ прямыхъ скобкахъ поставлены добавленныя редакторомъ ссылки на изданіе Литературнаго Фонда.

Къ сожалѣнію, по недосмотру осталась неисправленною на страницѣ 524 опечатка въ текстѣ журнала или описка Тихонравова: слова Жуковскаго въ Планѣ ученія великаго князя наслѣдника—„Уважай общее мнѣніе“ и пр. ошибочно приписаны Пушкину. Въ исправленномъ видѣ это мѣсто должно было бы представлять приблизительно такой видъ: „Общее мнѣніе Пушкинъ ставилъ необыкновенно высоко. „Уважай общее мнѣніе“, — пишетъ Жуковскій“... и пр. У Пушкина находимъ еще болѣе опредѣленные отзывы о значеніи общественнаго („общаго“) мнѣнія... Такіе отзывы могли бы быть взяты изъ переписки, изъ записокъ, изъ черновыхъ замѣтокъ Пушкина.

Другія статьи Тихонравова о Пушкинѣ см. во 2-й части III-го тома. *Ред.*

1. *(стр. 504).* Рѣчь печатается здѣсь безъ пропусковъ, вызванныхъ при ея произнесеніи краткостью отмѣреннаго на то времени, а такъ, какъ была написана. [Примѣч. ред. Вѣстника Европы].

2. *(стр. 505).* Сочиненія, II, 36. [„Городокъ“, I, 42—43].

3. *(стр. 505).* Тамъ же, II, 505. [„Къ Вельможѣ“, II, 92].

4. *(стр. 505).* Тамъ же, II, 198. [„Бова“, I, 62].

5. *(стр. 514).* Тамъ же, II, 225. [„Mon Portrait“, I, 39—40].

6. *(стр. 514).* Съ особеннымъ сочувствіемъ рисуя личность Ленскаго, Пушкинъ заставляетъ этого героя переживать его собственную исторію:

И міра новый блескъ и шумъ
Обворожили *юный* умъ.
Онъ вѣдалъ трудъ и вдохновенье
И освѣжительный покой,
Къ чему-то жизни молодой
Неизъяснимое влеченье...

Анненковъ, Матеріалы для біографіи Пушкина, изд. 2, стр. 317. [Соч. Пушкина, III, 236].

7. *(стр. 514).* Сочиненія, II, 259. [„Деревня“ (прежнее названіе отрывка „Уединеніе“), I. 205—206].

8. *(стр. 514).* Тамъ же, VII, 103. [„Мнѣніе М. А. Лобанова о духѣ словесности“, V, 303].

9. *(стр. 514).* Тамъ же, II, 299. [„Чаадаеву“, I, 241].

10. *(стр. 515).* Тамъ же, II, 133. [„Мѣсяцъ“, I, 146].

11. *(стр. 515).* Анненковъ, Матеріалы, стр. 92. [Соч. Пушк., VII, 130].

12. *(стр. 515).* Не излишне припомнить здѣсь слова Льюиса въ біографіи Гёте: „Поэтъ можетъ „освободить свою грудь отъ опаснаго матеріала“, изливъ этотъ матеріалъ въ художественное произведеніе; но во всякомъ случаѣ онъ необходимо долженъ предварительно пережить то, что̀ изображаетъ,—долженъ предварительно побѣдить свои страсти, совладать съ тревожащими его мыслями, и только тогда уже можетъ онъ облечь свои страсти и мысли въ классическое выраженіе... Художникъ не рабъ, а господинъ; онъ властвуетъ надъ страстями, а не страсти надъ нимъ. Художественное творчество принимаетъ въ свое святилище великія скорби міра, но само оно не есть скорбь. Моментъ творчества наступаетъ для художника только тогда уже, когда буря миновала, когда тромовыя тучи смѣнились спокойными массами облаковъ, когда уже сквозь облачныя массы проглянуло солнце и озарило ихъ своими лучами. Если Вертеръ, какъ говоритъ Гёте, есть его „исповѣдь“ и, какъ исповѣдь, облегчилъ его душу, то не могъ онъ исповѣдаться прежде, чѣмъ раскаялся, и не могъ раскаяться прежде, чѣмъ пережилъ заблужденіе“.

13. *(стр. 515).* Матеріалы, стр. 88.

14. *(стр. 516).* Тамъ же, стр. 89.

15. *(стр. 516).* Тамъ же, стр. 43.

16. *(стр. 516).* Тамъ же, стр. 217.

17. *(стр. 516).* Вопреки Анненкову „Пушкинъ въ Александровскую эпоху“, стр. 108.

18. *(стр. 516).* Матеріалы. [Соч. Пушк., VII, 278].

19. *(стр. 516).* Сочиненія Пушкина, V, 38. Замѣтка писана *послѣ* 1830 г. [„Критическія Замѣтки“, V, 132].

20. *(стр. 517).* Анненковъ, Матеріалы, стр. 460. [Соч. Пушкина, III, 155].

21. *(стр. 517).* Тамъ же, стр. 138. [Соч. Пушк., III, 85].

22. *(стр. 517).* Тамъ же, стр. 138—139. [Соч. Пушк., III, 85].

23. *(стр. 517).* Сочиненія Пушкина, VI, 102. [„Баратынскій“, V, 156].

24. *(стр. 517).* Анненковъ, Матеріалы, стр. 460. [Соч. Пушк., III, 155].

25. *(стр. 517).* Тамъ же, стр. 131. [Соч. Пушк., III, 82—83].

26. *(стр. 518).* Тамъ же, стр. 53. [Соч. Пушк., III, 35—36].

27. *(стр. 519).* Тамъ же, стр. 173. [Соч. Пушк., II, 168].

28. *(стр. 520).* Тамъ же, стр. 119 — 120. [Письмо Пушкина къ Рылѣеву, Соч. VII, 106].

29. *(стр. 520).* Писано къ издателямъ „Литературныхъ прибавленій къ Русскому Инвалиду“.

30. *(стр. 521).* Анненковъ, Матеріалы, стр. 287. [Соч. Пушк., V, 125].

31. *(стр. 521).* Сочиненія Пушкина, VI, 106. [„О драмѣ“, V, 143—144].

32. *(стр. 522).* Ср. Анненкова, Матеріалы, стр. 286, 95 и др.

33. *(стр. 522).* И какую же? Сцену Пимена съ Отрепьевымъ.

34. *(стр. 522).* Анненковъ, Матеріалы, стр. 139. [Соч. Пушк., III, 85].

М. С. ЩЕПКИНЪ и Н. В. ГОГОЛЬ.

Статья эта напечатана въ журналѣ „Артистъ“, кн. 5 (1890 г., январь), стр. 84—99. Въ концѣ статьи помѣта: „окончаніе слѣдуетъ“, но окончанія этого въ журналѣ не появилось, и въ бумагахъ Тихонравова оно тоже не нашлось. Первоначально Тихонравовъ читалъ эту статью, въ иномъ видѣ, на публичномъ засѣданіи Общества Любителей россійской словесности, въ память столѣтія со дня рожденія Щепкина, 6 ноября 1888 г. Эта первоначальная редакція тоже не сохранилась; Тихонравовъ сталъ передѣлывать и значительно дополнять ее для печати; первая часть передѣланной статьи и была напечатана.—Письма Гоголя къ Щепкину были напечатаны Тихонравовымъ въ Русской Старинѣ 1886 г., № 10, стр. 129—148 („Н. В. Гоголь въ его письмахъ къ М. С. Щепкину“).

Въ „Артистѣ“ къ статьѣ приложены три снимка изъ тетрадей Гоголя (см. ниже примѣчаніе 44 къ стр. 547). Текстъ „Жениховъ“, изъ которыхъ даны выдержки въ этой статьѣ, напечатанъ въ Соч. Гоголя, изд. десятое, томъ VI, Спб., 1896 г.—*Ред.*

1. *(стр. 530).* Русь, 1880 г., № 4, стр. 16. [Русскій Архивъ, 1890 г., № 8, стр. 5].

2. *(стр. 530).* Сочиненія Гоголя, изд. десятое, I, 561. Всѣ ссылки сдѣланы на это изданіе.

3. *(стр. 530).* Ср. письмо Гоголя къ Данилевскому отъ 2 ноября 1831 г., въ изданіи г. Кулиша, Сочиненія и письма Гоголя, V, 139.

4. *(стр. 531).* Русская Старина, 1872 г., февраль, стр. 282—283; Библіотека для Чтенія, 1864, № 2, стр. 7.

5. *(стр. 531).* Записки и письма Щепкина, стр. 126.

6. *(стр. 533).* Сѣверная Пчела, 1831 г., № 79.

7. *(стр. 533).* Записная книга, изъ которой заимствованъ этотъ отрывокъ, принадлежала И. С. Аксакову; послѣ его смерти передана въ Московскій Публичный музей. [Соч. Гоголя, т. VI, „Петербургская сцена въ 1835/6 год., стр. 323—324].

8. *(стр. 533).* Слово „Россія“ пропущено въ наброскѣ.

9. *(стр. 535).* Изъ той же записной книги Гоголя. Ср. также Сочиненія Гоголя, V, 511—514. [VI, стр. 316—319].

10. *(стр. 536).* Драматическій Словарь, М., 1787 г., стр. 144.

11. *(стр. 536).* Тамъ же.

12. *(стр. 537).* Разныя Сочиненія С. Т. Аксакова, М., 1858 г., стр. 228.

13. *(стр. 537).* С. Т. Аксакова, Разныя Сочиненія, 229.

14. *(стр. 537).* Тамъ же, стр. 205.

15. *(стр. 538).* Тамъ же, стр. 264—265. [Дальнѣйшая цитата взята со страницы 176].

16. *(стр. 538).* Сѣверная Пчела, 1832 г., № 143.

17. *(стр. 538).* Записки и письма Щепкина, стр. 177.

18. *(стр. 538).* Первое явленіе перваго дѣйствія этой пьесы напечатано было еще въ Драматическомъ альбомѣ для любителей театра и музыки на 1826 годъ.

19. *(стр. 538).* С. Т. Аксакова, Разныя Сочиненія, стр. 114.

20. *(стр. 539).* По словамъ С. Т. Аксакова, Писаревъ *„переложилъ гладкими и сильными стихами* старинную комедію Шеридана „Школу злословія“ и назвалъ ее „Лукавинъ“ по имени одного изъ дѣйствующихъ лицъ, *характеръ котораго развитъ Писаревымъ гораздо шире и полнѣе, чѣмъ у Шеридана“.* Разныя Сочиненія, стр. 84.

21. *(стр. 539).* Оригиналъ пьесы нѣмецкій: „Onkel Bott“, Lustspiel von Griesheim.

22. *(стр. 539).* Сѣверная Пчела, 1832, № 139.

23. *(стр. 539).* С. Т. Аксакова, Разныя Сочиненія, стр. 228.

24. *(стр. 540),* Тамъ же, стр. 233. Ср. Записки К. А. Полеваго, стр. 141—142.

25. *(стр. 540).* С. Т. Аксаковъ, 232; Полевой, 141.

26. *(стр. 540).* С. Т. Аксаковъ, Разныя Сочиненія, стр. 232.

27. *(стр. 541).* Тамъ же, стр. 117.

28. *(стр. 542).* За сообщеніе мнѣ нѣкоторыхъ неизданныхъ писемъ М. С. Щепкина приношу искреннюю благодарность внуку знаменитаго артиста—В. Н. Щепкину.

29. *(стр. 542).* Сочиненія Гоголя, I, 541.

30. *(стр. 543).* Сочиненія и письма Гоголя, изд. Кулиша, V, 168—169.

31. *(стр. 543).* Сочиненія Гоголя, I, 695—696. Въ печатномъ текстѣ это мѣсто, вѣроятно, по требованію тогдашней цензуры, явилось въ измѣненномъ видѣ: „какъ будто бы вдругъ, среди вихря веселья и закружившейся толпы, запѣлъ кто-нибудь пѣсню похоронную.“

32. *(стр. 543).* Сочиненія Гоголя, V, 625.

33. *(стр. 543).* Курсивомъ напечатаны собственныя слова Гоголя въ письмѣ къ А. С. Данилевскому отъ 14-го февраля 1841 года. Сочиненія и письма Гоголя, V, 430.

34. *(стр. 544).* Сочиненія Гоголя, IV, 220.

35. *(стр. 544).* Русь, 1880 года, № 4, стр. 16. [Русск. Арх., 1890 г., № 8, стр. 8].

36. *(стр. 544).* Такими словами характеризуетъ Гоголь, въ „Авторской исповѣди“, свои первыя поэтическія произведенія.

37. *(стр. 544).* Нѣкоторые разсказы Щепкина напечатаны въ литератур-

ной обработкѣ: таковы „Сорока-воровка“ Герцена (въ Современникѣ, 1848 г., № 2) и „Собачка“ гр. Соллогуба въ альманахѣ „Вчера и сегодня“.

38. *(стр. 545).* См. статью Аѳанасьева „М. С. Щепкинъ и его записки“ въ Библіотекѣ для Чтенія 1864 года, № 2, стр. 8.

39. *(стр. 545).* См. Біографію М. Н. Загоскина въ Разныхъ Сочиненіяхъ С. Т. Аксакова.

40. *(стр. 545).* Русь, 1880 г., № 4, стр. 16. [Русскій Архивъ, 1890 г., № 8, стр. 6—7].

41. *(стр. 545).* Сочиненія и письма Гоголя, V, 174. Въ Русскомъ Архивѣ 1872 г. (стр. 2370) это письмо неправильно отнесено къ 1834 году.

42. *(стр. 546).* Сочиненія и переписка Плетнева, III, 522.

43. *(стр. 547).* Эта записная книга, подаренная Гоголю Тарновскимъ, наполнялась замѣтками и цѣлыми произведеніями поэта въ періодъ времени съ 1831 г. по 1834 г.

44. *(стр. 547).* Точный снимокъ съ приводимыхъ замѣтокъ прилагается [въ „Артистѣ“] послѣ этой страницы, потому въ текстѣ онѣ приводятся безъ соблюденія правописанія автора и безъ употребляемыхъ имъ сокращеній.

45. *(стр. 547).* Сочиненія Гоголя, II, 453—454.

46. *(стр. 548).* Тамъ же, II, 450.

47. *(стр. 548).* [Какъ часто бываетъ у Гоголя, дѣйствующія лица здѣсь въ рукописи не названы; въ изданіи этого текста (Соч. Гоголя, т. VI, стр. 11) Тихонравовъ обозначилъ, что эти слова говоритъ Яичница].

48. *(стр. 549).* Сочиненія и письма Гоголя, V, 174—175.

49. *(стр. 549).* Сочиненія и переписка Плетнева, V, 528.

50. *(стр. 549).* Ср. Театральныя афиши и Антрактъ, 1865 г., января 7. Та же статья въ исправленномъ и дополненномъ видѣ напечатана (подъ заглавіемъ: „Комедія Гоголя—Владиміръ 3-й степени“) въ Бесѣдахъ Общества Любителей россійской словесности, вып. III. Доказательства принадлежности „Тяжбы“, „Лакейской“ и „Утра дѣловаго человѣка“ къ составу неконченной комедіи см. въ примѣчаніяхъ къ этимъ произведеніямъ, въ Сочиненіяхъ Гоголя, изд. 10-ое.

51. *(стр. 549).* Кн. Одоевскій замѣтилъ, что запросъ Пушкина „относится къ *Ревизору*“. Но въ это время Гоголь и не думалъ писать „Ревизора“. Не можемъ также согласиться и съ тѣмъ толкованіемъ слова „закорючка“, которое предложено кн. Одоевскимъ. Русскій Архивъ, 1864 г., стр. 820.

52. *(стр. 550).* Этотъ годъ указанъ Гоголемъ въ первомъ изданіи его сочиненій.

53. *(стр. 551).* Вмѣсто прежняго: Марѳа. Въ первоначальныхъ наброскахъ Гоголя имена дѣйствующихъ лицъ почти всегда не установлены твердо.

54. *(стр. 552).* Начиная съ этого мѣста, фамиліи дѣйствующихъ лицъ не обозначены въ рукописи.

55. *(стр. 553).* Наброски этой редакціи сохранились въ записной книгѣ Гоголя 1834—1835 г., нынѣ принадлежащей Московскому Публичному музею. Нѣкоторые листы разорваны, уцѣлѣли въ корешкѣ однѣ половины.

56. *(стр. 554).* Слово не дописано.

57. *(стр. 554).* Сочиненія Пушкина (изд. Литер. Фонда), V, 207.

58. *(стр. 554).* Сочиненія и письма Гоголя, V, 223.

59. *(стр. 555).* Русь, 1880 г., № 4, стр. 17. [Русскій Архивъ, 1890 г., № 8,

стр. 9]. С. Т. Аксаковъ ошибочно относитъ этотъ пріѣздъ Гоголя въ Москву къ 1834 году. Это было въ 1835 году. Самъ С. Т. замѣчаетъ, что Гоголь пріѣхалъ въ Москву послѣ выхода въ свѣтъ „Миргорода“ и „Арабесковъ“, которые появились въ концѣ 1834 г.

60. *(стр. 555)*. Собственноручная рукопись этой обработки „Жениховъ“ поступила изъ бумагъ А. А. Иванова въ Императорскую Публичную библіотеку. — Имя невѣсты не установлено; на другихъ страницахъ она названа Агаѳьею Петровною.

61. *(стр. 556)*. Русь, 1880 г., № 4, стр. 17. [Русскій Архивъ, 1890 г., № 8, стр. 9].

62. *(стр. 557)*. Русскій Архивъ, 1880 г., II, 514.

63. *(стр. 557)*. Русское Слово, 1859 г., № 1, стр. 106.

64. *(стр. 557)*. Русскій Архивъ, 1880, II, 514.

65. *(стр. 557)*. Сочиненія и письма Гоголя, V, 254.

66. *(стр. 558)*. Т.-е. за границу.

67. *(стр. 558)*. Записки и письма Щепкина, стр. 183.

68. *(стр. 558)*. Тамъ же, стр. 184.

69. *(стр. 558)*. Тамъ же, стр. 185.

70. *(стр. 559)*. Тамъ же, стр. 186.

71. *(стр. 559)*. Москвитянинъ, 1841 г., ч. I, № 2, смѣсь, стр. 616.

72. *(стр. 559)*. Сочиненія и письма Гоголя, V, 501—502.

ПЕРВОЕ ПРЕДСТАВЛЕНІЕ „РЕВИЗОРА“ НА МОСКОВСКОЙ СЦЕНѢ.

Статья напечатана въ „Русской Мысли“, 1886 г., № 5, стр. 84 — 105. Въ этомъ же году — по случаю чествованія памяти Гоголя — Тихонравовъ издалъ первоначальный сценическій текстъ „Ревизора“; во введеніи къ этому изданію помѣщенъ „Очеркъ исторіи текста комедіи Ревизоръ“, перепечатанный въ VI томѣ десятаго Собранія сочиненій Гоголя, Спб., 1896 года, стр. 587.

Другія статьи Тихонравова о Гоголѣ см. во 2-й части III-го тома. *Ред.*

1. *(стр. 560).* Сообщено И. Ѳ. Горбуновымъ. Ср. Русь, 1880 г., № 4, стр. 17.

2. *(стр. 560).* Въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ 1836 г. (воскресенье, 19 апрѣля), № 86, стр. 370, подъ рубрикой „Зрѣлища“ напечатано было: „Сегодня, 19-го апрѣля, на Александринскомъ театрѣ въ первый разъ *Ревизоръ*, оригинальная комедія въ пяти дѣйствіяхъ; *Сватъ Гавриловичъ или сговоръ на яму*, картина русскаго народнаго быта“. Любопытно, что въ этомъ объявленіи не названа даже фамилія *Гоголя*. Достойно также замѣчанія, что *„театральный разъѣздъ* послѣ представленія *новой комедіи“* открывается въ то время, какъ долженъ былъ начаться незначительный водевиль. Зрители стали разъѣзжаться. „Бѣжитъ офицеръ, другой удерживаетъ его за руку. *Первый офицеръ.* Да останемся! — *Друг. оф.* Нѣтъ, братъ, на водевиль и калачомъ не заманишь“, и т. д. Итакъ, даже эта незначительная черта въ „Разъѣздѣ“ вѣрна дѣйствительности.

3. *(стр. 560).* Записки и письма М. С. Щепкина, стр. 179—181.

4. *(стр. 561).* Сочиненія и письма Гоголя, V, 252.

5. *(стр. 561).* Ср. въ Сочиненіяхъ и письмахъ Гоголя письмо отъ 21 февраля, въ которомъ, однако, нѣтъ имени Щепкина.

6. *(стр. 561).* Сочиненія и письма Гоголя, V, 254.

7. *(стр. 562).* Тамъ же, V. 255.

8. *(стр. 562).* Тамъ же, V, 256 и 257.

9. *(стр. 563).* Русь, 1880 г., № 4, стр. 17. [Русскій Архивъ, 1890 г., № 8, стр. 11].

10. *(стр. 563).* Это видно изъ слѣдующихъ словъ самого Гоголя въ письмѣ къ Щепкину: „Я получилъ письмо отъ Серг. Тим. Аксакова *тремя днями* послѣ того, какъ я писалъ къ вамъ со вложеніемъ письма къ Загоскину". Соч. Гоголя, V, 259.

11. *(стр. 563).* Тамъ же. Сочиненія и письма Гоголя, V, 258. С. Т. Аксаковъ замѣчаетъ: „Какъ это странно, что письмо такое простое, искреннее, не понравилось всѣмъ и даже мнѣ!" Русь, 1880 г., № 4, стр. 17. [Русскій Архивъ, 1890 г., № 8, стр. 12].

12. *(стр. 563).* Сочиненія и письма Гоголя, V, 259—260.

13. *(стр. 563).* Собственное свидѣтельство Сергѣя Тимоѳеевича. Русь, l. c., стр. 18. [Русскій Архивъ, 1890 г., № 8, стр. 13].

14. *(стр. 563)* Сѣверная Пчела, 1836 г., № 169, стр. 673.

15. *(стр. 564).* Эта публикація повторена была въ №№ 39, 40 и 41 Московскихъ Вѣдомостей.

16. *(стр. 564).* Молва, т. XI, стр. 250 и 251.

17. *(стр. 564).* Московскія Вѣдомости, 1836 г., № 41, стр. 1235. *Ревизоръ*, ком. въ 6 (sic) дѣйствіяхъ, соч. И. (sic) Гогеля (sic).

18. *(стр. 564).* Свидѣтельство С. Т. Аксакова. Русь, 1880 г., № 4, стр. 17. [Русскій Архивъ, 1890, № 8, стр. 11].

19. *(стр. 564).* Молва, 1836 г., т. XI, стр. 254.

20 *(стр. 565).* Тамъ же, стр. 255.

21. *(стр. 565).* Неизданное письмо Щепкина къ Гоголю. [Русская Старина, 1886 г., № 10].

22. *(стр. 565).* Московскій Наблюдатель, 1836 г., май, книжка первая, стр. 131.

23. *(стр. 565).* Молва, стр. 261.

24. *(стр. 565).* Тамъ же, стр. 252.

25. *(стр. 565).* Записки и письма Щепкина, стр. 181 и 182.

26. *(стр. 566).* Тамъ же, стр. 182 и 183.

27. *(стр. 566).* Молва, стр. 260.

28. *(стр. 566).* Тамъ же.

29. *(стр. 566).* Театральные старожилы сообщаютъ, что Петръ Степановъ очень любилъ копировать съ натуры, за что нерѣдко журилъ его режиссеръ Богдановъ.

30. *(стр. 566).* См. мою статью: „Очеркъ исторіи текста комедіи Гоголя Ревизоръ", въ изданіи „Ревизора" по первоначальному сценическому тексту, стр. XLI. [VI томъ Соч. Гоголя, стр. 618].

31. *(стр. 567).* Молва, стр. 262 и 263.

32. *(стр. 567).* Курсивъ въ подлинникѣ.

33. *(стр. 568).* Московскій Наблюдатель, май, книжка первая, стр. 130 и 131.

34. *(стр. 568).* Записки и письма М. С. Щепкина, стр. 182.

35. *(стр. 568).* Тамъ же.

36. *(стр. 568).* Молва, стр. 256. Не безынтересно сравнить съ этимъ мѣстомъ заключительный монологъ автора въ „Театральномъ разъѣздѣ": „Какая пестрая куча толковъ! Счастье комику, который родился среди націи, гдѣ общество еще не слилось въ одну недвижимую массу, гдѣ оно не облеклось одною корой стараго предразсудка, *заключающаго мысли всѣхъ въ одну и ту же форму и мѣрку*", и т. д.

37. *(стр. 569).* Это же выраженіе употребляетъ и Щепкинъ въ своемъ письмѣ.

38. *(стр. 570).* Курсивъ въ подлинникѣ.

39. *(стр. 570).* Курсивъ въ подлинникѣ.

40. *(стр. 570).* Курсивъ въ подлинникѣ.

41. *(стр. 571).* Молва, стр. 256—259.

42. *(стр. 571).* Анненковъ, Воспоминанія и критическіе очерки, I, стр. 193.

43. *(стр. 571).* Молва, стр. 261.

44. *(стр. 572).* См. мое изданіе „Ревизоръ, первоначальный сценическій текстъ, извлеченный изъ рукописей", стр. XLIV. [Соч. Гоголя, изданіе десятое, т. VI, стр. 249].

45. *(стр. 572).* Молва, ч. XI, стр. 209—211.

46. *(стр. 573).* Русская Старина, 1875 г., № IX, стр. 126.

47. *(стр. 573).* Молва, ч. XI, стр. 254.

48. *(стр. 573).* Библіотека для Чтенія, 1836 г., т. XVI, отд. V, стр. 42.

49. *(стр. 573).* Тамъ же, стр. 43.

50. *(стр. 574).* Сѣверная Пчела, 1836 г., 1 мая, № 98, стр. 389.

51. *(стр. 574).* Молва, стр. 251—252.

52. *(стр. 575).* Въ отзывѣ о Ревизорѣ Библ. для Чтенія читаемъ: „Его (Гоголя) личное самолюбіе поможетъ ему воспользоваться благонамѣренными замѣчаніями тѣхъ, которые ничего столько не желаютъ, какъ полнаго развитія его таланта, не довѣрять умышленнымъ панегирикамъ" и т. д. (Библ. для Чтенія, томъ XVI, отд. V, стр. 31). Ср. Сѣверная Пчела, № 98, стр. 392).

53. *(стр. 575).* Молва, стр. 252—253.

54. *(стр. 575).* Эта спекуляція снята была со сцены послѣ нѣсколькихъ представленій; ее ошикали. Но любопытна оцѣнка этой пьесы петербургскою дирекціей. Въ Ресконтро записано: „1836 г. іюня 19 чиновнику Толбинскому за піесу „Настоящій Ревизоръ" 800 рублей". Сообщено И. Ѳ. Горбуновымъ.

55. *(стр. 575).* Сѣверная Пчела, 1836 г., 29 іюля, № 171, стр. 681.

56. *(стр. 576).* Молва, стр. 260.

57. *(стр. 576).* Тамъ же, стр. 252.

58. *(стр. 576).* Тамъ же, стр. 260.

59. *(стр. 577).* Этотъ разборъ перепечатанъ въ сочиненіяхъ Бѣлинскаго, I, стр. 526—535.

60. *(стр. 579).* Молва, стр. 253—255.

61. *(стр. 579).* Сочиненія Бѣлинскаго, II, 273.

62. *(стр. 579).* Сѣверная Пчела, 1836 г., № 169, стр. 673.

63. *(стр. 580).* Сочиненія Бѣлинскаго, II, 39 и 40.

64. *(стр. 580).* Сѣверная Пчела, 1836 г., № 169, стр. 673.

65. *(стр. 580).* Къ этой пошлой выходкѣ подало поводъ слѣдующее мѣсто въ статьѣ Бѣлинскаго „Объ игрѣ Каратыгина": „Гдѣ нѣтъ истины, природы, естественности, тамъ нѣтъ для меня очарованія. Я видѣлъ г. Каратыгина нѣсколько разъ и не вынесъ изъ театра ни одного сильнаго движенія; въ его игрѣ все такъ удивительно, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ поддѣльно, придуманно, изысканно... У него есть талантъ ходить, говорить, разсчитывать

эффекты, понимать, гдѣ и что надо дѣлать, но не увлекать души зрителей собственнымъ увлеченіемъ, не поражать ихъ чувства собственнымъ чувствомъ... О, нѣтъ, давайте мнѣ актера-плебея, но плебея Марія, не выглаженнаго лоскомъ паркетности, а энергическаго и глубокаго въ своемъ чувствѣ. Пусть подергиваетъ онъ себя плечами и хлопаетъ себя по бедрамъ; это дерганье и хлопанье пóшло и отвратительно, когда дѣлается отъ незнанія, чтò надо дѣлать; но когда оно бываетъ предвѣстникомъ бури, готовой разразиться, то что мнѣ вашъ актеръ-аристократъ!" Сочиненія Бѣлинскаго, I, 521 и 522.

66. *(стр. 580).* Сѣверная Пчела, 1836 г., № 169, стр. 673.

67. *(стр. 580).* Сочиненія Бѣлинскаго, II, 273.

68. *(стр. 581).* Эта повѣсть принадлежитъ И. И. Панаеву. Ср. его Литературныя воспоминанія, стр. 48.

69. *(стр. 581).* Сочиненія Бѣлинскаго, II, 271 и 272.

70. *(стр. 581).* Сѣверная Пчела, № 169, стр. 673 и 674.

71. *(стр. 581).* „Не вѣрите? Бога ради прочтите!"—прибавляетъ къ этому пункту довольный своею изобрѣтательностью совѣтникъ.

72. *(стр. 582).* Вотъ мѣсто Молвы, которое извращаетъ здѣсь авторъ: „Представленію предшествовала на хвостѣ афиши обыкновенная повѣстка или фраза, т.-е. „въ непродолжительномъ времени" и т. д. Эта фраза потеряла все свое достоинство съ тѣхъ поръ, какъ надоѣла московской публикѣ, повторяясь равно передъ „Паномъ Твардовскимъ"... „Судите же милостиво, могла ли подобная фраза обратить чье-нибудь вниманіе?" (стр. 253 и 254).

73. *(стр. 582).* Сѣверная Пчела, № 169, стр. 675.

74. *(стр. 582).* Сочиненія Бѣлинскаго, II, 274.

75. *(стр. 583).* Тамъ же, II, 593 и 594.

И. С. ТУРГЕНЕВЪ ВЪ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ
1833 — 1834 гг.

Статья эта была прочитана авторомъ въ публичномъ засѣданіи Общества Любителей россійской словесности 31 октября 1893 г., менѣе чѣмъ за мѣсяцъ до смерти. Это было послѣднее публичное чтеніе Тихонравова. Тихонравовъ началъ отдѣлывать эту статью для печати, но не успѣлъ кончить работы. Статья была напечатана въ „Вѣстникѣ Европы", 1894 г., № 2, стр. 708—724, по черновой рукописи. Въ бумагахъ Тихонравова, кромѣ этой рукописи, сохранилось еще нѣсколько набросковъ для той же статьи. Среди нихъ находится листокъ, на которомъ набросанъ карандашемъ текстъ застольнаго привѣтствія, сказаннаго Тихонравовымъ Тургеневу во время пріѣзда послѣдняго въ Москву, зимой 1878 г.; привѣтствіе это, очевидно, служило отвѣтомъ на слова Тургенева въ честь Московскаго университета. Вотъ это привѣтствіе:

„Иванъ Сергѣевичъ! Вашъ настоящій пріѣздъ въ Москву вскрылъ для многихъ истинное настроеніе, настоящія стремленія нашей молодежи, всѣми судимой, немногими наблюдаемой и многими непонимаемой. Говорятъ, что это какая-то грубая сила, которая не имѣетъ прошедшаго, и у которой отрѣзано будущее. Тотъ горячій пріемъ, которымъ встрѣтила Васъ наша молодежь, показываетъ, что у ней есть преданія, которыми она дорожитъ, есть идеалы, къ осуществленію которыхъ она стремится. Да! она умѣетъ цѣнить представителей этихъ лучшихъ преданій, дорожитъ людьми, которые ведутъ ее къ осуществленію ея идеальныхъ стремленій. Вотъ почему съ такимъ восторгомъ встрѣтила она Васъ, своего знакомаго руководителя, своего любимаго профессора, хотя и не сидѣвшаго никогда на каѳедрѣ. Вы произнесли сейчасъ два дорогія для Московскаго университета имени. Позвольте, милостивые государи, прибавить къ нимъ третье дорогое для него имя — И. С. Тургенева, который въ 1833 г. былъ студентомъ Московскаго университета. Позвольте просить Васъ еще разъ поднять бокалъ, провозгласить здоровье писателя, котораго можно характеризовать его собственными словами, къ которому вполнѣ справедливо примѣнить слова, сказанныя имъ о Грановскомъ: онъ сѣялъ свои сѣмена днемъ при свѣтѣ солнца, и когда они взошли и принесутъ плоды, въ нихъ не будетъ ничего горькаго"...

Текстъ статьи о Тургеневѣ перепечатанъ въ настоящемъ изданіи изъ „Вѣстника Европы". *Ред.*

1. *(стр. 586).* Сборникъ распоряженій по вѣдомству народн. просвѣщенія, I, 857.

2. *(стр. 586).* Сборн. пост., II отд., стр. 81—82.

3. *(стр. 586).* Вороновъ, Историческо-статистич. обозрѣніе учебныхъ заведеній С.-Пет. учебн. округа съ 1829 по 1853 годъ, II, 114.

4. *(стр. 587).* Сб. расп., I, 857.

5. *(стр. 587).* Сборн. постан., II, 473; ср. Отчетъ по минист. просвѣщ. за 1834 годъ.

6. *(стр. 587).* Кананов, 19; Журн. мин. нар. просв., 1845 г., 99.

7. *(стр. 587).* Кананов, 21, Зинов. 34.

8. *(стр. 588).* Въ казенныхъ гимназіяхъ обученіе новымъ языкамъ начиналось съ 4 класса.

9. *(стр. 589).* I, 16.

10. *(стр. 590).* Н. В. Станкевичъ, Переписка его и біографія, напис. П. В. Анненковымъ. М., 1858 (Переписка), стр. 131, 153.

11. *(стр. 590).* Соч. Бѣлинскаго, т. III, стр. 547.

12. *(стр. 592).* Сборн. пост., II, 366—367.

13. *(стр. 594).* Русская Старина, 1880 г., апрѣль, стр. 735.

14. *(стр. 594).* Станкевичъ, Анненкова (Переписка), стр. 175.

15. *(стр. 595).* Очень характерно для того времени, что въ словесномъ отдѣленіи (въ 1834 г.) вновь введено было преподаваніе исторіи словесности новѣйшихъ современныхъ народовъ (на высшихъ курсахъ).

16. *(стр. 597).* Вѣстн. Европы, 1884, ноябрь, 103.

17. *(стр. 598).* Станкевичъ, стр. 105.

18. *(стр. 598).* Станкевичъ (Біографія), стр. 75.

19. *(стр. 599).* Станкевичъ (Переписка), стр. 4.

20. *(стр. 599).* Обозр., стр. 5.

21. *(стр. 601).* Станк. (Переписка), стр. 93.

22. *(стр. 601).* Соч., т. III, стр. 547.

23. *(стр. 601).* Станк., стр., 32, 33.

24. *(стр. 601).* Станк., стр. 90.

25. *(стр. 601).* Н. В. Станкевичъ (Стихотворенія и пр., М., 1890), стр. 41.

26. *(стр. 601).* Анненковъ, Станк. (Переписка), стр. 49.

27. *(стр. 602).* Русск. Старина, 1883, ноябрь, 417.

28. *(стр. 602).* Русск. Старина, 1880, апрѣль, 734.

29. *(стр. 602).* Анненковъ, Станкевичъ, 140.